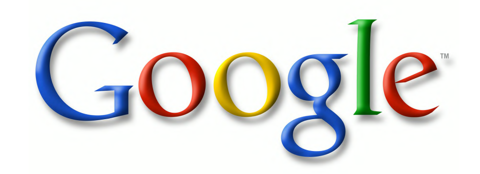
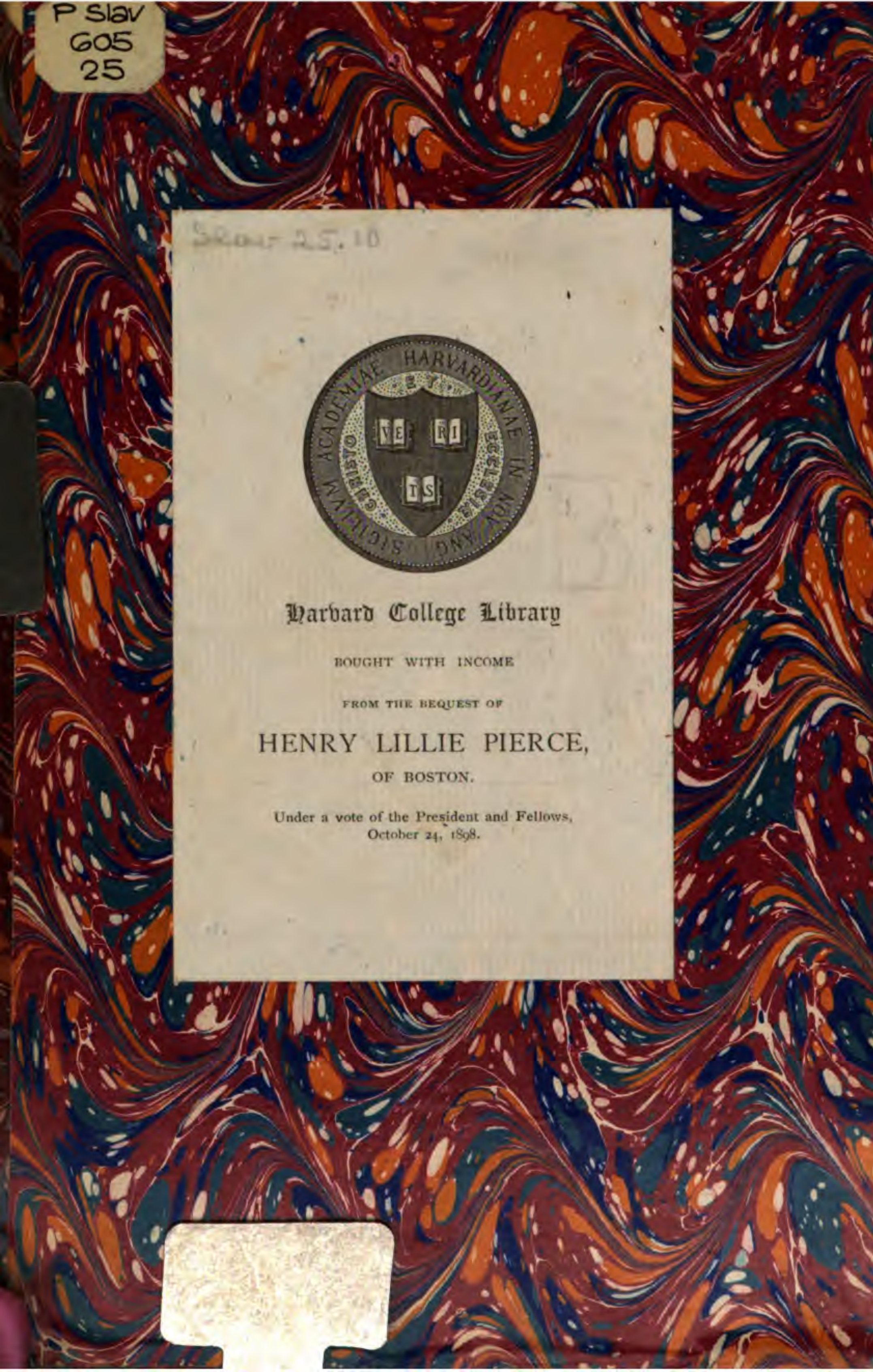

P Slav
605
25
Slav 25.10
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE
RI
TAS
SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. АПРѢЛЬ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ князя Юрія Николаевича Голицына. Гравир. К. Адтъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.
1897.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1897 г.

Библіографическій листокъ.

Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. V. Письма царя Алексѣя Михаиловича. Изданіе Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва. 1896 г.

Въ настоящій выпускъ вошло 69 писемъ царя Алексѣя Михайловича за время съ 1654 по 70-е годы XVII вѣка; 65 изъ этихъ писемъ писаны царемъ въ бытность его въ „польскомъ" и „ливонскомъ" походахъ въ 1654—56 гг., когда онъ уѣзжалъ изъ Москвы къ своимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ на западной границѣ; остальныя четыре были писаны царемъ въ 1660, 1670 и 1674—75 гг. изъ Троице-Сергіева, Саввина Звенигородскаго монастыря и подмосковнаго села Семеновскаго. Въ концѣ книги приложены двѣ таблицы фототипическихъ снимковъ, на которыхъ, кромѣ особаго знака, какой находится въ концѣ многихъ его писемъ, и печатей царя Алексѣя Михайловича, помѣщены: на первой таблицѣ часть письма (въ уменьшенномъ размѣрѣ), писаннаго дьякомъ, съ собственноручной припиской царя, а на второй—часть письма, которое все было писано самимъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Сборникъ разсматриваемыхъ нами писемъ составленъ и напечатанъ подъ наблюденіемъ правителя дѣлъ коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договорокъ, С. А. Бѣлокурова.

Всѣ эти письма, проникнутыя глубокою религіозностью, кромѣ весьма существеннаго историческаго значенія, очень важны еще и тѣмъ, что въ нихъ отражаются характеръ, душевное настроеніе, необыкновенная привязанность къ семьѣ, роднымъ и весь умственный и нравственный складъ царя Алексѣя Михайловича.

Начало всѣхъ этихъ писемъ почти одинаково и заключаетъ въ себѣ обращеніе къ членамъ царской семьи. Такъ первое письмо изъ Можайска отъ 26-го мая 1654 года начинается слѣдующимъ образомъ: „Г(о)*с*(у)д(а)рынѣ [1]) мое*й* матушкѣ благовѣрно*й* ц(а)ревнѣ и великой княжнѣ Иринѣ Михаиловне и го(су)д(а)рын*ям* мои*м* сестра*м*—ц(а)ревнѣ и великой княжнѣ Аннѣ Михаиловнѣ и великой княжнѣ Татиане Миха*и*ловне. Раду*й*тесе и веселитеся и упова*й*те крѣпко на Господа! То*й* да соблюдетъ, То*й* да укрѣпитъ васъ в молитвѣ и в постѣ, То*й* да сподобитъ васъ, свѣтовъ свои*х*, намъ видить в радость. Братъ вашъ ц(а)рь Алексѣ*й* чело*м* бьетъ".

[1]) Выдержки изъ писемъ приведены дословно съ сохраненіемъ орѳографіи и пунктуаціи оригинала. Буквы, помѣщенныя подъ титлами, заключены въ скобки, а буквы, написанныя надъ строкой, напечатаны курсивомъ.

Со втораго письма царь, въ обращеніяхъ своихъ, начинаетъ упоминать и о женѣ и о дѣтяхъ своихъ. Такъ въ письмѣ изъ-подъ Смоленска отъ 23-го августа 1654 г., онъ пишетъ: „... о Бозѣ радоватися!... в женою нашею ц(а)р(и)цею Мариею и *з* де*т*ми н(а)ш(и)ми...".

Изъ первыхъ писемъ 1655 года можно заключить, что въ отношеніяхъ сестеръ-царевенъ къ царицѣ произошло что-то неладное. Въ письмѣ изъ Вязьмы отъ 17-го марта 1655 г. царь, между прочимъ, говоритъ: „... Да для Христа не покиньте жены і детей моихъ и живите в совѣте; не опечальте меня до конъца". Въ этомъ же письмѣ въ первый разъ упоминается и о патріархѣ Никонѣ. Послѣ обращенія къ сестрамъ царь пишетъ: „...А мы м(и)л(*о*)стию Б(о)жиею і о*т*ца н(а)ш(е)го великого г(о)с(у)д(а)ря св(*я*)тѣйшаго Никона па*т*риа*р*ха московскаго, всея великия і малыя Росиі м(о)л(*я*)твами пришли в Вязму ма*р*та..." Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что со второй половины 1655 года царь начинаетъ называть Никона патріархомъ московскимъ „всеа великия і малыя і *бѣлыя* [1]) Росиі".

Особеннымъ интересомъ отличаются письма, писанныя Алексѣемъ Михайловичемъ во время походовъ. Въ нихъ онъ послѣдовательно и обстоятельно разсказываетъ о движеніи войскъ, ходѣ военныхъ дѣйствій, о затрудненіяхъ въ пути, военныхъ трофеяхъ и т. п. Такъ въ 17-мъ письмѣ изъ села Кубенскаго, отъ 13-го марта 1655 года, царь между прочимъ, сообщаетъ: „...А дорога такова худ*а*, како*й* мы о*т* роду не видали: просовы великіе і выбои такие великие *ж*, без пѣши*х* обережаты*х* никоими мѣрами ѣхать не*л*зя". Въ письмѣ изъ-подъ Шклова, отъ 26-го іюня 1655 г., онъ слѣдующимъ образомъ извѣщаетъ о взятіи Велижа: „...стоя*л* по*д* городо*м* Велиже*м*... польскихъ і лито*в*скихъ люде*й* поби*л*і і языковъ многихъ поимали, а горо*д* Вели*ж* нам, великому г(о)с(у)д(а)рю, доби*л* чело*м*, и воевода Матвѣ*й* Шереметевъ въ городъ вошо*л*". При этомъ нелишнимъ будетъ замѣтить, что, сообщая объ одержанныхъ побѣдахъ и своихъ боевыхъ успѣхахъ, царь Алексѣй Михайловичъ обыкновенно приписываетъ ихъ милости Божіей, молитвамъ патріарха Никона и счастію своему и сына своего царевича Алексѣя; при чемъ всегда въ этихъ случаяхъ именуетъ себя великимъ государемъ и великимъ княземъ всея великія и малыя Россіи самодержцемъ (письма 37, 41 и др.).

Въ письмѣ изъ села Крупки, отъ 8-го іюля 1655 г., сообщивъ о побѣдѣ, одержанной 6-го числа того мѣсяца воеводою Б. М. Хитрово близъ Минска, царь присовокупляетъ: „...литовскихъ люде*й* гна*л*і до Менска і мно-

[1]) Курсивъ нашъ.

КНЯЗЬ ЮРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

ГОЛИЦЫНЪ,

(Въ ополченіи).

РУССКАЯ СТАР

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

0

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1897.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ДЕВЯТИДЕСЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1897.

---

*

ПОХОРОННЫЙ ГОДЪ.[1])

Пока во время междуцарствія рѣшался въ Петербургѣ вопросъ о престолонаслѣдіи, тѣло императора Александра оставалось въ Таганрогѣ, ожидая перевозки къ мѣсту послѣдняго успокоенія. Неудивительно, что среди исключительныхъ обстоятельствъ тогдашняго времени всякія распоряженія по этому дѣлу отсутствовали. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ безмолвствовалъ, указывая только на Петербургъ, какъ на источникъ высочайшей воли. Въ Петербургѣ же полагали, что цесаревичъ либо выѣхалъ въ Таганрогъ, либо слѣдуетъ въ столицу [2]). Наконецъ 3-го (15-го) декабря великій князь Николай Павловичъ положилъ конецъ недоумѣніямъ князя Волконскаго, написавъ ему слѣдующее письмо:

«Письмо матушки, любезный Петръ Михайловичъ, достаточно васъ увѣдомитъ о причинахъ, побудившихъ насъ всѣхъ просить чрезъ нее государыню императрицу рѣшить самой все, что касается до тѣла

---

[1]) См. въ №№ 1 и 2 „Русской Старины" 1897 года статьи: „Таганрогъ въ 1825 году" и „Междуцарствіе въ Россіи".

[2]) Михайловскій-Данилевскій по поводу неопредѣленнаго положенія дѣлъ, сопровождавшаго междуцарствіе, передаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующій разсказъ, относящійся къ пребыванію его въ 1825 году въ Кременчугѣ въ званіи бригаднаго начальника 3-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи: „Однимъ утромъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ корпуснаго командира жандармъ съ такъ называемымъ циркулярнымъ предписаніемъ отъ главнокомандующаго донести сему послѣднему, не извѣстно ли мнѣ мѣстопребываніе императора Константина и не проѣзжалъ ли онъ въ Таганрогъ и по какой дорогѣ. Съ подобнымъ вопросомъ жандармъ долженъ былъ ѣздить по расположенію всего третьяго корпуса; такимъ образомъ россійскаго самодержца отыскивали посредствомъ военной полиціи» (Рукописный журналъ 1825 года).

нашего Ангела; кому, если не ей, принадлежитъ собственность сихъ драгоцѣнныхъ останковъ нашего отца, кому жъ, если не ей, рѣшить все, что въ силахъ будетъ сама рѣшить. Но такъ какъ ея рѣшеніе можетъ касаться только до общихъ распоряженій, то на васъ остается тяжелая обязанность всѣхъ необходимыхъ приличныхъ чести русскаго имени и памяти нашего Ангела распоряженій.

«Потомъ беру я на себя[1]) просить васъ войти въ сношеніе со всѣми мѣстными начальствами, съ главнокомандующимъ и съ прочими мѣстами, съ коими нужно будетъ, довольствуясь прямо мнѣ доносить о принятыхъ уже мѣрахъ, разрѣшаю напередъ все, что найдете приличнымъ. Для сего, а равно и для увѣдомленія, что императрица изволитъ рѣшить касательно отъѣзда, дороги и времени прибытія сюда, равно и что самой государынѣ заблагоразсудится дѣлать, прошу сейчасъ прислать мнѣ увѣдомленіе; всѣ же сношенія, нужныя съ мѣстами, здѣсь находящимися, прошу дѣлать непосредственно чрезъ меня.—Дабы быть всегда извѣстному, какъ о здоровьи государыни, такъ и объ вашихъ распоряженіяхъ, нужнымъ считаю просить присылать увѣдомленіе по крайней мѣрѣ черезъ два дня. Государь предоставилъ мнѣ всѣ по оному распоряженія. Статья важная, и которую сама государыня изволитъ рѣшить, есть—вести ли тѣло Отца нашего на Москву или иной дорогой; ей одной должно и можно сіе рѣшить. Съ нетерпѣніемъ жду вашихъ извѣстій—повторяю, помните, кого храните, и чей государь онъ былъ! Скорѣе много, чѣмъ мало, вотъ мое мнѣніе. Вамъ искренно доброжелательный Николай.

«Къ вамъ ѣдетъ Реадъ, я рѣшился его отпустить къ вамъ[2]). Ждемъ послѣднихъ повелѣній государя, послѣ которыхъ всѣ свободные генералъ-адъютанты и флигель-адъютанты просятъ ѣхать на встрѣчу и провожать тѣло нашего Ангела»[3]).

Черезъ день, 5-го (17-го) декабря, великій князь Николай Павловичъ по тому же поводу писалъ князю Волконскому:

«Въ дополненіе послѣдняго моего письма, любезный Петръ Михайловичъ, нужнымъ считаю васъ увѣдомить, что съ разрѣшенія матушки всѣ флигель-адъютанты государя, не находящіеся при войскахъ, и генералъ-адъютантъ Трубецкой, какъ одинъ здѣсь безъ должности находящійся, получили повелѣніе отправиться и явиться къ вамъ для нахожденія при тѣлѣ нашего Ангела. Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ хотя безъ должности, но находящійся въ Совѣтѣ, гдѣ присут-

---

[1]) Два раза подчеркнуто великимъ княземъ.

[2]) Адъютантъ князя Волконскаго Евгеній Андреевичъ Реадъ. Въ 1826 году назначенъ флигель-адъютантомъ. Убитъ подъ Шумлою въ 1828 году.

[3]) Государственный Архивъ. Разрядъ III № 34.

ствіе его необходимо, остается здѣсь, равно какъ и прочіе генералъ и флигель-адъютанты, до особаго повелѣнія государя императора.—Извѣстія отъ его величества нами ожидаются съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо все зависитъ отъ него одного. Ежели мы здѣсь долго останемся безъ его повелѣній или въ безъизвѣстности его рѣшенія, будетъ ли или не будетъ ли сюда, мы не будемъ въ состояніи отвѣчать здѣсь за поддержаніе нынѣшняго порядка и устройство тишины, которые, благодаря Бога, совершенны и поразительны не только для чужестранныхъ, но, признаюсь, и для насъ самихъ. Михайло Павловичъ, пріѣхавшій третьяго дни съ извѣстіемъ изъ Варшавы, что государь изволитъ уже быть извѣстенъ о несчастномъ вашемъ донесеніи, ничего не привезъ рѣшительнаго и потому отъ матушки возвращенъ въ Варшаву сего же дня, съ неотступною ея просьбою пожаловать сюда, гдѣ его присутствіе необходимо.

«Извѣстія ваши объ здоровіи государыни Елисаветы Алексѣевны насъ крайне безпокоятъ, хотя ея величество и изволила сама писать къ матушкѣ рукою, кажущеюся тверже послѣдняго письма; оборони насъ, Боже, втораго несчастія.

«Здоровье матушки хорошо, важность обстоятельствъ развлекаетъ полезнымъ образомъ ея мысли и не даетъ предаваться совершенно одному горю. Богъ милостивъ.

«Прощайте, да хранитъ васъ Богъ, и молите его, и чтобъ насъ не покинулъ. Вашъ искренній Николай».

По полученіи письма великаго князя Николая Павловича князь Волконскій 14-го (26-го) декабря отвѣчалъ:

«Прибывшій сюда 12-го декабря вечеромъ изъ С.-Петербурга адъютантъ мой г. Реадъ вручилъ мнѣ всемилостивѣйшій рескриптъ вашего императорскаго высочества, коимъ изволите увѣдомлять, что всѣ флигель-адъютанты и генералъ-адъютантъ князь Трубецкой получили повелѣніе отправиться сюда для нахожденія при тѣлѣ покойнаго государя императора. Принося вашему императорскому высочеству мою наичувствительную благодарность за таковое извѣщеніе, полагаю поручить генералъ-адъютанту князю Трубецкому главное начальство при сопровожденіи тѣла, а флигель-адъютанты въ то же время будутъ отправлять дежурство по очереди.

«Зная важность теперешнихъ обстоятельствъ, весьма понимаю нетерпѣніе, въ какомъ должны находиться ваше императорское высочество отъ неприбытія еще государя императора въ С.-Петербургъ; я надѣюсь, что Всевышній Богъ поможетъ милостію своею вашему императорскому высочеству поддержать существующій порядокъ, устройство и тишину, и что всѣ вѣрноподданные его императорскаго величества всячески стараться будутъ сохранить оныя вполнѣ.

«Здоровье государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны очень насъ безпокоитъ частою перемѣною и всегда менѣе къ лучшему. Г. лейбъ-медикъ Стоффрегенъ еще сегодня увѣрялъ меня, что онъ находитъ ея величество лучше, и что прежде чувствуемыхъ припадковъ она болѣе не имѣетъ; напротивъ того, получила отъ скорби обыкновенные нервическіе припадки, которые, по его мнѣнію, не подаютъ никакого безпокойствія, и надѣется, что съ помощью Божіею со временемъ совсѣмъ пройдутъ.

«Пользуясь симъ случаемъ, осмѣливаюсь отнестись къ вашему императорскому высочеству объ испрошеніи высочайшаго разрѣшенія на слѣдующій порядокъ, необходимый для собственнаго моего огражденія. При жизни покойнаго государя императора на всѣ расходы, какъ въ путешествіи, такъ и въ пребываніе въ Таганрогѣ, отпускалась мнѣ отъ министра финансовъ довольно значительная сумма, изъ коей повелѣно было мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ вести расходъ на слѣдующемъ основаніи: всѣ издержки, касающіяся до стола какъ ихъ императорскихъ величествъ, такъ кавалерскаго и людскаго и по должностямъ: мундшенкской, кофишенкской и тафельдекерской, относить на счетъ придворной конторы; издержки, по содержанію лошадей и починку экипажей—на счетъ придворной конюшенной конторы, о каковыхъ счетахъ, по возвращеніи двора въ С.-Петербургъ, сообщить г. министру финансовъ для вычета издержанныхъ здѣсь денегъ изъ отпускаемыхъ ежегодно суммъ на содержаніе двора; всѣ прочія же издержки, какъ-то: наемъ квартиръ и экипажей для свиты и на разныя постройки, передѣлки и починки, какъ по дворцу, такъ и по кавалерскимъ домамъ, расходовать изъ суммъ казначейскихъ. Я продолжаю нынѣ вести всѣ таковые расходы на томъ же основаніи; но какъ за смертью покойнаго государя императора обстоятельства измѣнились, почему и нужно мнѣ имѣть необходимо высочайшее разрѣшеніе, какъ въ семъ случаѣ поступать: на прежнемъ ли основаніи, или будетъ сдѣлано вновь какое-либо другое положеніе, о чемъ всепокорнѣйше прошу меня увѣдомить».

Императоръ Александръ въ предвидѣніи близкой кончины императрицы Елисаветы Алексѣевны взялъ съ собою при отъѣздѣ въ Таганрогъ церемоніалъ погребенія императрицы Екатерины II, вѣроятно, чтобы, въ случаѣ надобности, сообразжаясь съ нимъ, начертать самому весь порядокъ похоронъ. Но судьба распорядилась иначе. Послѣ кончины императора Александра этотъ церемоніалъ былъ найденъ между его бумагами и пригодился князю Волконскому и барону Дибичу для всѣхъ необходимыхъ распоряженій, вызванныхъ столь неожиданнымъ событіемъ, къ которому они не знали какъ приступить.

11-го (23-го) декабря тѣло императора Александра было перенесено

изъ дворца въ соборъ Александровскаго монастыря и поставлено на устроенномъ тамъ катафалкѣ, подъ балдахиномъ, увѣнчанномъ императорскою короною. Въ соборѣ совершались ежедневное архіерейское служеніе, а поутру и ввечеру панихиды. Здѣсь тѣло оставалось до 29-го декабря 1825 года (10-го января 1826 года). Въ этотъ день печальная процессія двинулась изъ Таганрога на дальній сѣверъ.

«Вчерашній день былъ для насъ ужаснѣйшимъ, писалъ князь Волконскій 30-го декабря цесаревичу Константину Павловичу, ибо на вѣки разстались съ отцемъ нашимъ, въ Бозѣ почивающимъ покойнымъ государемъ императоромъ. Не могу описать вашему императорскому высочеству той минуты, въ которую принесено послѣднее поклоненіе праху его, и чувствъ горести и скорби, всѣми ощущаемыхъ. Въ 10 часовъ утра, послѣ литургіи и панихиды, кортежъ выступилъ отсюда съ тою же церемоніею, какая была при переносѣ тѣла изъ дворца въ монастырь. Народъ сопровождалъ по всей дорогѣ до самаго ночлега и даже изъ стороннихъ деревень. Вдовствующая государыня императрица Елисавета Алексѣевна изволила присутствовать при послѣдней панихидѣ и прощалась съ тѣломъ любезнѣйшаго ея супруга, съ коимъ вѣчная разлука не могла не подѣйствовать на весьма ослабленное уже отъ скорби и прежней болѣзни ея здоровье» [1])

На другой день послѣ выступленія печальной процессіи изъ Таганрога, 31-го декабря 1825 года (12-го января 1826 года), императрица Елисавета Алексѣевна писала своей матери:

«Всѣ земныя узы порваны между нами. Тѣ, которыя образуются въ вѣчности, будутъ уже другія, конечно, уже болѣе пріятныя, но, пока я еще ношу эту грустную, бренную оболочку, больно говорить самой себѣ, что онъ уже не будетъ болѣе причастенъ моей жизни здѣсь, на землѣ. Друзья съ дѣтства, мы шли вмѣстѣ въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ. Мы вмѣстѣ пережили всѣ эпохи жизни. Часто отдаленные другъ отъ друга, мы тѣмъ или другимъ образомъ снова сходились; очутившись наконецъ на истинномъ пути, мы испытывали лишь одну сладость нашего союза. Какъ разъ въ подобный моментъ она была отнята отъ меня.

«Конечно, я заслуживала это, я не достаточно сознавала благодѣяніе Бога, быть можетъ, еще слишкомъ чувствовала маленькія шероховатости. Наконецъ, какъ бы то ни было, такъ было угодно Богу. Пусть Онъ соблаговолитъ позволить, чтобы я не утратила плодовъ этого скорбнаго креста—онъ былъ ниспосланъ мнѣ не безъ цѣли. Когда я думаю о своей судьбѣ, во всемъ ходѣ ея я узнаю руку Божію» [2]).

---

[1]) Военно-ученый архивъ. Отд. I № 507 (а).

[2]) Tous les liens terrestres sont rompus entre nous! Ceux dans l'éternité seront différents, ils seront plus doux sûrement, mais tant que je porte encore cette triste enveloppe mortelle il est douloureux de me dire qu'il n'aura plus

По тому же поводу князь Волконскій писалъ императору Николаю 4-го (16-го) января 1826 года:

«Насчетъ сопровожденія онаго (т. е. тѣла императора Александра) я былъ въ большомъ затрудненіи по неприбытіи сюда никого изъ С.-Петербурга; изъ генералъ-адъютантовъ графъ Ожаровскій не бывалъ по сіе время, графъ Ламбертъ хотя и находится здѣсь, то какъ онъ не нашего исповѣданія, то государынѣ императрицѣ угодно было приказать потребовать генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова, коему изволила сама поручить драгоцѣнные останки покойнаго супруга своего, въ надеждѣ, что ваше императорское величество благоволите утвердить сдѣланный ея величествомъ выборъ и позволите графу Орлову-Денисову довершить до С.-Петербурга возложенное на него порученіе» [1]).

Предъ выступленіемъ печальной процессіи изъ Таганрога императрица Елисавета Алексѣевна призвала къ себѣ Д. К. Тарасова и сказала ему:

«Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору и потому я никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла его и проводить гробъ его до самой могилы».

Печальная процессія двинулась изъ Таганрога черезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу въ Москву. Начальствующій надъ церемоніею и войсками, составлявшими эскортъ гроба, графъ Орловъ-Денисовъ наблюдалъ вездѣ, какъ пишетъ Тарасовъ, строгій порядокъ и военную дисциплину. На козлахъ колесницы постоянно сидѣлъ лейбъ-кучеръ покойнаго государя Илья Байковъ. Всѣ ночлеги были въ селахъ или городахъ, такъ что гробъ всегда ночевалъ въ церквахъ. Усердіемъ жителей сооружались великолѣпные катафалки. Въ каждой епархіи на границѣ встрѣчали архіерей и духовенство всего уѣзда и смѣняли

---

de part à mon existence ici bas. Amis d'enfance, nous avons marché ensemble pendant 32 ans. Nous avons traversé ensemble toutes les époques de la vie.— Souvent éloignés, nous nous retrouvions toujours d'une manière et d'une autre; enfin sur le vrai chemin, nous ne goutions plus que la douceur de notre union.— C'est dans ce moment qu 'elle m'a été enlevée.—Sûrement je le méritais, je ne sentais pas assez le bienfait de Dieu, je ressentai peut-être trop encore de petits inconvénients. Enfin quoique cela soit Dieu l'a voulu.—Qu' Il daigne permettre que je ne perde pas le fruit de cette douloureuse croix—ce n'est pas pour rien qu' elle m'a été envoyée. Je reconnais la main de Dieu dans toute la direction de ma destinée en y réfléchissant.

[1]) Государственный архивъ. Разрядъ III, № 35. Въ письмѣ къ своей матери императрица Елисавета Алексѣевна пишетъ, что графъ Орловъ-Денисовъ принялъ данное ему порученіе: „avec tout le zèle et j'ose dire—une sainte joie".

духовенство предшествовавшей губерніи. Въ городахъ войска выстраивались шпалерами, и, гдѣ была артиллерія, во время слѣдованія процессіи производилась пальба. Народъ нерѣдко отпрягалъ лошадей отъ колесницы и везъ ее на себѣ. Переѣзды были обыкновенно не болѣе пятидесяти верстъ. На границѣ каждой губерніи останавливались въ полѣ, и губернаторъ одной губерніи передавалъ церемоніалъ губернатору другой, который и провожалъ процессію чрезъ свою. На всемъ пути, даже въ степныхъ мѣстахъ, стекались жители большими массами; въ городахъ, а въ особенности въ губернскихъ, стеченіе народа принимало обширные размѣры. Не было недостатка и въ разныхъ нелѣпыхъ слухахъ, которые, какъ говоритъ Тарасовъ, распространялись неблагонамѣренными людьми среди народа и вызывали со стороны графа Орлова-Денисова принятіе необходимыхъ мѣръ предосторожности. Такъ, напримѣръ, когда шествіе приближалось къ Тулѣ, то донесли, что фабричные намѣреваются вскрыть гробъ; но все обошлось благополучно. Оружейники просили только отпречь лошадей и позволить имъ везти колесницу до города на разстояніи пяти верстъ.

Тарасовъ пишетъ: «Кромѣ личнаго повелѣнія, даннаго мнѣ императрицею въ Таганрогѣ, я имѣлъ особенное предписаніе отъ графа Орлова-Денисова о возможномъ попеченіи за цѣлостью тѣла императора во время всего шествія. Съ этою цѣлью я представилъ графу, что для удостовѣренія о положеніи тѣла императора необходимо по временамъ вскрывать гробъ и осматривать тѣло. Таковые осмотры, при особомъ комитетѣ въ присутствіи графа, производились въ полночь пять разъ, и каждый разъ, по осмотрѣ, я представлялъ донесеніе графу о положеніи тѣла. Для ежедневнаго же наблюденія въ гробѣ было сдѣлано отверстіе въ видѣ клапана, чрезъ которое всегда можно было удостовѣриться о цѣлости тѣла. Когда же морозъ понижался до двухъ или трехъ градусовъ по Реомюру, тогда подъ гробомъ постоянно держались ящики со льдомъ, нашатыремъ и повареною солью, для поддержанія холода» [1].

3-го (15-го) февраля 1826 года печальная церемонія прибыла къ Москвѣ. На разстояніи версты отъ Подольской заставы по обѣимъ сторонамъ дороги поставлены были войска, пѣхота и кавалерія, съ заряженными ружьями. Въ Коломенскомъ гробъ былъ поставленъ на парадную колесницу, приготовленную въ Москвѣ. Здѣсь прежнихъ лошадей замѣнили восемью придворными лошадьми цугомъ, въ сбруѣ съ глубокимъ трауромъ; дорожную прислугу замѣнила прислуга придворная. При этомъ случилось, какъ повѣствуетъ Тарасовъ, замѣчательное, хотя и не такъ важное происшествіе. «По смѣнѣ въ колесницѣ лоша-

---

[1]) Воспоминанія Д. К. Тарасова. „Русская Старина“ 1872 года. Томъ 6-й, стр. 133.

дей лейбъ-кучеръ покойнаго императора Илья Байковъ поспѣшилъ и на новой парадной колесницѣ занять свое мѣсто на козлахъ; назначенный въ Москвѣ парадный въ траурѣ лейбъ-кучеръ подходитъ къ нему и проситъ его уступить мѣсто; Илья Байковъ положительно и настойчиво отказываетъ ему въ требованіи. На этотъ споръ подходитъ унтеръ-шталмейстеръ и приказываетъ Байкову оставить мѣсто; Байковъ не повинуется приказанію. Наконецъ это упорство Байкова доведено было до свѣдѣнія самого князя Голицына (московскаго генералъ-губернатора), который приказалъ-было удалить Байкова силою, сказавъ ему, что онъ съ бородою не можетъ быть въ этой церемоніи. На это Байковъ, въ чувствѣ преданности къ императору, отвѣчалъ:

— Я возилъ императора слишкомъ тридцать лѣтъ и хочу служить ему до его могилы, а если теперь мѣшаетъ только моя борода, то прикажите сейчасъ ее сбрить.

«Князь Голицынъ, тронутый такою преданностью, приказалъ оставить Байкова на козлахъ».

Вступленіе траурнаго шествія въ Москву совершилось въ должномъ порядкѣ по распоряженіямъ печальной коммиссіи, бывшей подъ начальствомъ князя Николая Борисовича Юсупова. Гробъ поставленъ былъ на катафалкѣ въ Архангельскомъ соборѣ, посреди гробницъ царей русскихъ. Стеченіе народа для поклоненія гробу императора было громадное. Въ виду тревожныхъ слуховъ, распространившихся въ Москвѣ, полиціею приняты были дѣятельныя и строгія мѣры предосторожности для предупрежденія безпорядковъ и смутъ. Въ 9 часовъ вечера запирали ворота въ Кремль и у каждаго входа ставили заряженныя орудія. Пѣхота располагалась въ Кремлѣ, а кавалерійская бригада съ осѣдланными лошадьми въ экзерциргаузѣ. Въ городѣ всю ночь ходили военные патрули. Однако, ни малѣйшаго шума или безпорядка замѣчено не было.

Въ день выступленія изъ Москвы печальной процессіи, 6-го (18-го) февраля, архіепископъ Филаретъ сопровождалъ гробъ за Тверскую заставу до Петровскаго дворца, гдѣ онъ совершилъ со всѣмъ московскимъ духовенствомъ послѣднюю литію. Затѣмъ шествіе направилось черезъ Тверь и Новгородъ въ Царское Село.

На границѣ Новгородской губерніи на встрѣчу печальной церемоніи, по обыкновенію, выѣхалъ епархіальный архіерей; при немъ находился архимандритъ Фотій. На ночлегахъ, по ночамъ, Евангеліе при гробѣ императора большею частію читалъ Фотій.

По разсказу Тарасова, тамъ же къ кортежу присоединился графъ Аракчеевъ, «который своимъ рыданіемъ и слезами выказалъ все свое чувство столь важной для него потери». При въѣздѣ въ Новгородъ всѣми войсками командовалъ графъ Аракчеевъ. Гробъ поставленъ былъ

въ Софійскомъ соборѣ на великолѣпномъ катафалкѣ, устроенномъ заботливостью «безъ лести» преданнаго графа [1]).

При выступленіи изъ города графъ Аракчеевъ хотѣлъ стать на колесницу, но флигель-адъютанты сначала его не допустили, а когда онъ испросилъ на то позволеніе графа Орлова-Денисова, то они все-таки настояли, чтобы удержать за собою правую сторону, а графъ Аракчеевъ стоялъ одинъ на лѣвой сторонѣ [2]).

Въ Новгородѣ графъ Орловъ-Денисовъ получилъ отъ верховнаго маршала печальной коммиссіи въ Петербургѣ, князя Алексѣя Борисовича Куракина, увѣдомленіе, содержавшее въ себѣ всѣ приготовленія въ столицѣ для встрѣчи и принятія печальной процессіи; вмѣстѣ съ тѣмъ потребовано было подробное и самое обстоятельное донесеніе о положеніи и цѣлости тѣла императора. Вслѣдствіе этого Д. К. Тарасовъ просилъ графа Орлова, по выступленіи изъ Новгорода, произвести послѣднее до Царскаго Села освидѣтельствованіе тѣла. Оно произведено было на второмъ переходѣ отъ Новгорода, въ присутствіи графа Аракчеева, подписавшаго вмѣстѣ съ прочими актъ освидѣтельствованія, который и отправили къ князю Куракину въ Петербургъ.

26-го февраля (10-го марта) тѣло императора Александра прибыло въ Тосну. Тамъ встрѣтила его императрица Марія Ѳеодоровна. «Кто опишетъ горесть матери. Она лишилась сына, и какого сына», читаемъ въ современныхъ описаніяхъ.

До прибытія печальнаго шествія въ Царское Село императоръ Николай поручилъ Виллie осмотрѣть тѣло покойнаго государя. Это исполнено было въ Бабинѣ. Въ запискѣ, представленной послѣ этого, Виллie говоритъ:

«Сего 26-го февраля, въ 7 часовъ пополудни, въ Бабинѣ, я производилъ осмотръ тѣла блаженной памяти императора Александра; раскрывъ его до мундира, я не нашелъ ни малѣйшаго признака химическаго разложенія, обнаруживающагося обыкновенно выдѣленіемъ сѣрнистоводороднаго газа, обладающаго весьма ѣдкимъ запахомъ; мускулы крѣпки и тверды и сохраняютъ свою первоначальную форму и объемъ. Поэтому я смѣло утверждаю, что тѣло находится въ совершен-

---

[1]) Графъ Аракчеевъ издалъ книгу съ рисунками, подъ заглавіемъ: Церемоніалъ къ встрѣчѣ и сопровожденію въ Новгородѣ тѣла въ Бозѣ почивающаго императора Александра I. С.-Петербургъ 1826 г. (Печатано и литографировано въ штабѣ военныхъ поселеній).

[2]) Воспоминанія Н. И. Шенига. „Русскій Архивъ“ 1880 года, книга 3, стр. 291. Онъ сообщаетъ также, что графъ Аракчеевъ за нѣсколько дней до прибытія тѣла императора Александра самъ дѣлалъ репетиціи монахамъ, чиновникамъ и солдатамъ, какъ подходить къ гробу и прикладываться. По поводу церемоніала встрѣчи тѣла въ Новгородѣ Шенигъ пишетъ: „надобно было удивляться порядку, но и безчувственности распорядителя“.

ной сохранности, и мы обязаны этимъ удовлетворительнымъ результатомъ точному соблюденію во время пути необходимыхъ мѣръ предосторожности. Поэтому я не буду принимать никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ до прибытія въ Царское Село [1])».

При вскрытіи гроба присутствовалъ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій. Онъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что при семъ случаѣ удостоился приложиться къ образу, который императоръ Александръ всегда носилъ на себѣ, и поцѣловалъ его руку [2])

28-го февраля (12-го марта) печальная процессія приблизилась къ Царскому Селу. Императоръ Николай выѣхалъ на встрѣчу шествію; его сопровождали великій князь Михаилъ Павловичъ, принцъ Вильгельмъ прусскій, принцъ Оранскій и первые чины двора. Здѣсь же находились царскосельскіе жители съ духовенствомъ и крестьяне царскосельскаго дворцоваго вѣдомства. День былъ солнечный и довольно теплый, такъ что на шоссе таялъ снѣгъ и была грязь,—пишетъ Тарасовъ. «Сошедъ съ коляски, императоръ, приближась къ колесницѣ, поклонился въ землю, потомъ, взошедъ на колесницу, упалъ на гробъ и залился слезами; съ другой стороны колесницы то же сдѣлалъ Михаилъ Павловичъ. По совершеніи литіи, шествіе двинулось къ Царскому Селу; императоръ съ братомъ въ траурныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ слѣдовали непосредственно за колесницею пѣшкомъ до дворцовой церкви, въ которую внесенъ былъ гробъ и поставленъ на великолѣпный катафалкъ подъ балдахиномъ.

«1-го (13-го) марта отъ князя Голицына я получилъ приказаніе поспѣшнѣе явиться къ нему. Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня:

— Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?

«Я отвѣчалъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобы въ двѣнадцать часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловѣ-Денисовѣ, со всею аккуратностію открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая была тогда беременна, родственно проститься съ покойникомъ.

«Въ $11^1/_2$ часовъ вечера священники и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ внѣ оной поставлены были часовые; остались въ ней князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытіи гроба я снялъ

---

[1]) Военно-ученый архивъ. Отд. I. № 596.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1867 года. Стр. 1322.

атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ спецій, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько измѣнили цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ, и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобъ мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выразить оную.

«По выходѣ императорской фамиліи я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ и, снявъ корону, закрылъ гробъ по прежнему. Дежурные всѣ и караулъ снова были введены въ церковь ко гробу, и началось чтеніе Евангелія».

Прусскій генералъ Герлахъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что при вскрытіи гроба императора Александра присутствовалъ также принцъ Вильгельмъ. По его разсказу императрица Марія Ѳедоровна нѣсколько разъ цѣловала руку усопшаго и говорила: «Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre, ah! comme il a maigri!» Трижды возвращалась она къ гробу и подходила къ тѣлу. Принцъ Вильгельмъ, по свидѣтельству Герлаха, былъ также глубоко потрясенъ видомъ усопшаго императора [1]).

5-го (17-го) марта тѣло императора Александра было перевезено изъ Царскаго Села въ Чесму и поставлено въ церкви дворца. По разсказу Тарасова, «въ двѣнадцатомъ часу вечера, въ присутствіи князей Куракина и Голицына, при подобающемъ церковномъ обрядѣ, тѣло императора, по моему указанію, изъ прежняго деревяннаго гроба, въ свинцовомъ гробѣ, переложено въ новый бронзовый великолѣпный гробъ; ковчегъ съ внутренностями былъ помѣщенъ въ гробѣ, въ ногахъ, а ваза съ сердцемъ у самаго тѣла съ лѣвой стороны груди. Прежній же гробъ тутъ же былъ разобранъ и распиленъ и со всѣми принадлежностями въ кускахъ помѣщенъ былъ въ новый».

Графъ Комаровскій пишетъ: «Переложеніе это было дѣлано одними только генералъ-адъютантами, бывшими при его величествѣ, въ числѣ которыхъ и я находился».

6-го (18-го) марта шествіе двинулось изъ Чесменскаго дворца въ Петербургъ. День этотъ съ утра былъ пасмурный, морозный, съ вѣтромъ и снѣгомъ. За гробомъ слѣдовали императоръ Николай, великій князь

---

[1]) Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Berlin. 1891. B. Erster Band, p. 20.

Михаилъ Павловичъ, чужестранные принцы, герцогъ Веллингтонъ и многочисленная свита, всѣ въ черныхъ шляпахъ и плащахъ.

«О печальной церемоніи нужно сказать, пишетъ очевидецъ, что она была исполнена въ послѣдній разъ по церемоніалу, соблюдавшемуся со времени Петра Великаго, когда была цѣликомъ заимствована изъ нѣмецкихъ церемоніаловъ Германіи. И чего только не было въ печальной процессіи по этому церемоніалу! Начать съ того, что всѣ участвовавшіе въ ней, начиная съ государя, шли въ длинныхъ и широкихъ черныхъ плащахъ, имѣя на головахъ черныя же шляпы съ распущенными полями. Нельзя вообразить себѣ, какой мрачный видъ представляла вся печальная процессія. Не говоря уже о многочисленныхъ представителяхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, гербахъ, орденахъ, регаліяхъ и пр., особенное вниманіе мое привлекли на себя боевой и траурный кони и рыцари веселаго и печальнаго образа: первый въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, а второй—въ черныхъ, съ опущенными забраломъ и мечемъ, выступавшій мѣрнымъ шагомъ... За многочисленнымъ духовенствомъ, наконецъ, показалась великолѣпная траурная печальная колесница и на ней гробъ — кого же? того, который послѣ двадцати четырехъ лѣтъ царствованія въ Россіи оставилъ по себѣ такую громкую славу и общую любовь! Нужно было быть современникомъ той эпохи и свидѣтелемъ этой печальной церемоніи, чтобы постигнуть всю полноту мыслей и чувствъ при видѣ этого гроба. Подлинно, можно было бы, подражая словамъ Ѳеофана Прокоповича при погребеніи Петра Великаго, сказать: «что видимъ? что дѣлаемъ?—Александра I погребаемъ»! [1])

Въ половинѣ втораго часа пополудни печальный поѣздъ прибылъ къ Казанскому собору [2]). Здѣсь закрытый уже гробъ императора Александра былъ выставленъ на поклоненіе всѣхъ сословій народа въ продолженіе семи дней. Ежедневное стеченіе публики и народа въ храмъ во всю недѣлю было громадное, и въ эти семь дней все народонаселеніе Петербурга перебывало въ Казанскомъ соборѣ.

По свидѣтельству Тарасова, «доложено было императору объ откры-

---

[1]) Записки князя Николая Сергѣевича Голицына 1825—1855 гг. „Русская Старина“ 1880 года.

[2]) Въ Петербургѣ, также какъ и въ Москвѣ, распускали нелѣпые слухи: разсказывали, что предположено злоумышленниками поставить четыре бочки съ порохомъ подъ Казанскимъ мостомъ и, когда повезутъ тѣло усопшаго государя, взорвать мостъ; то же самое злодѣяніе будто предполагаютъ исполнить и въ крѣпости (Военно-ученый архивъ. Отд. секрет. № 40. Дѣло со свѣдѣніями о народныхъ слухахъ по поводу кончины императора Александра 1825 и 1826 гг.). Ходили также слухи о пороховыхъ подкопахъ подъ всѣми улицами, по которымъ должны были везти тѣло покойнаго императора.

тія гроба для жителей столицы, но его величество не изъявилъ на то своего согласія, и, кажется, единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло-каштановый, что произошло отъ покрытія онаго въ Таганрогѣ уксусно-древесною кислотою, которая, впрочемъ, нимало не измѣнила чертъ лица».

Мнѣніе, высказанное Д. К. Тарасовымъ въ своихъ запискахъ, вполнѣ расходится со взглядомъ, выраженнымъ княземъ Волконскимъ въ письмѣ изъ Таганрога къ Г. И. Вилламову, значительно ранѣе, а именно еще 7-го (19-го) декабря 1825 года.

Князь Волконскій писалъ: «Мнѣ необходимо нужно знать, совсѣмъ ли отпѣвать тѣло при отправленіи отсюда, или отпѣваніе будетъ въ С.-Петербургѣ, которое, ежели осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе, приличнѣе полагаю сдѣлать бы здѣсь; ибо хотя тѣло и бальзамировано, но отъ здѣшняго сыраго воздуха лицо все почернѣло, и даже черты лица покойнаго совсѣмъ измѣнились, чрезъ нѣсколько же времени и еще потерпятъ; почему и думаю, что въ С.-Петербургѣ вскрывать гроба не нужно, и въ такомъ случаѣ должно будетъ здѣсь совсѣмъ отпѣть; о чемъ и прошу васъ испросить высочайшее повелѣніе и меня увѣдомить чрезъ нарочнаго».

13-го (25-го) марта 1826 года, въ одиннадцать часовъ, во время сильной метели, погребальное шествіе направилось изъ Казанскаго собора въ Петропавловскую крѣпость; оно слѣдовало по Невскому, Большой Садовой, Царицыну лугу, черезъ Троицкій мостъ. Въ тотъ же день происходило отпѣваніе и погребеніе. Во второмъ часу пополудни пушечные залпы возвѣстили, что великій монархъ снисшелъ въ землю на вѣчное успокоеніе [1]).

---

[1]) 16-го (28-го) марта 1826 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу: „les malheureuses journées qui ont précédé le 13, m'ont privé presque de toutes mes facultés physiques et morales: ce n'est que depuis hier que je respire un peu“.

Цесаревичъ отвѣчалъ 27-го марта (8-го апрѣля) 1826 года: „Je conçois parfaitement, cher frère, l'état où vous avez du vous trouver durant l'époque qui a précédé la cruelle journée du 13, je l'ai vivement partagé dans mon éloignement; grâces en soient rendues à l'Être suprême que toute notre famille l'a supporté avec courage et résignation et que les restes de notre cher et immortel Empereur reposent en paix“.

Приведемъ здѣсь еще нѣсколько строкъ изъ письма императора Николая къ цесаревичу отъ 27-го апрѣля (9-го мая) 1826 года: „En général vous ne sauriez croire, ou plutôt vous le croirez facilement, quelle pénible sensation on éprouve ici; tout est comme de son temps dans sa chambre. Son chapeau, ses gants, ses épaulettes, mouchoirs etc, tout absolument comme s'il devait y être, on le cherche à tout moment, chaque lieu le rappelle au point que souvent on peut s'oublier; mais aussi le moment de l'affreux réveil de cette illusion est insupportable“.

Въ Варшавѣ съ 26-го марта (7-го апрѣля) по 11-е (23-е) апрѣля 1826 года происходили траурныя церемоніи, по особому церемоніалу, въ католическомъ соборномъ храмѣ св. Яна, посвященныя памяти императора Александра I.

Въ лютеранскихъ церквахъ и въ еврейской синагогѣ также были назначены особыя религіозныя службы [1]).

За нѣсколько дней до погребенія императора Александра, 9-го (21-го) марта 1826 года, преемникъ его написалъ Лагарпу нижеслѣдующія строки, посвященныя памяти усопшаго государя.

«Посреди самаго печальнаго торжества и такъ сказать на могилѣ того, коего мы оплакиваемъ кончину, отвѣчаю вамъ на письмо ваше отъ 16-го января. Въ подобную минуту мысль моя должна, по естественному влеченію, перенестись на васъ, и я еще живѣе могъ оцѣнить тѣ чувства, кои вы мнѣ выражаете. Подъ вашими глазами, вашими попеченіями развивались первыя сѣмена тѣхъ благородныхъ качествъ, которыя изъ императора Александра сдѣлали славу Россіи и которыя пріобщили все человѣчество къ плачу о Его утратѣ. Мое сердце подсказало мнѣ то, что должно было происходить въ вашемъ, когда вы имѣли несчастіе узнать, что этотъ великій монархъ взятъ отъ насъ, отъ нашего уваженія и нашихъ надеждъ. Связь, существующая между нами вслѣдствіе этой общей скорби, останется для меня всегда священною. Повѣрьте, что я никогда не забуду ни привязанности къ вамъ покойнаго моего брата, ни минутъ, проведенныхъ мною самимъ съ вами, и что мнѣ всегда пріятно будетъ возобновить вамъ увѣренія въ искреннемъ моемъ уваженіи».

Продолжавшееся болѣзненное состояніе императрицы Елисаветы Алексѣевны предвѣщало тогда въ скоромъ времени еще новое горе для императорской фамиліи; надломленныя силы государыни не могли перенести столь тяжкаго удара.

12-го (24-го) апрѣля князь Волконскій писалъ императору Николаю изъ Таганрога:

«Долгомъ почитаю вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести, что слабость здоровья вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны вновь увеличивается. Сверхъ того ея императорское величество чувствуетъ въ груди иногда сильное удушье, которое препятствуетъ даже говорить, и сама изъявила г. Стоффрегену опасеніе водяной болѣзни въ груди. Хотя г. Стоффрегенъ не увѣренъ,

---

[1]) Всѣ эти варшавскія печальныя церемоніи описаны въ сочиненіи: „Description de la cérémonie funèbre en mémoire de feu sa majesté Alexandre I empereur de toutes les Russies, roi de Pologne, célébrée à Varsovie les 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23 avril 1826. Varsovie (chez N. Glücksberg) 1829 г.

что таковая болѣзнь существуетъ, но начинаетъ однако сильно безпокоиться, предложилъ ея величеству лекарства для предупрежденія оной, и надѣется, что предполагаемое путешествіе можетъ отвратить сію болѣзнь.

«Въ прошедшую субботу, 10-го числа, государынѣ императрицѣ угодно было повелѣть переставить походную церковь въ ту комнату, гдѣ покойный государь императоръ скончался; можетъ легко быть, что воспоминаніе горестнаго происшествія производитъ сіе дѣйствіе надъ ея величествомъ; не менѣе того не могу скрыть передъ вашимъ величествомъ крайняго опасенія худыхъ отъ сего послѣдствій». [1])

21-го апрѣля (3-го мая) 1826 года императрица Елисавета Алексѣевна покинула Таганрогъ, въ которомъ ей суждено было пережить столько горестныхъ событій. Государыня направилась чрезъ Харьковъ въ Калугу, гдѣ должно было состояться свиданіе съ императрицею Маріею Θедоровною, выѣхавшею къ ней на встрѣчу изъ Петербурга. «Je suis souffrante et abattue de corps et d'âme», писала Елисавета Алексѣевна изъ Харькова своей матери въ послѣднемъ предсмертномъ письмѣ отъ 26-го апрѣля (8-го мая).

Дѣйствительно, слабость императрицы во время пути съ каждымъ днемъ усиливалась и вскорѣ дошла до того, что она могла только съ трудомъ говорить. Судя по письму князя Волконскаго отъ 2-го мая 1826 года изъ Орла къ Григорію Ивановичу Вилламову, сопровождавшему императрицу-мать въ ея путешествіи, князь Петръ Михайловичъ просилъ предварить государыню, что положеніе императрицы Елисаветы Алексѣевны «такъ худо, что ея величество найдетъ ужаснѣйшую въ ней перемѣну.—Не могу описать вамъ, милостивый государь, продолжаетъ князь,—всѣхъ безпокойствъ моихъ насчетъ здоровья ея императорскаго величества во время путешествія и безпрестанно молю Бога, чтобы сподобилъ благополучно доѣхать до Калуги».

3-го (15-го) мая императрица Елисавета Алексѣевна прибыла на ночлегъ въ Бѣлевъ, уѣздный городъ Тульской губерніи; крайняя слабость препятствовала ей продолжать дальнѣйшій путь. Въ это время императрица Марія Θедоровна находилась уже въ Калугѣ и въ виду угрожающихъ извѣстій, сообщенныхъ княземъ Волконскимъ, немедленно выѣхала въ Бѣлевъ по желанію, выраженному императрицею Елисаветою. [2]) Между тѣмъ въ шестомъ часу утра 4-го (16-го) мая, когда камеръ-юнгфера вошла въ спальню къ больной государынѣ, она уже не

---

[1]) Государственный Архивъ. Разрядъ III, № 35.

[2]) 3-го мая, по пріѣздѣ въ Бѣлевъ, князь Волконскій писалъ императрицѣ Маріи Θедоровнѣ: „Nous sommes arrivés ici plus tard que je ne le supposais à cause de la pluie et des mauvais chemins, ce qui a tellement augmen-

дышала. Къ десяти часамъ утра въ Бѣлевъ прибыла императрица Марія Өедоровна, но, вмѣсто предположеннаго свиданія, государыня могла только присутствовать при первой панихидѣ по усопшей невѣсткѣ [1])

Снова потянулось печальное шествіе въ Петербургъ, и 21-го іюня (3-го іюля) гробъ императрицы Елисаветы Алексѣевны опущенъ былъ въ склепъ рядомъ съ могилой императора Александра Павловича.

Въ продолженіе всего царствованія императора Александра имя одной вдовствующей императрицы Маріи Өедоровны прославлялось и увѣковѣчено было благотворительными учрежденіями; ей одной предоставлены были первенствующее мѣсто и всѣ почести. Тихій и скромный образъ бездѣтной императрицы Елисаветы Алексѣевны, отодвинутый на второй планъ, какъ-бы меркнетъ въ боевыхъ тревогахъ того времени, въ блескѣ славы, окружавшей побѣдителя Наполеона, и затѣмъ незамѣтно отходитъ изъ этого міра почти одновременно съ кончиною Александра I-го.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующую характеристику супруги императора Александра:

«Прекрасная собою, любезная, умная, Елисавета Алексѣевна показала большую твердость духа въ ту эпоху, когда нашествіе Наполеона угрожало цѣлости имперіи. Она имѣла свои слабости, свои вины передъ супругомъ, и хотя сначала играла роль, всегда вызывающую участіе, женщины покинутой, ревностной патріотки, но ея холодность и совершенное удаленіе отъ общества внушили всей почти націи полное къ ней равнодушіе; подъ конецъ своей жизни императоръ Александръ, раз-

---

té la faiblesse de l'Impératrice qu 'elle n'est pas capable de partir d'ici demain. Sa Majesté me charge de Vous en prévenir, Madame, en faisant ses excuses de ce qu'elle n'écrit pas elle même à V. M. I., à cause de la faiblesse qui le lui empêche. Comme V. M. me marque dans sa dernière lettre que dans le cas, où l'Impératrice s'arrêterait dans quelques villes avant Kalouga, Vous désireriez, Madame, venir la réjoindre, j'ai communiqué ce souhait à l'Impératrice qui m'a ordonné de Vous écrire qu'elle sera bien heureuse de recevoir V. M. I. ici, si toutefois cela ne Vous fatigue et ne Vous dérange pas. Il m'est, impossible de Vous exprimer, Madame, toutes les vives alarmes que j'éprouve sur la santé de l'Impératrice et je serai bien heureux de voir arriver V. M. I. ici».

[1]) 8-го (20-го) мая 1826 года императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу: «Dans ce moment je suis interrompu par la nouvelle d'un nouveau malheur! Que Dieu reçoive en paix la pauvre Impératrice, elle a cessé de vivre le 4.—Je tremble pour ma mère; quelle suite de peines et de chagrins pour elle; que Dieu la soutienne et lui donne des forces Pour moi, je ne sais que faire!—et m'en remets à Dieu qui ne nous abandonnera pas! Je finis car vous pouvez penser aux embarras où je suis".

очарованный суетностями міра и увлеченный мистицизмомъ, чувствуя потребность болѣе сосредоточиться въ самомъ себѣ, возвратился къ своей супругѣ. Таганрогское уединеніе возобновило между ними прежнія узы.

«Очутившись наконецъ на истинномъ пути (enfin sur le vrai chemin)», какъ выразилась императрица въ выше приведенномъ письмѣ къ своей матери, они были внезапно разлучены другъ съ другомъ. «Такъ было угодно Богу (Dieu l'a voulu)».

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о народныхъ слухахъ, распространившихся по Россіи въ 1826 году; они были вызваны неожиданной кончиной императора Александра I-го въ Таганрогѣ и необычайными обстоятельствами, среди которыхъ совершилось восшествіе на престолъ императора Николая Павловича. Самые нелѣпые толки и слухи зарождались и распространялись подъ сѣнью господствовавшей тогда полнѣйшей безгласности, которая благопріятствовала ихъ развитію среди невѣжественныхъ народныхъ массъ. Правительство собрало въ то время множество донесеній объ этихъ толкахъ; они заслуживаютъ вниманія историка, какъ несомнѣнное произведеніе народной фантазіи, старавшейся по своему объяснить событія этой смутной эпохи.

Для ознакомленія съ характеромъ слуховъ и толковъ, распространившихся въ народѣ по поводу событій 1825 года, достаточно привести здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, собранные въ числѣ 51 вскорѣ послѣ этихъ происшествій однимъ любителемъ въ Москвѣ. [1])

«Государя убили, изрѣзали и долго тѣло его искали и навѣрное не могутъ утвердить, есть ли нашли только израненъ и нельзя узнать, для того сдѣлали на лицо восковую маску» (6-й слухъ). [2]).

«Государя напоили такими напитками, отъ которыхъ онъ захворалъ и умеръ, и все тѣло такъ почернѣло, что никакъ и показывать не годится, для того и сдѣлали восковую накладку, а гробъ свинцовый въ 80 пудъ» (8-й слухъ).

«Государь живъ, его продали въ иноземную волю» (10-й слухъ).

«Государь живъ, уѣхалъ въ легкой шлюпкѣ въ море» (11-й слухъ).

«Государя везутъ совсѣмъ не его, а поддѣланный, и какъ привезутъ

---

[1]) „Московскія новости или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ виднѣе означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утвердить не однихъ не могу, но рѣшился на досугѣ списывать для дальняго время незабвеннаго, именно 1825 года, съ декабря 25-го дня“. Эти слухи, числомъ 51, записаны были дворовымъ человѣкомъ Федоромъ Федоровымъ. (Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

[2]) Подобные фантастическіе разсказы о таганрогскихъ событіяхъ неоднократно появлялись въ 1825 году и въ заграничныхъ газетахъ.

и поставятъ въ Москвѣ, гдѣ будетъ назначено; и противъ онаго гроба наведутъ пушки, а около гроба поставлены будутъ четыре унтеръ-офицера съ заряженными ружьями; и какъ народъ станетъ усиливаться его посмотрѣть въ лицо, оные унтеръ-офицеры выпалятъ изъ ружей, и въ ту жъ минуту изъ наведенныхъ пушекъ выпалятъ прямо въ гробъ и расшибутъ его такъ, что и найтить ничего нельзя будетъ; и потомъ начнется въ Кремлѣ страшная тревога и пальба изъ ружей и рубить начнутъ всякаго званія людей, кто только тамъ случится и кроволитная послѣдуетъ тревога» (20-й слухъ).

«Когда государь поѣхалъ въ Таганрогъ, то за нимъ гнались во всю дорогу многіе господа, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ убить его; то двое и догнали въ одномъ мѣстечкѣ, но убить не осмѣлились; такъ народъ заключаетъ, что государь убитъ въ Таганрогѣ вѣрноподданными извергами» (25-й слухъ. Февраля 5-го дня 1826 года).

«Когда государь былъ въ Таганрогѣ, то приходятъ къ той палатѣ нѣсколько солдатъ и спрашиваютъ, что̀ государь дѣлаетъ? Имъ отвѣчали, что государь пишетъ, то и пошли прочь; на другую ночь опять пришли солдаты и спрашивали, что̀ государь дѣлаетъ? Имъ отвѣчали: Государь спитъ, то на третью ночь пришли опять спрашивали, что̀ государь дѣлаетъ? Имъ отвѣчали: Государь ходитъ по покоямъ, то одинъ солдатъ взошелъ къ государю и сказалъ ему: Васъ сегодня изрубить приготовились непремѣнно; то государь сказалъ солдату: хочешь ли ты за меня быть изрубленъ, то солдатъ сказалъ: я не хочу ни того, ни другаго, то государь ему сказалъ: ты будешь похороненъ, какъ я, и родъ твой будетъ весь награжденъ; то солдатъ на оное согласился и надѣлъ на себя царскій мундиръ, а государя спустили въ окно, а солдата вбѣжали изверги и всего изрубили вмѣсто государя; а какъ они вбѣжали въ ту комнату, гдѣ былъ государь, мнимый ими, то вдругъ первое начало сдѣлали, огонь погасили, чтобъ не такъ было совѣстно въ потьмахъ рубить его, и такъ изрубили, какъ ихней благородной совѣсти было угодно, и тѣло его бросили изъ покоевъ вонъ, а настоящій государь бѣжалъ подъ скрытіемъ въ Кіевъ и тамъ будетъ жить о Христѣ съ душею и станетъ давать совѣты, нужные теперешнему государю Николаю Павловичу для лучшаго управленія государствомъ» (40-й слухъ, 4-го марта 1826 года).

«Когда Александръ Павловичъ былъ въ Таганрогѣ, и тамъ строился дворецъ для Елисаветы Алексѣевны, то государь пріѣхалъ въ оный съ задняго крыльца; стоявшій тутъ часовой, остановя его, сказалъ: не извольте ходить на оное крыльцо, васъ тутъ убьютъ изъ пистоли, и государь сказалъ: хочешь ли ты, солдатъ, за меня умереть, ты будешь похороненъ, какъ меня должно, и родъ твой будетъ весь награжденъ, то солдатъ на оное согласился и переодѣлся; государь надѣлъ солдатовъ

мундиръ и сталъ на часы, а солдатъ надѣлъ царскій мундиръ, шинель и шляпу, пошелъ въ отдѣлываемый дворецъ и лицо шинелью прикрылъ, и какъ взошелъ въ первыя комнаты, то вдругъ изъ пистоли по немъ выпалилъ одинъ баринъ и не попалъ, а самъ упалъ въ обморокъ; а солдатъ какъ повернулся назадъ идти, то другой выпалилъ по немъ и пристрѣлилъ, то вдругъ подхватили и понесли въ тѣ палаты, гдѣ жила его супруга, и ей доложили, что государь весьма нездоровъ, и потомъ послѣ померъ, яко государь, а настоящій государь, бросивъ ружье, бѣжалъ съ часовъ, и неизвѣстно куда, и писалъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ письмо, чтобъ онаго солдата приказала похоронить какъ меня» (43-й слухъ. 16-го марта 1826 года). [1])

Постепенно народные слухи по поводу событій 1825 года умолкли; современные о нихъ письменные слѣды уже давно покоились въ различныхъ архивахъ, какъ вдругъ во второй половинѣ настоящаго столѣтія неожиданно и съ новой силою воскресли старыя, давно забытыя народныя сказанія. На этотъ разъ они сосредоточились на одномъ таинственномъ старцѣ, появившемся въ Сибири и умершемъ 20-го января 1864 года, какъ полагаютъ, 87-ми лѣтъ, въ Томскѣ. Личность этого отшельника, называвшагося Θедоромъ Кузьмичемъ, вызвала даже къ жизни офиціальную переписку о нѣкоемъ старикѣ, о которомъ ходятъ въ народѣ ложные слухи.

Легенда, распространившаяся изъ Томска по Сибири, а затѣмъ и по Россіи, заключалась въ томъ, что Θедоръ Кузьмичъ есть не кто иной, какъ императоръ Александръ Павловичъ, скрывшійся подъ именемъ этого старца и посвятившій себя служенію Богу. Затѣмъ, независимо отъ устныхъ преданій, стали появляться печатныя свѣдѣнія о чудесахъ и предсказаніяхъ таинственнаго отшельника. Наконецъ, въ 1891 году появилась въ Петербургѣ спеціальная монографія о жизни и подвигахъ старца Θедора Кузьмича, выдержавшая нѣсколько изданій [2]).

[1]) Въ разсказахъ о народныхъ слухахъ, записанныхъ Федоровымъ, отразилась еще одна любопытная черта того времени: это народный протестъ противъ крѣпостнаго права. Благородные господа названы первѣйшими въ свѣтѣ подлецами, а отстраненіе великаго князя Константина Павловича отъ престолонаслѣдія является въ народной фантазіи какъ бы слѣдствіемъ его намѣренія освободить невольниковъ: цесаревичъ является жертвою своего заступничества за народъ. Встрѣчается, напримѣръ, такой разсказъ, что великій князь, „видя такое неустроенное въ Россіи варварское на все россійское простонародіе самовластнее и тяжкое притѣсненіе", вознамѣрился по возможности уничтожить оное и для этой цѣли обратился за помощью къ австрійскому императору, который обѣщался двинуть полтораста тысячъ войска" (28-й слухъ, 8-го февраля 1826 года).

[2]) Сказаніе о жизни и подвигахъ великаго раба Божія старца Θеодора Кузьмича, подвизавшагося въ предѣлахъ Томской губерніи съ 1837 года по 1864 годъ. С.-Петербургъ. 1891 г.

О жизни загадочнаго Θедора Кузьмича до появленія его въ Сибири ничего не извѣстно. Въ 1836 году около г. Красноуфимска въ Пермской губерніи мужчина лѣтъ шестидесяти былъ задержанъ, какъ бродяга, наказанъ двадцатью ударами плетей и сосланъ въ Сибирь. Съ 1837 года началась извѣстная уже по различнымъ описаніямъ отшельническая жизнь старца, которая прославила его въ Сибири, окружила ореоломъ святости и прекратилась лишь въ 1864.[1]) На могилѣ его, въ оградѣ Томскаго Алексѣевскаго монастыря, былъ поставленъ крестъ съ надписью: «Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца Θеодора Кузьмича, скончавшагося въ Томскѣ, 20-го января 1864 года». Тайну свою Θедоръ Кузьмичъ унесъ въ могилу; незадолго до кончины, на просьбу объявить хотя имя своего Ангела, загадочный старецъ отвѣчалъ: «Это Богъ знаетъ». На подобный же вопросъ, сдѣланный старцу ранѣе, онъ замѣтилъ: «Я родился въ древахъ; если бы эти древа на меня посмотрѣли, то бы безъ вѣтра вершинами покачали».

По разсказамъ, Θедоръ Кузьмичъ былъ роста высокаго, плечистый, съ величественной осанкой, такъ что этою своею благообразною наружностью и вмѣстѣ съ тѣмъ тихою и степенною рѣчью производилъ на своихъ собесѣдниковъ обаятельное впечатлѣніе. Всѣхъ сразу поражала какая-то необыкновенная величавость во всемъ обликѣ, въ пріемахъ и въ движеніяхъ старца, въ поступи и въ говорѣ и особенно въ благолѣпныхъ чертахъ лица, въ кроткихъ глазахъ и въ обаятельномъ звукѣ голоса, въ чудныхъ рѣчахъ, выходившихъ изъ устъ его. Иногда онъ казался строгимъ и даже повелительнымъ. Все это побуждало посѣтителей преклонять предъ старцемъ колѣна и кланяться ему въ ноги.

На очень распространенныхъ фотографическихъ изображеніяхъ, снятыхъ съ портрета Θедора Кузьмича, онъ представленъ въ кельѣ, сѣдымъ старцемъ съ бородой въ длинной бѣлой рубахѣ, подвязанной поясомъ; одна рука покоится на груди, другая заткнута за поясъ. Въ углу убогой кельи виднѣются распятіе и икона Божіей Матери. Лицо старца напоминаетъ нѣсколько черты императора Александра Павловича.

Приведемъ здѣсь одинъ разсказъ изъ жизни Θедора Кузьмича въ Сибири.

Таинственный старецъ, по говору народному, имѣлъ какой-то осо-

---

Въ 1894 году въ Москвѣ появилось третье изданіе этой брошюры. Къ сказанію приложены два портрета Θедора Кузьмича, виды его келіи и образецъ почерка.

[1]) Съ 1859 года Θедоръ Кузьмичъ переселился на жительство къ томскому купцу Семену Θеофановичу Хромову.—Существуетъ составленное имъ „жизнеописаніе великаго старца Θедора Косьмича“. (Рукопись).

бенный даръ утолять страданія не только тѣлесныя, но и душевныя единымъ словомъ, часто въ видѣ прозорливаго предсказанія о исцѣленіи или указанія средствъ къ тому. Съ молвою росла и слава о немъ въ Сибири, и скоро не было нигдѣ тѣлесно или душевно страждущихъ или руководимыхъ благочестивыми чувствами людей, которые не старались бы посѣтить, видѣть и слышать отшельника во что бы то ни стало. Въ той же мѣстности, въ которой былъ водворенъ старецъ, жили двое сосланныхъ, бывшихъ придворныхъ служителей; одинъ изъ нихъ тяжко заболѣлъ и, не имѣя возможности самому отправиться къ старцу, упросилъ своего товарища посѣтить его и испросить исцѣленія больнаго. Товарищъ его при помощи одного человѣка, имѣвшаго доступъ къ Ѳедору Кузьмичу, былъ принятъ послѣднимъ въ его келіи, а провожатый остался въ сѣняхъ. Посѣтитель, войдя въ келію, тотчасъ бросился въ ноги къ старцу и, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, съ поникшей головою, съ невольнымъ страхомъ разсказалъ ему въ чемъ было дѣло. Кончивъ, онъ чувствуетъ, что старецъ обѣими руками поднимаетъ его, и въ то же время онъ слышитъ и не вѣритъ ушамъ своимъ — чудный, кроткій знакомый ему голосъ.... Встаетъ, поднимаетъ голову, взглянулъ на старца и съ крикомъ, какъ снопъ, повалился безъ чувствъ на полъ. Передъ нимъ стоялъ и говорилъ въ лицѣ отшельника (какъ онъ потомъ утверждалъ) самъ императоръ Александръ Павловичъ, со всѣмъ его наружнымъ обликомъ, но только старцемъ съ сѣдой бородою. Ѳедоръ Кузьмичъ отворилъ дверь и кротко сказалъ провожатому: «возьмите и вынесите его бережно, онъ очнется и оправится, но скажите ему, чтобы онъ никому не говорилъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, — больной же товарищъ его выздоровѣетъ». — Такъ дѣйствительно и случилось. Очнувшійся посѣтитель повѣдалъ, однако, провожатому и товарищу, что въ лицѣ старца онъ узналъ императора Александра Павловича, и съ тѣхъ поръ въ Сибири распространилась народная молва о таинственномъ происхожденіи Ѳедора Кузьмича.

Если бы фантастическія догадки и народныя преданія могли быть основаны на положительныхъ данныхъ и перенесены на реальную почву, то установленная этимъ путемъ дѣйствительность оставила бы за собою самые смѣлые поэтическіе вымыслы; во всякомъ случаѣ, подобная жизнь могла бы послужить канвою для неподражаемой драмы съ потрясающимъ эпилогомъ, основнымъ мотивомъ которой служило бы искупленіе. Въ этомъ новомъ образѣ, созданномъ народнымъ творчествомъ, императоръ Александръ Павловичъ, этотъ «сфинксъ, неразгаданный до гроба», безъ сомнѣнія, представился бы самымъ трагическимъ лицомъ, русской исторіи, и его тернистый жизненный путь увѣнчался бы небывалымъ загробнымъ апоѳеозомъ, осѣненнымъ лучами святости.

Н. Шильдеръ.

Отданіе чести сенаторамъ.

29-го іюня 1798 года, генералъ-прокуроръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ вошелъ къ императору Павлу I съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ.

«По обряду издавна введенному, господамъ сенаторамъ, при входѣ ихъ въ Сенатъ, отдаваема была честь отъ сенатскаго баталіона фронтомъ съ барабаннымъ боемъ. Вновь изданнымъ же высочайшимъ воинскимъ уставомъ повелѣвается: въ отсутствіе императорской фамиліи, отдавать честь однимъ только: военному губернатору и коменданту по ихъ чинамъ, да шефу полка или баталіона. Въ слѣдствіе сего осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго разрѣшенія: отдавать-ли честь господамъ сенаторамъ?»

Императоръ Павелъ написалъ на докладѣ: «продолжать, по прежнему, сенаторамъ отдавать честь».

Сообщ. **А. В. Безродный.**

Постановленіе общаго собранія Сената о присутствованіи всѣмъ составомъ на погребеніи генералъ-фельдмаршала князя Н. И. Салтыкова.

1816 года мая 30-го дня, общее собраніе Правительствующаго Сената с.-петербургскихъ департаментовъ имѣли разсужденіе, что, по случаю кончины его свѣтлости г. генералъ-фельдмаршала, предсѣдателя Государственнаго Совѣта и комитета министровъ, сенатора и разныхъ орденовъ кавалера, князя Николая Ивановича Салтыкова, прилично всему Правительствующему Сенату, какъ гг. сенаторамъ, такъ и канцеляріи, присутствовать при выносѣ и погребеніи тѣла его, имѣющемъ быть наступающаго іюня 1-го числа, яко мужа, многими заслугами отечеству долговременно отличавшагося,—а для того опредѣлили: въ наступающее 1-е число іюня присутствію въ Правительствующемъ Сенатѣ не быть; для чего съ сего постановленія дать во всѣ департаменты копіи, дабы и тѣмъ изъ гг. сенаторовъ, кои сего числа въ присутствіи не были, чрезъ кого слѣдуетъ, повѣщено было.

Сообщ. **А. В. Безродный.**

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I
и
ИСТОРІИ ЕГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Характеристика императора Николая I.—М. Л. Магницкій.—Стихотвореніе по поводу введенія винныхъ откуповъ.—Записка о состояніи войскъ и общества въ 1827 г.—А. П. Ермоловъ и гр. И. И. Дибичъ.—Письма о коронаціи императора Николая I.—Церемоніалъ принятія депутатовъ Царства Польскаго.—Императоръ Николай I у архимандрита Фотія въ Юрьевомъ монастырѣ.—Происшествіе съ лордомъ Дургамомъ.—Императоръ Николай I и генералъ Пенхержевскій.—Кадетъ объ императорѣ Николаѣ I.—Императоръ Николай I и князь Витгенштейнъ.—Фельдъегерь Миллеръ.—Двѣ собственноручныя записки императора Николая I министру юстиціи.—Братья Вольфы.

1.

Выписка изъ письма бывшаго иркутскаго губернатора Трескина къ коллежскому совѣтнику Трескину въ Москву.

25-го февраля 1826 г. С.-Петербургъ [1]).

По письму Ив. Бор. (Пестеля) онъ долженъ былъ выѣхать сюда 19-го или 20-го февраля; скоро долженъ быть здѣсь, если уже не пріѣхалъ. Какъ-то будетъ онъ принятъ и чѣмъ благословитъ его Господь? Предъузнать никакъ нельзя, особливо по случаю несчастной исторіи сына его. Мое письмо все еще не готово; не достаетъ духу и все еще примѣняюсь къ дѣйствіямъ новаго государя. За всѣмъ тѣмъ отгадать его трудно; дѣйствія его по сію пору неопредѣлительны и выказывается строгость противъ многихъ губернаторовъ, какъ-то противъ владимірскаго и курскаго, которымъ сдѣланы замѣчанія по вошедшимъ журналамъ отъ министерскаго комитета (Комитетъ Министровъ). Вотъ образчикъ собственной резолюціи государя: «Мнѣніе князя Голицына справедливо, но

[1]) Изъ перлюстрованныхъ писемъ.

такъ какъ графъ Апраксинъ мнѣ прежде извѣстенъ былъ благороднымъ человѣкомъ, то, исполнивъ приговоръ комитета, объявить ему сверхъ того, что я его не узнаю и единственно за прежнюю службу, мнѣ извѣстную, не исполняю надъ нимъ того, чтó по закóну слѣдовало; но при первомъ случаѣ поступлю еще строже, чѣмъ со всякимъ другимъ». Таковы и прочія, доселѣ бывшія. Впрочемъ, особаго ничего пока не слышно, а чтó есть, все то видно въ газетахъ. Вообще оглашаютъ, что графъ Аракчеевъ, послѣ погребенія,[1]) поѣдетъ въ чужія края; по всему кажется, что ему не быть уже тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде, да едва ли и вовсе останется. О заговорщикахъ вообще ничего не слышно. Новыхъ подозрѣваемыхъ людей, какъ слышно, продолжаютъ привозить.

2.

И. И. Дибичъ—генералъ-маіору графу Гурьеву.

31-го октября 1826 г., № 142.

Государь императоръ высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ препроводить при семъ къ вашему сіятельству отношеніе ко мнѣ генералъ-губернатора Бахметева[2]), отъ 19-го октября, за № 218-мъ, о дѣйствіяхъ и связяхъ г-на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, съ тѣмъ, чтобы вы, во все время пребыванія въ Казани, для произведенія высочайше порученнаго вамъ слѣдствія, секретнымъ образомъ развѣдали о дѣйствіяхъ и связяхъ г. Магницкаго, а потомъ увѣдомили бы меня объ оказавшемся для доклада его величеству.

Препровождая къ вашему сіятельству упомянутое отношеніе генералъ-губернатора Бахметева, я, по содержанію сообщенной вамъ высочайшей воли, буду ожидать вашего увѣдомленія.

3.

Собственноручное письмо М. Л. Магницкаго—барону И. И. Дибичу.

4-го января 1827 г., гор. Ревель.

По высочайшему повелѣнію препровожденныя ко мнѣ, при почтеннѣйшемъ отношеніи вашего высокопревосходительства, съ нарочнымъ фельдъегеремъ отобранныя у меня въ Казани бумаги сегодня поутру я имѣлъ честь получить.

---

[1]) Императора Александра I.

[2]) Отношенія Бахметева при письмѣ не оказалось.

Чувство всеподданнѣйшей благодарности моей цѣнитъ всемилостивѣйшее вниманіе сіе тѣмъ дороже, чѣмъ менѣе заслужилъ я его. Но какъ безмолвное возвращеніе бумагъ моихъ означаетъ не существованіе той виновности, которая была вѣроятно взведена на меня и вынудила забрать ихъ, то я прошу дозволенія вашего, милостивый государь, склонить вниманіе ваше на мое положеніе. Ваше высокопревосходительство примѣтить можетъ быть изволили, что, не взирая на открытую для каждаго доступность къ его императорскому величеству, въ самомъ жестокомъ положеніи человѣка, моихъ лѣтъ и званія, невиннаго, который публично оглашенъ важнымъ преступникомъ, арестованъ пріѣхавшими къ нему шестью губернскими чиновниками, лишенъ, съ нарушеніемъ всѣхъ тайнъ семейственныхъ, бумагъ своихъ, влачимъ въ распутицу чрезъ двѣ тысячи верстъ съ фельдъегеремъ и, наконецъ, привезенъ сюда и сданъ, какъ арестантъ, коменданту,—я сохранилъ совершенное молчаніе, не оправдываясь и не жалуясь, доколѣ бумаги мои, заключавшія самыя тайныя чувства и весь образъ моихъ мыслей и взятыя въ такое время, какъ я наименѣе о томъ думалъ, будутъ его императорскимъ величествомъ разсмотрѣны; такъ твердо и беззаботно полагался я на правосудіе государя, такъ зналъ я, что оно само будетъ лучшимъ моимъ ходатаемъ. Къ сему-то правосудію и нынѣ, когда всѣ дѣла, всѣ мысли, всѣ чувства мои предъ его величествомъ обнаружены, чрезъ высокое и всему благородному такъ выгодное посредство вашего высокопревосходительства смѣло прибѣгаю съ слѣдующею всеподданнѣйшею просьбою:

Всѣ происшествія, въ теченіе года меня постигшія, особливо же послѣднее, нанесли мнѣ вредъ несказанный въ здоровьѣ собственномъ и гораздо для меня драгоцѣннѣйшемъ жены моей, въ имуществѣ, ибо всѣ домовыя и домашнія дѣла, на кредитѣ и довѣренности основанныя, совершенно разстроены. Въ доказательство сего, устраняя всякую мысль корысти или возмездія, приведу я одно изъ самыхъ послѣднихъ обстоятельствъ: покойный государь, благотворитель мой, пожаловалъ мнѣ аренду въ Кіевѣ; въ генварѣ будущаго года срокъ моему вступленію во владѣніе. За годъ, то-есть въ текущемъ нынѣ мѣсяцѣ, долженъ я былъ продать сію аренду на кіевскихъ контрактахъ, но будучи арестованъ въ декабрѣ, исполнить сего не могъ. Теперь долженъ буду продать за полцѣны, ибо при наступленіи срока владѣнію съемщики, зная что для продолженія продажи времени не остается, всегда такимъ образомъ продавцевъ притѣсняютъ. Я изъяснилъ сіе единственно въ доказательство десятой только части претерпѣннаго мною въ прошломъ году разоренія. Но всѣ сіи существенныя впрочемъ и весьма важныя для семейства моего страданія я вмѣняю ни во что противъ лишенія чести, заслуженной прадѣдомъ, дѣдомъ, отцомъ и мною въ те-

ченіе 150 лѣтъ, сего святаго и драгоцѣннѣйшаго наслѣдія сына моего. Его возвращенія, его одного всеподданнѣйше прошу я. Ежели какъ по поступкамъ со мною бывшимъ судить должно, взведено на меня положительное обвиненіе, то я прошу объявить мнѣ его, прошу подвергнуть меня строжайшему допросу и суду. Ежели же оно такого рода, что объявлено быть мнѣ не можетъ, я всеподданнѣйше прошу снять пятно, клеветою на меня положенное, пятно преступника, хотя яко-бы не обличеннаго, но подозрѣваемаго, удаленнаго отъ службы и изгнаннаго.

Всемилостивѣйшій государь нашъ явилъ уже въ краткое время царствованія своего столько примѣровъ подобнаго возстановленія чести, сего божественнаго дѣйствія державной власти, и неужели для меня одного праведное милосердіе его оскудѣетъ.

4.

Стихотвореніе по поводу введенія винныхъ откуповъ.

1827 г. [1]).

Гляжу какъ безумный на царскій указъ,
И слезы ручьями льются изъ глазъ.
Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
По части питейной я славно служилъ;
Питейная часть богатила меня,
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.
Однажды услышалъ не въ добрый я часъ,
Что будто въ сенатѣ есть царскій указъ
Питейные сборы на откупъ отдать,
Казнѣ же виномъ перестать торговать.
Услышавъ указъ сей я проклялъ его
И кучера призвалъ тотчасъ своего.
Въ сенатскую лавку летѣлъ на конѣ,
И жадность къ корысти стонала во мнѣ;
Лишь только увидѣлъ я лавки порогъ,
Въ глазахъ потемнѣло, я весь изнемогъ;
Я въ лавку вступаю, читаю указъ

---

[1]) 26-го марта 1827 года были высочайше утверждены условія для содержанія питейныхъ сборовъ въ 29-ти великороссійскихъ губерніяхъ. См. Полное собр. законовъ, собраніе II, т. II, № 987. Ред.

И чувствую въ жилахъ ужаснѣйшій мразъ:
Хотѣлось мнѣ въ домикѣ каменномъ жить,
И съ садикомъ дачку для лѣта купить.
Питейные сборы погибли кругомъ,
А съ ними я дача, и садикъ, и домъ.
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей,
Съ тѣхъ поръ не беру съ кабаковъ податей.
Гляжу какъ безумный на царскій указъ
И слезы ручьями льются изъ глазъ.

5.

Секретная записка неизвѣстнаго, поданная генералъ адъютанту Дибичу.

8 го іюня 1827 г.

Бывши въ мѣстахъ расположенія войскъ 3-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ, а особенно на возвратномъ пути изъ Одессы останавливаясь тамъ, гдѣ происходили мятежи, всячески старался узнавать о духѣ, образѣ мыслей сихъ полковъ, въ поведеніи коихъ вообще ничего худаго не замѣтилъ: все смирно и хорошо, служба идетъ своимъ строгимъ порядкомъ.

Что касается до 3-й гусарской дивизіи, то я, ѣдучи въ Одессу, проѣзжалъ мѣста, гдѣ она расположена, и на обратномъ пути послалъ бывшаго со мною чиновника 14-го класса Коноплева, который, бывъ партикулярно одѣтъ и никѣмъ не замѣченъ, вездѣ былъ, все смотрѣлъ и ничего худаго не видалъ и не слыхалъ; вездѣ строгая субординація. Форма, какъ въ дивизіонномъ штабѣ, равно и въ полкахъ, строго наблюдается, чего въ сей дивизіи прежде, сколько извѣстно мнѣ, никогда не было.

По разговору съ знакомыми офицерами видно, что сей хорошій родъ службы завелся только со вступленіемъ г-на генералъ-лейтенанта Ридигера, который началъ тѣмъ, что за малѣйшее упущеніе по службѣ взыскивалъ строго, чѣмъ самыхъ шалуновъ и нерадивыхъ офицеровъ заставилъ выйти въ отставку, а хорошихъ офицеровъ заставилъ уважать себя. Они говорятъ о немъ, что хотя онъ строгъ и взыскателенъ, но справедливъ; не нравится имъ только то, что онъ имѣетъ манеру подъ рукою узнавать объ образѣ мыслей и частной жизни своихъ подчиненныхъ, что̀ впрочемъ для начальника необходимо. Кромѣ сего отдаютъ ему справедливость въ деликатномъ обхожденіи его со всѣми, и личность не имѣетъ у него мѣста.

Не трудно замѣтить, что многіе нехорошіе слухи насчетъ сей дивизіи, кажется, происходятъ чрезъ волынскаго гражданскаго губернатора Андржейковича. Не смѣю писать подробности не удостовѣрившись; но если вѣрить общимъ слухамъ, то подобнаго корыстолюбца и лихоимца свѣтъ не производилъ; но какъ онъ, будучи опытенъ и знающій по дѣламъ, ведетъ оныя такимъ образомъ, что наружная форма иногда можетъ оправдывать его. При всемъ томъ, какъ говорятъ, легко бы было уличить его въ противозаконныхъ поступкахъ, если бы не боялись. Ненависть его на гусаръ происходитъ болѣе оттого, что подъ начальствомъ генерала Ридигера наряжена военная коммиссія для изслѣдованія дѣла о шайкѣ воровъ и мошенниковъ, существовавшихъ нѣсколько лѣтъ почти публично въ Бердичевѣ. И какъ слышно, то по дѣламъ оказывается, что полиція знала о семъ, почему и бывшій полиціймейстеръ отрѣшенъ отъ должности и находится подъ слѣдствіемъ. Военная же коммиссія, согласно предписанію начальства, дѣйствуетъ настоятельно къ открытію корня зла, послѣдствія чего угрожаютъ тамошнему гражданскому начальству, и потому стараются разными способами распустить нелѣпые слухи насчетъ сей дивизіи, полагая тѣмъ уязвить генерала Ридигера.

О князѣ Сибирскомъ я, еще до пріѣзда моего въ городъ Махновку, слышалъ отъ генерала Эйсмонта, съ коимъ знакомъ еще съ коммиссіи, и теперь случайно съѣхавшись на станціи, вмѣстѣ ѣхалъ съ нимъ отъ Чернигова до Кіева. Между разговорами сказалъ онъ мнѣ и о князѣ Сибирскомъ, коего описалъ онъ, какъ расточительнаго человѣка, и когда онъ нуждался въ деньгахъ, то разными манерами старался выпрашивать у г.г. полковыхъ командировъ командуемой имъ дивизіи, кои нехотя принуждены были давать ему. По прибытіи моемъ въ Махновку, я слышалъ о семъ подтвержденіе, и сверхъ того говорили, что онъ велъ жизнь безъ малѣйшаго разсчета, надѣлалъ много партикулярныхъ долговъ, выстроилъ себѣ домъ, какъ говорятъ стоющій ему до пятидесяти тысячъ рублей серебромъ, безъ малѣйшаго вкуса и вида, и притомъ на такомъ мѣстѣ, что если придется продать, то едва дадутъ ему третью часть.

Какъ я слышалъ, то полковые командиры, при сдачѣ дивизіи, подали ему свои претензіи. Узнавши, что въ семъ городѣ содержитъ караулъ Казанскій пѣхотный полкъ, коимъ командовалъ полковникъ Аврамовъ [1]), долгомъ себѣ поставилъ оставаться тамъ нѣсколько для наблюденія о духѣ сего полка; говорилъ со многими офицерами, приходившими въ трактиръ, гдѣ я остановился, посылалъ также Коноплева

---

[1]) Декабристъ.

какъ человѣка непримѣтнаго, и все слава Богу найдено смирно и хорошо. Хотя г-да офицеры и хвалили Аврамова, какъ хорошаго полковаго командира, но не менѣе того съ презрѣніемъ говорили насчетъ гнуснаго поступка его, присовокупя къ тому: «Слава Богу, что не успѣвъ завлечь и нашихъ братьевъ, онъ по справедливости самъ и наказанъ».

Равно освѣдомлялся и о Вятскомъ полку, коимъ командовалъ Пестель, гдѣ также все смирно и хорошо.

Все, что я только могъ въ продолженіе трехнедѣльнаго пребыванія моего въ городѣ Одессѣ замѣтить и слышать отъ разныхъ лицъ, заключается въ слѣдующемъ:

О духѣ и образѣ мыслей здѣсь живущихъ дворянъ, негоціантовъ и разнаго званія людей ничего болѣе нельзя сказать, кромѣ того, что вниманіе всѣхъ устремлено къ пріобрѣтенію богатствъ; всякій по своей части поднимается на аферы и употребляетъ всѣ способы къ сдѣланію выгоднаго оборота, какимъ бы то образомъ ни было. Это, можно сказать, составляетъ почти всякаго ежедневное занятіе. О политическихъ сужденіяхъ и разсказахъ новостей ни отъ кого не услышишь. Я замѣтилъ, что даже въ клубахъ, казино и другихъ публичныхъ собраніяхъ никакихъ политическихъ журналовъ не имѣется, кромѣ «С.-Петербургской газеты», «Сенатскихъ Вѣдомостей» и коммерческихъ газетъ, которыя читаютъ съ большимъ вниманіемъ. Повидимому, даже и греки немного заняты своими единоземцами.

Правленіемъ графа Воронцова всѣ вообще не такъ довольны; говорятъ о немъ, что онъ дѣлами весьма мало занимается, не входитъ въ подробности, какъ бы слѣдовало, полагается на своихъ чиновниковъ, которые, какъ слышно, не безъинтересны. Бумаги по восьми и десяти дней лежатъ безъ подписи; ввѣряется нѣкоторымъ своимъ любимцамъ, кои дѣйствуютъ въ дѣлахъ почти по своему произволу; онъ же неприступенъ.

Производство дѣлъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ идетъ медленно и сопряжено съ издержками тяжущихся, или лучше сказать, рѣшеніе дѣлъ основано на интересѣ.

Кромѣ безпечности его въ отношеніи текущихъ дѣлъ, еще замѣтно слѣдующее: въ городѣ нечистота до такой степени, что осенью и весною даже по большимъ улицамъ почти проѣзду нѣтъ, несмотря на то, что мостовыя, какъ говорятъ, стоили милліоновъ, и при ежегодной починкѣ оныхъ не было обращено вниманіе сдѣлать для стоку воды канавы до сего времени и не заботились о пріисканіи дикаго камня.

О лицеѣ всѣ говорятъ, что оный, какъ въ отношеніи ученья, равно и нравственности питомцевъ, дошелъ было до такого жалкаго состоянія, что родители стали отнимать (?) дѣтей своихъ, опасаясь худыхъ по-

слѣдствій такого воспитанія; но со вступленіемъ новаго директора всѣ, видя его неутомимую дѣятельность и строгую нравственность и имѣя надежду, что стараніемъ его возстановится порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ, стали опять отдавать дѣтей своихъ не токмо жители Одессы, но даже привозить и изъ дальнихъ мѣстъ.

Въ городовомъ магистратѣ также большіе безпорядки: хорошіе купцы уклоняются отъ выборовъ потому, что у нихъ бываютъ такіе расходы, кои при сдачѣ должности нельзя показать въ формальныхъ отчетахъ, и сіи падаютъ всегда на ихъ собственность, отчего въ мартѣ мѣсяцѣ еще не были выбраны новые судьи, кои должны были быть выбраны въ декабрѣ.

Въ приказѣ общественнаго призрѣнія, какъ говорятъ, долженъ быть большой ущербъ, потому что деньги раздаваемы были подъ залогъ домовъ, заводовъ и проч., кои по слабости начальства были оцѣнены слишкомъ дорого; но когда они за неплатежъ подверглись аукціонной продажѣ, то за нихъ не даютъ той суммы, въ коей были заложены.

Въ разговорахъ же съ нѣкоторыми насчетъ графа Палена всѣ относятся о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, дѣятельномъ и достойномъ занимать ту должность, которую обнимаетъ во всѣхъ частяхъ и въ состояніи былъ бы исправить всѣ существующіе безпорядки, если бы не былъ въ зависимости отъ графа Воронцова, и притомъ, окруженный всѣми его чиновниками, не можетъ принять мѣръ къ улучшенію нѣкоторыхъ частей.

Проѣзжая Херсонскую губернію, нельзя не замѣтить тѣхъ необозримыхъ степей, въ коихъ народонаселеніе едва замѣтно. Изыскивая сему причину, я узналъ, что зло сіе произошло оттого, что вначалѣ земли раздаваемы были желающимъ съ тѣмъ, что если въ теченіе десяти лѣтъ населятъ оную по положенію, тогда выдастся имъ на вѣчное владѣніе крѣпость. Впослѣдствіи же времени, когда посланы были чиновники для обревизованія населенія владѣльцевъ, кои, увлекаясь интересомъ, выдавали свидѣтельства на законное населеніе душъ тѣмъ лицамъ, у коихъ и десятой части не было противъ показанія. Таковые владѣльцы прежде сего принимали бѣглецовъ изъ разныхъ мѣстъ для обработыванія земли пополамъ, но какъ сіе прекратилось, то стали оною барышничать, а между тѣмъ народонаселеніе нимало отъ сего не увеличивается. Какъ слышно и теперь есть такіе, которые при десяти или пятнадцати душахъ имѣютъ до десяти тысячъ десятинъ земли. По настоящему, слѣдовало бы всѣхъ таковыхъ пользующихся незаконнымъ правомъ владѣльцевъ обязать подпиской, если они въ теченіе трехъ лѣтъ не заселятъ владѣемую ими землю указнымъ числомъ душъ, то въ такомъ случаѣ отберется отъ нихъ излишняя земля и раздастся

тѣмъ, кои въ состояніи будутъ поселить; тогда навѣрно почти можно сказать, что край сей приметъ другой видъ, и пустыя степи обратятся въ плодовитыя нивы.

Въ разговорѣ съ графомъ Паленомъ, когда зашла рѣчь о семъ предметѣ, онъ согласился съ моимъ замѣченіемъ, только прибавилъ къ сему, что есть мѣста, кои неудобны для поселенія, по недостатку воды, но таковыхъ мало и почти не розданы. Между прочимъ, повидимому, онъ, зная или догадываясь, что всѣ безпорядки правительству должны быть не безъизвѣстны, давая замѣтить мнѣ о своемъ зависящемъ отъ другихъ положеніи, коснулся и до безпорядковъ Бессарабской области, и что онъ получилъ свѣдѣніе о бѣжавшихъ оттуда слишкомъ ста человѣкъ за границу. Я же, будучи такъ близко отъ Кишинева, рѣшился заѣхать туда.

На пути въ Кишиневъ, проѣзжая чрезъ Бендерскій цинутъ, замѣтилъ я, что казенные лѣса, отъ худаго присмотра, или лучше сказать, злоупотребленія лѣсныхъ чиновниковъ, весьма много истреблены; судя по времени, какъ они были посѣяны, должны бы уже, на здѣшней плодоносной почвѣ земли, быть годны для строенія, вмѣсто коихъ виденъ одинъ только кустарникъ.

О губернаторѣ вообще относятся не хорошо; онъ съ самаго пріѣзда сказывается больнымъ. Въ Кишиневѣ пропасть тяжущихъ дѣлъ; хотя и носятъ къ нему оныя въ домъ для разсмотрѣнія, однако ни малѣйшей дѣятельности и исполненія по онымъ не видно. Дѣло, продолжающееся нѣсколько лѣтъ, не приходитъ къ окончанію; въ судебныхъ мѣстахъ безъ денегъ ничего не дѣлается; частныя жалобы и просьбы остаются безъ всякаго удовлетворенія и часть сія весьма запущена.

Жители, имѣющіе виноградныя заведенія, жалуются на откупщика, который, не довольствуясь одними доходами, получаемыми имъ за продаваемую имъ пополамъ съ водою горилку, беретъ еще около трехъ левовъ съ ведра, привозимаго изъ уѣзда поселянами на продажу въ городъ вина.

Курсъ монеты, по худому качеству, и безпрестанная поддѣлка паръ въ Молдавіи цыганами, часто перемѣняется въ оборотѣ; видны одни только пары, между коими навѣрно болѣе половины фальшивыхъ. Левовъ же почти вовсе не видно; лева, по обороту, считается въ сорокъ паръ, полагая каждую въ $1^1/_2$ копѣйки, чтó составляетъ 60 коп. (на сей курсъ жители между собою продаютъ и покупаютъ всѣ продукты и издѣлья здѣшняго края), а размѣнять на ассигнаціи для платежа откупщику или въ казну, пара принимается въ одной только копѣйкѣ, слѣдственно жители теряютъ третью часть.

Таможня и карантины по Днѣстру, оставшіеся еще съ тѣхъ временъ, какъ рѣка сія была границею Россіи, весьма много стѣсняютъ и

вредятъ промышленности сей области съ сосѣдственными губерніями, ибо для вывозу произведеній здѣшняго края требуется свидѣтельство губернскаго правленія, полученіе коего сопряжено съ проволочкою и издержками; равно же провозъ товаровъ и переѣздъ чрезъ днѣстровскіе таможни и карантинъ. Все сіе стоитъ столько издержекъ, сколько и самый товаръ, каковые расходы падаютъ на здѣшнія произведенія, кои продаются за безцѣнокъ, а казна чрезъ сіе не токмо что ничего не пріобрѣтаетъ, но даже теряетъ тѣмъ, что бѣдные поселяне, не получая награды за труды свои, не только что теряютъ охоту заниматься разведеніемъ садовъ и улучшеніемъ хлѣбопашества, но даже оставляютъ свои жилища и уходятъ за границу; мѣстное же начальство на все сіе не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія.

Край сей, по грунту земли, несравненно лучше херсонскаго; лѣсъ и всѣ плодовыя деревья выростаютъ весьма скоро, также и для всякаго хлѣба очень плодородно. Народонаселеніе же весьма ограничено, и поселяне въ бѣдномъ состояніи; при хорошемъ распоряженіи и дѣятельности начальника, управляющаго сею областью, и маломъ поощреніи трудовъ поселянъ, прекращеніи злоупотребленій, весьма не трудно бы было возстановить благоденствіе здѣшнихъ обитателей и оживить почти совсѣмъ упавшую торговлю.

6.

Собственноручное письмо А. П. Ермолова—графу И. И. Дибичу.

13-го іюля 1827 г.

Спѣшу отозваться на почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, извѣщающее о новой наградѣ, которою его императорское величество всемилостивѣйше ущедрять меня изволитъ, назначая пять тысячъ рублей серебромъ въ годъ столовыхъ денегъ.

Исполненный вѣрноподданническихъ чувствъ признательности, принялъ я прежнюю милость государя, которою опредѣлено мнѣ жалованье по чину и столовыя деньги по званію корпуснаго командира. Милость сія, оказываемая другимъ въ однихъ со мною чинахъ, въ одинаковомъ положеніи, толико по образу жизни моей велика для меня, что всякій другой даръ содѣлываетъ излишнимъ. Но не осмѣливаясь уклоняться новой награды, дабы не умножить неблаговоленія его императорскаго величества, которое имѣю несчастье явно носить на себѣ, я, пріемля оную, буду чувствовать обязанность мою щедроту монарха употребить достойнымъ ея образомъ, ничего не отвращая въ пользу свою.

7.

Секретная записка коменданта Веревкина—московскому генералъ-губернатору князю Голицыну.

13-го августа 1827 г.

Генералъ-маіоръ Фришъ вчерашняго числа донесъ мнѣ, что стоявшій въ караулѣ, на главной гауптвахтѣ Сибирскаго гренадерскаго полка штабсъ-капитанъ Боцанъ и прапорщикъ Ковалевскій объявили своему полковому командиру полковнику Юницкому, что приходилъ на главную гауптвахту московскаго университета студентъ Николай Лужниковъ; сперва разспрашивалъ у нѣкоторыхъ изъ караульныхъ гренадеръ каковъ ихъ ротный командиръ, которые отозвались, что они имъ довольны и его любятъ. То послѣ сего, означенный студентъ, подойдя къ штабсъ-капитану Боцану, старался познакомиться, и по нѣкоторомъ привѣтствіи просилъ какъ его, такъ и Ковалевскаго войти съ нимъ въ короткія связи, объявляя секретъ и просилъ въ ономъ участвовать, сказавъ, что ихъ партія довольно значительная, какъ въ Москвѣ, такъ въ Петербургѣ и въ Сибири, и что они предположили сего мѣсяца, 22-го числа, въ день коронаціи, сдѣлать революцію, а передъ тѣмъ намѣрены по всему городу разбросать возмутительныя записки, а также у монумента Пожарскаго выставить, сколько было невинно повѣшенныхъ и сосланныхъ въ Сибирь.

Я приказалъ означеннымъ офицерамъ притворно согласиться и стараться всячески вывѣдывать и узнавать въ семъ сообщниковъ, и сколь возможно секретнѣе.

Сего числа объявили, что означенный студентъ живетъ въ Кремлѣ, у дяди своего, экзекутора кремлевской экспедиціи, и что сегодня обѣщалъ придти къ нимъ въ Хамовническія казармы съ товарищемъ, какимъ-то Критскимъ, и хотѣлъ имъ показать какія-то бумаги и на образецъ приготовленный кинжалъ. Въ ожиданіи дальнѣйшаго открытія злодѣевъ симъ спѣшу донесть вашему сіятельству.

8.

Собственноручное письмо генералъ-адъютанта Матвѣя Храповицкаго—графу Дибичу.

23-го августа 1827 г., Москва.

Благодаря Бога, день священнаго коронованія его императорскаго величества прошелъ не только что покойно, но даже въ праздновав-

шемъ народѣ, кромѣ искренняго веселья и спокойствія на гуляньи, бывшемъ въ Александровскомъ саду, ничего я не замѣтилъ, по крайней мѣрѣ было онаго до двадцати тысячъ человѣкъ. Но несмотря на малое пространство, находящееся между малою рѣшеткою сада и строеніемъ, порядокъ не былъ ни на минуту нарушенъ.

Съ согласія г-на военнаго генералъ-губернатора, для предосторожности, войска подъ разными предлогами были при своихъ мѣстахъ, въ готовности по первому приказанію прибыть въ Кремль; но я повторяю, что ни малѣйшаго знака не было, который бы подалъ поводъ къ заключенію, что въ сей день готовилось какое-нибудь преступное дѣйствіе, да и изъ показаній взятыхъ подъ арестъ видно, что это было одно разсужденіе ихъ, что въ торжественный день удобнѣе производить подобныя предпріятія при торжествахъ.

Изъ тѣхъ же показаній усмотрѣлъ, что они старались возбудить въ нижнихъ чинахъ негодованіе на своихъ начальниковъ въ строгомъ съ ними обращеніи, а на правительство сравненіемъ службы въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ оная назначена шесть лѣтъ. Несмотря, что рядовой, съ старшимъ изъ Критскихъ разговаривавшій, скрылъ свое имя, мною отысканъ, и за то, что не объявилъ о семъ разговорѣ, будетъ наказанъ, но я воздерживаюсь на нѣкоторое время, дабы не придать вѣсу сему необдуманному, но весьма преступному предпріятію. Отобранный мною допросъ въ копіи при семъ къ вашему сіятельству на благоусмотрѣніе прилагаю. Изъ онаго вы усмотрѣть изволите, что рядовой Кашнерюкъ виноватъ въ необъявленіи своему начальству о разговорѣ, котораго, впрочемъ, часовой не долженъ ни съ кѣмъ и имѣть.

При семъ честь имѣю васъ увѣдомить, что по наблюденію моему духъ въ войскахъ похвальный; заключаю сіе по вліянію, какое надъ ними производитъ похвала или неудовольствіе мое.

Пріемлю смѣлость всепокорнѣйше просить васъ, сіятельнѣйшій графъ, повергнуть меня къ стопамъ его величества.

Показаніе Астраханскаго гренадерскаго полка рядоваго Франца Кашнерюка.

21-го августа 1827 г.

Сего года, въ іюлѣ мѣсяцѣ, по приходѣ съ полкомъ въ Москву, для содержанія караула, въ первую очередь находясь въ караулѣ на главной гауптвахтѣ, былъ поставленъ на часы въ корридорѣ кавалерскихъ корпусовъ, гдѣ вышедшій изъ комнаты неизвѣстный мнѣ человѣкъ во фракѣ, довольно высокаго роста, бѣлокурый, съ собачкою на рукѣ, подойдя ко мнѣ, предлагалъ трубку, коей я однако не принялъ, сказы-

вая, что сдѣлать сего на часахъ не могу. Послѣ сего началъ онъ разспрашивать, какой я губерніи и съ котораго года въ службѣ. Предполагая въ немъ придворнаго чиновника, я разсказалъ ему, изъ которой я губерніи и когда служу (Каменецъ-Подольской, съ 1812 г.). Послѣ, на вопросъ какъ меня зовутъ, не желая объявить ему настоящаго прозванія, сказалъ, что меня зовутъ Францъ Бобринскій, каковое прозваніе имѣла моя мать. За симъ тотъ же неизвѣстный мнѣ человѣкъ сталъ меня разспрашивать, какова нынѣ служба, тяжела или нѣтъ, также какихъ имѣю начальниковъ, кто они именно и доволенъ ли ими. На что я также отвѣчалъ, что служба сноснѣе противъ прежней, только нѣсколько скучны въ Москвѣ караулы. Тутъ я поименовалъ начальниковъ, подъ командою коихъ состою и прежде состоялъ, въ числѣ коихъ упомянулъ бывшаго полковаго командира, что нынѣ генералъ-маіоръ, Акутина. На что тотъ неизвѣстный человѣкъ говорилъ, что онъ знаетъ Акутина, и что былъ пребестія и тиранъ, причемъ поносилъ и прочихъ начальниковъ, сказывая, что нынѣ ни одного нѣтъ начальника, каковы прежде были. Далѣе, продолжая разговоръ, спросилъ присягалъ ли я великому князю Константину Павловичу. Я отвѣчалъ, что присягалъ съ прочими въ городѣ Тулѣ. Потомъ на послѣдующій вопросъ его, присягалъ ли нынѣ царствующему государю императору, когда я сказалъ, что тоже присягалъ, то онъ говорилъ, что не должно было вторично присягать, и что это былъ обманъ. На сіе хотя я возражалъ, что при сей послѣдней присягѣ читаны были манифестъ и завѣщаніе, и потому никакого въ томъ сомнѣнія нѣтъ, но онъ утверждалъ по прежнему, что это былъ обманъ, и что не должно было присягать въ другой разъ, продолжалъ издѣваться надъ симъ. Почему я въ шутку сказалъ ему, что я будто бы не хотѣлъ присягать, но былъ принужденъ къ тому ротнымъ своимъ командиромъ, который ударилъ будто бы меня за оказанное при семъ случаѣ сопротивленіе, а я его толкнулъ прикладомъ, и за то разжалованъ въ рядовые. Послѣ того сей же неизвѣстный человѣкъ, изъявляя сожалѣніе, что служба наша продолжительна, сказывалъ, что ежели бы сдѣлалась перемѣна, то служба была бы вмѣсто 25-ти только 6 лѣтъ. Дальнѣйшій разговоръ прекращенъ былъ приходомъ смѣны, которую примѣтя говорившій со мною человѣкъ, отойдя отъ меня прочь, побѣжалъ по лѣстницѣ внизъ, сказавъ, что еще со мною увидится. Однакожъ, послѣ того я нигдѣ его не видалъ.

9.

Церемоніалъ представленія его императорскому величеству присланныхъ отъ Царства Польскаго депутатовъ, для принесенія вѣрноподданнѣйшей благодарности за всемилостивѣйшее всепрощеніе и за оказанныя Царству милости.

Высочайше утвержденъ
27-го апрѣля 1832 г.

Представленіе депутатовъ имѣетъ быть въ Зимнемъ дворцѣ въ воскресенье 1-го мая, въ 12 часовъ пополудни.

Для сопровожденія ихъ назначится отъ церемоніальнаго департамента одинъ изъ церемоніймейстеровъ, который увѣдомитъ ихъ о времени представленія и согласится съ ними о домѣ, изъ котораго бы всѣ вмѣстѣ могли они отправиться во дворецъ.

Въ назначенный для представленія день, церемоніймейстеръ отправится, въ придворныхъ экипажахъ, къ депутатамъ; въ « » часовъ пріѣдутъ они во дворецъ, на большой дворъ, слѣдующимъ порядкомъ:

Два придворныхъ ѣздовыхъ верхами. Придворная четырехмѣстная карета цугомъ, въ которой сидѣть будетъ старшій изъ депутатовъ по правую, а церемоніймейстеръ по лѣвую сторону; насупротивъ одинъ изъ младшихъ депутатовъ.

Предъ каретою пойдутъ два скорохода, а за оною два придворныхъ лакея, въ парадныхъ ливреяхъ; съ правой стороны кареты конюшенный офицеръ верхомъ.

Пять четырехмѣстныхъ придворныхъ каретъ цугомъ, въ которыхъ сидятъ остальные депутаты по старшинству, позади каждой кареты два придворныхъ лакея въ парадныхъ же ливреяхъ. Въ заключеніе кортежа два придворныхъ ѣздовыхъ верхами.

При выходѣ изъ каретъ, депутаты встрѣчены будутъ у подъѣзда гофъ-фурьеромъ, который и поведетъ ихъ на парадную лѣстницу, въ переднюю комнату, гдѣ встрѣтитъ ихъ камеръ-фурьеръ; онъ идетъ предъ ними чрезъ Бѣлую галлерею до Статсъ-Дамской, назначаемой камерою ожиданія, въ которой приметъ ихъ главный директоръ коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Царства Польскаго, свиты его императорскаго величества генералъ-маіоръ графъ Строгоновъ, и дастъ знать чрезъ церемоніймейстера министру императорскаго двора о прибытіи депутатовъ.

Между тѣмъ, по объявленной отъ двора повѣсткѣ, въ Георгіевскомъ залѣ, гдѣ рота дворцовыхъ гренадеръ будетъ разставлена шпалеромъ, въ « » часовъ утра соберется весь придворный штатъ, городскія дамы, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы, генералитетъ, гвардіи

штабъ и оберъ-офицеры сухопутныхъ и морскихъ войскъ и первыхъ 4-хъ классовъ особы, имѣющія пріѣздъ ко двору.

По докладу его императорскому величеству министромъ императорскаго двора о пріѣздѣ депутатовъ во дворецъ, ихъ императорскія величества съ ихъ императорскими высочествами изволятъ прибыть въ Георгіевскій залъ изъ Эрмитажа.

Государь императоръ съ государынею императрицею изволятъ остановиться предъ трономъ, а государь великій князь наслѣдникъ цесаревичъ, со всею императорскою фамиліею, по правую сторону трона.

Въ приличномъ разстояніи отъ государя императора будутъ находиться: министръ императорскаго двора, министръ внутреннихъ дѣлъ и дежурный генералъ-адъютантъ.

Возлѣ императорской фамиліи станутъ члены Государственнаго Совѣта, а за фронтомъ роты дворцовыхъ гренадеръ—генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры гвардіи; вправо отъ трона, позади императорской фамиліи—весь главный штабъ его императорскаго величества, сухопутный и морской.

Противъ императорской фамиліи, по лѣвую сторону трона, будутъ находиться статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины; возлѣ ихъ, за фронтомъ роты дворцовыхъ гренадеръ,—городскія дамы, сенаторы и всѣ придворные чины; далѣе—адмиралы, морскіе штабъ и оберъ-офицеры и гражданскіе чины первыхъ четырехъ классовъ.

Генералъ-маіоръ графъ Строгоновъ, получивъ повелѣніе о допущеніи депутатовъ, приведетъ ихъ въ Тронную залу, слѣдуя самъ по правую ихъ сторону, а церемоніймейстеръ, прибывшій съ ними, по лѣвую.

При вступленіи въ Тронную, депутаты сдѣлаютъ первый поклонъ, на срединѣ залы второй, а приближаясь къ ихъ императорскимъ величествамъ—третій поклонъ. За симъ старшій депутатъ произнесетъ рѣчь на польскомъ языкѣ, на которую, по полученіи повелѣнія его императорскаго величества, прочитанъ будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ отвѣтъ.

По прочтеніи сего отвѣта, ихъ императорскія величества изволятъ шествовать чрезъ Эрмитажъ во внутренніе аппартаменты, а депутаты, по выходѣ ихъ императорскихъ величествъ изъ Тронной, будутъ препровождены генералъ-маіоромъ графомъ Строгоновымъ, чрезъ Бѣлую галлерею и большую Мраморную залу, въ Концертную залу, для особеннаго представленія ихъ императорскимъ величествамъ.

Депутаты отвозятся изъ дворца тѣмъ же порядкомъ.

10.

Императоръ Николай I въ Юрьевомъ монастырѣ.

(По письмамъ архимандрита Фотія).

24-го мая 1835 года императоръ Николай I посѣтилъ Юрьевъ монастырь. Архимандритъ Фотій, не безъ претензіи на поэзію, писалъ графинѣ Орловой, что день этотъ былъ одинъ изъ прекрасныхъ весеннихъ дней; солнце сіяло; утренніе лучи «купалися и разливалися въ струяхъ водныхъ, вода казалася съ горы садовой какъ-бы солнечная, кристаловидная». Тишина царила кругомъ мертвая. Денной свѣтъ хотя и былъ рѣзкій, но пріятный, ласкающій взоры, «сладостнѣйшій». Прекрасно устроенные монастырскіе сады представляли собою нѣчто неземное: яблоки, груши, вишня, сливы, каштаны, кедры ярко зеленѣли и были въ полномъ цвѣту; по деревьямъ и кустарникамъ порхали пѣвчія птички; воздухъ былъ насыщенъ «благоуханнѣйшимъ» ароматомъ. Въ общемъ, сады «казались во всей нѣжной красотѣ, видъ же всего въ монастырѣ былъ неописанный, невообразимый».

Фотій неоднократно возбуждалъ съ графиней переписку о томъ, чтобы она непремѣнно предупредила его о пріѣздѣ государя въ Юрьевъ монастырь. Но царь прибылъ неожиданно, и при томъ сряду послѣ утренней службы въ обители, такъ что монахи всѣ спали, и двери у каждаго были «на затворѣ извнутрй». Государь вошелъ въ монастырь съ «чернаго» входа отъ конюшенъ и, въ сопровожденіи свиты, никѣмъ изъ братіи незамѣченнымъ, по словамъ Фотія, «яко тать въ нощи», направился въ соборъ Воздвиженія Креста, подробно осматривалъ его; гулялъ по садамъ, восторгался ихъ красотами; любовался чрезъ ограду разливомъ рѣки Волхова.

Но вотъ по монастырю пронесся слухъ, что «здѣсь царь»; монахи какъ «юродивыя дѣвы вскочили срѣтать земнаго жениха» и поспѣшили не въ соборъ, гдѣ слѣдовало бы зажечь свѣчи, паникадила и вообще приготовиться къ церковной службѣ, а направились къ царю «веселыми ногами, съ радостными сердцами и цвѣтущими лицами».

Самъ Фотій, узнавъ о прибытіи царя, наскоро одѣлъ синюю бархатную расу и «побѣжалъ» тоже къ нему, но при встрѣчѣ не благословилъ государя, а примкнулъ къ свитѣ и не отрывался ни на минуту. Во время сопутствованія, императоръ сказалъ Фотію, что монастырь содержится отлично, хорошо сооруженъ и приспособленъ, а также хвалилъ сады и прочее благоустройство. Кромѣ того, государь задавалъ Фотію обычные вопросы: когда создана обитель, сколько монашествующихъ, старыхъ, больныхъ, спрашивалъ также «о трехъ нагихъ святыхъ:

Маркѣ, Петрѣ и Онуфріи, написанныхъ на образѣ», интересовался происхожденіемъ схимы и мощами св. Ѳеоктиста.

Затѣмъ Николай Павловичъ вторично пришелъ въ соборъ и пожелалъ, чтобы была отслужена ектенія. Совершалъ службу іеромонахъ, а Фотій стоялъ возлѣ государя. Царю понравилось церковное пѣніе; онъ подпѣвалъ и говорилъ Фотію: «пѣніе стройное, пріятное, мелодія превосходная—жалко, подладить не могу». Архимандритъ объяснилъ, что это пѣніе древнихъ отцевъ, введенное Ярославомъ Великимъ.

Послѣ службы, выйдя изъ собора, государь обратился къ Фотію и сказалъ: «Отецъ архимандритъ, благословите!» Послѣдній благословилъ и протянулъ монарху руку для цѣлованія.

Затѣмъ прежнимъ же путемъ царь отбылъ изъ монастыря.

Чрезъ нѣсколько дней Фотій былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему объявили, что государь собственноручно сообщилъ Сvноду, что онъ, осматривая Юрьевъ монастырь, нашелъ въ немъ отмѣнное благоустройство и чистоту, но тѣмъ не менѣе замѣтилъ и отступленія отъ должнаго порядка, сдѣланныя лично архимандритомъ Фотіемъ: 1) не служилъ самъ ектеніи, а находился все время возлѣ царя; 2) не подносилъ къ цѣлованію креста; 3) при осѣненіи крестнымъ знаменіемъ, не соблюлъ того благоговѣйнаго уваженія, которое оказывается въ данномъ случаѣ августѣйшимъ особамъ, т. е. не поцѣловалъ руки у государя, 4) протянулъ самъ руку царю для цѣлованія и 5) былъ одѣтъ, вмѣсто черной, въ фіолетовой рясѣ.

Святѣйшій Сvнодъ, обсудивъ подобныя отступленія обстоятельно, нашелъ, что Фотій своими поступками имѣлъ намѣреніе выразить предъ лицомъ государя и его свиты явное непочтеніе, гордость и дерзость; посему опредѣлилъ: юрьевскаго архимандрита Фотія отдать подъ начало намѣстнику Александро-Невской лавры Палладію, дабы онъ научилъ и вразумилъ его, какъ должно встрѣчать царствующихъ особъ.

Это, конечно, не ускользнуло отъ вниманія графини Орловой, да Фотій и не хотѣлъ скрывать своего наказанія, какъ непризнававшій себя ни въ чемъ виновнымъ и пострадавшій отъ враговъ и завистливыхъ людей. Онъ постарался какъ можно ярче обѣлить свою личность предъ графиней и приводилъ доказательства тому, что всѣ его дѣйствія во время пребыванія государя въ Юрьевѣ были совершенно правильны, святы и исходили отъ Провидѣнія, а онъ какъ-бы былъ посредникомъ между царемъ и Богомъ. Убѣждая графиню въ своей правотѣ, Фотій, конечно, могъ всегда разсчитывать, что его оправданія Орлова, какъ одна изъ приближенныхъ фрейлинъ, перескажетъ государю, да еще въ защитительномъ и болѣе выгоднымъ для «своего отца» свѣтѣ.

Всѣ взводимыя обвиненія по пунктамъ Фотій опровергалъ также пунктуально. Онъ объяснялъ графинѣ Орловой:

— Говорятъ, что не хотѣлъ я самъ служить ектенію, на сіе скажу съ удивленіемъ, страхомъ и трепетомъ: чудо чудесъ, дивное чудо! Какъ можно было ангелу правды стерпѣть такое безчиніе, нечестіе въ храмѣ отъ меня сдѣланное наружно. Никто не разсудилъ, что царь велѣлъ краткую ектенію сказать. Было бъ чудо болѣе всѣхъ чудесъ свыше на мнѣ, ежели бъ во время данное для краткой ектеніи могъ я все нужное собрать. Гдѣ же можно въ нѣсколько минутъ соборъ освѣтить, свѣщи возжечь, свѣтильники, облачиться, митру взять, всѣхъ собрать и кого надобно отрядить съ собою на службу ектеніи. Впрочемъ я успѣлъ захватить въ соборъ мантію и надѣть ее на себя, но прелюбезнымъ словомъ царя былъ остановленъ; я снялъ въ сѣняхъ мантію и остался безъ нея. Какъ нагій предъ очами царя и неготовый предъ Богомъ не могъ предстать ектеніи служить. Войти въ алтарь просто при царѣ — угодное ему сотворить, Бога же оскорбить, царя славы Христа. Чтобы не согрѣшить Богу и царю не сдѣлать замедленія, мѣра благоразумія удержала меня отъ служенія въ неготовности. Безъ должнаго всего показаться царю царей, въ томъ простомъ видѣ, въ коемъ я стоялъ близъ царя, долженъ былъ ждать казни за вѣдомые и невѣдомые грѣхи. Ежели бъ царское благоволеніе стерпѣло мою дерзость быть у престола, то царь небесный не стерпѣлъ бы, поразилъ бы меня чрезъ архистратига, и я палъ бы мертвъ. Я не вхожу для молитвы никогда въ алтарь безъ мантіи; безъ нея не вхожу къ дѣйствію или послѣ дѣйствія въ святыя врата.

Такимъ образомъ, по словамъ Фотія, государь лишилъ его облаченія, а безъ онаго онъ не могъ угодить царю изъ боязни прогнѣвить Бога и пасть мертвымъ отъ пораженія ангела.

Относительно же неподнесенія креста Фотій приводилъ тѣ же доводы: — былъ безъ облаченія, «нагій», и боялся грѣха.

Что же касается нецѣлованія руки у государя, онъ говорилъ:

— Самъ благословляяй, не цѣловалъ руки, хотя радъ былъ всѣ персты цѣловать царевы — у ногъ и у рукъ. Когда благоволитъ царь даже ногу свою цѣловать нашимъ грѣшнымъ устамъ — цѣлуемъ, ибо царь въ нынѣшнія времена вовсе неприступенъ для насъ духовныхъ, особенно же для монаховъ. Мы, монахи, удалены отъ лица его, паче всѣхъ въ свѣтѣ; не дерзаемъ приближаться даже къ особѣ его, ни писать, ни говорить, ежели не велитъ. За все великая бѣда отъ царя тому, кто дерзнетъ чрезъ предѣлы его воли что либо чинить. Когда по глаголу цареву дѣлалъ крестное осѣненіе, не зналъ обычая мірскаго отъ неученія политики, не догадался проворно, въ одно и то же время руку цареву цѣловатъ.

Выходитъ такъ, что Фотій не зналъ «политики» о цѣлованіи царской руки.

Однако, на такой доводъ графиня выразила сомнѣніе; Фотій самъ почувствовалъ, что толкованіе его слабо и нѣсколько наивно. Онъ привелъ другое:

— Кромѣ сего, мнѣ не дано было свыше цѣловать десницу царя, не дано мнѣ сотворить то царю, что по благодати дано священнику, чего правилами не позволяется и преданіями отъ святыхъ. Христосъ былъ посреди насъ. Съ нами Богъ и той вся дѣйствовалъ нами во славу Бога Отца. При крестномъ осѣненіи было соблюдено то благоговѣніе, какое бываетъ во время совершенія страшныхъ таинъ надъ Сыномъ Божіимъ.

Поднесеніе руки царю Фотій объяснилъ такъ:

— Я руку простиралъ и языкъ вращалъ не самъ по себѣ, а сіе Богъ творилъ. Духъ Святый найде на насъ и сила Вышняго осѣнила насъ; царь цѣловалъ руку истово тоже не самъ по себѣ, а творилъ силою, дѣйствіемъ и наитіемъ Св. Духа. Я благословилъ, а врагъ осудилъ, оклеветалъ слово и дѣло Божіе и ведомъ былъ священникъ на судъ предъ царемъ и владыкой отвѣщевати за истовое крестное знаменіе и даяніе руки къ цѣлованію. Слава Богу, что сподобился судъ принять.

Значитъ, Фотій протянулъ руку къ цѣлованію не по своему личному желанію, а сдѣлано это было силою Провидѣнія. Относительно же цвѣта рясы Фотій говорилъ:

— Я былъ въ рясѣ темносиней бархатной, но показался въ фіолетовой, я же никогда въ житіи моемъ не носилъ рясы сего цвѣта — царскому и патріаршему достоинству приличнаго. Хотя я и не видалъ себя чиста, но дано было царю видѣть меня не како я былъ, но како свыше дано было показаться. Слава Богу, что я здѣ показался въ видѣ чистоты предъ царемъ и человѣками и на судѣ Владыкъ всѣхъ, ибо цвѣтъ синій значитъ вѣру, а фіолетовый — чистоту. На мнѣ въ часъ свиданія съ царемъ было таково одѣяніе. Я былъ въ синей рясѣ, въ хитонѣ подъ рясой фіолетовомъ. Для тепла подъ хитономъ на мнѣ былъ короткій хитонъ, агнчій (овечій), покрытый голубой матеріей, цвѣта славы. Подъ симъ короткимъ хитономъ были вериги крестныя; на тѣлѣ же власяница агнчей шерсти, на главѣ былъ клобукъ; на рясѣ на персяхъ панагія брильянтовая, на подобіе звѣзды съ коронованіемъ Богородицы, по хитону былъ поясъ съ кистями препоясанъ съ серебряною застежкою; на ней же было изображено тоже коронованіе Богородицы. По власяницѣ поясъ узкій былъ съ надписью «Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого убоюся». На веригахъ, что на груди, крестъ большой съ распятіемъ, а внутри съ мощами св. Побѣдоносца; назади дска (доска) съ образомъ Воскресенія Христова. На шеѣ былъ неснимаемый златой крестъ съ распятіемъ, а на другой сторонѣ надпись: «Христосъ съ тобою». На ногахъ

были сапоги, въ рукахъ янтарныя четки. Вотъ въ чемъ я былъ и царя благословлялъ.

Давая возраженія противъ обвиненій, Фотій добавилъ:

— Въ страхѣ и трепетѣ, не потерявъ ума и соблюдая осторожность, чинъ, благоговѣніе къ Богу и почтеніе къ царю, я сдѣлалъ все нужное, по крайней мѣрѣ, по возможности. Не убоялся я лица царева и не бросился отъ радости ему въ глаза; не смутился, не хватился не за свое дѣло и не въ своемъ видѣ за дѣло Божіе. Не сдѣлалъ даже мины погрѣшительной при смѣшанности всѣхъ и каждаго. Не вышелъ изъ себя и не указалъ ни на что негодное, не молвилъ ни одного слова не кстати. Старался показать, что приказывалъ царь, старался сказать, что вопрошалъ и знать отъ меня онъ желалъ. Царю все показалось прекрасно. Простерта была рука къ цѣлованію просто; не зная обычая, не цѣловалъ руку царя.—Неблаговоленіе царя за несоблюденіе одного ему угоднаго, того, что око привыкло его видѣть, ухо слышать, сердце постоянно желать, неблаговоленіе для меня, слабаго, больнаго, не было убійственно, ибо горесть сія поднесена была въ прекрасномъ видѣ и благодатію Христовою преподобный отецъ Фотій ядъ горести испилъ и ничего же его вредилъ.

Ссылаясь большею частью на перстъ Божій, Фотій доказывалъ невинность своихъ дѣйствій во время пребыванія Николая I въ Юрьевомъ монастырѣ [1]).

11.

Происшествіе съ лордомъ Дургамомъ и резолюція императора Николая I.

Докладъ почтоваго департамента князю А. Н. Голицыну.

1835 г. [2])

Въ прошедшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ (1835 года) управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ тайный совѣтникъ Родофиникинъ сообщилъ директору почтоваго департамента, что лордъ Дургамъ, по выдержаніи въ Одессѣ карантина, отправится сюда (въ Петербургъ) чрезъ Москву, почему и просилъ дать строжайшія предписанія, чтобы всюду на станціяхъ, не только не могъ встрѣтить онъ затрудненія, но нашелъ бы вездѣ должное къ особѣ его уваженіе, а къ свитѣ приличное вниманіе.

---

[1]) Сообщилъ А. Слезкинскій.

[2]) На докладѣ число и мѣсяцъ не обозначены.

Вслѣдствіе сего, отъ почтоваго департамента сдѣланы были немедленно зависящія распоряженія.

По донесеніямъ мѣстныхъ почтовыхъ начальниковъ, слѣдованіе лорда совершалось благополучно до Орловской губерніи. При проѣздѣ же посла чрезъ городъ Кромы, 15-го октября, какъ доносятъ тамошніе уѣздный и орловскій губернскій почтмейстеры, экипажъ лорда Дургама, проѣхавъ градскую заставу, во второмъ часу пополуночи, по темнотѣ ночи поворотя съ дороги влѣво, завезенъ былъ въ ровъ, гдѣ и долженъ былъ остановиться. По полученіи о томъ извѣстія, чрезъ посланнаго переводчикомъ почтаря, почтмейстеръ города Кромъ тотчасъ отправился съ ямщиками и фонарями къ заставѣ, гдѣ и нашелъ дѣйствительно экипажъ близъ рва.

Посолъ, принявъ его за городничаго, изъявилъ неудовольствіе, что его такъ принимаютъ. Почтмейстеръ, объяснивъ чрезъ переводчика, что онъ не городничій, просилъ лорда на станцію или въ занимаемую имъ (почтмейстеромъ) квартиру, на что онъ сначала не соглашался, сказавъ, что хочетъ на мѣстѣ дождаться городничаго, но повремени немного, приказалъ везти себя на квартиру почтмейстера и, прибывъ туда, велѣлъ ему, за неисправность и незнаніе дороги ямщиковъ, везшихъ экипажъ его, наказать ударами по десяти палокъ, что̀ почтмейстеръ и вынужденнымъ нашелся тогда же выполнить. Лордъ Дургамъ, пробывъ такимъ образомъ на станціи около пяти часовъ, по перемѣнѣ новыхъ лошадей, отправился, въ сопровожденіи исправника, до станціи Клубра, куда и прибылъ благополучно.

Департаментъ считаетъ долгомъ о происшествіи семъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства.

Подписали: вице-директоръ Егоръ Кривошапкинъ и начальникъ отдѣленія Михаилъ Нератовъ.

На этомъ докладѣ императоръ Николай, 10-го ноября, 1835 г., собственноручно написалъ: «За глупое исполненіе еще глупѣйшаго приказанія почтмейстера посадить на три дня на гауптвахту» [1]).

12.

Отрывокъ изъ письма гвардейскаго капитана Челищева.

« » августа 1836 г. С.-Петербургъ [2]).

Маневры нынѣшніе продолжались восемь дней, въ самое дурное время, однакоже его величество изволилъ остаться совершенно дово-

---

[1]) Сообщилъ Н. Славинскій.

[2]) Къ кому писано это письмо намъ неизвѣстно.

ленъ всѣми, и гренадерскій корпусъ награжденъ большими милостями неожиданно, безъ всякаго представленія; войскъ въ лагерѣ было около ста тысячъ. При семъ случаѣ долженъ разсказать вамъ одинъ случай, которому Европа удивится, не только нашъ братъ.

Послѣ одного корпуснаго ученья, государь собралъ генераловъ, командовавшихъ частями, дѣлалъ имъ нѣкоторыя замѣчанія, въ томъ числѣ и генералу Пенхержевскому, за медленное движеніе легкой кавалеріи. Генералъ Пенхержевскій оправдывался тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ согласно приказанію его величества, переданному ему флигель-адъютантомъ.

— Кто флигель-адъютантъ, привозилъ вамъ мои приказанія? — спросилъ государь.

Генералъ Пенхержевскій хотя и зналъ, кто былъ флигель-адъютантъ, но не хотѣлъ его ввести въ отвѣтственность предъ государемъ, а потому и отозвался тѣмъ, что онъ не знаетъ фамиліи флигель-адъютанта; но смѣетъ увѣрить его величество, что онъ дѣйствовалъ по приказанію.

— Стыдно вамъ, генералъ, не знать моихъ адъютантовъ, подите прочь отсюда,—сказалъ государь съ сердцемъ.

Пенхержевскій отъѣхалъ въ сторону. Съ симъ вмѣстѣ изъ толпы окружавшихъ выѣхалъ впередъ флигель-адъютантъ князь Радзивилъ.

— Я отвозилъ приказанія генералу Пенхержевскому,—сказалъ онъ,—и можетъ быть я ошибочно понялъ волю вашего величества и не такъ передалъ оную генералу.

Государь, не разспрашивая ничего болѣе, уѣхалъ.

На другой день сего происшествія отданъ былъ высочайшій приказъ собраться всѣмъ генераламъ къ ставкѣ его величества. Всѣ ломали головы, и никто не могъ понять для чего. Когда всѣ съѣхались, государь вышелъ.

— Господа генералы, сказалъ онъ, вчера я несправедливо обидѣлъ генерала Пенхержевскаго, а въ лицѣ его и всѣхъ васъ, почему и считаю долгомъ, сознаваясь въ моей опрометчивости, извиниться предъ всѣми вами и просить прощенія у генерала Пенхержевскаго.

Государь вызвалъ Пенхержевскаго, взялъ за руку и просилъ забыть обиду.

Вы можете себѣ представить удивленіе всѣхъ и особливо Пенхержевскаго.

13.

Кадетъ объ Императорѣ Николаѣ I.

Письмо Александра Аполлоновича Марина къ отцу А. Н. Марину.

9-го августа 1837 г. лагерь подъ Петергофомъ.

Дорогой мой батюшка Аполлонъ Никифоровичъ! Пишу это письмо къ вамъ изъ лагеря, гдѣ мы провели цѣлое лѣто подъ Петергофомъ. Прежде не могъ писать, было много занятій: экзамены, потомъ приготовленіе къ лагерямъ; частыя ученья. Насъ водили изъ корпуса на плацъ 1-го Кадетскаго корпуса на Васильевскій островъ. Въ лагерь мы выступили и собрались всѣ корпуса у Нарвской заставы, куда пріѣхалъ государь и великій князь Михаилъ Павловичъ, мимо которыхъ мы проходили церемоніальнымъ маршемъ во всей походной амуниціи.

Походъ до Петергофа былъ веселый, ночлегъ у колонистовъ и потомъ вступленье черезъ Александрію, гдѣ насъ опять встрѣтилъ государь и пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ. Прійдя въ лагерь опять начались ученья утромъ и вечеромъ, потомъ маневры и тревоги, которыя дѣлалъ намъ государь императоръ. Пріѣзжая въ лагерь, подойдетъ къ барабанщику, возметъ у него барабанныя палки и самъ бьетъ тревогу. Наше знамя почти всегда появлялось одно изъ первыхъ на передней линейкѣ и около него бѣгомъ собирался нашъ Павловскій баталіонъ.

21-го іюля ночью мы были пробуждены подобною тревогой. Государь повелъ насъ на заднее поле, гдѣ мы учились и ученье окончилось маневрами. Нашъ обожаемый отецъ государь былъ нами очень доволенъ, разблагодарилъ, назвалъ насъ молодцами и приказалъ распустить гулять въ Петерговскій садъ и въ Александрію, гдѣ имѣетъ свою резиденцію лѣтомъ государь и его семейство. Я пошелъ въ Александрію и неожиданно встрѣтилъ государя, ѣхавшаго въ кабріолетѣ съ государыней. Поровнявшись съ экипажемъ я сдѣлалъ ихъ величествамъ фронтъ, снявъ фуражку. Государь удостоилъ меня словами: «Здравствуй, молодецъ Павловецъ». Отвѣтъ мой былъ по формѣ. Когда экипажъ скрылся за кустами, я довольный счастливой встрѣчей пошелъ къ мачтѣ и сѣткѣ, гдѣ обыкновенно собирались кадеты скакать и лазить на мачту. Это близъ дворца въ Александріи. Въ скоромъ времени государь съ государыней возвратились съ катанья и государь, выйдя изъ дворца на крыльцо, крикнулъ своимъ молодецкимъ голосомъ: «Кадеты ко мнѣ». Услышавъ голосъ нашего дорогаго обожаемаго царя, всѣ кадеты бросились къ монарху и обступили крыльцо. На государѣ былъ надѣтъ любимый его сюртукъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, сюр-

тукъ былъ старый, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были заплатки. Государь былъ безъ фуражки и безъ галстуха, сюртукъ былъ растегнутъ. Когда мы обступили царя, то увидали на крыльцѣ столъ, на которомъ стояло нѣсколько корзинъ съ спѣлыми вишнями. Государь улыбался и приказалъ подходить къ себѣ по одному, и каждому кадету давалъ въ ротъ изъ собственныхъ рукъ вишню. Мы всѣ цѣловали его дорогую ручку. Слезы блестѣли у насъ на глазахъ: такъ мы всѣ были счастливы и тронуты такой милостью и лаской царя. Видя такую отеческую ласку нашего дорогаго отца государя, у всякаго изъ насъ въ сердцѣ что-то дрогнуло, явилась какая то неизмѣримая любовь и преданность, готовность посвятить всю свою жизнь ему, нашему благодѣтелю. Чѣмъ мы отблагодаримъ за такую ласку и милость нашего драгоцѣннаго монарха? Черезъ нѣсколько минутъ появилась государыня императрица. Я, получивъ отъ государя вишню, стоялъ на крыльцѣ близъ ступенекъ лѣстницы, гдѣ толпились кадеты; среди толпы пройти было трудно. Императрица, проходя мимо меня, желая сойти съ лѣстницы въ садъ, пожаловала мнѣ свою ручку, чтобы я помогъ ей сойти внизъ съ лѣстницы. Это обстоятельство опять привело меня въ какой-то неописанный восторгъ. Я подумалъ, за что это судьба сегодня балуетъ меня? Когда я свелъ государыню съ лѣстницы за лѣвую ручку, она меня поблагодарила, сказавъ «merci, mon enfant», и потрепала меня по щекѣ.

17-го іюля насъ всѣхъ кадетъ водили въ нижній Петергофскій садъ къ фонтану Самсонъ, для взятія штурмомъ каскада. Эта потѣха представляла взятіе штурмомъ крѣпости Каскадъ. Ставили насъ колонной лѣвымъ флангомъ къ бассейну фонтана Самсона, а впереди насъ возвышалась каменная лѣстница съ высокими 7-ю ступенями. Съ самаго верху этой лѣстницы бѣжитъ обильной струей вода и обливаетъ всѣ ступени лѣстницы. По этимъ ступенямъ надо было влѣзать наверхъ. Государь, государыня и вся царская фамилія располагались наверху на площадкѣ близъ Верхняго дворца, гдѣ былъ поставленъ столъ съ подарками или призами, которые раздавались самой государыней тѣмъ изъ кадетъ, которые влѣзали первыми. Шесть человѣкъ, получившихъ подарки, цѣловали ручку царицы. Я получилъ яшмовую печатку.—Подарки эти приготовлялись на Петергофской гранильной фабрикѣ изъ разныхъ сибирскихъ камней яшмы: печатки, кольца и другія предметы. Директоромъ этой фабрики вашъ старый финляндскій товарищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Козинъ.—Чтобы влѣзать на водяную крѣпость, надо было ожидать команды. По командѣ самого государя «ура!» всѣ бросаются къ лѣстницѣ каскада и съ крикомъ «ура!» влѣзаютъ на крѣпость. Когда окончилась эта потѣха, и насъ повели обратно въ лагерь, всѣ мокрые въ одеждѣ идя мимо каналовъ, устроенныхъ для фонтановъ, кадеты опять бросались въ воду и плавали, продолжая купаться.

Часто пріѣзжалъ государь въ лагерь, чтобы видѣть всѣхъ кадетъ. Обыкновенно пріѣздъ государя оглашался крикомъ дежурныхъ: «всѣ на линію» и тогда всѣ летѣли съ восторгомъ и счастіемъ увидѣть нашего обожаемаго отца-благодѣтеля. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней посѣтилъ государь нашъ лагерь, въ это время многіе изъ родныхъ и родителей кадетъ были въ лагерѣ. Государь, поздоровавшись съ кадетами 1-го кадетскаго корпуса, увидалъ нѣсколько частныхъ лицъ, стоявшихъ впереди линіи. Привѣтствуя постороннихъ лицъ, онъ обратилъ свое вниманіе на одного отставнаго Семеновскаго офицера, который стоялъ безъ шапки, имѣя шинель, сложенную на лѣвой рукѣ. Тотчасъ спросилъ его фамилію.—Услышавъ знакомое имя, государь вспомнилъ, что офицеръ этотъ былъ командиромъ роты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ то время, когда государь, будучи великимъ княземъ, командовалъ этимъ полкомъ. Императоръ, оставивъ свою шинель въ коляскѣ, вышелъ изъ экипажа, обнялъ отставнаго старика Семеновца и, разцѣловавъ его, сказалъ «здравствуй, старый товарищъ», посадилъ его съ собой въ коляску и увезъ во дворецъ. Вотъ мой родной дорогой папочка все, что у насъ дѣлается въ корпусѣ и въ лагеряхъ и какъ насъ балуетъ нашъ общій отецъ, царь и благодѣтель.

Еще скажу вамъ, что я получилъ письмо отъ дядиньки Ивана Максимовича Марина; онъ пишетъ, что возьметъ меня послѣ лагерей къ себѣ въ отпускъ. Онъ съ тетенькой будутъ жить въ селѣ Пулковѣ близъ Царскаго Села, гдѣ обыкновенно стоитъ 1-й баталіонъ Семеновскаго полка, которымъ онъ командуетъ. Деньги, которыя вы мнѣ прислали, дорогой мой папочка, я всѣ истратилъ и еще задолжалъ разнымъ разносчикамъ и корпусному булочнику Степану, за пеклеванники съ масломъ и молоко. Долженъ я 5 рублей. Сильно пристаютъ и больше на книжку не даютъ. Прошу васъ, родной мой, не гнѣвайтесь на меня, что я такъ много задолжалъ. Пришлите: надо расплатиться. Обнимаю васъ, родной мой, да хранитъ васъ Богъ! Молюсь за васъ и прошу вашего благословенія. Любящій сынъ вашъ и другъ Александръ Маринъ.

14.

Императоръ Николай I и князь Витгенштейнъ [1]).

1840 г.

Покойный императоръ Николай Павловичъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно, лѣтомъ, инспектировать войска, расположенныя въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

[1]) Сообщилъ коллежскій совѣтникъ А. Майеръ.

Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ государя въ Кіевъ, въ 1840 году, онъ дѣлалъ смотръ корпусу, которымъ командовалъ въ то время генералъ Кайсаровъ. Въ свитѣ государя находился и фельдмаршалъ Витгенштейнъ. Желая изъявить свое благоволеніе корпусному командиру за отличное состояніе войскъ, императоръ сказалъ:

— Паисій Сергѣевичъ, теперь я хочу сдѣлать тебѣ визитъ,—и тотчасъ пошелъ къ дому, занимаемому Кайсаровымъ.

Надобно знать, что домъ находился чрезъ улицу отъ эспланады, на которой происходилъ смотръ; эспланаду отдѣлялъ отъ улицы довольно высокій барьеръ, который государь перешагнулъ очень легко. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, что старикъ Витгенштейнъ, по своему небольшому росту, не можетъ перебраться чрезъ слишкомъ высокій для него барьеръ. Тогда императоръ вернулся назадъ и перенесъ стараго фельдмаршала на своихъ рукахъ. Толпа народа, слѣдовавшая за государемъ, огласила воздухъ восторженнымъ «ура!..»

Государь милостиво поклонился и, перейдя улицу, вступилъ въ квартиру генерала Кайсарова.

15.

Императоръ Николай I и штабсъ-капитанъ Миллеръ [1]).

Въ 1864 году я лежалъ больной въ 1-мъ военно-сухопутномъ (нынѣ Николаевскомъ) госпиталѣ, гдѣ и познакомился съ штабсъ-капитаномъ фельдъегерей Миллеромъ, который разсказалъ мнѣ слѣдующій случай: Когда умеръ предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Васильчиковъ, и его отпѣвали въ Преображенскомъ соборѣ, государь, призвавъ меня, изволилъ сказать: «поѣзжай въ Петропавловскій соборъ, и когда будетъ отходить обѣдня, пріѣзжай и скажи мнѣ». Подозрѣвая, что государь по разсѣянности вмѣсто Преображенскаго собора приказываетъ мнѣ ѣхать въ Петропавловскій, и не осмѣливаясь переспрашивать, я, проходя мимо двухъ камеръ-лакеевъ, стоявшихъ у дверей кабинета, тихо сказалъ имъ: «помните куда посылаетъ меня его величество».

Когда обѣдня въ Петропавловскомъ соборѣ стала приходить къ концу, я возвратился въ Зимній дворецъ и доложилъ, что обѣдня въ Петропавловскомъ соборѣ оканчивается. Государь въ это время разгова-

---

[1]) Сообщилъ коллежскій совѣтникъ А. Майеръ.

ривалъ, стоя у окна, съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и, обратившись ко мнѣ, строго спросилъ: «куда я тебя посылалъ?»

— Въ Петропавловскій соборъ, ваше величество,—отвѣчалъ я.

— Неправда, я посылалъ тебя въ Преображенскій. Чѣмъ ты докажешь, что не туда ѣздилъ, куда былъ посланъ.

Тогда я сослался на камеръ-лакеевъ, и когда они подтвердили слова мои, то государь, надѣвъ каску и перчатки, подошелъ ко мнѣ, взялъ подъ козырекъ и сказалъ:

— Господинъ штабсъ-капитанъ, прошу меня извинить; конь о четырехъ ногахъ, да и тотъ спотыкается.

16.

Очищеніе императоромъ Николаемъ I списковъ служащихъ [1]).

Двѣ собственноручныя записки государя министру юстиціи.

От ъ 11 декабря 1846 г. «Озабочиваясь очищеніемъ списковъ служащихъ по военной части, но не несущихъ должностныхъ обязанностей, и потому безполезныхъ, нахожу справедливымъ то же сдѣлать и по гражданскому вѣдомству, начавъ съ Сената. Прошу мнѣ прислать списокъ однимъ тѣмъ сенаторамъ, которые службы не несутъ, въ Сенатъ не ѣздятъ и потому безполезны—съ отмѣткой, что́ каждый нынѣ получаетъ содержанія и что́ ему слѣдуетъ въ пенсіонъ по уставу».

Отъ 18 декабря 1846 г.: «По запискѣ вашей полагаю на дняхъ съ вами лично переговорить. Въ спискѣ сенаторовъ, что̀ вы прислали, не пояснено получаемое ими нынѣ содержаніе; заготовьте подобный списокъ, но не однимъ этимъ, а всѣмъ сенаторамъ. Полагаю, что найдутся еще многіе, которыхъ дальнѣйшее сохраненіе въ службѣ безъ пользы. Я отнюдь не намѣренъ ихъ бросить въ нищету, но уваживъ лѣта службы и достоинство тѣхъ, коихъ уволить рѣшу, опредѣлю имъ пенсіоны по собственному усмотрѣнію, но придерживаясь устава. О прочемъ переговоримъ при свиданіи».

17.

Императоръ Николай I и братья бароны Вольфы.

Въ 1847 или 48 году, въ Петербургъ пріѣхали трое братьевъ, бароны Вольфы, кто для поступленія въ университетъ, кто на службу,

---

[1]) Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

Черезъ нѣсколько дней шли они по Невскому проспекту и не поклонились проходившему мимо ихъ, какъ имъ показалось, одному изъ генераловъ. Остановивъ молодыхъ людей, онъ спросилъ:

— Знаете вы меня?

Они отвѣчали, что не знаютъ.

— Для того—сказалъ тотъ же встрѣтившійся,—чтобъ вы знали меня, ступайте на гауптвахту.

Проходившіе объяснили Вольфамъ, что это государь, и они отправились куда имъ повелѣно было. Посланникъ баронъ Мейендорфъ, дядя Вольфовъ, узнавъ объ этомъ, доложилъ государю, что племянники дѣйствительно прежде не видывали его величества. Государь не только приказалъ тотчасъ освободить ихъ, но пригласилъ ихъ къ себѣ, и они, въ день помилованія, имѣли другое счастіе—обѣдать у императора.

Масленицей 1851-го года, вечеромъ, одинъ изъ этихъ же Вольфовъ ѣхалъ черезъ Адмиралтейскую площадь на Васильевскій островъ. Вдругъ сани его извозчика подкатились подъ чьи-то чужія сани; Вольфа выбросило на снѣгъ, а испуганный извозчикъ его ускакалъ. Вольфъ слышитъ, что кто-то, наклонившись надъ нимъ, спрашиваетъ:

— Вы ушиблись, вы больно ушиблись?

Сначала Вольфъ не могъ ничего говорить, но потомъ, на повтореніе вопроса, вставая отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я не больно ушибся, а только немного обезпамятовалъ.

Взглянувъ же на того, съ кѣмъ говорилъ онъ и кто помогалъ ему встать, Вольфъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что это былъ государь.

— Куда вы ѣхали?—продолжалъ спрашивать императоръ.

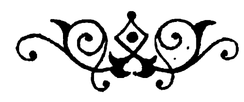
— Я ѣхалъ на балъ, на Васильевскій островъ, отвѣчалъ Вольфъ.

— Теперь, замѣтилъ государь, было бы лучше вамъ ѣхать домой и успокоиться; впрочемъ, какъ вамъ угодно; вотъ мои сани, садитесь и поѣзжайте.

— Вольфъ, принося благодарность, просилъ государя дозволить ему нанять другаго извозчика.

— Зачѣмъ?—сказалъ государь, указывая на Зимній дворецъ, мнѣ близко до моего дома, я дойду; а вы встревожены и можете попасть на такого же плохаго извозчика, какъ прежній; садитесь въ мои сани.

Вольфъ долженъ былъ повиноваться, но отправился не домой, а на балъ. Пріѣхавъ туда, онъ съ торжествомъ просилъ другихъ угадать, въ чьемъ экипажѣ онъ пріѣхалъ, и никто не хотѣлъ вѣрить, что онъ пріѣхалъ въ собственныхъ саняхъ государя [1]).

---

[1]) Сообщилъ М. М. Поповъ.

Картинки боевой жизни.

(Изъ посмертныхъ записокъ Ѳ. Э. Штоквича) [1].

Отецъ Ѳедора Эдуардовича Штоквича исповѣдывалъ православную вѣру, родители его были переселенцами въ давнія времена изъ Курляндіи въ Ярославскую губернію, гдѣ владѣли значительнымъ состояніемъ. Онъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ и въ чинѣ поручика въ 20-хъ годахъ, по личной просьбѣ, переведенъ былъ на Кавказъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ. Въ русско-турецкую кампанію 1828—1829 годовъ, при осадѣ нашими войсками крѣпости Карса, отецъ Ѳ. Э. вызвался быть начальникомъ охотничьей команды, изъ которой выбравъ 4-хъ унтеръ-офицеровъ и 5 человѣкъ рядовыхъ, рѣшился на отважный подвигъ, надѣлавшій въ то время много шума и породившій столько разговоровъ, что слухъ о подвигѣ вскорѣ достигъ до г. Тифлиса, гдѣ жила тогда жена героя. Цѣль подвига заключалась въ томъ, чтобы ночью пробраться въ Карсъ, взорвать пороховой погребъ и, при суматохѣ въ крѣпости, дать возможность русскимъ войскамъ свободно войти въ Карсъ. Команда изъ 9-ти человѣкъ знала, что никто изъ нихъ не останется въ живыхъ, и не колебалась совершить задуманное Штоквичемъ предпріятіе. Знало, разумѣется, объ этомъ предпріятіи и начальство. Цѣль, хорошо обдуманная, была достигнута блестящимъ образомъ: пороховой погребъ взлетѣлъ на воздухъ съ командою смѣльчаковъ, и войска наши дружнымъ натискомъ ворвались въ крѣпость. Ѳедоръ Эдуардовичъ былъ тогда еще ребенкомъ, и въ память его глубоко врѣзался разсказъ сослуживцевъ отца объ этомъ

---

[1]) Умеръ 15-го марта 1896 г., будучи царскосельскимъ комендантомъ.

трагическомъ эпизодѣ, врѣзались въ память и горькія слезы неутѣшной матери, долго не вѣрившей о постигшей ея молодаго мужа участи.

«Я,—говоритъ въ посмертныхъ запискахъ Ѳ. Э. Штоквичъ,—заливался тоже слезами, хотя не могъ уяснить себѣ, какъ это можно взлетѣть на воздухъ, не имѣя крыльевъ. Затѣмъ я поѣхалъ съ матерью въ Карсъ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней она что-то искала на развалинахъ пороховаго погреба, при чемъ, обнимая меня, указывала со слезами на груду камней. Значеніе этихъ указаній и неутѣшнаго горя матери я понялъ впослѣдствіи, когда былъ побольше. Въ 1855 году я участвовалъ въ осадѣ Карса, по взятіи котораго нашими войсками, припомнивъ разсказъ матери, пошелъ на то мѣсто, гдѣ когда-то стоялъ пороховой погребъ, но могила моего отца и девяти солдатъ Апшеронскаго полка, указанная мнѣ престарѣлымъ армяниномъ, была густо застроена разными зданіями. Старожилъ-армянинъ въ неясномъ разсказѣ говорилъ о значеніи бывшаго обширнаго пороховаго погреба, о взрывѣ его, произведшемъ общую панику въ Карсѣ, и о человѣческихъ костяхъ, найденныхъ при раскопкѣ послѣ того, какъ Карсъ отданъ былъ обратно туркамъ. Отслуживъ здѣсь панихиду и поклонясь мѣсту, гдѣ погибъ отецъ, я молилъ Бога, чтобы и мнѣ привелось въ жизни сдѣлать какую-нибудь услугу отечеству.

«Спустя слишкомъ 40 лѣтъ по смерти отца моего, на долю мою выпало занять отвѣтственный постъ коменданта Баязетской цитадели въ Азіатской Турціи въ 1877 году, куда я былъ назначенъ по волѣ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича.

«Много въ жизни перенесъ я тяжелыхъ испытаній, много видѣлъ горя, неоднократно былъ свидѣтелемъ смерти въ военныхъ дѣлахъ близкихъ товарищей и не разъ наталкивался на случаи, указывавшіе мнѣ волю Провидѣнія. На назначеніе комендантомъ Баязета я смотрѣлъ тоже какъ на испытаніе, посылаемое мнѣ свыше. Были въ строю блестящіе и храбрые офицеры, стоявшіе выше меня и по чинамъ, и по заслугамъ, которымъ, казалось бы, и слѣдовало занять этотъ постъ, но ихъ не назначили, а выборъ палъ именно на меня—офицера мало извѣстнаго и незамѣтнаго. Что это, думалъ я, какъ не воля Провидѣнія!

«Дѣйствительно, настало для меня время тяжелаго испытанія въ Баязетѣ,—испытанія, не поддающагося описанію, въ которомъ сила воли и твердость характера должны занимать первенствующее мѣсто въ человѣкѣ. Малѣйшее колебаніе характера и потерянность могли бы повести къ печальному результату.

«Не говоря уже о 23-хъ дневной оборонѣ Баязета, гдѣ войска наши въ тысячный разъ доказали свою доблесть и честь высоко поднятаго русскаго знамени, я не могу пройти молчаніемъ о нѣкоторыхъ вещахъ, могущихъ деморализовать самыхъ отчаянныхъ патріотовъ и храбре-

цовъ, даже и такихъ, которые доводятъ патріотизмъ свой до безпредѣльнаго увлеченія. Выскажу также мое личное пониманіе характера русскаго, воспитывающагося на войнѣ, офицера и въ особенности солдата, безропотнаго, беззавѣтно умирающаго, твердаго въ бою и сострадательнаго внѣ войны. Всѣ эти качества въ солдатѣ есть, ихъ слѣдуетъ оберегать и Боже сохрани третировать ими.

«Гарнизонъ цитадели изъ 1.400 человѣкъ, осаждаемый 25-ти-тысячнымъ турецкимъ корпусомъ, осыпаемый день и ночь градомъ орудійныхъ и ружейныхъ снарядовъ, изнуренный до крайнихъ предѣловъ голодомъ и жаждою, при сильно палящемъ солнцѣ, не помышлялъ о сдачѣ крѣпости; офицеры и солдаты безропотно умирали, я же твердо рѣшилъ, въ крайнемъ случаѣ, взорвать на воздухъ цитадель и похоронить подъ развалинами и себя, и турокъ, если бы они ворвались въ крѣпость. Гарнизонъ составлялъ точно одну сплоченную родную семью, защищавшую крѣпость до самозабвенія; вся связь съ прошлымъ была отброшена далеко назадъ; жена, дѣти, отецъ, мать—все было забыто, все зачеркнуто и какъ бы завѣсилось плотною пеленою, словно для гарнизона ничего дорогаго не существовало кромѣ цитадели, къ которой онъ приросъ всѣмъ своимъ помышленіемъ и всею душою. «О т с т о я т ь ц и т а д е л ь, и л и у м е р е т ь»—вотъ девизъ, которымъ руководился русскій солдатъ, представлявшій тогда что-то необычайное, легендарное; въ лицѣ его являлся сказочный, твердый, какъ сталь, богатырь, замѣчательная стойкость котораго не могла и не должна была уступать своего первенства никому. Ужасныя истязанія, которымъ подверглись армяне города Баязета 6-го, 7-го и 8-го іюня 1877 года, когда турки на глазахъ нашего гарнизона рѣзали мужчинъ, женщинъ, дѣтей и еще живыми кидали ихъ въ огонь пылавшихъ отъ пожара домовъ, обратили русскаго солдата въ непримиримаго противъ турокъ врага. Весь городъ тогда былъ объятъ пламенемъ, раздавались стоны, плачъ, мольбы, непрерывный гулъ орудій и ружейныхъ выстрѣловъ носился въ воздухѣ. Въ эти роковые дни и ночи, ознаменованные изувѣрствомъ, жертвъ было много, кровавая картина представляла какой-то адскій шабашъ, бойню людей, варварскій пиръ... Горсть русскихъ солдатъ, запертая въ маленькой цитадели, съ отчаяніемъ смотрѣла на эту потрясающую картину, чувствуя свое безсиліе помочь несчастнымъ. Многіе изъ солдатъ плакали и не разъ намѣревались броситься въ огненный омутъ на защиту христіанъ, но были останавливаемы начальниками частей.

«Въ самомъ дѣлѣ, трудно было не возмутиться зрѣлищемъ, отъ котораго стыла кровь и замирало сердце. Ясно и отчетливо видишь кровавую расправу: вотъ бѣжитъ по улицѣ города женщина съ развѣвающимися волосами, въ разорванномъ платьѣ, грудь и плечи ея обнажены,

она ранена, широкій кровавый слѣдъ оставляетъ за собою, по временамъ оглядывается на ребенка, въ одной рубашенкѣ бѣгущаго за ней,— это ея сынъ, или другое близкое существо,—но бѣгъ длится не долго, женщину догоняетъ турецкій солдатъ и ударомъ приклада ружья по головѣ кладетъ несчастную на мѣстѣ; 4-хъ—5-ти лѣтній ребенокъ съ визгомъ ухватывается за полу платья умирающей матери, его отрываетъ тотъ же извергъ и раскачавъ швыряетъ въ огромный костеръ пылающаго дома. Тутъ же рядомъ 70-ти-лѣтній старикъ, сѣдой какъ лунь, упавъ на колѣни, умоляетъ пощадить молодую внучку-дѣвушку, но мольбы и слезы старика встрѣчаются смѣхомъ; на несчастнаго накидываются три курда, растягиваютъ его на землѣ и съ какимъ-то упоеніемъ и злорадствомъ перерѣзаютъ ему горло; внучка дѣлаетъ попытку остановить убійцъ, хватаетъ руку изувѣра, рыдаетъ, умоляетъ, но обрызганная кровью своего дѣда, оттаскивается отъ трепещущаго трупа; обмотанный затѣмъ вокругъ шеи ея арканъ влечетъ страдалицу куда-то въ сторону, она не идетъ, упирается, падаетъ, встаетъ, спотыкается, опять падаетъ, но падаетъ уже жертвою, пораженная пистолетнымъ выстрѣломъ бѣшенаго курда. Около этой сцены идетъ ожесточенная борьба остервенѣлаго курда съ турецкимъ солдатомъ изъ-за дѣвушки-красавицы; это—борьба двухъ звѣрей, у которыхъ напрягаются всѣ силы завладѣть дѣвушкой; лица ихъ посинѣли, глаза отъ злобы и натуги чуть не выскакиваютъ изъ орбитъ, но сила одного не уступаетъ силѣ другаго борца; живая добыча намѣревается бѣжать, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ домамъ, но ее догоняютъ борцы. Курдъ опережаетъ солдата и вонзаетъ кинжалъ по самую рукоять въ спину дѣвушки, и она со стономъ падаетъ къ ногамъ убійцъ, любующихся предсмертными корчами несчастной жертвы. Эта жертва, будучи живою, служила причиною раздора двухъ воиновъ, смерть ея примирила ихъ, и они дружно побѣжали къ дому, на плоской крышѣ котораго шла новая раздирающая душу драма: полураздѣтыя женщины-армянки сталкивались въ прилегающее зданіе, объятое огнемъ, при громкомъ хохотѣ своихъ палачей. Далѣе, на мѣстѣ, не охваченномъ пожарищемъ, посѣдѣлый курдъ бьетъ грудныхъ дѣтей головами о стѣну, и это убійство онъ совершаетъ такъ хладнокровно, такъ систематически, какъ будто исполняетъ простой обыденный обрядъ. Сотоварищи помогаютъ ему, поднося новыхъ младенцевъ, а эти бѣдняжки оглашаютъ воздухъ визгомъ, какъ бы инстинктивно предчувствуя горькую участь Вопль и рыданіе появляющейся матери служатъ только поводомъ убить ее вмѣстѣ съ ея ребенкомъ.

«Не хочется вѣрить своимъ глазамъ, не сонъ ли это, думаешь, но убѣждаешься въ горькой дѣйствительности; ужасъ охватываетъ солдатъ Баязетскаго гарнизона: одни отворачиваются, другіе бѣгутъ отъ зрѣ-

лица, третьи кричать и просять пощады, какъ будто крикъ и просьба ихъ могуть остановить варваровъ.

— Это ужь восьмой ребенокъ,—кричить кто-то изъ среды солдать,— смотри: вотъ девятый, а вотъ и десятый, ахъ ты, Господи!..

— Боже мой, Господи! Ваше высокородіе, да что же они дѣлають,— вскрикиваеть старый казакъ, и крупная слеза останавливается на его посѣдѣломъ усѣ. Видалъ я много въ жизни смертей,—продолжаеть онъ дрожащимъ голосомъ,—но такихъ дѣловъ не приводилось видѣть, ей Богу, в—діе, не приводилось! Эхъ, анаѳемы какіе! Нѣть у нехристей души, нѣть должно быть и семьи, однимъ словомъ, чертово отродье!

«Коробить русскаго солдата кровавое зрѣлище, много накипѣло у него на душѣ, рвется онъ въ бой съ турками, да силенки больно мало, не хватить ея, а ихъ необозримая туча, всѣ горы облѣпили, почитай тридцать на одного нашего приходится.... Постой, когда-нибудь сочтемся, дай только маленько подкрѣпиться.

«Вся эта кровавая расправа потрясала насъ, невольныхъ зрителей, до глубины души и заставляла смотрѣть на турокъ, какъ на хищныхъ звѣрей, потерявшихъ всякое чувство сострадания къ совершенно неповиннымъ дѣтямъ.

«Сцены въ цитадели имѣли тоже кровавую окраску, но являлись обычными и неизбѣжными въ военномъ дѣлѣ:

«Видишь, какъ непріятельская пуля сорветъ со стѣны солдата и онъ со стономъ, обливаясь кровью, сваливается внизъ; смотришь далѣе— ядро рикошетомъ, прыгая и пыхтя, какъ звѣрь, задѣваетъ торопливо идущаго солдата и обращаеть его въ куски обезформеннаго человѣческаго мяса, а тамъ еще дальше, между зданіями, опять и опять, намѣчены ядромъ или пулею новыя жертвы; но у амбразуръ цитадели солдаты, словно окаменѣлые, не обращають вниманія на происходящіе въ цитадели ужасы, а учащенными выстрѣлами стараются отбросить насѣдающихъ турокъ.

«Война превосходная школа для военнослужащихъ, она создаетъ стойкость, осмотрительность, осторожность и изумительную смѣтливость въ каждомъ солдатѣ. Офицеръ, находящійся въ рядахъ войскъ съ юныхъ лѣтъ, свыкается съ бытомъ простаго солдата, изучаетъ всѣ слабыя и хорошія стороны его, знаеть его нужду, потребности, привычки, умѣеть снисходительно относиться къ нѣкоторымъ проступкамъ солдата, не нарушая дисциплины,—офицеръ такой является современемъ умѣлымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, командиромъ отдѣльной части, и съ нимъ солдаты готовы идти въ огонь и въ воду. А между тѣмъ офицеръ этотъ не болѣе какъ практикъ, онъ, со школьной скамьи находясь въ рядахъ войскъ и дослужившись до высшаго чина, не понимаетъ, что означають различныя теоретическія и практическія задачи

внѣ войны, вся наука его заключается въ обстоятельномъ изученіи дѣйствительной войны и въ познаніи русскаго солдата.

«Евдокимовъ, Аргутинскій, Бебутовъ, Лазаревъ, Колосовскій, Андрониковъ, Тергукасовъ, Багратіонъ-Мухранскій, являются не единичными лицами, оказавшими немаловажныя услуги отечеству. Эти лица хорошо изучили дѣйствительную войну и превосходно знали русскаго солдата. Приведу одинъ примѣръ для наглядности и чтобы показать, какъ умѣли вò-время затрогивать самолюбіе солдата означенныя выше лица и какъ вселяли въ солдата стойкость, гордость и высокій воинскій духъ:

«2-го ноября 1854 года, на поляхъ Баяндура подъ Александрополемъ, нашъ авангардъ имѣлъ сраженіе не особенно удачное въ турецкимъ корпусомъ, ворвавшимся въ наши предѣлы. Мы ночью отступили къ Александрополю и, окопавшись тутъ, стали ожидать турокъ.

«Командиръ корпуса, генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ, на другой день, выстроивъ всѣ войска, вызвалъ на средину штабъ и оберъ-офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и по 5-ти человѣкъ отъ каждой роты рядовыхъ и обратился къ нимъ приблизительно съ такою рѣчью:

— Мы вчера отступили къ городу, но не въ далекомъ будущемъ— черезъ двѣ-три недѣли не болѣе, я укажу вамъ мѣсто, гдѣ вы жестоко отомстите туркамъ за вчерашній день. Помните только мой совѣтъ, какъ стараго солдата: если вы сдѣлаете въ сраженіи одинъ шагъ назадъ, турки сядутъ вамъ на шею, и тогда трудно будетъ совладать съ ними. Будьте стойки до послѣдней минуты жизни. Желѣзнаго русскаго солдата мнѣ не приходится учить, ему слѣдуетъ только напомнить, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Русскій солдатъ имѣетъ дѣло съ турками, которыхъ онъ всегда билъ, и на дняхъ покажетъ имъ, что они намъ плохіе соперники!

«Чтобы говорить такъ, надобно много имѣть увѣренности, и въ себѣ, и въ русскомъ солдатѣ.

«Оправдались ли слова Бебутова?

«Ровно черезъ двѣ недѣли съ небольшимъ, именно 18-го ноября, 1854 года, произошло сраженіе подъ Башъ-Кадыкляромъ, въ которомъ турецкая армія, по своей численности была въ семь разъ болѣе нашего корпуса.

«Эта армія была не разбита, а совершенно уничтожена: орудія, знамена, генералы и цѣлые полки взяты въ плѣнъ нашими войсками, и освобождены тысячи армянскихъ семействъ, забранныя турками въ плѣнъ 2-го ноября въ нашихъ предѣлахъ. Но дѣло не въ описаніи знаменитаго сраженія, а въ эпизодѣ, о которомъ я желаю упомянуть, показывающемъ знаніе солдата княземъ Бебутовымъ.

«По окончаніи Башъ-Кадыклярскаго сраженія, всѣ войска наши на-

правились съ занимаемыхъ ими боевыхъ пунктовъ къ мѣсту расположенія лагерной стоянки. На пути слѣдованія, съ тылу раздался крикъ: «корпусный ѣдетъ». Это извѣщеніе заставило начальниковъ частей выстроить войска фронтомъ къ дорогѣ. Вскорѣ показался верхомъ на золотистомъ карабахѣ кн. Бебутовъ со свитою. Войска взяли на караулъ и огласили воздухъ крикомъ «ура!». Все вниманіе было обращено направо, откуда ѣхалъ корпусный командиръ, а съ лѣвой стороны мы замѣтили какую-то большую толпу людей, бѣжавшихъ на встрѣчу Бебутову. Это были армянскія семейства, освобожденныя изъ плѣна. Толпа въ двадцати саженяхъ упала на колѣни, въ ожиданіи приближенія Бебутова, а когда онъ подъѣхалъ, преклонила головы къ землѣ, выражая благодарность за спасеніе. Многіе изъ толпы подползли къ коню князя, и стали цѣловать ноги его и сѣдельныя стремена.

— Остановитесь, замолчите и отойдите отъ лошади,—закричалъ Бебутовъ.

«Всѣ умолкли, тишина возстановилась такая, точно въ этой мѣстности никого не было.

— Вы благодарите меня за ваше избавленіе отъ плѣна,—обратился Бебутовъ къ армянамъ.—Да, вы избавлены отъ турецкаго ига и истязаній, ваши жены и дѣти избавлены отъ мученій и отъ продажи въ разныя руки, но въ этомъ избавленіи я не при чемъ. Вашъ избавитель не я, а вотъ кто спасъ васъ отъ плѣна, вотъ кого вы должны благодарить, о комъ молиться и кого помнить во всю жизнь,—закончилъ свою отчетливую и громкую рѣчь Бебутовъ, указывая на баталіонъ.

«Что произошло послѣ этого, трудно описать.

«Вся толпа армянъ въ 1.000 не менѣе человѣкъ, жены ихъ и дѣти волнами хлынули въ ряды войскъ и, съ плачемъ выражая глубокое чувство благодарности, стали цѣловать у солдатъ ноги и руки; дѣти переходили отъ одного къ другому, матери ихъ ползали между рядами, обнимая ноги солдатъ...

«Умильно забилось сердце закаленнаго въ бою русскаго солдата, потрясла его эта сцена до глубины души, дрогнули всѣ ряды батальоновъ отъ сильнаго волненія; воины, за пять минутъ передъ тѣмъ безстрашно стоявшіе подъ картечью и пулями, теперь не могли удержаться отъ слезъ. Плакали всѣ, плакалъ, разумѣется, и я, стоя въ рядахъ, да и трудно было не прослезиться отъ сцены, перевернувшей всю нашу душу.

«Глубокое впечатлѣніе отъ только-что происшедшей сцены перешло затѣмъ въ оглушительный и несмолкаемый крикъ «ура!», сопровождаемый словами: «всѣ готовы умереть за такого начальника! Всѣ-всѣ! Ура!..»

«Этотъ крикъ, бурнымъ потокомъ вырвавшійся изъ души, былъ

искренній, онъ краснорѣчиво выражалъ горячее чувство безграничной преданности и довѣрія каждаго солдата къ своему главному начальнику, всецѣло отдающему лавры побѣды имъ, солдатамъ, стойкость которыхъ въ бывшемъ сраженіи являлась дѣйствительно замѣчательною и несокрушимою.

«Бебутовъ зналъ, какъ подкупить солдата, какъ изъ него сдѣлать душевнаго и сострадательнаго внѣ войны человѣка и стойкаго до самозабвенія въ бою воина.

«Рядъ послѣдующихъ блестящихъ побѣдъ въ Азіатской Турціи вполнѣ обнаружилъ безграничную вѣру солдата въ князя Бебутова. Вѣра эта творила чудеса.

«Слѣдовательно, пушечнымъ мясомъ едва-ли слѣдуетъ и возможно называть солдата. Всѣ они очень хорошо понимаютъ, кто ими руководитъ и ведетъ въ бой, кто заботится и знаетъ нужду ихъ, кто умѣетъ затронуть за живое чувство и довести до безграничнаго увлеченія, необходимаго очень часто въ бою. Въ средѣ солдатъ много дѣльныхъ, смѣтливыхъ и практическихъ людей, выработанныхъ войною. Я бы могъ указать на простыхъ солдатъ, бывшихъ въ кавказскихъ походахъ при генералъ-адъютантѣ князѣ Аргутинскомъ въ качествѣ писарей, дослужившихся до генеральскихъ чиновъ, а одинъ изъ нихъ и до графскаго достоинства, которые оказали отечеству незабвенныя услуги при завоеваніи и покореніи Кавказа. У меня въ ротѣ былъ фельдфебелемъ Литвиненко, смѣтливость котораго въ горной Кавказской войнѣ до того была поразительна, что отъ изумленія, бывало, не знаешь, къ чему отнести его всегдашнюю догадливость. Онъ не задумывался угадывать, гдѣ прошла непріятельская партія по едва замѣтной горной тропѣ, на которой слѣдовъ не замѣчалось, высказывалъ свой взглядъ, и всегда удачно, какимъ идти путемъ, чтобы перерѣзать непріятелю дорогу, или какъ ударить въ тылъ и въ слабую его сторону, какую занять тропу или холмъ, чтобы быть менѣе уязвимымъ и наносить вмѣстѣ съ тѣмъ вредъ горцамъ; умѣлъ вселять въ солдата стойкость и веселое расположеніе духа во время самой ожесточенной перепалки, словомъ, былъ бравый и умный солдатъ, всею душою преданный своему долгу, и эту душу передавалъ онъ всей окружающей его средѣ. Послѣ окончанія Кавказской войны Литвиненко, украшенный Георгіевскими крестами и медалями, служилъ въ дворцовыхъ гренадерахъ и всегда стоялъ на часахъ у государева кабинета. Умеръ онъ годъ тому назадъ. Я съ большою скорбью хоронилъ этого доблестнаго воина, за два дня до смерти письменно просившаго меня навѣстить его и проститься съ нимъ. И въ этомъ предсмертномъ его приглашеніи виденъ неоцѣненный человѣкъ и солдатъ, привязанный къ бывшему своему ротному командиру.

«Такихъ солдатъ на Кавказѣ было немало, ихъ выработала война,

а потому стойкость Баязетскаго гарнизона являлась такою, какою должна была быть и была на самомъ дѣлѣ. «Умирать, такъ умирать—значитъ, такъ надо»,—говорилъ кавказскій солдатъ и умиралъ безропотно, въ полномъ сознаніи, что жизнь онъ приноситъ за царя и отечество. Передъ такимъ солдатомъ нельзя не преклоняться, нельзя его не любить, онъ заслуживаетъ бóльшаго...

«Но семья бываетъ иногда не безъ урода, такъ было и въ Баязетѣ. Случай, о которомъ я хочу сказать, могъ деморализовать гарнизонъ, но къ счастью былъ устраненъ.

«Изъ всего гарнизона одно только лицо, именно господинъ П., нарушалъ строгій порядокъ между солдатами. Онъ поддался чувству трусости до такой степени, что не могъ скрывать его и довелъ свою трусость до изумительныхъ размѣровъ. Своими безпрерывными и неотвязчивыми настояніями П. уговаривалъ меня сдать крѣпость. «Все равно,—говорилъ онъ,—всѣхъ насъ перебьютъ, и крѣпость во всякомъ случаѣ будетъ взята». Я протестовалъ и предлагалъ ему даже уѣхать изъ Баязета, чтó несомнѣнно было бы имъ исполнено, если бы въ немъ была увѣренность, что внѣ крѣпости онъ не будетъ убитъ турками.

«Многолѣтнее мое участіе въ войнѣ съ горцами и турками пріучило меня смотрѣть своеобразно на людей военнаго сословія. Взглядъ, быть можетъ, ошибочный, но я не навязывалъ его никому, тѣмъ не менѣе, не могу не высказать слѣдующаго.

«Храбрость одного или нѣсколькихъ лицъ въ военномъ дѣлѣ ведетъ очень часто къ блестящимъ результатамъ. Малая сила по численности войска побѣждаетъ, а иногда и совсѣмъ уничтожаетъ цѣлую армію, доказательствомъ чего могутъ служить многіе примѣры военной исторіи, изъ которыхъ я приведу только два, какъ личный свидѣтель: въ двухъ сраженіяхъ съ турками—подъ Башъ-Кадыкляромъ, 13-го ноября 1853 года и подъ Кюрюкъ-Дара, 24-го іюля 1854 года, наши войска не только разбили на-голову турецкія арміи, превосходившія насъ численностью въ семь разъ, но и совершенно уничтожили эти арміи. Въ сраженіяхъ первыми подали примѣръ двѣ-три знаменныя роты, а за ними пошли дружнымъ натискомъ остальныя части нашего корпуса. Въ результатѣ сказочныя побѣды. Если принять въ соображеніе, что наши войска были вооружены гладкостволками, а всѣ турецкія ударными ружьями, то сила туцецкихъ армій становится не въ семь разъ, а значительно болѣе.

«Въ противоположность чувству храбрости, трусость одного или нѣсколькихъ лицъ можетъ служить заразительнымъ примѣромъ для всей массы и повести къ крайне печальнымъ результатамъ. Такъ думалъ я, когда П. неотвязчиво настаивалъ на сдачѣ крѣпости. Мысль эта сильно тревожила меня, а въ особенности 16-го іюня, когда тру-

сость П. приняла болѣе опасный и острый характеръ. Увлекаемый чувствомъ самоспасенія и забывая, что комендантъ крѣпости есть главное отвѣтственное лицо за цѣлость ея, онъ взошелъ на стѣну цитадели и, усиленно махая бѣлымъ платкомъ, сталъ кричать непріятелю прекратить пальбу и идти принимать крѣпость, какъ добровольно сдающуюся, нижнимъ же чинамъ строго приказалъ «не стрѣлять». Стойкость гарнизона поколебалась, онъ поддался вліянію и приказанію П.; стрѣльба съ нашей стороны и турецкой прекратилась, и турецкіе батальоны, видимо торжествующіе, волнами хлынули къ крѣпости. Я прибѣжалъ съ другой стороны цитадели къ мѣсту, гдѣ П. продолжалъ махать платкомъ и кричать туркамъ о сдачѣ. Спасенія ждать было не откуда, мой протестъ и мои настоянія ставились П. ни во что, а турки между тѣмъ приближались.

«Одна только смерть П. могла возстановить порядокъ въ рядахъ нашихъ солдатъ и возвратить гарнизону ту замѣчательную стойкость, которая выказывалась имъ во всѣ предшествующіе дни осады.

«Совѣсть не упрекнула бы того, кто рѣшился бы убить этого наглаго измѣнника, у котораго чувство самоспасенія стояло выше всего, попирая присягу, долгъ и честь оружія...

«Онъ былъ убитъ на-поваль...

«Съ этого знаменательнаго, по послѣдствіямъ, момента, командныя мои слова «стрѣлять» электрическимъ токомъ пронеслись по рядамъ солдатъ, свидѣтелей смерти П., и пальба съ крѣпостныхъ стѣнъ возобновилась съ особенною учащенностью. Цитадель была спасена, непріятель отступилъ, усѣявъ свой путь трупами убитыхъ.

«Съ приходомъ на выручку начальника Эриванскаго отряда, генералъ-лейтенанта Тергукасова, роковые дни и ночи закончились, закончились и страданія гарнизона, дошедшія уже до тѣхъ предѣловъ, когда упадокъ физическихъ силъ, отъ голода и жажды, обращаетъ человѣка въ какое-то неопредѣленное, полуживое существо, въ какой-то кусокъ человѣческаго мяса, двигающійся еле-еле, но не потерявшій еще сознанія намѣченной цѣли—отстоять цитадель или умереть. Два-три суточные сухарика и одна столовая ложка протухлой, съ трупнымъ запахомъ, воды, при 40—45-ти-градусной палящей жарѣ въ теченіе многихъ дней осады, сдѣлали свое дѣло,—они не убили гарнизонъ, но обратили его въ толпу скелетовъ и живыхъ мертвецовъ, на которыхъ безъ душевнаго содроганія и ужаса нельзя было взглянуть. И теперь при одной только мысли о тяжелой 23-хъ-дневной оборонѣ, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу и болѣзненно сжимается сердце, а въ памяти отчетливо вырисовываются сказочные по отвагѣ солдаты—изнуренные, исхудалые, съ лихорадочнымъ блескомъ глазъ и безъ малѣйшаго ропота на тяжелое положеніе. Эти солдаты, не утратившіе бодрости духа, преобладавшаго надъ исто-

щеннымъ ихъ тѣломъ, являлись могучею силою для выполненія намѣченной патріотической задачи—«отстоять во что бы то ни стало крѣпость». Продлись осада еще 5—6 дней,—и весь гарнизонъ поголовно былъ бы мертвъ отъ голода и жажды, или же цитадель взлетѣла бы на воздухъ вмѣстѣ съ ворвавшимися въ крѣпость турками.

«Части войскъ, при приближеніи генерала Тергукасова выстроенныя на крѣпостныхъ веркахъ, единодушно пропѣли гимнъ «Боже, царя храни» и радостно огласили воздухъ крикомъ «ура!».

«Я, изнуренный тѣломъ и душевно измученный, едва передвигая ноги, бросился навстрѣчу къ генералу и въ сильномъ волненіи отрапортовалъ ему о стойкости гарнизона.

«Слезы боеваго генерала служили мнѣ отвѣтомъ.

«Эти слезы животворно подѣйствовали на меня и отрадно отразились въ душѣ всего гарнизона, проникнутаго сознаніемъ честно выполненнаго имъ долга. Стойкость оцѣнилась и отечествомъ, чему доказательствомъ служатъ неограниченныя милости ко мнѣ и къ гарнизону верховныхъ нашихъ вождей, священный обликъ которыхъ не изгладится въ душѣ моей до послѣдней минуты жизни».

Его императорское высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ, намѣстникъ Кавказа и главнокомандующій Кавказскою арміею, 7-го іюля телеграфировалъ капитану Штоквичу изъ Эривани: «Государь императоръ приказалъ мнѣ поздравить васъ съ Георгіемъ 4-й степени. Искренно радуюсь. Еще разъ усердно благодарю».

Спустя недѣлю, и именно 15-го іюля, временно командовавшій лейбъ-гренадерскимъ Эриванскимъ полкомъ, полковникъ Микеладзе, изъ Кюрюкъ-Дара, телеграфировалъ въ штабъ Эриванскаго корпуса для передачи капитану Штоквичу: «Главный защитникъ Баязета и доблестнаго гарнизона, поддержаннаго важными распоряженіями вашими, еще болѣе укрѣпили въ насъ увѣренность въ непоколебимости русскаго солдата. Передайте поклонъ и привѣтъ отъ храброй горсти сотоварищей-эриванцевъ. Примите также отъ бывшихъ однополчанъ увѣреніе, что съ вашимъ именемъ теперь навсегда связаны лучшія воспоминанія для полка».

Подвигъ защитниковъ Баязета сталъ скоро извѣстенъ во всей Россіи, и начальникъ славнаго гарнизона обратилъ на себя всеобщее вниманіе. 2-го января 1878 года начальникъ штаба войскъ Эриванскаго отряда писалъ Штоквичу:

«Милостивый государь, Ѳедоръ Эдуардовичъ! Учрежденное съ 23-го минувшаго октября Тифлисское городское попечительство, въ виду заявленія содержателей частной мужской гимназіи въ Тифлисѣ принять

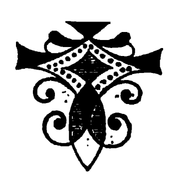
въ заведеніе пансіонерами двухъ мальчиковъ изъ сыновей героевъ, павшихъ или отличившихся при защитѣ Баязета, протоколомъ отъ 11-го сего ноября опредѣлило обратиться къ начальнику отряда съ просьбою не оставить принять на себя трудъ указать достойнѣйшихъ кандидатовъ на вышеназванныя двѣ вакансіи.

«Его превосходительство, въ виду отличій, оказанныхъ вами при защитѣ Баязета, желая предоставить одному изъ вашихъ сыновей воспитаніе въ частной мужской гимназіи, поручилъ просить васъ сообщить мнѣ въ возможной поспѣшности имена вашихъ сыновей, лѣта отъ роду и гдѣ они воспитываются».

На это письмо Ѳ. Э. Штоквичъ отвѣчалъ:

«Искреннѣйше благодарю господина начальника отряда за вниманіе къ моимъ заслугамъ и моему семейству, но, не желая отнимать возможности на облегченіе семейства одного изъ достойныхъ защитниковъ Баязета—капитана 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка Колоссовскаго, обремененнаго большой семьей, состоящей изъ малолѣтнихъ сыновей и дочерей, осмѣливаюсь покорнѣйше просить начальника отряда ходатайства о воспитаніи, вмѣсто одного изъ моихъ сыновей, сына капитана Колоссовскаго, Ивана, восьми лѣтъ».

Сослуживецъ Ѳ. Штоквича **В. Антоновъ**.

Сатира 1811 года на Тверской бульваръ.

Во второй половинѣ 1811 года появились въ Москвѣ слѣдующіе «Стихи на Тверской бульваръ» [1]):

Жаль разстаться мнѣ съ бульваромъ,
Туда не-хотя идешь,
Тамъ глядишь на милыхъ даромъ
И утѣхи даромъ пьешь.
Вездѣ труппою прекрасны
Представляются глазамъ.
О! сколь стрѣлы ихъ опасны
И сколь пагубны сердцамъ.
Тамъ въ зелененькомъ корсетѣ
Тихо Дурова идетъ,
Ее въ пюсовомъ жилетѣ
Братецъ миленькій ведетъ;
Оба тяжко воздыхаютъ,
И бульваръ ужь имъ не милъ:
Отъ любви они страдаютъ,
Цѣлый свѣтъ для нихъ постылъ.
Къ нимъ Евреиновъ прекрасный
То жъ подъ пару подстаетъ;
Женщинъ милыхъ врагъ опасный
Сломя голову идетъ.

---

[1]) Въ изслѣдованіи г. Пыляева «Старая Москва», выпускъ XVII стр. 513, приведены отрывки изъ этой сатиры, но въ значительно измѣненномъ текстѣ противъ подлинника. При этомъ г. Пыляевъ не называетъ имени автора сатиры не говоритъ и о послѣдствіяхъ, имъ испытанныхъ за это сочиненіе. Ред.

*

Дальше взоры провожаетъ
Блескъ каменьевъ дорогихъ,—
Шепелева то блистаетъ
Въ пышныхъ утваряхъ своихъ.
Гусаръ-мужъ ея въ мундирѣ
Себѣ въ голову забралъ,
Что красавца, какъ онъ, въ мірѣ
Еще рѣдко кто видалъ.
Усы—мѣры въ полъаршина
Отрастилъ, всѣмъ на-показъ,—
Пресмѣшная образина
Шепелевъ въ глазахъ у насъ.
Вотъ Анюта Трубецкая
Сломя голову бѣжитъ;
На всѣ стороны кивая,
Всѣхъ улыбкою даритъ.
За ней дѣдушка почтенный
По слѣдамъ ея идетъ;
Покой внучки драгоцѣнной
Пуще глаза бережетъ.
Вѣтерокъ ли къ ней повѣетъ,—
Онъ платочкомъ заслонитъ;
Солнце ль жарко ее грѣетъ,—
Онъ отъ жара защититъ.
А за ними, адъютантомъ,
Князь Голицынъ нашъ идетъ,
Камергерскимъ своимъ бантомъ
Всѣхъ насъ со смѣху моритъ.
Вотъ летитъ и Болховская,
Искрививши правый бокъ,—
Криворукая, косая,—
Точно рвотный порошокъ.
Да и младшая сестрица
Не уступитъ ей ни въ чемъ,—
Одинакихъ перьевъ птица,
Побожиться можно въ томъ.
Вотъ поповичъ Малиновскій
Выступаетъ также тутъ;
За нимъ тоненькій Витковскій,
Въ коемъ жиру тридцать пудъ,—
Онъ жену ведетъ подъ ручку
Наравнѣ съ нимъ толщиной.

Какъ на смѣхъ, всѣ жирны въ кучку
Собрались между собой.
Вотъ и Майковъ, музъ губитель,
Декламируя идетъ;
Какъ театра управитель,
Онъ актеровъ всѣхъ ведетъ.
Адъютантъ его Андрюшка
Ни на шагъ не отстаетъ,
Въ модномъ фракѣ, какъ вертушка,
Дамамъ тоны задаетъ.
Мочаловъ, Зубовъ, Колпаковъ
Его съ почтеньемъ провожаютъ;
Лисицынъ, Фрыгинъ, Кондаковъ
Ему дорогу очищаютъ.
За нимъ всѣ авторы стремятся,—
Въ рукахъ трагедіи у нихъ;
Вокругъ всѣ дивятся, тѣснятся,
Приносятъ даръ умовъ своихъ.
«Возьми, возьми!»—провозглашаютъ —
«О! Майковъ, ты труды сіи».
И, съ словомъ симъ они швыряютъ
Въ него трагедіи свои.
Но какое здѣсь явленье
Поражаетъ весь народъ?
На всѣхъ лицахъ удивленье,
Всѣ глядятъ разиня ротъ?
Ужь не чудо ли морское,
На бѣду нашу катитъ,
Иль страшилище какое
Къ намъ по воздуху летитъ?
Нѣтъ! пустые это вздоры,—
Графъ Кирюша тутъ бѣжитъ,—
Всѣмъ умильно мечетъ взоры,
На всѣхъ ласково глядитъ.
На него-то всѣ дивятся,
Обернувшися къ нему,
Да и, надобно признаться,
Что есть подлинно чему:
Мундиръ шитый, генеральскій
Къ его рожѣ не присталъ,—
Лучше бъ сдѣлалъ онъ капральскій
И его бы надѣвалъ,—

И въ семъ прелестномъ одѣяньѣ
Жилъ бы въ горницѣ своей,
Не ходилъ бы на гулянье,
Не смѣшилъ бы всѣхъ людей.

Посланіе къ автору «Стиховъ на бульваръ».

Чѣмъ васъ прочи огорчили,
Стихотворецъ милый мой!
Что вы ихъ не помѣстили
Въ протоколъ прелестный свой.
И они также одѣты,
Всякій тоны задавалъ;
Ахъ, позволь, чтобъ ихъ портреты
Хотя я здѣсь описалъ.
Вотъ катится чудный шарикъ
Въ красной лентѣ, со звѣздой,—
То Нелединскій—сударикъ
И пьянюга дорогой
Иноходцемъ запущаетъ;
Не жалѣя ничего,—
Въ галлерею поспѣшаетъ,
Тамъ мадера ждетъ его.
Банкъ ли пометать пуститься,
Или штосъ сдѣлать порой,—
Онъ всегда на все годится,—
Малый этотъ—золотой.
Выпивъ водки близу бочки,
Вотъ Алябьевы идутъ,
То-то милые дружечки
Едва головы несутъ.
Къ нимъ еще двое несчастныхъ
Въ кадриль ловко подошли,
Съ лицами отъ спирта красныхъ,
Также на бульваръ пришли.
То Травинъ пьянюга ловкой
И при немъ хорошій шутъ
Бабицинъ, съ большой головкой,
Ковыляютъ вмѣстѣ тутъ.

Это что еще за спица
Такъ быстра сюда бѣжитъ,
Не еще ль какая птица
Позабавить насъ летитъ?
Не Мясновъ-ли чудотворный,
Нашъ прелестный новый франтъ,
Парень легкій и проворный,
Дамскій милый адъютантъ?
Никого себѣ подъ пару
Не беретъ сей господинъ,—
Вѣчно ходитъ по бульвару,
Какъ сироточка, одинъ.
И Волконскій съ карусели
Въ шпорахъ звонкихъ прикатилъ,—
Весь растрепанъ, какъ съ постели,—
Малый этотъ, право, милъ.
Мерлиній дуракъ красавчикъ
Вотъ изволилъ прискакать;
Оправляя свой рукавчикъ,
Также тону хочетъ дать.
Ну, его ли глупой рожѣ,
И чего ждать отъ него,
Коль мундиръ цѣнятъ дороже,
Нежель самого его,—
Благо за свое старанье
Славный получилъ накалъ;
Чтобы дѣлать на гуляньѣ,
Лучше бъ дома попивалъ.
Сыну глупому богатства
Не помога, слышалъ я,
Коли мудрости изрядства
Не купилъ онъ для себя.
Графъ тому въ примѣръ Кирила:
Хоть богатъ и знатенъ такъ,
Но куда ни сунетъ рыла,
Тотчасъ виденъ, что дуракъ.
Но не всѣхъ же вѣдь до крошки
Намъ сюда переписать,—
Не пора ли сѣсть на дрожки,
Да домой,—ужь время спать.

Авторомъ этихъ стихотвореній оказался служившій въ гражданской канцеляріи главнокомандующаго въ Москвѣ фельдмаршала графа

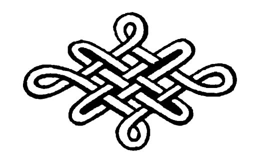
Ивана Васильевича Гудовича 16-ти-лѣтній титулярный юнкеръ кн. Волконскій.

«Коль скоро узналъ я о таковомъ его поступкѣ,—писалъ графъ Гудовичъ И. И. Дмитріеву [1]) 18-го сентября 1811 года,—и получилъ отъ него чистосердечное въ томъ признаніе, я, въ страхъ и примѣръ другимъ, почелъ нужнымъ, исключа Волконскаго изъ штата моей канцеляріи, предать сужденію совѣстнаго суда, какъ малолѣтняго, 16-ть только лѣтъ имѣющаго. Нынѣ совѣстный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, представилъ ко мнѣ свое заключеніе, коимъ полагаетъ: титулярнаго юнкера князя Волконскаго, въ исправленіе развращенной его нравственности и вредныхъ его склонностей, въ толь молодыхъ еще лѣтахъ обнаружившихся, посадить на хлѣбъ и на воду на одинъ мѣсяцъ.

«Не считая приличнымъ подвергать его таковому наказанію, которое по закону считается для дворянина наравнѣ съ тѣлеснымъ, я мнѣніемъ полагаю: онаго князя Волконскаго, какъ, по образу поведенія своего, къ исправленію не совсѣмъ надежнаго, обратить въ военную службу, для выслуги; о чемъ доводя до свѣдѣнія вашего превосходительства, покорнѣйше прошу васъ испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества на то соизволеніе и меня объ ономъ почтить отзывомъ вашимъ».

По докладѣ министромъ юстиціи какъ мнѣнія генералъ-фельдмаршала графа Гудовича, такъ и состоявшагося о князѣ Волконскомъ приговора суда, Императоръ Александръ, 22-го октября 1811 г., утвердилъ приговоръ совѣстнаго суда.

Сообщ. **А. В. Безродный.**

---

[1]) Тогда министру юстиціи.

Записки графа Л. Л. Беннигсена
о
войнѣ съ Наполеономъ 1807 года.

VIII [1]).

Наступленіе Беннигсена.—Донесенія маршала Нея.—Дѣло при Морунгенѣ.—

7-го (19-го) января русская армія перешла въ наступленіе, и 8-го (20-го) числа главная квартира расположилась въ Хейлиге-линде.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ донесъ, что, узнавъ о пребываніи еще непріятельскаго эскадрона въ окрестностяхъ Лангхейма, онъ послалъ туда полковника Грекова 18-го съ его казачьимъ полкомъ, который и нашелъ возможнымъ окружить этотъ эскадронъ, принадлежавшій къ 3-му гусарскому полку французовъ, убилъ нѣсколько человѣкъ и взялъ въ плѣнъ 83 рядовыхъ, двухъ оберъ-офицеровъ и капитана Сентъ-Обёнъ-ле-Брёнъ. Полковникъ Грековъ отдавалъ должную справедливость храбрости и хорошему образу дѣйствія французскихъ офицеровъ и въ особенности самого капитана.

Я долженъ присовокупить, что французы были захвачены врасплохъ,—доказательство, что непріятель въ точности не зналъ о нашемъ наступленіи. Этотъ случай, а также другой, бывшій наканунѣ, всполошилъ всю его линію, расположенную въ старой Пруссіи.

Прусскій отрядъ подъ командою Лестока я приказалъ усилить тремя батальонами Выборгскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ полковника Пилляра и казачьимъ полкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ Лестоку на другой день атаковать Шиппенбейль.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1897 г.

9 (21) января армія заняла послѣ обѣда квартиры, покинутыя непріятелемъ утромъ того же дня. Главная квартира была въ Бишофштейнѣ.

Генералъ Марковъ прислалъ въ главную квартиру офицера и семь солдатъ французскихъ, взятыхъ въ плѣнъ въ одной деревнѣ. Генералъ Барклай-де-Толли сообщалъ, что при его движеніи впередъ казачій полкъ Иловайскаго 9-го встрѣтилъ небольшой непріятельскій отрядъ, близъ деревни Банзенъ, и взялъ въ плѣнъ одного унтеръ-офицера и семнадцать рядовыхъ.

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ, сосредоточивъ свой отрядъ близъ Денгофштадта, подвинулся до Шиппенбейля. Непріятель сжегъ мостъ на рѣкѣ Аллэ и очистилъ городъ. По поводу этого отступленія французовъ маршалъ Ней писалъ военному министру:

«Имѣю честь донести вамъ, что отступленіе (mouvement retrograde) моего корпуса начато отрядомъ на рѣкѣ Аллэ въ составѣ двухъ эскадроновъ 10-го егерскаго полка, которые эшелонами отступили отъ Шиппенбейля, Бартенштейна и Гейльсберга и вечеромъ прибыли въ Гутштадтъ. Въ тотъ же день 3-й батальонъ вольтижеровъ, стоявшій въ Лангеймѣ, отступилъ вмѣстѣ съ 3-мъ гусарскимъ полкомъ на Бишофштейнъ, гдѣ находился 25-й легкій полкъ.

«25-й легкій и 27-й линейный полки отступили 21-го числа: первый на Себургъ, а послѣдній на Алленштейнъ, гдѣ находились уже 59-й, 69-й и 79-й полки, а также четыре драгунскихъ полка генерала Груши, отступившіе 20-го и 21-го числа отъ Бишофсбургъ на Пассенгеймъ; эта колонна прибудетъ сегодня въ Нейденбургъ, гдѣ уже находится 39-й полкъ. 6-ой легкій пѣхотный полкъ явится 22-го числа въ Гогенштейнъ. Драгуны прикрываютъ сообщенія съ Вилленбургомъ и лѣвымъ крыломъ примыкаютъ къ отряду генерала Кольбера, стоящему съ утра сегодня въ Вартенбургѣ вмѣстѣ съ батальономъ вольтижеровъ и однимъ гренадерскимъ, а также двумя орудіями и 25-мъ легкимъ полкомъ. Завтра въ четыре часа утра излишекъ вольтижеровъ и гренадеръ, 10-й стрѣлковый, рота легкой артиллеріи и 50-й полкъ выступятъ изъ Гутштадта, чтобы занять позицію при Алленштейнѣ; въ восемь же часовъ утра 27-й и 59-й полки отправятся изъ Алленштейна въ Гогенштейнъ. Путемъ этихъ передвиженій я всѣ свои войска къ 24-му числу сосредоточу между Гогенштейномъ и Нейденбургомъ. Тутъ я подожду одинъ день, чтобы разузнать о намѣреніяхъ непріятеля. Не считаю его однако настолько уже сильнымъ, чтобы онъ отважился серьезно меня атаковать; до настоящаго дня онъ обнаружилъ значительное число кавалеріи, мало пѣхоты и отсутствіе всякой артиллеріи [1]). 18-го числа непріятель дѣлалъ общую рекогносци-

[1]) Изъ этихъ словъ видно, до чего мало извѣстно было французамъ 10 (22) января то движеніе, которое я совершалъ со всею моею арміею. Примѣч. Беннигсена.

ровку отъ Лангейма, Лейнебурга на рѣкѣ Зейнѣ и Бартена до Шиппенбейля; его попытки были однако отражены. Въ особенности въ Лейнебургѣ непріятель понесъ большую потерю убитыми и ранеными, а также плѣнными; въ числѣ раненыхъ находится полковникъ Штутергеймъ (пруссакъ). При Лангхеймѣ и Шиппенбейлѣ мы одержали подобные же успѣхи [1]). 20-го числа за моимъ колоннами слѣдовала русская и прусская кавалерія, а также нѣсколько отрядовъ пѣхоты, которые двигались въ саняхъ. Вечеромъ и въ продолженіе ночи непріятельская кавалерія тревожила почти въ одно время всѣ позиціи, занятыя моими аванпостами, но къ моимъ пѣхотнымъ полкамъ она приближалась съ большою осмотрительностію: она оставила ранеными нѣсколько людей и лошадей. Одинъ эскадронъ 3-го гусарскаго полка, слишкомъ увлекшись атакою, былъ сильно отброшенъ на пѣхоту и потерялъ нѣсколько человѣкъ. Вотъ показанія нѣкоторыхъ плѣнныхъ и дезертировъ: одна пѣхотная колонна русскихъ и прусскихъ войскъ, въ составѣ около 4.000 человѣкъ, направляется изъ Зеебурга на Випленбургъ. Другая колонна изъ десяти кавалерійскихъ полковъ, въ составѣ отъ 800 до 900 человѣкъ каждый, идетъ на Гутштадтъ, Алленштейнъ, Гогенштейнъ и Нейденбургъ. Пѣхота русская, которая должна слѣдовать за этою кавалеріею, находится еще въ разстояніи нѣсколькихъ переходовъ позади; численность ея неизвѣстна. Генералъ Беннигсенъ находится въ Растенбургѣ. Пруссаки, подъ командою генерала Лестока, направляются на Либштадтъ и Эльбингъ, по лѣвому берегу Алле. Сообщаю Понте-Корво [2]) и маршалу Сульту о моемъ отступленіи и о свѣдѣніяхъ, которыя имѣю о непріятелѣ»

10 (22) января я послалъ генералу Маркову приказаніе двинуться съ авангардомъ въ Кирвиненъ и выслать отряды по направленію къ Гейльсбергу и Гутштадту, чтобы собрать свѣдѣнія объ отступленіи непріятеля и объ избранныхъ имъ для этого дорогахъ. Другое приказаніе было отправлено генералу-лейтенанту графу Остерманну-Толстому, чтобы двинуться со 2-ю дивизіею на Зеебургъ для преслѣдованія непріятеля.

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ, не имѣвъ возможности перейти Алле у Шиппенбейля, былъ принужденъ идти на Фридландъ, чтобы переправиться чрезъ эту рѣку, и въ тотъ же день успѣлъ достичь Прейсишь-Эйлау.

Главная русская квартира въ этотъ день находилась въ Бишоф-

---

[1]) 7 (19) января я совершалъ общее наступленіе, которое непріятель принялъ за рекогносцировку. Мнѣ ничего неизвѣстно объ этихъ двухъ стычкахъ. Прим. Беннигсена.

[2]) Понте-Корво былъ титулъ маршала Бернадотта. Прим. переводч.

штейнѣ; остальныя войска оставались также на квартирахъ, занятыхъ ими наканунѣ.

11 (23) января я получилъ донесеніе отъ генерала Маркова, что онъ не нашелъ непріятеля въ Кирвиненѣ. Генералъ-лейтенантъ графъ Остерманнъ равнымъ образомъ доносилъ, что непріятель очистилъ Зеебургъ незадолго до его прибытія въ это мѣстечко. Генералъ лейтенантъ Лестокъ прибылъ со своимъ отрядомъ въ Ландсбергъ.

Маршалъ Ней отъ 11 (23) числа послалъ военному министру слѣдующее донесеніе о своемъ движеніи.

«Имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія, что мое отступленіе продолжалось и сегодня безъ всякихъ попытокъ со стороны непріятеля чѣмъ-либо тревожить движеніе моихъ колоннъ. Вчера, въ два часа утра, непріятель дѣлалъ рекогносцировку на Вартенбургъ, но отступилъ при первыхъ ружейныхъ выстрѣлахъ. Генералъ Груши сообщаетъ мнѣ изъ Іедвабно отъ вчерашняго числа, что, со времени выступленія его изъ Бишофсбурга, съ бригадою генерала Марконіэ, непріятель вовсе не слѣдовалъ за нимъ; что русскія и прусскія войска направляются вправо и идутъ повидимому на Гутштадтъ; что наконецъ драгунскій полкъ, стоявшій въ Ортельсбургѣ, но который онъ придвинулъ къ себѣ, не имѣетъ никакихъ извѣстій о непріятелѣ. Это, казалось бы, опровергаетъ сдѣланное мнѣ донесеніе о движеніи колонны, идущей изъ Зеисбурга въ Билленбургъ. Генералъ Кольберъ увѣдомляетъ меня сегодня утромъ, что русская кавалерія заготовляетъ продовольствіе въ Бишофсбургѣ и что Зеебургъ занятъ многими полками русской кавалеріи. Главныя силы моего корпуса займутъ 25-го числа этого мѣсяца слѣдующія мѣста: Нейденбургъ, Гильгенбургъ, Сольдау, Лаутенбургъ, Куцбракъ, Млаву, Янову, Козеленъ.

«Драгунская дивизія генерала Груши, имѣя аванпосты въ Мюленѣ, по дорогѣ изъ Гогенштейна въ Гильгенбургъ, займетъ двумя своими полками селенія, находящіяся отъ Нейденбурга до половины дороги въ Гильгенбургъ; остальные же два полка будутъ размѣщены по деревнямъ отъ Нейденбурга до Сольдау.—Легкая кавалерія генерала Кольбера вступитъ въ Яново, отрядитъ одинъ эскадронъ въ Козеленъ, а другой—впереди Нейденбурга, чтобы прикрывать сообщенія изъ Вилленбурга, Іедвабно и Гогенштейна. Посредствомъ подобнаго размѣщенія я надѣюсь имѣть возможность собрать весь мой отрядъ менѣе чѣмъ въ два дня къ Нейденбургу, Гильгенбургу, Сольдау или Млавѣ.

«Завтра я отправлюсь въ Нейденбургъ, гдѣ пробуду нѣсколько дней, пока не разузнаю о намѣреніяхъ непріятеля. Я нашелъ Гогенштейнъ занятымъ драгунскою дивизіею корпуса князя Понте-Корво; этотъ пунктъ долженъ быть охраняемъ очень тщательно, такъ какъ онъ прямо сообщается съ Остероде. Я пишу князю Понте-Корво и маршалу

Сульту, чтобы дать имъ знать о моихъ диспозиціяхъ и о направленіи непріятельской арміи повидимому на Гутштадтъ».

Вечеромъ того же числа маршалъ Ней писалъ князю Понте-Корво слѣдующее:

«Я только что получилъ письмо, тѣмъ же числомъ, написанное мнѣ маршаломъ Груши изъ Іедвабно. Онъ сообщаетъ мнѣ, что непріятель быстро подвигается со всѣхъ сторонъ на моемъ правомъ флангѣ; что онъ занялъ уже Ортельсбургъ, Мейсгутъ и Пассенгеймъ немедленно послѣ того, какъ мы очистили всѣ эти мѣста; что онъ обнаруживаетъ вообще пѣхоту. Я поручалъ генералу Груши написать вамъ сегодня же ночью или завтра съ разсвѣтомъ и сообщить вамъ всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ до него дойти. Утверждаютъ, что непріятель въ большомъ числѣ стянулъ войска съ своего лѣваго фланга, начиная съ Остроленко, Іоганнисбурга, Николейкинъ, чтобы направить всѣ свои силы на Пассаргу, проходя преимущественно чрезъ Нассенбургъ.

«Генералъ Мэзонъ увѣдомилъ меня о расположеніи вашихъ войскъ; онъ предупредилъ также генерала Дютайля, что онъ завтра придвинетъ къ себѣ драгунскую дивизію. Кромѣ того онъ сообщилъ, что офицеръ вашего корпуса, прибывшій изъ Либштадта, слыхалъ ружейную перестрѣлку. Такъ какъ весьма вѣроятно, что непріятель двинется на Остероде, то я нѣкоторыя изъ моихъ распоряженій измѣняю. Я сильно займу Гогенштейнъ и немного сзади Мютенъ, чтобы быть въ состояніи поддержать вашъ правый флангъ и взять непріятеля во флангъ, если бы онъ вздумалъ проникнуть между моимъ лѣвымъ флангомъ и вашимъ правымъ. Будьте увѣрены, что при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ вы меня всегда найдете готовымъ предъявить вамъ доказательства моего рвенія на славу императорскаго оружія и моей привязанности къ вамъ лично».

12-го (24-го) января, моя главная квартира прибыла въ Гейльсбергъ.

Генералъ-маіоръ Барклай-де-Толи сообщалъ, что отрядилъ эскадронъ гусаръ Изюмскаго полка съ 60 казаками, подъ командою подполковника Веригина въ Пассенгеймъ, гдѣ этотъ отрядъ встрѣтилъ два непріятельскіе эскадрона 6-го драгунскаго полка, опрокинулъ ихъ, убилъ нѣсколько человѣкъ и взялъ въ плѣнъ двухъ капитановъ Дерво и Кошелота и 29 человѣкъ драгунъ.

Генералъ-маіоръ Марковъ доносилъ, что, прибывъ съ авангардомъ праваго крыла въ Эльдиттенъ, онъ узналъ, что непріятель, занимавшій маленькій городъ Либштадтъ, подъ начальствомъ генерала Пакто, съ отрядомъ пѣхоты и нѣсколькими эскадронами драгунъ и гусаръ, узнавъ о приближеніи русскихъ, собиралъ крестьянскія телѣги для отступленія. Генералъ Марковъ вслѣдствіе этого извѣстія немедленно двинулся съ авангардомъ, чтобы напасть на непріятеля, прежде его

выступленія изъ Либштадта, что ему вполнѣ и удалось. Несмотря на сопротивленіе, оказанное противникомъ при защитѣ города, онъ былъ выбитъ съ незначительными для него потерями убитыми и раненными, причемъ были нами взяты въ плѣнъ одинъ подполковникъ, одинъ маіоръ, 16 оберъ-офицеровъ, и 270 солдатъ. Наша же потеря состояла изъ 27 убитыхъ и раненыхъ.

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ продвинулъ свои аванпосты до р. Пассарги. Получивъ извѣстіе, что генералъ Рукеттъ, находившійся съ отрядомъ въ Нидригунгѣ, былъ оттѣсненъ войсками корпуса маршала Бернадотта и принужденъ не только отступить чрезъ Прейсишь-Голандъ, но и покинуть даже Браунсбергъ, генералъ Лестокъ рѣшился подвинуть свое правое крыло до Мюльгаузена, съ тѣмъ чтобы отрѣзать отступленіе непріятелю. Маршалъ Ней сообщалъ въ это же время маршалу Бернадотту слѣдующее:

«Непріятель сегодня ограничился только простыми рекогносцировками; онъ заставилъ часть пѣхоты и кавалеріи двинуться по направленію къ Ортельсбургу и Пассенгейму и, казалось, достаточно ясно означалъ этимъ свое движеніе къ Данцигу. Перебѣжчики и плѣнные дали слѣдующія показанія: въ настоящее время производится значительный сборъ прускихъ войскъ между Мюльгаузеномъ и Прейсишь-Эйлау. Армія, находящаяся подъ начальствомъ генералъ Беннигсена, состоитъ изъ 80 тысячъ человѣкъ. Этотъ генералъ имѣлъ свиданіе съ англійскимъ генераломъ Гутчинсономъ, который долженъ къ нему присоединиться съ отрядомъ въ 10.000 человѣкъ; англичане, а также равное число шведскихъ солдатъ высадятся въ Данцигѣ. Фельдмаршалъ графъ Каменскій впалъ въ немилость и замѣщенъ генераломъ Беннигсеномъ, который сдѣланъ главнокомандующимъ. Громко поговариваютъ, что французская армія будетъ принуждена ранѣе десяти дней очистить правый берегъ Вислы.

«Генералъ Курбьеръ, комендантъ въ Грауденцѣ, былъ извѣщенъ русскимъ генераломъ, что блокада этой крѣпости будетъ снята одновременно со взятіемъ Торна и что сдѣланы всѣ приготовленія для перехода черезъ Вислу немедленно послѣ этого дѣла, съ цѣлію принудить французскую армію, находящуюся въ Варшавѣ, поспѣшно отступить. Наконецъ разсказываютъ, что при первомъ успѣхѣ, одержанномъ русскими надъ нами, въ которомъ они не сомнѣваются въ силу численнаго ихъ надъ нами превосходства, австрійская армія сдѣлаетъ диверсію въ Моравію и проникнетъ въ Силезію. Къ этому могу еще присоединить, что русскіе и прусскіе офицеры, являвшіеся парламентировать съ нашими аванпостами 22-го числа, впереди Алленштейна, сказывали, что они вполнѣ въ состояніи прогнать насъ за Вислу».

13 (25) января главная наша квартира перешла въ деревню Аренсдорфъ; авангардъ праваго крыла получилъ приказаніе, если непріятель отсту-

пить, двинуться къ Морунгену, а кавалерія праваго крыла должна была занять квартиры въ окрестностяхъ этого города. Авангардъ лѣваго крыла былъ направленъ на Дигиттенъ; отрядъ же генерала Багговута въ Саукендорфъ. Движеніе этихъ двухъ отрядовъ имѣло двоякую цѣль: они должны были наблюдать за корпусомъ маршала Нея и вводить непріятеля въ заблужденіе о дѣйствительномъ нашемъ намѣреніи. Генералу Барклаю было приказано съ тою же цѣлью, на пути своемъ, распространять слухъ, что главная наша армія идетъ по этому же пути, направляясь въ Остероде. Кавалерія нашего праваго крыла шла въ Альтъ-Рамтенъ. Правое крыло арміи двигалось въ Фохтсдорфъ, Швейнъ-Киттенъ, Зоммерфельдъ и Лаунау. Лѣвое крыло—въ Хейментапь, Эльдитенъ и Гутштадтъ.

Генералъ Лестокъ, узнавъ объ отступленіи непріятеля изъ Браунсберга чрезъ Мюльгаузенъ въ Прейсишь-Голандъ, рѣшилъ двинуться на Мельзакъ, а оттуда потомъ въ Вормдиттъ.

Рапорты маршала Нея отъ сего же числа изъ Гогенштейна къ военному министру заключали въ себѣ слѣдующее:

«Имѣю честь сообщить вамъ копіи двухъ писемъ, полученныхъ мною сію минуту отъ князя Понте-Корво и генерала Мэзона, его начальника штаба, отъ вчерашняго числа (эти письма не нашлись въ перехваченныхъ бумагахъ). Я буду сохранять мою позицію въ Гогенштейнѣ, Миленѣ, Нейдебургѣ до новыхъ приказаній императора. Непріятель ограничивается наблюденіемъ за мною своими разъѣздами; онъ занимаетъ по-прежнему Алленштейнъ, Вартенбургъ, Зеебургъ, Бишофсбургъ и Пассенгеймъ. Его движеніе съ превосходными силами къ Данцигу должно имѣть какую либо иную цѣль кромѣ снятія блокады этой крѣпости. Вчера рекогносцировка драгунъ дивизіи генерала Груши была сильно отражена отъ Пассенгейма въ Іедвабно.

«Дорогу изъ Вилленберга чрезъ Хорцелленъ и Пржасницъ непріятель не тревожитъ. Маршалъ Сультъ въ состояніи болѣе подробно и лучше меня знать въ точности о всѣхъ движеніяхъ непріятеля въ этомъ направленіи; онъ не замедлитъ, конечно, донести о всемъ вашей свѣтлости».

Тотъ же Ней писалъ 13-го (25-го) числа: «Сію минуту получилъ письмо генерала Мэзона, которое имѣю честь препроводить къ вамъ (это письмо также не оказалось въ бумагахъ). Я не считаю нужнымъ дѣлать какія либо движенія къ Остероде, потому что это отдалитъ меня отъ сообщеній съ Нейденбургомъ, которыя чрезвычайно необходимо сохранить за нами, чтобы прикрыть лѣвый флангъ главной арміи. Поэтому я останусь въ занимаемыхъ мною позиціяхъ въ Гогенштейнѣ, Мюленѣ и Нейденбургѣ. Обстоятельства, повидимому, дѣлаются тяжкими; мнѣ казалось бы весьма существенно необходимымъ, чтобы его величество, въ случаѣ если онъ не сочтетъ нужнымъ двинуться на непріятеля,

послалъ бы по крайней мѣрѣ одного изъ своихъ адъютантовъ на мѣсто, чтобы убѣдиться въ общемъ положеніи дѣлъ и подробно донести ему о нихъ».

Маршалъ Ней тогда же писалъ Мэзону. «Я получилъ, мой дорогой генералъ, ваше письмо отъ сего числа. Очень сожалѣю о случившемся съ генераломъ Пакто въ Либштадтѣ. Непріятель, направляющійся на Морунгенъ, повидимому, имѣетъ намѣреніе принудить васъ очистить Эльбингъ и Маріенвердеръ, чтобы установить себѣ сообщеніе съ Данцигомъ [1]). Это движеніе дастъ время 1-му корпусу соединиться въ Остероде, что онъ не въ состояніи былъ бы сдѣлать при быстромъ движеніи непріятеля къ Прейсишь-Голланду. Моя позиція такова, что я не могу ее покинуть, не подвергнувъ опасности сообщеніе главной арміи съ Нейденбургомъ. Поэтому мнѣ невозможно подойти ближе къ вашему правому крылу для его подкрѣпленія. Министръ, которому я представилъ точный отчетъ о всѣхъ этихъ событіяхъ, еще не отвѣчалъ мнѣ. Послѣднія полученныя мною отъ него приказанія состоятъ въ томъ, чтобы я расположился въ назначенныхъ мнѣ зимнихъ квартирахъ въ Млавѣ. Ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ извѣстій изъ императорской квартиры».

Тотъ же Ней пишетъ генералу Груши:

«Вчера получилъ я, мой дорогой генералъ, ваше донесеніе о дѣлѣ, происходившемъ подъ Пассенгеймомъ. Надѣюсь, что этотъ урокъ, полученный нашими драгунами отъ непріятеля, заставитъ ихъ на будущее время выставлять посты внѣ городовъ и садиться на лошадей съ разсвѣтомъ дня. Выразите командовавшему въ Пассенгеймѣ офицеру все мое неудовольствіе по поводу такого преступнаго образа служенія. Равнымъ образомъ я получилъ ваше письмо отъ сегодняшняго числа. Продолжайте поддерживать сообщеніе съ Хорцелленомъ до прибытія на эту позицію генерала Кольбера. Князь Понте-Корво принужденъ былъ отступить на Морунгенъ; мы оба ожидаемъ приказаній императора».

Маршалъ Ней писалъ принцу Понте-Корво 13-го (25-го) числа въ четыре часа вечеромъ слѣдующее. «Письмо вашей свѣтлости, которое вы мнѣ вчера писали, я получилъ сегодня 25-го числа въ два часа

---

[1]) Генералъ Лестокъ направлялся къ Прейсишь-Голанду, но никогда не могъ отрѣзать корпусъ Бернадотта отъ Остероде. Это въ дѣйствительности однако случилось, но вслѣдствіе быстраго движенія русской арміи на Морунгенъ и въ особенности вслѣдствіе того, что я направилъ колонну лѣваго крыла на Альтъ-Рамтенъ, куда кавалерія прибыла въ началѣ сраженія подъ Морунгеномъ, что особыхъ послѣдствій также имѣть не могло. Отступленіе къ Торну оставалось по-прежнему свободнымъ для непріятеля; онъ и совершилъ оное при приближеніи русской арміи къ Морунгену. Прибытіе моихъ войскъ въ Либмюль окончательно преградило корпусу Бернадотта дорогу въ Остероде. примѣч. Беннигсена.

утра. Генералъ Мэзонъ, вашъ начальникъ штаба, уже доставилъ мнѣ свѣдѣнія о дѣлѣ, бывшемъ въ Либштадтѣ. Я ему писалъ, что сосредоточеніе всего вашего корпуса подъ Морунгеномъ считаю его спасеніемъ по близости этого мѣста отъ Остероде и тѣхъ средствъ обороны, которыя я бы могъ присоединить, съ цѣлью дать непріятелю одно общее сраженіе вмѣсто различныхъ отдѣльныхъ стычекъ. Вы изволили до того вполнѣ сознать необходимость этого, что приказали мнѣ оное исполнить, какъ это видно изъ вашего письма. Вотъ въ чемъ заключаются намѣренія непріятеля по моему предположенію. Переходя въ наступленіе онъ неизбѣжно имѣетъ цѣлью возстановить сухопутное сообщеніе съ Данцигомъ. Единственнымъ средствомъ достиженія этой цѣли являлось направленіе его колоннъ чрезъ Растенбургъ прямо на Гутштадтъ, что онъ и сдѣлалъ съ многочисленною кавалеріею, оставляя безъ движенія свое лѣвое и правое крыло до достиженія имъ береговъ Пассарги. Какъ скоро непріятель достигнетъ Прейсишь-Голланда, онъ, какъ я предполагаю, притянетъ къ этому же мѣсту свою колонну изъ Браунсберга. Тогда Эльбингъ остается свободнымъ, и непріятель вѣроятно будетъ стоять спокойно, развѣ что онъ имѣетъ въ виду болѣе обширный планъ при началѣ военныхъ дѣйствій. Намъ слѣдовало бы собраться въ очень тѣсныхъ оборонительныхъ позиціяхъ, что я и сдѣлалъ съ моимъ корпусомъ, будучи при томъ въ состояніи опереться на Остероде—мѣсто, назначенное по приказанію его величества для вашего корпуса. Полагаю, что непріятель будетъ дѣлать только слабую демонстрацію на Морунгенъ, какъ онъ это дѣлалъ по всему моему правому флангу, по мѣрѣ того какъ я уклонялся отъ сраженія съ нимъ, начиная съ Гутштадта до Алленштейна и Пассенгейма. Вся эта мѣстность занята непріятельскою кавалеріею, расположенною эшелонами отъ Растенбурга до Бишофсбурга, Бишофсштейна, Зеебурга и Гутштадта.

«Вы изволите предлагать мнѣ сдѣлать движенія на правомъ флангѣ и приблизиться къ Алленштейну. Мнѣ кажется однако, что такое движеніе было бы несогласно съ общимъ планомъ противодѣйствія, которое намъ должно стараться противопоставить непріятелю: я ему открою этимъ свой правый флангъ, тогда какъ въ Гогенштейнѣ, гдѣ находятся главныя силы моего корпуса, я до того въ состояніи поддержать васъ по направленію къ Остероде и двинуться вообще туда, куда потребуютъ обстоятельства; что могу, не подвергая ни малѣйшей опасности мои сообщенія съ главною арміею, отдалиться отъ занимаемаго мною пункта, до тѣхъ поръ пока его величество приметъ какое либо рѣшеніе. Если бы я могъ дать совѣтъ вашей свѣтлости, то предложилъ бы вамъ избѣгать всякаго отдѣльнаго сраженія съ превосходными силами непріятеля, до полнаго нашего соединенія, и если бы въ это время непріятель сталъ насъ тѣснить до такой степени, что намъ пришлось бы прибѣгнуть

къ этой крайности безъ приказанія о томъ императора, то тогда мы исполнили бы нашъ долгъ.»

Генералъ Марковъ донесъ, что съ частью своего авангарда онъ выступилъ изъ Мольдиттена, съ цѣлью преслѣдовать непріятеля. Сдѣлавъ переходъ въ полторы мили, частью лѣсомъ, частью узкими дефилеями, онъ нигдѣ не видѣлъ французовъ. Но вступивъ въ долину не вдалекѣ отъ деревни Георгенталь, генералъ Марковъ получилъ извѣстіе отъ своего небольшаго передоваго отряда, что сей послѣдній вступилъ въ дѣло съ непріятельскими аванпостами, и принудилъ ихъ отступить. Непріятель, однако, получалъ постепенно и постоянно подкрѣпленія и направилъ колонны кавалеріи и пѣхоты на лѣвый флангъ отряда, чтобы, повидимому, отрѣзать его отъ прохода. Въ то же время полковникъ казачьихъ войскъ Малаховъ донесъ, что значительныя непріятельскія колонны приближаются по дорогѣ въ Морунгенъ. Это двигался маршалъ Бернадоттъ, со всѣмъ своимъ корпусомъ, отъ Эльбинга, и направлялся съ остальными своими войсками на помощь тѣмъ, которые уже вступили въ сраженіе.

Генералъ-маіоръ Марковъ расположилъ свой небольшой отрядъ не вдалекѣ отъ деревни Георгенталь, на довольно выгодной позиціи, на холмахъ: Псковскій полкъ сталъ на правомъ флангѣ, 25-й егерскій—на лѣвомъ; Екатеринославскій гренадерскій полкъ находился во второй линіи. Два баталіона 5-го егерскаго полка застрѣльщиками заняли фронтъ его позиціи; одинъ батальонъ того же полка составлялъ резервъ. Два батальона 7-го егерскаго полка, съ двумя гренадерскими ротами Екатеринославскаго полка, заняли деревню Георгенталь и дороги, по которымъ можно было бы обойти деревню. Батальонъ 7-го егерскаго полка занялъ лѣсъ возлѣ лѣваго фланга. Очень жаркое дѣло завязалось около часа по полудни.

Елисаветградскій гусарскій полкъ, подъ начальствомъ своего командира, генерала Юрковскаго, былъ поставленъ въ лощинѣ, и съ великимъ мужествомъ и искусствомъ удерживалъ непріятельскую кавалерію, поддерживаемую конною артиллеріею. Видя, что онъ не въ состояніи долѣе противиться превосходнымъ силамъ непріятеля, генералъ Юрковскій рѣшился пройти дефилеемъ, находившимся позади его. Тогда непріятельская кавалерія сильно его атаковала. Полковникъ Гогель, видя это, направился съ однимъ батальономъ 5-го егерскаго полка въ дефиле и, поддержанный ротою конной артиллеріи, подъ командою полковника Ермолова, остановилъ натискъ непріятеля и далъ этимъ генералу Юрковскому возможность совершить свое отступленіе безъ значительныхъ потерь. Генералъ Марковъ, при самомъ началѣ этого дѣла, послалъ извѣстить о положеніи, въ которомъ онъ находится, генералъ-лейтенанта Анрепа, находившагося со своею кавалеріею праваго

фланга на пути къ Георгенталю, но еще въ слишкомъ большомъ отъ него отдаленіи, чтобы во-время поспѣть на помощь нашему авангарду. Анрепъ приказалъ, однако, полкамъ, шедшимъ въ головѣ его отряда, ускорить, по возможности, движеніе, и самъ, съ небольшимъ конвоемъ и двумя адъютантами, немедленно отправился впередъ.

Дѣло съ каждою минутою становилось значительнѣе и жарче, но несоотвѣтствіе въ силахъ было слишкомъ велико; корпусъ Бернадотта состоялъ изъ 16.000 человѣкъ; отрядъ же генерала Маркова, въ началѣ дѣла, имѣлъ всего 6.000 человѣкъ. Хотя онъ занималъ выгодную позицію, но не могъ достаточно укрѣпить и обезпечить отъ обхода свои фланги. Въ то же время, какъ непріятель открылъ огонь изъ всѣхъ своихъ орудій, генералъ Марковъ замѣтилъ, что сильная колонна непріятельской пѣхоты направляется на его лѣвый флангъ. Онъ приказалъ полковнику Вуичу, съ 25-мъ егерскимъ полкомъ, кинуться на нихъ въ штыки; въ началѣ Вуичъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но этотъ полкъ, составленный изъ вновь набранныхъ людей, скоро долженъ былъ отступить. Подполковникъ Панчулидзевъ, замѣтивъ это, прибѣжалъ съ двумя своими ротами 5-го егерскаго полка на помощь всему 25-му полку и остановилъ непріятеля. Капитанъ Рейтценштейнъ, служившій въ одной изъ этихъ двухъ ротъ, овладѣлъ въ схваткѣ непріятельскимъ знаменемъ 9-го пѣхотнаго полка, орелъ котораго былъ, однако, сбитъ уже ранѣе. Этотъ храбрый офицеръ былъ тяжело раненъ. Генералъ Марковъ выдвинулъ тогда два баталіона Екатеринославскаго полка, которые атаковали непріятеля въ штыки съ тою смѣлостью и храбростью, которыми всегда отличался этотъ полкъ, и принудили его отступить. Маіоръ Фишеръ, командовавшій въ то время однимъ изъ баталіоновъ, былъ тяжело раненъ.

Другая пѣхотная непріятельская колонна направилась въ обходъ нашего праваго фланга, но генералъ Марковъ выслалъ противъ нее полковника Гогеля, съ баталіономъ 5-го егерскаго полка, и подполковника Лашкарева, съ батальономъ Псковскаго полка, приказавъ имъ задержать наступленіе этой непріятельской колонны. Это и было ими исполнено съ большою храбростью и большимъ умѣньемъ. Замѣтивъ, что непріятель усиливаетъ свои колонны, направленныя въ обходъ нашихъ фланговъ, и видя невозможность долго сопротивляться превосходнымъ его силамъ генералъ Марковъ приказалъ войскамъ понемногу отступать, начавъ съ праваго фланга, всего болѣе выдвинутаго впередъ и подвергавшагося большей опасности. Непріятель продолжалъ сильно напирать на насъ, но стойкость и храбрость нашихъ войскъ, прикрывавшихъ отступленіе, удержали противника.

Въ это время, послѣ заката солнца, прибылъ генералъ-лейтенантъ Анрепъ. Ознакомившись съ ходомъ и всѣми подробностями дѣла,

онъ приказалъ генералу Маркову продолжать отступленіе. Но чтобы имѣть возможность убѣдиться собственными глазами въ силахъ непріятеля и въ томъ направленіи, которое онъ даетъ своимъ колоннамъ, Анрепъ лично отправился въ арьергардъ, прикрывавшій наше отступленіе. Рвеніе къ дѣлу увлекло слишкомъ далеко этого храбраго генерала. Онъ подошелъ къ кустарникамъ, уже занятымъ непріятельскими стрѣлками, и ружейнымъ выстрѣломъ былъ убитъ на мѣстѣ—пуля пробила ему голову. Оба его адъютанта были ранены. Потеря эта была очень для насъ чувствительна; о смерти Анрепа глубоко сожалѣли во всей арміи. Онъ все время служилъ съ выдающимся отличіемъ, пользовался довѣріемъ императора и, въ силу своего прекраснаго характера въ частной жизни и несокрушимой твердости во всѣхъ трудныхъ военныхъ обстоятельствахъ, пріобрѣлъ также полное довѣріе войскъ.

Генералъ Марковъ отступилъ съ своимъ авангардомъ до Либштадта, не доходя мили до онаго. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ простиралась до 500 человѣкъ, а судя по множеству убитыхъ тѣлъ, оставленныхъ непріятелемъ на полѣ сраженія и найденныхъ нами, черезъ два дня, у Морунгена, можно допустить, что его потеря была несравненно значительнѣе. Мы взяли въ плѣнъ двухъ офицеровъ и 53 солдата. Не подлежитъ сомнѣнію, что генералъ Марковъ поступилъ бы лучше, не вступая вовсе въ сраженіе, при столь несоразмѣрныхъ силахъ. Отъ плѣнныхъ, захваченныхъ наканунѣ, а также взятыхъ въ тотъ же самый день, въ самомъ началѣ сраженія, онъ могъ бы узнать, что маршалъ Бернадоттъ сосредоточивалъ свой корпусъ въ Морунгенѣ, и въ такомъ случаѣ ему надлежало отступить обратно за дефиле, стараться только охранять выходъ изъ онаго и немедленно донести обо всемъ этомъ. Можно предполагать, что непріятель не выступилъ бы изъ своей позиціи. Многія изъ нашихъ дивизій, находившихся очень близко, могли бы на другой день подкрѣпить нашъ авангардъ и обезпечить за нами блестящую и несомнѣнную побѣду (еслибы только ночью непріятель не отступилъ), тѣмъ болѣе, что колонна наша, шедшая по дорогѣ въ Альтъ-Рамтенъ, зашла бы ему въ флангъ и въ тылъ, какъ это скоро оказалось на дѣлѣ появленіемъ одного отряда нашей кавалеріи въ самомъ Морунгенѣ, во время сраженія, въ тылу непріятеля. Но генералъ Марковъ, ослѣпленный успѣхомъ, одержаннымъ имъ наканунѣ, посовѣтывался только съ своимъ рвеніемъ и закрылъ глаза отъ всѣхъ опасностей, которымъ онъ подвергался.

Въ то самое время, какъ генералъ-маіоръ Марковъ дрался съ корпусомъ князя Понте-Корво въ окрестностяхъ деревни Георгенталь, генералъ-маіоръ графъ Паленъ и адъютантъ его величества полковникъ князь Долгорукій, сдѣлали набѣгъ на самый Морунгенъ, отстоящій на милю позади отъ непріятельскаго поля сраженія. Этотъ ловкій на-

бѣгъ былъ сдѣланъ съ такою же храбростью, какъ и осторожностью, что усматривается изъ слѣдующаго.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ, прибывъ съ кавалеріею праваго крыла въ Альтъ-Рамтенъ и услышавъ выстрѣлы со стороны Морунгена, приказалъ генералъ-маіору графу Палену, командиру Сумскаго гусарскаго полка и полковнику князю Долгорукому, командующему Курляндскимъ драгунскимъ полкомъ, приблизиться съ ихъ полками къ Морунгену, чтобы разузнать о происходившемъ. Графъ Паленъ отправился со своимъ полкомъ, въ составѣ десяти эскадроновъ, и пройдя деревню Егерсдорфъ, приблизился къ лѣсу, по которому шла узкая дорога. Это побудило его оставить семь эскадроновъ передъ этимъ дефиле, чтобы они могли ему служить помощью въ случаѣ надобности, и сопровождаемый остальными тремя эскадронами, продолжалъ путь чрезъ лѣсъ со всевозможною скоростью. Въ двухъ верстахъ отъ Морунгена, около 6—7 часовъ вечера, онъ соединился съ княземъ Долгорукимъ и его тремя эскадронами драгунъ. Направо они замѣтили биваки, въ которыхъ ночью стояли полки корпуса Понте-Корво, дравшіеся въ эту минуту, въ незначительномъ разстояніи, съ нашимъ авангардомъ праваго крыла. Князь Долгорукій, съ своимъ эскадрономъ, опрокинулъ сперва караулъ, стоявшій передъ городомъ, и загналъ его въ городъ; графъ Паленъ, не вдалекѣ, слѣдовалъ за нимъ съ однимъ эскадрономъ. Много непріятельскихъ солдатъ было изрублено въ улицахъ города, два офицера и 183 солдата взяты въ плѣнъ; множество повозокъ, въ томъ числѣ экипажи князя Понте-Корво, а также значительная военная казна, были захвачены и сдѣлались добычею храбрыхъ войскъ, исполнившихъ этотъ лихой набѣгъ. Все это съ надежнымъ конвоемъ было немедленно отправлено по дорогѣ въ Альтъ-Рамтенъ. Графъ Паленъ имѣлъ осторожность, при вступленіи своемъ въ Морунгенъ, послать два эскадрона по дорогѣ, чрезъ городъ, въ Георгенталь, чтобы во-время получить извѣстіе о приближеніи войскъ, которыя изъ корпуса Бернадотта могли бы подойти на помощь этому мѣстечку. Дѣйствительно, непріятель не замедлилъ поспѣшить на помощь. Но нашъ отрядъ успѣлъ заблаговременно отступить со всѣмъ захваченнымъ имъ въ этомъ городѣ.

Полковникъ Крейцъ долженъ былъ прикрывать отступленіе съ однимъ эскадрономъ Сумскаго гусарскаго полка. Въ началѣ своего выступленія изъ города онъ былъ отрѣзанъ непріятелемъ и окруженъ имъ. Крейцъ рѣшился, съ оружіемъ въ рукахъ, проложить себѣ дорогу. Это удалось гусарамъ, но самъ Крейцъ былъ тяжело раненъ, упалъ безъ чувствъ съ лошади и попалъ въ руки непріятеля. Это была единственная, нѣсколько значительная потеря эскадрона.

IX.

Дѣло при Либштадтѣ.—Донесенія маршала Нея и Движеніе на Остероде, Лёбау.—Пассенгеймъ.

14-го (26-го) января я получилъ свѣдѣніе, что маршалъ Понте-Корво, корпусъ котораго долженъ былъ получить значительныя подкрѣпленія, предполагаетъ снова атаковать нашъ авангардъ. Поэтому я приказалъ направить колонны нашего праваго крыла и центра на Либштадтъ; лѣвое же крыло арміи и его кавалерія продолжали прежнее движеніе на Альтъ-Рамтенъ.

Генералъ Марковъ получилъ приказаніе остаться на своей позиціи, по другую сторону Либштадта, и ожидать вышеназванныя подкрѣпленія. Въ 11 часовъ утра я прибылъ, съ главною квартирою, въ Либштадтъ. Черезъ часъ наши аванпосты сообщили, что непріятель быстро отступаетъ. Генералъ-лейтенантъ князь Багратіонъ только-что прибылъ въ армію изъ Петербурга, и я поручилъ ему общее командованіе обоими авангардами, а также и отрядомъ генералъ-лейтенанта Багговута. Князь Багратіонъ получилъ приказаніе съ авангардомъ праваго крыла, къ которому я присоединилъ еще нѣсколько кавалеріи, подвигаться впередъ, немедленно занять Морунгенъ и въ этотъ же самый день дойти еще до Альтъ-Бенстендорфа.

Для полнѣйшаго осуществленія моего первоначальнаго плана дѣйствій при вступленіи въ старую Пруссію, для лучшаго охраненія и подкрѣпленія кордона, который я намѣревался установить на остальную зиму, я приказалъ всѣ войска моей арміи раздѣлить на четыре корпуса. Первый корпусъ, или правое крыло, находилось подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лестока, который командовалъ всѣмъ прусскимъ отрядомъ, усиленнымъ мною, какъ выше сказано, нѣкоторыми русскими войсками. Второй корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тучкова, состоялъ изъ авангарда праваго крыла, изъ 5-й, 7-й и и 8-й дивизій и кавалеріи праваго крыла. Третій, ввѣренный генералъ-лейтенанту князю Голицыну, состоялъ изъ авангарда лѣваго крыла, кавалеріи этого крыла, отряда генерала Вагговутта и 2-й дивизіи. Четвертый, который долженъ былъ служить резервомъ, состоялъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Сакена, изъ 3-й, 4-й и 14-й дивизій.

Генералъ-лейтенантъ Тучковъ получилъ приказаніе идти въ тотъ же день къ Либштадту со своимъ корпусомъ, слѣдовать за непріятелемъ и атаковать его по другую сторону Морунгена, если онъ будетъ въ состояніи его настичь. При этомъ онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы нашъ авангардъ не зашелъ слишкомъ далеко впередъ, не подвер-

гался опасности со стороны французовъ, и чтобы была возможность во́-время его поддержать. Съ этою цѣлью авангардъ долженъ былъ идти только на полъ-мили впереди всего отряда. Корпусъ князя Голицына былъ направленъ на Альтъ-Рамтенъ, по большой дорогѣ въ Морунгенъ, съ приказаніемъ занять правымъ флангомъ разстояніе до Клейнъ-Луцейненъ, расположенное между двумя озерами—Наріенъ и Морунгъ, центромъ же—Хорнъ и Швенкендорфъ, а лѣвымъ флангомъ—Рейсенъ, лежащій на большой дорогѣ изъ Остероде въ Морунгенъ, чтобы прекратить всякое прямое сообщеніе по этой дорогѣ, между корпусами маршаловъ Бернадотта и Нея. Къ этому было еще присоединено приказаніе отряду князя Голицына: при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, сдѣланномъ корпусомъ генерала Тучкова, идти немедленно къ нему на помощь, взявъ направленіе на Гроссъ-Готсвальдъ и стараясь обойти правое крыло непріятеля; при своемъ выступленіи не только оставить занятымъ Рейсенъ, но и двинуть сильные отряды на Остероде.

Генералъ-лейтенантъ Сакенъ долженъ былъ на другой день выступить съ резервомъ, занять окрестность Морунгена и держаться въ разстояніи двухъ миль отъ корпуса Тучкова. Генералъ Барклай доставилъ въ главную квартиру одного унтеръ-офицера и восемь французскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ казаками.

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ, съ своею бдительною дѣятельностью, обнаруженною имъ во время всей этой кампаніи, шелъ въ этотъ день чрезъ Прейсишъ-Голландъ, упираясь правымъ флангомъ на Гиршфельдъ, а лѣвымъ на Сомродъ. Этимъ движеніемъ наше сообщеніе съ Эльбингомъ было возстановлено, а слѣдовательно также и съ Данцигомъ.

Генералъ лейтенантъ князь Голицынъ донесъ, что въ тотъ же день офицеръ казачьяго полка Грековъ 12-й, командовавшій полкомъ за отсутствіемъ командира, двигаясь къ назначеннымъ квартирамъ, получилъ извѣстіе отъ своего передоваго разъѣзда, что какой-то непріятельскій отрядъ находится еще возлѣ деревни Ліока. Онъ немедленно направился туда съ частью своего полка, нашелъ дѣйствительно отрядъ непріятельской кавалеріи, поддерживаемый пѣхотою; тѣмъ не менѣе атаковалъ его рѣшительно, убилъ нѣсколько человѣкъ и взялъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ и 42 солдата.

Свѣдѣнія, сообщенныя о моихъ движеніяхъ маршаломъ Неемъ, отъ 26-го числа (нов. стиля), князю Понте-Корво, состояли въ слѣдующемъ:

«Сейчасъ получилъ я,—писалъ Ней,—ваше письмо отъ 25-го числа, Предупреждаю генерала д'Отпуль распространиться влѣво и быть готовымъ идти къ вамъ на помощь на Дейчь-Эйлау или Лёбау, смотря по тому, какъ выяснятся чрезъ нѣсколько дней движенія непріятеля.

Я предлагаю ему установить сообщеніе съ Остероде, чтобы непосредственно сноситься съ вами. Я приказалъ 27-му линейному полку выступить сегодня изъ Мюлена, съ генераломъ Ронье, который имъ командуетъ, и направиться, для занятія позиціи, въ Остероде, съ тѣмъ однако, чтобы вернуться снова назадъ къ занимаемой имъ нынѣ позиціи, какъ скоро вы начнете отступать. Я предувѣдомилъ маршала Сульта обо всемъ происходившемъ до настоящей минуты съ самаго начала возобновленія военныхъ дѣйствій со стороны русскихъ; завтра же я сообщу ему и послѣдній отдѣлъ вашего письма, которымъ вы предлагаете ему принять надлежащія мѣры съ его стороны. Его величество, который не можетъ не знать въ настоящее время нашихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія приметъ мѣры, которыя заставятъ непріятеля раскаяться въ его предпріятіи.

«Я также пишу генералу Дюлолуа, командующему войсками въ Торнѣ, съ цѣлью поставить его въ извѣстность о всемъ происходящемъ и доставить ему возможность вывезти все для арміи необходимое изъ Торна, направивъ или на лѣвый берегъ Вислы, если это возможно, или на Плоцкъ всѣ обозы, багажи и прочіе предметы, безполезные при движеніи арміи. Что же касается артиллеріи и парковъ, то я предлагаю ему направить все принадлежащее къ 6-му корпусу—въ Млаву, принадлежащее генералу Отпуль—въ Страсбургъ, а все относящееся къ корпусу вашей свѣтлости—въ Гильгенбургъ. Равнымъ образомъ я предлагаю генералу Дюлолуа предложить генералу Домбровскому занять позицію въ Бромбергѣ, развѣ что онъ получитъ отъ его величества другое назначеніе на все время исполненія нами всѣхъ тѣхъ движеній, которыя его величество не замедлитъ намъ предписать. Я также пишу генералу Дюлолуа, что ежели онъ принужденъ будетъ очистить Торнъ, то долженъ отступать къ корпусу маршала Ожеро, предложивъ въ то же время генералу Домбровскому выставить наблюдательный отрядъ передъ Торномъ съ нѣсколькими орудіями. Если вы изволите полагать, что въ этихъ мѣрахъ предосторожности подлежитъ что-либо измѣненію, то прошу васъ сообщить ваши предположенія генералу Дюлолуа».

Генералу Дюлолуа, командующему въ Торнѣ, Ней писалъ:

«Считаю своею обязанностью предварить васъ, г. генералъ-губернаторъ, что русская армія сильно атаковала корпусъ князя Понте-Корво и, вытѣснивъ его изъ нѣкоторыхъ занимаемыхъ имъ позицій, выполнила первую часть своего плана, которая состояла въ возстановленіи сообщенія съ Данцигомъ. Князь Понте-Корво, занявъ вчера вновь важную позицію въ Морунгенѣ, начнетъ стягивать всю свою армію къ Остероде, пунктъ назначенный ему въ общихъ распоряженіяхъ его величества.

«Князь сообщаетъ мнѣ, что непріятель наступаетъ на нашъ лѣвый

флангъ, предполагая при этомъ направиться сперва на Грауденцъ, чтобы принудить снять съ него осаду, а потомъ далѣе на Торнъ».

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе тѣхъ же предписаній, о которыхъ уже упоминалось въ письмѣ къ князю Понте-Корво.

Маршалу Сульту Ней писалъ:

«Исполняя желаніе его величества, чтобы всѣ маршалы предупреждали одинъ другаго о всѣхъ нападеніяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы непріятелемъ, прошу васъ, дорогой генералъ, о всемъ происходящемъ въ вашемъ корпусѣ сообщать маршаламъ Даву, Ланну и Ожеро, предложивъ сему послѣднему поставить кордонъ легкой кавалеріи по всему теченію рѣки Древенца, для наблюденія за непріятелемъ, который своими отрядами можетъ проникнуть до Торна. Я пишу генералу Дюлолуа, губернатору Торна, что считаю осторожнымъ и благоразумнымъ очистить это мѣсто, развѣ что онъ получитъ противоположное сему приказаніе отъ его величества. Сію минуту получилъ я ваше письмо отъ 26-го числа, мой дорогой маршалъ. Мнѣ рѣшительно невозможно послать въ Вилленбургъ мои легкія войска. Мои оба полка кавалеріи насчитываютъ не болѣе 400 лошадей и къ тому же меня сильно донимаютъ казаки; вы понимаете насколько я уже слабъ. Напротивъ того, прошу васъ прислать обратно въ Нейденбургъ 25 егерей 10-го полка».

Военному министру маршалъ Ней писалъ 26-го января слѣдующее:

«Я получилъ ваше письмо изъ Варшавы, помѣченное 26-мъ числомъ и доставленное мнѣ вашимъ адъютантомъ г. Монтолономъ, въ которомъ вы мнѣ предлагаете доставить его величеству точныя свѣдѣнія о всемъ происходившемъ у меня въ послѣдніе три, четыре дня. Я уже послалъ семь или восемь донесеній по сему предмету, и вы въ настоящее время знаете о всѣхъ движеніяхъ, совершенныхъ первымъ корпусомъ. Имѣю честь препроводить при семъ копію съ письма, полученнаго мною отъ князя Понте-Корво, и копію съ моего ему отвѣта. Вы усмотрите тѣ мѣры осторожности и благоразумія, которыя я счелъ нужнымъ указать коменданту Торна. Потрудитесь ему ихъ подтвердить, если вы изволите ихъ одобрить, или послать ему другія, которыя сочтете необходимыми ему дать по соображенію всѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимся. Насъ здѣсь донимаютъ и преслѣдуютъ казаки, днемъ и ночью нападающіе на наши аванпосты. Они уже взяли у насъ въ плѣнъ нѣсколько гусаръ. Сегодня въ полдень они очень близко подошли къ городу; я приказалъ ударить тревогу, и не могу достаточно нахвалитьтя отвагою храбрыхъ войскъ, находящихся подъ моимъ начальствомъ, и тою быстротою, съ которою они заняли свои позиціи».

15-го (27-го) января, я съ главною квартирою прибылъ въ Морунгенъ, имѣя намѣреніе выждать движенія непріятеля, обусловленныя

уже совершенными мною передвиженіями, и затѣмъ только подвинуть еще болѣе мой правый флангъ, т. е. отрядъ генерала-лейтенанта Лестока, чтобы побудить непріятеля снять блокаду крѣпости Грауденца.

Генералъ-лейтенантъ Тучковъ занялъ позицію возлѣ деревень Клейнъ и Гроссъ-Готсвальдъ.

Генералъ князь Голицынъ получилъ приказаніе остаться этотъ день въ занимаемой уже имъ съ вечера позиціи, развѣ что генералъ Тучковъ потребуетъ его содѣйствія и помощи.

Генералъ-лейтенантъ Сакенъ съ резервами и тяжелою артиллеріею былъ поставленъ на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ Морунгена.

Получивъ извѣстіе, что маршалъ Понте-Корво остановился съ всѣмъ своимъ стянутымъ корпусомъ на позиціи возлѣ Сонненборна, я приказалъ генералу Тучкову атаковать его завтра утромъ въ восемь часовъ. Въ то же время было приказано генералу князю Голицыну отправить его кавалерію съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы она могла прибыть завтра утромъ къ восьми часамъ къ Гроссъ-Готсвальду, и послать генерала лейтенанта графа Остермана со второю дивизіею въ Либемюль, чтобы обойти Остероде и отрѣзать всякое сообщеніе съ корпусомъ князя Понте-Корво. При этомъ князю Голицыну было снова подтверждено сильно занять Рейсенъ.

Генералъ Барклай-де-Толли донесъ, что капитанъ Лашкаревъ съ частью Изюмскаго гусарскаго полка и нѣсколькими казаками, подъ самымъ Остероде захватилъ непріятельскій постъ изъ девяти пѣхотныхъ солдатъ. Генералъ-лейтенантъ Лестокъ занялъ въ тотъ же день Саальфельдъ, его авангардъ взялъ въ плѣнъ генерала Ласкюра, раненнаго наканунѣ.

Отъ тайнаго нашего агента въ Парижѣ мы узнали, что всѣ непріятельскіе корпуса, стоявшіе на этой сторонѣ, получили приказаніе двинуться на Хорцелленъ и Млаву и что самъ Наполеонъ собирается немедленно выѣхать изъ Варшавы и отправиться къ дѣйствующей арміи.

Въ то же время маршалъ Ней, отъ 15-го (27-го) января, писалъ изъ Гогенштейна маршалу Понте-Корво слѣдующее:

«Препровождаю къ вамъ письма г. военнаго министра, доставленныя съ однимъ изъ возвратившихся моихъ адъютантовъ, которыхъ я посылалъ въ Варшаву. Вамъ извѣстно расположеніе моихъ войскъ; оно соотвѣтствуетъ намѣреніямъ его величества. Полагаю, что непріятель, повидимому, отказался отъ своего намѣренія достичь передовыми отрядами до Торна и Грауденца. Я не дамъ никакого приказанія объ очищеніи Торна, развѣ что вы мнѣ сообщите о необходимости совершить это, вслѣдствіе движеній непріятеля. Прошу васъ приказать драгунамъ генерала Сана занять позицію въ Витгевальде, которую займетъ

сегодня 27-й линейный пѣхотный полкъ. Маршалъ Сультъ сообщаетъ мнѣ, что занимаетъ сегодня Билленбургъ передовымъ отрядомъ своего корпуса. Мои офицеры доносятъ мнѣ, что русскіе, прежде чѣмъ перевести свои войска съ лѣваго крыла, съ цѣлью двинуться на насъ, сдѣлали кавалерійскій набѣгъ на войска маршаловъ Сульта и Даву. Мы потеряли нѣсколько эскадроновъ гусаръ и егерей, которые допустили непріятеля захватить ихъ врасплохъ. Передовые посты обѣихъ этихъ корпусовъ распространяются до Кольно, который непріятель покинулъ. Императоръ приказалъ изготовить подводы по дорогѣ отъ Пултуска въ Пржашницъ. Ваши донесенія, вѣроятно, побудятъ предпринять большое наступательное движеніе, которое отмститъ за непріятельское предпріятіе».

Военному министру маршалъ Ней писалъ слѣдующее:

«Сію минуту получилъ я письмо ваше отъ вчерашняго числа, шесть часовъ утра, съ однимъ изъ возвратившихся моихъ адъютантовъ. Занимаемыя мною позиціи соотвѣтствуютъ намѣреніямъ его величества, и я не стану предпринимать какихъ-либо другихъ передвиженій, пока не выяснятся вполнѣ опредѣлительно намѣренія непріятеля. Сегодня я не получалъ извѣстій отъ князя Понте-Корво. Я посылаю ему письма и конверты, доставленныя изъ главной квартиры въ Варшавѣ. Наши сообщенія съ Остероде никогда не были прерваны, а также съ Нейденбургомъ и Хорцелленомъ. Я не переставалъ сообщать маршалу Сульту о всемъ происходившемъ предо мною, начиная съ 20-го числа сего мѣсяца, когда г. Беннигенъ началъ свое наступленіе».

Приписка:

«Сейчасъ только получилъ отъ генерала Мэзона письмо отъ сего же числа, въ копіи у сего прилагаемое, въ которомъ онъ меня предупреждаетъ, что князь Понте-Корво, находящійся въ Либемюлѣ, получилъ свѣдѣніе, что непріятель намѣревается его атаковать. Поэтому я рѣшаюсь дать приказанія, чтобы изъ Торна была вывезена артиллерія и всѣ прочія военныя принадлежности арміи, находящіяся въ этомъ городѣ».

16-го (28-го) числа января, въ пять часовъ утра, генералъ-лейтенантъ Тучковъ сообщилъ, что непріятель за ночь внезапно отступилъ изъ Сонненборна по направленію къ Торну. Вслѣдствіе этого было приказано: Тучкову—двинуться немедленно на Либемюль, а князю Голицыну—послать, не теряя времени, генерала Барклай-де-Толли съ авангардомъ лѣваго крыла овладѣть Остероде, сильно занять его, принять всѣ необходимыя мѣры, чтобы удержать его и выслать сильные развѣдочные отряды по дорогѣ къ Гильгенбургу. При этомъ князь Голицынъ съ остальными своими войсками, къ которымъ была присоединена 4-я пѣхотная дивизія, долженъ былъ направиться на Гоген-

штейнъ и выбить оттуда непріятеля, если бы онъ занималъ еще это мѣсто. Равнымъ образомъ, князю Голицыну приказано было выслать также сильные развѣдочные отряды по направленію къ Гильгенбургу съ одной стороны и къ Нейденбургу—по другой сторонѣ дороги. Это было первое мое движеніе, сдѣланное для распространенія арміи по лѣвому флангу, такъ какъ на правомъ не требовалось уже имѣть значительныхъ силъ.

Генералъ-лейтенантъ Тучковъ прислалъ въ главную квартиру двухъ офицеровъ и 44 человѣка французскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ изъ аріергарда князя Понте-Корво. Корпусъ генералъ-лейтенанта Лестока имѣлъ дневку, чтобы дать отдохнуть войскамъ, но авангардъ его ночью двинулся впередъ и прибылъ на другой день съ разсвѣтомъ въ Маріенвердеръ, въ ту минуту, когда непріятель собирался его очистить; при этомъ были взяты въ плѣнъ: генералъ Фультріэ (Foultrier), его адъютантъ, два офицера и 27 солдатъ.

Маршалъ Ней изъ Гогенштейна доносилъ военному министру отъ 16-го (28-го) января четыре часа утра:

«Имѣю честь препроводить вамъ копію съ письма, присланнаго мнѣ генераломъ Мэзономъ объ отступленіи 1-го армейскаго корпуса, которое совершится сегодня позади Остероде. Вслѣдствіе этого я, равнымъ образомъ, дѣлаю распоряженіе также нѣсколько отодвинуться, чтобы имѣть возможность вступить въ сраженіе бо́льшею массою и поддержать князя Понте-Корво. На различныхъ высотахъ, позади Гогенштейна, я оставляю только пикеты кавалеріи; а въ Лихтейненѣ—баталіонъ линейной пѣхоты. 27-й пѣхотный полкъ, находящійся теперь въ Витигвальдѣ, будетъ занимать постъ въ Кирштейнсдорфѣ; 21-й линейный полкъ бригады генерала Роггэ (Roguer) — будетъ въ Мюленѣ; бригада генерала Лабюссіера—позади Мюлена во второй линіи.

«6-й легкій пѣхотный полкъ, который я временно придвинулъ къ Мюлену, возвратится въ Гильгенбургъ. Кавалерія генерала Кольбера стоитъ въ Тимау и его окрестностяхъ.

«Генералъ Кольберъ, бывшій въ Витигвальде, сообщилъ мнѣ эту ночь, что онъ слышалъ сильную артиллерійскую стрѣльбу 27-го января около полудня по направленію къ Остероде. Генералъ Мэзонъ объ этомъ не говоритъ въ своемъ письмѣ. Впрочемъ, непріятель продолжаетъ охватывать лѣвый флангъ корпуса князя Понте-Корво. Дай Богъ, чтобы русскіе имѣли бы тутъ тысячъ шестьдесятъ войска, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не вернется въ Московію, если его величество направится на нихъ со всѣми своими силами.

«Я остановлюсь самъ въ Мюленѣ, чтобы быть вблизи отъ князя Понте-Корво. Непріятель стоитъ предо мною все въ прежнихъ своихъ

позиціяхъ. Казаки постоянно разъѣзжаютъ по всѣмъ направленіямъ, но не приближаются къ нашей пѣхотѣ».

17-го (29-го) января генералъ-лейтенантъ князь Багратіонъ получилъ приказаніе занять авангардомъ праваго крыла Дейчь-Эйлау. Генералъ-лейтенанту Тучкову было приказано съ остальнымъ отрядомъ оставаться въ Либемюле. Распоряженія эти были сдѣланы съ цѣлью сдержать корпусъ князя Понте-Корво и чтобы отстранить всякое затрудненіе, которое могло бы представиться генералъ-лейтенанту Лестоку, при его движеніи на Грауденцъ. Въ тотъ же день, въ три часа утра, генералъ Багговутъ былъ направленъ въ Богуншовенъ на дорогѣ въ Лебау, чтобы тревожить движеніе непріятеля. Прибывъ къ рѣкѣ Древенцъ генералъ Багговутъ увидѣлъ, что мостъ чрезъ рѣку сожженъ, но послѣ нѣсколькихъ часовъ работы ему удалось, при содѣйствіи крестьянъ деревни Бергфридъ, возстановить мостъ и въ восемь часовъ по немъ переправиться. Казаки перешли рѣку вплавь. Въ Гробау онъ настигъ аріергардъ непріятеля, который быстро отступилъ, при чемъ мы взяли въ плѣнъ только одного капитана и 17 рядовыхъ 4-го гусарскаго полка французовъ. Багговутъ продолжалъ между тѣмъ свое движеніе, но замѣтивъ, что князь Понте-Корво находится со всѣмъ своимъ корпусомъ на позиціи у Лёбау, онъ остановился и ограничился только наблюденіемъ за движеніями непріятеля. На другой день отрядъ генерала Багговута былъ направленъ на Дейчь-Голландъ и совершилъ этотъ переходъ не будучи тревожимъ непріятелемъ.

Вслѣдствіе различныхъ полученныхъ мною свѣдѣній объ отступленіи французовъ изъ Остероде по направленію къ Нейденбургу чрезъ Гогенштейнъ, я приказалъ князю Голицыну направить Барклая-де-Толли изъ Остероде на дорогу въ Нейденбургъ, предписавъ ему выслать впередъ сильный развѣдочный отрядъ въ Нейденбургъ, для полученія свѣдѣній о движеніи непріятельской арміи. Самъ же князь Голицынъ съ остальною частью своего отряда занималъ Алленштейнъ, Пассенгеймъ, а впереди своего праваго фланга Гогенштейнъ, на лѣвомъ же флангѣ—Ортельсбургъ. Такимъ образомъ, отрядъ, поставленный въ Пассенгеймѣ могъ бы служить, по мѣрѣ надобности, поддержкою или прикрытіемъ для войскъ, находящихся и въ Гогенштейнѣ и Ортельсбургѣ. Равнымъ образомъ, князь Голицынъ долженъ былъ выслать сильный развѣдочный отрядъ по направленію къ Вилленбургу, чтобы провѣрить свѣдѣнія, только что полученныя отъ различныхъ тайныхъ агентовъ; они по преимуществу утверждали, что непріятель, въ значительныхъ силахъ, собирается въ Млавѣ и Хорцелленѣ. Генералъ-лейтенантъ Лестокъ въ этотъ день занялъ слѣдующія позиціи: его правое крыло стояло въ Маріенвердерѣ, въ шести миляхъ отъ Грауденца, примыкая къ Вислѣ; центръ его отряда находился въ Ризенбергѣ, а

лѣвое крыло—въ Розенбергѣ, откуда онъ установилъ сообщеніе съ авангардомъ князя Багратіона, стоявшимъ въ Дейчъ-Эйлау. Его аванпосты были расположены въ Нейенбургѣ и Гарзее. Генералъ Лестокъ приказалъ капитану Равену съ 30-ю казаками переправиться на лѣвый берегъ Вислы, чтобы произвести развѣдку между Мове и Науенбургомъ и въ то же время наблюдать за корпусомъ польскаго генерала Домбровскаго, который былъ размѣщенъ по квартирамъ въ этой мѣстности. Домбровскій даже подвинулся до Дершау, но былъ атакованъ частью гарнизона изъ Данцига, опрокинутъ имъ и принужденъ отступить, причемъ лишился нѣсколькихъ человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ, а также нѣсколькихъ орудій и денежнаго ящика.

Когда правое крыло нашей арміи достигло этихъ мѣстъ, непріятель снялъ блокаду Грауденца, и наше сообщеніе съ этою крѣпостью было снова возстановлено.

Маршалъ Ней доносилъ военному министру изъ Гильгенбурга отъ 17-го (29-го) января, въ четыре часа вечера, слѣдующее:

«Имѣю честь препроводить вамъ копію съ письма князя Понте-Корво, которое онъ мнѣ писалъ изъ Либемюля, отъ 25-го числа. Генералъ Мэзонъ, его начальникъ штаба, предупредилъ меня вчера объ отступательномъ движеніи, совершаемомъ войсками перваго корпуса на Остероде и даже до Кошкена, причемъ въ Остероде не было оставлено ни одного солдата. Поэтому я, съ своей стороны, приказалъ 25-му полку сдѣлать небольшое движеніе назадъ до высоты Мюлена, гдѣ у меня собрано три полка и одинъ въ Карштейнсдорфѣ по дорогѣ изъ Остероде, а также нѣсколько эскадроновъ въ Лихтейненѣ и Дробингѣ съ вольтижерами, чтобы наблюдать за Гогенштейномъ и дорогою въ Остероде.

«Сегодня, зная что князь Понте-Корво занимаетъ всѣмъ корпусомъ позиціи въ Лёбау, я далъ приказанія, чтобы завтра, съ разсвѣтомъ дня, бóльшая часть моихъ войскъ была бы сосредоточена въ Гильгенбургѣ. Но если бы непріятель появился съ значительными силами на флангѣ моей позиціи у Мюлена, тогда отступательное движеніе совершится въ полночь. Я тѣмъ не менѣе буду удерживать постъ въ Нейденбургѣ двумя пѣхотными полками и двумя полками драгунъ. Одинъ пѣхотный полкъ будетъ стоять въ Сольдау, а два драгунскихъ полка между Сольдау и Гильгенбургомъ. Я счелъ нужнымъ сохранить позицію въ Мюленѣ и наблюдательные посты на Гогенштейнѣ съ цѣлью угрожать лѣвому флангу непріятельской арміи, если бы онъ дерзнулъ слѣдовать за княземъ Понте-Корво. Мой адъютантъ, бывшій у этого князя, словесно сообщилъ мнѣ, что блокада Грауденца будетъ снята только завтра; что непріятель показывается все въ большемъ количествѣ и направляетъ туда свои силы; что маршалъ Лефебръ прибылъ вчера въ

Торнъ и поджидаетъ тамъ прибытія польской дивизіи генерала Домбровскаго. Впрочемъ, мостъ у Торна, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ мнѣ генераломъ Леру, командующимъ моею артиллеріею, не можетъ быть приведенъ къ окончанію ранѣе 1-го февраля.

«Князь Понте-Корво не хотѣлъ самъ сдѣлать какихъ-либо распоряженій для сохраненія нашей артиллеріи и артиллерійскихъ складовъ въ Торнѣ. Поэтому я отъ себя далъ приказаніе, чтобы все принадлежащее 6-му армейскому корпусу было бы направлено въ мѣста между Сольдау и Гильгенбургомъ, по рѣкѣ Древенцъ въ Цѣхоцинъ, а оттуда чрезъ Риппинъ въ Зелено. Изъ расположенія моихъ войскъ вы изволите усмотрѣть, что я нахожусь на одной линіи съ княземъ Понте-Корво и въ состояніи въ одинъ день направить всѣ мои войска на Гогенштейнъ. Позиція при Гильгенбургѣ превосходна для обороны, и я не могу допустить мысли, чтобы непріятель, въ виду исполняемыхъ нашею арміею, по приказанію его величества, движеній на Вилленбергъ, отважился подойти къ намъ и дать сраженіе. Я не полагаю, чтобы онъ успѣлъ отойти обратно назадъ, откуда онъ пришелъ».

Второй рапортъ маршала Нея военному министру, того же самого числа, но отъ семи часовъ вечера, заключалъ въ себѣ слѣдующее:

«Я сію минуту получилъ прилагаемое при семъ письмо генерала Мэзона, начальника штаба 1-го корпуса. Вы изволите усмотрѣть, что непріятель продолжаетъ всѣми своими силами преслѣдовать князя Понте-Корво. Въ виду печальныхъ событій, быстро слѣдующихъ одно за другимъ, казалось бы не слѣдовало терять минуты, чтобы выручить князя. Несмотря на самую оживленную переписку съ нимъ, я не могъ никогда въ точности знать ни истиннаго положенія перваго корпуса, ни размѣровъ силъ непріятеля, его преслѣдующаго. Я опасаюсь, что теперь Торнъ подвергнется нападенію со стороны русскихъ, и я слишкомъ отдаленъ отъ этого города, чтобы чѣмъ-либо пособить ему. Я буду завтра удерживать позицію при Гильгенбургѣ, и если непріятель нападетъ на меня съ бóльшими силами, нежели находящіяся въ моемъ распоряженіи, въ такомъ случаѣ, во избѣжаніе нерѣшительнаго дѣла, я направлю свое дальнѣйшее движеніе на Нейденбургъ, увѣдомивъ объ этомъ князя Понте-Корво».

Непріятель, повидимому, не дѣлалъ никакихъ передвиженій, ни сборовъ войскъ, которые могли бы указывать на намѣреніе помочь лѣвому крылу. Напротивъ того, я получалъ извѣстія, что непріятельскія войска, идущія отъ Млавы, Пржашницъ и другихъ мѣстъ, направляются противъ нашего лѣваго крыла. Поэтому, желая имѣть возможность сосредоточить на всѣхъ пунктахъ значительное количество войскъ и продолжать въ то же время распространять армію въ лѣвую сторону,

я приказалъ генералу Сакену съ резервомъ, состоящимъ изъ 3-й и 14-й дивизій, выступить съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы быть въ первый день—въ Либштадтѣ, во второй — въ Шеневизе, а въ третій — въ Зеебургѣ и расположить свои войска на тѣсныхъ квартирахъ.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ получилъ приказаніе расположить свой корпусъ слѣдующимъ образомъ: 2-ю дивизію — въ Алленштейнѣ, а 4-ю—между Алленштейномъ и Гутштадтомъ. Отрядомъ кавалеріи онъ долженъ былъ занять пространство отъ Вартенбурга до Бишофсбурга, чтобы образовать кордонъ передъ резервомъ, расположеннымъ въ Зеебургѣ; отрядомъ войскъ изъ состава 4-й дивизіи—сильно занять Вартенбургъ, выставивъ впереди его пикеты въ Шидлицѣ, Патриккенѣ, Прейленнѣ и Гиллау, которые могли бы высылать разъѣзды по дорогамъ изъ Ортельсбурга и Вилленберга.

Отрядъ генерала Багговутта рѣшено было поставить въ Бишофсбургѣ такимъ образомъ, чтобы непріятель не могъ начать обходить нашъ лѣвый флангъ, безъ того чтобы мы не были предупреждены объ этомъ заранѣе.

Генералъ-лейтенанту Тучкову было приказано немедленно смѣнить отрядъ, стоявшій подъ начальствомъ генерала Барклая въ Остероде и принадлежавшій къ корпусу князя Голицына, и послать на его мѣсто генерала Дохтурова съ его дивизіею, предписавъ сему послѣднему оградить себя со стороны Гильгенбурга, такъ какъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, непріятель съ значительными силами находился въ этомъ мѣстѣ. Въ Либемюлѣ необходимо было оставить одну дивизію съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность удерживать это мѣсто и, въ случаѣ надобности, подкрѣплять или нашъ отрядъ, стоящій въ Остероде, или нашъ авангардъ, расположенный въ Дейчь-Эйлау. Кромѣ того, предписывалось къ третьей дивизіи присоединить егерскій полкъ съ однимъ кавалерійскимъ и однимъ казачьимъ полками и занять этимъ третьимъ отрядомъ Янково, приказавъ начальнику отряда примкнуть свои аванпосты на правомъ флангѣ къ аванпостамъ дивизіи, находящейся въ Остероде; аванпосты же его лѣваго фланга связать съ таковыми же отряда князя Голицына.

Корпусъ князя Голицына долженъ былъ, если не встрѣтится къ тому какихъ-либо препятствій, установить прямое сообщеніе чрезъ Іоганнисбургъ и Гоніондзъ съ корпусомъ генерала Седморацкаго, оставленнымъ на берегахъ р. Бобра, который поддерживалъ сношенія съ корпусомъ генерала Эссена 1-го, стоявшимъ на Наревѣ.

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ въ этотъ день приказалъ подвинуть свои аванпосты до Фрейштадта и Зоммерау, чтобы установить болѣе прочное сообщеніе съ Грауденцомъ.

Сдѣлавъ такое расположеніе войскъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ

всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей постоянно сноситься между собою, сообщать другъ другу все, что дойдетъ до ихъ свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля, и въ случаѣ надобности поддерживать одинъ другаго. Въ особенности же я приказалъ князю Голицыну требовать себѣ подкрѣпленій, при надобности, какъ изъ резерва, стоявшаго позади его въ Зеебургѣ (давъ вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствующія тому приказанія генералу Сакену), такъ и отъ генерала Тучкова, находившагося вправо отъ него. Кромѣ того, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы главные командиры частей произвели надлежащія измѣненія въ этой диспозиціи, сообразуясь съ условіями мѣстности, съ полученными ими свѣдѣніями о движеніяхъ непріятеля и, наконецъ, съ собственными военными соображеніями.

Маршалъ Ней писалъ князю Понте-Корво, изъ Гильгенбурга, отъ 18-го (30-го) января 1807 года, въ двѣнадцать часовъ дня, слѣдующее:

«Сію минуту я получилъ письмо вашей свѣтлости, отъ сего же числа, изъ Лёбау. Отступательное движеніе, совершенное мною вчера на Гильгенбургъ, не встрѣтило ни малѣйшаго препятствія со стороны непріятеля, который имѣетъ только наблюдательные посты по направленію къ Гогенштейну.

«Вчера онъ близко подходилъ къ намъ и завязалъ ружейную перестрѣлку близъ Кирштейндорфа. Аванпосты 27-го пѣхотнаго полка сильно оттѣснены до Рейхенау и даже далѣе; послѣ этого я не получалъ уже никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшихъ движеніяхъ непріятеля.

«Я имѣю здѣсь подъ рукою пять полковъ пѣхоты; шестой—охраняетъ пространство до Нейденбурга, седьмой—въ этомъ послѣднемъ городѣ, а восьмой—стоитъ въ Сольдау. Императоръ долженъ направить движеніе колоннъ маршаловъ Ожеро и Сульта, и мы не замедлимъ получить приказанія о наступательномъ движеніи. Если ваша свѣтлость будетъ убѣждена въ томъ, что генералъ Беннигсенъ можетъ атаковать васъ сегодня съ значительными силами, то я, очевидно, подоспѣю слишкомъ поздно, потому что, съ цѣлью васъ поддержать, могу двинуться къ вамъ съ войсками, уже сдѣлавшими шесть миль. Мнѣ казалось бы, что лучше уклониться отъ сраженія и сосредоточить ваши войска между Каушникомъ и Неймаркомъ, нежели вступать въ сраженіе въ обширныхъ равнинахъ Лёбау, гдѣ могло бы вполнѣ проявиться все превосходство непріятельской кавалеріи предъ нашею. Мое мнѣніе, конечно, не должно нисколько вліять на рѣшеніе, которое ваша свѣтлость признаетъ необходимымъ принять въ столь тяжкомъ положеніи. Если я не получу никакихъ приказаній отъ г. военнаго министра до завтрашняго дня, то сосредоточу здѣсь всѣ мои войска и распространю свой лѣвый флангъ до Кауміеница и Гюлова».

Въ тотъ же день въ пять часовъ вечера Ней писалъ:

«Я подробно и долго обсуждалъ ваше положеніе и мое собственное по отношенію къ общимъ движеніямъ и къ цѣли тѣхъ движеній, которыя императоръ приказываетъ совершать другимъ корпусамъ главной арміи. Позвольте мнѣ вновь выразить вамъ пожеланіе уклониться отъ рѣшительнаго сраженія въ занимаемой вами позиціи при Лёбау. Нельзя ли сдѣлать предположеніе, что непріятель пытается васъ обмануть и угрожаетъ фронту вашей позиціи наступленіемъ изъ Остероде съ тою цѣлію, чтобы дѣйствовать на своемъ правомъ флангѣ и зайти вамъ въ тылъ чрезъ Дейчь-Эйлау и этимъ путемъ ранѣе васъ занять Неймаркъ. Я считаю это послѣднее мѣсто настоящею оборонительною позиціею: она даетъ вамъ полное господство надъ двумя дорогами, изъ Остероде и Маріенвердера, которыми безразлично непріятель можетъ воспользоваться, такъ какъ ему принадлежитъ починъ дѣйствій. Это мѣсто прикрываетъ Торнъ; вы приближаетесь къ силамъ и подкрѣпленіямъ, подходящимъ чрезъ этотъ городъ, и вы сохраняете полную свободу маневрировать на томъ или другомъ берегу р. Древенца, по вашему усмотрѣнію, что всегда удобно удержать за собою. Если же дѣлаемое мною предположеніе окажется основательнымъ, и вы будете отрѣзаны отъ Неймарка, тогда вы по необходимости принуждены будете отступить къ Гильгенбургу или Лаутенбургу, и городъ Торнъ останется покинутымъ. Не останавливаясь даже на этомъ предположеніи, мнѣ слѣдуетъ вамъ припомнить, что императоръ имѣетъ намѣреніе привлечь силы непріятеля на лѣвый флангъ съ тѣмъ, чтобы получить возможность ихъ обойти своимъ правымъ флангомъ и отрѣзать имъ всякое отступленіе. Теперь я постараюсь разсмотрѣть, какое вліяніе на осуществленіе этого плана можетъ имѣть сраженіе при Лёбау. Исходъ сраженія съ непріятелемъ, превосходящимъ насъ численностію и имѣющимъ многочисленную кавалерію, можетъ быть сомнителенъ. Если онъ будетъ для васъ благопріятенъ, какъ я и надѣюсь, вы тѣмъ не менѣе не осмѣлитесь сильно преслѣдовать непріятеля, опасаясь подвергнуться нападенію съ его стороны и слишкомъ удалиться отъ Торна. Если непріятель потерпитъ на столько, что принужденъ будетъ быстро отступать, онъ однако сохранитъ возможность избѣжать преслѣдованія нашихъ отрядовъ праваго фланга, и его пораженіе сдѣлается для него спасеніемъ. Если сраженіе останется нерѣшительнымъ, и вы будете принуждены на другой день отступить на Неймаркъ, то понесенная вами въ сраженіи потеря окажется совершенно безполезною жертвою. Если же, сверхъ всякаго чаянія, вы потерпите неудачу, то это событіе хотя и не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ отношеніи предстоящихъ большихъ военныхъ операцій, тѣмъ не менѣе однако будетъ очень пагубнымъ. Такимъ образомъ на основаніи различныхъ предположеній есть возможность утверждать, что, принимая сраженіе въ Лёбау, мы будемъ отдаляться отъ цѣли, предполо-

женной императоромъ, тогда какъ, напротивъ того, отступая и привлекая непріятеля на верховье Древенца, мы достигаемъ, что онъ будетъ все болѣе и болѣе окруженъ нами. Я тѣмъ менѣе стѣсняюсь высказать вашей свѣтлости мой взглядъ на это дѣло, что, сообразивъ всѣ обстоятельства, вижу совершенную для меня невозможность съ войсками моего корпуса принять дѣятельное участіе въ сраженіи при Лёбау. Если вы будете атакованы большими силами въ семь часовъ утра, то я получу извѣстіе объ этомъ въ 10-ть часовъ; сборъ всѣхъ моихъ войскъ совершится къ 11-ти часамъ, и какъ бы я ни торопился, не могу придти къ вамъ съ значительнымъ отрядомъ ранѣе 5-ти часовъ вечера, т. е. тогда, когда участь всего сраженія будетъ вполнѣ рѣшена. Такимъ образомъ переходъ, который сдѣлаетъ мой корпусъ, будетъ вполнѣ безполезенъ, безъ всякаго значенія для васъ и не окажетъ ни малѣйшаго вліянія на дальнѣйшій ходъ дѣла, предполагая что при Лёбау было сраженіе. Поэтому я безъ всякаго сожалѣнія могу слѣдовать приказаніямъ военнаго министра, которыя положительно предписываютъ мнѣ отступить со всѣмъ моимъ корпусомъ къ Нейденбургу, коль скоро численное превосходство непріятеля будетъ препятствовать вамъ движеніями вашихъ войскъ прикрывать Торнъ. Вслѣдствіе этого я теперь уже отмѣняю данныя мною приказанія о сосредоточеніи всего моего корпуса въ Гильгенбургѣ и о занятіи пѣхотною бригадою Клейнъ-Напперна. Представляю на усмотрѣніе вашей свѣтлости мои соображенія съ полною увѣренностію, внушаемою старою дружбою, возникшею на войнѣ, что вы во всемъ этомъ усмотрите только желаніе съ моей стороны содѣйствовать успѣху императора и въ особенности успѣху вашихъ военныхъ дѣйствій».

19-го (31-го) января 1807 года, въ 10-ть часовъ утра Ней писалъ военному министру:

«Я только что получилъ письмо вашей свѣтлости изъ Варшавы отъ 28-го числа сего мѣсяца, которымъ мнѣ приказывается сосредоточить весь мой корпутъ у Гогенштейна, въ предположеніи, что князь Понте-Корво могъ удержаться въ Остероде. Послѣдовавшія съ того времени событія, о которыхъ я уже сообщалъ вамъ, побудили меня, не желая допустить полнаго пораженія перваго корпуса, постепенно направляться къ правому его флангу, съ цѣлію раздѣлить силы непріятельскія. Это побудило меня отступить изъ Гогенштейна на Мюленъ и изъ сего послѣдняго — на Гильгенбургъ. Сегодня князь Понте-Корво отступаетъ на Нейбургъ, чтобы уклониться отъ генеральнаго сраженія на неблагопріятной позиціи въ Лёбау, исходъ котораго могъ бы быть только гибельнымъ для общихъ военныхъ дѣйствій его величества. Отдавая Торнъ непріятелю я буду слѣдовательно оставаться здѣсь, въ надеждѣ получить дальнѣйшія приказанія вслѣдствіе письма моего, отправленнаго вчера вечеромъ. Но вмѣстѣ съ симъ я предваряю войска, расположенныя въ Сольдау

и Нейденбургѣ, быть на-готовѣ присоединиться ко мнѣ немедленно, какъ только маршалъ Ожеро вступитъ въ послѣдне названный городъ. Если до прибытія 7-го корпуса въ Нейденбургъ ваша свѣтлость мнѣ предпишетъ направиться въ Гогенштейнъ (какъ я это предполагаю), тогда мое наступательное движеніе дозволитъ князю Понте-Корво слѣдовать медленно за аріергардомъ непріятеля и дастъ возможность колоннамъ праваго крыла отрѣзать непріятелю всякое отступленіе. Прилагаю при семъ копію съ двухъ писемъ, присланныхъ мнѣ отъ князя Понте-Корво. Первое отъ 30-го, а второе — безъ числа. Полагаю, что по ошибкѣ секретаря, онъ увѣряетъ, что непріятельскій отрядъ отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ направляется на Млаву. Но что князь дѣйствительно въ этомъ убѣжденъ, въ томъ заставляетъ меня вѣрить собственноручно имъ сдѣланная въ самомъ концѣ письма слѣдующая приписка. «Этотъ отрядъ совсѣмъ независимъ отъ того, который расположенъ впереди меня, онъ уже отряженъ давно». Только совершенно потерявъ голову можно допустить возможность подобнаго рода маневра».

19-го (31-го) января генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ получилъ приказаніе попытаться занять Гогенштейнъ, со всѣми необходимыми однако предосторожностями. Генералу Меллеръ-Закомельскому съ Кирасирскимъ его величества полкомъ было поручено главное начальство въ этомъ предпріятіи, въ которомъ участвовали также Каргопольскій драгунскій полкъ и казачій полкъ Иловайскаго 9-го. Прибывъ къ Гогенштейну Меллеръ-Закомельскій увидѣлъ, что непріятель уже очистилъ это мѣсто. Занятіе его дѣлалось для насъ необходимымъ, чтобы обезпечить центръ нашей позиціи и чтобы непріятель, всѣ отряды котораго были въ движеніи, какъ мы это знали, не могъ бы съ быстротою направить всѣ силы на Гильгенбургъ и Нейденбургъ и прибыть къ Гогенштейну прежде, чѣмъ мы не были бы объ этомъ предупреждены во́время, съ тѣмъ чтобы имѣть возможность сосредоточить наши войска и встрѣтить его съ значительною силою.

Въ тотъ же день начальство надъ кавалеріею праваго крыла поручено было генералъ-маіору графу Палену, назначенному на мѣсто генералъ-лейтенанта Анрепа.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ донесъ, что согласно полученнымъ имъ наканунѣ приказаніямъ, онъ занялъ Алленштейнъ и послалъ флигель-адъютанта полковника князя Михаила Долгорукаго съ Курляндскимъ драгунскимъ полкомъ, баталіономъ Ростовскаго пѣхотнаго полка и казачьимъ полкомъ Ефремова 3-го занять Пассенгеймъ.

Князь Долгорукій, подойдя къ этому мѣсту, увидѣлъ, что оно сильно занято непріятелемъ. Поэтому онъ приказалъ бывшему съ нимъ пѣхотному баталіону занять деревню Шейфельсдорфъ по дорогѣ къ Алленштейну, которая могла бы служить ему опорою въ случаѣ

отступленія. Самъ же онъ съ драгунами и казаками атаковалъ непріятеля подъ Пассенгеймомъ и опрокинулъ его. При этомъ, по показаніямъ плѣнныхъ, французы потеряли убитыми одного полковника, много офицеровъ и значительное число солдатъ. Въ числѣ плѣнныхъ, присланныхъ княземъ Долгорукимъ въ главную квартиру, былъ одинъ маіоръ, два офицера и девяносто семь кавалеристовъ. Послѣ этого князь Долгорукій занялъ Пассенгеймъ со всѣми предосторожностями, которыя этотъ молодой и храбрый офицеръ обнаруживалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ въ продолженіе этой войны. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 15-ть человѣкъ убитыми и ранеными.

Непріятель въ тотъ же день пытался взять обратно Пассенгеймъ, но князь Долгорукій съ доставленнымъ ему полковникомъ Каховскимъ подкрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ пяти эскадроновъ гусарскаго полка, съумѣлъ удержаться и принудилъ непріятеля удалиться. На нашемъ правомъ крылѣ не произошло никакихъ измѣненій въ расположеніи войскъ и все было спокойно послѣ отступленія непріятеля до самаго Неймарка.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ сообщено о событіяхъ несравненно болѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ я говорилъ до настоящаго времени, но прежде чѣмъ съ ними покончить, не могу не сказать нѣсколько словъ о томъ же князѣ Михаилѣ Долгорукомъ, о которомъ неоднократно упоминалъ уже при изложеніи моихъ военныхъ дѣйствій и впредь еще часто придется мнѣ говорить. Это тотъ самый, который недавно былъ убитъ въ сраженіи со шведами: [1]) эта важная и чувствительная потеря для нашей арміи. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ всѣ качества, необходимыя для военнаго человѣка. При непрерывныхъ занятіяхъ военными науками онъ обладалъ большимъ природнымъ умомъ, здравымъ сужденіемъ, обдуманною разсудительностью, положительнымъ установившимся характеромъ. Онъ былъ серьезенъ при необходимости, а также веселъ и оживленъ, когда слѣдовало ободрять и воодушевлять; онъ былъ предпріимчивъ, но съ осторожностью и храбръ безъ слишкомъ большой отваги. Въ этой кампаніи я часто давалъ ему разныя порученія, и онъ всегда выполнялъ ихъ съ осторожностью и успѣхомъ. Поэтому въ арміи всѣмъ стали скоро извѣстны и его способности и подаваемыя имъ надежды въ будущемъ. Государь императоръ произвелъ его въ генералъ-маіоры и назначилъ своимъ генералъ-адъютантомъ. Въ войнѣ со шведами, въ которой снова отличался, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

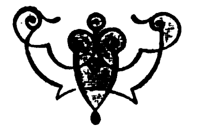
---

[1]) Не надо упускать изъ виду, что Беннигсенъ писалъ свои записки въ 1810—11 годахъ, а потому и могъ упомянуть о смерти князя Долгорукаго, который былъ убитъ ядромъ въ сраженіи со шведами при Иденсальми 15-го октября 1808 года. Прим. переводчика.

Князь Михаилъ Долгорукій былъ родной братъ князя Петра Долгорукаго генералъ-адъютанта императора, который умеръ въ концѣ 1806 года по возвращеніи изъ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ; онъ долженъ былъ присоединиться къ арміи, находившейся въ Пруссіи. Смерть этого генерала въ цвѣтѣ лѣтъ была также большою потерею не только для арміи, но и для самого государя. Онъ обладалъ живымъ и проницательнымъ умомъ и былъ рѣдкой дѣятельности въ службѣ. Онъ съумѣлъ снискать расположеніе государя императора, часто возлагавшаго на него различныя порученія какъ по дѣламъ военнымъ, такъ и политическимъ; онъ, какъ я уже выше упомянулъ, былъ посланъ императоромъ въ Берлинъ, чтобы побудить прусскій кабинетъ присоединиться къ коалиціи 1805 года. Извѣстно, что онъ исполнилъ это порученіе съ успѣхомъ и большою ловкостью. Потеря этихъ двухъ молодыхъ офицеровъ, столь отличавшихся, была слишкомъ преждевременна для государства; о ней будутъ долго сожалѣть въ арміи и во всей Россіи. Князья Долгорукіе обязаны были лестной о нихъ молвѣ своимъ собственнымъ большимъ достоинствамъ, своимъ прекраснымъ качествамъ и расположенію къ нимъ императора.

П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ

въ Калугѣ въ 1861—1863 годахъ.

(Воспоминанія П. Н. Обнинскаго).

Одно лѣто провелъ я на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Лѣто выдалось пасмурное, съ туманами, холодами, ненастьемъ и рѣдкими просвѣтами вёдра по вечерамъ при закатѣ солнца, когда можно было въ тепломъ пальто и съ пледомъ на ногахъ сидѣть на террасѣ и любоваться восхитительной панорамой горнаго пейзажа, широко раскинувшагося у подножія горы, на склонѣ которой пріютилась моя дача. Первый планъ занимала станица, расположенная въ равнинѣ, окаймленной горами и лѣсомъ и уже погруженной въ сумракъ быстро наступавшей южной ночи; среди этого сумрака то здѣсь, то тамъ мелькали огоньки въ окнахъ незатѣйливыхъ дачъ или приземистыхъ мазанокъ; за станицей чернѣла полоса лѣса, за нимъ подымались болѣе свѣтлые горные склоны, а тамъ, на самомъ горизонтѣ, далеко, далеко, въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца горѣла яркая, золотистая полоска какого-то несжатаго еще поля...

Теперь, когда и для моей личной жизни наступилъ свой вечеръ, оглядываясь на пройденный путь, я вижу въ отдаленномъ началѣ его такую же ярко свѣтящуюся изъ-за сумрака ближайшихъ перспективъ полосу. Полоса эта—тѣ два поставленные въ заглавіи года, которые я провелъ въ Калужской губ. при В. А. Арцимовичѣ, на службѣ мировымъ посредникомъ сначала въ Калужскомъ, а затѣмъ Боровскомъ уѣздахъ. Столь же отдаленная отъ моего умственнаго ока, эта свѣтящаяся яркимъ свѣтомъ жизненная полоса уже недоступна памяти во всѣхъ своихъ деталяхъ; я не могу уже дать подробное, топографическое ея описаніе,

но до сихъ поръ вижу исходящій отъ нея свѣтъ, знаю источникъ этого свѣта и наслаждаюсь всею прелестью контраста его съ окружающимъ сравнительнымъ сумракомъ близъ лежащихъ перспективъ.

Въ этомъ—программа и рамки нижеизлагаемыхъ воспоминаній, на этотъ разъ исключительно посвященныхъ памяти незабвеннаго руководителя первыхъ шаговъ моихъ на поприщѣ общественнаго служенія.

Начавшись съ двухъ отдаленныхъ окраинъ, чтобы завершиться въ центрѣ, дѣятельность Виктора Антоновича обнимала собою такое разнообразіе государственныхъ и общественныхъ сферъ, длилась такъ долго, непосредственно касаясь двухъ величайшихъ моментовъ нашего культурнаго развитія,—отмѣны рабства и водворенія правосудія,—что представляетъ собою массу интереснѣйшаго историческаго матеріала и вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовываетъ передъ нами личность дѣятеля въ столь величавыхъ очертаніяхъ, что эта личность является исключительною, богатырскою, поражающею современниковъ богатствомъ своего внутренняго содержанія и высотою своего нравственнаго развитія. Сочетаніе индивидуальной духовной мощи съ ея внѣшнимъ проявленіемъ во времени и пространствѣ еще болѣе усиливаетъ это впечатлѣніе. Вниманіе наблюдателя невольно разбрасывается въ этомъ обширномъ пространствѣ, въ этомъ долгомъ времени, въ блескѣ и глубинѣ этого духовнаго содержанія, горѣвшаго прометеевымъ огнемъ вплоть до послѣдняго вздоха его маститаго носителя. Наблюдатель невольно ищетъ кульминаціоннаго пункта, чтобы на немъ сосредоточиться, чтобы имъ сразу охарактеризовать роль и значеніе дѣятеля въ ихъ общихъ основныхъ чертахъ, и находитъ все это въ ту сравнительно короткую эпоху 1861—63 гг., въ которую В. А. въ качествѣ калужскаго губернатора стоялъ во главѣ великаго дѣла освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и въ которую рѣдкая совокупность положительныхъ и отрицательныхъ обстоятельствъ внѣшней обстановки образуетъ чрезвычайно отчетливый фонъ для всесторонняго освѣщенія его личности.

Въ эти немногіе годы было имъ сдѣлано много, такъ много, что затраченныхъ тогда труда, энергіи, дарованій, одушевленія и достигнутыхъ тѣмъ результатовъ хватило бы на цѣлыя десятилѣтія, на нѣсколько выдающихся біографій; въ эти немногіе годы нравственный обликъ В. А. развернулся во всю свою ширь на благодатной почвѣ того всеобщаго обновленія, того духовнаго подъема, какими отмѣчены были первые годы объявленной воли, и закалился въ тяжкой, суровой борьбѣ за правду, законъ и права освобожденнаго народа.

Введеніе новаго закона въ жизнь, воплощеніе его идеала—дѣло вообще трудное, требующее не только знанія и опыта, но и искусства, творческой способности, чтобы идеаломъ этимъ одухотворить жизнь и ею, въ свою очередь, оживить духъ вводимаго закона. Явное тому

доказательство мы видимъ въ тѣхъ, иногда рѣзкихъ и глубокихъ несоотвѣтствіяхъ, какія ложатся зачастую между писаннымъ закономъ и тщетно нормируемымъ ихъ бытомъ. Трудность эта растетъ пропорціонально тому отношенію, въ какомъ стоитъ вводимый законъ къ существующему порядку, и достигаетъ высшаго напряженія тамъ, гдѣ это отношеніе оказывается враждебнымъ, гдѣ закону предстоитъ пересоздать жизнь и гдѣ прежній строй, по тѣмъ или другимъ причинамъ, упорно отстаивается консервативными элементами реформируемой среды. Такая задача выпадала на долю всѣмъ исполнителямъ Положенія 19 февраля 1861 г., призваннымъ водворить законъ и права тамъ, гдѣ вчера еще вмѣсто нихъ жизнь управлялась произволомъ одной стороны, основаннымъ на рабствѣ другой.

Въ Калужской губ. задача эта осложнялась необыкновеннымъ антагонизмомъ сословія, рьяно стоявшаго за сохраненіе прежняго порядка и въ исполненіи закона видѣвшаго посягательство на свои права и привилегіи. Между тѣмъ во главѣ исполнителей этого закона стоялъ человѣкъ, неспособный ни на какіе компромиссы, поблажки и уступки, и не встрѣчавшій вслѣдствіе этого того содѣйствія, какое облегчало дѣло введенія закона въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ губернаторъ оказывался покладливѣе, а дворянство либеральнѣе. Въ Калужской губерніи губернаторъ и дворянство съ губернскимъ предводителемъ во главѣ представляли два діаметральныхъ противоположенія, два непримиримыя начала—новое и старое. Насколько первый былъ преданъ дѣлу реформы, настолько второе—охранѣ прежняго строя. Понятно, до какой интенсивности должна была доходить борьба при подобныхъ условіяхъ; велась она не на животъ, а на смерть; приходилось отвоевывать каждую пядь отводимой въ надѣлъ земли, отстаивать всякій рубль сбавляемаго за нее оброка; приходилось повторять почти то, что дѣлали наши войска на Кавказѣ, вырубая просѣки въ дремучихъ лѣсахъ подъ перекрестнымъ огнемъ чеченцевъ, прятавшихся за каждымъ деревомъ, подъ всякимъ кустомъ. Этихъ «чеченцевъ», кромѣ калужскихъ дебрей, было немало и въ Петербургѣ, куда то и дѣло каталъ губернскій предводитель съ своими жалобами, гдѣ то и дѣло мѣнялся вѣтеръ, а подъ конецъ открыто подулъ съ противоположной стороны. Разсчитывать на заручку вверху было такимъ образомъ невозможно; да и не таковъ былъ В. А. Арцимовичъ, чтобы опираться на нее; смѣняющіяся «вѣянія» онъ не могъ принимать не только къ «руководству», но и къ «свѣдѣнію»,—онъ зналъ только законъ и дѣло, въ которое вложилъ всю душу свою, зналъ только одну зависимость—отъ своей собственной совѣсти.

Въ такомъ положеніи, не имѣющемъ, по народной поговоркѣ, «ни дна, ни покрышки», обыкновенный человѣкъ въ лучшемъ случаѣ потерялъ бы голову; у Виктора Антоновича она только побѣлѣла, и лишь

эта довременная бѣлизна говорила о внутренней работѣ мозга и нервовъ и какъ бы символизировала чистоту и возвышенность помысловъ. А работа была по истинѣ изумительная, титаническая, тѣмъ болѣе, что велась она, какъ говорится, «на чистоту», безъ всякой примѣси какой-либо дипломатіи, къ чему Викторъ Антоновичъ ужь вовсе не былъ способенъ. Чтобы оцѣнить эту работу по достоинству, надо вспомнить, что Положеніе 19-го февраля, вводимое въ дѣйствіе въ данную эпоху, еще не имѣло никакихъ циркулярныхъ разъясненій, или руководящихъ указаній; тамъ, гдѣ теперь трудъ компилятора, тогда было ничѣмъ не восполняемое творчество. Приходилось прокладывать дорогу и дѣлать это дѣло, какъ мы сейчасъ видѣли, подъ выстрѣлами непріятеля. Инструкціи, комментаріи, оффиціальные и частные сборники — продуктъ позднѣйшихъ временъ, иногда полезный, иногда вредный, парализующій самодѣятельность юридическаго мышленія, способствующій умственной лѣни и косности практика, но во всякомъ случаѣ значительно облегчающій дѣло примѣнителя и истолкователя закона и превосходно защищающій его отъ нареканій ссылкой на чужую волю. Вмѣсто цѣлой библіотеки теперешнихъ «Законоположеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», тогда имѣлся лишь небольшой, отпечатанный крупнымъ шрифтомъ, томикъ «Положенія 19-го февраля», заключавшій въ себѣ общія принципіальныя указанія, или вѣрнѣе, основы, на которыхъ предстояло установить новыя отношенія между помѣщиками и крестьянами. Развитіе этихъ основъ въ частныхъ, практическихъ примѣненіяхъ новаго закона, рѣшеніе массы вопросовъ, недоразумѣній и затрудненій, возникавшихъ буквально на всякомъ шагу, выборъ кандидатовъ на должности мировыхъ посредниковъ, организація волостнаго и сельскаго управленія,—все это предоставлялось заботѣ и усмотрѣнію лица, стоявшаго во главѣ мѣстной администраціи.

Но этого мало: надо еще вспомнить и то, чѣмъ была наша государственная служба до 19-го февраля 1861 года и чѣмъ стала она послѣ этого «перелома», внезапно охватившаго всѣ ея сферы, создавшаго мировыхъ посредниковъ, земскихъ дѣятелей, судей по убѣжденію совѣсти. Пассивное, почти механическое исполненіе предначертаній свыше, мирное слѣдованіе по наторенньшъ путямъ, карьера, оклады, протекція— вотъ существо, предѣлы и всѣ факторы того до-реформеннаго дѣла, которое даже и не называлось «дѣломъ», а «прохожденіемъ службы»; слѣды ея разносились по подлежащимъ графамъ формулярнаго списка и дальше не шли. И вотъ вдругъ, безъ всякихъ руководительныхъ антецедентовъ, въ эту застоявшуюся, омертвѣлую среду врывается дуновеніе новой, невѣдомой ранѣе жизни, на мѣсто прежнихъ приспособленій и подражаній становятся воля и творчество, исчезаютъ выручающіе се-

кретари и благодѣтельные «правители дѣлъ», чиновникъ преображается въ миссіонера, и идея, зажигая сердца, руководитъ дѣломъ! Понятно, какія личныя свойства требовались для того, чтобы сразу оріентироваться въ новомъ положеніи, чтобы сразу достойно отвѣтить внезапно открывшимся требованіямъ, чтобы вознестись на уровень предлежащей задачи, минуя ступени лѣстницы, которой тогда и не существовало. Вѣдь это все равно, что выпустить на волю человѣка, отвыкшаго въ темномъ и тѣсномъ заточеніи отъ свѣта и движенія. И вотъ, когда другіе, щуря глаза и немощно-протянутыми руками, ища привычную опору, шатаясь и спотыкаясь на каждомъ шагу, то брели, сами не зная куда, то пятились въ страхѣ назадъ, Арцимовичъ пошелъ прямо и смѣло впередъ къ этому свѣту и простору, широко распахнувъ двери передъ грядущею въ нихъ свободою, и поставилъ у входа надежную стражу, охранявшую торжествующій путь ея. Онъ явился какъ-бы нарочно созданнымъ для такого дѣла, а самое дѣло—нашедшимъ въ немъ своего достойнѣйшаго исполнителя.

Какъ мы уже видѣли, исполненіе этого дѣла было обставлено въ данномъ случаѣ исключительными условіями, превращая его въ борьбу, безсмѣнно-державшую исполнителя какъ-бы въ осадномъ положеніи. Нервы, казалось бы, должны были мѣшать работѣ ума, парализовать волю, раздражать дѣятеля. И дѣйствительно, обыкновенный человѣкъ въ такомъ положеніи неминуемо бы ожесточился; буря личныхъ, свирѣпствующихъ вокругъ него импульсовъ и вожделѣній увлекла бы и заразила его, подняла бы и въ немъ такіе же импульсы и вожделѣнія и тѣмъ сдѣлала бы его уязвимымъ для наносимыхъ и справа и слѣва ударовъ.

Ничего подобнаго нельзя было замѣтить въ Викторѣ Антоновичѣ. Въ жестокой борьбѣ, вспыхнувшей съ первыхъ же дней введенія новаго закона между его исполнителями и мѣстнымъ дворянствомъ, въ бурномъ вихрѣ жалобъ, доносовъ, происковъ и инсинуацій, въ моменты, когда эта борьба достигла апогея своего напряженія,—Викторъ Антоновичъ сохранялъ невозмутимое, чисто олимпійское спокойствіе; ничто—ни козни, ни клевета, ни вызывающій задоръ противника—не возмущали этого величаваго покоя: ясенъ и глубокъ по-прежнему оставался взоръ, улыбка не покидала устъ, и ни морщинки на высокомъ, открытомъ челѣ. А кругомъ гремѣли проклятія, пѣнились рты и скрежетали зубы, составлялись заговоры и измышлялись ехиднѣйшіе подвохи... Это спокойствіе, это самообладаніе не имѣли, разумѣется, ничего общаго съ такъ-называемою служебною выдержкою и бюрократическимъ холодомъ высокопоставленнаго сановника, съ тѣмъ «безпристрастіемъ», которому цѣна грошъ, которое наружный холодъ заимствуетъ у внутренней пустоты и питается равнодушіемъ. Тутъ дѣло обстояло совсѣмъ наоборотъ. Викторъ

Антоновичъ до того былъ проникнутъ идеей, которая его руками претворялась въ жизнь, до того былъ поглощенъ этимъ священнымъ для него процессомъ, что въ горячемъ самозабвенiи не ощущалъ «суеты мiра сего»,—то было всепрощенiе, которое дается всепониманiемъ и составляетъ удѣлъ лишь избранныхъ душъ. Вотъ живоносный источникъ этого величаваго спокойствiя, передъ которымъ преклонялись иногда и враги его.

Враговъ, впрочемъ, въ тѣсномъ, общепринятомъ смыслѣ этого слова, у Виктора Антоновича не было, и быть не могло; къ нему лично нельзя было, нельзя ни для кого, питать что-либо подобное враждѣ. Въ немъ ненавидѣли дѣло, которому онъ служилъ «вѣрой и правдой», въ немъ проклинали идею, дѣло это въ его рукахъ духотворившую. Такихъ враговъ было видимо-невидимо,—они сидѣли въ каждой помѣщичьей усадьбѣ и предводительствовались лицомъ, вполнѣ отвѣчающимъ ихъ цѣлямъ и завѣтамъ.

И они добились своего: В. А. Арцимовичу не пришлось закончить начатаго имъ дѣла. Тѣмъ не менѣе губернiя ни разу не слыхала барабаннаго боя воинской команды, не слыхала ни одного выстрѣла, не видала ни одного штыка. Тѣмъ не менѣе голодъ, столько разъ посѣщавшiй въ теченiе протекшихъ съ той поры трехъ десятилѣтiй многiя и многiя губернiи, не сопровождался въ Калужской тѣми ужасами и муками, которые вызывались въ остальныхъ мѣстностяхъ не столько неурожаемъ, сколько малоземельемъ и обременительными платежами. Тѣмъ не менѣе теперь, когда громадныя и безнадежныя недоимки тяготѣютъ чуть не на всемъ крестьянствѣ, Калужская губернiя является въ исключительномъ положенiи безнедоимочной губернiи. Тѣмъ не менѣе переселенческое движенiе, огуломъ охватившее страну, почти миновало эту губернiю. И если многаго, конечно, въ этомъ отношенiи остается еще желать для калужскаго населенiя, то благодаря лишь общимъ экономическимъ причинамъ и тѣмъ урѣзкамъ въ отведенныхъ надѣлахъ, тѣмъ повышенiямъ въ назначенныхъ по уставнымъ грамотамъ повинностяхъ, которыми реакцiя при преемникахъ Виктора Антоновича стремилась наверстать былыя потери.

И несмотря на то, зодчiй, которому такъ мѣшали въ его задачѣ, у котораго рвали изъ рукъ строительный матерiалъ, если и не успѣлъ возвести своего зданiя до кровли, то заложилъ его фундаментъ,—фундаментъ, уцѣлѣвшiй до сихъ поръ и представляющiй нашимъ современникамъ чудо строительнаго искусства.

Если теперь изъ области экономической мы перейдемъ въ область служебной этики, то встрѣтимъ и здѣсь такiе же итоги, еще болѣе рѣдкiе, еще болѣе благодатные: здѣсь въ распоряженiи «оппозицiи» уже не

имѣлось никакихъ средствъ, которыми можно было бы парализировать эти итоги.

В. А. Арцимовичъ принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ натурамъ, которыя вносятъ въ среду, гдѣ дѣйствуютъ, очищающій, облагораживающій элементъ; имъ, этимъ свѣточамъ добра и справедливости, не нужно тѣхъ обычныхъ пріемовъ, какими заурядный руководитель старается импонировать своей подвластной іерархіи; имъ достаточно нѣсколькихъ словъ, одного взгляда, жеста, чтобы морально подѣйствовать на собесѣдника; передъ ними все грязное, низкое, пошлое бѣжитъ прочь и прячется; какъ тѣнь исчезающей ночи передъ разсвѣтомъ яснаго дня, они влекутъ къ себѣ всякій умъ и покоряютъ всякое сердце. Личныхъ враговъ, какъ мы уже это сказали, подобные люди не имѣютъ, ихъ враги—враги того дѣла, которому они служатъ, и лишь измѣна ему миритъ этихъ враговъ съ ними. Чѣмъ выше это дѣло надъ средой дѣйствія, чѣмъ равностнѣе служеніе ему, тѣмъ яростнѣе вражда къ олицетворяющему это дѣло, къ представителю живой души его, но тѣмъ быстрѣе порицаніе переходитъ въ клевету и тѣмъ безвреднѣе усилія противниковъ. Прежде всего этой враждебной работѣ мѣшало то, что Викторъ Антоновичъ былъ совершенно свободенъ отъ тѣхъ слабостей и недостатковъ, которыми такъ часто страдаетъ служебный дѣятель, быстро вознесенный судьбою на тотъ или другой вліятельный служебный постъ. Каждый обращающійся къ нему совершенно забывалъ, что передъ нимъ губернаторъ, генералъ и звѣздоносецъ. Ни тѣни чиновнаго чванства, задора, ни жеста, ни голоса, въ которыхъ чувствовалась бы или звучала какая-нибудь начальственная нотка, и несмотря на то, мнѣ кажется, что у послѣдняго мерзавца не хватило бы духа непочтительно забыться передъ такимъ начальникомъ, обмануть, «подвести», или постараться плѣнить его своей раболѣпной покорностью. Не сказывался въ немъ, наоборотъ, не сказывался ни единой черточкой и иной, тогда весьма распространенный, типъ сановника-либерала, щеголяющаго своей гуманностью ради карьеры или панибратствомъ съ подчиненною молодежью ради популярности. Нѣтъ, это была какая-то величавая простота, искренняя и естественная,—душа, всецѣло поглощенная идеей, не вносившая въ свое дѣло ничего личнаго, ничего напускнаго, мягкая, спокойная и привѣтливая, но въ то же самое время сильная волей, властная и стойкая въ охранѣ права и закона. Всѣми, друзьями и недругами, какъ-то инстинктивно чувствовалась въ этомъ молодомъ человѣкѣ съ сѣдыми волосами та мощь, та миссія «не отъ міра сего», которая пребудетъ непоколебимою и вѣрною въ какія угодно эпохи, при какихъ угодно вѣяніяхъ, въ какихъ бы то ни было условіяхъ.

Нравственное вліяніе Виктора Антоновича на насъ, мировыхъ посредниковъ, было громадно, а авторитетъ его—всесиленъ. Въ немъ во-

площался передъ нами рыцарь «безъ страха и упрека», ополчившійся противъ беззаконія, лжи и насилія за правду и права народа, хотя и дарованныя, но предательски и упрямо оспариваемыя, ревностный апостолъ идеи, свободно, сознательно, честно и беззавѣтно ей преданный, строгій и неуклонный исполнитель закона, великій мастеръ въ истолкованіи сокрытаго для близорукихъ рутинеровъ духа его. Дворяне звали его «атаманомъ», а насъ—«шайкою разбойниковъ». Если отнять у этого взаимоотношенія хищническій характеръ нарушителей общественнаго порядка, сравненіе окажется, пожалуй, совершенно вѣрнымъ: руководительство вождя и преданность подчиненныхъ представляли здѣсь одно недѣлимое цѣлое; между губернаторомъ и мировыми посредниками существовала изумительная солидарность,—они были душевно преданы другъ-другу столько же, сколько и дѣлу, которое вели общими силами. Заурядныя, оффиціально-узаконенныя отношенія между губернаторомъ и чиновниками совершенно исчезали; не чувствовалась, не замѣчалась «служба» съ ея обычными «обязанностями», субординаціей, интересами и цѣлями,—служба мало отвѣчающая дѣлу, служба въ общепринятомъ, будничномъ, такъ сказать, значеніи слова. Она казалась намъ гдѣ-то далеко, внизу, а то гражданское одушевленіе, тотъ святой восторгъ, которые въ рѣдкія, исключительныя эпохи красятъ и вѣнчаютъ дѣло человѣка, были тутъ, у насъ, съ нами, близко, всегда!

Мнѣ скажутъ пожалуй, что этотъ духовный подъемъ вызывался не личностью, стоявшею во главѣ дѣла, а самимъ дѣломъ, его высокою историческою задачею. Но отчего же, въ такомъ случаѣ, каждая губернія, гдѣ вводилось Положеніе 19-го февраля, не имѣла своего Арцимовича? Отчего съ отъѣздомъ Виктора Антоновича изъ Калуги все это приподнятое настроеніе какъ-то вдругъ, сразу опустилось, тогда какъ дѣло, которымъ онъ руководилъ, далеко не было закончено и находилось въ самомъ разгарѣ, продолжалось, и долго продолжалось, при его преемникахъ? Отчего, съ отъѣздомъ его, мы тотчасъ же утратили прежнюю вѣру въ то, что исполняемый нами законъ не будетъ искаженъ въ угоду помѣщику губернскимъ присутствіемъ, куда поступитъ уставная грамота или жалоба землевладѣльца? Отчего при немъ мы работали спокойно и увѣренно, не имѣя понятія о начавшейся въ верхахъ реакціи, и внезапно восчувствовали всю силу ея только разставшись съ нимъ? Отчего, наконецъ, потомъ, когда и эта реакція въ свою очередь миновала, когда объявились «завершители крестьянскаго дѣла», и «благо сельскаго обывателя» снова стало девизомъ закона,—отчего тогда не оказалось уже ни этого духовнаго подъема, ни этого гражданскаго одушевленія?..

Мнѣ скажутъ, затѣмъ, что калужскому губернатору много помогъ въ дѣлѣ освобожденія первоначальный, счастливо подобранный, составъ

мировыхъ посредниковъ, членовъ мировыхъ съѣздовъ и губернскаго присутствія. Дѣйствительно, Свистуновъ, князь Оболенскій, Щепкинъ, Грешищевъ, Гавриловъ, Рихтеръ, Бибиковъ, Рахмановъ, Пустороелевъ, Муромцевъ, Сельванъ, Пещуровъ, Долгово-Сабуровъ, Рагозинъ и другіе—все это имена, которыя до сихъ поръ съ глубокимъ уваженіемъ и сердечной отрадой хранитъ моя память, озаряя ими далекое прошлое; но кто же нашелъ и призвалъ ихъ въ такомъ обиліи и единствѣ, не знавшихъ исключенія? И это не оттого только, что Викторъ Антоновичъ владѣлъ рѣдкимъ даромъ распознавать и выбирать людей, но и оттого, главнымъ образомъ, что всякій, кто приближался къ нему, становился лучше, чище, выше самого себя, являясь какъ-бы отблескомъ его свѣтлой личности и сохраняя при этомъ всю свою самостоятельность. Кромѣ того, слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что дѣло комплектованія новаго института мировыхъ посредниковъ для губернатора, серьезно и честно къ этой задачѣ относившагося, представлялось чрезвычайно труднымъ и рискованнымъ. Окладъ въ 1,500 р. въ тѣ времена являлся крайне заманчивымъ, соискателей отъ этого была масса, а университетскіе выпуски очень скудны, дворянская партія, какъ и въ Петербургѣ, такъ и на мѣстѣ, стремилась проводить своихъ кандидатовъ; протекція и связи работали, по обыкновенію, усердно. Викторъ Антоновичъ преодолѣлъ всѣ эти трудности, обошелъ всѣ эти преграды и образовалъ составъ, подобнаго которому не имѣла ни одна губернія,—здѣсь я повторяю лишь всѣмъ извѣстный и общепризнанный теперь фактъ.

Избравъ такихъ людей и поставивъ ихъ, по его собственному выраженію, у «тяжкаго, но славнаго дѣла», Викторъ Антоновичъ уже стоялъ за нихъ горой, принимая на свою голову всѣ удары, которые посыпались на нихъ отовсюду, какъ только приступили они къ этому дѣлу. Выше я упомянулъ, что работая мы не имѣли понятія о реакціи, начавшейся вверху, и благодаря этому, съ вѣрою въ успѣхъ вели дѣло по избранному имъ направленію вплоть до тѣхъ поръ, пока вслѣдъ за нимъ сами не были устранены путемъ «сокращенія» мировыхъ участковъ. Понятно, какая жертва, какой подвигъ совершонъ имъ въ данномъ случаѣ. Это былъ подвигъ Винкельрида въ битвѣ при Семпахѣ за освобожденіе Швейцаріи, когда этотъ народный герой, охвативъ копья напиравшихъ со всѣхъ сторонъ ландскнехтовъ, направилъ ихъ въ свою собственную грудь и тѣмъ далъ своему войску возможность пробиться сквозь непріятельскіе ряды и такимъ образомъ проложить дорогу къ будущей побѣдѣ. И несмотря на все это, Викторъ Антоновичъ, по своей безпредѣльной скромности, часто говаривалъ, что онъ «плохой администраторъ», что его «настоящее призваніе быть судьей!».... Какимъ оказалось это призваніе, когда открылась возможность отвѣтить ему свободно и мирно,—извѣстно каждому юристу-практику; но перво-

начальный источникъ глубины, тонкости и мѣткости истолкованія закона, которыми такъ богаты кассаціонныя рѣшенія сената, постановленныя подъ предсѣдательствомъ или при участіи этого «судьи по призванію», слѣдуетъ искать въ той изумительно-трудной и отвѣтственной работѣ, какая выпадала на долю калужскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія,—работѣ, въ которой синтезъ и анализъ юридическаго мышленія такъ дивно сочетался въ лицѣ ея руководителя съ гуманнымъ чувствомъ общечеловѣческой правды, оживляя и плодотворя сжатый текстъ вводимаго закона,—въ этой опытной школѣ, въ этомъ боевомъ закалѣ и въ той убійственной обстановкѣ труда, о которой было сказано выше.

Вышеизложенное значеніе дѣятельности Виктора Антоновича въ области служебной этики далеко не исчерпывается сферою отношеній, вызванныхъ собственно крестьянскимъ дѣломъ.

Кто помнитъ Калугу до и послѣ управленія имъ губерніею, тотъ можетъ засвидѣтельствовать, до чего скученъ и пустъ былъ нашъ губернскій городъ въ эти два окольные періода и какимъ оживленіемъ—вѣрнѣе сказать одушевленіемъ—отмѣтилось это промежуточное, свѣтлое и короткое время. Понятно, что это оживленіе не имѣло и не могло имѣть ничего общаго съ тѣмъ обычнымъ оживленіемъ нашихъ губернскихъ городовъ, которое наблюдается во время дворянскихъ выборовъ или ярмарокъ, знаменуясь обѣдами, кутежами, картами, балами, избирательными или торговыми плутнями и больше ничѣмъ. Нѣтъ! сонный городъ проснулся и оживился при Викторѣ Антоновичѣ Арцимовичѣ совсѣмъ на другой, дотолѣ небывалый и невѣдомый ладъ: онъ сталъ думать, говорить и дѣйствовать; спорить и совѣщаться въ той области человѣческаго общенія, которая живетъ высшими и чужими интересами, общественными идеалами и нуждами, въ которой работаютъ умы и бьются сердца въ приподнятомъ настроеніи, въ которой нѣтъ ничего пошлаго, злободневнаго, своекорыстнаго и узкаго, въ которой растетъ и очищается душа человѣческая. Сколько новыхъ интеллигентныхъ силъ появилось въ городѣ на поприщѣ государственной и общественной службы, какъ содержательна и интересна сдѣлалась «неоффиціальная часть» «Губернскихъ вѣдомостей», какія жизненныя темы завладѣли бесѣдами въ свободный вечерній часъ! Все жило и работало вокругъ, и воскрешенный обыватель уже не могъ оставаться изолированнымъ въ этомъ бодрящемъ, заразительномъ и обновляющемъ движеніи. Какой-то облагораживающій отпечатокъ легъ на всѣхъ и на всемъ. Преобразилась даже трактирная жизнь. Я помню, напримѣръ, чистенькую гостинницу съ обычными ресторановъ и бильярдомъ, которую содержалъ monsieur Coulon, старый французъ, веселый и юркій республиканецъ. Тамъ обыкновенно собиралась молодая компанія съѣзжавшихся изъ

уѣздовъ мировыхъ посредниковъ. «Papa Coulon», какъ мы его звали, принималъ живѣйшее участіе въ послѣобѣденной бесѣдѣ, трепалъ одобрительно по плечу своихъ шумливыхъ постояльцевъ и въ свою очередь звалъ ихъ не иначе, какъ «mes braves enfants». Милый старичекъ бралъ за все крайне умѣренныя цѣны, нимало не смущаясь сознаніемъ, что его «braves enfants»—предвѣстники того дворянскаго, а стало быть и его собственнаго, оскудѣнія, которое неизбѣжно наступитъ съ окончаніемъ ихъ миссіи. И дѣйствительно, «Papa Coulon» очень скоро разорился и долженъ былъ печально ликвидировать свое дѣло. Впослѣдствіи, когда Калуга вернулась въ «норму», въ предѣлы, присвоенные нашимъ губернскимъ городамъ, мнѣ приходилось бывать тамъ изрѣдка; «гостиницу Кулона», какъ все еще значилось на вывѣскѣ, трудно было узнать: грязь, вонь, скверный обѣдъ, грубая и заспанная прислуга, сухой трескъ кіевъ, работающихъ по бильярду, пьяные возгласы за стѣной,—и это тамъ, гдѣ еще такъ недавно все блестѣло чистотой, гдѣ такъ привѣтливо суетился ласковый хозяинъ, гдѣ было столько молодаго веселаго шума и горячихъ рѣчей, гдѣ такъ хорошо было отдохнуть и отобѣдать послѣ цѣлаго ряда безсонныхъ ночей, разъѣздовъ и закусыванія на скорую руку.

И не въ одной только «гостиницѣ Кулона» встрѣтилъ я тогда подобную метаморфозу...

Симпатіи свои къ губернатору, «хозяину губерніи», дореформенный обыватель любилъ выражать словами: «онъ соединяетъ общество», разумѣя подъ этимъ рауты, вечера, балы или благотворительныя аллегри, на которыхъ веселится губернскій beau-monde. Викторъ Антоновичъ также «соединялъ общество», только цементъ здѣсь былъ совсѣмъ другаго сорта, а объединяющимъ центромъ, животворящимъ факторомъ являлась его собственная нравственная личность. Своимъ мимолетнымъ, какъ свѣтлый метеоръ, оживленіемъ, городъ былъ обязанъ ему и прежде всего ему. Наблюдалось явленіе, которое современные соціологи зовутъ «contagion morale», обаяніе личности въ окружающей средѣ, зараза добра и правды, струя свѣжаго воздуха, ворвавшаяся въ душную, долго запертую комнату. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе тридцати лѣтъ, учредилось земство, учредился новый судъ, интеллигенція отхлынула изъ столицы, развилась провинціальная пресса, развѣтвились желѣзнодорожные пути, но скука и пошлость по-прежнему царятъ въ провинціи; еще не такъ давно, въ № 234 «Русскихъ Вѣдомостей», отъ 16-го августа 1893 г., говорилось по этому поводу слѣдующее:

«Въ газетахъ ведется полемика на тему о скукѣ и пошлости провинціальной жизни. Въ самомъ фактѣ, что провинція находится въ состояніи спячки, никто не сомнѣвается. Спорятъ лишь о причинахъ этого, во всякомъ случаѣ, печальнаго событія». Далѣе приводятся от-

зывы «Новаго Времени», «Московскихъ Вѣдомостей», «Недѣли», «Гражданина», единогласно констатирующіе это событіе.

Очевидно, стало быть, что оживленіе, нѣкогда воскресившее Калугу, обусловливалось не внѣшними, атмосферическими причинами, а субъективными свойствами дѣятеля, ниспосланнаго ей капризной судьбой. Съ нимъ оно явилось, съ нимъ и исчезло, и общій духовный подъемъ въ эпоху реформъ нисколько не умаляетъ значенія факта.

Съ особенной отрадой припоминается этотъ фактъ въ виду того, что совершился онъ властью д у х а, а не властью с а н а, которой облеченъ былъ его вершитель, и къ которой онъ не имѣлъ надобности прибѣгать, обладая иными, высшими и сильнѣйшими средствами воздѣйствія. Поэтому современные патріоты-самозванцы, чающіе всякихъ благъ отъ усиленія губернаторской власти, въ этомъ исключительномъ фактѣ не найдутъ никакого аргумента въ подтвержденіе своей теоріи.

Отсутствіемъ губернаторскаго престижа объясняется въ данномъ случаѣ и та смѣлость гоненія, которымъ дворянская партія преслѣдовала своего губернатора, обличая его агитаторомъ, опаснымъ общественному порядку, врагомъ собственности, колебателемъ основъ, «краснымъ»... Ревизія Капгера, сенаторство и Анненская звѣзда нѣсколько охладили этотъ негодующій пылъ, но втихомолку продолжали раздаваться прежніе возгласы, пока превратные толки о дѣятельности Виктора Антоновича въ Царствѣ Польскомъ не вызвали другой клеветы, другихъ обвиненій совершенно противоположнаго направленія: на этотъ разъ «врагъ собственности» и «колебатель основъ» изображался защитникомъ помѣщиковъ и угнетателемъ крестьянъ! Къ еще большему удивленію, эти обвиненія слышались и отъ тѣхъ лицъ, которыя восторгались Викторомъ Антоновичемъ въ Калугѣ.

Я считаю нужнымъ коснуться здѣсь этого невѣроятнаго, казалось бы, обстоятельства, такъ какъ оно превосходно объясняетъ и клевету, взведенную на дѣятеля въ Калугѣ, и его рыцарскую любовь къ правдѣ, его независимость, какъ отъ мѣняющихся вверху вѣяній, такъ и отъ близорукихъ отзывовъ толпы.

Сопоставляя въ сравнительной параллели дѣятельность Виктора Антоновича въ Калужской губерніи съ дѣятельностью его въ Царствѣ Польскомъ, мы видимъ, что онѣ развивались при одинаковыхъ по внѣшности, хотя и совершенно различныхъ по существу условіяхъ среды, имъ нормируемой въ духѣ и разумѣ освободительнаго закона. Въ Калугѣ Викторъ Антоновичъ встрѣтилъ противъ себя сплотившееся дворянство, въ Польшѣ онъ засталъ положеніе дѣлъ, съ которымъ также и по тѣмъ же причинамъ не могъ примириться. Работать ему приходилось тамъ съ людьми, довольно своеобразно понимавшими свою освободительную миссію. Взглядовъ ихъ раздѣлить онъ не могъ: въ

освобожденіи крестьянъ онъ не могъ видѣть нѣчто вродѣ кары, экзекуціи, подготовляемой для крамольныхъ помѣщиковъ,—онъ не могъ сочувствовать ни дешевому либерализму карьеристовъ, развивающемуся на почвѣ узкаго лжепатріотизма, ни показному народничеству на чужой счетъ; онъ не могъ, ради «высшихъ соображеній», смотрѣть сквозь пальцы на узурпацію законныхъ владѣльческихъ правъ, на травлю помѣщиковъ крестьянами и не понималъ возможности внѣдрять въ «хлопахъ» надлежащія чувствованія путемъ награжденія ихъ собственностью бывшаго владѣльца. И здѣсь, какъ и въ Калугѣ, онъ, «судья по призванію», принялъ сторону права и закона, сторону слабаго и незаконно угнетаемаго; такою стороной тамъ являлись крестьяне, здѣсь—помѣщики, и если процессъ надѣленія крестьянъ землею и опредѣленія за нее повинностей въ послѣднемъ случаѣ принималъ характеръ военной контрибуціи, онъ считалъ своимъ долгомъ сдерживать подобныя тенденціи. Отсюда обвиненія въ крѣпостничествѣ. Клевета на этотъ разъ хлынула черезъ край; страшное слово «измѣна», сорвавшись съ устъ, «едва умѣвшихъ лепетать», перекати-полемъ понеслась по вѣтру и кое-гдѣ гуляетъ еще до сихъ поръ...

«Ахъ,—вздыхали возвращавшіеся съ поля битвы «ташкентцы» и «обрусители»,—Викторъ Антоновичъ теперь уже не тотъ!» Людямъ, хорошо и близко знавшимъ его, смѣшно и гадко было слушать эти «благонамѣренныя рѣчи» и эти близорукія, не рискованныя инсинуаціи, одинаково напоминавшія лай изъ подворотни. Его въ высшей степени прямая и честная натура, его свѣтлый и глубокій умъ, его рыцарское сердце,—все это такъ чуждо было возмутительной безсмысленной клеветѣ, не понимавшей того, что обѣ эпохи дѣятельности Виктора Антоновича,—калужская и польская,—были слиты въ неразрывномъ гармоническомъ единствѣ воли и разума, направленныхъ къ одной и той же высокой и чистой цѣли—торжеству права и правды на землѣ. Тамъ, въ первую эпоху, законъ по отношенію къ правамъ и благу освобождаемыхъ недоисполнялся,—здѣсь, во вторую, онъ, въ томъ же отношеніи, переисполнялся; и тамъ и здѣсь администратору, склонному поступаться закономъ и справедливостью ради политическихъ соображеній,—администратору-дипломату, несравненно легче и безопаснѣе было «плыть по теченію», не рискуя ничѣмъ ни сверху, ни снизу; но Викторъ Антоновичъ и тамъ, и здѣсь, и прежде, и теперь, продолжалъ дѣлать то, что повелѣвалъ ему служебный долгъ и собственная совѣсть, оставаясь государственнымъ дѣятелемъ въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова.

Теперь, когда всепоглощающее время умиротворило страсти и въ вѣчномъ снѣ успокоило былыхъ борцовъ, какими жалкими и вздорными кажутся всѣ эти самоуничтожающіяся обвиненія, и въ какомъ свѣ-

домъ ореолѣ глядитъ на насъ изъ своей могилы непорочный образъ обвиняемаго! «Судья по призванію», стойкій охранитель закона, самоотверженный защитникъ правды! Слово твое смолкло, но дѣло твое живетъ, и да будетъ оно вѣчнымъ примѣромъ ставшему на смѣну поколѣнію: онъ такъ нуженъ ему!

Кому же и быть такимъ примѣромъ, какъ не тому, чья душа не умѣла замыкаться въ самой себѣ и жить личными, хотя бы и возвышенными интересами, а рвалась наружу, жадно повсюду искала живаго дѣла, вся уходила въ него и вынесенными оттуда свѣтомъ и любовью такъ широко, такъ долго, такъ щедро дѣлилась съ окружающимъ міромъ чужихъ существованій, чужихъ интересовъ, чужихъ правъ.

Въ темпераментѣ Виктора Антоновича мы видимъ рѣдкое, удивительное сочетаніе гражданской стойкости, воли, умѣвшей давать отпоръ натискамъ среды, какъ бы коллективны, энергичны и авторитетны они ни были, съ необыкновенно мягкимъ, любящимъ сердцемъ, съ самою привѣтливою кротостью, съ тою «ровностью характера», которая не знаетъ ни вспышекъ гнѣва, ни суровой сухости, ни слащавой аффектаціи; — сочетаніе почти недоступное при нашихъ условіяхъ государственной дѣятельности. Эти свойства, встрѣчаемыя обыкновенно лишь вразбивку, мирящія насъ даже съ крупными недостатками обладающаго ими, совокупностью своею въ данномъ случаѣ сообщали личности Виктора Антоновича такую обаятельную оригинальность, что о немъ нельзя говорить иначе, какъ съ восторгомъ, и восторгъ этотъ будетъ искреннимъ, трезвымъ и продуманнымъ. «De mortuis aut bene aut nihil»—совѣтовали римляне; для Виктора Антоновича совѣтъ этотъ окажется не при чемъ: скрывать нечего. Вся долголѣтняя жизнь его въ этомъ отношеніи—tabula rasa, на которой ни злоба, ни зависть, ни недомысліе не напишутъ ни одного правдиваго слова.

Вотъ отчего до сихъ поръ изъ далекаго прошлаго ярко свѣтится мнѣ то незабвенное трехлѣтіе, которое я вспоминаю такъ часто, на которомъ особенно сладко отдыхаетъ душа теперь, когда все идетъ наперекоръ тѣмъ принципамъ и идеаламъ, воплощеніемъ которыхъ была тогда мною познанная, недавно угасшая жизнь. Вотъ отчего неугасимъ свѣтъ, ею намъ оставленный,—свѣтъ, который, озаривъ и согрѣвъ юность мою, не меркнетъ до сихъ поръ, когда въ наступающей старости отовсюду вокругъ сгущаются тѣни, и близится моментъ, когда въ сплошномъ мракѣ потонетъ для меня все земное. Не меркнетъ этотъ свѣтъ, но и не усиливается искусственно отдаленностью вспоминаемой эпохи, не переходитъ въ миражъ, обманывающій старика, когда онъ разсказываетъ про свою молодость. «Что прошло, то будетъ мило»,—это вѣрно, но не безусловно, и въ данномъ случаѣ нѣтъ мѣста подобной иллюзіи: она скрашиваетъ иногда былое въ тѣхъ воспоминаніяхъ, ко-

торыя касаются міра субъективныхъ явленій, въ врачующемъ забвеніи утратившихъ свою прежнюю горечь; но она не заслоняетъ истины тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о событіяхъ въ сферѣ общественной, и всего менѣе тамъ, гдѣ эта сфера была встревожена борьбою, при чемъ свѣтлыя впечатлѣнія укладывались въ памяти очевидца рядомъ съ тѣневыми, образуя такимъ образомъ контрастъ, въ которомъ «розовая дымка милаго прошлаго» нейтрализуется и уже не подкупаетъ памяти, какъ это бываетъ во всѣхъ иныхъ случаяхъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Виктора Антоновича въ 1863 г., когда, навсегда покидая Калугу, онъ заѣхалъ проститься со мною. Вспоминая на страницахъ «Русскаго Архива» (№ I-й 1892 г.) свое прошлое, я конечно не могъ обойти того періода, который во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ зарю его. Но въ то время жилъ еще человѣкъ, благодаря которому этотъ періодъ не по времени только сталъ «зарею» моего прошлаго, и потому я не могъ тогда назвать по имени ни его, ни губернію, о которой разсказывалъ. Для полноты заканчиваемаго очерка и для читателей, незнакомыхъ съ моими воспоминаніями, считаю не лишнимъ привести здѣсь тѣ мѣста изъ нихъ, которыя касаются Виктора Антоновича и его калужской дѣятельности.

«Я вскорѣ былъ назначенъ мировымъ посредникомъ въ одну изъ губерній средней полосы. Я надѣлъ золотую цѣпь—тогда еще впервые введенное украшеніе, такъ рѣзко выдѣлявшее мировыхъ посредниковъ отъ остальной массы служилаго люда,—и отправился представиться губернатору. До сихъ поръ хорошо помню этотъ пріемъ!... Но для того чтобы оцѣнить все его значеніе, надо сдѣлать маленькое отступленіе въ сторону.

«Положеніе студента, переходящаго съ университетской скамьи въ службу, въ тѣ времена было далеко не изъ завидныхъ. Чиновничество смотрѣло косо и недружелюбно на «университетскихъ»; бывали, разумѣется, исключенія, но я говорю объ общемъ явленіи. Чуть не каждый чинъ, и чѣмъ ниже, тѣмъ рѣзче, непремѣнно старался при всякомъ удобномъ и неудобнымъ случаѣ оборвать университетскаго человѣка. Заставятъ его, напримѣръ, сочинить бумагу,—просмотрятъ, покачаютъ головой и, устремляя въ него изъ-подъ вскинутыхъ на лобъ очковъ презрительно добродушный взоръ, скажутъ, возложивъ руки на плечо: «Вы, молодой человѣкъ, хотя и въ университетѣ, хе, хе, обучались, а слогомъ, хе, хе, настоящимъ не владѣете-съ; развѣ такъ пишутъ-съ?!... Затѣмъ «начальникъ» лѣзъ въ шкафъ, вытаскивалъ оттуда какой-нибудь пузатый, истрепанный «томъ» и, распахнувъ его на потребномъ мѣстѣ, внушительно тыкалъ пальцемъ въ какое-нибудь «представленіе», «доношеніе», или «рапортъ» и совѣтовалъ «присмотрѣться, какъ надо писать». Случалось иногда и хуже того: злополучному «университет-

скому человѣку» вручали нитки съ громадной иглой и засаживали «подшивать наряды».

«Все это пронеслось въ моей памяти, когда я стоялъ въ пріемной губернатора. Вскорѣ онъ вышелъ, тоже положилъ свою руку на мое плечо (хотя встрѣчались мы въ первый разъ), но въ этомъ жестѣ было теперь что-то нѣжное, отеческое, человѣческое. Его глубокій, грустный взглядъ, молодое еще и прекрасное смуглое лицо, обрамленное густыми сѣдыми волосами, довершали такое впечатлѣніе.—«Я радъ въ васъ видѣть,—началъ губернаторъ, усадивъ меня въ своемъ кабинетѣ (тогда это былъ пріемъ, выходящій заурядъ)—будущаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу, гражданина, полезнаго своему отечеству. Люди, съ университетскимъ образованіемъ въ провинціи рѣдки, а они нужны мнѣ, необходимы дѣлу; я ищу ихъ съ огнемъ... потому что они, во-первыхъ, молоды, чисты душой, неиспорчены жизнію и существующими служебными порядками, а во-вторыхъ, что не менѣе важно для дѣла, они независимы отъ среды, въ которой придется имъ работать,—тяжко и славно работать!... Вѣрьте въ свое дѣло, чтите законъ во что бы то ни стало, не падайте духомъ, а въ трудную минуту идите ко мнѣ: я вашъ защитникъ и помощникъ, вашъ руководитель, вашъ совѣтникъ,—все, что только вы потребуете отъ меня»...

«Я слушалъ, какъ заколдованный; я ощущалъ, какъ чувство безпредѣльной радости, безпредѣльнаго уваженія къ этому человѣку росло въ моей взволнованной груди; я смѣло шелъ на встрѣчу «тяжкому, но славному дѣлу», имѣя т а к о г о руководителя, т а к у ю поддержку; я сознавалъ, что т о, дорогое университетское, то, что я вношу съ собою въ это дѣло, служитъ теперь предметомъ не злораднаго глумленія, а, напротивъ, имѣетъ свою особую цѣну и пользуется уваженіемъ высшаго представителя мѣстной оффиціальной власти.

«До сихъ поръ, взглянувъ на висящій передъ моимъ письменнымъ столомъ портретъ, я съ глубокою любовью вспоминаю это отеческое напутствіе на первыхъ шагахъ молодаго студента въ жизнь, это благословеніе на предстоящія въ ней битвы, благословеніе, поданное чистыми руками и на чистое дѣло. И всѣ мы, рекруты «перваго призыва», поочередно получали его: еще не зная другъ друга, собравшись съ разныхъ сторонъ, мы уже восприняли, такъ сказать, общее крещеніе, и этотъ починъ помогъ намъ впослѣдствіи образовать такой же сплоченный, жившій такими же факторами, такой же тѣсный товарищескій кружокъ, изъ котораго мы только-что вышли, оставляя университетъ. Это общеніе было могучею подмогою въ нашей трудной задачѣ...

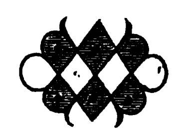
«Какъ-бы предчувствуя грядущую «перемѣну фронта», нашъ энергичный главнокомандующій то-и-дѣло понукалъ свою молодую армію спѣшить окончаніемъ дѣла; онъ надѣялся въ данномъ составѣ дѣятелей

установить, грамотами, хотя основныя начала будущаго землевладѣнія, согласно духу и разуму закона, не искаженнаго пока послѣдовавшими вскорѣ за тѣмъ «разъясненіями» и практикою. Этимъ надеждамъ суждено было сбыться только на-половину...

«Цѣлый рой свѣтлыхъ воспоминаній, радужныхъ надеждъ и мрачныхъ разочарованій пестрою вереницею проносятся въ моей памяти, воскрешая давно прошедшее. Тогда выпало на нашу долю приводить въ исполненіе законъ, котораго такъ горячо ждала жизнь и который такъ холодно принимали люди: внизу—злобное сопротивленіе, вверху—циркуляры и «разъясненія», и только въ глубинѣ непорочнаго сердца мечтателей-исполнителей—святая вѣрность великой идеѣ законодателя и юношескій жаръ въ тщетномъ стремленіи воплотить эту идею во всей ея дѣвственной чистотѣ и неприкосновенности. Приходилось уходить, бросать дорогое дѣло тѣмъ, кто не желалъ склониться передъ наступившей реакціей, а между тѣмъ жизнь звала неудержимо впередъ, работа только-что начиналась, и на встрѣчу ей неслось столько свѣжихъ, ненадорванныхъ еще силъ!..»

И если, несмотря на этотъ насильственный довременный конецъ, несмотря на кратковременность дѣятельности, несмотря на встрѣченное ею отчаянное сопротивленіе, Виктору Антоновичу Арцимовичу удатось достичь всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ и разностороннихъ результатовъ, о которыхъ я вспоминаю теперь, и оставить по себѣ въ Калугѣ столь глубокій слѣдъ, то легко себѣ представить тѣ факты, выводы и оцѣнку, какіе пришлось бы историку занести въ лѣтописи освобожденія, если бы не было этого довременнаго конца, этого отчаяннаго сопротивленія, если бы Викторъ Антоновичъ довершилъ начатое, если бы уцѣлѣлъ сформированный имъ составъ исполнителей и если бы не наступили такъ быстро иныя времена, истинное значеніе которыхъ начинаетъ выясняться лишь теперь изслѣдованіями и трудами кормильцевъ голодавшаго народа.

Эти «иныя времена» не коснулись лица, памяти котораго я посвящаю свои строки. Викторъ Антоновичъ оставался тѣмъ же, какимъ былъ въ Калугѣ, и сошелъ въ могилу живымъ идеаломъ правды, свободы и милосердія—трехъ величайшихъ устоевъ государственной силы и общественнаго благополучія.

Собственноручное письмо Ив. Ив. Дмитріева — Осипу Егоровичу Франку.

23 іюля 1826 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, любезный Осипъ Егоровичъ, за доставленіе мнѣ извѣстныхъ актовъ, и тѣмъ болѣе, что я вѣроятно получилъ ихъ прежде многихъ, есть ли не всѣхъ: Очень сожалѣю, что надежда имѣть удовольствіе увидѣться съ вами въ Москвѣ обманула меня. По крайней мѣрѣ я доволенъ тѣмъ, что познакомился съ вашимъ братцемъ, имѣющимъ съ вами большое сходство.

На дняхъ я посѣщенъ былъ новою печалью: потерялъ Елизавету Петровну, послѣ трехъ мѣсячнаго жестокаго страданія, въ продолженіе котораго ежедневно исчезала въ силахъ и въ тѣлѣ. Въ минувшее воскресенье она скончалась, но за три дня только перестала заботиться о моихъ пользахъ и распоряжаться для моего спокойствія. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, не отыщете ли въ С.-Петербургѣ Рота и не уговорите ли вы его быть у меня по прежнему дворецкимъ. Въ противномъ же случаѣ нельзя ли сыскать мнѣ лѣтъ сорока умную и испытанной нравственности женщину изъ нѣмокъ, которая бы согласилась взять на себя хранить мое бѣлье, содержать чай, кофе, сахаръ, и словомъ быть экономкою. Мнѣ жаль Е. П. какъ самой близкой родной; 26 лѣтъ она служила мнѣ съ примѣрнымъ усердіемъ и безкорыстіемъ.

Я уже получилъ извѣстіе отъ П. П. С. [1]) объ отправленіи ко мнѣ бюста [2]); нетерпѣливо жду его.

Заочно обнимаетъ васъ искренно любящій и почитающій васъ покорный слуга Иванъ И. Дмитріевъ.

---

[1]) Павла Петровича Свиньина.

[2]) Императора Александра I, заказаннаго И. И. Дмитріевымъ при посредствѣ П. Свиньина скульптору Трескорни.

ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ
ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ
АЛЕКСАНДРѢ I.

Въ метрическихъ книгахъ города Мобёжа записано, что отъ брака инженеръ-полковника русскихъ войскъ, бывшихъ въ то время во Франціи, Степана Степановича Ѳедорова съ Сидоніею-Лаурою-Юліею Вердевуа родилась, 31-го декабря 1816 г. (12-го января 1817 г.) дочь, названная Софіею [1])

Итакъ, бабушка моя, съ материнской стороны, была француженка. Эта національность, вѣрнѣе сказать ея католическое вѣроисповѣданіе, явилось настолько серьезнымъ препятствіемъ къ совершенію брака съ православнымъ, что только благодаря участію императора Александра I дано было папою на это разрѣшеніе.

---

[1]) Приводимъ здѣсь любопытную выписку изъ метрической книги и краткія біографическія свѣдѣнія о С. С. Ѳедоровѣ.

Exrait des Régistres de Naissance de la ville de Maubeuge, département du Nord.

L'An dix-huit cent dix-sept, le quinze Janvier, à trois heures du soir, pardevant Nous, André Martin, Maire de Maubeuge, officier de l'état civil, est comparu Monsieur Etienne Fedoroff, âgé de cinquante ans, colonel du génic dans les armées Impériales russes, demeurant en ce moment à Maubeuge, lequel nous a présenté un enfant du sexe féminin, né le douze de ce mois, à cinq heures du matin, de lui déclarant et de Dame Sidonie-Laure-Julie Verdevoy, son épouse, et auquel il a déclaré donner le prénom de Sophie. Les dites déclarations et présentations faites en présence des sieurs Augustin Cauliez, âgé de quarante huit ans, propriétaire, et Joseph Levecque, âgé de quarante huit ans, directeur des postes, demeurant en cette Commune, lesquels ont

Въ раннемъ дѣтствѣ своемъ бабушка пережила всѣ ужасы первой французской революціи. Ей было всего шесть лѣтъ, когда, послѣ смерти родителей, она осталась на воспитаніи своей бабушки, занимавшей должность Dame d'Atour королевы Маріи-Антуанеты. По разсказамъ ея, когда пришли, по приказанію Робеспьера, арестовать мою прабабушку и обыскивали весь домъ, чтобы захватить и ея внучку, то, къ счастью, ее не нашли; она была спрятана въ шкафъ преданными слугами, на попеченіи которыхъ и оставалась до возвращенія старушки, избѣгнувшей казни только благодаря послѣдовавшему вскорѣ паденію этого кровожаднаго диктатора.

Путешествіе Ѳедоровыхъ послѣ брака, изъ Франціи въ Россію, одновременно съ возвращавшимися на родину въ 1817 г. побѣдоносными русскими войсками, было торжественнымъ по всей Европѣ шествіемъ.

---

signé avec Nous et le père, après lecture. Signé: Etienne Fedoroff, Caulier J. Levecque et Martin.

Pour extrait conforme Délivré par Nous Maire de Maubeuge, le 21 Août 1835.

Дворянинъ Казанской губерніи, Степанъ Степановичъ Ѳедоровъ,—родился въ 1763 году и 1-го января 1780 г. поступилъ на службу фурьеромъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ; ровно черезъ годъ онъ былъ уже каптенармусомъ. 1-го января 1783 года С. С. вышелъ въ отставку съ награжденіемъ чиномъ поручика арміи; черезъ полтора года (7-го іюля 1785 г.) былъ принятъ вновь на службу въ инженерное вѣдомство подпоручикомъ и въ 1789 г. во время войны съ Швеціею приготовлялъ къ оборонѣ Выборгскій заливъ. Въ августѣ 1791 г. С. С. Ѳедоровъ переведенъ въ сухопутный (нынѣ 1-й) кадетскій корпусъ, въ которомъ состоялъ до 1797 года и былъ переименованъ въ артиллерійскіе капитанъ-поручики.—Въ іюлѣ (27-го) 1797 г. онъ былъ переведенъ въ піонерный полкъ, въ декабрѣ 1797 произведенъ въ капитаны, а въ декабрѣ слѣдующаго года—въ маіоры. Съ раздѣленіемъ піонернаго полка на два, С. С. поступилъ во 2-й полкъ и въ 1807 году командированъ въ Крымъ для постройки казармъ въ Ѳеодосіи. За составленный проектъ этимъ казармамъ онъ награжденъ орденомъ Св. Анны 4-й степени, а за постройку ихъ—орденомъ Св. Владиміра 4-й степени. Въ августѣ 1805 года Ѳедоровъ былъ произведенъ въ подполковники и 25 декабря 1808 года—въ полковники.

Съ 1810-го года начались уже приготовленія къ борьбѣ съ Наполеономъ: осматривались дороги, собирались разныя свѣдѣнія и укрѣплялись многіе пункты.—Полковникъ Ѳедоровъ былъ командированъ сначала въ Кіевъ, а потомъ въ Бобруйскъ для укрѣпленія этихъ пунктовъ, при чемъ „за благоразумное распоряженіе и неутомимость при надзорѣ за работами" получилъ высочайшее благоволеніе и награжденъ орденами Св. Владиміра 3-й степени и Св. Анны 2-й степени. Война 1812 года застала С. С. въ Бобруйскѣ, блокированномъ непріятелемъ; въ іюлѣ 1815 года онъ былъ вызванъ въ главную квартиру и въ сентябрѣ прибылъ въ Парижъ. Назначеный начальникомъ инженеровъ въ корпусѣ графа Воронцова полковникъ Ѳедоровъ жилъ сначала въ Нанси, а потомъ въ Мобёжѣ, гдѣ и познакомился съ дочерью французскаго офицера Карла Вердевуа, на которой женился вторымъ бракомъ, имѣя отъ первой жены сына Аполлона, служившаго впослѣдствіи въ корпусѣ инженеровъ. Ред.

По возвращеніи въ Россію С. С. Ѳедоровъ былъ въ 1818 году произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ управляющимъ Херсонскимъ инженернымъ округомъ.—Въ 1825 году за неважное упущеніе по службѣ онъ былъ преданъ суду, что, конечно, принесло большое горе семейству.—Зная всѣ обстоятельства дѣла и невиновность мужа, бабушка рѣшилась лично обратиться къ императору Александру I, находившемуся въ то время въ Таганрогѣ.

Государь принялъ бабушку, явившуюся къ нему съ шести-лѣтнимъ сыномъ Викторомъ [1]), чрезвычайно милостиво, выслушалъ ее и, зная лично отличную службу генералъ-маіора Ѳедорова, приказалъ только арестовать его на недѣлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы успокоить бабушку императоръ предложилъ ей зачислить сына кандидатомъ въ Пажескій корпусъ, а дочерей, Софію и Любовь, принять: первую—своей пансіонеркою, а вторую—пансіонеркою императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Смольный институтъ. Затѣмъ, поцѣловавъ, по обыкновенію, у бабушки руку, императоръ выразилъ еще разъ свое глубокое соболѣзнованіе по поводу причиненнаго ей волненія и прибавилъ:

— Si jamais, madame, vous avez besoin de quelque chose, adressez vous directement à moi.

Обрадованная столь милостивымъ пріемомъ государя и удачнымъ окончаніемъ своего ходатайства, бабушка, уходя изъ кабинета императора, забыла тамъ своего сына, который, стоя у стеклянной двери, любовался садомъ и не замѣтилъ, какъ мать вышла.

— Madame!—сказалъ ей вслѣдъ императоръ, взявшій уже маленькаго Виктора на руки и цѣловавшій его кудрявую головку,—vous avez oublié votre fils!—и, передавъ разстроенной отъ волненія бабушкѣ ея сына, милостиво отпустилъ.

Нѣсколько дней спустя бабушка была поражена какъ громомъ вѣстью о болѣзни и скорой затѣмъ кончинѣ Александра I.

Съ теченіемъ времени невиновность моего дѣда стала еще яснѣе, и онъ въ маѣ 1826 г. былъ назначенъ севастопольскимъ комендантомъ и купилъ себѣ близъ Ѳеодосіи деревню Кринички съ 25-ю душами крестьянъ. Въ томъ же году дочери его были приняты въ Смольный институтъ: моя мать, Софія, какъ старшая—пансіонеркой императора Николая I, а тетка, Любовь—императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ 1829 году С. С. Ѳедоровъ былъ назначенъ состоять по арміи и 24 января 1834 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Оставшись вдовою, не зная вовсе русскаго языка, бабушка, съ малолѣтнимъ сыномъ, находившимся въ то время еще при ней, оказалась

---

[1]) Отъ втораго брака у С. С. Ѳедорова было двѣ дочери: Софія и Любовь и сынъ Викторъ.

въ безвыходномъ положеніи. Продавъ за безцѣнокъ свое имѣніе, впослѣдствіи пріобрѣтенное извѣстнымъ маринистомъ Айвазовскимъ, который въ дѣтствѣ бывалъ у бабушки въ этомъ имѣніи и любилъ, по разсказамъ ея, любоваться съ балкона открывавшимся прекраснымъ видомъ—бабушкѣ удалось, благодаря дружескимъ отношеніямъ семьи землевладѣльца въ Крыму, ея соотечественника Vassal, добраться до Петербурга.

Приказъ государя о зачисленіи малолѣтняго Ѳедорова въ Пажескій корпусъ не отыскался, и онъ былъ опредѣленъ во второй кадетскій корпусъ.

Иностранка, въ чужомъ городѣ, безъ друзей и знакомыхъ, почти безъ средствъ къ жизни, бабушка рѣшилась ходатайствовать о разрѣшеніи ей остаться при дочеряхъ въ Смольномъ институтѣ. Благодаря высочавшей милости ей удалось не разлучаться съ ними въ послѣдніе два года пребыванія ихъ въ Смольномъ.

Вскорѣ по выходѣ изъ института, а именно въ 1836 г., моя мать и тетка познакомились въ домѣ лейбъ-медика Аренда съ молодымъ Григорьемъ Павловичемъ Неболсинымъ (впослѣдствіи членомъ Государственнаго Совѣта) и отставнымъ подполковникомъ Александромъ Дмитріевичемъ Тулубьевымъ, и вышли затѣмъ замужъ: Любовь—за Неболсина, а Софія за отца моего—Тулубьева.

Воспоминанія о моемъ отцѣ тоже связаны съ именемъ императора Александра I, къ которому онъ обращался съ просьбою и былъ имъ обласканъ.

Окончивъ образованіе въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ, въ которомъ, будучи камеръ-пажемъ, состоялъ при дворѣ великой княгини Екатерины Павловны, отецъ выпущенъ былъ, въ 1812 году, прапорщикомъ въ любимый Александромъ I лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. [1])

Въ Пажескій корпусъ отецъ мой былъ опредѣленъ въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ: по существовавшему при императрицѣ Екатеринѣ II обычаю, потомственные дворяне имѣли право ходатайствовать о зачисленіи сыновей, со дня рожденія, въ тотъ или другой гвардейскій полкъ. Обычай этотъ при императорѣ Павлѣ I былъ отмѣ-

---

[1]) Сынъ титулярнаго совѣтника Александръ Дмитріевичъ Тулубьевъ родился въ 1793 году и 10 лѣтъ отъ роду (2-го іюля 1803 г.) поступилъ въ Пажескій корпусъ; въ декабрѣ 1810 г. сдѣланъ камеръ-пажемъ и 27-го августа 1812 г. произведенъ въ прапорщики въ л. г. Семеновскій полкъ.—Александръ Дмитріевичъ прибылъ въ полкъ, когда непріятель уже отступалъ изъ предѣловъ Россіи; при преслѣдованіи его войска наши перешли границу, и молодой семеновскій офицеръ 20-го апрѣля 1813 года участвовалъ въ сраженіи при Люценѣ, 8-го и 9-го мая—при Бауценѣ, 16-го августа—при г. Пирно и 17-го числа—при Кульмѣ. Ред.

невъ, и взамѣнъ того предоставлено право ходатайствовать о зачисленіи сыновей въ Пажескій корпусъ.

Раненый девятнадцати лѣтъ, въ сраженіи подъ Кульмомъ, въ ногу, съ раздробленіемъ кости, А. Д. Тулубьевъ, въ числѣ другихъ такихъ-же офицеровъ, былъ помѣщенъ въ одномъ изъ зáмковъ, близъ мѣста сраженія. Благодаря молодости, предоставленнымъ владѣтельницею зáмка удобствамъ, удачному лѣченію лейбъ-медика Аренда, и затѣмъ лѣченію водами въ Теплицѣ,—отецъ довольно скоро настолько оправился, что былъ въ состояніи съѣздить въ Берлинъ, чтобы представиться прусскому королю и поблагодарить его за пожалованный ему желѣзный крестъ и орденъ pour le Mérite. Но затѣмъ рана вскорѣ опять открылась. Сознавая невозможность продолжать фронтовую службу, онъ рѣшился лично просить императора Александра уволить его въ отставку. Государь, милостиво принявъ отца, явившагося къ нему на костыляхъ, усадилъ его и, выслушавъ просьбу, не согласился уволить его въ отставку, а совѣтовалъ продолжать лѣченіе за-границей и разрѣшилъ ему продолжительный отпускъ, въ надеждѣ, что онъ совсѣмъ оправится и будетъ еще въ состояніи оставаться во фронтѣ. Такое вниманіе государя къ просьбѣ молодаго офицера нельзя объяснить иначе, какъ особою милостью, и казалось, что дальнѣйшая карьера моего отца была вполнѣ обезпечена [1]).

Но судьба измѣнчива и «горе ждетъ изъ-за угла». Пока отецъ лѣчился за-границею, произошла извѣстная «семеновская исторія». Полкъ былъ раскассированъ, и всѣ чины его, какъ офицеры, такъ и нижніе чины были переведены въ разные армейскіе полки; болѣе же виновные преданы суду.

Императоръ Александръ не допускалъ, впрочемъ, чтобы въ возмущеніи Семеновскаго полка принимали участіе офицеры. «Внушеніе, кажется, было не военное,—писалъ онъ графу Аракчееву 5-го ноября 1820 г. [2]),—ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. Офицеры же всѣ усердно старались пресѣчь неповиновеніе, но безуспѣшно».

Очевидно, офицеры были невинны; отецъ мой, какъ отсутствовавшій, тѣмъ болѣе. Несмотря на то, онъ претерпѣлъ общую участь. Его перевели, 5-го декабря 1820 года, съ производствомъ въ маіоры, въ третій Морской полкъ [3]), въ которомъ онъ дѣйствительной службы не несъ, такъ

---

[1]) Продолжая лѣченіе, А. Д. Тулубьевъ былъ въ сентябрѣ 1813 года произведенъ въ подпоручики, 14 марта 1816 г.—въ поручики и 9 апрѣля 1819 г.—въ штабсъ-капитаны. Ред.

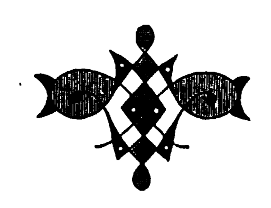
[2]) „Русскій біографическій словарь“, т. I, стр. 366.

[3]) Въ первомъ Морскомъ полку служилъ родной братъ его, Павелъ Дмитріевичъ.

какъ отпущенъ былъ до излѣченія раны. Попытки его выйти въ отставку и на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ; но это была уже не милость монарха, а секретное распоряженіе о надзорѣ за всѣми вообще офицерами бывшаго Семеновскаго полка. Только въ 1828 году, въ царствованіе императора Николая I, отецъ былъ уволенъ отъ службы, «за раною, подполковникомъ, съ мундиромъ и полною пенсіею».

Двадцать пять лѣтъ спустя, а именно въ 1853 году, и сорокъ лѣтъ послѣ перваго своего пребыванія въ Берлинѣ, отцу пришлось опять быть въ этомъ городѣ, куда онъ поѣхалъ лѣчиться отъ каменной болѣзни у знаменитаго хирурга Лангенбека. Не выдержавъ операціи, отецъ тамъ же вскорѣ скончался, гдѣ и погребенъ, согласно его желанія, на новомъ лютеранскомъ Даротеинскомъ кладбищѣ.

Сообщ. **М. А. Дружинина.**

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПОДОЛІИ.

(Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи).

VI [1]).

Городскіе благодѣтели и „тэгоднювки“.—Одураченный ростовщикъ. — Драка въ камерѣ.—Эксплоатація евреями 30-й статьи гр. суд.—Тесть и зять.— Сокрытіе имущества.—Дутыя взысканія и банкротства.—Взысканіе по подложнымъ векселямъ.—Ярославскій огородникъ.—Опять „батюшка“.

Дѣятельность ростовщиковъ была развита не только по деревнямъ, но и въ самомъ городѣ Хмѣльникѣ, и этимъ ремесломъ занимались здѣсь, къ сожалѣнію, не одни евреи. Главныя же дѣянія всѣхъ этихъ ростовщиковъ проявлялись въ такъ называемыхъ тэгоднювкахъ, заключавшихся въ слѣдующей нехитрой комбинаціи: лицо, взявшее взаймы, положимъ, 50 рублей, выдавало вексель на сто и обязывалось платить, по словесному уговору, еженедѣльно (отсюда и самое названіе этихъ операцій—«тэгоднювками»), два рубля, въ теченіе пятидесяти недѣль, т. е. почти годъ; считалось, что одинъ рубль идетъ въ погашеніе капитала, а другой рубль—въ проценты. Такимъ образомъ ростовщикъ наживалъ въ годъ рубль на рубль или сто на сто. Эти еженедѣльныя погашенія не обозначались на долговомъ обязательствѣ,—и оно, вплоть до конца 50-й недѣли, оставалось во всей своей угрожающей неприкосновенности,—такъ-что, при первой же неисправности должника, вексель предъявлялся ко взысканію въ двойной суммѣ дѣйствительнаго

[1]) См. «Русскую Старину» мартъ, 1897 г.

долга. Только **два раза въ году** дозволялось должнику и то, по особо уважительнымъ причинамъ — не уплатить недѣльный взносъ, такъ что оборотъ выданнаго капитала разсчитывался какъ разъ на годъ. Этими «тэгоднювками» обязывалась болѣе всего городская бѣднота—хмѣльникскіе мѣщане (христіане) и евреи, торгующіе въ ларяхъ и лабазахъ, на столахъ базара и въ маленькихъ лавченкахъ, а также и различные бѣдные ремесленники: пріобрѣтя на занятыя, напр., 50 рублей товару, торговецъ или ремесленникъ наживалъ въ недѣлю не менѣе 10 проц., т. е. пять рублей; слѣдовательно, уплативъ ростовщику 2 рубля, имѣлъ чистой прибыли не меньше 3-хъ рублей, на которые кое-какъ и существовалъ съ семьей въ теченіе цѣлой недѣли. Должники, обыкновенно, расплачивались по субботамъ, вечерами, когда и христіане, и евреи опочили отъ всѣхъ дѣлъ своихъ. Тяжелыя, тоже, бывали въ моей камерѣ сцены, когда приходилось постановлять рѣшенія по этимъ завѣдомо двойнымъ векселямъ, предъявляемымъ ко взысканію тотчасъ же послѣ третьяго неоплоченнаго субботняго взноса: эти просрочки и неаккуратность случались, по бо̀льшей части, вслѣдствіе болѣзни векселедателя и невозможности, поэтому, заработать въ недѣлю столько, чтобы и самому лечиться, и семьѣ просуществовать, и уплатить еще и ростовщику; а эти пьявки были всегда неумолимы и безжалостны на судѣ.

— Прошу васъ, г. судья, взыскать по закону и выдать мнѣ исполнительный листъ, подвергнувъ рѣшеніе предварительному исполненію, говорилъ, обыкновенно, ледянымъ голосомъ ростовщикъ, и принимался, иногда, чтобы разжалобить, вздыхать и охать, и плакаться на людскую неаккуратность и неблагодарность...

Такъ какъ на всякаго мудреца довольно простоты, то въ моей камерѣ былъ, однажды, случай, что и ростовщикъ опростоволосился. Это произошло такъ.

Одинъ хмѣльникскій еврей, возвратясь въ свой родной городъ послѣ долгихъ странствованій на сторонѣ, женился здѣсь и возымѣлъ намѣреніе заняться какою-то торговлей; за деньгами для этого предпріятія онъ обратился къ ростовщику, еврею же, и тотъ согласился дать ему взаймы, на «тэгоднювки», сто рублей,—при чемъ должникъ выдалъ ему вексель на двѣсти рублей, обязавшись, уплачивать каждую недѣлю по 4 рубля; но прошли первыя двѣ субботы, а должникъ не показалъ и носа къ своему кредитору, который, конечно, и поспѣшилъ предъявить вексель ко взысканію. Принимая прошеніе, я не обратилъ никакого вниманія на текстъ векселя, замѣтивъ лишь выставленную на немъ, въ верху, сумму—200 рублей, съ которыхъ и взыскалъ обычныя пошлины. Недѣли черезъ три подошелъ разборъ дѣла. Вызываю истца и отвѣтчика, — оба

тотчасъ же подходятъ къ столу, косо поглядывая другъ на друга. Обращаюсь къ отвѣтчику:

— Съ васъ взыскиваютъ 200 рублей, по векселю, вами написанному и подписанному. Признаете вы себя должнымъ?

— Цитайте, ваше в—діе!—былъ отвѣтъ.

— Я васъ спрашиваю: это вы заняли деньги и подписали этотъ вексель?

— Цитайте, ваше в—діе, цитайте!

— Чтó мнѣ читать?! изумился я: — я васъ спрашиваю: вашею рукою писанъ этотъ вексель?

— Моею, ну...

— Значитъ, вы брали деньги и должны?

— Цитайте же, ну,—и еврей пожалъ плечами...

— Онъ сѳбѣ мысле, ваше в—діе, что пришелъ на комедь (въ театръ), пренебрежительно отозвался ростовщикъ.

Дѣлать нечего, беру и читаю все «дѣло»: въ прошеніи говорятся самыя обыкновенныя вещи: ростовщикъ проситъ взыскать съ хмѣльникскаго мѣщанина, еврея такого-то, двѣсти рублей съ процентами, со дня предъявленія иска и по день уплаты, и судебныя и за веденіе дѣла издержки. Беру, затѣмъ, обыкновенный домашній вексель, читаю его—и не вѣрю глазамъ... тамъ, буквально, было изображено слѣдующее: «Вексель на 200 рублей»; годъ, мѣсяцъ и число; далѣе, слѣдуетъ такой текстъ: «Повиненъ я по сему моему векселю уплатить ростовщику (такому-то), или кому онъ прикажетъ 200 рублей, изъ коихъ получилъ наличными лишь девяносто-шесть рублей, уплату коихъ обязанъ произвести въ городѣ Москвѣ, въ то время, когда мнѣ Богъ поможетъ. Мѣщанинъ города Хмѣльника (такой-то)».

Когда я, едва воздерживаясь отъ улыбки, громко прочелъ этотъ удивительный вексель, то ростовщикъ, поблѣднѣвъ какъ смерть, могъ лишь слабо пролепетать:

— Приказите ему, ваше в—діе, сицасъ надѣвать колодки на ногà и ссылать его, мосенника, на Сибирь, на шамую каторзной работъ...

Еврей-отвѣтчикъ сдѣлалъ презрительную гримасу и обратился ко мнѣ:

— Ваше в—діе! не прикажите этому ростовщику меня ругать; я—честный еврей... а на каторгу пускай идутъ тѣ господа купцы, которые берутъ сто пруцентовъ въ годъ...

Я, конечно, исполнилъ его просьбу и воспретилъ одураченному кредитору браниться. Когда онъ немного поуспокоился, то объяснилъ мнѣ слѣдующее:

— Я самъ неграмотный... знаю только по-еврейски. Когда онъ принесъ вексельный бланкъ, то я приказалъ ему писать при себѣ...

Цифры я знаю хорошо, вижу, что онъ написалъ 200 и подписался подъ векселемъ по-еврейски и по-русски, — я и далъ ему деньги... Потомъ, убѣдившись, что онъ не хочетъ платить, нанялъ за 20 коп. писаря написать къ вамъ, г. судья, прошеніе... Я не зналъ, что этотъ «лайдакъ» обманулъ меня... Охъ, якже можно теперь на свѣтѣ жить!..

Долго я бился съ этими евреями и ничего не могъ подѣлать: истецъ непремѣнно желалъ получить двѣсти рублей «съ прунтентами», а отвѣтчикъ стоялъ на своемъ: «желаю уплатить, согласно векселю, 96 рублей, въ Москвѣ, когда мнѣ Богъ поможетъ»...

— Онъ никогда въ Москву не можетъ и пріѣхать, — говорилъ истецъ, потому что его оттуда, два года тому назадъ, выслали по этапу, за мошенничество.

Отвѣтчикъ въ долгу не оставался.

— Вретъ онъ, ваше в—діе: это не меня, а его выслали изъ Москвы— за сбытъ фальшивыхъ дукатовъ.

И пошли!.. Раза три они сцѣплялись браниться и взаимно изобличать другъ-друга въ хорошихъ дѣлахъ; раза три я ихъ останавливалъ и унималъ кое-какъ; предлагалъ, наконецъ, обратиться на судъ раввина, у котораго, я зналъ, евреи очень часто судились между собою; но отвѣтчикъ не пожелалъ этого суда и требовалъ, чтобы это дѣло было рѣшено мною... Наконецъ, мнѣ удалось-таки уговорить сочинителя векселя отказаться отъ фразы «когда мнѣ Богъ поможетъ» и согласиться опредѣлить болѣе ясный срокъ уплаты,—и порѣшили такъ: вмѣсто 200 рублей отвѣтчикъ уплатитъ 112, считая тутъ и проценты; плата черезъ годъ, здѣсь на мѣстѣ, въ городѣ Хмѣльникѣ.

Едва эта милая пара вышла изъ камеры и вступила въ сѣни, какъ послышались подозрительные аплодисменты и легкія вскрикиванія; это истецъ далъ пощечину отвѣтчику, а тотъ возвратилъ ему «съ прунтентами»... Я вынужденъ былъ перервать разборъ дѣлъ и приказалъ разсыльному выпроводить ихъ изъ сѣней камеры на улицу. Когда прошелъ годъ, ростовщикъ пришелъ ко мнѣ съ очень печальною физіономіей и объявилъ, что отвѣтчикъ на жительствѣ въ Хмѣльникѣ уже не находится...

Иногда мнѣ доводилось служить орудіемъ чистѣйшаго мошенничества и способствовать, volens-nolens, въ очень некрасивыхъ дѣлахъ. Дѣло въ томъ, что, согласно ст. 30 устава граж. судопроизводства, мировой судья принимаетъ къ своему разсмотрѣнію всякій споръ и искъ гражданскій, если обѣ тяжущіяся стороны будутъ просить его о рѣшеніи ихъ дѣла по совѣсти; при этомъ, конечно, цѣна иска не ограничивается уже 500 рублей и можетъ свободно выходить за предѣлы компетенціи судей. Такъ гласитъ законъ, — и евреи, въ виду моей судейской неопытности, поспѣшили воспользоваться этимъ закономъ.

Однажды въ мою камеру явились два почтенныхъ купца-еврея—мѣстный торговецъ Л. и прибывшій изъ Подольска его тесть, купецъ же 2-й гильдіи Б—еръ,—и просили «разобрать ихъ денежныя взаимныя претензіи». Такая довѣрчивость польстила моему самолюбію, и я довольно наивно приступилъ къ разбору ихъ очень немногосложнаго дѣла и присудилъ Б—еру съ Л. 12 тысячъ рублей; а такъ какъ, согласно того же закона, такія рѣшенія судей считаются окончательными и апелляціи не подлежатъ, то я, ничтоже сумняшеся, тотчасъ же выдалъ истцу и исполнительный листъ, а истецъ, потомъ, живо описалъ лавку зятя и продалъ ее какому-то подставному лицу, родственнику же Л. Затѣмъ, когда на того же Л. его кредиторы, оптовые торговцы изъ Москвы, предъявили векселя, то не получили, конечно, ни гроша; лавка же перешла впослѣдствіи на имя жены Л., и онъ преспокойно сталъ торговать, въ магазинѣ жены, по прежнему.

Потомъ уже, наученный этимъ горькимъ опытомъ, я категорически отказывалъ въ принятіи такихъ дѣлъ, основываясь на той же буквѣ закона, гдѣ говорится, что судья «можетъ» принять къ своему разсмотрѣнію такой искъ, но не сказано, что онъ непремѣнно долженъ принять; а разъ говорится, что «можетъ» принять,—значитъ, можетъ и не принять, толковалъ я...

Но евреи съумѣли находиться и въ этихъ случаяхъ. У меня, не разъ, случались такія дѣла въ камерѣ, что вдругъ приходитъ какой-нибудь еврей-купецъ, или еврейка и предъявляетъ десять и болѣе отдѣльныхъ исковъ на одно и то же лицо, по векселямъ въ 500 рублей каждый, написаннымъ «по предъявленію»; при этомъ, обыкновенно, слѣдуетъ ходатайство о скорѣйшемъ разборѣ дѣлъ; а во время суда, происходитъ слѣдующая немногосложная махинація.

Я спрашиваю отвѣтчика:

— Это вы выдали векселя?

— Ми, васе вишокоблагородіе.

— Признаете долгъ? можете уплатить его?

— Ну, конецно, прижнаю... а уплатить не могу... Прошу исполнительный листъ.

— Какъ?! вы сами просите выдать, на себя, исполнительный листъ.

— Нѣтъ, ваше в—діе, это не онъ проситъ, а я прошу, перебиваетъ истецъ, а онъ только согласенъ, потому, что онъ честный еврей: хочетъ разсчитаться по закону.

— Такъ точно, васе в—діе, я—цесный еврей и хоцю расситаться: не мàю грошей, но у меня есть домъ... и лавка...

Постановляю нѣсколько однородныхъ рѣшеній о взысканіи «съ честнаго еврея» нѣсколькихъ тысячъ рублей; отвѣтчикъ расписывается,

*

что онъ «доволенъ» рѣшеніемъ, и я выдаю, вскорѣ, исполнительные листы; истецъ живо направляется къ проживающему въ Хмѣльникѣ судебному приставу, молдаванину Г—еу, разговариваетъ съ нимъ «по душѣ»—и живо забираетъ все имущество отвѣтчика въ свои руки. А затѣмъ, спустя нѣкоторое время, поступаетъ на отвѣтчика или какое-нибудь крупное казенное взысканіе, или частные иски довѣрчивыхъ кредиторовъ и оптовыхъ торговцевъ, которые и остаются при пиковомъ интересѣ.

Такимъ-то, вотъ, образомъ, благодаря гласному и скорому суду, евреи обработывали свои темныя дѣлишки, эксплоатируя, безбожно и безъ зазрѣнія совѣсти, именно тотъ самый «законъ», который постановленъ былъ законодателемъ для огражденія правъ и имущества русскихъ гражданъ...

Однажды, мнѣ едва не довелось совершить вопіющую и очень крупную несправедливость, и лишь случайность и предупрежденіе письмоводителя спасли меня отъ окончательнаго совершенія этой несправедливости.

Поступили ко мнѣ, ко взысканію, два домашнихъ векселя на семьсотъ рублей, писанные отъ имени довольно зажиточнаго крестьянина Ярославской губерніи, устроившагося на жительствѣ въ Хмѣльникѣ и имѣвшаго здѣсь огороды и небольшія свекловичныя плантаціи. Векселя были писаны и подписаны имъ самимъ, векселедателемъ, и выданы на имя еврея Б—га, проживавшаго въ Хмѣльникѣ же, но который, однако, былъ извѣстенъ за ловкаго и очень осторожнаго конокрада, т. е. такого, котораго не удалось еще, пока, поймать и изобличить. Ничего не подозрѣвая, я принялъ отъ истца два его прошенія, взыскалъ пошлины, а затѣмъ, пославъ повѣстки, назначилъ и разборъ дѣлъ.

Къ разбору отвѣтчикъ не явился, хотя на обратной повѣсткѣ и сказано было, что второй ея экземпляръ врученъ, за отсутствіемъ изъ дому хозяина, его женѣ, а за нее, неграмотную, расписался мой разсыльный. Я постановилъ заочное рѣшеніе, которымъ присудилъ взыскать съ неявившагося отвѣтчика 700 рублей и послалъ ему копію своего рѣшенія; на второмъ экземплярѣ копіи опять-таки значилось, что она вручена женѣ огородника, такъ какъ его самого вновь не было дома. Уклоненіе отвѣтчиковъ отъ явки на судъ по первой повѣсткѣ, съ цѣлію вызвать заочное рѣшеніе затѣмъ, конечно, чтобы просить потомъ о новомъ разборѣ дѣла, которое, такимъ образомъ, затягивается на лишній, иногда, мѣсяцъ времени, — это было такимъ обыкновеннымъ явленіемъ въ судейской практикѣ по гражданскимъ дѣламъ, что я не придалъ этому обстоятельству никакого значенія и не обратилъ даже на него вниманія. Сталъ истекать, наконецъ, извѣстный срокъ на право подачи заявленія о новомъ разборѣ дѣла, и мое рѣшеніе должно было,

черезъ день, войдти въ законную силу; тогда оставалось бы только выдать исполнительный листъ—и конецъ дѣлу; но, къ счастію, я имѣлъ у себя очень ловкаго и опытнаго письмоводителя, крестьянина Бойчакова, который зналъ всю подноготную въ Хмѣльникѣ и не шелъ ни на какіе подкупы. Наканунѣ срока, поздно вечеромъ, онъ пришелъ ко мнѣ на квартиру и, съ особенною таинственностью, передалъ мнѣ слѣдующее: никакихъ семи-сотъ рублей отвѣтчикъ-огородникъ у конокрада-еврея не занималъ, да и не могъ занять, такъ какъ, у еврея такихъ денегъ никогда не было, а самъ огородникъ—человѣкъ очень не бѣдный и занимать такія деньги не имѣлъ ни нужды, ни надобности; а все дѣло заключается—по полученнымъ свѣдѣніямъ—въ томъ, что одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, отецъ N., занимался, годъ назадъ, обработкою свекловичныхъ плантацій и поставкою на войтовецкій заводъ свекловицы вдвоемъ съ этимъ самымъ огородникомъ, на половинныхъ паяхъ, и они, вслѣдствіе неурожая этого овоща, понесли крупные убытки—около 1,500 рублей; и вотъ, хитроумный «батюшка» рѣшилъ воспользоваться тѣмъ, что огородникъ уѣхалъ, временно, на родину, въ Ярославскую губернію, и подучилъ своего пріятеля и компаньона по нѣкоторымъ дѣламъ составить векселя и предъявить ихъ ко взысканію. Все это Бойчаковъ узналъ лишь часъ назадъ, «по секрету».

Дѣло выходило очень некрасивое, и я хорошо понималъ, что и самъ отчасти виноватъ въ немъ: я положился на подписи своего разсыльнаго, который вручалъ повѣстки безграмотной и ничего не понимающей бабѣ, женѣ огородника, не объясняя ей въ чемъ дѣло и умалчивая предо мной, что отвѣтчикъ совсѣмъ не находится въ Хмѣльникѣ, а проживаетъ временно на родинѣ, за тысячу слишкомъ верстъ, ничего не зная, не вѣдая... Пройди еще одинъ день, я бы выдалъ исполнительный листъ, а очень услужливый въ этихъ случаяхъ судебный приставъ разорилъ бы все солидное хозяйство честнаго мужичка-труженика. Въ концѣ концовъ, виноватаго конечно нашли бы, обвинили бы его въ составленіи подложныхъ векселей и усадили бы въ арестантскія роты (если бы онъ не скрылся); но это уже не помогло бы разоренному огороднику и не избавило бы меня отъ жалобъ въ министерство юстиціи и отъ нѣкоторой отвѣтственности за оплошность... Пораскинувъ умомъ-разумомъ, мы съ письмоводителемъ рѣшили такъ: оттягивать выдачу исполнительнаго листа, подъ всевозможными предлогами, впредь до возвращенія въ Хмѣльникъ самого огородника; а тогда дѣйствовать уже болѣе рѣшительно и энергично, взявши за бока главныхъ механиковъ всего этого предпріятія.

На другой день, едва я вошелъ въ свою камеру, надѣлъ цѣпь и объявилъ пріемъ прошеній и заявленій, какъ къ моему столу подошелъ истецъ-еврей и попросилъ выдать ему исполнительный листъ,

такъ какъ сегодня-де истекаетъ срокъ на подачу огородникомъ заявленія о новомъ разборѣ дѣла.

— Сегодня и я, и моя канцелярія очень заняты; зайди пожалуйста черезъ нѣсколько дней, сказалъ я просителю.

А черезъ нѣсколько дней, къ нашему благополучію, вернулся съ родины огородникъ; жена передала ему «какія-то грамотки» отъ судьи, тотъ пошелъ искать чтеца и, къ изумленію своему и ужасу, узналъ отъ него о производящемся взысканіи... Блѣдный и растерянный пришелъ этотъ мужичекъ въ мою камеру, узналъ, въ чемъ дѣло, да такъ и ахнулъ...

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, какъ могъ я писать и подписывать эти векселя, когда я неграмотенъ!—плакался онъ.

Такимъ образомъ и былъ установленъ несомнѣнный фактъ подлога векселей. А затѣмъ огородникъ разсказалъ мнѣ печальную эпопею совмѣстнаго съ «батющкой» воздѣлыванія свекловичныхъ плантацій, о полученіи крупныхъ убытковъ и нежеланіи его компаніона принять на свою часть половинную потерю въ этомъ дѣлѣ. Священникъ N., вложивши въ дѣло болѣе тысячи рублей своихъ денегъ и получивъ при ликвидаціи и окончательномъ разсчетѣ двѣсти съ чѣмъ-то рублей, призналъ разсчетъ этотъ невѣрнымъ и угрожалъ даже подать въ судъ; но такъ какъ судьи Е., очень благоволившаго къ духовенству, въ Хмѣльникѣ уже не было, и «батюшка», въ душѣ, не могъ не сознавать всей несправедливости своихъ требованій, то и измыслилъ совсѣмъ иную комбинацію—воспользоваться отъѣздомъ огородника изъ Хмѣльника, чтобы, такъ или иначе, воротить свою потерю. Увѣренность свою, что корень всему дѣлу именно «батюшка», огородникъ основывалъ, во-первыхъ, на суммѣ иска, а во-вторыхъ на томъ, что векселя были представлены именно тѣмъ самымъ евреемъ, котораго «батюшка» не разъ присылалъ къ огороднику за деньгами и который былъ вхожъ къ нему въ домъ; а въ-третьихъ, самъ «батюшка» не разъ «грозилъ» мужику и предсказывалъ, что денежки свои онъ съ него все-таки получитъ... Ни я, ни письмоводитель мой не говорили, конечно, ему ни слова о томъ, что мы знали обо всемъ этомъ лучше его. Но главною виновницею всего дѣла напуганный огородникъ считалъ свою жену, которая безъ него такъ охотно принимала повѣстки и бережно ихъ хранила до возвращенія мужа.

— Вѣдь наказалъ же меня Господь такой дурой!—твердилъ бѣднякъ, покачивая головою и безнадежно разводя руками...

Я рѣшилъ пригласить, не медля, въ камеру самого «батюшку», чтобы выяснить наконецъ, насколько были справедливы явныя подозрѣнія огородника, и тотчасъ же послалъ ему самую вѣжливую

записку, прося пожаловать въ камеру всего на нѣсколько минутъ, «по неотложному дѣлу»; по какому именно—я умолчалъ, конечно.

«Батюшка» не заставилъ меня долго ждать и тотчасъ же пришелъ. Такъ какъ въ этотъ день въ камерѣ не было разбора дѣлъ, то публики было очень немного—огородникъ и два-три еврея, ожидавшіе выдачи исполнительныхъ листовъ. Едва N., расчесанный, расфранченный и надушенный, вошелъ въ камеру своею величественною и замедленною походкой и увидѣлъ огородника, какъ тотчасъ же измѣнился въ лицѣ и растерялся...

— Чѣмъ могу служить вамъ, г-нъ судья?—спросилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, любезно со мною раскланиваясь.

Я перешелъ къ дѣлу прямо, безъ всякихъ обиняковъ; взявъ въ руки все «дѣло» и указывая на подшитые въ немъ подложные векселя, я спросилъ:

— Скажите, ради Бога, отецъ N., знакомъ вамъ почеркъ на этихъ векселяхъ или нѣтъ?

Покраснѣвъ еще болѣе, сконфуженный сталъ тщательно вглядываться въ векселя...

— Нѣтъ, не знакомъ,—наконецъ отвѣтилъ онъ твердымъ голосомъ.

— Я позволяю себѣ спрашивать васъ объ этомъ почеркѣ вотъ почему, продолжалъ я:—эти два векселя оказались подложными; они были представлены ко взысканію евреемъ Б—гомъ... Я отправляю все дѣло къ прокурору и желалъ бы облегчить работу будущему слѣдствію—сообщить, кто именно писалъ эти векселя...

По мѣрѣ моихъ откровеній, лицо почтеннаго пастыря дѣлалось то краснымъ, то блѣднымъ, и онъ заговорилъ мягкимъ и нѣжнымъ шепотомъ... Онъ сталъ объяснять мнѣ, что хотя и «не знаетъ» еврея Б—га, но «кое-что слышалъ о немъ...» Но при этомъ считаетъ своимъ долгомъ сообщить мнѣ, что здѣсь, въ Хмѣльникѣ, очень часто случается, что векселя подписываются прямо именемъ неграмотнаго векселедателя, какъ бы имъ самимъ писанные, во избѣжаніе засвидѣтельствованія дѣйствительности выдачи векселя и подписи руки грамотнаго писца, расписывающагося за неграмотнаго, такъ какъ эти засвидѣтельствованія обходятся-де у полицейскаго надзирателя очень не дешево.

Огородникъ сидѣлъ молча и лишь время отъ времени тяжко и громко вздыхалъ; N же совершенно его игнорировалъ и не удостоилъ ни разу даже взглянуть въ сторону своего «врага»...

— Вотъ все это слѣдователь и раскроетъ,—сказалъ я,—принято или не принято въ Хмѣльникѣ составлять подложные векселя...

— А развѣ это дѣло не можетъ быть окончено какъ-нибудь?..—спросилъ меня вполголоса N.

— Очень легко,—отвѣчалъ я,—стоитъ только истцу явиться въ мою камеру и формально заявить, что онъ прекращаетъ навсегда взысканіе по своимъ векселямъ—ну хоть за удовлетвореніемъ иска. Я приму это заявленіе, перечеркну векселя—и конецъ дѣлу. Вѣдь вы, немножко знакомы, кажется, съ Б—гомъ?

— Гм... да... очень немного; я купилъ у него какъ-то лошадей.

— Вотъ и посовѣтуйте ему, въ самомъ дѣлѣ, отказаться отъ своего неудавшагося покушенія; вы окажете большую услугу ему и маленькую—мнѣ, избавивъ его отъ арестантскихъ ротъ, а меня—отъ дальнѣйшихъ хлопотъ съ этимъ непріятнымъ дѣломъ.

— Хорошо-съ, если увижу его, то передамъ. А почему вы обратились именно ко мнѣ?—спросилъ N., пристально вглядываясь въ меня.

Я ожидалъ этого вопроса.

— Я потому именно обратился къ вамъ,—отвѣчалъ я,—что вы старожилъ Хмѣльника, часто ведете дѣла своей довѣрительницы г-жи Ч—ской и болѣе или менѣе знакомы съ почерками здѣшнихъ «писателей»...

Онъ выслушалъ меня, лукаво и недовѣрчиво улыбнулся и вышелъ.

Не болѣе часа спустя, когда я еще сидѣлъ въ камерѣ и занимался обычными составленіями рѣшеній и приговоровъ въ окончательной формѣ, по разсмотрѣннымъ ранѣе дѣламъ, ко мнѣ явился истецъ, еврей Б—гъ, и сдѣлалъ заявленіе о прекращеніи своего иска «вслѣдствіе полнаго удовлетворенія...»

Въ тотъ же день я прогналъ своего разсыльнаго, и «дѣло» окончилось безъ всякихъ дальнѣйшихъ непріятностей и хлопотъ.

VII.

Очистительная присяга въ еврейской синагогѣ.—Невыгорѣвшее дѣло вдовы-маіорши.—Таинственное вечернее посѣщеніе молодой еврейки.—Ея вопіющее дѣло.—Рѣшеніе этого дѣла евреями.—Монтекки и Капулетти города Хмѣльника.—Синедріонъ въ моей квартирѣ.—Нѣсколько теплыхъ словъ объ евреяхъ вообще.

Къ сожалѣнію, я не могъ помочь злосчастной маіоршѣ, подавшей мнѣ прошеніе о приведеніи къ очистительной присягѣ ея должника, очень набожнаго еврея-портнаго; онъ спокойно принялъ присягу, что былъ долженъ маіоршѣ такую-то сумму по домашнему векселю, но что долгъ свой давно уплатилъ ей и вексель получилъ обратно, кото-

рый и уничтожилъ. Съ присягой этой много было возни и для меня: я долженъ былъ облачаться въ мундиръ, идти въ синагогу и тамъ присутствовать при религіозномъ обрядѣ, происходящемъ на еврейскомъ языкѣ, въ которомъ я не понималъ ни одного слова. Я сознавалъ, что мое положеніе было нелѣпо, и это еще болѣе усиливало тяжесть испытываемаго мною чувства... Прошу читателя вообразить себѣ, во-первыхъ, еврейскаго раввина въ полной формѣ; затѣмъ внутренность мрачнаго зданія еврейской синагоги, множество посторонняго народа (исключая женщинъ) и приводимаго къ присягѣ еврея Z., одѣтаго, подобно мертвецу, въ бѣлый саванъ, стоящаго съ зажженною свѣчею въ рукахъ и произносящаго, вслѣдъ за раввиномъ, какія-то заклинанія на еврейскомъ языкѣ... А тутъ же, въ видѣ декораціи, мироваго судью въ мундирѣ, съ знакомъ на шеѣ, присутствующаго «по обязанности службы...» Напрасно я, еще до привода къ присягѣ, во время предварительной переписки по этой церемоніи, просилъ раввина доставить мнѣ русскій переводъ еврейской очистительной присяги; онъ мнѣ отвѣтилъ, что «таковаго перевода не имѣетъ и не находитъ для себя обязательнымъ дѣлать его, такъ какъ не имѣетъ свободнаго времени для этого труда...» Во время обряда я лишь старался, скуки ради, наблюдать физіономію присягавшаго, потому что въ душѣ былъ крѣпко увѣренъ въ томъ, что торговецъ-еврей былъ долженъ маіоршѣ, но узнавъ о пропажѣ его векселя, не пожелалъ, какъ и другіе должники, заплатить свой долгъ; лицо торговца было хотя очень серьезное, но, совершенно спокойное; почтенный раввинъ также отправлялъ свою обязанность не спѣша, торжественно и серьезно...

Меня увѣряли потомъ, что вся эта еврейская присяга не болѣе, какъ комедія, что у евреевъ-талмудистовъ, допускающихъ у себя такую массу мелкихъ формальностей при своихъ религіозныхъ обрядахъ и отправленіяхъ, присяга эта обращается въ н и ч т о; стоитъ лишь, будто бы, присягавшему, вслѣдъ за словами раввина, повторяемыми громко, произносить про себя какія-то другія слова, служащія, такъ-сказать, контръ-присягою, да еще надо, будто бы, имѣть въ карманѣ въ это время головку чесноку — тогда всѣ слова клятвы не дѣйствительны. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли меня нѣкоторые изъ чиновниковъ, давнихъ мѣстныхъ жителей Хмѣльника; впрочемъ, я этому не совсѣмъ-то вѣрю, въ особенности символизму съ чеснокомъ, и лишь привожу здѣсь то, что слышалъ.

Когда я возвратился въ камеру изъ еврейской синагоги и объявилъ маіоршѣ о печальныхъ результатахъ присяги, она громко и горько заплакала, призывая на евреевъ, ограбившихъ ее, всевозможныя бѣдствія и угрожая «подавать» свои жалобы еще куда-то... Я впрочемъ далъ ей тогда же добрый совѣтъ: не слушать болѣе никакихъ адвока-

товъ и не «подавать» никуда никакихъ прошеній по своимъ погибшимъ искамъ. Не знаю, насколько она послѣдовала моему совѣту, но въ моей камерѣ, по крайней мѣрѣ, эта несчастная и эксцентричная женщина болѣе не появлялась, равно какъ долго не появлялся и ея адвокатъ Баранчикъ.

Такъ какъ, по закону, просьбы приносятся мировымъ судьямъ вездѣ и во всякое время,—какъ письменныя, такъ и словесныя,—то я былъ иногда атаковываемъ и у себя на квартирѣ, и при возвращеніи съ купанья въ рѣкѣ Бугѣ, и даже по дорогѣ изъ засѣданій съѣзда, изъ Литина въ Хмѣльникъ.

Однажды, въ позднія сумерки, ко мнѣ въ квартиру пришла молодая еврейка и, пугливо оглядываясь по сторонамъ, просила меня со слезами на глазахъ, принять отъ нея словесную жалобу, заключающуюся въ слѣдующемъ.

Она еще въ дѣтствѣ потеряла своихъ родителей и осталась круглою сиротою; родители оставили ей двѣ тысячи рублей деньгами и какую-то лавочку. Къ ней назначили опекуновъ; и вотъ полгода тому назадъ она была выдана своими опекунами, насильно, замужъ за одного хмѣльникскаго еврея, стараго и богатаго вдовца, имѣвшаго отъ первой жены дѣтей, которыя были много старше ея. На первыхъ же порахъ замужняя жизнь молодой женщины стала, вслѣдствіе различныхъ причинъ, тяжелою и невыносимою, и она рѣшила бѣжать отъ мужа къ дядѣ, торгующему въ Житомірѣ; побѣгъ ей удался, и она начала, черезъ дядю, хлопотать о возвращеніи отъ немилаго мужа ея приданаго. Такъ какъ всѣ эти хлопоты велись чрезъ обычный гражданскій еврейскій судъ, то-есть чрезъ общественныхъ раввиновъ [1]), то дѣло это и затянулось надолго; дядя ея ѣздилъ въ Хмѣльникъ, а мужъ въ Житоміръ, съѣзжались между собою раввины, сходились для обсужденія дѣла достопочтенные старцы и никакъ не могли порѣшить этого казуснаго матримоніальнаго дѣла; мужъ соглашался возвратить женѣ все ея приданое, но лишь подъ условіемъ, чтобъ она окончила годъ совмѣстнаго съ нимъ сожительства, въ разсчетѣ, что она будетъ имѣть ребенка,

---

[1]) Вездѣ, гдѣ существуютъ въ Россіи евреи en masse, у нихъ есть кагалъ и имѣются двоякаго сорта раввины: „казенные", которые обладаютъ нѣкоторымъ образованіемъ и назначаются властями, и „общественные", избираемые самими евреями, т. е. кагаломъ. Первые не имѣютъ почти никакого вліянія на массу, уподобляются людямъ, сидящимъ между двумя стульями, и служатъ лишь для оффиціальнаго представительства; вторые же пользуются у евреевъ огромнымъ вліяніемъ и очень часто исполняютъ обязанности не только раввина, но и судьи, разрѣшая между евреями безапелляціонно не только всѣ семейные споры и дѣла, но и часто гражданскіе иски.

и тогда сама не захочетъ развода; а жена никоимъ образомъ не хотѣла возвратиться не только къ мужу, но даже и вообще въ Хмѣльникъ—изъ боязни еврейской мести за побѣгъ отъ мужа; видя же, что ей ничего добромъ не добиться, она имѣла неосторожность высказать однажды роднѣ мужа, пріѣзжавшей ее уговаривать, что если евреи ее «обидятъ», то она уйдетъ къ «гоямъ», то-есть приметъ христіанство... Евреи, конечно, переполошились, и имъ наконецъ какъ-то удалось уговорить молодую женщину, чтобы она пріѣхала лично въ Хмѣльникъ за полученіемъ отъ мужа своего носильнаго приданаго, заключающагося въ бѣльѣ и платьѣ, которыя онъ пожелалъ возвратить ей; та пріѣхала, получила все это и, несмотря на уговоры и просьбы мужа, ушла ночевать къ своей дальней родственницѣ, еврейкѣ же. Но едва она легла въ постель и уснула, какъ служанка родственницы вылила ей, какъ бы нечаянно, на нижнюю часть живота, горшокъ съ горячимъ супомъ, который она хотѣла, будто бы, поставить на окно, около котораго легла спать несчастная... Та, конечно, вскочила и имѣла еще силы выбѣжать на улицу и закричать... Набѣжали евреи, христіане и, увидѣвъ лежащую на улицѣ безъ сознанія молодую женщину, и узнавъ, въ чемъ дѣло, подняли ее, уложили въ кровать и позвали врача... Бѣдняжка промучилась очень долго, но кое-какъ все-таки спаслась отъ смерти. Власти, то-есть полицейскій надзиратель Шав-скій и его «другъ дома», судебный слѣдователь, начали, по собственной инициативѣ, «дѣло», такъ какъ подозрѣніе падало на довольно богатаго еврея, мужа потерпѣвшей, и можно было разсчитывать на хорошій «заработокъ...» Конечно, «дѣло» было вскорѣ прекращено, такъ какъ подтвердилась-де несчастная неосторожность служанки... Бѣдная же и изуродованная молодая женщина пролѣчила и прожила все свое имущественное приданое, только-что полученное отъ мужа, и осталась теперь безъ всякихъ средствъ и вдобавокъ безъ вида на жительство. Пришла она ко мнѣ просить, во-первыхъ, истребовать для нея отъ мужа какой-нибудь «видъ», такъ какъ ее однажды хотѣли арестовать въ Житомірѣ «за безписьменность»; а во-вторыхъ,—просить взыскать съ мужа хотя пятьсотъ рублей въ счетъ тѣхъ двухъ тысячъ, которыя онъ получилъ въ приданое за нею отъ ея опекуновъ наличными деньгами. Вмѣстѣ съ тѣмъ несчастная женщина пришла мнѣ заявить, что если съ нею, пока она живетъ въ Хмѣльникѣ, случится какое-нибудь новое несчастье, то единственнымъ виновникомъ этого будетъ никто иной, какъ ея мужъ, который, по ея словамъ, охотно вновь готовъ заплатить властямъ—ея же деньгами—за новое свое преступленіе, чтобы только такъ или иначе, но изжить жену, отвергшую его и требующую обратно свои приданыя деньги.

Выслушавъ такое заявленіе, я тотчасъ же пригласилъ къ себѣ по-

лицейскаго надзирателя, попросилъ еврейку повторить свое заявленіе, и затѣмъ, въ его же присутствіи, занесъ на бумагу все намъ заявленное и далъ, на всякій случай, надзирателю подписать все это.

На другой день, едва я проснулся и успѣлъ напиться чаю, какъ ко мнѣ, одинъ по одному, явилось нѣсколько самыхъ почтенныхъ еврейскихъ мужей города Хмѣльника, которыхъ я зналъ съ хорошей стороны и съ которыми былъ уже немножко знакомъ. Они явились съ просьбою оставить вчерашнее заявленіе еврейки безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ она, по ихъ словамъ, была и воровкою, и развратною и очень злою женщиною... Я, знакомый уже съ еврейскою массовою несправедливостью въ подобныхъ случаяхъ и фанатическою ихъ ненавистью, сталъ въ свою очередь уговаривать ихъ быть хотя немного справедливыми къ ихъ «жертвѣ», едва уже не поплатившейся жизнью за свою неосторожную и необдуманную угрозу принять христіанство...

Но евреи дѣлали видъ, что это обстоятельство ихъ нисколько не тревожитъ—приметъ она христіанство или останется еврейкой. Я же хорошо понималъ, что вся суть дѣла заключается для собравшихся евреевъ именно въ томъ, чтобы не допустить несчастную выбраться изъ Хмѣльника,—и затѣмъ или свести ее съ мужемъ, или же развести и выдать вновь за еврея, а потому прямо спросилъ синедріонъ:

— Если это васъ, господа, такъ мало интересуетъ—приметъ она христіанство или не приметъ, то ради чего вы всѣ такъ безпокоитесь и зачѣмъ именно пришли ко мнѣ? Неужели за тѣмъ только, чтобы очернить ее въ моихъ глазахъ?

— Она и вправду развратная и воровка!—отвѣтили мнѣ евреи.

— Но вѣдь мнѣ до ея нравственности нѣтъ никакого дѣла; она вчера пришла ко мнѣ, какъ просительница къ мировому судьѣ, и я настолько именно принимаю въ ней участія, насколько обязываетъ меня къ тому законъ.

Евреи внимательно выслушали меня и попросили позволенія переговорить между собою на еврейскомъ языкѣ. Я охотно согласился и даже вышелъ изъ своей маленькой столовой, гдѣ принималъ гостей, въ сосѣднюю комнату, служившую мнѣ кабинетомъ и спальней. Совѣщаніе длилось добрые полчаса; евреи спорили, шумѣли, сердились, упоминая то-и-дѣло имя несчастной еврейки и ея мужа и слово «законъ»... Наконецъ шумъ стихъ; я вышелъ къ евреямъ и узналъ, къ крайнему моему удовольствію, что они, будучи уполномочены заранѣе мужемъ еврейки, рѣшили, что она получитъ триста рублей деньгами и временный «видъ» отъ своего мужа съ тѣмъ, чтобы дала клятву вести себя «честно» (въ переводѣ это означало: не оставлять вѣры отцовъ своихъ), и чтобы тотчасъ же выѣхала изъ Хмѣльника въ сопровожденіи родственницы своей прямо къ дядѣ въ Житоміръ; если же потомъ, по по-

лученіи развода, выйдетъ вновь замужъ за еврея, то получитъ отъ своего перваго мужа всѣ «остальныя», слѣдуемыя ей деньги.

— Но согласится ли еврейка на вашъ приговоръ?—спросилъ я,— я не прекращу дѣла, пока не буду убѣжденъ въ этомъ.

— Будьте покойны!—отвѣчали мнѣ,—она сама придетъ къ вамъ и подастъ прошеніе, чтобы вы не безпокоились больше.

На другой день, когда я сидѣлъ въ камерѣ и разбиралъ дѣла, ко мнѣ вошла эта молодая женщина съ повеселѣвшимъ уже лицомъ и подала мнѣ письменное прошеніе о прекращеніи ея «дѣла». Прошеніе было подписано ея рукою по-еврейски, а переводъ подписи сдѣланъ былъ раввиномъ и засвидѣтельствованъ установленнымъ порядкомъ.

За время моей службы судьею въ Хмѣльникѣ, былъ и еще одинъ случай, когда обсужденіе дѣла происходило тоже въ моей квартирѣ и также въ присутствіи многихъ вліятельныхъ и почтенныхъ евреевъ города. Дѣло это, тоже довольно характерное и интересное, заключалось въ слѣдующемъ.

Ко мнѣ то-и-дѣло стали поступать самыя кляузныя прошенія евреевъ фамиліи Э—зоновъ на содержателей коробочнаго сбора съ евреемъ П—лисомъ во главѣ и обратно—евреевъ партіи П—лиса на Э—зона. Не было, кажется, ни одного проступка въ сферѣ компетенціи судьи, въ которомъ бы обѣ стороны не обвиняли другъ друга: клевета, оскорбленіе словами и дѣйствіемъ, обвиненія въ различныхъ угрозахъ, въ развратномъ поведеніи и пр. и пр... Фундаментомъ ярой и непримиримой ненависти между этими двумя враждующими партіями послужилъ такъ-называемый еврейскій коробочный сборъ—исключительное право рѣзать скотъ и продавать мясо,—право, дающее, какъ извѣстно, очень большіе доходы его содержателямъ. Вначалѣ этотъ «сборъ» принадлежалъ партіи купца Э., съ нимъ во главѣ; затѣмъ партія купца П. получила въ кагалѣ перевѣсъ—и евреи оставили монополію мясной торговли за нею. Представителями той и другой партіи были очень почтенные и хорошіе евреи—купцы, заслуживавшіе, по своей безупречной жизни, по своимъ лѣтамъ и положенію въ обществѣ, полное уваженіе. Между прочимъ мнѣ было извѣстно, что нѣкоторые вліятельные хмѣльникскіе евреи, съ общественнымъ раввиномъ во главѣ, пытались-было примирить эти двѣ враждующія партіи, но успѣха не имѣли; повторилась лишь извѣстная исторія, такъ талантливо изображенная безсмертнымъ Гоголемъ въ его «ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ». Дѣло примиренія совсѣмъ уже, казалось, приходило къ концу, какъ на сцену выступилъ «гусакъ»—и стороны разошлись съ новою, еще сильнѣйшею враждою другъ къ другу, такъ что наконецъ раввинъ умылъ руки въ этомъ дѣлѣ. И вотъ, по совѣту моего сосѣда по квартирѣ, почтеннаго еврея купца К—ера, я рѣшилъ

попытаться примирить эти двѣ враждебныя партіи, донявшія меня своими взаимными тяжбами и жалобами. Послѣ одного поданнаго мнѣ жестокаго прошенія, въ которомъ содержатели коробочнаго сбора обвинялись въ убоѣ завѣдомо больнаго и зараженнаго скота, для продажи этого мяса христіанамъ, я пригласилъ къ себѣ, вечеркомъ, «на чай», двухъ главныхъ враговъ и нѣсколькихъ евреевъ-старпковъ, пользовавшихся всеобщимъ въ городѣ почетомъ: мануфактуриста Л—ца, сосѣда моего Тевія К—ера и еще кое-кого, имена которыхъ тогда не записалъ, а теперь забылъ... Всѣ приглашенные пришли на зовъ; я усадилъ ихъ въ моей столовой, приказалъ подавать чай, усѣлся съ ними вмѣстѣ и завелъ пока рѣчь о совершенно постороннихъ предметахъ... Но едва мы приступили къ чаепитію, какъ мой разсыльный Андрей сталъ то-и-дѣло подходить ко мнѣ и докладывать, что еще пришли такіе-то и такіе-то евреи и просятъ позволенія войти; я охотно, конечно, разрѣшалъ имъ это—и они входили въ столовую, чинно раскланивались со мною и съ моими гостями, извинялись, что побезпокоили, и просили позволенія принять участіе въ «общемъ собраніи» своихъ единовѣрцевъ. Такимъ образомъ собралось у меня болѣе тридцати человѣкъ торговой еврейской интеллигенціи города Хмѣльника, и у меня не хватило чайныхъ стакановъ, и я вынужденъ былъ послать за ними къ сосѣду, судебному слѣдователю. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что мои гости вели себя очень прилично и настолько деликатно, что, зная, что я человѣкъ не курящій, никто изъ нихъ не позволилъ себѣ даже закурить папиросы; только «враги» не разговаривали между собою и даже не хотѣли сидѣть рядомъ.

Наконецъ, когда прибытіе новыхъ гостей уже прекратилось, я издалека завелъ рѣчь на извѣстную тему—о томъ, что вражда до добра не доводитъ, и потомъ постепенно перешелъ на дѣйствительную цѣль почтеннаго собранія: примирить бывшихъ арендаторовъ коробочнаго сбора съ настоящими.

— Я не прочь помириться,—сказалъ старый Э.,—если только они (и онъ пренебрежительно ткнулъ пальцемъ въ сторону своего главнаго врага, П—лиса) уплатятъ намъ тѣ убытки, которые мы понесли тогда, когда они «перехватили» у насъ коробочный сборъ: мы закупили ранѣе скотъ и потомъ вынуждены были продать его въ убытокъ.

— И я также примириться не прочь,—отвѣчалъ П., если они (тотъ-же презрительный кивокъ въ сторону врага) возвратятъ намъ всѣ тѣ убытки, которые мы терпимъ по ихъ милости: они умышленно поднимаютъ на базарахъ цѣну на скотъ, дѣлаютъ на насъ доносы, что мы, будто-бы, рѣжемъ больную скотину, для продажи мяса ея христіанамъ.

— А развѣ это не правда?—живо перебилъ Э—зонъ:—кто заплатилъ на той недѣлѣ полицейскому надзирателю пятнадцать рублей, чтобы

онъ дозволилъ вамъ содрать кожи съ околѣвшихъ отъ заразы быковъ и прирѣзать больныхъ?

И пошли писать!... Съ русскаго языка перешли сначала, изъ деликатности передо мною, на польскій, а затѣмъ уже и на еврейскій языкъ,—и въ моей столовой начался такой шумъ и гвалтъ, какой иногда слышалъ я въ пятницу вечеромъ, въ синагогѣ, когда приходилось идти мимо. Напрасно нѣкоторые миротворцы вставали съ мѣстъ, поднимали указательный палецъ правой руки къ верху и, тряся имъ въ воздухѣ, унимали спорящихъ отрывочными восклицаніями: «Ша! ша!! ша!!!.» А я сидѣлъ и молча попивалъ чаекъ, наблюдая эту новую для меня картину, терпѣливо слушая весь этотъ гамъ и не мѣшая имъ высказаться и наговориться вдоволь...

Наконецъ, когда всѣ взаимные попреки были, повидимому, выложены, я счелъ возможнымъ заговорить съ своей стороны: прежде всего я попросилъ своихъ гостей не говорить болѣе на еврейскомъ языкѣ, котораго я не понималъ, а между тѣмъ мнѣ надо было узнать всѣ подробности ихъ дѣла, для котораго я ихъ и собралъ.

Евреи тотчасъ же извинились, что увлеклись, говорили на своемъ жаргонѣ.

— Если вамъ трудно говорить по-русски, то говорите по-польски,—посовѣтовалъ я:—въ своей камерѣ я не допускаю этого, а здѣсь—можно, такъ какъ я понимаю этотъ языкъ.

— Нѣтъ, мы будемъ говорить по русски!—отвѣчали евреи въ одинъ голосъ:—а если будемъ говорить плохо, то господинъ судья насъ извинитъ...

Затѣмъ началось подробное и общее изложеніе дѣла: сначала высказались старые арендаторы коробочнаго сбора, а потомъ новые. Я сталъ наскоро, карандашомъ, записывать пункты обвиненій и убытковъ. Тогда и «враги» быстро достали изъ боковыхъ кармановъ записныя книжки и карандаши и начали излагать свои претензіи въ опредѣленныхъ цифрахъ и въ многочисленныхъ пунктахъ обвиненій. Я не излагаю здѣсь всего дѣла въ его подробностяхъ, такъ какъ это, полагаю, не можетъ особенно интересовать читателей; я лишь упоминаю обо всемъ этомъ дѣлѣ въ виду его крайней исключительности и бытовой характерности, а также и потому еще, что мнѣ тогда удалось-таки кое-какъ, при помощи, главнымъ образомъ, остальныхъ почтенныхъ евреевъ, примирить на время враждующія стороны и уговорить ихъ согласиться взять назадъ изъ моей камеры всѣ свои кляузныя прошенія. Какъ только мы пришли къ этому результату, я предложилъ представителямъ двухъ враждующихъ партій подать другъ-другу руки, что̀ и было исполнено: добрякомъ П. очень охотно, а со стороны сѣдого какъ лунь и почтеннаго Э.—съ нѣкоторымъ упорствомъ и подталкиваніями сзади, точь-

въ-точь какъ въ названномъ выше разсказѣ Гоголя... Тѣмъ тогда и закончилось это памятное для меня «общее собраніе».

На другой день въ мою камеру явились жалобщики и сдѣлали словесное заявленіе о прекращеніи всѣхъ начатыхъ ими враждебныхъ и кляузныхъ дѣлъ.

Съ того времени прошло почти 20 лѣтъ; но я и до сихъ поръ вспоминаю объ этомъ негласномъ засѣданіи мироваго суда съ особеннымъ удовольствіемъ, которое, говоря правду, такъ рѣдко выпадало на долю моей судебной дѣятельности; точно также мнѣ пріятно вспомнить и о многихъ изъ бывшихъ у меня въ то время въ гостяхъ евреяхъ, между которыми встрѣчались люди съ безупречною честностью и съ добрымъ сердцемъ. Евреи, въ массѣ своей, народъ невыносимый, но въ частности и въ отдѣльности я встрѣчалъ между ними прекрасныя и свѣтлыя личности—и въ Хмѣльникѣ, и раньше, когда служилъ въ сѣверо-западномъ краѣ мировымъ посредникомъ, и позже—когда служилъ въ Ковнѣ и въ Вильнѣ предсѣдателемъ отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка. Главную отличительную, добрую черту еврейской расы составляетъ чистота ихъ семейной жизни, любовь къ семьѣ и къ своимъ дѣтямъ, отсутствіе разгуловъ и пьянства—т. е. такая жизнь, какую возможно встрѣтить у насъ развѣ только у однихъ нѣмецкихъ пасторовъ. Затѣмъ, евреи имѣютъ и еще одну добрую, характерную черту, которая, къ сожалѣнію, отсутствуетъ у насъ, русскихъ: они, какъ и поляки же, никогда не забываютъ малѣйшаго добра, имъ оказаннаго. Это я испыталъ на себѣ самомъ. Въ сущности, собирая къ себѣ въ квартиру евреевъ по вышеразсказанному дѣлу, я желалъ только избавить себя отъ нѣсколькихъ десятковъ кляузныхъ дѣлъ въ году, которыя мнѣ довелось бы разбирать въ своей камерѣ; между тѣмъ, евреи ставили это мое приглашеніе на «негласный судъ» очень высоко и считали себя, почему-то, обязанными мнѣ; и когда впослѣдствіи со мною случилось въ Хмѣльникѣ одно большое несчастіе,—евреи, а послѣ и поляки, явились единственными лицами, принявшими теплое участіе въ моемъ бѣдствіи. Это было, впрочемъ, въ концѣ моей службы судьею. Послѣ-же описаннаго «общаго собранія» у меня установились съ хмѣльникскими евреями настолько добрыя отношенія, что я, напримѣръ, сталъ освобождать изъ-подъ предварительнаго ареста, на время еврейскихъ праздниковъ, всѣхъ евреевъ, мною арестованныхъ (преимущественно, за конокрадство); освобождалъ я ихъ, конечно, внѣ правилъ, на «честное слово» тѣхъ почтенныхъ лицъ, евреевъ же, которые приходили ко мнѣ ходатайствовать за своихъ единовѣрцевъ,—и у меня не было случая, чтобы освобожденные такимъ образомъ евреи не являлись бы подъ арестъ сами, добровольно, по окончаніи своихъ праздниковъ. Весь секретъ моихъ добрыхъ отношеній съ евреями, во время моего судейства,

заключался въ томъ, что я зналъ ихъ хорошо. Такъ, напримѣръ пригласи я ихъ, для примиренія, не въ свою квартиру, а въ камеру, то изъ этого ровно бы ничего не вышло: достаточно бы было только присутствія двухъ-трехъ постороннихъ лицъ,—хотя-бы моего письмоводителя и еще кого-нибудь изъ публики,—и все бы пошло прахомъ, и стороны не пришли бы ни къ какому соглашенію.

Къ сожалѣнію, обѣ враждующія стороны прекратили, впослѣдствіи, перемиріе и открыли другъ противъ друга вновь непріязненныя дѣйствія; но я въ это время уже не служилъ мировымъ судьею и ничего, поэтому, не могъ подѣлать.

VIII.

„Bêtes noires“ моей камеры.—Отставной поручикъ Б—ичъ.—Война священника съ своими сосѣдями.—Избитый фельдфебель.—Мое письмо къ подольскому архіерею.—Духовное слѣдствіе и его неожиданные результаты.—Семинаристъ-атеистъ, готовящійся въ священники. — Сравнительная параллель бѣлорусскаго духовенства съ подольскимъ.

Каждый мировой судья имѣетъ по нѣскольку особыхъ существъ, такъ сказать bêtes noires мировыхъ судебныхъ камеръ, которыя по мѣрѣ своихъ силъ, нахальства и умѣнья отравляютъ его существованіе. Въ Петербургѣ эти роли занимаютъ кляузники-адвокаты, завсегдатаи портерныхъ и грязныхъ трактировъ; въ глуши Россіи—кулаки Разуваевы, эксплоатирующіе мужика и постоянно съ нимъ судящіеся; а здѣсь, въ Хмѣльникѣ, моими мучителями были: управляющій графа Л—ова, отставной армейскій поручикъ Б—ичъ и пара «батюшекъ».

У Б—ича постоянно были какія-нибудь нехорошія дѣла: то онъ обманывалъ кого-нибудь при продажѣ лошадей, торговля которыми была его спеціальностью, то его обманывали на томъ-же товарѣ;—въ томъ и другомъ случаѣ мнѣ постоянно приходилось разбирать эти мелкія плутовскія дѣла, отдавая имъ значительную часть времени, такъ какъ подобныя разбирательства сопровождались всегда опросомъ многочисленныхъ свидѣтелей. Затѣмъ, этотъ Б—ичъ, занимаясь каждымъ лѣтомъ воздѣлываніемъ свекловичныхъ плантацій и поставкою свеклы на Войтовецкій сахарный заводъ, имѣлъ въ это время постоянныя «недоразумѣнія» съ рабочими, въ особенности съ женщинами: при разсчетѣ, жена Б—ича безбожно ихъ обсчитывала, а когда онѣ начинали роптать и шумѣть, на сцену являлся мужъ, срывалъ съ нихъ головныя платки и

поколачивалъ ихъ. Всѣ эти дѣла Б—ича и самая его личность, напоминающая Ноздрева, постоянно и сильно мучили меня и возмущали.

«Батюшки» тоже донимали меня жестоко. У священника Х—цкаго, какъ только началось лѣто, то начались и исторіи, и дѣла, большинство которыхъ состояло въ слѣдующемъ: онъ имѣлъ отъ общества, при церковномъ домѣ, громадный огородъ, но по своей безпечности и нерадѣнію не желалъ сдѣлать вокругъ него надлежащихъ загородей и плетней, и къ нему въ огородъ попадали то-и-дѣло, прямо съ улицы, сосѣдскія коровы, лошади, свиньи, куры; «батюшка» тотчасъ же ихъ ловилъ и загонялъ въ хлѣвъ, а затѣмъ бралъ совершенно произвольную контрибуцію съ хозяевъ захваченныхъ имъ животныхъ; многіе платили, хотя и съ ропотомъ и бранью, большинство же шло ко мнѣ въ камеру съ жалобами, и мнѣ по всѣмъ этимъ дѣламъ приходилось прибѣгать къ ускоренному судопроизводству, такъ какъ всѣхъ, взятыхъ въ полонъ, животныхъ Х—цкій умышленно не кормилъ и не поилъ въ надеждѣ, что хозяева пожелаютъ скорѣе ихъ выкупить. Интересна была при этомъ слѣдующая черта: когда сосѣди, въ свою очередь, ловили у себя на огородахъ и загоняли животныхъ, принадлежащихъ Х—чу, то онъ, призвавъ къ себѣ всю свою свиту, шелъ въ тотъ дворъ, гдѣ были загнаны его животныя, и уводилъ ихъ силою, не уплачивая за потравы ни копейки. Если же хозяева, у которыхъ былъ потравленъ огородъ, оказывали ему сопротивленіе, то онъ пускалъ въ ходъ свой пастырскій посохъ,—и побѣда, такимъ образомъ, оказывалась на его сторонѣ, а потерпѣвшіе и побитые обращались, конечно, опять-таки въ мою камеру. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, впрочемъ, мнѣ приходилось ограничиваться лишь разсмотрѣніемъ и удовлетвореніемъ только гражданскихъ исковъ потерпѣвшихъ, потому что дѣла по уголовнымъ обвиненіямъ духовенства находились тогда — какъ они находятся и теперь — внѣ компетенціи мировыхъ судей. По этому поводу въ моей камерѣ происходили, иногда, выходки, возмущающія душу. Разбиралось, напримѣръ, однажды дѣло о потравѣ двухъ грядокъ капусты на огородѣ отставнаго фельдфебеля, раненнаго, имѣвшаго солдатскій Георгіевскій крестъ и нѣсколько медалей. У моего судейскаго стола стоитъ старый воинъ, съ подбитымъ глазомъ и подвязанной щекой, и даетъ свои обычныя объясненія:

— Они, «батюшка» то-есть, загоняли, ранѣе, нѣсколько разъ и лошадку мою, и коровку, и я всякій разъ платилъ имъ штрафъ, и мнѣ было очень обидно, потому что штрафъ былъ всегда большой—по рублю.... Ну, вотъ, значитъ, и ихняя коровка попала какъ-то на мой огородъ,— и я ее тоже загналъ и послалъ сказать имъ, чтобы тоже прислали штрафъ—рубль, за капусту.... А «батюшка», значитъ, взяли сейчасъ съ собой дьячка и двухъ сторожей – церковнаго и изъ школки—и идутъ

ко мнѣ на дворъ, и прямо къ сараю, гдѣ была ихъ коровка... Я ихъ не сталъ пущать въ сарай, говорю: «заплатите сначала штрафъ!...» А батюшка меня выругали не по хорошему.... и сейчасъ-же взяли меня за грудки и дали по-уху.... Я закричалъ «караулъ», а они меня разъ!— костылемъ по головѣ.... Я упалъ, и у меня полила кровь изъ носу...

Надо знать, что во время этого разсказа Х—цкій преспокойно сидѣлъ въ мѣстахъ для публики,—какъ онъ дѣлалъ постоянно: когда я его вызываю, то онъ умышленно находится въ сѣняхъ камеры, или на дворѣ, и входитъ лишь тогда, когда дѣло уже начато, и я, слѣдовательно, разбираю его въ отсутствіе отвѣтчика, и у меня, такимъ образомъ, является заочное рѣшеніе; а Х—му, если только его дѣло серьезное или крупное, только это и нужно—чтобы потомъ, для оттяжки, просить о новомъ разборѣ... Такъ было и въ этотъ разъ: едва только старикъ-фельдфебель сказалъ: «я упалъ, и у меня полила кровь изъ носу», какъ Х—цкій поднялся съ своего мѣста и хладнокровно проговорилъ:

— Да, я его ударилъ; но это не подлежитъ вашему обсужденію, г. судья!

Эти слова, сильно возмутили меня, и я ему замѣтилъ:

— Я вамъ дѣлаю замѣчаніе за вашу неумѣстную фразу и прошу не прерывать меня во время разбора дѣла, тѣмъ болѣе, что вы не пожелали въ немъ участвовать.

— Это уже мое дѣло!—отвѣтилъ Х—й.

Я прервалъ на минутку разборъ дѣла и оштрафовалъ «батюшку» на три рубля за его выходки; затѣмъ, окончивъ разборъ, приговорилъ Х—цкаго къ уплатѣ фельдфебелю убытковъ за потравленную капусту. О самоуправствѣ же его и причиненныхъ побояхъ я, конечно, сужденія не имѣлъ и указалъ лишь потерпѣвшему тотъ законный путь, по которому онъ долженъ былъ направить свою жалобу.

Нечего и говорить, что по всѣмъ моимъ рѣшеніямъ Х—цкій подавалъ въ съѣздъ и апелляціонныя и—по небольшимъ дѣламъ—кассаціонныя жалобы, и страшно, конечно, надоѣдалъ всему съѣзду, еще болѣе потому, что онъ велъ всегда свои дѣла самъ, лично, не довѣряясь адвокатамъ, и являлся на съѣздъ съ заготовленными заранѣе, длиннѣйшими написанными рѣчами, которыя онъ, потомъ, и читалъ съ роздыхами и перерывами, ссылаясь на усталость и одышку....

— Не легко вамъ живется въ Хмѣльникѣ, говорилъ мнѣ однажды, на съѣздѣ, присяжный повѣренный Котляровъ, давній мой еще по Москвѣ пріятель, пріѣхавшій какъ-то на нашъ съѣздъ изъ Винницы и попавшій случайно на разборъ батюшкиныхъ дѣлъ:—еще одинъ такой экземпляръ, и можно наложить на себя руки!...

*

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ я:—есть у меня и второй такой экземпляръ, а вотъ, какъ видите, я еще живехонекъ...

Когда выходки Х—цкаго переполнили, наконецъ, мѣру всякаго терпѣнія, я составилъ реестръ всѣмъ его дѣламъ, начиная съ скандальнаго дѣла съ госпожею В—цкою, пояснилъ вкратцѣ содержаніе каждаго дѣла и отправилъ все это, при письмѣ, къ подольскому преосвященному которымъ былъ въ то время всѣми уважаемый епископъ Маркеллъ. Письмо мое было очень рѣзко въ смыслѣ изумленія безнаказанности проступковъ Х—цаго и заканчивалось вопросомъ (по поводу избіенія фельдфебеля и многихъ другихъ лицъ): «Можетъ ли быть по уставу православной церкви терпимо, чтобы служитель алтаря, приносящій почти ежедневно Господу Богу безкровную жертву, въ то же время самъ проливалъ бы, очень часто, человѣческую кровь своихъ многострадальныхъ прихожанъ, имѣющихъ несчастіе считать его своимъ духовнымъ отцомъ?...»

Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать: о. Х—цкій, указомъ консисторіи, былъ отрѣшенъ отъ прихода, и по его дѣлу было наряжено, духовнымъ начальствомъ, слѣдствіе... Какъ громъ поразила эта вѣсть всѣхъ «батюшекъ», и не только въ Хмѣльникѣ, но и во всемъ Литинскомъ уѣздѣ: всѣ они были сильно возмущены и громко роптали:—Какъ?! кричали они повсюду:—отрѣшать священника отъ должности по одному лишь частному письму мироваго судьи?!... Это вопіющій произволъ и несправедливость!...».

Въ непродолжительномъ времени по дѣлу Х—цкаго прибыли въ Хмѣльникъ и «слѣдователи», то есть отецъ благочинный, отецъ депутатъ и отецъ-слѣдователь, командированные консисторіей. Я, нежданно-негаданно, получилъ приглашеніе отъ этихъ почтенныхъ особъ явиться, въ качествѣ свидѣтеля, въ квартиру Х—цкаго, по его дѣлу... Я отвѣтилъ, что явиться къ нимъ, да еще въ квартиру Х—цкаго, не желаю, да и не имѣю времени; если же имъ угодно знать по этому дѣлу истину, то я могу допустить ихъ въ своей камерѣ къ обзору и просмотру всѣхъ «дѣлъ», заведенныхъ по жалобѣ самого отца Х—цкаго, или-же по жалобамъ другихъ лицъ на него,—и что тогда-же, въ камерѣ, они могутъ видѣть и меня лично если пожелаютъ.

На это никакого отвѣта отъ слѣдователей не послѣдовало и мнѣ стало извѣстно лишь, что, недѣли три-четыре спустя по ихъ отъѣздѣ изъ Хмѣльника, священникъ Х—цкій получилъ новое назначеніе въ Винницкій уѣздъ, и я, конечно, несказанно былъ радъ этому переводу...

Когда ушелъ изъ Хмѣльника Х—цкій, его смѣнилъ въ моей камерѣ другой, о которомъ я уже упоминалъ не разъ, какъ о заступникѣ конокрадовъ. Между этими двумя пастырями было только одно сходство—оба были вдовцы; во всемъ остальномъ между ними была нѣкоторая

разница: Х—цкій шелъ всегда на проломъ, бралъ натискомъ и не скрывалъ, даже предъ публикою, въ моей камерѣ, своихъ некрасивыхъ подвиговъ, придумывая лишь для нихъ всевозможныя оправданія; Р—ичъ-же былъ всегда, такъ сказать, за кулисами своихъ дѣйствій: векселя по «тэгоднювкамъ» писались на подставныхъ лицъ; за конокрадовъ онъ хлопоталъ «по христіанскому милосердію», и пр. Въ частныхъ домахъ онъ былъ веселымъ и не глупымъ собесѣдникомъ, позволявшимъ себѣ, однако, такіе циническіе разсказы, при которыхъ не могли присутствовать не только замужнія женщины, но и молодежь мужескаго пола. У него былъ сынъ, молодой человѣкъ, который тоже приготовлялся къ духовному сану, но при этомъ не находилъ даже нужнымъ скрывать своихъ анти-религіозныхъ вѣрованій. Однажды, встрѣтясь съ этимъ юношей въ домѣ у знакомыхъ и слушая его развязную «философію», я спросилъ у него:

— Какъ-же это вы готовитесь быть священнослужителемъ, а между тѣмъ, не вѣрующи?

— Это ничего не значитъ! отвѣчалъ достойный птенецъ Подольской семинаріи:—не быть же мнѣ «пушечнымъ мясомъ» на войнѣ!...

Однако, надежды его не сбылись, — и священническаго мѣста онъ, кажется, не получилъ.

Да не подумаютъ читатели, что я, говоря о духовенствѣ Подольской губерніи, умышленно сгущаю краски и стараюсь приводить лишь однѣ дурныя характерныя черты этого достопочтеннаго сословія;—совсѣмъ нѣтъ! Я стараюсь быть лишь вѣрнымъ истинѣ, занося въ свою скромную лѣтопись т о, ч т о́ в и д ѣ л ъ.... Въ подтвержденіе моихъ словъ ссылаюсь на мои же «Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссіи» [1]), гдѣ я съ глубочайшимъ уваженіемъ и умиленіемъ разсказывалъ о тѣхъ «пастыряхъ добрыхъ», которые полагали душу свою за паству вообще и, въ частности, за дѣло народнаго образованія, бывшаго въ тѣ времена (въ 60-хъ годахъ) еще только въ зародышѣ: то были бѣдные сельскіе священники, работавшіе, иногда, лично, особливо въ страдную пору, на своихъ поляхъ, скромно жившіе и воздѣлывавшіе свою неблагодарную и плохо родившую землю и едва сводившіе концы съ концами. Они жили въ постоянной войнѣ съ окружающею ихъ польскою средою и умѣли высоко держать знамя своей вѣры, поплатившись даже—въ 1863 году—жизнями нѣсколькихъ своихъ собратій за эту вѣру и за свое мужество въ борьбѣ съ ея утѣснителями. Подольское же духовенство, за нѣкоторыми, конечно, исключеніями, жило въ роскоши и до-

---

[1]) Эти воспоминанія были напечатаны въ журналѣ „Истор. Вѣстникъ" въ мартовской и апрѣльской книжкахъ 1884 года.

вольствѣ, имѣло цѣлые участки богатой и плодородной земли и обширныя табачныя и свекловичныя плантаціи, выписывало отъ Беккера рояли, а изъ Одессы гувернантокъ для своихъ дѣтей, ѣздило въ вѣнскихъ колясках и проч. Относительно же «знамени православія», я былъ, не разъ, свидѣтелемъ такихъ, напримѣръ, сценъ: сходится гдѣ-нибудь, на нейтральной почвѣ, смѣшанное общество—русскіе, нѣмцы и поляки; изъ деликатности предъ нами, русскими чиновниками,—занимавшими все-таки, по своему общественному положенію, первое мѣсто,—разговоръ ведется вначалѣ на русскомъ языкѣ; но стоитъ только какому-нибудь пану обратиться, на русскомъ же языкѣ, въ разговорѣ, къ священнику, этотъ непремѣнно отвѣтитъ по-польски, а затѣмъ и совсѣмъ перейдетъ на этотъ языкъ....

— Въ дѣтствѣ нашемъ и во время ученія, господствующій языкъ, въ обществѣ, былъ польскій; а потому мы, иногда невольно, и придерживаемся его,—объяснялъ мнѣ одинъ священникъ, изъ мѣстныхъ уроженцевъ, когда я полюбопытствовалъ спросить его объ этомъ странномъ явленіи.

Къ счастію для православной церкви, между духовенствомъ той же Подольской губерніи я встрѣчалъ, впослѣдствіи, не мало и такихъ симпатичныхъ и благородныхъ священниковъ, какъ, напр. служившій въ томъ же Хмѣльникѣ о. Василевскій, о которомъ я упоминалъ во II-й главѣ настоящихъ моихъ записокъ; слѣдовательно, такія личности какъ о. Х—цкій и Р—ичъ, являются лишь печальнымъ исключеніемъ въ общей массѣ,—не болѣе.

IX.

Отмѣна съѣзда.—Поднадзорный ксендзъ Б—скій, обращенный въ дойную корову.—Плутоватый судебный приставъ и его увольненіе.—Покупка мною дома въ Хмѣльникѣ.—Отправленіе моего векселя къ министру юстиціи.—Я совершаю проступокъ, предусмотрѣнный 135 ст. Устава о наказаніяхъ.—Новый синедріонъ въ моей квартирѣ.—Два доноса на меня.—Новый доносъ на мироваго судью М—ича.—Продѣлки судебныхъ слѣдователей передъ ревизіей.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ засѣданія нашего съѣзда, по случаю весенней распутицы, не состоялись, и мнѣ пришлось, такимъ образомъ, безъ перерыва кипѣть два мѣсяца въ аду своей камеры, среди разбора пьяныхъ «дѣлъ», давнымъ-давно оплоченныхъ еврейскихъ векселей, адвокатскихъ подвоховъ и плутовскихъ дѣлъ управляющаго графа Л—ова. За эти два мѣсяца произошло, кромѣ того, нѣсколько событій, которыя, такъ или иначе, вліяли на мое служебное положеніе.

Такъ какъ я былъ въ городѣ человѣкомъ новымъ и мало съ кѣмъ знакомымъ, то мнѣ, если я попадалъ куда-нибудь въ гости, приходилось очень часто заводить новыя знакомства, а иногда въ гостяхъ же и заниматься немножко службой: кто имѣлъ какую-нибудь нужду къ судьѣ, а между тѣмъ совсѣмъ не зналъ его и почему-либо не желалъ обращаться, нарочно, въ камеру, тотъ пользовался случаемъ встрѣчи и закономъ, обязывающимъ судью выслушивать обращающихся къ нему лицъ вездѣ и всюду,—и заговаривалъ о своемъ дѣлѣ.

Однажды я былъ въ гостяхъ у одного изъ докторовъ города Хмѣльника; тамъ же былъ и почтенный ксендзъ Б—скій, съ которымъ ранѣе мнѣ еще не доводилось нигдѣ встрѣчаться. Мы познакомились, и панъ-ксендзъ оказался образованнымъ и очень милымъ человѣкомъ. Я съ нимъ проговорилъ около часу, и вижу, что онъ все хочетъ еще что-то мнѣ сказать, но видимо стѣсняется и жмется... Наконецъ, собравшись съ духомъ, ксендзъ началъ:

— Не знаю, право, что́ мнѣ и дѣлать... Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что я состою подъ надзоромъ полиціи; на меня и на садовода Іентша былъ сдѣланъ доносъ священникомъ Р—ичемъ...

Я тотчасъ же прервалъ Б—скаго:

— До меня, панъ пробощъ, это нисколько не касается, и смѣю увѣрять васъ, даже вовсе меня не интересуетъ.

— Ахъ, нѣтъ! это именно до васъ и касается, такъ какъ я хочу просить у васъ, какъ у юриста, совѣта. Дѣло мое вотъ какое: состою я подъ надзоромъ, и обо мнѣ здѣшній надзиратель г-нъ Ш—скій долженъ ежемѣсячно доносить... И вотъ, какъ только оканчивается мѣсяцъ, онъ приходитъ ко мнѣ и, конечно, съ глазу на глазъ, начинаетъ угрожать мнѣ, что донесетъ о моей «неблагонадежности»... И показываетъ мнѣ при этомъ все какія-то новыя бумаги, получаемыя обо мнѣ изъ Кіева и изъ Подольска... И всякій разъ требуетъ отъ меня «взаймы» денегъ. Въ первый разъ взялъ «сто» рублей, а теперь все проситъ то двадцать пять, то тридцать, а иногда и больше.

— Зачѣмъ же вы даете ему? отказали бы—и конецъ дѣлу!

— Никакъ нельзя, господинъ судья; вѣдь онъ можетъ погубить меня... Вотъ я и рѣшилъ воспользоваться встрѣчей съ вами; посовѣтуйте, что́ мнѣ дѣлать?..

— А есть у васъ его росписка, что онъ беретъ «взаймы»?

Ксендзъ безнадежно махнулъ рукой.

— Росписки нѣтъ! Однажды, давая деньги, я подалъ-было ему чернильницу съ перомъ и бумагу, но онъ засмѣялся и сказалъ, что у него болитъ правая рука...

— Какъ судья, я вамъ ничего не могу посовѣтовать,—отвѣчалъ я,—

но на вашемъ мѣстѣ я не далъ бы Ш—скому ни гроша; или же спрятalъ бы нѣсколько человѣкъ постороннихъ въ комнатѣ рядомъ, въ то время, когда онъ къ вамъ приходитъ, угрожаетъ и вымогаетъ деньги.

— Никакъ нельзя этого сдѣлать, господинъ судья,—вздохнувъ отвѣчалъ бѣдняга-ксендзъ,—онъ является всегда внезапно и большею частью или поздно вечеромъ, или на разсвѣтѣ; я, говоритъ, не хочу васъ компрометировать, чтобы всѣ видѣли, что я посѣщаю васъ какъ поднадзорнаго.

— Пожалуйтесь, въ такомъ случаѣ, на него губернатору, посовѣтовалъ я, и подивился той ловкости и изобрѣтательности, съ какою Ш—скій открываетъ для себя все новые и новые источники доходовъ.

На томъ же самомъ вечерѣ нѣкоторые изъ гостей, очевидно умышленно, завели рѣчь объ одномъ изъ судебныхъ приставовъ нашего съѣзда, проживавшемъ въ Хмѣльникѣ, и къ изумленію своему я узналъ совершенно невѣроятныя и возмутительныя вещи. Оказывалось, что этотъ судебный приставъ, женатый на родной сестрѣ жены предсѣдателя нашего съѣзда М—ича, принимая отъ истцовъ исполнительные листы, продѣлывалъ иногда слѣдующія штуки. Прежде всего онъ получалъ съ истца, по положенію, прогоны или, если отвѣтчикъ проживалъ въ городѣ, то «на расходы и на извозчика»; затѣмъ тотчасъ же шелъ или ѣхалъ съ исполнительнымъ листомъ къ отвѣтчику, осматривалъ и оцѣнялъ его имущество и бралъ съ него взятку за то, чтобы обождать взысканіемъ; получивъ мзду и хорошо освѣдомившись относительно имущественнаго положенія отвѣтчика, приставъ клалъ исполнительный листъ «подъ сукно», какъ говорится, и не дѣлалъ по немъ никакого взысканія... Истецъ ходилъ, напоминалъ, просилъ, но все напрасно! Судебный приставъ увѣрялъ его, что онъ уже ѣздилъ, не нашелъ почти никакого имущества и рѣшилъ обождать немного... Это «немного» превращалось въ цѣлые мѣсяцы. Когда, наконецъ, терпѣніе истца истощалось, приставъ великодушно предлагалъ свои услуги, что онъ-де не прочь купить у истца «на рискъ» его исполнительный листъ за половинную сумму взысканія. Измученный напрасными хлопотами и ожиданіями, истецъ волей-неволей соглашается, дѣлаетъ на исполнительномъ листѣ надлежащую надпись, получаетъ «разсчетъ»—и дѣлу конецъ; а судебный приставъ ѣдетъ тотчасъ же къ отвѣтчику и получаетъ съ него долгъ полностью, или же безъ всякаго послабленія и милосердія приступаетъ къ описи и продажѣ имущества должника. Пробовали-было, говорятъ, на него жаловаться и прежнему судьѣ, и предсѣдателю съѣзда, но ничего изъ этихъ жалобъ не выходило.

На мнѣ, какъ на мировомъ судьѣ, лежала прямая обязанность устранить это явное злоупотребленіе, и я, по своей несчастной привычкѣ,

взялся за дѣло горячо и быстро: я рѣшилъ тотчасъ провѣрить дѣйствительность жалобъ и на другой же день вызвалъ въ свою камеру нѣсколькихъ человѣкъ, которымъ, какъ я видѣлъ изъ «дѣлъ», были выданы исполнительные листы и прежнимъ судьею, и съѣздомъ. Половина приглашенныхъ лицъ по разнымъ причинамъ не явилась, а нѣкоторыя изъ явившихся подтвердили фактъ злоупотребленій, творимыхъ судебнымъ приставомъ при взысканіяхъ. Тогда, не испрашивая отъ пристава никакихъ объясненій, я прямо написалъ предсѣдателю съѣзда полуоффиціальное письмо и потребовалъ увольненія его. М—ичъ поступилъ съ большимъ тактомъ: онъ не сталъ заступаться за своего родственника и тотчасъ же отвѣтилъ мнѣ, что до него, М—ича, и ранѣе доходили жалобы на этого невозможнаго пристава, а потому въ слѣдующее же засѣданіе съѣзда онъ уволитъ его отъ должности, что̀ онъ потомъ дѣйствительно и исполнилъ. Такимъ образомъ, я нажилъ себѣ въ Хмѣльникѣ еще одного непримиримаго врага, которому невольно причинилъ большой матеріальный вредъ. Подобно бывшему судьѣ Е—скому, приставъ успѣлъ уже обзавестись собственнымъ домикомъ и устроиться въ немъ; теперь же, оставшись безъ мѣста и не имѣя никакой надежды получить его въ заштатномъ городишкѣ, онъ долженъ былъ искать службы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и продавать и разорять устроенное имъ гнѣздо.

Вскорѣ явилась для меня, совершенно неожиданно, возможность выбраться изъ своей сырой, съ земляными полами, квартиры, хотя въ небольшой и тоже глиняный, но довольно чистенькій и благообразный домикъ, и даже пріобрѣсти его въ собственность. Умеръ старикъ-пенсіонеръ, подполковникъ Черкавскій, и вдова его пожелала ликвидировать всѣ свои дѣла, продать домъ и, затѣмъ, выѣхать изъ Хмѣльника, куда-то къ своимъ роднымъ. Весь этотъ домикъ продавался всего-то за девятьсотъ рублей, да находившаяся въ немъ движимость,—кое-какая мебель и разныя хозяйственныя вещи,—за двѣсти рублей. Я поспѣшилъ воспользоваться возможностью выбраться изъ своей нездоровой квартиры и согласился дать просимую сумму; а такъ какъ у меня налицо было своихъ денегъ всего лишь около пятисотъ рублей, то я, уплативъ ихъ, выдалъ г-жѣ Черкавской, на остальную сумму, срочный вексель и тотчасъ же перебрался въ новокупленный свой домъ. Я потому упоминаю здѣсь объ этомъ, чисто личномъ моемъ дѣлѣ, что никогда уже, потомъ, не увидалъ въ глаза этого моего векселя, съ которымъ приключилась слѣдующая исторія, довольно интересная, какъ увидятъ читатели.

Число лицъ, недовольныхъ моею судебною дѣятельностью и мною лично, стало увеличиваться въ Хмѣльникѣ все болѣе и болѣе; въ томъ числѣ были и почти всѣ русскіе чиновники, съ которыми я очень неохотно

поддерживалъ знакомство, такъ какъ говорить съ ними было не о чемъ, а пить съ ними водку, играть въ карты и злословить я не хотѣлъ. Моими знакомыми въ Хмѣльникѣ оставались лишь нѣмцы, жившіе въ городѣ, нѣсколько польскихъ семействъ, кое-кто изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, да нѣсколько человѣкъ евреевъ, изъ числа тѣхъ, съ которыми мнѣ довелось поближе познакомиться въ памятный вечеръ примиренія двухъ враждующихъ еврейскихъ партій.

И вотъ узналъ я, что мои «враги» рѣшили, во что́ бы то ни стало, выжить меня изъ Хмѣльника, и стали дѣйствовать. Первымъ дѣломъ они уговорили Черкавскую снять съ моего векселя нотаріальную копію, а подлинникъ отправить къ министру юстиціи, «въ собственныя руки», при жалобѣ, что вотъ-де «мировой судья взялъ у меня, бѣдной вдовы, взаймы, шестьсотъ рублей, проигралъ эти деньги въ карты, а когда я, крайне нуждаясь, пришла-было къ нему съ слезною просьбою уплатить мнѣ что-нибудь до срока, то г-нъ З—инъ выбранилъ меня непристойными словами и вытолкалъ на улицу по шеѣ»... Я ничего, конечно, не зналъ объ этой кляузѣ, и когда, чрезъ шесть мѣсяцевъ, наступилъ векселю срокъ, то отправился въ квартиру вдовы и предложилъ ей получить свои деньги и возвратить мой вексель.

— Векселя вашего у меня нѣтъ, объявила моя кредиторша.

— Какъ, нѣтъ? вы его потеряли, что-ли? спросилъ я.

— Да нѣтъ, не потеряла... какъ можно!.. А я нуждалась въ деньгахъ и переуступила его.

— Кому же?

— Да такъ, одному человѣку... Да вы не сомнѣвайтесь, у меня съ векселя копія снята,—и она показала мнѣ копію векселя, засвидѣтельствованную литинскимъ маклеромъ.

На мои дальнѣйшіе разспросы эта почтенная дама, бывшая ростовщица, объяснила мнѣ, что вексель никому не переданъ, а что онъ только «отданъ одному лицу на сохраненіе...» Не понимая въ чемъ дѣло и видя, что выходитъ какая-то безтолковщина, я отказался взять отъ нея совсѣмъ ненужную мнѣ копію, уплатилъ деньги и попросилъ написать мнѣ платежную росписку, что «по такому-то, дескать, векселю, который у меня въ настоящее время не находится, но который я никому не передавала, деньги получила сполна». Подпись руки Черкавской засвидѣтельствовалъ тотчасъ же мѣстный полицейскій надзиратель, и я полагалъ, что дѣло въ шляпѣ, и совершенно успокоился.

Каково же было мое изумленіе, когда, спустя нѣкоторое время, я узналъ, что вексель мой находится въ Петербургѣ, въ стѣнахъ дома министерства юстиціи, на Малой Садовой. Такъ я его и не видалъ больше въ глаза! А сдѣланный извѣтъ отпарировалъ коротко и просто:

снялъ для себя копію съ росписки Черкавской, а подлинную представилъ при своемъ объясненіи.

Но мои благопріятели не дремали. Едва я отдѣлался отъ одного доноса, какъ на меня полетѣлъ въ Петербургъ новый, заключающійся въ слѣдующемъ.

Вскорѣ какъ-то послѣ покупки дома, возвращаясь однажды, измученный и усталый, изъ своей камеры домой, я проходилъ по глухому и незаселенному переулку, прилегавшему къ моему дому со стороны училища; кругомъ не было ни души. Вдругъ, вижу, подходитъ ко мнѣ тотъ самый знаменитый Іоська К—еръ, который былъ факторомъ у судебнаго слѣдователя Даніила К—скаго, снимаетъ картузъ и раскланивается со мною. Я хорошо уже зналъ эту личность, а потому, не отвѣчая на его поклонъ, продолжалъ идти своею дорогою; но тотъ прямо подошелъ ко мнѣ и заговорилъ.

— Я имѣю до васъ, г-нъ судья, одно, очень большое и важное, дѣло.

— Какое же именно? спрашиваю его, продолжая идти дальше.

— Вы только, пожалуйста, не сердитесь!.. Я васъ буду очень просить позволить мнѣ къ вамъ ходить.

— Зачѣмъ же ты будешь ко мнѣ ходить? ты мнѣ совсѣмъ не нуженъ.

— Вы увидите, зачѣмъ я буду ходить... И вамъ будетъ хорошо, и мнѣ будетъ хорошо.

— Убирайся отъ меня прочь, негодяй!—крикнулъ я, догадываясь въ чемъ дѣло.

— Какой я негодяй, ну?! Вы очень сердиты... и не хотите брать хабары́... [1]) А всѣ берутъ. И вы привыкнете, ей-Богу же, привыкнете!..

Долѣе терпѣть я не смогъ, и военныя традиціи, давно уже, казалось, покрывшіяся пепломъ, вдругъ вспыхнули въ моей, глубоко оскорбленной, душѣ. Въ рукахъ у меня была небольшая трость, и я началъ бить Іоську этою тростью куда попало, не разбирая,—и по плечамъ, и по лицу, и по рукамъ, которыми онъ сталъ закрывать голову, такъ какъ фуражка его слетѣла и лежала на дорогѣ. Моя палка, наконецъ, сломалась; я бросилъ ее и быстро пошелъ домой. Къ моему неблагополучію, сцену эту видѣли два какіе-то мѣщанина, шедшіе съ кирпичнаго завода. Что они «все видѣли»—объ этомъ я узналъ на другой уже день, когда въ мою камеру поступило «прошеніе хмѣльникскаго мѣщанина Іося К—ера, обвинявшаго меня, грѣшнаго, «въ оскорбленіи дѣйствіемъ,

---

1) „Хабара́", „халтура́" или „ланбвыя" означаетъ, въ разговорномъ языкѣ поляковъ и евреевъ, взятку.

въ публичномъ мѣстѣ, безъ всякаго къ тому повода». Въ концѣ прошенія прибавлялось, что къ разбору дѣла, на судъ, будетъ представлена потерпѣвшимъ и моя, сломанная объ него, трость.

Выходило для меня очень некрасивое и непріятное дѣло... По правиламъ нашего наказа, я долженъ былъ препроводить это прошеніе къ моему коллегѣ, мировому судьѣ 4-го участка, М—ичу; но такъ какъ прошеніе К—ера заключало въ себѣ наглую ложь, что я, будто-бы, побилъ его безъ всякаго повода, «повидимому за то, что онъ, при встрѣчѣ, не снялъ предо мною шапки», какъ написано было въ жалобѣ, то я и рѣшилъ: прежде, чѣмъ отправить ее къ коллегѣ-судьѣ, пригласить къ себѣ въ домъ роднаго дядю Іоськи, очень почтеннаго и умнаго еврея, купца Тевія К—ера, разсказать ему все дѣло и показать прошеніе на-глеца. Этотъ дядя жилъ почти рядомъ съ купленнымъ мною домомъ, и я послалъ ему записку, прося зайти въ шесть часовъ вечера.

Наступило шесть часовъ, и, къ моему удивленію, пришелъ не одинъ Тевій К—еръ, а еще человѣкъ пять или шесть евреевъ, и самыхъ вліятельныхъ, которые незадолго передъ тѣмъ были у меня въ домѣ въ числѣ другихъ, по дѣлу обваренной кипяткомъ еврейки. Оказалось, что всѣ они не только знали въ чемъ дѣло, но что о немъ зналъ и толковалъ уже весь городъ, варьируя происшедшій инцидентъ на всѣ лады: одни говорили, со словъ Іоськи, что я избилъ его за то именно, что онъ не снялъ предо мною шапки; другіе же утверждали, что не я побилъ еврея, а онъ меня.

Я разсказалъ собравшимся евреямъ обо всемъ происшедшемъ и обратился къ дядѣ Іоськи, прося его заставить племянника взять назадъ свое «прошеніе».

— Я ничего не могу съ нимъ сдѣлать,—отвѣтилъ Тевій,—это такой негодяй, котораго я самъ боюсь. Вы знаете, онъ былъ однажды на меня сердитъ и, чтобы отомстить, перелѣзъ, ночью, въ мой садъ и подпилилъ всѣ молодыя деревья, яблони и груши, которыя я самъ сажалъ. Я потому-то и не пришелъ къ вамъ одинъ, а пригласилъ еще нѣсколькихъ; ихъ онъ скорѣе послушается, чѣмъ меня.

Я объяснилъ собравшимся все дѣло и прочелъ имъ прошеніе Іоськи. Почтенные евреи только головами покачивали, посылая по адресу жалобщика самые нелестные эпитеты. Рѣшено было послать за нимъ не медля, и дядя тотчасъ же отправился за своимъ племянникомъ и, къ общему удивленію, привелъ его не болѣе, какъ минутъ черезъ пять; оказалось, что Іоська, пронюхавъ какимъ-то путемъ, что ко мнѣ собрались евреи, и догадываясь, вѣроятно, въ чемъ дѣло, дожидался за угломъ моего дома. Дядя ввелъ его на дворъ и оставилъ въ сѣняхъ; евреи вышли къ нему на крыльцо и спросили его строгимъ тономъ:

— Ты, лайдакъ, опять взялся за старое! задумалъ факторовать у господина судьи...

Іоська отвѣтилъ что-то по-еврейски, и затѣмъ весь дальнѣйшій разговоръ происходилъ у нихъ уже на этомъ языкѣ. Не прошло, впрочемъ, и четверти часа, какъ Тевій вошелъ ко мнѣ въ комнаты и сказалъ:

— Отдайте ему, господинъ судья, его прошеніе; онъ желаетъ взять его назадъ.

Я взялъ кляузу Іоськи и вынесъ ему; онъ, злобно сверкая на меня большими черными глазами, взялъ молча свое прошеніе и направился въ калитку.

Такимъ образомъ, и евреи города Хмѣльника оказали мнѣ, взаимно, большую услугу, избавивъ меня отъ дальнѣйшей возни и непріятностей съ прошеніемъ Іоськи К—ера.

Не прошло и недѣли со времени этого происшествія, какъ я, будучи въ Винницѣ, зашелъ къ нашему милому и доброму товарищу прокурора Д—скому и въ разговорѣ между прочимъ, началъ-было передавать ему о происшедшемъ у меня инцидентѣ съ Іоськой К—еромъ...

— Да, я это дѣло уже знаю, отвѣчалъ Д—скій; у меня, вотъ, лежатъ два анонимныхъ письма объ этомъ происшествіи съ вами.

— Вы, можетъ быть, уже и донесли?—спросилъ я его, совершенно смущенный тою скоростью, съ которой мои хмѣльникскіе благопріятели постарались рекламировать это вздорное и кляузное дѣло.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, если будете доносить объ этомъ, то, кстати, выслушайте уже и меня.

И я разсказалъ ему о гнусномъ предложеніи Іоськи.

Д—скій внимательно меня выслушалъ и затѣмъ показалъ мнѣ доносы. Одинъ изъ нихъ былъ написанъ очень безграмотно, очевидно самимъ Іоськой; другой же былъ составленъ въ смыслѣ настоящаго обвинительнаго акта: что я, за неснятіе, будто-бы, предо мною шапки, такъ сильно избилъ бѣднаго еврейчика, что даже поломалъ объ него свою палку, которую онъ, потерпѣвшій, и хранитъ-де теперь у себя, для представленія на судъ, какъ «corpus delicti». По латинской фразѣ и по нѣкоторымъ малороссійскимъ словамъ и оборотамъ рѣчи доноса я угадалъ его «автора», юриста, такъ неожиданно оставшагося не у дѣлъ въ Хмѣльникѣ.

Такой же точно доносъ былъ посланъ и въ министерство юстиціи. Впрочемъ, кромѣ досады, что по такимъ извѣтамъ требуютъ, отъ кого слѣдуетъ, «негласныхъ дознаній» и сообщеній, я не испыталъ тогда никакихъ другихъ непріятностей.

Когда, потомъ, заѣхалъ ко мнѣ, по пути въ Литинъ, на съѣздъ, М—ичъ, и я разсказалъ ему о доносахъ, то онъ нашелъ для меня довольно своеобразное утѣшеніе:

— Это еще цвѣточки, что̀ на васъ написали. А вотъ на меня, напримѣръ, поступилъ недавно прямо къ министру «въ собственныя руки» доносъ, что я, будто-бы, во время разбора одного дѣла не только кричалъ и топалъ ногами на «защитника» (еврея), но даже притравливалъ его собакою-бульдогомъ, лежавшею подъ моимъ судейскимъ столомъ, которая и укусила его за ногу, а затѣмъ, окончательно выйдя изъ себя, я, будто бы, схватилъ со стѣны висѣвшее двухствольное охотничье ружье (это въ камерѣ-то!), взвелъ курки и прицѣлился въ жидка, съ крикомъ: «убью каналью!..» И вообразите себѣ, этакій-то нелѣпый вздоръ присылаютъ изъ министерства юстиціи прокурору, для «негласнаго разслѣдованія...»

Разговоръ этотъ мы вели съ М—ичемъ ѣдучи вмѣстѣ въ Литинъ на съѣздъ. Между прочимъ, онъ спросилъ меня:

— Вы не получили отъ судебнаго слѣдователя дѣла для склоненія сторонъ къ миру, а также и еще нѣсколько дѣлъ, подсудность которыхъ онъ находитъ спорною?

— Получилъ, отвѣтилъ я, и очень удивился: съ чего это вздумалось слѣдователю снабжать меня дѣлами, которыя лежали у него по полгода и болѣе.

— Не удивляйтесь этому, а радуйтесь; это означаетъ, что у насъ, въ Подольской губерніи, скоро будетъ-таки введенъ окружный судъ, такъ какъ слѣдователи, очевидно, ожидаютъ у себя ревизію. И затѣмъ М—ичъ сообщилъ довольно интересныя и совершенно незнакомыя мнѣ вещи: что судебные слѣдователи, избѣгая во время ревизіи ихъ камеръ излишнихъ и непріятныхъ объясненій съ начальствомъ по такимъ дѣламъ, которыя лежатъ у нихъ по-долгу безъ всякаго движенія, распихиваютъ ихъ куда только можно.

Такія «дѣла», направляемыя ко мнѣ «для склоненія сторонъ къ миру», бывали большею частью двухъ категорій—о тяжкихъ побояхъ и объ оскорбленіи родителей. Первыя дѣла были тождественны съ производящимися въ моей камерѣ, съ тою лишь разницею, что я разбиралъ легкіе побои, а у слѣдователей производились дѣла, т. е. слѣдствія, лишь по тяжкимъ побоямъ. По дѣламъ о побояхъ мнѣ очень рѣдко доводилось склонять стороны къ миру, такъ какъ для пьяницъ и драчуновъ весь интересъ заключался именно въ дальнѣйшемъ судбищѣ и въ финалѣ дѣла. Напротивъ, дѣла объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ дѣтьми своимъ родителямъ, заканчивались въ моей камерѣ очень часто полнѣйшимъ примиреніемъ; мнѣ какъ-то удавалось склонять обѣ стороны и вліять на нихъ: виновныхъ дѣтей я склонялъ къ покорности и испрошенію прощенія, а «отцовъ»—къ милосердію и прощенію виновныхъ чадъ своихъ.

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

IV.

Жизнь въ Салтыкахъ.—Карточная игра.—Новые знакомые и друзья.—Религіозность отца.—Хоръ пѣвчихъ.—Духовникъ моего отца о. Капитонъ.—Праведная его кончина.

Вначалѣ своего пріѣзда въ Салтыки, отецъ зажилъ жизнью богатаго помѣщика того времени, съ разными затѣями и тратами. Какъ балованный ребенокъ, отчасти по молодости лѣтъ и своей неопытности, онъ вообразилъ, что къ нему всѣ сосѣди должны пріѣхать знакомиться и праздновать его пріѣздъ; но конечно онъ ошибся: тѣ порядочные люди, съ которыми ему полезно было бы познакомиться, не пріѣхали первые и ждали его визита, а вся дрянь уѣзда, узнавши, что богатый князь-дитя пріѣхалъ, и что можно около него поживиться—съѣхались поздравить съ пріѣздомъ «его сіятельство». Были затѣяны карточныя игры, и отецъ много проигрывалъ такимъ господамъ, съ которыхъ нечего было получить въ случаѣ выигрыша. Мать мою очень сердило, что отецъ весь день проводилъ за картами, и, несмотря на свою кротость, она высказала громко свое неудовольствіе.

— Охота тебѣ, мой другъ, сказала она, сидѣть весь день за картами и проигрывать!

Тогда любитель выигрышей обратился къ матери и сказалъ:

— Почему же вы думаете, княгиня, что князь не можетъ выиграть? Это зависитъ отъ счастья!

---

¹) См. „Русскую Старину“ мартъ, 1897 г.

— А потому,—отвѣтила она, разсердившись еще болѣе,—что мужъ мой можетъ проиграть много, имѣя чѣмъ заплатить; въ случаѣ же выигрыша—ему нечего будетъ взять.

Отецъ мой въ ту минуту ничего не сказалъ, но когда его партнеръ уѣхалъ, онъ высказалъ женѣ своей, какъ ему было грустно, что она, такая кроткая и добрая, такъ жестоко обидѣла человѣка. На нѣкоторое время карты были оставлены; конечно, отецъ никогда ничего не выигралъ, а проигралъ 29.000 и тѣмъ закончилъ свою игру, такъ какъ онъ не умѣлъ и не любилъ играть; хотя иногда, но очень рѣдко возвращался къ ней.

Мать утомилась въ подобной компаніи, и вотъ они поѣхали знакомиться съ сосѣдями и въ томъ числѣ съ уважаемымъ семействомъ того края, Рахманиновыми, жившими отъ Салтыковъ въ 25-ти верстахъ въ селѣ Знаменскомъ. Аркадій Александровичъ Рахманиновъ былъ прекрасной души человѣкъ и великолѣпный піанистъ (ученикъ Фильда). Не мудрено, что съ перваго же визита отецъ мой сошелся съ Рахманиновымъ, а музыка еще болѣе скрѣпила ихъ дружбу. Варвара Васильевна, жена его, моя крестная мать, умная, живая, веселая, восторженная, горячо принимающаяся за все доброе и хорошее, по душѣ пришлась моей матери. Сестра ея, Марія Васильевна Павлова, старая дѣвица, не уступала ей въ хорошихъ качествахъ. Хозяйство, дѣти, ихъ образованіе было на ея попеченіи; она была необходимый человѣкъ для семьи своей сестры. Мать ихъ, Анна Михайловна Павлова, урожденная Соковнина, жившая также съ ними, была очень умная, сердечная и такая богомольная, что почти все время свое посвящала молитвѣ. Всѣ ее звали «Бабушей» и всѣ любили «Бабушу».

Вотъ въ этихъ трехъ женщинахъ мать моя нашла задушевныхъ и вѣрныхъ друзей. Онѣ также были преданные друзья и моего отца; онъ же всей полной своей душой привязался къ семьѣ Рахманиновыхъ, а въ особенности былъ друженъ съ Варварой Васильевной.

Когда же отецъ сталъ постарше и вышелъ изъ юношескихъ лѣтъ, онъ сталъ заниматься и дополнять свое образованіе, а главное пристрастился къ музыкѣ и сталъ серьезно ее изучать [1]). Поселившись окончательно въ деревнѣ, онъ заботился о нуждахъ своихъ крестьянъ; былъ, хотя строгъ, но простъ съ ними въ обращеніи и бывалъ у нихъ гостемъ. Не позволялъ никогда брать у нихъ лишняго рабочаго дня, кромѣ трехъ дней въ недѣлю. Если же бурмистры, безъ отца, заставляли лишній день работать крестьянъ, онъ, по возвращеніи, узнавъ объ этомъ, страшно сердился.

---

[1]) Со словъ горничной матери моей, Аграфены Ивановны, 72-хъ-лѣтней старухи.

Ни бѣдные, ни больные никогда не бывали покинуты имъ или оставлены безъ помощи. Кто бы ни заболѣлъ, отецъ шелъ къ больному въ сопровожденіи подлѣкаря, своего же крѣпостнаго и, несмотря на то, что былъ мнителенъ, онъ все-таки бывалъ у заразно-больныхъ. Кормилъ онъ своихъ людей великолѣпно; на дворѣ было три людскихъ: пѣвческая, домашняя и дворовая; со всѣхъ людскихъ ежедневно, въ 12 часовъ, приносили обѣды на пробу отцу; если чего не хватало, онъ звалъ экономку, бурмистра и приказывалъ, чтобы недостачи не было ни въ чемъ. Нѣкоторые сосѣди говаривали отцу, что онъ балуетъ людей, и были этимъ недовольны, на что отецъ отвѣчалъ имъ: «Я живу для людей, а не для собакъ—у меня псарни нѣтъ!»

Когда же отецъ былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ, а потомъ губернскимъ, онъ также заботился о нуждахъ дворянъ и о дворянскихъ сиротахъ; у насъ въ домѣ всегда кто-нибудь воспитывался. Кромѣ того на свои средства онъ многихъ дѣтей, небогатыхъ дворянъ, воспитывалъ въ Тамбовскомъ институтѣ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и, давъ имъ воспитаніе, не покидалъ на произволъ судьбы.

Вотъ одинъ фактъ, разсказанный мнѣ очевидцами: сенаторомъ М. Н. Сазоновымъ и И. А. Сабуровымъ, который показываетъ, какъ отецъ мой умѣлъ не только быть добрымъ, но и внимательнымъ. Въ бытность свою тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ, отецъ былъ въ Петербургѣ, по дѣламъ службы, и вспомнилъ, что въ каждомъ учебномъ заведеніи, какъ-то: въ Правовѣдѣніи, въ Лицеѣ, въ корпусахъ, въ университетѣ, въ частныхъ пансіонахъ и т. д. есть дѣти тамбовскихъ дворянъ. Ему захотѣлось всѣхъ ихъ собрать къ себѣ, угостить по-русски и повеселить по-княжески. Съ этой цѣлью онъ объѣхалъ всѣ учебныя заведенія, былъ у всѣхъ директоровъ и просилъ отпустить къ нему молодежь изъ дворянъ Тамбовской губерніи къ обѣду и на весь вечеръ. Разрѣшеніе было получено, приглашеніе принято, и вся веселая, юная молодежь собралась къ 5-ти часамъ въ гостиницу Демутъ, гдѣ ожидалъ ихъ мой отецъ и директоръ Правовѣдѣнія, генералъ Языковъ, который также былъ изъ числа приглашенныхъ. Въ 6 часовъ былъ поданъ великолѣпный обѣдъ, за которымъ на одномъ концѣ стола предсѣдательствовалъ мой отецъ, а на другомъ—Языковъ. Обѣдъ прошелъ оживленно и весело, такъ какъ всѣ болѣе или менѣе были знакомы, всѣ съ родной стороны, а въ то время, какъ это было дорого! Разстоянія были большія, пути сообщенія трудные, всѣ были интерны, за малымъ исключеніемъ, и рѣдко приходилось видѣть кого-нибудь изъ своихъ Тамбовскихъ степей. Послѣ обѣда были поданы кареты, и вся юная толпа, опять подъ попеченіемъ генерала Языкова и моего отца, отправилась въ оперу, гдѣ и заняла весь бель-этажъ!

Но я немного отступила отъ жизни въ Салтыкахъ; итакъ, возвра-

щаюсь къ ней. Когда отецъ сталъ входить въ бытъ и жизнь крестьянъ, онъ съ ужасомъ узналъ, что рѣдкій крестьянинъ знаетъ молитвы, а о заповѣдяхъ почти и понятія не имѣютъ. Самъ онъ былъ очень религіозенъ. Тогда онъ потребовалъ, чтобы священники (ихъ было два) выучили не только молодыхъ и дѣтей, но и стариковъ молитвамъ и заповѣдямъ съ объясненіемъ и строго запретилъ вѣнчать прежде, чѣмъ невѣста и женихъ не будутъ знать твердо требуемыхъ молитвъ и заповѣдей. Началось поголовное ученье, а экзаменъ приходили сдавать къ отцу, который не допускалъ ошибокъ и отправлялъ опять къ священникамъ, если не твердо отвѣчали. Уѣхавъ, однажды, на продолжительное время изъ Салтыковъ, онъ поручилъ матери слѣдить за ученіемъ крестьянъ. Въ то время было двадцать паръ, которыя готовились къ вѣнцу; за обученіе ихъ мать моя особенно и принялась: невѣстъ взялась учить сама, а жениховъ поручила священнику. Между мужчинами было довольно грамотныхъ, но между женщинами, кажется, ни одной, и мать немало помучилась съ ними, объясняя имъ молитвы и заповѣди, заставляла учить со словъ, а все-таки къ блистательному результату не пришла. Несмотря на неудовлетворительный результатъ, она порѣшила, посовѣтовавшись со старикомъ-священникомъ отцомъ Капитономъ, что «довольно мучить жениховъ и невѣстъ и пора ихъ обвѣнчать! Безъ князя и такъ сойдетъ!» Обвѣнчали двадцать паръ, а князь тутъ, какъ тутъ!..

Мать моя, священники и двадцать паръ новобрачныхъ взволновались, въ ожиданіи, что скоро послѣдуетъ вопросъ князя—«хорошо ли выучили молитвы?» Такъ и случилось. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ отца было:

— Ну что, женихи и невѣсты хорошо ли знаютъ молитвы?

Отвѣтъ матери послѣдовалъ нерѣшительный:

— Знаютъ... и они ужь обвѣнчаны!..

На другой день были позваны новобрачные, и экзаменъ начался. Оробѣли молодые, смутились и малое свое знаніе забыли... Отецъ, недовольный экзаменомъ, приказалъ бабамъ идти на половину княгини и оставаться тамъ, пока всего не выучатъ, что̀ задано было, а мужиковъ доучивать оставилъ у себя, и только тогда обѣщалъ отпустить ихъ къ женамъ, когда хорошо будутъ отвѣчать молитвы и заповѣди. Черезъ нѣсколько дней экзаменъ повторился, былъ выдержанъ, и довольныя молодыя парочки ушли по своимъ домамъ.

Отецъ и мать говѣли всегда вмѣстѣ, два раза въ продолженіе Великаго поста, и если они были въ Салтыкахъ—выписывали изъ Тамбова ѳтца Нила, который цѣлую недѣлю жилъ въ имѣніи, ведя съ отцомъ религіозную бесѣду и исповѣдуя его чуть не каждый день. Передъ причастіемъ отецъ и мать кланялись народу, прося у всѣхъ прощенія.

Князь всегда со слезами приступалъ къ причастію Святыхъ Тайнъ, и говорятъ, что онъ дѣлалъ такое впечатлѣніе своимъ искреннимъ чувствомъ, что нѣкоторые, глядя на него, плакали съ нимъ. Онъ очень любилъ Псалтырь и часто заставлялъ одного изъ своихъ пѣвчихъ читать его ему; иногда онъ слушалъ лежа, съ закрытыми глазами и, казалось, засыпалъ; тогда пѣвчій переставалъ читать, но отецъ не спалъ и заставлялъ продолжать чтеніе.

На Пасхѣ народъ, приложившись къ образамъ и похристосовавшись съ причтомъ, поголовно весь христосовался со своимъ княземъ и княгинею, цѣлуя ихъ непремѣнно по три раза. На другой же день почти все село, то-есть старшіе изъ каждой семьи, приходили на барскій дворъ, гдѣ если была ясная погода, на раскинутыхъ столахъ было приготовлено пасхальное угощенье, а если было холодно, то то же самое происходило въ комнатахъ господскаго дома, и тогда отецъ ставилъ меня, трехлѣтнюю дѣвочку, на столъ, и я обходила и христосовалась со всѣми бородатыми мужичками, которые ласково и любовно смотрѣли на меня и опускали въ мой фартучекъ красненькія яички... Отецъ садился самъ за столъ, гдѣ сидѣли мужики, а за столомъ, гдѣ были бабы, садилась мать; тутъ же присутствовало и все духовенство, со своими семьями; приборовъ ни для кого не полагалось, чтобы не отличаться отъ крестьянъ, и горячее ѣли изъ чашекъ, деревянными ложками, а остальное—руками.

На третій день Свѣтлаго праздника молодые супруги отправлялись въ гости къ тѣмъ мужикамъ, которые ихъ звали къ себѣ [1]).

Князь самъ былъ церковнымъ старостой и всегда ходилъ съ колокольчикомъ по церкви, долго звоня передъ тѣми, которые не желали положить въ кошелекъ, конечно, онъ это дѣлалъ только съ тѣми, которые завѣдомо могли дать и съ тѣми еще, которые любили выпивать. Однажды у Рахманиновыхъ въ церкви, гдѣ хозяинъ также былъ старостой и также ходилъ съ колокольчикомъ, у моего отца въ карманѣ ничего не оказалось. Рахманиновъ, зная его привычу, хотѣлъ и съ другомъ сыграть штуку: видя, что онъ шаритъ по карманамъ, досадуетъ и ничего не находитъ, Аркадій Александровичъ съ торжествующимъ видомъ стоялъ передъ нимъ, звонилъ и шепотомъ говорилъ: «что, другъ, попался!» Но отецъ не долго задумался и, не найдя денегъ въ карманахъ, вынулъ свои великолѣпные часы съ цѣпочкой и положилъ въ кошелекъ. Послѣ обѣдни Арка-

---

[1]) Всѣ эти мелкія подробности пишу со словъ бывшей горничной моей матери, Аграѳены Ивановны, 73-хъ-лѣтней старухи; она была взята въ услуженіе 13-ти лѣтъ, а матери было 14 лѣтъ, и маленькая Груша выросла со своей госпожей и послѣдовала за ней въ Салтыки, гдѣ и превратилась, подъ старость, въ уважаемую Аграѳену Ивановну.

дій Александровичъ Рахманиновъ хотѣлъ вернуть часы, говоря отцу, что онъ съ нимъ пошутилъ, но тотъ, конечно, назадъ ихъ не взялъ, хотя послѣ самъ же выкупилъ ихъ за очень дорогую цѣну, во всякомъ случаѣ не меньше, если не больше стоимости часовъ.

Я иногда также вмѣстѣ съ отцомъ ходила по церкви съ колокольчикомъ и шла впереди, а онъ сзади меня.

Чуднымъ своимъ хоромъ, въ церкви, отецъ всегда управлялъ самъ и даже утрени не просыпалъ, отправляясь къ ней съ своими пѣвчими.

Онъ съ дѣтства любилъ музыку, хотя тогда совсѣмъ не зналъ ея.

Бывши еще мальчикомъ, убѣгалъ онъ изъ корпуса къ своей бабушкѣ, княгинѣ Голицыной, чтобы послушать игру въ то время жившей у нея одной очень хорошей музыкантши.

Конечно онъ пугалъ всѣхъ своимъ появленіемъ въ неурочный часъ.

Всѣ упрашивали его возвратиться въ корпусъ, но онъ соглашался вернуться только тогда, когда ему, по его выбору, дѣвица-музыкантша сыграетъ любимую его пьесу и когда бабушка пообѣщаетъ сама отвезти его въ корпусъ.

Мать моя мнѣ разсказывала, что на пятый день послѣ ихъ свадьбы былъ въ Харьковѣ концертъ Дрейшока, извѣстнаго въ то время піаниста, и отецъ, вернувшись оттуда въ восторгѣ отъ всего слышаннаго, сѣлъ за фортепіано и до 8 ч. утра проигралъ по слуху все, что слышалъ. Когда онъ женился и поселился въ Салтыкахъ, онъ принялся серьезно изучать теорію музыки и хоровое пѣніе.

Рѣдкія способности и страсть къ музыкѣ подвинули его быстро и изъ любителя сдѣлали серьезнаго музыканта, до тонкости знающаго свое дѣло. Бывши холостымъ онъ содержалъ въ Харьковѣ свой хоръ изъ 30 человѣкъ. Потомъ въ Салтыкахъ онъ составилъ небольшой хоръ изъ женскихъ голосовъ; еще попозднѣе онъ собралъ настоящій большой хоръ изъ мужскихъ и дѣтскихъ голосовъ въ 150 человѣкъ; этотъ то хоръ былъ извѣстенъ не только въ нашихъ столицахъ, но и за границей, куда онъ съ нимъ путешествовалъ [1]).

---

[1]) Вотъ что напечатано было во Всемірномъ лексиконѣ современниковъ, содержащемъ біографіи всѣхъ знаменитыхъ людей Франціи и другихъ странъ, составленномъ Г. Ваперо.

«Голицынъ (Юрій, князь) русскій композиторъ и администраторъ; родился въ С.-Петербургѣ 1823 года, принадлежитъ къ очень древнему роду, знаменитые представители котораго были: князь Салтыковъ и князь Михайло Голицынъ. Отецъ его князь Николай Голицынъ, которому Бетховенъ посвятилъ всѣ свои послѣднія произведенія, былъ музыкантъ и знаменитый віолончелистъ. Князь Юрій Голицынъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ; по окончаніи курса, онъ уѣхалъ въ Германію доканчивать свое образованіе. Противно традиціямъ русской аристократіи, онъ предпочелъ административную карьеру военной и отдался совершенно изученію музыки, которую очень лю-

Въ Салтыкахъ была выстроена громадная зала въ два свѣта съ хорами, спеціально для пѣвчихъ. Резонансъ былъ такой сильный, что бѣжишь бывало по залѣ къ отцу, на его половину, прощаться или здороваться съ нимъ, а сердце такъ и замираетъ, такъ и кажется, что кто-то гонится, а это эхо моихъ маленькихъ шаговъ разносилось по залѣ!....

И вотъ въ этой залѣ отецъ самъ училъ каждаго мальчика-мужичка, и въ этой залѣ разлетались дивные звуки иногда церковнаго пѣнія, иногда русскіе задушевные мотивы, которые онъ такъ любилъ.

Отецъ первый заинтересовалъ русскую публику народными пѣснями, которыя такъ чудно исполнялъ хоръ, подъ его управленіемъ. Онъ такъ воодушевлялся при русскихъ звукахъ, что невольно заставлялъ публику увлекаться вмѣстѣ съ нимъ и любить русскія пѣсни, заунывныя и плясовыя—ухарскія!

Послѣ него были послѣдователи подобныхъ хоровъ, но кто слышалъ хоръ кн. Голицына, тотъ безпристрастно скажетъ, что онъ былъ выше по стройности, и управляемый его магической палочкой, — онъ пѣлъ какъ одна душа! Хористы ловили не только движеніе управляющей ими руки, но даже выраженіе его глазъ, которые у него всегда были зеркаломъ души.

Крѣпостной его хоръ сознательно пѣлъ хорошо. Каждый мальчикъ понималъ, что́ поетъ; они такъ хорошо знали звуки каждой ноты, что никто изъ нихъ никогда не ошибался.

Будучи страшно вспыльчивъ, отецъ приходилъ въ сильное раздраженіе на того, кто тревожилъ его музыкальное ухо фальшивою нотою, но при томъ онъ только шумѣлъ. Когда же бывало за какой-нибудь гадкій проступокъ онъ, въ пылу негодованія, сердился и шумѣлъ, мама прибѣгала усмирять его, и когда онъ разгоряченный не слы-

---

былъ. Онъ устроилъ въ своемъ домѣ постоянный квартетъ изъ струнныхъ инструментовъ и капеллу, надъ усовершенствованіемъ которой онъ трудился болѣе 17 лѣтъ и изъ нея впослѣдствіи вышли самые лучшіе хористы Европы.

„Въ Германіи онъ самъ управлялъ своими концертами, составленными всегда изъ его собственной музыки и музыки его соотечественника—Глинки.

„Онъ былъ въ Англіи, въ Шотландіи и въ Ирландіи, знакомя и заставляя цѣнить русскую музыку; живя своимъ талантомъ онъ энергіей своей и силой того-же таланта преодолѣвалъ всѣ препятствія нравственныя и матеріальныя. Дирижируя концертами, извѣстными подъ именемъ „Princess Golitzin concerts“, онъ сочинилъ много вещей, между которыми были: 1) обѣдня на fa, 2) обѣдня на ut, 3) 18 романсовъ или балладъ, 4) 2 фантазіи для оркестра, 5) соло для флейты, корнетъ-а-пистона и для гобоя, 6) болѣе двадцати пьесъ для танцевъ, для хоровъ, дуэты, тріо и наконецъ двѣ методы пѣнія, изъ которыхъ одна съ экзерсисами для хора изъ 4 голосовъ. Онъ началъ писать оперу подъ заглавіемъ: „Эмансипація рабовъ“, которую принужденъ былъ оставить. Это были либеральныя идеи князя, вызвавшія неудовольствіе на него правительства“.

шалъ ея, громко повторяла слова: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его».

Когда эти слова доходили наконецъ до слуха отца, онъ стихалъ.... Иногда разсмѣется и поцѣлуетъ жену свою, если не успѣлъ обидѣть виновнаго; если же обидѣлъ его, то уходилъ въ свой кабинетъ, мрачный, недовольный и тамъ плакалъ.... Если же онъ увидитъ, что напрасно сердился, что вина не такъ велика, то всегда позоветъ пострадавшаго и попроситъ у него чистосердечно прощенія и наградитъ чѣмъ нибудь. Когда отецъ пылилъ, то всегда кто нибудь бѣжалъ за стаканомъ воды и подавалъ ему;—это было его приказаніе, такъ что иногда съ нѣсколькихъ сторонъ сбѣгались съ водой, чтобы скорѣе дать выпить и тѣмъ успокоить своего добраго, но вспыльчиваго князя.

Разсказывая объ отцѣ, я не могу умолчать о человѣкѣ, имѣвшемъ на него большое вліяніе,—его духовникѣ, старшемъ священникѣ с. Салтыковъ, и его праведной кончинѣ. Старикъ-священникъ, отецъ Капитонъ отличался прямодушіемъ, строгой жизнью и добрымъ сердцемъ, хотя съ виду онъ былъ мрачный, глядѣлъ какъ-то исподлобья, и разговоръ его былъ довольно грубоватъ. Не стѣсняясь, онъ говорилъ въ глаза правду, и за эту-то правду отецъ мой глубоко уважалъ его и душевно любилъ. Онъ былъ строгъ по отношенію къ нравственности и упрекалъ отца за его сердечныя увлеченія, порицая ихъ.

Когда отецъ Капитонъ собрался умирать, отецъ въ Салтыкахъ уже не жилъ и случайно пріѣхалъ туда, на нѣсколько дней, какъ будто для того только, чтобы закрыть глаза своему духовнику и получить его благословеніе. Я сказала «собрался умирать»—это именно такъ и было: предчувствуя свою кончину, онъ сознательно и съ полной увѣренностью готовился къ ней; собралъ всѣхъ дѣтей, которыя, не видя въ немъ никакой болѣзни, кромѣ его старости, недоумѣвали и съ недовѣріемъ слушали его предсмертныя распоряженія, надѣясь, что онъ ошибается въ своихъ предчувствіяхъ. Первое распоряженіе было: заказать себѣ самый простой, деревянный гробъ, ничѣмъ не обитый и даже не окрашенный, потомъ сталъ распоряжаться обѣдомъ для своихъ гостей, которыхъ звалъ на свои похороны; заказалъ даже кутью и вспомнилъ, кто какую любитъ: для отца Николая (2-й священникъ с. Салтыковъ), который не ѣлъ кутьи съ медомъ, велѣлъ сдѣлать съ сахаромъ,—больше всего заботился объ обѣдѣ для нищихъ и крестьянъ.

Распорядившись всѣмъ по дому, благословивъ дѣтей, онъ пожелалъ непремѣнно видѣть моего отца и сказалъ, чтобы скорѣе посылали за княземъ, такъ какъ чувствуетъ приближеніе смерти. Дѣти его все не вѣрили, удивлялись и говорили между собой: «Что такое дѣлается съ отцомъ нашимъ?» Но за княземъ все-таки послали и всѣ приказанія и желанія старика исполняли. Наконецъ отецъ Капитонъ подозвалъ къ

себѣ сына, тоже священника, велѣлъ ему облачиться и его облачить «на смерть», пріобщить Святыхъ Таинъ и читать отходную...

Когда отецъ мой пріѣхалъ—отецъ Капитонъ обрадовался и сказалъ ему: «что же ты, братъ?! я жду тебя, не могу безъ тебя умирать, хочу, чтобы ты закрылъ мнѣ глаза!..» Пораженный такъ же, какъ и дѣти священника, но такъ же, какъ и они, повинуясь старику—отецъ мой сталъ передъ нимъ на колѣни; тогда отецъ Капитонъ велѣлъ выйти всѣмъ изъ комнаты и довольно долго бесѣдовалъ съ отцомъ, который, заливался слезами...

Когда бесѣда была окончена, отецъ Капитонъ постучалъ своимъ костылемъ и, подозвавъ къ себѣ сына, сказалъ: «что же ты не надѣлъ на меня скуфью?» И когда сынъ въ томъ же недоумѣніи, видя отца своего сидящимъ по обыкновенію и говорившимъ такъ твердо, надѣвалъ ему скуфью — отецъ Капитонъ твердо и спокойно сказалъ: «Ну теперь кладите меня, дайте крестъ и евангеліе—я готовъ...» и съ этими словами заснулъ вѣчнымъ сномъ. Отецъ мой не отходилъ отъ праведнаго старика, положилъ его и, закрывъ ему глаза, проливалъ горючія слезы по своемъ духовникѣ и другѣ.

V.

Жизнь въ Петербургѣ и Москвѣ.—Расточительность отца.—Празднованіе совершеннолѣтія князя Юрія.—Мое рожденіе.—Поѣздка съ отцомъ въ Петербургъ.—Предводительство въ Тамбовѣ.—Провинціальная жизнь.—Конокрадъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы отецъ повезъ свою молодую жену въ Петербургъ знакомить и представить всѣмъ роднымъ, которые приняли ее ласково, и на которыхъ она сдѣлала самое пріятное впечатлѣніе. Больше всѣхъ полюбила ее Татьяна Борисовна Потемкина (родная тетка отца), которая впослѣдствіи помогала ей и словомъ, и дѣломъ.

Скоро визиты надоѣли отцу, онъ предпочелъ веселую компанію артистовъ и ихъ музыку; поэтому часто отправлялъ жену одну къ кому-нибудь изъ родственниковъ. По его желанію она должна была ѣхать въ первый разъ въ пріемный день къ княгинѣ Долгоруковой (женѣ князя Василія Андреевича). Мать моя вошла въ гостиную, конфузясь, и при вопросѣ княгини Долгоруковой: «Quelle princesse Golitzine êtes vous?» [1]) отвѣтила:

— Je suis la femme de Georges Golitzine [2]).

---

1) Какого князя Голицына супруга вы?

2) Я жена Георгія Голицына.

Тогда хозяйка пригласила ее сѣсть, а сама продолжала оживленный разговоръ съ своей гостьей. Разговоръ длился довольно долго, мать сидѣла и молчала; потомъ онѣ встали и пошли разсматривать картины и портреты.

Мать моя все сидѣла и молчала... Наконецъ, негодуя за такой пріемъ, она встала и, раскланявшись съ нелюбезной хозяйкой, вышла. Оттуда отправилась къ своей тетушкѣ, Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, и въ живыхъ краскахъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, описала свой визитъ къ княгинѣ Долгоруковой. Татьяна Борисовна недоумѣвала и не понимала причину, почему мать моя была такъ нелюбезно принята. Вскорѣ дѣло разъяснилось. Татьяна Борисовна отправилась пожурить княгиню Долгорукову за то, что она такъ непривѣтливо обошлась съ молодой женщиной, вступившей только въ ихъ семью; княгиня Долгорукова пришла въ отчаяніе, узнавъ, что жену «Юрки» Голицына она приняла такъ холодно, нелюбезно и воскликнула:

— Если-бъ она сказала мнѣ, что она жена Юрки, а то говоритъ— je suis la femme de Georges Golitzine!

Послѣ этого она загладила свой пріемъ и была всегда добра къ моей матери, которая ее полюбила.

Спустя два года, молодые супруги поѣхали въ Москву на три мѣсяца. Взяли они съ собой большую свиту: двухъ ливрейныхъ лакеевъ, камердинера, парикмахера, жокея, обойщика для выбора мебели въ Салтыки, регента для выбора голосовъ, повара-француза, къ нему поваренка, горничную и экономку; 16 лошадей, при нихъ три кучера, пять подводъ, при нихъ нѣсколько мужиковъ; также были взяты двѣ кареты, сани троичныя и одиночныя. Все это остановилось въ гостиницѣ «Chevalier». Можно себѣ представить, какіе счеты представлялись «его сіятельству» за продовольствіе и квартиру всей этой компаніи! Экономка приходила въ ужасъ отъ подобныхъ расходовъ и ходила къ моей матери охать и вздыхать о томъ, что нельзя же кормить людей обѣдами изъ гостиницы. Но не скоро жалобы экономки увѣнчались успѣхомъ, а деньги все сыпались да сыпались изъ кармана молодой неопытной четы. Мать моя не могла много выѣзжать и больше сидѣла дома или проводила время у своей двоюродной сестры, Маріи Павловны Звегинцевой, рожденной Черепановой, отецъ же много выѣзжалъ, очаровывалъ московскихъ дамъ и веселился веселостью молодости. Онъ постоянно окруженъ былъ артистами и, пользуясь ихъ музыкой, часто угощалъ ихъ обѣдами и ужинами. Въ то время была въ Москвѣ знаменитая пѣвица Альбани, которая пріѣзжала пѣть экзерсисы въ залу гостиницы, занимаемой матерью и отцомъ. На ея концертъ отецъ взялъ 200 билетовъ по 5-ти рублей. Въ этомъ концертѣ мать моя познакомилась съ московскимъ обществомъ и, благодаря его гостепріимству, стала

проводить время пріятнѣе. Маскарады были тогда въ большой модѣ, и многія дамы изъ высшаго круга ѣздили въ домино интриговать своихъ знакомыхъ. Отецъ, конечно, всегда бывалъ тамъ. Широкая жизнь скоро разстроила карманъ. Настало время уѣзжать изъ Москвы, и пришлось расплачиваться брильянтами, серебромъ и даже экипажами. Мать уѣхала одна; отецъ долженъ былъ выѣхать вскорѣ послѣ нея, но у него случилась исторія съ графомъ С—ъ, кончившаяся дуэлью. Мать ничего объ этомъ не знала, каждый день ждала отца, каждый день ѣздила къ нему на встрѣчу; начала встрѣчать въ саняхъ, а кончила на колесахъ. Наконецъ, не вытерпѣвъ, въ маѣ поѣхала выручать мужа въ Москву, но, не доѣхавъ до Козлова, встрѣтила его больнаго и разстроеннаго.

Черезъ два года послѣ женитьбы, отецъ праздновалъ свое совершеннолѣтіе въ Салтыкахъ. Нелюбившій благую середину, онъ хотѣлъ устроить настоящій пиръ-горой. Накупили разнаго рода угощенія, множество ящиковъ съ винами, пригласили оркестръ для танцевъ, и гостей съѣхалось многое-множество. Такъ какъ въ провинціи обыкновенно бываетъ, что меньшая часть кавалеровъ предпочиваетъ дамское общество, то всѣ гости и раздѣлились на дамскую и мужскую компанію. За обѣдъ усѣлись такимъ же образомъ и даже въ разныхъ комнатахъ. Не стѣсненные дамами и строгими взглядами женъ, почти всѣ господа мужчины очень повеселѣли. Послѣ обѣда нѣкоторые мужья пришли цѣловаться съ женами, но другая компанія, не сентиментальнаго свойства, осталась на мужской половинѣ, и вдругъ дамы услышали споръ, потомъ крикъ, потомъ потасовку, а затѣмъ слова князя: «вонъ изъ моего дома».— Таковы были нравы тогдашняго провинціальнаго общества!

Въ 1844 году, 15-го сентября, родился въ Салтыкахъ мой братъ Евгеній, а черезъ годъ—братъ Юрій, умершій 4-хъ лѣтъ.

Отецъ очень желалъ имѣть дочь и, на радость ему, въ 1850 году появилась я на свѣтъ. Онъ такъ былъ обрадованъ моимъ рожденіемъ, что не хотѣлъ даже вѣрить своему счастью. Имя Елена онъ далъ мнѣ въ память обожаемой своей матери, и это имя прибавило еще болѣе прелести, въ его глазахъ, новорожденной дѣвочкѣ.

Однимъ изъ самыхъ раннихъ воспоминаній дѣтства была моя поѣздка съ отцомъ въ Петербургъ. Мама поѣхала туда опредѣлять брата Евгенія, а отецъ оставался съ нами въ Салтыкахъ. Однажды за обѣдомъ онъ говоритъ мнѣ: «Леля, мы сейчасъ съ тобой поѣдемъ за мамою въ Петербургъ!» Помню, что я попросила взять няню, но отецъ строго сказалъ, что я поѣду съ нимъ одна и няни не нужно; это было зимой. Одѣли меня, посадили въ возокъ рядомъ съ отцомъ, и мы поѣхали. Помню какъ ухаживалъ онъ за мной, какъ дорогой держалъ на своихъ рукахъ, какъ умывалъ и одѣвалъ меня самъ.

Изъ петербургскихъ воспоминаній у меня осталось въ памяти одно: лицо и фигура государя Николая Павловича. Была я разъ у дѣтей принца Ольденбургскаго, и во время нашей игры показался въ дверяхъ громаднаго роста красавецъ-мужчина въ военной формѣ; тутъ кто-то сказалъ: «Государь!» Дѣти всѣ бросились къ нему, а я осталась, какъ прикованная къ своему мѣсту, и дальше я ничего не помню...

Отецъ визиты безъ меня не дѣлалъ, заказалъ мнѣ микроскопическія карточки, и такъ какъ я была на него похожа, онъ съ гордостью меня показывалъ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, отца съ громадными оваціями выбрали въ тамбовскіе губернскіе предводители. Вскорѣ послѣ этого императоръ Николай пожаловалъ его званіемъ камергера «не въ примѣръ другимъ».

Въ Тамбовѣ отецъ купилъ домъ, и большую часть времени мы жили въ немъ. Въ то время губернскіе города зимою наполнялись помѣщиками, жившими очень весело.

Разъ въ недѣлю у насъ танцовали. Я съ сестрой Соней также были допускаемы на эти балы, и я хорошо себя помню въ бальномъ туалетѣ: у меня было бѣлое тарлатановое платье и бѣлые атласные ботинки, а у Сони—такой же туалетъ, только розовый. Помню отца, танцующаго со мной, и себя, поднимающуюся на цыпочки, чтобы достать его руки. Другой кавалеръ мой былъ Ал. Ис. Араповъ, немного можетъ быть ниже моего отца; но наконецъ, напрыгавшись вдоволь съ своими кавалерами, я, усталая отъ шума и свѣта, прикладывалась къ плечу отца и подъ бальную музыку засыпала и просыпалась уже наверху, въ дѣтской въ ту минуту, когда няня принимала меня изъ рукъ отца....

Отецъ былъ любимъ въ Тамбовѣ, но съ горячимъ и слишкомъ прямымъ характеромъ мудрено было не имѣть и враговъ. Кромѣ того разными выходками, которыя другимъ и въ голову не придутъ, онъ пріобрѣталъ себѣ недоброжелателей. Такъ, напримѣръ: въ то время дворяне гордились своимъ сословіемъ, держа себя съ достоинствомъ, и панибратства съ другими не было, особенно при оффиціальныхъ пріемахъ. Отецъ не былъ гордъ—ни въ душѣ, ни по мыслямъ,—но всегда сохранялъ свое достоинство и былъ настоящимъ дворяниномъ и княземъ. Принимая однажды у себя, какъ губернскій предводитель дворянства, по какимъ-то дѣламъ, нѣсколькихъ купцовъ и воронежскаго разбогатѣвшаго откупщика Кр...ва, который, думая, что съ богатствомъ онъ пріобрѣлъ все на свѣтѣ, не дождавшись, что князь Голицынъ протянетъ ему руку, самъ первый подалъ ему свою,—тогда отецъ мой живо нашелся: вынулъ изъ кармана портмонэ и вмѣсто руки своей вложилъ ему, въ протянутую руку, рублевую бумажку. Еще другой случай, гдѣ онъ наказалъ одного господина, который хотѣлъ неправильно

стащить съ него извѣстную сумму, которую на самомъ дѣлѣ онъ не былъ долженъ: г-нъ Б. считалъ за моимъ отцомъ долгъ въ 1,500 руб., отецъ-же не признавалъ его, но не желая, чтобы Б. думалъ, что онъ жалѣетъ эти 1,500 р. и только поэтому не отдаетъ ихъ ему, отецъ рѣшилъ послать ему эту сумму, но предварительно выжегъ всѣ номера кредитныхъ бумажекъ.

Лѣто мы проводили въ Салтыкахъ, откуда мама̀ ходила иногда пѣшкомъ въ Воронежъ на богомолье; ей тамъ очень нравилась мѣстность, и отецъ для нея купилъ дачу подъ названіемъ «Отрада», которая находилась въ лѣсу на берегу рѣки, и оттуда открывался великолѣпный видъ на Воронежъ. Иногда они проводили тамъ лѣто, хотя жить было и не безопасно: поговаривали о разбойникахъ и слышались иногда страшные звуки, свистъ и не разъ видѣли подозрительныхъ лицъ, но ихъ они не трогали; думали, что оберегалъ ихъ бывшій товарищъ разбойниковъ (изъ крѣпостныхъ отца), котораго мама̀ направила на истинный путь, и не позволялъ имъ тревожить своихъ господъ. Вотъ исторія этого мужика: фамилія его была Прусовъ; многіе изъ крестьянъ подозрѣвали его въ конокрадствѣ, но до поры до времени ему удавалось скрывать свои похожденія. Только разъ поймали его на мѣстѣ преступленія и привели къ отцу. Онъ началъ допрашивать его лично, но тотъ не сознавался и нахальнымъ образомъ увѣрялъ и клялся, что онъ не виноватъ. Тогда отецъ велѣлъ посадить его на хлѣбъ и на воду, рѣшилъ забрить его въ солдаты, если не сознается, но никакія угрозы не него не подѣйствовали,—онъ продолжалъ упрямиться. Мать моя каждый день уговаривала его сознаться въ своемъ проступкѣ и наконецъ ей удалось этого закаленнаго человѣка привести къ истинному раскаянію: онъ во всемъ сознался. Тогда отецъ приказалъ ему говѣть, а мать моя упросила не отдавать его въ солдаты, а взять на конюшню убирать ея лошадей, чтобы онъ всегда былъ на ея глазахъ, и чтобы она могла чаще его вразумлять и учить добру. Добро всегда трогаетъ человѣка, и Прусовъ сдѣлался примѣрнымъ, трудолюбивымъ мужикомъ.

Однажды матери моей куда-то нужно было ѣхать довольно далеко. Отца дома не было, и кучера всѣ были въ разгонѣ. Она приказала Прусову заложить тройку и поѣхала съ нимъ, не взявъ даже лакея съ собой (она любила это дѣлать). Въ дорогѣ на нее вдругъ напалъ страхъ, что она ѣдетъ одна съ бывшимъ конокрадомъ, и по своей живости сказала ему:

— А что, Прусовъ, вдругъ лошадки мои тебѣ такъ понравятся, что захочется ихъ имѣть, и ты меня убьешь, свалишь въ лѣсу, а ихъ уведешь!?

Прусовъ, услыхавъ эти слова, заплакалъ.

— Неужели, матушка,—сказалъ онъ,—вы думаете, что я могу забыть то, что вы сдѣлали для меня! Вѣдь по вашей милости я человѣкомъ сталъ, и вы душу спасли.

Какая награда можетъ быть выше подобнаго отвѣта!

VI.

Кончина императора Николая I и вліяніе ея на кн. Ю. Н. Голицына. — Поступленіе въ ополченіе.— Служба въ Крыму.—Упраздненіе хора пѣвчихъ. — Жизнь въ деревнѣ въ немилости.

Россія облеклась въ трауръ: не стало императора Николая Павловича! Закрылись его свѣтлыя очи.... Перестало биться его благородное, рыцарское сердце....

Ходили слухи въ высшихъ сферахъ, что императоръ, умирая, завѣщалъ сыну своему, наслѣднику престола, освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и миръ съ врагами.... Умы взволновались въ ожиданіи, что-то будетъ?.. Настало новое царствованіе, и съ нимъ выступили на сцену новые люди, новые порядки и перемѣны колоссальныя....

Обыкновенно каждое поколѣніе на склонѣ лѣтъ хвалитъ свое и вспоминаетъ прошедшее съ любовью, но тогдашнее общество съ какимъ-то ожесточеніемъ отрекалось и бросало все старое, не оставляя даже хорошаго изъ своего былаго, жадно хватаясь за все новое.... Были скептики, которые грустно покачивали головой, слыша проклятіе новыхъ людей, сыпавшееся на старое время, и надежду ихъ, возлагаемую на новое; они со страхомъ смотрѣли, какъ все быстро, чуть не въ карьеръ и безъ узды, неслось впередъ и впередъ...

Я очень живо помню моментъ, когда въ Салтыкахъ получили извѣстіе о кончинѣ императора Николая. Слезы матери моей, при чтеніи эстафеты съ печальной вѣстью, слезы всей прислуги, собравшейся въ домѣ, чтобы лично узнать подробности отъ «самой княгини», — все это врѣзалось въ моей памяти. Няня тотчасъ же подвела меня къ кіоту съ образами, поставила на колѣни, сама стала около и велѣла повторять за ней: «упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего императора Николая гдѣ нѣтъ болѣзни, ни печали, ни воздыханій, но жизнь безконечная». Я тогда не могла еще дать себѣ отчета, что такое смерть, что значатъ тѣ слова, которыя я повторяла за няней, но все-таки по-своему понимала, что смерть это что-то страшное!...

«Вчера мы принесли сюда тѣло нашего покойнаго государя, писалъ отецъ В. В. Р—вой, изъ Петропавловской крѣпости, и сегодня я уже опять при немъ дежурный; желая хотя немного въ эту печальную минуту съ вами, мой другъ, побесѣдовать, я попросилъ у коменданта листъ бумаги, карандашъ и отправился въ алтарь—написать вамъ эти строки. Чтобы дать вамъ точное понятіе о нравственномъ моемъ состояніи, я считаю достаточнымъ передать вамъ только то, что́ я видѣлъ въ эти сутки и чувствовалъ; сегодняшняя панихида была для меня совершеннѣйшая пытка: стоя во время всей службы (т. е. обѣдни и панихиды) у гроба, въ двухъ шагахъ противъ меня стоялъ императоръ Александръ; глубокое горе сына, состояніе супруги, печаль всего семейства, великолѣпная служба, дивное пѣніе—все это вмѣстѣ до того меня разстроило, что я съ трудомъ могъ все время службы выстоять. Тутъ не только мы—православные были тронуты, но и пріѣзжіе принцы (нѣмцы) плакали.

«Представьте себѣ, мой другъ, что по окончаніи службы, въ то самое время какъ государь поклонялся гробу, съ верхняго яруса, иконостаса, упалъ рѣзной Ангелъ и разбился въ дребезги; всѣ такъ испуганы были, что каждый невольно перекрестился. Здѣсь много страннаго происходитъ, но объ этомъ не только писать, но и говорить не хочется. Вечеромъ тоже панихида и тѣ же ощущенія, и какъ на бѣду мою меня всякій день куда-нибудь пырнутъ: завтра я дежу́рный при императрицѣ; послѣ-завтра опять въ крѣпости, а въ день погребенія—при вдовствующей императрицѣ».

«Все кончено!—писалъ онъ въ другомъ письмѣ отъ 5-го марта 1855 г., послѣдній долгъ отдали мы нашему великому государю! Описывать вамъ, мой другъ, не въ состояніи: я двое сутокъ не выѣзжалъ изъ крѣпости, не ложился спать и даже не раздѣвался. Сейчасъ мы отвезли регаліи въ Зимній дворецъ, а на завтра меня нарядили въ Москву съ экстреннымъ поѣздомъ—ассистентомъ при регаліяхъ, но я думаю отказаться, ибо я такъ простудился вчера, бывъ въ толпѣ стиснутъ, у Невскихъ воротъ, въ продолженіе двухъ часовъ, что потерялъ шинель и все время стоялъ въ одномъ мундирѣ. Я послѣдній былъ его камергеръ и послѣдній долгъ ему послѣдній отдалъ»....

Съ кончиною императора Николая, отецъ мой потерялъ очень много, такъ какъ государь любилъ его еще съ Пажескаго корпуса, былъ его покровителемъ, не забывая правдиваго и откровеннаго «Юрку Голицына».

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II интриги противъ отца съ каждымъ днемъ усиливались, и хотя губернаторъ былъ переведенъ изъ Тамбова, но и отца моего государь не утвердилъ губернскимъ предводителемъ дворянства.—Самолюбіе его было задѣто,

разочарованіе жизнію было полное, и онъ сталъ мечтать о смерти, «Если бы только Богу угодно было, писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ, найти меня достойнымъ предъ Нимъ предстать».

— Презираю, говорилъ мой отецъ, всѣ удачи и пользоваться ими конечно не буду,—Богъ съ ними.

Воспользовавшись тѣмъ, что война въ Крыму была еще въ полномъ разгарѣ, онъ поступилъ въ ополченіе.—Князь шелъ на войну съ увѣренностью, что будетъ убитъ, и потому прощаніе его съ семействомъ и близкими было трогательнѣе тѣхъ, которые шли съ надеждою вернуться.

Онъ потребовалъ, чтобы его хоръ, подъ его личнымъ управленіемъ, пропѣлъ своему учителю «вѣчную память», что и было исполнено.—Очевидцы говорили мнѣ, что подобной панихиды, само собой разумѣется безъ причта и безъ службы, одно только пѣніе,—по стройности и задушевности никто никогда не слышалъ, всѣ присутствующіе плакали на-взрыдъ, молясь о упокоеніи души князя Юрія, который стоялъ еще живой, дирижировалъ своимъ хоромъ и молился о томъ, чтобы Господь принялъ его душу!.... Этого момента я совершенно не помню; но хорошо помню его въ мундирѣ ополченца, стоящаго въ Салтыковской церкви, на колѣняхъ предъ царскими вратами во время напутственнаго молебна; помню также и прощанье съ мужиками, которые благословили его образомъ Святаго Великомученика Георгія.

Мать моя провожала отца до Харькова, а брата, которому тогда было 10 лѣтъ, онъ взялъ съ собою въ Крымъ. Не знаю зачѣмъ онъ это сдѣлалъ; было ли это также желаніе моей матери, чтобы не оставлять его одного въ такомъ удручающемъ состояніи души, или это была одна изъ необдуманныхъ фантазій отца взять ребенка на поле битвы. Но каково было матери моей разставаться съ мужемъ и сыномъ! Однѣ молитвы къ Богу могли утѣшить душевныя ея страданія, и можетъ быть онѣ-то и спасли мужа и сына отъ бѣдствій войны...

«Съ большимъ трудомъ, — писала моя мать изъ Харькова В. В. Р—вой,—рѣшилась я написать вамъ нѣсколько словъ, потому что совсѣмъ голову теряю. Вчера мы пріѣхали сюда, и сегодня вечеромъ мужъ мой покидаетъ меня. Можешь себѣ представить мои страданія и мое горе; но да будетъ воля Господня, лишь-бы Онъ сохранилъ его здоровымъ и успокоилъ его сердце, для его личнаго счастья. Не могу описать вамъ все страданіе моего бѣднаго сердца, видя, что онъ подвергается столькимъ опасностямъ и уѣзжаетъ съ горемъ на душѣ. Молитесь о немъ, молитесь обо мнѣ, молитесь о нашихъ дѣтяхъ. До свиданія, всѣхъ васъ цѣлую. Не забудьте навѣстить моихъ дѣтей, если вы можете это сдѣлать».

Изъ Харькова отецъ мой направился въ Крымъ, откуда писалъ Арк. Ал. Р—ву:

Инкерманъ, 19-го августа 1855 г.

«Ты вѣроятно, cher ami, уже знаешь, что я утвержденъ состоять при Горчаковѣ по ополченію. Къ исправленію моихъ должностей я вновь съ 15-го числа формально поступилъ. Я потому о должности моей отзываюсь во множественномъ числѣ, что на самомъ дѣлѣ князь на меня взвалилъ болѣе, нежели я въ состояніи исполнить обязанности, а именно, кромѣ письменной части, на мнѣ лежитъ попеченіе и осмотръ дружинъ до и по ихъ вступленіи, которыя приходятъ къ намъ въ 78.000-мъ составѣ (изъ коихъ 23.000 уже на позиціяхъ) и разсѣяны по Крымскому полуострову. Штатъ дежурства не составленъ, помощника у меня нѣтъ, такъ что хоть караулъ кричи! Независимо отъ всего, я долженъ тебѣ сказать, что собственныя мои дѣла некрасивы! Верховыхъ лошадей у меня двѣ, и то на одной только можно выѣзжать въ дѣло. Ѣзжалыхъ одна, другая околѣла. Бричка сломалась и къ довершенію у меня гроша денегъ нѣтъ, и Петръ, который болѣлъ съ самаго моего пріѣзда, теперь, послѣ 4-го августа, такъ занемогъ, что я долженъ былъ его отправить въ Бакчисарай; остался у меня pour tout faire Шельменко [1]), qui ne sait rien faire et par conséquant c'est moi qui, tout malade, que j'étais, faisait l'affaire de valet de chambre, de cocher et garçon d'écurie; tous ces ennuis, cher ami, me font tout de mauvais sang que je suis devenu insupportable pour tous et sur tout pour ce pauvre [2]) Шельменко, который мнѣ доказываетъ, что услужливый дуракъ опаснѣе врага. Avec tout cela mon chagrin d'être loin de vous tous augmente de plus en plus, et je crois que le plutôt sera le mieux de finir avec cette vie! [3]) —Штурма я дождаться не могъ и долженъ былъ ѣхать въ главную квартиру.

«Вотъ, скоро я здѣсь два мѣсяца и только одинъ разъ былъ въ настоящемъ дѣлѣ—просто обидно! Впрочемъ теперь по службѣ я буду черезъ день ѣздить въ Севастополь, тамъ у меня два другихъ содержатся караула, и 500 человѣкъ охотниковъ поступили въ артиллерійскую прислугу и дѣйствуютъ молодцами; вчера я былъ на бастіонахъ и при

---

[1]) Названіе, данное отцомъ моимъ конторщику малороссу Коротичу—это былъ типъ прежнихъ шутовъ и балагуровъ.

[2]) ...который ничего не умѣетъ дѣлать, и я, совсѣмъ больной, принужденъ былъ взять на себя должность лакея, кучера и конюха; всѣ эти непріятности, милый другъ, такъ портятъ мнѣ кровь, что я сдѣлался невыносимымъ для всѣхъ и особенно для бѣднаго Шельменко.

[3]) Со всѣмъ этимъ, горе мое — быть далеко отъ всѣхъ васъ—увеличивается все больше и больше, и я думаю, чѣмъ скорѣе покончить съ этой жизнью тѣмъ лучше!

мнѣ нѣсколько ратниковъ стояли при своихъ орудіяхъ. Сегодня, однако, ухо мое сильно разболѣлось отъ этого страшнаго шума, такъ что не знаю, какъ впередъ выносить буду подобнаго рода испытаніе. Докторъ приказалъ мнѣ носить повязку, но у меня отъ этого голова болитъ и я ее бросилъ. Непріятель нашъ, кажется, не рѣшится на штурмъ, а готовится опять на 2-хъ-недѣльную бомбардировку; этимъ онъ окончательно уничтожитъ нашъ гарнизонъ. Теперь болѣе, нежели надо, и говорятъ о сдачѣ добровольно южной части Севастополя, т. е. всѣ бастіоны и редуты взорвать и стать на лѣвую часть города въ оборонительномъ положеніи. На-дняхъ былъ рѣшительный совѣтъ, и всѣ мнѣнія и планы посланы на бумагѣ государю, для его разсмотрѣнія и утвержденія,—посмотримъ, что-то будетъ!

«Тысячу разъ лучше умереть, а Севастополя не отдавать! Это будетъ позоръ Россіи! Прощай; душой тебѣ преданный Юрій».

Братъ мой Евгеній вернулся здоровымъ и невредимымъ, а отецъ былъ контуженъ. Во время коронаціи императора Александра II онъ фигурировалъ въ своемъ камергерскомъ мундирѣ, восхищая всѣхъ своимъ хоромъ; тамъ, въ Москвѣ, чуть-ли не послѣднюю «лебединую пѣснь» пропѣлъ его знаменитый крѣпостной хоръ. Дѣла отца приходили въ упадокъ, онъ не могъ содержать хора и съ грустью, съ болью сердца, задумалъ разстаться съ нимъ. Не желая распустить его и мечтая передать свое созданіе въ цѣлости въ хорошія руки и достойнымъ слушателямъ, онъ черезъ министра двора предложилъ продать свой хоръ за 12 тысячъ; изъ этого предложенія ничего не вышло, и онъ долженъ былъ распустить его. Между тѣмъ государь, прочитавъ въ газетѣ «Nord» статью о томъ, что правительство сдѣлало большую ошибку, не купивъ хоръ кн. Ю. Н. Голицына, тѣмъ болѣе, что онъ уступалъ его за 12 тысячъ, тогда какъ подобный хоръ несравненно цѣннѣе, пожелалъ его пріобрѣсти и послалъ къ бабушкѣ Потемкиной просить, нельзя-ли хоръ ея племянника выписать въ Петербургъ, но, къ сожалѣнію, хоръ былъ уже распущенъ. Вотъ нѣсколько словъ изъ оборваннаго письма отца, изъ котораго видно, какъ любилъ онъ своихъ пѣвчихъ и какъ трудно было ему распустить ихъ: «Сегодня я видѣлъ Віаля [1]) мелькомъ; онъ пришелъ, когда я уже выѣзжалъ, и не успѣлъ у его спросить, почему онъ не остался дѣлать картину, которую я ему заказалъ (хоръ). Я еще недавно писалъ Оливье [2]) que maintenant plus que jamais je tiens à avoir mon tableau comme souvenir de ma chapelle [3]), и для уплаты

---

[1]) Віаль - художникъ, жившій долго у насъ въ Салтыкахъ.

[2]) Оливье—французъ, учитель брата Евгенія.

[3]) И теперь болѣе чѣмъ когда-либо я желаю имѣть эту картину какъ воспоминаніе о моей капеллѣ.

этой картины я, кажется, рубашку бы продалъ! Нѣтъ таки, не сдѣлали по моему, Господи Боже мой! Какъ не понимать душу артиста, который желаетъ имѣть память своего творенія, il faut ne pas avoir de coeur pour ne pas me comprendre et ne pas me simpatiser [1]). Пошлю за Віаломъ и узнаю, кто это его такъ скоро спровадилъ? Не прощу этого никому, даже кажется, и вамъ-бы, другъ мой, не простилъ это неумѣстное участіе. Прошу Шубину заказать эту картину, j'y tiens absolument [2]), докажите дружбу, похлопочите въ Тамбовѣ.

Служебная карьера отца кончилась, и онъ окончательно предался музыкѣ, которая пригодилась ему, какъ средство къ жизни и какъ утѣшеніе. — Государь не утвердилъ его предводителемъ, а камергерство онъ постарался самъ съ себя снять. Отправившись за границу онъ въ Лондонѣ познакомился съ Герценомъ и, вернувшись въ Россію, завелъ съ нимъ переписку, но лучше всего, что письмо свое отдалъ переписать чиновнику изъ военнаго министерства, о чемъ конечно было тогда же донесено кому слѣдуетъ; всѣ же сочиненія Герцена отдалъ переплесть одному изъ придворныхъ переплетчиковъ, велѣвъ сдѣлать переплетъ революціоннаго цвѣта, а въ срединѣ книги большой золотой гербъ князей Голицыныхъ. На эти шалости строго посмотрѣли, и ему запрещенъ былъ въѣздъ въ столицу и предложено избрать себѣ городъ для мѣста жительства. — Онъ избралъ г. Козловъ, гдѣ купилъ себѣ домъ. Послѣ этой опалы отецъ снялъ свой портретъ въ рубашкѣ и халатѣ въ накидку и, отправившись въ Салтыки, ходилъ въ подобномъ же костюмѣ.

Помѣщаю здѣсь два стихотворенія: одно Лермонтова «Я жить хочу», а другое отца моего «Моленіе—О Господи! Прости мя!»—оба положенныя имъ на ноты.

Романсъ «Я жить хочу»

Посвящаю себѣ.

Я жить хочу, хочу печали
Любви и счастію на зло!
Онѣ мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело!
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ!
Чтò безъ страданья жизнь поэта,
И чтó безъ бури океанъ?!...

[1]) Это безсердечно не понимать меня и не симпатизировать мнѣ.
[2]) Я этого непремѣнно хочу.

«Моленіе»

О Господи! Прости мя!
Я согрѣшилъ передъ Тобой
Я сотворилъ себѣ кумиръ;
Очаровалъ кумиръ земной,
Въ чаду любви забылъ весь міръ,
И поклонялся я предъ нимъ
Всѣмъ сердцемъ и душой
Былъ преданъ весь ему!...
О, Господи! Прости мя!...

Послѣдній этотъ романсъ, кажется въ 1868 или 1869 году, былъ чудно спѣтъ Лавровской въ первый разъ въ концертѣ, данномъ отцомъ моимъ въ дворянскомъ собраніи съ аккомпанементомъ оркестра, которымъ онъ самъ дирижировалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матеріалы по исторіи русской цензуры.

II.

Мнѣніе главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи барона (впослѣдствіи графа) Корфа представляетъ собою обширный трактатъ о цензурѣ,—въ немъ сосредоточена масса весьма интересныхъ и цѣнныхъ указаній; собраны господствующія тогда мнѣнія по цензурному вопросу и находятся нѣкоторыя любопытныя историческія данныя. Вотъ почему это мнѣніе заслуживаетъ особаго вниманія.

Баронъ Корфъ начинаетъ его съ попытки разрѣшить вопросъ: въ какой мѣрѣ можетъ быть нынѣ нужно коренное преобразованіе законодательства о книгопечатаніи въ смыслѣ перехода отъ системы предварительной цензуры къ системѣ такъ называемой карательной? «Вопросъ этотъ, говоритъ баронъ Корфъ, мнѣ казалось тѣмъ необходимѣе обсудить со всею подробностью, что коммиссія, составлявшая проектъ, его почти не касалась, ибо—какъ объясняетъ ея предсѣдатель,—самый фактъ учрежденія сей коммиссіи былъ достаточнымъ указаніемъ, что правительство усмотрѣло въ дѣйствующихъ законахъ о книгопечатаніи такіе органическіе недостатки, которые не могутъ быть исправлены частными мѣрами. Но теперь, при разсмотрѣніи проекта въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ, обстоятельное разъясненіе этой стороны дѣла, очевидно, должно служить исходною точкою ко всѣмъ дальнѣйшимъ заключеніямъ.

«Разнообразныя сужденія, высказываемыя у насъ по вопросу о преобразованіи цензурнаго устава, какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ кругахъ, можно раздѣлить на три равныя группы. По мнѣнію одн**и**хъ, отмѣна цензуры съ водвореніемъ на ея мѣсто

[1]) См. „Рус. Стар." мартъ 1897 г.

*

карательной системы была бы, какъ въ настоящую пору, такъ и въ близкомъ будущемъ, не своевременна, и посему не слѣдуетъ издавать никакого общаго новаго закона о книгопечатаніи, ограничиваясь пока улучшеніемъ дѣйствующаго цензурнаго устава посредствомъ частныхъ измѣненій и дополненій. Другіе, напротивъ, считаютъ неизбѣжно необходимымъ немедленно замѣнить предварительную систему законодательствомъ, основаннымъ на началѣ чистой карательной системы. Третьи, наконецъ, признавая также нужнымъ перейти къ законодательству карательному, полагаютъ однако, что въ этомъ переходѣ должна быть соблюдена нѣкоторая постепенность. Проектъ, сообщенный мнѣ вашимъ превосходительствомъ, составленъ въ духѣ послѣдняго мнѣнія. Лица, придерживающіяся двухъ первыхъ, крайнихъ воззрѣній, какъ ни различны, впрочемъ, основанія ихъ убѣжденій, сходятся въ единогласномъ осужденіи онаго.

«Въ оправданіе перваго изъ упомянутыхъ мнѣній—о несвоевременности всякаго кореннаго преобразованія законовъ о печати—прежде всего выставляется, что карательная система, служащая цѣлью такого преобразованія, имѣя основаніе юридическое, естественно нуждается въ правильномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, и что было бы неблагоразумно, прежде чѣмъ предполагаемое новое судопроизводство оправдается на дѣлѣ, приравнивать къ нему различныя части законодательства. При этомъ замѣчаютъ, что недостатки системы предварительной цензуры часто преувеличиваются; что болѣе внимательный выборъ цензоровъ и постановленіе нѣкоторыхъ правилъ, болѣе сообразныхъ съ даннымъ временемъ и потребностями правительства и самого общества, если не совершенно, то во многомъ могутъ устранить эти недостатки; что произволъ, въ которомъ обвиняютъ цензуру, есть неизбѣжное условіе всякой полицейской или административной дѣятельности и является еще въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ, когда выражается вліяніемъ на дѣла государственныя, на службу и карьеру лицъ, чѣмъ когда задѣваетъ только самолюбіе авторовъ запрещеніемъ или передѣлываніемъ статьи; наконецъ, что если цензура въ иныхъ случаяхъ не въ состояніи услѣдить за всѣми злоупотребленіями печатнаго слова, то общее безсиліе ея въ сравненіи съ системою карательною не безусловно. Если-бъ, говорятъ, нужно было противодѣйствовать только такимъ злоупотребленіямъ слова, которыя составляютъ прямое преступленіе, если-бъ не надлежало заботиться о впечатлѣніи, которое печатное слово однимъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ можетъ произвести на умы, то выгоды карательной системы не могли бы подлежать сомнѣнію. Но цензура существуетъ не съ тѣмъ лишь, чтобъ останавливать то, что̀ есть въ печати прямо преступнаго; она служитъ орудіемъ для изъятія изъ обращенія и всѣхъ тѣхъ произведеній, которыя, по

временнымъ высшимъ видамъ правительства, считаются неудобными или несогласными съ его видами въ данный моментъ; другими словами, она—средство въ рукахъ правительства для нѣкотораго управленія общественнымъ мнѣніемъ. Отказаться отъ такого средства и замѣнить его учрежденіемъ, которое можетъ преслѣдовать только положительные проступки, было бы болѣе чѣмъ когда-либо неудобно въ настоящую переходную пору, при общемъ возбужденіи умовъ, при неумѣніи еще журналистики обсуживать государственные вопросы съ должною мѣрою и выдержностью и при непривычкѣ еще и самого правительства къ столь недавно появившейся у насъ гласности. Можно надѣяться, прибавляютъ, что черезъ нѣкоторое время публика и журналистика навыкнутъ къ болѣе хладнокровной рѣчи: тогда переходъ отъ предупредительной цензуры къ карательной совершится легко, и новыя учрежденія явятся на почвѣ для нихъ подготовленной. Нельзя не согласиться, что въ этихъ аргументахъ есть доля правды, главнѣйше въ томъ, что введеніе карательной системы по дѣламъ печати до общаго преобразованія судебной части весьма неудобно. Рѣшеніе дѣлъ о печати въ нынѣшнихъ нашихъ судахъ признается всѣми невозможнымъ; учрежденіе же для нихъ судовъ спеціальныхъ, дѣйствующихъ на основаніи особаго порядка, представляло бы, кромѣ другихъ недостатковъ подобной комбинаціи, нѣкоторую странность наканунѣ коренной реформы всего судоустройства и судопроизводства. Но совершенно другое дѣло отлагать всякое преобразованіе цензуры и по осуществленіи судебной реформы, подъ предлогомъ, съ одной стороны, что неизвѣстно еще, какъ новое судопроизводство оправдается на самомъ дѣлѣ, а съ другой—что судьи лишь впослѣдствіи пріобрѣтутъ нужную способность для разбора процессовъ о печати. Что судъ въ своей новой обстановкѣ не сразу сдѣлается у насъ совершеннымъ, что магистратура не сразу пріобрѣтетъ тѣ достоинства, которыми она отличается въ другихъ странахъ, стоящихъ выше насъ по образованію, и что вся эта часть будетъ въ теченіе времени постепенно совершенствоваться, параллельно съ общимъ развитіемъ государственной жизни и успѣхами просвѣщенія,—въ томъ нѣтъ, конечно, сомнѣнія. Но уменьшать и урѣзывать надлежащій кругъ дѣйствія судовъ значило бы именно преграждать имъ пути къ дальнѣйшему усовершенствованію, ибо способность правильно разсматривать и рѣшать дѣла, особенно же отличающіяся столь спеціальными свойствами, какъ дѣла о печати, нельзя пріобрѣсти никакимъ теоретическимъ изученіемъ, и она можетъ быть плодомъ только практической дѣятельности.

«Неимѣніе или недостаточная подготовка учрежденій для примѣненія на дѣлѣ предполагаемыхъ вообще новыхъ мѣръ есть одинъ изъ доводовъ, всего чаще приводимыхъ противъ всякаго преобразованія, которое

нарушаетъ давнишнія привычки и предубѣжденія общества, а потому естественно встрѣчаетъ среди его противодѣйствіе. На нашей близкой памяти доводъ этотъ не разъ повторялся по поводу всѣхъ почти совершенныхъ правительствомъ въ послѣдніе годы реформъ и особенно по поводу самой важной изъ нихъ—упраздненія крѣпостнаго права. Еще никто не забылъ, сколько возставали противъ своевременности освобожденія крестьянъ, какъ горячо доказывали, что преобразованіе это совершается на неподготовленной почвѣ, что для успѣшнаго осуществленія его необходимъ длинный рядъ предварительныхъ мѣръ — улучшеніе полиціи, водвореніе безкорыстія въ судахъ, учрежденіе школъ для образованія народа, и т. п. Теперь, бросая на эти прошлыя сужденія взглядъ, просвѣтленный опытомъ, отрезвленный фактами, съ трудомъ вѣришь, что такъ много людей, и, можно прибавить, людей умныхъ и образованныхъ, чистосердечно увлекались ими и не хотѣли понять, что именно въ крестьянской реформѣ и лежалъ ключъ ко всѣмъ остальнымъ, и что всѣ преобразованія безъ нея были бы тщетны, недѣйствительны, даже невозможны.

«Вопросъ о цензурѣ имѣетъ довольно сходства съ крестьянскимъ. Какъ въ крѣпостномъ правѣ, по вѣковой къ нему привычкѣ многіе видѣли основаніе стойкости нашего государственнаго организма, и мысль объ упраздненіи его возбуждала чувство безотчетнаго страха, такъ и цензура глубоко вросла въ наши обычаи, и не мало людей готовы думать, что ею единственно держится общественный порядокъ. Естественно, что предположеніе отмѣнить этотъ оплотъ должно встрѣтить горячее и часто основанное на искреннемъ убѣжденіи сопротивленіе. Но къ этому присоединяется еще одна особенность по крестьянскому дѣлу: если оспаривалась многими своевременность преобразованія, то, по крайней мѣрѣ, надобности его безусловнымъ образомъ почти никто не отвергалъ; зло крѣпостныхъ отношеній было слишкомъ очевидно; справедливость и необходимость дать права состоянія двадцати милліонамъ населенія бросалась въ глаза; споръ могъ быть исключительно о томъ, когда и какъ это сдѣлать. Вредныя стороны предварительной цензуры и благодѣтельныя дѣйствія свободы печати, напротивъ, среди нашего общества понятны не весьма многимъ; причины, вызывающія преобразованіе, схватываются и ощущаются не всякимъ; оттого здѣсь соображенія о несвоевременности большею частью служатъ лишь оболочкою, за которою просто скрывается отсутствіе убѣжденія о самой надобности или пользѣ реформы.

«Въ журналахъ коммиссіи, занимавшейся составленіемъ новаго проекта, указывается на два главныхъ недостатка предварительной цензуры, именно: на безсиліе ея удерживать литературу въ должныхъ предѣлахъ и на произволъ и придирчивость, съ которыми

сопряжено ея дѣйствіе. Если-бъ все вредное вліяніе цензуры ограничивалось этими средствами ея, если-бъ при томъ можно было согласиться съ бывшимъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, что отъ произвола цензоровъ страждетъ преимущественно лишь авторское самолюбіе писателей, статьи которыхъ запрещаются или передѣлываются, то переходъ къ карательной системѣ, конечно, нельзя было бы признать ни особенно важною, ни настоятельно нужною реформою. Хотя цензура оказывается иногда не довольно сильною въ пресѣченіи злоупотребленій слова, но есть много увлеченій, которыя недоступны для судебнаго преслѣдованія. Что же касается произвола, то справедливо говорятъ, что онъ болѣе или менѣе встрѣчается во всякой административной и полицейской дѣятельности, и если отъ него страдаетъ только самолюбіе немногихъ писателей, то это еще не составляетъ первостепеннаго зла. Необходимость органическихъ измѣненій въ учрежденіи должна, очевидно, искать себѣ оправданія въ сознаніи недостатковъ болѣе существенныхъ и глубже лежащихъ въ его основаніи.

«При разсмотрѣніи цензуры со стороны основной ея идеи, она на первый взглядъ могла бы показаться учрежденіемъ самымъ благодѣтельнымъ, необходимымъ въ благоустроенномъ государствѣ. Ея назначеніе, повидимому, указывать лучшую и правильнѣйшую дорогу умственному развитію общества, устранять изъ области мысли все ложное, вредное, опасное и расчищать путь всему истинному и полезному. Въ самомъ дѣлѣ, если-бъ существовало точное, неизмѣнное безошибочное, мѣрило для распознанія, что̀ истинно и что̀ ложно, что̀ въ произведеніяхъ человѣческой мысли можетъ принести пользу и что̀ обратится ко вреду; если-бъ нашелся ареопагъ, который, обнимая все прошедшее, настоящее и будущее человѣчества, въ состояніи былъ бы непогрѣшимо указать, какимъ путемъ должна идти наука и въ какія окончательныя формы должно вылиться общество; если-бъ при этомъ, контролируемая правительствомъ, печать была единственнымъ средствомъ распространенія новыхъ мнѣній и ученій между людьми,—установленіе цензуры было бы идеаломъ, лучше котораго нечего бы и желать. Но вѣковой опытъ доказалъ, что ни одна мысль, ни одно мнѣніе, ни одно ученіе при появленіи своемъ въ свѣтъ не носятъ на себѣ положительнаго отпечатка правдивости или лживости; многія истины—если не всѣ,—которыми постепенно обогащалось человѣчество, первоначально встрѣчались съ недовѣріемъ, должны были выдерживать борьбу и только уже среди ея выяснялись, пріобрѣтали силу и окончательно утверждались въ общемъ сознаніи. Угадать заранѣе, чему суждено жить и сдѣлаться ступенью въ развитіи просвѣщенія, чему погибнуть какъ заблужденію,—не по силамъ не только самому геніальному уму, но и цѣлымъ покolѣ-

ніямъ людей. Съ другой стороны, опытомъ не менѣе убѣдительно доказано, что доктрины дѣйствительно ложныя и опасныя успѣваютъ распространяться, несмотря ни на какія запретительныя мѣры. Онѣ находятъ для себя тысячи невѣдомыхъ и недоступныхъ ни для какой правительственной дѣятельности путей и могутъ быть останавливаемы только разоблаченіемъ той лжи, которая лежитъ на ихъ днѣ и не сразу видна за обманчивыми внѣшними покровами. Понятно, къ какимъ результатамъ должно приходить учрежденіе, которое, подъ предлогомъ направленія умственной дѣятельности народа, беретъ на себя покровительствовать однимъ произведеніямъ мысли и преслѣдовать другія. Изъ какихъ бы талантливыхъ личностей это учрежденіе ни состояло, оно роковымъ образомъ впадаетъ въ массу ошибокъ, и исторія представляетъ не одинъ примѣръ самаго крайняго умственнаго разврата въ обществѣ при строжайшихъ цензурныхъ преслѣдованіяхъ. Карательная по дѣламъ о печати система чужда всѣхъ этихъ вредныхъ послѣдствій: при дѣйствіи ея печатное слово не пользуется неограниченною, необузданною свободою; законъ страхомъ преслѣдованія останавливаетъ извѣстныя увлеченія и злоупотребленія; но злоупотребленія эти ограничиваются тѣснымъ кругомъ посягательствъ на тѣ главныя начала общественнаго порядка, которыя, по сознанію и убѣжденію всѣхъ образованныхъ народовъ, должны считаться неприкосновенными, и нападки на которыя, составляя преступленіе или проступокъ въ настоящемъ смыслѣ слова, входятъ въ область уголовнаго правосудія. Внѣ этого круга мысль и слово свободны въ движеніяхъ; никто не ищетъ управлять ими; борьба мнѣній предоставляется естественному ея ходу; каждому убѣжденію дается полный просторъ высказываться, и только отъ неизбѣжнаго столкновенія разныхъ взглядовъ, отъ всеобличающей критики ожидается распознаніе истины отъ лжи.

«Дѣйствіе предупредительной цензуры не менѣе вредно и въ другомъ отношеніи: она лишаетъ правительство драгоцѣнной помощи и поддержки въ исполненіи лежащихъ на немъ громадныхъ обязанностей. Дѣятельность, какъ законодательная, такъ и текущая, административная, для успѣшнаго хода требуетъ постоянно огромной массы свѣдѣній и указаній; правительству на каждомъ шагу необходимы и самыя разнообразныя теоретическія познанія по тѣмъ или другимъ вопросамъ государственной науки, и подробныя практическія данныя о потребностяхъ страны и разныхъ ея частей, объ условіяхъ существующаго быта, объ ощущаемыхъ неудобствахъ, неудовлетворенныхъ нуждахъ, желаніяхъ и ожиданіяхъ. Только само общество чрезъ представительницу свою—литературу, въ особенности чрезъ литературу періодическую, въ состояніи доставить правительству, въ этомъ отношеніи, нужную помощь; но этой помощи можно ожидать лишь отъ печати сво-

бодной, откровенно выражающей дѣйствительныя мысли и чувства общества; если же печати дозволено говорить единственно то, что̀ согласно съ видами и намѣреніями правительства въ данную минуту, то она, очевидно, не въ состояніи ему высказать ничего новаго и не спасетъ ни отъ одного ложнаго шага.

«Въ государствахъ Запада надъ системою предварительной цензуры, по сознанію сихъ недостатковъ ея, уже произнесенъ окончательный приговоръ. Нѣкогда, въ младенчествѣ просвѣщенія, при другихъ условіяхъ жизни и другихъ началахъ управленія, эта система была довольно распространена; но съ появленіемъ болѣе развитыхъ формъ государственнаго порядка она повсюду стала падать въ борьбѣ съ возстававшимъ противъ нея общественнымъ мнѣніемъ и нынѣ положительно отвергается законодательствами. Если же свобода слова и подвергается еще иногда довольно важнымъ ограниченіямъ, то принципъ ея не только окончательно вписанъ въ публичное право европейскихъ государствъ, но и проникнулъ всѣ ихъ учрежденія, всю общественную и частную жизнь.

«Въ Россіи, при прежнемъ порядкѣ вещей, удержаніе цензуры было бы естественно и не могло представлять особыхъ неудобствъ или затрудненій. Но въ послѣдніе годы произошелъ въ этомъ отношеніи рѣшительный переломъ. Правительство, признавъ необходимость коренныхъ улучшеній въ нашемъ быту, въ основаніе главныхъ своихъ преобразованій приняло истины, выработанныя европейской жизнью, и стало переносить къ намъ, съ нужными видоизмѣненіями, всѣ лучшія черты общественной организаціи западной Европы. Этотъ образъ дѣйствія его былъ сигналомъ, по которому приходящія съ Запада понятія съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе распространяются во всѣхъ способныхъ къ мышленію классахъ нашего общества. Послѣ этого можно ли не поставить вопроса: логическую-ли, исполнимую-ли задачу задало бы себѣ правительство, если-бъ, вступивъ на означенный путь, оно въ то же время стремилось удержать учрежденіе, съ которымъ прививаемая намъ новая жизнь нигдѣ не могла примириться, и есть-ли основаніе думать, чтобъ у насъ однихъ успѣшно совершались законодательныя преобразованія, искусно дѣйствовала администрація, правильно производился судъ, развивались и приносили желаемый плодъ вновь создаваемыя общественныя учрежденія, безъ той помощи и поддержки, которую они повсюду находятъ себѣ въ свободномъ общественномъ мнѣніи?

«Хотя цензура еще ни на часъ не переставала оффиціально у насъ существовать, но о значеніи свободнаго, общественнаго и литературнаго мнѣнія, какъ пособія правительственной дѣятельности, мы уже можемъ составить себѣ приблизительное понятіе по собственному опыту. Съ пробужденіемъ живаго интереса къ задуманнымъ въ послѣдніе годы

реформамъ, цензурный надзоръ, какъ извѣстно, внезапно ослабѣлъ до того, что въ иныя минуты дѣйствіе его было почти незамѣтно, и печать пользовалась положеніемъ, довольно близкимъ къ полной свободѣ. Отъ чего же это произошло? Еще очень недавно надзоръ цензурный, со стороны его дѣйствительности, не оставлялъ ничего желать. Происшедшая съ того времени перемѣна не была послѣдствіемъ преднамѣреннаго, заранѣе обдуманнаго плана. Въ постановленіяхъ цензурныхъ не послѣдовало въ истекшіе годы никакихъ существенныхъ измѣненій; въ цензоры назначались люди не менѣе благонадежные,—напротивъ, увеличенное содержаніе и другія преимущества еще облегчили выборъ вполнѣ способныхъ къ этой должности; попеченія высшаго правительства о предупрежденіи заблужденій печати не прекращались и не ослабѣвали,—напротивъ, никогда не было столько, сколько въ послѣднее время, заботъ и стараній о бдительнѣйшемъ надзорѣ за литературою. Были создаваемы даже особыя учрежденія собственно съ цѣлію направлять общественное мнѣніе. Но всѣ усилія, въ окончательномъ результатѣ, приводили къ послѣдствіямъ, прямо противнымъ желаемому. Причину сему можно очевидно искать лишь въ измѣненіи той обстановки, той атмосферы, которою прежде окружена была цензура и которая дѣлала существованіе ея естественнымъ и логическимъ. Появились новыя условія жизни, вездѣ бывавшія ея смертнымъ приговоромъ. Оказалось, что когда въ обществѣ возникаетъ истинная потребность свободно высказываться, правительству дѣлается невозможнымъ противодѣйствовать сему; потребность эта обращается въ неудержимую силу, отъ которой не спасается и оффиціальный кругъ, ибо и онъ дышетъ однимъ воздухомъ со всѣми. Мы безпрестанно видѣли это на событіяхъ истекшихъ годовъ. Цензоры, прежде пользовавшіеся репутаціею строгости, вдругъ стали на все смотрѣть сквозь пальцы. Само высшее правительство не могло не оцѣнить услугъ, какія должна была оказать ему свободная литературная дѣятельность, а посему старалось и по самымъ основнымъ вопросамъ не изгонять полезнаго ему разногласія, допуская столкновеніе взглядовъ и нѣкоторую независимость сужденій и само уже передавая въ печати на судъ публики свои проекты, но въ то же время, не отрекаясь отъ прежняго желанія—руководить литературою и направлять ее согласно предвзятымъ видамъ, не могло самою силою вещей не втягиваться въ рядъ безвыходныхъ противорѣчій и затрудненій. Ошибочно было бы видѣть въ этихъ противорѣчіяхъ и затрудненіяхъ одно частное явленіе и думать, что они могутъ быть устранены частными мѣрами. Дѣло можетъ быть исправлено только посредствомъ органическихъ, коренныхъ улучшеній.

«Итакъ, кратковременный, слабый опытъ нашей полуосвобожденной отъ бдительнаго цензурнаго надзора печати уже представилъ до-

казательства тѣхъ истинъ, къ сознанію которыхъ пришли нынѣ всѣ образованныя страны: что въ жизни государствъ наступаютъ эпохи, когда управленіе общественною мыслью посредствомъ цензуры дѣлается невозможнымъ, когда свобода печатнаго слова становится необходимостью для самого правительства, и когда только въ этой свободѣ находится дѣйствительное противоядіе тому, что̀ она можетъ произвести дурнаго. На будущее время намъ предстоитъ два пути: или сойти съ той дороги, на которую правительство теперь вступило, т. е. отказаться отъ совершенія элементовъ, которые оно внесло въ нашу жизнь, и отъ благодѣтельнаго дѣйствія учрежденій, такъ горячо ожидавшихся, или же и положеніе печати согласить съ цѣлымъ строемъ общественнаго нашего движенія. Хотя-бы этотъ послѣдній путь и былъ, какъ впрочемъ все человѣческое, сопряженъ съ тѣми или другими частными неудобствами, непреложный законъ историческаго развитія, кажется, дѣлаетъ для насъ выборъ его неизбѣжнымъ.

«Остается еще одно возраженіе, именно, что преобразованіе цензуры должно быть отложено потому, что исключительныя обстоятельства настоящей минуты дѣлаютъ его теперь въ особенности неудобнымъ.

«Выборъ удобнаго момента для коренной реформы въ общественномъ быту есть безспорно вопросъ важный. Какъ бы она ни была нужна и полезна, могутъ быть временныя причины, по которымъ необходимо иногда и отсрочить. Нельзя отрицать, что правительство неосторожно поступило бы, если-бъ освободило печать въ такую пору, когда бы, вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ, находилось во враждебныхъ съ обществомъ отношеніяхъ, когда бы желанія и виды общества не соотвѣтствовали его намѣреніямъ, и свобода слова могла бы обратиться въ опасное для спокойствія государства орудіе. Но именно въ виду этого соображенія дарованіе бо̀льшей свободы печати нашей въ настоящую пору должно признать болѣе своевременнымъ, нежели когда-либо.

«Правительство, въ теченіе ряда послѣднихъ годовъ, не только не шло наперекоръ стремленіямъ страны, но, напротивъ, во всѣхъ своихъ мѣрахъ стремилось постоянно предупреждать самыя задушевныя ея желанія. Если, дѣйствуя такимъ образомъ, оно еще не признаетъ себя въ правѣ разсчитывать на сочувствіе и поддержку общественнаго мнѣнія, то надобно потерять надежду когда-либо пріобрѣсти эту поддержку. Впрочемъ факты уже краснорѣчиво высказались: въ послѣднее время едва успѣли раскрыться въ своей наготѣ ученія, столько пугавшія нѣкоторыхъ,—общество убѣдительно доказало, на чьей сторонѣ еще настоящія симпатіи и такъ ли опасно для порядка и вредно для государства выраженіе истинныхъ его мыслей и чувствъ. Конечно, эти мысли не между всѣми одинаковы: есть недовольные, готовые подни-

мать голосъ противъ всего, что ни дѣлается. Но такая оппозиція, — если только можно назвать оппозиціею кучку людей, затронутыхъ въ ихъ личныхъ интересахъ, или же питающихся несбыточными мечтами, — составляетъ явленіе всегда и вездѣ неизбѣжное; скрытая или явная — она не можетъ существовать въ государствѣ, и нѣтъ никакого основанія думать, чтобъ она съ теченіемъ времени исчезла или даже ослабѣла: событія будутъ всегда давать ей довольно пищи, а свойства человѣческой природы дѣлаютъ ее неизбѣжною. Между тѣмъ защитники здравыхъ понятій и благоразумныхъ стремленій едва-ли когда-либо будутъ сильнѣе и въ болѣе выгодномъ предъ нею положеніи, чѣмъ именно теперь.

«Коммиссія, составлявшая проектъ новаго устава о книгопечатаніи, предпочитаетъ первый изъ означенныхъ способовъ, т. е. ввести нынѣ систему смѣшанную, состоящую въ сущности въ томъ, чтобъ освободить отъ предварительной цензуры всѣ сочиненія, объемомъ не менѣе 20 печатныхъ листовъ, подвергая ихъ лишь отвѣтственности предъ судомъ, освобождать и періодическія изданія, редакторы которыхъ согласятся, независимо отвѣтственности предъ судомъ, подлежать особымъ административнымъ взысканіямъ; для всѣхъ же прочихъ произведеній литературы оставить цензуру до времени въ прежнемъ положеніи.

«Противъ этого плана заявляется множество возраженій, одинаково раздающихся какъ изъ стана защитниковъ настоящаго порядка, такъ и изъ другаго, противнаго имъ стана, желающихъ немедленнаго водворенія полной свободы печати. Первое, что поражаетъ въ проектѣ коммиссіи, говорятъ, есть самая двойственность началъ, положенная въ его основаніе, двойственность, свидѣтельствующая о неясности взгляда на предметъ, о неумѣньи сладить съ его трудностями, о нерѣшительности и излишней боязливости, никогда и нигдѣ не приводившей къ хорошимъ результатамъ. Чтобы видѣть, какія несообразности непремѣнно влечетъ за собою эта двойственность, достаточно обратить вниманіе на то постановленіе проекта, которое стоитъ, такъ сказать, на межѣ двухъ разнородныхъ, не вяжущихся между собою системъ. Постановляется, что всѣ изданія, относящіяся къ области наукъ, словесности и искусствъ, объемомъ менѣе 20 печатныхъ листовъ, подвергаются предварительной цензурѣ. Почему, спрашивается, менѣе 20 листовъ? Почему въ дѣлѣ чисто качественномъ взято за основаніе дѣленія количество? И что значитъ печатный листъ? Съ этимъ словомъ, по самому его существу, не можетъ соединяться никакое понятіе опредѣленное, могущее служить извѣстнымъ предѣломъ права: листы бываютъ различной величины; количество помѣщающагося на нихъ письменнаго матеріала зависитъ отъ различія въ

шрифтахъ, отъ способовъ набора и т. п., да къ тому же на предварительную цензуру книги (кромѣ журналовъ) представляются въ рукописяхъ, когда, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о томъ сколько изъ нихъ выйдетъ печатныхъ листовъ. При опредѣленіи различія между изданіями по одному объему или внѣшней формѣ всякому открывается очевидное, легкое средство обходить дѣйствіе закона: рядъ статей, не пропущенныхъ цензурою къ напечатанію отдѣльно, можетъ явиться впослѣдствіи въ видѣ сборника, имѣющаго болѣе назначеннаго числа листовъ, и правительство будетъ поставлено въ фальшивое и непріятное положеніе, находясь вынужденнымъ или нарушить законъ, или же дозволить безнаказанное обращеніе въ публикѣ того, что было имъ запрещено. При всѣхъ этихъ несообразностяхъ и неудобствахъ дѣйствительное облегченіе, приносимое предположенною системою, состояло бы лишь въ безцензурности сочиненій объемомъ въ 20 печатныхъ листовъ и болѣе. Но именно эти сочиненія, ни по численности своей, ни по значенію въ движеніи общественнаго мнѣнія, не имѣютъ у насъ большой важности. Интересъ ученый, говорятъ, покуда самый слабый въ нашемъ отечествѣ,— ученымъ сочиненіямъ цензура не много мѣшаетъ, они не жалуются на нее и сдѣлаютъ свою дорогу и безъ отмѣны ея; не въ нихъ вопросъ и не къ нимъ должны быть направляемы заботы, а къ тѣмъ произведеніямъ, въ которыхъ лежитъ главная сила нашей умственной дѣятельности, которыя обнимаютъ собою то, что шевелитъ, занимаетъ и тревожитъ массу народную. Между тѣмъ относительно этихъ произведеній проектъ коммиссіи не только закрѣпляетъ старое, сознанное зло, а еще прибавляетъ новую язву—административныя взысканія, заключающія въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ постоянно протестовали и протестуютъ всѣ благомыслящіе люди. Система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ, нежели предупредительная цензура, ибо наказываетъ за вину, не предвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ. Она могла оказаться необходимою, какъ средство чрезвычайное, тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное орудія предварительной цензуры, не считало возможнымъ къ ней возвратиться: но что вынуждаетъ подражать въ этомъ отношеніи примѣру другихъ, когда мы желаемъ не утѣсненія, а расширенія свободы слова?

«Благодѣтельное вліяніе перехода отъ предупредительной системы къ карательной на литературу и общество должно выразиться преимущественно въ послѣдствіяхъ двоякаго рода: съ одной стороны, въ томъ, что литературная дѣятельность, вмѣсто подчиненія случайному произволу администраціи, попеременно—то слишкомъ придирчивой, то недовольно бдительной, будетъ регулироваться учрежденіями, дѣйствующими на основаніи однажды принятыхъ постоянныхъ принциповъ и

твердыхъ правилъ; съ другой стороны — въ томъ, что, подлежа отвѣтственности только за прямыя нарушенія закона, она въ своихъ движеніяхъ пріобрѣтетъ болѣе свободы и независимости, а отъ того правильнѣе и естественнѣе будетъ слагаться общественное мнѣніе, будутъ скорѣе и полнѣе опровергаться заблужденія и разоблачаться ложныя ученія, зрѣлѣе разрабатываться вопросы, какъ научные, такъ и общественные, и быстрѣе подыматься уровень образованія въ государствѣ. Но чтобы карательная система на самомъ дѣлѣ производила эти, ожидаемыя отъ нея дѣйствія, необходимы и въ народѣ, и въ представителяхъ власти извѣстныя качества и свойства. Литература, какъ выраженіе живой мысли, не можетъ не увлекаться и не впадать иногда въ заблужденія: въ увлеченіяхъ—ея неотъемлемое свойство. Цензура стремится ихъ предупреждать и пресѣкать. При карательной же системѣ иныя изъ этихъ увлеченій хотя и подлежатъ судебному преслѣдованію, но только тѣ, которыя переходятъ за извѣстную черту, означенную въ уголовныхъ законахъ; остальныя допускаются къ свободному обращенію и отпоръ имъ ищется въ умственныхъ и нравственныхъ силахъ самого общества. Въ этомъ свободномъ обращеніи нѣкоторой доли неправды на-ряду съ истиною — одно изъ драгоцѣннѣйшихъ свойствъ карательной системы, и чрезъ это именно она дѣлается могущественнымъ двигателемъ просвѣщенія и орудіемъ воспитанія народа. Въ странѣ, издавна къ сему привыкшей, подобное обращеніе не можетъ возбуждать опасеній: къ выражаемымъ въ печати мнѣніямъ читающая публика относится свободно и твердо; она не увлекается первою заманчивою мыслью и не смущается отъ слишкомъ смѣлаго и рѣзкаго слова. Но въ странѣ, гдѣ правительство въ теченіе многихъ лѣтъ тщательно сдерживало печатное слово въ узкихъ рамкахъ, заботливо оберегая читателя отъ всякой мысли, могущей непріятно нарушить его умственное спокойствіе, отъ всякаго нехорошо звучащаго выраженія; гдѣ все печатавшееся появлялось съ засвидѣтельствованіемъ одобренія и какъ-бы съ аттестатомъ отъ правительства,—въ народѣ образуется и особый ненормальный взглядъ на печать: ее чтутъ, какъ что-то почти непреложное, ей и вѣрятъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и боятся ее болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Взглядъ этотъ, однажды образовавшись, входитъ въ нравы и понятія и не можетъ исчезнуть или измѣниться внезапно, а пока онъ существуетъ, совершенно свободное обращеніе печатнаго слова въ народѣ можетъ, въ иныхъ случаяхъ, вести къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ.

«Значительное въ послѣднее время ослабленіе цензуры начало пріучать русское общество относиться къ явленіямъ прессы съ надлежащимъ благоразуміемъ, и въ главныхъ центрахъ образованія у насъ, безъ сомнѣнія, есть теперь кружки людей, для которыхъ самая полная свобода печати не имѣла бы ничего несвоевременнаго. Но въ массѣ чи-

тающей публики привычки и воззрѣнія, образовавшіяся подъ вліяніемъ прежней системы, дѣйствуютъ еще съ довольно большою силою, и излишняя вѣра въ печатное, равно какъ боязнь печатнаго еще не перестали быть отличительною чертою народнаго характера.

Это незнакомство съ условіями и требованіями свободы печатнаго слова въ самой большей части раздѣляютъ у насъ съ обществомъ и тѣ органы государственной власти, которымъ должно принадлежать примѣненіе карательныхъ законовъ. Законъ о преступленіяхъ печати менѣе чѣмъ всякій другой уголовный законъ можетъ быть точенъ и опредѣлителенъ; какъ ни тщательно будутъ означены въ немъ признаки преступленій, рѣшеніе, при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ какой мѣрѣ почитать преступнымъ произведеніе литературы, должно весьма много зависѣть отъ собственнаго усмотрѣнія суда. Тамъ, гдѣ свобода слова вошла въ нравы, гдѣ относительно предѣловъ, въ которыхъ она должна заключаться, существуютъ твердыя убѣжденія, судъ, въ подобныхъ случаяхъ, является глашатаемъ господствующаго мнѣнія; инстинктъ, общій всему населенію, подсказываетъ судьямъ вѣрное рѣшеніе. Но гдѣ — какъ у насъ, въ Россіи,—о свободѣ слова знаютъ только по наслышкѣ, гдѣ на самую пользу и надобность ея смотрятъ еще весьма различно и о томъ, чтò можетъ безъ вреда быть допущено къ обращенію въ публикѣ и чтò нѣтъ, каждый думаетъ по своему,—тамъ рѣшенія суда не могутъ не усвоить себѣ того же характера случайности и произвола, въ которомъ нынѣ основательно обвиняютъ дѣйствія цензуры; они не будутъ ни примѣненіемъ мысли законодателя,—которую съ совершенною точностью и высказать невозможно,—ни выраженіемъ мнѣнія всего общества,—котораго еще нѣтъ,—и станутъ представлять лишь индивидуальный, болѣе или менѣе удачный взглядъ лицъ, занимающихъ судейскія кресла, или посаженныхъ жребіемъ на скамью присяжныхъ. Передать, при такихъ условіяхъ, печать въ исключительное вѣдѣніе судовъ и сдѣлать ихъ разомъ единственными и безусловными регуляторами литературнаго движенія—едва-ли значило бы создать и для самой литературы то твердое, спокойное и обезпеченное положеніе, какое рисуется въ воображеніи многихъ при названіи карательной системы.

«Говорятъ, что совокупное примѣненіе двухъ, исключающихъ одна другую, системъ наблюденія надъ печатью—предупредительной и карательной—представило бы явную непослѣдовательность и въ теоріи, и на практикѣ. Это замѣчаніе не лишено основанія. Законъ, не истекающій изъ одного начала, не можетъ быть ни такъ логиченъ, ни такъ теоретически хорошъ, какъ бы могло желаться. Однако извѣстно, что законы, отличавшіеся самою безукоризненною чистотою началъ и правильностью развитія, иногда бывали самыми неудобными въ приложеніи. Изъ неудобствъ практическихъ, могущихъ произойти отъ двойствен-

ности системы, выставляются самыми важными тѣ, къ которымъ даетъ поводъ неопредѣленность и нетвердость понятій о печатномъ листѣ, принимаемомъ за основаніе раздѣленія всѣхъ произведеній литературы на подчиненныя и не подчиненныя цензурѣ. Но примѣръ иностранныхъ государствъ убѣждаетъ, что эти неудобства отнюдь не такъ неодолимы, какъ кажется съ перваго взгляда, и во всякомъ случаѣ не такъ важны, чтобы перевѣсить причины, по которымъ смѣшанная система можетъ на время признаваться нужною. Затрудненіе узнавать напередъ, по писанному оригиналу, сколько выйдетъ изъ него печатныхъ листовъ, легко устранить дозволеніемъ всѣ изданія, относительно которыхъ можетъ быть какое-либо сомнѣніе, представлять на разсмотрѣніе цензора въ корректурѣ, какъ то разрѣшается проектомъ для журналовъ, сочиненій по точнымъ наукамъ, лексиконовъ, грамматикъ и т. п. Что же касается нераціональности вообще основываться на извѣстномъ, однажды навсегда опредѣленномъ объемѣ сочиненій для отнесенія къ числу подлежащихъ дѣйствію предварительной цензуры, а другихъ—къ числу освобожденныхъ отъ нея, то все, возражаемое противъ этого, можно сказать и противъ множества подобныхъ, весьма часто встрѣчающихся постановленій. Такъ, напримѣръ, законъ гражданскій назначаетъ двадцать лѣтъ съ годомъ, какъ предѣлъ совершеннолѣтія, но никто, конечно, не скажетъ, чтобъ лицо, имѣющее отъ роду 20 лѣтъ и 364 дня, еще не было способно къ управленію собою и своими дѣлами, а чрезъ сутки пріобрѣтало вдругъ эту способность. Точно такимъ же образомъ опредѣляются извѣстные сроки для подачи просьбъ или начатія исковъ, для теченія давности и т. д. Находить неудобство и несообразность назначеній подобнаго рода весьма не трудно, и однакожъ это есть по сіе время лучшее, что законы всѣхъ странъ могли изобрѣсть для приведенія разнообразныхъ случайностей жизни къ какимъ-либо общимъ, постояннымъ формуламъ. Предположеніе объ изъятіи отъ цензуры сочиненій объемомъ болѣе извѣстнаго числа листовъ, конечно, не на той мысли основывается, чтобы всѣ безъ изъятія сочиненія этого размѣра требовали менѣе строгихъ мѣръ наблюденія, а истекаетъ изъ соображенія,—вѣрность котораго едва-ли можно оспаривать,—что такія сочиненія суть въ огромномъ ихъ большинствѣ произведенія серьезнаго труда, которыя заслуживаютъ особаго поощренія, въ которыхъ вредныя увлеченія встрѣчаются рѣже и которыя, какъ по цѣнѣ своей, такъ и по степени образованія, нужной въ читателѣ, распространяются въ болѣе тѣсномъ кругѣ, а, слѣдовательно, представляютъ меньшую опасность, чѣмъ брошюры, памфлеты и другія проиведенія летучей литературы.

«Изъ всѣхъ возраженій, заявляемыхъ противъ смѣшанной системы, самыя сильныя тѣ, которыя касаются вводимаго въ нее института административныхъ взысканій. Похвалять этотъ институтъ было бы

трудно, и потому единственнымъ оправданіемъ допущенія взысканій сего рода въ новомъ законѣ можетъ быть лишь присущій ему характеръ переходной мѣры, которая, какъ уже замѣчено, по самому свойству своему не имѣетъ задачею исправленіе всего, чтó въ существующемъ порядкѣ есть нераціональнаго или ошибочнаго. Принципъ административныхъ взысканій существуетъ у насъ въ данномъ съ 12-го мая 1862 г. министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія правѣ, при вредномъ направленіи періодическаго изданія, прекращать оное на срокъ до восьми мѣсяцевъ. Новый законъ, въ которомъ этотъ принципъ хотя и удерживается, но въ смягченной формѣ, собственно въ видѣ условія для освобожденія періодическихъ изданій отъ предварительной цензуры, условія, которому никто не будетъ подчиненъ безъ собственнаго на то согласія, еще не можетъ быть названъ, какъ говорятъ иные, шагомъ назадъ. Если-бъ при семъ были приняты тѣ замѣчанія о способѣ наложенія административныхъ взысканій, то институтъ этотъ, удовлетворяя надобности болѣе бдительнаго на первое время надзора за періодическою прессою, утратилъ бы многія стороны, наиболѣе дѣлающія его вреднымъ и наиболѣе всѣхъ противъ него вооружающія».

Обращаясь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ §§ проекта цензурнаго устава, баронъ Корфъ прежде всего останавливается на § 1, на основаніи котораго печататься и выходить въ свѣтъ безъ предварительной цензуры могутъ изданія объемомъ въ д в а д ц а т ь и б о л ѣ е листовъ. «Эта норма, заимствованная изъ прежнихъ французскихъ и нѣмецкихъ законовъ, говоритъ онъ, могла въ свое время быть хороша для странъ, гдѣ литературная дѣятельность сосредоточивалась преимущественно въ сочиненіяхъ значительнаго объема. Но у насъ, въ настоящую пору, когда большая часть литературы поглощается журналистикою, когда капитальныя сочиненія вообще такъ рѣдки, да и изъ нихъ многія выходятъ частями, или выпусками не очень объемистыми, освобожденіе отъ цензуры однѣхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ не менѣе 20-ти листовъ, было бы по дѣйствію своему почти ничтожно. По приблизительному исчисленію, сдѣланному за послѣдніе полгода, число такихъ книгъ не составляетъ и седьмой части всѣхъ выходящихъ сочиненій. Поэтому необходимо было бы вышеозначенную норму понизить по крайней мѣрѣ, до д е с я т и листовъ. Такимъ образомъ свободою отъ цензуры воспользовалось бы до т р е т и всѣхъ сочиненій; неудобства же или вреда отъ этого ожидать нельзя, ибо изданія, имѣющія не менѣе 10-ти листовъ (слѣдовательно не менѣе 160-ти страницъ in—8), по характеру своему почти не разнятся отъ двадцати листовыхъ, т. е. принадлежатъ, наравнѣ съ послѣдними, къ литературѣ серьезной, обращающейся въ небольшомъ кругу читателей.

«Весьма интересна исторія § 5 проекта устава. Министерство внутреннихъ дѣлъ приняло особое мнѣніе одного члена коммиссіи, состоявшее въ томъ, чтобъ освобожденіе періодическихъ изданій отъ цензуры по просьбамъ издателей, съ подчиненіемъ ихъ дѣйствію административныхъ взысканій, поставить въ зависимость отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Невыгодныя стороны такого порядка уже были объяснены въ мнѣніи 5-ти членовъ, въ которомъ указывается, между прочимъ, на неудобство создать особую привилегированную категорію періодическихъ изданій. Извѣстно, какъ общественное мнѣніе щекотливо ко всему, что касается отношеній между писателями и правительствомъ; какъ легко заподозриваетъ оно честность и искренность убѣжденій и съ какимъ недовѣріемъ и нелюбовью обращается ко всякому мнѣнію, искусственно поддерживаемому властью. Раздѣленіе газетъ и журналовъ на пользующіеся довѣріемъ правительства и на состоящія какъ бы во всегдашнемъ подозрѣніи неблагонадежности, повидимому, имѣетъ цѣлью дать болѣе простора и силы первымъ; но на дѣлѣ оно, весьма вѣроятно, повело бы къ совершенно противному, т. е. къ усиленію вліянія идей, именно враждебныхъ правительству, законности и порядку. Вообще съ переходомъ къ началамъ карательной системы надобно бы, сколько можно, уменьшать случаи прямаго вмѣшательства администраціи въ борьбу литературныхъ партій и мнѣній; освобожденіе же тѣхъ или другихъ изданій отъ цензуры, по усмотрѣнію администраціи, составило бы такое явное и рѣзкое проявленіе этого вмѣшательства, какого нѣтъ и въ дѣйствующемъ нынѣ порядкѣ.

«На основаніи § 8 разсмотрѣнію духовной цензуры должны подлежать статьи и мѣста духовнаго содержанія въ сочиненіяхъ, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры. Правило это можетъ повести на практикѣ къ довольно важнымъ неудобствамъ и недоразумѣніямъ, а между тѣмъ едва-ли принесетъ какую-либо вещественную пользу. По смыслу § 7 духовная цензура признается нужною не для всякихъ сочиненій, относящихся къ религіознымъ предметамъ, а лишь для спеціально богословскихъ, именно для заключающихъ въ себѣ изложеніе догматовъ православной вѣры, толкованія св. писанія, житія святыхъ угодниковъ и т. п. Безъ сомнѣнія, то же самое разумѣется и въ § 8 подъ словами, «собственно духовнаго содержанія»: но статей и мѣстъ съ такимъ характеромъ обыкновенно вовсе не бываетъ въ сочиненіяхъ и изданіяхъ не духовныхъ».

Баронъ Корфъ возстаетъ весьма рѣзко противъ того правила цензурнаго устава, по которому каждый, желающій выпускать въ свѣтъ періодическое изданіе, обязанъ внести въ главное управленіе денежный залогъ въ размѣрѣ: для изданій, выходящихъ безъ цензуры,—отъ 2,000 до 5,000 р., смотря по тому, какъ часто изданіе выходитъ; для изданій

же, подлежащихъ цензурѣ,—на половину менѣе. Отъ внесенія такого залога освобождаются только изданія чисто оффиціальныя или чисто ученыя, хозяйственныя и техническія.

«Устанавливаемая этими правилами система залоговъ, говоритъ баронъ Корфъ, будетъ совершенною новизною въ русскомъ законодательствѣ. Она, конечно, существуетъ въ большей части европейскихъ государствъ; но авторитетъ западныхъ государствъ едва-ли и не есть единственный въ ея пользу доводъ, при чемъ даже не легко дать себѣ ясный отчетъ въ причинахъ, по которымъ эта система тамъ утвердилась.

«Составлявшая проектъ коммиссія думаетъ, что главное назначеніе залоговъ съ періодическихъ изданій—служить обезпеченіемъ уплаты денежныхъ штрафовъ, къ которымъ тѣ изданія могутъ быть присуждены. Въ этомъ смыслѣ сочтено нужнымъ ввести залоги и къ намъ. Но денежные штрафы опредѣляются закономъ не за одни преступленія и проступки, совершаемые печатнымъ словомъ; они составляютъ обыкновенную мѣру взысканія за всякаго рода нарушенія, безпрестанно случающіяся въ жизни; въ числѣ разнообразныхъ занятій въ кругу человѣческой дѣятельности есть много такихъ, избирающій которыя рискуетъ подвергнуться штрафамъ не менѣе, чѣмъ редакторъ журнала. Уголовный законъ однако ни отъ кого никогда не требуетъ обезпеченія на случай совершенія имъ какого-либо проступка. Законъ предвидитъ возможность несостоятельности со стороны приговореннаго къ денежному штрафу и установляетъ для сего нужныя правила, опредѣляя или замѣнъ штрафа другимъ наказаніемъ, или взысканіе слѣдующихъ денегъ гражданскимъ порядкомъ, съ личнымъ задержаніемъ виновнаго,—во всякомъ случаѣ такъ, что несостоятельность не обращается въ выгоду послѣдняго. Такого рода постановленія есть и у насъ, какъ въ дѣйствующемъ уложеніи о наказаніяхъ (статьи 92—94), такъ и въ составленномъ нынѣ во второмъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по порученію Государственнаго Совѣта, проектѣ устава о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ. Затѣмъ, имѣя въ виду, что случаи несостоятельности редакторовъ журналовъ къ уплатѣ штрафовъ въ нѣсколько десятковъ или сотенъ рублей должны представляться, конечно, не чаще, чѣмъ случаи такой же несостоятельности въ массѣ населенія, не усматривается достаточнаго основанія принимать въ отношеніи къ нимъ однимъ исключительную мѣру предупрежденія. Итакъ, съ юридической точки зрѣнія, какъ способъ обезпеченія денежныхъ штрафовъ, залоги не выдерживаютъ критики. Должно думать, что иностранныя правительства, выставляющія пользу и надобность ихъ съ одной этой стороны, не совсѣмъ искренни, и что за наружными объясненіями скрывается другая мысль, которую, впрочемъ, и не трудно угадать. Встрѣчающееся въ соображеніяхъ коммиссіи замѣчаніе, что вве-

*

деніе залоговъ совпадаетъ съ отмѣною предварительной цензуры, не безусловно справедливо. Въ двухъ государствахъ, впервые усвоившихъ себѣ эту систему, именно въ Англіи и во Франціи, она введена послѣ того, какъ законодательства уже провозгласили свободу печати отъ предварительнаго одобренія, и когда правительства, не считая возможнымъ обратиться къ цензурѣ, искали другихъ средствъ для противодѣйствія прессѣ. Въ числѣ такихъ средствъ, еще весьма рано, въ прошедшемъ столѣтіи, начали вводиться разныя фискальныя стѣсненія журналистики, какъ то: установленіе штемпельной пошлины, пошлины съ объявленій, съ бумаги и т. д. Требованіе денежныхъ залоговъ съ издателей было, кажется, не болѣе, какъ отдѣльнымъ звеномъ въ ряду подобныхъ мѣръ, и имѣло общую со всѣми ими цѣль—остановить распространеніе періодической прессы и сдѣлать ее достояніемъ одной только достаточной части населенія. Во Франціи, при введеніи системы залоговъ, цѣль эта была прямо высказана. Шатобріанъ, которому, какъ замѣчено коммиссіею, принадлежитъ первая мысль о залогахъ, говорилъ, что газета есть трибуна, и что какъ въ палатѣ съ трибуны можетъ говорить лишь тотъ, кто платитъ 1,000 фр. податей въ годъ, то справедливо и отъ издателя газеты требовать залога, соотвѣтствующаго ежегодному доходу въ равную сему сумму. Такому воззрѣнію законодательство французское осталось совершенно вѣрно и при дальнѣйшемъ развитіи своемъ: по закону 1835 года размѣръ денежныхъ залоговъ съ газетъ былъ опредѣленъ до 100,000 фр., и нынѣ онъ доходитъ еще до 50,000 фр.—суммы, очевидно многимъ превосходящія то, что могло бы быть нужно исключительно для покрытія штрафовъ. У насъ требованіе залоговъ, въ видѣ обезпеченія исправной уплаты штрафовъ, представило бы явленіе еще болѣе странное, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Тамъ система денежныхъ взысканій за преступленія печати вообще чрезвычайно развита: такъ во Франціи въ 1819 году, когда были въ первый разъ введены залоги, за нѣкоторыя преступленія этого рода назначалась пеня въ 10,000 фр. По настоящему же проекту высшій размѣръ штрафовъ есть 500 руб., а средній—около 200 р. Большинство коммиссіи полагало назначить для ежегодныхъ газетъ размѣръ залога въ 2,800 р., основываясь на томъ, что срокъ для пополненія залога, въ случаѣ сдѣланнаго изъ него вычета на уплату пени, опредѣляется проектомъ двухнедѣльный, и желая, чтобы залога достало на уплату всѣхъ пеней, если-бъ газета, въ теченіе означенныхъ двухъ недѣль, каждый день подвергалась взысканію. Меньшинство же коммиссіи, заключеніе котораго принято въ окончательной редакціи проекта,—находитъ и это недостаточнымъ, замѣчая, что газета можетъ впадать въ нарушенія по нѣскольку разъ въ день, слѣдовательно болѣе четырнадцати разъ въ недѣлю. Натянутость сихъ сужденій достаточно, кажется, обнаруживаетъ невѣрность точки зрѣнія, изъ которой исходятъ предположенія коммиссіи о залогахъ.

«Устраняя мысль о надобности залоговъ, какъ гарантіи исправной уплаты штрафовъ, можно ввести ихъ въ виду двухъ цѣлей: 1) чтобъ отдать періодическую прессу преимущественно въ руки людей болѣе зажиточныхъ, отъ которыхъ скорѣе можно ожидать уваженіе и привязанность къ общественному порядку, и 2) чтобъ удержать эту прессу вообще отъ слишкомъ сильнаго развитія.

«Самый выпуклый примѣръ установленія залоговъ для сосредоточенія журналистики въ кругѣ зажиточныхъ классовъ представляетъ, какъ замѣчено, исторія французскаго законодательства временъ Людовика-Филиппа, когда размѣръ залоговъ съ ежедневныхъ газетъ былъ доведенъ до 100,000 фр. Неизвѣстно, однако, принесло ли такое установленія предвидѣнную пользу, придало ли оно прессѣ болѣе благоразумія и консервативныхъ стремленій и сдѣлало ли ее менѣе опасною для порядка и правительства. При невозможности довести у насъ залоги до размѣра, сколько-нибудь приближающагося къ вышеуказанному, трудно ожидать результатовъ болѣе дѣйствительныхъ. Требованіе капитала въ 5,000, разумѣется, иногда не допуститъ до литературнаго предпріятія то или другое неимущее лицо, а взамѣнъ привлечетъ болѣе имущее, или же успѣвшее получить содѣйствіе чужаго капитала, но въ общемъ итогѣ весьма сомнительно, чтобы въ кругѣ журнальныхъ дѣятелей прибавилось, вслѣдствіе этого, сколько-нибудь благонамѣренности, здравомыслія или другихъ желаемыхъ качествъ.

«Но если залоги едва-ли въ состояніи возвысить уровень умственныхъ или нравственныхъ достоинствъ журналистовъ, то введеніе ихъ, несомнѣнно, имѣло бы другое весьма важное дѣйствіе: составляя налогъ, и налогъ довольно тяжелый, на журналистику, они помѣшали бы общему ея развитію, стѣснили и ограничили бы кругъ литературныхъ предпріятій. Посему, если-бъ государственная власть считала нужнымъ стремиться къ этой послѣдней цѣли, ей нельзя было бы избрать лучшаго средства. Всякій согласится, что власть должна имѣть средства для обузданія литературы и особенно періодической прессы; я думаю и отчасти уже имѣлъ случай выразить выше, что на первое время для этого недостаточно даже одного карательнаго правосудія и необходимы болѣе сильныя, чрезвычайныя орудія, именно цензура или административныя взысканія, а равно предоставленіе администраціи, по своему усмотрѣнію, разрѣшать или не разрѣшать новыя періодическія изданія. Но между этими средствами и системою залоговъ та существенная разница, что первыя направляются исключительно противъ злоупотребленій, имѣютъ въ виду предупреждать и пресѣкать одни опасныя для общества увлеченія; вторая же дѣйствуетъ безразлично и на хорошую, и на дурную прессу, не дозволяя основываться многимъ изданіямъ, въ числѣ которыхъ могло бы явиться еще болѣе полезныхъ,

чѣмъ вредныхъ. Были примѣры, что правительства, испугавшись взволнованнаго состоянія умовъ и приписывая его излишнему развитію политической печати, думали предупредить вредныя отъ нея послѣдствія, обставляя изданіе газетъ и журналовъ разными затрудненіями и дѣлая оное недоступнымъ для большаго числа лицъ. Но послѣдующія событія почти всегда показывали, что старанія этого рода приводятъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ. Журналистика, ограниченная узкимъ кругомъ дѣятелей, централизованная въ немногихъ рукахъ, пріобрѣтаетъ всѣ свойства и силу монополіи, журналы становятся тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ они малочисленнѣе; распространенные каждый между огромнымъ числомъ читателей, не зная соперничества, они безъ всякаго имъ противорѣчія господствуютъ надъ умами и становятся настоящею властью въ государствѣ; дѣло доходитъ до того, что отъ образа мыслей двухъ, трехъ публицистовъ начинаетъ зависѣть спокойствіе общества и безопасность правительства. Совершенно въ другія условія поставлена пресса тамъ, гдѣ правительство не ставитъ ее на искусственный пьедесталъ и предоставляетъ вещи свободному теченію: журналы, правда, размножаются и проникаютъ во всѣ слои населенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ ихъ неестественное обаяніе; падаетъ то суевѣрное благоговѣніе, съ которымъ относятся въ малообразованной странѣ ко всякому печатному слову; ни одно ученіе или направленіе не можетъ насильственно овладѣть большими массами населенія, ибо каждое имѣетъ тѣсный кругъ распространенія и встрѣчаетъ себѣ отпоръ; народъ пріучается относиться къ произведеніямъ печати такъ же спокойно и самостоятельно, какъ къ обыкновенному говору людскому, въ которомъ смѣсь дурнаго и хорошаго, ложнаго и истиннаго никого не смущаетъ. Стремиться къ водворенію такого порядка вещей намъ, въ настоящее время въ особенности, необходимо; мы теперь вступили въ тотъ именно періодъ полуобразованія и полузнакомства съ гласностью и съ печатнымъ словомъ, который неизбѣженъ въ жизни каждаго народа, но чрезъ который, для блага государства, желательно пройти какъ можно скорѣе. Вернуться назадъ нельзя, да и никто, дорожащій успѣхами нашего развитія, не рѣшится посовѣтовать этого, а затѣмъ выходъ изъ настоящаго положенія только одинъ: стараться, чтобы познанія и привычка къ умственной дѣятельности сколько можно быстрѣе разливались и утверждались въ массахъ. Печать—самое дѣйствительное орудіе къ достиженію этой цѣли».

Баронъ Корфъ возражаетъ также весьма рѣзко и существенно противъ того § проекта, по которому радакторъ повременнаго изданія преслѣдуется за содержаніе всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ изданіи. «Существо вины редактора, говоритъ онъ, часто состоитъ лишь въ томъ, что онъ въ

своемъ изданіи далъ другому средство къ совершенію преступленія. Тутъ, очевидно, онъ является болѣе пособникомъ или участникомъ, чѣмъ главнымъ виновнымъ. Могутъ быть даже случаи, что онъ пропуститъ статью противозаконнаго содержанія неумышленно, по неосторожности или небрежности, конечно непростительной въ его званіи, но ни въ какомъ случаѣ не составляющей преступленія уголовнаго. Извѣстно, что иногда, даже и при довольно внимательномъ чтеніи литературнаго произведенія, не сразу можно угадать преступность мысли, и одному то, въ чемъ другой видитъ злой умыселъ, кажется совершенно невиннымъ. Совѣсть судьи не позволитъ ему, при разборѣ дѣлъ, оставлять безъ вниманія подобныя соображенія, уменьшающія виновность редактора; почему опредѣленіе въ законѣ безразлично строгой отвѣтственности редакторовъ во всѣхъ случаяхъ на практикѣ нерѣдко имѣло бы послѣдствіемъ,—какъ обыкновенно бываетъ, когда строгость закона расходится съ чувствомъ справедливости,—совершенную ихъ безнаказанность. Для предупрежденія этого должно бы, по моему мнѣнію, сдѣлать различіе между статьями, помѣщаемыми въ повременномъ изданіи за подписью ихъ авторовъ, и тѣми, которыя появляются безъ подписи, или же съ подписью лицъ, находящихся внѣ предѣловъ дѣйствія нашихъ судовъ. Статьи безъ подписи справедливо считать выраженіемъ собственныхъ мыслей и мнѣній редактора, который долженъ нести за нихъ полную и даже исключительную отвѣтственность; не слѣдуетъ не только требовать, но даже и принимать отъ него объявленій объ имени сочинителей подобныхъ статей, когда сами они не пожелаютъ назвать себя. Но что касается статей, подписанныхъ именемъ автора, то за преступное содержаніе оныхъ правильнѣе преслѣдовать въ качествѣ главныхъ виновниковъ ихъ сочинителей, редактора же—лишь въ качествѣ пособника или участника, съ тѣмъ, чтобы, когда статья противозаконнаго содержанія пропущена редакторомъ неумышленно, по одной небрежности или невниманію, судъ смягчалъ слѣдующее ему наказаніе, ни въ какомъ случаѣ не назначая мѣру онаго свыше ареста на три мѣсяца, или денежнаго штрафа въ 300 руб. Статьи, подписанныя начальными буквами или псевдонимомъ, можно сравнить съ статьями, подписанными именемъ автора, если редакторъ оное объявитъ, а въ противномъ случаѣ—съ анонимными».

Баронъ Корфъ останавливается на постановкѣ въ проектѣ оскорбленій чести, совершаемыхъ посредствомъ печатнаго слова.

«По проекту, говоритъ онъ, эти оскорбленія дѣлятся на два вида: поруганіе, подъ которымъ разумѣется всякій оскорбительный отзывъ, выражающій презрѣніе или заключающій въ себѣ злословіе или брань, но безъ указанія опредѣленнаго позорящаго обстоятельства, и опозореніе, т. е. оглашеніе такого обстоятельства, которое можетъ повредить

чести, достоинству или доброму имени. За проступокъ втораго рода назначается наказаніе болѣе строгое, чѣмъ за первый; при чемъ не дѣлается никакого различія, было ли обстоятельство, подвергшееся оглашенію, истинно или ложно, а въ проектируемыхъ правилахъ судопроизводства постановлено даже, что обвиняемому въ опозореніи не дозволяется представлять доказательства справедливости позорящаго обстоятельства, кромѣ случаевъ, когда оно касается случаевъ служебной или общественной дѣятельности лица, состоящаго въ государственной или общественной службѣ: тогда допускается, въ подтвержденіе его, письменныя доказательства.

«Есть лица, полагающія, что законъ долженъ преслѣдовать, какъ оскорбленіе чести, только поруганіе и клевету, т. е., въ первомъ случаѣ, соединеніе чьего-либо имени съ выраженіями чисто бранными, а во второмъ, разглашеніе фактовъ, могущихъ нанести кому-либо ущербъ или вредъ въ общемъ уваженіи и при томъ вымышленныхъ, оглашеніе же фактовъ истинныхъ, хотя бы и непріятныхъ для того или другаго лица, считать дѣломъ позволительнымъ и даже полезнымъ. Какъ ни заманчивы на первый взглядъ доводы, которыми мысль эта подкрѣпляется, и которые основаны на соображеніяхъ о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ гласности, о необходимости суда общественнаго мнѣнія, восполняющаго дѣйствіе оффиціальнаго правосудія и т. д., однако, по тщательномъ обсужденіи предмета, я не могу не присоединиться къ мнѣнію составлявшей настоящій проектъ коммиссіи. Слѣдуя примѣру большей части иностранныхъ законодательствъ, она сочла необходимымъ установить наказаніе за опозореніе въ смыслѣ оглашенія всякаго оскорбительнаго для кого-либо факта, хотя бы даже истиннаго. Но, остановившись на этой, по мнѣнію моему, совершенно справедливой мысли, составители проекта въ дальнѣйшемъ развитіи и примѣненіи ея уклонились, кажется, въ крайность, вслѣдствіе которой начертанныя ими правила на дѣлѣ были бы не совсѣмъ справедливы и довольно стѣснительны.

«Во-первыхъ, иностранныя законодательства, а еще болѣе утвердившаяся повсюду судебная практика хотя и держатся вообще начала, что печатное оглашеніе оскорбительныхъ для кого-либо фактовъ есть дѣйствіе недозволенное, однако, преступность каждаго поступка этого рода ставятъ въ ближайшую зависимость отъ обнаруженной при томъ злой воли обвиняемаго и посему не признаютъ поступокъ подлежащимъ наказанію, если доказано, что обвиняемый не имѣлъ прямаго намѣренія принести кому-либо ущербъ въ его чести или имуществѣ. Какъ извѣстно, нерѣдко бываютъ случаи, когда оскорбленіе дѣлается совершенно неумышленно, т. е. когда самъ авторъ статьи не давалъ себѣ яснаго отчета, что обнаруживаемое имъ обстоятельство содержитъ въ

себѣ что-либо обидное для того или другаго лица. Не дозволить суду избавлять отъ наказанія въ подобныхъ случаяхъ—значило бы подавить и тѣ проявленія гласности, которыя нельзя не признать спасительными для общества. Проектъ же настоящаго устава вовсе не упоминаетъ объ означенныхъ случаяхъ и даже въ опредѣленіи опозоренія не указываетъ на злую волю, какъ на необходимый элементъ этого преступленія.

«Во-вторыхъ, проектъ не только признаетъ всякое опозореніе подлежащимъ наказанію, но не дѣлаетъ вовсе никакого различія между опозореніемъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. оглашеніемъ факта дѣйствительнаго, и клеветою, назначая за оба вида преступленія одну и ту же мѣру взысканія и запрещая подсудимому представлять доказательства въ подтвержденіе обнаруженнаго имъ. Отъ этого, съ одной стороны, исчезаетъ огромное различіе, существующее между оскорбленіемъ человѣка посредствомъ оглашенія какого-либо касающагося его и на самомъ дѣлѣ случившагося обстоятельства и клеветою; съ другой же стороны, самъ оскорбленный ставится въ весьма затруднительное и непріятное положеніе, ибо для него часто самое важное не то, чтобы оскорбителя своего подвести подъ наказаніе, а то, чтобъ оправдаться предъ обществомъ, чтобъ изгладить подозрѣніе, которое успѣла набросить на него, въ глазахъ публики, зависть или злоба. Запрещеніе доказывать и разыскивать справедливость печатно приведенныхъ противъ него обстоятельствъ лишило бы самаго необходимаго, законнаго, неотъемлемо ему принадлежащаго, удовлетворенія.

«Для устраненія означенныхъ неудобствъ можно бы, по моему мнѣнію, взамѣнъ содержащихся въ проектѣ правилъ объ оскорбленіяхъ чести постановить слѣдующее:

а) Всякое оглашеніе о частномъ лицѣ или обществѣ, должностномъ лицѣ или установленіи такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени,— есть о п о з о р е н і е. Оглашеніе такого же обстоятельства вымышленнаго есть к л е в е т а. Всякій оскорбительный отзывъ о частномъ лицѣ или обществѣ, должностномъ лицѣ или установленіи, выражающій презрѣніе или заключающій въ себѣ злословіе или брань, но безъ указанія опредѣленнаго позорящаго обстоятельства,—есть п о р у г а н і е.

б) Учинившій, посредствомъ способовъ, въ § 109 означенныхъ, клевету, подвергается заключенію въ тюрьмѣ на сроки, означенные въ ст. 42 Улож. о наказ. (по прод.), или аресту на время отъ четырехъ дней до трехъ мѣсяцевъ.

в) Учинившій посредствомъ способовъ, въ § 109 означенныхъ, опозореніе, подвергается аресту на время отъ четырехъ дней до трехъ мѣсяцевъ или денежному взысканію не свыше трехъ сотъ рублей.

Если позорящее обстоятельство касается семейной или вообще частной жизни, то можетъ быть назначено:

Заключеніе въ тюрьмѣ на сроки, опредѣленные въ ст. 42 Улож. о наказ. (по прод.) для второй и третьей степени наказаній сего рода.

Суду предоставляется вовсе освобождать виновнаго отъ наказанія, когда будетъ доказано, что онъ не имѣлъ прямаго намѣренія нанести ущербъ чьей-либо чести, доброму имени или достоянію.

г) Учинившій посредствомъ способовъ, въ § 109 означенныхъ, поруганіе, подвергается аресту на время отъ четырехъ дней до трехъ мѣсяцевъ или денежному взысканію не свыше трехъ сотъ рублей.

д) Лицу, обществу или установленію, считающему себя опозореннымъ вслѣдствіе оглашенія какого-либо, касающагося его, обстоятельства, предоставляется вчинать искъ о клеветѣ или объ опозореніи. При искѣ объ опозореніи судъ не входитъ въ изслѣдованіе справедливости позорящаго обстоятельства, и подсудимые не допускаются до представленія въ томъ доказательствъ, кромѣ случаевъ, когда означенное обстоятельство касается чьей-либо служебной или общественной дѣятельности: въ этихъ случаяхъ могутъ быть представляемы доказательства порядкомъ, означеннымъ въ правилахъ о судопроизводствѣ».

Баронъ Корфъ очень подробно останавливается на проектируемыхъ правилахъ относительно цензуры книгъ, изданныхъ за-границей; онъ находитъ весьма непослѣдовательнымъ то различіе между иностранной и внутренней цензурой, которое установлено нашимъ цензурнымъ уставомъ. «Коммиссія, составлявшая проектъ, говоритъ онъ, соглашается, что печатаемымъ въ Россіи книгамъ, объемомъ болѣе извѣстнаго числа листовъ, можно дозволить появляться въ свѣтъ безъ предварительнаго просмотра цензурою, и это заключеніе основывается главнѣйше на томъ, что подобныя книги, по своему содержанію и по цѣнѣ, обращаются въ наименьшемъ кругѣ читателей, слѣдовательно не могутъ быть удобнымъ орудіемъ направленной противъ общественнаго спокойствія пропаганды. Но это самое свойство еще въ большей мѣмѣрѣ принадлежитъ всѣмъ сочиненіямъ на иностранныхъ языкахъ; они доступны еще меньшему числу читателей, и потому должны возбуждать еще менѣе опасеній. Если съ распространеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и сопряженъ какой-либо вредъ, то многимъ ли, на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе отмѣны для нихъ цензуры, можетъ онъ увеличиться? Выше уже было говорено о слабости и безсиліи внутренней цензуры: она, однако, даетъ правительству положительное средство не допускать до обращенія въ свѣтъ извѣстныхъ сочиненій. Произведеніе, запрещенное внутреннею цензурою, дѣйствительно не появляется въ печати. Но объ иностранной цензурѣ никакъ нельзя этого сказать. Повсемѣстный опытъ доказываетъ, что со всѣми внѣшними атрибутами бдитель-

ности и строгости, со всею своею обстановкою запрещеній, вычеркиваній и вырѣзываній она на дѣлѣ почти ничего не останавливаетъ, почти ни отъ чего не ограждаетъ и, производя много наружнаго эффекта, приходитъ, въ сущности, къ совершенно ничтожнымъ результатамъ. Всякому извѣстно, что при постоянномъ у насъ существованіи иностранной цензуры нѣтъ и не было запрещенной книги, которой бы нельзя было достать; что именно въ то время, когда правительство всего строже преслѣдовало извѣстныя лондонскія изданія, они расходились въ Россіи въ тысячахъ экземпляровъ, и ихъ можно было найти едва не въ каждомъ домѣ, чтобы не сказать въ каждомъ карманѣ; что когда мы всего болѣе озабочиваемся ограждeніемъ нашей молодежи отъ доктринъ матеріализма и соціализма, трудно указать студента или даже ученика старшихъ классовъ гимназій, который бы не прочелъ какого-нибудь сочиненія, гдѣ извращаются всѣ здравыя понятія объ обществѣ или разрушаются основанія всякой нравственности и религіи. Подобные факты—не исключительное явленіе нашей жизни: они представлялись вездѣ, гдѣ существовала иностранная цензура. Они и дали поводъ къ извѣстному, можетъ быть слишкомъ рѣзкому, но въ оригинальности своей не лишенному мѣткости, сравненію, что стремиться оградить общество отъ проникновенія извнѣ вредныхъ идей посредствомъ цензуры—все равно, что думать защитить свой садъ отъ птицъ заперевъ ворота.

«Разрушеніе такой преграды, конечно, не можетъ угрожать истинною опасностью. Оно, по моему убѣжденію, будетъ, напротивъ, положительно полезно, ибо цензура, не имѣя довольно силы, чтобъ вовсе препятствовать ввозу иностранныхъ книгъ въ государство, однако до извѣстной степени затрудняетъ его; это затрудненіе не чувствительно для книгъ, которыя по своему крайнему направленію, по смѣлости идей, по легкости и неосновательности изложенія особенно заманчивы для большинства публики, но оно значительно мѣшаетъ той обширной категоріи сочиненій, на которыя публика не бросается, которыхъ не берутъ на-расхватъ,—сочиненій, въ которыхъ проводятся ученія болѣе умѣренныя, хотя на взглядъ цензора все еще не позволительныя, и которыя, по серьезному характеру своему, по преобладающему въ нихъ духу научнаго изслѣдованія, по болѣе здравымъ критическимъ пріемамъ, могли бы служить школою для умовъ и лучшимъ огражденіемъ противъ необдуманныхъ увлеченій. Этого разряда книгъ цензура лишаетъ общество и такимъ образомъ оставляетъ его на полную жертву сочиненій самаго сомнительнаго свойства, тысячью путями вездѣ проникающихъ и распространяющихся.

«Не менѣе вредное дѣйствіе должно признать за иностранною цензурою, если отъ области научной перейти къ области политики и об-

сужденія современныхъ вопросовъ. Въ этой области постоянною программою цензуры въ теченіе многихъ лѣтъ было: не допускать до обращенія у насъ ничего, чѣмъ бы могъ оскорбиться самый щекотливый патріотизмъ русскаго, т. е. никакого оспариванія нашихъ правъ въ международной политикѣ, или защиты заявляемыхъ противъ насъ притязаній, никакихъ взводимыхъ на насъ обвиненій, никакихъ нападокъ на наше устройство, жизнь, обычаи, на свойства нашего характера и т. п.; она такимъ образомъ удаляла именно все то, чѣмъ бы могло раздражаться народное самолюбіе, и, слѣдовательно, оживляться и скрѣпляться національное чувство. Вслѣдствіе этого, при обсужденіи европейскою публицистикою самыхъ важныхъ и жизненныхъ для насъ вопросовъ, наша пресса не могла имѣть голоса, и оставался полный просторъ разглашеніямъ нашихъ противниковъ. О результатахъ, къ которымъ естественно долженъ вести подобный порядокъ вещей, я не буду много распространяться. Думаю, что только подъ кровомъ его могъ сложиться противъ насъ, въ мнѣніи почти всей европейской публики, тотъ непонятный заговоръ, который обнаружился въ трудныхъ, хотя съ честью для насъ развязавшихся, событіяхъ минувшаго года,—заговоръ, основанный на столь безсовѣстныхъ клеветахъ, столь превратномъ обращеніи съ исторіею и столь нагломъ извращеніи всякихъ понятій о правѣ. Само правительство, внявъ голосу фактовъ, уже осудило прежнюю систему, и цензура съ прошлаго года стала, по польскому вопросу, пропускать въ газетахъ статьи въ самомъ враждебномъ для насъ духѣ. Опытъ, кажется, блестящимъ образомъ оправдалъ этотъ новый взглядъ. Но то, что оказалось по вопросу о Польшѣ, въ маломъ видѣ повторяется и при всѣхъ другихъ. При громадномъ значеніи, какое пріобрѣло нынѣ на западѣ общественное мнѣніе, при постоянно возрастающемъ вліяніи его на дѣла и при болѣе и болѣе скрѣпляющихся сношеніяхъ нашихъ съ государствами запада, правительство наше не можетъ не встрѣчаться съ затрудненіями, если будетъ устранять нашу литературу отъ борьбы съ представителями взглядовъ, господствующихъ въ другихъ странахъ. Участвовать же въ этой борьбѣ мы, очевидно, можемъ только находясь въ постоянно свободномъ умственномъ общеніи съ ними. Вреда отъ этого общенія, можетъ быть, было еще позволительно опасаться въ то время, когда мы, по своимъ учрежденіямъ, далеко отстали отъ Европы, когда въ осужденіи рабства и въ аналогіи суда присяжныхъ видѣлась критика на основныя начала нашего государственнаго быта. Но теперь, что̀ можетъ принести намъ европейская литература для насъ чуждаго или дѣйствительно опаснаго, если не считать тѣснаго кружка доктринъ, всѣми осужденныхъ, и которыхъ, какъ замѣчено выше, и цензура не останавливаетъ? Напротивъ, преобладающій въ западной литературѣ духъ зрѣлой, обстоятель-

ной разработки вопросовъ—естественное послѣдствіе цивилизаціи болѣе старой, жизни болѣе богатой опытомъ, ошибками и разочарованіями—можетъ лишь содѣйствовать отрезвленію и укрѣпленію не совсѣмъ осѣвшихся умовъ нашей пишущей и читающей публики. Посему казалось бы нужнымъ не только не препятствовать цензурнымъ стѣсненіямъ, ввозу и обращенію у насъ произведеній иностранной печати, а стараться облегчать ихъ распространеніе всѣми путями».

По всѣмъ этимъ соображеніямъ баронъ Корфъ предполагаетъ установить слѣдующія правила для иностранной цензуры: «1) Всѣ изданія, напечатанныя за-границею на языкахъ русскомъ и польскомъ, допускаются къ обращенію въ имперіи не иначе, какъ по одобреніи ихъ цензурою, согласно дѣйствующему порядку. 2) Изданія, напечатанныя за-границею на иностранныхъ языкахъ, допускаются къ свободному обращенію въ имперіи безъ предварительной цензуры. Посему на таможняхъ изданія такія пропускаются безпрепятственно; означенныя же въ п. 1-мъ пересылаются въ цензурное управленіе по существующимъ правиламъ. 3) Обращеніе въ имперіи каждаго изданія противозаконнаго содержанія можетъ быть особо воспрещаемо судомъ, какъ по непосредственному усмотрѣнію обвинительной судебной власти, такъ и вслѣдствіе сообщеній отъ главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія, а равно по просьбамъ частныхъ лицъ. За продажу или распространеніе запрещеннаго такимъ образомъ изданія, виновные, даже когда не было съ ихъ стороны упомянутаго выше преступнаго умысла, подлежатъ взысканію. Для сего постоянно ведутся и доставляются, какъ во всѣ книжныя лавки, такъ и въ мѣстныя полицейскія управленія, реестры запрещенныхъ судами иностранныхъ книгъ. 4) Книгопродавцамъ не запрещается выписываемыя ими иностранныя изданія представлять на предварительное одобреніе цензуры. Въ случаѣ запрещенія такого изданія впослѣдствіи, къ нему примѣняется правило о вознагражденіи за убытки. 5) Если главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія, признавая иностранное сочиненіе нарушающимъ законъ, передастъ вопросъ о дозволеніи ему обращаться въ имперіи судебному разсмотрѣнію, то въ ожиданіи воспослѣдованія рѣшенія суда продажа этого сочиненія можетъ быть, по распоряженію главнаго управленія, пріостановлена. Для сего книгопродавцы всѣмъ, получаемымъ ими изъ за-границы, сочиненіямъ обязаны представлять точные реестры надлежащему правительственному установленію, и продажа вновь выписанныхъ сочиненій можетъ начинаться не прежде, какъ чрезъ три дня послѣ представленія тѣхъ реестровъ. 6) Выписываемые изъ-за-границы чрезъ почтамтъ газеты и журналы на иностранныхъ языкахъ немедленно по приходѣ сообщаются, въ одномъ экземплярѣ, назначенному для того отъ правительства лицу или учрежденію; еже-

дневныя газеты разсылаются подписчикамъ не ранѣе, какъ чрезъ два часа послѣ сообщенія этого экземпляра, а журналы еженедѣльные или еще рѣже выходящіе—не ранѣе, какъ чрезъ 24 часа. Какъ въ означенный промежутокъ времени, такъ и позже, разсылка нумера журнала или газеты можетъ быть остановлена».

Сообщ. **В. Бинштокъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

ь побили і языковъ взяли 15 ч(е)л(о)-къ, да знамя бѣлое, а на немъ клеймо да арабана. А какъ н(а)ши ратные люди ими к Менску догнали і на ихъ спи-ь в городъ и въѣхали, и город Менскъ ли, и полковниковъ салдатцкихъ с пол-я по городу поставили".

писавъ въ письмѣ отъ 3-го августа 5 г., взятіе города Динабурга присту-ъ, на которомъ „всѣхъ наших было 0 (ч.). А убито і ранено немного", онъ анчиваетъ это письмо слѣдующими сло-и: „Пісан в н(а)ш(е)мъ городе преже нованном Диноборке, а н(ы)не в царе-ном Борисоглѣбове городе августа въ е(нь)".

Кромѣ описанія походовъ и военныхъ ствій, въ письмахъ царя Алексѣя Михай-вича встрѣчаются свѣдѣнія и другаго ха-ктера. Такъ въ письмѣ отъ 10-го іюня 1655 онъ сообщаетъ весьма важное извѣстіе: а буди намъ, г(о)с(у)д(а)р(м)нямъ, вѣдомо, привезли к намъ из Аѳонския горы е)стъ ц(а)ря Константина да гл(а)ву ина Златоустаго, которым кр(е)стомъ рь Константин победил Максентия".

Въ 69-мъ письмѣ (послѣднемъ изъ помѣ-нныхъ въ разсматриваемомъ сборникѣ), 24 сентября 1674 или 1675 г. (съ точ-стью годъ не установленъ), царь обра-ется сперва къ своимъ дочерямъ Евдокіи, рѳѣ, Софіи, Екатеринѣ, Маріи, Ѳеодосіи, талія, и Ѳеодорѣ Алексѣевнамъ, потомъ второй женѣ своей царицѣ Наталіи, за-мъ къ сестрамъ своимъ царевнамъ Иринѣ, нѣ и Татіанѣ Михайловнамъ и наконецъ своимъ сыновьямъ, царевичамъ Ѳеодору, анну и Петру Алексѣевичамъ, извѣщаетъ ъ о благополучномъ прибытіи въ Троице-ргіевъ монастырь, и, какъ бы предчувствуя ою близкую кончину, посылаетъ всѣмъ оимъ роднымъ благословеніе. 29-го января 76 года царя Алексѣя Михайловича не ало.

Н. К-ш-ъ.

Начальникъ «деташемента» арміи импе-атрицы Екатерины Великой подполков-икъ Гейсманъ. Составилъ П. А. Гейс-анъ.

Военные подвиги русскихъ войскъ въ льскія и турецкія войны Екатерины II имѣли большое вліяніе на развитіе русскаго оеннаго искусства. Военное дѣло въ Рос-и въ царствованіе Великой императрицы остигаетъ небывалой высоты, всецѣло сохра-яя самостоятельныя черты своего развитія идя дорогою, указанною геніемъ Петра Великаго.

Конечно, самыми блестательными предста-ителями русскаго военнаго искусства этой похи являются «знаменитые фельдмаршалы»: Румянцевъ, Суворовъ и Потемкинъ; но об-щему движенію впередъ русскаго военнаго дѣла немало содѣйствовали и многіе дру-гіе талантливые люди этого времени съ гра-фомъ П. И. Панинымъ во главѣ.

Въ числѣ старшихъ армейскихъ офице-ровъ, составлявшихъ многочисленный и хо-рошо подготовленный контингентъ для ком-плектованія начальствовавшаго персонала, находились выдающіяся личности, военныя дѣйствія которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія. Къ такимъ старшимъ армейскимъ офицерамъ принадлежалъ и прапрадѣдъ авто-ра разбираемаго нами очерка—начальникъ одного изъ «деташементовъ», дѣйствовавшихъ противъ «польскихъ возмутителей» (конфе-дератовъ), главнымъ образомъ въ западной части нынѣшней Галиціи въ 1771 году,—Троицкаго пѣхотнаго полка подполковникъ И. И. Гейсманъ.

Гейсману съ небольшимъ самостоятель-нымъ «деташементомъ» приходилось въ одно и то же время выполнять три возложенныя на него задачи: обороніять сообщенія съ на-шей главной арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ; защищать ввѣренный ему довольно обширный участокъ отъ конфедератовъ и помогать, въ случаѣ надобности, начальни-камъ сосѣднихъ отдѣльныхъ отрядовъ. Эти задачи были выполнены Гейсманомъ вполнѣ успѣшно и, если бы не ранняя смерть на стѣнахъ Кракова, то ему, основательно усвоившему всѣ главные принципы Суворова, быть можетъ, предстояла бы блистательная карьера. На 23-мъ году секундъ-маіоръ, на 26-мъ—премьеръ-маіоръ, на 30-мъ—подпол-ковникъ, на 31-мъ—начальникъ отряда и представленный къ производству въ полков-ники, Гейсманъ былъ, видимо, отличаемъ начальствомъ, не взирая на отсутствіе про-текціи. Начальство дало ему слѣдующую аттестацію, могущую служить примѣромъ того, какъ писались въ то время подобные документы: «По россійски, по нѣмецки, по французски и по голландски умѣетъ и сверхъ того знаетъ арифметики, геометріи, форти-фикаціи и артилеріи... Въ отпуску въ домѣ ни на какое время не бывалъ.., ни въ ка-кихъ штрафахъ не бывалъ... Въ должности званія своего прилеженъ, отъ службы не отбываетъ, подъкомандныхъ своихъ содер-житъ и военной экзерциціи обучаетъ поря-дочно и къ сему тщаніе имѣетъ, лѣности ради больнымъ не рапортуется и во всемъ ведетъ себя такъ, какъ исправному штабъ-офицеру надлежитъ, и какъ по чину своемъ опрятенъ, такъ и никакихъ отъ него непоряд-ковъ не происходитъ, и такихъ пороковъ, ко-торые по указу государственной военной кол-легіи 765 году января 29 дня написаны, не имѣетъ для чего и повышенію чина достоинъ».

Очеркъ П. А. Гейсмана, знакомящій чи-тателя съ дѣйствіями И. И. Гейсмана въ 1771 году противъ польскихъ конфедератовъ, читается съ большимъ интересомъ.

Н. К-ш-ъ.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. МАЙ. 1897 годъ.

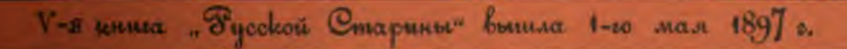
СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Аполлона Николаевича Майкова. Гравир. К. Адтъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайши утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.
1897.

Библiографическiй листокъ.

Ч. Вѣтринскiй (Вас. Е. Чешихинъ) Т. Н. Грановскiй и его время. Историческiй очеркъ. Москва 1897 г. X+320.

Имя Тимофѣя Николаевича Грановскаго, профессора Московскаго университета принадлежитъ въ русскомъ обществѣ къ числу самыхъ извѣстныхъ именъ, произносимыхъ съ невольнымъ почтенiемъ, и называется неизмѣнно однимъ изъ первыхъ, какъ только рѣчь заходитъ о профессорахъ сороковыхъ годовъ.

Авторъ разбираемой нами книги поставилъ себѣ задачею—обрисовать жизнь и дѣятельность Грановскаго, который былъ, какъ извѣстно, представителемъ такъ называемаго „западническаго" направленiя. «Только возсоздавъ совокупность внѣшнихъ условiй и теченiй эпохи, и возможно выяснить историческiя заслуги всякаго дѣятеля въ желательной полнотѣ»,--читаемъ въ предисловiи. Сказавъ въ первыхъ двухъ главахъ своей книги о дѣтствѣ и юности Грановскаго, годахъ его ученья и о пребыванiи за границей,--авторъ болѣе подробно останавливается на сороковыхъ годахъ—перiодѣ времени, когда имя Грановскаго пользовалось наибольшею популярностью. Тутъ мы видимъ Тимофѣя Николаевича какъ историка, съ его нравственно-философскими воззрѣнiями, и какъ лектора; мы видимъ его въ интимной жизни и въ средѣ кружковъ сороковыхъ годовъ,—какъ общественнаго дѣятеля, выступившаго съ публичными лекцiями, имѣвшими большой успѣхъ и породившими много разнообразныхъ толковъ (въ этомъ отношенiи заслуживаютъ особеннаго вниманiя главы VIII—X). Вотъ въ краткихъ словахъ содержанiе интересной книги В. Е. Чешихина.

Такъ какъ главное содержанiе книги составляютъ сороковые годы, то мы и приводимъ отзывъ автора объ этой эпохѣ. «Достаточно извѣстно,—говоритъ г. Вѣтринскiй,—что все, чѣмъ такъ или иначе можетъ гордиться русское общество: литература, занявшая почетное мѣсто въ ряду европейскихъ литературъ, наука—конечно не та «русская» наука, которую собирались насаждать въ эпоху 1848—55 гг., даже не славянофильская наука—зачатки общественнаго самосознанiя, реформы 60-хъ годовъ, поразительная по глубинѣ и значенiю и осуществленныя правительствомъ лишь при содѣйствiи передовой части общества,—все это тѣсно связано съ жизнiю, думами и проповѣдью людей сороковыхъ годовъ».

Нелишнимъ считаемъ сопоставить съ этимъ отзывомъ автора—мнѣнiе извѣстнаго историка А. Пыпина. Въ его «Характеристикахъ литературныхъ мнѣнiй» (Спб. 1890, стр. 517) читаемъ: «Насъ отдѣляетъ отъ литературныхъ школъ сороковыхъ годовъ цѣлый перiодъ новаго развитiя, въ которомъ совершилось много важныхъ событiй, общественныхъ и литературныхъ; теперь привыкли считать описываемое нами время (40-е годы) давнимъ прошлымъ, которое мы далеко опередили; но какъ ни важны многiя изъ совершившихся перемѣнъ, въ сущности наше время, по своему содержанiю, еще не такъ далеко ушло отъ этого давняго прошедшаго и не исполнило тѣхъ задачъ, которыя это прошедшее ставило нашему общественному развитiю и литературѣ».

Въ общемъ, книга г. Вѣтринскаго даетъ вполнѣ вѣрную и безпристрастную оцѣнку дѣятельности одного изъ главныхъ представителей эпохи 40-хъ годовъ и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Н. К-ш-въ.

Ksia'ze Repnin i Polska w pierwszem czterolecin panowania Stanislawa Auvusta (1764—1768) przez Alkara. Kraków Nakladem autora 1897 Два тома.

Сочиненiе, заглавiе котораго мы выписали—новинка исторической литературы—представляетъ собою обширный трудъ, посвященный описанiю политическаго состоянiя Рѣчи Посполитой польской въ первое четырехлѣтiе царствованiя Станислава-Августа, т. е. передъ первымъ ея раздѣломъ въ связи съ обзоромъ дипломатической дѣятельности русскаго посла въ Польшѣ, кн. Н. В. Репнина (р. 1734+1801 г.).

Г. Алькаръ раздѣлилъ свой трудъ на десять частей, подраздѣливъ послѣднiя на главы. Первый томъ обнимаетъ собою: предисловiе (стр. 1—18), въ которомъ авторъ дѣлаетъ оцѣнку источниковъ избранной имъ темы и шесть частей. Въ первой заключающей въ себѣ I, II и III главы (стр. 21—58), г. Алькаръ описываетъ шагъ за шагомъ ходъ политики петербургскаго двора съ момента полученiя извѣстiя изъ Дрездена о смерти Августа III до избранiя на польскiй престолъ литовскаго стольника Станислава Понятовскаго; во второй части—главы IV—VI (61—109)—говорится объ отношенiи Россiи къ Польшѣ послѣ избранiя Понятовскаго, объ усиленiи русскаго влiянiя, объ уступчивости и слабости новаго короля; въ третьей части—главы VII—IX (118—147)—изображается положенiе дѣлъ передъ сеймомъ 1766 г.; въ четвертой—главы X—XV (151—230)—описывается сеймъ 1766 г.; въ пятой—главы XVI—XIX (233—279)—рѣчь идетъ объ отношенiи къ Польшѣ другихъ державъ, о возрастающемъ влiянiи русской дипломатiи въ лицѣ Репнина и о постепенномъ ослабленiи престижа королевской власти; шестая часть—остальныя семь (XX—XXVI)

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

МАЙКОВЪ.

Графъ Шуваловъ и Наполеонъ въ 1814 году [1]).

30-го марта (11 апрѣля) 1814 г. былъ подписанъ въ Парижѣ такъ называемый Фонтенеблоскій трактатъ, опредѣлявшій дальнѣйшую судьбу императора Наполеона и его семейства. Послѣ этого, по словамъ Тьера, не оставалось ничего другого, какъ вывезти изъ предѣловъ Франціи побѣжденнаго и заключеннаго въ Фонтенебло льва. Въ видахъ этого Коленкуру было поручено войти въ соглашеніе съ союзными монархами относительно предстоявшаго Наполеону путешествія, представлявшаго тѣ трудности, что надо было проѣзжать черезъ южныя провинціи, крайне враждебно настроенныя по отношенію къ низложенному императору. Слѣдствіемъ этого соглашенія явилось назначеніе со стороны Россіи, Австріи и Англіи особыхъ коммисаровъ, которымъ было поручено сопровождать Наполеона въ его путешествіи и наблюдать какъ за точнымъ соблюденіемъ договора 30-го марта, такъ и за безопасностью Наполеона. Коммисарами были назначены: со стороны Россіи—графъ Шуваловъ, Австріи — генералъ Коллеръ и Англіи—лордъ Бургершъ, отказавшійся отъ этого порученія, когда онъ узналъ, что ему придется сопутствовать Наполеону до самаго острова Эльбы, и замѣненный полковникомъ Кэмбелемъ. Первоначально предполага-

[1]) Въ настоящее время опубликованы воспоминанія или же донесенія Коллера, Трухсеса, Кэмбеля, коммисаровъ, сопровождавшихъ Наполеона во время его путешествія изъ Фонтенебло въ апрѣлѣ 1814 г. Помѣщаемыя же здѣсь донесенія генералъ-адъютанта графа Павла Андреевича Шувалова (р. 177 · † 1823), изъ которыхъ извѣстенъ лишь самый незначительный отрывокъ, приведенный покойнымъ Богдановичемъ въ его „Исторіи войны 14-го года“, теперь впервые появляются въ печати въ полномъ видѣ и дополняютъ собою картину, рисуемую прочими коммисарами.

лось послать коммисаровъ только отъ трехъ упомянутыхъ державъ, но затѣмъ былъ посланъ коммисаръ и отъ Пруссіи—графъ Вальдбургъ-Трухсесъ.

Назначеніе коммисаромъ застало графа Шувалова въ Рамбулье, куда онъ сопровождалъ изъ Блоа императрицу Марію-Луизу, при которой состоялъ съ 27-го марта (8-го апрѣля). Чѣмъ была вызвана посылка Шувалова къ Маріи-Луизѣ—трудно сказать съ точностью. Онъ не могъ имѣть никакого официальнаго порученія къ ней, какъ къ регентшѣ потому что въ то время уже было образовано временное правительство. Найденныя нами его донесенія къ графу Нессельроде несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что онъ не былъ облеченъ и какою либо секретной миссіей. Поэтому приходится заключить, что назначеніе его состоять при Маріи-Луизѣ было вызвано тѣми же побужденіями, которыя являлись въ то время единственными двигателями всѣхъ дѣйствій Александра—его стремленіемъ очаровывать всѣхъ. Онъ прекрасно сознавалъ, что совершавшіяся тогда событія, въ которыхъ онъ игралъ столь выдающуюся роль, имѣютъ міровое значеніе. Онъ зналъ, что испоконъ вѣковъ великодушіе признавалось неотъемлемою чертою истинныхъ героевъ, и хотѣлъ быть великодушнымъ. Этимъ слѣдуетъ объяснить и его старанія сдѣлаться популярнымъ среди парижанъ, и его отношеніе къ побѣжденному Наполеону, матеріальные интересы котораго онъ отстаивалъ передъ прочими союзниками; этимъ же слѣдуетъ объяснить и посылку Шувалова къ Маріи-Луизѣ, состоявшуюся послѣ объявленія Наполеона и его правительства низложенными. Но, до его отреченія отъ престола, на обязанности Шувалова лежало, по всей вѣроятности, оберегать Марію-Луизу отъ возможныхъ случайностей при встрѣчѣ съ союзными войсками. Что подобная предосторожность была нелишнею, доказывается переполохомъ, вызваннымъ въ кортежѣ императрицы появленіемъ казаковъ, принявшихся было хозяйничать въ хвостѣ ея обоза, но вò-время остановленныхъ Шуваловымъ.

О своемъ назначеніи сопровождать Наполеона изъ Фонтенебло до мѣста его отплытія съ континента Шуваловъ былъ извѣщенъ слѣдующимъ письмомъ графа Нессельроде, отъ 1-го (13-го) апрѣля 1814 г., отправленнымъ изъ Парижа.

«Распоряженія, касающіяся путешествія императора Наполеона, только-что установлены. Онъ немедленно выѣдетъ изъ Фонтенебло и долженъ отправиться на островъ Эльбу, слѣдуя въ С. Тропецъ, мѣсто отплытія, самою прямою дорогою. Было условлено, что генералы представители трехъ дворовъ—русскаго, австрійскаго и англійскаго, будутъ сопровождать его до мѣста отплытія. Его величество государь императоръ избралъ ваше сіятельство для выполненія указанной миссіи. Вслѣдствіе этого вы соблаговолите безотлагательно

отправиться въ Фонтенебло и условиться съ герцогомъ Виченцкимъ относительно всѣхъ мѣръ, которыя слѣдуетъ принять. Такъ какъ императоръ Наполеонъ выразилъ желаніе ѣхать на почтовыхъ въ случаѣ, если императрица не будетъ сопровождать его, то генералъ Радецкій получилъ приказаніе войти въ соглашеніе съ кн. Волконскимъ и размѣстить по дорогѣ, на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, отряды кавалеріи, которые могли бы служить конвоемъ. Для сопровожденія Наполеона назначены со стороны Австріи генералъ Коллеръ, а со стороны Англіи—лордъ Бургершъ. Ваше сіятельство можете удержать при себѣ посылаемаго мною фельдъегеря; будетъ хорошо, если съ пути вы будете присылать намъ извѣстія объ этомъ путешествіи, которыя не могутъ быть лишены интереса.

«Его императорское величество узналъ о деликатности, съ какою вы, графъ, выполнили его намѣренія по отношенію къ императрицѣ Маріи-Луизѣ. Онъ не сомнѣвается, что ту же деликатность вы внесете и въ исполненіе вашего настоящаго порученія; это-то въ особенности и побудило его императорское величество остановить свой выборъ на вашемъ сіятельствѣ».

Тьеръ въ своей «Histoire du Consulat et de l'Empire» передаетъ, будто-бы императоръ Александръ, въ присутствіи Коленкура, сказалъ Шувалову при назначеніи его коммисаромъ:

— Вы отвѣчаете своею головою за голову Наполеона, такъ какъ здѣсь замѣшана наша честь; заставить уважать его и доставить цѣлымъ и невредимымъ на островъ Эльбу—наша первая обязанность.

Приведенное нами письмо графа Нессельроде и послѣдующія донесенія графа Шувалова несомнѣнно устанавливаютъ тотъ фактъ, что графъ Шуваловъ, послѣ своего назначенія коммисаромъ и до отъѣзда съ Наполеономъ изъ Фонтенебло, въ Парижѣ не былъ и императора Александра не видѣлъ; поэтому и слова, приписываемыя императору Александру, при всей ихъ правдоподобности, въ дѣйствительности произнесены не были.

Совершенно непредвидѣнное обстоятельство помѣшало графу Шувалову исполнить немедленно полученное имъ приказаніе. Предстоявшій отъѣздъ его привелъ императрицу въ такое неподдѣльное безпокойство, что его стали просить отложить свой отъѣздъ хоть на нѣсколько часовъ, чтобы за это время могли успѣть прислать на его мѣсто кого либо другого. Безпокойство Маріи-Луизы находило свое оправданіе, главнымъ образомъ, въ тревожныхъ слухахъ, доходившихъ изъ Парижа о поношеніи всего, связаннаго съ воспоминаніемъ о Наполеонѣ, и въ начинавшемъ охватывать населеніе увлеченіи Бурбонами. Поэтому Шуваловъ рѣшился взять на себя всю отвѣтственность за свой поступокъ и исполнилъ обращенную къ нему просьбу. Тотчасъ же увѣ-

доживъ обо всемъ Нессельроде, онъ просилъ его довести объ этомъ до свѣдѣнія государя, поскорѣе прислать на его мѣсто какого-либо генерала и увѣдомить его, долженъ ли онъ ожидать пріѣзда своего замѣстителя или же немедленно уѣхать въ Фонтенебло. Въ этомъ же письмѣ, изъ Рамбулье, отъ 2-го (14-го) апрѣля 1814 г. онъ сообщилъ Нессельроде нѣсколько интересныхъ замѣчаній о предполагавшемся свиданіи Маріи-Луизы съ ея низверженнымъ супругомъ и объ отношеніи къ нему.

«Теперь же я выскажу вамъ,—писалъ онъ,—что хотя, повидимому, императрица крайне склонна выполнить волю своего отца и желаетъ избѣжать свиданія, однако бываютъ мгновенія, когда она колеблется, когда кажется, что она еще любитъ его и т. д.; однимъ словомъ, она—женщина. Она пишетъ Наполеону, что выполнитъ волю своего отца. Я надѣюсь, что его хорошенько наставятъ относительно того, что ему слѣдуетъ говорить. Но вотъ что пришло мнѣ на мысль и что могло бы оказаться полезнымъ для того, чтобы побудить путешественника (voyageur) пуститься въ дорогу на свой островъ: что, если бы Метернихъ согласился съ этимъ же курьеромъ написать императрицѣ, что онъ можетъ засвидѣтельствовать передъ нею, что императоръ Францъ не согласится на свиданіе ея съ супругомъ? Она написала бы объ этомъ Наполеону черезъ мое посредство, и уже ничто не могло бы задерживать болѣе этого столь спасительнаго отъѣзда. Подумайте объ этомъ, дорогой графъ; мнѣ кажется, что это было бы недурно».

3-го (15-го) апрѣля графъ Шуваловъ пріѣхалъ въ Фонтенебло, а 4-го (16-го) числа извѣщалъ Нессельроде о недоразумѣніяхъ, возбужденныхъ Наполеономъ.

«Я имѣю честь, писалъ онъ, представить вашему сіятельству ноту, только-что переданную мнѣ генераломъ Бертраномъ, и прошу васъ благоволить повергнуть ее на благовоззрѣніе его величества императора. Я увѣрялъ генерала Бертрана, что необходимыя распоряженія относительно передачи острова Эльбы, конечно, уже даны коменданту этого острова, но онъ, тѣмъ не менѣе, настаивалъ на томъ, чтобы при прибытіи Наполеона на островъ можно было бы предъявить коменданту подобное же приказаніе, и чтобы поэтому оно было бы немедлено прислано сюда. Я замѣтилъ на это графу Бертрану, что, такъ какъ островъ Эльба принадлежитъ Франціи, то я не думаю, чтобы союзныя державы пожелали поручить своимъ коммисарамъ передать его Наполеону».

Врученная Шувалову Бертраномъ нота была редактирована въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

«Когда пріѣдутъ на островъ Эльбу, островъ будетъ въ рукахъ французскаго генерала, который будетъ лишенъ возможности передать его безъ приказаній своего правительства, каковымъ въ настоящее время

является временное правительство. Поэтому было бы необходимо, чтобы комисары были снабжены письмомъ, заключающимъ въ себѣ приказаніе передать названный островъ, артиллерію и запасы въ томъ состояніи, въ которомъ они находятся, и чтобы имъ было поручено ввести императора Наполеона во владѣніе островомъ.

«Часть французскаго гарнизона могла бы остаться въ распоряженіи императора Наполеона впредь до прибытія батальона, находящагося въ пути, или же могла бы быть отправлена тотчасъ же, если бы мѣстныя войска оказались достаточными для защиты крѣпости. Эти войска могли бы быть отправлены на Корсику или въ другіе сосѣдніе порты.

«При этихъ условіяхъ передача острова въ руки императора Наполеона явилась бы послѣднимъ дѣйствіемъ коммисаровъ, которые составили бы протоколъ объ этомъ и затѣмъ могли бы вернуться обратно».

«Вы прекрасно поймете, что значитъ эта нота Бертрана, снова писалъ въ тотъ же день Шуваловъ графу Нессельроде: Наполеонъ боится переѣзда по морю; съ другой стороны, судя по тому, что говорилъ мнѣ генералъ Коллеръ, его будетъ сопровождать англійскій коммисаръ, и онъ не долженъ бы бояться. Въ концѣ-концовъ трудно отгадать, чтó происходитъ въ этой головѣ. Какъ бы тамъ ни было, я желалъ бы, чтобы вы прислали мнѣ письмо, которое я могъ бы показать, и въ которомъ вы ясно выразили бы, что приняты мѣры для того, чтобы островъ Эльба былъ переданъ Наполеону, и что это не встрѣтитъ никакихъ затрудненій. Я надѣюсь вскорѣ увидѣть васъ, дорогой графъ, такъ какъ путешествіе въ С. Тропецъ продолжится шесть дней, а вернуться въ Парижъ я разсчитываю въ пять дней. Поторопите только англійскаго коммисара, который до сихъ поръ еще не прибылъ».

Должно быть, графъ Нессельроде сообщилъ Талейрану о недоразумѣніяхъ, возникшихъ въ Фонтенебло, потому что среди донесеній Шувалова находится слѣдующая записка Талейрана.

«Я только-что написалъ генералу Дюпону, чтобы онъ послалъ французскому коменданту приказаніе о передачѣ острова Эльбы и далъ необходимыя указанія по этому предмету. Я просилъ его также послать на островъ Эльбу съ офицеромъ дубликатъ своихъ депешъ. Лафорэ воспользуется вашимъ любезнымъ предложеніемъ переслать его депеши Андреосси [1]): они будутъ у васъ до девяти часовъ вечера, часъ, къ которому я надѣюсь собрать у себя нѣсколько красивыхъ танцовщицъ, которыя будутъ ожидать васъ».

Едва только были улажены затрудненія о порядкѣ передачи Эльбы во владѣніе Наполеону, какъ возникли новыя недоразумѣнія, и 5-го

---

[1]) Генералъ Андреосси, французскій посолъ въ Константинополѣ, назначенный на этотъ постъ въ 1812 году.

(17-го) апрѣля графъ Шуваловъ доносилъ графу Нессельроде: «Вотъ, дорогой графъ, новыя затрудненія, съ которыми приходится имѣть дѣло. Сегодня послѣ полудня генералъ Бертранъ заявилъ намъ, что императоръ Наполеонъ желаетъ выѣхать завтра утромъ, но только по другой дорогѣ, чѣмъ та, относительно которой было условлено, какъ вы и усмотрите это изъ прилагаемой при семъ ноты, которую онъ вручилъ намъ вечеромъ. Я нашелъ, что намъ положительно невозможно согласиться на это и рѣшить этотъ вопросъ самимъ, такъ какъ по первому пути разставлены войска, исключительно австрійскія, и мы можемъ отвѣчать за безопасность императора лишь на столько, на сколько онъ будетъ придерживаться этого маршрута. Генералъ Бертранъ отвѣтилъ, что договоромъ императору предоставлено право имѣть конвой изъ французскихъ войскъ въ 1.500 человѣкъ, и что они могутъ сопровождать его до С. Тропеца, и что, къ тому же, такъ какъ онъ желаетъ ѣхать на почтовыхъ, то это доказываетъ, что онъ увѣренъ, что ему нечего опасаться. Мы замѣтили на это, что все это можетъ быть очень справедливо, но что мы не можемъ принять на себя этой отвѣтственности. Наконецъ, послѣ безконечныхъ споровъ, было рѣшено, что императоръ Наполеонъ останется здѣсь до послѣ-завтра утра, а мы отправимъ курьера для полученія инструкцій. При этомъ прилагаю ноту, врученную намъ генераломъ Бертраномъ, и которую я спѣшу препроводить вамъ. Каждый изъ прочихъ коммисаровъ тоже пишетъ по этому вопросу—князю Метерниху, лорду Кастельри и канцлеру Гарденбергу.

«Необходимо, дорогой графъ, чтобы вы, не теряя ни мгновенія, увѣдомили меня, можно ли везти Наполеона по избранной имъ дорогѣ, которая, дѣйствительно, самая короткая и самая лучшая. Во всякомъ случаѣ необходимо послать приказаніе немедленно приготовить по 65 лошадей на каждой станціи, лежащей по пути, который вы намѣтите. Кромѣ того, необходимо, чтобы изъ Парижа сдѣлали распоряженіе о томъ, чтобы, въ случаѣ большаго недостатка въ лошадяхъ, по всей дорогѣ были удвоены подставы; затѣмъ, какъ я уже писалъ объ этомъ съ герцогомъ Виченцкимъ, необходимо теперь же прислать сюда инспектора почтъ, который отправится впередъ, чтобы приготовлять лошадей. Все это явилось слѣдствіемъ того, что, повидимому, не вполнѣ условились относительно фактической постановки дѣла; я былъ увѣренъ, что маршрутъ былъ выбранъ заранѣе, и что лошади приготовлены, такъ какъ я не былъ въ Парижѣ, когда происходило все это, я и не могъ знать объ этомъ. Если вы можете теперь же сговориться съ княземъ Метернихомъ, разрѣшить наши недоразумѣнія и устроить, чтобы лошади были приготовлены въ теченіе завтрашняго дня, въ такомъ случаѣ мы, безъ сомнѣнія, можемъ выѣхать послѣ-завтра утромъ. Впрочемъ,

такъ какъ мы поѣдемъ на почтовыхъ, войска не могутъ эскортировать насъ, по какой бы дорогѣ мы ни поѣхали.

«Ради Бога, постарайтесь прислать намъ рѣшительный отвѣтъ и инспектора почтъ, который долженъ отправиться впередъ, самое позднее! завтра послѣ полудня.

«Дорога, по которой мы хотѣли ѣхать, идетъ на Оксеръ, Маконъ, Ліонъ, Ганъ, Динь, С. Тропецъ. Маршрутъ, котораго онъ желалъ бы держаться, указанъ въ прилагаемой нотѣ [1]). Послѣдній путь—самый короткій и самый лучшій, такъ какъ не встрѣчается горъ и можно найти лошадей».

Донесеніе графа Шувалова было препровождено графомъ Нессельроде императору Александру при слѣдующей докладной запискѣ: «Я повергаю на благовоззрѣніе вашего величества рапортъ графа Шувалова. Мы только-что совѣщались съ княземъ Метернихомъ и милордомъ Кастельри объ обстоятельствѣ, вызвавшемъ его. Эти господа думаютъ, что нѣтъ никакого неудобства направить Наполеона по дорогѣ, которую онъ предпочитаетъ, и на которой распоряженіемъ временнаго правительства заготовлены лошади. Онъ совершитъ свой переѣздъ болѣе быстро, а это-то и нужно намъ. Вслѣдствіе этого въ Фонтенебло будутъ посланы отвѣты въ этомъ смыслѣ. Я прошу ваше величество однимъ словомъ извѣстить меня о вашихъ намѣреніяхъ. Я буду имѣть честь ожидать его у князя Метерниха, у котораго происходитъ наше совѣщаніе».

Императоръ Александръ одобрилъ предположенія совѣщавшихся и собственноручно написалъ на запискѣ Нессельроде «Совершенно согласенъ». Такимъ образомъ было устранено возникшее было недоразумѣніе, и уже не являлось болѣе препятствій къ отъѣзду Наполеона изъ Фонтенебло. Приводимыя ниже донесенія графа Шувалова содержатъ въ себѣ разсказъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ отъѣздъ Наполеона и его путешествіе къ мѣсту отплытія съ материка для дальнѣйшаго слѣдованія на островъ Эльбу.

Фонтенебло, утромъ 7-го (19-го) апрѣля 1814 г.

«Часъ тому назадъ я получилъ вашъ отвѣтъ, дорогой графъ, помѣченный вчерашнимъ числомъ, и тотчасъ же отправился къ генералу Бертрану, чтобы сказать ему, что всѣ мѣры приняты для того, чтобы

---

[1]) Мы не нашли упоминаемой здѣсь ноты. Избранный Наполеономъ путь шелъ на Бріаръ, Неверъ, Ліонъ, Оранжъ, Авиньонъ, Оргонъ, С. Каналь и Люкъ.

императоръ Наполеонъ могъ поѣхать избранной имъ дорогой, не встрѣчая затрудненій вслѣдствіе недостатка въ лошадяхъ, и что поэтому отъѣздъ не можетъ быть болѣе откладываемъ, такъ какъ императоръ Наполеонъ выразилъ желаніе выѣхать какъ можно скорѣе. Генералъ Бертранъ отвѣтилъ мнѣ, что императоръ Наполеонъ выѣдетъ завтра, раннимъ утромъ. Затѣмъ онъ передалъ намъ прилагаемую при семъ ноту и отъ имени императора жаловался на то, что приказанія, данныя временнымъ правительствомъ администраціи острова Эльбы, не отвѣчаютъ статьѣ договора, въ силу которой островъ передавался ему въ полныя собственность и владѣніе; что вслѣдствіе этого подразумѣвалось само собою, что тамъ оставятъ все, что перечислено въ нотѣ, а поступить иначе было бы равносильно рѣшенію бросить императора Наполеона на какомъ-нибудь утесѣ; что островъ, лишенный всякихъ средствъ защиты, немедленно былъ бы захваченъ берберами; что, впрочемъ, онъ былъ убѣжденъ, что временное правительство отдало эти приказанія безъ вѣдома союзныхъ державъ; что императоръ Александръ намѣревался дать Наполеону убѣжище, гдѣ бы онъ могъ жить спокойно, а не предоставлять его на волю всевозможныхъ случайностей. Однимъ словомъ, онъ снова настаиваетъ, чтобы коммисары сопровождали его на островъ и ввели его во владѣніе имъ, какъ онъ понимаетъ это, т. е. со всѣмъ, что находится на немъ. Помимо того, онъ не знаетъ, имѣется ли на островѣ достаточно національныхъ войскъ; въ послѣднемъ случаѣ французскія войска могли бы покинуть его, но, въ случаѣ противнаго и если французскія войска будутъ выведены съ острова, Наполеонъ останется тамъ одинъ до прибытія своей гвардіи. Я забылъ сообщить вамъ, что, по мнѣнію генерала Бертрана, если все не устроится такъ, какъ онъ предполагаетъ, императоръ Наполеонъ будетъ лишенъ возможности уѣхать и будетъ вынужденъ сказать: «я знаю, что нахожусь въ зависимости отъ васъ и не имѣю никакой власти, но, при подобныхъ условіяхъ, я не могу уѣхать».

«Я сказалъ еще Бертрану или, вѣрнѣе, повторилъ ему, что, такъ какъ императоръ Александръ гарантируетъ выполненіе договора, то онъ никогда не допуститъ посягательства на него; но, такъ какъ островъ принадлежитъ Франціи, то, по моему мнѣнію, на обязанности же Франціи лежитъ передать его императору Наполеону, и что пребываніе на островѣ коммисаровъ служило бы проявленіемъ недовѣрія къ правительству, недовѣрія, ничѣмъ не вызваннаго.

«Однимъ словомъ, дорогой графъ, будьте спокойны; это нисколько не оттягиваетъ нашего путешествія, такъ какъ г. де-Кламъ[1]) присоединится къ намъ по дорогѣ. Избавьте меня отъ этого путешествія на

[1]) Адъютантъ генерала Коллера.

островъ Эльбу, и вы окажете мнѣ истинную и дружескую услугу, такъ какъ я умираю отъ желанія возвратиться въ Парижъ, гдѣ у меня есть важныя дѣла. Нѣтъ ли возможности примирить все это слѣдующимъ образомъ: пусть кому-либо изъ лицъ, занимающихъ выдающееся положеніе, признавшихъ нынѣшнее правительство и, несмотря на это, хорошо относящихся къ Наполеону, будетъ поручено передать ему островъ въ такомъ положеніи, какъ вы признаете удобнымъ; я думаю, что это явилось бы средствомъ заставить его немедленно уѣхать; впрочемъ, эта мысль принадлежитъ исключительно мнѣ, и, быть можетъ, осуществленіе ея сопряжено съ затрудненіями, о которыхъ я не знаю».

Къ письму графа Шувалова отъ 7-го (19-го) апрѣля была приложена приводимая ниже нота.

«Письмо военнаго министра временнаго правительства можетъ подать поводъ къ массѣ затрудненій.

«Генералъ, командующій войсками на островѣ Эльбѣ, долженъ покинуть его съ войсками и имуществомъ, принадлежащимъ Франціи.

«Если подъ словами имущество, принадлежащее Франціи, подразумѣваютъ артиллерію и провіантъ на случай осады, то островъ будетъ переданъ безъ всякихъ средствъ къ самозащитѣ.

«Поэтому просятъ, чтобы г.г. коммисарамъ было поручено передать островъ въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находится, съ имѣющимися на немъ матеріальною частью и военными припасами для осады, и чтобы съ него были выведены лишь комендантъ и французскія войска съ имуществомъ, принадлежащимъ какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и войсковымъ частямъ.

«Было бы достаточно побудить военнаго министра дать предписанія въ этомъ смыслѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляется крайне важнымъ, чтобы г. г. коммисары получили положительныя приказанія заставить выполнить все именно такимъ образомъ, и чтобы они были уполномочены разрѣшать всякое разногласіе, которое можетъ возникнуть по данному вопросу».

Фонтенебло, 8-го (20-го) апрѣля 1814 г. 7 ч. утра.

«Черезъ часъ, дорогой графъ, мы предполагаемъ отправиться въ дорогу; вчера утромъ рѣшились выѣхать сегодняшнимъ утромъ, а вечеромъ, казалось, хотѣли выждать отвѣта на порученіе г. Клама; вчера поздно вечеромъ я велѣлъ спросить, въ которомъ часу выѣзжаетъ императоръ; гофмаршалъ увѣдомилъ меня, что въ 8 часовъ. Такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, ничто болѣе не можетъ помѣшать осуществиться этому. Я приказалъ фельдъегерю уѣхать отсюда только послѣ того, какъ мы будемъ уже внѣ Фонтенебло.

Бріаръ, 9-го (21-го) апрѣля 1814 г.

«Такъ какъ генералъ Коллеръ намѣревается послать курьера изъ Ліона, гдѣ мы, впрочемъ, остановимся лишь для перемѣны лошадей, я пользуюсь имѣющимся въ моемъ распоряженіи временемъ, чтобы разсказать вамъ, дорогой графъ, о нашемъ путешествіи до настоящаго мѣста. Императоръ Наполеонъ рѣшилъ отправиться изъ Фонтенебло послѣ завтрака, въ 9 часовъ; въ 10 часовъ онъ велѣлъ призвать къ себѣ генерала Коллера и продержалъ его у себя очень долгое время. Разговоръ, въ большей его части, а быть можетъ и весь цѣликомъ, переданный мнѣ генераломъ, былъ въ высшей степени интересенъ. Вы, навѣрно, узнаете о немъ, потому что Коллеръ, конечно, сообщитъ его князю Метерниху. Что я подмѣтилъ въ немъ особеннаго, такъ это упрекъ, дѣлаемый Наполеономъ императору австрійскому за его согласіе на то, что произошло въ Парижѣ, благодаря вліянію императора Александра. Онъ жаловался, что договоръ нарушаютъ съ самаго начала его выполненія, что вслѣдствіе этого и онъ самъ, если пожелаетъ, имѣетъ право считать недѣйствительными какъ этотъ договоръ, такъ и свое отреченіе; что временное правительство обнаруживаетъ въ своемъ образѣ дѣйствій недостатокъ деликатности, что, къ тому же, не онъ предложилъ условія договора и вообще самое заключеніе его, и что онъ согласился на него, потому что не видѣлъ въ немъ ничего противнаго своей чести; но, если начинаютъ нарушать его, — это совершенно мѣняетъ положеніе вещей. Онъ выразилъ свой гнѣвъ по поводу того, что императоръ Александръ былъ у императрицы Маріи-Луизы, что онъ сдѣлалъ это, по его мнѣнію, для того, чтобы оскорбить его въ его несчастьи. Генералъ Коллеръ прекрасно отвѣтилъ ему на это и далъ уразумѣть всю несправедливость подобнаго обвиненія; повидимому, онъ самъ убѣжденъ въ этомъ, но не можетъ перенести хладнокровно того, что императоръ свезъ туда и короля прусскаго. Онъ горько жаловался, что его разлучили съ нею.

«Послѣ брани явились слезы, и онъ сказалъ генералу Коллеру:

— Мнѣ не стыдно, что я обнаружилъ передъ вами свое огорченіе, потому что вы знаете, насколько я пренебрегалъ опасностями въ дѣлахъ.

«Визитъ нашего императора императрицѣ Жозефинѣ, орденъ, пожалованный Лагарпу, тоже послужили предметомъ разговора. Генералъ Коллеръ, когда вернется въ Парижъ, въ малѣйшихъ подробностяхъ передастъ этотъ разговоръ императору Александру. Императоръ признаетъ, что онъ старался причинить Англіи какъ можно болѣе зла, но тѣмъ не менѣе склоненъ ѣхать туда. Онъ спросилъ генерала Коллера, что онъ совѣтуетъ ему сдѣлать въ томъ случаѣ, если бы островъ Эльба не былъ

переданъ ему на тѣхъ условіяхъ, какъ онъ желаетъ этого; тотъ возразилъ ему, что ему открыта дорога въ Англію. Наполеонъ замѣтилъ при этомъ, что послѣ зла, которое онъ хотѣлъ причинить ей, онъ сомнѣвается, чтобы его хорошо приняли тамъ; но Коллеръ сказалъ ему, что такъ какъ ему не удалось достигнуть своего, то это значительно упрощаетъ вопросъ.

«Затѣмъ Наполеонъ сказалъ ему еще слѣдующее: «сейчасъ я увижу войска (дѣйствительно, гвардія была выстроена во дворѣ). Я думаю сказать имъ: «Солдаты, я не уѣду. Я отказался отъ престола, чтобы предотвратить во Франціи междоусобную войну. Я поступилъ такъ, потому что счелъ возможнымъ, не покрывая себя безчестьемъ, принять предложенныя мнѣ условія; но союзники не исполняютъ своихъ обязательствъ, поэтому и мое отреченіе является недѣйствительнымъ; я останусь среди васъ и посмотрю еще, какъ отъ меня вырвутъ сердце моихъ солдатъ. Я соберу ядро изъ 30.000 человѣкъ, увеличу его и буду располагать грозною арміею. Или же, напротивъ, я могу проповѣдывать своимъ войскамъ покорность новому правительству. Уже теперь всѣ утомлены новымъ правительствомъ, видятъ возрожденіе прежнихъ злоупотребленій».

Во время этого разговора одинъ изъ адъютантовъ постучалъ въ дверь и вошелъ.

— Что такое?—спросилъ императоръ.

— Государь, гофмаршалъ поручилъ мнѣ передать вашему величеству, что все готово для вашего отъѣзда, и что теперь одиннадцать часовъ.

— О, это что-то новое! Развѣ онъ такъ мало знаетъ меня? Съ какихъ это поръ я подчиненъ часамъ гофмаршала?

Послѣ ухода генерала Коллера былъ позванъ полковникъ Кэмбель.

Я забылъ еще передать вамъ, что онъ сказалъ генералу Коллеру, что онъ сдѣлалъ много великаго, но что величайшее изъ его дѣяній— его отреченіе; что за это Франція и вся Европа обязаны ему благодарностью. На это генералъ Коллеръ прекрасно отвѣтилъ ему, говоря о враждебныхъ замыслахъ, упомянутыхъ выше:

— Государь, разъ ужъ ваше величество, ради счастья Франціи, приняли на себя совершеніе столь великаго подвига, вы не захотите отказаться отъ него.

— Ну, такъ я не сдѣлаю этого, возразилъ императоръ,—если только союзники не принудятъ меня къ этому, не исполнивъ своихъ обязательствъ.

«Полковникъ Кэмбель былъ принятъ очень хорошо. Разговоръ вращался главнымъ образомъ на возможности ѣхать въ Англію, на томъ пріемѣ, который ожидалъ бы тамъ Наполеона и т. д. Затѣмъ позвали

меня, чтобы сказать двѣ или три назначительныя фразы. Наполеонъ спросилъ меня, что это за медаль, которую я ношу. Я отвѣтилъ, что императоръ учредилъ и самъ носитъ ее въ память счастливаго исхода войны 1812 года.

«Послѣ всего этого Наполеонъ вышелъ на дворъ, на которомъ стояла, выстроившись въ два ряда, старая гвардія. Онъ обратился къ войскамъ съ очень хорошей и очень длинной рѣчью и совѣтовалъ имъ быть покорными и вѣрными новому государю, избранному Франціей. Конечно, вы уже имѣете эту рѣчь, такъ какъ копіи ея посланы въ Парижъ; онѣ не вполнѣ точны, но заключають въ себѣ главное.

«Наконецъ, мы отправились изъ Фонтенебло около часа дня, а въ восемь часовъ вечера пріѣхали въ Бріаръ; крики «да здравствуетъ Налеонъ», «да здравствуетъ императоръ» сопровождали его на всемъ пути; однако, большинство кричавшихъ составляли военные и дѣти.

«9-го (21-го) апрѣля полковникъ Кэмбель былъ позванъ къ Наполеону; онъ оставался у него очень долго и вмѣстѣ съ нимъ завтракалъ. Вообще императоръ Наполеонъ относится очень хорошо къ генералу Коллеру и полковнику Кэмбелю и очень дурно ко мнѣ и графу Трухсесу. Эти дни мы ночевали въ Неверѣ; та же самая исторія съ народными криками. 10-го (22-го) числа, пріѣхавъ въ Вареннъ, я, къ моему величайшему удивленію, нашелъ тамъ половину казачьяго полка. Тамъ же были и австрійцы. Я приказалъ составить эскортъ изъ 30 казаковъ, который сопровождалъ Наполеона на протяженіи около 12 лье, такъ-же, какъ и австрійцы. До Вареннъ же насъ эскортировали конные гвардейскіе егеря, кирасиры и т. д. Тамъ же находились австрійскія войска, и почти все населеніе носило бѣлую кокарду.

«Передъ отъѣздомъ изъ Роанны къ Наполеону былъ позванъ генералъ Коллеръ. Происшедшій между ними разговоръ въ высшей степени любопытенъ. Наполеонъ снова разразился противъ нашего императора и противъ своего тестя за то, что онъ согласился на все, сдѣланное императоромъ Александромъ. Онъ высказалъ, что Европа сочла необходимымъ раздавить Францію, когда послѣдняя стремилась къ управленію всей Европой, что̀, впрочемъ, по его мнѣнію, клонилось къ ея благу; что Россія готовится сдѣлать то, чего опасались со стороны Франціи, что она возстановитъ Польшу, что онъ узналъ объ этомъ, благодаря захвату одного шведскаго курьера (или чиновника); что это усилитъ ея могущество на 43 милліона людей; что Саксонія будетъ отдана другому государю, чтобы такимъ путемъ лишить Австрію средства защиты противъ Пруссіи. Генералъ Коллеръ прекрасно возражалъ на все это и тотчасъ же передалъ мнѣ свой разговоръ. Коллеръ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что можно оставаться спокойными, ибо онъ освѣдомленъ о каждомъ шагѣ великаго человѣка; онъ

разузналъ о перепискѣ съ Италіей, но не имѣлъ времени сказать мнѣ, чтò это такое. Я пишу вамъ, дорогой графъ, гдѣ могу, и на различной бумагѣ, извините.

«Роанна расположена очень близко отъ зáмка, въ которомъ находится его мать съ кардиналомъ-Фешемъ. Она пожелала видѣть своего сына; по этому поводу возникла переписка, но онъ не поѣхалъ туда.

«Вчера утромъ мы выѣхали изъ Роанны; когда мы проѣзжали черезъ Тараръ, Наполеонъ былъ привѣтствованъ кликами; чтобы лучше видѣть его, мѣстные жители взобрались на его карету. Ліонъ мы проѣхали вскачь вчера, въ одиннадцать часовъ вечера; лошадей мѣняли за-городомъ. Генералъ Коллеръ прекрасно освѣдомленъ обо всемъ и, должно быть, имѣетъ въ своемъ распоряженіи бывшаго агента Метерниха.

«Я чувствую себя очень, очень дурно, потому что онъ золъ на императора; просто безуміе обнаруживать это. По этой же причинѣ онъ обращается очень дурно и съ графомъ Трухсесомъ..

«Я началъ это письмо въ Бріарѣ, а оканчиваю его au Péage de Roussillon, 12-го (24-го) апрѣля.

«Мы ѣхали всю прошлую ночь. Кэмбель, по просьбѣ Наполеона, отправился впередъ, чтобы приготовить англійское судно.

«Всѣ размышленія о томъ, что я вижу, подтверждаютъ меня въ убѣжденіи, что этотъ человѣкъ далеко не отказался отъ своихъ плановъ, у него есть своя партія во Франціи и Италіи, которая будетъ дѣйствовать за него, и онъ ожидаетъ, что черезъ нѣсколько времени французы призовутъ его.

Простите мои каракули и примите и т. д.»

Фрежюсъ, 15-го (27-го) апрѣля 1814 г.

«Согласно приказаніямъ его величества императора, переданнымъ мнѣ вашимъ сіятельствомъ, я сопровождалъ Наполеона до мѣста его отплытія, которое совершится изъ Фрежюса, а не изъ С. Тропеца, такъ какъ къ послѣднему нѣтъ рѣшительно никакой дороги: туда еще можно пробраться верхомъ на лошадяхъ или лошакахъ, но физически невозможно проѣхать въ какомъ бы ни было экипажѣ; все это мы узнали вчера, пріѣхавъ въ Ліонъ. Мы остановились въ одномъ льё отъ города, въ загородномъ домѣ, принадлежащемъ какому-то законодателю (législateur) по фамиліи Шарль, и въ которомъ уже около двухъ недѣль живетъ принцесса Полина. Императоръ оставался здѣсь отъ двухъ часовъ пополудни до пяти часовъ утра. Я послалъ моего адъютанта въ С. Тропецъ, чтобы свезти туда два письма, подписанныя ком-

мисарами—австрійскимъ, прусскимъ и мною: одно полковнику Кэмбелю, другое командующему французскимъ корветомъ, чтобы предупредит ихъ, что какъ этотъ корветъ, такъ и военное англійское судно должны немедленно отправиться въ Фрежюсъ, такъ какъ императоръ Наполеонъ отплыветъ изъ Фрежюса. Передъ Люкомъ насъ встрѣтили австрійскіе эскорты и сопровождали до Фрежюса, гдѣ они и находятся въ настоящее время. Принцесса Полина послѣдуетъ за своимъ братомъ на островъ Эльбу; она выѣхала изъ зàмка близъ Люка вчера вечеромъ и сегодня ночевала близъ Мюи, такъ какъ ея здоровье позволяетъ ей путешествовать лишь небольшими переѣздами; она разсчитываетъ отплыть нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда Наполеона. Послѣдній пріѣхалъ сюда сегодня въ десять часовъ утра; англійское судно стоитъ уже въ виду порта, но не можетъ войти въ него вслѣдствіе противнаго вѣтра. Я буду писать о подробностяхъ нашего пребыванія здѣсь по мѣрѣ того, какъ представится возможность сообщить вашему сіятельству что-либо новое, для того чтобы вы соблаговолили довести о немъ до свѣдѣнія императора.

«Мое послѣднее письмо, написанное изъ «Péage de Roussillon», сообщило вамъ, графъ, всѣ подробности относительно нашего путешествія до этого мѣста, откуда мы отправились 24-го поутру, проведя всю предшествовавшую ночь въ дорогѣ и безъ австрійскаго конвоя, потому что императоръ Наполеонъ не пожелалъ его; передъ переправой черезъ Изеръ, близъ Гана, мы встрѣтили маршала Ожеро. Императоръ Наполеонъ, не знавшій о выпущенной имъ прокламаціи [1]), какъ онъ самъ сказалъ объ этомъ послѣ, вышелъ изъ своей кареты, дружески обнялъ маршала и въ теченіе цѣлаго часа ходилъ, разговаривая съ нимъ. Въ Вало все населеніе, въ томъ числѣ и войска, носило бѣлую кокарду; тамъ не было слышно криковъ ни за, ни противъ; черезъ двѣ станціи далѣе, въ Лорколѣ, мы увидѣли выстроившуюся бригаду съ орлами и генераломъ во главѣ; отдали честь, но среди глубокаго молчанія. Императоръ остановился и поговорилъ съ генераломъ. Тамъ-то мы узнали, что нѣсколько городовъ и деревень Прованса дурно настроены по отношенію къ Наполеону; я подмѣтилъ это въ деревнѣ Оранжъ, гдѣ мы провели вечеръ. Нѣкоторые разговоры навели меня на мысль, что насъ ожидаютъ затрудненія. Въ Авиньонѣ, куда мы пріѣхали очень рано, и который, по счастью, объѣхали вокругъ, не въѣзжая въ него, императоръ Наполеонъ былъ формально оскорбленъ. Всѣ подробности этого будутъ переданы вамъ моимъ адъютантомъ Кулеваевымъ. Однако, мы выѣхали оттуда безъ приключеній и для перемѣны лошадей оста-

[1]) Направленной противъ Наполеона и въ которой содержалось обвиненіе послѣдняго въ томъ, что онъ не умѣлъ умереть, какъ солдатъ.

новились въ деревнѣ Оргонъ. Тамъ всѣмъ населеніемъ овладѣла необузданная ярость, и былъ моментъ, когда я думалъ, что произойдетъ самая трагическая катастрофа. Къ счастью, генералу Коллеру, де-Кламу и мнѣ (графъ Трухсесъ нѣсколько отсталъ, а полковникъ Кэмбель уѣхалъ впередъ) удалось отразить натискъ толпы. Что же касается насъ, коммисаровъ, то наша поѣздка превратилась въ настоящее тріумфальное шествіе. Крики «да здравствуетъ великій Александръ», «да здравствуютъ союзники», «да здравствуетъ Людовикъ XVIII»,—не прекращались. Приходилось рѣшиться остановиться на день между С. Каналь и Эксомъ (императоръ сохранялъ инкогнито). Оттуда мы послали мэру Экса подписанное нами троими заявленіе, въ которомъ говорилось, что въ нѣскольких мѣстахъ нашъ кортежъ подвергался оскорбленіямъ, и что мы приглашаемъ его принять мѣры къ тому, чтобы ничего подобнаго не повторилось. Необходимо замѣтить при этомъ, что городъ Эксъ, вслѣдствіе близости Марсели, являлся самымъ опаснымъ пунктомъ. Мы проѣхали Эксъ 25-го, очень поздно вечеромъ; все населеніе, высыпавшее было за городъ, вернулось обратно, а городская стража стояла подъ ружьемъ; помимо того съ нами были жандармы, эскортировавшіе насъ до Люка. Съ этого времени, какъ я уже замѣтилъ въ началѣ этого письма, мы ѣхали спокойно. Провансъ одушевленъ наилучшими стремленіями, но только ужъ слишкомъ революціонными. Завтракая въ «grande Pugère», императоръ Наполеонъ приказалъ позвать помощника префекта Экса и, между прочимъ, сказалъ ему слѣдующее:

— Господинъ помощникъ префекта! Провансъ покрылъ себя позоромъ; я рѣшился ѣхать одинъ, не думая, что можетъ понадобиться конвой, а между тѣмъ дошли до ужаснѣйшихъ оскорбленій; впрочемъ, я долженъ отдать ему справедливость: онъ никогда не доставилъ мнѣ ни одного храбраго батальона. Гасконецъ болтливъ, но храбръ, провансалецъ—болтливъ и трусливъ».

Фрежюсъ, 16-го (28-го) апрѣля 1814 г.

«Подробности нашего путешествія отъ Ліона до этого мѣста, дорогой графъ, могутъ одновременно и поднять волосы дыбомъ, и заставить лопнуть отъ смѣха. Въ ожиданіи, пока я самъ передамъ вамъ это, заставьте Кулеваева разсказать вамъ о происходившемъ. Когда мы подъѣхали къ Авиньону, чтобы перемѣнить лошадей, я спалъ и точно во снѣ слышалъ крики, раздававшіеся въ дѣйствительности и заставлявшіе меня грезить, что я присутствую при кавалерійской атакѣ; меня будятъ, я вижу карету Наполеона окруженною громадною толпою людей, кричащихъ, точно сумасшедшіе: «долой тирана!» «да здравствуютъ Бурбоны!» «да здравствуетъ король!» «Долой Николая» (мнѣ передавали, что въ одной изъ

газетъ былъ напечатано, что его настоящее имя—Николай). Наконецъ ямщикамъ удалось тронуться съ мѣста. Какой-то человѣкъ хотѣлъ заставить его слугу, помѣщавшагося на козлахъ, закричать «да здравствуетъ король!» Вмѣшавшійся въ дѣло графъ Трухсесъ вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, но въ Оргонѣ насъ ожидало уже нѣчто совершенно иное. Подъѣжая къ нему, я увидѣлъ близъ въѣзда въ деревню громадную толпу, собравшуюся вокругъ висѣлицы, поставленной необыкновенно высоко, съ лѣстницей и со всѣмъ, относящимся къ дѣлу. На висѣлицѣ висѣлъ военный, весь окровавленный; на его животѣ виднѣлась надпись, содержавшая въ себѣ самыя ужасныя ругательства по адресу Наполеона: такимъ образомъ, повѣшенный манекенъ долженъ былъ изображать его. Едва только остановились для смѣны лошадей, какъ я увидѣлъ толпу, опьяненную ненавистью и виномъ; она состояла изъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ, рычавшихъ, точно каннибалы, карабкавшихся на карету, въ которой помѣщался Наполеонъ съ графомъ Бертраномъ, и показывавшихъ ему кулаки; ихъ крики на провансальскомъ нарѣчіи означали—«откройте дверцы», «вытащимъ его оттуда», «повѣсить его», «отрѣзать ему голову», «сейчасъ же растерзать его на части». Дверцы были заперты на ключъ. Генералъ Коллеръ, я, де-Кламъ бросились изъ своихъ колясокъ; Коллеръ былъ схваченъ за воротникъ, но ему, тѣмъ не менѣе, удалось оттѣснить толпу отъ лѣвой стороны кареты; я же, въ расшитомъ мундирѣ и съ выставленной на показъ русской кокардой, бросился къ правой сторонѣ. Я началъ съ того, что сталъ разсыпать удары кулакомъ направо и налѣво, и, чтобы самому не удостоиться чести фигурировать въ роли манекена, кричалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что я русскій; они пріостановились на мгновеніе, и я воспользовался этимъ, чтобы обратиться къ нимъ съ рѣчью, воздѣйствовать на ихъ сердце, пристыдить ихъ поведеніемъ и тѣмъ, что они хотятъ запятнать себя преступленіемъ, объектъ котораго—человѣкъ и безъ того уже несчастный. Я былъ вынужденъ кричать во все горло, такъ что онъ самъ слышалъ каждое сказанное мною слово; въ концѣ-концовъ я охладилъ ихъ пылъ: они сказали мнѣ, что не сдѣлаютъ ничего дурнаго, но что необходимо, чтобы Наполеонъ зналъ ихъ образъ мыслей. Во время этой прекрасной рѣчи удалось отправить карету, и лошадей пустили вскачь; я тоже сѣлъ въ свою коляску и съ трудомъ выбрался изъ громадной толпы, со всѣхъ сторонъ тѣснившейся вокругъ меня съ криками: «да здравствуютъ наши освободители», «да здравствуетъ великій Александръ!» «да здравствуетъ король!» Наконецъ я уѣхалъ, и эти крики сопровождали меня на большое разстояніе. Я даю вамъ честное слово, что, если бы дверца кареты была открыта, то Наполеонъ несомнѣнно замѣнилъ бы собою манекенъ, и не было бы никакой человѣческой возможности воспре-

пятствовать этому. Черезъ льё оттуда Наполеонъ вышелъ изъ кареты для отправленія потребности, велѣлъ своему курьеру пересѣсть въ карету, сѣлъ на его лошадь и въ голубомъ камзолѣ и круглой шляпѣ, съ бѣлой, какъ меня увѣряли, кокардой, понесся вскачь. Такъ какъ я оставался нѣсколько позади, то узналъ объ этомъ лишь на слѣдующей станціи: тамъ собралась такая же толпа, и, когда открыли карету и увидѣли, что его нѣтъ въ ней, обшарили всѣ коляски, чтобы найти его, бросили нѣсколько камней; въ Оргонѣ такимъ образомъ былъ разбитъ фонарь. Новый переодѣтый курьеръ пронесся вскачь черезъ станціи Поръ-Роаяль и Сенъ-Каналь и скрылся въ комнатѣ дорожной гостиницы, отстоявшей на одно льё отъ Экса и имѣвшей огороженный дворъ. Первое лицо, встрѣченное имъ, была хозяйка гостиницы, сказавшая ему; «а, значитъ, Наполеонъ пріѣдетъ скоро! Его увозятъ изъ Франціи, но это опасно: онъ можетъ вернуться; несравненно лучше было бы убить его; впрочемъ, ясно, что, коль скоро онъ будетъ на морѣ, его утопятъ».

Наполеонъ самъ разсказалъ намъ объ этомъ на слѣдующій день за завтракомъ. Когда мы пріѣхали въ это мѣсто, одинъ изъ курьеровъ сказалъ намъ тайкомъ, что Наполеонъ здѣсь, но что нужно войти въ его комнату, не обращая на него вниманія, и называть его Кэмбелемъ; затѣмъ вспомнили, что Кэмбель уже проѣхалъ, и онъ назвался лордомъ Бургершемъ. Я вошелъ въ комнату и нашелъ его необычайно грустнымъ и унылымъ. Мы отобѣдали всѣ вмѣстѣ, и онъ развеселился нѣсколько; чтобы продолжать нашъ путь, мы поджидали наступленія ночи.

«Представьте себѣ мое удивленіе, когда, поспавъ нѣсколько часовъ, я вошелъ въ комнату и увидѣлъ его стоящимъ въ мундирѣ австрійскаго генерала, съ одѣтою на голову фуражкою графа Трухсеса съ прусскою кокардою и съ моей форменной шинелью на плечахъ. Мы выѣхали въ полночь и въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди генералъ Бертранъ и г-нъ Кулеваевъ на мѣстѣ Наполеона, затѣмъ я въ маленькомъ кабріолетѣ и, наконецъ, въ небольшой коляскѣ Коллера въ двѣ лошади два австрійскихъ генерала—Коллеръ и Наполеонъ. Какъ вамъ нравится этотъ трагическій фарсъ? Кулеваевъ передастъ вамъ много подробностей, забытыхъ мною здѣсь. До свиданія, дорогой графъ, надѣюсь, до скораго».

Фрежюсъ, 16-го (28) апрѣля 1814 года, 10 часовъ утра.

«Императоръ Наполеонъ пересядетъ вскорѣ на англійскій фрегатъ, бросившій вчера якорь близъ берега; капитанъ Ушеръ. Капитанъ прі-

ѣхалъ вчера вечеромъ въ Фрежюсъ и былъ представленъ императору. Онъ былъ приглашенъ къ обѣду, равно какъ и полковникъ Кэмбель, генералъ Коллеръ, графъ Трухсесъ и я. Гофмаршалъ былъ единственнымъ французомъ, присутствовавшимъ на обѣдѣ. Происходившій разговоръ былъ въ высшей степени интересенъ. Онъ вращался вокругъ флотовъ, англійскаго и французскаго, его плановъ относительно Англіи и портовыхъ сооруженій, произведенныхъ по его приказанію. Кэмбель служилъ переводчикомъ, такъ какъ Наполеонъ обращался исключительно къ командиру фрегата. Вотъ его главныя фразы. Нужно сказать вамъ, что при этомъ онъ проявилъ большое знакомство съ морскою службою, чѣмъ англичанинъ былъ очень удивленъ.

— Я долженъ былъ найти средство имѣть флотъ безъ торговли; я рѣшилъ эту задачу, назначивъ на суда шестнадцати-лѣтнихъ новобранцевъ. Въ теченіе шести лѣтъ они должны были обучаться маневрированію на рейдѣ, время отъ времени выходя въ море затѣмъ флоты должны были отправляться въ долгосрочное плаваніе, напримѣръ, въ Индію. Такимъ образомъ, черезъ короткое время у меня имѣлось бы сто линейныхъ кораблей, и я произвелъ бы высадку на берега Ирландіи; таковъ былъ мой планъ,—и теперь я могу открыть его. Я овладѣлъ Голландіей лишь для того, чтобы получить возможность строить тамъ корабли на Гельдерѣ, приспособленномъ мною для этой цѣли. У меня тамъ до настоящаго времени находится адмиралъ Вергюэль. Голландскій флотъ—не флотъ, ихъ корабли не могутъ маневрировать. До меня Эльба оставалась неизвѣстною. Я приказалъ своимъ инженерамъ-географамъ изслѣдовать ее лотомъ; ея глубина оказалась равною глубинѣ Шельды,—этого не знаютъ. Я угрожалъ Англіи съ этой стороны; эта рѣка соединена каналомъ съ Одеромъ, Вислою, Двиною. Если-бы я сохранилъ свое господство на материкѣ, у меня было бы столько строеваго лѣса, сколько бы я пожелалъ. Черезъ три года Англія была бы погублена. Франція не можетъ имѣть флота, не владѣя Антверпеномъ, и именно изъ-за Антверпена я теряю корону.

«Съ тѣхъ поръ, какъ разыгрались происшествія, сопровождавшія наше путешествіе, Наполеонъ совершенно хорошъ со мною, и мнѣ кажется, что я измѣнилъ характеръ его отношеній къ нашему императору. Онъ знаетъ, что императоръ покровительствовалъ контръ-революціи, происшедшей во Франціи, но не думаетъ болѣе, что онъ былъ заинтересованъ въ ней. Я знаю, что, повидимому, онъ былъ очень признателенъ за то, что его величество предложилъ ему убѣжище у себя, и что онъ замѣтилъ, что императоръ австрійскій совершенно и не подумалъ объ этомъ.

«Вчера послѣ обѣда явились доложить ему, что у берега, близъ мѣста отплытія, деревни С. Рафаэль или, по мѣстному названію, С. Рафо,

бросилъ якорь французскій бригъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему доложили, что это судно невооруженное и сгнившее. Это возмутило его и, правду сказать, возмутило каждаго изъ насъ. Онъ выразилъ свое неудовольствіе въ слѣдующихъ словахъ:

— Развѣ подобный образъ дѣйствій приличенъ? Развѣ онъ не свидѣтельствуетъ о глупости или недостаткѣ воспитанія? Развѣ приличіе не требовало, чтобы мнѣ послали, по крайней мѣрѣ, линейное судно? И, затѣмъ, посмотрите, что́ они печатаютъ въ своихъ газетахъ? Развѣ грубыя оскорбленія по моему адресу не позорятъ ихъ же самихъ? Неужели они могутъ забыть все то, что я сдѣлалъ для Франціи, что я вознесъ ее на высшую степень славы, что я хотѣлъ сдѣлать ее еще болѣе великой?

«Однако, его обманули нѣсколько, потому что кромѣ этого брига былъ еще и великолѣпный фрегатъ, о чемъ я узналъ отъ г. Кулеваева, пріѣхавшаго тѣмъ временемъ изъ С. Тропеца. Какъ бы то ни было, Наполеонъ рѣшилъ утромъ же сѣсть на англійскій фрегатъ и послалъ туда свой багажъ. Въ то время, когда собирались грузить его, капитанъ французскаго судна предъявилъ притязанія о погрузкѣ багажа на его судно, и хотя нечего было опасаться грабежа, такъ какъ обозъ конвоировался австрійскими гусарами, багажъ поспѣшно былъ доставленъ обратно въ Фрежюсъ; потомъ его снова отослали и ночью онъ былъ доставленъ на англійское судно.

«Я почелъ своимъ долгомъ сказать ему, когда онъ жаловался на всевозможные случаи дурнаго обращенія съ нимъ временнаго правительства, что я положительно увѣряю его, что они неизвѣстны императору Александру, что я доведу о нихъ до его свѣдѣнія, и что хорошо всѣмъ извѣстный его характеръ и образъ дѣйствій при послѣднихъ обстоятельствахъ служатъ вполнѣ безспорнымъ доказательствомъ того, что онъ не одобрилъ бы ничего такого, что исходило бы изъ убѣжденій, противныхъ той возвышенности души, которая является главнымъ двигателемъ дѣйствій императора. Наполеонъ съ убѣжденнымъ видомъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что я сказалъ ему. Прежде чѣмъ отпустить насъ, графа Трухсеса и меня, попросившихъ быть принятыми, чтобы откланяться ему, Наполеонъ самымъ любезнымъ образомъ поблагодарилъ насъ за все то, что́ мы сдѣлали для него въ продолженіе нашего пути и при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ (и дѣйствительно, генералъ Коллеръ, графъ Трухсесъ, я и наши адъютанты помѣшали тому, чтобы онъ былъ разорванъ на куски). Мы отвѣтили ему, что мы дѣйствовали такъ на основаніи самыхъ положительныхъ приказаній нашихъ государей.

«Теперь, графъ, я буду имѣть честь высказать вамъ, что я ожидалъ получить отвѣтъ на два письма, посланныя мною вашему сія-

тельству съ словесными заявленіями графа Бертрана, и въ которыхъ я спрашивалъ, долженъ ли я ѣхать на островъ Эльбу. Эти письма были посланы изъ Фонтенебло съ графомъ Кламомъ и однимъ австрійскимъ офицеромъ. Такъ какъ я не былъ въ Парижѣ, когда обсуждалось путешествіе Наполеона, я не могъ получить никакихъ словесныхъ инструкцій, а полученныя мною письменныя заключали въ себѣ приказаніе сопровождать Наполеона до мѣста отплытія. Поэтому здравый смыслъ подсказалъ мнѣ поступить такъ, какъ я поступилъ, то-есть, не ѣхать на островъ Эльбу:

1) потому что я получилъ приказаніе сопровождать его лишь до мѣста его отплытія;

2) потому что я знакомъ съ договоромъ только по тому экземпляру, который находится у Наполеона, и который, строго говоря, уже по одному этому я не имѣю права разсматривать, какъ подлинный. Къ тому же, онъ не ратификованъ.

«Мой адъютантъ выѣдетъ отсюда послѣ того, какъ Наполеонъ сядетъ на корабль; самъ же я уѣду лишь тогда, когда послѣдній снимется съ якоря, и я потеряю его изъ виду. Наполеонъ долженъ былъ выѣхать рано утромъ, но онъ чувствуетъ себя нехорошо: у него діаррея, такъ какъ вчера за обѣдомъ онъ съѣлъ слишкомъ много омара. Вѣтеръ неблагопріятный, и, говорятъ, императоръ останется до вечера.

«Я узналъ, что его лишили не только посуды, бѣлья, книгъ, однимъ словомъ, множества вещей, но что даже онъ не могъ получить ни того, что ему далъ тесть, какъ, напримѣръ, токайскаго вина, ни тѣхъ маленькихъ вещицъ, связанныхъ съ воспоминаніями объ императрицѣ, которыми, повидимому, онъ сильно дорожитъ. Я забылъ сказать вамъ, что ночью въ томъ домѣ, близъ Люка, гдѣ живетъ принцесса Полина, у императора украли около 80.000 франковъ. Полковникъ Кэмбель, какъ-бы мимоходомъ, спросилъ меня въ разговорѣ, какъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы поступить въ случаѣ, если бы комендантъ острова Эльбы воспротивился высадкѣ Наполеона. Я отвѣтилъ ему, что, по моему мнѣнію, если бы что-либо подобное случилось, что, однако, представляется мнѣ невозможнымъ, то необходимо удержать его на суднѣ впредь до полученія соотвѣтствующихъ приказаній, но ни въ какомъ случаѣ не позволять ему высадиться во Франціи и, что если бы уже было рѣшительно необходимо высадиться гдѣ-нибудь, то избрать для этого Мальту.

«Я упустилъ случай сообщить вамъ, графъ, что то, что отчеркнуто здѣсь на поляхъ [1]), я узналъ отъ генерала Коллера. Ему это сказалъ

---

[1]) Отъ словъ: „я узналъ“ до словъ „я забылъ сказать вамъ“.

Наполеонъ и просилъ его передать мнѣ объ этомъ; я постараюсь получить отъ графа Бертрана перечень этихъ предметовъ.

«Передаютъ слова, сказанныя по этому поводу Наполеономъ; они нѣсколько удивили меня и доказываютъ, что онъ знаетъ, какого о немъ мнѣнія. Вотъ они: «Какимъ образомъ оказывается возможнымъ, что эти люди (временное правительство) позволяютъ себѣ дѣйствовать по отношенію ко мнѣ, такъ мало церемонясь со мною? Они знаютъ, что мнѣ извѣстны всѣ тайны французскаго правительства, переговоры, состоявшіеся съ прочими государствами, вся подноготная, всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя никогда не должны сдѣлаться извѣстными иностранцамъ. Если бы я продалъ все это англичанамъ, я получилъ бы за это, по крайней мѣрѣ, 3.000.000... Конечно, я никогда не сдѣлаю этого; моя честь запрещаетъ мнѣ поступить такъ, и, прежде всего, я остаюсь французомъ; но, въ концѣ-концовъ, они должны опасаться, какъ бы я не сдѣлалъ этого».

«Это письмо или, вѣрнѣе сказать, фразы этого письма нѣсколько несвязны, но это происходитъ оттого, что наша память не подвластна намъ; вотъ и сейчасъ я вспомнилъ, что́ Наполеонъ сказалъ, но не мнѣ самому:

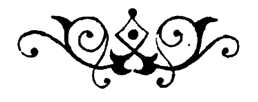
— Я лично оскорбилъ императора Александра и не имѣю права жаловаться на все то, что онъ сдѣлалъ противъ меня.

«Что удивительно, такъ это то, что онъ никогда ни слова не проронилъ ни противъ Людовика XVIII, ни противъ кого-либо изъ его семьи, а постоянно набрасывается на временное правительство; эта черта у него общая со всѣми французами, которыхъ я видѣлъ.

Фрежюсъ, 16-го (28-го) апрѣля 1814 года, 11 часовъ вечера.

Императоръ Наполеонъ, чувствовавшій себя нездоровымъ въ продолженіе всего дня, рѣшился выѣхать вечеромъ 16-го (28-го) апрѣля. Онъ отправился въ деревню С. Рафо и въ девять часовъ сѣлъ на шлюпку какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ высадился когда-то [1]. Когда приблизились къ фрегату, былъ произведенъ изъ пушекъ 21 выстрѣлъ. Онъ взошелъ на него въ $9^1/_4$ часовъ. Я отправился туда, чтобы откланяться ему. Онъ еще разъ поблагодарилъ меня за то, что я сдѣлалъ для предотвращенія какой-либо кровавой катастрофы. Я немедленно возвратился на берегъ и спѣшу отправить съ этимъ письмомъ моего адъютанта Кулеваева. Что касается меня, то я отправлюсь, когда фрегатъ снимется съ якоря и скроется изъ виду.

Н. Шильдеръ.

[1]) Возвратившись изъ Египта.

Собственноручное письмо императора Николая князю А. С. Меншикову.

2 (14) іюля 1838 г. Фишбахъ

Ты можешь себѣ вообразить съ какимъ прискорбіемъ узналъ я о бѣдствіи, постигшемъ эскадры наши на Абхазскомъ берегу. Хотя мнѣ подробности происшедшаго у Раевскаго неизвѣстны еще, но донесенія о происходившемъ при Сочи приводятъ въ ужасъ. Слава добрымъ и храбрымъ сухопутнымъ войскамъ, которыя себя не щадили, чтобы спасти братьевъ своихъ моряковъ, и надо благодарить Бога, что погибшихъ невозвратно было не болѣе. Надо покориться волѣ Божіей и стараться, исправивъ потери, принять всѣ возможныя мѣры, чтобъ усугубить впредь осторожность на семъ ужасномъ берегѣ.

Предписываю тебѣ:

1) Сейчасъ снестись съ Г. А. (генералъ-адъютантомъ) Лазаревымъ, дабы представилъ свои соображенія и смѣту для немедленнаго построенія возможными способами тѣхъ судовъ, кои послѣ крушенія недостаютъ.

2) По полученіи смѣты сейчасъ объявить М. Ф. (министру финансовъ) Высочайшее повелѣніе, чтобы отпустилъ тебѣ нужную сумму изъ военнаго капитала.

3) Условиться съ Г. А. Лазаревымъ, какъ замѣнить убыль, дабы не только не было остановки въ перевозкѣ войскъ, когда срокъ настанетъ, но чтобы и обыкновенная служба вдоль берега шла своимъ порядкомъ.

4) Велѣть ему составить возможно подробную инструкцію эскадреннымъ и судовымъ командирамъ, какъ себя вести на семъ берегу; въ особенности подтвердить, что не на якорѣ стоять, а безпрестанно быть подъ парусами—ихъ долгъ, когда, разумѣется, высадка или сгрузка окончена. Подходить же къ берегу или держаться въ виду весьма достаточно такъ, чтобъ чрезъ сигналы или чрезъ малыя суда можно было давать знать съ берега, когда нужна помощь.

Копію съ сей инструкціи Мнѣ прислать, и она сообщится немедля всѣмъ прибрежнымъ начальникамъ въ руководство, дабы и тѣни недоразумѣнія произойти не могло.

Въ заключеніе обращаю твое вниманіе на то, что г. (графъ) Чернышевъ тебѣ тайно сообщитъ. Придумай и будь готовъ, но держи про себя. Н.

Забылъ сказать, что Шанцъ прибылъ изъ Америки съ весьма важными открытіями по паровой части; онъ меня ждетъ въ Теплицѣ, и ежели по словамъ его подтвердится то, что вычиталъ въ привезенныхъ имъ бумагахъ, такъ немедля его отправлю обратно въ Америку для заказа и привода одного парохода, ибо времени нечего терять. Дмитріевъ тоже везетъ много любопытнаго.

Александръ I и Наполеонъ въ Эрфуртѣ [1]).

I.

Намѣренія императора Наполеона.

Свиданіе въ Эрфуртѣ, давно уже сдѣлавшееся необходимымъ, въ виду все болѣе и болѣе грознаго положенія Англіи, усложненій въ Испаніи, уклончивыхъ отвѣтовъ Наполеона относительно очищенія Пруссіи отъ французскихъ войскъ и занятія Молдаво-Валахіи русскими, — наконецъ было назначено императоромъ Александромъ 15-го (27) сентября 1808 г. [2]).

— Я аккуратно явлюсь на свиданіе», — сказалъ Александръ французскому офицеру, отправленному съ этимъ извѣстіемъ къ Наполену.

Послѣдній между тѣмъ принималъ въ Сенъ-Клу, 3-го (15-го) августа, европейскихъ пословъ и посланниковъ, что онъ дѣлалъ обыкновенно, назначая имъ одну общую аудіенцію, какъ-бы дипломатическій смотръ. Обратившись къ австрійскому послу, гр. Меттерниху, онъ высказалъ ему энергичный протестъ противъ усиленныхъ военныхъ приготовленій Австрійской имперіи.

— Къ чему могутъ повести вооруженія Австріи, спрашивалъ Наполеонъ, когда ей нельзя будетъ воевать? Вѣдь Франція и Россія стоятъ заодно, и всякое нападеніе будетъ парализовано ихъ союзомъ, Я вполнѣ увѣренъ въ императорѣ Александрѣ, который не позволитъ

---

[1]) Извлеченіе изъ соч. Вандаля, подъ заглавіемъ «Napoléon et Alexandre I. L'alliance russe sous le premier Empire».

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 10-го (22-го) августа 1808 г.

и шелохнуться вѣнскому двору, и тогда Австріи придется положить оружіе въ виду такой обстановки.

— Но если Европа будетъ обязана миромъ лишь вмѣшательству русскаго императора, продолжалъ Наполеонъ, то ни она, ни я не будемъ вамъ за это признательны; а не имѣя возможности смотрѣть на васъ, какъ на друзей, я ужъ, конечно, не приглашу васъ къ участію вмѣстѣ со мной въ тѣхъ распоряженіяхъ, какія могутъ быть вызваны нынѣшнимъ состояніемъ дѣлъ Европы [1]).

Послѣдними словами Наполеонъ намекалъ на задуманный имъ раздѣлъ Турціи, и Меттернихъ не только не былъ встревоженъ его рѣчью, а напротивъ, усматривалъ въ ней залогъ мира. Того же мнѣнія былъ и русскій посолъ—гр. Толстой, плохо поддерживавшій заявленія французскаго императора. Когда, ссылаясь на искреннее расположеніе къ нему императора Александра, Наполеонъ устремилъ пристальный взглядъ на Толстаго, какъ-бы призывая его въ свидѣтели своихъ словъ, и стараясь вызвать на лицѣ его какой-либо знакъ подтвержденія,—Толстой оставался неподвиженъ, какъ мраморъ. Тѣмъ не менѣе Австрія пообѣщала распустить войска, сосредоточенныя въ Краковѣ, равно какъ мобилизованные резервы и милицію. Относительно же признанія испанскимъ королемъ Іосифа была лишь подана надежда на благопріятный отвѣтъ [2]).

24-го августа (5-го сентября) Наполеонъ узналъ, что русскій императоръ выѣзжаетъ черезъ недѣлю въ Эрфуртъ для свиданія съ нимъ. Сначала его увѣдомилъ о томъ находившійся въ Петербургѣ посолъ Коленкуръ, а затѣмъ и самъ императоръ. Наполеонъ въ отвѣтъ писалъ Александру, что принимаетъ свиданіе, и заранѣе высказывалъ радость, какая предстоитъ ему при встрѣчѣ. Маршалу Ланну было предписано привѣтствовать дружественно расположеннаго монарха на границѣ земель, занимаемыхъ французскими войсками (т. е. у Вислы), и оказывать ему вездѣ всевозможныя почести. Въ то же время Наполеонъ принялъ мѣры, чтобы свиданіе было сопровождаемо неслыханнымъ блескомъ; онъ хотѣлъ явиться въ Эрфуртъ со всѣми аттрибутами своего могущества, сосредоточить тамъ всевозможныя удовольствія, поразить, очаровать, заинтересовать Александра и обворожить разомъ его зрѣніе и умъ. Тутъ же Наполеонъ предполагалъ рѣшить наконецъ вопросъ, обсуждавшійся уже цѣлый годъ, но

---

[1]) Депеша Шампаньи Андреосси («Correspondance de Napoléon, 14254») Сл. «Mémoires de Metternich», II, 194—199 и депешу барона Брокгаузена прусскому королю. Hassel. «Geschichte der Preussischen Politik», 1807—1815, 507).

[2]) „Metternich, Mémoires", II, 200.

не подвигавшійся впередъ. Надо было опредѣлить положительнымъ образомъ участь востока, и Наполеонъ приступилъ къ выработкѣ рѣшеній, съ которыми намѣревался явиться въ Эрфуртъ. Передъ отъѣздомъ онъ долго разспрашивалъ о Турціи генерала Себастіани, недавно вернувшагося оттуда; болѣе же всего онъ совѣщался съ своимъ бывшимъ министромъ, а нынѣ секретаремъ, Талейраномъ. Послѣдній уже давно пришелъ къ убѣжденію, что борьба между Наполеономъ и Европой тянется слишкомъ долго и принимаетъ черезчуръ опасные размѣры; онъ начиналъ уже сомнѣваться въ ея успѣшномъ исходѣ и нерѣдко будировалъ въ интимномъ кругу по поводу непомѣрнаго честолюбія французскаго императора. Узнавъ объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, Наполеонъ нѣсколько охладѣлъ къ Талейрану, но не могъ не пригласить его въ Эрфуртъ, гдѣ надо было не только вести переговоры, но и дѣйствовать личнымъ обаяніемъ, а Наполеонъ полагалъ, что этотъ дипломатъ, какъ искусный редакторъ и прекрасный собесѣдникъ, можетъ быть полезенъ для обѣихъ цѣлей. Выработка предварительнаго плана переговоровъ тоже была поручена ему.

Для выполненія этой послѣдней задачи одинъ изъ ученыхъ помощниковъ Талейрана, Отривъ, составилъ проектъ раздѣла Турціи, хотя и считалъ его въ данный моментъ преждевременнымъ.

«Чтобы бороться съ похитительницей морей, Англіей, писалъ Отривъ двѣ великія континентальныя державы—Франція и Россія—были вынуждены усвоить общую систему грандіознаго расширенія своихъ владѣній. Турція, очутившаяся у нихъ на пути, по которому они должны слѣдовать, чтобы поразить свою противницу въ Индіи, является въ настоящее время государствомъ, которое прежде всѣхъ должно испытать послѣдствія такой системы обязательнаго захвата».

Балканскій полуостровъ, по проекту Отрива, можетъ быть раздѣленъ на двѣ части по меридіану, проходящему черезъ Никополь. Всѣ области къ востоку отъ этой линіи съ Константинополемъ и Дарданеллами предоставлялись Россіи, а западная половина распредѣлялась между Франціей и Австріей, при чемъ первой изъ этихъ державъ надлежало выдѣлить долю другой, оставивъ во всякомъ случаѣ за собою Египетъ и острова [1]). Но этотъ проектъ не отвѣчалъ уже болѣе желаніямъ Наполеона. Совѣщанія съ генераломъ Себастіани, происходившія три дня подрядъ, поколебали его рѣшимость. Первоначально онъ, дѣйствительно, склонялся къ раздѣлу Порты, хотя сознавалъ, что со стороны Австріи возникнутъ затрудненія; онъ раздражался по поводу этихъ препятствій, говорилъ, что сломитъ ея упорство и сохранитъ на

[1]) Archives des affaires étrangéres. France et États de l'Europe, 286; „Mémoires et documents", Russie, 32.

развалинахъ Европы лишь двѣ имперіи, двухъ колоссовъ: Францію и Россію, и каждый будетъ окруженъ подвластными ему государствами. Но приступая къ разсмотрѣнію практическаго осуществленія проекта, Себастіани выставлялъ на видъ всѣ техническія его неудобства и аргументы спеціально военнаго характера. По мнѣнію его, Франціи, для уничтоженія Турціи, придется чрезвычайно растянуть свою операціонную линію и тѣмъ ослабить ея силу. Раскинутая отъ Парижа до Аѳинъ, пересѣкая Италію, огибая берега Адріатики и врѣзываясь въ глухія области Албаніи и Греціи, линія эта окажется сжатою, словно сдавленною посрединѣ между моремъ и Австріей и всегда рискуетъ быть перерѣзанной въ зависимости отъ случая, отъ какой-нибудь прихоти, что всегда можно ожидать отъ перемѣнчиваго вѣнскаго кабинета [1]).

Наполеонъ былъ пораженъ такимъ доводомъ и призналъ его неопровержимость. Оставивъ мысль о раздѣлѣ Турціи, онъ, со свойственной ему живостью, обратился къ другому рѣшенію, а именно: уступкою Россіи Молдавіи и Валахіи получить отъ императора Александра все ему необходимое, но съ тѣмъ, чтобы уступка эта была осуществлена только въ отдаленномъ будущемъ. Такимъ образомъ императоръ Франціи развязывалъ себѣ руки для дѣйствій въ Испаніи и пріобрѣталъ безусловное содѣйствіе Россіи въ борьбѣ съ Австріей. Составленіе договора объ уступкѣ Молдавіи и Валахіи было поручено составить Талейрану по возможности въ неясныхъ выраженіяхъ. Зная изъ депешъ Коленкура, съ какимъ пыломъ императоръ Александръ и въ особенности Румянцевъ стремятся къ раздѣлу Порты, Талейранъ все-таки опасался, какъ-бы свиданіе не повлекло за собою крупныхъ политическихъ событій. Для предупрежденія этого онъ прибѣгъ-было къ косвеннымъ средствамъ и, возлагая надежды на Австрію, высказалъ желаніе, чтобы императоръ Францъ I участвовалъ въ эрфуртскихъ совѣщаніяхъ, какъ посредникъ. «Ничего не можетъ свершиться въ Европѣ — говорилъ Талейранъ Меттерниху — безъ того, чтобы австрійскій императоръ не оказался при этомъ помѣхой или опорой. Я желалъ бы, при теперешнемъ стеченіи обстоятельствъ, прибытія сюда императора Франца, въ видѣ помѣхи» [2]).

Меттернихъ съ жаромъ ухватился за эту мысль, но вмѣсто императора Франца, ради сокращенія времени, предложилъ самъ свои услуги. Однако, Наполеонъ отвѣтилъ ему вѣжливымъ отказомъ: онъ опасался сближенія Австріи съ Россіей и желалъ, чтобы ожидавшіяся въ теченіе восьми мѣсяцевъ совѣщанія были исключительно франко-

---

[1]) «Le général de Ségur. Histoire de Napoléon pendant l'année» 1812 34 и сл. Ср. Thibaudeau, IV, 33.

[2]) Metternich, II, 223.

русскими. Тѣсный союзъ между французскимъ императоромъ и русскимъ царемъ долженъ былъ предшествовать какимъ бы то ни было конференціямъ между тремя великими континентальными монархіями.

Наступилъ часъ отъѣзда. 11-го (23-го) сентября императоръ Наполеонъ выѣхалъ изъ Сенъ-Клу. Его министры, Шампаньи съ своими подчиненными и Талейранъ съ преданнымъ ему Лабенадьеромъ, выѣхали раньше.

Передъ отъѣздомъ Талейранъ, чтобъ быть готовымъ ко всякому рѣшенію, побудилъ Отрива подробнѣе разработать свой первоначальный проектъ. Посылая его того же 11-го (23-го) Талейрану, Отривъ пишетъ: «планъ выполненія проекта и экспедиціи въ Индію предлагается лишь на всякій случай; по крайней мѣрѣ правильная политика требуетъ представлять это теперь въ такомъ видѣ, до самаго момента осуществленія замысла. Относительно же наступленія этихъ событій, по-моему, не можетъ быть никакихъ сомнѣній: Оттоманская имперія будетъ раздѣлена, и мы выполнимъ экспедицію въ Индію. Каковы бы ни были результаты этихъ двухъ великихъ предпріятій, они неизбѣжны; но надо все сдѣлать, чтобы ихъ не начали слишкомъ рано, однако и ничего не упустить, чтобы выиграть время и обратить все къ выгодѣ континента, а въ то же время надо устроить все такъ, чтобы событія эти вызвали дѣйствительную и справедливую тревогу въ Англіи. Въ этомъ-то и состоитъ вся трудность. И въ такой едва примѣтной точкѣ, связующей обѣ высказанныя идеи, геній и разсудокъ императора должны найти разрѣшеніе возникшихъ усложненій. Я все сказалъ по этому предмету; мысль моя теперь успокоится, но все-таки я съ глубокой тоской буду ожидать извѣстій изъ Эрфурта. Никогда ни одно слово не производило на меня такого впечатлѣнія, какъ это грубое созвучіе. Я не могу подумать о немъ безъ страха и надежды: судьба Европы и всего міра, будущность политическаго преобладанія и, быть можетъ, европейской культуры—все связано съ этимъ именемъ [1]).

II.

Встрѣча.

Императоръ Александръ оставилъ Петербургъ 2-го (14-го) сентября. Вдовствующая государыня Марія Ѳеодоровна горько плакала при

[1]) Archives des affaires étrangeres, Mémoires et documents, Russie, 32.

прощаніи и не переставала предостерегать государя. При дворѣ и въ городѣ говорили, что онъ уже не вернется изъ Германіи, что Наполеонъ увезетъ его и заточитъ во Франціи, какъ испанскихъ Бурбоновъ: Эрфуртъ окажется второю Байоною. Слухи эти дошли и до Гатчины, гдѣ вдовствующая императрица проводила лѣто, и возбудили въ ней тревогу. Увѣряютъ, что при прощаніи она сказала оберъ-гофмаршалу Толстому, сопровождавшему императора: «вы будете отвѣтственны за эту поѣздку передъ императоромъ и передъ Россіей».

Императоръ Александръ ѣхалъ скорѣе всякаго курьера, въ простой коляскѣ и въ сопровожденіи лишь помянутаго оберъ-гофмаршала Толстаго, генералъ-адъютанта князя Волконскаго и лейбъ-медика Вилліе [1]). Великій князь Константинъ Павловичъ и лица, долженствовавшія составлять свиту императора въ Эрфуртѣ, уѣхали ранѣе. Въ числѣ послѣднихъ находились: оберъ-прокуроръ Синода князь А. Н. Голицынъ, канцлеръ графъ Румянцевъ и М. М. Сперанскій. Коленкуръ [2]), также естественнымъ образомъ примкнулъ къ этому корпусу: Александръ любезно пригласилъ его, а Наполеонъ призналъ полезнымъ его присутствіе при переговорахъ.

Проѣзжая черезъ Кенигсбергъ, императоръ Александръ счелъ долгомъ остановиться тамъ на три дня. Въ этой печальной резиденціи, гдѣ во всемъ чувствовалось общественное бѣдствіе, король прусскій попытался все-таки принять августѣйшаго гостя достойнымъ образомъ, сохраняя обстановку державнаго монарха. Русскій императоръ имѣлъ торжественный въѣздъ съ выстроенными по пути войсками и парадный обѣдъ во дворцѣ; но второй день посѣщенія былъ законченъ уже болѣе семейнымъ образомъ, въ небольшомъ загородномъ замкѣ, пріобрѣтенномъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ окрестностяхъ Кенигсберга. И тамъ, и здѣсь императоръ Александръ выказывалъ свою обычную любезность: онъ былъ внимателенъ къ дамамъ, привѣтливъ со всѣми; узнавъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей по оружію 1807 года, онъ къ каждому изъ нихъ обращался съ благосклонною рѣчью. Положеніе Пруссіи, интересы которой онъ обѣщалъ отстаивать въ Эрфуртѣ, повидимому, внушало ему живое участіе; однако, въ общемъ проглядывало, что его твердость не будетъ, пожалуй, соотвѣтствовать его добрымъ намѣреніямъ. Въ интимной хроникѣ двора графиня Фоссъ служила эхомъ такого разочарованія, хотя она, какъ и всѣ женщины, была

---

[1]) Caulaincourt à l'Empereur, 23 septembre 1808.

[2]) Онъ писалъ императору Наполеону, еще 24-го марта 1808 года: „императоръ рѣшилъ не везти съ собою придворнаго штата; онъ полагается на столъ вашего величества, которому воздаетъ ежедневно хвалы, равно какъ и вину вашему, даже шампанскому, котораго онъ никогда раньше не пи-

сторонѣ Александра находила его очаровательнымъ, но очень слабымъ [1]). Одинъ министръ Штейнъ питалъ лучшія надежды: онъ замѣтилъ въ императорѣ Александрѣ все возрастающія опасенія въ виду Наполеоновскаго честолюбія и полагалъ, что зрѣлище прусскихъ бѣдствій вызвало въ немъ искреннюю жалость [2])

Наполеонъ хотя и предвидѣлъ, какое впечатлѣніе произведетъ Кенигсбергъ на Александра, но принужденъ былъ примириться съ этимъ, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ; но счастье и въ этомъ случаѣ благопріятствовало французскому императору. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ французская полиція въ Берлинѣ перехватила у одного обвинявшагося въ шпіонствѣ прусскаго агента письмо Штейна къ князю Витгенштейну. Этотъ документъ доказывалъ, что не только Пруссія лгала, увѣряя въ своемъ раскаяніи, но что она пыталась произвести смуту и возстаніе въ новообразованномъ Вестфальскомъ королевствѣ. Наполеонъ прочелъ перехваченное письмо съ чувствомъ гнѣва и презрѣнія [3]).

— Эти прусаки, сказалъ онъ, жалкіе и подлые люди.

Онъ рѣшилъ потребовать отставки и изгнанія Штейна, такъ чтобы сосѣднимъ государствамъ было воспрещено давать ему убѣжище и чтобы онъ былъ лишенъ покровительства европейскихъ законовъ. Въ то же самое время, ловко пользуясь даже неблагопріятными обстоятельствами, Наполеонъ съумѣлъ извлечь выгоду и изъ этого открытія. Во-первыхъ, опираясь на него, онъ постарался ускорить подписаніе конвенціи съ Пруссіей, 29-го августа (8-го сентября), угрожая королю Вильгельму и прусскому уполномоченному въ Парижѣ прервать въ случаѣ ихъ колебанія переговоры и подчинить ихъ страну самому суровому гнету, находившему теперь свое полное оправданіе. Во-вторыхъ, онъ повелѣлъ напечатать письмо Штейна въ «Journal de l'Empire» съ присоединеніемъ безпощаднаго комментарія [4]). Этотъ обличительный номеръ онъ отправилъ къ Коленкуру, и посолъ долженъ былъ предъявить его сначала Румянцеву, а затѣмъ императору Александру во время самаго путешествія, въ видѣ противоядія противъ кенигсбергскихъ впечатлѣній.

Едва русскій императоръ оставилъ этотъ городъ, какъ получилъ

---

[1]) Neun und sechszig Jahre am Preussischen Hofe, 237.

[2]) Hassel. Geschichte der Preussischen Politik, 1807 bis 1815, I, 547. Здѣсь цитируется письмо, написанное Штейномъ: «Онъ видитъ, пишетъ прусскій министръ объ императорѣ Александрѣ, опасность, грозящую Европѣ отъ честолюбія Бонапарте, и я думаю, онъ согласился на свиданіе лишь съ цѣлью сохранить на нѣкоторое время внѣшнее спокойствіе».

[3]) Napoléon à Soult 4 septembre 1808 (inéd.) Archives nationales A. F., IV, 878.

[4]) См. Journal de l'Empire (Journal de Débats) du 9 septembre 1808.

извѣстіе о случившемся: онъ былъ глубоко пораженъ и тотчасъ понялъ, что Пруссія дала противъ себя ужасное оружіе.

— Это какое-то совершенно необъяснимое умопомраченіе, сказалъ Румянцовъ [1]).

По переѣздѣ черезъ Вислу императоръ Александръ тотчасъ увидѣлъ французскіе національные флаги и мундиры. Нѣсколько далѣе, у Фридберга, онъ былъ привѣтствованъ маршаломъ Ланномъ. Государь пригласилъ его въ свой экипажъ и вступилъ съ нимъ въ ласковую бесѣду. Когда какой-нибудь иностранецъ, хотя-бы и монархъ, встрѣчаетъ француза, то почти тотчасъ же заводитъ съ нимъ рѣчь о Парижѣ. Александръ не измѣнилъ этой традиціи: «Онъ много говорилъ о Парижѣ, писалъ маршалъ, и даже сказалъ мнѣ, что, если дѣла устроятся такъ, какъ надѣется, то онъ чрезвычайно желаетъ посѣтить эту столицу, пробыть тамъ подолѣе, вмѣстѣ съ Наполеономъ» [2]).—Русскій императоръ безъ устали говорилъ о своей привязанности къ французскому монарху, восхищался и интересовался его войсками. У Вислы онъ обратилъ особое вниманіе на 26-й легкій пѣхотный полкъ и на 8-й гусарскій за «ихъ отличную выдержку» [3]). Въ Кюстринѣ государь пожелалъ остановиться на нѣсколько часовъ, чтобы осмотрѣть кирасирскую дивизію, стоявшую гарнизономъ въ этомъ городѣ.

По мѣрѣ приближенія къ цѣли, императоръ все ускорялъ своей путь. Минуя Берлинъ, промчавшись черезъ Лейпцигъ, онъ остановился лишь въ Веймарѣ, совсѣмъ уже близко ота Эрфурта. Здѣсь Александръ хотѣлъ отдохнуть нѣсколько часовъ и «принарядиться» [4]), прежде чѣмъ явиться на мѣсто свиданія, гдѣ Наполеонъ долженъ былъ ожидать его и встрѣтить 15-го (27-го) сентября.

Эрфуртъ, оставшійся въ рукахъ французовъ со времени іенскаго боя, былъ весьма незначительнымъ городомъ, но теперь былъ полонъ войсками, маршалами имперіи, принцами и королями. При первомъ извѣстіи о свиданіи, въ Эрфуртъ пожелали съѣхаться короли: саксонскій, виртембергскій и баварскій, не говоря уже о мелкихъ германскихъ принцахъ.

15-го (27-го) утромъ, Наполеонъ неожиданно въѣхалъ въ Эрфуртъ въ сопровожденіи лишь герцога Нефшательскаго. Великолѣпные гвардейскіе эскадроны галопировали вокругъ его экипажа, и видъ этихъ воиновъ, прославленныхъ легендарными подвигами, про-

---

[1]) Caulaincourt à l'Empereur, 23 septembre 1808.

[2]) Revue d' Histoire diplomatique, janvier 1890, 143 — 144, (Lettre publiée par M. R. Bittard des Portes).

[3]) Письмо маршала Ланна.

[4]) Caulaincourt à l' Empereur, 23 septembre 1808

изводилъ грандіозное впечатлѣніе. Наполеонъ не пожелалъ оффиціальныхъ встрѣчъ: на пути были устроены тріумфальныя арки,—онъ ихъ отмѣнилъ. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ почести и оваціи оказывались обоимъ императорамъ вмѣстѣ. Пока онъ занялъ свой дворецъ, разослалъ нѣсколько приказовъ, отправилъ письмо Камбасересу, сдѣлалъ визитъ саксонскому королю, потомъ сѣлъ на лошадь и со всѣмъ своимъ штатомъ отправился на встрѣчу русскому императору.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города вскорѣ показался экипажъ Александра I, окруженный блестящей группой офицеровъ. Оба императора остановились, пошли на встрѣчу другъ другу, обнялись, и съ увлеченіемъ стали разговаривать между собою, какъ друзья при радостной встрѣчѣ.

По знаку Наполеона къ Александру была подведена верховая лошадь, осѣдланная по-русски, съ чепракомъ и горнотаевымъ мѣхомъ; Александръ сѣлъ на нее, Наполеонъ послѣдовалъ его примѣру. Свиты императоровъ смѣшались вмѣстѣ, и общею колонной всѣ направились къ городу, готическій силуэтъ котораго вырисовывался вдали.

Войска въ парадной формѣ были расположены у въѣзда въ Эрфуртъ. Артиллерія гремѣла учащенными залпами, ветхія крѣпостныя орудія ей отвѣчали, а въ промежуткахъ между оглушительными раскатами звучалъ торжественный и ясный звонъ колоколовъ, разносившійся съ высокихъ церквей и башенъ. Съ холмовъ, окружающихъ Эрфуртъ въ видѣ естественныхъ трибунъ, безчисленная толпа любопытныхъ смотрѣла на великолѣпное зрѣлище, все приближавшееся къ городу. Изъ-за лѣса кавалерійскихъ пикъ въ авангардѣ уже можно было различить блескъ главнаго штаба, яркіе, расшитые золотомъ, разнообразные мундиры, всевозможные цвѣта орденскихъ лентъ, начиная отъ красной, почетнаго легіона, до блѣдно-голубой андреевской ленты, а надъ ними сіяли колыхаясь бѣлоснѣжные султаны. Мало-по-малу на переднемъ планѣ группы вырисовались оба императора. Они ѣхали посрединѣ: Александръ по правую сторону, въ гладко обтянутомъ темно-зеленомъ мундирѣ, граціозно правилъ своей лошадью; высокій и стройный—онъ выгодно отличался отъ Наполеона съ его небрежной посадкой и словно ушедшей въ себя коренастой и мощной фигурой; однако и послѣдній, несмотря на свой простой гренадерскій мундиръ, приковывалъ и чаровалъ всѣ взоры [1]).

Въѣздъ въ городъ былъ весьма торжественъ: передъ императорами склонялись знамена при барабанномъ боѣ, и по мѣрѣ того, какъ двойной штабъ шествовалъ передъ фронтомъ войскъ, изъ рядовъ ихъ раздавались клики: «да здравствуютъ императоры!» Въ теченіе дня Наполеонъ и Александръ неоднократно являлись народу въ сопровожденіи

[1]) Thibaudeau, IV, 58 et suiv. Documents inédits.

многочисленной свиты и вполнѣ удовлетворяли любопытство собравшихся въ Эрфуртѣ. Близъ французскаго императора всѣ хотѣли видѣть людей, столь знаменитыхъ по многимъ причинамъ, этихъ генераловъ, отмѣченныхъ именами побѣдъ, вышедшихъ изъ народа и побѣждавшихъ королей, этихъ преданныхъ слугъ, которыхъ народное воображеніе никогда не отдѣляло отъ Наполеона, но всегда ставило рядомъ съ нимъ: Ланна, Бертье, гренадерскаго полковника Дюрока и Коленкура, снова вступившаго въ должность оберъ-шталмейстера. Министровъ, государственныхъ дѣятелей было труднѣе узнать въ глубинѣ каретъ; въ толпѣ произносились имена: Талейрана, Шампаньи, Румянцова. Костюмы французскихъ придворныхъ и русскіе мундиры поражали своей оригинальностью. Разсказывались разные анекдоты; осанка, малѣйшіе жесты обоихъ монарховъ подвергались комментаріямъ; вездѣ повторяли, что они не переставали дружески бесѣдовать между собою, что на ихъ лицахъ выражались сердечность и довѣріе, что они вошли подъ-руку въ домъ, предназначенный императору Александру. Эти обстоятельства были приняты за счастливыя предзнаменованія и нѣсколько успокоивали боязнь за будущее [1]).

На слѣдующій день оба императора организовали свою совмѣстную жизнь. Они условились сохранить утро для своихъ личныхъ дѣлъ, полдень посвятить политической дѣятельности, пріемамъ монарховъ и другихъ лицъ и прогулкѣ, а вечеръ—свѣту и удовольствіямъ. Тотъ-же день былъ отмѣченъ однимъ важнымъ фактомъ: изъ Австріи прибылъ чрезвычайный посланникъ, баронъ Винцентъ, съ привѣтственными письмами отъ императора Франца I къ Наполеону и Александру; оба письма были дружественныя, но безсодержательныя. Подъ предлогомъ этой любезности, австрійскій императоръ, слѣдуя на половину совѣту Талейрана, хотѣлъ обратить на себя вниманіе обоихъ императоровъ и принять косвенное участіе въ ихъ преніяхъ. Наполеонъ немедленно далъ аудіенцію Винценту и съ торжественостью принялъ посланіе. Этотъ моментъ былъ выбранъ оффиціальнымъ художникомъ, чтобы сгруппировать въ созданной воображеніемъ сценѣ, на картинѣ, хранящейся въ Луврѣ, главныхъ участниковъ Эрфурта, въ томъ видѣ, въ какомъ они обыкновенно рисуются воображенію. У массивнаго стола стоитъ Наполеонъ. Его широкое, озаренное славой чело, слегка наклонено; величественнымъ движеніемъ онъ протягиваетъ руку къ письму, представляемому Винцентомъ; послѣдній изгибается въ глубокомъ поклонѣ. Въ нѣсколько шагахъ отъ нихъ императоръ Александръ съ довольствомъ на лицѣ смотритъ на эту мирную сцену: онъ прекрасно помѣщенъ и зритель

---

¹) Rapport du général. gouverneur de la place, rapport de police. Archives nationales, A. F., IV, 1696.

можетъ любоваться его тонкимъ профилемъ, благородной, чарующей осанкой. На второмъ планѣ, между обоими монархами, выдѣляется Талейранъ. Его темный костюмъ съ блѣдно-голубымъ шитьемъ отличается скромностью среди блеска остальныхъ мундировъ. Въ глубинѣ залы виднѣются германскіе короли, принцы и министры, затѣмъ Дюрокъ, Бертье, Марэ, Коленкуръ и прочіе вѣрные слуги Наполеона, наконецъ графъ Румянцовъ и великій князь Константинъ Павловичъ, черты котораго рисуются въ полумракѣ.

Но въ сущности Талейранъ, всегда повидимому стушевывающійся, стремился втайнѣ играть выдающуюся роль вполнѣ личнаго характера. Въ Эрфуртѣ онъ весь отдается игрѣ, подготовляемой имъ уже нѣсколько мѣсяцевъ; отнынѣ онъ поведетъ глухую, но систематическую борьбу противъ своего государя: онъ не только не служитъ его волѣ, а устраиваетъ заговоръ, враждебный его планамъ. Во-первыхъ, онъ хочетъ заключить свой особый миръ съ Европой, упрочить добрыя сношенія съ Вѣной, заручиться у русскаго императора кредитомъ, долженствующимъ предохранить его отъ всякаго риска въ будущемъ; въ Эрфуртѣ Талейранъ завязываетъ съ Александромъ I сношенія, которыя позволяютъ ему, шесть лѣтъ спустя, съ почестями встрѣтить русскаго монарха въ покоренномъ Парижѣ.

Противясь всему, чего Наполеонъ желалъ и домогался, Талейранъ старается устроить такъ, чтобы Австрія не гнулась слишкомъ низко, чтобы императоръ Александръ не отдавался политикѣ Наполеона слишкомъ беззавѣтно: онъ предостережетъ этого монарха, укажетъ ему на опасныя чары Наполеона, постарается разрушить его престижъ и будетъ умолять не жертвовать ради честолюбца независимостью Европы. Хотя онъ и желаетъ, чтобы конференція достигла своей цѣли и соглашеніе между императорами состоялось, но ему очень важно, чтобы это согласіе осталось незаконченнымъ, было окружено мѣрами предосторожности, обставлено различными оговорками; по его мнѣнію, русскій союзъ долженъ сдѣлаться для Наполеона не рычагомъ, а уздой. Эта мысль была бы глубока и справедлива, однако, лишь въ томъ случаѣ, если-бъ Англія была расположена вступить въ мирные переговоры.

Тотчасъ же по прибытія императора Александра Талейранъ явился къ нему на частную аудіенцію; чрезвычайно смѣло и ловко онъ съ первыхъ же словъ предалъ себя въ руки государя, чтобы пріобрѣсти его довѣріе [1]).

— Ваше величество, сказалъ онъ, чтó вы намѣрены здѣсь дѣлать? Вамъ надлежитъ спасти Европу, и вы не достигнете этого иначе, какъ противясь Наполеону. Французскій народъ цивилизованъ, но не таковъ

---

[1]) Metternich, II, 248.

его монархъ. Русскій же монархъ цивилизованъ, но не таковъ его народъ: итакъ русскому монарху слѣдуетъ быть союзникомъ французскаго народа.

При другихъ совѣщаніяхъ Талейранъ снова возвращается къ этой мысли и развиваетъ ее. Онъ указываетъ на то, что Франція, пресыщенная славой, охладѣвшая къ завоеваніямъ и жаждущая лишь покоя, поручаетъ себя мудрости и твердости Александра, чтобы избавиться отъ новыхъ испытаній: она умоляетъ его быть посредникомъ между нею и необузданнымъ геніемъ, ее истощающимъ. Эти же самыя мысли онъ внушаетъ русскому императору и чрезъ посредниковъ; онъ влагаетъ ихъ въ различныя уста. Пустивъ въ ходъ всѣ средства, даваемыя ему его тонкимъ тактомъ, обаятельной граціей, его глубокимъ знаніемъ людей и предметовъ, Талейранъ ухитряется привлечь въ свою партій людей самыхъ разнообразныхъ. У каждаго онъ затрогиваетъ чувствительнѣйшія струны, играетъ на его преобладающей страсти и, овладѣвъ человѣкомъ, пользуется имъ для своихъ цѣлей. Ему удается сблизиться съ графомъ Толстымъ, который долго уклонялся отъ этого, и Талейранъ, одобряя его опасенія, побуждаетъ повторять своему государю въ горячихъ и рѣзкихъ бесѣдахъ все, что заключалось въ его депешахъ. Онъ очаровываетъ графа Румянцова и настраиваетъ его должнымъ образомъ, льстя его тщеславію—главной слабости этого маститаго государственнаго дѣятеля, котораго онъ манитъ перспективой предстоящей ему выдающейся роли. Онъ, Талейранъ, съумѣлъ привлечь къ своимъ планамъ даже самыхъ ревностныхъ слугъ Наполеона и превратить ихъ въ безсознательныхъ своихъ сообщниковъ. Поддерживая въ маршалахъ и сановникахъ возникающее чувство усталости и желаніе мирно пользоваться пріобрѣтенными преимуществами, онъ доводитъ до свѣдѣнія Александра ихъ недовольство; онъ пріучилъ ихъ почитать русскаго императора за олицетворенный политическій геній, и многіе ихъ нихъ думали, что доказываютъ свою разумную преданность Наполеону, подчиняясь руководительству императора Александра. Словомъ, совершенно незамѣтнымъ образомъ Талейранъ искусно стремится создать вокругъ русскаго царя цѣлую сѣть интригъ и понемногу завлечь его въ нихъ. Въ Тильзитѣ Наполеонъ одержалъ же побѣду надъ Александромъ, почему бы Талейрану не покорить его въ Эрфуртѣ [1]).

Русскій императоръ, несмотря на любезности, расточаемыя ему Наполеономъ, былъ взволнованъ и пораженъ рѣчами, доходившими до него съ другой стороны. Онѣ, какъ ему казалось, выражали мнѣніе

---

[1]) Metternich, II, 247—248. Сл. Réminiscences sur Napoléon et Alexandre I-er, par la comtesse de Choiseul-Gouffier, 168.

«всего, что есть разумнаго во Франціи» [1]); онъ видѣлъ въ этомъ подтвержденіе сомнѣній, мучившихъ его уже столько мѣсяцевъ, неопровержимый аргументъ въ пользу своихъ собственныхъ подозрѣній. Разъ уже «люди самые просвѣщенные и благоразумные во Франціи» [2]) заподозрѣваютъ и порицаютъ политику императора, такъ ему ли очищать путь не знающему болѣе удержа честолюбію и помогать ему уничтожать всѣ препятствія? Безразсудство такого служенія Наполеону казалось ему отнынѣ вполнѣ яснымъ, и если русскій государь не желалъ отречься отъ союза съ Франціей, не пожавъ еще плодовъ его, то готовъ былъ продлить этотъ опытъ, если только Наполеонъ доставитъ ему удовлетвореніе, какого онъ въ правѣ требовать послѣ всѣхъ испытаній и долгаго ожиданія. Но пріобрѣтенія этихъ столь желанныхъ преимуществъ онъ ждалъ теперь, надѣясь уже не на любезность, а скорѣе на затрудненія своего могучаго союзника. Александръ именно, надѣялся на то, что Франція, занятая дѣлами Испаніи и находясь подъ угрозой со стороны Австріи, вознаградитъ его за нѣкоторыя небольшія услуги тѣмъ, что предоставитъ свободу дѣйствій на Дунаѣ, позволитъ дѣйствовать тамъ въ свою личную пользу и закончить со славой начатыя предпріятія.

Какъ только этотъ результатъ будетъ достигнутъ, русскій государь соберетъ опять свои силы и—подумаетъ объ окончательномъ рѣшеніи. Итакъ, его горячимъ желаніемъ было добиться для Россіи полнаго простора въ дѣйствіяхъ и заняться на время своими собственными интересами, но чтобы въ теченіе этого промежутка не было нанесено важнаго ущерба независимости европейскихъ государствъ. Проникнутый такимъ двойнымъ стремленіемъ, императоръ Александръ былъ очень доволенъ, что неожиданныя затрудненія препятствуютъ дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ Наполеона, и чувствовалъ себя все менѣе и менѣе расположеннымъ устранять ихъ. Онъ уже не способенъ болѣе къ прежнимъ, хотя мимолетнымъ, но пылкимъ порывамъ, побуждавшимъ его нѣкогда не отдѣлять своихъ интересовъ отъ интересовъ императора французовъ, сливаться съ нимъ въ тѣсномъ общеніи взглядовъ и побужденій. Хотя онъ и продолжаетъ по-прежнему выказывать Наполеону довѣріе, откровенность, сердечность; хотя ничто и не измѣнилось въ его внѣшнемъ культѣ относительно императора Франціи, однако его вѣра давно готова окончательно угаснуть: онъ еще совершаетъ обряды, но уже не вѣруетъ.

Сохраняя величавое спокойствіе и полную непринужденность въ

---

[1]) Частное собственноручное письмо императора Александра Румянцову отъ 7-го (19-го) декабря 1808 г.

[2]) Императоръ Александръ графу Румянцову, 6-го (18-го) декабря 1808 г.

сношеніяхъ съ союзникомъ, Наполеонъ тѣмъ не менѣе чувствовалъ, что враждебное вліяніе отдѣляетъ отъ него императора Александра. Онъ замѣчалъ въ немъ подозрительность, какія-то затаенныя мысли, находилъ его, вообще, «не такимъ, какъ въ Тильзитѣ». Наполеонъ высказываетъ по этому поводу жалобы Коленкуру, едва только свидѣлся съ этимъ посломъ. На вопросъ о причинѣ такой перемѣны Коленкуръ весьма мужественно высказалъ ему, что всякій чувствуетъ надъ собой нависшую грозу, и что Россія начинаетъ раздѣлять всеобщія опасенія.

— Какой же замыселъ предполагаютъ во мнѣ?—спрашивалъ Наполеонъ.

— Господствовать единолично,—отвѣчалъ Коленкуръ.

— Такъ во мнѣ подозрѣваютъ честолюбіе?»—промолвилъ съ улыбкой Наполеонъ; но, вѣдь, Франція достаточно обширна; чего мнѣ желать еще?.. Это все навѣрное испанскія дѣла.

И чувствуя непоправимый промахъ въ этомъ пунктѣ, испытывая какъ-бы потребность въ оправданіи передъ другими и передъ самимъ собой, Наполеонъ снова поднимаетъ этотъ вопросъ, снова пересказываетъ Коленкуру всѣ подробности байонскихъ свиданій, увѣряетъ, что онъ былъ увлеченъ силой событій, что довѣриться Фердинанду значило бы предать Испанію нашимъ врагамъ, открыть ее англичанамъ, оттолкнуть отъ Франціи ея естественную союзницу.

— Былъ я неправъ,—говорилъ Наполеонъ,—это докажетъ время; дѣйствовать иначе, это—возстановить все значеніе Пиренеевъ; Франція и исторія упрекнули бы меня въ этомъ.

Впрочемъ Россія, по его словамъ, не имѣла права вмѣнять ему въ преступленіе, что онъ распорядился судьбою народа; развѣ въ ея исторіи нѣтъ раздѣла Польши? И проникая въ самую мысль Александра и его совѣтниковъ, онъ присовокупилъ:

— Это занимаетъ мои силы вдали отъ нихъ,—имъ этого и нужно, стало быть они должны быть рады [1]).

Тѣмъ не менѣе, несмотря на заносчивый тонъ, которымъ онъ хочетъ вернуть прежнее довѣріе къ себѣ, Наполеонъ отчетливо сознаетъ, что испанскія событія, обнаруживъ его ненасытность и разрушивъ ореолъ непобѣдимости, оживили надежду всѣхъ его враговъ. Въ окружающей его ниспростертой толпѣ онъ улавливаетъ уже симптомы близкаго возмущенія, чувствуетъ, что правительства и народы колеблются въ его рукѣ, и вполнѣ понимаетъ, что блестящая обстановка Эрфурта—лишь легкое покрывало, маскирующее критическое и крайне опасное положеніе. Привыкнувъ къ побѣдамъ, Наполеонъ надѣется и еще разъ восторжествовать надъ всѣми препятствіями, снова плѣнить импера-

---

[1]) Неизданные документы.

тора Александра и заковать въ цѣпи Европу руками Россіи; но онъ ни минуты не сомнѣвается, что бой будетъ горячій, грудь съ грудью и потребуетъ всей его силы и ловкости. Глядя на полную безмятежность, можно бы думать, что онъ только и занятъ представительствомъ, между тѣмъ, онъ собирается въ бой, подготовляетъ всѣ средства и призываетъ всѣ силы генія, чтобы дать генеральное дипломатическое сраженіе въ Эрфуртѣ.

III.

Пренія.

Съ 16-го (28-го) по 23-е сентября (5-го октября) происходили первоначальныя дипломатическія совѣщанія, касавшіяся основныхъ положеній предстоявшаго соглашенія. Въ то время, какъ Талейранъ дѣйствовалъ скрытнымъ образомъ, совѣщаясь поочередно съ Наполеономъ и Александромъ и вступая въ интимныя бесѣды съ Румянцовымъ, заходившія далеко за полночь [1]), оба монарха вели переговоры одинъ на одинъ и лично вершили дѣла. Бо́льшую часть времени они спорили, ходя взадъ и впередъ по просторному кабинету Наполеона. Сначала они лишь зондировали другъ друга по всѣмъ вопросамъ и, избѣгая вдаваться въ подробности, старались обоюдно вывѣдать взгляды другъ друга, проникнуть въ чужую игру, не открывая своей. При этомъ слегка были затронуты всѣ затрудненія относительно Пруссіи, Польши, Турціи и Австріи.

Что касается Пруссіи, можно было замѣтить, что затрудненіе возникаетъ главнымъ образомъ изъ-за трехъ крѣпостей, оставленныхъ въ рукахъ французовъ по сентябрьской конвенціи. Императоръ Александръ настаивалъ на эвакуаціи ихъ. Наполеонъ же хотѣлъ, чтобы Пруссія сначала вполнѣ покорилась, ратификовавъ заключенный съ нею договоръ; когда она поручитъ себя его милосердію, онъ соглашался принять посланника отъ Фридриха-Вильгельма, оставляя, впрочемъ, послѣднее слово за собой. Не прекращая своихъ настояній, Александръ убѣдилъ въ то же время Кенигсбергскій дворъ представить требуемый Наполеономъ залогъ покорности, чтобы ему, императору Александру, можно было употребить послѣднія усилія въ пользу пруссаковъ [2]). Относительно Варшавы русскій императоръ неотступно требовалъ гарантій

---

[1]) Hassel, неизданные документы.

[2]) Полицейскій рапортъ 22-го сентября (4-го октября)—„Главнымъ образомъ замѣчалось волненіе по поводу собесѣдованія гр. Румянцова съ принцемъ Беневентскимъ, длившееся двѣ ночи подъ-рядъ, до 2-хъ ч. утра“.

безопасности; онъ откровенно высказывалъ опасенія и тревогу въ виду возрождающейся Польши, которая въ присутствіи французскихъ войскъ черпала какъ-бы живую силу и чувствовала двойную отвагу. Наполеонъ понялъ, что тутъ необходимо серьезное пожертвованіе; онъ обѣщалъ удалить свои войска и даже вселилъ твердую увѣренность въ русскомъ императорѣ, что великое герцогство не будетъ опять занято, что бы ни случилось. Наполеонъ ручался въ этомъ своимъ словомъ. Такое удовлетвореніе не уничтожало вполнѣ зерна раздора, посѣяннаго между двумя императорами, образованіемъ великаго герцогства, но оно задерживало дальнѣйшее его развитіе.

Раздѣлъ Востока былъ предметомъ, назначеннымъ къ обсужденію еще за восемь мѣсяцевъ до свиданія. Въ Эрфуртѣ, именно, должно было состояться окончательное рѣшеніе судьбы Турціи, дѣлежъ захваченной добычи, разрѣшеніе вопросовъ, кому быть хозяиномъ на Дунаѣ, кому править Греціей, кому владѣть Египтомъ и островами; надлежало опредѣлить, можетъ ли Константинополь достаться въ удѣлъ Россіи или этотъ безцѣнный по своему положенію пунктъ долженъ вѣчно стоять обособленнымъ. Однако Наполеонъ, какъ мы видѣли, вслѣдствіе усложненій, созданныхъ неудачами въ Испаніи и поведеніемъ Австріи, не допускалъ уже болѣе безповоротнаго рѣшенія, или даже серьезнаго обсужденія этихъ значительнѣйшихъ вопросовъ въ Эрфуртѣ; въ настоящій моментъ онъ вовсе хотѣлъ устранить вопросъ о раздѣлѣ и предложить Россіи лишь господарства.

Въ этомъ случаѣ императоръ Александръ не оказалъ ему особеннаго сопротивленія. Русскій монархъ тоже никогда не добивался уничтоженія Турціи, и его первоначальные планы, какъ онъ излагалъ ихъ въ ноябрѣ 1807 года, не шли далѣе Молдавіи и Валахіи. Затѣмъ, въ послѣдній годъ, раздѣлъ былъ скорѣе Наполеоновской идеей, чѣмъ русской. Въ Тильзитѣ она была рѣзко формулирована французскимъ императоромъ; въ февралѣ 1808 года онъ снова къ ней вернулся, развивъ ее до неслыханныхъ размѣровъ. Александръ тогда съ пылкимъ восторгомъ отдался этой мысли, готовясь уже вести свой народъ въ Константинополь и достигнуть крайняго предѣла своихъ честолюбивыхъ стремленій; но теперь, подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній Эрфурта, явившихся послѣ цѣлаго ряда разочарованій, онъ спрашивалъ себя, не поставитъ ли Россію всякое предпріятіе, затѣянное съ Наполеономъ, въ положеніе простака, и не кончится ли оно для нея самой жестокой и очевидной потерей. Хотя и не безъ грусти, но рѣшительно, Александръ отказывался отъ любимой мечты: боясь снова поддаться чарамъ волшебной, но обманчивой иллюзіи, онъ, хотя съ сожалѣніемъ, стремился отъ нея освободиться и возвратиться къ болѣе прозаической, но и болѣе мудрой дѣйствительности. Онъ снова склонялся къ мысли, что простое расши-

реніе границъ своими собственными силами дастъ болѣе положительныхъ преимуществъ, нежели широкая система совмѣстныхъ завоеваній, причемъ Наполеонъ, безъ сомнѣнія возьметъ львиную долю. Румянцовъ также присоединяется теперь къ этому взгляду и становится его защитникомъ. Намекая на проекты раздѣла, которые онъ все еще предполагалъ въ мысляхъ у Наполеона, онъ писалъ своему государю: «Пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи единолично, безъ всякаго содѣйствія, для насъ гораздо выгоднѣе» [1]). Россія, такимъ образомъ, заранѣе уже примирилась съ мыслью о частичномъ рѣшеніи вопроса, и когда Наполеонъ заговорилъ о господарствахъ, русскій императоръ не отказался удовольствоваться одними дунайскими владѣніями, которыми уже давно ограничивались его желанія. Итакъ, въ принципѣ, между монархами было условлено не поднимать вопроса о раздѣлѣ Турціи, сохраняя возможность вернуться къ нему при новомъ свиданіи, въ Эрфуртѣ же касаться восточныхъ дѣлъ лишь съ цѣлью установить расширеніе русскихъ границъ вплоть до Дуная. Александръ намѣревался придать этой уступкѣ безспорную и точно опредѣленную форму, а Наполеонъ лелѣялъ надежду ее умалить или, по крайней мѣрѣ, замедлить какими-нибудь ограничительными мѣрами приведеніе ея въ дѣйствіе.

Раздѣлъ Турціи былъ отсроченъ, но можно ли было отказаться отъ достиженія инымъ путемъ того, что̀ являлось главною цѣлью раздѣла, а именно: устрашенія и косвеннаго нападенія на Англію? Въ данный моментъ была отброшена всякая мысль о проложеніи пути чрезъ владѣнія Порты въ британскую Азію: этотъ способъ подавить общаго врага былъ устраненъ, какимъ же другимъ его замѣнять?

При невозможности активныхъ дѣйствій было рѣшено ограничиться демонстративными. Несмотря на тайну, какою Франція и Россія облекали свои совѣщанія въ теченіе послѣдняго года,—замыслы ихъ обнаружились; впрочемъ Наполеонъ умышленно проговаривался о нихъ въ своихъ рѣчахъ. Слухи о задуманномъ предпріятіи распространились всюду, о немъ толковали въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ Турціи, а также и въ Лондонѣ. Англія волновалась, тревожась за свою торговлю въ Ливанѣ, за свое господство въ Средиземномъ морѣ, за владычество въ Индіи; она изыскивала средства помѣшать раздѣлу, или парализовать его дѣйствія. Съ приближеніемъ свиданія тревога ея сильно возрастала: такое свиданіе казалось ей предвѣстіемъ чрезвычайныхъ событій. И оба императора рѣшили не только не разсѣивать этихъ опасеній, а довести ихъ до высшаго предѣла, давъ оффиціальную основу. Въ виду этой цѣли остановились на слѣдующемъ средствѣ рѣшительной попытки въ пользу мира. Написавъ общее

---

[1]) Румянцовъ императору Александру 15 (27) декабря 1808 года.

письмо англійскому королю, они предложать ему вступить въ переговоры, приглашая возвратить миръ народамъ и признать происшедшія въ Европѣ перемѣны; затѣмъ въ скромныхъ, но достаточно ясныхъ выраженіяхъ они дадутъ ему понять, что отказъ его повлечетъ новые еще болѣе значительные перевороты. Такъ какъ вниманіе англичанъ обращено на Востокъ, то они и усмотрятъ въ этихъ словахъ угрозу относительно Турціи и, быть можетъ, согласятся вступить въ переговоры, лишь бы не исполнилось грозное обѣщаніе. Не будучи въ состояніи нанести матеріальнаго ущерба Англіи, Наполеонъ и Александръ попытаются подѣйствовать угнетающимъ образомъ на ея настроеніе, пугая ее какимъ-то смутнымъ призракомъ, какою-то тѣнью грандіознаго проекта, вызываемаго при помощи умышленно-загадочныхъ рѣчей.

Однако, по мнѣнію Наполеона, попытка эта не могла сопровождаться желаемыми результатами, безъ соотвѣтствующихъ дѣйствій относительно Австріи, достаточно энергичныхъ, чтобы лишить эту имперію всякой возможности доставить Англіи союзницу и возобновить континентальную войну. Передъ отъѣздомъ въ Эрфуртъ Наполеонъ рѣшилъ потребовать отъ императора Александра движенія русскихъ войскъ къ предѣламъ Галиціи въ видѣ враждебной демонстраціи, долженствующей служить отвѣтомъ на австрійскія вооруженія и парализовать ихъ дѣйствія. Въ Эрфуртѣ же одно новое, весьма важное обстоятельство указало ему на необходимость быть еще болѣе требовательнымъ, внезапно усложнивъ переговоры и измѣнивъ ихъ теченіе.

На слѣдующій же день послѣ первыхъ совѣщаній, Наполеону была передана депеша отъ генерала Андреосси, французскаго посла въ Вѣнѣ, который увѣдомлялъ, что Австрія своимъ поведеніемъ опровергаетъ заявленія Винцента и является непримиримымъ врагомъ Наполеона. Обезпокоенная таинственностью эрфуртскаго свиданія и позабывъ о благоразуміи отъ страха, она отказывала въ единственномъ удовлетвореніи, которое могло бы успокоить Наполеона относительно ея намѣреній, а именно, въ признаніи королей испанскаго и неаполитанскаго. Австрія лишь объявляла, «что политическія сношенія между нею и помянутыми дворами возобновятся, какъ только оба короля прибудутъ въ свои столицы и увѣдомятъ о вступленіи своемъ на престолъ» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Австрія продолжаетъ вооружаться и при всѣхъ дворахъ сѣетъ интриги и смуту. Наполеонъ былъ крайне раздраженъ этимъ. Но разрывъ съ этой державой означалъ эру новыхъ коалицій, препятствія къ покоренію Испаніи, новыя угрозы континентальному миру и безконечно долгую отсрочку относительно заключенія морскаго мира.

---

[1]) Andréossy à Champagny, 22 (10) septembre 1808. Archives des affaires étrangères, Vienne, 381.

Оставалось ли какое-нибудь средство избѣжать такихъ бѣдъ болѣе грозныхъ, нежели всѣ предыдущія? Для преодолѣнія ихъ содѣйствіе Россіи являлось для Франціи необходимымъ, но избавитъ ли оно насъ отъ бѣдъ? Неужели Австрія воспротивится общему требованію двухъ міровыхъ властелиновъ, приглашающихъ ее, подъ угрозой немедленно быть раздавленной, возвратиться на путь долга? Для осуществленія такой комбинаціи Наполеонъ соглашался обозначить свои уступки: онъ, въ случаѣ надобности, готовъ высказаться опредѣленнѣе объ отдачѣ Россіи господарствъ; [1]) въ виду крайней необходимости, всѣ прочія соображенія отступаютъ у него на задній планъ. Заручиться безусловнымъ содѣйствіемъ императора Александра, чтобы сломить могущество Австріи въ случаѣ нападенія послѣдней на Францію, или удержать ее, если есть еще время,—такова отнынѣ преобладающая мысль французскаго императора, такова цѣль, къ которой устремилась вся громадная энергія его воли.

Онъ обратился къ императору Александру со слѣдующими заявленіями: вѣра Англіи въ себя и ея воинственный пылъ поддерживаются въ ней надеждою снова пріобрѣсти сообщниковъ на континентѣ и устроить новое вооруженное сопротивленіе. Наблюдая за поведеніемъ Австріи, лондонскій кабинетъ имѣетъ намѣреніе сдѣлать Вѣну центромъ пятой коалиціи, въ которую войдутъ Испанія, часть германскихъ народовъ, быть можетъ Турція, и которая послужитъ сигналомъ къ возстанію всей Европы. Но пусть только Австрія, уступая совмѣстному давленію двухъ императоровъ, окажется вынужденной открыто присоединиться къ франко-русской системѣ,—сопротивленіе гордой соперницы Франціи утратитъ тогда свою главную точку опоры; обособленная Испанія быстро смирится, очутившись одна противницей всѣхъ державъ, сгруппированныхъ вокругъ двухъ императоровъ и какъ-бы прикованныхъ къ ихъ политикѣ; Англія, вѣроятно, не найдетъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы бороться съ этой континентальной лигой, давно объявляемой, но на этотъ разъ оказавшейся грозной дѣйствительностью. Слѣдовательно необходимо возвысить голосъ, пригрозить Вѣнѣ, ведя въ то же время переговоры съ Лондономъ, такъ чтобы результаты, достигнутые въ первой изъ этихъ столицъ, немедленно отозвались въ центрѣ британскаго могущества.

«Австрія, говорилось въ нотѣ Наполеона, составленной для Александра,—единственная континентальная держава, намѣренія которой сомнительны; надо, чтобы сомнѣнія эти разсѣялись; надо внушить Австріи, сообщивъ ей объ имѣющихъ быть сдѣланными мирныхъ предло-

---

[1]) Сл. Слова его Меттерниху въ 1810 году. Mémoires de Metternich, II, 361, 371.

женіяхъ, что если послѣднія будутъ отвергнуты, Австрія должна формальнымъ образомъ объявить войну Англіи, изгнать всѣхъ англичанъ, находящихся въ Вѣнѣ и наслѣдныхъ владѣніяхъ, не допускать у себя никакихъ вооруженій, слѣдовать наконецъ пути, который не давалъ бы Англіи ни малѣйшей надежды отторгнуть Австрію отъ интересовъ континента. Надо, въ особенности, возложить на эту державу обязательство признать происшедшія въ Испаніи перемѣны; было бы полезно, чтобы признаніе этого порядка вещей, сдѣланное Россіей и Австріей, стало извѣстнымъ въ Лондонѣ въ тотъ моментъ, какъ тамъ будутъ получены предложенія относительно заключенія мира. Такая новость въ соединеніи съ движеніемъ французскихъ войскъ въ Испанію, вѣсть о которомъ дошла до Лондона, была бы весьма способна ускорить ходъ переговоровъ. Англія имѣла бы при этомъ ту выгоду, что еще могла бы включить Португалію въ свое uti possidetis и избавить свою армію отъ позора быть выброшенной въ море. Но такое дѣйствіе будетъ произведено лишь по стольку, по скольку Англія проникнется искреннимъ убѣжденіемъ, что Франція, вполнѣ полагаясь на положеніе континента, можетъ наводнить Испанію своими арміями и, безъ всякой особой тревоги, можетъ продвинуть ихъ вплоть до Гибралтарскаго пролива.

«Баронъ Винцентъ былъ присланъ сюда австрійскимъ императоромъ, пусть же оба императора объявляютъ ему, что они требуютъ признанія новаго порядка, установленнаго въ Испаніи; онъ долженъ самъ отправиться туда, и оба императора лишь на этомъ условіи даютъ согласіе на продолженіе своихъ дружескихъ сношеній съ Австріей; о признаніи испанскаго короля должно быть сказано въ нотѣ Стадіона— англійскому правительству; Moniteur напечатаетъ эту ноту, и Франція получитъ ее одновременно съ мирными предложеніями.

«Нельзя не видѣть, признавая нынѣшнее положеніе вещей, что безъ системы силъ, тѣсно сплоченныхъ, и операцій, всегда готовыхъ осуществиться, Англія разсѣетъ по всей Европѣ подозрѣнія и смуты и побудитъ Австрію къ ложнымъ поступкамъ, которые хотя не нарушатъ континентальнаго мира, но послужатъ въ Англіи исходною точкой и предлогомъ для противниковъ мира. Между тѣмъ, предлагаемыя теперь мѣры, свидѣтельствующія о единодушіи двухъ императоровъ и о непоколебимой твердости ихъ рѣшеній, будучи выполнены съ энергіей, заставятъ Англію дать миръ Европѣ, разстроить который у нея уже не будетъ болѣе надежды»[1]).

Уступитъ ли Александръ этимъ смѣлымъ заявленіямъ? Пожелаетъ ли онъ обязать Австрію къ преждевременной капитуляціи, заставитъ ли

---

[1]) Archives nationals, AF, IV, 1697.

ее сложить оружіе изъ боязни, что она имъ воспользуется для несправедливаго нападенія?

Императоръ Александръ объявилъ, что онъ готовъ подписать обязательство дѣйствовать заодно съ Наполеономъ, если только вѣнскому двору будетъ принадлежать инипіатива разрыва; онъ соглашался снова употребить нѣкоторыя усилія съ своей стороны, съ цѣлью добиться признанія новыхъ королей. Но затѣмъ, въ выраженіяхъ весьма отчетливыхъ и твердыхъ, хотя вполнѣ сдержанныхъ и любезныхъ, императоръ Александръ далъ понять, что далѣе этого онъ не пойдетъ. Онъ никогда не согласится примѣнить къ Австріи преждевременныя насильственныя мѣры, лишить ее возможности свободно располагать своими силами, посягнуть на права ея, какъ державной монархіи, измѣняя собственной властью намѣченный ею политическій планъ и принуждая ее къ разоруженію, хотя она отнюдь не выказала положительнымъ образомъ намѣренія нарушить европейскій миръ, такъ что пришлось бы вмѣнять ей въ преступленіе скорѣе ея умыселъ, нежели дѣйствія.

Наполеонъ сталъ настаивать, и разногласіе принимало все болѣе и болѣе крупные размѣры. Всѣ другіе переговоры были пріостановлены; менѣе толковали о Пруссіи, не говорили уже болѣе о Востокѣ. Вопросъ о совмѣстиыхъ мѣрахъ относительно Австріи, рѣзко ворвавшись, казался единственнымъ, волнующимъ теперь императоровъ: онъ отодвигалъ на второй планъ слегка затронутыя или полурѣшенныя другія дѣла и заставлялъ конференціи уклоняться въ сторону отъ первоначальныхъ предметовъ.

Неистощимый въ своихъ средствахъ, то подаваясь, то наступая, то обольщая, то подавляя авторитетомъ, Наполеонъ разнообразилъ свои аргументы и пріемы. Онъ прочиталъ Александру письмо Андреосси, весьма краснорѣчиво толкуя его, въ доказательство своихъ исключительно оборонительныхъ плановъ; онъ выказывалъ готовность гарантировать Австріи цѣлость ея владѣній, если эта держава согласится на разоруженіе; онъ допускалъ, чтобы ее успокоивали съ одной стороны,—лишь бы грозили съ другой. Разъ будетъ принята предложенная система, говорилъ онъ, разъ австрійцевъ лишатъ возможности возмущать Германію, онъ будетъ чувствовать гораздо болѣе расположенія совершенно очистить эту страну; онъ въ состояніи будетъ смягчить судьбу Пруссіи и сохранить на Одерѣ лишь одно укрѣпленіе, вмѣсто трехъ. Однако эти обольстительные пріемы дѣйствовали на Александра не болѣе успѣшно, чѣмъ прямыя нападенія. Императоръ, котораго называли слабымъ, нерѣшительнымъ, непостояннымъ,—высказывалъ удивительную твердость характера, скрытую за безмятежною ясностью духа. Онъ выслушивалъ все терпѣливо, спорилъ мало, не стараясь

опровергать многочисленныхъ и настойчивыхъ аргументовъ противника, пропуская мимо весь этотъ потокъ, а затѣмъ—возвращался опять къ своей мысли и настаивалъ на ней съ кроткимъ упорствомъ.

Это мягкое сопротивленіе, гдѣ не за что ухватиться, которое уступаетъ давленію, но потомъ незамѣтно приходитъ къ тому же, выводило Наполеона изъ себя. По окончаніи такихъ состязаній, на которыхъ противникъ одерживалъ верхъ, уклоняясь отъ боя, Наполеонъ не щадилъ Александра въ кругу приближенныхъ, отзываясь о немъ желчно или иронически, смотря по настроенію. Однажды онъ сказалъ Коленкуру: «Вашъ императоръ Александръ упрямъ, какъ волъ: онъ притворяется глухимъ къ тому, чего не хочетъ слышать». Затѣмъ, снова намекая на злополучное предпріятіе, въ которомъ Наполеонъ сознавалъ источникъ всѣхъ затрудненій, онъ воскликнулъ: «Эти дьявольскія испанскія дѣла, они мнѣ дорого стоятъ!»

На слѣдующій день онъ опять вступилъ въ дипломатическій бой, со свѣжими силами, полный задора и съ новымъ оружіемъ, и еще разъ его энергія тратилась даромъ противъ неуловимаго противника.

Истощившись въ убѣжденіяхъ, Наполеонъ перешелъ къ жалобамъ: «союзъ, говорилъ онъ, не будетъ приносить никакой пользы, онъ не станетъ, въ такомъ случаѣ, производить давленія на Англію и не доставитъ всеобщаго мира». Александръ и на этотъ разъ остался невозмутимъ: укоры скользили по немъ такъ же легко, какъ любезности. Наконецъ, Наполеонъ разсердился. Произошли бурныя сцены. Однажды, когда этотъ нескончаемый споръ снова возникъ въ кабинетѣ французскаго императора и пренія разгорѣлись, Наполеонъ въ бѣшеномъ нетерпѣніи бросилъ свою шляпу на полъ и началъ ее топтать. Императоръ Александръ тотчасъ умолкъ, пристально и улыбаясь посмотрѣлъ на Наполеона и, безмолвно выждавъ нѣсколько мгновеній, замѣтилъ спокойнымъ тономъ:

— Вы необузданны, а я упрямъ; такъ гнѣвомъ со мной ничего не сдѣлаете. Будемъ бесѣдовать, разсуждать, или я ѣду [1]).

И онъ направился къ двери. Не безъ труда Наполеонъ удержалъ императора, не безъ труда успокоился; пренія продолжались уже умѣреннымъ тономъ и даже дружескимъ,—но нимало не подвигались впередъ, и на этотъ разъ все-таки Александръ не далъ склонить себя къ какимъ-либо угрожающимъ дѣйствіямъ противъ Австріи.

Значило ли это, что онъ готовъ поощрять Австрію къ объявленію войны Франціи? Нимало. Такъ же искренно, какъ и французскій императоръ, Александръ желалъ сохраненія мира. Онъ хотѣлъ избѣжать борьбы съ Австріей тѣмъ сильнѣе, что обязывался принять въ ней участ-

---

[1]) Неизданные документы.

стіе. Оба монарха были согласны относительно цѣли, но существенно расходились лишь въ средствахъ къ достиженію. Александръ полагалъ, что дружескія и успокоительныя рѣчи лучше удержатъ Австрію, чѣмъ угрозы: онъ былъ убѣжденъ, что вѣнскій дворъ не желаетъ войны, вооружается лишь изъ страха и никогда не начнетъ непріязненныхъ дѣйствій, если его не доведутъ до крайности.

— Онъ никогда не будетъ такъ безразсуденъ,—говорилъ императоръ, чтобы перейти къ наступленію и единолично ринуться въ бой.

По его мнѣнію, настоящею опасностью грозила не Вѣна, а Франція: онъ подозрѣвалъ у Наполеона тайный умыселъ захватить и уничтожить Австрію. Въ предлагаемыхъ же теперь суровыхъ мѣрахъ онъ видѣлъ явное подтвержденіе такихъ намѣреній, средство обезсилить несчастную монархію, лишить ее самозащиты и тѣмъ вѣрнѣе погубить ее. И чѣмъ настойчивѣе обращались къ нему, тѣмъ сильнѣе укоренялась въ немъ эта мысль. А потому онъ считалъ полезнымъ и даже необходимымъ, чтобы Австрія не только не сдавалась на волю побѣдителя, но оставалась могущественно вооруженной, располагая всѣми средствами борьбы, въ положеніи достаточно сильномъ, чтобы отбить у Франціи всякую охоту къ нападенію. Что же касается Россіи, она должна была, по мнѣнію императора, отнюдь не устремляться раньше времени на сторону Франціи, а замкнуться въ полнѣйшей нейтральности и стараться возможно долѣе не склоняться ни на чью сторону; надо, чтобы ни Франція, ни Австрія не могли разсчитывать на сообщничество Россіи въ случаѣ, если бы та или другая держава питали замыслы, враждебные миру. Такое отношеніе поддержитъ между обѣими партіями извѣстное равновѣсіе во взаимныхъ ихъ положеніяхъ и средствахъ, поставитъ ихъ другъ противъ друга—одинаково вооруженными, одинаково грозными, имѣющими возможность обороняться, но не нападать, и слѣдствіемъ такого равномѣрнаго распредѣленія силъ окажется ихъ обоюдная неподвижность. Итакъ, если Франція и Австрія будутъ взаимно грозить, парализуя другъ друга, континентальный миръ не нарушится, и, съ другой стороны, Россія будетъ имѣть досугъ производить свои дѣйствія на Дунаѣ, отнимая отъ Турціи часть, предоставленную ей Наполеономъ [1]).

---

[1]) Чрезъ нѣсколько времени послѣ свиданія, императоръ Александръ писалъ Румянцову: „Вы припомните, что при нашихъ совѣщаніяхъ въ Эрфуртѣ я всегда считалъ наиболѣе полезнымъ поддерживать въ Европѣ систему, которая стремилась бы противодѣйствовать тому, чтобы какая-либо изъ трехъ остающихся державъ—Россія, Франція и Австрія—не могла нарушить общаго континентальнаго мира. Эта система возможна лишь по стольку, по скольку существуетъ равновѣсіе между силами этихъ трехъ державъ, а такъ какъ Россіи нечего опасаться за себя со стороны Австріи, то она можетъ, слѣдо-

Эта мысль, поддерживаемая и укрѣпляемая въ императорѣ Александрѣ внушеніями Талейрана [1]), основывалась, однако, на совершенно неправильныхъ положеніяхъ. Александръ, какъ и сдѣлавшійся его совѣтникомъ французскій дипломатъ, не принималъ въ разсчетъ характера Наполеона, требованій его политики, дѣйствительныхъ намѣреній Австріи. Наполеонъ былъ обязанъ, въ случаѣ отказа Англіи отъ уступокъ, вступить съ ней въ тяжелую войну на новомъ полѣ битвы, т. е. преодолѣть ее въ Испаніи, и не могъ долгое время переносить позади себя, за спиной, существованіе державы, чуждой его системѣ, возстававшей противъ его предписаній и вѣчно пытающейся съ тыла напасть на него: рано или поздно онъ обернется къ ней и перерубитъ мечемъ эти несносныя усложненія; стало быть поддерживать Австрію въ состояніи скрытой вражды и мятежа было именно наиболѣе вѣрнымъ средствомъ вызвать войну, которой такъ желали избѣжать.

Мало этого, допуская, что мѣры, принимавшіяся въ Вѣнѣ, и имѣли сначала исключительно-оборонительный характеръ, въ силу обстоятельствъ онѣ должны были измѣнить свое значеніе и привести къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Вооруженія, совершенно не соотвѣтствующія ни денежнымъ, ни другимъ ея средствамъ, толкали Австрію на весьма разорительный путь, и долго она не могла этого выдержать. Ужъ императоръ Францъ повторяетъ съ грустью:—«Армія пожираетъ государство» [2]), а вскорѣ его министры и администраторы сообщатъ ему объ ужасающемъ истощеніи казны и станутъ доказывать, что Австрія не въ состояніи долѣе содержать своихъ войскъ, если не поступитъ на жалованье Англіи и не будетъ кормить армію на счетъ непріятеля [3]). Итакъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ недѣль, Австрія должна будетъ вступить въ бой или разоружиться. Разумѣется, она предпочтетъ рискнуть еще разъ воспользоваться громадными, собранными ею средствами нападенія, которыя возстановили бы ея вѣру въ себя, нежели подчиниться горькому уничтоженію всѣхъ трудовъ и признать свое паденіе. Одно лишь опасеніе волновало Австрію и могло еще ее удержать, а именно: если Россія открыто присоединится къ Франціи, то Австріи предстояло погибнуть, разможженной этой двойной массой.

вательно, до нѣкоторой степени спокойно взирать на возрастаніе могущества этой державы, какъ на средство къ установленію вышепомянутой системы". Императоръ Александръ Румянцову 6-го (18) декабря 1808 г.

[1]) Императоръ Александръ Румянцову 7-го (19) октября и 6-го (18) декабря 1808 г.

[2]) Archives des affaires étrangères, Vienne, 381.

[3]) Beer. Zehn Jahre oesterreichischer Politik, 341.

Стало быть, едва русскій императоръ дастъ возникнуть сомнѣнію относительно своихъ намѣреній, выкажетъ нѣкоторую неохоту слѣдовать за Франціей,—война будетъ окончательно рѣшена въ Вѣнѣ, и обоимъ императорамъ придется рано или поздно вести войну съ Австріей, если они не сговорятся теперь же ее смутить и обезоружить. Предлагая такой насильственный и самовластный образъ дѣйствій, Наполеонъ все-таки давалъ этимъ единственную возможность сохранить миръ, столь дорогой и его союзнику, и ему самому; онъ одинъ оставался вѣренъ безпощадной логикѣ событій; императоръ же Александръ и Тайлеранъ—какъ великодушный монархъ, такъ и тонкій политикъ—одинаково отъ нея уклонялись.

Однако, хотя Наполеонъ и былъ проницательнѣе и дальновиднѣе всѣхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, обманывался, полагая, что Александръ можетъ усвоить себѣ его точку зрѣнія и согласиться на его требованія. То, чего онъ домогался отъ этого государя, сводилось, въ сущности, къ моментальному уничтоженію Австрійской монархіи. Между тѣмъ Австрія, возстановленная во всей своей силѣ, являлась вѣдь единственнымъ оплотомъ Россіи противъ всемогущества Наполеона, единственной заставой на границѣ между Россіею и Франціею, разлившейся по Европѣ. Обезоружить Австрію для Россіи означало: открыть къ себѣ доступъ, предать себя и лишиться всякой гарантіи, кромѣ добросовѣстности Наполеона. Но разочарованія и огорченія, испытанныя императоромъ Александромъ со времени Тильзита, не допускали уже болѣе такой феноменальной довѣрчивости. Наполеонъ, послѣ всего происшедшаго, несъ достойное наказаніе за то, что слишкомъ мало дорожилъ справедливостью, личными интересами союзника и совершалъ насилія надъ королями и народами: теперь ему уже не вѣрили больше, хотя онъ высказывалъ какъ разъ искреннее желаніе мира и, дѣйствительно, имѣлъ лишь оборонительные планы въ виду. Александръ не могъ читать въ его душѣ,—онъ судилъ по его поступкамъ; прошлое позволяло заподозрить и будущее. Опасенія эти, дѣйствительно, какъ-бы оправдывались, и русскій императоръ не могъ, сохраняя благоразуміе, сдѣлать для Наполеона то, чего тотъ вынужденъ былъ отъ него требовать. Въ теперешнемъ своемъ видѣ вопросъ объ общей системѣ дѣйствій относительно Австріи становился неразрѣшеннымъ, и объ этотъ неожиданно выросшій подводный камень должны были неизбѣжно разбиться всѣ усилія достигнуть полнаго и дѣйствительнаго соглашенія.

Прошла уже недѣля въ безплодныхъ спорахъ, но относительно пункта, сдѣлавшагося капитальнымъ, не было достигнуто никакихъ результатовъ. Наполеонъ понялъ наконецъ, что онъ хочетъ невозможнаго, что онъ, въ этомъ случаѣ, ничего не добьется отъ Александра и не побѣдитъ его сопротивленія. Тогда, по своему обыкновенію, онъ сразу

перемѣнилъ свой планъ и, питая мало надежды на избѣжаніе войны съ Австріей, взялъ лишь съ императора Александра обѣщаніе содѣйствовать ему, въ случаѣ надобности. Въ то же время, чтобы ограничить, локализировать, такъ сказать, борьбу, не давая пламени возстанія охватить всѣ германскія владѣнія, онъ высказалъ намѣреніе сохранить за собою всѣ занимаемыя позиціи, т. е. удержать въ Пруссіи три крѣпости на Одерѣ до тѣхъ поръ, пока ему позволитъ это сентябрьская конвенція.

Императоръ Александръ снова возсталъ и противъ этого притязанія, переходя, въ свою очередь, къ наступленію, въ то время какъ Наполеонъ выказывалъ теперь силу своей оборонительной тактики. Его убѣждали и умоляли очистить крѣпости, представивъ этимъ Россіи и Европѣ залогъ своей умѣренности.

— То, что вы мнѣ предлагаете,—система слабаго, отвѣчалъ Наполеонъ въ гнѣвѣ; если я на это соглашусь, Европа станетъ скоро обращаться со мной, какъ съ мальчикомъ.

Отвергая съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ требованія Александра, онъ высказывался въ взволнованныхъ, почти негодующихъ выраженіяхъ:

— И это мой другъ и союзникъ, говорилъ онъ про Александра, предлагаетъ мнѣ покинуть единственную позицію, съ которой я могу грозить австрійскому флангу, если Австрія нападетъ на меня въ то время, какъ войска мои будутъ на югѣ Европы, въ четырехстахъ льё отъ отечества?

— Впрочемъ, прибавлялъ онъ, если вы непремѣнно требуете эвакуаціи,—я согласенъ, но въ такомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы идти на Испанію, я немедленно порѣшу свой споръ съ Австріей.

Передъ такой перспективой, болѣе всего страшившей императора Александра, онъ перестал настаивать, будучи доволенъ и тѣмъ, что убѣдилъ Наполеона ограничиться лишь секретнымъ оборонительнымъ союзомъ противъ Австріи, и полагая, что такимъ путемъ миръ будетъ сохраненъ, стало быть главная цѣль достигнута; въ виду этого онъ согласился оставить пока за Наполеономъ укрѣпленія на Одерѣ, разсчитывая на полное освобожденіе Пруссіи въ будущемъ. Такимъ образомъ, монархія Фридриха-Вильгельма поплатилась за неполное и съ такимъ трудомъ устанавливавшееся соглашеніе между обоими императорами.

Кромѣ самыхъ близкихъ людей, никто и не подозрѣвалъ о происходившихъ между императорами разногласіяхъ. Въ обществѣ они продолжали окружать другъ друга нѣжнѣйшей заботливостью, безраздѣльно, повидимому, отдаваясь взаимной симпатіи и удовольствію быть вмѣстѣ. Чтобы успокоить и должнымъ образомъ направить общественное мнѣніе, Наполеонъ каждое утро отправлялъ успокоительныя за-

писки Камбасересу и другимъ лицамъ. Онъ писалъ: «Конференціи здѣсь продолжаются; все идетъ къ лучшему»; королю Іосифу:—«все принимаетъ благопріятный оборотъ»; Камбасересу: «Принцы и иностранцы прибываютъ со всѣхъ сторонъ, и дѣла продолжаютъ идти ко всеобщему удовольствію»; королю Мюрату: «Эрфуртъ очень блестящъ» [1]. Дѣйствительно, съѣздъ достигъ въ это время наибольшаго великолѣпія. Только-что прибыли короли баварскій и виртембергскій, король и королева вестфальскіе, и вечеромъ въ театрѣ партеръ королей былъ въ полномъ составѣ. 22-го сентября (4-го октября) давался на сценѣ «Эдипъ» Вольтера, и когда дошло до стиха:

L'amitié d'un grand homme est un bienfait des Dieux [2].

Александръ всталъ, взялъ руку Наполеона, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ, и крѣпко пожалъ ее. Этотъ поступокъ, такъ кстати подсказанный вдохновеніемъ, съ энтузіазмомъ встрѣченный всѣми присутствующими и сохраненный исторіей, означалъ, казалось, болѣе, нежели простое изъявленіе дружбы: въ немъ усматривалось санкціонированіе происшедшаго соглашенія и торжественное возобновленіе союза.

Черезъ день послѣ того императоры уѣхали изъ Эрфурта, чтобы посѣтить герцога Саксенъ-Веймарскаго, ихъ временнаго сосѣда, въ его собственной столицѣ.

Во время отсутствія монарховъ оба министра иностранныхъ дѣлъ, Шампаньи и Румянцовъ, съ перомъ въ рукахъ, обсуждали статьи договора и подготовляли его редакцію. Монархи, по возвращеніи, должны были найти работу уже значительно подвинутой впередъ; имъ предстояло тогда разрѣшить затрудненія, возникшія между обоими министрами, и завершить все дѣло. Поѣздка въ Веймаръ, предпринятая императорами съ цѣлью отдыха и развлеченія, раздѣляетъ эрфуртское свиданіе на два періода, хотя и различныхъ, но почти одинаково важныхъ: въ первый — съ большимъ трудомъ оба монарха пришли къ соглашенію относительно нѣкоторыхъ основныхъ положеній, а во второмъ—предстояло рѣшить не менѣе трудную задачу: установить случаи примѣненія этого соглашенія.

Сообщ. **В. П. Лачиновъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1] Archives nationales, AF, IV, 876, Lettres inédites.

[2] Дружба великаго человѣка—благодѣяніе боговъ.

Собственноручное письмо императора Николая—кн. Меньшикову.

1.

27-го іюня (9 іюля) 1838 Фюрстенште'нъ.

Предваряю тебя, любезный Меньшиковъ, что мы намѣрены старшихъ двухъ дочерей доставить въ Берлинъ моремъ на «Геркулесѣ»; около 25 августа (6 сентября) должно будетъ имъ отправиться. Тебѣ поручаю ихъ принять и къ намъ доставить. Съ ними поѣдутъ г-жа Баранова и фрейлина Акулова, съ одной самой необходимой прислугой, и графъ Матвѣй Вьельгорскій. Обратный путь нашъ предполагается равномѣрно моремъ, выѣхавъ изъ Берлина 19-го сентября (1 октября). Маркусъ весьма сего желаетъ, равно и жена—во избѣжаніе усталости отъ долгой сухопутной ѣзды послѣ водъ.

Прими заблаговременно свои мѣры; дивизію надо будетъ разставить по дорогѣ, равно какъ было при насъ; какъ и гдѣ—тебѣ совершенно предоставляю. Хорошо бы и «Богатырю» быть готовымъ съ нами. Какъ полагаешь устроить, Мнѣ напиши, чтобы Я напередъ все зналъ подробно.

Женѣ моей примѣтно лучше. Я здоровъ. Прощай.

Рескриптъ императора Николая I. кн. Меньшикову.

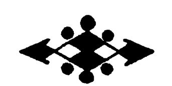
2.

3-го октября 1853 г. Царское Село.

Князь Александръ Сергѣевичъ. Донесеніе ваше отъ 25-го сентября о благополучномъ перевозѣ войскъ 13-й пѣхотной дивизіи къ Кавказскимъ берегамъ Я получилъ съ чувствомъ искреннѣйшаго удовольствія. Приписывая вашей распорядительности и неутомимой дѣятельности скорое и во всѣхъ отношеніяхъ отличное исполненіе Моей воли, Я душевно благодарю васъ.

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ пребываніе ваше въ Черномъ морѣ служитъ залогомъ успѣха всѣхъ мѣръ, которыя Мы принуждены будемъ принять тамъ, и Я убѣжденъ, что, жертвуя своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ, вы найдете награду въ мысли, что эта жертва необходима для пользы Имперіи.

Повторяя вамъ искреннѣйшую признательность Мою, пребываю къ вамъ на всегда благосклоннымъ.

Изъ дневника жандарма 30-хъ годовъ.

(Записки стараго помѣщика).

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ Саратовъ былъ назначенъ губернаторомъ Г. Власть губернатора не только въ то время, но и до конца пятидесятыхъ годовъ была громадная. Приговоры уголовныхъ палатъ представлялись на ихъ утвержденіе, для чего при губернаторскихъ канцеляріяхъ имѣлся даже особый уголовный столъ. Судебные слѣдователи находились въ ихъ непосредственной зависимости, а стряпчіе и прокуроры хотя и назначались министерствомъ юстиціи, но аттестація ихъ, какъ и всѣхъ прочихъ служащихъ въ губерніи лицъ, производилась губернаторомъ. Почему вліяніе губернаторовъ на всѣ учрежденія и вообще дѣла въ губерніи было неимовѣрно большое, противовѣсомъ котораго только иногда становились, вполнѣ независимые по своему положенію, епархіальные архіереи, губернскіе предводители дворянства и чаще всѣхъ мѣстные начальники жандармовъ, доносившіе своему вѣдомству о тѣхъ губернаторскихъ поступкахъ, которые выходили изъ предѣловъ нравственности, справедливости и законности. При этомъ жандармскіе офицеры въ губерніи, имѣвшіе къ тому же свое совершенно самостоятельное положеніе, усилившееся послѣ декабрьскаго бунта 1825 года, были обставлены особыми преимуществами и полномочіями, которыя долго поддерживались шефомъ жандармовъ графомъ Бенкендорфомъ, одновременно командовавшимъ Императорскою главною квартирою и пользовавшимся чрезвычайнымъ довѣріемъ императора Николая I. Этихъ-то г.г. жандармскихъ офицеровъ, несмотря на ихъ незначительные чины маіоровъ и даже капитановъ, губернаторы весьма побаивались, такъ какъ дневникъ жандармовъ, наполнявшійся происшествіями въ губерніи, не исключая домашняго быта, не щадилъ ни губернаторовъ, ни губернскихъ предводителей, ни даже

архіеревъ и, доставляемый періодически Бенкендорфу, вліялъ на судьбу каждаго.—Къ этому не лишнимъ добавить, что въ упомянутое время не только не допускалось газетнаго обсужденія дѣйствій правительства, но и частный разговоръ на эту тему нерѣдко уносилъ лицъ на тройкѣ перекладныхъ подъ конвоемъ жандарма въ Петербургъ, гдѣ въ 3-мъ отдѣленіи у Бенкендорфа дѣлалось имъ келейно, безъ различія пола, отеческое внушеніе. И вотъ, огражденный этими послѣдними порядками, губернаторъ Г. княжилъ въ С—ой губерніи, съ полнымъ довѣріемъ къ своему опытному правителю канцеляріи, который, по заведенному тогда порядку, имѣлъ не только большое значеніе въ губерніи, но почти былъ распорядителемъ судебъ подвѣдомственныхъ губернатору должностныхъ лицъ и различныхъ учрежденій, собирая обычныя съ разныхъ концовъ вольныя и невольныя приношенія на имя губернатора и давая сему послѣднему много свободнаго времени для собственныхъ дѣлъ и бездѣлья.

Губернаторъ Г. считался далеко не бѣднымъ и съ помощью различныхъ субсидій могъ располагать весьма большими средствами. Онъ, при своемъ пожиломъ возрастѣ, былъ бодръ и красивъ, любилъ соединять у себя лучшее общество и, прикрываясь семейною обстановкою, безцеремонно ухаживалъ за барынями и дѣвицами, давая въ послѣднемъ случаѣ видъ покровительства молодому поколѣнію. Нѣкоторыя изъ его ухаживаній, какъ говоритъ преданіе, увѣнчались успѣхомъ, но были и такія, которыя потерпѣли полное фіаско. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ особенно назойливое преслѣдованіе дочери мѣстнаго помѣщика дѣвицы Ф. Н. Н. Эта шестнадцатилѣтняя особа, получившая хорошее по тому времени домашнее образованіе, была чрезвычайно интересна насколько своей красотой и свѣжестью, настолько же и игривостью ума и кокетливостью въ манерахъ, что несомнѣнно нравится мужчинамъ и невольно обращаетъ на себя вниманіе. Женское же общество, бывъ тогда замкнуто въ строгой общественной жизни и показываясь преимущественно только въ церкви или на рѣдкихъ балахъ и въ театрѣ, приписывало развязность Н. ея дурному воспитанію, почему даже избѣгало сближенія своихъ дочерей съ нею. Губернаторъ Г., увлекшись прелестями юной красавицы и политично ухаживая въ то же время за ея вдовой-матерью, безпощадно стремился сорвать этотъ только-что распустившійся рѣдкій цвѣтокъ и, забывая свое положеніе начальника края, компрометировалъ ухаживаніемъ какъ себя, такъ и молодую дѣвушку, которая въ своей неопытности дѣлала безпрестанно общественные промахи. Но на счастье молодой дѣвушки въ г. Саратовъ пріѣхалъ казачій генералъ П. С. Х—й сверстникъ по годамъ губернатора и также крѣпкій и красивый старикъ, овдовѣвшій за годъ до этого и оставшійся съ двумя дѣтьми. Онъ по свойственному стремленію пожилыхъ мужчинъ увлекаться крайней мо-

лодостью дѣвушекъ, не замедлилъ послѣ нѣсколькихъ посѣщеній дома Н. сдѣлать прелестной Фани предложеніе и, къ общей неожиданности повѣнчавшись съ нею, увезъ ее на свою родину. Прошло года три послѣ этого обстоятельства, какъ русское правительство, озабоченное сохраненіемъ порядка на западной границѣ своего государства, приготовлялось двинуть туда полчища казачьихъ войскъ, и такъ какъ на генерала Х. указывалось какъ на будущаго походнаго атамана, то его молодая жена съ родившимся у нихъ въ это время ребенкомъ вернулась снова въ Саратовъ, гдѣ у нея оставался наслѣдственный домъ и небольшое, верстахъ въ 40-ка отъ города, помѣстье. Трудно себѣ вообразить тотъ восторгъ, который овладѣлъ губернаторомъ при этомъ извѣстіи. Онъ бросилъ прочія ухаживанія, посвятивъ всѣ дни, часы и даже минуты своего досуга созерцанію красоты этой дѣйствительно прелестной женщины. Не замедлилъ дать въ честь пріѣзда Х—ой балъ, который, однакоже, оказался неудачнымъ, вслѣдствіе ея умышленнаго отсутствія за болѣзнью сына. На вечерахъ, въ театрѣ и вообще при встрѣчахъ онъ видимо млѣлъ передъ нею, а въ церкви, крестясь и дѣлая молитвенные поклоны, обращался вмѣсто алтаря въ сторону своего земнаго божества, что невольно смущало присутствующихъ и дѣлало начальника губерніи смѣшнымъ и жалкимъ. Комедія эта, впрочемъ, продолжалось не долго, такъ какъ молодая женщина рѣшилась замѣтить Г. неприличность его поведенія, а вскорѣ затѣмъ даже запретила прислугѣ принимать его къ себѣ въ домъ. Такое обстоятельство раздражило Г., и онъ, не желая отказаться отъ мысли когда либо обладать намѣченною имъ женщиною, рѣшился на подкупъ прислуги, которая и дала ему возможность осуществить рядъ гнусныхъ замысловъ. При этомъ надо замѣтить что г-жа Х. имѣла хорошій выѣздъ и особенно любила лошадей, почему, вслѣдствіе болѣзни ихъ, однажды былъ позванъ коновалъ, которому она приказала являться къ ней каждое утро съ докладомъ о результатахъ лѣченія. Чрезъ нѣсколько дней обычное посѣщеніе коновала какъ-то произошло немного ранѣе обыкновеннаго, когда г-жа Х. еще была въ постели, и едва успѣла доложить ей объ этомъ горничная и выйти изъ комнаты, какъ на порогѣ спальной показался въ образѣ коновала со всѣми его аттрибутами загримированный губернаторъ, который, не теряя времени, заперъ за собою дверь и, бросившись на свою жертву, уже готовъ былъ употребить насиліе, какъ г-жа Х., освободившись изъ сильныхъ рукъ этого человѣка, выбила оконныя стекла и крикомъ стала звать на помощь проходящихъ на улицѣ. Произведенная суматоха спасла ее отъ Г. и дала возможность этому послѣднему незамѣченнымъ скрыться изъ дома. Въ тотъ же день оскорбленная женщина передала мѣстному начальнику жандармовъ о дерзкомъ поступкѣ съ нею губернатора, но была лишена возможности представить свидѣтелей въ томъ, что коноваломъ былъ именно переодѣтый Г., почему,

не оглашая происшествія и въ виду предположенія, что подобныя гнусные преслѣдованія могутъ продолжаться, она просила оградить ее отъ нихъ на слѣдующее время. Начальникъ жандармовъ распорядился опредѣлить швейцаромъ при домѣ г-жи X. извѣстнаго ему отставного жандармскаго унтеръ-офицера, а двумъ рядовымъ своей команды поручилъ тайное наблюденіе при вечернихъ ея поѣздкахъ въ городѣ, каковыя мѣры и дали въ скоромъ времени хорошіе результаты. Однажды г-жа X., возвращаясь ночью изъ театра и проѣзжая обширную и въ то время мало-заселенную площадь, которая нынѣ называется Соборной, была остановлена замявшимися въ снѣгу лошадьми ея кареты, при чемъ, желая узнать о причинѣ остановки, она подозвала съ козелъ лакея и приказала отворить дверцы кареты, какъ слѣдовавшій за нею губернаторъ моментально вскочилъ въ нее и, захлопнувъ дверцы, завладѣлъ своей жертвой. Недолго раздавался крикъ, заглушаемый то угрозами, то поцѣлуями, онъ замолкъ при шумѣ колесъ кареты, которая быстро неслась по улицамъ города, не разбирая глубокихъ снѣжныхъ ухабовъ, но на козлахъ вмѣсто лакея очутился уже рядомъ съ кучеромъ слѣдившій за всѣмъ переодѣтый жандармъ; другой же его конный товарищъ спѣшилъ въ это время извѣстить своего начальника о происшествіи. Можно себѣ вообразить борьбу двухъ неравныхъ силъ въ тѣсномъ экипажѣ и тотъ экстазъ съ одной стороны и отчаяніе съ другой, которые смѣшивались въ ней при этомъ нагломъ насиліи. Наконецъ карета остановилась, но не передъ домомъ ея владѣлицы, а во дворѣ квартиры жандармскаго начальника, который, бывъ предувѣдомленъ, уже ждалъ у подъѣзда гостей и самъ, отворивъ дверцы кареты и освѣтивъ ее фонаремъ, привѣтствовалъ губернатора. Превосходительный сановникъ, не зная, что за нимъ слѣдили, и въ пылу своего необузданнаго поступка не понимая, какъ онъ очутился лицомъ къ лицу съ жандармскимъ начальникомъ, нашелся, однако, объяснить ему, что въ театрѣ, замѣтивъ блѣдность и вообще нездоровый видъ г-жи X., онъ пожелалъ проводить ее до дома и когда дорогой началъ успокаивать эту даму насчетъ будто-бы поданной ему, какъ губернатору, жалобы крестьянъ на дурное и вообще незаконное обращеніе г-жи X. съ ними, то нервная женщина впала въ обморокъ. Дѣйствительно, г-жа X. лежала безъ чувствъ на днѣ кареты и тутъ же съ помощью губернатора и начальника жандармовъ была внесена въ домъ, гдѣ женою послѣдняго были приняты необходимыя мѣры къ возвращенію ея въ сознаніе. Губернаторъ, хотя и казался нисколько не сконфуженнымъ, но замѣтно торопился своимъ отъѣздомъ до приведенія въ чувство его жертвы и, поблагодаривъ хозяевъ за участіе къ оставшейся у нихъ женщинѣ, простился и поспѣшно вышелъ къ своему подоспѣвшему экипажу. Когда же лошади его были поданы и изъ кареты г-жи X. понадобилось вынуть его шинель, то вмѣстѣ съ нею выпалъ на

снѣгъ небольшой пистолетъ, при видѣ котораго Г. съ усмѣшкою замѣтилъ жандармскому начальнику: «подберите пожалуйста, это вещественное доказательство храбрости и предусмотрительности, свойственныхъ только казачьей атаманшѣ!» Пистолетъ, однакоже, оказался не заряженнымъ и не принадлежащимъ г-жѣ Х...

Чрезъ нѣсколько дней губернаторъ былъ въ имѣніи Ф. Н. Х—й, опрашивалъ крестьянъ относительно ихъ положенія и не замедлилъ сообщить губернскому предводителю дворянства, что такъ какъ по сдѣланному имъ дознанію оказались крестьяне г-жи Х. лишенными свободныхъ дней для ихъ собственныхъ работъ, что неизбѣжно ведетъ ихъ къ разоренію, то, въ силу закона, онъ предлагаетъ это обстоятельство на обсужденіе депутатскаго собранія для назначенія надъ имѣніемъ опеки. Губернскій предводитель дворянства, однакоже, нашелъ нужнымъ провѣрить столь важное обстоятельство лично и, удостовѣрившись не только въ несправедливости обвиненій, возведенныхъ на г-жу Х., но даже и въ томъ, что на нее жалобъ отъ крестьянъ никогда никакихъ не поступало, и что губернаторъ къ удивленію крестьянъ самъ безъ всякой причины, явившись въ деревню Н—ку, навязывалъ имъ всѣ эти обвиненія относительно ихъ помѣщицы, руководствуясь только какими-то дошедшими до него слухами, сообщилъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ. Въ то же время послѣдовало донесеніе и жандармскаго начальника своему шефу о двухъ, упомянутыхъ выше, чрезвычайныхъ поступкахъ губернатора съ г-жей Х., но было-ли это оффиціальное, или конфиденціальное донесеніе изъ дневника не видно. Сдѣланная же въ немъ отмѣтка 9-го марта 1830 года указываетъ лишь на время отправки донесенія.

Теперь, въ виду продолженія начатаго разсказа, мы остановимся на описаніи личности пострадавшаго главнымъ образомъ въ этой исторіи жандармскаго начальника Ш., который, какъ видно изъ его документовъ, состоялъ прежде дворяниномъ Екатеринославской губерніи, служилъ ранѣе офицеромъ въ Переяславскомъ конно-егерскомъ полку, участвовалъ въ Отечественную войну въ сраженіяхъ съ Наполеономъ I и находился также при взятіи Парижа. Онъ былъ сынъ гусарскаго штабъ-офицера, принявшаго русское подданство въ прошломъ столѣтіи и принадлежавшаго ранѣе къ венгерскому дворянству. Перековерканная на русскій ладъ фамилія Ш. и малороссійское происхожденіе матери жандармскаго начальника совершенно изгладили въ немъ слѣды венгерской расы. Это былъ сорока-лѣтній великанъ, женившійся въ г. Саратовѣ на дочери Суворовскаго сослуживца, гдѣ и, получивъ назначеніе жандармскаго начальника, съ достоинствомъ носилъ голубой мундиръ съ золотыми, по прежней формѣ, эполетами.

Въ томъ же 1830 году, какъ извѣстно, посѣтила Россію первая хо-

лера. Эта невѣдомая до того времени болѣзнь свирѣпствовала въ городѣ въ ужасающихъ размѣрахъ, и былъ даже день, въ который, при незначительномъ тогда въ немъ населеніи, умерло около 800 человѣкъ. Жители, не зная что дѣлать и чѣмъ спасаться отъ холеры, бѣжали массами изъ города. Присутственныя мѣста были закрыты, погребальный перезвонъ прекращенъ и церкви заперты. Самое же отпѣваніе умершихъ, которыхъ возили десятками на одной телѣгѣ, производилось на особомъ кладбищѣ, гдѣ заготовленною въ грудахъ известкою засыпались свѣжія могилы. На городскихъ площадяхъ день и ночь горѣли костры, съ подливаемою въ нихъ смолою, для очищенія заразнаго воздуха, и люди ходили по городу неиначе, какъ въ засмоленыхъ покрывалахъ и съ такими же зажженными факелами. Понятно, что эти ужасы произвели общую панику, и частные врачи, которыхъ не насчитывалось въ городѣ и десятка, находясь подъ впечатлѣніемъ страха и желая избѣжать своей обязанности оказывать медицинское пособіе, укрывались въ квартирахъ и заперли ворота. Полиціймейстеръ и большинство полицейскихъ чиновниковъ были первыми жертвами эпидеміи, почему, при обнаружившейся неурядицѣ въ городѣ и въ видахъ сохраненія порядка и своевременной подачи помощи, жандармскій начальникъ Ш. нашелъ нужнымъ раздѣлить городъ на участки и, поручивъ ихъ завѣдываніе чинамъ своей команды, сдѣлалъ обязательное распоряженіе для частныхъ врачей неуклонно являться съ пособіями къ заболѣвающимъ. Но такъ какъ послѣдніе не только отказывались исполнить это распоряженіе, но даже никого не впускали къ себѣ во дворъ, то ворота у нихъ были выломаны, и врачи подъ наблюденіемъ жандармовъ отправлялись въ тѣ пункты, которые подвергались наибольшей смертности. Самъ же жандармскій начальникъ проводилъ дни и ночи на конѣ, объѣзжая верхомъ городъ, кладбище и по нѣскольку разъ посѣщая больницу, гдѣ, къ своему ужасу, нашелъ однажды подъ навѣсомъ больничныхъ сараевъ массу гробовъ съ живыми еще людьми. Мнимо умершіе и видимо находившіеся въ обморокѣ страдальцы, бывъ плохо осмотрѣнными, подъ предлогомъ преупрежденія заразы, по распоряженію врачей засыпались известью и съ полопавшими отъ нея глазами, съ сожженнымъ ртомъ и въ жестокихъ мученіяхъ внятнымъ шепотомъ молили о пощадѣ. Это послѣднее обстоятельство вынудило жандармскаго начальника арестовать врача больницы, доктора Ф., и для примѣра другихъ отправить подъ конвоемъ на перекладной въ Петербургъ. Начавшійся ропотъ городской толпы, принимавшей уже формы возмущенія, тотчасъ умолкъ послѣ такихъ рѣшительныхъ мѣръ, и затѣмъ голубой мундиръ былъ всюду привѣтствованъ населеніемъ при его появленіи.

Судьба хранила этихъ вѣрныхъ царскихъ слугъ и стражниковъ народнаго порядка, и въ продолженіе полутора мѣсяца ни одинъ не только

не умеръ изъ жандармовъ, но и не былъ боленъ. И хотя 7-го августа жандармскій начальникъ Ш. почувствовалъ на себѣ признаки этой болѣзни, но, благодаря уже пріобрѣтенной опытности своихъ подчиненныхъ въ поданіи помощи посредствомъ оттиранія и другихъ пріемовъ, былъ избавленъ отъ судорогъ и прочихъ страданій. Почему, находясь уже около трехъ дней совершенно здоровымъ, но только чувствовавшимъ сильную слабость, мѣшавшую его обычной дѣятельности, онъ рѣшился воспользоваться услугами присланнаго къ нему губернаторомъ доктора Л--ва, по совѣту котораго и принялъ лично составленное послѣднимъ лѣкарство для укрѣпленія силъ. И что-же! одна ложка этого зелья положила конецъ жизни жандармскаго начальника, съ которымъ начавшіяся немедленно рвота, судороги и страшныя желудочныя боли ясно указывали на отравленіе. Преданные ему двое жандармскихъ унтеръ-офицеровъ находившихся безотлучно при постели больнаго, были настолько поражены неожиданною смертью своего любимаго начальника, что иначе не могли объяснить ее какъ отравленіе.

Губернаторъ Г., переѣхавъ въ началѣ холеры на дачу въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, при жизни жандармскаго начальника ежедневно присылалъ справляться какъ объ его здоровьѣ, такъ и о ходѣ эпидеміи, а посѣщая городъ, самъ каждый разъ къ нему заѣзжалъ и благодарилъ за отвагу и распорядительность; послѣ же смерти его не только не нашелъ нужнымъ выразить участіе осиротѣвшему семейству Ш., вдова котораго не успѣла еще оправиться послѣ рожденія сына, но вдобавокъ отдалъ чрезъ командира гарнизоннаго батальона приказаніе доставить къ нему пузырекъ съ остаткомъ лѣкарства и, подъ предлогомъ предупрежденія заразы, похоронить г. Ш. какъ можно скорѣе на холерномъ кладбищѣ, не дозволяя проводовъ его тѣла жандармской командѣ. Всѣ эти распоряженія, однако же, не были выполнены командою, и состоявшіяся на четвертый день похороны сопровождались полной торжественностью, при воинскихъ почестяхъ. Каѳедральный соборъ былъ отпертъ, и въ немъ происходило отпѣваніе усопшаго. Во время шествія процессіи до кладбища верховая лошадь покойнаго въ траурной попонѣ слѣдовала за гробомъ, который жандармская команда, съ старшимъ вахмистромъ во главѣ, провожала въ полной парадной формѣ. Народная толпа, забывъ холерную заразу, на перебой старалась нести гробъ любимаго человѣка, и печальный катафалкъ ѣхалъ пять верстъ пустымъ до мужскаго монастыря, гдѣ тѣло и было погребено въ фамильномъ склепѣ. Недоставало только троекратнаго залпа изъ ружей, взамѣнъ котораго непритворная скорбь жандармовъ и народа довершали глубокое сочувствіе къ усопшему.

Губернаторъ, раздраженный общимъ сочувствіемъ къ умершему жандармскому начальнику и видимо озабоченный рядомъ необычай-

ныхъ происшествій, въ числѣ которыхъ главнымъ образомъ должны были безпокоить его собственныя дѣянія, находившіяся въ зависимости отъ донесенія губернскаго предводителя и умершаго жандармскаго начальника, а также и причина неестественной смерти послѣдняго, находилъ единственнымъ исходомъ стереть съ лица земли двухъ главныхъ приближенныхъ къ отравленному Ш., вахмистровъ Гребенькова и Щеглова, въ видахъ чего распорядился, чрезъ командира мѣстнаго гарнизоннаго батальона, немедленно арестовать этихъ лицъ, несмотря на неокончившуюся еще эпидемію, при которой порядокъ въ городѣ исключительно поддерживался ими. Но старшій вахмистръ Гребеньковъ отказался повиноваться этому распоряженію впредь до особаго приказа шефа жандармовъ сдать кому либо команду, которая письменнымъ распоряженіемъ въ послѣдніе часы жизни жандармскаго начальника поручалась этому старшему вахмистру.

Обстоятельство такого отказа вахмистра Гребенькова, подведенное подъ законы о нарушеніи воинской дисциплины и сопротивленіи властямъ, дало губернатору желанный поводъ сдѣлать представленіе о разжалованіи Гребенькова и Щеглова въ рядовые и наказаніи перваго изъ нихъ шпицрутенами. Но неисповѣдимая судьба покровительствовала этимъ вѣрнымъ царскимъ слугамъ, и представленіе о нихъ не успѣло еще быть изготовленнымъ, какъ получился Высочайшій приказъ о производствѣ поименованныхъ вахмистровъ со старшинствомъ въ первый офицерскій чинъ, къ которому они неизвѣстно для окружающихъ были давно представлены ихъ покойнымъ жандармскимъ начальникомъ. И такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ прапорщикъ Гребеньковъ былъ переведенъ на службу въ С.-Петербургскій жандармскій дивизіонъ, при предписаніи ему оставить ввѣрную команду не иначе какъ по передачѣ ея назначенному въ эту губернію жандармскому подполковнику Б., то понятно, что арестъ и задержаніе этихъ новыхъ офицеровъ уже былъ немыслимъ.

Чтó затѣмъ доносилъ губернаторъ Г. шефу жандармовъ и въ какой формѣ впослѣдствіи ему же произведенъ докладъ прибывшимъ въ столицу прапорщикомъ Гребеньковымъ—исторія умалчиваетъ, но извѣстно только, что губернаторъ былъ отозванъ отъ управленія губерніей, а по поводу смерти жандармскаго начальника Ш. и для отобранія у его вдовы важныхъ документовъ былъ присланъ отъ Бенкендорфа жандармскій генералъ Масловъ. Въ числѣ же документовъ имѣли особый интересъ бланки за подписью Бенкендорфа, съ помощью которыхъ по Высочайшему повелѣнію жандармскіе начальники въ извѣстныхъ случаяхъ были уполномочены отправлять къ нему разныхъ лицъ въ Петербургъ, что практиковалось лишь нѣсколько лѣтъ послѣ декабрьскаго бунта, для Саратовской губерніи особенно было примѣнено въ виду существ

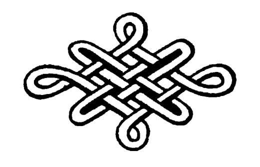
ванія въ ней фамилій двухъ главныхъ декабристовъ и ссылки въ Сибирь нѣсколькихъ второстепенныхъ изъ офицеровъ гвардіи принадлежавшихъ къ этой губерніи.

Переданныя мною подробности о дѣяніяхъ губернатора старыхъ временъ и ужасовъ бывшей холеры 1830 года, я почерпнулъ изъ черноваго дневника покойнаго жандармскаго начальника Ш.

Что же касается смерти его и прочихъ свѣдѣній, то они были переданы мнѣ жандармскимъ маіоромъ Гребеньковымъ, въ которомъ читатель, вѣроятно, узнаетъ бывшаго рыцаря-вахмистра. Онъ въ свою очередь служилъ въ концѣ сороковыхъ годовъ жандармскимъ начальникомъ въ одной изъ ближайшихъ къ Петербургу губерній. Докторъ Л. избѣгнулъ наказанія, скрываясь безъ вѣсти около десяти лѣтъ, а затѣмъ снова появился въ городѣ Саратовѣ во время проѣзда наслѣдника престола впослѣдствіи императора Александра II и былъ посаженъ въ домъ умалишенныхъ за безсвязныя рѣчи и безумный крикъ среди толпы.

Вдовѣ погибшаго жандармскаго начальника, безъ ея ходатайства, императоромъ Николаемъ Павловичемъ назначенъ былъ полный пенсіонъ, съ опредѣленіемъ сына ея въ Александровскій малолѣтній корпусъ въ Царскомъ Селѣ, а дочери въ Смольный монастырь.

В. А. Шомпулевъ.

Письмо кн. В. Долгорукова—кн. А. С. Меншикову.

13-го іюля 1855 г.

Состоящій при моей Канцеляріи [1]) генеральнаго штаба капитанъ Аничковъ перевелъ съ нѣмецкаго языка изданную въ Берлинѣ брошюру «Die Schlacht bei Inkerman» и обратился ко мнѣ съ просьбою о разрѣшеніи издать эту статью, на русскомъ языкѣ, особою брошюрою.

Не находя возможнымъ дать это разрѣшеніе безъ предварительнаго соизволенія вашей свѣтлости, я имѣю честь препроводить при семъ на разсмотрѣніе ваше рукопись капитана Аничкова, съ покорнѣйшею просьбою о заключеніи вашемъ по сему предмету почтить меня увѣдомленіемъ.

Отвѣтъ князя Меншикова—кн. Долгорукову.

23-го іюля 1855 г.

Письмо вашего сіятельства отъ 13-го іюля № 94, съ переводомъ брошюры объ Инкерманской вылазкѣ, я имѣлъ честь получить. Весьма благодаренъ вамъ, милостивый государь, за оказанное мнѣ сообщеніемъ симъ вниманіе.

Рукопись эту у сего возвращаю и при томъ сознаться долженъ, что она мною не прочтена, ибо повѣрка фактовъ обязываетъ наблюденіемъ за правильнымъ ихъ изложеніемъ; я же къ сей повѣркѣ не имѣю письменныхъ данныхъ, а пересудъ взглядовъ автора, буде они есть въ текстѣ, повелъ бы къ полемикѣ, въ которую я вступать не намѣренъ, и даже не могу по состоянію моего здоровья и слабости зрѣнія, затрудняющей самое чтеніе.

За симъ изъясненіемъ мнѣ остается еще повторить искреннюю признательность мою за обязательное письмо вашего сіятельства и просить о принятіи выраженія и проч.

---

[1]) Канцеляріи военнаго министерства.

Ржевскій бунтъ 1701 года [1]).

Осенью 1701 года въ городѣ Ржевѣ Володимеровой происходило довольно значительное народное волненіе, вызванное одною мѣрою правительства, направленною къ явной пользѣ города и его торговыхъ интересовъ. Это дѣло представляетъ любопытный эпизодъ изъ исторіи реформъ Петра Великаго въ области городскаго благоустройства и отношенія къ нимъ населенія. Извѣстно, какъ недоброжелательно и подозрительно относился народъ къ разнымъ преобразовательнымъ начинаніямъ нашего великаго реформатора, и какая громадная затрата силъ требовалась для проведенія самой ничтожной реформы. Казалось бы, однако, что народъ долженъ былъ самъ идти на встрѣчу и всячески содѣйствовать тѣмъ Петровскимъ начинаніямъ, которыя сразу и для самаго предубѣжденнаго взгляда клонились къ явной пользѣ народа, не требуя отъ него никакихъ жертвъ, или требуя самыхъ ничтожныхъ личныхъ пожертвованій... Но Ржевская исторія 1701 года ясно показываетъ, что даже въ подобныхъ случаяхъ народъ шелъ противъ намѣреній правительства, какъ бы ни казались они благими и своевременными.

Въ описываемое время Ржева была довольно бойкимъ торговымъ пунктомъ, куда въ базарные дни съѣзжалась масса крестьянъ и разныхъ торговыхъ людей. А между тѣмъ, торговая площадь въ городѣ была такъ мала, что всѣ съѣзжавшіеся торговцы и покупатели не могли на ней помѣститься, занимали сосѣднія улицы, пустыри, дворы, стѣсняя себя и горожанъ. Всѣ въ городѣ терпѣли большія неудобства отъ такого

[1]) См. въ Моск. архивѣ министерства юстиціи „Дѣла разрядныя", кн. № 1, дѣло № 172.

безпорядка, всѣ чувствовали необходимость измѣнить положеніе дѣла, но ничего не предпринимали. Тогда правительство указало на самую простую мѣру—велѣло расширить торговую площадь, для чего требовалось снести нѣсколько дворовъ, амбаровъ, кузницъ и лавокъ, построенныхъ тутъ совсѣмъ незаконно, путемъ захвата городской и казенной земли. При томъ, владѣльцамъ всѣхъ назначенныхъ къ сломкѣ строеній были отведены новыя мѣста подъ постройки.

Конечно, не легко было владѣльцамъ бросать свои насиженныя мѣста, да и переноска построекъ обходилась имъ не даромъ, значитъ—сопротивленіе владѣльцевъ еще можно извинить. Но, судя по документамъ, описывающимъ бунтъ 1701 года, народное волненіе охватило не однихъ владѣльцевъ сносимыхъ строеній, а распространилось гораздо шире. Едва-ли не вся Ржева, за исключеніемъ властей и небольшой группы горожанъ, волновалась по поводу правительственнаго распоряженія объ очисткѣ и расширеніи торговой площади, считая его актомъ самовольства, направленнымъ противъ личныхъ интересовъ многихъ горожанъ. И горожане не ограничились однимъ молчаливымъ протестомъ, но—по меткому выраженію того времени—«учинились сильны», т. е. оказали явное сопротивленіе правительственному мѣропріятію.

Недаромъ Ржева и позже въ XVIII вѣкѣ была на дурномъ счету у правительства, какъ «гнѣздо потаеннаго раскольничества» и разнаго рода «противностей и продерзостей» [1]). Начало такого настроенія ржевитянъ слѣдуетъ отнести еще къ реформамъ Петра Великаго, которыя много содѣйствовали развитію духа «раскольничества» не въ одной религіозной сферѣ...

Перехожу къ разсказу о Ржевскомъ бунтѣ 1701 года. Судя по нѣкоторымъ даннымъ документовъ разсматриваемаго дѣла, иниціатива въ вопросѣ о расширеніи торговой площади во Ржевѣ Володимеровой принадлежала выборнымъ земскимъ властямъ города—«земскихъ дѣлъ бурмистрамъ съ товарищи» (имена ихъ въ дѣлѣ не приведены), т. е. «лутчимъ» горожанамъ Ржевы. Именно бурмистры въ октябрѣ 1701 года послали въ свое центральное управленіе—въ Московскую ратушу, «отписку» о настоятельной необходимости сломать въ городѣ нѣкоторыя частныя постройки, «для очистки торгующимъ въ площадь». Къ отпискѣ былъ приложенъ составленный въ мѣстной «земской избѣ чертежъ» той части города, о которой шла рѣчь (чертежа при дѣлѣ нѣтъ). Земскія власти указывали на необходимость снести дворы и лавки, «которыя построены близъ кружечнаго двора, и на надолобномъ мѣстѣ, и на рву», т. е. захватили часть крѣпостнаго рва и «надолобъ» бывшей Ржевской крѣпости. Это были—дворъ посадской вдовы Лукерьи Волосковой, ам-

[1]) „Исторія Россіи“ Соловьева, V, 616, 617; VI, 28, 29, 410, 411.

баръ и лавка стрѣльца Кирилла Новгородцева и лавка посадскаго человѣка Филимона Зетилова. Владѣльцы всѣхъ этихъ строеній не имѣли никакихъ правъ на занятую ими казенную землю, на которой они самовольно усѣлись, когда потерявшая свое военное значеніе Ржевская крѣпость стала упраздняться. Никто раньше не обратилъ вниманія на этотъ своевольный захватъ казенной земли, пока ржевскія земскія власти не додумались до необходимости расширить торговую площадь.

Затѣмъ ржевскіе бурмистры указали еще на другую группу такихъ же самовольныхъ построекъ на торговой площади. Извѣстно [1]), что въ каждой крѣпости XVII вѣка отводились мѣста подъ «осадные дворы» для дворянъ, боярскихъ дѣтей и другихъ служилыхъ людей своего уѣзда, также для монастырей и проч. Во время непріятельскаго нашествія дворяне и ихъ семьи съѣзжались въ городъ и занимали свои осадные дворы въ крѣпости. Въ отсутствіе владѣльцевъ въ осадныхъ дворахъ жили «дворники»—или владѣльческіе крестьяне, или посадскіе и другіе жилецкіе и служилые люди города, послѣдніе — или за извѣстный оброкъ, или на другихъ условіяхъ, предложенныхъ владѣльцами дворовъ.

Такой порядокъ наблюдался въ XVII вѣкѣ и во Ржевѣ: осадные дворы принадлежали ихъ владѣльцамъ, преимущественно дворянамъ Ржевскаго уѣзда, безъ согласія которыхъ никто изъ горожанъ не могъ селиться на этихъ дворахъ, или строиться на «осадныхъ дворовыхъ мѣстахъ». Но къ концу вѣка, когда пало военное значеніе Ржевы, осадные дворы потеряли свой смыслъ и значеніе и стали забываться дворянами. Многія дворянскія фамиліи перемерли, иныя переселились въ другіе уѣзды, а осадные дворы этихъ владѣльцевъ во Ржевѣ стали пустѣть и разрушаться. Никому до нихъ не было дѣла, чѣмъ и воспользовались горожане, и самовольно стали строиться на этихъ «дворянскихъ осадныхъ дворовыхъ мѣстахъ», которыя вслѣдствіе ихъ выморочности должны были принадлежать казнѣ или городу.

Къ 1701 году на дворянскихъ осадныхъ мѣстахъ оказалась масса частныхъ построекъ, устроенныхъ здѣсь совершенно самовольно и незаконно, если не допустить, что въ числѣ этихъ новыхъ владѣльцевъ были потомки «дворниковъ» XVII вѣка, имѣвшихъ хотя договорныя права на занятые ими съ согласія дѣйствительныхъ владѣльцевъ осадные дворы. Но и эти сомнительныя права въ сущности не принадлежали новымъ владѣльцамъ, такъ какъ ржевскіе бурмистры рѣшительно утверждаютъ, что строенія горожанъ «построены на дворянскихъ осадныхъ дворовыхъ мѣстахъ безоброчно», т. е. безъ внесенія ихъ прежнимъ

---

[1]) См. напр. мое „Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII вѣка", ст. 48, 50 и др.

дѣйствительнымъ владѣльцамъ какого бы то ни было денежнаго оброка. Здѣсь выстроились 9 кузницъ, изъ которыхъ только 4 платили извѣстный «оброкъ» въ государеву казну за свое производство, а остальныя 5 кузницъ даже отъ этого оброка уклонялись—были до сихъ поръ «необрочными». Затѣмъ, на дворянскихъ мѣстахъ усѣлись многія (число не указано) лавки, амбары и «полки» ржевскихъ стрѣльцовъ, пушкарей и «иныхъ чиновъ людей».

Итакъ, ржевскіе бурмистры поступили вполнѣ основательно: они нашли законное средство для расширенія необходимой городу торговой площади и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращали своею мѣрою само вольный захватъ горожанами казенной и городской земли. Но горожане не такъ отнеслись къ намѣреніямъ своихъ выборныхъ властей, вполнѣ поддержанныхъ въ этомъ дѣлѣ центральнымъ управленіемъ.

Московская ратуша, хорошо знавшая намѣренія и планы Петра Великаго относительно городскаго благоустройства, сочувственно выслушала предложеніе ржевскихъ бурмистровъ, согласилась съ нимъ и дополнила его многими полезными указаніями. Въ томъ же октябрѣ 1701 г. ратуша послала во Ржеву, къ земскихъ дѣлъ бурмистрамъ «память», гдѣ согласилась, что всѣ указанныя самовольныя постройки ржевитянъ, какъ на мѣстѣ бывшихъ крѣпостныхъ укрѣпленій, такъ и на дворянскихъ осадныхъ дворовыхъ мѣстахъ, всѣ эти строенія необходимо «сломать, и тѣ мѣста для пріѣзду и постою изъ уѣзда со всякими товары торговымъ людямъ очистить въ площадь, чтобы отъ того лавочного и анбарного многого самовольного строенія пріѣзжимъ людямъ въ постоѣ утѣсненія, а въ сборѣ пошлинъ истери не было, и настоящіе оброчные ряды въ запустѣніи не были-жъ». Послѣдній мотивъ близко касался какъ государевой, такъ и городской казны. Въ городѣ находилось двое торговыхъ рядовъ, которые въ послѣднее время, когда торговля вслѣдствіе тѣсноты площади разбросалась по всему городу, неохотно занимались торговцами, и многія лавки въ рядахъ пустовали, не принося никакого дохода. Ратуша надѣялась, что владѣльцы сломанныхъ лавокъ и амбаровъ перейдутъ въ торговые ряды, и потому предписала бурмистрамъ, чтобы вносимый теперь этими владѣльцами оброкъ переложить «на оброчные старинные два ряда, и платить по вся годы сполна» Относительно же сносимыхъ съ площади кузницъ ратуша распорядилась такъ: «вмѣсто оброчныхъ кузницъ владѣльцамъ отвесть мѣста въ иныхъ пристойныхъ мѣстахъ, и прежде положенный оброкъ платить имъ по-прежнему сполна».

Всѣхъ владѣльцевъ сносимыхъ дворовъ, лавокъ и проч. ратуша предписывала созвать въ земскую избу, гдѣ «сказать» имъ «великого государя указъ» и взять съ нихъ «записку» въ томъ, «чтобы они впредь самовольно на тѣхъ сломанныхъ мѣстахъ никакого строенія для торгу

отнюдь не строили и площади не тѣснили». Къ этой «запискѣ» владѣльцы должны были «приложить руки».

Получивши этотъ указъ ратуши, ржевскіе бурмистры тотчасъ же (въ началѣ ноября 1701 г.) стали приводить его въ исполненіе и наткнулись на неожиданное сопротивленіе горожанъ... Всѣхъ «лавочниковъ и анбарныхъ и кузнечныхъ владѣльцевъ, у которыхъ что велѣно сломать, въ земскую избу они призывали и великого государя указъ о сломкѣ имъ сказывали». Но многіе стрѣльцы, «которые въ тѣхъ лавкахъ и анбарахъ торгуютъ», не явились въ земскую избу и отказались выслушать государевъ указъ, такъ больно задѣвавшій ихъ интересы... Другіе же владѣльцы явились въ земскую избу, выслушали указъ, дали даже собственноручныя «записки» объ исполненіи указа и—ни шагу не сдѣлали, чтобы исполнить его... Кузнецамъ были отведены новыя мѣста подъ кузницы, но «кузнецы на тѣ мѣста кузницъ не снесли и (старыхъ) мѣстъ не очистили». Точно также стрѣльцы, пушкари и «иныхъ чиновъ люди» назначенныхъ къ сломкѣ «лавокъ и анбаровъ и полковъ сами не сломали жъ и мѣстъ не очистили». Словомъ, всѣ заинтересованные горожане «великого государя указу чинятца сильны».

Видя явное непослушаніе горожанъ, бурмистры приняли рѣшительныя мѣры—стали своими силами ломать «самовольныя» постройки. Эту операцію они поручили «ходокамъ» (разсыльнымъ) земской избы, къ которымъ присоединилось нѣсколько добровольцевъ изъ посадскихъ людей, не постѣснившихся взять на себя полицейскія обязанности, направленныя противъ своей же посадской братіи.

Ходоки начали ломку со двора посадской вдовы Лукерьи Волосковой, находившагося около кружечнаго двора. Вдова не препятствовала, и всѣ постройки ея двора были снесены. Точно также ходоки не встрѣтили сопротивленія при сломкѣ лавки и анбара посадскаго человѣка Филимона Зетилова и кузницъ разныхъ лицъ, построенныхъ на крѣпостномъ рву. Но и тутъ дѣло не было доведено до конца: лѣсъ отъ сломанныхъ построекъ ни Волоскова, ни Зетиловъ, ни кузнецы «не относятъ» на отведенныя имъ мѣста—«чинятца сильны...»

Дальше дѣло пошло и того хуже: горожане перешли въ открытое сопротивленіе... Началось это съ лавокъ и амбаровъ стрѣльца Кириллы Новгородцева. Самъ Кириллъ уже умеръ, и лавки перешли къ его родному дядѣ, отставному стрѣльцу Іову Новгородцеву съ дѣтьми. Когда явились къ нимъ ходоки съ посадскими людьми, Іовъ съ дѣтьми и племянникомъ вооружились чѣмъ попало и «не дали» ломать своихъ лавокъ и анбаровъ—«отбили» ходоковъ. Послѣдніе отступили, и Новгородцевы «и нынѣ торгуютъ» на своемъ мѣстѣ, не обращая вниманія на угрозы бурмистровъ.

*

У самой «городовой стѣны» былъ построенъ пушкаремъ Ѳедоромъ Третьяковымъ «станокъ, а у того станка сдѣланъ сусленой горнъ, и съ огнемъ въ зимнее и лѣтнее время сидитъ...». Когда явились сюда ходоки, ихъ встрѣтила цѣлая толпа собранныхъ Третьяковымъ людей, которые «сломать не дали» ни станка, ни горна, «и отбили дубинами» ходоковъ.

Самое сильное сопротивленіе ходоки встрѣтили «въ городѣ» (т. е. въ крѣпости), когда явились очищать «осадныя мѣста, гдѣ построены лавки и анбары безоброчно». Во главѣ недовольныхъ горожанъ здѣсь стоялъ владѣлецъ нѣсколькихъ назначенныхъ къ сломкѣ лавокъ, подъячій приказной избы Артемій Ваулинъ. Съ его лавокъ ходоки и хотѣли начать ломку, но были отбиты большою толпою, собранною Ваулинымъ. Тутъ были—трое сыновей Ваулина, его племянникъ, владѣльцы сосѣднихъ лавокъ — Андрей Третьяковъ съ дѣтьми, стрѣльцы—Михаилъ и Тихонъ Штопниковы, Яковъ и Данило Глуховы и многіе другіе стрѣльцы, пушкари и «иныхъ чиновъ люди». Эта толпа была сильно возбуждена, и многіе «похвалялись убитъ ходоковъ и (помогавшихъ имъ) посадскихъ людей до смерти...». Самъ подъячій Ваулинъ «вынималъ ножъ наголо и хотѣлъ ихъ (ходоковъ) рѣзать...» Если бы ходоки не догадались отступить, произошло бы тутъ кровавое побоище... Одинъ изъ бывшихъ на сторонѣ ходоковъ посадскихъ людей Сила Образцовъ подалъ позже «челобитную» на Ваулина, жалуясь, что тотъ во время схватки у его двора «бранилъ его, Силу, и безчестилъ, и топоромъ примахивалъ при стороннихъ людяхъ, и хвалился его, Силу, и дѣтей его бить до смерти».

Другой посадскій человѣкъ Петръ Марковъ подалъ «скаску», гдѣ пишетъ: «поставленъ-де у него анбаръ на мѣстѣ подьячаго Артемья Ваулина изъ оброку, и онъ-де Петръ тотъ анбаръ хотѣлъ сломать, и подьячій-де Артемій Ваулинъ его съ кровли сбилъ и ломать не далъ, и сказалъ, чтобъ съ кровли сошли покамѣстъ цѣлы».

Словомъ, ржевитяне рѣшительно отказались исполнить государевъ указъ, и «учинились сильны».... Бурмистры сознали свое полное безсиліе и ограничились лишь присылкою въ Московскую ратушу донесенія о своей неудачѣ. Ратуша сообразила тогда обратиться за содѣйствіемъ разряднаго приказа, которому было подчинено тогда Ржевское воеводство.

28-го марта 1702 г. «начальный человѣкъ» разряда, бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ получилъ изъ ратуши «указъ», за скрѣпою бургомистра Якова Попова, съ описаніемъ ржевскаго бунта и слѣдующимъ предписаніемъ: «и великій государь царь... указалъ о сломкѣ лавочного и анбарного и кузнечного неуказного строенья, которое построили ржевскіе посадскіе люди и стрѣльцы и пушкари на осадныхъ дворянскихъ мѣстахъ, и на площади, и на рву, и о розыскѣ за непо-

слушаніе ихъ, противъ сказокъ посыльныхъ людей, и о посылкѣ о томъ во Ржеву къ воеводѣ изъ Розряду послушной грамоты указъ учинить въ Розрядѣ тебѣ, боярину Тихону Никитичу, съ товарищи».

На этомъ указѣ ратуши разрядъ сдѣлалъ обычную помѣту: «по сему великого государя указу учинить»—и на томъ успокоился...По крайней мѣрѣ дальнѣйшее движеніе дѣла произошло лишь черезъ три мѣсяца: только въ іюнѣ 1702 г. разрядъ надумался послать грамоту къ ржевскому воеводѣ Ѳедору Васильевичу Сухово-Кобылину объ исполненіи указа ратуши. Разрядъ писалъ воеводѣ: «и какъ къ тебѣ ся наша великого государя грамота придетъ, и ты бы о сломкѣ лавочного и анбарного и кузнечного неуказного строенья... и о розыскѣ за непослушаніе (ржевитянъ) учинилъ противъ вышеписанного нашего великого государя указу и скасокъ посыльныхъ людей, и по Уложенью, и по новоуказнымъ статьямъ, а что учинено будетъ, о томъ къ намъ великому государю писалъ» въ Разрядный приказъ.

Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, что именно «учинилъ» ржевскій воевода: дальнѣйшихъ документовъ этого дѣла не сохранилось. Одно несомнѣнно, что если и воевода также тянулъ свой «розыскъ», какъ тянулось это дѣло въ разрядѣ, то Ржева еще не скоро дождалась расширенія и очистки торговой площади отъ «неуказнаго строенія», а бунтовавшіе ржевитяне—обычнаго возмездія...

Н. Оглоблинъ.

Къ исторіи благотворительности и домовъ призрѣнія.

Рескриптъ Тульскому гражданскому губернатору дѣйствительному статскому совѣтнику Иванову.

1805 г. [1])

Получивъ въ свое время донесеніе ваше о сооруженіи тульскими гражданами дома для призрѣнія больныхъ, неизлечимыхъ и прочихъ пожертвованіяхъ въ пользу человѣчества ими оказанныхъ, я съ удовольствіемъ видѣлъ въ нихъ доказательства общественной благотворительности и похвальнаго употребленія ихъ избытковъ.

Желая изъявить участвовавшимъ въ семъ гражданамъ особенное мое вниманіе, согласно представленію вашему повелѣваю.

1) Имя бывшаго градскаго головы коллежскаго асссесора Ливенцова, положившаго первое основаніе сему заведенію и отличавшагося при жизни его многими другими благотворными поступками, внести въ градской думѣ въ книгу тульскихъ именитыхъ гражданъ, дабы память добрыхъ дѣлъ его и по смерти его оставалась примѣромъ и одобреніемъ сословію, къ коему онъ принадлежитъ.

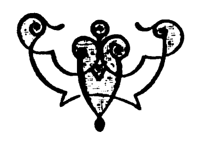
2) Первому бургомистру Коробкову, трудившемуся съ отличнымъ усердіемъ въ устроеніи сего заведенія, вручите золотую медаль, въ знакъ моего благоволенія.

3) Второму бургомистру Бѣлобородову, вмѣстѣ съ первымъ подавшему примѣръ прощенія нуждающихся должниковъ своихъ, дать отъ думы похвальный листъ.

4) Прочимъ гражданамъ, оказавшимъ благотворительность свою прощеніемъ долговъ, купцамъ: Ивану Бѣлобородову, братьямъ Красноглазовымъ, Друганову, Плахову и Добрынину, призвавъ ихъ въ губернское правленіе, объявить имъ отъ имени моего отличное мое къ добрымъ расположеніямъ ихъ вниманіе.

Всему Тульскому гражданскому обществу, участвовавшему въ сооруженіи больницы, поручаю вамъ изъявить мое благоволеніе.

Сообщ. **Г. К. Рѣпинскій.**

---

[1]) Къ сожалѣнію ни мѣсяцъ, ни число на копіи не выставлены.

Императоръ Павелъ I и митрополитъ Сестренцевичъ-Богушъ.

(По фамильнымъ преданіямъ).

Въ 1798 году императоръ Павелъ I былъ избранъ мальтійскими рыцарями великимъ магистромъ ордена послѣ того, какъ магистръ Гомпеша, заподозрѣнный въ измѣнѣ, лишенъ былъ ими этого сана. Впрочемъ, ранѣе еще (въ 1797 году), подчиняясь вліянію графа Юрія Литты, императоръ разрѣшилъ учредить въ Росссіи «великое русско-католическое пріорство» этого ордена, какъ бы взамѣнъ пріорства, бывшаго предъ тѣмъ въ Польшѣ, утвердивъ при томъ права ордена на богатѣйшія помѣстія Островскихъ на Волыни, недавно присоединенныя къ имперіи.

Весь складъ характера Павла Петровича, мечтательнаго и идеальнаго, какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ тѣми цѣлями, кои были положены въ основу статута мальтійскаго ордена. Склонность къ рыцарскимъ орденамъ появилась у императора еще въ молодыхъ лѣтахъ, когда онъ съ увлеченіемъ зачитывался книгами, повѣствовавшими о прежнихъ подвигахъ рыцарства; особенно же онъ симпатизировалъ всегда мальтійскимъ рыцарямъ, потомкамъ древнихъ іоаннитовъ и родосцевъ. Поэтому избраніемъ себя великимъ магистромъ ордена императоръ былъ очень доволенъ и съ нескрываемымъ восторгомъ возложилъ на себя знаки своего новаго сана. Въ числѣ ихъ былъ и крестъ, знакъ ордена (insignia), принадлежавшій нѣкогда великому магистру ла-Валлету, знаменитому защитнику Мальты отъ турокъ (1565 годъ), свято хранимый до того времени рыцарями въ числѣ другихъ священныхъ для нихъ предметовъ [1]). Въ одѣяніи этомъ Павелъ I изображенъ на

---

[1]) Въ 1827 году крестъ этотъ переданъ на храненіе въ Оружейную палату.

портретѣ, находящемся въ Зимнемъ дворцѣ. Императоръ пожаловалъ ордену «всѣ тѣ отличности, преимущества и почести, коими знаменитый орденъ сей пользуется въ другихъ мѣстахъ по уваженію и благорасположенію государей», и разными узаконеніями и другими мѣрами старался обезпечить матеріальное существованіе ордена въ Россіи. Поддерживая клонившійся къ упадку орденъ, императоръ преслѣдовалъ и иную болѣе реальную цѣль, желая создать изъ него какъ бы оплотъ тѣмъ революціоннымъ идеямъ, кои бушевали тогда во Франціи. Орденъ являлся врагомъ революціи уже и потому, что она лишила его богатыхъ помѣстій во Франціи и въ Италіи. Павелъ увлекался всѣмъ, тѣмъ, что такъ или иначе относилось къ ордену и его водворенію въ Россіи. Одно время его очень занималъ вопросъ о постановкѣ трона въ капитулѣ ордена (нынѣ домъ Пажескаго корпуса, гдѣ и теперь еще находится католическая церковь св. Іоанна Крестителя).

Для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ и за приказаніями въ Зимній дворецъ однажды пріѣхалъ любимецъ императора католическій митрополитъ Сестренцевичъ [1]), извѣстный тѣмъ, что, благодаря лишь его энергическому противодѣйствію, не состоялось ходатайство Павла I у папы оффиціально возстановить орденъ іезуитовъ въ Россіи, къ чему склонялъ его все тотъ же графъ Литта. Императоръ, бывшій въ тотъ день въ прекрасномъ расположеніи духа, милостиво принялъ митрополита. Въ залѣ, гдѣ происходила аудіенція, кромѣ императора и Сестренцевича, присутствовалъ еще и петербургскій генералъ-губернаторъ Паленъ; въ смежной же комнатѣ, въ которую дверь была открыта, нѣсколько юныхъ камеръ-пажей, не особенно стѣсняясь близостью строгаго императора, затѣяли какую-то игру. По временамъ оттуда слышался шумъ и подавленное хихиканіе, видимо, съ великимъ трудомъ сдерживаемое и готовое разразиться здоровымъ, молодымъ смѣхомъ.

---

[1]) Сестренцевичъ-Богушъ (Siestrzéncewicz Bohusz) родившійся въ 1731 г. и умершій въ 1828 г. былъ родомъ литвинъ, въ молодости прусскій гусарскій офицеръ.—Окончивъ курсъ въ реформатскомъ училищѣ въ Слуцкѣ, онъ принялъ послѣ католичество; всю жизнь ненавидѣлъ іезуитовъ за ихъ фанатизмъ, навлекъ на себя гнѣвъ папы и стремился къ отдѣленію католической церкви въ Россіи отъ Рима, что считалось тогда дѣломъ возможнымъ.—Вначалѣ онъ былъ архіепископомъ Могилевскимъ, но въ 1798 году, при распредѣленіи и увеличеніи числа католическихъ епархій, императоръ Павелъ присвоилъ ему титулъ митрополита, исходатайствовалъ ему кардинальскую шапку и назначилъ его предсѣдателемъ учрежденнаго тогда департамента для управленія дѣлами римско-католической церкви, что особенно усилило значеніе Сестренцевича.—По милости того же императора Павла Сестренцевичъ былъ кавалеромъ ордена Андрея Первозваннаго и командоромъ большаго креста св. Іоанна Іерусалимскаго.

Веселость молодыхъ людей и ихъ игры не оскорбляли государя, и онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ нарушенія придворнаго этикета.

Длившаяся долго аудіенція окончилась, Павелъ милостиво простился съ митрополитомъ и уже направился было во внутренніе покои. Но въ этотъ моментъ, случайно взглянувъ въ сосѣднюю комнату, зоркій взглядъ его мгновенно открылъ въ одеждѣ одного изъ вытянувшихся въ струнку пажей что-то неформенное. Малѣйшее отступленіе отъ формы одежды считалось тогда величайшимъ преступленіемъ—«умничаніемъ»,—а этого императоръ не терпѣлъ пуще всего и преслѣдовалъ немилосердно. Павелъ такъ долго лелѣялъ всѣ эти выработанныя имъ во время многолѣтняго своего гатчинскаго сидѣнія новыя формы обмундированія, новые уставы, строжайшую дисциплину и т. п., а теперь, достигнувъ власти, все это спѣшно вводилъ, неусыпно и самолично за всѣмъ наблюдалъ, осматривая почти каждый солдатскій мундиръ, не щадя за отступленіе и фельдмаршаловъ... И послѣ всего этого, такъ близко отъ него, въ самомъ дворцѣ, кто же—пажъ и одѣтъ не по формѣ. И добродушное настроеніе императора смѣнилось сильнымъ гнѣвомъ, на что, какъ извѣстно, былъ такъ скоръ Павелъ Петровичъ. Забывъ мальтійскихъ рыцарей съ ихъ идеалами, тронъ и все остальное и видя только отступленіе отъ формы, такъ долго ждавшей примѣненія, видя нетерпимое имъ «умничаніе», государь, блѣдный отъ раздраженія, обратился къ Палену и, будучи увѣренъ, что все неформенное должно быть замѣчено всякимъ, крикнулъ:

— Отвезти сейчасъ же эту обезьяну въ Петропавловскую крѣпость и объ исполненіи доложить мнѣ.

Въ залѣ находился католическій митрополитъ, недоумѣвающій и смущенный крикомъ государя, генералъ-губернаторъ Паленъ, коему такъ или иначе нужно было исполнить приказаніе императора, да въ сосѣдней комнатѣ перепуганные пажи, веселость которыхъ мгновенно пропала. Догадался ли Паленъ, кого разумѣлъ государь подъ именемъ обезьяны, или принадлежалъ къ числу тѣхъ многихъ лицъ, его окружавшихъ, которыя умышленно раздражали императора, но по уходѣ государя, подошелъ къ митрополиту и сказалъ, что, какъ ему и ни прискорбно, онъ долженъ исполнить волю своего императора, такъ какъ его эксцелленція самъ слышалъ безповоротный приказъ разгнѣваннаго чѣмъ-то императора. Растерявшійся Сестренцевичъ, знавшій, какъ бывалъ скоръ императоръ Павелъ на энергичныя и часто очень суровыя рѣшенія, какъ легко переходилъ отъ милости къ гнѣву и обратно, безропотно покорился своей участи познакомиться съ мрачными казематами крѣпости и съ нелестнымъ для своего высокаго сана эпитетомъ «обезьяна».

Чрезъ часъ Паленъ явился во дворецъ съ докладомъ, какъ то ему было приказано.

— Отвезъ? спросилъ Павелъ Петровичъ петербургскаго генералъ-губернатора.

— Точно такъ, ваше императорское величество, отвезъ.

— Ну, и что же плакалъ, вѣроятно?

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество, онъ просилъ меня очень позволить ему взять съ собою молитвенникъ, отказать въ чемъ я ему не рѣшился. И всю дорогу, смиренно покорившись своей участи, вздыхалъ и шепталъ молитвы.

Гнѣвъ государя давно успѣлъ уже пройти; его теперь лишь забавлялъ страхъ, который долженъ былъ, какъ онъ думалъ, испытывать бѣдняга пажъ, сидя въ страшныхъ казематахъ крѣпости, одно имя которой въ то время внушало всѣмъ ужасъ. Докладъ Палена, что юноша выказалъ такую стойкость, смиреніе и молился, сильно его удивилъ.

— О комъ говоришь ты? Кто молился?

— Митрополитъ Сестренцевичъ, ваше императорское величество, котораго вы изволили приказать мнѣ отвезти въ Петропавловскую крѣпость,—отвѣтилъ смиренно Паленъ.

И снова Павелъ разразился страшнымъ гнѣвомъ, что его приказаніе не понято, перепутано, что вслѣдствіе этого подвергнулся наказанію человѣкъ ни въ чемъ неповинный, притомъ митрополитъ, къ тому же такъ близко принимавшій къ сердцу интересы любезнаго императору мальтійскаго рыцарства.

По приказанію государя, Паленъ въ придворной каретѣ снова поскакалъ въ Петропавловскую крѣпость освобождать митрополита и отъ имени императора извиниться предъ его эксцелленціею.

Евгеній Альбовскій.

ПРОШЛЫЙ ВѢКЪ
ВЪ ЕГО НРАВАХЪ,
ОБЫЧАЯХЪ и ВѢРОВАНІЯХЪ.

Дьяволъ, говорящій съ людьми, въ утробѣ 12-ти лѣтней дѣвочки.—Небесныя явленія.—Докторъ Ксантопуло и его заботы о народномъ здравіи.—Торжество въ Галичѣ въ 1797 г.—О необходимости постройки особыхъ помѣщеній возлѣ площадей, гдѣ наказываютъ преступниковъ.—О верстовыхъ столбахъ.—Загробное преслѣдованіе кн. Потемкина Таврическаго.

I.

О появленіи у 12-ти лѣтней крестьянки въ утробѣ дьявола, говорившаго съ людьми.

24-го октября 1737 года въ Сибирскій приказъ поступило изъ Сибирской губернской канцеляріи слѣдующее доношеніе:

«Сего 737-го года, октября 3-го дня, въ Сибирскую губернскую канцелярію въ доношеніи изъ Томска, отъ управляющаго за воеводу Сибирскаго гарнизона секундъ-маіора Степана Угримова, написано: августа 26-го числа сего 737-го года, пришедъ въ Томскую воеводскую канцелярію томскій неверстанный сынъ боярскій Алексѣй Ивановъ сынъ Мещеринъ, а съ собою привелъ дворовую свою дѣвку, калмыцкой породы, Ирину Иванову дочь, о которой запискою объявилъ: оной дворовой его дѣвкѣ нынѣ имѣется 12 лѣтъ, а чрезъ волшебства оная дѣвка испорчена назадъ тому четвертый годъ, и есть въ утробѣ у ней дьявольское навожденіе, которое говоритъ явно человѣческимъ языкомъ вслухъ, и показуетъ о себѣ, что-де онъ лукавый, именемъ его зовутъ Иванъ Григорьевъ сынъ Мещеринъ, а родится-де онъ завтра, посаженъ же въ утробу къ оной дѣвкѣ въ штяхъ (щахъ) дѣвкою Василисою, прозваніемъ Ломаковою, жившею въ домѣ ихъ, Мещериныхъ. Поэтому онъ просилъ, чтобы оную дворовую дѣвку освидѣтельствовать.

«И оная дворовая дѣвка Ирина Иванова въ Томской воеводской канцеляріи свидѣтельствована, а по свидѣтельству подлинно явилась испор-

чена, у которой въ утробѣ имѣется дьявольское навожденіе и говоритъ человѣческимъ языкомъ вслухъ: что онъ лукавый, именемъ зовутъ его Иванъ Григорьевъ сынъ Мещеринъ, а родится-де онъ завтра, тако-жъ и другія рѣчи по вопросамъ христіанскимъ отвѣчаетъ явственно, а посаженъ-де онъ, лукавый, въ утробу къ оной дѣвкѣ во штяхъ дѣвкою-жъ Василисою тому четвертый годъ, и взятъ-де онъ изъ воды. А при томъ свидѣтельствѣ были: соборной церкви священникъ Прокопій Дмитріевъ, бывшій поручикъ Иванъ Аршеневскій, томской канцеляріи подъячіе: Алексѣй Квасниковъ, Петръ Комаровъ, Иванъ Молоковъ, посадскіе: Петръ, Тимофѣй и Василій Степновы, красноярскія дѣти боярскія: Федоръ Сухотинъ, Иванъ Таракановъ, Иванъ Злобинъ, пятидесятникъ Михайла Черкасовъ; въ чемъ оные, священникъ Прокопій съ прочими, при свидѣтельствѣ и подписались.

«А помянутая дѣвка Василиса, прозваніемъ Ломакова, по разспросу, въ вышеписанномъ заперлась, и сказала: въ прошлыхъ-де годахъ, назадъ тому года четыре, у вышеупомянутаго Мещерина въ домѣ она, Василиса, жила, и въ то же время въ томъ же домѣ помянутая дворовая дѣвка Ирина была-жъ, и оную-де дѣвку Ирину она, Василиса, ничѣмъ не портила, и въ ея утробу дьявола, который нынѣ говоритъ человѣческимъ языкомъ вслухъ, кто посадилъ, въ штяхъ ли или въ другомъ какомъ зельѣ, и сколь давно,—про то-де она, Василиса, не вѣдаетъ,—понеже-де какъ она, Василиса, жила въ домѣ у Мещерина, тогда оная дворовая дѣвка Ирина помянутой порчи за собою не имѣла, а была въ добромъ здоровьи, и за нею, Василисою, ересей никакихъ и волшебства не имѣется, и за другими ни за кѣмъ ни какого-жъ волшебства не вѣдаетъ». И требовано на оное отъ Сибирской губернской канцеляріи повелительнаго ея императорскаго величества указа.

«И октября 5-го дня, сего-жъ 737-го года, по опредѣленію Сибирской губернской канцеляріи, въ Томскъ, къ нему, секундъ-маіору Угримову, посланъ ея императорскаго величества указъ, и велѣно ему неверстаннаго сына боярскаго Алексѣя Мещеринова, который о вышеупомянутой дворовой своей дѣвкѣ Иринѣ Ивановой дочери извѣтомъ объявилъ въ Томской воеводской канцеляріи, разспросить накрѣпко въ томъ: съ котораго времени означенная дворовая его дѣвка Ирина Иванова испорчена, и онъ про ту порчу вѣдаетъ ли и какимъ способомъ онъ, Мещеринъ, ту порчу у оной дѣвки узналъ, что есть въ утробѣ у ней дьявольское навожденіе, и самъ ли, и для чего онъ, Мещеринъ, чрезъ толикое долгое время нигдѣ не доносилъ. А разспрося, о немъ освидѣтельствовать томскими градскими обывателями: добрый ли онъ человѣкъ, и не бывалъ ли напредь сего въ какомъ подозрѣніи, и нѣтъ ли за нимъ какого волшебства. О дѣвкѣ Василисѣ Ломаковой освидѣтельствовать и обыскать томскими жителями накрѣпко: не бывала-ль оная дѣвка напредь сего

въ какихъ приводахъ, и не было-ль за ней напредь сего какого волшебства, и нынѣ нѣтъ ли? И обыскавъ о томъ о всемъ изслѣдовать накрѣпко, а по окончаніи того слѣдствія учинить изъ того дѣла обстоятельную выписку, и буде, по слѣдствію, и нынѣ въ оной дѣвкѣ Иринѣ такое дьявольское навожденіе есть, то оныхъ Алексѣя Мещеринова и дѣвокъ Ирину Иванову и Василису Ломакову, купно съ онымъ дѣломъ, выслать въ Сибирскую губернскую канцелярію, подъ крѣпкимъ карауломъ, и послать за ними изъ томскихъ казаковъ, сколько надлежитъ, и велѣть дорогою беречь ихъ накрѣпко, чтобъ оные Мещериновъ и дѣвки съ дороги куда не ушли.

«А сего-жъ 737-го года октября 21-дня, въ доношеніи онаго-жъ маіора Угримова въ Сибирскую губернскую канцелярію, написано: сентября 1-го дня 737-го г. въ Томскую воеводскую канцелярію караульный, томскій пѣшій казакъ Федоръ Перевотчиковъ, въ извѣтѣ своемъ объявилъ: августа-де 31-го числа, по опредѣленію томской канцеляріи, имѣлся онъ, Перевотчиковъ, въ Томскѣ, въ Рожественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ кельѣ у игуменьи Домники Власьевой, для караула вышеупомянутой дѣвки Ирины Ивановой дочери Мещериной, у которой-де въ утробѣ имѣлось дьявольское навожденіе, и оный-де дьяволъ въ вечернее время бранилъ его, Перевотчикова, всякою неподобною матерною бранью и говорилъ: «возьми-де фузею, а въ келью никого не пускай, я-де о томъ скажу на тебя воеводѣ господину Угримову». И онъ-де, караульный, на то сказалъ ему, что въ той кельѣ никого не имѣется, и онъ-де, дьяволъ, говорилъ; «я вижу, что подъ окномъ стоятъ люди», а подъ окномъ никого не было. И послѣ-де того, въ отдачу дневныхъ часовъ, по приходѣ въ келью игуменьи Домники съ келейницею Федосьею, помянутая дѣвка Ирина легла на лавку и, въ тоскахъ своихъ, говорила, что ей приходитъ лихо, оный дьяволъ стоналъ человѣческимъ голосомъ съ полчаса, а потомъ кричалъ громко и говорилъ келейницѣ Иринѣ тако: «Ирина, прости меня», а игуменьѣ говорилъ: «Матушка, прости»; тако-жъ и съ дѣвкой Федосьей и съ матерью ея Мариной, которая въ то время лежала на печи, прощался; и на то-де игуменья его спросила: куда ты идешь? а онъ, дьяволъ, отвѣчалъ ей: «я иду въ воду». И велѣлъ оный дьяволъ отворить двери, и какъ келейныя двери отворили, тогда у той дѣвки Ирины, лежа на прилавкѣ, уста широко растворились и шла мокрота, и вскорѣ изъ рта у ней появился, подобно какъ дымъ, и вышелъ изъ кельи въ двери вонъ, и послѣ того оная дворовая дѣвка Ирина Мещерина сказала имъ: изъ гортани-де ея незнаемо что вышло, подобно какъ ворона мокрая, и дьявольскаго-де навожденія въ утробѣ у ней не стало.—А Рожественскаго дѣвичья монастыря игуменья Домника и келейницы ея Ирина и дѣвка Федосья сказали то-жъ, что показано выше сего въ извѣтѣ отъ караульнаго Перевотчикова. И

того-жъ числа вышеупомянутая дворовая дѣвка Ирина Иванова дочь Мещерина въ Томской канцеляріи осматривана, а по осмотру въ утробѣ у ней, дѣвки, дьявольское навожденіе нынѣ имѣется ли, того познать не можно, токмо по вопросамъ христіанскимъ оный дьяволъ ни о чемъ не отвѣчаетъ.

«И сего-жъ 737-го года, октября 24-го дня, по опредѣленію Сибирской губернской канцеляріи, въ Томскъ, къ нему, секундъ-маіору Угримову, съ прежняго отпуска посланъ ея императорскаго величества въ подтвержденіе указъ, въ которомъ написано: велѣно ему по тому, прежде посланному ея императорскаго величества указу, о вышеписанномъ о всемъ изслѣдовать накрѣпко и объ оной дѣвкѣ Василисѣ Ломаковой освидѣтельствовать и обыскать томскими жителями: не бывала ли оная дѣвка напредь сего въ какихъ подозрѣніяхъ и приводахъ, и не имѣлось ли за ней какого волшебства,—и, по окончаніи того слѣдствія, учинить изъ того дѣла обстоятельную выписку, а буде по слѣдствію объ оной дѣвкѣ явится, что она въ чемъ подозрительна или было за ней какое волшебство, то оную дѣвку Василису Ломакову, купно съ онымъ дѣломъ, выслать въ Сибирскую губернскую канцелярію, подъ крѣпкимъ карауломъ, а буде по слѣдствію никакого подозрѣнія за нею не явится, то ее держать, до указа, въ Томскѣ, подъ карауломъ, и о томъ въ Сибирскую губернскую канцелярію писать съ обстоятельствомъ, и требуя ея императорскаго величества указа, ежели оная дѣвка, по обыску, явится подозрительна, что съ нею повелѣно будетъ чинить.

Подписали: Петръ Бутурлинъ. Секретарь Яковъ Андреевъ. Подканцеляристъ Григорій Старковъ».

Сибирскій приказъ сообщилъ объ этомъ Правительствующему Сенату, который постановилъ произвести вновь изслѣдованіе «токмо съ такимъ осмотрѣніемъ, дабы отъ жестокихъ розысковъ изъ оныхъ кто не померли и оттого такое важное дѣло не могло скрыться, и что по слѣдствію явится, о томъ о всемъ Правительствующаго Сената въ контору обстоятельно рапортовать.—А между тѣмъ, пока то слѣдствіе окончится, означенныхъ дѣвокъ и другихъ, до кого по тому слѣдствію пущее дѣло явится, держать, до указа, подъ крѣпкимъ карауломъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ призналъ необходимымъ о такомъ происшествіи сообщить и Правительствующему Синоду.—Послѣдній, разсмотрѣвъ означенныя бумаги, приказалъ: «въ подтвержденіе, дабы оное слѣдствіе, по силѣ ея императорскаго величества указовъ, въ Сибирской губерніи произведено было въ самой крайней скорости, безъ всякаго пристрастія; свидѣтельствовавшіе же и слышавшіе якобъ отъ гнѣздящагося въ утробѣ дѣвки Ирины дьявола разговоры, какъ разсажены, такъ и спрошены бы были порознь, и о семъ: разговоры съ ними дьявольскіе происходили оной ли дѣвки Ирины языкомъ и устами, или, устамъ ея и языку быв-

шимъ тогда недвижимымъ, слышаны изъ утробы той дѣвки были, и ежели изъ утробы, то чрезъ гортань ли и отверста уста ея, или, затворенными устамъ, чрезъ утробу проницательно тотъ голосъ происходилъ, и какимъ все то образомъ или подобіемъ было именно; въ той же силѣ допрашиваны-бъ были и о стонаніи дьявольскомъ, которое якобы было въ оной дѣвкѣ въ Томскомъ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, всѣ при томъ быть случившіеся, и чтобъ изъ того слѣдствія, какъ совершенно окончено будетъ, для достодолжнаго по немъ разсмотрѣнія, и въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ изъ той губерніи прислана была обстоятельная, съ прописаніемъ приличныхъ указовъ и съ приложеніемъ отъ слѣдователей надлежащаго мнѣнія, выписка. Помянутая же дѣвка Ирина и другіе, до кого по оному слѣдствію пущее дѣло винною явится, содержаны были, до указа, подъ самымъ крѣпкимъ арестомъ, какъ о томъ и изъ Сенатской конторы посланнымъ указомъ въ ту же губернію объявлено, непремѣнно; и изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода оной губерніи къ губернатору послать указъ (который и посланъ), а дабы о томъ же ему, губернатору, подтверждено было и отъ Правительствующаго Сената, о томъ сообщить въ оный Правительствующій Сенатъ вѣдѣніе».

Опредѣленіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода было сообщено Правительствующему Сенату 18-го января 1738-го года; но о дальнѣйшемъ теченіи этого дѣла, равно какъ и объ окончательномъ его рѣшеніи, въ Сенатскомъ Архивѣ свѣдѣній не имѣется.

II.

Небесныя явленія—въ прошломъ столѣтіи.

1.

Звѣзда съ хвостомъ.

Рапортъ Сибирской губернской канцеляріи Сенату.

23-го марта 1744 г.

«Сего 744 года, января съ 5-го числа, 6-го часу пополудни, въ 3-й минутѣ, явилась у Зюида звѣзда и у оной было на подобіе хвоста къ срединѣ неба; продолжалась до девятаго часа пополудни, а въ прочіе дни съ онаго 5-го января, въ вышепомянутые жъ часы, выходила и закатывалась подъ горизонтъ февраля до 11-го дня, а въ оное 11-е число, пятаго часа на шестой минутѣ, оная звѣзда вышла изъ-подъ гори-

зонта у Зюида, таковымъ же подобіемъ, и восьмаго часа на четвертой минутѣ пополудни закатилась подъ горизонтъ; а въ пятомъ часу первой минуты, вышла у Нордъ-Оста, а хвостъ былъ къ верху неба, токмо мало погнулся дугою къ Норду, и ходила по вечерамъ у Зюидъ-Веста, а по утрамъ у Нордъ-Оста. Февраля по 17-е число, продолженіе имѣла до выше писанныхъ же часовъ, а 17-го числа уже оной не видать, токмо у Нордъ-Оста, въ утренней зорѣ, бываютъ бѣлые столбы, иногда по 5-ть и по 7-мь, и продолжаются до свѣту; а онаго же февраля 17-го числа, седьмаго часа пополудни, былъ средній громъ у Нордъ-Оста и пошелъ къ Норду, и молнія продолжалась четыре часа. Двадцать седьмаго февраля, въ пятомъ часу пополудни, былъ громъ и молнія у Зюидъ-Веста, продолжались съ двѣ минуты.

2.

Бѣлый крестъ на лунѣ.

Рапортъ Пермской провинціальной канцеляріи Сенату.

23-го ноября 1754 г.

«Сего 1754 года, ноября на 22-е число въ ночи, въ третьемъ часу, въ третьей четверти, пришедъ флота къ лейтенанту и Пермской провинціи воеводѣ Волчкову стоящій при Пермской провинціальной канцеляріи на караулѣ за капрала Григорій Дьяконовъ, словесно рапортовалъ: усмотрѣно-де стоящимъ при оной провинціальной канцеляріи на крыльцѣ часовымъ, подушнаго сбора солдатомъ Аѳанасьемъ Будылдинымъ, что взошелъ на небѣ обыкновенный мѣсяцъ къ востоку и въ немъ видимъ чрезвычайный крестъ бѣлаго цвѣта, и вверхъ высокій лучъ отъ мѣсяца, какъ столбъ высокъ, а по сторонамъ мѣсяца сдѣлались еще два столба багровыхъ и прочихъ цвѣтовъ, подобно радугѣ. И по тому рапорту Пермской провинціи воевода Волчковъ, тотъ моментъ вышедъ изъ казеннаго воеводскаго дома изъ горницы въ канцеляріи, оное являемое на небѣ знаменіе самъ засвидѣтельствовалъ. А четвертаго часа въ половинѣ—сталъ мѣсяцъ въ своемъ состояніи и крестъ изшелъ, и сторонніе столбы по-малу стали исходить, и въ томъ же часу изошли и никакого вида не стало, а мѣсяцъ безъ креста обыкновенный, продолжался до утренней зари. А въ указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Казанской губернской канцеляріи отъ 16-го сентября, въ Пермской провинціальной канцеляріи полученномъ октября 6-го числа сего 1754 года, написано: ежели гдѣ, по волѣ Божіей

выпадетъ великій градъ, или учинится пожаръ и другое что чрезвычайное воспослѣдуетъ, то губернаторамъ и воеводамъ, самимъ въ самой скорости освидѣтельствовавъ оное вѣрно, описавъ все то обстоятельно, писать въ Правительствующій Сенатъ съ первою почтою неотмѣнно. Того ради Правительствующему Сенату Пермская провинціальная канцелярія о вышеписанномъ покорно рапортуетъ.—Подписалъ: Иванъ Волчковъ.

III.

Докторъ Иванъ Ксантопуло и его проектъ объ освобожденіи россійскаго народа отъ постовъ, браковъ въ церкви и крещенія дѣтей въ холодной водѣ.

(1775—1776 г.г.).

17-го декабря 1775 года врачъ Ксантопуло подалъ въ медицинскую коллегію слѣдующее доношеніе:

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Доноситъ врачъ Иванъ Николаевъ, сынъ Михайлицы, Ксантопуло, а о чемъ мое доношеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

По данному мнѣ въ прошломъ 1762 году, мая 17-го дня, отъ императорскаго медицинскаго факультета указу, имѣю дозволеніе врачебное мое искусство производить и употреблять въ пользу всего россійскаго народа не одними только лѣкарствами, но наипаче предохранять общенародное здравіе отъ случаевъ, оному повреждающихъ,—что я, со всевозможнымъ раченіемъ, сколько отъ меня зависитъ, исполнялъ и исполняю. Итакъ, зная составъ и расположеніе человѣческаго тѣла и физическія сего состава права, видя же разность и различіе людей, не только въ разсужденіи возрастовъ, темпераментовъ, здоровья, болѣзней, ихъ состояній и обстоятельствъ, мѣстъ и климатовъ - холодныхъ, и жаркихъ и прочихъ, которые суть безчисленны,—также въ разсужденіи богатства, убожества, покойности и различія трудовъ ихъ, по долгу моего званія разсудилъ нижайше донести, что всеобщіе или генеральные посты православныхъ христіанъ, къ тому-жъ безъ изъятія лицъ и вышеписанныхъ

различій узаконенные, не могли и не могутъ быть безъ горести и тѣлеснаго вреда или великаго урона правовѣрныхъ народовъ. И для того изъясняю, что три вещи, равно нужныя, нераздѣльныя и, наконецъ, непремѣнныя къ содержанію и сохраненію жизни, отъ начала созданія человѣку и всякому животному натура даровала, то-есть: воздухъ, воду и пищу. Тоже воздухъ и вода человѣку и скоту суть общи; въ пищу же лошадей и прочему скоту естественно (натура) даровала только суровую траву и суровый овесъ, а прочее все, что въ свѣтѣ ни находится, отдала во власть человѣку, дабы всякъ по своему разсужденію, волѣ и достатку къ содержанію себя и продолженію своего живота употреблялъ все то, что ему пріятно и полезно. Итакъ, когда воздухъ и вода какимъ-нибудь случаемъ будутъ повреждены, то непремѣнно оттуда имѣютъ произсйти многія и разныя болѣзни, а нерѣдко и самая зараза. И понеже три сіи вещи къ содержанію жизни и здравія человѣческаго равномѣрно способствуютъ, непремѣнно и пища, когда будетъ попорченная, суровая, къ варенію желудка неспособная, и трудная также, когда будетъ излишнее оныя употребленіе или недостатокъ, какъ то отъ вышеписанныхъ постовъ бываетъ, то конечно и безъ сомнѣнія вышереченныхъ золъ и самой заразы отъ того ожидать должно, какъ то и бывало.

2.

Сверхъ того, гладъ и жажда человѣческая, то-есть позывъ или желаніе что̀ ѣсть, и что̀ пить, по медицинскимъ правиламъ называется чувствомъ, которое, по внушенію самой натуры, а не по повелѣнію ума человѣческаго (чтобъ поправить и пополнить свое тѣло), всякаго поощряетъ къ снисканію пищи и питья, угоднаго собственному каждаго вкусу и времени; слѣдовательно, когда вышереченное чувство или позывъ къ кушанью и питью различнымъ образомъ и въ разную пору собственному уму нашему не повинуется, кольми паче волѣ и установленію другихъ безъ насилія и наивеличайшаго душевнаго негодованія и тѣлеснаго вреда повиноваться не можетъ такъ, какъ прочія внѣшнія чувства видѣть, слышать и проч.

3.

Почему изъ вышеписанныхъ ясныхъ и неоспоримыхъ резоновъ и прочихъ подобныхъ тѣмъ слѣдствій, о которыхъ для краткости не упоминаю, всѣ и каждый знать и увѣриться можетъ, что всеобщіе или генеральные и универсальные православныхъ посты, безъ исключенія лицъ и другихъ естественныхъ законовъ и различностей, отъ законо-

давцевъ установленные, не только вредны, но и смертоносны, и что отъ оныхъ постовъ ежедневный и неизсчетный человѣческій уронъ всему православному бываетъ народу.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое доношеніе въ медицинской коллегіи принять и право естества человѣческаго, какъ долгъ медицины и честность медицинскаго факультета требуетъ, защитить и ежедневный народный уронъ, проистекающій отъ оныхъ постовъ, отвратить, а наипаче въ разсужденіи настоящей необходимости, отъ сихъ постовъ вовсе освободить больныхъ, беременныхъ, рожеництъ, кормилицъ, младенцевъ и отроковъ, слабыхъ обоего пола стариковъ, содержащихся подъ карауломъ, воюющихъ, путешественниковъ и бѣдныхъ неимущихъ.

Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ доношеніи рѣшеніе учинить».

Доношеніе это было возвращено врачу Ксантопулу съ слѣдующею надписью:

«Сіе доношеніе, по силѣ состоявшагося въ медицинской конторѣ прошлаго 1775 года декабря 21-го дня опредѣленія, по приказу его превосходительства двора ея императорскаго величества дѣйствительнаго камергера и государственной медицинской коллегіи президента Алексѣя Андреевича Ржевскаго, какъ таковое дѣло къ отвращенію узаконеній принадлежащихъ православнымъ христіанамъ въ вѣрѣ, до медицинской коллегіи не слѣдуетъ, отдано ему, Ксантопулу, съ тѣмъ, что если прописанныя въ томъ его доношеніи признаваемыя имъ обстоятельства въ пользу народную служатъ,—оное подавалъ бы гдѣ надлежитъ по законамъ».

Вслѣдствіе этого Ксантопуло, 4-го февраля 1776 года, подалъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ такое же доношеніе, въ коемъ, между прочимъ, писалъ: что «предписанные отъ законодателей посты, по причинѣ разногласности и особливости людей, обстоятельствъ и безпрерывныхъ ихъ перемѣнъ, не могли и не могутъ быть сохранены безъ единственной причины многихъ болѣзней и преждевременной смерти православныхъ народовъ. А такъ какъ посты вдругъ приводятъ людей до крайнихъ перемѣнъ пищи и питья, не только въ разсужденіи качества, но и количества, то-есть отъ употребленія хорошей и полезной пищи къ худой и суровой и отъ довольной къ самой малой и напротивъ того, такъ что таковыя перемѣны не только отъ трезвости и умѣренности православныхъ народовъ, но и самую ихъ жизнь прекращаютъ, то крайности оныя и перемѣны не токмо имъ по всему признаны вредными, но и всѣми медицинскими авторами за смертоносныя почтены и почитаются.

*

«Итакъ, когда всѣмъ и каждому извѣстно, что всякое лишеніе самовластія человѣческаго, хотя-бы малѣйшее было, называется къ оскорбленію наказаніе, а поелику всякое оскорбленіе причиняетъ болѣзнь, послѣ которой слѣдуетъ преждевременная смерть, слѣдовательно учрежденія постовъ, которые лишаютъ безъ всякаго изъятія православныхъ христіанъ самовластія, даннаго человѣку отъ Бога употреблять пищу и питіе полезное, для сохраненія и укрѣпленія своего здоровья, справедливо отъ всѣхъ повсемѣстно называются вредными и смертоносными».

Въ заключеніе Ксантопуло просилъ Святѣйшій Синодъ: «Законы человѣческаго естества, касающіеся до пищи и питія, въ разсужденіи каждаго свободныя, защитить своимъ правосудіемъ и православный народъ сей Россійской имперіи, по причинѣ ежедневнаго великаго урона, происходящаго отъ вышеупомянутыхъ вредныхъ и смертоносныхъ постовъ, для сохраненія здравія и самой человѣческой жизни навсегда отъ ихъ наблюденія освободить».

Того же 4-го февраля 1776 года врачъ Ксантопуло подалъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ и второе прошеніе, въ коемъ между прочимъ говорилъ, что онъ, видя, «что священники обыкновенно въ церквахъ, при собраніи многихъ смотрящихъ людей, совершаютъ бракосочетанія юношескихъ обоего пола лицъ, узналъ физически, что отъ стыдливости, во время такого публичнаго зрѣнія, чувствуютъ они разныя въ себѣ перемѣны, отъ которыхъ происходятъ многія вредности, какъ-то: трясеніе въ членахъ, трепетаніе въ сердцѣ, одышка и внутренніе тяжкіе вздохи и другія различныя злоключенія, о которыхъ не упоминаетъ для краткости и частности. Между прочимъ, изъ вышеупомянутыхъ приключеній рождаются многія болѣзни, причемъ часто и неспособность къ дѣторожденію. А когда прочія таинства, какъ-то: крещенія, исповѣданія и причащенія, во всякомъ времени и во всѣхъ почти мѣстахъ совершаютъ всегда священники, когда ихъ попросятъ, въ собственныхъ каждаго покояхъ, безъ всякаго изъятія дней, то онъ, по должности званія своего, для сохраненія здоровія и жизни народовъ сей имперіи, нижайше представляетъ, дабы отъ сего времени и навсегда бракосочетанія просто отъ священниковъ были совершаемы въ собственномъ домѣ бракомъ сочетаваемыхъ лицъ, безъ изъятія дней, для избѣжанія всякихъ причинъ, повреждающихъ здравіе и жизнь человѣческую и тѣмъ уменьшающихъ число людей».

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, выслушавъ прошенія врача Ксантопуло и справку, по которой оказалось, что отъ онаго врача Ксантопуло и прежде Святѣйшему Синоду чинены были представленія со изъясненіями, какой бываетъ при погруженіи во время крещенія младенцевъ отъ студеной воды вредъ, а именно: 1) въ 768 году, марта 11-го, которое того же числа, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, от-

дано ему, Ксантопулу, обратно, о чемъ 769 года февраля 6-го дня и господину тайному совѣтнику и кавалеру Стрекалову, на требованіе его о томъ изъ Святѣйшаго Синода, письменно знать дано; 2) 775 года, октября 14-го дня, упоминая въ немъ, что для объявленія въ пользу младенцевъ въ газетахъ о перемѣнѣ обряда крещенія, называя оный опаснымъ и смертоноснымъ, и Московскому университету представлялъ, которое его доношеніе, также какъ и первое, по приказанію Святѣйшаго Синода, отдано ему, Ксантопулу, обратно, для того, что Святѣйшій Синодъ, по извѣстнымъ ему резонамъ, древняго церковнаго установленія перемѣнить не можетъ, приказалъ: «съ вышеобъявленныхъ представленныхъ нынѣ отъ врача Ксантопуло доношеній сообщить Правительствующему Сенату при вѣдѣніи копіи, съ такимъ Святѣйшаго Синода разсужденіемъ, что какъ и прежде еще, въ 768 и 775 годахъ, отъ него, Ксантопуло, Святѣйшему Синоду и въ другія разныя присутственныя мѣста о перемѣнѣ употребляемаго при крещеніи младенцевъ церковнаго обряда неоднократныя представленія были, которыя, со изъясненіемъ резоновъ для чего онаго учинить не можно, и отдаваны ему обратно, а изъ оныхъ вновь вступившихъ прошеній предпріятіе его, Ксантопула, оказуется противу церковныхъ преданій, отчего можетъ выйти въ народѣ съ нарушеніемъ спокойствія соблазнъ, то не соблаговолитъ ли Правительствующій Сенатъ употребить съ нимъ, Ксантопуломъ, такія мѣры, чрезъ которыя бы онъ отъ таковыхъ наносимыхъ имъ народныхъ соблазновъ и противныхъ представленій, а оттого и напраснаго командамъ затрудненія, былъ удержанъ, и какое о томъ Правительствующаго Сената опредѣленіе будетъ,—Святѣйшій Синодъ увѣдомитъ». О такомъ опредѣленіи своемъ Святѣйшій Синодъ сообщилъ Правительствующему Сенату вѣдѣніемъ отъ 7-го марта 1776 года.

Что̀ сдѣлалъ Правительствующій Сенатъ—изъ дѣла не видно, но имѣется въ дѣлѣ отмѣтка секретаря Алексѣя Полѣнова слѣдующаго содержанія:

«Сіе вѣдѣніе отдано отъ господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника генералъ-прокурора 12-го марта 1776 года, съ тѣмъ, что по тому уже докладывано ея императорскому величеству и послѣдовала особая резолюція, то означенное вѣдѣніе хранить только въ экспедиціи.

IV.

Торжество въ г. Галичѣ по окончаніи рекрутскаго набора въ 1797 году.

По окончаніи въ г. Галичѣ рекрутскаго набора, галичскій уѣздный предводитель дворянства препроводилъ въ Московскую газетную экспе-

дицію, для напечатанія, статью о происходившемъ по этому случаю въ городѣ торжествѣ. За отказомъ газетной экспедиціи ее напечатать, костромской вице-губернаторъ Краснокутскій 2-го января 1798 года представилъ объ этомъ генералъ-прокурору князю П. В. Лопухину, съ приложеніемъ нижеслѣдующей статьи:

«Костромской губерніи изъ города Галича отъ 30-го ноября 1797 г.

«Начавшійся здѣсь съ 15-го сего ноября рекрутскій наборъ господиномъ статскимъ совѣтникомъ, костромскимъ вице-губернаторомъ и кавалеромъ Григорьемъ Ивановичемъ Краснокутскимъ, къ 28-му числу сего мѣсяца приведенъ къ окончанію съ великимъ успѣхомъ; количество рекрутъ, набранныхъ съ сего уѣзда, простирается болѣе двухъ сотъ человѣкъ.

«Сіе мудрое вновь сдѣланное постановленіе, чтобъ рекрутскіе наборы производить по уѣзднымъ городамъ, сопряжено съ такими для всѣхъ вѣрноподданныхъ его императорскаго величества выгодами, коихъ чтобъ не ощутить и къ виновнику оныхъ не исполниться живѣйшею благодарностью, есть совершенная невозможность.

«Галичское благородное общество, также и купечество, чувствуя Монаршія и прямо отеческія милости на нихъ изливаемыя, воспалились желаніемъ, чтобъ чувства сіи обнаружить. Вслѣдствіе чего всѣ, единымъ стремленіемъ благодарности влекомые, согласились, чтобъ наборъ сей окончить торжествомъ; и для того просили господина дворянскаго предводителя премьеръ-маіора Посникова, чтобъ онъ испросилъ на оное дозволеніе у господина вице-губернатора, яко начальника, который одобряя, съ величайшимъ усердіемъ таковое намѣреніе, далъ на то свое позволеніе. Сколь восхитительно было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ дѣлаемы были къ оному приготовленія; и наконецъ 29-е число, какъ день воскресный, былъ избранъ для торжества сего, отправленнаго ко всеобщему удовольствію слѣдующимъ образомъ:

«Въ семь часовъ пополуночи, всѣ благородные дворяне собрались къ господину дворянскому предводителю, градской-же глава съ купечествомъ къ господину городничему и оттуда обще съ ними къ господину вице-губернатору, который въ препровожденіи дворянскаго предводителя съ благородными дворянами и градскаго главы съ купечествомъ слѣдовалъ въ соборную церковь, гдѣ, по совершеніи галичскимъ протоіереемъ Іоанномъ Крутиковымъ со всѣмъ соборомъ божественныя литургіи, была говорена имъ приличная торжеству сему краткая проповѣдь, а потомъ всѣмъ того города духовенствомъ было отправляемо молебное пѣніе съ многолѣтіемъ за дражайшее для всѣхъ вѣрноподданныхъ здравіе его императорскаго величества и всей августѣйшей фамиліи. Сердечныя чувства благодарности ясно изображались на лицахъ всего собранія, всеобщее моленіе къ Подателю всѣхъ благъ

ограничивалось единымъ желанiемъ, чтобъ здравiе Монарха и всей Высочайшей фамилiи, яко единственное благо подданныхъ, сохранено было на неисчислимыя лѣта. Се были дѣти, молящiяся объ Отцѣ, нѣжно ими любимомъ. Потомъ господинъ вице-губернаторъ, съ благородными дворянами, именитымъ купечествомъ и первенствующимъ духовенствомъ, отправился въ означенный для собранiя домъ, гдѣ и были всѣ иждивенiемъ общества угощаемы обѣденнымъ столомъ на 98-ми кувертахъ. Во время стола, при питiи за здравiе его императорскаго величества и всей императорской фамилiи, играла инструментальная музыка и пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Въ пять часовъ пополудни начался балъ, на который были приглашены чрезъ билеты всѣ благородныя дамы и дѣвицы, имѣющiя свое пребыванiе какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ, также и жены именитыхъ купцовъ; во время бала домъ собранiя былъ иллюминованъ, сожженъ былъ фейерверкъ съ изображенiемъ на щитѣ вензелеваго имени его императорскаго величества. Число обоего пола особъ, бывшихъ на балѣ, простиралось до двухъ сотъ персонъ, кои всѣ были угощаемы вечернимъ столомъ, а дабы всѣ соучаствовали въ благодарственномъ семъ торжествѣ, то отъ общества, съ позволенiя господина вице-губернатора, дано было всѣмъ набраннымъ рекрутамъ по двѣ чарки вина и по пятикопѣечному калачу, а купечество отъ своего общества употребило нѣсколько суммы на раздачу содержащимся въ заключенiи и на искупленiе бѣдныхъ должниковъ.

«Все собранiе разъѣхалось не прежде какъ въ двѣнадцать часовъ пополудни, ощущая въ душѣ своей чистѣйшее удовольствiе, что могли сею малою жертвою изъявить слабый знакъ неограниченной благодарности за изливаемыя его императорскимъ величествомъ милости на его вѣрноподданныхъ».

Князь Лопухинъ на это представленiе 23-го того же января отвѣтилъ Краснокутскому:

«Получивъ письмо ваше, съ приложенiемъ описанiя происходившаго въ Галичѣ торжества окончанiя рекрутскаго набора, я обязанностью поставляю сказать вамъ, милостивый государь мой, что его императорскому величеству вообще таковыя торжественныя и публичныя празднества не благоугодны, а потому въ предосторожность вашу побуждаюсь совѣтывать вамъ отклонять впередъ подобные церемонiалы, если бы какимъ-нибудь образомъ могли они коснуться вашего вѣдѣнiя».

V.

О необходимости постройки возлѣ площадей, гдѣ наказываютъ преступниковъ, особыхъ помѣщеній для ихъ лѣченія.

25-го іюля 1798 года с.-петербургскій губернаторъ Гревенцъ вошелъ къ генералу-прокурору князю Куракину съ слѣдующею запискою:

«Обращая вниманіе мое на тѣхъ преступниковъ, которые, бывъ за злодѣянія ихъ наказаны кнутомъ на конныхъ у Знаменія и подъ Невскимъ площадкахъ, проводятся оттуда обратно въ здѣшнюю градскую тюрьму, для того единственно, чтобъ, пробытіемъ въ ней нѣкотораго времени, облегчались они сколько-нибудь отъ болѣзни, зачѣмъ и слѣдуетъ уже отправленіе ихъ куда надлежитъ, —нахожу я, что таковой проводъ сихъ преступниковъ чрезъ все то немалое по лучшей части города разстояніе, въ безобразныхъ по наказаніи ихъ видахъ служитъ для зрителей сего предмета немалымъ отвращеніемъ; а потому, представя обстоятельство сіе на благоуваженіе вашему сіятельству, мню я, что неразсуждено ли будетъ въ отвращеніе сего сдѣлать въ недальнемъ отъ обоихъ тѣхъ мѣстъ разстояніи, пристойное строеніе, въ коромъ бы они, по наказаніи ихъ, въ теченіе нужнаго на облегченіе до отсылки ихъ времени находиться могли».

На этой запискѣ положена княземъ Куракинымъ резолюція: «Отвѣтить, что сіе новое введеніе я нахожу ненужнымъ, да сверхъ того сіе принадлежитъ до полиціи».

VI.

О верстовыхъ столбахъ по почтовымъ дорогамъ.

Въ 1798 году, генералъ-прокуроръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ относительно обсадки дорогъ деревьями. Въ докладѣ этомъ князь Куракинъ объяснилъ, что Слободско-украинскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тепловъ, по вступленіи своемъ въ управленіе губерніею, приведя большія почтовыя дороги въ исправность, велѣлъ обсадить ихъ по плану деревьями, гдѣ какія удобнѣе расти могутъ. «А какъ высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ велѣно исправлять дороги по правиламъ, въ Лифляндской, Литовской и Курляндской губерніяхъ употребляемымъ, въ коихъ о сажденіи деревъ ничего не упомянуто, то

и проситъ онъ разрѣшенія, можетъ-ли затѣмъ учиненный имъ планъ обсадки деревьями дорогъ существовать или долженъ отставиться.

«Сверхъ обыкновенной пользы сей обсадки нужною почитаетъ ее губернаторъ еще для того, что тамъ деревянныя версты съ обдѣлкою обходятся до осьми рублей каждая, вмѣсто которыхъ располагается онъ означать ихъ досками, къ растущимъ деревамъ на проволокахъ привязанными.

«Всеподданнѣйше донося о семъ вашему императорскому величеству, осмѣливаюсь представить при семъ видъ дорогъ по его расположенію и испросить высочайшаго повелѣнія».

Выслушавъ этотъ докладъ, императоръ Павелъ I 2-го апрѣля 1798 года, повелѣлъ: «сажденіе по дорогамъ деревъ, которыя не могутъ быть прочными знаками разстоянія, потому что проѣзжіе обыкновенно стоящія при дорогахъ деревья вредятъ и срубливаютъ, отставить, а мѣсто ихъ означалъ бы онъ разстояніе верстъ кучами камня разнаго сорта, поставляя въ нихъ знаки верстъ. О чемъ ему и сообщить».

VII.

Загробное преслѣдованіе кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго [1]).

10-го марта 1798 г. императоръ Павелъ I далъ генералъ-прокурору князю Куракину слѣдующее повелѣніе:

«По разстройкѣ, въ которой оставлены дѣла княземъ Потемкинымъ, въ управленіи его бывшія, не прилично быть монументу въ память

---

[1]) Въ «Русской Старинѣ» за 1875 г. т. XIV, въ статьѣ „Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, на стр. 262, между прочимъ было напечатано:

Екатерина II, въ день мирнаго торжества съ Портою Оттоманскою (29-го декабря 1791 г.) повелѣла: „въ память Потемкина заготовить грамоту съ прописаніемъ въ оной завоеванныхъ имъ крѣпостей въ прошедшую войну и разныхъ сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, войсками его одержанныхъ; грамоту сію хранить въ соборной церкви города Херсона, гдѣ соорудить мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсеналѣ того-жъ града помѣстить его изображеніе и въ честь ему выбить медаль“.

„Повелѣнія государыни были исполнены; по свидѣтельству Гельбига, грамота хранилась въ серебряномъ ларцѣ въ Херсонскомъ соборѣ; памятникъ въ томъ же храмѣ былъ воздвигнутъ; портретъ былъ выставленъ. Неизвѣстно, сохранились-ли грамота и портретъ, но памятникъ въ 1798 году подвергся той же участи, которая постигла и останки Потемкина. Еще почти три недѣли до предписанія новороссійскому генералъ-губернатору, князь Куракинъ отъ высочайшаго имени сообщилъ графу К. Каховскому объ уничтоженіи памятника князю Таврическому; исполненіе не замедлило, о чемъ графъ Каховскій и увѣдомилъ И. Я. Селецкаго.

его воздвигнутому, и для того сооруженный отъ казны въ городѣ Херсонѣ повелѣваемъ уничтожить. О чемъ и учините вы надлежащее распоряженіе. Пребываемъ вамъ благосклонный».

Объ исполненіи высочайшей воли князь Куракинъ отнесся къ графу Каховскому, который 7-го мая 1798 г. донесъ:

«Вслѣдствіе высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія, сообщеннаго мнѣ вашимъ сіятельствомъ отъ 10-го марта сего года, о уничтоженіи сооруженнаго въ Херсонѣ въ память князя Потемкина памятника, на предписаніе мое херсонскій комендантъ, господинъ полковникъ Тернеръ, доноситъ: что хотя по росписанію 1793 года, сентября 2-го дня учиненному, и назначено въ память князю Потемкину воздвигнуть въ Херсонѣ мраморный памятникъ, въ арсеналѣ же сего города поставить изображеніе его, и въ честь ему вытѣснить медаль, однако въ дѣйствіе сего произведено еще не было; а только гробъ съ тѣломъ помянутаго князя въ нарочито сдѣланномъ для того въ соборной церкви погребѣ поставленъ; который нынѣ въ силу высочайшаго жъ повелѣнія, объявленнаго въ предписаніи къ оному коменданту отъ гражданскаго губернатора г. тайнаго совѣтника Селецкаго 19-го апрѣля присланномъ, погребенъ въ особо вырытую въ томъ же погребѣ яму и погребъ засыпанъ землею. А какъ сверхъ того объявленный комендантъ представляя, что въ Херсонской же соборной церкви находится жалованный князю Потемкину кейзеръ-флагъ, испрашивалъ повелѣнія, гдѣ оный впредь хранить, то я предписалъ ему сей кейзеръ-флагъ отдать въ вѣдомство адмиралтейское. О чемъ вашего сіятельства симъ увѣдомя, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга графъ Михаилъ Каховскій.

Сообщилъ **А. В. Безродный.**

(Секретно): „Милостивый государь мой, Иванъ Яковлевичъ! Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ и кавалеръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, отъ 10-го минувшаго марта, сообщилъ мнѣ высочайшее его императорскаго величества повелѣніе, на имя его данное, чтобы сооруженный въ Херсонѣ отъ казны въ память князю Потемкину памятникъ былъ уничтоженъ. А потому, предписавъ о точномъ и немедленномъ исполненіи сего высочайшаго соизволенія херсонскому коменданту, нужнымъ почитаю объ ономъ извѣстить симъ и ваше превосходительство. Имѣю честь быть и проч. графъ Михайло Каховскій" (№ 617, апрѣля 27-го дня 1798 г. Акмечеть).

Свѣдѣнія эти, какъ видно изъ нижеслѣдующей переписки, хранящейся въ архивѣ правительствующаго сената, не вѣрны. Памятника Потемкина въ то время въ Херсонѣ вовсе еще не было, а потому онъ и не могъ быть уничтоженъ.

Записки графа Л. Л. Беннигсена

о

войнѣ съ Наполеономъ 1807 года.

X[1]).

Дѣйствія подъ Янковымъ, Бергфридомъ, Вольфсдорфомъ и Гоффомъ.

20-го января (1-го февраля) утромъ генералъ-лейтенантъ князь Багратіонъ переслалъ мнѣ непріятельскія депеши, найденныя при одномъ французскомъ офицерѣ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ казаками, сдѣлавшими нечаянное нападеніе на городъ Лаутенбургъ, въ которомъ всего менѣе ожидали появленія отряда казаковъ. Эта депеша заключала въ себѣ приказъ военнаго министра князя Нефшательскаго отъ имени самого Наполеона къ маршалу князю Понте-Корво, написанный 30-го января въ полночь въ Пржашницѣ. Вотъ буквальное его содержаніе:

«Императоръ Наполеонъ прибылъ въ Пржашницъ. Перваго февраля онъ переходитъ въ наступленіе, начиная съ Вилленберга. Въ какомъ бы мѣстѣ вы ни находились, сосредоточьте всѣ ваши войска до тѣхъ поръ, пока мы получимъ вѣрное извѣстіе, что маршалъ Лефевръ, 2-й полкъ и 15-й легкой французской пѣхоты прибыли уже въ Торнъ; до этого времени вы не должны имѣть какой-либо другой цѣли, какъ прикрывать этотъ городъ. Когда вы узнаете, что эти два полка прибыли въ Торнъ, то не безпокойтесь о немъ болѣе. Маршалъ Лефевръ съумѣетъ себя защитить дней восемь, если потребуется. Вы, конечно, уже послали туда всѣхъ гессенцевъ, которые блокировали Грауденцъ. Предупредите маршала Лефевра о томъ, когда вы его покинете и предоставите собственнымъ его силамъ, а также сообщите ему

---

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1897 г.

о томъ, что дѣлаетъ императоръ. Затѣмъ, г. маршалъ, въ какой бы позиціи вы ни были, вы сосредоточите всѣ ваши силы. Пошлите расторопнаго, смѣтливаго офицера къ императору въ Вилленбергъ, чтобы, по возвращеніи его, вы могли вовремя явиться къ назначенному вамъ мѣсту свиданія. Если же по какимъ-либо обстоятельствамъ до васъ не дойдутъ посланныя вамъ приказанія, вы будете руководствоваться вашею опытностью въ военномъ дѣлѣ и будете преслѣдовать непріятеля, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, 2-го февраля будетъ отступать. — Принцъ Нефшательскій маршалъ Бертье.

«Говоря, вы будете преслѣдовать непріятеля, я хочу выразить что вы будете слѣдить за нимъ, а если непріятель начнетъ отступать, тогда только вы можете слѣдовать за нимъ съ осмотрительностью».

На основаніи неоднократныхъ извѣстій, полученныхъ нами объ отъѣздѣ императора Наполеона изъ Варшавы и о движеніи всѣхъ корпусовъ, составлявшихъ главную французскую армію, я, какъ уже выше изложено въ предшедшей главѣ, развернулъ свою армію на лѣвомъ флангѣ и занялъ позицію, которая давала мнѣ возможность въ большихъ силахъ появиться на любомъ мѣстѣ, гдѣ бы это потребовалось дальнѣйшими обстоятельствами. Получивъ эту депешу, я рѣшился сосредоточить всю армію въ Янково и пройти чрезъ Алленштейнъ, чтобы идти на встрѣчу французской арміи.

По картѣ видно, что я могъ направить свое движеніе прямо на Прейсишъ-Эйлау и выиграть этимъ два дня, но я желалъ избѣгнуть, чтобы до генеральнаго сраженія непріятель не имѣлъ слишкомъ большихъ успѣховъ. Скоро я сообщу о причинахъ, побудившихъ меня, впрочемъ, чрезъ два дня избрать мѣстомъ для сраженія Прейсишъ-Эйлау. Теперь же я разослалъ моимъ генераламъ слѣдующія приказанія:

Генералъ-лейтенантъ Сакенъ долженъ немедленно приблизиться къ Алленштейну съ резервомъ, состоящимъ изъ 3-й и 14-й пѣхотныхъ дивизій, и стать въ Шпигельбергѣ и его окрестностяхъ.

Генералъ-лейтенантъ Тучковъ долженъ оставаться у Янкова. Генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ съ его дивизіею—покинуть Остероде и направиться чрезъ Бардункенъ и Детерсвальдъ, чтобы занять позицію въ окрестностяхъ Янкова.

Генералъ-лейтенантъ Эссенъ 3-й съ своимъ отрядомъ, стоявшимъ въ Либемюлѣ, двинется чрезъ Табербукъ, Лукенъ, Штенкаденъ, чтобы занять деревню Винкенъ и его окрестности. Генералъ-лейтенантъ Багратіонъ отправится изъ Прейсишъ-Эйлау, чтобы прибыть чрезъ Табербукъ въ Янково.

Всѣ эти отряды, шедшіе какъ изъ Либемюля, такъ и изъ Прейсишъ-Эйлау, нигдѣ не видѣли непріятеля на своемъ пути. Маршалъ

Понте-Корво долженъ былъ за нимъ слѣдовать, но и вторая, отправленная ему изъ Вилленбурга, депеша, о которой я упомяну еще, была также перехвачена нашими казаками. Кромѣ того, эти наши отряды были слишкомъ значительны, чтобы ихъ могъ остановить одинъ непріятельскій корпусъ.

Между тѣмъ князь Голицынъ получилъ отъ своихъ аванпостовъ извѣстіе, что маршалъ Сультъ со своимъ корпусомъ и великій герцогъ Бергскій съ его резервною кавалеріею приближаются къ Пассенгейму. Вслѣдствіе этого князь Голицынъ приказалъ князю Долгорукову отступить отъ этого мѣста и присоединиться къ кавалерійской бригадѣ генералъ-маіора барона Корфа, стоявшей въ Клейнъ-Тринкгаусѣ. Онъ исполнилъ это въ большомъ порядкѣ, хотя и былъ принужденъ во все время своего перехода сражаться съ непріятелемъ.

Такое же приказаніе было дано генералу маіору Меллеру очистить Гогенштейнъ и отступить съ своимъ отрядомъ на Алленштейнъ. Предъ своимъ выступленіемъ изъ Гогенштейна этотъ генералъ выслалъ впередъ сильный казачій разъѣздъ, чтобы получить вѣрныя извѣстія о приближеніи непріятеля. Посланный казачій офицеръ шелъ всю ночь и съ разсвѣтомъ прибылъ въ Лейденбургъ, гдѣ настигъ кавалерійскій непріятельскій аванпостъ; онъ его разсѣялъ, взялъ въ плѣнъ 9 человѣкъ, не потерявъ ни одного солдата изъ своего маленькаго отряда. Отъ этихъ плѣнныхъ мы узнали, что маршалъ Ней со своимъ корпусомъ шелъ по этой дорогѣ. Отъ пятерыхъ плѣнныхъ, захваченныхъ казаками князя Багратіона, мы узнали, что корпусъ маршала Понте-Корво еще не предпринималъ никакихъ движеній. Князь Голицынъ въ этотъ день сосредоточилъ свой корпусъ въ окрестностяхъ Алленштейна, чтобы направиться на Янково, и приказалъ генералу-маіору барону Корфу прикрывать его движеніе слѣдующими войсками: своею бригадою, отрядомъ князя Долгорукова и кирасирскимъ полкомъ, подъ командою полковника Линденбаума. Баронъ Корфъ исполнилъ это съ большою осторожностью, несмотря на превосходство силъ непріятеля, тѣснившаго его при этомъ движеніи. Князь Голицынъ оставилъ, однако, генерала-маіора Барклая съ его отрядомъ въ Алленштейнѣ, чтобы по возможности долѣе занимать это мѣсто. Генералъ-лейтенанту Лестоку было сообщено, чтобы онъ также отходилъ назадъ съ своимъ отрядомъ и, направляясь по самой короткой дорогѣ чрезъ Остероде, присоединился бы къ русской арміи у Алленштейна, чтобы принять участіе въ генеральномъ сраженіи.

Въ ночь съ 20-го (1-го февраля) на 21-е (2-го февраля) января князь Багратіонъ доставилъ намъ вторую депешу, перехваченную его казаками вмѣстѣ съ французскимъ офицеромъ, отправленнымъ изъ Вилленберга военнымъ министромъ, княземъ Нефшательскимъ, къ мар-

шалу Понте-Корво. Содержаніе этой депеши раскрыло намъ намѣренія и весь планъ военныхъ дѣйствій непріятеля. Вотъ эта депеша:

Вилленбергъ, 31-го января 1807 г., въ шесть часовъ вечера.

«Его свѣтлости князю Понте-Корво.

«Императоръ приказалъ мнѣ предувѣдомить ваше сіятельство, что великій герцогъ Бергскій и маршалъ Сультъ направляются завтра, со всѣми силами, на Пассенгеймъ. Маршалъ Ней получилъ приказаніе придвинуться къ Алленштейну—или направляясь на Гогенштейнъ, или пройдя позади озеръ, черезъ Демгенгофъ. Императоръ желалъ бы, г. маршалъ, чтобы вы образовали лѣвый флангъ его арміи, сдѣлавъ переходъ ночью, который бы ввелъ въ заблужденіе непріятеля.

«Вы поэтому постараетесь занять Гильгенбургъ и установить сообщенія съ маршаломъ Неемъ; при этомъ вамъ придется покинуть дорогу въ Торнъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ полкъ легкой кавалеріи, которому будетъ поручено поддерживать бивачные огни ночью, во время вашего ночнаго движенія, долженъ будетъ медленно направляться къ Торну и будетъ возвращать обратно конвои, транспорты, малые отряды и отдѣльныхъ людей, направленные къ этому пункту. Онъ же сообщитъ маршалу Лефевру, а также коменданту города, планъ общаго движенія всей арміи; вы также, конечно, позаботитесь поставить ихъ объ этомъ въ извѣстность заранѣе. Если обстоятельства, въ которыхъ вы будете находиться, заставятъ васъ считать подобное предпріятіе затруднительнымъ, то императоръ предоставляетъ вамъ полную свободу продолжать прикрытіе Торна, ставъ прочно на ведущей къ нему дорогѣ. Вполнѣ понятно само собою, что, зная теперь о всѣхъ движеніяхъ, дѣлаемыхъ по приказанію императора, ваше сіятельство рѣшительно и сильно будете наступать на непріятеля, коль скоро необходимость заставитъ его, ослабивъ войска, стоящія противъ васъ, начать отступленіе. Въ семъ послѣднемъ случаѣ вы дадите приказаніе кавалерійской дивизіи генерала Еспаня, стоящей у Торна, присоединиться къ вашему корпусу. Если дивизія генерала Отпуля съ вами, то пошлите ее къ корпусу маршала Нея, гдѣ она и будетъ дѣйствовать вмѣстѣ. Въ первомъ же случаѣ вы возьмете съ собою дивизію Отпуля, если она находится съ вашимъ корпусомъ, и пошлете приказаніе дивизіи Еспаня присоединиться къ вамъ въ тылу. Двѣ французскія бригады и поляки, которые теперь находятся въ Торнѣ, вполнѣ достаточны для обороны города. Мнѣ совершенно излишне говорить вамъ, г. маршалъ, что императоръ имѣетъ желаніе отрѣзать непріятеля; его величество предпочиталъ бы, чтобы вы сами направились на лѣвое крыло его войскъ, но онъ вполнѣ полагается на ваши познанія и усердіе къ дѣлу; онъ увѣренъ въ вашихъ дѣйствіяхъ сообразно съ обстоятельствами, въ которыхъ вы будете находиться..

Маршалъ Даву съ его корпусомъ направляется на правый флангъ маршала Сульта; гвардія же и корпусъ Ожеро—въ его тылъ. Весьма вѣроятно, господинъ маршалъ, что императоръ проведетъ еще весь завтрашній день въ Вилленбергѣ».

Эти наѣзды казаковъ доставили новыя доказательства о пользѣ этого войска при арміи и тѣхъ большихъ услугахъ, которыя они ей оказывали. Казаки предохраняютъ отряды отъ внезапныхъ нападеній; они доставляютъ свѣдѣнія о движеніи непріятельскихъ войскъ въ отдаленномъ еще разстояніи; съ величайшимъ искусствомъ захватываютъ въ плѣнъ всякій разъ, когда ощущается необходимость въ плѣнныхъ, чтобы получить какія-либо свѣдѣнія; ловко перехватываютъ непріятельскія депеши, нерѣдко весьма важныя; утомляютъ набѣгами непріятельскія войска; изнуряютъ его кавалерію постоянными тревогами, которыя они причиняютъ, а также тою дѣятельностью, осмотрительностью, бдительностью и бодрствованіемъ, съ которыми непріятельская кавалерія обязана отправлять постоянно свою службу, чтобы не быть захваченною врасплохъ казаками. Кромѣ того, они пользуются малѣйшею оплошностью непріятеля и немедленно заставляютъ его въ томъ раскаяваться. Какое множество любопытнѣйшихъ депешъ было перехвачено казаками во время этой войны!.. Сколько взято офицеровъ, имѣвшихъ словесныя приказанія для передачи!.. Я могъ бы привести примѣры замѣчательной сообразительности казаковъ. Поэтому читатель замѣтитъ, что будетъ мало дней, въ которыхъ я бы не упомянулъ о казакахъ и важныхъ услугахъ, ими оказанныхъ моей арміи. Очень жаль, что въ большихъ сраженіяхъ они не могутъ служить съ тою дѣйствительною пользою, какъ во всякомъ другомъ родѣ службы на войнѣ; на сколько ихъ личная храбрость дѣлаетъ ихъ къ тому способными, на столько имъ препятствуетъ въ этомъ отсутствіе у нихъ всякаго военнаго строя. Мы имѣли нѣсколько примѣровъ что они съ успѣхомъ нападали на пѣхоту въ аванпостныхъ дѣлахъ, когда численность воевавшихъ не была слишкомъ несоразмѣрна. Можно даже во многихъ непріятельскихъ депешахъ найти самыя лучшія удостовѣренія о полезной службѣ казаковъ.

21-го января (2-го февраля) я отправился съ главною моею квартирою изъ Морунгена въ Янково, гдѣ узналъ изъ донесенія генерала Барклая-де-Толли, что главная французская армія приближается къ Алленштейну; что высланные имъ разъѣзды для изслѣдованія движенія непріятеля открыли сильныя колонны по дорогамъ, ведущимъ въ Пассенгеймъ изъ Кланкендорфа, но что самыя сильные отряды находятся по большой дорогѣ изъ Вилленберга чрезъ Вутриненъ въ Алленштейнъ. Генералъ Барклай немедленно послалъ полки кирасирскіе: Военнаго Ордена и Малороссійскій, а также Курляндскій драгунскій на встрѣчу непріятеля,

приближавшагося по дорогѣ изъ Кланкендорфа. При приближеніи этого отряда противникъ развернулъ свою кавалерійскую колонну, состоявшую, повидимому, изъ 40 или 50 эскадроновъ, позади которыхъ виднѣлась сильная колонна пѣхоты. Наша кавалерія имѣла съ собою два орудія конной артиллеріи, противъ которыхъ непріятель выставилъ батарею изъ восьми тяжелыхъ орудій. Послѣ незначительной перестрѣлки наши войска отошли къ Изюмскому гусарскому полку, подъ начальствомъ своего командира, генералъ-маіора Дорохова, который очень отличился въ этотъ день, прикрывая съ такимъ большимъ искусствомъ и такимъ большимъ порядкомъ отступленіе остальной нашей кавалеріи, что непріятель не могъ ее уничтожить. Генералъ Барклай, видя, что не въ силахъ удерживать долѣе позиціи въ Алленштейнѣ противъ превосходныхъ силъ непріятеля, отступилъ на Ликузенъ и Геткендорфъ по дорогѣ въ Янково; отрядъ, оставленный имъ въ Ликузенѣ, былъ снятъ въ слѣдующую ночь, послѣ чего онъ со всѣмъ своимъ отрядомъ приблизился къ намъ и сталъ въ трехъ верстахъ впереди нашей позиціи.

Наканунѣ казачій подполковникъ былъ посланъ съ отрядомъ, чтобы сдѣлать развѣдку въ окрестностяхъ Гогенштейна. Онъ обошелъ это мѣсто и двинулся по большой дорогѣ въ Гильгенбургъ, на которой и встрѣтилъ корпусъ маршала Нея въ полномъ движеніи; онъ издали слѣдилъ за нимъ весь день до самаго Гогенштейна и возвратился назадъ къ намъ, не потерявъ ни одного казака. Немедленно по моемъ прибытіи въ Янково, я послалъ приказаніе всѣмъ генераламъ прибыть на слѣдующій день утромъ со своими войсками на позицію въ Янково. Чтобы обезпечить нашъ лѣвый флангъ отъ всякаго обхода непріятелемъ, я приказалъ занять пѣхотою по рѣкѣ Алле деревни: Кальтфлисъ, Кейненъ и Бергфридъ, въ которыхъ всего удобнѣе можно было устроить переправу черезъ рѣку.

Позиція въ Янково, впрочемъ, не представляла мнѣ никакихъ выгодъ, пока непріятель занималъ позицію въ Алленштейнѣ и могъ всегда, по своему усмотрѣнію, направить свои войска на оба берега рѣки Алле. Эта позиція не прикрывала даже Кёнигсберга. Поэтому, какъ я уже говорилъ, я выбралъ эту позицію для того только, чтобы сосредоточить мою армію и перейти рѣку Алле, чтобы со всѣми моими силами встрѣтить непріятеля въ равнинахъ по другой сторонѣ рѣки. Но, какъ сейчасъ будетъ видно, непріятель меня предупредилъ.

Маршалъ Ней писалъ 2-го февраля 1807 года, въ шесть часовъ вечера, изъ Гогенштейна военному министру слѣдующее:

«Имѣю честь доложить вашей свѣтлости, что 6-й корпусъ занялъ позицію слѣдующимъ образомъ: первая дивизія въ Грислиненъ по дорогѣ въ Алленштейнъ, вторая—на высотахъ позади Гогенштейна.

«Мы встрѣтили аванпосты непріятельскіе, состоявшіе изъ казаковъ и гусаръ, около часа близъ Лихтейненъ, но они послѣ небольшой перестрѣлки отошли на Гогенштейнъ. Позади этого города находился отрядъ кавалеріи человѣкъ въ триста; нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ заставили ихъ быстро отступить. Мы очень сильно преслѣдовали непріятеля до Грислинена и далѣе; онъ, повидимому, принимаетъ направленіе на Алленштейнъ. Вчера, около трехъ часовъ утра, два полка непріятельскихъ, изъ которыхъ одинъ драгунскій, а другой кирасирскій, направились отсюда въ Алленштейнъ. Г. Штекъ, офицеръ штаба князя Понте-Корво, пишетъ мнѣ изъ Сольдау, отъ сего же числа, что, приближаясь вчера, около шести часовъ по-полудни, къ Лаутенбургу, онъ узналъ, что весьма значительный отрядъ казаковъ проникъ въ этотъ городъ, и, по словамъ мѣстныхъ обывателей, два офицера штаба 1-го корпуса были взяты въ плѣнъ, а равно и офицеръ, прибывшій изъ главной императорской квартиры съ депешами къ маршалу Понте-Корво. Г. Штекъ еще добавляетъ, что 1-й корпусъ арміи отступилъ къ Страсбургу и что непріятельскій корпусъ въ 15—20 тысячъ человѣкъ стоитъ въ Полишенѣ, по дорогѣ въ Неймаркъ.

«Ваша свѣтлость изволитъ усмотрѣть, что я не имѣю возможности сноситься съ правымъ крыломъ арміи князя Понте-Корво. Мои два легкіе кавалерійскіе полка, разославъ необходимыхъ ординарцевъ и вѣстовыхъ по штабамъ арміи, насчитываютъ едва 400 человѣкъ въ строю. Дѣйствительная служба, которую они обязаны ежедневно отправлять, уменьшаетъ это число всякій день. Непріятельская кавалерія многочисленна во всѣхъ мѣстахъ, потому что едва мы оставили Гильгенбургъ, какъ казаки немедленно его заняли; во все время нашего перехода казаки были у насъ въ тылу, на лѣвомъ флангѣ и впереди. Весьма непріятно не имѣть возможности скрыть отъ непріятеля малѣйшее движеніе, отъ несоотвѣтствія числа кавалеріи съ остальною пѣхотою».

22-го января (3-го февраля) всѣ наши отряды заняли позицію въ Янковѣ въ порядкѣ, сообщенномъ имъ въ приказѣ, который былъ имъ посланъ наканунѣ. Только одинъ князь Багратіонъ не могъ прибыть утромъ; я послалъ приказаніе ему на встрѣчу, чтобы онъ остановился со своимъ отрядомъ въ Готкенѣ и Венгайттенѣ, для прикрытія нашего праваго фланга. Въ то же время я выслалъ сильные отряды казаковъ, для развѣдокъ по дорогѣ изъ Гогенштейна въ Алленштейнъ, по которой я долженъ былъ ожидать приближенія маршала Нея съ его корпусомъ. Генералъ-маіоръ графъ Каменскій получилъ приказаніе прикрывать съ 14-ю дивизіею въ резервѣ наше лѣвое крыло и поддерживать отряды, стоявшіе въ деревняхъ по рѣкѣ Алле. Генералъ Барклай долженъ былъ прикрывать со своимъ отрядомъ большую дорогу изъ Алленштейна въ Янково, которая вела

къ нашему центру. Занимая такую позицію, я имѣлъ намѣреніе только выжидать опредѣлительнаго выясненія дѣйствій непріятеля; они обнаружились въ продолженіе дня и состояли въ томъ, что онъ имѣлъ желаніе со всѣми своими силами перейти рѣку Алле. Непріятель уже успѣлъ перевести часть своей арміи у Алленштейна ночью и рано утромъ; онъ сталъ противъ насъ и занялъ своимъ лѣвымъ флангомъ пространство, отъ деревни Абштихъ до Геткендорфа, гдѣ уже стояло его правое крыло, не много болѣе впереди. До часа по-полудни все было спокойно; но тогда непріятель атаковалъ всѣ наши посты на рѣкѣ, которые должны были обезпечивать нашъ правый флангъ. Графъ Каменскій, поручившій оборону позиціи въ Бергфридѣ и защиту моста, который тутъ находился, генералъ-маіору Герсдорфу съ Углицкимъ пѣхотнымъ полкомъ, увидѣлъ важность этой позиціи и послалъ туда въ подкрѣпленіе баталіонъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Непріятель направилъ значительныя силы на ту позицію, именно корпусъ Сульта. Сильный отрядъ кавалеріи произвелъ атаку на нашъ отрядъ пѣхоты, защищавшій мостъ. Кавалерія была отражена и быстро отступила, но атака была скоро возобновлена отрядомъ пѣхоты. Мостъ у Бергфрида защищалъ сперва маіоръ Геркевичъ съ тремя ротами и подполковникъ Даниловъ, посланный ему на помощь съ однимъ баталіономъ. Эти оба храбрые офицера рѣшились атаковать французовъ въ штыки; имъ удалось перейти по мосту и оттѣснить немного непріятеля. Но рѣка была во многихъ мѣстахъ покрыта льдомъ; непріятель воспользовался этимъ, перешелъ ее по льду въ одномъ мѣстѣ, прикрытомъ лѣсомъ, чтобы взять во флангъ позицію при Бергфридѣ, но былъ при этомъ атакованъ полковникомъ Ураковымъ и принужденъ отступить. Наконецъ французы направили на позицію въ Бергфридѣ столь значительныя силы какъ пѣхоты, такъ и артиллеріи, что генералъ Герздорфъ счелъ необходимымъ ее покинуть и отступить. Генералъ-маіоръ графъ Каменскій, замѣтивъ, что огонь какъ артиллеріи, такъ и пѣхоты становился съ каждою минутою сильнѣе, выступилъ съ восемью баталіонами пѣхоты, батареей тяжелой артиллеріи и Петербургскимъ драгунскимъ полкомъ, по собственному почину, на помощь этой позиціи, которая находилась почти въ пяти верстахъ отъ нашего лѣваго фланга. Но на пути онъ получилъ извѣстіе, что непріятель значительными силами занялъ уже эту позицію и не только овладѣлъ позиціею въ Кальтфлисѣ, но и нашелъ способы переправить по льду часть своихъ войскъ. Графъ Каменскій, опасаясь, что, при значительномъ отдаленіи отъ нашего лѣваго фланга, онъ легко можетъ быть разбитъ, рѣшилъ благоразумно отступить назадъ и ограничиться тѣмъ только, чтобы обезпечить отступленіе генералу Герздорфу. Во время этихъ атакъ непріятеля на наши позиціи по рѣкѣ Алле мы потеряли убитыми одного маіора и пять оберъ-офи-

церовъ, а ранеными—полковника князя Уракова, маіора Тенишева и семь оберъ-офицеровъ. Нижнихъ чиновъ насчитывалось убитыхъ и раненыхъ до 800 человѣкъ.

При этихъ обстоятельствахъ благоразуміе требовало не удерживать долѣе позицію при Янковѣ, тѣмъ болѣе, что слѣдовало ожидать, что маршалы Ней и Бернадоттъ съ ихъ корпусами устремятся на мой правый флангъ, хотя появленіе сего послѣдняго маршала должно было нѣсколько замедлиться — (что на самомъ дѣлѣ и случилось), — такъ какъ посланныя ему приказанія были перехвачены нами. Поэтому я приказалъ собрать начальниковъ дивизій, съ цѣлью предупредить ихъ, что армія ночью начнетъ отходить и соберется у Прейсишъ-Эйлау, — которое я выбралъ мѣстомъ для генеральнаго сраженія. Но чтобы не допустить непріятеля слишкомъ близко къ нашимъ позиціямъ и не дать ему замѣтить о нашемъ отступленіи, я въ тотъ же вечеръ приказалъ атаковать непріятельскій отрядъ, всего болѣе приблизившійся къ нашему правому крылу. Генералу Барклаю-де-Толли поручено было произвести эту атаку съ его отрядомъ, къ которому присоединена была еще одна дивизія. Онъ исполнилъ это съ полнымъ успѣхомъ.

Я приказалъ изъ Янкова двинуться прежде всего на Вольфсдорфъ, чтобы занять позицію въ находящихся около этого мѣста равнинахъ, чтобы приблизиться къ отряду генерала Лестока и обезпечить его движеніе. Генералъ Лестокъ, какъ я уже упоминалъ выше, долженъ былъ первоначально присоединиться къ русской арміи и дѣйствовать противъ непріятеля по той сторонѣ рѣки Алле. Но измѣнившіяся обстоятельства, мною выше изложенныя, заставили оставить это, и я соообщилъ генералу Лестоку, чтобы онъ шелъ прямо къ Прейсишъ-Эйлау и поспѣвалъ непремѣнно къ 27 января (3 февраля). Посредствомъ казачьихъ разъѣздовъ я на другой день узналъ, что маршалъ Ней съ своимъ корпусомъ двинулся влѣво, чтобы приблизиться къ р. Пассаргѣ—это указывало на намѣреніе его тревожить движеніе отряда генерала Лестока и воспрепятствовать его присоединенію къ русской арміи.

Движеніе нашей арміи отъ Янкова было направлено тремя колоннами. Первая, долженствовавшая служить авангардомъ, подъ командою генералъ-лейтенанта князя Голицына, состояла изъ 2-й и 14-й пѣхотныхъ дивизій, 7-го и 24-го егерскихъ полковъ и кавалеріи праваго крыла, и должна была чрезъ Бланкенбургъ, Альтъ-Гаршенъ, Анкендорфъ, Комальменъ и Марникъ идти въ Вольфсдорфъ. Вторая колонна подъ командою генералъ-лейтенанта Сакена, состояла изъ 3-й и 4-й пѣхотныхъ дивизій, гусарскаго Павлоградскаго полка и Малороссійскаго кирасирскаго полка и направлялась тоже въ Вольфсдорфъ чрезъ Бланкенбургъ Альтъ-Гаршенъ и Варлакъ. Генералу Сакену приказано было высту-

пить въ одиннадцать часовъ вечера. Третья колонна подъ начальствомъ генералъ-лейт. Тучкова, состоявшая изъ 5-й, 7-й и 8-й дивизіи, тяжелой артиллеріи и кавалеріи праваго крыла, должна была направиться въ полночь (12 часовъ) также въ Вольфсдорфъ чрезъ Янково, Шлиттъ, Деппенъ, Вальтерсмюле и Клейнфельдтъ. Движеніе нашего аріергарда было предоставлено усмотрѣнію генералъ-лейтенанта князя Багратіона, сообразуясь при этомъ съ тѣми движеніями, которыя предприметъ непріятель для слѣдованія за нашими войсками. Подъ начальствомъ этого генерала состояли отряды генераловъ: Барклая, Маркова и Багговута. Путемъ этихъ распоряженій я надѣялся, что нашъ аріергардъ будетъ въ состояніи выступить въ три или четыре часа утра.

23-го января (4-го февр.). Недоразумѣніе, къ несчастью слишкомъ часто встрѣчающееся при исполненіи приказаній генерала, командующаго цѣлою арміею, замедлило движеніе войскъ изъ Янкова въ Вольфсдорфъ. Генералъ Сакенъ, который долженъ былъ начать выступленіе въ 11 часовъ, чтобы очистить мѣста для войскъ, долженствовавшихъ идти по той же самой дорогѣ изъ Янкова, выступилъ только въ два часа утра, такъ что аріергардъ нашъ былъ принужденъ остановиться въ окрестностяхъ Янкова до полнаго разсвѣта, чтобы дать колоннамъ, впереди его шедшимъ, возможность пройти немалое разстояніе по дорогѣ. Прибавьте къ этому, что выпавшій глубокій снѣгъ сдѣлалъ всѣ дороги очень трудно проходимыми. Впрочемъ благоразумныя распоряженія начальниковъ, находчивость и прекрасный образъ дѣйствія генераловъ, находившихся въ аріергардѣ, удовлетворили всему необходимому. Они съумѣли предотвратить большую потерю, которую могло повлечь за собою это позднее наше движеніе.

Князь Багратіонъ поручилъ генералу Барклаю прикрывать отступленіе арміи съ позицій при Янковѣ, а потомъ движеніе первой и второй колонны. Едва генералъ Барклай миновалъ Янково, какъ подвергся сильному нападенію со стороны французовъ въ значительныхъ силахъ, передъ ущеліемъ, гдѣ онъ остановился, чтобы пропустить остатки второй колонны арміи. Онъ принужденъ былъ стать въ боевой порядокъ, чтобы задержать непріятеля. Полки гусарскіе: Изюмскій и Ольвіопольскій, поставленные эшелонами, имѣя въ интервалахъ конную артиллерію, прикрывали его фланги. Несмотря на всѣ попытки непріятеля обойти этотъ отрядъ или прорвать и опрокинуть его, это ему не удалось; онъ всюду встрѣтилъ надлежащій отпоръ. Только къ десяти часамъ дня весь хвостъ нашей второй колонны прошелъ чрезъ ущелье, послѣ чего генералъ Барклай сталъ проводить и свои эшелоны, начиная съ кавалеріи. Онъ очень лестно отзывался о дѣйствіяхъ при этомъ генерала князя Щербатова, который командовалъ пѣхотною бригадою, и полковника князя Яшвиля, командира роты конной артиллеріи; эти два

лица такъ часто отличались въ этой войнѣ, что я буду имѣть случай еще не разъ о нихъ упоминать.

Генералъ Барклай послѣ этого продолжалъ свое отступленіе совершенно спокойно до окрестностей Анкендорфа, гдѣ долженъ былъ снова проходить ущельемъ и довольно густымъ лѣсомъ, который, по моему распоряженію, былъ занятъ его пятью баталіонами пѣхоты и пятью эскадронами изъ колонны князя Голицына; генералъ Барклай отступилъ къ этому отряду въ то самое время, когда непріятель очень сильно его тѣснилъ. Благодаря этому отряду, онъ имѣлъ возможность остановить всѣ дальнѣйшія наступленія противника и совершенно благополучно прибыть со своимъ аріергардомъ вечеромъ на лѣвый флангъ нашей позиціи, которую и прикрывалъ въ продолженіе ночи.

Генералъ Марковъ, занимавшій своимъ отрядомъ интервалъ между отрядами двухъ генераловъ Барклая и Багговута, при которомъ находился самъ князь Багратіонъ, направился прямо на Хейлигенбейль; непріятель сначала не замѣтилъ этого движенія и только потомъ издали за нимъ наблюдалъ.

Генералъ-маіоръ Багговутъ получилъ отъ князя Багратіонъ приказаніе направится съ своимъ отрядомъ въ часъ ночи на Пюпкгеймъ, лежащій на большой дорогѣ изъ Янова въ Вольфсдорфъ, ожидать тамъ приближенія третьей нашей колонны и служить ей аріергардомъ. Хвостъ этой колонны прошелъ Пюпкгеймъ только въ девять часовъ утра, что̀ принудило генерала Багговута выбрать позицію на высотахъ, позади этой деревни, въ которой однако непріятель немедленно атаковалъ его, съ значительно превосходными силами. Но г. Багговутъ успѣлъ удержаться на позиціи и тѣмъ дать время третьей колоннѣ нашей значительно отойти и удалиться на нѣсколько верстъ отъ аріергарда, послѣ чего генералъ Багговутъ эшелонами совершилъ также отступленіе, безъ значительныхъ потерь. Въ реляціи объ этомъ дѣлѣ генералъ Багговутъ доносилъ, что его прекрасно поддержалъ генералъ-маіоръ Сукинъ 2-й съ своимъ Углицкимъ полкомъ и генералъ-маіоръ графъ Ламбертъ съ Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ.

Я приказалъ генералъ-лейтенанту князю Голицыну подкрѣпить также нашъ аріергардъ, стоявшій на дорогѣ въ Деппенъ, войсками изъ его колонны. Онъ направилъ туда послѣдовательно восемнадцать баталіоновъ пѣхоты и двадцать эскадроновъ кавалеріи. Генералъ Багговутъ, отошедши къ этому подкрѣпленію, сильно отражалъ всѣ дальнѣйшія попытки непріятеля разсѣять его. Александрійскій гусарскій полкъ, между прочимъ, проявилъ чудеса храбрости въ этотъ день; онъ врубался нѣсколько разъ въ непріятельскую кавалерію, угрожавшую не разъ обойти флангъ этого отряда. Подполковникъ Ефимовичъ, который при первой позиціи у деревни Пюпкгеймъ, прикрывалъ нашъ

правый флангъ, очень отличился при одной атакѣ и былъ сильно контуженъ ядромъ.

Словомъ сказать, благоразумныя распоряженія генераловъ, бывшихъ въ нашихъ аріергардахъ, и храбрость нашихъ войскъ, неоднократно ими обнаруженная въ этотъ день, дѣлаютъ величайшую честь русской арміи. Они дали возможность нашимъ колоннамъ спокойно стать на позицію въ Вольфсдорфѣ и предотвратили тѣ потери, которымъ мы могли бы подвергнуться въ этотъ день. Несмотря на то, что наши аріергарды ожесточенно дрались съ утра до ночи въ этотъ день, наша потеря состояла изъ 600 человѣкъ убитыми и ранеными. Потеря непріятеля смотря по обнаруженной имъ горячности, съ которою онъ преслѣдовалъ наши аріергарды, и по сопротивленію, встрѣченному имъ вездѣ со стороны нашихъ войскъ, должна быть болѣе и даже значительно болѣе. Въ числѣ плѣнныхъ, захваченныхъ въ этотъ день Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ, находился капитанъ Роберъ, состоявшій въ свитѣ императора Наполеона.

Главная моя квартира была учреждена въ Вольфсдорфѣ. Вечеромъ генералъ князь Багратіонъ собралъ отряды генераловъ Маркова и Багговута въ Варлакѣ,—мѣстѣ, которое было назначено ему мною для прикрытія нашей позиціи въ Вольфсдорфѣ. Войска, отправленныя княземъ Голицынымъ для подкрѣпленія аріергарда, были приведены обратно въ свои дивизіи.

Чтобы тяжелая артиллерія не задерживала болѣе движенія колоннъ и чтобы дать возможность слѣдовать по болѣе употребительной дорогѣ, я отправилъ ее ночью съ надежнымъ прикрытіемъ по большой дорогѣ изъ Вольфсдорфа на Вормдитъ и Мельзакъ, съ приказаніемъ двигаться какъ можно скорѣе за Прейсишъ-Эйлау, куда она и прибыла 26-го января (7 февр.) довольно рано.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было отправлено приказаніе въ Гутштадтъ, чтобы это мѣсто было бы вполнѣ очищено отъ всего принадлежащаго арміи. Но приказаніе это не поспѣло во́-время; это было причиною, что нѣсколько полковыхъ повозокъ и небольшой лазаретъ съ больными и ранеными попали въ руки непріятеля.

Подполковникъ баронъ Розенъ былъ отправленъ съ двумя эскадронами Павлоградскаго гусарскаго полка къ Гейльсбергу, чтобы отправить все находившееся тамъ достояніе нашей арміи въ Инстербургъ.

24-го января (5 февр.) рано утромъ армія тронулась изъ Вольфсдорфа двумя колоннами, чтобы стать на позицію позади Фрауенсдорфа, отстоящаго въ трехъ миляхъ отъ Вольфсдорфа. Князь Голицынъ со своимъ корпусомъ составлялъ авангардъ обѣихъ колоннъ, изъ которыхъ первая шла по дорогѣ на Лаутерсвальдъ, Зоммерфельдъ, Бургсвальдъ, а вторая—чрезъ Дидрихсгофъ, Арендсдорфъ, Опенъ и Кашауненъ.

Движеніе аріергарда для прикрытія отступленія колоннъ было снова возложено на усмотрѣніе князя Багратіона. Генералъ Барклай, какъ и наканунѣ, прикрывалъ движеніе 1-й колонны или правой. Онъ прошелъ болѣе чѣмъ половину всей дороги, не будучи тревожимъ непріятелемъ, который наблюдалъ за нимъ только издали, небольшими отрядами. Достигнувъ, однако, окрестностей Фреймарка онъ увидѣлъ, что сильная непріятельская колонна приближается со стороны деревни Лаунау. По показаніямъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ это подходилъ авангардъ всего корпуса маршала Даву. Къ вечеру завязалась перестрѣлка, но по направленію, принятому всею непріятельскою колонною, можно было заключить, что она имѣетъ намѣреніе обойти нашъ аріергардъ слѣва и занять лѣсъ позади Фреймарка прежде, нежели наши войска успѣютъ его занять. Поэтому генералъ Барклай принялъ мѣры скорѣе занять этотъ лѣсъ 1-мъ и 20-мъ егерскими полками. При приближеніи непріятеля завязался очень сильный ружейный огонь, и наши шесть баталіоновъ егерей остановили наступленіе; весь нашъ аріергардъ прошелъ спокойно чрезъ ущелье и черезъ лѣсъ близъ Фреймарка. Генералъ Барклай скоро дошелъ до деревни Боденъ; онъ долженъ былъ ее занять и прикрывать тутъ лѣвый флангъ нашей позиціи, что онъ и исполнилъ, какъ было ему предписано. Непріятель также остановился, и только изрѣдка раздавались вечеромъ на аванпостахъ съ этой стороны отдѣльные ружейные выстрѣлы. Генералъ-лейтенантъ князь Багратіонъ, находившійся лично при отрядахъ генераловъ Маркова и Багговута, прикрывалъ движеніе нашей второй колонны. Онъ очень рано утромъ занялъ позицію передъ Вольфсдорфомъ, приказавъ 4-му егерскому полку занять это мѣсто; окружающія же его высоты занялъ артиллеріею. Вся его кавалерія осталась на линіи, которую она занимала ночью по обѣимъ сторонамъ Варлака. Въ восемь часовъ утра подошли къ Варлаку первые кавалерійскіе отряды французовъ. Генералъ-маіоръ Юрковскій, командовавшій нашею линіею, успѣлъ стянуть свою кавалерію и опрокинулъ непріятеля, который принужденъ былъ отступить къ подходившимъ къ нему подкрѣпленіямъ, лишившись нѣсколькихъ человѣкъ въ этой стычкѣ. Вскорѣ, однако, французы снова подошли въ большихъ силахъ. Получивъ объ этомъ донесеніе отъ генерала Юрковскаго, князь Багратіонъ приказалъ всему нашему аріергарду отступить чрезъ Вольфсдорфъ, который долженъ былъ оставаться все время занятымъ 4-мъ егерскимъ полкомъ до полнаго отступленія нашей кавалеріи, послѣ чего этотъ полкъ съ хвостомъ нашей кавалеріи долженъ былъ отойти подъ защиту батарей, расположенныхъ по другую сторону Вольфсдорфа. Этими батареями распоряжался и командовалъ искусный и храбрый полковникъ конной артиллеріи Ермоловъ—офицеръ, съ вели-

чайшимъ отличіемъ дѣйствовавшій во всѣхъ дѣлахъ этой кампаніи, о которомъ я буду имѣть случай часто упоминать въ моихъ запискахъ.

Непріятель, занявъ Вольфсдорфъ, употребилъ всевозможныя усилія занять сильною пѣхотною колонною лѣсъ, находившійся по дорогѣ въ Дидрихсдорфъ; но полковникъ Гогѣль, съ 5-мъ егерскимъ полкомъ, и полковникъ Вуичъ — съ 25-мъ полкомъ, упорно препятствовали наступленію непріятеля. Завязалась очень сильная ружейная перестрѣлка и ходили въ штыки. Наша артиллерія оказала также большое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, а Александрійскій гусарскій полкъ сдѣлалъ блистательную атаку на непріятельскую пѣхоту, которая принуждена была, наконецъ, отступить, потерявъ немало убитыми и ранеными; нѣсколько человѣкъ были также взяты въ плѣнъ. Другая колонна непріятельской кавалеріи, обойдя деревню Вольфсдорфъ, угрожала обходомъ лѣвому флангу князя Багратіона, но находившійся тутъ храбрый полковникъ князь Михаилъ Долгорукій съ Курляндскимъ драгунскимъ полкомъ во-время произвелъ атаку на эту колонну и принудилъ ее отступить въ безпорядкѣ. Князь Багратіонъ удачно воспользовался этимъ моментомъ. Онъ приказалъ аріергарду пройти черезъ лѣсъ, при чемъ генералу Маркову поручено было съ отрядомъ прикрывать это движеніе. Часть нашей кавалеріи нашла возможнымъ обойти лѣсъ, черезъ который тянулся болотистый ручей, имѣвшій всего только одинъ мостъ; это довольно долго задерживало движеніе нашихъ войскъ. Послѣ прохода этого затруднительнаго мѣста нашъ аріергардъ долженъ былъ идти долгое время по совершенно ровному мѣсту. Князь Багратіонъ въ своемъ донесеніи объ этомъ говоритъ, что трудно выразить всѣ услуги, оказанныя въ этотъ день генераломъ Юрковскимъ и полковникомъ княземъ Михаиломъ Долгорукимъ съ ихъ кавалеріею и полковникомъ Ермоловымъ съ его конною артиллеріею. По выходѣ аріергарда изъ лѣса на обширныя равнины близъ Дидрихсдорфа, простирающіяся до Аренсдорфа и даже далѣе до деревни Опенъ, по словамъ князя Багратіона, непріятель, успѣвшій получить подкрѣпленія, преслѣдовалъ его въ числѣ 30 тысячъ человѣкъ.

Наконецъ аріергардъ дошелъ до большаго лѣса, находящагося передъ деревнею Опенъ. Князь Багратіонъ приказалъ прежде всего вступить въ лѣсъ артиллеріи и кавалеріи, тогда какъ всѣ егерскіе полки разсыпались стрѣлками, но не въ состояніи были воспрепятствовать непріятелю, близко за нами слѣдовавшему, войти также въ лѣсъ съ столь значительными силами, что князь Багратіонъ былъ принужденъ разсыпать еще и Псковской мушкетерскій пѣхотный полкъ. Стремительный натискъ непріятеля былъ на время пріостановленъ, и нашъ аріергардъ къ закату солнца пришелъ въ Кашауенъ и Бургерсвальдъ.

Эти два мѣста были назначены князю Багратіону для прикрытія праваго крыла и центра нашей позиціи въ Фрауенсдорфѣ. Хотя этотъ большой лѣсъ и оставался занятымъ нашими войсками и непріятельскими, но ночь прошла совершенно спокойно.

Въ тотъ же день я отправилъ генералъ-маіора Варнека съ двумя полками пѣхоты и пятью эскадронами кавалеріи въ окрестности Гейльсберга, чтобы прикрыть нашъ правый флангъ при предстоящемъ намъ завтра движеніи, при чемъ я приказалъ генералу Варнеку завтра присоединиться къ арміи, направляясь по большой дорогѣ чрезъ Нейендорфъ и Грюнвальдъ

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ, между тѣмъ, направилъ свой отрядъ на Морунгенъ, куда и прибылъ въ полномъ составѣ 23-го января (4-го февраля). Маршалъ Ней, отдѣленный со своимъ корпусомъ отъ состава главной арміи для воспрепятствованія соединенія прусскаго отряда съ русскою арміею, прибылъ 23-го января (4-го февраля) въ Деппенъ, перешелъ рѣку Пассаргу 24-го янв. (5-го февр.) и выслалъ отрядъ кавалеріи въ Либштадтъ; но большая часть его корпуса находилась еще въ этотъ день на дорогѣ въ Альтъ-Кашау и Горнъ.

25-го января (6-го февраля) наша армія, начавъ движеніе съ лѣваго фланга, направилась изъ Фрауенсдорфа въ Ландсбергъ, что составляетъ переходъ въ двѣ мили.

Первая колонна, подъ командою генералъ-лейтенанта Сакена. состоящая изъ 2-й, 3-й и 14-й дивизій съ кавалеріею лѣваго крыла, направилась по дорогѣ Шепервантенъ и Петерстенъ. Вторая колонна подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тучкова, состоящая изъ 5-й, 7-й и 8-й пѣхотныхъ дивизій и кавалеріи праваго крыла, двинулась чрезъ Стабункенъ и Гландау. Аріергардъ генералъ-лейтенанта князя Багратіона прикрывалъ это движеніе въ томъ же порядкѣ, какъ и предшествовавшіе дни.

Позиція, которую я приказалъ занять всей арміи, находилась впереди Ландсберга, гдѣ была и моя главная квартира.

Князь Багратіонъ, находившійся, какъ и прежде, съ отрядами генераловъ Маркова и Багговута, позади нашей 2-й колонны для прикрытія ея движенія, былъ весьма слабо преслѣдуемъ легкими отрядами непріятеля; онъ безъ значительныхъ потерь прибылъ къ пяти часамъ пополудни на позицію передъ правымъ флангомъ нашей арміи. Непріятель, однако, направилъ всѣ свои силы на дорогу, по которой шла наша первая колонна. Я послалъ генералу Барклаю-де-Толли приказаніе занять со своимъ отрядомъ позицію у деревни Гофъ, когда онъ дойдетъ до этого мѣста, и задержать непріятеля, чтобы этимъ дать нашимъ войскамъ время выстроиться въ боевомъ порядкѣ. Такъ какъ разстояніе было не велико, то непріятель могъ собраться въ Ландсбергѣ послѣ полудня и завязать генеральное сра-

женіе, чего я долженъ былъ всячески избѣгать, такъ какъ вся наша тяжелая артиллерія была направлена по другой дорогѣ прямо къ Прейсишъ-Эйлау.

Генералъ Барклай прибылъ въ Гофъ, не преслѣдуемый непріятелемъ. Но спустя часъ времени, послѣ того какъ онъ занялъ эту позицію, нѣсколько колоннъ непріятельской пѣхоты и кавалеріи появилось въ значительныхъ силахъ. Генералъ Барклай, чтобы защитить дорогу, выслалъ егерскій полкъ вправо для занятія возвышенности, покрытой кустарникомъ. Едва этотъ полкъ достигъ до назначеннаго ему пункта, какъ сильная непріятельская колонна пѣхоты подошла къ этой же возвышенности. На лѣвомъ флангѣ генералъ Барклай выслалъ 5-й егерскій полкъ, встрѣтившій въ небольшомъ разстояніи нѣсколько непріятельскихъ баталіоновъ, которые, однако, принуждены были отступить.

Непріятель усилилъ свои войска противъ этого фланга, и князь Багратіонъ счелъ нужнымъ послать туда же еще 20-й егерскій и Костромской пѣхотные полки съ батареею конной артиллеріи, оставивъ въ резервѣ возлѣ деревни, Ольвіопольскій гусарскій полкъ. Взявъ Изюмскій гусарскій полкъ и нѣсколько орудій конной артиллеріи, генералъ Барклай подошелъ къ мосту, чтобы не допустить непріятеля, который пытался неоднократно занять его, но удачно направленные выстрѣлы нашей конной артиллеріи дѣлали всѣ попытки его тщетными, до тѣхъ поръ пока ему удалось направить огонь значительной батареи тяжелой артиллеріи на нашу конную артиллерію, которая немедленно удалилась, давъ возможность, однако, большей части нашей кавалеріи пройти по этому мѣсту подъ защитою огня ея орудій. Полковникъ князь Яшвиль чрезъ немного времени опять остановился и направилъ свои выстрѣлы на непріятельскую кавалерію такъ успѣшно, что она должна была остановить свое дальнѣйшее наступленіе. Въ это время генералъ Дороховъ, умѣвшій всегда пользоваться благопріятными минутами, во главѣ Изюмскаго гусарскаго полка и полка казаковъ, атаковалъ непріятельскую кавалерію, опрокинулъ ее и принудилъ отступить обратно черезъ мостъ; затѣмъ онъ самъ со своею кавалеріею перешелъ по мосту и взялъ нѣсколько плѣнныхъ. Ольвіопольскій полкъ, оставленный въ резервѣ, вопреки полученнымъ приказаніямъ, послѣдовалъ за Изюмскимъ полкомъ въ ущелье, шедшее съ моста и помѣшалъ изюмцамъ достаточно скоро пройти обратно черезъ ущелье и черезъ мостъ. Этотъ несчастный случай произвелъ на нѣкоторое время замѣшательство въ храбромъ Изюмскомъ полку, а къ довершенію бѣды достойный генералъ Дороховъ былъ контуженъ ядромъ и принужденъ покинуть поле сраженія. Генералъ Барклай лично пытался тогда вывести нашу кавалерію изъ критическаго положенія. Онъ приказалъ Ольвіопольскому полку какъ можно скорѣе возвратиться на мѣсто, которое ему было назначено. Князь Яшвиль поставилъ свои орудія такимъ

образомъ, что могъ прикрывать отступленія Изюмскаго полка, которое однако не могло бы совершиться безъ потерь, если бы не подошелъ генералъ-маіоръ князь Щербатовъ съ двумя баталіонами своего Костромскаго пѣхотнаго полка и не остановилъ непріятельскую кавалерію, которая три раза пыталась врубиться въ эти два баталіона, но тщетно. Три раза она подскакивала на 60—70 шаговъ отъ пѣхоты и должна была съ потерями отступать, вслѣдствіе сильнаго и мѣткаго ружейнаго огня нашей пѣхоты. Когда же князь Щербатовъ въ третій разъ отразилъ непріятельскую кавалерію, то наша снова кинулась на нее, но, встрѣтивъ сильный отпоръ, повернула назадъ и въ быстромъ своемъ отступленіи налетѣла на свою пѣхоту. Непріятель сейчасъ же воспользовался этимъ замѣшательствомъ и врубился въ одинъ изъ нашихъ баталіоновъ, при чемъ баталіонъ этотъ, покрывшій себя славою въ этотъ день, имѣлъ несчастье при этомъ замѣшательствѣ потерять знамя и четыре орудія. Генералъ Барклай, видя невозможность долѣе удерживаться по другую сторону деревни Гофъ, противъ столь значительныхъ силъ непріятеля, рѣшился пройти деревню, тѣмъ болѣе, что 1-й егерскій полкъ, прикрывавшій правый флангъ его позиціи, вступилъ въ неравный бой съ сильною непріятельскою колонною и могъ присоединиться съ большимъ трудомъ къ своему отряду, потерявъ уже своего командира, гвардіи полковника Арсеньева, и нѣсколькихъ рядовыхъ, схваченныхъ при отступленіи непріятельскою кавалеріею. 3-й и 20-й егерскіе полки, прикрывавшіе лѣвый флангъ его отряда, были точно также атакованы значительными силами, но отошли въ полномъ порядкѣ.

Какъ скоро я получилъ отъ генерала Барклая донесеніе о критическомъ положеніи, въ которомъ онъ находится, и что противъ него стоитъ вся непріятельская армія, я немедленно послалъ къ нему князя Долгорукова 5-го, начальника Черниговскаго мушкатерскаго полка, съ пятью баталіонами, къ которымъ генералъ Барклай и отступилъ, пройдя деревню Гофъ. Онъ приказалъ своей кавалеріи стать на лѣвый флангъ этихъ баталіоновъ, а всѣми своими егерями занялъ кустарники, находившіеся равнымъ образомъ на лѣвомъ флангѣ, и поручилъ казакамъ слѣдить за движеніями непріятельскихъ отрядовъ. Такъ какъ эта вторая позиція отряда генерала Барклая находилась на глазахъ позиціи всей нашей арміи, то я послалъ часть кавалеріи нашего лѣваго крыла на помощь этому отряду. Но прежде, нежели она дошла по назначенію, непріятель стремительно напалъ на князя Долгорукова, который, несмотря на самое доблестное сопротивленіе, былъ принужденъ отступить на незначительное разстояніе; съ появленіемъ же нашей кавалеріи непріятель отступилъ въ свою очередь. Темнота наступившей зимней ночи положила конецъ этимъ упорнымъ сраженіямъ, въ которыхъ мы во весь этотъ день потеряли 2.500 человѣкъ убитыми, ранеными и отчасти взятыми въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ было нѣсколько храбрыхъ офицеровъ, между про-

чимъ и упомянутый уже мною гвардіи полковникъ Арсеньевъ, раненый и взятый въ плѣнъ; флигель-адъютантъ Кожинъ взятъ въ плѣнъ; князь Голицынъ, офицеръ гвардіи, убитъ. Это былъ молодой человѣкъ съ большими достоинствами, только наканунѣ прибывшій въ армію.

Потеря непріятеля не можетъ быть менѣе значительною въ этотъ день; 97 солдатъ и нѣсколько офицеровъ были взяты въ плѣнъ храбрымъ Изюмскимъ гусарскимъ полкомъ во время его атаки.

Цѣпь аванпостовъ съ надлежащими подкрѣпленіями была расположена вдоль всей нашей позиціи и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ружейныхъ выстрѣловъ передовыхъ застрѣльщиковъ, вся ночь прошла спокойно.

Движеніе отряда генерала Лестока, между тѣмъ, становилось съ каждою минутою болѣе затруднительнымъ и опаснымъ. Его аріергардъ былъ все болѣе тѣснимъ корпусомъ маршала Нея. Выступивъ 24-го января (5-го февраля) изъ Морунгена въ Фаресфельтхенъ, генералъ Лестокъ получилъ извѣстіе, что непріятель сильно занялъ мостъ на рѣкѣ Пассаргѣ въ Калистенѣ. Поэтому онъ рѣшился идти къ Шпандену, гдѣ и перешелъ эту рѣку и въ тотъ же самый день дошелъ до Вуксена. Генералъ Плецъ съ отрядомъ вытѣснилъ непріятеля изъ Либштадта, что дало ему преимущество предъ направленіемъ, принятымъ остальнымъ корпусомъ генерала Лестока. Но слѣдовавшій за нимъ аріергардъ былъ отрѣзанъ отъ дороги на Вуксенъ, куда направлялся весь остальной корпусъ, и ему ничего не оставалось, какъ взять лѣвѣе, чтобы достичь Браунсберга; это ему удалось, однако, съ значительною потерею.

Искусство, съ коимъ генералъ Лестокъ вышелъ изъ критическаго положенія, въ которомъ находился съ своимъ отрядомъ во время этого движенія, указываютъ на его благоразуміе и осторожность въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ.

Получивъ предложеніе присоединиться въ Прейсишъ-Эйлау къ русской арміи, для участія вмѣстѣ съ русскими войсками въ ожидаемомъ большомъ сраженіи, генералъ Лестокъ направилъ сообразно съ этимъ свое движеніе.

Послѣдовавшія кровавыя событія 26-го и 27-го января (7-го и 8-го февраля), которыя навсегда останутся памятными въ лѣтописяхъ военныхъ дѣйствій, требуютъ отдѣльнаго изложенія, и тогда можно будетъ судить о степени важности послѣдствій, сопряженныхъ съ этими побоищами.

П. М. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПОДОЛІИ.

(Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи).

X [1]).

Второй пріѣздъ въ Литинъ.—Безумный писецъ-психопатъ.—Возмутительное дѣло, возмутительно порѣшенное судьею Даніиломъ К—скимъ.—Мы предлагаемъ этому судьѣ оставить службу.—Увольненіе М—ича отъ должности предсѣдателя съѣзда и избраніе новаго.—Дальнѣйшая судьба Даніила К-скаго.—Несчастье, постигшее странствующаго шинкаря.—Отношенія польскихъ помѣщиковъ къ мировому суду.—Выдача „удостовѣреній“ для поѣздокъ за-границу.

Второй съѣздъ, на которомъ довелось мнѣ участвовать, былъ довольно чреватъ своими событіями и послѣдствіями. Въ самомъ уже началѣ произошелъ довольно необычайный эпизодъ.

Едва только мы успѣли выйти изъ экипажа и вошли въ комнаты съѣзда, какъ къ намъ обратились съ слезнымъ моленіемъ секретарь съѣзда, и нашъ метръ-д'отель, съ заявленіемъ, что жизнь ихъ висѣла, за послѣднее время, на волоскѣ, такъ какъ писецъ, племянникъ М—ича, присланный имъ на-дняхъ въ съѣздъ, для занятій въ канцеляріи, находится въ положительномъ умопомѣшательствѣ; при малѣйшемъ ему противорѣчіи онъ вынимаетъ изъ кармана револьверъ и цѣлится въ того, кто осмѣливается ему въ чемъ-либо возражать. Позвали мы писца, и по его дикимъ и блуждающимъ взглядамъ и безсмысленной рѣчи, съ сильнымъ заиканіемъ и пѣной у рта, убѣдились, что передъ нами, дѣйствительно, человѣкъ безумный.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1897 г.

М—ичъ тотчасъ же убралъ куда-то своего племянника и, послѣ съѣзда, препроводилъ его на ближайшую станцію желѣзной дороги и отправилъ на родину, въ Рязанскую губернію [1].

Затѣмъ, въ первый же день засѣданій съѣзда, намъ, въ числѣ прочихъ неправосудныхъ дѣлъ мироваго судьи 1-го участка, Даніила К—скаго, довелось разсматривать, въ апелляціонномъ порядкѣ, слѣдующее возмутительное дѣло.

Богатый купецъ-еврей, арендаторъ одного большаго имѣнія, зашелъ во время работы въ молотильный сарай поглядѣть, исправно ли молотятъ? Спустя нѣсколько минутъ онъ послалъ куда-то старшаго работника, подававшаго снопы на молотильную машину, и приказалъ стать на его мѣсто, къ машинѣ, 14-ти-лѣтнему крестьянскому мальчику, подметавшему соръ, образующійся во время молотьбы хлѣба, совершенно неопытному въ дѣлѣ подаванія сноповъ, требующемъ навыка и большой осторожности. И вотъ, едва принялся мальчикъ за незнакомое ему дѣло, какъ ему, черезъ нѣсколько же минутъ, оторвало машиной кисти обѣихъ рукъ. Перевязали ему на-скоро руки и отправили въ больницу; тамъ его кое-какъ вылѣчили и, черезъ два мѣсяца, онъ явился въ домъ отца безпомощнымъ калѣкою. Несчастный отецъ пошелъ къ еврею-купцу, но тотъ ему ничего не далъ и прогналъ. Тогда онъ подалъ судьѣ гражданскій искъ, требуя съ еврея-купца, по винѣ котораго изуродованъ былъ его сынъ, всего лишь шестьдесятъ рублей вознагражденія! Но жестокосердный судья Даніилъ отказалъ въ искѣ, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что мальчикъ потерялъ руки «по своей неловкости, а слѣдовательно и по своей винѣ».

Совѣщаніе наше длилось не долго; руководясь показаніями свидѣтелей, мы единогласно отмѣнили рѣшеніе судьи-неправеднаго, рѣшивъ взыскать съ еврея-арендатора поискиваемые крестьяниномъ шестьдесятъ рублей и судебныя издержки; а затѣмъ, когда засѣданія съѣзда въ тотъ день были закончены, мы, собравшись за вечернимъ чаемъ, начали еще разъ толковать объ этомъ дѣлѣ и возмущаться шемякинымъ судомъ нашего коллеги. Въ это время М—ичъ, совершенно неожиданно, обратился ко мнѣ, къ судьѣ Л—узу и находившемуся тутъ же товарищу прокурора и сказалъ:

— Мы всѣ такъ сильно были возмущены сегодня, что я, господа, рѣшилъ воспользоваться этимъ дѣломъ, чтобы положить, наконецъ, предѣлъ неправосуднымъ и прямо позорнымъ рѣшеніямъ нашего коллеги; что̀ вы скажете, если я предложу вамъ написать сегодня же,

---

[1]) Этотъ несчастный покончилъ все-таки очень худо: онъ изрубилъ топоромъ всю свою семью, какъ я узналъ о томъ, нѣсколько лѣтъ спустя, изъ газетныхъ сообщеній.

даже сейчасъ, коллективное письмо мировому судьѣ 1-го участка, гдѣ мы попросимъ его освободить насъ отъ совмѣстнаго съ нимъ служенія, предваривъ, на всякій случай, что если онъ завтра же не подастъ прошенія объ отставкѣ, то мы отправимъ копію нашего письма г-ну министру юстиціи, съ краткимъ изложеніемъ тѣхъ мотивовъ, которые подвигнули насъ на такой экстраординарный шагъ?

За словами М—ича наступило могильное молчаніе. Судья Л—узъ заговорилъ первый; онъ находилъ, что эта «мѣра крайняя» и даже неуказанная въ законѣ и что это значитъ «погубить человѣка», вдобавокъ еще семейнаго.

Товарищъ прокурора, съ свойственною ему прямотою, честностью и нѣкоторою рѣзкостью, сказалъ:

— Я, господа, вашего коллективнаго письма подписывать не буду, потому что не состою въ вашей корпораціи; по моему же личному мнѣнію, господину К—скому давно уже слѣдуетъ убираться вонъ.

— Ну, а вы что́ скажете?—обратился М—ичъ ко мнѣ.

Я отвѣтилъ, что подпишу письмо съ полною готовностью и съ удовольствіемъ, такъ какъ семейное положеніе Даніила меня, въ данномъ случаѣ, не стѣсняетъ, во-первыхъ потому, что онъ бездѣтенъ, а во-вторыхъ, у него есть, по его же словамъ, «нѣсколько десятковъ тысячъ, составленныхъ изъ сбереженій». Слѣдовательно, съ голоду онъ не умретъ, если даже и не получитъ нигдѣ мѣста.

— Въ такомъ случаѣ это дѣло поконченное, весело сказалъ М—ичъ, и мы сегодня же отправимъ наше письмо, такъ какъ судья 3-го участка, я увѣренъ, подпишется вмѣстѣ съ нами.

Слова М—ича «я увѣренъ» были сказаны не даромъ; они означали, какъ я узналъ послѣ, угрозу по адресу Л—уза: въ случаѣ упорства М—ичу стоило бы только обревизовать денежныя суммы судьи 3-го участка, и тогда ему пришлось бы раздѣлить участь своего пріятеля, Даніила К—скаго.

Составить письмо поручено было мнѣ, и я тотчасъ же написалъ его. Мы «покорнѣйше просили» нашего почтеннаго сослуживца «подать, въ суточный срокъ, прошеніе объ увольненіи отъ службы» по причинамъ, ему хорошо извѣстнымъ, которыя мы находимъ излишнимъ излагать въ своемъ письмѣ, «но которыя, однако, будутъ нами изложены въ коллективномъ же нашемъ обращеніи къ г-ну министру юстиціи въ томъ случаѣ, если прошеніе ваше, милостивый государь, не поступитъ въ срокъ, нами указанный». Письмо это было подписано М—ичемъ, мною, а также, послѣ нѣкотораго колебанія, и г-номъ Л—узомъ, и тотчасъ же, вечеромъ, отправлено было по назначенію.

На другой день, когда мы, трое участковыхъ судей и одинъ почет-

ный, г-нъ К—ичъ, не участвовавшій въ подписаніи письма, собрались въ совѣщательную комнату, чтобы идти въ залу засѣданій, судья Даніилъ, къ общему нашему изумленію, былъ уже тамъ, какъ будто бы ничего не произошло! Я и М—ичъ не подошли къ нему и лишь подивились, въ душѣ, его безцеремонности и рѣшимости явиться въ засѣданія съѣзда по полученіи нашего письма! Л—узъ подошелъ къ своему пріятелю; они взяли другъ друга подъ руки, отошли въ уголъ и стали о чемъ-то шептаться.

Засѣданія пошли своимъ чередомъ и, наконецъ, окончились. Разобравъ послѣднее дѣло, мы, всѣ судьи и товарищъ прокурора, вышли въ совѣщательную комнату, чтобъ условиться относительно занятій будущаго дня, и едва лишь покончили съ этимъ дѣломъ, какъ судья Даніилъ остановилъ насъ.

— Я получилъ вчера письмо, подписанное моими товарищами по службѣ.

— Мы вамъ болѣе «не товарищи», милостивый государь, запомните это! рѣзко оборвалъ его М—ичъ.

Но Даніилъ, какъ говорится, глазомъ не моргнулъ:

— Дѣло здѣсь не въ словахъ, а вотъ въ чемъ: имѣли ли вы право написать мнѣ такое письмо, употребляя при томъ угрозы и запугиванія мироваго судьи 3-го участка,—и онъ указалъ на Л—уза,—чтобы добиться и его подписи?

Я и М—ичъ такъ были поражены этимъ нахальствомъ завѣдомаго лихоимца, что, въ первый моментъ, не нашлись и ждали, что̀ будетъ дальше. Вдругъ, и очень кстати, заговорилъ судья Л—узъ:

— Никто и никакихъ угрозъ мнѣ не дѣлалъ, и я вамъ этого не говорилъ; правда, я неохотно подписался подъ письмомъ, но все-таки по своей доброй волѣ.

Тогда М—ичъ всталъ съ своего мѣста и, обращаясь къ судьѣ Даніилу, сказалъ:

— Я нахожу всякіе дальнѣйшіе разговоры между нами на эту тему излишними; можете себѣ думать и говорить о нашемъ письмѣ все, что̀ вамъ угодно, но только имѣйте въ виду одно, что если сегодня, къ восьми часамъ вечера, мы не получимъ отъ васъ прошенія объ отставкѣ, для препровожденія таковаго въ министерство юстиціи, то будемъ ходатайствовать предъ господиномъ министромъ объ увольненіи васъ отъ службы безъ прошенія.

Съ этими словами М—ичъ вышелъ изъ совѣщательной комнаты и направился въ нашу столовую, куда затѣмъ пришли и мы всѣ, кромѣ, конечно, Даніила. Почетный судья К—ичъ, ничего ровно не знавшій объ этомъ дѣлѣ, сталъ насъ вполголоса разспрашивать. Обѣдъ нашъ прошелъ довольно оживленно, такъ какъ всѣ чувствовали, что, нако-

нецъ-то покончили съ тѣмъ тяжелымъ и непріятнымъ дѣломъ, которое давно должно бы быть сдѣлано, но все какъ-то тянулось и откладывалось въ дальній ящикъ. Товарищъ прокурора Д—скій, бывшій всегда душою нашего общества, былъ веселѣе и довольнѣе всѣхъ; М—ичъ торжествовалъ; К—ичъ все пожималъ плечами и недоумѣвалъ,—«якъ то скоро все сробилось...» Одинъ Генрихъ Л—узъ былъ грустенъ и робокъ; онъ понималъ, что, съ одной стороны, какъ честный человѣкъ, долженъ былъ подписать наше письмо къ К—скому; съ другой же стороны, тотъ былъ его давнимъ пріятелемъ и зналъ, какъ и М—ичъ же, его слабость по части позаимствованій изъ частныхъ суммъ, переходящихъ чрезъ руки судьи, и могъ, пожалуй, донести. И такъ было плохо, и этакъ нехорошо...

Усѣлись мы за обѣдъ нашъ около шести часовъ; къ семи кончили и принялись за чай и за дѣловые разговоры относительно распредѣленія дѣлъ для доклада на завтрашнее засѣданіе, а въ восемь часовъ къ намъ вошелъ помощникъ секретаря и подалъ намъ толстый запечатанный пакетъ отъ мироваго судьи 1-го участка. Распечатали мы,—и какъ гора свалилась у всѣхъ съ плечъ: въ пакетѣ заключалось медицинское свидѣтельство и прошеніе объ увольненіи отъ службы. Въ своемъ прошеніи судья Даніилъ ходатайствовалъ, между прочимъ, о награжденіи его, при отставкѣ, слѣдующимъ чиномъ и правомъ носить мундиръ, должности судьи присвоенный.

— Ну, это-то ужъ жирно будетъ! замѣтилъ М—ичъ, чтобы мы безпокоили министерство о награжденіи этого Шемяки. Пусть благодаритъ Бога, что уходитъ не съ «волчьимъ паспортомъ», а «согласно прошенію, по болѣзни».

На другой и на третій день съѣзда судья Даніилъ опять-таки участвовалъ въ нашихъ засѣданіяхъ, и мы даже стали относиться къ нему болѣе любезно и внимательно, чѣмъ прежде, какъ будто бы между нами произошло что-то хорошее, примиряющее насъ съ нимъ.

А на четвертый день съѣзда мы получили изъ министерства новый сюрпризъ: опубликованъ былъ списокъ предсѣдателей съѣздовъ мировыхъ судебныхъ округовъ Подольской губерніи, «утвержденныхъ въ прежнемъ своемъ званіи», а между тѣмъ по нашему л—скому округу М—ичъ названъ не былъ; это означало, что мы должны были немедленно избрать новаго предсѣдателя, впредь до назначенія къ намъ таковаго самимъ министерствомъ. На другой же день мы собрались въ экстренное распорядительное засѣданіе и выбрали Л—уза; Даніилъ, я и почетный судья К—скій дали свои голоса за него, а М—ичъ предлагалъ меня. Такимъ образомъ, различные козни и доносы сдѣлали свое дѣло,—М—ичъ остался лишь участковымъ судьею; вся же распо-

радительная часть по съѣзду—административная и предсѣдательство на засѣданіяхъ—перешли къ судьѣ 3-го участка.

М—ичъ все-таки отправилъ отъ себя, какъ предсѣдатель, прошеніе судьи Даніила въ министерство, которое очень скоро и уволило его отъ службы. Получивъ «абшидъ», нашъ сослуживецъ перебрался на постоянное жительство въ Кіевъ, принялся тамъ за подряды, а затѣмъ, сталъ промышлять отдачею въ ростъ денегъ подъ залоги и, въ то же время, бралъ на себя иногда, по старой памяти, веденіе пакостныхъ хлопотъ по бракоразводнымъ дѣламъ.

Возвращаться съ этого съѣзда мнѣ пришлось одному, такъ какъ М—ичъ поѣхалъ изъ Литина на ближайшую станцію желѣзной дороги отправить своего психопата-племянника къ его роднымъ. На моемъ пути домой, не доѣзжая всего нѣсколькихъ верстъ до Хмѣльника, мнѣ чуть не пришлось принять къ своему разбирательству одно комическое и довольно характерное «дѣло».

Рано утромъ я въѣхалъ въ одну небольшую деревню, и мой ямщикъ остановился у водопоя, чтобы попоить коней. Пока вытаскивали «журавлемъ» шесть ведеръ воды, потребовавшейся для тройки лошадей, ко мнѣ подбѣжалъ какой-то еврей, въ растрепанномъ видѣ и сильно запыхавшійся; жестикулируя руками и горько плача, онъ заявилъ мнѣ, что его только-что «ограбили».

— Кто же тебя ограбилъ и когда?

— Вотъ эти самые злóдѣи, отвѣчалъ жидокъ, указывая на собравшихся мужичковъ и хлопцевъ, которые стояли, совершенно спокойно, въ нѣкоторомъ отдаленіи и лишь улыбались и перемигивались между собою, вовсе не похожіе на шайку «злóдѣевъ», только-что совершившую ограбленіе.

— Вотъ они, эти мошенники, совсѣмъ меня ограбили этою ночью, ой гевалдъ, гевалдъ!—вопилъ еврей.

— Брешетъ онъ, ваше высокородіе! послышалось изъ толпы.

И вслѣдъ затѣмъ раздался дружный и громкій хохотъ.

Въ дѣйствительности произошло вотъ что:

Деревенька эта все еще какъ-то крѣпилась и не дозволяла открыть у себя кабакъ. Жившій неподалеку корчмарь рѣшилъ взять на себя роль змія-соблазнителя и отправился въ эту деревню на заработки, съ своимъ «товаромъ», то-есть съ водкой; онъ налилъ двадцати-ведерную бочку сивухи и препожаловалъ, къ вечеру, въ деревню, разсчитывая сдѣлать на другой день хорошій «гàндель», обмѣнивая водку на всякій деревенскій товаръ и хлѣбъ, а также и продавая ее, кому нужно, на наличныя. При наступленіи ночи начался холодъ, и еврей договорилъ нѣсколькихъ хлопцевъ сторожить его соблазнительный товаръ, обѣщая дать имъ, на другой день, за ихъ сторóжу, «по чаркѣ горилки», а самъ

зашелъ въ хату, подъ окномъ которой стояла его телѣжка, и завалился спать. И вотъ, какъ только еврей уснулъ и захрапѣлъ, хлопцы, находившіеся въ хатѣ, дали знать объ этомъ, по уговору, сдѣланному еще съ вечера, сторожамъ и прочимъ хлопцамъ деревни,—и тѣ приступили къ даровому кутежу: подвинули обручи, просверлили буравчиками маленькія дырки, вставили въ нихъ соломенки и стали тянуть черезъ нихъ водку. Нѣкоторые натянулись такъ не въ мѣру, что тутъ же, вблизи воза, и попадали, заснувъ мертвецкимъ сномъ; другіе, покрѣпче, имѣли силы отползти отъ телѣги въ сторону, шаговъ на десять, пятнадцать и двадцать и свалились тамъ; самые же крѣпкіе парни добрались кое-какъ до своихъ хатъ и заснули тамъ уже. Еврей, пробудившійся очень рано, отправился осмотрѣть свой товаръ и провѣрить бодрость караульщиковъ; но, къ изумленію своему, не нашелъ на-лицо ни одного сторожа, а увидѣлъ вблизи бочки, въ различныхъ разстояніяхъ и положеніяхъ, нѣсколькихъ человѣкъ, крѣпко спящихъ, въ числѣ которыхъ были и сторожа его, и совсѣмъ посторонніе хлопцы. Почуявъ недоброе, еврей, по его словамъ, наклонился къ спящимъ и обнюхалъ ихъ; запахъ водки подтвердилъ его опасенія. Тогда онъ сталъ кричать «гвалдъ», и на его крикъ тотчасъ же, конечно, собрался народъ и бабы и подняли его же, «бѣднаго еврея», на смѣхъ. Въ это самое время ямщикъ мой въѣхалъ въ деревню и задумалъ напоить лошадей, а жидокъ, заслышавъ дорожный колокольчикъ, бросился къ моему экипажу, узналъ меня и принесъ мнѣ свою челобитную. Изложивъ все «дѣло», онъ сталъ настойчиво приглашать меня идти въ деревню осмотрѣть мѣсто преступленія и самихъ «преступниковъ», мирно спавшихъ вокругъ его бочки, на холодкѣ ранняго весенняго утра...

— Я имъ оцень-оцень много плевалъ въ морда, васе вишокоблагородіе!—прибавилъ, въ видѣ иллюстраціи къ своему разсказу, потерпѣвшій еврей.

Я, конечно, отказался идти осматривать «мѣсто преступленія» и попадавшихъ, подобно мухамъ у отравы, хлопцевъ, и замѣтилъ еврею, что ему, какъ корчмарю, долженъ быть хорошо извѣстенъ законъ и правила акцизнаго вѣдомства, воспрещающіе развозить и продавать водку по деревнямъ вообще, и что онъ можетъ, если пожелатъ, потребовать отъ меня, чтобы я п р и н я л ъ его жалобу къ своему разбирательству, но тогда это дѣло огласится, вмѣшается акцизное вѣдомство, и ему самому, прежде всего, придется подвергнутся денежной отвѣтственности за нарушеніе закона.

Услышавъ мою рѣчь, изъ толпы неожиданно выступилъ сельскій староста, стоявшій все время позади и теперь пріободрившійся:

— Я еще вчера гналъ его изъ деревни, ваше в-діе, а онъ меня не послушался, заявилъ староста.

— Ой-ой-ой, якій судъ! хорошій судъ! шамый шправедливый судъ! завопилъ мой бѣдный жидокъ, взявшись за голову и проливая горькія, непритворныя слезы, которыя, однако, поддали лишь веселья собравшейся деревенской толпѣ. Да я и самъ не могъ воздержаться отъ улыбки, глядя на эту комическую фигуру озлобленнаго и плачущаго шинкаря, расчитывавшаго споить и обобрать охочихъ до водки мужичковъ этой мирной деревни, и такъ чувствительно поплатившагося за свое корыстное и злое намѣреніе.

Черезъ нѣсколько минутъ, я оставилъ эту характерную, такъ и просившуюся на полотно группу въ малороссійскомъ жанрѣ, и поѣхалъ дальше своею дорогою, направляясь въ Хмѣльникъ.

Въ Хмѣльникѣ, какъ оказалось, съ нетерпѣніемъ поджидали моего прибытія нѣсколько посланныхъ отъ польскихъ пановъ.

Къ нашему мировому суду—или, какъ паны называли «москѐвскому суду»—они относились крайне недружелюбно, оскорбленые, конечно, прежде всего тѣмъ, что судъ этотъ назначенъ былъ «отъ короны», безъ всякаго ихъ участія въ этомъ дѣлѣ, и что самые судьи назначились не по выборамъ, а приказами министерства юстиціи, между тѣмъ какъ на содержаніе мировой юстиціи въ Подоліи деньги брали съ нихъ же, т. е. съ землевладѣльцевъ. Въ силу этого, паны игнорировали судей, всячески избѣгая надобности къ нимъ обращаться, такъ что «позываться на московскій судъ» считалось у пановъ—въ особенности у крупныхъ и важныхъ—большою непріятностью. Въ тѣхъ же необходимыхъ случаяхъ, когда панамъ, иногда поневолѣ, приходилось судиться съ своими «хлопами», по большей части изъ-за лѣснымъ порубокъ, они посылали въ камеры адвокатовъ. Когда же наступала весна, то нѣкоторые польскіе помѣщики, пользуясь близостью Австріи, откочевывали на лѣто за границу, и вотъ тутъ-то имъ и приходилось обращаться, неизбѣжно, въ наши камеры за удостовѣреніями въ томъ, что у насъ не производится о нихъ никакихъ такихъ дѣлъ, которыя могли бы потребовать ихъ личнаго присутствія на судѣ.

Едва я въѣхалъ на дворъ своего дома, какъ въ калиткѣ появился высокаго роста человѣкъ въ какомъ-то странномъ костюмѣ, похожемъ на ливрею, съ высеребрянными пуговицами, обшитую галунами на воротникѣ и рукавахъ и на фалдахъ сзади. Зная польскую слабость къ ливреямъ, гербамъ и галунамъ, я догадался, что это долженъ быть лакей какого-нибудь богатаго пана. Человѣкъ этотъ подошелъ прямо ко мнѣ, слегка кивнулъ мнѣ головою и поставилъ у моихъ ногъ корзинку, которую онъ держалъ въ рукахъ.

— Отъ пана-грабе М—скаго, важно проговорилъ онъ.

— Да что̀ тебѣ нужно и кто ты такой? спросилъ я.

— Я посланный отъ пана-грабе до пана-судьи. Панъ-грабе по-

сылаетъ пану-судьѣ вотъ этотъ гостинецъ, тутъ есть спаржа,—и онъ указалъ на корзинку,—и проситъ «дать росписку, что панъ-грабе не будетъ позываться на судъ.

— Во-первыхъ, передай своему пану, что я его вовсе не знаю и никакого «гостинца» отъ него принимать не могу и не желаю, отвѣчалъ я, а во-вторыхъ, попроси графа, чтобы онъ обратился ко мнѣ письменно, бумагой, или же прислалъ бы адвоката.

— Пшепрошемъ пана, бумага есть! сказалъ галуняный посланецъ, и полѣзъ-было въ карманъ.

— Если у тебя бумага есть, то и приди съ нею черезъ часъ времени въ камеру, приказалъ я,—ты меня тамъ найдешь; а теперь, видишь, я только-что пріѣхалъ съ дороги. Забирай свою корзину и уходи прочь! подтвердилъ я, видя, что посланный стоитъ въ нерѣшительной позѣ и не желаетъ уходить...

Черезъ часъ этотъ самый гайдукъ явился ко мнѣ въ камеру и вручилъ мнѣ прошеніе своего барина. Я развернулъ бумагу и сталъ читать; дѣйствительно, г-нъ М — скій, разсчитывая уѣхать на лѣто за-границу, просилъ «удостовѣренія», что со стороны мѣстнаго мироваго судьи препятствій къ выдачѣ заграничнаго паспорта не имѣется. Но каково же было мое изумленіе, когда, прочитавъ «прошеніе» М—скаго, я дошелъ до собственноручной подписи «графа» и прочелъ слѣдующее: «Къ сему прошенію подписался литинскій мѣщанинъ, отыскивающій дворянство, N. N. М — скій!..» Такимъ образомъ, мнѣ довелось случайно узнать истинную генеалогію г-на М—скаго, попавшаго въ «графы» благодаря лишь тому обстоятельству, что его отецъ, будучи долгое время «паномъ экономомъ» у одного магната, съумѣлъ нажить деньгу и купилъ затѣмъ довольно крупное имѣніе.

Просимое удостовѣреніе я тотчасъ же выдалъ и даже, изъ деликатности, замѣнилъ вульгарное слово «мѣщанинъ» «гражданиномъ».

Такія же «удостовѣренія» мнѣ довелось выдать, въ тотъ же день, еще двумъ польскимъ помѣщикамъ, собиравшимся, повидимому, ѣхать вмѣстѣ; одинъ изъ нихъ прислалъ адвоката, а другой пожаловалъ въ мою камеру лично, и у меня съ этимъ паномъ вышло маленькое недоразумѣніе. Войдя въ камеру и подойдя затѣмъ къ моему столу, онъ подалъ мнѣ «прошеніе», и какъ только я сталъ его читать, то панъ, видя, что я сижу, а его не приглашаю, взялъ да и развалился на моемъ столѣ, изогнувшись дугою и положивъ на него оба локтя.

— Я васъ покорнѣйше попрошу не ложиться на столъ!—замѣтилъ я; если вамъ не угодно постоять нѣсколько минутъ, пока я прочту ваше прошеніе, то всего лучше сядьте.

Панъ покраснѣлъ, какъ ракъ, пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и сѣлъ въ мѣстахъ для публики; я постарался отпустить его какъ можно

скорѣе и тотчасъ же, отложивъ въ сторону всѣ другія дѣла, выдалъ ему на-руки просимое «удостовѣреніе», за что и былъ вознагражденъ низкимъ поклономъ и изъявленіемъ, на польскомъ языкѣ, чувства глубокой признательности.

Отъ меня всѣ эти господа направлялись, за такими же «удостовѣреніями», къ судебному слѣдователю, а затѣмъ уже подвергались дальнѣйшему мытарству, стараясь купить, по возможности дешевле, необходимое удостовѣреніе и отъ мѣстной полиціи. И только заручившись всѣми этими тремя документами, польскому помѣщику можно было получить уже въ Каменецъ-Подольскѣ, изъ канцеляріи губернатора, желанный имъ заграничный паспортъ.

XI.

Назначеніе ревизіи.—Личность ревизора.—Добродушный товарищъ прокурора и „стаканъ холодненькаго“.—Безтактность ревизора и его притворная болѣзнь.—„Бунтъ“ нашего съѣзда.—Побитый судья-докторъ.—Летичевское сидѣніе.—Какъ насъ ревизовали.—„Жучки“.—Атестаты, полученные нами отъ ревизора.—Неожиданное умопомѣшательство почетнаго мирового судьи К—скаго.—Фискальныя дознанія ревизора. — Судья Генрихъ Л—уэъ испрашиваетъ себѣ „снисхожденіе“.—Результаты ревизіи. — Дальнѣйшая судьба самого ревизора.

Въ сентябрѣ 1879 года въ нашемъ съѣздѣ была получена изъ министерства юстиціи бумага, въ которой насъ поставляли въ извѣстность, что министерство признало нужнымъ обревизовать судебно-мировые съѣзды, а равно и камеры мировыхъ судей Подольской губерніи, и возложило эту ревизію на товарища оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, статскаго совѣтника Ж—ова. Недѣли двѣ спустя, мы получили извѣстіе и отъ самого «товарища»: онъ извѣщалъ, что въ скоромъ времени прибудетъ въ наши края, а что теперь-де находится, проѣздомъ, въ Калужской губерніи... Почти одновременно я получилъ отъ одного своего пріятеля, служившаго по министерству же юстиціи въ той же Калужской губерніи, письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что нашъ ревизоръ, уроженецъ Калуги, жуируетъ теперь тамъ и «прожигаетъ жизнь», и что еще неизвѣстно, когда выѣдетъ; далѣе, онъ писалъ, что ревизора сопровождаютъ такіе-то и такіе-то сенатскіе чиновники, и проч., и, затѣмъ, предупреждалъ, чтобы мы были, какъ говорится, «на чеку» и чтобы не забыли также озаботиться прінсканіемъ для Ж—ова «хорошей квартиры и порядочнаго повара».

Такъ какъ всѣ эти свѣдѣнія совпали какъ разъ съ сентябрьскими засѣданіями съѣзда, то мы и стали обсуждать какъ тутъ быть?..

Самая личность ревизора не внушала намъ особеннаго удовольствія, а равно и надежды на его безпристрастіе и справедливость: г. Ж—овъ былъ ранѣе прокуроромъ окружнаго суда въ одной изъ нашихъ столицъ и прославился тенденціознымъ характеромъ своей дѣятельности: разыгрывая постоянно роль демократа и заигрывая съ молодежью, онъ обрушивался, со всею страстностью и лицепріятіемъ, на лицъ привилегированныхъ сословій, когда имъ доводилось, иногда, попадать на скамью для подсудимыхъ; послѣднее его обвиненіе одной духовной особы женскаго пола аристократическаго происхожденія, преданной суду присяжныхъ по обвиненію въ подлогѣ векселей отъ имени умершаго скопца-милліонера, доставило ему громкую, хотя и не заслуженную извѣстность, — такъ какъ преданая суду была обвинена присяжными, главнымъ образомъ, благодаря громовой рѣчи одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ, представлявшимъ собою на судѣ интересы наслѣдниковъ умершаго милліонера.

Затѣмъ, когда мы стали обсуждать вопросъ объ удобствахъ, которыми, въ качествѣ хозяевъ, должны были окружить нашего гостя, то тутъ дѣло вышло еще хуже: хорошую квартиру въ городѣ трудно было найти, хорошаго же повара не было и подавно. Тѣмъ не менѣе мы все-таки приготовились кое-какъ: квартиру для ревизора выпросили въ домѣ бывшаго л—скаго исправника Д—ича[1]), а о поварѣ сговорились съ однимъ изъ знакомыхъ помѣщиковъ, обѣщавшимъ дать своего на время. Насчетъ «гостепріимства» мы, впрочемъ, рѣшили дѣйствовать съ нѣкоторою осторожностью, памятуя одинъ печальный инцидентъ, происшедшій, еще такъ недавно, въ той же Подольской губерніи, при ревизіи камеръ судебныхъ слѣдователей и дѣлопроизводства товарищей прокуроровъ старшимъ предсѣдателемъ Одесской судебной палаты С—скимъ. Этотъ господинъ, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ и появлялся въ зданіи на Малой Садовой, то удивлялъ, обыкновенно, всѣхъ своею фамильярностью, здороваясь «за руку» не только съ мелкими чинушами, но даже со всѣми встрѣчавшимися съ нимъ писцами, которыхъ онъ совсѣмъ не зналъ и которые его тоже не вѣдали. Въ провинціи же этотъ самый низкопоклонникъ былъ Юпитеромъ-громо-

---

[1]) Этотъ Д—ичъ, отслуживъ „вѣрою и правдою“ въ должности л—скаго исправника лѣтъ 15 и получая по 1.500 рублей въ годъ жалованья, отложилъ тысячъ сто слишкомъ; когда его, наконецъ, попросили оставить службу, онъ купилъ одно изъ богатѣйшихъ имѣній въ уѣздѣ и домъ въ Литинѣ—и сталъ себѣ жить по-добру по-здорову, являя собою достойный примѣръ подражанія.

вержцемъ и погубилъ, однажды, совсѣмъ неповиннаго и добродушнаго человѣка ни зà-что ни прò-что, какъ говорится. Онъ обревизовалъ камеру и дѣлопроизводство одного товарища прокурора и остался имъ доволенъ,—что и выразилъ ревизуемому,—а затѣмъ отправился на вокзалъ желѣзной дороги, чтобы ѣхать дальше. Товарищу прокурора—изъ бывшихъ помѣщиковъ Пензенской губерніи—пришла въ голову несчастная мысль проводить С—скаго на желѣзную дорогу; съ этою цѣлью, онъ поѣхалъ на вокзалъ зàгодя, встрѣтилъ С—скаго и сталъ сопровождать его, въ качествѣ свиты. Стоялъ жаркій іюньскій день; до отхода поѣзда оставалось еще около получаса, и добродушный товарищъ прокурора, находящійся на седьмомъ небѣ отъ благополучно имъ збытой ревизіи, предложилъ С—скому шампанскаго, въ слѣдующей, буквально, фразѣ:

— Можетъ быть, позволите попросить ваше превосходительство выкушать, по случаю такой жары, стаканъ холодненькаго?..

Но жестокосердый С—скій оглянулъ радушнаго прокурора съ головы до ногъ своими свинцовыми, холодными глазами, пожалъ плечами— и отвернулся. А черезъ двѣ или три недѣли товарища прокурора «причислили къ министерству».

Вотъ, боялись и мы того же—какъ бы намъ не пересолить въ своемъ гостепріимствѣ. Наконецъ, прошелъ цѣлый мѣсяцъ; о ревизорѣ ни слуху, ни духу.

Съѣхались мы въ октябрѣ на съѣздъ, и только-что-было разобрали вечеромъ дѣла, которыя должны были разсматриваться на другой день, вдругъ—хлопъ! телеграмма изъ сосѣдняго города Летичева: ревизоръ приглашаетъ насъ, мировыхъ судей, «явиться немедленно въ Летичевъ, со всѣми дѣлами своихъ камеръ».

Мы, просто, остолбенѣли—и не вѣрили глазамъ! Ѣхать на ревизію въ сосѣдній городъ, со всѣми дѣлами своихъ камеръ, могущими занять цѣлый ломовой возъ, забирать всѣ денежныя книги, денежные желѣзные сундуки, письмоводителей!.. М—ичъ, какъ бывшій вице-губернаторъ, возмутился первый:

— Чѣмъ же онъ насъ, господа, считаетъ военными писарями какими-то, что ли?.. Свистнулъ насъ—мы и должны ѣхать «немедленно». Да онъ не имѣетъ даже и никакого права вызывать насъ за 80 верстъ! Ему поручено обревизовать «камеры» наши,—ну, и ревизуй насъ на мѣстѣ; а если уже лѣнь ѣздить по нашимъ резиденціямъ, то собери насъ здѣсь, въ Литинѣ, гдѣ имѣется резиденція нашего съѣзда. Наконецъ, вѣдь у насъ вызвано на съѣздъ, на эти дни, нѣсколько сотъ человѣкъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ и свидѣтелей. Я объявляю прямо: не поѣду; а вы какъ знаете.

Я заявилъ, что тоже не поѣду. Къ намъ присоединился и почет-

ный мировой судья К — скій, исправлявшій должность уволеннаго судьи 1-го участка[1]). Одинъ лишь Л—узъ, у котораго, въ ожиданіи ревизіи, душа тряслась какъ овечій хвостъ, объявилъ, что онъ «поѣдетъ» въ Летичевъ.

— Ну, и поѣзжайте себѣ! съ сердцемъ проговорилъ М—ичъ, а мы будемъ завтра разбирать дѣла въ съѣздѣ.

М—ичъ, я и К—скій сочли все-таки необходимымъ поставить ревизора въ извѣстность о своемъ рѣшеніи, и я составилъ телеграмму такого содержанія: «Мировые судьи перваго, втораго и четвертаго участковъ находятъ крайне неудобнымъ везти въ Летичевъ на ревизію архивы, дѣла и прочее и рѣшаются просить ваше превосходительство пожаловать въ Литинъ». Мировой же судья 3-го участка, въ качествѣ предсѣдателя, послалъ свою телеграмму, и содержаніе ея намъ не было извѣстно. Затѣмъ, я и М—ичъ отправили, въ мѣста своихъ камеръ, нарочныхъ за дѣлами.

На другой день, едва мы приступили къ разбору дѣлъ на съѣздѣ, какъ намъ подали новую телеграмму отъ ревизора, въ которой онъ писалъ, что «по нездоровью своему, не можетъ выѣхать въ Литинъ, а потому, покорнѣйше проситъ мировыхъ судей 1-го, 2-го и 4-го участковъ прибыть, если можно, въ Летичевъ». Потолковали мы втроемъ (Л—узъ выѣхалъ въ Л—евъ еще въ ночь) и рѣшили—ѣхать къ «больному»... Дотянули мы засѣданія съѣзда до вечера, а затѣмъ объявили и выставили на дверяхъ съѣзда аншлагъ, что засѣданія съѣзда въ эту сессію, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, продолжаться не будутъ, и что всѣ неразсмотрѣнныя дѣла переносятся на ноябрь.

Вечеромъ прибылъ изъ Хмѣльника мой письмоводитель съ цѣлымъ ворохомъ дѣлъ, а въ ночь, подъ-утро, привезли и всѣ дѣла М—ича. Мы рано встали, напились чаю и отправились въ путешествіе по ужаснѣйшей и грязнѣйшей дорогѣ—въ Летичевъ.

Какъ только пріѣхали мы въ Летичевъ, то и узнали, что ревизоръ солгалъ, сославшись на болѣзнь: онъ былъ здоровехонекъ, и лишь получивъ нашу телеграмму, послалъ за докторомъ; а такъ какъ докторъ этотъ былъ не только давнимъ знакомымъ М—ича, но имъ же, во время исправленія должности губернатора, былъ опредѣленъ на службу, то на нашъ вопросъ: «серьезна ли болѣзнь Ж—ова?» прямо расхохотался.

Между прочимъ, мы узнали отъ этого же доктора о томъ пріемѣ,

---

[1]) Хотя на мѣсто судьи Даніила и былъ потомъ назначенъ министерствомъ новый судья, какой-то г. Милюковъ, но мы такъ и не видѣли его въ глаза: узнавъ о нашемъ миломъ житьѣ-бытьѣ, онъ совсѣмъ не пожелалъ прибыть къ мѣсту своего служенія, и его обязанности исполнялъ временно одинъ изъ почетныхъ мировыхъ судей г. К—скій.

который былъ оказанъ Ж—овымъ несчастному С—скому, бывшему мировому судьѣ Л—скаго округа, только что уволенному отъ службы по слѣдующему прискорбному поводу.

Судья С—скій, окончивъ курсъ по медицинскому факультету съ степенью врача, не пожелалъ идти по этой дорогѣ,—и во время введенія мировыхъ судей въ Подольской губерніи получилъ должность судьи. Это былъ очень кроткій, умный и симпатичный человѣкъ, всѣми любимый и уважаемый. И вотъ, нежданно-негаданно, стряслась съ этимъ человѣкомъ бѣда: попалъ онъ въ одинъ домъ въ гости, встрѣтился тамъ съ какимъ-то вольноопредѣляющимся, бывшимъ семинаристомъ, который, послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки, началъ вести себя крайне неприлично и дерзко относительно другихъ гостей и, между прочимъ, сказалъ какую-то дерзость по адресу мироваго судьи.

— Вамъ надо, милостивый государь, сказалъ ему С—скій, идти домой и лечь спать, такъ какъ вы становитесь невозможны!

— Какъ? я пьянъ? заоралъ вольноопредѣляющійся, и, бросившись на судью, нѣсколько разъ ударилъ его.

С—скій, получивъ оскорбленіе, задумалъ-было замять и замазать все это дѣло: онъ заплатилъ, въ тотъ же день, пьяному негодяю 200 р. за молчаніе, а затѣмъ посадивъ его въ свой экипажъ, долго катался съ нимъ по мѣстечку, чтобы прекратить всякіе толки о происшедшемъ инцидентѣ и увѣрить, во-очію, мѣстную публику, что ничего, дескать, не произошло. Между тѣмъ слухъ о происшедшемъ скандалѣ быстро распространился; жандармы, полиція и товарищъ прокурора навели справки, разспросили «очевидцевъ», самого оскорбителя и донесли по начальству. Въ результатѣ получился приказъ о причисленіи С—скаго къ министерству. И вотъ, сознавая себя совершенно невиновнымъ, С—скій и рѣшился воспользоваться пріѣздомъ Ж—ова чтобы передать ему все «дѣло» въ настоящемъ видѣ и, въ концѣ, спросить: можетъ ли онъ разсчитывать получить вновь должность судьи гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ?

Когда С—скій приказалъ о себѣ доложить, Ж—овъ принялъ его, пригласилъ сѣсть и сталъ слушать. Когда С—скій окончилъ разсказъ и затѣмъ спросилъ, можетъ ли онъ надѣяться получить мѣсто, во вниманіе хотя того обстоятельства, что дѣла его участка, при ревизіи, были найдены въ полномъ порядкѣ, Ж—овъ, не проронивъ, во все время аудіенціи, ни одного слова, молча же всталъ съ своего мѣста, ушелъ въ сосѣднюю комнату и щелкнулъ за собою ключемъ въ замкѣ двери.

С—скій уѣхалъ вскорѣ въ Петербургъ, прикомандировался къ военно-медицинской академіи и, спустя два года, выдержавъ экзаменъ на доктора медицины, принялся лѣчить то самое человѣчество, которое онъ прежде судилъ.

Утромъ, одѣлись мы въ вицъ-мундиры и отправились представляться ревизору. Судья Л—узъ, съ которымъ мы, со времени «измѣны», не кланялись, былъ уже тамъ, въ полной формѣ, т. е. въ мундирѣ со шпагой, съ треуголкой въ рукѣ, съ орденомъ на шеѣ и въ свѣженькихъ бѣлыхъ перчаткахъ; оказалось, что онъ пріѣхалъ еще за день до насъ, желалъ представиться Ж—ову, но тотъ «по болѣзни», не могъ его принять. Приказали мы о себѣ доложить; ждемъ... Вокругъ насъ, какъ гусенята въ уѣздномъ судѣ гоголевскаго «Ревизора», шныряютъ жучки—тѣ мелкотравчатые «чинуши», которыхъ Ж—овъ взялъ съ собою изъ Петербурга въ помощь: всѣ смотрятъ на насъ свысока, косятся на насъ, а близко не подходятъ,—очевидно уклоняясь отъ всякаго частнаго знакомства съ членами взбунтовавшагося съѣзда. И мы тоже разглядывали этихъ жучковъ не безъ любопытства и также безцеремонно: М—ичъ досталъ пенсъ-нэ, надѣлъ его и оглядывалъ, по очереди, всѣхъ этихъ «помощниковъ секретарей», пока они, наконецъ, шныряули куда-то по боковымъ дверямъ. Наконецъ, выдержавъ насъ въ пріемной добрыхъ полчаса, Ж—овъ пригласилъ насъ.... Входимъ.... Боже! какой жалкій и несчастный видъ представлялъ изъ себя этотъ бородатый и здоровенный человѣкъ, котораго я, ранѣе, встрѣчалъ въ Москвѣ! Онъ сидѣлъ въ полутемной комнатѣ съ опущенными шторами, въ креслѣ, весь сгорбившись, одѣтый въ халатъ, покрытый пледами, съ шеей, окутанной платками и шарфами; голова его была обвязана компрессомъ, надъ глазами былъ зеленый зонтъ, а рядомъ, на маленькомъ кругломъ столикѣ, стояли пузырьки лѣкарствъ съ свѣжими сигнатурками, стаканъ съ водою и лежала столовая ложка.

— Имѣемъ честь представиться, ваше превосходительство! заговорилъ, первый, судья Л—узъ. Мы всѣ тоже назвали себя.

— Очень радъ, господа, началъ слабымъ, умирающимъ голосомъ нашъ ревизоръ.—Извините, ради Бога, что я васъ побезпокоилъ, попросивъ пріѣхать сюда. Но вы теперь сами видите (и онъ безпомощно мотнулъ головою на лѣкарства) въ какомъ я положеніи....

Мы молча поклонились, едва удерживаясь отъ улыбки; по крайней мѣрѣ, М—ичъ, хорошо знавшій, что я человѣкъ смѣшливый и не могущій иногда, даже на засѣданіяхъ съѣзда, воздерживаться отъ улыбки, нарочно взглядывалъ на меня во время монолога ревизора, какъ-бы желая вызвать смѣхъ, который въ данномъ случаѣ былъ бы, конечно, проступкомъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ «стаканъ холодненькаго», предложенный С—скому.

— Вы, господа, привезли съ собою свои дѣла? спросилъ Ж—овъ.

Мы отвѣтили, что привезли. Онъ предложилъ намъ тогда передать всѣ уголовныя дѣла товарищу подольскаго губернскаго проку-

рора, Г—скому, а гражданскія—одному изъ жучковъ. Затѣмъ, извинившись еще разъ за свою болѣзнь, онъ простился съ нами, безпомощно опустилъ голову на грудь и слегка застоналъ.

М—ичъ, едва затворилась дверь, засмѣялся.

— Изъ него могъ бы выйти прекрасный актеръ! замѣтилъ онъ. А затѣмъ, господа, обратите вниманіе вотъ на что: классъ его должности одинаковый съ нами—пятый; чинъ его тоже не генеральскій, а между тѣмъ мы величаемъ его «ваше превосходительство», и онъ не останавливаетъ насъ

— Да вѣдь все это, Н. С., мелочи, отвѣтилъ я: гораздо важнѣе его явная, умышленная невѣжливость: онъ принимаетъ насъ въ халатѣ и не извиняется за этотъ костюмъ....

Когда мы вошли обратно въ пріемную, къ намъ подошли жучки и отрекомендовались намъ, спрашивая затѣмъ, когда мы доставимъ имъ дѣла? Подошелъ и товарищъ подольскаго прокурора Г—скій, очень красивый, высокаго роста брюнетъ, съ крайне дерзкимъ и нахальнымъ выраженіемъ лица. Это былъ поповичъ, воспитанникъ подольской семинаріи, попавшій затѣмъ въ университетъ и потомъ на службу въ министерство юстиціи. Ж—овъ, будучи въ Подольскѣ, пригласилъ его себѣ въ помощь; родной его братъ былъ мировымъ судьею и предсѣдателемъ съѣзда въ этомъ самомъ городѣ Л—евѣ и устроилъ для ревизора и его «жучковъ» такую милую и уютную квартиру и добылъ такого прекраснаго повара, съ которымъ ревизоръ не хотѣлъ разстаться, даже ради обязательной для него поѣздки въ нашъ Литинъ.

Въ пріемной же мы встрѣтили устроителя этого самаго гостепріимства—предсѣдателя Летичевскаго съѣзда—и еще какого-то мѣстнаго судью; всѣ они сторонились отъ насъ, какъ отъ опальныхъ, обреченныхъ на закланіе, боясь, въ присутствіи «жучковъ», скомпрометировать себя малѣйшею близостью съ нами, «бунтовщиками».

— Охъ, плохо намъ съ вами будетъ, И. Н.!—говорилъ мнѣ М—ичъ: Ж—овъ не проститъ намъ нашего «бунта» и сплавитъ насъ.

Въ тотъ же день мы передали всѣ наши дѣла въ руки гг. ревизующихъ, а сами направились въ гостиницу, гдѣ остановились и гдѣ выдержали, затѣмъ, трехъ-дневное «летичевское сидѣніе».

Обидно и горько вспомнить, даже и теперь, какъ помыкали тогда нами, мировыми судьями, какіе-то ничтожные «жучки», проживавшіе въ петербургскихъ мансардахъ и пріѣхавшіе, съ Ж—овымъ во главѣ, насъ «ревизовать»! какъ важничали передъ нами два поповича, кормившіе Ж—ова. Уже одно то было обидно, что васъ ревизуютъ, разсматриваютъ рѣшенныя вами дѣла, высчитываютъ, съ придирчивостью плохаго учителя ариѳметики, черезъ сколько именно дней по полученіи прошенія вы посылаете повѣстки и назначаете разборъ дѣлъ,

и пр.,—и не находятъ, при этомъ, нужнымъ ваше присутствіе и даже не спрашиваютъ почему вы поступили такъ, а не иначе?

Страшная была тоска просидѣть, въ общемъ, около пяти дней въ номерѣ гостиницы глухаго, грязнаго городишка, въ концѣ октября, когда, за грязью и ненастьемъ, нельзя было выйти и на улицу,—просидѣть безъ книгъ и газетъ и безъ общества!.. Судья Л—узъ, чувствуя, что поступилъ не по-товарищески, не показывалъ къ намъ носа; почетный судья К—скій ходилъ задумчивый и молчаливый: всего за мѣсяцъ до ревизіи онъ потерялъ отъ дифтерита двухъ большихъ дѣтей, дѣвочекъ 8 и 10 лѣтъ; а за недѣлю до поѣздки въ Летичевъ, онъ узналъ, что его, по прежде занимаемой имъ должности мироваго посредника, предали суду за какія-то злоупотребленія, допущенныя имъ, по недосмотру и излишнему къ людямъ довѣрію, въ Л—скомъ уѣздномъ присутствіи по воинскимъ дѣламъ.

Наконецъ намъ объявлено было, что мы «обревизованы» и насъ попросили зайти въ квартиру Ж—ова. Мы нашли пріемную комнату измѣнившеюся: по серединѣ стоялъ длинный канцелярскій столъ, кругомъ стулья; на одномъ концѣ большое плетеное кресло; на столѣ — вороха нашихъ дѣлъ, въ четырехъ громадныхъ кучахъ; на особомъ столѣ, въ углу комнаты, тоже наши дѣла, и тоже въ четырехъ отдѣльныхъ частяхъ. Ж—овъ вышелъ къ намъ, поздоровался и пригласилъ насъ сѣсть; никого изъ «жучковъ» не было въ комнатѣ; Ж—овъ вышелъ въ вицъ-мундирѣ, совершенно здоровехонекъ, не упоминая уже ни однимъ словомъ о своей болѣзни. Въ его рукахъ была небольшая тетрадь, въ полъ-листа, мелко исписанная, и, положивъ ее передъ собою, онъ началъ «отчетъ» о результатахъ произведенной ревизіи. Я нахожу не безъинтереснымъ привести здѣсь, хотя вкратцѣ, его рѣчь, и именно потому, что послѣдствія ревизіи, исшедшія отъ министерства юстиціи, не согласовались во многомъ, съ ея результатами, объявленными Ж—овымъ.

— Я, господа, начну съ 1-го участка, заговорилъ Ж—овъ—Хотя должность эту исправляетъ почетный мировой судья, но... во-первыхъ, онъ исправляетъ ее давно, нѣсколько уже мѣсяцевъ, а во-вторыхъ, онъ получаетъ канцелярскія деньги, и мы вправѣ требовать, чтобы онъ относился къ своимъ обязанностямъ серьезно и внимательно. Между тѣмъ... Тутъ слѣдовалъ цѣлый рядъ «указаній», «замѣчаній», «поставленій на видъ», и пр...

Я взглянулъ на К—скаго: онъ сидѣлъ блѣдный какъ смерть, глаза его какъ-то странно блуждали, а иногда останавливались на ревизорѣ съ невыразимою мольбою и жалостью во взорѣ. Когда Ж—овъ кончилъ и, видимо, ждалъ оправданій, или, по крайней мѣрѣ, объясне-

ній, К—скій опустилъ глаза внизъ, вздохнулъ нѣсколько разъ и не проговорилъ ни одного слова.

— Теперь, продолжалъ Ж—овъ, перехожу къ дѣламъ 2-го участка,—и онъ повернулся въ мою сторону.—Тутъ замѣчаются, тоже, нѣкоторыя странныя, чтобы не сказать болѣе, отступленія и неправильности. Напримѣръ, поступаютъ въ одинъ день четыре прошенія по гражданскимъ дѣламъ, и вотъ два изъ нихъ разбираются черезъ недѣлю, а остальныя два ждутъ своей очереди полтора мѣсяца...

Я не далъ ему говорить дальше:

— Позвольте вамъ доложить, сказалъ я, что это происходитъ иногда по желанію самихъ истцовъ: они, представляя прошенія, заявляютъ: «вчера истекъ срокъ векселю, и я представляю его (въ видѣ протеста, въ мою камеру, по неимѣнію въ Хмѣльникѣ нотаріуса); но прошу васъ, г. судья, не вызывать меня на судъ ранѣе такого-то срока, такъ какъ я уѣзжаю на ярмарку въ Житоміръ, или тамъ куда въ иное мѣсто.

— Изъ дѣлъ этого не видно—замѣтилъ Ж—овъ,—чтобы истцы сами просили васъ отложить разборъ ихъ дѣлъ. Далѣе: у васъ, въ уголовныхъ дѣлахъ, встрѣчается множество приговоровъ, напоминающихъ собою, извините, судъ комендантши въ «Капитанской дочкѣ» Пушкина: у васъ подвергаются одинаковому наказанію и правые, и виноватые.

— Это — пьяныя дѣла, ваше превосходительство, оправдывался я:—и чтобъ хоть немного поубавить ихъ, я и рѣшилъ: не подвергая ни одну изъ сторонъ никакому наказанію, за взаимностью обидъ, штрафовать, въ то же время, обѣ стороны—или за нарушеніе тишины и спокойствія, или же по ст. 42-й—за пьянство.

— Этого мы не имѣемъ права дѣлать: на то вы и судья, чтобы разбирать дѣла, а не изобрѣтать особыхъ, незаконныхъ, пріемовъ къ ихъ уменьшенію.

Затѣмъ, Ж—овъ нѣсколько измѣнилъ тонъ.—Въ общемъ, сказалъ онъ, у васъ очень удовлетворительный процентъ движенія дѣлъ; одинаково, на ваши рѣшенія поступаетъ и немного апелляціонныхъ жалобъ—въ съѣздъ. Принимая же во вниманіе, что вы, сравнительно, служите недавно и несете службу въ министерствѣ юстиціи впервые, я нахожу ваши труды по должности удовлетворительными и лишь буду просить васъ принять къ руководству, на предбудущее время, всѣ сдѣланныя мною указанія, а равно и тѣ, которыя вамъ будутъ сдѣланы однимъ изъ моихъ чиновниковъ.

Я молча поклонился.

Ж—овъ перешелъ къ дѣламъ М—ича:

— Обревизовавъ тщательно всѣ дѣла 4-го участка, я не считаю

себя въ правѣ умолчать о томъ, что порядокъ судопроизводства въ этомъ участкѣ можетъ быть признанъ образцовымъ во многихъ, если не во всѣхъ, отношеніяхъ.

Тутъ Ж—овъ сдѣлалъ нѣкоторую паузу, во время которой М—ичъ, слегка поклонившись торжественно оглядѣлъ всѣхъ насъ, своихъ коллегъ. Затѣмъ, ревизоръ пробовалъ-было подпустить и М—ичу кое-какихъ шпилекъ, но тотъ, что называется, не далъ ему и пикнуть. Вся бѣда Ж—ва была, на этотъ разъ, въ томъ, что онъ, никогда не будучи мировымъ судьею, не могъ постигнуть вполнѣ духа этой должности и овладѣть, такъ-сказать, пониманіемъ ея внутренняго механизма; и если уже мнѣ не трудно было парировать нѣкоторыя пустяшныя замѣчанія, то М—ичу, который былъ гораздо опытнѣе меня и болѣе знающъ, отбивать маленькія нападки и зацѣпки ревизора было еще легче. Ж—овъ быстро это сообразилъ и понялъ, и тотчасъ же затянулъ вновь хвалебную пѣснь дѣятельности М—ича.

Наступила очередь и мироваго судьи 3-го участка. Ж—овъ, копируя хорошихъ нашихъ ораторовъ, которыхъ онъ не только много разъ слыхалъ, но и зналъ лично, приступая къ резюме судейской дѣятельности Л—уза, очень искусно исказилъ свое лицо, какъ будто-бы онъ наступилъ на какую-нибудь гадость. Затѣмъ, выдержавъ этотъ театральный пріемъ нѣсколько секундъ, онъ началъ:

— Съ чувствомъ глубочайшаго негодованія приступаю я къ нѣкоторой оцѣнкѣ вашей судейской дѣятельности. Я пораженъ тою смѣлостью и безнаказанностью, съ которою вы дозволяли себѣ эти безконечныя позаимствованія частныхъ и казенныхъ денежныхъ суммъ, попадавшихъ въ ваши руки.

— Всѣ эти суммы поступили по назначенію, слабо прошепталъ мировой судья 3-го участка.

— Да-съ, поступили за нѣсколько дней до моей ревизіи! срѣзалъ его Ж—овъ:—когда вы, вѣроятно, знали уже, что я разсматриваю дѣла сосѣдняго съѣзда. А вы пользовались, иногда, этими деньгами — напримѣръ, 700 рублями сиротскихъ, поступившихъ къ вамъ отъ опекуна N. N., для взноса въ казначейство, въ теченіе двухъ лѣтъ!.. Вы даже не вносили въ казначейство, ежемѣсячно, судебныхъ пошлинъ, получаемыхъ вами!

Л—узъ безнадежно поникъ головой и сидѣлъ красный какъ ракъ.

Ревизоръ продолжалъ:

— А эта медленность въ судопроизводствѣ! я ни у кого еще не встрѣчалъ ничего подобнаго! Вы даже арестантскія дѣла не разбираете по нѣсколько мѣсяцевъ. Я знаю, вы были уже подъ судомъ и подвергнуты дисциплинарному взысканію за свои крайне небрежныя отношенія къ службѣ; но это—увы!. васъ не исправило.—И Ж—овъ

долго еще говорилъ на тему безконечныхъ служебныхъ прегрѣшеній нашего лѣниваго и безцеремоннаго коллеги, который то блѣднѣлъ, то краснѣлъ отъ словъ говорившаго.

Затѣмъ, Ж—овъ перешелъ къ результатамъ ревизіи дѣлъ нашего съѣзда, покушаясь тоже разнести его. Когда, наконецъ, онъ окончилъ всѣ свои «резюме и замѣчанія», то перешелъ на другія темы: онъ сталъ насъ разспрашивать о разныхъ мѣстныхъ условіяхъ нашей дѣятельности, о судебной практикѣ въ камерахъ—случалось ли, напримѣръ, намъ примѣнять въ своихъ рѣшеніяхъ ст. 130 гражданскаго судопроизводства; случалось ли, чтобы стороны обращались къ намъ по 30 ст. того же суд.—т. е. разбирали ли мы крупныя гражданскія дѣла? и проч. Мы удовлетворяли это оффиціальное и обязательное любопытство Ж—ова какъ могли, хорошо видя и понимая, что все это одни только «разговоры».

Наконецъ, Ж—овъ поднялся съ своего кресла, распрощался съ нами и ушелъ во внутренніе апартаменты; а въ пріемную вошли «жучки» и товарищъ прокурора поповичъ Г—скій и стали тоже шпынять насъ по нѣкоторымъ дѣламъ нашихъ камеръ; въ дѣлахъ этихъ они схватывали одну только формальную, внѣшнюю сторону, не имѣя никакого понятія объ общемъ характерѣ и движеніи дѣлъ у мировыхъ судей. М — ичъ и я отбивались отъ нихъ еще болѣе смѣло и удачно, чѣмъ отъ нападокъ ревизора. Л—узъ сидѣлъ какъ убитый, а К—скій куда-то исчезъ совсѣмъ—то-есть, мы и не замѣтили, что онъ вернулся въ комнаты Ж—ова. Еще не успѣли мы покончить нашихъ турнировъ съ «жучками», какъ изъ кабинета ревизора быстро вошелъ къ намъ его лакей и попросилъ Л—уза, какъ предсѣдателя нашего съѣзда, къ Ж—ову; затѣмъ изъ комнаты Ж—ова прошелъ мимо насъ К—скій и, ни съ кѣмъ не прощаясь и даже не останавливаясь у своихъ дѣлъ, на которыя накинулись было «жучки», прошелъ въ переднюю, одѣлся и ушелъ домой. Черезъ нѣсколько минутъ Л—узъ вернулся и сообщилъ намъ тяжелую и грустную вѣсть: К—скій, какъ можно было заключить изъ его разговора съ ревизоромъ, моментально сошелъ съ ума... Онъ, оказывается, вернулся къ Ж—ову и сталъ просить его спасти жизнь ему, К—скому, на которую покушаются и его товарищи-судьи, и губернаторъ, и доктора, и даже «всѣ его знакомые...» Такъ отразились на этомъ миломъ, честномъ и добромъ человѣкѣ незаслуженныя имъ несчастія: смерть двухъ любимыхъ дочекъ и преданіе суду за чужую вину! Ревизія Ж—ова и его неумѣстныя замѣчанія по адресу К—скаго были послѣднею каплей, окончательно омрачившей разсудокъ этого несчастнаго человѣка; съ тѣхъ поръ. я его такъ и не видѣлъ. Къ нему сейчасъ же командировали доктора и фельдшера на дежурство изъ боязни, чтобы онъ не сдѣлалъ надъ

собою чего нибудь, и дали телеграмму его женѣ, а всѣ дѣла пришлось, пока, принять мнѣ. Этимъ трагическимъ эпизодомъ и окончилась тогда ревизія нашего съѣзда Ж—овымъ. Мы забрали отъ «жучковъ» всѣ свои дѣла и книги, страшно перепутанныя ими, передали ихъ своимъ письмоводителямъ, а секретарь съѣзда забралъ свои дѣла, и въ тотъ же день, рискуя даже ночевать въ дорогѣ, выѣхали въ Литинъ, покончивъ, такимъ образомъ, наше тяжелое «летичевское сидѣніе».

Всю дорогу М—ичъ былъ чрезвычайно веселъ, такъ какъ его участокъ оказался лучшимъ,—и онъ заключилъ, что теперь Ж—овъ не въ силахъ будетъ ему повредить, несмотря на все свое желаніе. Ни онъ, ни я еще не знали тогда того, о чемъ узнали впослѣдствіи, именно что Ж—овъ, желая, во что бы то ни стало, отомстить нашему съѣзду за свою «болѣзнь», вышелъ изъ сферы своихъ полномочій и не удовлетворился однимъ лишь обревизованіемъ нашей судебно-мировой дѣятельности: онъ, тщательно собиралъ отъ товарищей прокуроровъ, отъ полиціи и своихъ «жучковъ» всевозможныя о насъ сплетни, слухи и мнѣнія и все это заносилъ въ свою памятную книжку фискальныхъ дознаній, въ pendant къ нашей характеристикѣ. Такъ напр., о М—ичѣ онъ подробно записалъ исторію о высѣченной его тестемъ дѣвушкѣ, а также и всѣ выдумки и сплетни объ этомъ, дѣйствительно, «образцовомъ» судьѣ, распускаемыя еврейскими и всякими иными плутоватыми адвокатами, которымъ, во время предсѣдательства М—ича, не было ни ходу, ни заработковъ въ нашемъ съѣздѣ, такъ какъ М—ичъ прямо даже отказывалъ имъ въ выдачѣ установленныхъ «свидѣтельствъ» для хожденія по чужимъ дѣламъ. Обо мнѣ Ж—овъ вызналъ исторію съ домомъ, «купленнымъ безъ денегъ, на векселя», какъ онъ «доложилъ» потомъ; записалъ, конечно, и исторію побитія Іоськи К—ера, а можетъ быть и еще какія-нибудь сплетни, о которыхъ мнѣ хотя и не сказали, но въ конечномъ результатѣ взяли все-таки «подъ сумлѣніе»: такъ, при назначеніи, впослѣдствіи, въ нашъ съѣздъ новыхъ судей, я не былъ назначенъ предсѣдателемъ, на что имѣлъ полнѣйшее право, какъ единственный старый судья, оставшійся послѣ ревизіи.

Когда мы пріѣхали обратно въ Литинъ, въ стѣны нашего съѣзда, и встрѣтились тамъ съ судьей 3-го участка, то М—ичъ, обращаясь съ нему, въ виду нависшей надъ нимъ бѣды, по-прежнему дружелюбно, сказалъ ему:

— Вотъ видите, не помогло вамъ, что вы поступили не по-товарищески и поскакали, первый, къ Ж—ову. Что̀ же вы думаете дѣлать теперь?

— Я знаю, что погибъ, и ничего уже не могу придумать, отвѣчалъ убитый Л—узъ.

— Вамъ надо спасаться: вѣдь васъ могутъ не только уволить отъ должности, но и отъ службы, да еще, пожалуй, предадутъ суду, а вѣдь у васъ восемь человѣкъ дѣтей! Вотъ мой вамъ совѣтъ: скачите за ревизоромъ въ Винницу, куда онъ теперь направляется, и тамъ вымолите себѣ у него хотя «снихожденіе».

Л—узъ послушался и на другой же день полетѣлъ въ Винницу. Участь его была, дѣйствительно, смягчена впослѣдствіи: онъ былъ лишь уволенъ отъ должности и причисленъ къ министерству, наравнѣ съ ни въ чемъ неповиннымъ М—ичемъ. Потерявъ мѣсто, онъ и его семья очутились безъ всякихъ средствъ и еще съ долгами на шеѣ. Жена его не вынесла горя и вскорѣ умерла; самъ же онъ и его несчастныя дѣти долго бѣдствовали, пока, наконецъ, онъ получилъ мѣсто товарища прокурора въ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Нашъ ревизоръ окончилъ свою служебную карьеру тоже неестественною, такъ сказать, смертью. Такъ какъ, вслѣдствіе его ревизіи— по его, конечно, представленію — уволено было въ Подольской губерніи, разомъ, 15 судей, между которыми были, напр., такія лица, какъ мировой судья города Винницы г. Ч—нъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, или какъ нашъ М—ичъ, дѣятельность котораго самъ Ж—овъ призналъ «образцовой»,—а между тѣмъ, въ то же самое время, уцѣлѣли нѣкоторые судьи, подвергнутые, еще ранѣе, остракизму со стороны общества, какъ люди завѣдомо нечестные [1]), то въ министерство, конечно, посыпалась масса жалобъ на несправедливость и пристрастіе отчета Ж—ова, и въ результатѣ вышло вотъ что: тогдашній министръ юстиціи Д. Н. Набоковъ, руководясь присущимъ ему чувствомъ справедливости, вынужденъ былъ командировать въ Подольскую губернію новаго ревизора, для провѣрки, такъ сказать, ревизіоннаго отчета Ж—ова,—который, въ концѣ-концовъ, и перебрался изъ министерства юстиціи въ департаментъ полиціи; оттуда онъ шагнулъ-было очень широко—въ N—скіе губернаторы, но ненадолго,—и по этому поводу мнѣ довелось слышать слѣдующее. Когда произошло крушеніе пресловутаго скопинскаго банка, то арестовали прежде всего, конечно, директора Рыкова и забрали всѣ его денежныя записныя книжки, гдѣ были отмѣчены и «негласные» расходы этого «дѣльца», расхитившаго нѣсколько милліоновъ сбереженій частныхъ лицъ и монастырей; и вотъ, въ этихъ драгоцѣнныхъ для будущаго историка банковскихъ краховъ

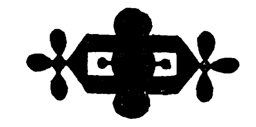
---

[1]) Между прочимъ, уцѣлѣлъ, напр., одинъ судья города Каменца, Д—ичъ, вывѣшенный въ мѣстномъ клубѣ на черную доску—за неплатежъ карточныхъ проигрышей. Послѣ ревизіи Ж—ова его только перевели—изъ К—ца въ Литинъ.

на Руси документахъ встрѣтилось нѣсколько роковыхъ строкъ и цифръ, касавшихся и г-на Ж—ова, получившаго изъ всероссійскаго пирога, съѣденнаго Рыковымъ, порядочный-таки кусочекъ,—и нашъ строгій Катонъ вынужденъ былъ, volens-nolens, соскочить съ рельсовъ и оставить службу «по домашнимъ обстоятельствамъ»... Sic transit gloria mundi!

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

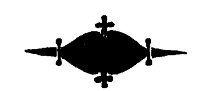
По поводу обращенія нѣкоторыхъ табельныхъ дней въ присутственные.

Святѣйшаго Правительствующаго Синода Правительствующему Сенату вѣдѣніе.

23-го февраля 1805 года.

По именному его императорскаго величества указу, данному Святѣйшему Синоду сего мѣсяца въ 21-й день за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: «въ 27-й день генваря сего 1805 году, утвердивъ представленный министромъ юстиціи докладъ нашею конфирмаціею, въ коемъ изъяснены неудобства, препятствующія доселѣ теченію дѣлъ въ департаментахъ Правительствующаго Сената къ крайнему отягощенію тяжущихся, къ пресѣченію коихъ повелѣли мы умножить департаменты и даже нѣкоторые табельные дни обратили въ присутственные, какъ въ самомъ Сенатѣ, такъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ надеждѣ, что сими способами попеченіе наше о благѣ вѣрноподданныхъ воспріиметъ желаемый успѣхъ и дастъ возможность судебнымъ мѣстамъ оканчивать дѣла рѣшеніемъ въ свое время. Напротивъ того, не находимъ мы убѣдительныхъ причинъ вводить въ сію обязанность и духовныя мѣста, ибо: 1-е, прибавленіе присутственныхъ дней можетъ помѣшать духовенству какъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, такъ и въ подвѣдомственныхъ ему мѣстахъ въ первѣйшей ихъ обязанности въ праздничьи и торжественные дни совершать божественную литургію съ установленными молебствіями у двора нашего и въ прочихъ церквахъ. 2-е, поступающія въ Синодъ дѣла, въ теченіе года и при трехъ дневныхъ въ недѣлю присутствованіяхъ, оканчиваются безостановочно. И такъ по симъ обстоятельствамъ нужнымъ считаемъ Святѣйшему Синоду повелѣть вышесказанное законопостановленіе о обращеніи нѣкоторыхъ табельныхъ дней въ присутственные, по мѣстамъ гражданской части, на духовный департаментъ и ему подвѣдомственныя мѣста не распространять, а поступить въ семъ случаѣ на основаніи правилъ церкви и прежде изданныхъ узаконеній ненарушимо, о чемъ и имѣетъ Святѣйшій Синодъ съ своей стороны учинить надлежащее распоряженіе».

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Матеріалы по исторіи русской цензуры.

III [1]).

Пока шла переписка между заинтересованными вѣдомствами, министерство внутреннихъ дѣлъ разработало проектъ циркуляра цензурнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ цензорамъ, которымъ предполагалось отмѣнить изданныя въ дополненіе къ цензурному уставу съ 1828 г. по 1-го января 1862 г. многочисленныя постановленія; циркуляръ этотъ сводился къ слѣдующимъ 12-ти пунктамъ:

1) Во всѣхъ произведеніяхъ печати не допускать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіанскихъ исповѣданій, охранять неприкосновенность основныхъ законовъ, верховной власти, особъ царствующаго дома, народную нравственность, *честь и домашнюю жизнь* каждаго.

2) Не допускать къ печати статей съ изложеніемъ теорій соціалистическихъ и коммунистическихъ, если только онѣ не имѣютъ прямою цѣлью безусловно опровергнуть эти теоріи и показать ихъ несостоятельность во всѣхъ отношеніяхъ.

3) Въ книгахъ и журналахъ дозволять ученыя разсужденія о несовершенствѣ законовъ, отнюдь не касаясь основныхъ законовъ Имперіи. и допускать предложенія мѣръ къ устраненію сихъ несовершенствъ и недостатковъ, если только эти мѣры не противны основнымъ законамъ. Равнымъ образомъ допускать въ книгахъ и журналахъ ученыя разсужденія о недостаткахъ и случающихся злоупотребленіяхъ въ администраціи, отнюдь не поименовывая лицъ.

4) Статьи, указанныя въ предыдущемъ пунктѣ, не дозволять въ

[1]) См. „Рус. Стар.“ апрѣль 1897 г.

тѣхъ журналахъ и ежедневныхъ газетахъ, которыя продаются дешевле 15-ти рублей въ годъ.

5) Не допускать къ печати статьи: а) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія къ другому, и б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями и должностями военной и гражданской службы.

6) Не дозволять распубликованіе по однимъ слухамъ предполагаемыхъ будто бы правительствомъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ.

7) Статьи за подписью правительственныхъ лицъ дозволять къ печатанію не иначе, какъ по тщательномъ удостовѣреніи въ дѣйствительной присылкѣ ихъ отъ таковыхъ лицъ.

8) Не дозволять статей такъ называемой обличительной литературы, въ которыхъ подъ вымышленными именами описываются дѣйствія, которыя, по слухамъ, приписываются извѣстнымъ лицамъ, не имѣющимъ средства оправдаться противъ обвиненій такого рода.

9) Въ отношеніи къ статьямъ и извѣстіямъ политическимъ наблюдать общее правило о чести и домашней жизни царствующихъ иностранныхъ государей и членовъ ихъ семействъ отъ оскорбленій печатнымъ словомъ и соблюденія приличія при изложеніи дѣйствій иностранныхъ правительствъ.

10) Обращать особенно строгое вниманіе на отдѣльныя книжки, брошюры и другія сочиненія, издаваемыя для народа, и не допускать въ нихъ никакого порицанія существующихъ постановленій и дѣйствія установленныхъ властей.

11) Руководствоваться прилагаемыми особыми постановленіями при цензированіи статей, касающихся части военной: сухопутной и морской, судебной, финансовой, государственныхъ имуществъ, предметовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія.

12) Редакція каждаго періодическаго изданія, представляя въ цензуру какую-либо статью, обязана знать, кто именно авторъ оной, для сообщенія по востребованію судебныхъ мѣстъ и министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Циркуляръ этотъ былъ представленъ на утвержденіе государя, но такъ и остался только въ проектѣ.

На мнѣніе барона Корфа, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ отвѣчалъ обширной запиской, которая была передана на разсмотрѣніе общаго присутствія II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; она была разсмотрѣна въ засѣданіяхъ 25-го мая, 1-го, 9-го, 15-го и 18-го іюня 1864 года. Въ своемъ отвѣтѣ и возраженіи баронъ Корфъ не прибавилъ ничего новаго, сравнительно съ первоначальнымъ мнѣніемъ, онъ только разсмотрѣлъ нѣсколько болѣе де-

тально постановленіе проекта о преступленіяхъ противъ чести. «Есть лица, говоритъ баронъ Корфъ, полагающія, что законъ долженъ преслѣдовать, какъ оскорбленіе чести, только поруганіе и клевету, т. е. къ первомъ случаѣ соединеніе чьего-либо имени съ выраженіями чисто бранными, а во второмъ—разглашеніе фактовъ, могущихъ нанести кому-либо ущербъ или вредъ въ общемъ уваженіи, и при томъ вымышленныхъ, оглашеніе же фактовъ истинныхъ, хотя бы и непріятныхъ для того или другаго лица, считать дѣломъ позволительнымъ и даже полезнымъ. Какъ ни заманчивы на первый взглядъ доводы, которыми мысль эта подкрѣпляется, и которые основаны на соображеніяхъ о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ гласности, о необходимости суда общественнаго мнѣнія, восполняющаго дѣйствія оффиціальнаго правосудія и т. д.: однако по тщательномъ обсужденіи предмета, я не могу не присоединиться къ мнѣнію составлявшей настоящій проектъ коммиссіи. Слѣдуя примѣру большей части иностранныхъ законодательствъ, она сочла необходимымъ установить наказаніе за опозореніе въ смыслѣ оглашенія всякаго оскорбительнаго для кого-либо факта, хотя бы даже истиннаго. Но остановившись на этой, по мнѣнію моему, совершенно справедливой мысли, составители проекта въ дальнѣйшемъ развитіи и примѣненіи ея уклонились, кажется, въ крайность, вслѣдствіе которой начертанныя ими правила на дѣлѣ были бы и не совсѣмъ справедливы, и довольно стѣснительны.

«Во-первыхъ, иностранныя законодательства, а еще болѣе утвердившаяся повсюду судебная практика, хотя и держатся вообще начала, что печатное оглашеніе оскорбительныхъ для кого-либо фактовъ есть дѣйствіе недозволенное, однако преступность каждаго поступка этого рода ставятъ въ ближайшую зависимость отъ обнаруженной при томъ злой воли обвиняемаго, и посему не признаютъ поступокъ подлежащимъ наказанію, если доказано, что обвиняемый не имѣлъ прямаго намѣренія принести кому-либо ущербъ въ его чести или имуществѣ. Какъ извѣстно, нерѣдко бываютъ случаи, когда оскорбленіе дѣлается совершенно неумышленно, т. е. когда самъ авторъ статьи не давалъ себѣ яснаго отчета, что обнаруживаемое имъ обстоятельство содержитъ въ себѣ что-либо обидное для того или другаго лица. Не дозволить суду избавлять отъ наказанія въ подобныхъ случаяхъ значило бы подавить и тѣ проявленія гласности, которыя нельзя не признать спасительными для общества. Проектъ же настоящаго устава вовсе не упоминаетъ объ означенныхъ случаяхъ, и даже въ опредѣленіи опозоренія не указываетъ на злую волю, какъ на необходимый элементъ этого преступленія.

«Во-вторыхъ, проектъ не только признаетъ всякое опозореніе подлежащимъ наказанію, но не дѣлаетъ вовсе никакого различія между опозореніемъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. оглашеніемъ факта дѣйствительнаго,

и клеветою, назначая за оба вида преступленія одну и ту же мѣру взысканія и запрещая подсудимому представлять доказательства въ подтвержденіе обнаруженнаго имъ. Отъ этого, съ одной стороны, исчезаетъ огромное различіе, существующее между оскорбленіемъ человѣка посредствомъ оглашенія какого-либо, касающагося его и на самомъ дѣлѣ случившагося, обстоятельства, и клеветою; съ другой же стороны, самъ оскорбленный ставится въ весьма затруднительное и непріятное положеніе, ибо для него часто самое важное не то, чтобы оскорбителя своего подвести подъ наказаніе, а то, чтобы оправдаться предъ обществомъ, чтобы изгладить подозрѣніе, которое успѣла набросить на него въ глазахъ публики зависть или злоба. Запрещеніе доказывать и розыскивать справедливость печатно приведенныхъ противъ него обстоятельствъ лишило бы его самаго необходимаго, законнаго, неотъемлемо ему принадлежащаго удовлетворенія».

У Джаншіева [1]) мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о порядкѣ слушанія проекта въ Государственномъ Совѣтѣ.

Въ январѣ 1865 г. департаментъ законовъ Государственнаго Совѣта приступилъ къ обсужденію проекта Валуева въ составѣ членовъ: Норова, барона Корфа, Литке, князя Долгорукова, Бахтина, Буткова, князя Горчакова, Валуева, Головнина, Замятнина, при статсъ-секретарѣ Зарудномъ. Единственный членъ, сдѣлавшій серьезную оппозицію проекту, былъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія Норовъ. Онъ возражалъ противъ смѣшенія предупредительной и карательной цензуры и видѣлъ въ такомъ смѣшеніи доказательство «нестойкости мнѣній при начертаніи устава». Въ частности Норовъ возсталъ противъ расширенія власти министра внутреннихъ дѣлъ и лишенія главнаго управленія по дѣламъ печати всякой самостоятельности и низведенія его на степень министерской канцеляріи. Ссылаясь на собственный опытъ по министерству народнаго просвѣщенія, Норовъ утверждалъ, что «громадная отвѣтственность за проявленіе мысли въ государствѣ едва-ли не свыше силъ одного человѣка». Для сохраненія престижа министерской власти Норовъ проектировалъ переносить въ комитетъ министровъ разногласія между нимъ и главнымъ управленіемъ. Но мнѣніе это не было принято, и проектъ Валуева прошелъ въ департаментѣ почти цѣликомъ. Измѣненія были сдѣланы только въ частностяхъ: такъ, отъ представленія залога освобождены были періодическія изданія, выходящія съ разрѣшенія предварительной цензуры; третье предостереженіе, влекшее за собою прекращеніе изданія, могло быть сдѣлано только съ разрѣшенія 1-го департамента Сената.

Самъ законъ, какъ видно изъ дневника Никитенко, вызвалъ много

---

[1]) См. его книгу „Изъ эпохи великихъ реформъ“, стр. 340 и сл.

разочарованій. «Вышли,—пишетъ Никитенко—новые законы о печати. Ихъ можно по справедливости назвать Валуевскими. Тутъ все подчинено произволу министра. Совѣтъ обреченъ играть жалкую роль. Сказано, что кругъ его дѣйствій и права тѣ же, какъ и у прочихъ совѣтовъ министерствъ, т. е. онъ составляетъ полное ничтожество. Но Валуевъ хочетъ придать ему значеніе другимъ шарлатанскимъ образомъ. Онъ объявилъ, что совѣтъ долженъ состоять изъ юристовъ. Почему тутъ нужны юристы, а не люди, основательно знакомые съ наукою и литературою,—этого ни самъ онъ, вѣроятно, да и никто другой не знаетъ».

IV.

Не только въ обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ новый законъ вызвалъ разочарованіе; объ этомъ можно судить изъ одной весьма важной всеподданнѣйшей записки министра внутреннихъ дѣлъ отъ 8 февраля 1868 г.; въ запискѣ этой между прочимъ сказано:

«Я часто слышалъ выраженіе мысли, что, при нѣкоторомъ умѣньи,—можно дать періодической печати соотвѣтственное правительственнымъ видамъ направленіе. Позволяю себѣ думать, что есть обстоятельства менѣе относительныя, которыя въ настоящемъ дѣлѣ имѣютъ прямое и преобладающее вліяніе. Съ одной стороны, неудовлетворительное направленіе прессы приписывается недостаткамъ или неудобствамъ закона 6-го апрѣля, и предполагается, что при другомъ законѣ и направленіе будетъ другое. Съ другой стороны, предполагается возможность созданія правительственной прессы, для противодѣйствія тѣмъ органамъ печати, въ которыхъ обнаруживается несоотвѣтствующее видамъ правительства направленіе. То и другое—мечта. Не существуетъ и не можетъ существовать такого закона о печати, которымъ политическая пресса была бы довольна, и который въ то же время могъ бы удовлетворять требованіямъ и потребностямъ сильнаго правительства. Всякій законъ есть узда, или преграда, а политическая печать естественно стремится къ полной свободѣ и потому жалуется на всякую узду и порывается преодолѣть всякую преграду. Гораздо легче сдерживать, въ болѣе или менѣе тѣсныхъ предѣлахъ, печать враждебную религіознымъ вѣрованіямъ или добрымъ нравамъ, потому что ея стремленія встрѣчаютъ менѣе сочувствія въ общественной средѣ, менѣе легко прикрываются приличною маскою и менѣе соприкасаются съ обиходными и повсемѣстными интересами общественной жизни. Что же ка-

сается такъ называемой правительственной прессы, то она возможна только тамъ, гдѣ есть организованныя политическія партіи, на которыя правительство опирается, или гдѣ есть избытокъ даровитыхъ или по крайней мѣрѣ способныхъ писателей, услугами которыхъ правительство можетъ пользоваться... Печать имѣетъ кромѣ отвлеченныхъ цѣлей и цѣли матеріальныя. Ей нужны подписчики или покупатели. Для увеличенія ихъ числа она изыскиваетъ средства къ возбужденію вниманія и участія читающей публики и приноравливается къ ея настроенію. Этого одного обстоятельства уже достаточно, чтобы ставить газеты въ разрѣзъ общимъ видамъ правительства. Правительственные интересы требуютъ, чтобы не были торопливо разглашаемы неосновательныя или тревожныя извѣстія; чтобы неблагопріятныя свѣдѣнія не были преувеличиваемы; чтобы случайнымъ административнымъ ошибкамъ или неудачамъ не было придаваемо общаго и усиленнаго значенія; чтобы объ успѣшныхъ и правильныхъ дѣйствіяхъ правительственныхъ властей упоминалось по крайней мѣрѣ столько же, сколько о дѣйствіяхъ неправильныхъ или безуспѣшныхъ; чтобы о благопріятныхъ отношеніяхъ администраціи къ разнымъ сословіямъ заявлялось точно такъ-же, какъ заявляется о случающихся столкновеніяхъ, и вообще, чтобы чувства довѣрія и уваженія къ правительству не были систематически колеблемы выраженіемъ разныхъ сомнѣній и распространеніемъ убѣжденія, что оно имѣетъ поводъ скрывать или представлять въ искаженномъ видѣ истинное положеніе дѣлъ. Читальный интересъ газетъ требуетъ совершенно противнаго. Чѣмъ независимѣе, т. е. безучастнѣе къ правительству считается органъ печати, тѣмъ болѣе придается вѣры и значенія всѣмъ его заявленіямъ и сужденіямъ. Стоитъ только дать себѣ точный отчетъ въ понятіи объ этой независимости, чтобы убѣдиться въ совершенно особомъ значеніи прессы. Въ Россіи между силами организованными и непрерывно дѣйствующими, не исключая изъ ихъ числа и православной церкви, нѣтъ ничего независимаго кромѣ прессы и новыхъ судовъ. Но кругъ дѣйствія судебной власти, при всемъ ея значеніи, ограниченъ или предопредѣленъ предметами ея вѣдомства. Кругъ дѣйствія прессы всеобъемлющъ. Нѣтъ такого вопроса, котораго она не могла бы коснуться, юридически безнаказанно, при соблюденіи извѣстныхъ формъ, при помощи извѣстныхъ оговорокъ или недоговорокъ и при нѣкоторомъ довѣріи къ догадливости читателей. Въ этомъ именно обстоятельствѣ заключается объясненіе всѣхъ сѣтованій на административный произволъ и того лицемѣрнаго предпочтенія, которое оказывается самою печатью, по относящимся до нея законодательнымъ вопросамъ, судебной власти передъ административною властью. Судъ не имѣетъ права догадываться. Весь вопросъ въ томъ, чтобы читатель могъ, въ извѣстныхъ случаяхъ,

догадаться; но, чтобы правительство не могло доказать, что и оно догадалось.

«Все вышеизложенное мнѣ кажется тѣмъ болѣе заслуживающимъ вниманія, что и отвлеченныя цѣли политической печати большею частью становятся въ разрѣзъ видамъ правительства. Предположеніе, будто который либо изъ органовъ этой печати желаетъ поддерживать и подкрѣплять правительственную власть, не что иное, какъ мечта. Печать стремится влiять на правительство, руководить имъ и устанавлять на прочныхъ основаніяхъ свой собственный авторитетъ, рядомъ съ авторитетомъ правительства. Это естественное, и потому повсемѣстное стремленіе печати. Ея тайные виды простираются еще далѣе. Въ настоящее время нѣтъ у насъ ни одной сколько-нибудь значительной газеты, которая бы искренно сочувствовала нашему государственному строю. Напротивъ, всѣ сочувствуютъ представительнымъ формамъ правительства. Не даромъ такъ постоянно ведется рѣчь о выгодахъ самоуправленія. Не даромъ такъ называемое «общество» систематически противопоставляется правительству, и сама печать такъ заботливо выставляетъ себя представительницею этого общества, блюстителемъ его нуждъ, заступникомъ его правъ и выраженіемъ его убѣжденій, стремленій и желаній. Если, въ отношеніи къ престолу, къ верховному началу самодержавія, къ Августѣйшему лицу Вашего Императорскаго Величества, всегда и вездѣ воздается и выражается должное, то не менѣе постоянно и заботливо выражается стремленіе отдѣлять отъ Вашего Величества всѣ высшія административныя учрежденія, дѣйствующія по Высочайшимъ Вашего Величества указаніямъ. Понятіе объ обществѣ, въ государственномъ значеніи, не можетъ быть понятіемъ, такъ сказать, нейтральнымъ, или простою отвлеченностью. Общество бездѣятельное и безгласное вовсе не можетъ быть тѣмъ обществомъ, о которомъ говоритъ пресса. Въ отношеніи къ этому обществу неизбѣжно предполагается извѣстная организація. Всякая организація предполагаетъ существованіе извѣстныхъ органовъ для отправленія извѣстныхъ обязанностей. Такими органами могутъ быть только прямые представители общества, а не само нареченное представительство газетъ и журналовъ. Къ этому общему выводу клонятся всѣ государственныя и общественныя теоріи нашей прессы. Между ея различными органами есть оттѣнки по формѣ, но не по существу мысли. Завѣтною мечтою «Голоса» можетъ быть система всеобщей подачи голосовъ; мечтою «Вѣсти»—преобладаніе крупныхъ землевладѣльцевъ; мечтою «Москвы» и «Москвича»—народное вѣче или земская сходка; мечты «Московскихъ Вѣдомостей» могутъ быть болѣе другихъ разсудительными и сдержанными; но онѣ всѣ имѣютъ одно общее свойство, и это

свойство заключается въ ихъ несходствѣ съ формами нашего государственнаго быта.

«Не слѣдуетъ подавлять прессу. При всѣхъ ея неудобствахъ и болѣе или менѣе вредныхъ стремленіяхъ и увлеченіяхъ она приноситъ несомнѣнную пользу. При томъ у насъ и нельзя ее подавить; если же можно,—то не надолго. Она развилась и окрѣпла подъ вліяніемъ данной среды и естественной силы вещей. Государство, въ которомъ есть земскія учрежденія и независимый гласный судъ, уже не можетъ обходиться безъ довольно широкой мѣры печатной гласности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Вліяніе прессы ощущается не только въ разныхъ слояхъ такъ называемаго общества, но и во всѣхъ областяхъ и почти на каждомъ шагу правительственной дѣятельности. Это вседневный и повсемѣстный фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но именно въ виду этого факта, если не слѣдуетъ и нельзя подавить прессы, то тѣмъ болѣе необходимо ее сдерживать твердою рукою въ извѣстныхъ предѣлахъ. Чѣмъ болѣе возрастаетъ ея значеніе и вліяніе, тѣмъ настоятельнѣе, для прочности государственнаго порядка, потребность въ противопоставленіи ей сильной правительственной власти».

Какое дальнѣйшее движеніе получили эти предположенія, намъ неизвѣстно; но въ подлинномъ дѣлѣ имѣются указанія, что кое что затѣвалось и предполагалось сдѣлать; такъ—было образовано «Особое Совѣщаніе по дѣламъ печати». Совѣщаніе это было учреждено 5 ноября 1880 года, предсѣдателемъ его былъ графъ Валуевъ. До насъ дошло одно весьма любопытное частное письмо, писанное на имя предсѣдателя этого совѣщанія. Письмо это, помѣченное 1880 г., настолько интересно, что мы считаемъ нужнымъ воспроизвести его in extenso.

«Изъ газетъ освѣдомился я, что въ коммиссію по дѣламъ печати, учрежденную подъ предсѣдательствомъ вашего сіятельства, вызывались нѣкоторые издатели и редакторы газетъ и журналовъ, которымъ дозволено было заявить о ихъ пожеланіяхъ касательно предположеній о дарованіи льготъ для нашей печати. Вѣроятно, ваше сіятельство согласитесь, что въ дѣлахъ печатнаго слова заинтересованы не одни редакторы, но и все общество; я рѣшаюсь при этомъ сказать, что общественное мнѣніе гораздо больше страдаетъ отъ монополіи нашей печати, нежели періодическія изданія отъ строгости цензуры. Когда газеты и журналы наши говорятъ, что на ихъ страницахъ можно найти мнѣніе той среды, которую называютъ обществомъ, то они лгутъ и обманываютъ правительство; ни одна газета и ни одинъ журналъ не помѣстятъ на своихъ страницахъ такой статьи, которая хоть на одну іоту не сходится съ предвзятыми мнѣніями редактора, такъ что общественное мнѣніе у насъ совершенно задавлено, и если кто рѣшится заявить во всеуслышаніе свое мнѣніе, тотъ долженъ издавать особыя

брошюры, какъ это сдѣлалъ и я, издавъ двѣ книги подъ заглавіемъ: «Борьба съ лгущей ученостью». Изъ этого ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что если правительству нашему благоугодно будетъ даровать печатному слову нѣкоторыя льготы, то такого блага больше заслуживаютъ тѣ мыслители, которые были бы готовы бороться со всеобщимъ невѣжествомъ, но не находятъ возможности этого сдѣлать по той единственной причинѣ, что редакціи газетъ и журналовъ, завладѣвъ печатнымъ словомъ, сдѣлались только проводниками измышленій редакторовъ и ихъ сотрудниковъ. Измышленія эти въ продолженіе болѣе 20-ти лѣтъ старались развивать въ умахъ молодаго поколѣнія такія идеи и вѣрованія, которыя привели несчастную эту молодежь къ такимъ преступленіямъ, о которыхъ у насъ прежде не было никакого понятія. Періодическая наша печать безпрестанно предлагала нашему юношеству ученія, взятыя изъ послѣднихъ выводовъ науки, а выводы эти отвергали все: безсмертіе души человѣческой, догматы христіанской религіи, божественность Іисуса Христа и даже существованіе самаго Бога. Столь сильное осужденіе нашей періодической печати обязываетъ меня представить вашему сіятельству доказательство того, что я говорю правду; вотъ эти доказательства: Въ «Отечеств. Запискахъ» была напечатана статья: «Философія исторіи на научной почвѣ». Авторъ ея, философъ Лесевичъ, вотъ какія проводилъ идейки: «ученые экзегеты, говорилъ онъ, Бауэры и Штраусы точно термиты забрались во всѣ углы и щели стараго зданія,.... повидимому, все благополучно, все на своемъ мѣстѣ, ничто не шевелится. Но это только такъ кажется, на самомъ дѣлѣ основаніе зданія подточено, весь скрѣпляющій его цементъ превращенъ въ порошокъ и съ минуты на минуту надо ожидать, какъ оно грохнетъ среди всеобщаго ужаса». Бауэръ и Штраусъ были писатели антихристіанскаго направленія, слѣдовательно, словами своими г. Лесевичъ хочетъ сказать, что зданіе христіанской церкви, подточенное Штраусомъ и Бауэромъ, скоро рухнетъ, несмотря на слова Спасителя: «созижду церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ея». Теперь я обращу вниманіе ваше на другое изданіе, а именно «Голосъ». Тамъ г. К., разсуждая о бракѣ, говоритъ. будто бракъ есть не что иное, какъ обычай, не всегда впрочемъ соблюдавшійся. Это суесловіе родилось у г. К. при разсужденіяхъ его о гражданскомъ бракѣ, которому онъ такимъ образомъ покровительствуетъ. Въ одномъ изъ фельетоновъ «Голоса» авторъ, разбирая сочиненіе г.г. Скворцова и Осокина, потрудился написать такой разборъ этихъ сочиненій, въ которомъ, безъ всякаго основанія, дѣлаетъ укоризны церкви и силится набросить невыгодную тѣнь на христіанскіе догматы. Такова въ этомъ разборѣ замѣтка о томъ, что на Вселенскихъ соборахъ догматы установлялись не единомысліемъ, а по большинству голосовъ,

а иногда вліяніемъ якобы сильныхъ. Мало этого, по его словамъ, мнѣніе объ естествѣ Сына Божія получило перевѣсъ надъ мнѣніемъ Арія только благодаря постороннему вліянію. Газета «Голосъ», при разборѣ произведеній г.г. Скворцова и Осокина, упомянувъ объ избіеніи альбигойцевъ и объ опустошеніи Лангедока, говоритъ: «Неужели во всѣ эти эпохи, мыслитель не былъ бы въ правѣ воскликнуть, какъ это сдѣлалъ въ наше время одинъ французскій писатель: «вотъ уже сколько лѣтъ, какъ родился Искупитель, а еще не настало искупленія. Что же это за Искупитель, который хотя и явился, но искупленія еще не послѣдовало». Очевидно, что французскій писатель, заявляя эту идею, хотѣлъ сказать, что и самого Искупителя еще не являлось. Вотъ какія мнѣнія г. К. допускалъ въ своей газетѣ, вѣроятно, въ видахъ покровительства свободомыслія. Но свободомысліе это заходитъ такъ далеко, что граничитъ съ намѣреніемъ отвлекать молодое поколѣніе отъ всего святаго и, прежде всего, отъ христіанской религіи. Взгляну теперь на другихъ проповѣдниковъ лжи. Въ 1869 году издавался журналъ подъ названіемъ «Космосъ»; въ этомъ изданій, помѣщалось множество самыхъ превратныхъ идей; такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «внѣ жизни нѣтъ и не можетъ быть ничего для человѣка, а въ жизни все». Кто же не видитъ, что въ этихъ словахъ проповѣдуется матеріалистическая идея о томъ, что для человѣка будущей жизни нѣтъ? А вотъ еще въ такомъ же родѣ разсужденіе г. А—ча: «во сколько разъ стало бы человѣчество счастливѣе, если бы масса его прозрѣла и убѣдилась, что много изъ того, что оно считаетъ непреложной истиной, или неизбѣжнымъ закономъ и предопредѣленіемъ судьбы, есть невѣжественный предразсудокъ, гибельный для всѣхъ, хотя и кажущійся выгоднымъ для нѣкоторыхъ». Хотя г. А—чъ и не говоритъ, отъ какихъ это предразсудковъ должно избавиться человѣчество, чтобы быть счастливымъ, но и безъ его объясненій хорошо понятно, что тутъ дѣло идетъ о всемъ томъ, что̀ свято для христіанина, и что̀, напротивъ того, матеріалисты считаютъ суевѣріемъ и предразсудками. Загляну теперь въ нѣкоторыя книжки иностранныхъ писателей, съ великою поспѣшностью переводимыхъ на русскій языкъ. Въ 1870 году была напечатана книга подъ названіемъ «Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ» сочиненія Гартполя Лекки. «Голосъ», всегда сочувственно относящійся къ крайнимъ мнѣніямъ, въ одномъ изъ №№ за 1871 годъ оповѣстилъ нижеслѣдующія бредни г. Лекки: «авторъ ея старается доказать, что въ религіи для человѣка обязательно только то, что согласно съ его совѣстью, и что все догматическое ученіе христіанской церкви, непонятное для человѣческаго разума, необязательно для вѣрующаго......» Никому, конечно, не безъизвѣстно, что издавался у насъ журналъ «Знаніе». Въ журналѣ этомъ всѣ

крайнія идеи развивались совершенно въ безцеремонной формѣ; такъ, напримѣръ: въ «Знаніи» 1875 года мы читаемъ слѣдующее: «Наука перевела всю удивительную красоту и порядокъ во вселенной въ слѣпую механику»... «Гармонія звѣздныхъ путей не предопредѣлена, а выработалась ими самими».... «Природа, не управляемая принципомъ цѣлесообразности, въ результатѣ все-таки достигаетъ цѣлесообразности»... «Виды, не исключая и человѣка, не созданы, а развились постепенно»... «Матерія во всѣхъ царствахъ природы управляется по началамъ желанія или нежеланія»... Въ 1876 году журналъ «Знаніе» подчивалъ своихъ читателей вотъ еще какими диковинками: «весь міръ и вся вселенная составилась посредствомъ распредѣленія и перераспредѣленія матеріи».... Не ясно-ли, что такими разсужденіями отстраняется всесильное слово Творца—«да будетъ»! И такими-то суесловіями набивая головы юношей, не переставали въ то же время переводить съ иностранныхъ языковъ книги самаго возмутительнаго свойства. Появилась книга Фламмаріона подъ названіемъ. «Богъ въ природѣ». Вотъ что можно прочитать въ этой книгѣ: въ ней нѣсколько разъ отождествляется христіанство съ различными религіозными сектами; христіанство считается отсталымъ; христіанскій взглядъ на міръ—средневѣковымъ предразсудкомъ; богословы называются фанатиками, людьми неблагоразумными, болѣе нелѣпыми, чѣмъ матеріалисты. Въ этой книгѣ Фламмаріонъ смѣется надъ христіанскимъ ученіемъ, и о наслѣдственности прародительскаго грѣха проповѣдуется теорія невмѣняемости чувственныхъ пожеланій. Когда, такимъ образомъ, большая часть нашей журналистики силилась ввести въ сферу русской жизни всѣ отрицательныя идеи Запада, то, съ другой стороны, цѣлыя иностранныя книги, самаго безбожнаго направленія, переводились съ неудержимой поспѣшностью. При этомъ надобно замѣтить, что если случалось переводить кому-нибудь ученую книгу, автора съ христіанскимъ направленіемъ, то переводчикъ выбрасывалъ изъ своего перевода все, что могло бы служить спасительнымъ предостереженіемъ для молодежи отъ тѣхъ вредныхъ идей, которыя, подъ именемъ послѣднихъ выводовъ науки, наполняли столбцы большей части нашихъ періодическихъ изданій. На этомъ однакожъ наши просвѣтители не остановились; они всѣ книги, журналы и статьи, не согласные съ ихъ направленіемъ, награждали грубыми насмѣшками...... Въ то же самое время осмѣивались такія книги, какъ «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ» Погодина. Гораздо прежде этой книги, Гоголя закидали грязью за его «Переписку съ друзьями»; между тѣмъ какъ книга Погодина, такъ и Гоголя «Переписка съ друзьями» ничего въ себѣ не заключали, какъ одни высоконравственныя чувства, отъ которыхъ не отказался бы ни одинъ истинный христіанинъ и честный

гражданинъ. Печать наша, идя по вышеозначенному направленію, выработала изъ нѣкоторой части нашей молодежи такихъ людей, для которыхъ ни божескіе, ни человѣческіе законы ничего не значили. Нельзя при этомъ умолчать, что очевидно антихристіанское направленіе нашей печати почти никогда не подвергалось ни предостереженіямъ, ни запрещеніямъ нашей цензуры, тогда какъ малѣйшій намекъ въ отношеніи администраціи тотчасъ заслуживалъ предостереженіе, а иногда и самое запрещеніе газеты. Это послѣднее обстоятельство давало нашей печати поводъ представлять изъ себя гонимую невинность, жалуясь на строгость цензурныхъ законовъ. При этихъ жалобахъ печать конечно умалчивала о томъ, что если она съ одной стороны была прижата цензурой къ стѣнѣ, то, съ другой стороны, пользовалась полной свободой рѣшать какіе ей угодно вопросы, безпредѣльно важнѣйшіе тѣхъ, за которые она получала предостереженіе. И, такимъ образомъ, газеты наши и журналы, ободряемые безнаказанностью, все болѣе и болѣе вводили въ умы нашей молодежи идеи антихристіанскаго направленія, самомалѣйшую только часть которыхъ я имѣлъ честь представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства. Мнѣ не трудно бы было доказать, что наша печать, въ послѣднее полугодіе, весьма развязно разсуждала также о всѣхъ правительственныхъ мѣрахъ, принимавшихся для пользы всей имперіи. И вотъ эта-то самая печать, не стыдившаяся подвергать цинической критикѣ самыя святыя для христіанина вѣрованія, эта же самая печать, безпрепятственно порицавшая распоряженія правительства, требуетъ теперь для себя какой-то еще болѣе обширной свободы въ отношеніи своихъ изданій.

«Если ваше сіятельство удостоите прочитать все мною написанное, то я увѣренъ, что вы согласитесь въ весьма горькой истинѣ, а именно: что эпидемія безвѣрія, давно свирѣпствующая въ средѣ западныхъ народовъ, коснулась и нашего отечества и при томъ самыхъ нѣжныхъ отпрысковъ общественнаго организма. Г-нъ Достоевскій въ романѣ своемъ «Братья Карамазовы» выводитъ на сцену 12-ти лѣтняго ребенка, который, разговаривая съ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ, весьма развязно сознавался, что онъ революціонеръ и анархистъ по убѣжденію; когда же зашла рѣчь о Богѣ, то этотъ маленькій соціалистъ, не обинуясь, утверждалъ, что Богъ—есть гипотеза. Кто же виноватъ въ подобномъ развратѣ дѣтскихъ даже умовъ? Положа руку на сердце, я отвѣчаю: въ этомъ по большей части виновата наша періодическая печать. Я не говорю, чтобы всѣ ея органы шли по одному вредному направленію; нѣтъ, я подраздѣляю нашу печать на три категоріи: одна часть нашей печати, безъ всякихъ обиняковъ, противорѣчила догматамъ христіанской религіи; другая, хотя и не осмѣливалась явно проводить тѣ же идеи, однакожъ наполняла столбцы своихъ изданій вы-

писками изъ самыхъ вредныхъ иностранныхъ книгъ; третья часть нашей печати шла совершенно по другому направленію; видимо было, что она не сочувствуетъ развитію вредныхъ идей, иногда она пускалась даже въ осужденія какой-либо статьи или переведенной съ иностраннаго языка книги, явно идущей напроломъ противъ самаго Бога, но все это она дѣлала весьма вяло и поверхностно.

«Теперь позволю себѣ высказать мнѣнія о томъ, чего можетъ ожидать наша періодическая печать отъ правительства въ удовлетвореніе тѣхъ просьбъ, которыя были представлены въ коммиссію лично нѣкоторыми журналистами. Я давно выражалъ по этому предмету свое мнѣніе и теперь отъ него не отрекаюсь. Мнѣніе это состоитъ въ томъ, чтобы запрещеніе газетъ и журналовъ, на какое бы то ни было время, было производимо по судебному приговору. Что касается провинціальной печати, то нѣтъ, кажется, причины не сравнять ее наконецъ съ правами столичныхъ изданій. Для общественной мысли желательно, чтобы она, независимо отъ газетъ и журналовъ, могла безъ предварительной цензуры являться на свѣтъ Божій. Конечно, и въ настоящее время дозволено печатать безъ цензуры до 10-ти печатныхъ листовъ, но 10 печатныхъ листовъ составляютъ цѣлую книгу, на изданіе которой не у всякаго хватаетъ средствъ и времени. Правительство сдѣлало бы большое благодѣяніе для общественной мысли, если-бъ оно дозволило издавать въ свѣтъ безъ предварительной цензуры, вмѣсто 10-ти печатныхъ листовъ, не менѣе пяти страницъ; само собою разумѣется, до выпуска этихъ страницъ изъ типографіи, онѣ должны быть представлены въ главное управленіе по дѣламъ печати. Самое же печатаніе необходимо допустить во всѣхъ существующихъ типографіяхъ. При такой льготѣ для общественнаго мнѣнія, всѣ наши ложные либералы предстанутъ предъ правительствомъ безъ маски; всѣ проводимыя ими ложныя системы не будутъ уже укрываться подъ громкія фразы либеральствующей журналистики. Я высказалъ здѣсь вашему сіятельству откровенно свое мнѣніе о томъ крайне вредномъ направленіи нашей печати, которое было естественною причиной упадка нравственности въ средѣ нашей молодежи.

«Простите, ваше сіятельство, что я утруждаю васъ довольно длиннымъ письмомъ; причина этому та, что настоящее положеніе нашего отечества весьма опасно. Теперь наша либеральная печать дѣйствуетъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Цитовичъ, въ руку подпольной печати, стремится къ тому, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе Закона Божія было отнято отъ священниковъ, и чтобы эта важная и святая обязанность перешла въ руки мірянъ, за нравственность и благонадежность которыхъ никто поручиться не можетъ. Если этотъ адскій замыселъ осуществится, то мы очутимся въ омутѣ цивилизаціи безъ

истиннаго просвѣщенія, безъ вѣры въ Бога, безъ любви къ ближнему и безъ надежды на безсмертіе души нашей. Послѣ этого не въ правѣ ли я былъ сказать, что положеніе наше весьма опасно?»

Какъ видно изъ дѣла, были разработаны основныя положенія для пересмотра уголовнаго закона по дѣламъ печати; при обсужденіи этого закона, члены особаго совѣщанія не могли прійти къ единогласному рѣшенію.

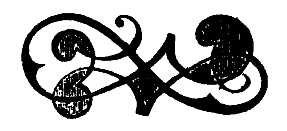
Разномысліе возникло: 1) по вопросу о подсудности преступленій и проступковъ по дѣламъ печати, и 2) по вопросу о разсмотрѣніи возбуждаемыхъ прокурорскимъ надзоромъ недоразумѣній и сомнѣній относительно дальнѣйшаго направленія дѣлъ по сообщеніямъ цензурныхъ учрежденій.

Нѣкоторые члены собранія признавали необходимымъ отнести дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ печати въ тѣсномъ смыслѣ къ вѣдѣнію судебныхъ палатъ, подобно тому, какъ это нынѣ установлено Высочайше утвержденнымъ, 12-го декабря 1866 г., мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Соображенія, послужившія поводомъ къ изъятію въ 1866 г. большей части преступленій и проступковъ печати изъ вѣдѣнія окружныхъ судовъ, по мнѣнію трехъ членовъ, сохраняютъ свою силу и въ настоящее время. Независимо отъ сего, установленіе для всѣхъ преступленій и проступковъ печати трехъ инстанцій представляется нежелательнымъ и потому, что при этомъ та или другая предосудительная статья, произведшая при своемъ появленіи неблагопріятное впечатлѣніе на публику, при переносѣ дѣла изъ одной инстанціи въ другую, въ апелляціонномъ и кассаціонномъ порядкѣ, въ теченіе слишкомъ долгаго времени, неоднократно, могла бы возбуждать къ себѣ усиленное вниманіе общества и, слѣдовательно, приносить наибольшій вредъ. При преслѣдованіи преступленій и проступковъ печати необходимо въ особенности стремиться къ тому, чтобы наказаніе слѣдовало, по возможности, въ такой промежутокъ времени, когда произведенное статьею вредное впечатлѣніе еще не изгладилось изъ памяти публики. Что же касается существующаго нынѣ порядка разсмотрѣнія разномыслій между цензурными учрежденіями и прокурорскимъ надзоромъ, то сохраненіе этого порядка, крайне замедляющаго движеніе дѣлъ и возбуждающаго, какъ показала практика, обширную и въ большинствѣ случаевъ совершенно безплодную переписку между министрами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, три члена признавали бы нежелательнымъ и предпочитали бы, съ своей стороны, предоставить разсмотрѣніе этихъ разномыслій первому департаменту правительствующаго сената, при участіи министра внутреннихъ дѣлъ, подобно тому, какъ это установлено ст. 1054—1058 уст. угол. суд. для прекращенія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Предсѣдатель же совѣщанія, ст. секр. графъ Валуевъ, признавалъ необходимымъ подчинить преступленія и проступки печати общему порядку уголовнаго судопроизводства, такъ какъ отступленіе въ настоящее время отъ общихъ началъ подсудности нельзя признать удобнымъ и желательнымъ. Продолжительная практика окружныхъ судовъ, въ которыхъ разсматриваются часто весьма важныя и сложныя дѣла по общимъ преступленіямъ, конечно, даетъ имъ полную возможность относиться совершенно правильно къ преступленіямъ и проступкамъ печати и, слѣдовательно, гарантировать интересы правительства и частныхъ лицъ. Въ виду этого, едва-ли настоитъ надобность учреждать особый судебный порядокъ для преступленій и проступковъ печати, привлекая къ разсмотрѣнію ихъ, въ качествѣ судовъ первой инстанціи, судебныя палаты и превращая кассаціонный департаментъ сената во вторую инстанцію суда. Разсмотрѣніе возникающихъ между цензурными учрежденіями и прокурорскимъ надзоромъ недоразумѣній и сомнѣній, по вопросамъ о составѣ преступленія и вообще по фактической постановкѣ обвиненія, въ первомъ департаментѣ правительствующаго сената, ст. секр. гр. Валуевъ также не находилъ удобнымъ и потому съ своей стороны полагалъ необходимымъ оставить въ силѣ нынѣ дѣйствующій въ этомъ отношеніи порядокъ, основанный на Высочайшемъ повелѣніи 29 августа 1865 г., а именно полагалъ предоставить разсмотрѣніе разномыслій по вопросамъ преслѣдованія злоупотребленій печатнымъ словомъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, министръ Валуевъ находилъ правильнымъ: 1) всѣ преступленія и проступки печати подчинить общему порядку уголовнаго судопроизводства, и 2) въ случаяхъ разномыслій между цензурными учрежденіями и прокурорскимъ надзоромъ разрѣшеніе возникающихъ вопросовъ предоставить соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

В. Винштокъ.

Просьба сенатора генер.-лейтен. Филипсона объ увольненіи его отъ должности попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

7 ноября 1861 г. № 5771.

Когда ваше сіятельство[1]) пригласили меня къ занятію должности попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, я имѣлъ честь доложить вамъ, что, не готовившись къ этимъ обязанностямъ, я не увѣренъ, что могу ихъ удовлетворительно выполнить. Ваше сіятельство обѣщали мнѣ ходатайствовать объ увольненіи меня отъ должности попечителя, если я впослѣдствіи получу убѣжденіе, что дѣйствительно не могу быть на этомъ мѣстѣ полезнымъ.

Съ того времени въ С.-Петербургскомъ университетѣ произошли событія, для которыхъ элементы издавна были приготовлены въ университетѣ и въ обществѣ. Ваше сіятельство, конечно, засвидѣтельствуете, что во всѣхъ этихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, я дѣйствовалъ по совѣсти и имѣя въ виду единственно общую пользу. Легко можетъ быть однакоже, что другой на моемъ мѣстѣ распорядился бы гораздо лучше. Теперь дѣла пришли въ такое положеніе что С.-Петербургскій университетъ, очевидно, не можетъ долѣе оставаться въ настоящемъ видѣ. Его удовлетворительное и сообразное съ современными потребностями устройство должно имѣть благотворное вліяніе на весь ходъ образованія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ округа; наконецъ слѣдуетъ имѣть въ виду фактъ, сдѣлавшійся, къ сожалѣнію, очевиднымъ въ послѣднее время: примѣръ С.-Петербургскаго университета немедленно отзовется на всѣхъ остальныхъ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи.

При такихъ важныхъ обстоятельствахъ званіе попечителя округа должно быть возложено на лицо, обладающее, сверхъ другихъ достоинствъ, спеціальною опытностью, которой я не имѣю. Проведя въ военной службѣ 39 лѣтъ, я совершенно чуждъ новому для меня поприщу, а сверхъ того здоровье мое въ послѣднее время сдѣлалось ненадежнымъ, вѣроятно вслѣдствіе 26 лѣтъ, проведенныхъ въ тревогахъ кавказской боевой службы.

Поэтому обращаюсь къ вашему сіятельству съ убѣдительнѣйшею просьбою: исходатайствовать всемилостивѣйшее увольненіе меня отъ должности попечителя округа, съ оставленіемъ въ званіи сенатора одного изъ Петербургскихъ департаментовъ. Исполненіе этой просьбы моей я приму съ глубочайшею благодарностію, какъ особенную монаршую милость и награду 39-ти лѣтней моей службы.

Сообщ. **М. И. Михельсонъ.**

---

[1]) Графъ Д. А. Толстой, бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія.

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

VII [1]).

Жизнь въ Тамбовѣ. — Разладъ въ семьѣ. — Письма отца къ В. В. Р—вой. — Отъѣздъ нашъ въ пензенскую деревню.

Для разъясненія послѣдующихъ событій я должна вернуться ко времени пребыванія моихъ родителей въ Тамбовѣ.

Мать испытывала постоянную тревогу вслѣдствіе несдержанности характера моего отца. Она видѣла, что онъ постепенно увеличиваетъ лагерь своихъ недоброжелателей, во главѣ которыхъ стояло вліятельное лицо, сдѣлавшееся изъ друга отца моего его врагомъ; причину вражды я опишу ниже. Относительно же сердечныхъ увлеченій мужа моя мать была покойна и считала его «Іосифомъ Прекраснымъ». Но нѣтъ тайны, которая не сдѣлалась бы явной,—злые люди открыли ей глаза, и горькія думы запали ей въ душу... Несмотря на ея кротость, самолюбіе заговорило, и покой семейный былъ нарушенъ.

Сама же она была такъ чиста, что никогда не замѣчала даже ухаживанья, относившагося къ ней; она такъ обожала своего мужа, что ей въ голову не могло придти даже кокетство, но это не помѣшало Г** безумно влюбиться въ нее. Когда Г** объяснился ей въ любви, она, разсердившись на него, попросила не бывать больше въ ея домѣ. Эта просьба не была имъ исполнена,—онъ не прекращалъ своихъ посѣщеній. Тогда мать моя приказала людямъ не принимать его.

---

[1]) См. „Русскую Старину", апрѣль, 1897 г.

Однажды, сидя за работой съ одной старушкой, жившей у насъ, мать услышала торопливые шаги въ своемъ будуарѣ... Она испуганно взглянула на дверь, и ея взорамъ предсталъ непрошенный гость!.. Воспользовавшись отсутствіемъ мужа и не принятый съ параднаго подъѣзда, онъ явился съ чернаго крыльца. Мать моя, увидавъ Г**, такъ испугалась, что у нея работа выпала изъ рукъ. Онъ же дерзко сказалъ ей:

— Chassez de la chambre, je vous conjure, cette vielle! [1]).

Старушка, понявъ что́ было сказано, хотѣла-было уйти, но мать, удержавъ ее, поспѣшно и испуганно сказала: «сидите!..»

И обратившись къ нахальному гостю, отвѣтила ему:

— C'est vous, monsieur, qui devez quitter ma chambre, à l'instant même! Et si vous n'allez pas le faire—je vais appeler mes gens pour vous chasser!.. [2]).

Разсерженный и обиженный онъ долженъ былъ уйти.

Мать съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія мужа своего, но не для того, чтобы разсказать ему о нахальствѣ его друга, а уговорить ѣхать съ ней въ Салтыки—встрѣчать тамъ Пасху. Былъ конецъ февраля; отецъ вернулся, и они поѣхали. Пріѣхавъ въ Салтыки, мать сохранила тайну, но когда разлились рѣки и не было дорогъ, она разсказала мужу причину ея желанія покинуть Тамбовъ.

Отецъ, услышавъ этотъ разсказъ, страшно разгорячился и въ гнѣвѣ хотѣлъ въ ту же минуту ѣхать въ городъ. Но дороги никакой не было, и онъ долженъ былъ отложить свое объясненіе до первой возможности. Мать успокоилась, зная, что до просухи и гнѣвъ мужа утихнетъ. Такъ и случилось; когда вернулись они въ Тамбовъ, отцу вся эта исторія, казавшаяся драмой въ Салтыкахъ, предстала въ комичномъ видѣ, и онъ началъ подсмѣиваться въ присутствіи своего пріятеля о неудачной его любви, гордясь своей женой.

Несмотря на проказы и волокитства отца моего, онъ жену свою любилъ горячо и цѣнилъ ее. На его горе, не задолго до Крымской кампаніи, онъ увлекся дочерью друзей своихъ Р—ыхъ. Не таился онъ отъ матери той, которую полюбилъ, такъ какъ чувство это, по его словамъ, было «чисто и непорочно», но оно было тягостно для семьи Р—ыхъ, а еще тяжелѣе было моей матери, знавшей объ этой несчастной любви.

Мать дѣвицы Р—вой, какъ женщина высокой нравственности, какъ мать, какъ другъ моихъ родителей, хотя и вѣрила дочери и знала е:

[1]) „Выгоните изъ комнаты эту старуху“.

[2]) „Если вы сейчасъ же не выйдете изъ моей комнаты, я позову людей вывести васъ!“

честныя правила, но все-таки рѣшила, что лучше князю не бывать у нихъ. Переписку же съ нимъ не прекращала, оставаясь его другомъ и наставникомъ.

Это увлеченіе, интриги недоброжелателей, зависть и клевета приводили князя Юрія Николаевича въ отчаяніе.

— Къ чорту удачи!—говорилъ онъ.—Господи, возврати мнѣ прежнюю мою независимость и удаль.

«Итакъ, любезный другъ В..ра В..на,—писалъ онъ Р—вой въ 1855 г.,—убѣдясь изъ вашего письма, что мои письма вы будете читать и не перечитывать другимъ, я съ восторгомъ цѣлую ваши ручки, и въ этомъ убѣжденіи буду продолжать это письмо.

«Сегодня я долженъ былъ ѣхать къ Адлербергу съ докладной запиской, для передачи государю о настоящемъ ходѣ нашихъ выборовъ, но получивъ ваше письмо, карету отпустилъ, заперъ дверь на замокъ и посвятилъ весь этотъ день вамъ. Письмо ваше столько разъ перечитывалъ, что знаю его наизусть... Нѣтъ, другъ мой, моя дружба и глубокая привязанность къ вамъ кажется потому восторженной, что вы не предполагаете во мнѣ возможности любить чисто, прочно и непорочно!.. Испытавъ себя и убѣдясь, что для вашего счастья я охотно своимъ пожертвую, съ чистой совѣстью передъ вами предстою, говорю, повторяю и клянусь: люблю, ужасно люблю васъ и всѣхъ вашихъ—чисто прочно и непорочно!..

«Пойду пофантазировать на фортепіано, написалъ prélude.

«9 часовъ вечера. Я долженъ, другъ мой, передать, что́ у меня на сердцѣ. Дѣла мои по имѣнію плохи, поправить ихъ, правда, еще можно, но въ томъ духѣ, въ которомъ я нахожусь, я не чувствую себя на то способнымъ, и тогда, можетъ быть, все это дурно кончится. А потому я искалъ и почти нашелъ покупателя на Салтыки, тѣмъ болѣе, что цѣну мнѣ даютъ хорошую. Въ губерніи мнѣ уже ничего не осталось дѣлать; капиталъ я не возьму, а если и возьму, то женѣ отдамъ, она будетъ жить съ дѣтьми въ Пензѣ, а я à la grâce de Dieu [1]).

«Теперь война и не на шутку разыгрывается et on a besoin de la chair à canon, dans ce but peut être je serai bien util à ma belle patrie [2]).

«Здѣсь я веду странный образъ жизни; главное занятіе—сижу дома, учу пѣть Андреева (впослѣдствіи артиста императорск. оперы) я открылъ у него три удивительныя ноты, такъ что я съ нимъ серьезно занимаюсь; играю аккорды, разбираю Рейсигера увертюру, пью черезъ два часа лѣкарство, въ карты играю, проигрываю довольно порядочно, ви-

---

[1]) „На произволъ Божій".

[2]) „Нуждаются въ пушечномъ мясѣ, для этой цѣли я, можетъ быть, буду еще полезенъ моей прекрасной родинѣ".

зитовъ почти не дѣлаю никому, а кому дѣлаю, съ тѣмъ поругаюсь; такъ напримѣръ вчера съ Г...—онъ ужасный лакей! Я такъ увлекся и надоѣлъ вамъ своей бесѣдой, что не замѣтилъ, что уже 11 часовъ.

«Взялся перечитать мое письмо,—какая въ немъ несвязность. Но вы, мой добрый цензоръ, вѣрно взыскательны не будете; у меня для васъ что̀ на умѣ, то и въ письмѣ.

«Прощайте, драгоцѣнный другъ мой, не смѣю сказать до свиданія, боюсь,—ну какъ не увижу васъ. Je suis sur un volcan' d'intrigues dont B...off est le grand meneur, tous les jours aussi je suis à la veille de faire un coup de tête, mais l'exil m'effraye, car alors, adieu pour toujours [1]). Любовь моя къ вамъ, Богъ дастъ, удержитъ меня отъ бѣды, но я страдаю здѣсь. Всѣ на меня. Вы и всѣ ваши помолитесь за меня.

Вѣрный другъ Georges».

«Располагаешь ли ты, любезный другъ, писалъ онъ въ то же время Ар. Ал. Р—ву, быть въ Петербургѣ? Если будешь—дай мнѣ знать, и я надѣюсь, что ты у меня остановишься; я такъ грущу и скучаю, что не могу вырваться изъ этого омута, что каждый день je me fais des mauvaises histoires et par là comme de raison j'augmente le nombre de mes ennemis qui sans cela s'est diablement multiplié depuis que je suis en disgrâce; au fait au diable le service! Faites moi l'amitié, cher ami, de me trouver deux chevaux de selles le plus tôt possible [2]). Прощай, другъ, а можетъ быть и до свиданья. Пріѣзжай, какъ буду тебѣ радъ! Юрій».

Спустя нѣкоторое время мой отецъ писалъ В. В. Р—вой:

«Всегда испытывать счастье—не есть уже счастье,—а горе остается всегда горемъ. Вчера я испыталъ такое разочарованіе, что черезъ него до сихъ поръ боленъ, между тѣмъ, пора бы мнѣ привыкнуть—варіація только другія, а въ сущности все одно и то же—неблагодарность. Человѣкъ, правда, скверный, зато Богъ великъ. Это Онъ вселилъ мнѣ безграничную привязанность къ вамъ, и за это я Его благодарю утро и вечеръ, потому что это чувство заставляетъ меня забывать и прощать зло, которое тщательно стараются сдѣлать мнѣ. Впрочемъ, да будетъ воля Господня! Я сдѣлался безчувственнымъ ко всему тому, что̀ мои враги могли бы придумать по отношенію меня; до того безчувственнымъ, что мысль

---

[1]) Противъ меня сильно интригуютъ, и главный зачинщикъ Б... Я также каждый день наканунѣ того дня, въ который способенъ буду сдѣлать скандалъ, за который сильно пострадаю, но изгнаніе меня пугаетъ, потому что тогда прощайте на-вѣки.

[2]) Я устраиваю себѣ исторіи и ими, конечно, увеличиваю число враговъ, которое и безъ этого чертовски увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ я въ опалѣ; а впрочемъ, къ чорту службу! Сдѣлай мнѣ одолженіе, милый другъ, найди мнѣ двухъ верховыхъ лошадей какъ можно скорѣе.

о самозащитѣ или мести очень далека отъ меня; но если-бъ я долженъ былъ потерять вашу дружбу, то-есть мою вѣру,—вотъ тогда-то мои враги имѣли бы... Не будемъ говорить объ этомъ. Господь по своему милосердію пожалѣетъ меня и въ особенности мою семью; отъ васъ, другъ мой, зависитъ благосостояніе моихъ дѣтей,—любите меня всегда ради ихъ, если не ради меня самого. Все страдаетъ во мнѣ—вѣра, сердце, душа, разумъ... вотъ я ужъ дошелъ въ этомъ письмѣ до того, что и продолжать не могу... рана моя еще далеко не зажила. Вашъ вѣрный другъ Юрій».

«Въ послѣдніе три года, писалъ онъ ей же, мало-ли испыталъ я измѣнъ, неблагодарностей? Сколько за добро платили мнѣ зломъ! Вы, можетъ быть, скажете, какъ многіе, что я неблагодаренъ судьбѣ за мои удачи; но вы, добрый и честный другъ мой, не въ состояніи постигнуть, какъ для благороднаго сердца тягостны эти удачи; вамъ, благодаря Создателя, не только не приходилось испытать, но даже видѣть, къ какимъ иногда средствамъ прибѣгаютъ для достиженія этихъ жалкихъ удачъ. Я лучше вамъ разскажу, что́ со мною было на-дняхъ: мнѣ, князю Голицыну, потомку гордаго Гедимина, предложили, для достиженія моей цѣли, обратиться къ любовницѣ любимаго здѣсь сановника! Это меня совершенно убило и показало, какъ поднимаясь высоко, низко падаешь!!..

«Поймите же, другъ мой, что всѣ эти удачи или неудачи—называйте ихъ какъ хотите—подѣйствовали на мое сердце, какъ раскаленное желѣзо на тѣло; раны мои глубоки и неизлѣчимы... Въ этомъ больномъ состояніи я давно нахожусь... Какъ же вы хотите, другъ мой, чтобы при этой обстановкѣ я бы не оцѣнилъ постоянное и благородное ваше и Маріи Васильевны участіе, испытанную дружбу вашего мужа ко мнѣ и семейству моему; потомъ бабуша, братья ваши, Липецкъ, выборы, музыка и тысяча еще доказательствъ высокой вашей души такъ тѣсно связали мое существованіе съ счастьемъ вашимъ и вашего семейства, что клянусь вамъ въ первый и послѣдній разъ именемъ моей покойной матери, если-бъ я убѣдился, что жизнь моя можетъ быть полезной счастью вашему или кому-либо изъ вашихъ, то я съумѣлъ бы найти ей конецъ благородный и достойный! Не думайте, другъ мой, что слова эти обманъ самого себя или увлеченіе, нѣтъ—это слѣдствіе разсудка. Судите: во всемъ разочарованъ, пользы по чувству убѣжденія и по положенію моему теперь въ свѣтѣ болѣе принести не могу, честолюбіе пропало, семейству своему скорѣе вредъ приношу, чѣмъ пользу, и чтобы при всемъ этомъ я бы невольно принесъ несчастье семейству, которое люблю... О, нѣтъ, другъ мой, тысячу разъ нѣтъ!

«Требуйте отъ меня чего хотите—доставьте мнѣ тѣмъ счастье исполнить ваше желаніе; въ этомъ случаѣ силы воли у меня достанетъ...

«Въ карты даю слово не играть. Салтыки пока еще не продаются, и если продамъ, то только съ вашего согласія, то-есть тогда, когда вы, какъ я, будете убѣждены, что продажа эта въ пользу моихъ дѣтей.

«Прощайте, другъ мой, примите вы и всѣ ваши сердечный и душевный мой привѣтъ. Долгъ мой призываетъ меня въ ряды ополченія! Надняхъ подаю о томъ просьбу моему государю; спѣшу, потому что наши дружины тотчасъ же будутъ прикомандированы къ южной арміи, гдѣ каждаго изъ насъ ожидаетъ слава или смерть! Другъ вашъ Юрій».

Вернувшись съ Крымской кампаніи, на душѣ у отца было не легче, чѣмъ передъ отъѣздомъ его туда; состояніе было разстроено, служебная карьера окончательно пропала, отношенія съ женой надломлены...

Мать моя съ разбитымъ и истерзаннымъ сердцемъ видѣла, что сломанное трудно склеить и рѣшила непоколебимо уѣхать изъ Салтыковъ и удалиться въ свое пензенское имѣніе, взявъ съ собою своихъ трехъ дѣвочекъ, такъ какъ сынъ былъ уже опредѣленъ отцомъ въ Морской кадетскій корпусъ.

Отецъ остался одинъ, безъ жены, безъ дѣтей, безъ службы, съ разореннымъ состояніемъ, даже безъ своего созданія—безъ своего хора, съ однимъ горькимъ сознаніемъ, что, можетъ быть, онъ са́мъ виноватъ во всемъ...

Нервный, чувствительный, онъ каждый день обливался слезами,—музыка осталась его единственнымъ утѣшеніемъ. И какъ корабль безъ руля поплылъ онъ, несчастный, по житейскимъ бурямъ и невзгодамъ...

Вотъ что писалъ онъ изъ Москвы В. В. Р—вой, когда остался одинъ:

«Я въ такомъ ужасномъ состояніи, что, кажется, здѣсь на всѣхъ бы бросился; я чувствую, когда я далеко отъ Знаменскаго, я становлюсь хуже и хуже. Другъ мой! друзья мои, не оставляйте меня, поддержите меня—страшно одному жить! Je suis à présent comme un enfant qui craint de rester dans une chambre sombre—c'est une panique de laquelle je ne puis pas me rendre compte! [1]) Такъ мнѣ здѣсь грустно, что все къ чорту отправлю. Концерта я болѣе не дамъ и кажется, что хоръ распущу. Они такъ здѣсь хорошо поютъ, какъ-будто нарочно напоминаютъ мнѣ...

«Прощайте, мой другъ, исцѣляйте больнаго... За границу я непремѣнно уѣду, и надолго!... Вашъ Юрій».

«Вчера я получилъ ваше старое письмо, писалъ онъ ей же въ другомъ письмѣ, но оно до сихъ поръ, мой другъ, лежитъ не распечатанное, боюсь его читать. Вы меня вѣрно браните, а мое сердце уже и

---

[1]) Я теперь похожъ на ребенка, который боится остаться одинъ въ темной комнатѣ,—и я не могу отдать себѣ отчета въ этомъ страхѣ.

безъ того страдаетъ! Да, мой другъ, страдаетъ, и болѣе, нежели когда-либо. Прежде я уѣзжалъ, а теперь я уѣхалъ: бросилъ Салтыки, разстался съ дѣтьми, далекъ отъ Знаменскихъ—все это далеко не весело, а мужъ вашъ какъ-будто на смѣхъ пишетъ мнѣ «amusez vous»; мудрено при этой обстановкѣ душою быть покойнымъ, и самое главное, что теперь я вижу, что съ женой мы на вѣкъ разлучены...

«Умоляю васъ, другъ мой, какъ мать, какъ друга моего и жены моей, упросите вашего мужа этимъ временемъ управлять не такъ Салтыками (т. е. мелочнымъ хозяйствомъ), какъ долгами по имѣнію; я мѣшать ему не буду, и довѣренность уже готова ему, по силѣ которой можетъ дѣйствовать, какъ бы я самъ. Я состояніемъ не дорожу, но обязанность отца понуждаетъ подумать сохранить родовое имѣніе. Во всемъ этомъ жалокъ одинъ только я! Не забывайте меня, ради Бога, на колѣняхъ умоляю, не разлюбите, я теперь одинъ; представьте, заговариваюсь, мысли собрать не могу. Si votre mari a la cruauté de me refuser ma prière, ma fortune est perdue, car je ne peux pas et ne veux pas la confier à personne d'autres [1]), самъ же заниматься не могу, съ ума сойду.

Другъ вашъ Юрій».

Мать моя, рѣшившись на разлуку съ мужемъ, страдала также и съ болью сердца покидала Салтыки, гдѣ оставляла любимаго человѣка. Не легко ей было разлучать своихъ дѣвочекъ съ отцомъ (мнѣ, старшей, тогда было пять лѣтъ) и увозить ихъ въ глушь Пензенской губерніи, далеко отъ родныхъ и друзей! Въ перспективѣ у нея были: скудныя средства, лишенія, одиночество, тоска и непривычный трудъ!

Она покидала свѣтъ съ его злобами дня, какъ покидаетъ его женщина-монахиня, посвятившая себя Богу; она отрекалась отъ свѣта и посвящала себя дѣтямъ; удалялась къ тихой пристани и была тѣмъ только счастливѣе отца, что увозила съ собой совѣсть покойную и чистую.

VIII.

Пріѣздъ въ село Огарево.—Какъ оно досталось моей матери.—Тетушка Софія Николаевна Герасимова.

Прощанье съ отцомъ, съ Салтыками и выѣздъ оттуда я не помню. Изъ дорожныхъ воспоминаній осталось у меня въ памяти только гро-

---

[1]) Если вашъ мужъ будетъ такъ жестокъ отказать моей просьбѣ, мое состояніе пропадетъ, потому что я не могу поручить его кому-либо другому.

мадная четырехмѣстная карета, всѣ лица, сопровождавшія насъ, и въѣздъ въ село Огарево.

Свита наша состояла изъ няни, стараго слуги, Василія Кузьмича (который впослѣдствіи былъ дядькою брата Евгенія), горничной и повара.

Поручены мы были madame de Laveau и нянѣ, которыхъ мы обожали, и онѣ своей заботливостью и любовью въ отсутствіе матери замѣняли намъ ее. Съ нами также ѣхала сиротка 12-ти лѣтъ, Катенька Ѳедорова. Мой отецъ, бывши предводителемъ, взялъ ее къ себѣ; съ 8-ми-лѣтняго возраста она осталась круглой сироткой и до пріѣзда къ намъ очень бѣдствовала, не имѣя ни души родныхъ.

Въѣздъ въ Огарево хотя и мало представлялъ интереса, но я помню его хорошо. Было лѣто. Солнце только всходило. Карета наша грузно, тихо двигалась по пыльной дорогѣ; ямщикъ задремалъ подъ-утро, плохія лошаденки пріустали, а главная причина тому, что мы тащились, а не ѣхали была та, что Василій Кузьмичъ самъ задремалъ и не покрикивалъ, какъ всю дорогу, «пошелъ» и «пошелъ». Но вотъ онъ проснулся и недовольнымъ голосомъ закричалъ:

— Ну, что ты, братецъ мой, какъ съ кислымъ молокомъ ѣдешь! Денежки, небось, взялъ хорошія, а везти не умѣешь! Эхъ, вы, вольные! То-ли дѣло, по большой дорогѣ, казенные ямщики—любо съ ними ѣхать, небось—не уснешь, а съ тобой и сны видишь!

Въ каретѣ всѣ крѣпко спали, несмотря на то, что солнце ужъ ярко свѣтило всѣмъ въ глаза, и ямщикъ, послѣ замѣчанія Василія Кузьмича, сталъ громко посвистывать, покрикивать на форейтора и погонять своихъ бѣдныхъ лошадокъ. Madame de Laveau, прислонившись къ подушкѣ, спала; Соня, прижавшись къ ней, склонивъ неловко свою черную, бархатную головку и полуоткрывъ свой маленькій ротикъ, также крѣпко спала; Таня, съ румянцемъ во всю щеку, безмятежно покоилась на колѣняхъ у няни, которая, боясь безпокоить свою малютку, неловко, какъ-то прижавшись однимъ бокомъ въ уголокъ кареты, бережно держала свое «румяное яблочко», какъ она называла Таню, и дремавъ, кивала во всѣ стороны головой, ежеминутно просыпалась и также скоро засыпала. Я же тогда, хотя и очень была маленькой, пяти лѣтъ, но хорошо помню свои впечатлѣнія, которыя всегда какъ-то неизгладимо врѣзывались въ моей памяти.

Сидѣла я у окна и, высунувъ свою головку, вдыхала свѣжій утренній воздухъ, прислушиваясь къ разнородному щебетанью птичекъ и зорко слѣдя за солнцемъ. Несмотря на ранній возрастъ, я наслаждалась всѣмъ, что̀ видѣла и слышала: и утромъ, и солнцемъ, и щебетаньемъ птичекъ, и свѣжимъ воздухомъ, который врывался въ нашу душную карету.

Солнце поднялось высоко, стало жарко, и радостное щебетанье пти-

чекъ смѣнилось несноснымъ жужжаніемъ мухъ и оводовъ, влетавшихъ то и дѣло къ намъ въ карету. Спутники мои не просыпались, пока Василій Кузьмичъ не закричалъ намъ: «съ добрымъ утромъ и съ пріѣздомъ! вотъ и Огарево виднѣется. А вотъ и верхомъ, на бѣлой лошади, кто-то скачетъ,—должно быть Андрей Борисовичъ (приказчикъ) встрѣчаетъ».

Всѣ мы съ любопытствомъ тянулись къ окошкамъ и высовывали свои головки.

Madame de Laveau, почти ничего не понимавшая по-русски, несмотря на 30 лѣтъ, проведенныя въ Россіи, и тутъ, не разобравъ въ чемъ дѣло, спросила насъ:

— Qui a-t-il chers petits enfants? [1]).

— Nous arrivons, nous arrivons, madame, regardez voilà déjà l'église [2]), радостно отвѣчала я ей.

Мы въѣзжали, наконецъ, въ Огарево. Ямщикъ и форейторъ съ гикомъ и свистомъ выбивали кнутомъ послѣднюю силенку у своего усталаго шестерика, чтобы молодецки въѣхать въ село и загладить неудовольствіе, вызванное ими у Василія Кузьмича, и заслужить отъ него на чаекъ.

Но лихой этотъ въѣздъ никто не видѣлъ,—народъ былъ весь въ полѣ, на работѣ, а въ усадьбѣ почти никого не было, такъ какъ того, что называлось въ старину «дворнею или дворовыми», въ Огаревѣ не существовало, потому что тамъ никогда помѣщики не жили. Барской усадьбы также не было. Подъѣхали мы къ маленькому домику, крытому соломой, стоявшему на довольно высокой горѣ; кругомъ ни кусточка, ни деревца—одно поле. Недалеко отъ домика тянулась длинная, прямая улица крестьянскихъ избушекъ, крытыхъ соломой, а въ концѣ улицы виднѣлась бѣлая небольшая церковь. Комнаты мнѣ показались крошечными въ сравненіи съ Салтыковскими, да онѣ и были маленькія. Вообще село Огарево представляло совершенный контрастъ съ Салтыками: тамъ народъ былъ промышленный, зажиточный и чистый, наружность открытая и народъ красивый. Огаревскіе крестьяне больше походили на дикарей: одѣты были плохо, въ лаптяхъ и синихъ рубашкахъ; избы были у нихъ закопченныя дымомъ, такъ какъ всѣ почти были курныя.

Итакъ, пріѣхавъ рано утромъ, напившись чаю, осмотрѣвъ свой маленькій домикъ и отдохнувъ, мы упросили няню идти съ нами гулять. Только что мы показались на улицѣ, какъ изъ всѣхъ избъ начали выбѣгать ребятишки, и нѣкоторые изъ нихъ высовывали намъ языки, убѣгая обратно въ избы, а другіе, кланяясь низко, крестились.

---

[1]) „Что случилось, дорогія дѣтки?“

[2]) „Сейчасъ пріѣдемъ! посмотрите вотъ и церковь видна“.

Вернувшись съ прогулки, мы, веселыя и оживленныя, разсказывали madame de Laveau свои впечатлѣнія. Дѣтскій, счастливый возрастъ всему доволенъ, въ особенности перемѣнѣ, у него нѣтъ еще сожалѣнія о прошломъ!.. И мы были веселы и радовались новенькому. Въ Огаревѣ ожидала насъ покойная, счастливая, тихая жизнь, подъ крылышками заботливой, любящей матери!

Для остальныхъ же окружающихъ насъ Огарево показалась ссылкой послѣ веселыхъ, шумныхъ Салтыковъ.

Находившееся въ Пензенской губерніи, Инсарскаго уѣзда, село Огарево было родовое имѣніе сестры моей матери, генеральши Софіи Николаевны Герасимовой, которое она получила въ приданое.

Какъ я уже говорила выше, дѣдушка Бахметевъ нажилъ своими трудами очень хорошее состояніе и по мѣрѣ того, какъ выдавалъ замужъ дочерей, онъ отдѣлялъ имъ и землю. Не успѣлъ онъ сдѣлать то же самое для моей матери и, скончавшись скоропостижно, не отдѣлилъ ее. Это ужасно мучило бабушку Софію Ивановну, тѣмъ болѣе, что она видѣла, какъ мой отецъ разстраивалъ свое состояніе. Тогда тетя, Софія Николаевна, бывши уже вдовой, поспѣшила успокоить мать свою, отдавши сестрѣ кн. Голицыной одну половину Огарева. Такимъ образомъ она успокоила свою мать и дала средства къ жизни сестрѣ своей и ея семьѣ. Впослѣдствіи она еще помогла сестрѣ, продавъ ей свою часть на очень выгодныхъ условіяхъ, а потомъ и простила оставшійся долгъ.

Овдовѣвъ, она жила не для себя, кому могла—помогала, и живши при монастырѣ въ Хорошевѣ (18 верстъ отъ Харькова) много дѣлала и тамъ добра: призрѣвала и кормила разныхъ бѣдныхъ старушекъ и сиротъ-дѣвушекъ. Она вся была въ Богѣ!

Господь послалъ этой преданной ему душѣ тяжелое испытаніе: она девять лѣтъ пролежала въ параличѣ, а послѣдніе четыре года ея жизни была безъ движенія и безъ языка. Но умъ и сердце продолжали работать! Это можно было видѣть по слуху, который ей не измѣнилъ: когда при ней говорили о томъ, что́ ее интересовало, она сейчасъ, бывало, встрепенется; когда же разговоръ касался чего-либо грустнаго, или ея воспоминаній молодости, она горько плакала. Прислуга ея обращалась съ нею въ послѣднее время, какъ съ ребенкомъ.

25-го октября 1885 года она кончила жизнь тихо, спокойно, на рукахъ моей матери, которая при болѣзни не оставляла и часто жила у нея въ кельяхъ, и насколько могла—заботилась о ней; кельи свои она завѣщала пожизненно своей сестрѣ; вотъ когда невольно припоминаются слова схимника Пареенія, сказанныя моей матери: «иди тогда, когда сама Матерь Божія поведетъ тебя за руку». Но заботы о дѣтяхъ отдаляютъ часто человѣка отъ жизни, къ которой стремится душа его, и мать моя,

похоронивъ сестру, въ монастырь возвращалась только, чтобы поклониться ея могилѣ.

Коснувшись слегка жизни подъ старость тетушки Герасимовой, я вспомнила случай изъ ея молодости.

Послѣ кончины мужа своего, тетушка Герасимова вызвала его племянника, чтобы передать ему бумаги и вещи покойнаго. Племянникъ, молодой, красивый офицеръ, не замедлилъ пріѣхать на вызовъ тетушки, которую уже раньше зналъ и всегда ею восхищался. Увидавъ ее красивой еще, молодой вдовой, онъ влюбился и попросилъ ея руки. Она ему наотрѣзъ отказала и, благословивъ его образомъ, давъ ему свой портретъ, сказала, чтобъ онъ уѣзжалъ и не старался бы ее видѣть, такъ какъ она приметъ его только тогда, когда чувство его къ ней пройдетъ, и онъ будетъ женатъ. Онъ уѣхалъ. Черезъ 30 лѣтъ, за три мѣсяца до ея кончины, явился онъ въ Харьковъ уже генераломъ и, не зная гдѣ ее найти, отправился узнать о ней у харьковскаго старожила, бывшаго губернатора, двоюроднаго брата тети графа А. К. Сиверса, и объяснилъ ему причину своего пріѣзда въ Харьковъ. Графъ Сиверсъ, зная о его прежней любви, сказалъ ему: «не совѣтую вамъ видѣть бѣдную сестру, она въ страшномъ положеніи—разбита параличемъ. На васъ это сдѣлаетъ слишкомъ удручающее впечатлѣніе, и врядъ-ли она узнаетъ васъ». Но онъ, услышавъ, что она такъ больна, пожелалъ еще сильнѣе ее увидѣть и поѣхалъ къ ней въ монастырь.

Можно себѣ представить, что̀ онъ испыталъ при видѣ такого разрушенія когда-то красивой, любимой имъ женщины, и какъ больно сердце его сжалось, когда она, узнавъ его, расплакалась своимъ горькимъ, безпомощнымъ, дѣтскимъ плачемъ!.. Онъ, немолодой уже, но красивый еще старикъ, склонился у ея изголовья на колѣни и зарыдалъ... Она потребовала знаками образъ, съ трудомъ благословила его, тогда уже въ послѣдній разъ.

Софія Николаевна Герасимова, всѣхъ многочисленныхъ родственниковъ своихъ любила принимать у себя въ кельяхъ, и сама навѣщала ихъ, но съ болѣзнью своей она была лишена, этой отрады. Она очень была уважаема и любима архіереями, пребывавшими въ Харьковѣ, во время ея жизни при монастырѣ, и многіе изъ нихъ уговаривали ее вступить въ монашество, для того, чтобы принять управленіе монастыремъ; но она всегда отклоняла эти совѣты, такъ какъ властвовать она не любила и не умѣла. Со многими архіереями она была въ перепискѣ, въ томъ числѣ и съ Филаретомъ архіепископомъ черниговскимъ.

«Боголюбивая Софія Николаевна, писалъ онъ ей въ 1858 году.— Господь да хранитъ тебя своею благодатію. Благодарю за подарокъ и за молитвы. Укрѣпляйся о Господѣ. Молись, молись усердно; на сла-

бости другихъ не заглядывайся; смотри за собою; первое—трудъ напрасный и даже вредный,—послѣднее необходимо для спасенія души. Было у меня желаніе поручить тебѣ должность по монастырю. Но, подумавъ много, вижу, что это отяготило бы тебя, особенно по обстоятельствамъ неблагопріятнымъ даже было бы тяжело. Потому трудись пока надъ собою. Обучай себя благочестію. Благочестіе всего дороже, всего нужнѣе. Все земное пройдетъ, надобно будетъ явиться туда, для отчета земной жизни. Безъ добрыхъ дѣлъ, — тамъ горе! Будемъ спѣшить здѣсь дѣлать возможное добро: то помолимся, то поскорбимъ о грѣхахъ, то раздѣлимъ скорбь другаго, то попостимся, то смиримся предъ оскорбившимъ насъ. Курочка по зернышку клюетъ и бываетъ сыта, и мы будемъ клевать по зернышку добра, чтобы не томиться грѣхомъ. Будемъ стараться наполнять время наше то тѣмъ, то другимъ дѣломъ благимъ. Прочь уныніе и лѣнь! Жизнь для Господа— и сладость и пища, и слава, наша! Благодать и миръ да будетъ съ тобою».

IX.

Жизнь въ Огаревѣ. — Труды и заботы матери о дѣтяхъ. — Добрая память о крѣпостныхъ людяхъ. — Нѣсколько словъ по поводу освобожденія крестьянъ. — Наша гувернантка m-me Laveau.

Вскорѣ въ Огарево пріѣхала и мать. Не легко ей было взяться за трудное дѣло: вести хозяйство, заботиться о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи, думать и о крестьянскихъ нуждахъ. Но за все принялась она энергично и съ Божіей помощью, на которую возлагала всю свою надежду, она всему научилась и все поставила на хорошую дорогу. Въ молитвахъ, написанныхъ ея рукой, которыя я нашла въ ея старыхъ молитвенникахъ и составленныхъ ею, видно, чтó волновало ея душу и чтó желала она для своихъ дѣтей: не просила она у Бога для нихъ никакихъ благъ земныхъ, а просила только чистоту сердца и силу переносить съ терпѣніемъ несчастье, если оно ихъ постигнетъ. Вставала она съ восходомъ солнца, училась хозяйничать и своею заботливостью и энергіей пріобрѣтала знаніе и средства къ жизни. Безъ дѣла я ея не видѣла. Если она не хлопотала по хозяйству въ полѣ, то сидѣла дома за чтеніемъ, за перепиской, и счетами, за кройкой или за работой.

Въ Салтыкахъ все для насъ выписывалось изъ лучшихъ магазиновъ Петербурга и Москвы; мать также одѣвалась богато и изящно, а въ Огаревѣ пришлось ей изъ старыхъ рубашекъ отца нашего перешивать бѣлье для дѣтей. Мамá выучилась даже шить для насъ ботинки: распарывала она старыя, снимала выкройки и сшивала верхъ,

а подошву отдавала пришивать глухонѣмому сапожнику. — Церковь также украшалась ея руками и заботами; несмотря на скудные средства, Господь помогъ ей обновить ее почти до основанія. Она воспитала и сиротку, которая вышла рѣдкая дѣвушка по душѣ, а по дѣламъ— истинная христіанка. Когда Катенька (Ѳедорова) выросла, она сдѣлалась помощницей своей благодѣтельницы по домашнему хозяйству и по работамъ. Будучи вѣрной слугой Бога, она много трудилась для храма Божьяго, и ни одной вещи нѣтъ въ Огаревской церкви, которая не прошла бы черезъ ея руки. Отрадно было княгинѣ видѣть непропавшіе труды и заботы о Катенькѣ, которая сдѣлалась настоящимъ членомъ нашей семьи; всѣ радости и горести она дѣлила съ нами, и мать моя называла ее своимъ «молитвеникомъ». За нами въ Огарево еще послѣдовала молодая дѣвушка Наденька К—а, дочь воспитанницы прабабушки Голицыной, у которой было большое семейство, и всѣ Голицыны позаботились о воспитаніи ихъ, въ томъ числѣ и мой отецъ взялъ Наденьку и помѣстилъ ее на свой счетъ въ Тамбовскій институтъ; по окончаніи курса, она пріѣхала погостить въ Огарево и осталась у насъ привязавшись всей душой къ «своей княгинѣ» какъ звала она ее, а чаще называла ее «моя барыня». Иногда матери приходилось засиживаться до восхода солнца, занимаясь перепиской или счетами по имѣнію, и Наденька, изъ любви къ ней, не оставляла ее одну и, сидя гдѣ нибудь около нея или въ уютномъ уголкѣ кабинета, около камина, пока не засыпала, ворчала на «свою барыню», называя ее «полуночницей». Она была веселая и добрая дѣвушка; много придавала жизни огаревскому уединенію, весь день распѣвая народныя пѣсни и разные романсы, которые я скоро изучила, и когда Наденька запѣвала, ужъ я непремѣнно присоединялась къ ней.

Мать пріѣхала въ Огарево ночью, и услышала ея пріѣздъ одна няня, такъ какъ она долго всегда молилась. Поторопившись встрѣтить княгиню, она выбѣжала раздѣтая. сильно простудилась, схватила чахотку, и не долго послѣ этого пожила съ нами... А чудная была женщина наша няня! такой преданности и такихъ высокихъ чувствъ трудно найти теперь между прислугой. Въ Салтыкахъ люди хотя и крѣпостные, но всѣ были на жалованьѣ (это не у всѣхъ помѣщиковъ было). Средства у отца моего были хорошія, и жалованье, по тогдашнему времени, всѣ получали большое. Когда-же мы переѣхали въ Огарево, люди увидѣли, что средства стали не тѣ, что мать сократила во всемъ свои расходы, и няня первая пришла просить княгиню, чтобы она убавила ей жалованье! Ея примѣру послѣдовала прочая прислуга, безкорыстная и истинно преданная семейству.

Честность между крѣпостными людьми бывала идеальная.

Говоря о доблестяхъ крѣпостныхъ людей, я не защищаю крѣпост-

наго права и горячо сочувствую освобожденію крестьянъ. Но, вспоминая шестидесятые года и искаженную свободу, которая тогда облетѣла всю Россію, сдѣлавъ много вреда во всѣхъ слояхъ общества — нельзя не возмутиться и не удивиться легкомыслію, царившему тогда во всѣхъ слояхъ общества.

Царь-Освободитель, побуждаемый своимъ добрымъ сердцемъ, хотѣлъ сдѣлать счастливыми всѣхъ своихъ подданныхъ, далъ личную свободу 20-ти милліонамъ русскихъ людей, открылъ широкую дорогу всѣмъ къ образованію, облегчилъ участь нравственно-несчастныхъ, даровавъ гласный судъ,—но чѣмъ заплатили ему подданные? что сдѣлали они изъ всего дарованнаго, истиннаго для нихъ добра?.. Свобода исказилась въ русскихъ умахъ и въ этомъ искаженномъ видѣ она облетѣла всю Россію, побывавъ вездѣ, начиная съ великосвѣтскихъ салоновъ и до убогой хижины простолюдина, и ктò обезумѣлъ отъ нея, а ктò опьянѣлъ!.. Зло же съ своими сотрудниками воспользовалось этимъ безсознательнымъ состояніемъ общества и не зѣвало, а работало въ свою пользу. Сотрудники зла начали проклинать старые порядки и старыхъ людей, а высшее сословіе, испугавшись проклятій, стало отказываться чуть не отъ своего рода—своихъ именъ и заиграло словомъ «свобода», какъ маленькій ребенокъ играетъ игрушкой, ломая и коверкая ее. Дворянство, какъ легкомысленная бабочка, летѣло къ этому ярко-горѣвшему слову и спалило всѣ свои красивыя золотыя крылья!.. Кто изъ легкомыслія, кто изъ подражанія, кто изъ страха прослыть отсталыми—мѣняли и старыя преданія, старыя привычки, и старые порядки.

Началось со слитія сословій, съ пожатія рукъ купцамъ и кулакамъ, о тамъ и панибратство съ ними.

Въ семьи свои внесли свободу, начиная съ того, что требовали отъ дѣтей не почтительной любви, а любви товарищеской, и приказывали дѣтямъ изъ личнаго мѣстоименія «вы» переходить на «ты», тогда какъ другой приказъ былъ отданъ дѣтямъ—говорить прислугѣ «вы». Хотя это пустяки, достойные смѣха, но вѣдь говорятъ: «Москва сгорѣла отъ копѣечной свѣчи».

Старая прислуга недоумѣвала отъ подобной перемѣны и негодовала, когда слышала дѣтей, говорящихъ родителямъ «ты», и обижалась, когда господа говорили ей «вы»; молодая-же вообразила, что господа теперь ужъ «не смѣютъ» говорить имъ «ты». Дѣтямъ въ обыденной жизни препятствій на дорогѣ было мало: читать могли чтó угодно, слушать разговоры взрослыхъ—какіе угодно, и родители при нихъ не стѣснялись,—вѣдь они также были уже «полу-граждане», и вмѣстѣ судили, рядили все и всѣхъ, а прежде всего начальство.

Товарищей не родители выбирали, а дѣти приводили изъ гимназій, кого имъ угодно. Дальше, родители стали снисходительно смотрѣть на

шалости своихъ юношей, снисходительно смотрѣть на непочтительность къ старшимъ, на неисполненіе служебныхъ обязанностей, находя даже, что служба царю и отечеству—старая сказка, и что гораздо лучше и нормальнѣе жить на свободѣ, въ деревнѣ, приглядываться къ хозяйству, а молодежь, подъ видомъ хозяйства, гоняла собакъ и бездѣльничала.

Общество, еще болѣе обрадовалось слову «свобода» и съ распростертыми объятіями приняло его. Оно стало снисходительно смотрѣть на безнравственные поступки своихъ членовъ, которые перестали краснѣть, скрывать свои пороки и прятать грѣхи, находя, что гораздо благороднѣе и честнѣе показывать себя во всей наготѣ.

Какъ не сказать послѣ этого, что общество въ 60-хъ годахъ, съ появленіемъ свободы, обезумѣло!? Начальство подчиненныхъ своихъ превратило въ товарищей. Жены священниковъ не оставили также слова «свобода» безъ примѣненія его къ себѣ, и главной цѣлью ихъ сдѣлалось опустошать карманы мужей на шляпы, туалеты и т. п.

Дочери священниковъ, смѣнивъ красивые голубые и розовые платочки на безобразныя провинціальныя каррикатурныя шляпы, якобы модныя, стали гнушаться своего сословія и мечтали выйти замужъ не за священника, а за «офицера». Сыновья священниковъ, стали стремиться въ университетъ, а тамъ—лекціи на голодный желудокъ и возвращеніе не въ скромный, теплый уголокъ отцовскаго сельскаго домика, оставленнаго далеко за собою, а въ сырость, грязь и холодъ общей студенческой квартиры, такихъ же горемыкъ, какъ и они.

Но, конечно, весь трудъ такой жизни могъ бы быть безъ ропота переносимъ, если бы молодежь шла учиться изъ любви къ наукѣ, изъ желанія помочь родителямъ; но всѣ эти силы выбивались изъ своей колеи, шли не по своей дорогѣ, лишь бы не быть тѣмъ, чѣмъ они есть, и, возбуждая свое ненормальное желаніе, гнались за воздушными зàмками.—Но зàмки исчезали, и молодежь эта, не имѣя въ себѣ нравственной силы бороться со всѣми трудностями жизни, не имѣя вѣры и высокаго чувства христіанскаго—смиренія и терпѣнія, ожесточалась на всѣ встрѣчающіяся невзгоды, сворачивала въ окольные пути и стала задумывать, какъ-бы силой отнять то, чего Богъ ей не далъ... И тогда многіе несчастные, вышедшіе изъ своей колеи, присоединялись къ сообщникамъ страшнаго замысла противъ родной страны, противъ своего Царя, Царя-милостиваго, Царя-Освободителя!

Свобода же въ рукахъ мужика привела его къ нищетѣ и преждевременной могилѣ; свобода, въ его понятіяхъ, не допускающая старшинства въ семьѣ, привела къ раздѣламъ, къ кабакамъ и къ смерти отъ опоя.....

*

Отъ этихъ строкъ перейду опять къ воспоминаніямъ своего дѣтства и скажу нѣсколько словъ о своей гувернанткѣ.

Madame de Laveau, какъ главной помощницѣ моей матери въ воспитаніи и образованіи ея дочерей, я посвящаю нѣсколько строкъ, для описанія хотя оригинальной, но въ высшей степени образованной, доброй и хорошей гувернантки. Она всегда жила въ богатыхъ и аристократическихъ семьяхъ, но часто оставляла эти мѣста и шла на менѣе удобныя для нея, если знала, что тамъ она нужнѣе.

Несмотря на уваженіе, которымъ она пользовалась, она не могла не поражать и не удивлять своею оригинальностью. Была она очень некрасива: маленькаго роста, бѣлокурая и немного горбатенькая. Въ Россію она пріѣхала очень молодой, пріобрѣла себѣ капиталъ въ пять тысячъ, и сорока лѣтъ вышла замужъ въ Москвѣ, за молодаго француза m-r de Laveau [1]).

Но m-r de Laveau предпочелъ, вернувшись изъ церкви послѣ свадьбы, уѣхать въ Парижъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ: получилъ онъ депешу, требующую немедленнаго его пріѣзда въ Парижъ и съ деньгами..... Онъ объяснилъ свое горестное положеніе женѣ, она растрогалась, отдала ему всѣ деньги, и онъ уѣхалъ, чтобъ не возвращаться! Бѣдная вдова онъ живаго мужа жила все надеждой, была съ нимъ въ перепискѣ, все ждала его и, чтобы не старѣть и не дурнѣть, придумывала разныя средства для сохраненія своей небывалой красоты. Пила одно молоко, ложилась на столъ выпрямлять горбъ, спала въ шляпѣ подъ вуалью и ходила постоянно въ перчаткахъ; прыгала каждый день 100 разъ черезъ веревочку, а лѣтомъ купалась три раза въ день, до глубокой осени. Вставала аккуратно въ 7 часовъ утра, ложилась въ 9 вечера и въ какую бы то ни было погоду ходила гулять. Красоты она не пріобрѣла, но зато въ здоровьѣ и бодрости могла состязаться съ молодыми. Съ нами она была замѣчательно добра и любила насъ какъ своихъ дѣтей, называя: «mes petits enfants». Несмотря на свои годы, внѣ класса, она превращалась въ товарища: играла, бѣгала съ нами. Въ классѣ же у нея былъ примѣрный порядокъ. Она аккуратно приходила сама будить насъ въ 7 часовъ, приговаривая обычныя фразы: «reveillez-vous, mes petits enfants» [2]), подходя то къ одной, то къ другой, говорила: «reveille-toi, belle endormie» [3]). Всегда присутствовала при одѣваніи и не позволяла намъ разговаривать, а еще менѣе ворчать на горничныхъ. Она была очень

---

[1]) M-r Lecointe de Laveau былъ извѣстный писатель, постоянный сотрудникъ «Revue desdeux mondes» и долго жилъ въ Москвѣ.

[2]) „Просыпайтесь, дѣточки".

[3]) „Проснись спящая красавица".

добра и ласкова съ прислугой, называя каждаго «другъ мой». Русскій языкъ ей не давался, но она объ этомъ не сокрушалась, хотя училась читать по-русски, я думаю, больше въ угоду мамà; учителемъ ея былъ нашъ старый лакей Василій Кузьмичъ, мы дѣвочки, помирали со смѣху, слушая эти уроки. Когда мнѣ было 13 лѣтъ, m-me de Laveau получила письмо изъ Парижа, въ которомъ ее извѣщали о смерти ея супруга. Очень ее это огорчило, плакала она много, и мы съ нею плакали. Видя мои слезы, которыя ее тронули, она сказала мнѣ: «Tu as raison de pleurer, ma chère Loloucha, m-r Laveau a été bien beau!» [1]).

На что мнѣ была красота m-r de Laveau? Я плакала о томъ, что мадамъ de Laveau собиралась ѣхать въ Парижъ, на могилу мужа. Она сшила себѣ платье съ трэномъ и плерезами, надѣла вдовій чепецъ и собралась въ Парижъ. Для насъ проводы m-me de Laveau были такимъ горемъ, что я цѣлую недѣлю не могла обѣдать за общимъ столомъ: какъ увижу пустое мѣсто ея, такъ и расплачусь! И на самомъ дѣлѣ потеря была большая: такой гувернантки какъ она мы больше не имѣли. Поѣздка ея въ Парижъ окончилась печально; оказалось, что ея тамъ не хотѣли даже признать за m-me de Laveau, такъ какъ мужъ ея былъ женатъ въ Парижѣ, а она вѣнчалась въ Москвѣ и только въ церкви, а у французовъ гражданскій бракъ необходимъ. Въ Парижѣ пробыла она три года, наградила слугъ мужа, часто посѣщала могилу его, гдѣ иногда встрѣчалась съ другою m-me de Laveau и съ взрослою ея дочерью. Привыкнувъ къ Россіи, гдѣ у нея было много друзей, она вернулась на свою вторую родину, гдѣ ее всѣ любили, уважали и признавали за m-me de Laveau. У нея въ то время было нажитаго капитала 14 т. рублей, которые она помѣстила Г**, который обанкрутился, и она, несчастная, потеряла все, и снова должна была подъ старость трудиться.

Спустя много лѣтъ я встрѣтилась съ нею у Р...хъ. Она заплакала отъ радости, увидавъ меня, и сказала: Ma chère Loloucha! ne t'étonnes pas de ce que je pleure—j'ai eu tant de malheurs, que je ne puis pleurer que de joie» [2]), и сложивши свои старческія руки, сказала: «Mais que la volonté de Dieu soit faite»! [3]) Желаніе ея все-таки было умереть на родинѣ.

Спустя нѣсколько лѣтъ мать моя по пути въ Италію встрѣтила m-me de Laveau въ Москвѣ совершенно умирающую и почти безъ средствъ, неспособной уже зарабатывать даже насущнаго хлѣба, такъ

---

[1]) „Ты права, что плачешь. Mr. de Laveau былъ замѣчательно красивъ!"

[2]) „Дорогая Лелюша"! не удивляйся, что я плачу, я испытала столько несчастій, что плакать могу теперь только отъ радости".

[3]) „Но да будетъ воля Божія"!

какъ ей было 80 лѣтъ. Она предложила ей ѣхать съ ней, на что старушка отвѣтила: «Oh! chère princesse! c'est le bon Dieu qui vous a envoyé vers moi!» [1]),—и онѣ поѣхали во Флоренцію.

Теплое солнце и итальянскій живительный воздухъ воскресили m-me de Laveau. Тамъ, узнавъ о стѣсненномъ положеніи одной изъ своихъ бывшихъ воспитанницъ, имѣвшей большую семью, она поспѣшила послать ей послѣдніе трудовые свои—тысячу рублей, а остальныя свои деньги вложила въ общину призрѣнія въ Chambery, куда и отправилась кончать свою трудовую, честную жизнь. Но недовольна она была порядками во Франціи и республиканскимъ правленіемъ и мечтала вернуться въ Россію, все ждала меня, что я пріѣду за ней и увезу ее. Съ грустью думаю о томъ, что не суждено мнѣ было исполнить желаніе дорогой моей наставницы. Скончалась она 93-хъ лѣтъ, въ памяти и безболѣзненно; въ день ея кончины я получила отъ нея письмо, въ которомъ писала мнѣ, что ждетъ меня!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) „Дорогая княгиня! Это Господь послалъ васъ!"

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

23-го мая 1821 † 8-го марта 1897.

8-го марта 1897 года скончался одинъ изъ послѣднихъ представителей того высокодаровитаго поколѣнія литературныхъ дѣятелей, которое въ срединѣ текущаго вѣка дало своими произведеніями столь блестящій разцвѣтъ русской словесности и доставило ей общеевропейское значеніе. Въ ряду этихъ дѣятелей Аполлону Николаевичу Майкову принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по силѣ художественнаго дарованія и по благородному постоянству въ служеніи призванію поэта, такъ и по широкой извѣстности, имъ пріобрѣтенной.

Почти шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ впервые огласилось имя юнаго поэта, еще не сошедшаго въ то время съ университетской скамьи: его ранніе, еще не напечатанные поэтическіе опыты были одновременно прочтены съ университетскихъ каѳедръ: въ Петербургѣ—А. В. Никитенкомъ и въ Москвѣ—С. П. Шевыревымъ. Полтора года спустя появились въ печати (въ «Одесскомъ Альманахѣ на 1840 годъ») два его стихотворенія, скромно подписанныя буквою М., и тогда же обратили на себя вниманіе Бѣлинскаго. Одно изъ нихъ—«Сонъ»—было вслѣдъ затѣмъ приведено Бѣлинскимъ, какъ образцовое, въ его разсужденіяхъ о свойствахъ антологической поэзіи, а два года позже, въ 1842 г., когда былъ изданъ первый сборникъ стихотвореній Майкова, тотъ же чуткій къ красотамъ поэзіи критикъ снова возвратился къ названной небольшой піесѣ, чтобы высказать о ней слѣдующій восторженный отзывъ: «Это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ самой себѣ красота совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая

мягкая, нѣжная кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія достаточно, чтобъ признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ піесъ. Въ немъ искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышетъ живою идеею».

Немногимъ писателямъ на первыхъ шагахъ своей дѣятельности суждено было услышать такое горячее привѣтствіе; но Бѣлинскій былъ человѣкъ глубоко искренній; появленіе всякаго новаго замѣчательнаго таланта на горизонтѣ русской литературы вызывало въ немъ самую неподдѣльную радость, самое теплое сочувствіе; поэтому и разборъ перваго сборника стихотвореній Майкова, появившагося черезъ пять лѣтъ послѣ кончины Пушкина и спустя полгода съ небольшимъ по смерти Лермонтова, Бѣлинскій началъ такими воодушевленными строками «Даровита земля Русская; почва ея не оскудѣваетъ талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами и оскорбленное не сбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывомъ отчаянія,—какъ вдругъ новое явленіе привлекаетъ къ себѣ ваше вниманіе, возбуждаетъ въ васъ робкую и трепетную надежду...» По шестнадцати строкамъ антологической піесы Бѣлинскій угадалъ творческій даръ въ совершенно неизвѣстномъ ему Майковѣ, а прочитавъ первый сборникъ его произведеній, онъ пришелъ къ убѣжденію, что поэтъ, не смотря на свою крайнюю молодость (Аполлону Николаевичу въ 1842 году едва минулъ 21 годъ), уже вполнѣ овладѣлъ художественностью формы. Въ виртуозности, обнаруженной созданіемъ превосходныхъ піесъ въ антологическомъ родѣ, въ его способности воспринимать впечатлѣнія природы съ тою живостью и силой, съ какою чувствовали ее древніе еллины, Бѣлинскій призналъ счастливый залогъ будущаго развитія поэта, когда «прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра, міра нравственнаго, міра судебъ человѣка, народовъ и человѣчества». Въ сборникѣ Майкова Бѣлинскій отмѣтилъ нѣсколько піесъ неантологическаго содержанія, въ которыхъ усмотрѣлъ «свидѣтельство духовной движимости поэта», и призналъ, что «въ нихъ видно зерно и зародышъ новой для него эпохи творчества, новыхъ созданій въ будущемъ».

Требованіе критика, чтобы молодой поэтъ стремился расширить свой умственный и творческій горизонтъ, было безусловно справедливо, — лишь бы только это развитіе и созрѣваніе шло нормальнымъ путемъ, безъ насилій надъ стремленіями художника, и не приводило къ надуманности, къ «рефлексіи», какъ любилъ выра-

жаться Бѣлинскій. По счастію, «духовная движимость», о которой говорилъ критикъ, была насущною потребностью чуткой натуры самого поэта. Совершенно равнодушный къ заботамъ матеріальной жизни, онъ всегда вращался только въ сферѣ интересовъ духовныхъ онъ; рано понялъ, что дарованіе, которымъ онъ надѣленъ, нуждается въ тщательномъ уходѣ, и онъ воспиталъ его основательнымъ и разностороннимъ самообразованіемъ, постоянно пополняя имъ тотъ запасъ знаній, который пріобрѣлъ въ годы университетскаго ученія. Ему знакомы были и близки трудныя задачи философіи и общественныхъ наукъ, но всего болѣе оказало на него вліянія то великое движеніе наукъ историческихъ, которымъ ознаменовалась средина текущаго вѣка; примѣненіе историческаго метода къ изученію литературы и права, истолкованіе народной старины, какъ основы культурнаго развитія, ознакомленіе съ произведеніями древняго и новаго искусства и съ памятниками народнаго творчества, какъ наглядными проявленіями духовной жизни различныхъ народныхъ особей, наконецъ изученіе религіознаго развитія человѣчества, все это поочередно привлекало къ себѣ пытливое вниманіе Майкова. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ свидѣтелемъ борьбы нашихъ западниковъ и славянофиловъ; къ этому великому расколу, еще нынѣ раздѣляющему просвѣщенное меньшинство нашего общества, онъ отнесся самостоятельно и своеобразно: уроженецъ Москвы, но питомецъ и постоянный житель Петербурга, своимъ раннимъ образованіемъ предрасположенный къ западничеству, онъ однако сумѣлъ понять его односторонность и уже въ зрѣломъ возрастѣ, подъ впечатлѣніями событій пятидесятыхъ годовъ, проникся убѣжденіемъ, что каковы бы ни были наши тогдашнія неудачи и неустройства, въ русскомъ народѣ таятся задатки самостоятельнаго развитія, первыя проявленія котораго заключаются въ созданіи имъ могущественнаго государства, твердаго своимъ незыблемымъ строемъ. Вѣрное пониманіе историческихъ судебъ Россіи составляетъ характерную черту въ умственной и творческой жизни Майкова въ періодъ его зрѣлости.

Постепенно складывавшееся міросозерцаніе поэта дало обильную пищу и содержаніе его творчеству, которое украсило русскую литературу рядомъ замѣчательныхъ созданій. Чтобы напомнить читателямъ плоды этой обильной дѣятельности художника въ ея послѣдовательномъ развитіи, мы приведемъ прекрасныя слова одного изъ близкихъ къ нему лицъ, тоже недавно скончавшагося, извѣстнаго историка К. Н. Бестужева-Рюмина, который съ глубокими познаніями и обширнымъ умомъ соединялъ тонкое пониманіе поэзіи.

«Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, писалъ Бестужевъ-Рюминъ Майкову въ 1888 году, привѣтствуя поэта съ пятидесятилѣтіемъ его литературной дѣятельности,—съ восторгомъ прочелъ я первый сборникъ

вашихъ произведеній и съ тѣхъ поръ усердно слѣдилъ за развитіемъ вашей поэтической дѣятельности. Въ тѣ далекіе годы изящные образы вашихъ антологическихъ стихотвореній развивали въ насъ любовь къ изящному, уносили въ тотъ міръ, о которомъ вздыхалъ Шиллеръ, въ тотъ «цвѣтущій возрастъ природы», который живетъ теперь лишь въ «волшебной странѣ пѣсенъ». Жизнерадостная сторона этого міра отразилась въ вашихъ стихахъ, которые такъ напоминаютъ мраморный барельефъ: такъ они пластичны, и такъ въ нихъ много совмѣщено въ ограниченномъ объемѣ. Любо было молодежи тѣхъ давно минувшихъ лѣтъ уходить вмѣстѣ съ вами въ безпечальное созерцаніе этого свѣтлаго міра. Но еще тогда вы не довольствовались изящными образами; васъ влекла къ себѣ другая задача, которая заняла много лѣтъ вашей жизни, къ разрѣшенію которой вы приступали не разъ, и которую разрѣшили наконецъ въ «Двухъ мірахъ», едва ли не самомъ высшемъ изъ вашихъ созданій. Предъ нами въ яркихъ образахъ предстали два міра,—и ясно стало для умственнаго взора каждаго, почему палъ одинъ и восторжествовалъ другой. Въ упорномъ преслѣдованіи этой цѣли сказалось руководящее начало вашего духа, которое выразили вы такъ полно и сжато, какъ умѣютъ выражать только истинные поэты, въ вашемъ стихотвореніи «Изъ темныхъ доловъ». Кто живетъ мыслью, тотъ можетъ часто повторять это стихотвореніе, а особенно заключительныя слова:

Туманомъ міръ внизу сокрытъ,—
Но надо мною все гудитъ
Во весь широкій небосклонъ
—Сюда, сюда!—все тотъ же звонъ.

«Высокое стремленіе къ постоянному душевному совершенствованію влечетъ васъ къ изученію и воспроизведенію жизни разныхъ народовъ и поэзіи разныхъ эпохъ: вы уводили насъ съ собою въ Неаполѣ и въ Римъ; вы сдѣлали общедоступнымъ Эсхилова «Агамемнона»; вы знакомили насъ съ поэзіей народовъ славянскихъ и съ мрачною поэзіей древнихъ скандинавовъ, и въ послѣдней поэмѣ («Брингильда») вы изъ отрывковъ и намековъ «Старой Эдды» создали полную художественную картину и т. д. Много человѣческихъ міровъ облетѣла мысль ваша; вездѣ она была гостьей, сочувственно относящеюся къ тому, что̀ ей сочувственно, умѣвшею возобновлять для насъ Пушкинскія преданія; но дома, у себя—она была только въ русской жизни, въ русской исторіи. Вы когда-то сказали Погодину, что имъ руководилъ одинъ идеалъ: «Идеалъ этотъ — Россія въ ея настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, Россія, какъ она создалась вѣками, въ силу своихъ историческихъ судебъ». Смѣю думать, что эти слова приложимы и въ вамъ. Вы не разъ воспроизводили прошедшее Россіи и въ поэтическихъ образахъ, которые дышатъ и жизненною правдой, и глубокимъ русскимъ чувствомъ,

и въ прозаическихъ разсказахъ, въ которыхъ однако такъ много задушевности и поэзіи; вы угадали, какъ передать современному читателю «Слово о полку Игоревѣ»; въ вашемъ несравненномъ «Емшанѣ», этомъ перлѣ русской поэзіи, вы сумѣли придать жизнь и краски темному намеку лѣтописи. Вы сочувственно отзывались на всѣ событія современности, начиная съ Крымской войны; вы воздвигли передъ нами не одинъ образъ изъ древней Руси; вы сумѣли чуткою душой вашею понять не только событія, но самый смыслъ ихъ, вознестись къ высшему религіозному началу и въ немъ слиться со своимъ народомъ...»

Эта мѣткая характеристика не требуетъ дополненій; въ ней указаны всѣ главныя достоинства поэзіи Майкова и отмѣчены существенныя черты его дарованія; въ немногихъ словахъ трудно было бы яснѣе обозначить его мѣсто въ развитіи русскаго поэтическаго творчества.

Юбилейное торжество, которымъ почтили русская литература и русское общество пятидесятилѣтіе поэтической дѣятельности А. Н. Майкова 30-го апрѣля 1888 года, было истиннымъ праздникомъ русскаго искусства. Всѣ современные русскіе поэты принесли ему свои привѣтствія, и въ ряду ихъ первымъ было прочитано стихотвореній Августѣйшаго поэта, которымъ мы и заключимъ настоящее воспоминаніе о только что почившемъ художникѣ русскаго слова:

Твоя восторженная лира
И пѣсни чистыя твои
Намъ проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви.

Ты—черни вѣтряной въ угоду—
Себѣ, пѣвецъ, не измѣнялъ,
Свою священную свободу
Страстямъ толпы не подчинялъ;

Ты пѣлъ въ теченіе полвѣка,
Безсмертья лаврами увитъ,
Ту пѣснь, что̀ душу человѣка
И возвышаетъ, и живитъ...

О, если бъ эти струны пѣли
Намъ долго, долго твой завѣтъ,
Какъ несравненной долженъ цѣли
Быть вѣренъ истинный поэтъ.

Описка въ имени императора Петра Великаго и ея послѣдствія.

31-го марта 1731 года бывшій у чистки Боровичскихъ и Ладожскихъ пороговъ мастеръ Семенъ Сорокинъ, въ поданномъ Сенату доношеніи сдѣлалъ слѣдующую описку: вмѣсто словъ «блаженныя и вѣчно достойныя памяти Петръ Первый», написалъ «блаженныя и вѣчно достойныя памяти Пертъ Первый».

О причинѣ допущенія такой описки Сенатъ приказалъ допросить Сорокина, который объяснилъ, что «сдѣлалъ это простотою своею и недосмотрѣніемъ, а ни съ какого своего умысла». По выслушаніи такого объясненія Сенатъ, 28-го іюля 1740 года, опредѣлилъ: учинить Сорокину, за ту его вину, въ страхъ другимъ, наказаніе плетьми [1]).

Сообщ. **А. В. Безродный**.

[1]) Позднѣе, а именно въ 1742 году, Сенатъ такой взглядъ свой на подобныя дѣла измѣнилъ, и указомъ отъ 5-го мая того года повелѣлъ: «ежели гдѣ впредь въ какихъ дѣлахъ или челобитныхъ и доношеніяхъ усмотрѣны будутъ неумышленныя описки, о такихъ погрѣшностяхъ впредь болѣе не слѣдовать и въ тайную канцелярію не отсылать, а такія описки переправливать, токмо подтвердить, чтобъ впредь челобитныя и доношенія, какъ писцы, такъ и во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, писали и приниманы были осмотрительно, чтобъ въ титулахъ ея императорскаго величества отнюдь описки не было».

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

XX [1]).

Переходъ польскаго войска за границу.—Львовъ.—Лисья шуба.—Пани Рыбчинская.—Пріѣздъ Карла Ружицкаго.—Отъѣздъ въ Тарнополь.—Поѣздка въ Чорстково.—Опять въ Львовѣ.—Пашкевичъ.—Отъѣздъ изъ Галиціи.—Граница.—Бѣла.—Ольмюцъ.

Поляки ушли за границу, имѣя 130.000 отличнаго и хорошо вооруженнаго войска, тогда какъ у противника было въ то время отнюдь не больше, а пожалуй и меньше. Можно сказать, что поляки воевали ради самаго процесса войны, а вовсе не для того, чтобы чего-нибудь достигнуть или до чего-нибудь добиться. У нихъ не было единодушія, не было опредѣленной цѣли, не было короля, а «Рѣчь Посполитая» кутила и прокутила вдовій грошъ, свою добрую славу и свое святое дѣло.

Издали все бываетъ заманчиво и прекрасно. Таковой казалась и эта война въ Литвѣ и въ Юго-Западномъ краѣ, откуда шляхта стремилась въ Польшу; она шла на войну такъ охотно что̀ самъ диктаторъ Хлопицкій испугался, не зная что̀ дѣлать съ охотниками, которые явились къ нему изъ Литвы, изъ Червонной Руси, Польши, Подоліи, Украйны и даже изъ Галиціи и Познани. Диктаторъ ворчалъ, хмурилъ брови и качалъ головою. «У меня нѣтъ для нихъ ни одного ружья»,—говорилъ онъ. Этому доблестному и умному человѣку надоѣло уже разыгрывать роль Наполеона.—Еще куда ни шло совершать геройскіе подвиги въ Испаніи, на берегахъ Эбро; здѣсь же, на берегахъ Вислы, онъ предпочиталъ сидѣть за зеленымъ столомъ и быть только Хлопицкимъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, 1897 г. февраль.

Какъ повели дѣло съ самаго начала, такъ оно и кончилось; потратили напрасно охотниковъ и желаніе воевать. Я видѣлъ въ такъ называемомъ конгрессовомъ королевствѣ повстанье вблизи; народъ не сочувствовалъ ему; вступать въ войска, правда, никто не отказывался, считая это обязанностью, какъ и прежде, но собственно говоря только шляхта стремилась на войну и дѣйствовала смѣло и энергично. Шляхта и тутъ явилась представительницею польскаго народа, какъ была и будетъ ею всегда. Народъ и мѣщане шли на войну охотно и даже съ восторгомъ во времена Костюшки, но это было мимолетное увлеченіе, мимолетный подъемъ духа, тогда какъ шляхта всегда и вездѣ была готова постоять за народное дѣло. Будь у нея немного политическаго смысла, дѣйствуй она единодушнѣе и умѣй отрѣшиться отъ своихъ узкихъ, эгоистическихъ цѣлей, а главное имѣй во главѣ человѣка съ умомъ и сердцемъ, польская шляхта могла бы быть самымъ прекраснымъ, самымъ рыцарскимъ войскомъ не только въ Польшѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ.

Жаль этой доблестной шляхты, которая такъ много вредила себѣ, не замѣчая того, что она была игрушкою въ рукахъ демократіи и іезуитовъ, служила нѣмцамъ и Богъ вѣсть кому, а натворивъ бѣды, озиралась во всѣ стороны съ удивленіемъ, но не считала нужнымъ исправиться и всегда была готова на новое безразсудство. Я вижу въ этомъ истинное наказаніе Божіе. Мы застали въ Львовѣ настоящую политическую ярмарку, гораздо болѣе многолюдную и разнообразную, нежели бываютъ торговыя ярмарки въ Ромнахъ, Бердичевѣ и даже въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ тою лишь разницею, что тамъ весь товаръ бываетъ на лицо и всякому извѣстенъ, тогда какъ тутъ никто не зналъ, чего онъ хочетъ и какой товаръ ему предлагаютъ. Военные и статскіе разговаривали и волновались безъ конца; всѣ гостиницы и кофейни были переполнены; всюду шумѣли, галдѣли; балы слѣдовали за обѣдами, а между тѣмъ вся эта политическая болтовня не стоила выѣденнаго яйца Зато очаровательны были обитательницы Галиціи, которыя по душевнымъ качествамъ и красотѣ были сущими ангелами польской земли. Если Богъ сотворилъ женщину для того, чтобы воодушевлять человѣка и поощрять его на великія, благородныя дѣла, то онъ конечно долженъ былъ сотворить галичанокъ.

Во Львовѣ не было ни одного изъ нашихъ генераловъ и вельможъ. Князь Адамъ Чарторыйскій уѣхалъ въ Парижъ, графъ Владиславъ Замойскій—въ Лондонъ, Скржинецкій—въ Грацъ, Дверницкій—въ Штирію; но во Львовѣ засѣдалъ какой-то галиційскій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Красинскаго, да изо всякаго сброда образовалось нѣсколько политическихъ кружковъ, во главѣ которыхъ стояли полковникъ Залѣсскій, маіоръ Болѣвскій, маіоръ Нико и прочіе агитаторы, эмигрировавшіе раньше.

У Шора и Дреснера обѣдало и ужинало избранное общество; люди попроще собирались въ другихъ ресторанахъ.

Губернаторомъ Львова былъ въ то время чехъ князь Лобковичъ; я былъ ему представленъ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, Густавомъ Олизаромъ, который только-что вернулся изъ Германіи, гдѣ онъ былъ на водахъ, со своей женою и сестрою, пани Ожаровской. Князь Лобковичъ подробно разспрашивалъ насъ обо всемъ касательно дѣйствій нашего отряда, Карла Ружицкаго, и пригласилъ насъ на слѣдующій день на обѣдъ, на которомъ присутствовало нѣсколько мѣстныхъ сановниковъ. Представляя насъ онъ сказалъ:

— Это господа казаки непобѣдимаго отряда.

Намъ наговорили всевозможныхъ любезностей. Князь Лобковичъ долго бесѣдовалъ со мною о славянской литературѣ, о казацкихъ пѣсняхъ. Я былъ хорошо знакомъ съ этимъ предметомъ, поэтому могъ какъ нельзя лучше поддержать разговоръ. На слѣдующій день князь отдалъ визитъ и предложилъ намъ обоимъ, такъ же какъ и Карлу Ружицкому, остаться, если пожелаемъ въ Галиціи, и даже поселиться тамъ окончательно, обѣщая выхлопотать на это разрѣшеніе императора. Мы горячо поблагодарили его. Вслѣдъ за тѣмъ онъ прислалъ со своимъ секретаремъ три паспорта, въ коихъ мы были названы землевладѣльцами, помѣщиками.

Вѣсть о необыкновенномъ вниманіи къ намъ губернатора разнеслась по городу; стали говорить, что князь Лобковичъ получилъ изъ Вѣны приказаніе удержать въ Галиціи всѣхъ тѣхъ, кто былъ въ полку Ружицкаго, и образовать изъ нихъ отборную гвардію для императора или одного изъ эрцгерцоговъ, котораго императоръ предназначаетъ въ короли польскіе, и что это должно вскорѣ осуществиться. По этому поводу къ намъ то и дѣло стали заходить всевозможные посѣтители, такъ что двери нашей квартиры почти не затворялись.—Всякій просилъ о томъ, чтобы мы заявили о его принадлежности къ нашему полку; мазуры, краковяне и уроженцы Полѣсья лѣзли въ родство къ украинскимъ казакамъ. Русины явились къ намъ съ Наподевичемъ и Залѣсскимъ во главѣ; они считали дѣломъ рѣшеннымъ, что у императора будетъ гвардія изъ казаковъ, и были увѣрены, что это поведетъ къ сближенію русинъ съ поляками, каковое сближеніе должно существовать между двумя славянскими племенами. Признаюсь, мнѣ все это надоѣдало, но Омецинскій съ невозмутимымъ хладнокровіемъ завелъ книгу, куда онъ записывалъ всѣхъ желавшихъ быть сопричисленными къ числу казаковъ.

Я былъ увѣренъ, что вниманіе, намъ оказанное княземъ Лобковичемъ, было дѣломъ его личной симпатіи къ намъ и его собственной выдумкою; онъ былъ чешскій шляхтичъ, славянинъ, почему же ему было

не увлекаться подобно тому, какъ увлекаются польскіе шляхтичи? Немногіе думали иначе, а нѣкоторые рѣшили даже, что это ознаменовывало начало какой-то тайной, глубокой политики, но эта политика такъ и осталась навсегда тайною. Впрочемъ, намъ это было съ руки, такъ какъ на насъ стали смотрѣть послѣ этого эпизода какъ на людей достопримѣчательныхъ, что́ вовсе не мѣшаетъ.

Однако при всей нашей достопримѣчательности у насъ не было ни гроша въ карманѣ, и надобно было какъ-нибудь повидаться съ родными, а для этого уѣхать изъ Галиціи. Однажды, когда я размышлялъ объ этомъ, къ намъ зашелъ нашъ домовладѣлецъ, богатый купецъ Плюкчели. Увидавъ на моей постелѣ шубу изъ чернобурой лисицы, которую сестры отдали мнѣ по смерти матери, онъ сталъ расхваливать, а я предложилъ ему купить ее. Осмотрѣвъ шубу внимательно со всѣхъ сторонъ, онъ сказалъ: «хорошо, я дамъ за нее ясневельможному пану 1.000 червонцевъ». Я чуть не подпрыгнулъ отъ радости и удивленія, ибо не зналъ толка въ мѣхахъ.

Въ тотъ же день онъ отсчиталъ мнѣ тысячу червонцевъ. Итакъ, я разбогатѣлъ! На другой же день мы отправились въ Злочово, намѣреваясь оттуда проѣхать въ Броды. Въ одной корчмѣ, по пути, насъ ожидала слѣдующая счастливая встрѣча. Направляясь къ границѣ, мы сами хорошо не знали, куда ѣдемъ и къ кому именно; по пути остановились въ довольно плохой корчмѣ, гдѣ рады были отдохнуть послѣ Львовской сутолоки и шума; вдругъ во дворъ корчмы въѣхала карета, запряженная шестернею пѣгихъ лошадей, а за нею двѣ брички. Въ каретѣ сидѣли двѣ дамы въ траурѣ, старуха и пожилая. Пожилая пристально всматривалась въ меня и, какъ только я заговорилъ, она воскликнула: «панъ Михаилъ Чайковскій, сынъ Петронелли! Мама, мы нашли того, кого искали, намъ теперь не къ чему ѣхать во Львовъ». Удивленный, я отвѣчалъ, что я дѣйствительно Михаилъ Чайковскій; тогда эта госпожа объяснила намъ, что старуха—пани Рыбчинская, а сама она ея падчерица и вдова полковника Телятицкаго, что сынъ ея убитъ подъ Гроховымъ, и что она воспитывалась на Украйнѣ съ моей матерью и ея ровесница. Онѣ тотчасъ пригласили насъ обоихъ къ себѣ въ Хильчицы, гдѣ насъ приняли какъ родныхъ.

Въ окрестностяхъ Злочова, отъ котораго Хильчица находилась въ разстояніи одной мили, была масса помѣщиковъ и много очаровательныхъ галичанокъ. Мы провели въ Хильчицахъ нѣсколько мѣсяцевъ; какъ будто хлебнувъ воды изъ Леты, мы позабыли обо всемъ, о войнѣ, о политикѣ, о прошедшемъ и будущемъ.

Когда мы жили среди краковянъ, въ Тарновскомъ округѣ, народъ смотрѣлъ на насъ искоса, говоря про насъ:

«Это поляки, а не австрійцы» и отъ нихъ ничего нельзя было до-

биться иначе какъ за деньги; когда же мы очутились среди славянъ, и крестьяне, разговорившись съ нашей прислугою, узнали кто мы, то ихъ собралась цѣлая толпа привѣтствовать насъ. Они кланялись, цѣловали намъ руки, принесли намъ калачей, меду, и сметаны.

Въ то время, какъ намъ жилось въ окрестностяхъ Злочова такъ хорошо, что мы уже собирались тамъ поселиться и, женясь, зажить своимъ домомъ, къ намъ неожиданно пріѣхалъ Карлъ Ружицкій съ Михаиломъ Грудзинскимъ и Янъ Подлѣсскій съ Брестянскимъ, зятемъ пани Рыбчинской. Вмѣстѣ съ ними въ Хилчицъ проникла язва политическихъ треволненій; мы очнулись отъ своего упоенія и, отрезвившись, вспомнили прошлое. Карлъ Ружицкій рѣшилъ извлечь насъ изъ этой Капуи, гдѣ мы чуть не похоронили нашу казацкую удаль; онъ взялся за это дѣло очень ловко и искусно, первый заговорилъ о Турціи, о казакахъ, тамъ живущихъ; съ нимъ былъ старикъ Степанъ Левчукъ-Заремба, болѣе 10-ти лѣтъ прожившій въ Турціи. Онъ разсказывалъ намъ о Добруджѣ, о славныхъ атаманахъ, о Некрасовцахъ, объ остаткахъ сѣчи Запорожской и пробудилъ наши мечты, усыпленныя чудными очами прелестныхъ галичанокъ. Ружицкій, подмѣтивъ перемѣну въ нашемъ настроеніи, сказалъ однажды: «Кто желаетъ ѣхать за Дунай, тотъ долженъ быть ближе къ нему; поѣдемъ въ Тарнополь или въ Чорстково, а тамъ обсудимъ, чтó дѣлать далѣе».

Мы изъявили свое согласіе. Съ сокрушеннымъ сердцемъ оставили мы Злочовку; на глазахъ у насъ навертывались слезы, но на губахъ играла казацкая улыбка.

Я никакъ не могъ понять, почему наши казаки такъ скоро раздумали ѣхать за Дунай; даже Омецинскій измѣнилъ свое намѣреніе: его тянуло на Западъ, во Францію. По правдѣ сказать, мы вовсе не знали славянъ,—всѣ наши свѣдѣнія о нихъ были такъ же туманны, какъ сочиненія нѣмецкихъ философовъ. Это было причиною, что мы всѣ, какъ стадо барановъ, стремились на Западъ, чтобы поддержать своими силами Францію; потерявъ Польшу, мы хотѣли почерпнуть у французовъ силу, которой не находили въ самихъ себѣ. Если бы мы остались въ славянскихъ земляхъ съ тѣмъ войскомъ, которое было въ то время въ нашемъ распоряженіи, это имѣло бы огромное вліяніе на населеніе этихъ земель и не измѣнило бы нашу горемычную участь. Это придало бы болѣе смѣлости нашимъ братьямъ-славянамъ и подготовило бы намъ въ ихъ лицѣ надежную опору въ будущемъ. Мы примкнули бы къ славянству, отъ котораго намъ не слѣдовало удаляться, и довершили бы дѣло, начатое двумя Болеславами и прерванное католицизмомъ и вліяніемъ нѣмцевъ. Въ 1831 и 1832 г., когда мы спокойно пировали въ Галиціи, нѣмцы и католики не стояли намъ на пути къ славянству; они не признавали поляковъ славянами и до того были

увѣрены, что мы отшатнулись отъ славянства, что не допускали и мысли о какомъ-либо единеніи съ ними съ нашей стороны; этому единенію мѣшало только наше полное невѣжество, наше незнакомство съ исторіей и непониманіе исторической роли нашего 80-милліоннаго народа.

Достойно удивленія, что меня одного неудержимо тянуло за Дунай, куда я то и дѣло уносился мечтою, стараясь найти путь къ правдѣ. По пріѣздѣ въ Тарнополь я рѣшилъ окончательно переговорить объ этомъ съ К. Ружицкимъ и упрекнулъ его за то, что онъ сбилъ насъ съ толку, и что мы, по его винѣ, не очутились за Дунаемъ съ оружіемъ въ рукахъ.

— Хотя-бы изъ насъ дошло туда всего нѣсколько человѣкъ,—говорилъ я,—бѣда не велика, за-то мы указали бы путь другимъ, и на берегахъ Дуная осѣло бы польское казачество, всегда готовое взяться за оружіе въ случаѣ войны. Дорога туда не далека; въ Бессарабіи мы были бы уже между своими, а Украйна вся наша. У насъ были бы свои силы и мы могли бы оружіемъ проложить себѣ дальнѣйшій путь, тогда какъ во Франціи мы будемъ совершенно лишніе и, пожалуй, намъ не дождаться, чтобы она, какъ заботливая нянька, ввела насъ въ Польшу; сами же мы не вернемся туда,—слишкомъ далеко будетъ брести черезъ нѣмецкія земли. За Дунаемъ всякій изъ насъ могъ бы жить совершенно спокойно, сдѣлаться помѣщикомъ, отцомъ многочисленнаго семейства, уважаемымъ гражданиномъ, хотя, правда, мы были бы до извѣстной степени въ зависимости отъ нѣмцевъ.

Карлъ Ружицкій, человѣкъ весьма даровитый въ военномъ дѣлѣ, но не отличавшійся дипломатическими способностями, не любилъ вступать въ споры, но дѣйствовалъ всегда прямо и открыто. Поэтому онъ отвѣчалъ мнѣ, что вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе о необходимости уйти за Дунай и полагаетъ, что это удалось бы тотчасъ послѣ переправы черезъ Вислу; но вышло такъ, что, услыхавъ отъ меня о нашемъ желаніи въ Куновѣ, и будучи увѣренъ, что мы съ Омецинскимъ стараемся повліять въ этомъ смыслѣ на прочихъ офицеровъ и солдатъ, онъ передалъ это князю Адаму Чарторыйскому, который сталъ умолять его отговорить насъ отъ такого рискованнаго шага, увѣряя, что это могло повредить всѣмъ его дипломатическимъ планамъ и окончательно погубить наше дѣло. По его словамъ, изъ Лондона и Парижа получены вполнѣ достовѣрныя извѣстія, что тамъ уже знаютъ о сдѣланныхъ нами ошибкахъ, погубившихъ польское дѣло, и готовы дѣйствовать энергично, чтобы поправить его, а съ вѣнскимъ дворомъ даже начаты секретные переговоры о необходимости настаивать на точномъ соблюденіи Вѣнскаго трактата 1815 г. Въ случаѣ же упорства со стороны Россіи рѣшено сообща объявить ей войну и тѣмъ заставить

ее соблюдать этотъ трактатъ и возстановить Польское королевство. Съ другой стороны, малѣйшій безразсудный поступокъ съ нашей стороны могъ быть поводомъ къ измѣненію этого плана, могъ лишить насъ сочувствія кабинетовъ, которые могли отказать намъ въ своемъ участіи. При этомъ разговорѣ присутствовали Адольфъ Добровольскій и Карлъ Сенкевичъ. Послѣдній спросилъ: кто первый возымѣлъ мысль уйти за Дунай? Услыхавъ, что это была моя мысль, Сенкевичъ улыбнулся:

— Онъ правъ,—сказалъ онъ,—думая, что полякамъ слѣдуетъ искать сочувствія на Дунаѣ, а не въ Парижѣ или Лондонѣ, и барскіе конфедераты думали найти его тамъ, да не съумѣли сдѣлать это, такъ какъ это были шляхтичи-католики, а не казаки.

Затѣмъ Карлъ Ружицкій сообщилъ мнѣ, что онъ состоитъ въ переепискѣ съ Верещинскимъ, который ему одному сообщилъ о своемъ намѣреніи отправиться за Дунай, и далъ мнѣ прочесть письмо, полученное отъ него нѣсколько дней передъ тѣмъ.

Сѣтуя на политическое безсиліе турокъ и на невозможность возлагать на нихъ какія бы то ни было надежды, Верещинскій писалъ, что наплывъ русскихъ въ Турцію такъ великъ, что появленіе самаго незначительнаго числа новыхъ лицъ на Дунаѣ тотчасъ вызвало бы повелѣніе Высокой Порты изловить ихъ и выпроводить за предѣлы Турціи; что поляки отнюдь не могутъ считать себя въ совершенной безопасности въ Турціи, что ихъ безъ церемоніи выдадутъ русскому посольству; что, имѣя паспортъ изъ Англіи, онъ выдаетъ себя за восточнаго человѣка, носитъ подходящую одежду и не встрѣтилъ до сихъ поръ ни одного турка, съ коимъ могъ бы поговорить о политикѣ; что со старшимъ драгоманомъ посольства чуть не сдѣлался ударъ, когда тотъ узналъ, что Верещинскій—полякъ. Онъ совѣтовалъ ему молчать объ этомъ и просилъ даже не посѣщать его, такъ какъ это могло возбудить подозрѣніе и погубить ихъ обоихъ. Письмо кончалось увѣреніемъ, что попасть на Дунай можно не иначе, какъ проѣхавъ чрезъ Францію или Англію, гдѣ слѣдуетъ запастись паспортами.

Я не могъ ничего возразить на это,—доводы были слишкомъ убѣдительны, поэтому я сказалъ: «такъ поѣдемъ во Францію, но я своей мысли не оставлю: будь что будетъ, какимъ бы то ни было путемъ, а на Дунай надобно попасть».

Мы отправились во Львовъ, чтобы тамъ окончательно снарядиться въ дальній путь.

Львовъ за это время по наружности совершенно измѣнился: въ кофейняхъ и гостиницахъ стало тише, не слышно было прежняго говора, по улицамъ не расхаживали военные въ мундирахъ; за-то, если можно такъ выразиться, «тамъ составляли заговоры». Полиція слѣдила за комитетомъ; во Львовѣ, такъ-же какъ и въ провинціи, то и дѣло происходили

аресты и арестованныхъ отсылали въ Ольмюцъ и Брюннъ. Хотя во Львовѣ еще веселились, но и тамъ не было уже той искренней веселости, которою отличаются люди, увѣренные въ завтрашнемъ днѣ. Князь Лобковичъ, получивъ отпускъ, уѣхалъ въ Вѣну и Прагу, и нѣмцы распоряжались въ присутственныхъ мѣстахъ; это было лучшее доказательство перемѣны, происшедшей въ отношеніи австрійскаго двора къ полякамъ и къ Польшѣ, къ коимъ они относились уже не съ прежней благосклонностью.

Мало-по-малу казаки стали уѣзжать на родину; первымъ уѣхалъ Тадеушъ Валевскій со своими людьми и съ Капціо во главѣ; ихъ благополучно пропустили за заставу: «поѣзжайте-молъ себѣ съ Богомъ по домамъ». Вслѣдъ за нимъ отправился Анастасій Подгурскій. Уѣхали домой и молодцы-братья Дморацкіе и многіе другіе. Я поступилъ бы точно такъ же, ежели бы у меня, какъ говорилъ старикъ Игнатій, не гулялъ вѣтеръ въ головѣ, если бы у меня было побольше разума, ибо какъ въ гостяхъ ни хорошо, а дома все лучше; дома всякій самъ себѣ хозяинъ; на чужбинѣ человѣку всегда плохо; сколько чужимъ ни служи, они со временемъ скажутъ: «онъ не нашъ», и когда потеряешь силы на ихъ службѣ, выгонятъ тебя на улицу, какъ стараго пса. Горе тому, кто первый вздумалъ эмигрировать на чужбину. Лучше покончить жизнь на висѣлицѣ у себя на родинѣ, нежели скитаться изгнанникомъ на чужой сторонѣ. Эмиграція—душевная мука, истинное и тяжкое Божеское наказаніе. Матери должны съ малыхъ лѣтъ внушать дѣтямъ сознаніе, что имъ никогда не слѣдуетъ покидать родину, тотъ край, гдѣ жили ихъ предки; что они должны жить и умереть на родинѣ, а не искать новаго отечества тамъ, гдѣ имъ покажется лучше, ибо вполнѣ хорошо можетъ быть только на родинѣ.

Въ сѣверныхъ, такъ называемыхъ, Краковскихъ округахъ не осталось уже почти ни одного эмигранта изъ шляхтичей и простонародья; ежели какому нибудь бѣдняку и удавалось спрятаться, крестьяне тотчасъ доносили объ этомъ властямъ, помогали схватить его и отослать въ Ольмюцъ. Въ Галиціи, за Саномъ имъ было легче укрываться; эмигранта-простолюдина тотчасъ приписывали тамъ къ сельскому обществу, которое стояло за нихъ горою, какъ за своихъ односельчанъ. Тамъ и шляхтичей не трогали, ибо крестьяне не только не доносили о нихъ, но нерѣдко даже сами скрывали ихъ и предостерегали отъ розыска властей. Въ с. Коломійскомъ братъ Падуры и Ремишевскій, служившіе въ нашемъ полку, носили во время ревизіи одежду крестьянъ, и мужики заявили, что они принадлежатъ къ ихъ обществу. Попы-русины подѣлывали даже метрики, дабы узаконить пребываніе эмигрантовъ среди нихъ. Чортковскій священникъ доставилъ, напримѣръ, Михаилу Грудзинскому метрику какого-то Грудзинскаго, убитаго подъ Остроленкой,

и будучи допрошенъ подтвердилъ что это тотъ самый Грудзинскій и есть; такимъ образомъ нашъ товарищъ преспокойно поселился въ Галиціи. Судя по тому, какъ вели себя крестьяне въ польской Галиціи въ 1832 г., трудно было предугадать событія, происшедшія тамъ въ 1846 г. Нельзя сказать, чтобы демократія научила крестьянъ рѣзать шляхту и пановъ, ибо демократы были въ ихъ глазахъ не австрійцы, а такіе же поляки, какъ и аристократы; правительство и полиція многолѣтнимъ гнетомъ очень ловко выработали изъ нихъ цесарскихъ шпіоновъ, доносчиковъ и сыщиковъ, заставили ихъ относиться съ ненавистью и подозрѣніемъ ко всѣмъ, кто не походилъ на нихъ и коихъ они называли поляками. Это превращеніе было особенно рѣзко замѣтно въ Галиціи, гдѣ крестьянинъ вѣрилъ въ императора и въ Австрію, какъ въ Бога, и ничего болѣе не хотѣлъ знать.

Совершенно иначе держали себя русины, для которыхъ императоръ и Австрія не были альфой и омегой, и которые обращали свои взоры къ бѣлому царю, къ восточной Церкви, къ казачеству, и поэтому не вполнѣ довѣряли австрійскому правительству и не исполняли всѣхъ его приказаній и наускиваній.

Пріѣхавъ въ Здеховъ, мы нашли нашихъ лошадей въ полной исправности. Мои двѣ верховыя лошади были запряжены въ прекрасную коляску Введенскаго; я взялъ для себя гнѣдую верховую лошадь, Омецинскій—рыжую лошадь изъ конюшенъ Сапонжковскаго, а Ружицкій—гнѣдаго донца. Взявъ съ собою также двухъ борзыхъ, мы по дорогѣ все время охотились съ Омецинскимъ, какъ на нашей Украйнѣ, и во время остановокъ настрѣляли довольно много дичи, которой вездѣ было достаточно.

Передъ отъѣздомъ изъ Тарнополя мы списались съ родными, и благодаря участію энергичной Ѳедоры Третьяковой, были богаты.

У Бѣлы мы переѣхали бывшую границу Польши. Очутившись по ту сторону, мы обернулись лицомъ къ нашей Украйнѣ и помолились Богу.—Граница осталась позади; сердце сжалось при мысли, что намъ, быть можетъ, не суждено переступить ее вновь; со слезами на глазахъ и съ невыразимо тягостнымъ чувствомъ покинули мы землю, завоеванную и воздѣланную нашими предками.

Въ Бѣлѣ мы услышали чистую польскую рѣчь: жители этого мѣстечка встрѣтили насъ чрезвычайно радушно; они называли насъ не поляками, а братьями-славянами, всѣ приглашали насъ къ себѣ такъ любезно, что не было возможности отказаться.

Когда мы уѣхали изъ Бѣлы, насъ провожала цѣлая толпа людей: старцы, дѣти и взрослые кричали намъ вслѣдъ: «счастливый путь, возвращайтесь скорѣе, не забывайте насъ, братья-славяне,—мы будемъ васъ ожидать».

Мы объѣхали верхомъ поле битвы подъ Аустерлицемъ.

Карлъ Ружицкій подробно описалъ намъ все сраженіе, въ которой онъ принималъ участіе, сражаясь въ рядахъ русскаго войска. Великъ былъ Наполеонъ; послѣ Чингисъ-хана и Тамерлана это былъ третій геніальный полководецъ; людей, подобныхъ Киру, Александру Македонскому, Цезарю, Фридриху Прусскому, было и будетъ много,—это люди ученые, одаренные энергіей и твердой волей; но первые три полководца были воины геніальные, истые архангелы военнаго дѣла.

Мы остановились на цѣлый день въ Ольмюцѣ, чтобы повидаться со своими товарищами-однополчанами.—Они страшно скучали въ этой крѣпости, куда не доходило никакихъ вѣстей изъ Украйны. Наши товарищи имѣли всего вдоволь, но ихъ до того раздражалъ нѣмецкій говоръ, что они не знали, какъ-бы поскорѣе вырваться изъ Ольмюца и уйти куда глаза глядятъ. Какъ на зло надзоръ за ними былъ ввѣренъ нѣмецкимъ полкамъ,—и положеніе ихъ было не веселое.

Ольмюцъ, въ которомъ производилась въ большихъ размѣрахъ торговля украинскими волами, вовсе не походилъ на славянскій городъ: въ немъ жила масса нѣмцевъ и евреевъ. Славянское зерно было заглушено нѣмецкой куколью; когда мы спрашивали жителей Ольмюца гдѣ же моравы? они отвѣчали: — тамъ, въ Брюннѣ, а тутъ живутъ швабы.

XXI.

Брюннъ и моравы.—Отъѣздъ изъ Польши.—Францискъ Захъ.—Дальнѣйшій путь. — Чехи.—Будвейсъ.—Жиско.—Карантинъ въ Газельбахѣ.—Баварія.—Ульмъ.—Панна Егеръ.—Пріѣздъ во Францію.

Брюннъ дѣйствительно былъ городъ вполнѣ славянскій.—Мѣстный языкъ, нравы, обычаи были проникнуты тѣмъ духомъ, какимъ вѣетъ при чтеніи старинныхъ сочиненій, повѣствующихъ о возникновеніи королевства польскаго, о пястахъ, которые душой и тѣломъ были славяне и таковыми остались до послѣдней капли крови, не давъ себя онѣмечить. Въ этомъ отношеніи Бюрннъ походилъ на древнихъ пястовъ, ибо, несмотря на всѣ старанія, его также не удалось онѣмечить ни въ политическомъ, ни въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Такимъ былъ этотъ городъ въ 1832 г.

Въ Брюннѣ было множество эмигрантовъ-поляковъ; между прочимъ мы встрѣтили тутъ массу офицеровъ всѣхъ чиновъ—достойныхъ сыновъ той недолговѣчной Польши, которая не съумѣла быть ни королевствомъ, ни Рѣчью Посполитой, не съумѣла даже учредить диктатуру, начала

какое-то подобіе войны, сражалась,стяжала рукоплесканія Европы, нѣкоторыхъ ея правителей и всѣхъ народовъ, но вскорѣ соскучилась, утомилась и спряталась за границу, гдѣ затѣяла новое представленіе въ надеждѣ вернуться со-временемъ въ отечество. Не успѣли сыны злосчастной Польши опомниться отъ войны, какъ начали опять строить планы и мечтать о своей судьбѣ и объ отчизнѣ. Одни кричали: «надобно сначала дѣйствовать, а потомъ уже думать о себѣ и объ отчизнѣ». На это другіе возражали: «надобно прежде обдумать, а потомъ дѣйствовать»; ни тѣ, ни другіе не понимали этихъ глубокомысленныхъ изреченій: и не могли вывести изъ нихъ никакого заключенія, а тѣмъ временемъ они ѣли, пили, волочились за моравянками, ухаживали за нѣмками, наставляли нѣмцамъ рога, разсуждали о войнѣ, о томъ, что было и даже чего не было, много болтали, шумѣли, но не предпринимали ничего серьезнаго; это былъ какой-то политическій карнавалъ.

Мы застали въ Брюннѣ генераловъ Канарскаго, Бѣлинскаго и Завадскаго; послѣдній получилъ уже паспортъ для возвращенія въ Польшу, готовился къ отъѣзду и чрезвычайно спѣшилъ, вѣроятно для того, чтобы взглянуть еще разъ у Яновца на тотъ мостъ, коимъ онъ было овладѣлъ, но который, неизвѣстно по какой причинѣ, возвратилъ русскимъ. Злые языки говорили, будто онъ то и дѣло получалъ письма отъ своего друга графа Владислава Замойскаго, который совѣтовалъ ему какъ можно скорѣе уѣзжать изъ Австріи и возвратиться на родину, гдѣ онъ нужнѣе для самого себя и для дѣла, нежели на чужбинѣ. Дѣйствительно, генералъ Завадскій уѣхалъ нѣсколько дней спустя; вслѣдъ за нимъ отправился и генералъ Бѣлинскій. Подполковниковъ и полковниковъ въ Брюннѣ было больше, нежели надобно для стотысячной арміи, а оберъ-офицеровъ, какъ сорной травы въ огородѣ, было видимо-невидимо на всѣхъ гуляньяхъ, въ садахъ, кофейняхъ и пивныхъ.

Мы жили въ домѣ, принадлежавшемъ Франциску Заху, мораву, душою и тѣломъ преданному славянству. Онъ былъ готовъ идти на защиту братьевъ-поляковъ, поступилъ въ резервъ нашего полка и числился въ моемъ взводѣ. Мы близко сошлись съ нимъ; насъ связывала много лѣтъ самая тѣсная дружба. Впослѣдствіи мы встрѣтились съ нимъ во Франціи и Турціи.

Францискъ Захъ, какъ всякій славянинъ, не довѣрялъ австрійскому правительству, опасался продолжительнаго пребыванія эмигрантовъ въ Брюннѣ, боясь, какъ бы старикъ Меттернихъ не сотворилъ изъ этого по-своему какой нибудь новой политической комбинаціи.—Поэтому онъ всячески помогалъ эмигрантамъ перебраться въ Саксонію, откуда они уже свободно отправлялись во Францію. Такимъ образомъ сотни польскихъ эмигрантовъ вырвались изъ швабскихъ когтей. Богатый Захъ не щадилъ ни средствъ, ни самого себя, оказывая полякамъ братскую

услугу; за-то ему самому пришлось выѣхать изъ Австріи, по приказанію австрійскаго правительства.—Только во вниманіе къ заслугамъ его предковъ, отличившихся нѣкогда въ рядахъ австрійскаго войска, ему не пришлось пропутешествовать на Шпицбергенъ или въ Куфштейнъ. Человѣкъ пылкій, увлекающійся—онъ хотѣлъ добиться сближенія польскихъ эмигрантовъ съ чехами и моравами, хотѣлъ образовать изъ нихъ какой-то союзъ или братство, но это оказалось не такъ легко, какъ вывести ихъ изъ Австріи. Когда подъѣзжала фура, въ которой онъ перевозилъ эмигрантовъ въ Саксонію, всякій спѣшилъ занять въ ней свое мѣсто, не спрашивая, куда ихъ везутъ; всѣ съ радостью отправлялись въ невѣдомый путь. Страсть къ странствованію овладѣла поляками, подобно израильтянамъ.—Это было лучшее доказательство того, что мы понесли пораженіе и готовы были безъ устали стремиться все далѣе и далѣе.

Все, что поляки слышали о славянствѣ, было для нихъ тарабарской грамотой. Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Брюннѣ они спрашивали: «да гдѣ же эти славяне, о которыхъ говоритъ Захъ?» Однако слушали его разсказы,такъ какъ его бесѣда услаждалась всегда превосходнымъ эрлауеромъ или вкуснымъ моравскимъ пивомъ, которое пѣнилось не хуже баварскаго и было такъ же забористо.—Поляки усердно посѣщали засѣданія славянскихъ комитетовъ, но выносили изъ нихъ только мнѣніе объ эрлауерѣ и пивѣ, а отнюдь не о славянствѣ.

Наполеонъ Мясковскій, несомнѣнно окончившій курсъ въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, а быть можетъ и въ университетѣ, весьма наивно спросилъ меня однажны по секрету, не значитъ ли слово славянинъ нѣчто въ родѣ того, что мы называемъ холопами, и подвластны ли они нѣмцамъ, подобно тому, какъ холопы подвластны нашей шляхтѣ? Я съ удивленіемъ взглянулъ на Мясковскаго и подумалъ, не пострадаютъ ли его умственныя способности; однако мнѣ пришлось убѣдиться въ противномъ, когда въ тотъ же день ко мнѣ обратились съ подобнымъ же вопросомъ генералы Бѣлинскій и Канарскій; послѣдній, какъ артиллеристъ, несомнѣнно былъ человѣкъ вполнѣ образованный.

Къ сожалѣнію, поляки воспитываются въ такомъ духѣ, что они не только не знаютъ и не понимаютъ славянъ, но даже отрицаютъ ихъ существованіе и первенствующую роль, которую призвана играть между ними Россія. Открещиваясь отъ панславизма какъ отъ нечистой силы, убаюкивая себя мыслію, что они побѣдили русскихъ, поляки въ своемъ невѣдѣніи утратили то первенствующее положеніе, которое доставили имъ Болеславы, между тѣмъ какъ русскіе, подвинувшись на пути прогресса, заняли ихъ мѣсто и стоятъ нынѣ во главѣ славянства.

Только Карлъ Ружицкій, Омецинскій и я сочувствовали Заху въ его славянскихъ симпатіяхъ. Я думаю, что именно эти симпатіи были причиною высылки Заха изъ Австріи, такъ какъ собственно на отъѣздъ

польскихъ эмигрантовъ въ Саксонію никто не обращалъ вниманія и имъ не мѣшали хоть среди бѣла-дня садиться въ его фуру.

Мы пробыли въ Брюннѣ двѣ недѣли, и тутъ присоединился къ намъ Наполеонъ Мясковскій. Купивъ небольшую крытую колясочку, въ какихъ катаютъ дѣтей, и маленькую лошадку, немного болѣе меделянской собаки, онъ поѣхалъ вслѣдъ за нами. Мы ѣхали по шоссе, избѣгая городовъ и мѣстечекъ, гдѣ комитеты, организованные для попеченія объ эмигрантахъ, устраивали въ честь ихъ обѣды и угощенія, что не воспрещалось правительствомъ, подъ условіемъ, чтобы эмигранты слѣдовали далѣе и далѣе, не задерживаясь въ Австріи. Уклоняясь отъ подобнаго рода овацій мы останавливались въ самыхъ дешевыхъ гостиницахъ, но и тутъ къ намъ являлись чехи, чтобы привѣтствовать насъ какъ братьевъ-славянъ. По цѣлымъ часамъ приходилось намъ разсказывать имъ о нашей родинѣ, о нашемъ образѣ жизни, о только-что оконченной войнѣ. Близъ Будвейсъ-Будзичева къ намъ выѣхало на встрѣчу нѣсколько офицеровъ Австрійскаго драгунскаго полка, коимъ командовалъ, кажется, Княжевичъ. Во главѣ ихъ ѣхалъ красавецъ капитанъ Жиско; всѣ офицеры были чехи.

День клонился къ вечеру; наши побратимы привели насъ въ большой, отлично меблированный домъ. Едва успѣли мы облачиться, по ихъ просьбѣ, въ наши казацкіе мундиры, какъ насъ повели въ огромное зало, расположенное въ саду, гдѣ былъ накрытъ столъ на 90 персонъ. Жиско и его товарищи увѣряли, что тутъ собрались исключительно чехи, и что въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного нѣмца; впослѣдствіи намъ передавали, что нѣсколько офицеровъ этого полка, по происхожденію нѣмцы, не имѣя возможности помѣшать этой братской манифестаціи чеховъ, опасаясь столкновенія съ ними и боясь подвергнуться отвѣтственности, уѣхали на нѣсколько дней изъ города вмѣстѣ съ своимъ полковникомъ, также нѣмцемъ. Фамилія молодаго Жиско въ дѣйствительности была Ружицкій — Жиско; одни говорили, будто онъ былъ потомокъ славнаго чешскаго героя, а другіе — будто онъ получилъ это прозвище, еще будучи въ школѣ, въ Прагѣ, за свой горячій патріотизмъ и за, то что онъ постоянно распѣвалъ думы о Жиско. Мы не допытывались правды, но надобно сознаться, что онъ и по образованію, и по своей горячей любви къ отечеству былъ достоинъ этого прозвища: онъ любилъ поляковъ, горевалъ о розни, существующей между ними и русскими.

— Ежели бы вы сражались съ нѣмцами, сказалъ онъ между прочимъ, то Жиско былъ бы въ вашихъ рядахъ; я скорблю о вашей горькой долѣ которая во многомъ походитъ на наше подневольное положеніе; я убѣжденъ, что когда между поляками и русскими настанетъ согласіе, то міръ будетъ принадлежать славянамъ.

Насъ угощали на славу; во время обѣда играла музыка, пѣлись пѣсни, въ которыхъ воспоминались подвиги Подибрада, Жиско, Гуса;

одинъ офицеръ, аккомпанируя себѣ на тамбуринѣ, спѣлъ намъ пѣсню о битвѣ подъ Кролевцомъ. Мы танцовали до разсвѣта полонезы и польку; не знаю, почему этотъ танецъ названъ полькой: это народный чешскій танецъ, получившій названіе отъ слова полька, т. е. дѣвушка; смыслъ его тотъ (ибо каждый танецъ имѣетъ свое особое значеніе), что мужчина, обнявъ дѣвушку, какъ-бы говоритъ этимъ другимъ: «она моя и твоею не будетъ».

Пріему, намъ оказанному въ Будзичовѣ, мы были обязаны письмамъ, полученнымъ чехами изъ Брюнна, до нашего пріѣзда, въ которыхъ моравы всячески насъ восхваляли. Это было новое доказательство горячей преданности чеховъ славянству и ихъ желанія слѣдить за всѣмъ, совершающимся въ славянскомъ мірѣ.

По окончаніи пиршества, переодѣвшись въ дорожное платье, мы отправлись далѣе, чтобы не подвергнуть нашихъ побратимовъ какимъ-либо непріятностямъ.

На границѣ насъ продержали двѣ недѣли въ карантинѣ близъ мѣстечка Газельбаха, а по минованіи этого срока насъ извѣстили, что баварскій король не желаетъ, чтобы польскіе эмигранты проѣзжали чрезъ Мюнхенъ, а чтобы они направились на Ульмъ. Мы должны были этому подчиниться.

Хотя мы ѣхали инкогнито, но въ Ульмѣ намъ устроилъ торжественную встрѣчу комитетъ нѣмецкихъ либераловъ, учрежденный для пріема поляковъ, боровшихся за свою свободу и независимость. Профессора университета и студенты говорили намъ рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ; въ Ульмѣ изъ устъ нѣмецкихъ ораторовъ мы услыхали впервые о братствѣ людей, объ единеніи, космополитизмѣ и прочихъ республиканскихъ бредняхъ.

Мы поспѣшили уѣхать изъ Ульма, дабы избѣгнуть этихъ овацій, докучливѣе которыхъ я не видалъ ничего на свѣтѣ. До сихъ поръ не могу понять, какая была причина столь театральнаго пріема, оказаннаго полякамъ въ Германіи. Мы не были родственны нѣмцамъ по происхожденію, не были ихъ товарищами по оружію и не раздѣляли ихъ демократическихъ идей; нѣмецкія власти, кажется, потѣшали нами народъ съ тою цѣлью, чтобы нѣмцы, натѣшившись вволю, шли пить пиво и отдыхать вмѣсто того, чтобы увлекаться революціонными идеями, которыя распространялись съ Запада, изъ Франціи.

Не разъ приходила мнѣ на умъ печальная мысль, что нѣмцы смѣются надъ нашими странствованіями; они насъ принимали, угощали, а въ душѣ, вѣроятно, смѣялись надъ тѣмъ, что мы по своей собственной охотѣ и невѣжеству оставили свое отечество и таскались по чужимъ землямъ.

Минуя города и даже большія села, мы доѣхали благополучно до Шафгаузена. Въ Швейцаріи мы уже не чувствовали себя изгнанниками,

коихъ нужно было угощать,—мы были простыми путешественниками, жившими на свои средства и по своему желанію, словомъ, мы были людьми свободными; признаюсь, намъ дышалось отъ этого легче и привольнѣе.

На другой же день по пріѣздѣ въ Швейцарію мы поплыли на пароходѣ по Констанскому озеру въ за́мокъ Арененбергъ. Принца Людовика Наполеона, бывшаго впослѣдствіи императоромъ французовъ, въ за́мкѣ не было, но голландская королева Гортензія, славившаяся нѣкогда своею красотою и сохранившая до сихъ поръ слѣды этой замѣчательной красоты, приняла насъ весьма привѣтливо и долго бесѣдовала съ нами о событіяхъ въ Польшѣ; какъ видно, въ Арененбергѣ ими чрезвычайно интересовались, такъ какъ ей было все извѣстно до мельчайшихъ подробностей. Мнѣ врѣзались въ память ея слова: «почему-же, господа, вы не провозгласили королемъ князя Адама Чарторыйскаго? по крайней мѣрѣ было бы видно, что вы хотите быть самостоятельнымъ народомъ и имѣть свое собственное правительство, а такъ, какъ вы дѣйствовали, трудно угадать, чего собственно вы хотите? можетъ быть вы хотите вынудить императора Николая на какія-либо уступки или реформы?»

Услыхавъ отъ Мясковскаго, что было объявлено о низложеніи русскаго императора съ польскаго престола, она улыбнулась:

— Смѣшно было, сказала она, свергнуть его съ престола и никого не возвести на вакантный престолъ! Вы даже побоялись объявить Рѣчь Посполитую!

Королева высказывала это не только намъ, но и прочимъ полякамъ, гостившимъ въ Арененбергѣ; быть можетъ, ея слова повліяли на эмигрантовъ настолько, что они во время эмиграціи провозгласили королемъ князя Адама Чарторыйскаго, надъ чѣмъ многіе смѣялись.

Королева просила насъ погостить въ Арененбергѣ, говоря, что поляки въ домѣ Бонапартовъ— всегда желанные гости. Бонапарты всегда оказывали сочувствіе полякамъ, которые храбро сражались въ войскахъ Наполеона I, но вѣдь и Наполеонъ много сдѣлалъ для нихъ: онъ признавалъ польское войско, возвратилъ полякамъ ихъ земли, жителямъ Познани, выѣхавшимъ ему на встрѣчу, подобно нѣмцамъ—въ экипажахъ, обутыхъ въ чулки и башмаки,—онъ сказалъ: «если хотите имѣть польское королевство, надѣньте сапоги со шпорами, садитесь на коней, какъ вамъ подобаетъ». То же сказалъ онъ жителямъ Галиціи и Литвы. Къ чему же сошли они со своихъ коней? Тотъ народъ только и достоинъ пользоваться самостоятельностью, который не дозволитъ лишить себя свободы. Горе тому народу, который, взявшись за оружіе, нуждается въ иноземныхъ нянькахъ, которыя помогли бы ему сохранить это оружіе и остаться въ своемъ отечествѣ. Наполеонъ былъ благодѣтелемъ поляковъ, но они не умѣли воспользоваться его благодѣяніемъ, не умѣли

доказать своей самобытности, не умѣли даже быть поляками. Они обязаны чтить его память и быть преданы его потомкамъ,—это ихъ священный долгъ. Эту мысль проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ и Адамъ Мицкевичъ.

Если вѣрить разсказамъ, то намъ, украинцамъ, посчастливилось менѣе, нежели полякамъ, галичанамъ и литовцамъ. Говорятъ, что когда Домбровскій, единственный польскій генералъ, умѣвшій чувствовать, мыслить и создавать политическіе планы, внушилъ командовавшему кавалеріей королю Іоахиму [1]) мысль призвать подъ свою команду Украинскихъ казаковъ, и тотъ предложилъ Наполеону отправиться въ Кіевъ, на Украйну, откуда онъ разсчитывалъ привести до ста тысячъ казаковъ, передъ коими не устоятъ никакія силы и которые завоюютъ ему весь міръ,—то великій полководецъ задумался и сказалъ:

— Посадить-то ихъ на коней не трудно, а какъ заставить ихъ потомъ сойти съ нихъ?

Тѣмъ дѣло и кончилось, и украинскимъ казакамъ пришлось по-одиночкѣ вступать въ ряды наполеоновскихъ войскъ. Они доказали свою доблесть, какъ кавалеристы, но вѣдь это были отдѣльныя личности, а не весь народъ, который одинъ только и можетъ быть великъ, когда во главѣ его стоитъ великій человѣкъ.

Быть можетъ, эта мысль промелькнула въ головѣ Наполеона, когда онъ, находясь на островѣ св. Елены, произнесъ пророческія слова:

— Европа будетъ принадлежать казакамъ или Рѣчи Посполитой!

Можетъ быть, это и сбудется, когда казаки, какъ славянскіе рыцари по приказанію бѣлаго царя и подъ звонъ колоколовъ Кіево-Печерской лавры, всей громадою обрушатся на нѣмцевъ, во имя свободы славянскихъ народовъ!

Мы совершенно позабыли о политикѣ и ничего не знали о томъ, что̀ дѣлается въ Польшѣ, ибо во всей Швейцаріи не встрѣтили ни одного эмигранта и даже ни одного путешественника-поляка. Эмигранты ѣхали черезъ Германію, а путешественники-поляки направлялись, вѣроятно, въ Италію, въ Римъ.

Въ Базелѣ впервые охватили насъ воспоминанія: тутъ живали и учились наши предки, которые, къ сожалѣнію, потратили тутъ не мало польскихъ денегъ, но пріобрѣли немного разума, въ особенности политическаго.

Въ Базелѣ всѣ говорили по-французски, издавалось множество журналовъ; въ газетахъ напѣвали на всѣ лады: «еще польска не сгинѣла», а въ парламентахъ кричали: польскій народъ не можетъ погибнуть. Чи-

---

[1]) Неаполитанскій король Іоахимъ I Мюратъ, р. 1771 г. † 1815 г.
В. Т.

тая французскія газеты, мы убѣждались что во Франціи нѣтъ города, мѣстечка, села и даже хижины, гдѣ бы не было поляка-эмигранта, гдѣ бы не пѣли и не играли: «еще польска не сгинѣла». Поневолѣ приходилось вѣрить, что Франція готова, какъ одинъ человѣкъ, взяться за оружіе и спѣшить на Востокъ, чтобы возстановить братскую Польшу. Недоставало только Наполеона, который на полѣ битвы положилъ начало союзу французовъ съ поляками; пусть бы нашелся второй Наполеонъ, который закрѣпилъ бы этотъ союзъ, возстановивъ Польшу; надобно было торопиться во Францію, чтобы это не совершилось безъ насъ. Мы спѣшили что есть мочи и вскорѣ переѣхали границу Франціи у крѣпости Сенъ-Луи; наши кони ржали, а мы кричали: Франція! Франція!

XXII.

Во Франціи.—Пріѣздъ въ Буржъ.—Политическія партіи. — Волненіе среди эмигрантовъ. — Домбровскій. — Распредѣленіе эмигрантовъ на маленькія группы. — Нѣсколько словъ по поводу этого. — Отъѣздъ недѣли на двѣ въ Парижъ.

Мэръ г. Сенъ-Луи, офицеры крѣпостнаго гарнизона и высшія должностныя лица города выѣхали намъ на встрѣчу: поляки, прибывшіе изъ далекихъ краевъ верхомъ на своихъ боевыхъ коняхъ, представляли для нихъ зрѣлище невиданное. Они привѣтствовали насъ отъ всего сердца, какъ близкихъ родныхъ; смѣло можно сказать, что насъ не встрѣтили бы такъ радушно въ Польшѣ, да и не въ какой другой странѣ, кромѣ нашей родной Украйны, гдѣ холопы-казаки понимали, что мы готовы съ оружіемъ въ рукахъ сражаться вмѣстѣ съ ними и наравнѣ съ ними, что мы такіе же казаки, какъ они. Помня слова гетмана Яна Выговскаго, что отъ Переяслава, Дона, Низовыхъ степей и Чернаго моря до Буга и Карпатъ всѣ должны быть истыми казаками, мы свято хранили этотъ завѣтъ, и народъ помнилъ насъ и, конечно, привѣтствовалъ бы не менѣе сердечно, какъ французы.

Насъ привели въ домъ одного доктора, фамилію котораго я не припомню. Это былъ человѣкъ молодой, женатый, образованный и весьма привѣтливый; жена его была еще моложе и красивѣе его. Намъ было заявлено, что мы должны обязательно провести у него три дня и принять три обѣда: отъ города—у мэра, отъ гарнизона и отъ нашего хозяина.

Въ Сенъ-Луи къ намъ присоединился маіоръ Ольшевскій, служившій въ 4-мъ конно-егерскомъ полку, старый знакомый К. Ружицкаго

и одинъ изъ наилучшихъ инструкторовъ польской кавалеріи; онъ состоялъ въ сводномъ эскадронѣ конныхъ егерей, коимъ командовалъ генералъ Шнейде. Этотъ офицеръ сообщилъ намъ, что эмигранты изъ военныхъ сосредочены преимущественно въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Безансонѣ, гдѣ находится генералъ Казиміръ Малаховскій, въ Авиньонѣ, гдѣ остался генералъ Бемъ, и въ Буржѣ, гдѣ они подчинены генералу Самуилу Ружицкому; тогда какъ эмигранты изъ статскихъ находятся въ Шатору (Chataurоux). Высшіе чины, члены сейма, ржондъ народовый и масса агитаторовъ находятся въ Парижѣ. Менѣе всего осталось эмигрантовъ въ Авиньонѣ, такъ какъ изъ нихъ многіе отправились въ Алжиръ съ Тадеушомъ Горяйномъ, который былъ назначенъ командиромъ батальона, сформированнаго имъ изъ поляковъ.

Эмигранты, вообще говоря, были противъ службы въ иноземныхъ войскахъ, хотя и не давали себѣ яснаго отчета, почему у нихъ сложился этотъ взглядъ, такъ какъ служба въ какомъ бы то ни было войскѣ могла быть хорошею школою для будущаго ихъ служенія отечеству. Служа въ войскѣ, хотя-бы иноземномъ, они не утратили бы того воинственнаго рыцарскаго духа, который составляетъ отличительную черту польской націи. Между тѣмъ они хотѣли уже вернуться въ свое отечество, говоря: «Мы довольно повоевали, война не принесла намъ никакой пользы; займемся теперь политикой, можетъ быть изъ этого что-нибудь и выйдетъ». Поэтому они и были противъ поступленія на службу въ иноземныя войска, такъ какъ это уменьшало ихъ численность и ограничивало ихъ дѣятельность военной сферой. Старые служаки ворчали себѣ подъ носъ: «Цесаревичъ училъ насъ, да видно ничему не научилъ, коли намъ пришлось со срамомъ оставить отечество и даже отдать оружіе нѣмцамъ. Въ этомъ виноваты генералы, ржондъ, сеймъ, дипломаты; они одурачили насъ. Надо научиться обходиться безъ этихъ непрошеныхъ властей и безъ иностранной опеки; будемъ дѣйствовать самостоятельно, а потомъ съумѣемъ и страною управлять; этому надобно поучиться во Франціи». И дѣйствительно, они искали новыхъ формъ, новыхъ способовъ дѣйствовать, и во всякомъ случаѣ были готовы принять ихъ.

Такъ были настроены эмигранты, и это вполнѣ естественно, ибо они извѣрились въ своемъ начальствѣ и не возлагали на него болѣе никакихъ надеждъ. Усомнившись въ способностяхъ своихъ вождей, они п[illegible] кинули отечество, а теперь поняли, что поступили дурно, но шляхе[illegible] ское самолюбіе не позволяло показать это, и хотя ихъ душили слезы, [illegible] они ихъ скрывали. Покручивая усы и прищуривая глаза, составля[illegible] цѣлые обвинительные акты противъ измѣнниковъ, ибо всякая ошиб[illegible] всякая бездарность и глупость была въ ихъ глазахъ измѣною. Но [illegible] жалобы и обвиненія ничуть не мѣшали обвиняемымъ хорошо [illegible]

пить и еще лучше спать, да получать большое жалованье отъ французскаго правительства,—жалкія подачки, которыя были громко окрещены «уплатою Франціей старыхъ долговъ, сдѣланныхъ ею Польшѣ еще во времена Наполеона I, а быть можетъ и Генриха Валежинскаго». Такое объясненіе было необходимо, чтобы пощадить самолюбіе и высокомѣріе людей самостоятельныхъ и независимыхъ.

Впрочемъ, надобно сказать, что эмигранты 1831 г., хотя немного сбитые съ толку и, по обыкновенію, нѣсколько вѣтренные, все же были истые шляхтичи, съ шляхетскими понятіями о чести; вся эта масса людей своимъ поведеніемъ по-истинѣ дѣлала честь польскому имени.

Чрезъ Бельфоръ и Дижонъ мы отправились въ Буржъ; насъ вездѣ привѣтствовали и принимали какъ французовъ, возвращавшихся изъ Сибири, или какъ остатки великой арміи Наполеона.

Въ Буржѣ было болѣе четырехъ тысячъ эмигрантовъ, въ томъ числѣ 1.500 солдатъ, которые помѣщались въ казармахъ вмѣстѣ съ французской пѣхотой и конными егерями. Начальникомъ всего этого сборища эмигрантовъ считался генералъ Самуилъ Ружицкій.

Генералъ Пети (Petit), тотъ самый, котораго Наполеонъ I при отреченіи своемъ отъ престола въ Фонтенебло обнялъ за всю старую гвардію, командовалъ войскомъ въ департаментѣ Шеры и Уазы; комендантомъ крѣпости Буржъ былъ полковникъ Сенъ-Жюстъ (S. Juste), сынъ извѣстнаго республиканца, а префектомъ департамента былъ графъ Cochon de Laparant; всѣ трое служили при Наполеонѣ, поэтому поляки были для нихъ желанными гостями.

Надобно обладать перомъ и памятью слѣпого Гомера, чтобы перечислить всевозможныя политическія партіи, возникшія въ Буржѣ, и всѣхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ этихъ партій. Попробую описать ихъ, но не полагаюсь на свою память, ибо борьба страстей, обуявшая эмигрантовъ, могла сбить меня съ толку.

Подполковникъ Решинскій, уроженецъ Подоліи, старый служака, командовавшій стрѣлками, не принадлежалъ къ партіи аристократовъ, но имѣлъ шнуровую книгу, въ которую онъ вписывалъ имена всѣхъ, кто признавалъ въ политикѣ авторитетъ князя Адама Чарторыйскаго. У него бывали ежедневно завтраки, на коихъ подавались національныя польскія кушанья, хорошее вино и водка. Хозяинъ дома былъ очень любезенъ и привѣтливъ; послѣ дессерта и кофе появлялась на столѣ книга, въ которую записывались фамиліи гостей, умѣвшихъ оцѣнить его любезность.

Капитанъ Тжарковскій, изъ школы подпрапорщиковъ, такъ называемый первый дѣятель ноябрьской революціи, не Цицеронъ и не Демосѳенъ, а болтливый, какъ разсвирѣпѣвшій индюкъ, угощалъ каждый вечеръ сотоварищей-эмигрантовъ пуншемъ и также имѣлъ шнуровую

книгу, въ которую записывалъ тѣхъ, кто порицалъ князя Адама Чарторыйскаго и его дѣятельность.

Полковникъ Подчарскій, человѣкъ неспокойный, но, какъ говорили, весьма храбрый, основалъ общество среди солдатъ, главною цѣлью котораго было ниспроверженіе существующаго начальства и замѣна его другимъ. Такимъ образомъ полковникъ Подчарскій хотѣлъ дойти до смѣны главнокомандующаго, коимъ считался по окончаніи войны генералъ Рыбинскій, и наконецъ до избранія кого-нибудь другого на мѣсто князя Адама Чарторыйскаго, котораго уже прочили въ монархи.

Маіоръ Кершковскій возстановилъ всѣми забытое общество косиньеровъ, которые были приверженцы служебной іерархіи и аристократіи.

Существовали и константиновцы, правиломъ коихъ было: чинъ чина почитай и уважай начальство. Во главѣ ихъ стоялъ храбрый полковникъ Яновичъ; онъ хотѣлъ командовать эмигрантами какъ во времена цесаревича, назначалъ парады, смотры, переклички то на площади Serancourt, то въ квартирахъ польскихъ офицеровъ, то въ казармахъ и порядкомъ муштровалъ ихъ. Старые служаки сердились, ворчали себѣ подъ-носъ, но являлись на ученья, какъ было приказано, ибо жалованье выдавалось за подписью и подъ наблюденіемъ полковника Яновича.

Карлъ Пашкевичъ, Осмяловскій и Юліанъ Коражкъ были карбонаріи и старались привлечь въ свое общество какъ можно болѣе поляковъ, въ надеждѣ, что угольщики испепелятъ монарховъ всего свѣта.

Было также довольно много сторонниковъ Наполеона, въ числѣ ихъ полковникъ Горчинскій, генералъ Вронецкій и даже Самуилъ Ружицкій, къ коимъ примкнула масса молодежи.

Существовала и старо-республиканская партія, вызванная къ жизни подполковникомъ Рузовскимъ, который сражался при Гогенлинденѣ, Маренго и въ Санъ-Доминго. Было еще общество, коего члены давали клятву истребить правителей всего міра; во главѣ этого общества стоялъ уроженецъ Кракова маіоръ Убышъ. Засѣданія его происходили при слѣдующей обстановкѣ. Покупались гипсовыя изображенія короля Луи-Филиппа, бюсты или фигуры во весь ростъ—безразлично, лишь бы онѣ были изъ гипса; каждый членъ общества долженъ былъ имѣть съ собою пару пистолетовъ съ зарядами, 4 бутылки хорошаго вина, что-нибудь жареное или окорокъ, хлѣбъ и сыръ; взявъ всѣ эти предметы, члены удалялись въ ближайшій лѣсокъ, гдѣ, расположившись на лужайкѣ, разстрѣливали гипсовыя изображенія короля, ѣли и пили. На каждое собраніе полагалось не менѣе 60 выстрѣловъ. Шпіоны придали этому обществу большое значеніе и донесли о существованіи его и объ его дѣйствіяхъ въ Парижъ. Жиске (Gisquet), бывшій тогда министромъ полиціи, хотѣлъ послать въ Буржъ цѣлый отрядъ жандармовъ, чтобы арестовать членовъ этого общества, но король запретилъ это, а послалъ

туда своего камердинера, поляка Штельцемберга, снабдивъ его двумя тысячами гипсовыхъ фигуръ своей особы, парою пистолетовъ со столькими зарядами, сколько было фигуръ. Все это предназначалось въ подарокъ маіору Убышеву: — пусть себѣ забавляется! Вскорѣ послѣ полученія этого подарка общество распалось.

Умно поступилъ Луи-Филиппъ; быть можетъ, онъ съумѣлъ бы лучше управлять поляками, нежели французами!

Серединскій, уроженецъ Познани, доблестно сражавшійся въ рядахъ познанской кавалеріи въ Литвѣ, стоялъ во главѣ той партіи, которая хотѣла путемъ убѣжденія или философскихъ аргументовъ принудить три державы, раздѣлившія между собою Польшу, возвратить отнятое. Этимъ они думали доказать силу и могущество философіи.

Александръ Панча и Густавъ Крашевскій были во главѣ лицъ, проповѣдывавшихъ гризеткамъ и лореткамъ Буржа, что имъ слѣдуетъ довольствоваться однимъ любовникомъ или однимъ мужемъ.

Я не говорю о франкмасонахъ, которые существовали во Франціи независимо отъ поляковъ, хотя поляки также поступали въ это общество. Нашъ старый вахмистръ Адамъ Барановскій, человѣкъ ограниченный, въ особенности въ вопросахъ политики, смѣшивалъ всѣ эти общества и ихъ названія и окрестилъ ихъ однимъ общимъ именемъ фармазоновъ, а такъ какъ онъ слышалъ въ Ходнѣ, что ксендзъ приходской церкви ордена августиновъ проклиналъ франкмасоновъ, какъ приверженцевъ Люцифера, Мефистофеля и прочихъ обитателей ада, то онъ основалъ въ казармахъ, гдѣ имѣлъ большое вліяніе на солдатъ, общество плети для бичеванія франкмасоновъ и пропагандировалъ свои взгляды такъ ловко и искусно, что болѣе 10 человѣкъ агитаторовъ, принадлежавшихъ къ разнымъ партіямъ, были самымъ жестокимъ образомъ избиты плетью. Въ числѣ высѣченныхъ было три агента Адама Горовскаго и полковникъ Подчарскій; послѣдній добился слѣдствія, но оно ничего не выяснило. Генералъ Пети и полковникъ Сенъ Жюстъ посовѣтовали ему уѣхать изъ Буржа; это вызвало предположеніе, что виновные были извѣстны французскимъ властямъ, но онѣ не хотѣли мѣшаться въ это чисто польское дѣло.

Изъ числа нѣсколькихъ тысячъ эмигрантовъ, проживавшихъ въ Буржѣ, никто не обидѣлъ на улицѣ ни одной женщины; даже разговаривая съ торговками поляки снимали передъ ними шапки и стояли съ непокрытою головою. Эта изысканная вѣжливость, характеризующая истинную шляхту, заставила жителей Буржа примириться съ нашимъ пребываніемъ въ ихъ городѣ, тогда какъ вначалѣ они относились къ намъ враждебно, какъ къ людямъ противныхъ имъ политическихъ взглядовъ. Вѣжливое обращеніе съ женскимъ поломъ вызвало со стороны легитимистовъ сочувствіе не только къ намъ, но и къ нашему дѣлу. Мы прі-

обрѣли въ нихъ искреннихъ сторонниковъ и друзей. Ихъ сочувствіе къ намъ не ограничивалось одними словами: поляки были приняты въ домахъ легитимистовъ какъ родные, имъ выказывали любовь и довѣріе, которое они вполнѣ оправдывали; многіе изъ нашихъ бѣдныхъ товарищей женились на богатыхъ карлисткахъ.

Въ это время пріѣхалъ генералъ Бемъ съ намѣреніемъ уговорить эмигрантовъ поступить въ ряды португальскаго войска донъ-Педро или королевы португальской Маріи. Я никогда не былъ противъ службы въ войскѣ подъ какими бы то ни было знаменами, ибо желалъ усовершенствоваться въ военномъ дѣлѣ, считая военную службу единственнымъ поприщемъ, пригоднымъ для поляковъ, которые стремятся отстоять свою самобытность. Но въ это время я до того избаловался, что не думалъ ни о войскѣ, и ни о чемъ иномъ, кромѣ хорошенькихъ женщинъ и удовольствій.

Эмигранты были чрезвычайно возмущены предложеніемъ генерала Бема; къ нему отправилась цѣлая депутація съ требованіемъ, чтобы онъ тотчасъ уѣхалъ изъ Буржа, а когда генералъ началъ убѣждать ихъ, подкрѣпляя свои слова самыми убѣдительными доводами, то одинъ изъ депутатовъ, молодой офицеръ Пасербскій, выстрѣлилъ въ него изъ карманнаго револьвера.—Къ счастью пуля отскочила отъ пятифранковой монеты, которая лежала въ карманѣ генерала, и такимъ образомъ его жизнь была спасена. Генералъ Бемъ не желалъ, чтобы по этому случаю производилось слѣдствіе, и чтобы молодой человѣкъ подвергся наказанію. Узнавъ объ этомъ, полковникъ Яновичъ пригласилъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ генералу Бему, которому онъ сказалъ, что я одинъ могу уладить это дѣло, благодаря моимъ дружескимъ отношеніямъ къ префекту и къ мѣстнымъ жителямъ; генералъ горячо просилъ меня устроить такъ, чтобы этому дѣлу не было дано дальнѣйшаго хода. Одна дама увезла молодаго Пасербскаго изъ Буржа и убѣдила его уѣхать въ Англію. Когда я явился къ префекту и передалъ ему желаніе генерала, то онъ показалъ мнѣ списокъ лицъ, участвовавшихъ въ депутаціи (въ числѣ ихъ были поименованы Северинъ, Пильховскій и другіе мои добрые пріятели и товарищи), и приказаніе правительства арестовать ихъ; онъ отдалъ мнѣ этотъ списокъ и порѣшилъ это дѣло съ полковникомъ Сенъ-Жюстомъ такимъ образомъ, что никто изъ эмигрантовъ не былъ арестованъ и отъ Англіи не требовали выдачи Пасербскаго. Благородный генералъ Бемъ, встрѣтившись со мною въ Парижѣ, благодарилъ меня за благополучное окончаніе этого дѣла и до конца жизни оказывалъ мнѣ расположеніе. Послѣ этого случая съ генераломъ Бемомъ генералъ С. Ружицкій уѣхалъ въ Швейцарію; его мѣсто занялъ генералъ Вронецкій, человѣкъ честный, но суровый, который хотѣлъ вести все по военному и не отличался тою любезностью,

какой очаровывалъ всѣхъ и каждаго Самуилъ Ружицкій; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далеко не былъ такой службистъ и дѣловитый человѣкъ, какъ полковникъ Яновичъ. Онъ брался горячо за всякое дѣло, но никому не оказывалъ снисхожденія и доброжелательства и вооружилъ противъ себя всѣхъ эмигрантовъ, въ особенности солдатъ и унтеръ-офицеровъ.

Коммиссія, учрежденная для производства въ чины, работала, подъ предсѣдательствомъ полковника Яновича, очень дѣятельно и добросовѣстно; къ сожалѣнію, поляки не хотѣли подчиняться рѣшеніямъ, а отправлялись къ генералу Рыбинскому, который давалъ имъ чины и давно забытые знаки отличія, о коихъ они черпали свѣдѣнія изъ военнаго календарика, изданнаго графомъ Красновскимъ. Въ упомянутой коммиссіи, засѣдавшей въ Буржѣ, участвовали, кромѣ польскихъ офицеровъ, полковникъ Сенъ-Жюстъ и одинъ штабный офицеръ, фамилію котораго я не припомню.

Въ Буржѣ собралось уже до 5 тысячъ эмигрантовъ, когда слѣдующій случай побудилъ правительство раскассировать ихъ по разнымъ мѣстамъ, тѣмъ болѣе, что французскія власти относились къ эмигрантамъ довольно недоброжелательно съ тѣхъ поръ, какъ среди нихъ образовалось такъ много политическихъ партій, и въ особенности послѣ происшествія съ генераломъ Бемомъ.

Изъ Буржа, Авиньона, Безансона и Шатору поляки были разосланы по разнымъ городамъ. Правительство было вынуждено къ этому не требованіемъ Россіи, какъ говорили эмигранты, а тѣмъ обстоятельствомъ, что поляки, слишкомъ дѣятельно принялись за политическую пропаганду.

Распредѣленіе поляковъ по многимъ маленькимъ городамъ нанесло чувствительный ударъ эмигрантамъ и даже польской справѣ; эмигранты начинали уже въ то время сознавать необходимость обучиться основательно военному дѣлу и серьезно заняться вопросами политики; находясь всѣ вмѣстѣ, они, можетъ быть, чему-нибудь и научились бы и вступили бы на путь разума. Громада—великое дѣло. Когда же ихъ разбили на мелкія группы, это повело къ образованію еще бóльшаго числа партій, которыя, наконецъ, едва понимали другъ друга, и предоставило обширное поле дѣятельности агитаторамъ и спекулянтамъ, которые имѣли полную возможность забрать эмигрантовъ въ свои руки и дѣйствовать отъ ихъ имени въ ущербъ имъ самимъ и общему польскому дѣлу. Это повело къ централизаціи, къ образованію разныхъ коммиссій, которыя много повредили польскому дѣлу на родинѣ и за границей. Такимъ образомъ погибло не мало людей честныхъ и самоотверженныхъ, между тѣмъ какъ выскочки изъ эмигрантовъ, называвшіеся польскими эмиссарами, натворивъ не мало зла, явились въ Парижъ и Брюссель, гдѣ они тратили по отелямъ деньги, которыя имъ удалось выманить въ Польшѣ у жертвъ ихъ безчестной агитаціи.

Живя отдѣльно другъ отъ друга, эмигранты сдѣлались эгоистичнѣе,

*

начали заниматься ремеслами и своими частными дѣлами, чтобы заработать лишній грошъ, и перестали думать исключительно о служеніи общественному дѣлу, женились, сдѣлались отцами семействъ, обывателями въ чужомъ краю; живя разбросанно, они не могли собраться по первому требованію.

Разъѣзды по провинціи быстро истощили мой кошелекъ; мнѣ пришлось продать прежде всего своихъ упряжныхъ лошадей и экипажъ; К. Ружицкій и Омецинскій еще ранѣе продали своихъ верховыхъ лошадей; наконецъ и мнѣ пришлось разстаться съ своей верховой лошадью. Жаль мнѣ было этого вѣрнаго товарища моихъ боевыхъ подвиговъ, родившагося на моей родной землѣ, но, по крайней мѣрѣ, я зналъ, что онъ будетъ въ хорошихъ рукахъ. Прощаясь съ моимъ вѣрнымъ казакомъ, мы оба плакали. Карлъ Ружицкій и Омецинскій поѣхали вмѣстѣ со мною въ Парижъ.

Переводъ **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Я. К. Гротъ и П. А. Плетневъ.

(Ихъ взаимныя отношенія и переписка [1])

(Окончаніе).

Третій томъ переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ имѣетъ мало общаго интереса, сравнительно съ двумя предъидущими. Оставивъ журнальную дѣятельность, но не примкнувъ къ ученой, Плетневъ наполняетъ свои письма преимущественно изложеніемъ домашнихъ событій. Однако по поводу статьи кн. П. А. Вяземскаго о Гоголѣ онъ даетъ слѣдующую довольно вѣрную характеристику этого вельможи-публициста. «У Вяземскаго, говоритъ онъ, много природнаго ума, а еще болѣе остроумія. Первый доставляетъ ему взгляды самостоятельные и слѣдственно болѣе или менѣе интересные. Но у него не достаетъ мѣстной или, лучше сказать, умѣстной проницательности и находчивости. Онъ рѣжетъ съ общa, тогда какъ писатель долженъ являться безпрестанно новымъ и примѣняющимся непосредственно къ предстоящему предмету. Это происходитъ оттого, что онъ не разнообразитъ своихъ разысканія и своего изученія. Онъ довольствуется пріобрѣтеннымъ единожды и безъ хорошей системы. Итакъ, говоря, напримѣръ, объ Языковѣ, онъ то же сказалъ, чтó былъ бы вынужденнымъ сказать и о Жуковскомъ. Не достаетъ физіономіи частной. Остроуміе его есть слѣдствіе отчасти природнаго дара, а отчасти преобладаніе французскаго воспитанія и чтенія. Онъ только все это повернулъ на русскій ладъ, такъ что выраженія его кажутся самыми народными, а форма и игра словъ ясно образованы по-французски. Что касается до языка, онъ у него какой-то рубленый. Иногда улыбнешься на счастливое вы-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1896 г. № 10.

раженіе, а иногда поморщишься отъ натяжки. Это все вмѣстѣ даетъ ему характеръ чрезвычайно особенный отъ другихъ писателей, а въ то же время и доступный нападеніямъ противниковъ его, чѣмъ они и пользуются. При томъ же Вяземскій совсѣмъ не знаетъ законовъ русскаго языка и тонкостей его словосочиненія. Но я все-таки люблю его умъ и особенно характеръ его. Бѣда, что это знатный человѣкъ, слѣдовательно не нуждающійся въ литературѣ, какъ въ ремеслѣ, что́ насъ лучше всего совершенствуетъ въ ея законахъ. Да онъ же и самое лѣнивое существо, такъ что и надежды нѣтъ видѣть исправленіе недостатковъ его [1]).

Февральская революція, нашедшая отзвукъ въ Берлинѣ, вызвала усиленную реакцію и въ Россіи. Императоръ Николай Павловичъ, бесѣдуя съ Плетневымъ въ началѣ 1850 г. о берлинскихъ событіяхъ, шутя замѣтилъ: «Не можешь ли ты составить новаго лексикона, гдѣ бы нашлись слова, равносильныя для выраженій всей гадости современныхъ идей?» Я это просто называю—берлинщина [2]). Однако Плетневъ протестуетъ противъ чрезмѣрныхъ стѣсненій университетскаго преподаванія: «Одушевленный профессоръ, пишетъ онъ, есть не только краса университета, но и жизни. Безъ такихъ людей все засыпаетъ и обращается въ холодную форму. Правительство, конечно, должно смотрѣть съ своей точки зрѣнія; но и оно чувствуетъ, что тупою бритвою никакъ не выбрѣешь бороды: надобно только съ осторожностью въ рукѣ держать бритву, а не замѣнять ее косаремъ» [3]).

— Что твоя молодежь?—спросилъ однажды Плетнева государь, вскорѣ послѣ процесса Петрашевскаго.—Доволенъ ли ты ею?

— Кромѣ хорошаго ничего не могу доложить вашему величеству, отвѣчалъ онъ.

— Я самъ очень доволенъ твоими студентами во всемъ, что до ихъ внѣшности. Они учтивы, хорошо держатся и ведутъ себя прилично. Но постарайся, чтобы у нихъ побольше было вотъ тутъ,—прибавилъ онъ, положивъ руку на сердце. Это всего важнѣе, особенно послѣ страшной исторіи, недавно происшедшей у насъ [4]).

Послѣ женитьбы Плетнева въ концѣ 1848 г., переписка нѣсколько ослабѣваетъ съ его стороны, но Я. К. Гротъ, попрежнему, очень подробно описываетъ, между прочимъ, свою поѣздку по Москвѣ и окрестностямъ, совершенную имъ лѣтомъ 1849 г. вмѣстѣ съ К. А. Коссови-

---

[1]) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Т. III. Спб. 1896 г., стр. 67.

[2]) Тамъ-же, стр. 501.

[3]) Тамъ-же, стр. 330.

[4]) Тамъ-же, стр. 496.

чемъ. Посѣтивъ библіотеку Московской духовной академіи, Гротъ разсказываетъ: «Одна изъ залъ ея служила прежде комнатою публичныхъ экзаменовъ. На потолкѣ ея изображенъ Саваоѳъ съ надписью: «да будетъ!» Потомъ далѣе міротвореніе, а въ серединѣ, въ видѣ двуглаваго орла,—русская имперія. Это сдѣлано по идеѣ митрополита Платона, который, какъ видно изъ множества предметовъ и здѣсь, и въ Виѳаніи, былъ большой любитель всякихъ аллегорическихъ изображеній и драматическихъ эффектовъ. Такъ напримѣръ, въ Виѳаніи есть памятникъ, на которомъ, между прочимъ, читается à peu près слѣдующая надпись: «Почто, Виѳанія, ликуешь? Потому что я въ такой то день насладилась лицезрѣніемъ великаго князя Павла Петровича». Такъ и въ той залѣ библіотеки, о которой я говорю, была въ Платоново время сдѣлана при внутренней стѣнѣ гора Синай; по случаю экзаменовъ изъ этой горы выпускаемъ былъ дымъ, а за нею, изъ другой комнаты, производился посредствомъ молоточковъ приличный шумъ на подобіе грома [1])».

Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ Плетнева женился и Гротъ, перевелся затѣмъ въ 1853 г. въ Петербургъ и быстро началъ возвышаться на избранномъ поприщѣ. Уже много лѣтъ спустя, въ 1865 г., Плетневъ, смертельно больной, такъ вспоминаетъ въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ объ ихъ обоюдномъ сближеніи и дружбѣ: «Хоть я въ моемъ сердцѣ ношу несомнѣнное убѣжденіе, что, ранѣе ли, позже ли, Яковъ Карловичъ долженъ былъ нѣкогда подняться на ту ступень общественнаго положенія своего, на которой онъ стоитъ теперь, но не могу безъ нѣкоторой, особенно мнѣ сладкой, признательности встрѣчать на нѣкоторыхъ строкахъ писемъ Натальи Петровны [2]) нѣжныхъ намековъ, будто и мнѣ судьбой было предопредѣлено уравнивать Якову Карловичу дорогу въ его постепенномъ движеніи впередъ на пути окружавшихъ его нынѣ успѣховъ. Можетъ быть Натальѣ Петровнѣ неизвѣстно, что мы, сошедшись однажды, никогда и не думали о томъ, что́ можемъ или предпримемъ одинъ для другаго сдѣлать: мы только другъ друга полюбили. Вліяніе одного изъ насъ на другаго образовалось какъ естественное взаимодѣйствіе двухъ силъ, гармонически и тѣсно примкнувшихъ одна къ другой, — такъ, что и опредѣлить съ точностію нѣтъ возможности, которая изъ этихъ силъ ощутительнѣе дѣйствовала на другую. Даже изъ насъ двоихъ, я увѣренъ, никто, передъ судомъ совѣсти своей, не рѣшится отдать себѣ сколько-нибудь преимущества. То, чѣмъ я сознаю себя обязаннымъ Якову Карловичу, въ сущности несравненно выше того, на что можетъ указать онъ, какъ

---

[1]) Тамъ-же стр. 450.

[2]) Супруги Я. К. Грота.

на мое ему содѣйствіе. Его вліяніе на меня было чисто моральное и интеллектуальное: онъ развилъ въ душѣ моей любовь къ умственному труду, уваженіе ко всему доброму и раскрылъ тѣ едва замѣтныя черты въ душѣ нашей, которыя поставили человѣка такъ высоко надъ всей природой [1])».

В. Лачиновъ.

[1]) Переписка, т. III, стр. 700 и сл.

Русскій путешественникъ прошлаго вѣка за границею.

(Собственноручныя письма А. С. Шишкова 1776 и 1777 г. [1]).

1776 годъ.

2-го августа.

1.

Любезный другъ!

Извини меня, что я давно не исполняю того, что отъ меня требуетъ и моя къ тебѣ дружба, и собственная моя скука. Я уже давно принялъ намѣреніе къ тебѣ писать и нѣкоторыя свободныя отъ дѣлъ моихъ часы раздѣлить съ тобою, но не знаю, что меня отъ того по сію пору удерживало. Можетъ статься воображеніе, что ты моего письма весьма долго или никогда не получишь, отнимало у моего желанія силу и заставляло меня молчать. Уже сіе молчаніе болѣе шести недѣль продолжается; напослѣдокъ мои обстоятельства и моя скука, не взирая на безнадежность въ пересланіи сего письма, увеличили прежнее мое желаніе и понудили меня дѣйствительно приняться за сіе упражненіе. Въ столь беспокойной и скучной жизни, какова теперь моя, нѣтъ инаго для человѣка утѣшенія, какъ размышлять и разговаривать мысленно съ тѣми, которыхъ онъ любитъ: слѣдовательно, какой бы сіе письмо ни имѣло успѣхъ, однако, мнѣ оно будетъ подавать нѣкоторую отраду тѣмъ, что я оное пишу.

---

[1]) Подлинныя собственноручныя письма А. С. Шишкова составляютъ собственность профессора С.-Петербургскаго университета Ивана Васильевича Помяловскаго, которому мы и приносимъ глубокую благодарность за разрѣшеніе ихъ напечатать. Къ кому писаны эти письма—намъ неизвѣстно.

Ред.

Я не знаю, какимъ образомъ дать тебѣ понятіе о теперешнемъ моемъ состояніи: оно хуже и несноснѣе, нежели привыкшему къ московскимъ веселостямъ щоголю быть на цѣлый мѣсяцъ заключенному въ худую и никѣмъ не обитаемую, кромѣ мужиковъ, деревню; тамъ онъ по крайней мѣрѣ въ ясную погоду на мягкой травѣ спокойно уснуть можетъ, или какое-нибудь изберетъ для себя веселое упражненіе, а мнѣ безпокойство, скука и болѣзнь не даютъ и подумать объ удовольствіи. Но чтобъ увѣдомить тебя, отчего я толь огорченныя имѣю мысли, то напередъ надлежить сказать тебѣ пребыванія моего мѣсто. Мы съ фрегатомъ нашимъ находимся при выходѣ изъ англійскаго канала въ Западный океанъ, и уже третью недѣлю благополучныхъ вѣтровъ не имѣемъ; а на морѣ всего несноснѣе противные вѣтры, особливо когда они еще бываютъ крѣпкіе. Вчера претерпѣли мы жестокую бурю, сегодня также вѣтеръ очень силенъ, волненіе превеликое, фрегатъ нашъ изъ стороны въ сторону бросаетъ ужасно, и надежды къ перемѣнѣ вѣтра не видно ни какой. Нѣтъ ничего досаднѣе сей погоды: все трещитъ, все падаетъ, все ломается, и нигдѣ спокойнаго мѣста обрѣсти не можно. То-то прямо дорогое времячко и жизнь пресладкая! Если ходишь, такъ лучше кажется сидѣть, когда же сидишь, такъ лучше кажется лежать, а если лежишь, такъ лучше кажется ходить: тутъ не хорошо, тамъ дурно, а въ третьемъ мѣстѣ и того хуже; куда хочешь—поди, что хочешь—дѣлай, вездѣ скучно, и отовсюду бы бѣжалъ. Вотъ слабое начертаніе скуки, господствующей между мореплавателями во время крѣпкихъ и противныхъ вѣтровъ; и въ такой-то находяся скукѣ, пишу я къ тебѣ это письмо.

Я возвращаюся къ самому началу нашего похода, и буду отъ сего числа по-дневно увѣдомлять тебя обо всемъ, что съ нами впередъ во время нашего путешествія случаться будетъ. Можетъ статься письмо сіе сдѣлается напослѣдокъ такою книгою, на прочтеніе которой не достанетъ и цѣлыхъ сутокъ, но я, однако жъ, уповаю, или по крайней мѣрѣ столько льщуся, что оно тебѣ не будетъ противно.

Пятаго на десять числа іюня мѣсяца въ седьмомъ часу пополудни, поднявъ якорь и распустя паруса, отправились мы въ предписанный намъ путь, оставя любезное наше отечество и со всѣми тѣми, которыхъ мы въономъ любить и почитать привыкли: скука и сожалѣніе далеко насъ провождали, а воспоминаніе навсегда съ нами осталось. Вѣтры по большей части служили намъ благополучные, такъ что мы чрезъ одиннадцать дней увидѣли берега Даніи, и скоро потомъ пришли въ Копенгагенъ. Сей столичный Датскаго королевства городъ лежитъ на островѣ Зееландѣ въ южно-западной отъ Петербурга сторонѣ, разстояніемъ около двухъ сотъ нѣмецкихъ миль отъ онаго, почитается всѣми изряднымъ въ Европѣ, имѣетъ хорошую крѣпость и безопасную гавань; также находится тутъ университетъ, основанный королемъ Генрихомъ Первымъ.

Двадцать седьмаго числа съѣхали мы на берегъ и ходили къ нашему министру, который принялъ насъ довольно ласково, и пригласилъ на третій день къ себѣ обѣдать. Послѣ сего были мы у морскаго ихъ генерала и камергера, который хотя и имѣлъ придворнаго человѣка названіе, однако же показался намъ отнюдь непохожимъ на онаго. Сей чинъ у нихъ хотя такъ же, какъ и у насъ генералъ-маіорскій, однако, стократно маловажнѣе нашего, ибо сказываютъ, что его за пятьсотъ рублей купить можно. Отъ него пошедъ пріискали мы порядочный трактиръ, гдѣ бы намъ на нѣсколько дней расположиться можно было. Послѣ того пошли въ королевскій садъ, гдѣ увидѣли множество людей, только несравненно меньше важныхъ, нежели какихъ ты можешь увидѣть въ Петербургѣ. Что касается до красоты тамошнихъ женщинъ, то она или тѣхъ мѣстъ не посѣщала, или не хотѣла намъ показаться, потому что мы изъ такого множества не болѣе какъ лица два порядочныхъ видѣли. Садъ хотя не богатый, однако же весьма изрядный: водометовъ не много, истукановъ и другихъ чрезвычайныхъ предметовъ никакихъ нѣтъ, но вмѣсто того густая и порядочная зелень дѣлаетъ его больше пріятною рощею, нежели великолѣпнымъ садомъ. Съ одной стороны онаго стоитъ окруженный каналомъ деревянный зàмокъ съ эрмитажемъ, въ которомъ хранятся королевскія драгоцѣнности. Подлѣ онаго небольшая четвероугольная площадь съ водометомъ по срединѣ, на которую выносятся изъ оранжереи дерева и устанавливаются по вкусу итальянскому; а по другую сторону сего же зàмка находится дикій лѣсъ на манеръ аглинскій.

Побывъ часа два и больше въ саду, пошли мы въ нанятый нами трактиръ, гдѣ проводили вечеръ довольно весело, а ночь спокойно проспали. По утру вставъ, потребовали мы отъ хозяйки счетъ, который показался намъ очень дорогъ, и для того, оставя этотъ, перешли мы въ другой трактиръ, гдѣ нашли столъ и покой гораздо лучше и притомъ дешевле. Сей трактиръ, сказываютъ, лучшій во всемъ городѣ, а стоитъ онъ на той площади, гдѣ воздвигнутъ монументъ короля Генриха Пятаго, сидящаго на конѣ и попирающаго конскими ногами зависть. Расположася такимъ образомъ въ семъ новомъ нашемъ жилищѣ, согласилися мы въ этотъ день ходить по всему городу, побывать на гостиномъ дворѣ и закупить кому что надобно, а потомъ вечеромъ идти опять прогуливаться въ садъ. Между тѣмъ познакомилися мы съ нашимъ секретаремъ посольства и съ однимъ датскимъ офицеромъ, которые почти безотлучно были при насъ. На другой день положили мы осмотрѣть кунсткамеру, и для того просили новыхъ нашихъ знакомцевъ, чтобъ они сдѣлали намъ сотоварищество, на что они согласилися охотно; и такъ по утру пошли мы съ ними туда.

Я опишу тебѣ оную, сколько могу упомнить. Въ первой небольшой

комнатѣ, въ которую вступишь, находятся чучелы разныхъ птицъ и еще двѣ камеры-обскуры, изъ одной войдешь въ галлерею, убранную разными картинами весьма хорошей работы, которыя по большей части изображаютъ нѣчто историческое: казни баснословныхъ боговъ, разныя военныя дѣйствія и проч. Изъ одной двери въ кабинетъ, гдѣ поставлены за стеклами столы, наполненныя всѣхъ государствъ деньгами и медалями, а стѣны сего кабинета убраны также портретами, небольшими картинками, изъ коихъ одна представляетъ бесѣдующую во время ночи при огнѣ съ другими женами Богоматерь, и сія есть самая лучшая изо всѣхъ находящихся картинъ въ кунсткамерѣ. Изъ сего кабинета ходъ въ большую комнату, въ которой стоятъ чучелы и кости разныхъ звѣрей, сросшіеся два теленка спинами вмѣстѣ, двуголовый о шести ногахъ баранъ и еще многіе уроды. Также деревянный сукъ, имѣющій точное подобіе человѣческой руки и проч. Въ пятой комнатѣ находятся органы, играющіе многія штуки, которыя сработаны однимъ датскимъ столяромъ; янтарные кораблики, истуканъ на пружинѣ, двѣ муміи, наши стрѣльцы и многія симъ подобныя вещи. Послѣдняя комната уставлена кругомъ шкапами, въ которыхъ видѣли мы шашки собственной работы Петра Великаго, и другія многихъ государей рукодѣлія, также два большіе золотые рóга, найденные въ землѣ однимъ датскимъ крестьяниномъ, о которыхъ разсуждаютъ, по находящемуся на нихъ изображенію и по нѣкоторымъ означеннымъ тутъ еврейскимъ словамъ, что надобно имъ быть весьма древними и, чаятельно, оставшимися еще отъ римлянъ. Впрочемъ, сіи шкапы наполнены были и другими примѣчанія достойными вещами, которыхъ однакожъ я ради безпамятства и краткости не исчисляю. Между сихъ шкаповъ поставлены всѣхъ датскихъ государей бюсты, въ числѣ которыхъ находится и нашъ Петръ Великій; а на стѣнахъ стоятъ нѣкоторые посланническіе и генеральскіе портреты. Можно сказать, что кунсткамера ихъ весьма изобильна какъ рѣдкостями, такъ и славной работы картинами; также и то мнѣ въ оной понравилось, что у нихъ находятся тутъ изображенія не только всѣхъ государей, но и многихъ мужей, которые по своимъ дѣламъ, по достоинству или по какому-нибудь случаю себя отмѣнили. Сіе весьма должно ободрять потомковъ, когда они видятъ имена достойныхъ предковъ своихъ незабвенными!—Но чтобъ не углубиться въ дальнѣйшія размышленія, то я обращусь опять къ моему прежнему писанію.

Употребивъ часа три или четыре на осмотрѣніе кунтскамеры, пошли мы къ министру обѣдать.—Тамъ пробыли часу до пятаго; на послѣдокъ откланявшись ему пошли мы прямо во дворецъ и осмотрѣли всѣ королевскіе покои, изъ коихъ побогатѣе всѣхъ убранъ кабинетъ королевинъ, а прочіе покои больше украшены хорошими картинами и государскими портретами, нежели иными какими рѣдкостями. Когда

взойдешь наверхъ въ четвертый этажъ, то представляется чрезвычайно хорошій видъ: городъ кругомъ виденъ, съ одной стороны проливъ и шведскія берега, а съ другой видно море и приходящіе съ онаго корабли,—сіе все дѣлаетъ очамъ весьма пріятное зрѣлище. Когда еще имѣли они войну со шведами, то сказываютъ можно было видѣть сраженіе кораблей изъ оконъ сего этажа. Между прочимъ тутъ у нихъ находится еще судебная комната, въ которой у задней стѣнѣ поставленъ на слонѣ тронъ, по сторонамъ онаго стоятъ два большіе стола, покрытые малиновымъ бархатомъ, а впереди сдѣлано для челобитчиковъ мѣсто. Въ сей комнатѣ, сказываютъ, каждый годъ по одному разу имѣетъ король свое засѣданіе, и челобитчики въ то время созываются къ рѣшительному суду. Во время присутствія по сторонамъ стоитъ конная гвардія, и законы лежатъ всѣ передъ просителями. Вотъ все, что я во время тридневнаго моего бытія въ Даніи могъ примѣтить и о чемъ не преминулъ тебя увѣдомить. Станемъ теперь опять продолжать о нашемъ походѣ.

Перваго числа іюня мѣсяца, запасшися водою, отправилися мы изъ Копенгагена, и на другой день пришли въ Гелсин-норъ, датскій же городокъ, лежащій отъ Копенгагена мили съ четыре нѣмецкихъ. Сей городокъ ихъ приноситъ великую государству прибыль сбираніемъ пошлинъ съ иностранныхъ судовъ, отправляющихъ купечество на Балтійскомъ морѣ: ибо они должны всѣ проходить мимо его, кромѣ однихъ шведовъ, которые проходятъ подлѣ своего берега. Въ немъ построена изрядная крѣпость; а по другую сторону пролива, напротивъ онаго, въ разстояніи не больше нѣмецкой мили находится шведскій городокъ, называемый Еленнъ-бургъ. Когда мимо ихъ обоихъ проходишь и станешь салютовать крѣпости, тогда они, принимая сію честь каждый себѣ, другъ предъ другомъ спѣшатъ отвѣтствовать, и салютуютъ оба. Тутъ пробыли мы одни сутки, и на другіе подняли якорь и стали продолжать путь нашъ. Имѣя вѣтеръ противный, плыли мы Категатомъ и Сѣвернымъ океаномъ или Нѣмецкимъ моремъ весьма долго. Напослѣдокъ увидѣли одно лавирующее голландское суднишко, на которомъ были лоцмана, поджидавшіе тутъ приходящихъ изъ Остъ-Индіи судовъ, для провожденія ихъ въ Голландію. У сихъ лоцмановъ спросили мы о нашемъ мѣстѣ и получили въ отвѣтъ, что мы находимся въ пяти миляхъ отъ острова Текселя, который лежитъ не подалеку отъ Амстердама. Сіе дѣлало разности съ нашимъ счисленіемъ тринадцать нѣмецкихъ миль въ сторону.

Вотъ какъ можно погрѣшить на морѣ въ исчисленіи пути, сколь-бы ни старался наблюдать оное совершенно; а такія погрѣшности весьма опасны для мореплавателей, и отъ того часто приключаются погибели. Но къ тебѣ писать о мореплаваніи, какъ живописцу разсказывать о

механикѣ, ибо сія наука ни мало къ искусству его не принадлежитъ. Однако многіе изъ васъ любятъ судить о мореплаваніи, хотя ни малаго о семъ понятія не имѣютъ. Мнѣ случилось однажды слышать отъ человѣка, намъ съ тобою знакомаго, который, будучи совсѣмъ не морской, говорилъ такъ: «какіе у насъ худые мореплаватели, что, проходя по одному мѣсту разъ двадцать, послѣ не могутъ хорошенько пройти по оному». Сей человѣкъ, умѣющій здраво разсуждать и о томъ, что ему столько же извѣстно, сколько мнѣ моя будущая послѣ смерти жизнь. Но такое разсужденіе не можетъ быть ни разумно, ни полезно, и лучше кажется молчать или спрашивать о томъ, чего не знаешь, нежели толковать и судить объ ономъ, хотя сему благоразумію не весьма многіе повинуются. Прости мнѣ сіе примѣчаніе, которое можетъ статься положено не у мѣста, также и то, что я отступилъ отъ моего письма. Ежели тебѣ столько же будетъ скучно, сколько теперь мнѣ, то ты сего письма, хотя бы оно и нескладно было написано, думаю прочитать не полѣнишься, равно такъ я не лѣнюся оное писать. Но время уже возвратиться къ нашему путешествію.

Переправивъ такимъ образомъ наше счисленіе, поплыли мы по прежнему и скоро прошли аглинскій портъ Ярмутъ, а потомъ вступили въ аглинскій каналъ межъ Довера и Кале. Мы хотѣли продолжать путь нашъ не заходя въ Англію, но какъ вѣтеръ былъ противный, и воды у насъ становилося немного, то и разсудили зайти въ Портсмутъ. Осьмаго на десять іюля положили мы якорь по близости острова Вихта, лежащаго верстахъ въ шести или семи отъ Портсмута, и послали на берегъ шлюпку для истребованія воды. Что мы такъ далеко остановилися отъ города и не подошли къ оному ближе, тому причиною было то, что мы несли вымпелъ; а у нихъ на рейдѣ стояла тогда эскадра, состоящая изъ нѣсколькихъ кораблей; такъ приближась къ оной надлежало салютовать, а салютовать по ихъ узаконенію должно безъ вымпела. Въ противномъ случаѣ повелѣваютъ права ихъ принуждать боемъ то судно къ опущенію вымпела, которое учинить сего не захочетъ, несмотря на то, какова бы оно государства ни было; а наши права повелѣваютъ не спускать вымпела, и ежели будетъ какое принужденіе, то защищать оный до самой крайности. Сія аглинская гордость и наша неуступчивость могли бы причинить кровопролитіе. Прежде сего, когда корабли наши вступали въ аглинскій каналъ, то завсегда напередъ снимали вымпелъ и проходили оный безъ вымпела, чтобы, встрѣтясь съ аглинскими кораблями, не подать причины къ сраженію или не сдѣлать предъ ними уничиженія опущеніемъ въ то самое время вымпела. Гордость же ихъ столь велика, чтобы они конечно не упустили потребовать сея униженности. Однако нынѣ сія гордость ихъ весьма уменьшилася, видно что американскіе бунты чувствительно истощили

ихъ силу: мы проходили весь каналъ подъ вымпеломъ, чего еще никакое судно и никогда не дѣлывало; намъ попадали на встрѣчу корабли, однако не довольно что задирать не хотѣли, но еще какъ возможно старалися отъ насъ удаляться, чтобы не быть принужденными уничтожить право свое. Во время стоянія нашего на якорѣ съѣзжали мы на берегъ. Портсмутъ городокъ хотя не большой, однакоже весьма изрядный; чистота по всюду наблюдается превеликая, кругомъ крѣпости валъ прекрасный, по которому вечеромъ многіе прогуливаются; гавань тутъ чрезвычайно хорошая, въ которой завсегда бываетъ около семидесяти военныхъ судовъ. По Лондонской дорогѣ стоятъ четыре каменные дома, построенные для бѣдныхъ. Впрочемъ, жители въ разсужденіи агличанъ показались намъ весьма ласковы и превосходящими самихъ себя; а женщины всѣ вообще лица пріятнаго, поступковъ непринужденныхъ и обхожденія вольнаго. Мы пробыли тутъ одни сутки, и на другой день по утру хотѣли ѣхать на фрегатъ, но услышали, что вечеромъ будетъ комедія, и для того осталися посмотрѣть ихъ театра. Въ седьмомъ часу пошли мы въ оный, за входъ заплатили трое червонцевъ, и вошедъ въ ложи нашли во всемъ театрѣ не болѣе пятнадцати человѣкъ зрителей, а въ ложахъ не было ни кого. Мы сперва подумали, что пришли очень рано, и что еще долго начинать не станутъ, однако скоро подняли занавѣсу и началося дѣйствіе. Какого содержанія была комедія, того по незнанію языка мы не могли вѣдать, а сколько разбирали по дѣйствію, то надобно быть взаимной ревности между мужемъ и женою. Театръ небольшой; для зрителей сдѣланы два этажа и партеры. Въ половинѣ комедіи набралося довольное число зрителей, женщинъ было немного, и нижнія ложи по большей части заняты были офицерами. Актеры играли весьма изрядно, и когда должно было имъ апплодировать, тогда стучали всѣ ногами. Чрезвычайная вольность иногда выходила изъ предѣловъ благопристойности; многіе зрители, казалося, не мало того не думали, что они въ собраніи, а всякій поступалъ по своей угодности: иной перебѣгалъ изъ ложи въ ложу, прыгая черезъ скамейки, другой рѣзвился, третій такъ неучтиво лежалъ, что у насъ и при одномъ незнакомомъ того не сдѣлаютъ; но всѣ прилежно слушали и наблюдали молчаніе во время дѣйствія. Когда какая роль имъ понравится, тогда они закричатъ «анкоръ!» «анкоръ!» и тотъ актеръ долженъ выйти и снова оную переговорить. Послѣ первой комедіи, представлена была еще небольшая піеса, въ которой пѣли, а потомъ маленькій балетецъ и конецъ. Изъ театра пошли мы на шлюпку и поѣхали на фрегатъ, а на третій день, получа воду, при благополучномъ вѣтрѣ подняли мы якорь и отправилися въ путь; но скоро потомъ вѣтеръ сдѣлался намъ опять противный,—вотъ уже третью недѣлю все одинъ продолжается. Теперь, описавъ прежнее наше похо-

жденіе, буду я тебя увѣдомлять завсегда о настоящемъ. Между тѣмъ прости, желаю тебѣ быть болѣе веселу и покойну, нежели я.

2.

4-го августа.

Вѣтеръ замучилъ! боремся непрестанно съ волнами, а впередъ не подвигаемся ни мало. Дожди и худыя погоды еще болѣе умножаютъ нашу скуку. Сколь пріятна кажется намъ теперь береговая жизнь! Я иногда воображаю себѣ городскихъ жителей то ѣздящихъ по собраніямъ, то прогуливающихся на открытомъ и пріятномъ воздухѣ, или представляю себѣ деревенскихъ обитателей, утѣшающихся полевою охотою, рыбною ловлею и другими многими забавами:—то какое нахожу различіе между ихъ и нашимъ состояніемъ! Они наслаждаются спокойствіемъ и удовольствіями, а мы, напротивъ того, терзаемся скукою и страхомъ. Они вкушаютъ пріятность воздуха, а мы изнуряемся безпрестанными непогодами; чувства ихъ наполнены тишиною, а наши—жестокимъ волненіемъ. Они просыпаютъ всю ночь сладко, а мы и въ тѣ немногіе часы, которые намъ остаются для успокоенія отъ нашей должности, пробуждаемся часто или отъ скрыпу снастей, или отъ сильнаго ударенія волнъ. Но какъ исчислить можно всѣ ихъ удовольствія и наши всѣ противности? Кажется мнѣ и тѣ и другія безконечны. Хотя есть у насъ пословица: «что тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ», однако я, побывавъ на морѣ въ дурную погоду и съѣхавъ потомъ на берегъ, никогда не скажу, что на морѣ хорошо, а развѣ ту же пословицу оборочу совсѣмъ инымъ смысломъ и скажу: хорошо что меня тамъ нѣтъ. Можетъ статься тебѣ смѣшно покажется, что я съ такимъ пристрастіемъ выхваляю береговую жизнь, или что такъ живо чувствую ея блаженство; но ты можешь смѣяться, потому что ты никогда морской жизни не чувствовалъ, а не видавъ ночи, не можно имѣть понятія о свѣтѣ; напротивъ того, слѣпому, который нѣкогда былъ зрячимъ, свѣтъ стократно воображается пріятнѣе, нежели тому, кто оной завсегда видитъ. Между тѣмъ прости: должность не позволяетъ мнѣ долѣе съ тобою разговаривать.

3.

7-го августа.

Я опять принимаюсь за перо, но не имѣю ничего тебѣ новаго сказать. Вѣтеръ столько на насъ ожесточился, что ни мало перемѣняться

не хочетъ. Между нами теперь ужасная скука: всякой тужитъ и всякой на дурную погоду жалуется. Лучшее наше упражненіе состоитъ въ разговорахъ и въ напоминаніи обо всѣхъ тѣхъ, которыхъ мы, будучи въ отечествѣ, пользовались или милостію или дружбою. Хорошо въ такое время быть согласными и хуже всего не имѣть согласіе между собою. При семъ случаѣ дружество и вражда, два равносильныя въ человѣческомъ сердцѣ, производятъ дѣйствія, но совсѣмъ противныя между собою. Цѣна дружества стократно познается болѣе въ нѣдрахъ скуки, нежели посреди веселостей, хотя сей небесный даръ и завсегда преисполненъ удовольствіемъ. Со враждою и ненавистію то же самое дѣлается, токмо съ такою разностію, что яснѣйшее познаніе дружества утѣшаетъ и подаетъ человѣку отраду, а яснѣйшее познаніе вражды и ненависти, уже отягощенное горестію, еще отягощаетъ сердце. Ежели кто, вкушая нелицемѣрнаго дружества сладости и провождая дни свои весело, послѣ того какимъ-нибудь нечаяннымъ случаемъ разлученный со своимъ другомъ, повергается въ бездну несогласія и ненависти, тотъ въ семъ горестномъ состояніи своемъ познаетъ совершеннѣе цѣну дружества и взираетъ на прежнее свое благополучіе глазами, которые уже больше видятъ, нежели видѣли тогда, когда онъ дѣйствительно наслаждался онымъ. Сіе неоспоримо потому, что мы благополучіе свое познаемъ яснѣе по прошествіи уже онаго, а несчастіе въ то время понимаемъ точно, когда его чувствуемъ; по прошествіи же онаго скоро забываемъ и въ чувствахъ нашихъ оно уже не производитъ толь сильнаго дѣйствія. Притомъ же мы, вкушая какое-нибудь благо, рѣдко помышляемъ объ утратѣ онаго, опасаясь тѣмъ огорчать наши мысли, а еще рѣже о томъ злѣ, которое сему благу совсѣмъ противно. Можно сіи два состоянія уподобить двумъ такимъ мѣстамъ, изъ которыхъ одно свѣтлое, а другое темное; человѣкъ, сидящій въ темномъ мѣстѣ, удобнѣе видитъ другого, находящагося въ свѣтломъ мѣстѣ, а тотъ его или очень мало, или совсѣмъ не видитъ, ибо кромѣ того, что сему способствуетъ яснѣе видѣть окружающей того свѣтъ, онъ, чувствуя состояніе свое гораздо худшимъ, устремляетъ все свое на него примѣчаніе, а тотъ, сколь бы ни старался смотрѣть на онаго пристально, такъ ясно не можетъ видѣть всю его нужду и ощутить всѣ его горести. Чѣмъ дальше мы отъ нашего благополучія, и чѣмъ меньше имѣемъ надежды паки онымъ наслаждаться, тѣмъ оно яснѣе намъ видится; напротивъ того, чѣмъ дальше отъ злополучія, тѣмъ оно больше затмевается, ибо къ первому, будучи отъ него удалены, устремляемся мы всѣми нашими желаніями, не устаемъ имѣть оное всякій часъ въ памяти, разсматриваемъ подробно и думаемъ утѣшаться однимъ онаго мечтаніемъ; а ко второму, чувствуя отвращеніе, не смѣемъ и приблизить нашихъ мыслей, недовольно смотрѣть на оное пристально. Бѣдный лучше видитъ свое злополучіе и блаженство богатаго, нежели богатый свое

блаженство и злополучіе бѣднаго. Когда мореплаватели на кораблѣ своемъ между собою несогласны, то хуже сего состоянія быть не можетъ. Лучше, живучи въ простенькомъ городѣ, имѣть у себя множество враговъ, нежели тутъ одного или двухъ, ибо тамъ злобу оныхъ ты презирать, а несноснаго для тебя присутствія ихъ удаляться можешь, но тутъ тебѣ ни того ни другаго избѣжать нельзя. Во время скучное, напримѣръ, ты ищешь увидѣть друзей своихъ, находишь удовольствіе быть съ ними вмѣстѣ, и когда ты имѣешь по нѣкоторымъ обстоятельствамъ или самому тебѣ неизвѣстную причину скучать, тогда они можетъ статься имѣютъ другую такую же причину веселиться...

4.

4-го сентября.

На сихъ дняхъ губернаторъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать: онъ живетъ въ загородномъ изрядномъ домѣ неподалеку отъ крѣпости, доходъ имѣетъ, сказываютъ, великой, хотя живетъ не весьма роскошно. Впрочемъ онъ, какъ видно, старикъ очень добрый, разумный и хорошій гостепріимецъ. Насъ онъ обласкалъ почти каждаго, капитановъ приглашалъ часто къ себѣ обѣдать, обходился съ ними дружелюбно, усердствовалъ всякое для команды дѣлать удовольствіе, и напослѣдокъ далъ намъ рекомендательное письмо въ Константинополь къ ихъ министру, въ которомъ по своей учтивости старался весьма угодить нашему самолюбію.—На него смотря казалося, что и другіе здѣшніе господа равнымъ образомъ желательны были угощать насъ, только жаль, что намъ сего учтивства ихъ отплатить имъ не удается.—Дней пять тому назадъ, какъ пріѣхали сюда на фрегатѣ гановерскіе офицеры, которые на другой день прислали къ намъ письмо, въ которомъ благодарили за учтивый нашъ пріемъ и притомъ звали къ себѣ обѣдать. И такъ мы четвертаго дня у нихъ были, они показывали великое желаніе имѣть съ нами знакомство и увѣряли, что приходъ нашъ ихъ весьма обрадовалъ, и что они весьма желаютъ, чтобы мы подолѣе тутъ простояли. Сіи слова были бы для насъ очень лестны, ежели-бъ островъ Минорка населенъ былъ побольше. Впрочемъ время намъ здѣсь не кажется скучно, мы нерѣдко ѣздимъ на берегъ, часто посѣщаемъ другъ-друга, переѣзжая съ фрегата на фрегатъ, и тѣмъ провождаемъ оное довольно весело. Частое бытіе флота нашего здѣсь во время войны такую сдѣлало свычку между жителями города и нашими матросами, что они во всякое время могутъ быть на берегу и нѣтъ опасности, чтобъ изъ того какіе-нибудь выходили раздоры. Однако мы уже здѣсь довольно стояли: вѣтеръ теперь

противенъ, а какъ скоро сдѣлается благополученъ, то мы, думаю, отселѣ отправимся. Недавно здѣсь сталъ было разноситься слухъ, будто нѣсколько алжирскихъ фрегатовъ и шебекъ вышедъ дожидаются насъ неподалеку отъ острова Корсики, чтобъ учинять на насъ нападеніе, однако сіе весьма невѣроятно. Алжиръ конечно уже не почитаетъ насъ испанцами, чтобъ осмѣлился напасть на наши суда, и которые провождаетъ еще военный фрегатъ! Для того можно сей слухъ навѣрное считать ложнымъ. Прощай. Изъ сего мѣста я думаю, что пишу къ тебѣ уже послѣднее письмо.

5.

8-го сентября.

Печальное сегодняшнее приключеніе едва не окончило и жизнь мою и сихъ писемъ: одинъ вершокъ былъ я отъ смерти, когда ни мало объ оной не помышлялъ. Третьяго дня, вышедъ изъ Портъ-Магона и продолжая путь нашъ до сегодняшняго дня, въ которой, стоя на вахтѣ и ходя по кораблю, вдругъ почувствовалъ я сильнѣйшій въ руку ударъ, который не столько мнѣ сдѣлалъ боли, сколько испугалъ чрезвычайно. Обернувшись назадъ, представь себѣ жалкое то позорище, когда увидѣлъ я лежащаго подлѣ себя человѣка разшибшагося до смерти! Онъ подбиралъ паруса и, оборвавшись нечаянно сверху мачты, упалъ на низъ по несчастію прямо на меня, а по счастію миновавъ немного моего плеча, и сія небольшая въ разстояніи разность толь была различна въ слѣдствіи своемъ, что я вмѣсто охладѣвшаго тѣла и онѣмѣлыхъ чувствъ, имѣлъ тѣло здравое и чувства, только наполненныя сожалѣніемъ о семъ несчастномъ и радостнымъ страхомъ о минувшей толь близко меня опасности. Четырехъ-пудовая тяжесть, упавшая съ такой высоты, конечно бы не оставила во мнѣ много дыханія. Ударъ отъ его паденія былъ чувствителенъ всему кораблю: онъ лежалъ безъ движенія, хотя не совсѣмъ еще потерялъ жизнь. Позвали тотчасъ лекаря, который, осмотрѣвъ его, нашелъ, что онъ безнадеженъ, ибо у него всѣ кости были переломаны. Скоро послѣ того возвратилось къ нему употребленіе языка, однакожъ онъ говорилъ въ безпамятствѣ и только просилъ пить, а черезъ нѣсколько часовъ сей несчастный мореходецъ окончилъ дни свои и погребенъ въ глубинѣ моря. Вотъ нечаянный случай, едва не похитившій у тебя твоего друга, а у меня купно и всего свѣта со мною! Но избавившій отъ того меня благостію своею Богъ, да продлитъ милость Свою надъ нами! Прощай. Мы теперь идемъ при благополучномъ вѣтрѣ въ путь и скоро надѣемся увидѣть Корсику.

---

*

6.

17-го сентября.

Суетливость и хлопоты не допустили меня прежде сегодняшняго дня къ тебѣ отписать. Но чтобъ не пропустить ни одного случившагося съ нами обстоятельства, и чтобъ увѣдомлять тебя по порядку объ оныхъ, то я возвращуся нѣсколько назадъ и начну съ того дня, въ которой писалъ я къ тебѣ предыдущее предъ симъ письмо. Вскорѣ послѣ того, вѣтеръ сдѣлался весьма крѣпокъ, однакожъ былъ намъ благополучный, и мы продолжали путь свой. Фрегатъ «Павелъ», идучи неподалеку отъ насъ, поднялъ вдругъ сигналъ, что желаетъ говорить съ нами: по крѣпкому тогдашнему вѣтру, въ которой неудобно сближаться кораблямъ, заключили мы, что, конечно, претерпѣваетъ онъ какое-нибудь несчастіе, и для того сдѣлали отвѣтственной сигналъ, чтобъ онъ предпринималъ свои мѣры, но видя его еще къ намъ приближающагося, подняли при выстрѣлѣ изъ пушки другой сигналъ, чтобъ онъ шелъ по способности къ ближайшему порту. Въ сіе время, проходя довольно близко мимо насъ, кричалъ онъ нѣчто въ трубу, чего однакожъ разслушать было не можно: потомъ, имѣя ходъ противъ нашихъ фрегатовъ лучшей, поставилъ онъ всѣ паруса и скоро ушелъ изъ виду вонъ, оставя насъ въ недоумѣніи, чтò о себѣ думать. Корсики не могли мы увидѣть днемъ, а увидѣли уже ночью, и какъ опасно было пускаться далѣе въ путь, то приведя корабль къ вѣтру, дожидалися мы тутъ разсвѣта. Вѣтеръ въ сіе время былъ самый крѣпкій и волненіе превеликое.

На другой день, подходя къ Ливорнѣ, разстались мы съ остальными фрегатами «Григорьемъ» и «Наталіей», которымъ должно было идти въ портъ-Фераіо, итальянскій городокъ, лежащей миляхъ въ пятнадцати отъ Ливорны, и тамъ дожидаться нашего военнаго фрегата, а намъ зайти напередъ въ Ливорну. Пришедъ на Ливорнскій рейдъ, увидѣли мы два военные фрегата, одинъ подъ тосканскимъ, а другой подъ римскимъ флагомъ, и нашъ фрегатъ «Павелъ», который увѣдомилъ насъ о причинѣ своего отъ насъ ухода, что у него по нѣкоторымъ обстоятельствамъ сдѣлалась течь во фрегатѣ, и такъ онъ спѣшилъ поскорѣе придти на мѣсто. Спустя послѣ того день получили мы практику и, съѣхавъ на берегъ, услышали, что нашъ генералъ-цехмейстеръ Иванъ Абрамовичъ Ганибалъ находится въ Пизѣ; а тутъ нашли еще флотскаго капитанъ-поручика Матвѣя Григорьевича Коковцева, который вояжируетъ.

Теперь должно мнѣ тебя увѣдомить о касающихся собственно до меня слѣдующихъ обстоятельствахъ. Эскадра наша послана сюда для заведенія въ здѣшнихъ мѣстахъ купечества или, лучше ска-

зать, для умноженія большихъ военныхъ судовъ на Чермномъ морѣ, ибо, какъ слышно, что мы подъ именемъ купцовъ пройдемъ черезъ Константинополь въ Керчь. Она состояла сперва изъ четырехъ фрегатовъ, изъ коихъ три: «Павелъ», «Наталія» и «Григорій» несутъ купеческій флагъ и имѣютъ только половинное число пушекъ, да и тѣ, подходя къ Царьграду, снимутъ, дабы не показать туркамъ никакого виду военнаго, а четвертый нашъ фрегатъ «Сѣверный Орелъ», снабженный всѣми воинскими припасами, подъ военнымъ флагомъ провождаетъ оныхъ для предохраненія отъ разбойниковъ. Здѣсь же находятся еще оставшіеся отъ войны два небольшіе русскихъ фрегата, «Санктъ-Павелъ» и «Констанція», которые, укомплектуяся служителями съ нашихъ фрегатовъ и нагрузившись товарами, присоединятся къ нашей эскадрѣ и понесутъ также купеческіе флаги; но какъ «Наталія» и «Григорій» подъ провожаніемъ «Сѣвернаго Орла» пойдутъ въ Константинополь, а сіи три останутся здѣсь нагружаться товарами, покуда «Сѣверный Орелъ», проводя тѣхъ, не возвратится въ Месину, гдѣ будетъ дожидаться насъ для провожденія туда же, и какъ я сперва находился на военномъ фрегатѣ, то желая сіе время проводить лучше въ Италіи, нежели сходить два раза въ Царьградъ, просилъ переписать меня на «Констанцію», только съ тѣмъ, чтобъ, по соединеніи съ фрегатомъ «Сѣвернымъ Орломъ» въ Месинѣ, опять взятъ былъ на него. Сіе мнѣ обѣщано и по просьбѣ моей исполнено. Такимъ образомъ, оставя тамъ слугу и большую часть моего экипажа, съ остальнымъ человѣкомъ и экипажемъ перешелъ я на фрегатъ «Констанцію», откуда первый разъ пишу къ тебѣ сіе письмо, которыми (письмами) думаю, тѣмъ больше буду тебя обременять, чѣмъ долѣе проживу въ Италіи. Прощай теперь на время.

7.

25-го сентября.

Жизнь наша въ Ливорнѣ началася довольно изрядно: ходилъ часто по гостямъ, чаще того въ театръ, а еще и того чаще прогуливаться по городу и въ казино или кофейный домъ, гдѣ собираются по вечерамъ не мало людей. Здѣсь находится одинъ богатый купецъ Каламай, на котораго адресованы привезенные на судахъ нашихъ товары; онъ старается угощать насъ, и домъ его намъ завсегда отворенъ: у него четыре дочери дѣвушки весьма изрядныя, съ которыми провождать время не скучно. Еще стали мы вхожи въ домъ сардинскаго консула, у котораго также три дочери, дѣвицы не меньше тѣхъ пріятныя. Надѣяться можно, что знакомство наше со временемъ умножится, и мы

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. ІЮНЬ. **1897 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1897.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1897 г.

Библіографическій листокъ.

М. А. Веневитиновъ. Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697—1698 г. Москва 1897 г.

9-го марта текущаго года исполнилось двѣсти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ выѣхало изъ Москвы великое посольство. 6-го декабря 1696 года состоялся государевъ указъ объ отправленіи генералъ-адмирала Франца Яковлевича Лефорта, генералъ-комиссара Өедора Алексѣевича Головина и думнаго дьяка Прокопія Богдановича Возницына послами къ окрестнымъ государствамъ христіанскимъ, въ Вѣну, Англію, Данію, Голландію, Бранденбургъ, Римъ, и Венецію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Посольскому приказу было повелѣно изготовить наказъ, т. е. инструкцію для посольства. Въ концѣ февраля 1697 г. все уже было готово; наказъ состоялся 25-го февраля, и 9-го марта, какъ уже сказано, посольство, въ которомъ находился, инкогнито, и самъ Петръ Великій, двинулось въ путь.

Извѣстно, что дипломатическія сношенія съ европейскими государствами установились у насъ еще въ эпоху Іоанновъ, даже раньше; особенно развились при Іоаннѣ Грозномъ, и уже въ XVI вѣкѣ сдѣлались явленіемъ обычнымъ, постояннымъ,—явленіемъ вызвавшимъ существованіе спеціальнаго учрежденія — Посольскаго приказа. Петръ Великій былъ первымъ русскимъ царемъ, рѣшившимъ временно, для своихъ особенныхъ цѣлей, покинуть предѣлы Русскаго государства. Первые представители дома Романовыхъ, хотя и не ѣздили за границу, но не отказывались отъ европейскаго вліянія, выписывая иностранцевъ къ себѣ на службу.

М. А. Веневитиновъ, въ своей интересной книгѣ, заглавіе которой приведено нами выше, поставилъ себѣ задачею нарисовать картину не столько пребыванія самаго Петра Великаго въ Голландіи, сколько —перваго непосредственнаго столкновенія двухъ міровъ, русскаго, съ одной стороны, и западно-европейскаго —съ другой.

Главнымъ матеріаломъ, для выполненія предначертанной себѣ задачи, автору послужили статейные списки Посольскаго приказа, представляющіе, такъ сказать, оффиціальныя, русскія данныя о посольствѣ 1697—1698 г. и напечатанные въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными» (т. VIII, спб. 1867 г.); эти оффиціальныя свѣдѣнія дополнены г. Веневитиновымъ свѣдѣніями изъ малоизвѣстной, случайно пріобрѣтенной имъ въ 1890 г. въ Амстердамѣ брошюры: «Рѣчь по поводу перваго путешествія Петра Великаго, преимущественно въ Голландіи» соч. Жана Меермана—«Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand principalement en Hollande, par Mr. I. de Meerman, comte de l'Empire et senateur, à Paris, 1812 г.» *)

Трудъ М. А. Веневитинова, представляющій собою весьма цѣнный вкладъ въ историческую литературу, состоитъ изъ десяти главъ.

Въ первой главѣ авторъ знакомитъ читателя съ личностью Жанна Меермана и его брошюрою о Петрѣ Великомъ. Вторая глава заключаетъ въ себѣ краткій очеркъ Меермана о началѣ царствованія Петра. Въ общемъ, Ж. Меерманъ, какъ утверждаетъ авторъ,—въ чемъ согласны и мы,—довольно вѣрно излагаетъ событія, предшествовавшія 1697 году, нѣкоторыя же особенности подлинника или даже неправильности, какъ напр.: «А л е к с а н д р ъ Михайловичъ, отецъ Петра Великаго» (стр. 21), М е н з и к о в ъ вмѣсто Меншиковъ, В о з т и ц е г и н ъ и В о р о н ц и н ъ вмѣсто Возницынъ, — нисколько не умаляютъ значенія его труда, а падаютъ на отвѣтственность тѣхъ источниковъ, которыми пользовался Меерманъ.

Въ третьей главѣ говорится о снаряженіи великаго посольства. Все число отправившихся, считая и прислугу и другихъ лицъ, доходило до двухсотъ человѣкъ. Царь скрывался подъ именемъ князя Михайлова, въ видахъ обезпеченія себѣ, какъ замѣчаетъ авторъ, большей неизвѣстности, такъ какъ окончаніе Михайловъ употребляется только между простымъ народомъ, а дворянство и знатные люди въ подобныхъ случаяхъ свое отцовское происхожденіе обозначаютъ формою Михайловичъ (Michailowitz).

Описавъ въ четвертой главѣ путешествія посольства до границъ Голландіи, г. Веневитиновъ въ слѣдующей главѣ говоритъ о прибытіи его въ Голландію, о приготовленіяхъ Голландіи къ пріему русскихъ и пребываніи ихъ въ Амстердамѣ. Изъ этого города, осмотрѣвъ его достопримѣчательности, посольство отправилось въ городъ Гаагу

---

*) Брошюра эта помѣщена въ каталогѣ Rossica Императорской публичной библіотеки. Заслуживаетъ вниманія, что ею не пользовались, какъ матеріаломъ для своихъ трудовъ, ни Устряловъ, ни Соловьевъ, и только профессоръ Брикнеръ, въ своей «Исторія Петра Великаго», однажды ссылается на нее въ примѣчаніи.

Библіографическій листокъ.

М. А. Веневитиновъ. Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697—1698 г. Москва 1897 г.

9-го марта текущаго года исполнилось двѣсти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ выѣхало изъ Москвы великое посольство. 6-го декабря 1696 года состоялся государевъ указъ объ отправленіи генералъ-адмирала Франца Яковлевича Лефорта, генералъ-коммиссара Өэдора Алексѣевича Головина и думнаго дьяка Прокопія Богдановича Возницына послами къ окрестнимъ государствамъ христіанскимъ, въ Вѣну, Англію, Данію, Голландію, Бранденбургъ, Римъ, и Венецію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Посольскому приказу было повелѣно изготовить наказъ, т. е. инструкцію для посольства. Въ концѣ февраля 1697 г. все уже было готово; наказъ состоялся 25-го февраля, и 9-го марта, какъ уже сказано, посольство, въ которомъ находился, инкогнито, и самъ Петръ Великій, двинулось въ путь.

Извѣстно, что дипломатическія сношенія съ европейскими государствами установились у насъ еще въ эпоху Іоанновъ, даже раньше; особенно развились при Іоаннѣ Грозномъ, и уже въ XVI вѣкѣ сдѣлались явленіемъ обычнымъ, постояннымъ,—явленіемъ вызвавшимъ существованіе спеціальнаго учрежденія — Посольскаго приказа. Петръ Великій былъ первымъ русскимъ царемъ, рѣшившимъ временно, для своихъ особенныхъ цѣлей, покинуть предѣлы Русскаго государства. Первые представители дома Романовыхъ, хотя и не ѣздили за границу, но не отказывались отъ европейскаго вліянія, выписывая иностранцевъ къ себѣ на службу.

М. А. Веневитиновъ, въ своей интересной книгѣ, заглавіе которой приведено нами выше, поставилъ себѣ задачею нарисовать картину не столько пребыванія самаго Петра Великаго въ Голландіи, сколько —перваго непосредственнаго столкновенія двухъ міровъ, русскаго, съ одной стороны, и западно-европейскаго —съ другой.

Главнымъ матеріаломъ, для выполненія предначертанной себѣ задачи, автору послужили статейные списки Посольскаго приказа, представляющіе, такъ сказать, оффиціальныя, русскія данныя о посольствѣ 1697—1698 г. и напечатанные въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными» (т. VIII, спб. 1867 г.); эти оффиціальныя свѣдѣнія дополнены г. Веневитиновымъ свѣдѣніями изъ малоизвѣстной, случайно пріобрѣтенной имъ въ 1890 г. въ Амстердамѣ брошюры: «Рѣчь по поводу перваго путешествія Петра Великаго, преимущественно въ Голландіи» соч. Жана Меермана—«Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand principalement en Hollande, par Mr. I. de Meerman, comte de l'Empire et senateur, à Paris, 1812 г.» *)

Трудъ М. А. Веневитинова, представляющій собою весьма цѣнный вкладъ въ историческую литературу, состоитъ изъ десяти главъ.

Въ первой главѣ авторъ знакомитъ читателя съ личностью Жана Меермана и его брошюрою о Петрѣ Великомъ. Вторая глава заключаетъ въ себѣ краткій очеркъ Меермана о началѣ царствованія Петра. Въ общемъ, Ж. Меерманъ, какъ утверждаетъ авторъ,—въ чемъ согласны и мы,—довольно вѣрно излагаетъ событія, предшествовавшія 1697 году, нѣкоторыя же особенности подлинника или даже неправильности, какъ напр.: «Александръ Михайловичъ, отецъ Петра Великаго» (стр. 21), Мензиковъ вмѣсто Меншиковъ, Возтицегинъ и Вороницинъ вмѣсто Возницынъ,—нисколько не умаляютъ значенія его труда, а падаютъ на отвѣтственность тѣхъ источниковъ, которыми пользовался Меерманъ.

Въ третьей главѣ говорится о снаряженіи великаго посольства. Все число отправившихся, считая и прислугу и другихъ лицъ, доходило до двухсотъ человѣкъ. Царь скрывался подъ именемъ князя Михайлова, въ видахъ обезпеченія себѣ, какъ замѣчаетъ авторъ, большей неизвѣстности, такъ какъ окончаніе Михайловъ употребляется только между простымъ народомъ, а дворянство и знатные люди въ подобныхъ случаяхъ свое отцовское происхожденіе обозначаютъ формою Михайловичъ (Michallowitz).

Описавъ въ четвертой главѣ путешествіе посольства до границъ Голландіи, г. Веневитиновъ въ слѣдующей главѣ говоритъ о прибытіи его въ Голландію, о приготовленіяхъ Голландіи къ пріему русскихъ и пребываніи ихъ въ Амстердамѣ. Изъ этого города, осмотрѣвъ его достопримѣчательности, посольство отправилось въ городъ Гаагу

---

*) Брошюра эта помѣщена въ каталогѣ Rossica Императорской публичной библіотеки. Заслуживаетъ вниманія, что ею не пользовались, какъ матеріаломъ для своихъ трудовъ, ни Устряловъ, ни Соловьевъ, и только профессоръ Брикнеръ, въ своей «Исторіи Петра Великаго», однажды ссылается на нее въ примѣчаніи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библіографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники. 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

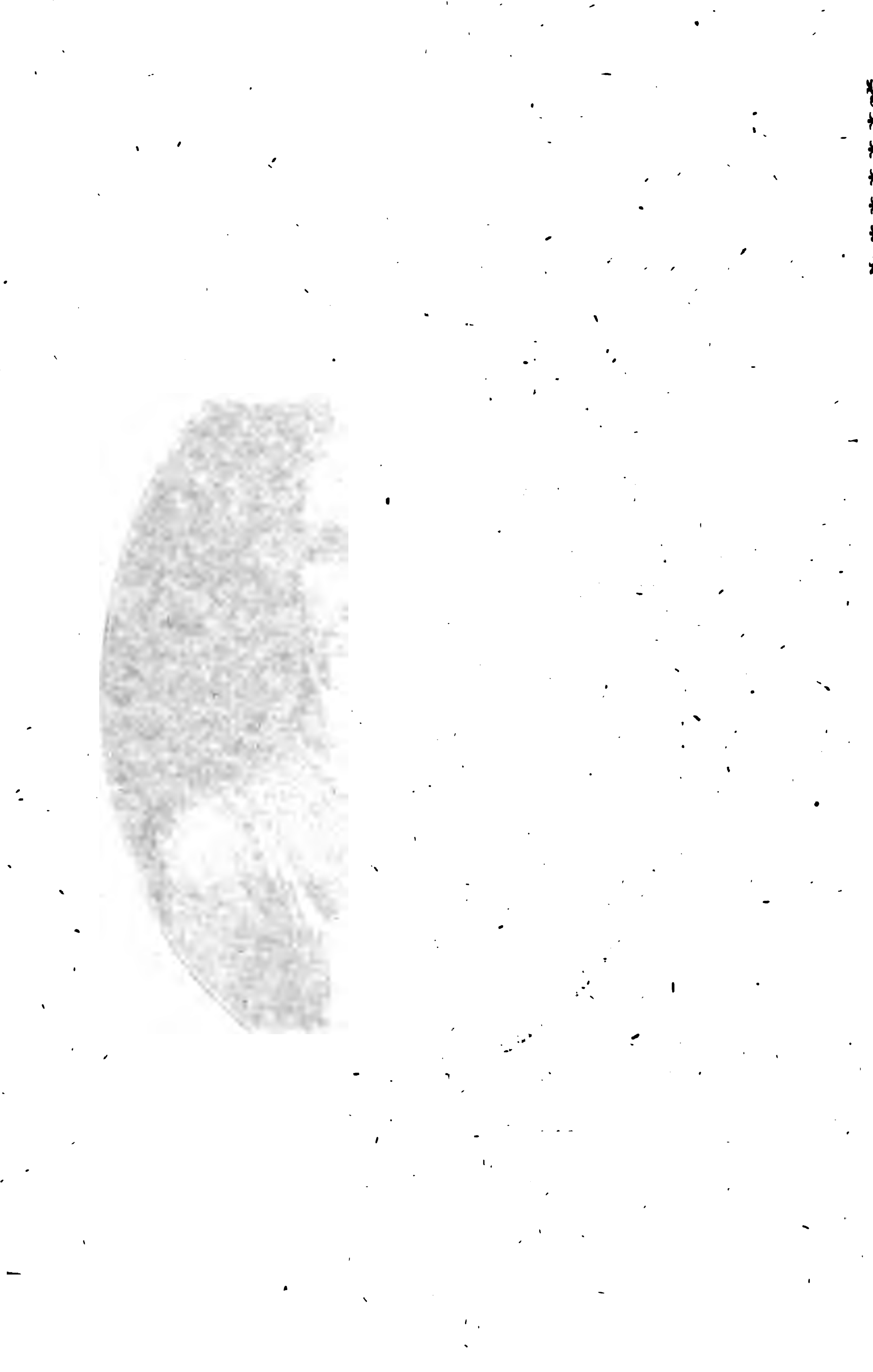
Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

ГРАФЪ ЛЕОНТІЙ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ

БЕННИГСЕНЪ.

Княжна Марія Кантемирова.

III [1]).

По возвращеніи княжны Маріи въ Москву, для нея возобновилась та жизнь въ домашнемъ кругу, обиходъ и обстановку которой мы уже имѣли случай очертить. Новымъ элементомъ въ быту княжны стала теперь ея переписка съ братомъ Антіохомъ. Она не только любила его сильнѣе, чѣмъ остальныхъ братьевъ, но и сама питала увѣренность, что онъ платилъ ей тѣмъ же; и она не ошибалась: о расположеніи къ ней князя Антіоха свидѣтельствуетъ человѣкъ совершенно ей чуждый, французскій біографъ сатирика и его ученый парижскій пріятель, аббатъ Гуаско. «Со своею старшею сестрою, говоритъ онъ,—князь всегда сохранялъ тѣсную дружбу. Ихъ склонности были вполнѣ сходныя. Она любила словесность. Онъ часто писалъ къ ней по гречески и по италіански» [2]). Княжна, въ свою очередь, очень дорожила братнею дружбою и въ этомъ отношеніи охотно противополагала младшаго брата другимъ, которые бывали даже невнимательны къ сестрѣ, хотя нерѣдко пользовались ея одолженіями.

---

[1]) См. январьскую и мартовскую книжки „Русской Старины“ за текущій годъ. Пользуемся случаемъ исправить важную опечатку, вкравшуюся во 2-ю статью: на стр. 417, въ строкѣ 3-ей сверху, напечатано: „въ 1734 году“, а должно быть: „въ 1733 году“

[2]) Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie. Londres. MDCCL, p. CIXX.

Переписка, особенно заграничная, сопровождалась въ то время большими затрудненіями. Княжна отправляла свои письма къ брату черезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ и тѣмъ же путемъ получала его отвѣты. Посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ былъ нѣкто Иванъ Павловичъ Суда, служившій въ коллегіи сперва переводчикомъ, а потомъ секретаремъ. Италіанецъ родомъ или объиталіанившійся грекъ, онъ, повидимому, былъ близокъ къ семьѣ Кантемировъ; по крайней мѣрѣ князь Антіохъ питалъ къ нему довѣріе, котораго впрочемъ княжна Марія не раздѣляла; вотъ что̀ писала она младшему брату объ этомъ посредникѣ 8-го августа 1734 года: «Удивляюсь, что вы такъ долго ничего не говорите Судѣ и не пишете графу Остерману, чтобъ онъ приказалъ ему заплатить вамъ свой долгъ. Не довольно ли съ него и той прибыли, которую онъ извлекъ изъ этихъ денегъ? Вамъ непремѣнно слѣдуетъ написать о томъ, да и не слишкомъ довѣрять людямъ, что̀—я знаю—вы часто дѣлаете. Говорила я вамъ, что онъ человѣкъ нечестный, и писала вамъ въ одномъ письмѣ, но мнѣ кажется, вы не получили его, такъ какъ оно было послано чрезъ Суду. Я слыхала даже, что за нимъ водится грѣхъ передавать другимъ чужія письма, чтобы снискать себѣ милость и благорасположеніе. Онъ—ужасный маккіавеллистъ. Всѣмъ такого рода людямъ, по русской пословицѣ, одинъ конецъ: «плутовъ кончина не добра бываетъ», или какъ говорятъ французы, «всѣ политики умираютъ на висѣлицѣ». Любопытно въ этомъ отзывѣ воспоминаніе о Маккіавелли—согласно съ ходячимъ мнѣніемъ о немъ, какъ о хитрѣйшемъ и коварнѣйшемъ изъ политиковъ; въ другомъ, позднѣйшемъ письмѣ (отъ 19-го марта 1737 года) княжна сознавалась, что не читала Маккіавелли, но «политику понимаетъ и умѣетъ угадывать то, о чемъ не говорятъ». Она гордилась своею проницательностью и своимъ умѣньемъ опредѣлять свойства людей. Что касается Суды, то быть можетъ, онъ и не былъ такимъ плутомъ, какъ изображала его княжна,—однако въ отношеніи къ нему ея сужденіе оказалось, къ сожалѣнію, пророческимъ: попавъ, въ исходѣ 1730-хъ годовъ, въ кружокъ Артемія Петровича Волынскаго, гдѣ обсуждались разныя необходимыя для Россіи преобразованія въ государственномъ управленіи, онъ подвергся, вмѣстѣ съ другими членами этого кружка, суровому суду, былъ обвиненъ въ государственномъ преступленіи и казненъ смертью. Какъ бы то ни было, еще задолго до этихъ событій, недовѣріе къ «ужасному маккіавеллисту» побудило княжну Марію искать способовъ переписываться съ братомъ помимо иностранной коллегіи, и она стала отправлять свои письма просто по почтѣ, несмотря на тогдашнюю дороговизну почтовой платы.

Вскрытіе частной корреспонденціи было въ XVIII вѣкѣ совершенно обычнымъ дѣломъ. Княжна Марія хорошо это знала, и потому избѣгала писать брату о дѣлахъ внутренней русской политики. По этой части въ

ея переписке можно указать только на слѣдующее извѣстіе, находящееся въ письмѣ отъ 10-го іюня 1734 года и любопытное, между прочимъ, по той формѣ, въ какой оно было изложено: «Смоленскій губернаторъ, князь съ фамиліей черепахи, пѣлъ на лирѣ; а теперь подъ арестомъ. Какъ я слышала, это уже всѣмъ извѣстно, почему и передаю вамъ эту вѣсть. Вотъ что̀ за человѣкъ онъ былъ. Не слѣдуетъ вамъ довѣрять всякому. У меня все лаконически; лишняго не пишу и не говорю, но умный слышитъ съ полслова». Въ этихъ иносказательныхъ выраженіяхъ княжны Маріи заключалось увѣдомленіе объ участи, постигшей князя Александра Андреевича Черкасскаго. Это былъ одинъ изъ дальнихъ родственниковъ князя-черепахи; при Петрѣ Великомъ онъ былъ отправленъ въ Голландію учиться корабельному дѣлу, а при Екатеринѣ I состоялъ камергеромъ при дворѣ цесаревны Анны Петровны. Въ 1731 году онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ; здѣсь онъ высказывалъ сочувствіе малолѣтнему сыну герцогини Голштинской и желаніе видѣть его преемникомъ императрицы Анны на русскомъ престолѣ; объ этомъ было донесено въ Петербургъ; симпатіи къ прямому потомству Петра были вмѣнены князю въ преступленіе, и въ 1735 году онъ былъ сосланъ въ Жиганское зимовье [1]). Въ 1730 году князь Александръ Андреевичъ принималъ участіе въ совѣщаніяхъ шляхетства, и вѣроятно, въ это время познакомился съ нимъ Антіохъ Кантемиръ. Осторожная княжна Марія, намекая на это знакомство, сочла нужнымъ даже въ совершенно частномъ письмѣ дать понять, что она не питаетъ никакого сочувствія къ такому подозрительному человѣку какимъ оказался арестованный Черкасскій.

Другія новости, которыя княжна Марія сообщала своему брату, были уже совершенно невиннаго свойства и не могли бы подать поводъ къ какимъ-либо разслѣдованіямъ со стороны тайной канцеляріи. Такъ, она извѣщала князя Антіоха о бракахъ, устраивавшихся въ кругу ихъ общихъ знакомыхъ, или же писала просто о городскихъ происшествіяхъ. Напримѣръ, въ ея письмѣ отъ 11-го декабря 1735 года читается слѣдующее: «Никакихъ больше нѣтъ у меня московскихъ новостей, кромѣ развѣ той, что большой колоколъ уже отлитъ, но его еще не успѣли охладить, такъ что онъ еще закрытъ для взоровъ проходящихъ». Это—извѣстный царь-колоколъ, стоящій нынѣ въ Кремлѣ на гранитномъ пьедесталѣ подлѣ колокольни Ивана Великаго. Онъ и предназначался для нея въ замѣнъ стараго колокола, который упалъ и разбился во время пожара 1701 года. Разбитые остатки пролежали

---

[1]) Д. А Корсаковъ. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны, стр. 215; Памятники новой русской исторіи, т. I, стр. 194—306; Русскій Архивъ 1871 г., стр. 035—070.

*

у колокольни болѣе тридцати лѣтъ, пока изъ нихъ, съ прибавкой новаго матеріала, не былъ отлитъ мастерами Иваномъ и Михаиломъ Моториными новый колоколъ въ 14.000 пудовъ; но его не успѣли еще поднять, какъ 29-го мая 1737 года произошелъ новый пожаръ, при чемъ сгорѣлъ шатеръ, покрывающій колоколъ, и упавшее бревно вышибло большой кусокъ у его нижняго края [1]).

И объ этомъ великомъ пожарѣ, истребившемъ полъ-Москвы въ ея южной и западной частяхъ, встрѣчается подробное повѣствованіе въ одномъ изъ писемъ княжны Маріи. «Отъ денежной свѣчки Москва сгорѣла», гласитъ пословица. Народъ сохранилъ въ ней память о дѣйствительной причинѣ бѣдствія, постигшаго Москву въ 1737 году. Изъ записокъ маіора Данилова видно, что пожаръ произошелъ именно отъ свѣчи, зажженной передъ образомъ въ деревянномъ чуланѣ при домѣ родственной Данилову семьи Милославскихъ [2]). Дѣйствіе огня было опустошительное; пожаръ угрожалъ разореніемъ и княжнѣ Маріи, и вотъ чтò по этому поводу писала она брату 21-го августа 1737 года: «Наша Покровка была объята пламенемъ отовсюду; наконецъ, огонь охватилъ и мой домъ, проникнувъ на чердакъ, выходившій въ садъ противъ дома Долгорукихъ. Въ мигъ вспыхнули и самые дома. Слуги мои внѣ себя кидались туда-сюда; но я—вѣрьте мнѣ—даже не смутилась и уговаривала ихъ не плакать, такъ какъ домъ вѣдь не ихній и, какъ деревянный, долженъ былъ сгорѣть рано или поздно, а убытокъ весь понесу я одна. Впрочемъ, и они порядкомъ-таки поплатились, потому что остались въ томъ лишь, чтò на нихъ было. Послѣ того, какъ сгорѣлъ домъ, я поблагодарила господина Трезина за постройку каменнаго флигеля: вы знаете, что по этому поводу онъ прожужжалъ мнѣ уши своими восклицаніями: «Известь и крупный песокъ!» Благодаря тому я спасла все свое имущество: тамъ хранились у меня всѣ драгоцѣнности и книги, которыя вы мнѣ подарили; спасены и вещи обоихъ братьевъ. Только, выходя изъ дома, я не подумала о томъ, что въ этомъ флигелѣ дверь и окна не обмазаны глиной, и что рядомъ съ ними находится не оконченная постройка безъ оконъ и дверей. Нужно приписать чуду, что онѣ не затлѣлись; тамъ стояли шкафы и столы брата Сережи. Господь и икона Божіей Матери сохранили ихъ невредимыми, несмотря на то, что возлѣ находился подвалъ, а въ немъ 500 ведеръ вина, половина котораго принадлежала вамъ. Этотъ подвалъ выгорѣлъ до-тла. Все, чтò было въ сараѣ: кареты, коляски мои и

---

[1]) Русскій Архивъ 1896 г., ч. I, стр. 100; Россія и русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Записки и замѣчанія графа Эрнста Миниха. С.-Пб. 1891, стр. 30.

[2]) Записки артиллеріи маіора М. В. Данилова. М. 1842, стр. 64.

братьевъ, ваши коляска и сани, словомъ—все, что было въ каменныхъ постройкахъ, спасено; за то изъ мелочей домашняго обихода не уцѣлѣло ничего. Весь убытокъ простирается до 2.000 рублей, кромѣ дома. Благодарю Всевышняго за все. Не думайте, чтобъ я сильно горевала. Но мнѣ жаль брата Сережи, у котораго уничтоженъ огнемъ хорошій, недавно отстроенный домъ. Печалитъ меня также погибель моего сада: теперь придется опять ждать лѣтъ пять, пока не выростетъ снова красивая и тѣнистая аллея, какая у меня была тамъ. Во время этого пожара лишилась я милой собачки Перлы и двухъ кошекъ, и вѣрьте мнѣ—я больше сожалѣла о нихъ, чѣмъ о своемъ домѣ. Горькими слезами оплакала я нхъ роковую кончину».

Съ замѣчательною энергіей принялась княжна Марія исправлять ущербы, причиненные ея хозяйству этимъ пожаромъ. Занявъ нѣсколько сотъ рублей и воспользовавшись кое-какими, лежавшими у нея, деньгами брата-посланника, она въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ пожара успѣла выстроить себѣ новую каменную кладовую, погребъ, конюшню и даже деревянный домъ. «На постройку дома я истратила сто-двадцать рублей,—такъ дороги теперь рабочіе и всякіе матеріалы», сообщала она брату, и какъ бы въ оправданіе своихъ расходовъ подкрѣпляла свой разсказъ пословицей: «Нужда законъ измѣняетъ. Жить безъ дома нельзя; надѣюсь, что Господь все устроитъ».

Хозяйственныя способности княжны, ея распорядительность и находчивость въ періоды матеріальныхъ затрудненій не подлежатъ сомнѣнію; по письмамъ ея видно, что изъ такихъ обстоятельствъ она всегда умѣла выходить съ успѣхомъ, не обижая притомъ и своихъ крестьянъ, оброкъ съ которыхъ составлялъ ея главный доходъ. Въ первые годы по вступленіи ея съ братьями во владѣніе пожалованными имѣніями, эти доходы были еще довольно неопредѣленны: оброкъ поступалъ туго. «Нужно терпѣть, писала она брату въ 1734 году 10-го іюня,—по слову апостола Павла: «аще терпимъ, съ нимъ и воцаримся». Жаль крестьянъ—ужь третій годъ у нихъ неурожаи; а если у нихъ нѣтъ денегъ, это отзывается и на насъ. Мы теперь очень нуждаемся; поэтому, пожалуйста, не сердитесь, что я, не предупредивъ васъ, взяла столько денегъ и заплатила подати за братьевъ. Положеніе ужасное: нашимъ людямъ не даютъ прохода и сажаютъ ихъ въ острогъ». Тѣ же жалобы и тѣ же сожалѣнія повторяла она и въ другомъ письмѣ того же года, отъ 8-го августа: «Приходится терпѣть и сидѣть сложа руки. Что дѣлать! Не одни наши мужики такъ бѣдны. Я очень рада, что долго прожила въ деревнѣ: тамъ расходу меньше, чѣмъ въ Москвѣ». Обстоятельства княжны однако

скоро поправились, и, какъ мы уже видѣли, въ 1737 году, она безъ особенныхъ стѣсненій перенесла и исправила убытки отъ пожара.

А между тѣмъ, и въ 1737 году, и въ предшествующемъ, дѣти покойнаго господаря еще разъ подвергались опасности лишиться всего своего благосостоянія. Вдова князя Димитрія, какъ уже было сказано, осталась не удовлетворенною въ своемъ ходатайствѣ на счетъ предоставленія ей законной четвертой части мужниныхъ недвижимыхъ имѣній. Въ 1736 году она просила императрицу Анну приказать пересмотрѣть это дѣло. Искъ княгини Анастасіи Ивановны относился, собственно говоря, къ одному князю Константину, какъ владѣльцу маіората; но при допросѣ, произведенномъ въ особо наряженномъ «вышнемъ судѣ», онъ подалъ показаніе, что до 1729 года всѣ дѣти покойнаго господаря владѣли его имѣніями совмѣстно, почему и искъ мачихи долженъ быть обращенъ къ нимъ ко всѣмъ. Братья князя Константина не отрицали, что въ теченіе шести лѣтъ со смерти отца пользовались доходами съ его имѣній, но, какъ кадеты, неучастники въ маіоратѣ, отказались принять на себя какую-либо долю въ удовлетвореніи требованій мачихи. Тѣмъ не менѣе, юстицъ-коллегія постановила подвергнуть описи и оцѣнкѣ пожалованныя имъ имѣнія, а доходы съ нихъ опредѣлила собирать въ казну. Чтобы хлопотать по этому сложному дѣлу, княжнѣ Маріи пришлось пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ она и провела зиму 1736—1737 годовъ, съ ноября по мартъ. Соглашеніе пасынковъ и падчерицы съ мачихой оказывалось дѣломъ очень нелегкимъ. Княгиня Анастасія Ивановна собиралась въ то время вступить во второй бракъ съ находившимся въ русской службѣ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ Людвигомъ-Вильгельмомъ; возможность этого брака льстила тщеславію вдовы господаря, но знатный женихъ былъ кругомъ въ долгахъ и требовалъ, чтобы невѣста уплатила ихъ еще до свадьбы; ей, стало быть, нужны были большія деньги, и потому-то княгиня проявляла несговорчивость. Она разсчитывала на то, что тесть Константина Кантемира, нѣкогда содѣйствовавшій переходу маіората въ его руки, старикъ Д. М. Голицынъ, находится теперь въ опалѣ и, слѣдовательно, не въ состояніи защищать интересы зятя. Мало того: при разсмотрѣніи дѣла въ вышнемъ судѣ было найдено, что Голицынъ допустилъ разнаго рода неправильности при утвержденіи маіората за княземъ Константиномъ; Голицына подвергли допросу и суду, а Константину Кантемиру предстояло лишиться всѣхъ своихъ вотчинъ, такъ какъ сдѣланные на него начеты превышали самую ихъ стоимость. Та же участь грозила и всѣмъ остальнымъ членамъ Кантемировой семьи, если-бъ искъ, предъявленный княгинею Анастасіей Ивановной, былъ признанъ правильнымъ во всемъ своемъ объемѣ.

Все это не могло не тревожить княжны Маріи. По пріѣздѣ въ Пе-

тербургъ она представилась императрицѣ, которая заговорила съ нею объ ея братѣ-посланникѣ. Анна Іоанновна, очевидно, знала, что князь Антіохъ умѣлъ хорошо поставить себя при Сентъ-Джемсскомъ дворѣ и между прочимъ пользовался вниманіемъ королевы Каролины. Государыня похвалила его за любовь къ порядку и сказала: «Онъ хорошо живетъ». Сообщая эти слова въ письмѣ къ брату отъ 30-го ноября 1736 года, княжна прибавляла: «Я, поклонившись какъ слѣдуетъ, поблагодарила государыню. И не мнѣ одной дала она такой отзывъ о васъ; многимъ другимъ случалось его слышать. Это приноситъ вамъ честь». Не всѣ однако петербургскія впечатлѣнія княжны Маріи были на этотъ разъ столь же пріятны. Мачиха была съ нею ласкова и говорила, что не прочь оказать снисхожденіе князьямъ Сергѣю и Антіоху, но письменно подтвердить это обѣщаніе отказалась; князю Матвѣю она не хотѣла ничего уступить, а въ отношеніи князя Константина проявила полную безпощадность и грозила отобрать у него всѣ его вотчины въ удовлетвореніе своего иска. Княжна посѣтила также разныхъ сановныхъ лицъ и, разумѣется, говорила съ ними о тревожившихъ ее дѣлахъ, но извлекла мало пользы изъ этихъ бесѣдъ. Вотъ что̀ послѣ того, 9-го января 1737 года, писала она брату: «Черепаха никуда не годится; онъ, съ одной стороны, бездѣятеленъ, а съ другой — и не имѣетъ вліянія. Остальные сановники нейтральны, хотя каждый изъ нихъ умѣетъ отличать правду отъ кривды». Все это повергало княжну въ грустное настроеніе, и сообщая брату о такихъ прискорбныхъ новостяхъ, она считала нужнымъ дополнить свой разсказъ увѣщаніями не огорчаться ими и переносить невзгоды съ терпѣніемъ Іова. Былъ, впрочемъ, въ этомъ письмѣ княжны и другой совѣтъ брату, уже чисто житейскаго свойства, но облеченный въ иносказательную форму. «Иногда, писала княжна, — лебедь доставляетъ намъ своимъ голосомъ больше удовольствія, чѣмъ ласточка, которая, безпокоя людей своимъ щебетаньемъ (какъ я — сановниковъ), въ концѣ концовъ совершенно разрушаетъ свое гнѣздышко... Зачѣмъ многословить? Умный пойметъ съ полслова». Другими словами: сестра предлагала брату самому выступить ходатаемъ по общему дѣлу ихъ семьи.

Какъ ни умна была княжна Марія, однако на сей разъ она обнаружила недостатокъ проницательности. Придворные люди отмалчивались передъ московскою фрейлиной, но твердо памятовали о благоволеніи государыни къ князю Антіоху и хорошо знали, что оно одно можетъ спасти участь семьи Кантемировъ. Въ виду того крайнее упорство княгини Анастасіи Ивановны въ своихъ, несомнѣнно преувеличенныхъ, требованіяхъ могло обратиться ей же самой во вредъ; поэтому, чтобы подготовить судебное рѣшеніе спорнаго дѣла въ смыслѣ болѣе или менѣе благопріятномъ для всѣхъ сторонъ, нужно было прежде всего

добиться уступокъ отъ княгини. Это очень ясно разсудилъ князь-черепаха, и вотъ, еще 21-го декабря 1736 года, то-есть, почти за три недѣли до того, какъ княжна Марія написала брату унылое письмо, въ которомъ осуждала безучастіе Черкасскаго, послѣдній рѣшился самъ высказать князю Антіоху свои совѣты. Почти съ самаго прибытія въ Англію Кантемиръ сталъ хлопотать объ увеличеніи своего посольскаго жалованья; изъ Петербурга ему постоянно отвѣчали уклончивыми отговорками, теперь же, въ самый разгаръ процесса между княгинею Анастасіей Ивановною и ея пасынками, осторожный князь Алексѣй Михайловичъ написалъ лондонскому посланнику слѣдующее: «О прибавкѣ жалованья хотя несумнѣнное чаяніе было, однако же воспрепятствовало тому дѣло брата вашего съ мачихою вашею, по которому вы всѣ обвинены, и на вашу персону положено иску 21.000 слишкомъ, кромѣ того, что̀ впредь прибавится, да съ того иску пошлины. Однако же, во извѣстіе ваше доношу, что мачиха съ вашей персоны и съ князя Сергѣя ничего брать не намѣрена, а говоритъ, что ежели-де онъ отпишетъ ко мнѣ да пришлетъ какую галантерею, то на томъ-де у насъ и сдѣлка будетъ, и крѣпость какую-де хочетъ дамъ. Того ради не соизволите ли отписать къ ней въ почтительныхъ и благопріятныхъ терминахъ и притомъ прислать ей изъ галантереи какую-нибудь ефимковъ десятка въ два или три, а паче такую, какая къ уборамъ женскимъ прилична, изъ шитыхъ или тканыхъ, что̀ только бъ курьезно и новомодно было. Дай Боже, чтобъ сія тягость съ васъ благополучно сошла. А о снятіи пошлины въ покорныхъ терминахъ извольте черезъ письмо просить оберъ-камергера и притомъ напомянуть прошеніемъ о прибавкѣ жалованья. Сія прошу изодрать» [1]). Княгиня Анастасія Ивановна была большая модница: Черкасскій ловко придумалъ подѣйствовать на женскую слабость, чтобы расположить княгиню въ пользу Антіоха Кантемира.

Лондонскій посланникъ не замедлилъ воспользоваться совѣтомъ своего петербургскаго благопріятеля: написалъ мачихѣ самое почтительное письмо съ просьбой пощадить какъ его самого, такъ и Сергѣя съ Матвѣемъ, и въ то же время поручилъ Сергѣю увѣдомить княгиню, что требуемая галантерея, не то, что въ двадцать или тридцать ефимковъ, но гораздо дороже, будетъ ей выслана «на первомъ кораблѣ». Это простое средство умилостивить мачиху оказалось очень дѣйствитель-

---

[1]) Подлинникъ этого письма хранится въ государственномъ архивѣ. Копія съ него, вмѣстѣ съ другими, доставлена профессоромъ Варшавскаго университета В. Н. Александренкомъ во II-е отдѣленіе Академіи наукъ, которое печатаетъ нынѣ переписку князя А. Д. Кантемира. Изъ того же сборника извлечены еще нѣкоторыя приводимыя ниже данныя, относящіяся къ излагаемому дѣлу.

нымъ: тщеславная княгиня, въ надеждѣ блеснуть новомоднымъ нарядомъ при дворѣ, который уже начиналъ славиться своею роскошью, немедленно смягчилась; съ ея согласія производство описи надъ имуществомъ Кантемировъ-кадетовъ было пріостановлено, а затѣмъ и совсѣмъ прекращено. Для княжны Маріи всѣ эти обстоятельства были полною неожиданностью; какъ и кѣмъ они были подготовлены—она ничего о томъ не знала, пока находилась въ Петербургѣ, и только въ исходѣ марта 1737 года, по возвращеніи своемъ въ Москву, могла извѣстить брата объ устраненіи грозившей опасности. Очевидно, свѣдѣнія доходили до нея не прямымъ путемъ. Дружественное участіе молчаливаго Черкасскаго оставалось для нея тайною, повидимому, довольно долго: даже полгода спустя, въ концѣ августа, она все еще продолжала роптать на его бездѣятельность и писала брату: «Не могу понять, чего раздумываетъ черепаха; вѣроятно, намѣренъ проявить свою доброту въ болѣе удобное время, и процессъ, разыгрывающійся у него на глазахъ, напоминаетъ ему исторію о томъ человѣкѣ, который взялся выучить осла говорить въ теченіе тридцати лѣтъ» [1]). Читая эти строки, князь Антіохъ не могъ не подумать, что сестра въ данномъ случаѣ разыгрываетъ отчасти роль мухи при дорожныхъ; на ея ворчливую выходку этотъ меланхоликъ не безъ скрытой ироніи отвѣчалъ оптимисти-

---

[1]) Княжна намекаетъ на извѣстную восточную сказку, одинъ изъ варіантовъ которой былъ переведенъ М. А. Гамазовымъ и напечатанъ въ „Запискахъ Восточн. Отдѣленія Имп. Русск. Археолог. Общества“, т. V; только по этому варіанту срокъ выучки осла не тридцатилѣтній, а пятилѣтній. Содержаніе сказки видно изъ разговора нѣкоего Мехмеда со своею женой; приводимъ этотъ разговоръ, составляющій заключеніе сказки:

„Мнѣ этого осла халифъ отдалъ въ науку.
„Взялся въ пять лѣтъ я научить
„Осла царева говорить!“
— „Спасибо за услугу!“
Жена кричитъ забавнику супругу.
„Ты спятилъ, кажется, съ ума!..“
Мехмедъ въ отвѣтъ: „Мнѣ царь и то сказалъ,
„Что если я солгалъ,
„И говорить осла заставить не сумѣю,
„То съ головой проститься я имѣю.
„Но ты подумай только объ одномъ,
„Что въ пять-то эти лѣтъ все можетъ стать вверхъ дномъ:
„Иль окачурюсь я, ословъ учитель,
„Иль дуду дастъ самъ повелитель,
„Иль околѣетъ ученикъ;
„А между тѣмъ... вѣдь срокъ великъ:
„Пусть думаютъ, что я ословъ учу и школю, —
„На царскомъ-то ослѣ я покатаюсь въ волю!“

ческими увѣщаніями (25-го октября 1737 года): «Не огорчайтесь нашими несчастіями, потому что дѣло достигло той точки, на которой оно не можетъ остановиться, не измѣнившись къ лучшему».

Какъ бы то ни было, съ того момента, когда Кантемиръ рѣшился послѣдовать совѣту Черкасскаго, процессъ, возникшій вслѣдствіе иска вдовы господаря, принялъ болѣе покойное теченіе. Разумѣется, для его окончанія потребовалось еще немало усилій со стороны князя Антіоха. Порой у мачихи возникали новыя сомнѣнія и колебанія, о которыхъ мало довѣрявшая ей падчерица спѣшила извѣщать брата, и ему не разъ еще приходилось возобновлять свои ходатайства, между прочимъ обращаться за помощью къ оберъ-камергеру, то-есть, къ «всесильному» Бирону (княжна Марія вскорѣ, изъ осторожности, перестала давать ему это прозваніе). Не подлежитъ сомнѣнію, что заявленія дипломата, услуги котораго были памятны государынѣ, принимались въ Петербургѣ во вниманіе и въ общемъ оказали благопріятное вліяніе на исходъ дѣла. Въ концѣ концовъ Кантемиры-кадеты не поплатились ничѣмъ; только владѣльцу маіората, князю Константину, пришлось понести отвѣтственность передъ мачихой; но и ему была предоставлена возможность покончить съ нею на льготныхъ условіяхъ. Совершенная развязка процесса послѣдовала однако не ранѣе 1739 года.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что какъ ни старалась княжна Марія, со времени своего водворенія въ Москвѣ, устроить свою жизнь покойно и независимо, это ей не удавалось. Общія матеріальныя нужды семьи Кантемировъ дважды заставляли ее предпринимать поѣздки въ Петербургъ ко двору императрицы Анны; по возвращеніи изъ второй поѣздки, менѣе удачной, чѣмъ первая, пожаръ 29-го мая 1737 года вызвалъ княжну на новыя хлопоты. Едва она устроилась въ возстановленномъ домѣ, какъ еще одно неожиданное происшествіе опять повергло ее въ смущеніе и тревогу: къ княжнѣ присватался новый женихъ. 10-го ноября 1737 года она писала брату: «Вотъ уже пятый день, какъ меня безпокоитъ одно немаловажное обстоятельство. Многіе предлагаютъ мнѣ совѣты, но ваше мнѣніе для меня всѣхъ дороже. Вамъ Богъ поможетъ. Не знаю, слыхали ли вы о нѣкоемъ Наумовѣ, Ѳедорѣ Васильевичѣ; онъ желалъ бы жениться на мнѣ. Я видѣла его, говорила съ нимъ и объявила, что безъ вашего совѣта ни на что̀ не рѣшусь. Затѣмъ, на вопросъ о приданомъ и объ обычной у нихъ (то-есть, у русскихъ) «рядной» я почти съ гнѣвомъ отвѣчала ему, что у меня только и есть, что̀ онъ видитъ на мнѣ [1]); если онъ тѣмъ доволенъ, то и ладно; если—нѣтъ,

---

[1]) Очевидно, княжна, принимая искателя ея руки, надѣла на себя драгоцѣнности, завѣщанныя ей отцомъ.

то мнѣ нечего и писать къ вамъ по-пусту. Однако, онъ изъ расположенія, которое, повидимому, питаетъ ко мнѣ, предоставилъ на мою волю— составлять роспись приданому или не составлять. Я сказала ему только, что какое бы ни было у меня имущество, движимое или недвижимое, оно навсегда останется моею собственностью, которую я со временемъ переведу на ваше имя, и что братья наши не будутъ тому препятствовать... Севастъ и Камарашъ, которые, конечно, любятъ меня искренно, говорятъ, что онъ—во-первыхъ, человѣкъ добрый, во-вторыхъ, родовитый, въ-третьихъ, генералъ-лейтенантъ, владѣетъ многими вотчинами и богатъ. Впрочемъ, хоть я теперь и бѣдна, я не желала бы мѣнять свою фамилію ради его богатства и будущности. Если на то Божья воля, мой долгъ—покориться: «нужда законъ измѣняетъ». Онъ не такъ старъ: ему пятьдесятъ лѣтъ».

Ѳ. В. Наумовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣльцовъ-администраторовъ, которыхъ воспитала суровая служба Петровскаго времени. Онъ приходился свойственникомъ знаменитому князю Якову Ѳедоровичу Долгорукому, первая жена котораго была изъ рода Наумовыхъ, въ молодости состоялъ при немъ адъютантомъ, потомъ служилъ въ ревизіонъ- и камеръ-коллегіяхъ, а въ 1726 году былъ назначенъ сенаторомъ и въ 1728 году, уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, посылался въ Малороссію для присутствованія при избраніи гетмана Даніила Апостола. Во время волненій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ императрицы Анны, Наумовъ принадлежалъ къ одной изъ шляхетскихъ группъ, подававшихъ проекты государственнаго переустройства, къ группѣ, наиболѣе склонной войти въ соглашеніе съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ; поэтому, когда рѣшенъ былъ вопросъ объ уничтоженіи кондицій и самого совѣта, Наумовъ, вмѣстѣ съ другими членами своей группы, оказался «въ великомъ подозрѣніи и въ стыдѣ»; наложенная на него опала выразилась тѣмъ, что въ 1732 году онъ былъ отправленъ въ заволожскую глушь для устройства Новой Закамской сторожевой линіи [1]). Вѣроятно, незадолго до своего сватовства возвратился онъ изъ этой почетной ссылки, и ему вновь открылась возможность видной службы; дѣйствительно, въ 1738 году состоялось его назначеніе петербургскимъ вице-губернаторомъ. Въ 1737 году Наумовъ былъ вдовцомъ и имѣлъ малолѣтнюю дочь; значительное состояніе, которымъ онъ обладалъ, перешло къ нему, по крайней мѣрѣ отчасти, въ силу завѣщанія одного изъ его родственниковъ, судившагося за казнокрадство, приговореннаго къ смертной казни, но

---

[1]) На рѣки Кинели, въ нынѣшней Самарской губерніи, которая въ первой половинѣ XVIII вѣка была еще пустынною мѣстностью, безъ всякаго почти русскаго населенія.

избавившагося отъ нея благодаря предстательству Өедора Васильевича и по ходатайству князя Я. Ө. Долгорукаго [1]).

Очевидно, Наумовъ искалъ руки княжны Маріи не по расположенію къ ней, а по разсчету, надѣясь, что у нея есть большія связи при чуждомъ ему Анненскомъ дворѣ, а можетъ быть, и большія деньги. Сватовство было начато черезъ посредниковъ, и любопытно, что люди, близкіе къ семьѣ Кантемировъ, даже любимецъ покойнаго господаря, вывезенный имъ изъ Цареграда, Антіохъ Камарашъ, на глазахъ котораго выросла княжна Марія, желали этого брака. Надобно думать, что личное объясненіе съ княжной охладило намѣреніе сватавшагося. По крайней мѣрѣ въ ея дальнѣйшихъ письмахъ къ брату нѣтъ уже рѣчи объ этомъ дѣлѣ, да и князь Антіохъ (судя по сохранившимся письмамъ) ничего не отвѣчалъ даже на первое о томъ увѣдомленіе. Короче говоря, съ этимъ сватовствомъ повторилось то же, что̀ съ предложеніями, сдѣланными княжнѣ Маріи въ Петербургѣ въ 1733 году. На исходѣ четвертаго десятка ей не легко было мѣнять свободу своего одиночества на бракъ съ человѣкомъ, сильно помятымъ жизнью, да еще не бездѣтнымъ [2]).

Откровенная переписка съ жившимъ за границею братомъ не только составляла одну изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ въ томъ уединенномъ быту, который старалась устроить себѣ княжна Марія, но вмѣстѣ съ тѣмъ служила едва ли не единственною связью, соединявшею старѣющую

---

[1]) Свѣдѣнія о Ө. В. Наумовѣ см. въ Русскомъ Архивѣ 1885 года, кн. I, стр. 383, и кн. II, стр. 230, 232 и 289; въ Русской Старинѣ 1874 г., т. IX, стр. 185, и 1878 г., т. XXIII, стр. 743; въ Сборникѣ Имп. Русск. Истор. Общества, тт. 55, 56, 63, 69, 79, 84 и 94; въ Памятникахъ нов. русск. исторіи, т. II, отд. 2-е, стр. 209; въ сочиненіи Д. А. Корсакова: Воцареніе императрицы Анны Іоанновны, стр. 234, и въ сочиненіи П. Н. Петрова: Исторія С.-Петербурга, стр. 350. По возвращеніи въ Петербургъ въ 1738 году Наумовъ сдѣлался вѣрнымъ слугой новыхъ сановниковъ; въ 1739 году состоялъ членомъ коммиссіи, судившей князей Долгорукихъ, а въ 1740 году участвовалъ въ разслѣдованіи дѣла Волынскаго; при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ онъ былъ назначенъ генералъ-полиціймейстеромъ и снова сенаторомъ, а умеръ въ 1760 году. Женатъ онъ былъ на дочери сенатора Михаила Михаиловича Самарина; изъ его дѣтей отъ этого брака достигла совершеннолѣтія только одна дочь Анна, бывшая за княземъ Андреемъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ; она унаслѣдовала отъ отца богатую Кіясовскую вотчину въ Коломенскомъ уѣздѣ, о которой см. записки А. Т. Болотова, т. III, ст. 363 и слѣд.

[2]) Получивъ отказъ отъ княжны Маріи, Ө. Я. Наумовъ не оставилъ однако мысли о бракѣ: въ 1740 году онъ уже былъ женатъ, и вторая его жена, Марія Николаевна, упоминается въ числѣ участницъ въ погребальной процессіи императрицы Анны (Внутренній бытъ Русскаго государства 1740—1741 годовъ, кн. I, стр. 476). Дѣтей отъ второго брака Ө. В. Наумова не извѣстно.

московскую фрейлину съ тѣмъ, что̀ выходило изъ круга ея домашнихъ и семейныхъ интересовъ. Видное мѣсто въ этой перепискѣ занимаютъ, съ одной стороны, отчеты сестры въ исполненіи братниныхъ порученій, а съ другой—свѣдѣнія о книгахъ, которыя она читала, и отзывы о нихъ. Княжна знала, что, говоря объ этихъ предметахъ, она въ особенности можетъ угодить брату и занять вниманіе этого умнаго и просвѣщеннаго человѣка.

Князь Антіохъ нерѣдко посылалъ сестрѣ изъ Лондона, а потомъ и изъ Парижа, разные подарки: женскіе уборы, матеріи, дорогую посуду, картины, книги и, въ свою очередь, просилъ ее дѣлать закупки въ Москвѣ; по большей части онѣ производились не для него лично, а по желанію другихъ лицъ. Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Англіи, несмотря на полуторавѣковыя торговыя сношенія, еще очень мало знали о Россіи, такъ что для англичанъ имѣли цѣну даже тѣ поверхностныя свѣдѣнія, какія были собраны о ней графомъ Франческо Альгаротти. Это былъ молодой, способный и образованный итальянецъ, жившій въ то время въ Англіи, гдѣ онъ познакомился и съ Кантемиромъ. Изъ Лондона онъ отправился «объѣзжать сѣверные дворы» и лѣтомъ 1739 года посѣтилъ Петербургъ, «это, какъ онъ счастливо выразился,—огромное окно, недавно прорубленное на сѣверѣ, и въ которое Россія смотритъ на Европу». Свои путевыя впечатлѣнія Альгаротти излагалъ въ письмахъ къ своему англійскому пріятелю, лорду Гервею. Между прочимъ, онъ описываетъ внѣшнюю торговлю Россіи и, перечисляя статьи вывоза, обращаетъ особенное вниманіе на два предмета: на русскіе мѣха и на проникавшія въ Россію произведенія Китая. Альгаротти напоминаетъ, что Сибирь снабжаетъ Европу превосходными горностаями, соболями, бѣлымъ волкомъ и чернобурыми лисицами. «Есть, говоритъ онъ,—мѣха, которые, благодаря своей пушистости, длинѣ ости, цвѣту и блеску, достигаютъ очень высокихъ цѣнъ, невѣроятныхъ въ нашихъ краяхъ; чтобы различать достоинства мѣха, глазъ у русскаго скорняка такъ же изощренъ, какъ у англійскаго ювелира — для опредѣленія воды брильянта». Затѣмъ итальянскій путешественникъ обращаетъ вниманіе на то, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ одни русскіе ведутъ сухопутную торговлю съ Китаемъ: получаютъ оттуда чай, шелкъ, ткани, фарфоръ путемъ мѣны и продаютъ ихъ въ другія страны за деньги: порядки этой торговли, находившейся тогда въ рукахъ русскаго правительства, онъ описываетъ со словъ Л. Ланга, неоднократно сопровождавшаго наши торговые караваны въ Пекинъ; кромѣ того, въ Петербургѣ Альгаротти удалось видѣть аукціонъ китайскихъ товаровъ, производившійся во дворцѣ въ присутствіи самой императрицы [1]). Конечно, свѣдѣнія, сообщаемыя

[1]) Opere del conte Algarotti. T. V. In Livorno. MDCCLXIV, pp. 67, 74 –78

Альгаротти, очень недостаточны: ни мягкая рухлядь, ни тѣмъ паче произведенія Китая не составляли главныхъ статей русскаго отпуска; но собранныя для англійскаго аристократа, свѣдѣнія эти любопытны, какъ указанія на тѣ вывозимые изъ Россіи предметы роскоши, которые по своей рѣдкости особенно интересовали въ то время высшее англійское общество. Для полученія ихъ англійскія леди и пребывавшіе въ Лондонѣ иностранные дипломаты обращались къ посредничеству русскаго посланника, и Кантемиръ охотно брался за это дѣло. Тутъ-то и была ему нужна помощь сестры.

Собственно по выпискѣ китайскихъ издѣлій старанія Кантемира оказались малоуспѣшными: она не могла принять значительные размѣры, и присылаемыми изъ Россіи китайскими вещами онъ могъ воспользоваться почти исключительно для самого себя. Главнымъ образомъ Кантемиръ обращался къ сестрѣ съ просьбами о доставкѣ ему китайскихъ тканей. Со временъ Петра I, когда китайскій торгъ особенно поощрялся, при русскомъ дворѣ и у богатыхъ людей вошло въ обычай обивать стѣны парадныхъ комнатъ китайскими узорчатыми матеріями. Въ 1722 году значительную партію ихъ вывезъ изъ Пекина, по желанію государя, капитанъ Л. В. Измайловъ, отправленный для заключенія торговаго договора [1]), и часть этихъ матерчатыхъ обоевъ была употреблена на убранство царскихъ дворцовъ. Кантемиру, когда онъ устраивался въ Лондонѣ, хотѣлось примѣнить тотъ же обычай къ отдѣлкѣ своего посольскаго помѣщенія; но на первый запросъ, обращенный къ сестрѣ, онъ получилъ мало удовлетворительный отвѣтъ. «Требуемыхъ вами обоевъ, писала она 5-го апрѣля 1736 года,—нѣтъ въ Москвѣ ни куска, а караванъ (изъ Китая), какъ мнѣ сообщаютъ, придетъ не ранѣе, какъ черезъ два слишкомъ года». Тѣмъ не менѣе, послѣ поисковъ въ московскомъ гостиномъ дворѣ, княжна нашла возможность выслать брату четыре куска вышитыхъ красныхъ и темносинихъ обоевъ китайской работы, по четыре аршина каждый, цѣною въ триста рублей, но отправляя ихъ, сочла нужнымъ сказать: «Я знаю впрочемъ, что эти обои не будутъ вамъ годиться, тѣмъ болѣе, что они разныхъ цвѣтовъ». По всему вѣроятію, такъ оно и оказалось; по крайней мѣрѣ, послѣ смерти князя Антіоха, въ его имуществѣ не нашлось такихъ обоевъ; весьма возможно, что еще въ Лондонѣ онъ перепродалъ ихъ въ другія руки. Когда Кантемиръ былъ переведенъ изъ Англіи на дипломатическій постъ въ Парижъ, онъ снова обратился къ сестрѣ съ просьбой о высылкѣ ему китайскихъ обойныхъ матерій. «Прошу васъ, писалъ онъ ей 1-го сентября 1740 года,—поискать въ

---

[1]) Дневникъ камеръ-юнкера Беркгольца, ч. II, стр. 111—118.

Москвѣ китайскихъ тканей тѣхъ цвѣтовъ, какихъ онѣ обыкновенно бываютъ, то-есть, краснаго, желтаго и павлиньяго, въ родѣ тѣхъ, что̀ были у князя Никиты Трубецкого въ спальнѣ, или тѣхъ, что̀ вы видѣли въ передней у государыни въ Москвѣ и въ Анненгофѣ. Если найдутся подобныя ткани, то мнѣ хотѣлось бы знать ихъ ширину и стоимость аршина. Чѣмъ скорѣе отвѣтите мнѣ, тѣмъ болѣе обяжете». На этотъ разъ просьба князя Антіоха, повидимому, была удовлетворена, и въ его предсмертномъ завѣщаніи, составленномъ въ Парижѣ, дѣйствительно упоминаются «обои красные, зеленые и желтые камчатные», которые онъ оставилъ въ наслѣдство братьямъ. Кромѣ обойныхъ матерій, княжна Марія посылала Антіоху одѣяло китайской работы изъ атласа, съ вышитыми на немъ деревьями и птицами. Наконецъ, ей случалось отправлять брату чай, до котораго онъ былъ большой охотникъ.

Совсѣмъ иной характеръ имѣло содѣйствіе княжны Маріи по доставкѣ Антіоху Кантемиру русскихъ мѣховъ. Порученія о томъ онъ сталъ давать сестрѣ со второго же года своего пребыванія въ Лондонѣ; его первыя просьбы застали княжну Марію въ Петербургѣ, гдѣ она проводила весну 1733 года; но въ тамошнемъ гостиномъ дворѣ не нашлось хорошихъ мѣховъ, и потому, по возвращеніи въ Москву, княжна писала брату (25-го октября): «Не гнѣвайтесь, что я не послала вамъ синчапокъ [1]) на кораблѣ. Вышлю ихъ со-временемъ. Да не хотите ли горностаевъ? Могу доставить, такъ какъ ихъ легче сыскать, чѣмъ синчапокъ». Князь согласился на это предложеніе, но княжна, вопреки собственному вызову, оказалась въ затрудненіи выполнить его; только 8-го августа 1734 года она могла извѣстить брата, что отправила ему три мѣха: одинъ лисій и двѣ синчапки; объ остальныхъ же она сообщала: «Горностаевъ постараюсь найти, но не такъ скоро; они теперь попадаются рѣдко, и какъ вы знаете, въ Россіи никто не носитъ ихъ съ хвостами». Однако, мѣсяцъ спустя послѣ этого письма, добротные горностаи были найдены, и посылая ихъ, княжна писала брату (18-го сентября): «Мѣхъ, по моему мнѣнію, хорошъ, но я нашла его съ трудомъ, послѣ двухмѣсячныхъ поисковъ». Княжна не означила на сей разъ цѣны посылаемаго мѣха, такъ какъ просила брата принять его въ подарокъ отъ нея. Но впослѣдствіи она стала высылать мѣха уже просто по заказамъ князя Антіоха и, разумѣется, за деньги; такъ, лѣтомъ 1735 года она отправила изъ Москвы сразу сто горностаевыхъ шкурокъ, а лѣтомъ 1737 года—еще пятьдесятъ; послѣднія требовались для Кантемирова пріятеля, португальскаго посланника въ Лондонѣ Азеведо; отправляя ихъ,

---

[1]) Синчапкой княжна Марія называетъ бѣличій мѣхъ; это обрусѣлая форма слова синджаб, общаго языкамъ арабскому, персидскому и турецкому и означающаго бѣлку, бѣличью шкурку, бѣличій мѣхъ.

княжна извинялась, что не можетъ доставить ихъ въ большемъ количествѣ, такъ какъ пожаръ, незадолго передъ тѣмъ опустошившій Москву, истребилъ много пушнаго товара, и цѣны на него возросли. Для того же Азеведо князь Антіохъ поручалъ сестрѣ покупать соболья мѣха и медвѣжьи шкуры; они были высланы въ Лондонъ въ 1736 году, при чемъ четыре соболя, назначавшіеся для обшивки рукавовъ на шубу, обошлись въ 68 рублей, а восемь медвѣжьихъ шкуръ стоили по 3 рубля 50 копѣекъ каждая. Подобныя указанія, встрѣчающіяся въ письмахъ княжны Маріи, не лишены значенія для исторіи цѣнъ въ Россіи. Можно думать, что вообще изъ сбыта русскихъ мѣховъ въ Англію предпріимчивая сестра русскаго посланника сдѣлала небезвыгодную для себя операцію, тѣмъ болѣе, что ей открылась возможность получать горностаевъ, для отправки въ Лондонъ, изъ нижегородской вотчины Кантемировъ; въ то время этотъ дорогой пушной звѣрекъ еще водился въ окрестностяхъ Мурашкина, а въ самомъ селѣ уже существовалъ скорняжный промыселъ, процвѣтающій тамъ и понынѣ [1]).

Дѣловая смышленость княжны Маріи дѣлала ее способною къ подобнымъ чисто практическимъ занятіямъ; но въ то же время умъ ея требовалъ иной пищи, и среди своихъ хозяйственныхъ заботъ она не утрачивала интересовъ отвлеченныхъ. Княжна съ дѣтства любила чтеніе и въ юности могла удовлетворять своей любознательности въ отцовской библіотекѣ, подъ прямымъ руководствомъ князя Димитрія. Послѣ его кончины младшій братъ княжны сталъ ея главнымъ совѣтникомъ по части самообразованія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Антіоху (отъ 12-го сентября 1734 года) она напомнила ему, какъ, еще живя въ Москвѣ, онъ переводилъ для нея отрывки изъ сочиненія Іосифа Флавія «Объ Іудейской войнѣ», которое самъ читалъ по французски. При отъѣздѣ за границу братъ оставилъ въ ея распоряженіи всѣ свои книги, а самъ еще на пути въ Англію, въ Гагѣ, сдѣлалъ много книжныхъ пріобрѣтеній и такимъ образомъ положилъ начало новой своей библіотекѣ, которую затѣмъ продолжалъ пополнять въ теченіе всей своей дипломатической службы [2]). И изъ этого книжнаго запаса онъ по временамъ высылалъ кое-что своей сестрѣ. Съ благодарностью принимая эти подарки, княжна въ своихъ письмахъ къ брату обыкновенно помѣщала перечни полученныхъ книгъ. Эти-то перечни и знакомятъ насъ до нѣкоторой степени съ тѣмъ кругомъ чтенія, которымъ она пробавлялась въ своемъ московскомъ уединеніи.

---

[1]) Русскій Архивъ 1875 г., т. I, стр. 116—120; Нижегородскій Сборникъ, издаваемый А. С. Гацисскимъ, т. IX, стр. 227—288.

[2]) Послѣ смерти Антіоха Кантемира въ Парижѣ въ 1744 году была составлена опись его библіотеки, и въ ней оказалось 847 сочиненій и до 1000

Мы не знаемъ состава библіотеки стараго Кантемира, но судя по характеру его образованія, имѣемъ основаніе думать, что княжна Марія находила въ ней преимущественно сочиненія богословскаго содержанія, напримѣръ, творенія отцовъ церкви, да развѣ еще важнѣйшія произведенія древне-классической литературы. Слѣды знакомства съ тѣми и другими можно видѣть въ письмахъ дочери покойнаго господаря. Умственные интересы князя Антіоха, который закончилъ свое ученіе подъ руководствомъ петербургскихъ академиковъ, были и шире, и разнообразнѣе отцовскихъ; онъ ближе стоялъ къ умственному движенію своего времени. Однимъ изъ вопросовъ, занимавшихъ въ ту пору передовые умы, было обсужденіе сравнительнаго достоинства древнихъ и новыхъ писателей. Пока споръ ограничивался одною сферой изящной словесности и, стало быть, не выходилъ изъ области литературной критики, еще можно было утверждать, что великими писателями классической древности уже достигнуты высшія грани словеснаго искусства; но какъ только пренія были перенесены на научную почву, дѣло представилось въ иномъ свѣтѣ: обращено было вниманіе на великія открытія въ области изученія природы, совершенныя въ новѣйшія времена и устремившія человѣческую мысль въ невѣдомые древнимъ предѣлы,— и тогда стало очевидно, что человѣческому сознанію предлежитъ еще безконечный путь развитія. Подобные основные вопросы просвѣщенія не могли не занимать молодого Кантемира, и даже преклоняясь предъ древними художниками слова, онъ не могъ въ то же время не слѣдить за новымъ учено-литературнымъ движеніемъ. Такому настроенію своего ума подчинялъ онъ и выборъ книгъ, на которыя обращалъ вниманіе сестры; онъ доставлялъ ей не только древнихъ авторовъ, но и произведенія новой литературы, именно италіанской, такъ какъ изъ новыхъ языковъ княжнѣ Маріи былъ доступенъ только италіанскій. Должно однако сказать, что въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключались и свои невыгоды: въ то время, какъ новое просвѣтительное движеніе сосредоточивалось въ англійской и французской литературахъ, италіанская шла за ними позади, и этотъ характеръ умственной отсталости или, по крайней мѣрѣ, несовременности не могъ не отразиться до нѣкоторой степени на подборѣ книгъ, которыя попадали въ руки княжны Маріи.

«Когда нѣтъ ни хорошихъ наставниковъ, ни особеннаго прилежанія, писала княжна брату 29-го іюля 1739 года,—чтеніе должно соотвѣтствовать природнымъ способностямъ». Не подлежитъ сомнѣнію,

---

томовъ; опись эта напечатана въ брошюрѣ проф. В. Н. Александренка: Къ біографіи князя А. Д. Кантемира. Варшава. 1896 (отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Императорскаго Варшавскаго университета).

что среди своего московскаго знакомства она не находила собесѣдниковъ, съ которыми могла бы обмѣняться мыслью по поводу прочитаннаго; но самое желаніе ея, на сороковомъ году жизни, думать о продолженіи своего образованія доказываетъ, какъ была упорна ея любознательность; если княжна упоминала вмѣстѣ съ тѣмъ о недостаткѣ прилежанія, то конечно, изъ скромности или, вѣрнѣе сказать, изъ литературнаго такта. Въ томъ же письмѣ она просила брата выслать ей для чтенія «что-нибудь по астрономіи и геометріи, доступное ея пониманію». Очевидно, умную княжну занимали вопросы такъ-называемой небесной механики, рѣшеніе которыхъ сдѣлалось возможнымъ послѣ того, какъ Ньютонъ открылъ законъ всемірнаго тяготѣнія. Не извѣстно, чѣмъ братъ удовлетворилъ на этотъ разъ желаніе сестры, но нельзя не припомнить, что лишь за два года до того, какъ она обращалась къ нему съ вышеуказанною просьбой, даровитый знакомецъ князя Антіоха графъ Альгаротти издалъ, подъ заглавіемъ «Newtonianismo per le donne», сочиненіе, прямо посвященное популярному изложенію Ньютонова ученія; весьма возможно, что именно эту книгу Кантемиръ препроводилъ въ Москву. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 26-го марта 1744 года сестра увѣдомляла брата: «Я читаю трактатъ по космографіи, который придется перечитывать много разъ прежде, чѣмъ я пойму его вполнѣ».

Раньше, чѣмъ выработались точныя понятія о строеніи вселенной, наука обогатилась множествомъ свѣдѣній о самомъ земномъ шарѣ. Открытія Колумба и Васко де-Гамы и кругосвѣтное плаваніе Магельяна послужили началомъ для цѣлаго ряда новыхъ изысканій въ обоихъ полушаріяхъ, и интересъ къ изслѣдованіямъ этого рода еще поддерживался въ началѣ XVIII вѣка со всею свѣжестью юношеской любознательности. Путешествія во вновь открываемыя страны, богатыя золотомъ и населенныя необыкновенными людьми и животными, раскупались очень шибко; описанія подвиговъ Кортеца и Пизарро въ Америкѣ и приключеній португальскихъ мореходовъ въ Индійскомъ океанѣ читались съ жадностью, и читатели не смущались жестокостью въ обращеніи съ туземцами, которая отличала эти экспедиціи. Италіанцы, которые еще въ средніе вѣка прославились какъ смѣлые путешественники въ невѣдомые края, мало участвовали въ этихъ позднѣйшихъ географическихъ изысканіяхъ, но италіанская литература все же слѣдила за ними и обогащалась описаніями новыхъ странъ, которыя мало-по-малу дѣлались доступны европейцамъ. Въ числѣ книгъ, читанныхъ княжной Маріей, встрѣчаются двѣ, относящіяся до Восточной Индіи: одну изъ нихъ она называетъ: «L'India orientale, descripzione geografica edistorica», а другую — «Le istorie delle Indie orientali»; трудно догадаться; какое именно сочиненіе слѣдуетъ разумѣть подъ первымъ заглавіемъ; что же касается второго, то безъ сомнѣнія, тутъ идетъ рѣчь о трудѣ іезуита Дж.-П.

Маффеи, изданномъ по латыни—«Historiarum Indicarum libri XVI»—въ 1588 году и немедленно переведенномъ на италіанскій языкъ; онъ былъ составленъ по документамъ, хранившимся въ испанскихъ архивахъ, и въ свое время пользовался большою извѣстностью и уваженіемъ. Оригинальными описаніями кругосвѣтныхъ путешествій италіанская литература того времени была еще бѣдна; однако, въ концѣ XVII вѣка одному образованному венеціанцу З.-Фр. Джемели-Карери удалось объѣхать Турцію, Персію и Индостанъ, обогнуть Индо-Китайскій полуостровъ, посѣтить Макао и Пекинъ, черезъ Филиппинскіе острова проникнуть въ Мексику и оттуда черезъ Кубу возвратиться въ Европу. Въ 1699—1700 годахъ онъ издалъ подробное описаніе своихъ странствованій подъ заглавіемъ «Giro del mondo»—сочиненіе нѣсколько сухое по изложенію, но замѣчательное по обилію собранныхъ въ немъ фактовъ всякаго рода. Впослѣдствіи оно удостоилось похвалъ Александра Гумбольдта, а въ свое время хотя и подвергалось критикѣ, однако пользовалось большимъ успѣхомъ и выдержало нѣсколько изданій. Одно изъ нихъ князь Антіохъ переслалъ сестрѣ, и 17-го марта 1738 года она писала брату, что прочла пять томовъ «Путешествія вокругъ свѣта», въ которомъ описаны нравы и обычаи разныхъ народовъ. «Въ послѣдней главѣ, прибавляла она,—говорится о жителяхъ Малакки, которые не только ѣдятъ другъ друга, но скушали и пятьдесятъ голландцевъ, вздумавшихъ посѣтить ихъ». Въ этихъ словахъ слышится какъ бы оттѣнокъ ироніи—очень осторожной по обычаю княжны, которая любила повторять пословицу, «умный слышитъ съ полслова». Но читая эти строки, невольно думается: не хотѣла ли она намекнуть на беззастѣнчивость европейскихъ колонизаторовъ, которые и въ тѣ времена, какъ нынѣ, просвѣщали дикія племена огнемъ и мечемъ и охотились за туземцами, какъ за дикими звѣрями.

Всего болѣе, повидимому, занимали княжну Марію сочиненія историческаго содержанія. Въ той системѣ преподаванія, по которой она обучалась, не было особаго мѣста для уроковъ исторіи, и свѣдѣнія по этой части приходилось пріобрѣтать только чтеніемъ. За то, благодаря указаніямъ брата, княжна могла вести свое историческое чтеніе въ нѣкоторой системѣ: онъ доставилъ ей нѣсколько крупныхъ сочиненій по исторіи народовъ и государствъ древняго и новаго міра и кромѣ того прислалъ для справокъ небольшую книжку общаго характера. Еще до отъѣзда своего за границу Кантемиръ предпринялъ, «для пользы русскаго юношества», переводъ «Всеобщей исторіи» Юстина, котораго цѣнилъ именно за то, что этотъ авторъ «сокращенно описалъ многихъ земель положеніе и многихъ народовъ обычаи и дѣла отъ Нина, перваго

основателя самодержавствъ, до Августа Кесаря» [1]). Безъ сомнѣнія, и княжна Марія знала этотъ опытъ всемірной исторіи и пользовалась имъ для знакомства съ общимъ ходомъ событій въ древнемъ мірѣ. Но для изученія исторіи христіанскаго періода еще не существовало подобной книги, и княжнѣ приходилось довольствоваться плохимъ трудомъ венеціанца Дольони (Doglioni), впервые изданнымъ въ началѣ XVII вѣка и затѣмъ многократно перепечатывавшимся съ дополненіями, подъ заглавіемъ «Compendio dell'istoria universale delli successi del mondo»; но онъ содержалъ въ себѣ лишь краткій хронологическій перечень историческихъ фактовъ, составленный безъ всякой критики и руководящей идеи, и если Кантемиръ счелъ его пригоднымъ для сестры, то очевидно лишь за недостаткомъ лучшихъ пособій въ томъ же родѣ.

Въ частности, по исторіи древняго міра князь Антіохъ предоставилъ сестрѣ пользоваться непосредственными источниками, то-есть древними авторами. Историческая критика въ то время еще только зачиналась, и цѣльныхъ, самостоятельныхъ трудовъ по древней исторіи, написанныхъ новыми писателями, почти не существовало. Извѣстная попытка Роллена составить исторію древняго міра была не болѣе какъ простымъ, невсегда впрочемъ искусимымъ пересказомъ древнихъ авторовъ. Не безъ удивленія замѣчаемъ мы, что въ числѣ книгъ, присланныхъ Кантемиромъ сестрѣ, нѣтъ главныхъ корифеевъ античной исторіографіи; по всему вѣроятію, такихъ историковъ, какъ Геродотъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ и Плутархъ, какъ Титъ Ливій, Саллюстій, Юлій Цезарь и Тацитъ, княжна Марія читала еще въ отцовской библіотекѣ. За то братъ доставилъ ей Корнелія Непота, Арріана, Аппіана и Іосифа Флавія. Выборъ этихъ писателей объясняется довольно легко: изображая отдѣльные моменты изъ исторіи древняго міра, они взаимно дополняютъ другъ друга. Корнелій Непотъ, свидѣтель упадка республиканскихъ учрежденій въ Римѣ, но самъ ревностный республиканецъ, въ своемъ сочиненіи «О славныхъ полководцахъ» съ воодушевленіемъ разсказываетъ о доблестяхъ великихъ мужей Греціи, чертами ихъ жизни рисуетъ идеалъ добраго гражданина и умнаго вождя и примѣромъ ихъ старается возбудить въ своихъ современникахъ охоту къ подвигамъ на пользу отечества; это нравственное направленіе, вмѣстѣ съ изящною простотой изложенія, доставило Корнелію Непоту особенно широкую извѣстность въ новыя времена. Сочиненіе писателя II вѣка Арріана

[1]) Кантемиръ довелъ сей переводъ до окончанія, но трудъ его остался не изданнымъ; нынѣ рукопись этого перевода принадлежитъ В. Г. Дружинину, который напечаталъ ея описаніе и Кантемирово предисловіе къ Юстину въ своей статьѣ: „Три неизвѣстныя произведенія князя Антіоха Кантемира“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1887 г., № 12).

Никомидійскаго «О походахъ Александра» не имѣетъ такого морализующаго значенія, но уже по самому предмету своему составляетъ высокопоучительное чтеніе, ибо повѣствуетъ о дѣятельности величайшаго изъ представителей греческой цивилизаціи, внесшаго ее въ глубь Азіи и почти на всемъ пространствѣ древняго міра оставившаго яркіе слѣды въ народной памяти; богатое фактами и не лишенное литературныхъ достоинствъ, оно прекрасно воспроизводитъ поэтическій образъ македонскаго героя и еще въ древности признавалось лучшимъ историческимъ трудомъ о славномъ царѣ. Понятно, что книги такого интереса и достоинства не могли не занять вниманія такой любознательной читательницы, какъ княжна Марія. Менѣе увлекательнымъ чтеніемъ были произведенія Арріанова современника, грека Аппіана, описавшаго войны римлянъ въ Испаніи, Африкѣ, Сиріи, Малой Азіи и междоусобія послѣднихъ временъ республики, но все же и они давали княжнѣ обильный запасъ свѣдѣній. Наконецъ, что касается Іосифа Флавія, то, какъ мы уже знаемъ, она имѣла понятіе объ его сочиненіи «Объ Іудейской войнѣ» еще до отъѣзда брата за границу; получивъ затѣмъ отъ него экземпляръ «Giosefo istorico» [1]), она писала ему 12-го сентября 1734 года: «Историкъ Іосифъ Флавій очень мнѣ нравится. Думаю, вы помните, что еще въ бытность вашу въ Москвѣ я просила васъ достать мнѣ эту книгу; я предчувствовала, что она окажется занимательною; теперь принимаюсь за ея чтеніе прежде другихъ книгъ». Еврей по происхожденію, Іосифъ Флавій является въ своемъ трудѣ сторонникомъ римской завоевательной политики; его воззрѣнія подвергались осужденію съ національно-еврейской точки зрѣнія, но у христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ Іосифъ Флавій былъ въ большомъ почетѣ, и это, по всему вѣроятію, было извѣстно княжнѣ Маріи; во всякомъ случаѣ, исторія паденія Іерусалима не могла не возбуждать въ ней интереса; къ тому же книга еврейскаго историка написана съ талантомъ и содержитъ въ себѣ эпизоды романическаго характера, какъ, напримѣръ, разсказъ о женѣ Ирода Великаго Маріамнѣ: трогательная судьба этой красавицы, невинно пострадавшей отъ ревнивыхъ подозрѣній своего мужа, должна была вызвать живое сочувствіе въ сердцѣ княжны Маріи.

Такимъ образомъ, благодаря содѣйствію брата, умная дѣвушка получила рядъ замѣчательныхъ сочиненій по исторіи древняго міра, которыя дѣйствительно служили къ обогащенію ея познаній. Напротивъ того, хорошихъ книгъ по исторіи новыхъ временъ было въ ту эпоху еще очень, сравнительно, мало, и подборъ ихъ, сдѣланный Кантемиромъ

---

[1]) По всему вѣроятію, всѣ эти древніе авторы были высланы княжнѣ братомъ въ италіанскихъ переводахъ.

для сестры, является яснымъ тому доказательствомъ. Воспитанный въ благоговѣйномъ уваженіи къ древности, князь Антіохъ относился къ среднимъ вѣкамъ съ равнодушіемъ, какъ къ періоду темнаго варварства, который не заслуживаетъ близкаго изученія. О начальной исторіи государствъ новой Европы онъ не прислалъ сестрѣ ни единой книги, и вообще между присланными только одна по своему содержанію прямо касалась средневѣковаго періода, именно «Istoria della perdita e ridaquista Spagna», то-есть ,исторія завоеванія Пиринейскаго полуострова арабами и его освобожденія отъ ихъ владычества; чтó это была за книга—мы не знаемъ; замѣтимъ только, чтó подъ приведеннымъ заглавіемъ нельзя разумѣть трудъ испанскаго іезуита Маріаны, считавшійся въ XVII вѣкѣ за лучшее сочиненіе по исторіи его отечества. Содержаніе другихъ книгъ по новой исторіи, полученныхъ княжной Маріей отъ брата, относится уже къ XVI и XVII столѣтіямъ, то-есть, къ тому времени, когда складывалась новая политическая система Европы, продолжавшая свое развитіе и въ XVIII вѣкѣ. Очевидно, чтеніемъ этихъ книгъ князь Антіохъ желалъ ввести сестру въ пониманіе современныхъ политическихъ отношеній въ Европѣ и главнымъ образомъ тѣхъ пружинъ, которыя даютъ движеніе событіямъ. Но тогдашняя литература представляла слишкомъ мало къ тому способовъ, и цѣль, поставленная Кантемиромъ, едва ли могла быть достигнута. Такія книги, какъ высланныя имъ сестрѣ: «Descrizione d'Italia» Леандра Альберти или «Istoria delle guerre di Ferdinando II e Ferdinando III» графа Гвальдо-Пріорато, конечно, не могли служить этому назначенію; первое изъ этихъ сочиненій—почтенный ученый трудъ, неоднократно перепечатывавшійся въ XVI вѣкѣ, но трудъ не столько историческій, сколько археологическій, сборникъ мѣстныхъ извѣстій, пригодный развѣ для справокъ, а никакъ не для чтенія; что же касается сочиненія графа Гвальдо, то и званіе автора—исторіографа Австрійскаго дома, и самое появленіе книги въ 1640 году, непосредственно вслѣдъ за описанными въ ней событіями, указываютъ на ея офиціозный характеръ; искать въ ней вѣрнаго изображенія событій безполезно; это—лишь реляція о военныхъ дѣйствіяхъ 1630—1639 годовъ, а не ихъ исторія. Вообще, изъ всего книжнаго запаса, полученнаго княжной Маріей по новой исторіи, только одно сочиненіе заслуживаетъ названія настоящаго историческаго труда: это—«Istoria d'Italia» Франческо Гвиччіардини. Читая ее, княжна могла познакомиться съ однимъ изъ самыхъ типичныхъ произведеній новой исторической литературы, явившейся въ XVI столѣтіи на смѣну средневѣковому лѣтописанію. Человѣкъ эпохи Возрожденія, Гвиччіардини знаетъ древнихъ и склоненъ подражать имъ, но это не мѣшаетъ ему оставаться италіанцемъ XVI вѣка. Подобно своему образцу—Ѳукидиду, онъ, прежде чѣмъ сдѣлаться историкомъ, дѣйствовалъ на государствен-

номъ поприщѣ; это отзывается и на его трудѣ: политическіе вопросы исключительно поглощаютъ его вниманіе. Избравъ предметомъ своего повѣствованія небольшой періодъ времени съ перваго похода французовъ за Альпы до смерти папы Климента VII (1494—1534 гг.), онъ умѣетъ на сложныя обстоятельства этой тревожной поры взглянуть какъ на одно цѣлое и, не смотря на чрезвычайную раздробленность Италіи, охватить своимъ умомъ судьбы всей страны; онъ ясно сознаетъ, что именно безпрерывные раздоры между многочисленными владѣтелями Италіи обращаютъ ее въ добычу чужеземцевъ и приближаютъ паденіе ея политической самостоятельности; онъ осуждаетъ его виновниковъ, ихъ честолюбіе, коварство и пренебреженіе къ общему благу; но о бѣдствіяхъ, порокахъ и злодѣяніяхъ своего времени онъ повѣствуетъ и разсуждаетъ спокойно, безстрастно и видитъ въ нихъ естественныя, неизбѣжныя проявленія природы человѣка, для котораго преслѣдованіе личной выгоды составляетъ необходимую потребность. Въ этомъ-то равнодушіи историка къ добру и злу и сказывается самая характерная черта Гвиччіардини, какъ человѣка своего времени: въ немъ, какъ и въ другѣ его Маккіавелли, политикъ постоянно беретъ верхъ надъ моралистомъ. Холодная государственная мудрость Гвиччіардини высоко цѣнилась въ свое время, и изъ его «Исторіи» извлекались сборники политическихъ сентенцій, воспитавшихъ не одно поколѣніе. Быть можетъ, мягкой душѣ Кантемира и не вполнѣ были сочувственны воззрѣнія Гвиччіардини,—тѣмъ не менѣе онъ склонялся предъ ихъ общепризнаннымъ авторитетомъ; этимъ всего проще объясняется, почему онъ счелъ нужнымъ дать «Исторію Италіи» въ руки сестрѣ. Княжна Марія, какъ мы знаемъ, хвалилась тѣмъ, что не читала Маккіавелли: но если въ то же время она говорила, что «понимаетъ политику», то слѣдуетъ думать, что именно уроки Гвиччіардини оказали на нее вліяніе въ этомъ отношеніи. Конечно, какъ женщина, она стояла въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ; но и въ ея частной дѣятельности можно замѣтить слѣды эгоистическаго ученія, которое проповѣдывалъ италіанскій историкъ. Мы уже не разъ видѣли, какъ искусно она умѣла обходить подводные камни въ морѣ придворныхъ и свѣтскихъ отношеній, какъ умѣла во-время помолчать или кстати сказать свое слово и какъ постоянно и настойчиво преслѣдовала свои личныя и семейныя выгоды.

Итакъ, италіанская литература служила для княжны Маріи источникомъ образованія и умственнаго развитія; тамъ же почерпала она удовлетвореніе своимъ художественнымъ потребностямъ—на сколько онѣ были ей присущи. Братъ прислалъ ей, между прочимъ, сочиненія того изъ италіанскихъ писателей, который еще въ началѣ XVI вѣка, когда образованные люди старались щеголять изяществомъ своей ла-

тыни, самъ будучи отличнымъ латинистомъ, выступилъ защитникомъ родного языка, какъ прямаго проводника образованія и естественнаго органа для поэтическаго творчества: мы разумѣемъ знаменитаго гуманиста Пьетро Бембо и его «Prose». При помощи этой книги, въ которой, въ формѣ дружескихъ бесѣдъ, изложены разсужденія автора объ италіанскомъ языкѣ, его грамматикѣ и стилистикѣ, княжна Марія могла не только усовершенствоваться въ этомъ языкѣ, но и расширить свои познанія въ италіанской словесности, между тѣмъ какъ князь Антіохъ содѣйствовалъ тому же со своей стороны, препровождая сестрѣ произведенія разныхъ италіанскихъ поэтовъ.

Само собою разумѣется, что художественныя потребности были развиты у княжны Маріи лишь въ слабой степени; на поэзію она смотрѣла не болѣе какъ на пріятную забаву, или скорѣе, какъ на полезное поученіе; однако, даже при такомъ взглядѣ у этой умной женщины обнаруживались свои опредѣленныя предпочтенія въ литературной сферѣ. Напримѣръ, она читала такъ-называемыя пастушескія драмы—«Aminta» Т. Тассо и «Je Pastor fido» Б. Гварини, но въ письмахъ своихъ не проронила ни слова въ похвалу этихъ слащавыхъ драматическихъ идиллій, хотя, безъ сомнѣнія, знала, какимъ успѣхомъ, какою славой онѣ пользовались. Читала княжна и стихотворенія италіанскихъ лирическихъ поэтовъ XVI и XVII вѣковъ [1]), писанныя большею частью въ горацiанской манерѣ, и по видимому, они ей нравились; по крайней мѣрѣ, познакомившись съ подражателями, она пожелала прочесть и самого Горація и выписала себѣ черезъ брата собраніе его сочиненій. Совершенно чужда была княжнѣ религіозная восторженность Тассо, и въ письмахъ ея нѣтъ ни малѣйшаго намека на знакомство ея съ «Освобожденнымъ Іерусалимомъ». Напротивъ того, изъ сочиненій Аріосто она знала не только «Неистоваго Роланда», это ироническое прославленіе рыцарской доблести въ рядѣ картинъ и образовъ то веселыхъ и привлекательныхъ, то комически-уродливыхъ,—но и его «Сатиры», въ которыхъ авторъ является не строгимъ обличителемъ людскихъ пороковъ, а лишь насмѣшливымъ живописцемъ человѣческихъ слабостей. Съ «Роландомъ» впервые познакомилъ сестру братъ Сергѣй, и она такъ заинтересовалась поэмой, что просила князя Антіоха прислать экземпляръ ея.

Если вообще выборомъ книгъ для чтенія княжна Марія была обязана главнымъ образомъ младшему брату, то именно по чисто литературному отдѣлу на встрѣчу его указаніямъ шли и ея собственныя симпа-

---

[1]) Въ XVII и XVIII вѣкахъ неоднократно издавались сборники произведеній италіанскихъ лириковъ, обыкновенно носившіе заглавіе: «Rime de'più illustri poeti italiani». Одинъ изъ такихъ сборниковъ былъ въ рукахъ княжны Маріи, какъ видно изъ ея писемъ.

тіи. Всего яснѣе это видно изъ предпочтенія, которое княжна оказывала Боккаччьо; объ его произведеніяхъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ отзывовъ въ ея письмахъ. Съ именемъ Боккаччьо связывается обыкновенно воспоминаніе о «Декамеронѣ», какъ о сборникѣ разсказовъ большею частью нескромнаго содержанія. Въ данномъ случаѣ эту мысль должно прежде всего оставить въ сторонѣ. Вопервыхъ, княжна Марія читала не одинъ «Декамеронъ», но и другія произведенія этого писателя; вовторыхъ, ничто не даетъ повода думать, что въ самомъ «Декамеронѣ» она искала именно разсказовъ неприличнаго свойства, наконецъ, втретьихъ, многое изъ того, что̀ читателю нашего времени представляется у Боккаччьо нарушающимъ скромность, не казалось таковымъ ни самому автору, ни его стариннымъ читателямъ. Напротивъ того, авторъ «Декамерона» настаиваетъ на поучительномъ смыслѣ своихъ повѣстей, и, несомнѣнно, княжна присоединялась къ такому мнѣнію. И въ «Амето» встрѣчаются разсказы откровеннаго содержанія, но господствующая идея произведенія устраняетъ всякое подозрѣніе на счетъ того, что авторъ желалъ позабавить читателя своимъ цинизмомъ. Впрочемъ, сохранившіеся отзывы княжны Маріи касаются главнымъ образомъ двухъ произведеній Боккаччьо: «Амето» и «Фьяметта» и только отчасти относятся къ «Декамерону».

«Амето» — поэма частью въ прозѣ, частью въ терцинахъ, пастораль, разрѣшающаяся въ аллегорію, основная идея которой есть прославленіе чистой любви. Пастухъ Амето изображенъ въ началѣ поэмы, какъ простой, неразвитой человѣкъ, которому незнакомы высшія духовныя стремленія; онъ встрѣчаетъ въ рощѣ нѣсколькихъ нимфъ, которыя разсказываютъ ему объ испытанной ими любви; самъ Амето сперва восхищается только ихъ наружною красотой, но мало по малу, прислушиваясь къ ихъ повѣстямъ о себѣ, начинаетъ стыдиться своихъ вожделѣній и догадывается, что виды любви, описанные прекрасными разсказчицами, это - рядъ высокихъ добродѣтелей житейскихъ и богословскихъ. Сознаніе Амето просвѣтляется, и ему становится понятнымъ, что добродѣтель, изощренная житейскою любовью, поднимаетъ человѣка къ откровенію любви небесной. Такимъ образомъ, поэма проникнута крайнимъ идеализмомъ Княжна Марія, въ своемъ отзывѣ, отозвалась о ней съ нѣкоторою сдержанностью; въ письмѣ отъ 13-го августа 1733 года она писала брату Антіоху: «Я читаю теперь книгу, въ которой Боккаччьо описываетъ, какъ Амето, находясь въ рощѣ, наткнулся на нимфъ, просвѣтившихъ его умъ поэзіей. Но хотя садикъ около моего дома тоже напоминаетъ рощу, мнѣ до сихъ поръ не удалось встрѣтить въ немъ ни одной музы». Княжна выражается въ этихъ строкахъ не совсѣмъ точно: не только поэзіей, а возвѣщеннымъ въ разсказахъ нимфъ откровеніемъ высшей добродѣтели просвѣщается Амето. Тѣмъ не менѣе

трудно допустить, чтобы читательница не поняла аллегоріи, проведенной авторомъ. Вѣрнѣе думать, что практическій умъ княжны не мирился съ идеализмомъ Боккаччьо: какъ въ своемъ садикѣ она не встрѣтила ни одной нимфы-добродѣтели, такъ, видно, и на своемъ жизненномъ пути, около себя, она не нашла стимуловъ къ подъему своего духа.

Если отзывъ княжны Маріи объ «Амето» отличается оттѣнкомъ пессимизма, притомъ довольно низменнаго свойства, то сужденіе о «Фьяметтѣ» переходитъ въ другую крайность, уже совершенно неожиданную у княжны, въ сентиментальность. «Фьяметта»—небольшой романъ въ прозѣ, заключающій въ себѣ любовныя признанія женщины: она была выдана замужъ по разсчету и потомъ полюбила нѣкотораго юношу; пламенная страсть соединила ихъ на время, а затѣмъ имъ пришлось разстаться; любовникъ уѣзжаетъ съ обѣщаніемъ вернуться, но не возвращается, между тѣмъ какъ героиня, отъ лица которой ведется разсказъ, испытываетъ и горе разлуки, и муки ревности, въ то же время питая втайнѣ надежду новаго свиданія. На этомъ неопредѣленномъ моментѣ во внутренней жизни героини и прерывается ходъ несложнаго романическаго дѣйствія, но Фьяметта заключаетъ свои признанія еще одною, отчасти лирическою, главой, въ которой сравниваетъ свои сердечныя муки съ горемъ, испытаннымъ нѣкогда другими страдалицами любви, и заявляетъ, что за нею остается преимущество самыхъ жестокихъ страданій. Прочтя этотъ романъ, княжна нашла его занимательнымъ, но осталась недовольна его окончаніемъ, такъ какъ оно—говорила она—содержитъ въ себѣ «много клеветъ на женщинъ». Княжна почувствовала потребность заступиться за нихъ. «По моему мнѣнію, писала она брату (въ томъ же письмѣ, гдѣ читается отзывъ объ «Амето»),—когда Боккаччьо писалъ это сочиненіе, онъ или забылъ, что его мать тоже была женщина, или причислилъ ее къ лику святыхъ. Его упреки не совсѣмъ справедливы. Тѣмъ не менѣе, я отчасти одобряю его за то, что онъ учитъ читателя сознавать свои проступки и воздерживаться отъ того, что̀ никому не должно быть прощаемо». Въ изображеніи душевныхъ состояній своей героини Боккаччьо обнаружилъ много психологической наблюдательности и художественнаго мастерства, что̀ и дало позднѣйшей критикѣ право считать «Фьяметту» родоначальницей психологическаго романа. Но на княжну Марію эта правдивость описаній произвела своеобразное впечатлѣніе: она не умѣла оцѣнить его по достоинству, потому что встрѣчала въ литературѣ только условность и искусственность; поэтому-то психологическую правду поэтическаго изображенія она называетъ клеветой и сама, въ свою очередь, впадаетъ въ сентиментальную морализацію, лишь бы защитить свою точку зрѣнія.

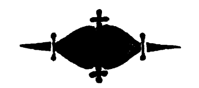
Что касается «Декамерона», то о немъ въ письмахъ княжны не со-

хранилось сколько-нибудь цѣльнаго мнѣнія. Только объ одной изъ его новеллъ (день 2-й, новелла V-я) упоминаетъ она вскользь въ письмѣ къ брату отъ 10-го іюля 1737 года въ слѣдующихъ словахъ: «Изъ книги Боккаччьо совѣтую вамъ прочесть исторію нѣкоего Андреуччіо, какъ онъ пришелъ куда-то для покупки лошадей и какъ избавился отъ опасности посредствомъ перстня, взятаго изъ гробницы архіепископа. Вы нахохочетесь вдоволь». Дѣло идетъ объ одной изъ самыхъ забавныхъ повѣстей Боккаччьо, взятой, быть можетъ, съ дѣйствительно случившагося происшествія; но она имѣетъ интересъ исключительно бытовой и—смѣхотворный, и отзывъ о ней не можетъ дать понятія о томъ, какъ вообще судила княжна о столь разнообразномъ по содержанію сборникѣ, какимъ представляется «Декамеронъ».

Въ заключеніе обзора книгъ, читанныхъ княжной Маріей, слѣдуетъ замѣтить, что при помощи переводовъ на италіанскій языкъ она имѣла случай познакомиться и съ нѣсколькими произведеніями, не принадлежащими къ италіанской литературѣ. Такъ, еще въ отцовской библіотекѣ она нашла переводъ Фенелонова «Телемака», а князь Антіохъ выслалъ ей переводы комедіи Стиля „The conscious lowers“ («Искренніе любовники») и Мильтонова «Потеряннаго рая»; послѣдній былъ сдѣланъ италіанскимъ литераторомъ Паоло Ролли, проживавшимъ въ Лондонѣ, гдѣ Кантемиръ имѣлъ случай съ нимъ сблизиться. Но отзывовъ объ этихъ произведеніяхъ англійской поэзіи не встрѣчается въ письмахъ княжны; что же касается «Телемака», то о немъ она писала брату (въ письмѣ отъ 10-го іюля 1737 года) слѣдующее: «Это весьма поучительная книга для тѣхъ, кто читаетъ со смысломъ; странно только что авторъ не любитъ войны, которая существуетъ среди смертныхъ отъ начала вѣковъ». И въ этомъ сужденіи княжна остается вѣрна себѣ: поучительность книги въ ея глазахъ всегда была важнѣе, чѣмъ ея литературное достоинство. Умъ княжны былъ трезвъ до сухости, и красоты поэзіи встрѣчали только слабый отзывъ въ ея душѣ. Какъ бы то ни было, любовь къ чтенію составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ въ нравственной физіономіи княжны Маріи, и благодаря этой любви она сдѣлалась, вѣроятно, самою образованною женщиной въ Россіи своего времени.

Л. Майковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Графъ Растопчинъ — графу Аракчееву.

11 апрѣля 1797 г. Москва.

Государь императоръ соизволилъ указать мнѣ освѣдомиться о здоровьѣ вашемъ и притомъ спросить у вашего превосходительства, можете-ли надѣяться, что здоровье ваше позволитъ вамъ быть въ свитѣ его величества на время вояжа во внутрь Имперіи, предпринимаемаго въ началѣ мая мѣсяца.

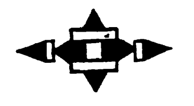
Графъ Аракчеевъ — великому князю Александру Павловичу.

(Собственноручно).

21 ноября 1799 г. С.-Петербургъ.

Сдѣлавшись несчастнымъ, сношу оное съ прискорбіемъ въ полной мѣрѣ тяжести онаго.—Но положеніе моего роднаго брата генералъ-маіора обременяетъ меня, ваше императорское высочество, и доводитъ до отчаянія, который черезъ меня сдѣлавшись нынѣ виннымъ и будучи молодой человѣкъ находится въ праздности безъ службы.—А какъ военнымъ судомъ въ покражѣ изъ арсенала, караулъ и караульный офицеръ, бывшаго его баталіона, оправданы, то и припадаю слезно къ стопамъ вашего императорскаго высочества, сдѣлайте мнѣ одну наивеличайшую вашу отеческую милость, исходатайствуйте ему у милосердаго нашего государя императора прощеніе опредѣленіемъ его опять въ службу, дабы онъ, будучи молодой человѣкъ, могъ заслужить и жертвовать своею жизнію за всѣ милости къ нашей фамиліи.—

Вашего императорскаго высочества слово въ милосердый часъ у государя императора можетъ оную милость испросить, а не чье болѣе.—Я же оную милость вашего императорскаго высочества до конца жизни моей буду имѣть незабвенною и, утѣшая себя надеждою получить милосердый отвѣтъ вашего императорскаго высочества, пребуду навѣки вѣрнѣйшимъ вѣрноподданнымъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО.

1817 годъ [1]).

Приготовленія къ отъѣзду въ Москву.—Статьи, напечатанныя въ журналахъ.—Генералъ Дохтуровъ.—Пріѣздъ въ Москву.—Цензура.—Письмо Глинки.—Петергофъ.—Отъѣздъ въ Витебскъ.—Могилевъ.—О противорѣчіяхъ въ войнѣ 1812 года.—Бобруйскъ.—Кіевъ.—Схимникъ Вассіанъ.—Обѣдъ у государя.—Бѣлая Церковь.—Полтава.—Харьковскій университетъ.—Курскъ.—Слова государя о памятникѣ Екатерины II.—Тарутино.

Въ началѣ сего года, предстоявшая мнѣ перемѣна жизни занимала всѣ мои мысли. Это была послѣдняя зима, въ которую я въ полной мѣрѣ наслаждался свободою и независимостью, ибо черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наставала эпоха, въ которой кругъ обязанностей моихъ, знакомствъ, связей, родства дѣлался несравненно пространнѣе, а потому мысли мои единственно устремлены были на будущее. Проведя по долгу службы часа два во дворцѣ и на разводѣ, я спѣшилъ въ уединенный и прекрасный кабинетъ мой и предавался по цѣлымъ днямъ размышленію. Часто свѣтлыя зимнія ночи просиживалъ я у окна, изъ котораго видны были Адми-

[1]) Припомнимъ здѣсь, что напечатанныя нами воспоминанія Михайловскаго-Данилевскаго 1816 года («Русскій Вѣстникъ» 1890 года) оканчиваются тѣмъ, что въ декабрѣ состоялся въ Москвѣ сговоръ его съ дѣвицею Чемодановою. Въ томъ же году императоръ Александръ назначилъ Данилевскаго флигель-адъютантомъ.

Н. Шильдеръ.

ралтейство, Нева, Биржа и Зимній дворецъ, и мѣста сіи, около которыхъ я такъ часто въ дѣтствѣ моемъ гулялъ, наводили на меня уныніе, какъ бы предсказывая, что мнѣ будетъ суждено жить далеко отъ нихъ, далеко отъ родины моей, что мнѣ назначено быть долго еще странникомъ на землѣ и поставить, наконецъ, мои пенаты на берегахъ Пьяны, которой и существованіе мнѣ было тогда неизвѣстно.

Устройство дѣлъ моихъ и разборъ накопившихся у меня всякаго рода бумагъ составляли мои занятія. Приготовляясь къ новому поприщу жизни я хотѣлъ оторвать себя отъ многихъ прежнихъ воспоминаній и истребилъ разнаго рода письма, сочиненія, не казавшіяся мнѣ достойными того, чтобы ихъ сохранить; переводы, проекты и наконецъ стихотворенія моей молодости преданы были пламени.

Полагая, что въ семъ году я не буду имѣть времени заняться науками и словесностью, я торопился помѣщать нѣкоторые отрывки изъ моихъ статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ [1]).

Статьи сіи были приняты съ тѣмъ же одобреніемъ, какъ и прошлогоднія; журналисты наперерывъ просили меня помѣщать въ ихъ журналахъ мои сочиненія, а книгопродавцы присылали ко мнѣ съ выгодными предложеніями объ изданіи въ свѣтъ въ особой книгѣ всѣхъ моихъ статей. Напечатанное мною въ семъ году, за исключеніемъ отрывковъ объ Отечественной войнѣ и жизнеописанія генерала Дохтурова, заимствовано будучи изъ моихъ журналовъ разныхъ годовъ, находится въ оныхъ по принадлежности. Статьи изъ войны 1812 года взяты мною изъ исторіи моей сей эпохи, написанной мною по-французски, а біографія Дохтурова сочинена была по полученіи извѣстія о кончинѣ сего полководца въ 1817 году. Такъ какъ она не вошла въ составъ моихъ журналовъ, то я и предлагаю ее здѣсь.

Россія лишилась въ Дохтуровѣ мужа добродѣтельнаго въ мирное время, знаменитаго генерала въ полѣ, и одного изъ героевъ Отечественной войны. Исторія вмѣститъ въ себѣ его подвиги, а воспоминаніе о благородномъ характерѣ его будетъ драгоцѣнно для тѣхъ, которые его знали.

Первые походы его были въ Финляндіи въ 1789 и 1790 годахъ, во время которыхъ онъ получилъ двѣ раны. Съ тѣхъ поръ не былъ онъ употребляемъ противъ непріятеля до 1805 года, гдѣ въ чинѣ генералъ-лейтенанта находился въ безсмертномъ въ военныхъ лѣтописяхъ отступленіи отъ Браунау къ Моравіи и отличился при Кремсѣ и при Аустерлицѣ. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ въ народѣ во время войны противъ французовъ въ 1806 и 1807 годахъ; онъ командовалъ тогда двумя пѣхотными дивизіями, съ коими былъ при Гутштатѣ, при Фридландѣ,

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ и „Сынъ Отечества“ 1817 года.

при Прейсишъ-Эйлау и при Гейльсбергѣ и наиболѣе способствовалъ къ одержанію побѣды въ сихъ послѣднихъ двухъ сраженіяхъ. По прекращеніи войны сей, въ которую россіяне первые остановили въ продолженіе восьми мѣсяцевъ непобѣдимаго дотолѣ Наполеона, генералъ Беннигсенъ свидѣтельствовалъ о подвигахъ Дохтурова, какъ одного изъ первыхъ своихъ сподвижниковъ.

Въ походѣ 1812 года онъ начальствовалъ шестымъ пѣхотнымъ корпусомъ, расположеннымъ между первою и второю арміями, и такъ какъ онъ находился на самомъ отдаленномъ мѣстѣ лѣваго крыла первой арміи, то надлежало ему дѣлать форсированные марши при отступленіи къ Дрисѣ. Проходя иногда въ сутки по шестидесяти верстъ во время чрезвычайныхъ жаровъ и будучи часто настигаемъ и отрѣзываемъ непріятелемъ, онъ устроилъ слѣдованіе свое такимъ образомъ, что соединился съ арміею безъ всякой потери. Вообще исторія 'представляетъ немного походовъ, въ которые бы марши были располагаемы благоразумнѣе, отважнѣе и быстрѣе, какъ то дѣлаемо было россійскими генералами въ войнѣ 1812 года. Движеніе съ Рязанской дороги на Калужскую есть мастерское произведеніе военнаго искусства, а подобнаго параллельному преслѣдованію отъ Малаго Ярославца къ Красному никогда не бывало. Маршъ князя Багратіона изъ Литвы къ Смоленску есть одно изъ самыхъ смѣлыхъ и искусныхъ военныхъ предпріятій. На Дохтурова возложно было въ теченіе же сего похода три раза предупреждать непріятеля скорыми движеніями. Мы упомянули о первомъ, когда при началѣ войны онъ долженъ былъ спѣшить къ Дриссѣ; потомъ, когда армія отступала отъ Витебска къ Смоленску по дорогѣ къ Порѣчью, и получено извѣстіе, что непріятель, въ намѣреніи прежде насъ занять Смоленскъ, отрядилъ туда для сего предмета сильную часть арміи по двумъ кратчайшимъ дорогамъ, а именно: одну изъ Витебска черезъ Рудню, а другую прямо изъ Могилева,—предписано было генералу Дохтурову идти чрезъ Ліозну и Рудню на Смоленскъ какъ можно поспѣшнѣе, дабы быть въ ономъ прежде непріятеля. Быстрота была столь нужна, что главнокомандующій, не довольствуясь дать ему о семъ повелѣніе, упрашивалъ его именемъ отечества усердно исполнить движеніе сіе, отъ котораго зависѣла участь арміи. Третій рѣшительный маршъ порученъ ему былъ въ Тарутинѣ, когда узнали, что непріятель, по выходѣ изъ Москвы, намѣренъ былъ идти въ южныя губерніи Россіи; тогда Дохтуровъ долженъ былъ выступить ночью и слѣдовать къ Малому Ярославцу, чтобы тамъ ниспровергнуть замыслы враговъ.

Защита Смоленска возложена была на него; 5-го августа, выдержалъ онъ при семъ городѣ почти генеральное сраженіе, отразилъ всѣ дѣланныя на него стремительныя нападенія и, будучи подкрѣпленъ дивизіями генерала Коновницына, а потомъ принца Евгенія Виртемберг-

скаго, дѣйствовалъ столь удачно, что истребилъ до пятнадцати тысячъ отборныхъ непріятельскихъ войскъ и ввечеру, по прекращеніи сраженія, выставилъ посты свои внѣ города. Происшествія становились часъ-отъ-часу важнѣе; соединенные противъ насъ европейцы, приведены будучи въ изумленіе неизмѣримостью пространства и могущества Россіи, которую они мечтали поработить, хотѣли наконецъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ уничтожить армію нашу и утвердить владычество свое, а мы ожидали съ каждою минутою повелѣнія болѣе не отступать, съ тѣмъ, чтобы сразиться и умереть или побѣдить. Насталъ Бородинскій день. Дохтуровъ командовалъ сначала центромъ, а когда ранили князя Багратіона, то онъ заступилъ мѣсто его на лѣвомъ крылѣ. Судьба предоставила ему завидную участь быть въ теченіе одиннадцати часовъ главнѣйшимъ защитникомъ отечества и не уступить славы оружія нашего, чести имени русскаго и достоянія имперіи. Такіе часы содѣлываютъ людей безсмертными: ни зависть, ни время не изгладятъ именъ ихъ, и россіянинъ никогда не произнесетъ священнаго для него названія Бородина, не помысля о Дохтуровѣ, какъ о важнѣйшемъ въ ономъ участникѣ!

Посему никто не можетъ быть лучшимъ судіею о семъ сраженіи, какъ Дохтуровъ. Я поставилъ долгомъ сохранить то, что́ онъ мнѣ объ ономъ однажды разсказывалъ. Вотъ слова его:

— Меня отрядили на лѣвое крыло въ одиннадцатомъ часу. По прибытіи туда нашелъ я все въ большомъ смятеніи. Генералы не знали отъ кого имъ надлежало получать приказанія, а нападенія непріятеля становились безпрестанно упорнѣе. Принцъ Александръ Виртембергскій, котораго князь—Михаилъ Ларіоновичъ (Кутузовъ), послѣ раны князя Петра Ивановича (Багратіона), послалъ на сей флангъ, только-что туда пріѣхалъ; онъ не имѣлъ времени узнать подробно положенія дѣла и слѣдовательно не могъ мнѣ онаго объяснить. Я поскакалъ отыскивать начальника штаба второй арміи графа Сенъ-Пріеста и нашелъ его контуженаго; онъ уѣзжалъ изъ дѣла и сказалъ мнѣ, что онъ такъ слабъ, что не въ состояніи сообщить требуемыхъ мною свѣдѣній; къ счастью встрѣтилъ я Коновницына, который меня во всемъ удовлетворилъ. Въ то время наши войска немного отступили. Я устроилъ ихъ по возможности. Въ четыре часа пополудни я весьма мало подался назадъ и занялъ позицію, въ которой держался до самаго вечера. Всѣ усилія непріятелей, чтобы меня изъ оной вытѣснить, были тщетны; они, потерявъ безчисленное множество убитыхъ, въ семь часовъ вечера стали отступать, что я видѣлъ своими глазами. Я полагаю Бородинское сраженіе совершенно выиграннымъ.

Послѣ сего армія приближалась къ Москвѣ. Перваго сентября былъ собранъ военный совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ, и я никогда не забуду

той минуты, когда Дохтуровъ, говоря мнѣ о мнѣніяхъ, которыя въ ономъ были предлагаемы, перемѣнился въ лицѣ и съ жаромъ сказалъ: «я подалъ голосъ, чтобы держаться передъ Москвою, потому что, по моему мнѣнію, мѣстоположеніе предъ оною удобно было для сраженія». Въ Тарутинѣ, 6-го октября, онъ командовалъ центромъ. О дѣйствіяхъ его въ сей день столь же трудно сказать что-либо утвердительное, какъ и о всемъ сраженіи семъ вообще, которое во многихъ отношеніяхъ останется на долгое время тайною. Въ Маломъ Ярославцѣ онъ предводительствовалъ всѣми войсками, бывшими въ упорномъ семъ дѣлѣ. Когда армія въ слѣдующемъ году расположилась на кантониръ-квартирахъ около Калиша, Дохтуровъ оставался въ Варшавѣ, командовалъ находившимися тамъ войсками и поступилъ съ оными въ составъ польской арміи, съ которою находился въ сраженіи при Лейпцигѣ, а потомъ при осадѣ Гамбурга. Въ 1815 году ему поручено было правое крыло арміи, перешедшей черезъ Рейнъ и слѣдовавшей къ Парижу. При смотрѣ въ Вертю онъ явился въ послѣдній разъ предъ войсками. По прекращеніи кратковременнаго похода въ семъ году онъ возвратился въ Россію, вышелъ въ отставку и скончался въ Москвѣ въ исходѣ 1816 года, въ чинѣ полнаго генерала.

Во время Вѣнскаго конгресса Дохтуровъ нѣсколько разъ посѣщалъ меня. Разговоры наши всегда имѣли предметомъ Отечественную войну, армію нашу и славные дни Россіи. Въ сихъ бесѣдахъ, въ которыхъ онъ почтилъ меня своею довѣренностью, имѣлъ я случай узнать благородныя чувства его и правила истиннаго россіянина. Въ прохожденіи его службы нѣтъ чрезвычайныхъ происшествій, онъ не предводительствовалъ арміями, подобно Румянцеву, Суворову и Смоленскому, не обратилъ на себя вниманія Россіи и Европы блистательными подвигами, подобно товарищамъ своимъ—Багратіону, Каменскому и Милорадовичу, но, служа всегда въ линіи, ограничивалъ себя точнымъ исполненіемъ обязанностей своихъ и не имѣлъ большихъ честолюбивыхъ видовъ. Онъ былъ всегда равнодушенъ, въ сраженіи одинаково мужественъ, въ обществѣ одинаково скроменъ. Онъ любилъ Россію болѣе всего и въ такой степени, что предпочиталъ самые недостатки наши тому, что́ есть лучшаго въ другихъ земляхъ. Онъ былъ другомъ солдатъ и офицеровъ своихъ; изъ нихъ не найдется ни одного, которому бы онъ сдѣлалъ непріятность. Выговоры его были увѣщанія. Въ обращеніи съ подчиненными не подражалъ онъ иностранцамъ, у которыхъ младшій видитъ въ начальникѣ своемъ строгаго, неумолимаго судью, но (подражалъ) генераламъ вѣка Екатерины, которые ласковымъ обращеніемъ съ русскими офицерами, служащими изъ чести, подвигали ихъ на великія предпріятія, наполнившія почти волшебною славою правленіе сей государыни. «Я никогда не былъ придворнымъ—сказалъ мнѣ

однажды Дохтуровъ—и не искалъ милостей въ главныхъ квартирахъ и у царедворцевъ, а дорожу любовью войскъ, которыя для меня безцѣнны».

Проведя въ литературныхъ занятіяхъ начало 1817 года, я поѣхалъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ Москву, и такъ какъ былъ великій постъ, то я долженъ былъ ожидать окончанія онаго для совершенія моей свадьбы. Я всегда буду вспоминать о семъ времени съ удовольствіемъ, потому что судьба во всѣхъ отношеніяхъ мнѣ благопріятствовала. Имѣя отъ роду двадцать шесть лѣтъ, я находился во всей крѣпости силъ, былъ полковникомъ и адъютантомъ величайшаго монарха Европы, носилъ восемь знаковъ отличія, пріобрѣтенныхъ на полѣ чести; имя мое не было чуждо ни въ чужихъ краяхъ, ни въ Россіи, ни на поприщѣ словесности, и наконецъ я сочетовался съ особою молодою, пригожею и богатою. Сверхъ того я имѣлъ еще неизсякаемый источникъ наслажденій въ воспоминаніяхъ моихъ путешествій и жизни ученой, военной и придворной. Я проводилъ дни съ моею невѣстою, а вечера посвящалъ изданію въ свѣтъ одной изъ счастливѣйшихъ эпохъ моей жизни, а именно путешествіе мое по Италіи, которое я печаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1817 года. Тамъ помѣщено описаніе моей поѣздки изъ Женевы чрезъ Монъ-Сенисъ въ Туринъ, Геную, Флоренцію, Римъ и Неаполь; обратнаго моего слѣдованія изъ Неаполя чрезъ Римини, Венецію, Миланъ и Альпійскія горы я не успѣлъ еще обработать.

Цензура была весьма строга, и она столь много уничтожала статей въ моемъ путешествіи, что я, перечитывая оное въ печати, съ трудомъ узнаю мое собственное произведеніе. Къ сему также немало способствовала непостижимая странность издателя «Русскаго Вѣстника» Глинки, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перемѣнилъ слова мои и даже сужденія, извиняясь передо мною смѣшнымъ предлогомъ, что онъ не нашелъ ихъ согласными съ его образомъ мыслей. Изъ сего можно заключить, сколь трудно было тогда что-либо порядочное издавать въ періодическихъ сочиненіяхъ, ибо не только надлежало поддѣлываться къ непомѣрной строгости цензоровъ, пугавшихся, какъ заразы, всякой новой мысли и всякаго смѣлаго изреченія, но даже надобно было приноравливаться ко вкусу и къ понятіямъ журналистовъ. Такимъ образомъ, Гречъ не хотѣлъ помѣстить въ журналѣ своемъ «Сынъ Отечества» статьи моей подъ заглавіемъ: о генералѣ Моро въ Россійской арміи, по той причинѣ, что я сказалъ, что Моро былъ словоохотливъ. Сколько я ни увѣрялъ его, что если публика не одобритъ сего выраженія, по моему мнѣнію весьма приличнаго французскому полководцу, то отвѣтственность будетъ лежать на мнѣ, какъ на сочинителѣ, а не на немъ, однако же онъ со мною никакъ не соглашался, твердя, что Моро не былъ словоохотливъ, хотя онъ его ни-

когда не видывалъ, а я, напротивъ того, ежедневно бывалъ съ симъ знаменитымъ человѣкомъ, когда онъ находился въ нашей главной квартирѣ. Не желая уступить Гречу, или, лучше сказать, ему потворствовать и тѣмъ унизить свое авторское достоинство, я потребовалъ отъ него обратно мою статью и напечаталъ ее въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1817 года).

Вышеприведенныя странности Глинки и взыскательность цензоровъ при изданіи моего путешествія по Италіи были причиною, что оно явилось въ свѣтъ въ столь искаженномъ видѣ, что было принято публикою съ большимъ равнодушіемъ, хотя въ Россіи существуютъ едва-ли два путешествія по сей классической землѣ. Это равнодушіе не оскорбило моего самолюбія, и я доволенъ, что письма мои изъ Италіи преданы забвенію, ибо хотя подъ ними и выставлено мое имя, но по выпущеннымъ мѣстамъ и поправкамъ цензоровъ и Глинки я не могу писемъ сихъ признать за мое произведеніе. Къ тому же, когда я посѣщалъ Италію, то мнѣ было восемнадцать лѣтъ, а въ семъ возрастѣ можно передавать на бумагу восторги свои при созерцаніи изящныхъ предметовъ природы, искусствъ и памятниковъ славной древности, а не зрѣлыя сужденія о нравахъ, о правительствѣ и о причинахъ благосостоянія или упадка народовъ.

Слѣдующее происшествіе, случившееся со мною въ сіе время, покажетъ въ ясномъ видѣ непомѣрную боязливость цензоровъ. Однажды утромъ пришелъ ко мнѣ чиновникъ изъ цензуры и сказалъ, что начальники его просятъ меня перемѣнить одно мѣсто въ моей рукописи. Это было при описаніи Фернейскаго замка, гдѣ, упоминая о той площадкѣ, любимой Вольтеромъ, съ которой открывается соединеніе горъ Юры съ Альпійскимъ хребтомъ, я говорю, что, вѣроятно, на этомъ мѣстѣ онъ сочинилъ то прекрасное посланіе, въ которомъ помѣщенъ сей стихъ:

Liberté, ton trône est en ces lieux.

Цензоры желали, чтобы я слово liberté замѣнилъ другимъ. Я безъ смѣха не могъ выслушать сего предложенія и отвѣчалъ, что, во-первыхъ, стихъ сей не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, и что посланіе, въ которомъ онъ находится, извѣстно всему просвѣщенному свѣту, а во-вторыхъ, я не беру на себя, да и никто не осмѣлится исправлять сочиненія Вольтера. Убѣжденія мои были тщетны и стихъ сей на этотъ разъ сдѣлался жертвою невѣжества цензоровъ. Такимъ образомъ, при описаніи моемъ торжественнаго входа россійскихъ войскъ въ Парижъ, цензура въ прошломъ году не пропустила мѣста, въ которомъ я говорю: «что парижане болѣе другихъ иностранцевъ отдавали справедливость государю и нашей арміи».

Наконецъ, насталъ апрѣль мѣсяцъ, и я обвѣнчался 8-го числа, въ

церкви Спаса на Пескахъ, съ сердцемъ, исполненнымъ благодарности къ Провидѣнію за щедроты Его, до того времени на меня изліянныя. Другъ мой Ильинъ пріѣзжалъ нарочно изъ Петербурга на мою свадьбу. Чрезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Ѳедора Глинки слѣдующее поздравительное письмо:

«Обнимая васъ заочно отъ всей души, могу поздравить съ совершеніемъ благополучія вашего; 8-го апрѣля, какъ меня увѣдомляютъ, вы стали счастливымъ супругомъ; благословляю въ душѣ церковь Спаса на Пескахъ, предъ алтаремъ которой освятился союзъ сердецъ вашихъ. Милая подруга ваша плѣняетъ всѣхъ своею кротостью, прелестнымъ невиннымъ сердцемъ, а вы—очаровательнымъ обхожденіемъ вашимъ. Такъ пишетъ ко мнѣ Н. Ф. Смирновъ. Я вѣрю словамъ его, и кто не повѣритъ имъ, зная васъ? Не могу вообразить себѣ безъ восхищенія новаго состоянія вашего: нѣтъ болѣе сомнѣній, неувѣренности, заботы о будущемъ, тревоги въ настоящемъ; прочное спокойствіе, ненарушимая тишина, полная увѣренность во взаимной любви—вотъ вашъ удѣлъ! Рѣдко, весьма рѣдко кому случается быть столько любимому Провидѣніемъ, какъ и друзьями, но вы, конечно, принадлежите къ числу сихъ рѣдкихъ, немногихъ людей. Съ чистою совѣстью, съ добрымъ сердцемъ, съ милою подругою вы вѣрно, вѣрно счастливы. Стало желать вамъ должно только продолженія сего счастья; этого-то и желаю я вамъ, желаю отъ всей искренности души. Но вслѣдъ за желаніемъ просьба—знакомить меня заочно съ супругою вашею и просить ее сохранить неприкосновеннымъ принадлежащій дружбѣ участокъ въ сердцѣ вашемъ, надъ которымъ она, безъ сомнѣнія, полная властительница. Но дружба и любовь, обѣ милыя сестры, обѣ дочери неба, искони уживались миролюбиво вмѣстѣ. Лѣтописи говорятъ намъ только о войнѣ злыхъ страстей, отъ которыхъ упаси васъ Боже.

„Отъ злыхъ страстей,
Отъ злыхъ людей,
Отъ злыхъ сѣтей
Пусть васъ хранитъ строитель,
Будь небо вамъ покровъ,
Подругой—радость, а любовь
Въ семьѣ у васъ всегдашній житель!

Вотъ молитва, а что она усердна, этому вы повѣрите» [1]).

Въ маѣ мѣсяцѣ я поѣхалъ изъ Москвы въ губерніи Владимірскую, Нижегородскую, Пензенскую, Симбирскую и Казанскую принимать въ управленіе находящееся тамъ новое свое имѣніе. Много было въ сей дорогѣ пріятнѣйшихъ часовъ, но я также въ ней началъ узнавать, со-

---

[1]) Подлинное письмо хранится въ селѣ Юрьевѣ.

пряженныя обыкновенно съ значительными помѣстьями, тяжбы и хлопоты разнаго рода, которыя до того мнѣ были извѣстны только по слуху и которыя потомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ составляли истинное мое мученіе. Причиною тому, съ одной стороны, заботливость моего характера, а съ другой—низость и непросвѣщеніе людей, съ коими я долженъ былъ имѣть дѣло; я увидѣлъ бѣдное человѣчество въ наготѣ пороковъ и безъ той блестящей оболочки, въ которую оно облечено въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ я возвратился въ Петербургъ и засталъ государя на единственномъ въ своемъ родѣ Петергофскомъ праздникѣ. Когда публика разъѣхалась, то остался одинъ дворъ, при которомъ ежедневно бывали обѣды и комнатные балы. Кто помнитъ дворъ Александра, тотъ, конечно, никогда не забудетъ той неподражаемой ласки и любезности, съ коими онъ обращался съ посѣтителями, и той непринужденности, которая царствовала въ вечернихъ собраніяхъ и составляла лучшее украшеніе оныхъ. По утрамъ бывали маневры, на которыхъ войска, раздѣленныя на двѣ части, поручены были начальству генераловъ Толля и Дибича, почитавшихся въ то время лучшими тактиками нашей арміи. На маневрахъ сихъ, продолжавшихся съ недѣлю, Толль одержалъ превосходство. Однажды государь, стоя на возвышеніи, откуда обозрѣвалъ прекрасныя свои войска, имъ образованныя и ему одолженныя величайшею славою, подозвалъ меня къ себѣ и хвалилъ искусныя распоряженія генераловъ и точность частныхъ движеній. Удовольствіе было начертано на ангельскомъ лицѣ его, ибо онъ никогда не бывалъ веселѣе, какъ въ то время, когда находился въ лагеряхъ или въ полѣ, окруженный военными. Въ теченіе разговора своего со мною онъ поднялъ лежавшій на землѣ у ногъ его кусокъ дерева, которымъ онъ показывалъ на войска, и, сдѣлавъ мнѣ знакъ головою, послѣ котораго мнѣ надлежало отойти прочь, сказалъ мнѣ съ улыбкою: «возьми себѣ на память эту палочку». Я храню сей подарокъ какъ драгоцѣнность; онъ находится въ селѣ Юрьевѣ въ особомъ ящикѣ, краснаго дерева, съ надписью того дня, когда онъ мнѣ пожалованъ.

Въ Петергофѣ я получилъ приказаніе быть готовымъ въ путешествіе съ императоромъ въ августѣ мѣсяцѣ. Всякій посудитъ, какъ таковое повелѣніе было для меня тягостно послѣ четырехъ мѣсячной женитьбы. Положено было ѣхать въ Витебскъ, Могилевъ, Бобруйскъ, Черниговъ, Кіевъ, Бѣлую Церковь и Кременчугъ и возвратиться оттуда черезъ Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Калугу, Тарутино и Москву. Цѣль сего путешествія состояла въ томъ, чтобы осмотрѣть часть арміи. Слѣдующія особы были назначены въ сію дорогу: генералъ-адъютанты Уваровъ и князь Волконскій. Послѣдній жаловался мнѣ на судьбу свою и сказалъ, что онъ дорого бы заплатилъ, ежели бы его освободили отъ сего

путешествія. Когда любимецъ царя, подумалъ я, самый приближенный человѣкъ къ его особѣ, не доволенъ своимъ состояніемъ и ропщетъ на свой жребій, то гдѣ же послѣ сего искать счастья, какъ не въ семейной жизни и не въ бесѣдѣ музъ?

Весь дворъ, то-есть обѣ императрицы, великіе князья и находившійся въ Петербургѣ сынъ короля прусскаго, принцъ Вильгельмъ, должны были также отправиться въ Москву въ исходѣ августа и провести зиму и часть будущаго лѣта въ сей столицѣ. Государь намѣревался остаться въ оной до марта мѣсяца 1818 года, а потомъ ѣхать въ землю донскихъ казаковъ, а оттуда чрезъ Одессу въ Варшаву и возвратиться чрезъ Ригу въ Петербургъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, а въ августѣ ѣхать въ Ахенъ на конгрессъ. Изъ сего видно, какъ велика была дѣятельность императора: онъ не зналъ покоя, хотѣлъ лично обозрѣть обширное царство свое и устроить блаженство подданныхъ своихъ, которыхъ онъ любилъ поистинѣ—ибо его уже нѣтъ и лесть не водитъ перомъ моимъ—какъ нѣжный отецъ дѣтей своихъ. Я думаю, что Александръ ошибался въ томъ только, что онъ слишкомъ полагался на свои нравственныя и физическія силы, надѣялся одинъ управить государствомъ, чего по пространству нашего отечества одному человѣку сдѣлать невозможно. Если бы онъ былъ менѣе недовѣрчивъ, или бы нашелъ такихъ людей, которые бы были по добродѣтелямъ своимъ и просвѣщенію достойными его помощниками, то я не знаю, какое бы правленіе въ исторіи могло сравниться съ его вѣкомъ.

24-го августа я поѣхалъ изъ Петербурга въ Царское Село, гдѣ государь уже находился нѣсколько дней. Я прожилъ здѣсь сутки и занимался разными дѣлами по службѣ. Сколь Царскосельскій садъ ни прелестенъ, но въ ономъ, во время высочайшаго съ семъ мѣстѣ пребыванія, я опасался гулять, для того чтобы не встрѣтиться съ императоромъ, который изъ пристрастія своего къ уединенію ходилъ ежедневно въ семъ саду по нѣскольку часовъ и не любилъ, чтобы кто-нибудь ему попадался на глаза. Казалось, что сего уже достаточно было, чтобы никому не показываться въ саду, но, невзирая на сіе, находились изъ придворныхъ таковые, которые въ часы, назначенные его величествомъ для прогулокъ, нарочно старались съ нимъ встрѣтиться. Нѣкоторымъ было дано почувствовать холоднымъ съ ними обращеніемъ, сколь поведеніе ихъ нескромно, другимъ же удавалось извлекать изъ сего пользу и проводить нѣсколько времени въ разговорахъ съ государемъ, можетъ быть отъ того, что они встрѣчались съ императоромъ въ такія минуты, когда онъ бывалъ расположенъ веселѣе обыкновеннаго. И нынѣ засталъ я въ Царскомъ Селѣ до десяти генераловъ, смиренно сидѣвшихъ во весь день въ одной комнатѣ и ожидавшихъ, не удостоятся ли они передъ отъѣздомъ государя одного слова или взора его.

25-го августа я отправился изъ Царскаго Села, по-утру въ десять часовъ, и слѣдовалъ не останавливаясь до Витебска, куда пріѣхалъ чрезъ двое сутокъ. Городъ по случаю ожидаемаго высочайшаго прибытія былъ въ волненіи: звонили въ колокола, и толпы народа покрывали улицы. Переодѣвшись, я явился къ бѣлорусскому генералъ-губернатору герцогу Александру Виртембергскому, который, равно какъ и супруга его, приняли меня ласково и приглашали къ себѣ обѣдать. Государь не жаловалъ герцога, котораго вообще въ Россіи не уважали, хотя онъ былъ человѣкъ любезный. При семъ случаѣ я разскажу о случившемся съ нимъ въ Бородинскомъ сраженіи, чему я былъ свидѣтелемъ. Когда князь Кутузовъ узналъ о ранѣ князя Багратіона, то онъ послалъ на лѣвое крыло арміи герцога Виртембергскаго, чтобы онъ осмотрѣлъ, чтó тамъ происходило, и донесъ бы ему объ ономъ. Герцогъ по прибытіи своемъ туда приказалъ войскамъ отступать, но едва фельдмаршалъ сіе замѣтилъ, какъ пришелъ въ ярость и, пославъ за нимъ нѣсколькихъ адъютантовъ, началъ громко и при всѣхъ поносить его самыми бранными словами. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ увидѣлъ возвращающагося къ нему герцога, и тогда, вдругъ перемѣня и голосъ и видъ, онъ началъ въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ просить его, чтобы онъ отъ него во время сраженія не отъѣзжалъ, потому что совѣты его высочества были для него необходимы. Можно легко судить, что послѣ ругательствъ, произнесенныхъ Кутузовымъ въ присутствіи многочисленной его свиты, герцогъ находился въ арміи не въ завидномъ положеніи, невзирая на высокую породу свою.

Государь отправился изъ Царскаго Села того же числа, какъ и я, то есть 25-го въ четыре часа пополудни, въ пять обѣдалъ въ Гатчинѣ и потомъ поѣхалъ далѣе. На другой день, такъ какъ было воскресенье, императоръ слушалъ обѣдню на станціи Феофиловой пустыни, кушалъ на станціи Сорокиной, 27-го числа обѣдалъ въ Суражѣ, а вечеромъ, въ девять часовъ, прибылъ въ Витебскъ.

28-го августа по-утру, въ десятомъ часу, государь былъ на ученіи находившагося въ Витебскѣ баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка и въ знакъ благоволенія пожаловалъ нижнимъ чинамъ по рублю на человѣка, по фунту говядины и по чаркѣ вина, а потомъ осматривалъ больницу, острогъ и военно-сиротскія отдѣленія. Я ѣздилъ повсюду за его величествомъ, и въ каждомъ заведеніи императоръ обращалъ ко мнѣ рѣчь. По возвращеніи во дворецъ представлялось духовенство, военные и гражданскіе чиновники, дворянство и купечество. Это продолжалось до двухъ часовъ, то-есть до обѣда, который былъ у герцога Виртембергскаго. Въ восемь часовъ мы поѣхали на балъ, на которомъ герцогиня приглашала меня танцовать съ собою и сказала мнѣ между

прочимъ: «Vous avez raison d'être rêveur, il n'y a pas de jolies femmes pour vous. Madame votre épouse les éclipse toutes».

29-го августа, въ четыре часа по-утру, я выѣхалъ изъ Витебска и къ вечеру пріѣхалъ въ Могилевъ, въ главную квартиру первой арміи, которой былъ главнокомандующимъ фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли. Государь отправился изъ Витебска въ половинѣ седьмаго часа по-утру, кушалъ въ часъ по-полудни въ Оршѣ и прибылъ въ шесть часовъ вечера въ Могилевъ, гдѣ остановился въ домѣ гражданскаго губернатора, графа Толстаго. Герцогъ Виртембергскій равномѣрно пріѣзжалъ въ Могилевъ съ супругою своею.

30-го августа, какъ въ день тезоименитства государя, многіе ожидали наградъ, однакоже обманулись въ своихъ надеждахъ, потому что не было производства. По-утру императоръ слушалъ обѣдню въ лагерѣ одиннадцатой пѣхотной дивизіи, которая расположена была недалеко отъ города и состояла подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Цвиленева; послѣ обѣдни произведенъ былъ смотръ сей дивизіи, а вечеромъ былъ балъ у князя Барклай-де-Толли, съ которымъ государь обращался чрезвычайно милостиво. Фельдмаршалу назначено было находиться съ нами во всемъ путешествіи отъ Могилева до Тарутина, потому что войска, стоявшія на семъ пространствѣ, были подъ его командою, но въ Москву его не пригласили. Видъ сей столицы не могъ быть ему пріятенъ, потому что каждый сгорѣвшій въ оной домъ, каждый разоренный житель долженъ былъ служить ему упрекомъ за то, что онъ, будучи военнымъ министромъ передъ походомъ 1812 года, не настоялъ, чтобы сдѣланы были бóльшія приготовленія для встрѣчи непріятеля, и за самонадѣянность его, почему онъ принялъ предводительство надъ арміею и слѣдственно отвѣтственность за послѣдствія войны, въ которой ему надлежало сражаться съ величайшимъ полководцемъ нашего вѣка. Вся Россія обвиняла его, за исключеніемъ малаго числа военныхъ, которые умѣли цѣнить и личныя благородныя его достоинства, и затруднительное положеніе, въ которомъ онъ находился во время отечественнаго похода; особенно же покровительствовалъ ему государь. Полагать должно, что Барклай былъ награждаемъ превыше заслугъ своихъ, потому что онъ принялъ на свой счетъ погрѣшности и неудачи, случавшіяся во время его министерства и предводительства арміи, а что Кутузова дворъ преслѣдовалъ по той причинѣ, что онъ неоднократно говаривалъ, что пагубныя послѣдствія Аустерлицкаго дѣла не должно ставить ему въ вину, потому что сраженіе сіе дано было вопреки его мнѣнію и совѣтамъ.

31-го августа былъ п-оутру маневръ, произведенный одиннадцатою пѣхотною дивизіею, а послѣ обѣда пригласили насъ пить чай къ фельдмаршалу въ загородное мѣсто, названное, по имени супруги

его, Еленсбергъ, и которое прежде именовалось Пиненбергъ. Послѣ чая государь гулялъ по саду, который былъ освѣщенъ, а потомъ танцовали; вообще же было невесело, потому что князь и княгиня Барклай проводили почти всю жизнь свою въ кругу людей средняго состоянія и не имѣли, подобно вельможамъ, родившимся при дворѣ, навыка принимать у себя въ домѣ таковыхъ гостей, какъ государь. Дача Пиненбергъ, лежащая на берегу Днѣпра, въ прекрасномъ мѣстоположеніи, подарена была изъ казны извѣстному по обстоятельствамъ вступленія на престолъ Екатерины второй Пассеку, у котораго купилъ ее откупщикъ Яншинъ, и за долги наслѣдниковъ сего послѣдняго она скоро должна была продаваться съ публичнаго торга. Это новое доказательство тому, какъ у насъ недвижимыя имѣнія не долго остаются въ однѣхъ рукахъ, отчего преграждаются средства къ улучшенію сельскаго хозяйства, ибо новый помѣщикъ, дѣлая свои распоряженія, обыкновенно уничтожаетъ то, что было заведено его предмѣстникомъ, а потому мы видимъ въ нашихъ селахъ или начатое, или недоконченное, или приходящее въ разрушеніе.

1-го сентября, утромъ, государь былъ на ученіи конной артиллерійской роты подполковника Тебенькова, и столь былъ оною доволенъ, что пожаловалъ унтеръ-офицерамъ по пятидесяти, а рядовымъ по двадцати рублей, чему прежде не бывало примѣра; за Бородинское сраженіе дано было нижнимъ чинамъ только по пяти рублей. Послѣ ученія артиллерійскій полковникъ Засядко показывалъ опыты надъ конгревовыми ракетами, которыхъ употребленіе не совсѣмъ соотвѣтствовало еще ихъ назначенію, во-первыхъ потому, что не могли попадать ими въ опредѣленную цѣль, а во-вторыхъ по той причинѣ, что вѣтеръ перемѣнялъ ихъ направленіе и вмѣсто того, чтобы упасть въ непріятельскую армію, онѣ вѣтромъ могли быть обращены на собственныя наши войска.

2-го сентября государь выѣзжалъ изъ Могилева въ половинѣ восьмаго часа утра, слушалъ обѣдню на первой станціи Дашковѣ; обѣдалъ въ одиннадцать часовъ въ старомъ Быховѣ, а въ семь часовъ пополудни прибылъ въ Бобруйскъ. Крѣпость сія лежитъ посреди дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ и была обитаема одними евреями и военными, содержавшими гарнизонъ. Городъ былъ дуренъ и скученъ, не было ни одного каменнаго строенія, принадлежавшаго частнымъ людямъ, и всѣ экипажи состояли изъ одной коляски и изъ трехъ дрожекъ.

Въ селѣ Дашковѣ, въ которомъ государь слушалъ обѣдню, происходило упорное сраженіе въ 1812 году, подъ начальствомъ генерала Раевкаго, который, ставъ посреди Смоленскаго полка съ сыновьями своими, повелъ оный противъ непріятеля. Безсмертный подвигъ сей

былъ бы, вѣроятно, какъ и многіе другіе, забытъ, если-бы Жуковскій не упомянулъ о немъ въ Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ». Прекрасное назначеніе стихотворства, когда оно замѣняетъ исторію! Въ семъ дѣлѣ Паскевичъ, извѣстный до того, какъ храбрый только офицеръ, командуя 26-ю дивизіею, имѣлъ случай оказать тѣ блистательныя способности военачальника, которыя возвели его впослѣдствіи на степень лучшихъ нашихъ полководцевъ, а поэтому онъ о семъ сраженіи часто и всегда съ примѣтнымъ удовольствіемъ разсказывалъ. У меня повѣшенъ въ кабинетѣ, въ Юрьевѣ, планъ, карандашемъ, сего дѣла, который онъ нарисовалъ для меня и который я сохраняю какъ историческій памятникъ.

Счастливы Раевскій и Паскевичъ, что никто не отнимаетъ у нихъ славы, пріобрѣтенной ими подъ Дашковымъ, чѣмъ не всѣ наши генералы похвалиться могутъ, ибо у многихъ изъ нихъ оспариваютъ участіе, которое они принимали въ разныхъ происшествіяхъ войны; отъ сего рождаются такія противорѣчія, что историку предстоитъ великій трудъ согласовать ихъ и представить событія въ настоящемъ видѣ.

Будучи въ Бобруйскѣ въ первый вечеръ нашего пріѣзда свободенъ. я составилъ слѣдующую статью о нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ насчетъ Отечественной войны, заимствовавъ помѣщенное въ оной изъ словъ, слышанныхъ мною отъ различныхъ генераловъ, участвовавшихъ въ семъ походѣ, и присовокупляю теперь къ оной нѣкоторыя обстоятельства, дошедшія впослѣдствіи до моего свѣдѣнія. Да и гдѣ было приличнѣе, какъ не на берегахъ Березины, предаваться воспоминаніямъ брани, единственной въ лѣтописяхъ міра.

Начнемъ съ предводителя силъ россійскихъ—Кутузова. Благоразумныя приготовленія его къ Бородинскому сраженію, твердость духа, потребная для оставленія Москвы, отважное движеніе съ Рязанской дороги на Калужскую, маршъ изъ Тарутина къ Малому Ярославцу. параллельное преслѣдованіе непріятелей и вообще мудрые поступки его во всѣхъ отношеніяхъ во время сего похода пріобрѣли ему названіе спасителя отечества. Кто бы возмечталъ оспаривать славу его?

Беннигсенъ утверждаетъ, что онъ совѣтовалъ дать сраженіе въ бородинской позиціи и отступить отъ Красной къ Тарутину, что онъ одержалъ побѣду 6-го октября, что по его предложеніямъ производимы были важнѣйшія движенія арміи, что онъ содержалъ въ подчиненности генеловъ, которые, по его словамъ, будто-бы роптали на медленность и нерѣшимость Кутузова, котораго онъ именуетъ человѣкомъ неспособнымъ и приписываетъ себѣ успѣхи.

— Я не знаю,—сказалъ онъ мнѣ въ Ахенѣ,—что́ бы безъ меня произошло съ Россіею.

Милорадовичъ, отчасти, съ нимъ согласенъ и увѣряетъ, что Куту-

зовъ не имѣлъ воинскихъ дарованій, присовокупляя, что онъ былъ человѣкъ подлаго нрава и низкій царедворецъ. «Я спасъ армію въ Бородинѣ,—говорилъ онъ мнѣ,—принявъ начальство надъ центромъ, я устроилъ вновь батареи и остановилъ войска, которыя начинали уже бѣжать; если бы я не прикрывалъ нашего отступленія послѣ сей кровопролитной битвы, то непріятель пришелъ бы прямо въ нашъ лагерь, ибо Платовъ, которому первоначально ввѣренъ былъ авангардъ, отвелъ французовъ на двѣ версты отъ онаго, и если бы я не выдержалъ сильнаго стремленія непріятельскаго 29-го августа, то арміи нашей невозможно бы было отступать въ порядкѣ и хотя отчасти придти въ устройство послѣ потерь, претерпѣнныхъ ею въ Бородинѣ. Подъ Москвою я заключилъ перемиріе, безъ котораго бы войска наши были настигнуты въ сей столицѣ и разсѣяны. Я прикрывалъ боковое движеніе на Калужскую дорогу такимъ образомъ, что непріятель потерялъ насъ изъ виду».

Сраженія подъ Вязьмою, а особенно подъ Краснымъ, онъ пріемлетъ на свой счетъ.

Раевскій слыветъ героемъ. Онъ командовалъ подъ Дашковымъ, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ въ Смоленскѣ и Бородинѣ, а Милорадовичъ сказывалъ мнѣ, что когда Раевскій находился у него подъ начальствомъ, то оставлялъ неоднократно посты, которые ему ввѣряемы были для защищенія, и что интриганъ, подобный ему, не можетъ быть хорошимъ генераломъ.

Сраженіе подъ Смоленскомъ, 4-го августа, было одно изъ самыхъ рѣшительныхъ, потому что, если бы Наполеонъ не засталъ тамъ корпуса Раевскаго, и сей не сдѣлалъ бы отчаяннаго отпора, то главная наша армія, двинувшаяся къ Порѣчью, была бы отрѣзана отъ Москвы и отъ полуденныхъ губерній. Честь сего дѣла, въ которомъ командовалъ Раевскій, Паскевичъ приписываетъ себѣ по слѣдующей причинѣ. Онъ мнѣ сказывалъ, что Раевскій намѣренъ былъ выйти изъ Смоленска и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города принять сраженіе со всѣми непріятельскими силами, которыя тутъ сосредоточились, и Смоленскъ былъ бы взятъ. Соображая сіи обстоятельства, Паскевичъ говорилъ, что онъ подалъ совѣтъ Раевскому не выходить изъ города и держаться въ стѣнахъ онаго, что́ имъ и было исполнено съ такимъ успѣхомъ, что Наполеонъ сознается, что безъ сопротивленія сего корпуса, 4-го августа, война возымѣла бы другой оборотъ.

Паскевичъ присовокупляетъ, что онъ бралъ наибольшее участіе въ сраженіяхъ подъ Дашковымъ, Вязьмою и Краснымъ, а очевидцы сказывали мнѣ, будто Раевскій столь былъ недоволенъ распоряженіями Паскевича въ Красненскомъ дѣлѣ, что назвалъ его мальчишкою.

Коновницынъ, котораго сердце мнѣ было открыто, часто наединѣ со мною бесѣдовалъ объ Отечественной войнѣ; это былъ любимый разго-

воръ его, въ которомъ онъ присваивалъ себѣ величайшее участіе въ семъ походѣ. Вотъ собственныя его слова, многократно мною отъ него слышанныя: «Я остановилъ ужасный натискъ непріятелей 6-го августа подъ Смоленскомъ, въ Малаховскихъ воротахъ; безъ меня бы Смоленскъ въ тотъ день не устоялъ. Послѣ полученной раны княземъ Багратіономъ въ Бородинѣ я принялъ начальство надъ лѣвымъ крыломъ арміи, устроилъ войска и удержалъ въ семъ важнѣйшемъ мѣстѣ самое упорное стремленіе непріятелей. Когда меня назначили дежурнымъ генераломъ, то я привелъ въ порядокъ дѣла по управленію арміи, представлявшія совершенный хаосъ, и воевалъ въ послѣдовавшихъ сраженіяхъ, распоряжаясь именемъ Кутузова, который, кромѣ Бородинскаго, ни въ одномъ не былъ подъ ядрами. Я водилъ колонны въ опаснѣйшія мѣста и одушевлялъ ихъ, я первый бросался въ огонь въ Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ и рѣшалъ побѣду».

Дѣйствительно, кто не видалъ Коновницына во всѣхъ сраженіяхъ, подававшаго примѣръ и храбрѣйшимъ; но какъ согласовать присваиваемое имъ себѣ участіе въ дѣлахъ Смоленска и Малаго Ярославца, гдѣ командовалъ Дохтуровъ, въ Вязьмѣ и Красномъ, гдѣ начальствовалъ Милорадовичъ, не уступавшій ему въ безстрашіи и превышавшій его опытностью и знаніемъ военнаго дѣла? Справедливо, что послѣ раны князя Багратіона онъ, какъ старшій по немъ, распоряжался на лѣвомъ крылѣ въ Бородинѣ, но это было только временно, ибо Дохтуровъ, присланный на мѣсто князя Багратіона, разсказывалъ мнѣ въ Вѣнѣ, что онъ остановилъ отступленіе нашихъ и во весь день испровергалъ всѣ усилія непріятелей.

Графъ Орловъ-Денисовъ, столько же отважный въ дѣлахъ, какъ скромный въ частной жизни, съ которымъ я часто дѣлилъ время и который неохотно распространялся о своей службѣ, разсказалъ мнѣ однажды слѣдующее о Тарутинскомъ сраженіи. Одинъ казачій урядникъ съ передовой цѣпи извѣстилъ его, что непріятельскій авангардъ стоялъ съ большею оплотностью; графъ поѣхалъ съ нимъ на оконечность постовъ французскихъ и, увѣрившись въ показаніи урядника, вздумалъ, что можно симъ воспользоваться и ударить врасплохъ на непріятеля. Возвращаясь въ лагерь, онъ встрѣтилъ генералъ-квартирмейстера Толля, котораго приглашалъ обратно съ собою обозрѣвать непріятельское расположеніе и сообщилъ ему свою мысль—сдѣлать нападеніе. Толль, согласясь съ нимъ, сказалъ ему, что надобно обоимъ имъ предварить о семъ Кутузова и, наконецъ, по долгомъ колебаніи со стороны фельдмаршала, положили атаковать, что исполнено было 6-го октября. Изъ словъ графа Орлова-Денисова видно, что первая мысль о семъ сраженіи подана имъ, но Толль утверждаетъ противное и присваиваетъ ее себѣ.

Однажды рѣчь зашла о семъ предметѣ за столомъ у вдовствующей императрицы, а оба генерала поддерживали съ такимъ жаромъ свои притязанія, что Толль вышелъ изъ границъ благопристойности, и они рѣшили кончить споръ свой поединкомъ. Ихъ съ трудомъ примирили, однако же историческая истина отъ того не обнаружилась.

Толль вообще во многомъ приписываетъ себѣ успѣхъ войны. Сколько разъ говорилъ онъ мнѣ, напримѣръ, что въ военномъ совѣтѣ, бывшемъ подъ Смоленскомъ, онъ предложилъ идти на непріятеля, который тогда растянулъ силы свои отъ Порѣчья до Могилева, что онъ первый объявилъ о невозможности сражаться подъ Москвою, и что по его настоянію произведено движеніе съ Рязанской дороги на Калужскую, отъ Тарутина къ Малому Ярославцу и параллельное преслѣдованіе до Березины. «По моимъ диспозиціямъ,—присовокупляетъ онъ,—даны сраженія подъ Вязьмою и подъ Краснымъ, а Милорадовичъ сказывалъ мнѣ, что онъ пошелъ на Вязьму не токмо не имѣя приказаній на то изъ главной квартиры, но что, рѣшась на сіе движеніе и зная осторожность Кутузова, онъ даже донесъ ему, что изъ онаго не предстоитъ никакой опасности».

Я напечаталъ, въ 1819 году, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью о сдачѣ Москвы, въ которой слова Беннигсена, сказанныя имъ въ военномъ совѣтѣ 1-го сентября, записаны были мною по личному его разсказу въ Ахенѣ, но Толль увѣрялъ меня честнымъ словомъ, что Беннигсенъ утаилъ правду предо мною. По просьбѣ моей онъ, карандашемъ, означилъ на моемъ отрывкѣ то, чтó Беннигсенъ въ совѣтѣ говорилъ; я помѣщаю здѣсь одно замѣчаніе Толя; на страницѣ 12-й сказано: «онъ по изложеннымъ тамъ причинамъ совѣтовалъ атаковать непріятеля», но Толль написалъ своею рукою: «Беннигсенъ отнюдь не предлагалъ идти на непріятеля, а хотѣлъ непремѣнно сражаться въ избранной имъ позиціи; съ нимъ согласился Дохтуровъ, а Коновницынъ предложилъ идти на непріятеля».

Думать надобно по причинамъ, которыя здѣсь не у мѣста излагать, что Кутузовъ рѣшился сдать Москву прежде, нежели о томъ было разсуждаемо въ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, и что онъ совѣтъ сей собиралъ для того, чтобы, на предбудущее время, въ случаѣ неудачнаго окончанія войны, имѣть менѣе отвѣтственности. Какъ бы то ни было, но Беннигсенъ, Толль, Мишо и Кроссаръ увѣряли меня, каждый порознь, что по ихъ совѣту отступили отъ Москвы, и дали мнѣ честное слово, что именно по ихъ настоянію пошелъ Кутузовъ по Рязанской дорогѣ и оттуда на Калужскую. Бывшій генералъ-квартирмейстеромъ второй арміи Вистицкій въ запискахъ своихъ о семъ походѣ, которыя я имѣлъ случай читать, утверждаетъ, что онъ подалъ о семъ мысль.

Вотъ собственныя слова, мнѣ сказанныя графомъ Мишо: «въ день вы-

ступленія арміи изъ Москвы, т. е. 2-го сентября, рано утромъ, я встрѣтилъ кн. Кудашева, который сказалъ мнѣ, что предположено было отступить по Владимірской дорогѣ. Я поспѣшилъ къ фельдмаршалу, изложилъ ему неудобства движенія по сему направленію и предложилъ стать на Калужскую дорогу, подкрѣпляя мнѣніе мое всѣми доводами, которые можно привести въ пользу такого марша, который приводилъ насъ почти на линію сообщеній непріятеля. Фельдмаршалъ послалъ меня объясниться съ Беннигсеномъ и съ Барклаемъ де-Толли; первый скоро, но второй не прежде, какъ послѣ многихъ возраженій, со мною согласился: мы всѣ трое пошли къ свѣтлѣйшему, который также принялъ наше мнѣніе. «Я свидѣтельствуюсь находившимся въ избѣ фельдмаршала полковникомъ Кайсаровымъ». Графъ Мишо говоритъ, что Толль, бывшій тогда генералъ-квартирмейстеромъ, разсердился, когда ему велѣно было перемѣнить маршруты, по которымъ войска начали уже свое движеніе на Владимірскую дорогу, а теперь Толль утверждаетъ, какъ выше сказано, что онъ далъ совѣтъ идти на Рязанскую дорогу. Я прибавлю еще, что вечеромъ того дня, когда мы оставили Москву, Толль именно говорилъ, что намѣреніе наше было идти на Нижній-Новгородъ, о чемъ подробно значится въ журналѣ моемъ 1812-го года.

Мишо присовокупляетъ, что когда онъ былъ отправленъ отъ фельдмаршала къ императору съ донесеніемъ о сдачѣ Москвы, то князь Смоленскій просилъ его умолчать передъ государемъ, что онъ подалъ мысль боковаго движенія на Калужскую дорогу, и просилъ сказать, что оно произведено по собственному предположенію фельдмаршала.

Симъ заключаю сію статью, которую я бы могъ распространить болѣе, если бы хотѣлъ помѣстить все то, что мнѣ извѣстно отъ разныхъ военныхъ, участвовавшихъ въ семъ походѣ, но я ограничился только собственными словами, слышанными мною отъ генераловъ Беннигсена, Милорадовича, Коновницына, Дохтурова, Паскевича, Толля, Орлова-Денисова, Мишо и Кроссара, предоставляя будущему историку согласовать противорѣчащія показанія ихъ.

Сентября 3-го. По-утру былъ разводъ, послѣ котораго я ходилъ съ государемъ вокругъ всего крѣпостнаго вала. Императоръ съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ укрѣпленія и, замѣтя гору, повелѣвающую Бобруйскомъ, сказалъ: «если непріятель поставитъ на нее батареи, то непремѣнно овладѣетъ городомъ», и въ то же время приказалъ сдѣлать планъ для построенія на сей горѣ приличнаго укрѣпленія. Это то самое, которое окончено въ 1825 году и которому дано названіе Фридриха - Вильгельма. Тутъ онъ, государь, разсматривалъ, какимъ образомъ и гдѣ расположены были непріятельскія войска, облегавшія Бобруйскъ въ 1812 году подъ начальствомъ генерала Домбровскаго. Потомъ мы осматривали казенныя заведенія и обѣдали

у государя, остановившагося въ домѣ подполковника Розенмарка. Между прочимъ за столомъ рѣчь зашла о балахъ, которые намъ давали въ Витебскѣ и въ Могилевѣ, и государь сказалъ: «Si vous voulez, messieurs, connaître les plus belles personnes du bal de Vitebsk, vous n'avez qu'à vous adresser, à monsieur Danilefsky, car il a dansé avec la plus jolie». Comment avez vous fait sa connaissance? спросилъ меня государь.

«Sire, отвѣчалъ я, c'est le hasard qui m'a servi: j'ai été logé dans la maison de cette dame».

«Il faut avouer, сказалъ императоръ, que le hasard vous sert bien au reste c'est un crime pour vous que d'être avec de jolies femmes parce que vous êtes un nouveau marié».

Слѣдующая черта обнаруживаетъ сердце Александрово. Въ Бобруйской крѣпости содержался одинъ штабъ-офицеръ за какой то буйственный поступокъ, но комендантъ Бергъ не запиралъ его въ казематъ, какъ это въ подобныхъ случаяхъ водится, а позволялъ ему свободно ходить по городу. Сіе обстоятельство доведено было до свѣдѣнія государя, и когда жена того штабъ-офицера подала просьбу императору объ облегченіи участи мужа ея, то его величество сказалъ ей съ улыбкою, въ которой изображалась вся добрая душа его и изъ которой видно было, что снисхожденіе начальника крѣпости было ему пріятно, хотя оно и не соотвѣтствовало строгости законовъ: «но онъ не такъ несчастливъ, сударыня, какъ вы пишете, ибо господинъ комендантъ смотритъ иногда на арестантовъ сквозь пальцы». Надобно знать, что слова сіи были произнесены въ присутствіи самого коменданта, который ожидалъ, какъ онъ мнѣ послѣ самъ признавался, не отзыва подобнаго сему, но выговора за свое мягкосердіе.

Вечеромъ императоръ пилъ чай у пригожей хозяйки дома своего, а послѣ занимался чертежами и планами крѣпости съ инженерными офицерами. Всѣ особы, принадлежавшія къ нашей свитѣ, уѣхали впередъ въ Кіевъ, а я вдвоемъ съ княземъ Волконскимъ ожидалъ до ночи, пока насъ извѣстили, что государь легъ почивать.

Сентября 4-го государь выѣхалъ изъ Бобруйска, въ половинѣ девятаго часа по-утру, кушалъ на станціи Поболовой и въ восемь часовъ вечера прибылъ на ночлегъ въ городокъ Рѣчицы. Во весь день мы ѣхали дремучими лѣсами и по мѣстамъ почти безлюднымъ.

Сентября 5-го отправились изъ Рѣчицы въ девять часовъ утра. Государь обѣдалъ на станціи Лоевѣ, а въ семь часовъ вечера прибылъ въ Черниговъ, гдѣ былъ встрѣченъ фельдмаршаломъ княземъ Барклаемъ де-Толли и малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ Рѣпнинымъ. Императоръ, отслушавъ молебенъ въ соборѣ, остановился для ночлега въ домѣ помѣщика Милорадовича, гдѣ по обыкновенному порядку

было представленіе духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ чиновниковъ, дворянъ, купечества и евреевъ. Во время сихъ представленій государь, къ удивленію моему, рѣдко входилъ въ подробные разговоры о мѣстностяхъ края или нуждахъ жителей, а большею частью дѣлалъ незначительные вопросы, преимущественно тѣмъ лицамъ, коихъ имена почему-либо ему были извѣстны. Конечно тому были причиною скорость, съ какою императоръ проѣзжалъ большое пространство земель, и сопряженная съ оною физическая усталость. Скорости же сей избѣжать нельзя, ибо посредствомъ оной сокращатся, такъ сказать, разстояніе необъятной Россіи.

Сентября 6-го мы выѣхали изъ Чернигова въ половинѣ восьмаго часа по-утру; дорогою государь обѣдалъ въ городѣ Козельцѣ у помѣщицы Галасоновой, а въ семь часовъ пополудни прибылъ въ Кіевъ. По отслушаніи въ соборѣ молебна, императоръ поѣхалъ въ назначенный для пребыванія его домъ, а когда смерклось, то послалъ меня въ Печерскую лавру – сказать славившемуся святостью своею схимнику Вассіану, что будто князь Волконскій намѣренъ его посѣтить и приказалъ мнѣ ожидать его у воротъ крѣпости. Вскорѣ потомъ государь надѣлъ шинель и поѣхалъ въ темнотѣ и на дрожкахъ въ лавру, гдѣ я его встрѣтилъ, и такъ какъ намъ надлежало идти мимо часовыхъ, то государь велѣлъ мнѣ, когда насъ окликали, отвѣчать, что иду я. Императоръ пробылъ у схимника болѣе часа.

Сентября 7-го день начался разводомъ, а потомъ императоръ слушалъ обѣдню въ лаврѣ, въ которую послано было по Высочайшему повелѣнію вкладу двѣсти червонныхъ. Вечеромъ былъ балъ, на которомъ мнѣ разсказывали слѣдующій анекдотъ о тогдашнемъ кіевскомъ губернаторѣ Назимовѣ. Во время войны съ французами онъ командовалъ въ Корфѣ, и жители сего города, желая возблагодарить его за какую-то услугу, поднесли ему золотую шпагу. Взявъ ее въ руки, Назимовъ отвѣчалъ корфіотамъ: «e'troppo légiero», то-есть—шпага слишкомъ легка.

Сентября 8-го утро провели мы въ Кіевѣ. Императоръ занимался бумагами; положено было послѣ стола отправиться въ имѣніе графини Браницкой, Бѣлую церковь, гдѣ назначенъ былъ смотръ четвертаго корпуса. Обѣдъ былъ въ кабинетѣ у государя, за которымъ насъ находилось семеро, а именно: его величество, генералъ-адъютанты: князь Волконскій и графъ Ожаровскій, статсъ-секретарь Марченко, лейбъ-медикъ Виллie, флигель-адъютантъ Орловъ и я. Сначала говорили о бывшемъ наканунѣ балѣ, о женщинахъ и объ одной госпожѣ Обуховой, которая тоже была на этомъ балѣ. Государь замѣтилъ, что она очень похожа на супругу нашего посланника въ Берлинѣ Алопеуса, и разсказалъ по сему поводу, что, прогуливаясь однажды по Петербургу, онъ встрѣтилъ даму въ покрывалѣ, которую, принявъ за госпожу Алопеусъ,

подошелъ къ ней и началъ съ нею говорить какъ со знакомою особою, но болѣе и болѣе удивлялся, видя изъ ея отвѣтовъ, что замѣшательство ея безпрестанно возрастало; наконецъ дама сія подняла покрывало, и вмѣсто Алопеусовой, явилась Обухова, вовсе незнакомая государю.

Послѣ сего разговоръ былъ о генералахъ Милорадовичѣ и Сакенѣ, которые между собою во враждѣ и безпрестанно спорятъ, когда находятся за столомъ у государя. Его величество, сравнивая ихъ, сказалъ: «Оба они отмѣнно отличные генералы. Милорадовичъ—человѣкъ такой честности, какой я подобной не встрѣчалъ, c'est un vrai chevalier, mais il faut avouer, que Sacken a la tête mieux garnie».

Потомъ начали говорить объ обязанностяхъ людей различныхъ состояній, равно и монарховъ. Государь произнесъ твердымъ голосомъ слѣдующія слова, за точность коихъ я ручаюсь, потому что я ихъ записалъ тотчасъ послѣ обѣда.

— Quand quelqu'un a l'honneur d'être à la tête d'une nation comme la notre, il doit au moment du danger être le premier à l'affronter. Il ne doit rester à sa place qu'aussi longtemps que ses forses physiques le lui permettent, ou pour le dire en un mot, aussi longtemps qu'il peut monter à cheval. Passé ce terme en faut qu'il se retire».

При сихъ словахъ на устахъ государя явилась улыбка выразительная, и онъ продолжалъ:

— Quant à moi je me porte bien à present, mais dans dix ou quinze ans quand j'aurai cinquante ans, alors...

Тутъ нѣсколько изъ присутствовавшихъ прервали императора и, какъ не трудно догадаться, увѣряли, что и въ шестьдесятъ лѣтъ онъ будетъ здоровъ и свѣжъ. Неужели, подумалъ я, государь питаетъ въ душѣ своей мысль объ отреченіи отъ престола, приведенную въ исполненіе Діоклеціаномъ и Карломъ V? Какъ бы то ни было, но сіи слова Александра должны принадлежать исторіи.

Послѣ сего обѣда, который я нарочно подробно описалъ, государь отправился въ село Александрію, лежащее подлѣ Бѣлой Церкви, куда прибылъ въ восемь часовъ вечера. Здѣсь мы нашли, кромѣ семейства графини Браницкой, князя Барклая-де-Толли, начальника главнаго штаба его Дибича, котораго императоръ отличалъ особеннымъ образомъ, командира расположеннаго на Волыни четвертаго корпуса генерала Раевскаго и дивизіонныхъ генераловъ: 7-й пѣхотной—Капцевича, 24-й пѣхотной—Вуича и 3-й драгунской—Эмануеля.

Сентября 9-го. Все утро провели мы на смотру корпуса Раевскаго, проходившаго мимо государя церемоніальнымъ маршемъ сперва по-взводно, а потомъ во взводныхъ баталіонныхъ колоннахъ. Люди, лошади, оружіе - все было найдено въ великой исправности,

Сентября 10-го войска производили маневръ, состоящій въ слѣдую-

щемъ. Корпусъ былъ выстроенъ въ боевой порядокъ; внезапно привезли извѣстіе, что непріятель въ значительныхъ силахъ показался на правомъ крылѣ нашемъ, почему всѣ дивизіи сдѣлали перемѣну фронта, и первая линія открыла батальный огонь. Послѣ сего вторая линія пошла впередъ чрезъ промежутки первой, произвела, въ свою очередь, ружейную пальбу, и когда можно было предположить, что непріятель уже разстроенъ отъ пушечнаго и ружейнаго огня, то драгунская дивизія двинулась въ атаку, но съ такою поспѣшностью, что она проскакала мимо нашего фронта въ продолженіе пальбы рядами, а потому если-бы сіе случилось въ настоящемъ дѣлѣ, то дивизія сія много бы пострадала, отъ собственныхъ нашихъ выстрѣловъ. Изъ сего описанія видѣть можно, сколь былъ простъ сей маневръ: онъ заключался только въ перемѣнѣ фронта, въ продолженіи линій и въ одной кавалерійской атакѣ. Наши войска во многихъ отношеніяхъ доведены были до большаго совершенства, но ихъ недостаточно упражняли въ большихъ движеніяхъ. При семъ случаѣ я приведу историческое изреченіе князя Кутузова, слышанное мною отъ него въ самый день Бородинскаго сраженія. Извѣстно, что во время дѣла, часу въ пятомъ пополудни фельдмаршалъ, видя сильную потерю въ людяхъ непріятеля, положилъ, чтобы на другой день, то есть 27 числа. атаковать французовъ, и отправилъ уже къ нѣкоторымъ генераламъ приказанія по сему предмету, присовокупя однако же, что это будетъ трудно, особенно если, разстроивъ непріятеля, должно будетъ подвигаться впередъ «parce que nos troupes ne sont pas assez manoeuvrières».

Это были собственныя слова его. Нѣкто сравнивалъ несмѣтную армію, которую Россія уничтожила въ 1812 году, съ палицею Геркулеса, говоря, однако-же, что онъ не находитъ въ рядахъ арміи Геркулеса, способнаго управлять оною. Замѣчаніе сіе болѣе остроумное, нежели справедливое. Конечно мы не имѣли уже Суворова и Кутузова—полководцевъ, кои родятся вѣками, но въ то время у насъ было болѣе отличныхъ генераловъ, нежели у какой-либо другой европейской державы.

Въ Бѣлой Церкви явился одинъ крестьянинъ Вологодской губерніи, возвращавшійся изъ Іерусалима; государь, свѣдавъ о немъ, приказалъ выдать ему сто рублей.

Сентября 11-го, въ шесть часовъ прекраснѣйшаго утра, благословеннаго малороссійскаго климата, я выѣхалъ вслѣдъ за государемъ изъ Бѣлой Церкви въ Кіевъ, куда мы прибыли въ полдень. Государь кушалъ наскоро въ своемъ кабинетѣ; за обѣдомъ, продолжавшимся не болѣе десяти минутъ, было насъ четверо: его величество, князь Волконскій, Вилліе и я. Послѣ стола мы отправились на ночлегъ въ Переяславль, куда прибыли въ пять часовъ. Императоръ во весь вечеръ занимался дѣлами и очень сердился, узнавъ, что форейторъ, ѣхавшій въ коляскѣ графа Ожаровскаго, былъ задавленъ лошадьми. Семейству сего

несчастнаго мальчика велѣно было выдать пятьсотъ рублей, а графу государь лично сдѣлалъ сильный выговоръ и приказалъ князю Волконскому подтвердить ему на бумагѣ, чтобы онъ скоро не ѣздилъ.

Сентября 12-го императоръ отправился изъ Переяславля въ девять часовъ утра, кушалъ въ Золотоношѣ, а на ночлегъ прибылъ въ Кременчугъ, гдѣ остановился въ домѣ командира третьяго пѣхотнаго корпуса Сакена, бывшаго губернаторомъ Парижа. Я ѣхалъ въ этотъ день по мѣстамъ полупустыннымъ безо всякаго вниманія, потому что ни люди, ни край не заслуживали примѣчанія, но сколь любопытными глазами я бы на нихъ смотрѣлъ, если бы могъ предугадать, что черезъ нѣсколько лѣтъ придется мнѣ на семъ разстояніи въ теченіе двухъ лѣтъ командовать войсками, часто по сему пространству ѣздить и проводить столь пріятно время, что я всегда оное буду воспоминать съ удовольствіемъ.

Сентября 13-го мы весь день провели въ Кременчугѣ, который императору весьма понравился; мы осматривали коммиссаріатъ и публичный садъ, на содержаніе котораго его величество, какъ большой любитель садовъ, пожаловалъ десять тысячъ рублей. Квартира моя отведена была въ одномъ домѣ съ императоромъ и отдѣлялась отъ его половины только одною залою; это было причиною, что государь, не зная твердо расположенія дома, нечаянно ко мнѣ зашелъ и, заставъ меня у окна, выходившаго на Днѣпръ, нѣсколько минутъ провелъ въ моей комнатѣ наединѣ со мною и любовался теченіемъ рѣки; выходя же, сказалъ мнѣ: «прощай, я у тебя былъ въ гостяхъ».

Сентября 14-го государь выѣхалъ изъ Кременчуга въ десять часовъ поутру, обѣдалъ на станціи Буняковкѣ, а въ шесть часовъ прибылъ въ Полтаву, гдѣ остановился въ домѣ, принадлежавшемъ Кочубею. На этой дорогѣ жилъ въ селѣ Рѣшетиловкѣ нѣкто Василій Степановичъ Поповъ, бывшій правителемъ канцеляріи князя Потемкина и статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины, въ царствованіе которой онъ игралъ довольно значительную роль. Онъ присылалъ къ государю въ Кременчугъ нарочнаго просить обѣдать въ его имѣніе, лежащее на большой дорогѣ, однако-же его величество не принялъ сего приглашенія, а только пилъ чай у Попова.

Сентября 15-го поутру было обыкновенное представленіе, какъ и въ прочихъ губерніяхъ и тѣмъ же порядкомъ, то-есть сперва духовные, за ними военные, потомъ гражданскіе чиновники, дворянство и купечество. Такъ какъ губернскій предводитель былъ мой однофамилецъ, то императоръ спросилъ его, не родня ли онъ мнѣ. Послѣ представленія мы поѣхали на смотръ 3-го пѣхотнаго корпуса генерала Сакена, состоявшаго изъ пѣхотныхъ дивизій: 26-ой—генерала Эмме, 15-ой—генерала

Керна и вторыхъ батальоновъ 12-ой—Кося [1]) и 3-ей гусарской дивизіи князя Вадбольскаго; войска были въ блистательномъ положеніи. Послѣ смотра былъ у государя большой обѣдъ, къ которому, кромѣ генералъ-губернатора, вице-губернатора, губернскаго предводителя и нѣсколькихъ почетныхъ дворянъ приглашены были и полковые командиры. Императоръ передъ столомъ и послѣ онаго подходилъ къ каждому изъ нихъ и благодарилъ за отличное состояніе ввѣренныхъ имъ полковъ.

Вечеромъ былъ балъ, на которомъ я увидѣлъ князя Волконскаго весьма скучнымъ, и на вопросъ мой, почему онъ былъ невеселъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, что получилъ выговоръ отъ императора за то, что при входѣ въ танцовальную залу императоръ увидѣлъ на стѣнѣ вензелевое имя свое, и хоръ пѣвчихъ пѣлъ стихи въ честь его величества. Князь приказалъ мнѣ, чтобы во всѣхъ городахъ, гдѣ насъ будутъ впредь приглашать на балы, я предварительно осматривалъ комнаты и именемъ государя запрещалъ, чтобы въ оныхъ не находилось ни портретовъ императора, ни изваяній его, ни вензелеваго имени, и чтобы отнюдь не пѣли стиховъ въ похвалу его величеству.

Сентября 16-го по-утру мы отправились на поле безсмертнаго Полтавскаго сраженія, на которомъ былъ выстроенъ третій пѣхотный корпусъ и производился маневръ, соображаясь по возможности съ движеніями войскъ Петра Великаго и Карла XII. Намъ благопріятствовала прекраснѣйшая погода, и государь былъ чрезвычайно веселъ, любезенъ, да и можно ли было ему не радоваться, находившись посреди войскъ, незадолго торжествовавшихъ надъ всею Европою, а въ тотъ день являвшихся передъ нимъ на поляхъ, на которыхъ за сто лѣтъ спасена имперія и положено настоящее основаніе ея величію. Во время маневровъ государь нѣсколько разъ со мною разговаривалъ о подробностяхъ Полтавскаго сраженія и, принимая меня, вѣроятно, за знатока нашей старины, предлагалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, касательно расположенія войскъ великаго прадѣда своего. Послѣ маневра былъ у императора большой обѣденный столъ; вечеромъ государь занимался бумагами, а я былъ въ театрѣ, гдѣ играли «Казака-стихотворца». Довольно странно, что въ столицѣ Украйны представляли сію пьесу, которая нѣкоторымъ образомъ есть сатира на малороссіянъ.

Сентября 17-го по-утру, въ одиннадцать часовъ, императоръ выѣхалъ изъ Полтавы, кушалъ на станціи Коломахи и въ десять часовъ вечера прибылъ въ Харьковъ.

Сентября 18-го поутру было представленіе обыкновенное въ губернскихъ городахъ, во время котораго извѣстный по разнымъ отношеніямъ г. Каразинъ подалъ императору какой-то проектъ. Эго госу-

[1]) Первые батальоны находились во Франціи въ корпусѣ графа Воронцова.

дарю было весьма непріятно, ибо его величество не любилъ, чтобы ему лично представляли бумаги, которымъ надлежало идти законнымъ порядкомъ, принятымъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ.—Послѣ мы осматривали общественныя заведенія, какъ-то: тюрьму, больницы, а долѣе всего пробыли въ университетѣ. Библіотека была малочислена, а собранія инструментовъ и машинъ неполны; для пріумноженія оныхъ требовались еще большія издержки. Студенты похожи были на школьниковъ, между профессорами не находилось ни одного человѣка, который бы снискалъ имя въ ученомъ свѣтѣ; государь пожималъ плечами, и я читалъ на лицѣ его, что онъ былъ недоволенъ. Къ тому же попечитель университета Карнѣевъ началъ по-одиночкѣ представлять его величеству студентовъ, выкликая каждаго по-именно, при чемъ они, выходя изъ толпы, дѣлали государю смѣшные и неловкіе поклоны. Императоръ, увидя меня стоявшаго поодаль, подошелъ ко мнѣ и спросилъ по французски: «Que pensez vous de l'université?»—«Il faut avouer, Sire,—отвѣчалъ я, qu'elle est encore bien arrierée».

— Je suis de votre avis,—сказалъ государь.

Въ двѣнадцать часовъ былъ у государя большой обѣдъ, послѣ котораго мы немедленно поѣхали ночевать въ Бѣлгородъ. Это одинъ изъ самыхъ красивыхъ уѣздныхъ городовъ, въ которомъ я нашелъ богатое купечество: нельзя вообразить, съ какимъ радушіемъ они насъ угощали, даже и прислугѣ нашей шампанское лилося рѣкою.

Сентября 19-го, въ десять часовъ утра, государь выѣхалъ изъ Бѣлгорода, а въ десять часовъ вечера прибылъ въ Курскъ, гдѣ мы прожили два дня, то есть 20-е и 21-е числа, въ которыя былъ смотръ и маневръ третьей кирасирской дивизіи генерала Дуки. Государь былъ не совсѣмъ доволенъ сими войсками. Вообще наша конница во многомъ уступала пѣхотѣ, и императоръ въ оной неохотно дѣлалъ перемѣны, потому что она находилась подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича, который именовался генералъ-инспекторомъ кавалеріи. Государь велъ себя такимъ образомъ съ цесаревичемъ, что почти не вступался въ распоряженія тѣхъ частей, которыя были подъ вѣдѣніемъ или командою его высочества. Наступившая внезапно холодная погода также способствовала къ неудачнымъ смотрамъ кирасирскихъ полковъ, ибо люди и лошади, будучи выводимы на смотръ очень рано, озябали и отъ того не бывало въ строю равенства и тишины, которая требовалась преимущественно отъ конницы. Впрочемъ, государь и не могъ присутствовать на сихъ смотрахъ съ веселымъ расположеніемъ духа, потому что онъ нашелъ Курскую губернію въ великомъ разстройствѣ: тяжебныхъ дѣлъ было безчисленное множество, которыя возникали отъ живущихъ тамъ однодворцевъ. Когда императоръ ѣхалъ въ первый разъ верхомъ за-городъ къ кирасирской дивизіи, то одна

длинная улица наполнена была народомъ, стоявшимъ на колѣняхъ съ поднятыми надъ головами прошеніями. Зрѣлище ужасное!—и я почувствовалъ на себѣ дѣйствіе грусти, которая, безъ сомнѣнія, овладѣла тогда душою императора, ибо когда онъ бывалъ скученъ, то становился бранчивъ съ близкими къ нему людьми. Вотъ какъ это случилось. Въ Курскѣ давали намъ два великолѣпные бала: одинъ дворянство, а другой купечество. На семъ послѣднемъ я стоялъ подлѣ кадриля и смотрѣлъ на него. Государь подошелъ ко мнѣ и спросилъ меня, зачѣмъ я не танцую; на отвѣтъ мой, что его величеству извѣстно, что я до этого небольшой охотникъ, императоръ сказалъ мнѣ съ мрачнымъ видомъ: «я тебя съ собою вожу для того, чтобы ты танцовалъ на балахъ». Надобно было повиноваться. Государь долго смотрѣлъ на меня и вѣрно не менѣе моего смѣялся внутренно, что преобразилъ меня въ танцора.

Сентября 22-го императоръ отправился изъ Курска въ десять часовъ утра, кушалъ на станціи Олоховатое и прибылъ въ десять часовъ вечера въ Орелъ. Мы прожили въ семъ городѣ 23-е и 24-е числа. Въ первый день государь осматривалъ вторую кирасирскую дивизію подъ командою генерала барона Корфа, а на другой день войска сіи производили маневръ. Послѣ смотра императоръ ѣздилъ по городу и сдѣлалъ строгій выговоръ начальнику губерніи за нечистоту улицъ. Ни одному монарху Россія не обязана столь много за украшеніе городовъ, какъ императору Александру: это былъ одинъ изъ любимыхъ его предметовъ, и онъ обращалъ на него величайшее вниманіе. Въ его царствованіе города приняли совершенно другой видъ, и такъ какъ число архитекторовъ въ Россіи весьма ограниченно, ибо по штатамъ положенъ на каждую губернію только одинъ, а вольныхъ архитекторовъ во внутренности имперіи кромѣ столицъ вовсе не имѣется, потому что весьма мало людей занимаются архитектурою, то въ отвращеніе сего недостатка издано было шесть частей книгъ съ фасадами всѣхъ возможныхъ строеній, начиная отъ великолѣпныхъ домовъ до сараевъ, конюшенъ, заборовъ, воротъ и велѣно было желавшимъ строиться придерживаться къ какому-либо чертежу, заимствованному изъ сихъ книгъ. Мѣру сію можно назвать деспотическою въ тѣхъ земляхъ, гдѣ повсемѣстно распространенъ вкусъ и знаніе въ зодчествѣ и гдѣ въ каждомъ маленькомъ городкѣ встрѣчаются искусные архитекторы, но у насъ она была необходима, чтобы искоренить безобразіе прежнихъ нашихъ построеній и пріучить глазъ къ правильности ихъ и къ приличію. Слѣдствіемъ обнародованія сихъ книгъ съ различными фасадами, составленныхъ подъ непосредственнымъ надзоромъ государя и разосланныхъ по его повелѣнію во всѣ губерніи, было, что повсюду въ городахъ, даже самыхъ отдаленныхъ губерній, явились храмы Господни и казенныя зданія, соотвѣтствующія всѣмъ правиламъ зодчества, краси-

вые дома частныхъ людей и службы, къ нимъ принадлежащія, колоннады, пропорціональныя двери и окна, просторные рынки, остроги и почтовыя станціи, прочные мосты, чистые тротуары, столь много способствующіе къ сохраненію здравія и къ спокойствію для пѣшеходовъ, большія дороги на всемъ пространствѣ имперіи, окопанныя канавами и насажденныя аллеями, наконецъ всякаго рода строенія даже самыя маловажныя, какъ-то: будки, погреба, фонари, каланчи и прочее— удобные и согласные цѣли ихъ назначенія. Если-бы составить рисунки всѣмъ зданіямъ разнаго рода общественнымъ и частнымъ, сооруженнымъ въ царствованіе Александра во всемъ государствѣ, то это была бы истинно геркулесова работа, изъ которой бы можно было усмотрѣть, что въ семъ отношеніи отечество наше въ его вѣкѣ совершенно измѣнилось, и города наши сдѣлались красивыми. Сіе обстоятельство тѣмъ уважительнѣе, что улучшеніе городовъ, или, приличнѣе сказать, преобразованіе ихъ, происходило въ продолженіе многотрудныхъ войнъ, которыя Россія при Александрѣ должна была вести со всѣми европейскими народами. Настоянія его по сей части были безпрерывныя, и мнѣ случалось видать цѣлые листы, исписанные его рукою, въ коихъ онъ давалъ губернаторамъ наставленія насчетъ исправленія городовъ и дорогъ. Нельзя удивляться, что при приведеніи въ исполненіе его предначертаній, бывалъ иногда ропотъ со стороны частныхъ людей и злоупотребленія отъ чиновниковъ, коимъ поручался надзоръ, ибо не бывало примѣра, чтобы какой-либо народъ при нововводимыхъ учрежденіяхъ не оказывалъ неудовольствія, чему царствованіе Петра Великаго служитъ лучшимъ доказательствомъ, а чиновники не извлекали бы личной для себя выгоды, особенно же при безнравственности сего класса людей въ нашемъ отечествѣ. Какой путешественникъ не восхищался прекрасными дорогами, пересѣкающими Францію во всѣхъ направленіяхъ, а польза, которую онѣ принесли жителямъ ея, неисчислима; при всемъ томъ мы видимъ изъ исторіи, какъ велики были жалобы на Людовика XIV, устроившаго сіи дороги, составляющія лучшій памятникъ многолѣтняго его правленія.

Въ числѣ особъ, представлявшихся императору въ Орлѣ, находился Ермоловъ, отецъ извѣстнаго генерала, и который самъ при императрицѣ Екатеринѣ занималъ значительное мѣсто. Императоръ обошелся съ нимъ довольно сухо и не пригласилъ его къ столу. Этотъ случай показался для меня любопытенъ, потому что я замѣтилъ, что въ семъ путешествіи государь почти не обратилъ никакого вниманія на двухъ стариковъ, служившихъ при бабкѣ его:—на Попова въ Полтавской и на Ермолова въ Орловской губерніи. Конечно, онъ имѣлъ на то свои причины и вообще не любилъ, когда вспоминали при немъ о царствованіи Екатерины. Вотъ слова, слышанныя мною однажды изъ устъ го-

сударя: «Мнѣ говорятъ, зачѣмъ я не воздвигаю памятника императрицѣ Екатеринѣ; я отвѣчаю, что въ такомъ случаѣ я долженъ бы былъ соорудить монументъ и отцу моему; какъ внукъ и сынъ—я не могу быть судьею ихъ дѣяній».

Намъ давали въ Орлѣ балъ, на которомъ самая почетная особа была графиня Каменская, вдова фельдмаршала, гремѣвшаго въ турецкихъ войнахъ почти на ряду съ Суворовымъ, посрамившаго конецъ жизни своей въ походѣ 1806 года, и мать графа Николая Михайловича, который покрылъ себя славою въ Финляндіи и начальствовалъ потомъ противъ турокъ. Онъ былъ бы въ числѣ отличныхъ полководцевъ, если бы не жилъ въ вѣкѣ Наполеона, коего исполинская воинская слава затмевала подвиги современныхъ ему генераловъ. Другой сынъ ея, графъ Сергѣй Михайловичъ, жилъ тогда близъ Орла, но былъ тайно извѣщенъ, чтобы не являлся въ присутствіи императора, вѣроятно потому, что поведеніе его на войнѣ было недостойно званія его. Онъ хотя и имѣлъ чинъ генерала-отъ-инфантеріи, но былъ отъ природы лишенъ воинскихъ способностей и помрачилъ имя свое, нѣкогда по заслугамъ отца его любезное для Россіи.

24-го сентября. Государь выѣхалъ изъ Орла послѣ обѣда и ночевалъ въ Болховѣ; на другое утро, въ восемь часовъ утра, продолжалъ путь и въ десять часовъ вечера прибылъ въ Калугу, гдѣ, какъ и въ прошломъ году, остановился у гостепріимнаго купца Золотарева.

26-е сентября мы провели въ Калугѣ; вечеромъ былъ балъ.

27-го сентября, послѣ обѣда, въ четыре часа, мы выѣзжали изъ Калуги въ Тарутино, для смотра двухъ гренадерскихъ дивизій, состоявшихъ подъ начальствомъ графа Остермана. Въ сумерки мы миновали Леташевку, которую, съ полнымъ правомъ, можно назвать колыбелью свободы Россіи. Государь остановился у той избы, гдѣ жилъ князь Кутузовъ, входилъ въ нее и пожаловалъ хозяину оной пятьсотъ рублей. Столъ, скамьи и образъ, составлявшій единственную мебель сей хижины, находились на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ и въ то время, когда въ ней жилъ русскій Камиллъ. Вскорѣ увидѣли мы Тарутино, и множество воспоминаній овладѣли моею душою. Вотъ крутой берегъ Нары, стоя на которомъ нашъ герой сказалъ въ ту минуту, когда армія вступала въ Тарутинскій лагерь: «Теперь ни шагу болѣе назадъ». Вотъ домъ, гдѣ онъ принималъ Лористона! Вотъ укрѣпленія, заслонившія Россію! Какіе памятники Греціи и Рима могутъ сильнѣе, чѣмъ сіи священныя мѣста, говорить нашему сердцу и воображенію, ибо тутъ спасено было отечество наше. Ввечеру мы пріѣхали въ село Успенское, принадлежавшее помѣщику Кусовникову; это былъ самый скупой хозяинъ, у котораго я въ путешествіяхъ моихъ съ государемъ останавливался, ибо до него всѣ прочіе полагали за величайшее счастіе прини-

мать у себя въ домѣ монарха своего и особъ, его сопровождавшихъ, но въ Кусовниковѣ я увидѣлъ перваго русскаго, который такое угощеніе принималъ какъ тягость; я думаю, что это происходило столько же отъ скупости его, сколько и отъ необразованія, потому что онъ происходилъ изъ самаго низкаго званія и счастіемъ въ торгахъ и откупахъ нажилъ большое имѣніе.

28-го сентября происходилъ смотръ двухъ гренадерскихъ дивизій, которыя доведены были до совершенства выправкою людей и красотою одежды ихъ и вооруженія; ихъ можно было смѣло сравнить съ гвардіею нашею, которая въ то время составляла отборнѣйшій корпусъ войскъ въ Европѣ.

29-го сентября дивизіи сіи производили маневръ почти на самомъ мѣстѣ сраженія 6-го октября. Въ числѣ генераловъ, бывшихъ при гренадерскомъ корпусѣ или окружавшихъ государя, только двое, князь Барклай-де-Толли и графъ Остерманъ, были извѣстны въ Отечественной войнѣ, прочіе же или не снискали себѣ тогда имени, или не были еще генералами. Едва въ 1817 году минуло пять лѣтъ незабвеннымъ происшествіямъ, а уже смерть похитила многихъ отличныхъ мужей, въ оныхъ подвизавшихся, другіе же вышли въ отставку. Люди исчезаютъ такъ скоро съ поприща свѣта, а особливо военные, что не стоитъ, кажется, гоняться за воинскою славою, потому что она немногимъ достается въ удѣлъ. Но, съ другой стороны, участь человѣчества была бы достойна сожалѣнія, и жизнь потеряла бы много прелестей, если бы слава, то-есть стремленіе превзойти другихъ и сдѣлаться извѣстнымъ дѣяніями своими, перестала быть одною изъ пружинъ нашей дѣятельности.

Въ продолженіе маневра я на нѣсколько времени оставилъ войска и поѣхалъ на поле сраженія 6-го октября. Здѣсь началась битва, думалъ я, здѣсь съ Коновницынымъ врубились мы въ непріятельскую конницу, здѣсь отбили мы французскія орудія, здѣсь увидѣли мы первое бѣгство, такъ называвшейся, великой непобѣдимой арміи, близъ сего лѣса плавалъ я въ крови! Взирая на сіи мѣста и воспоминая, что въ годину бѣдствій Россіи я пожертвовалъ очарованіями спокойной и независимой жизни, я чувствовалъ неизъяснимую награду совѣсти, что исполнилъ священный долгъ и сдѣлался достойнымъ имени россіянина; сего сладостнаго чувства никакая сила у меня похитить не можетъ, хотя въ то время я былъ бѣдный ратникъ, не больше. По окончаніи маневровъ мы поѣхали въ Москву, чтобы тамъ провести зиму; государь отправился черезъ Звенигородъ и Воскресенскъ въ Черную грязь на встрѣчу императорской фамиліи, а мнѣ велѣно было слѣдовать прямо въ столицу. Я ѣхалъ черезъ Вороново, которое, какъ извѣстно, графъ Растопчинъ зажегъ своими руками, черезъ Чириково, гдѣ происходило сильное

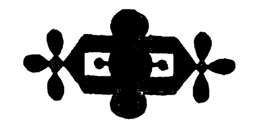
авангардное дѣло у графа Милорадовича, и черезъ Красную-Пахру, куда присланъ былъ отъ императора къ князю Кутузову общій планъ военныхъ дѣйствій и гдѣ главная армія наша вышла съ Рязанской дороги на Калужскую и положила симъ мастерскимъ движеніемъ основаніе къ бывшимъ впослѣдствіи побѣдамъ. Поздно вечеромъ я прибылъ въ Москву.

Въ семъ путешествіи отъ Петербурга до возвращенія въ Москву мы проѣхали 2.785½ верстъ и издержано было на путевые расходы, на содержаніе двора, на курьеровъ, благотворенія и прочее: ассигнаціями сто двѣ тысячи восемьсотъ рублей, серебромъ триста пятнадцать рублей и тысячу двѣсти червонныхъ, въ томъ числѣ на вспоможенія разнаго рода неимущимъ людямъ пожаловано было государемъ двадцать двѣ тысячи четыреста пятьдесятъ рублей.

Осень и зиму я провелъ въ Москвѣ, гдѣ находился и дворъ.

Сообщилъ **Н. Шильдеръ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатка.

Въ № 5 «Русской Старины» на стр. 356 въ выноскѣ напечатано «Гр. Д. А Толстой» и проч.; слѣдуетъ читать «Князь Путятинъ» и проч.

Александръ I и Наполеонъ въ Эрфуртѣ.

IV [1]).

Поѣздка въ Веймаръ и дальнѣйшее пребываніе императоровъ въ Эрфуртѣ.

24-го сентября (6-го октября) императоръ Александръ и Наполеонъ выѣхали въ одномъ экипажѣ изъ Эрфурта въ Веймаръ. На границѣ веймарскихъ владѣній они съ почетомъ были встрѣчены владѣтельнымъ герцогомъ. Празднества перваго дня открылись грандіозной охотой, но чрезмѣрное изобиліе дичи дѣлало изъ этого удовольствія скорѣе бойню, чѣмъ охоту. Затѣмъ слѣдовалъ торжественный въѣздъ императоровъ въ Веймаръ, и такъ какъ Наполеонъ посвящалъ этому городу всего одинъ день, то и предположено было устроить парадный обѣдъ, концертъ, спекталь и балъ. За недостаткомъ времени концертъ пришлось отмѣнить. Во время спектакля въ трагедіи «Смертъ цезаря,» появился на сценѣ Тальма, и когда онъ произнесъ стихъ:

Sur l'univers soumis régnons sans violence [2])

намекъ произвелъ свое дѣйствіе и, какъ увѣряютъ, словно электрическій токъ прошелъ по зрительной залѣ.

Балъ былъ открытъ императоромъ Александромъ съ королевой вестфальской. Молодой русскій монархъ принималъ неоднократно участіе въ танцахъ, при чемъ выказывались во всемъ блескѣ его привѣтливость и элегантность. Наполеонъ въ это время бесѣдовалъ съ Гёте и Виландомъ объ историко-философскихъ задачахъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май, 1897 г.

[2]) Надъ покоренной вселенной воцаримся безъ насилій.

На слѣдующій день Наполеонъ съ Александромъ и веймарскимъ дворомъ отправились на іенское поле сраженія. Разведенные на полѣ костры и палатки напоминали бивуакъ. Наполеонъ, держа въ рукахъ карту, объяснилъ императору Александру расположеніе корпусовъ и исполненныя военныя операціи. Затѣмъ онъ воспроизвелъ передъ его глазами полную картину всего боя [1]).

Къ вечеру монархи снова возвратились въ Эрфуртъ. Здѣсь Наполеонъ показывалъ русскому императору свои войска, двигавшіяся въ это время черезъ городъ къ югу. Особенно интересовали эти смотры великаго князя Константина Павловича: онъ запоминалъ нумера полковъ. отмѣчалъ малѣйшее различіе въ формѣ, пріемахъ и движеніи войскъ; онъ безпрестанно говорилъ «о дисциплинѣ и прекрасной выдержкѣ 17-го пѣхотнаго линейнаго полка и 6-го кирасирскаго, о красотѣ 8-го гусарскаго, о недостаточной подготовкѣ 1-го гусарскаго, о великолѣпіи и воинственномъ видѣ гвардейскихъ баталіоновъ.» Въ воспоминаніе объ Эрфуртѣ великій князь привезъ цѣлую коллекцію французскихъ военныхъ арій и на первомъ же парадѣ, подъ его главнымъ начальствомъ, послѣ того какъ музыканты протрубили по приказанію великаго князя французскіе сигналы, музыканты двадцати двухъ баталіоновъ одновременно заиграли французскій маршъ «Vivat du couronnement». [2])

Александръ же болѣе любилъ изучать въ Наполеонѣ законодателя, нежели завоевателя. Хотя его восхищеніе Наполеономъ и вытѣснялось мало-по-малу другими чувствами, любопытство все же не было вполнѣ удовлетворено и бесѣды съ этимъ государемъ представляли для него большой интересъ. Отвѣчая желаніямъ Александра, Наполеонъ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ излагалъ свои проекты по государственнымъ отраслямъ, перечислялъ всѣ чудеса цивилизаціи и искусства, которыя онъ разсчитывалъ возрастить на французской почвѣ; говорилъ о грандіозныхъ постройкахъ, задуманныхъ имъ въ столицѣ и долженствовавшихъ придать ей неслыханное величіе. Онъ рисовалъ картину Парижа, какимъ воображалъ его въ будущемъ, въ видѣ новаго Рима, гордаго и блестящаго, усѣяннаго тріумфальными арками, портиками и пантеонами. Такія картины поражали живое воображеніе императора Александра: чуткій ко всему, что казалось ему благороднымъ, полезнымъ или новымъ, и горя желаніемъ все перенять, онъ готовъ былъ просить Наполеона прислать ему планъ всѣхъ памятниковъ, предназначавшихся для украшенія французскихъ городовъ [3]). Онъ и самъ говорилъ о своихъ предполагаемыхъ реформахъ; Наполеонъ одобрялъ ихъ, давалъ осто-

---

[1]) Récit des fêtes, p. 15—19.
[2]) Коленкуръ императору Наполеону, 5 ноября (24 октября 1808.)
[3]) Донесеніе Коленкура отъ 23-го ноября 1808 г.

рожно совѣты, убѣждалъ править твердой рукой и давать чувствовать свою власть. Онъ пожелалъ однажды видѣть Сперанскаго, долго разговаривалъ съ нимъ и подарилъ ему свой портретъ, украшенный бриллянтами.

Наполеонъ съ необыкновеннымъ искусствомъ старался угождать вкусамъ и измѣнчивымъ настроеніямъ Александра: онъ то ослѣплялъ его блестящими идеями,то развлекалъ фривольными, пикантными шутками. Императоръ Александръ, склонный временами къ тяжкой меланхоліи, имѣлъ иногда чисто юношескіе порывы, и Наполеонъ умѣлъ молодѣть вмѣстѣ съ нимъ и раздѣлять его пылкія увлеченія. Зная нелюбовь русскаго императора къ церемоніалу, Наполеонъ постарался устранить отъ него всякую помпу, устроивъ съ нимъ жизнь, полную интимности и почти товарищескихъ отношеній; по словамъ одного изъ очевидцевъ, можно бы сказать, что это—«два юноши изъ хорошаго общества, которые въ своихъ взаимныхъ удовольствіяхъ ничего не таятъ другъ отъ друга» [1]), и никто, видя ихъ такими довѣрчивыми, не могъ бы заподозрить тѣхъ рѣзкихъ разногласій, какія существовали между ними. Случалось, они даже жили вмѣстѣ, въ одной комнатѣ. Если, по возвращеніи съ прогулки, Александру нужно было поправить туалетъ, Наполеонъ приглашалъ его къ себѣ и тогда царю слѣдовало остерегаться выказывать восхищеніе какой-либо вещью, иначе она тотчасъ же предлагалась ему въ подарокъ. Такимъ образомъ Наполеонъ подарилъ своему августѣйшему гостю два великолѣпныхъ несессера алаго цвѣта, которыми онъ обыкновенно самъ пользовался. Не забывая отсутствующихъ, Наполеонъ предложилъ императрицѣ Елизаветѣ нѣсколько прекрасныхъ произведеній изъ севрскаго фарфора, привезенныхъ имъ въ Эрфуртъ. Высказывая свою благодарность, императоръ Александръ всегда умѣлъ находить выраженія, не имѣвшія въ себѣ ничего банальнаго. Однажды, когда онъ забылъ захватить шпагу, Наполеонъ предложилъ ему свою: «я никогда не обнажу ея противъ вашего величества»—сказалъ царь, принимая ее[2]). Шпага, данная Наполеономъ, хранится теперь въ Петербургѣ въ коллекціяхъ Эрмитажа, рядомъ съ трофеями, отнятыми у Наполеона и Франціи во время кампаніи 1812 года [3]).

---

[1]) Thibaudeau, IV, 66. Сл. Mémorial de Sainte-Hélène.

[2]) Thibaudeau, IV, 70.

[3]) Генералъ Удино, бывшій тогда пажемъ Наполеона, въ своихъ воспоминаніяхъ нѣсколько иначе передаетъ случай со шпагою. „Однажды лошади, на которыхъ монархи ѣхали верхами, пишетъ онъ, были внезапно остановлены рвомъ, попавшимся на пути, и отказывались двинуться дальше, какъ ихъ ни шпорили. Я находился позади ихъ величествъ на почтительномъ разстояніи; пустивъ лошадь галопомъ и преодолѣвъ встрѣченное препятствіе, я сошелъ на землю, затѣмъ, взявъ за узду лошадь Наполеона, я побудилъ ее пере-

Залъ для спектаклей въ Эрфуртѣ былъ устроенъ съ особыми приспособленіями въ акустическомъ отношеніи, такъ какъ Александръ имѣлъ нѣсколько слабый слухъ. Вообще Наполеонъ старался, чтобы этотъ театръ какъ можно болѣе напоминалъ императору Александру его Эрмитажный театръ. Русскій государь весьма интересовался спектаклями и выразилъ послѣ Тильзита желаніе привлечь къ своему двору нѣкоторыхъ лучшихъ французскихъ актеровъ и актрисъ. Наполеонъ, однако, не далъ на это рѣшительнаго согласія; быть можетъ, онъ держался мнѣнія кардинала Берни, который, въ отвѣтъ на просьбу императрицы Елизаветы—прислать къ ней артистовъ Лекена и г-жу Клеронъ, нашелъ, что «парижскія удовольствія являются предметомъ, заслуживающимъ вниманія правительства, и удалять изъ Французской комедіи главныхъ актеровъ значило бы привести ее къ паденію» [1]). Тѣмъ не менѣе, еще до Эрфурта, Парижъ узналъ однажды, что самая его модная трагическая актриса, талантъ и красота которой производили такой же фуроръ, какъ и ея похожденія, знаменитая m-lle Жоржъ, внезапно куда-то исчезла. Вскорѣ оказалось, что она уѣхала въ Петербургъ вслѣдъ за однимъ молодымъ русскимъ офицеромъ, которымъ она увлеклась и который обѣщалъ на ней жениться; въ то же

скочить черезъ ровъ, таща къ себѣ и понукая ее голосомъ и движеніями. Тогда и императоръ Александръ, вонзивъ обѣ шпоры въ бока лошади, взялъ ровъ, но вслѣдствіе сотрясенія при этомъ его перевязь разорвалась, и шпага упала на землю. Я ее поднялъ. Наполеонъ замѣтилъ мое движеніе и сказалъ: „Сбереги это оружіе, Удино. Ты отнесешь его ко мнѣ“. Затѣмъ, обратившись къ Александру, онъ прибавилъ: „Ваше величество позволите?..“ Быстро, какъ мысль, промелькнуло въ глазахъ царя удивленіе и смутное безпокойство: онъ думалъ, что его хотятъ обезоружить. Но тотчасъ же принявъ снова спокойное и довѣрчивое выраженіе, онъ отвѣчалъ Наполеону: „Какъ вашему величеству угодно, дѣйствуйте по своему усмотрѣнію“. При возвращеніи въ Эрфуртъ Наполеонъ, слѣзая съ лошади, сказалъ своему главному камердинеру Констану: „Сохраните эту шпагу императора Александра и передайте одну изъ моихъ Удино“. Затѣмъ императоръ обратился ко мнѣ: „Снеси это оружіе къ моему брату изъ Россіи; ты попросишь императора отъ моего имени обмѣнять его на ту, которую онъ предложилъ мнѣ сегодня утромъ“. Я поспѣшно отправился къ царю, который, при выполненіи моего порученія, просилъ меня передать Наполеону, что вскорѣ онъ самъ явится къ нему для изъявленія лично своей искренней признательности. Великій князь Константинъ, находившійся въ то время у Александра, воскликнулъ при этомъ: „Знаете, г. Удино, что если бы вашъ августѣйшій повелитель далъ мнѣ одну изъ своихъ шпагъ, я спалъ бы съ нею вмѣстѣ“. Когда я передалъ эти слова Наполеону, онъ поручилъ мнѣ немедленно передать одну изъ его шпагъ и великому князю, который принялъ ее съ искренними проявленіями восторга“. (Souvenirs intimes et militaires du général Oudinot, I, p. 226. et suiv... Nouvelle Revue, 15 sept. 1896).

[1]) Archives des affaires étrangères, 12 (24) juin 1808.

время уѣхалъ въ Петербургъ и актеръ Дюпоръ. Наполеонъ могъ бы потребовать возвращенія бѣглецовъ, однако онъ написалъ Коленкуру: «Нѣкоторые артисты скрылись изъ Парижа и нашли себѣ убѣжище въ Россіи. Мое желаніе таково, чтобы вы игнорировали ихъ дурной поступокъ. Въ танцовщицахъ и актрисахъ у насъ въ Парижѣ недостатка не будетъ» [1]). Посолъ точно выполнилъ данное ему повелѣніе.

— Франція,—сказалъ онъ императору Александру,—достаточно населена, такъ что не имѣетъ надобности гоняться за дезертирами [2]).

Бѣгство m-lle Жоржъ имѣло въ добавокъ и другую причину, кромѣ страсти ея къ юному русскому офицеру; помимо романа, тутъ была замѣшана и интрига. Въ Петербургѣ довольно многочисленная партія поставила себѣ задачей устроить сближеніе между императоромъ и императрицей: они жалѣли свою государыню, эту безутѣшную мать съ самаго начала супружества. Они надѣялись возвратить ей мужа, пріобрѣсти право на ея благодарность и воспользоваться затѣмъ своимъ вліяніемъ. Задача эта была нелегкая, потому что императоръ все болѣе и болѣе увлекался г-жей Нарышкиной [3]). Не смѣя прямо вооружиться противъ этой привязанности, они придумали диверсію. Заговорщики имѣли друзей въ Парижѣ: при помощи ихъ, они содѣйствовали привлеченію m-lle Жоржъ въ столицу Россіи, гдѣ ей посулили блестящую будущность. Они-де помогутъ ей предстать передъ императоромъ во всемъ блескѣ своей красоты, съ ореоломъ успѣха. Александръ не устоитъ передъ ея чарами, считавшимися неотразимыми и оставитъ свою прежнюю любовь для «королевы театра» [4]). Но такая связь не могла особенно долго длиться; Александръ вернулся къ прежней привязанности. Неизвѣстно, зналъ ли Наполеонъ это намѣреніе въ то время, какъ онъ позволилъ m-lle Жоржъ исчезнуть изъ Эрфурта; во всякомъ случаѣ онъ не отнесся съ порицаніемъ къ этому плану, когда Коленкуръ сообщилъ ему всѣ подробности .Дѣло въ томъ, что г-жа Нарышкина плохо оправдывала возлагавшіяся на нее надежды: она очень скоро отказалась отъ вмѣшательства въ дѣла и довольствовалась господствомъ лишь надъ сердцемъ своего повелителя. «Это не Помпадуръ, говорилъ Жозефъ де-Местръ, это не Монтеспанъ, а скорѣй Лавальеръ, кромѣ развѣ того, что она не хромаетъ и никогда не сдѣлается кармелиткой» [5]). При бездѣятельности

---

[1]) Correspondance, 14107.

[2]) Feuille de nouvelles du 15 (27) juillet 1808.

[3]) Nouvelles de Pétersbourg, du 16 (28) février 1808. „Г-жа Нарышкина снова торжествуетъ надъ своими соперницами. Нѣжная заботливость во время бала. Отъ нея не отходятъ во время ужина; съ ней встрѣчаются пять, шесть разъ каждое утро, то верхомъ, то въ саняхъ“.

[4]) De-Maistre, 317.

[5]) De-Maistre, 332.

столь безполезной фаворитки, Наполеонъ былъ не противъ того, чтобы одна изъ его подданныхъ пріобрѣла какое-либо вліяніе на Александра, хотя бы и мимолетное. Стараясь дѣйствовать на своего союзника, онъ не считалъ возможнымъ пренебрегать какими бы то ни было средствами.

Въ Петербургѣ m-lle Жоржъ встрѣтила блестящій пріемъ. Но вела она себя скорѣе, какъ перебѣжчица, нежели какъ эмиссаръ: мало щадила Францію въ своихъ рѣчахъ и дурно отзывалась о правительствѣ [1]).

Когда m-lle Жоржъ выступала въ Петербургѣ, ей льстили какъ женщинѣ, прославляли ее какъ молодую трагическую актрису, но самый родъ спектаклей казался, въ сущности, устарѣлымъ. [2])

Наполеонъ въ Эрфуртѣ надѣялся восхитить императора выборомъ пьесъ, очаровать и поразить его шедёврами французской сцены. Къ сожалѣнію, при составленіи репертуара онъ былъ нѣсколько введенъ въ заблужденіе своими личными вкусами. Самъ онъ болѣе всего цѣнилъ старинную французскую трагедію — Расина, Корнеля и отчасти Вольтера. Первый былъ игранъ шесть разъ, два другихъ—по четыре. Но гости Наполеона не были такими классиками, какъ онъ; въ Германіи театръ уже освѣжался вдохновеніемъ Гёте и Шиллера, и соотечественники этихъ геніевъ-новаторовъ апплодировали французской трагедіи лишь изъ лести. Русскій же императоръ со свитою хотя и былъ пораженъ талантомъ актеровъ, совершенствомъ ихъ исполненія, но надо думать, что вынести пятнатцать дней трагедіи имъ было тяжело.

Послѣ спектакля зрители распоряжались остальнымъ вечеромъ по своему усмотрѣнію. Въ Эрфуртѣ образовались салоны и въ одномъ изъ нихъ, а именно, у сестры прусской королевы, княгини Турнъ-Таксисъ, собирались обыкновенно тайные противники Наполеона. Нашъ посолъ при французскомъ дворѣ, гр. П. А. Толстой, также посѣщалъ эти собранія и однажды произвелъ большое впечатлѣніе слѣдующимъ своимъ рѣзкимъ замѣчаніемъ относительно Наполеона: «Вашъ императоръ строитъ много церквей, посовѣтуйте ему построить церковь въ честь испанской мадонны del Soccorso, потому что если она не объявитъ себя вашей заступницей, то его имперія погибла» [3]); Самъ императоръ Александръ являлся иногда къ княгинѣ Турнъ-Таксисъ и оказывалъ

---

[1]) Feuille des nouvelles, du 5 (17) juin, 1808.

[2]) Колленкуръ писалъ 20 іюля (1-го августа) въ «Feuille de nouvelles». Много говорятъ о дебютѣ m-lle Жоржъ. Она играла Федру, и очень понравилась зрителямъ, хотя они отъ всей души хохотали надъ Тезеемъ, Ипполитомъ и несчастнымъ Тераменомъ... Великій князь отвѣчалъ Нарышкину, который очень хвалилъ ему французскую артистку: «Вы бы лучше сдѣлали, если бы пополнили комическую оперу. Да и что бы вы ни говорили, ваша m-lle Жоржъ въ своемъ родѣ не стоитъ моей парадной лошади».

[3]) De-Maistre, 332.

явное вниманіе принцессѣ Стефаніи Баденской, озарявшей эти собранія своей чудной граціей и улыбкой. Обыкновенно царь отзывался о Наполеонѣ въ восторженныхъ выраженіяхъ, хвалилъ его доброту и сговорчивость, защищалъ отъ упрековъ въ честолюбіи, но иногда казался озабоченнымъ и даже, когда находился въ обществѣ заклятыхъ противниковъ Франціи, у него, какъ говорятъ, вырывались слова, не особенно охлаждавшія ихъ надежды; онъ былъ изъ тѣхъ, кто охотно мѣняетъ свою рѣчь при переходѣ въ другую среду [1]).

Однако эти экскурсіи въ непріятельскую область были кратковременны, и хотя внѣшнимъ образомъ, если не въ душѣ, Александръ вскорѣ опять переходилъ на сторону Наполеона. Нерѣдко оба императора вмѣстѣ возвращались со спектакля, и вечеръ заканчивался у русскаго императора. Тогда между ними завязывалась бесѣда и длилась за полночь. Вдобавокъ, по мѣрѣ того какъ устанавливалось ихъ болѣе тѣсное общеніе, ихъ дружба становилась все болѣе экспансивной. Если они и не говорили другъ другу всего, сохраняя неприкосновенными въ тайникахъ своей мысли кое-какіе скрытые планы и щекотливые вопросы, во всякомъ случаѣ они уже довѣрчиво сообщали другъ другу то, передъ чѣмъ остановились бы ранѣе.

V.

Брачное предложеніе.

Уже цѣлый годъ Европа ожидала развода Наполеона и брака его съ русской принцессой: слухи о такомъ двойномъ событіи распространялись отовсюду, и толки эти, преувеличенные и искаженные при передачѣ изъ устъ въ уста, заключали въ себѣ, однако, и частицу правды. Съ того дня, какъ Наполеонъ провозгласилъ наслѣдственною передачу своей власти и возложилъ на себя императорскую корону, онъ ощутилъ необходимость обезпечить плодотворнымъ бракомъ будущность своей династіи; съ этихъ поръ онъ періодически поднимаетъ вопросъ о разводѣ, не разрѣшая его и колеблясь между противорѣчивыми мнѣніями. Послѣ Тильзита Наполеонъ уже явно начинаетъ склоняться къ разводу. Особенно интриговалъ въ этомъ направленіи министръ полиціи Фуше. Мало-по-малу слухи перешли и черезъ границу Франціи,

[1]) Thibeaudeau, IV, 64. Souvenirs de Jean de-Muller. Documents inédits.

но нигдѣ не привились лучше, чѣмъ въ Россіи; дѣйствительно, здѣсь была слишкомъ подходящая почва для нихъ. Возвѣщаемое великое событіе не только затрогивало любопытство русскихъ, но могло и непосредственно ихъ коснуться. Если Наполеонъ разводился, его выборъ навѣрное долженъ былъ пасть на одну изъ принцессъ царствующаго дома, и русская августѣйшая фамилія, по своему рангу, по установившимся недавно близкимъ сношеніямъ съ Франціей, казалась единственной, къ которой могли обратиться его взоры. Сватанье великой княжны являлось почти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ развода; притомъ такъ естественно было думать, что Наполеонъ и Александръ, объявивъ себя союзниками, затѣмъ друзьями, пожелаютъ, наконецъ, сдѣлаться братьями.

У Александра было двѣ незамужнихъ сестры. Младшая, великая княжна Анна, была еще четырнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. При дворѣ и въ свѣтѣ она едва была извѣстна; нѣжная и робкая, она изрѣдка лишь показывалась рядомъ съ императрицею-матерью, и то не надолго. Жозефъ де-Местръ обрисовываетъ ее однимъ словомъ: «голубка» [1]). Говоря же о старшей сестрѣ государя, де-Местръ прибѣгаетъ къ галантнымъ и изысканнымъ выраженіямъ куртизановъ прошлаго столѣтія: «Если бы я былъ живописцемъ,—пишетъ онъ кавалеру Росси,—я послалъ бы вамъ одинъ ея глазъ; вы увидѣли бы, сколько благая природа заключила въ немъ ума и доброты» [2]). И весь Петербургъ, повидимому, раздѣлялъ это восторженное восхищеніе наружностью Екатерины Павловны. Трудно было и не поддаться обаянію ея взгляда и очарованію юности въ полномъ расцвѣтѣ; въ то же время восхвалялось и сердце великой княжны [3]), рѣшительный и даже властный ея характеръ, душевная твердость, не соотвѣтствующая лѣтамъ: она казалась рожденной для того, чтобы нравиться и повелѣвать, и въ чертахъ ея лица, равно какъ и въ имени, русскіе любили видѣть напоминаніе о своей великой Екатеринѣ.

Эту-то плѣнительную великую княжну мнѣніе петербуржцевъ и отмѣтило тотчасъ, какъ будущую императрицу и королеву. Дѣло было возможное, его объявили рѣшеннымъ; малѣйшіе признаки, ничтожнѣйшія обстоятельства казались явнымъ подтвержденіемъ этого. Между врагами Франціи одни довольно громко возмущались и взывали о скандалѣ, другіе чувствовали себя польщенными, не желая въ томъ признаться; но у всѣхъ потребность высказаться и желаніе казаться освѣдомленными одержали верхъ надъ всякимъ другимъ чувствомъ. Каждый гово-

[1]) Mémoires politiques et correspondance diplomatique, p. 346.
[2]) De-Maistre, 318.
[3]) Тамъ же.

рилъ, что получилъ изъ Парижа положительныя извѣстія, что знаетъ проекты Наполеона и императора Александра; всѣ сообщали точныя и безчисленныя подробности, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ салонахъ не было иного предмета для разговоровъ.

Коленкуръ не могъ не отозваться въ своей перепискѣ и объ этихъ слухахъ. Не смѣя, однако, приступить прямо къ такому щекотливому предмету, онъ нашелъ возможнымъ увѣдомить о томъ косвенно французскаго императора. Онъ тщательно собиралъ въ своемъ «листкѣ новостей», прилагаемомъ къ каждой депешѣ, толки и анекдоты, ходившіе въ Петербургѣ по поводу брака, и повторялъ ихъ, совершенно устраняя свою личность, безъ всякихъ комментаріевъ, подводя все подъ отдѣлъ «общихъ слуховъ» (on dit); толки эти сообщаются съ каждымъ новымъ курьеромъ во всей ихъ легкомысленной или наивной формѣ:

19-го (31-го) декабря 1807 года: «Слухъ о разводѣ въ Парижѣ держится здѣсь упорнѣе, чѣмъ когда-либо; передаютъ даже слова императора Александра и великой княжны Екатерины; она будто-бы сказала въ отвѣтъ на изъявленіе нѣкоторыхъ сожалѣній о предстоящей разлукѣ съ нею, что нельзя этого чувствовать, когда являешься залогомъ вѣчнаго мира для отечества и когда сочетаешься бракомъ съ величайшимъ изъ существовавшихъ когда-либо въ мірѣ людей».

16-го (28-го) февраля 1808 года: «Великая княжна Екатерина выходитъ замужъ за императора Наполеона, потому что она учится танцовать французскіе контрдансы».

Узнавъ объ этихъ, столь распространенныхъ слухахъ, императоръ Александръ и графъ Румянцевъ были крайне удивлены и немало смущены. Изъ Тюильери до нихъ не доходило никакихъ подобныхъ внушеній: въ Тильзитѣ Наполеонъ и словомъ не коснулся ни развода, ни брака; Коленкуръ не имѣлъ инструкцій дѣлать по этому предмету какія-либо предложенія. Однако, можно было спросить себя, не являются ли слухи, распространяемые въ Петербургѣ съ такой настойчивостью и исходящіе, какъ извѣстно, изъ оффиціальнаго французскаго источника, лишь средствомъ вывѣдать общее мнѣніе и подготовить путь къ предложенію. Если бы оно было сдѣлано, то поставило бы царя и совѣтъ его въ великое затрудненіе. Отказать казалось очень труднымъ, если даже не невозможнымъ: это значило бы нанести, вѣроятно, смертельный ударъ установившемуся союзу. Но, съ другой стороны, соединить себя кровными узами съ коронованнымъ солдатомъ, какъ-бы ни было ослѣпительно его счастье, казалось весьма компрометирующимъ шагомъ, плохо соотвѣтствующимъ принципамъ старинныхъ династій; русскій дворъ все никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью объ этомъ блистательномъ мезальянсѣ.

Кромѣ того, въ царскомъ семействѣ могло встрѣтиться одно, не

легко преодолимое препятствіе. Императрица-мать получила отъ покойнаго августѣйшаго супруга завѣщаніе (?) составленное въ видѣ торжественнаго указа и хранящееся въ надежномъ и священномъ мѣстѣ—въ московскомъ Успенскомъ соборѣ; въ указѣ давалась ей власть располагать судьбою своихъ дочерей, рѣшать ихъ будущую судьбу и положеніе; на основаніи этого завѣщанія, императрица могла законнымъ образомъ воспротивиться всякому проекту брака, получала настоящее право на veto, которымъ и не преминула бы воспользоваться въ данномъ обстоятельствѣ, если принять въ разсчетъ извѣстныя ея чувства къ французскому императору. Конечно, воля царствующаго монарха была высшимъ закономъ,—Александръ могъ бы сломить всякое сопротивленіе, но мысль говорить съ матерью въ повелительномъ тонѣ была невыносима для него; а если бы ему пришлось дѣйствовать лишь кроткими убѣжденіями, то можно было опасаться, что всѣ его настоянія обратятся въ ничто передъ упорствомъ властной и упрямой женщины. Какъ бы то ни было, надлежало прежде всего убѣдиться въ намѣреніяхъ французскаго императора, проникнуть въ эту тайну, дабы можно было затѣмъ разсуждать о принятіи соотвѣтствующаго рѣшенія и плана дѣйствій, съ цѣлью постепеннаго преодолѣнія, въ случаѣ надобности, предубѣжденій императрицы-матери,—словомъ все подготовить заранѣе. Поэтому Румянцевъ написалъ графу Толстому весьма конфиденціальное, тревожное и настойчивое письмо, въ которомъ одинаково подстрекалъ и усердіе, и любопытство русскаго посла: «Я весьма настоятельно прошу васъ,—присовокуплялъ онъ,—соблаговолить высказать мнѣ ваше собственное мнѣніе объ этомъ проектѣ. Существуетъ ли онъ на самомъ дѣлѣ? Есть ли вѣроятіе, что будетъ предпринято такое сватовство? Не щадите, заклинаю васъ, ни трудовъ, ни стараній, чтобы удовлетворить меня по этому предмету» [1]).

Толстой вѣрилъ въ разводъ; онъ вѣрилъ даже намѣренію Наполеона вступить въ бракъ съ великою княжной. «Развѣ не живешь теперь,—писалъ онъ Румянцеву,—въ такомъ вѣкѣ, когда невозможное оказывается часто наиболѣе вѣроятнымъ?» [2]). Однако, когда пришло къ нему письмо Румянцева, онъ тотчасъ убѣдился, что дѣло это пріостановилось, и все, повидимому, отложено: происки Фуше, обратившись противъ него самого, замедлили развязку, которую должны были ускорять. Наполеонъ сдѣлалъ Фуше строгій выговоръ за самовольныя внушенія, но по возвращеніи французскаго императора изъ Италіи интрига возобновилась съ новой силой и, наконецъ, наступилъ кризисъ.

---

[1]) Румянцевъ—Толстому, С.-Петербургскіе архивы. Письмо не имѣетъ даты.

[2]) Толстой—Румянцеву, 7-го (19-го) ноября 1807 г.

Однажды вечеромъ, въ мартѣ 1808 года, въ Тюильери долженъ былъ происходить спектакль; весь дворъ, собравшись въ театральной залѣ, ожидалъ ихъ величествъ. Вдругъ распространился слухъ, что они не придутъ и что между ними произошло рѣшительное объясненіе. Наполеонъ, утомленный, взволнованный и недовольный, легъ-было въ постель; затѣмъ онъ вызвалъ императрицу. Она явилась блестяще одѣтая, готовая идти на спектакль, въ самомъ парадномъ придворномъ туалетѣ; онъ подозвалъ ее къ себѣ и высказалъ ей всѣ свои планы и всю душевную тревогу: ему хотѣлось, чтобы Жозефина сама потребовала развода; онъ то приказывалъ, то умолялъ, то дѣйствовалъ нѣжностью, и такъ была проведена вся ночь въ слезахъ, укорахъ и пламенныхъ ласкахъ. Одно остроумное и хорошо освѣдомленное лицо описало всю эту сцену, на основаніи признаній самой императрицы, изложивъ, такимъ образомъ, дѣло въ редакціи Жозефины. Однако и донесеніе графа Толстаго своему министру, написанное на основаніи придворныхъ слуховъ, мало чѣмъ отличается отъ этого разсказа; онъ только сообщаетъ еще эпилогъ, о которомъ французская императрица сочла должнымъ умолчать. Разсказавъ о томъ, что «ея слезы, ея настоянія, душевная твердость, какую она выказала при этомъ, взволновали императора Наполеона, который никакъ не могъ покориться ея своеволію», Толстой прибавляетъ: «два дня спустя Наполеонъ снова вернулся къ этому предмету, но столь же безуспѣшно... Въ пылу увлеченія, онъ, вѣроятно, сказалъ ей, что она его вынудитъ, наконецъ, усыновить своихъ побочныхъ дѣтей. Она съ живостью схватилась за эту мысль и выказала готовность признать ихъ. Пораженный такой уступчивостью, которой онъ и не ожидалъ, Наполеонъ горячо высказалъ ей, насколько онъ этимъ тронутъ, увѣряя, что послѣ такого прекраснаго порыва онъ никогда не рѣшится разстаться съ нею. Дѣло, повидимому, на томъ и остановилось. Въ замѣчаніи, высказанномъ Талейраномъ одному изъ своихъ повѣренныхъ лицъ, онъ обвиняетъ Наполеона, что тотъ не съумѣлъ принять должнаго рѣшенія при такомъ случаѣ. Что меня касается, я боюсь, что онъ приметъ это рѣшеніе слишкомъ рано и что, если императрица будетъ по-прежнему несговорчива, онъ обойдется безъ ея согласія и самъ потребуетъ развода отъ ея имени» [1]).

Итакъ, по словамъ Толстаго, опасность и на этотъ разъ была лишь отсрочена: она продолжала существовать и могла предстать не сегодня-завтра. Судя по этимъ донесеніямъ, возможность предложенія со стороны Наполеона все болѣе и болѣе входила въ область предваритель-

---

[1]) Толстой—Румянцеву, 6-го (18-го) марта 1808 г., С.-Петербургскіе архивы.

ныхъ разсчетовъ русскаго двора. Тутъ обнаруживаются два противоположныхъ стремленія. Императрица-мать, извѣщенная объ опасности, хочетъ избавить отъ нея свою дочь, устроивъ какъ можно скорѣе ея бракъ. Она ищетъ ей партіи всюду. Александръ опасается, чтобъ такая поспѣшность, въ виду распространившихся слуховъ, не показалась умышленной и оскорбительной для его союзника, не была истолкована, какъ средство уклониться отъ его предложенія; быть можетъ, онъ хотѣлъ сохранить за собой возможность дать Наполеону неопровержимое доказательство своей симпатіи и довѣрія, въ случаѣ если желаніе этого монарха обнаружится въ скоромъ времени; поэтому онъ медлилъ съ рѣшеніемъ относительно своей сестры, и такимъ образомъ оффиціальныя дѣйствія правительства шли въ разрѣзъ съ личными стараніями императрицы Маріи.

Еще раньше передъ этимъ былъ поднятъ вопросъ о бракѣ между великой княгиней Екатериной Павловной и баварскимъ принцемъ. Лѣтомъ 1808 года русскій посланникъ въ Вѣнѣ, князь Куракинъ, сношенія котораго съ интимнымъ кружкомъ императрицы-матери и съ великой княжной не были ни для кого тайной, пригласилъ изъ Баваріи своего коллегу г. Рехберга явиться къ нему и сказалъ, что теперь наступило время снова выдвинуть заглохшій проектъ: «Въ Петербургѣ ожидаютъ,— сказалъ онъ ему,—что вы сдѣлаете надлежащее заявленіе». Сильно заинтересованный этимъ мюнхенскій дворъ отправилъ въ Петербургъ своего представителя—г. Брея, чтобы переговорить съ графомъ Румянцевымъ и выяснить дѣло. Съ первыхъ же словъ баварскаго посланника Румянцевъ выразилъ крайнее удивленіе; наведя справки, онъ отвѣтилъ ему, что не совѣтъ, а сама императрица-мать уполномочили князя Куракина заявить, что этотъ брачный союзъ, казавшійся ей ранѣе подходящимъ, представляется для нея таковымъ и теперь». Русскій министръ поспѣшилъ прибавить, что дѣлу не было дано особеннаго хода при первоначальныхъ переговорахъ, и «онъ не видитъ причины возобновлять его теперь, и все происшедшее слѣдуетъ считать какъ-бы не случившимся» [1]). Баварскій дворъ принялъ это къ свѣдѣнію и не возобновлялъ болѣе рѣчи объ этомъ предметѣ.

За устраненіемъ этой партіи императрица-мать стала думать о прісканіи другихъ жениховъ. Поговаривали о принцѣ Кобургскомъ, объ эрцгерцогѣ; наконецъ прибылъ въ Россію принцъ Георгъ Гольштейнъ-Ольденбургскій, недавно перешедшій въ русскую службу. Ввѣряя ему значи-

---

[1]) Письмо кавалера Брея Коленкуру отъ 16-го (28-го) августа 1808 года Письмо Коленкура 23-го августа (4-го сентября) 1808 года. Archives des affaires étrangères, Russie, 147.

тельный административный постъ [1]), нельзя было вмѣстѣ съ тѣмъ не устроить и подходящую партію для великой княжны Екатерины Павловны? Личность принца представляла изъ себя мало пріятнаго: «Принцъ безобразенъ, жалокъ, весь въ прыщахъ,—писалъ Коленкуръ,—онъ съ трудомъ изъясняется» [2]). Въ сравненіи съ исполненной совершенствъ великой княжною, которую ему предназначали, «петербургскія институтки не находили его достаточно любезнымъ» [3]). Однако, императрица соглашалась лучше на такого мужа для дочери и на жизнь ея въ провинціи, чѣмъ на обладаніе первымъ въ мірѣ престоломъ, но раздѣляемымъ съ узурпаторомъ. Тѣмъ не менѣе, бракъ этотъ не былъ рѣшенъ окончательно, и когда императоръ Александръ пріѣхалъ въ Эрфуртъ, рука его сестры была еще свободна.

Въ Эрфуртѣ Наполеонъ не пришелъ къ опредѣленному рѣшенію по этому предмету; онъ чувствовалъ лишь нѣкоторое желаніе, яснѣе обозначившееся за послѣдній годъ, которому онъ то противился, то уступалъ. Теперь случай показался ему благопріятнымъ для обезпеченія себя со стороны Россіи. Онъ не имѣлъ намѣренія тотчасъ же просить руки или вести дѣло къ тому, чтобы ему была предложена рука великой княжны Екатерины; но ему было бы пріятно, если бы Россія, отдавшись въ его распоряженіе, обязалась, въ случаѣ осуществленія развода, имѣть для него въ запасѣ великую княжну. Его желаніемъ было связать обѣщаніемъ Александра, не давая съ своей стороны никакихъ обязательствъ, услыхать отъ него нѣсколько словъ, которыя онъ могъ бы, въ случаѣ надобности, припомнить и выставить въ видѣ положительнаго обѣщанія.

Гордость Наполеона не позволяла дѣлать авансы: онъ хотѣлъ, чтобы Александръ высказался первымъ, и вызвалъ его на это черезъ Талейрана и Коленкура. Обращаясь къ тому и другому, онъ даже внушилъ имъ, какимъ образомъ поставить вопросъ и какіе привести аргументы, чтобы побудить царя высказаться: «дѣло о разводѣ представляло европейскій интересъ; новый бракъ будетъ содѣйствовать успокоенію воинственнаго пыла, котораго такъ боялись, заставитъ Наполеона полюбить *свой домашній очагъ*». Однако, даже передъ своими домашними, въ своей безмѣрной гордости, онъ не хотѣлъ казаться заискивающимъ у кого бы то ни было; если онъ и считалъ такой шагъ полезнымъ, то лишь потому, что видѣлъ въ немъ способъ испытать императора Александра:

— Это для того,—говорилъ онъ,—чтобы узнать, дѣйствительно ли

[1]) Тверскаго генералъ-губернатора.
[2]) Коленкуръ императору, 11-го (23-го) ноября 1808 г.
[3]) De Maistre, 318.

онъ мой другъ, принимаетъ ли онъ дѣйствительное участіе въ благополучіи Франціи, потому что я люблю Жозефину; ни съ кѣмъ я не буду болѣе счастливъ; этотъ актъ былъ бы жертвой съ моей стороны.

— Однако,—прибавлялъ онъ,— его семья и совѣтники требовали этого отъ него; объ этомъ просили со всѣхъ сторонъ, всѣ обезпокоены будущимъ; они полагаютъ, что жизнь Франціи застрахована моею головою!.. Въ самомъ дѣлѣ, сынъ былъ бы очень нелишній.

Дѣйствительно, что сталось бы съ имперіей, еслибы его, Наполеона, не стало? Чтобы наслѣдовать ему, братья его не были подходящи; онъ знаетъ, что существуютъ сторонники принца Евгенія, думающіе объ его усыновленіи, но это «плохое средство для утвержденія династіи». И мало-по-малу, высказываясь яснѣе, Наполеонъ началъ разспрашивать о русскихъ великихъ княжнахъ.

Коленкуръ замѣтилъ ему, что только старшая изъ нихъ имѣла подходящій для брака возрастъ, и притомъ онъ не ручается за согласіе царской фамиліи. Различіе вѣроисповѣданій могло явиться препятствіемъ; русскія принцессы съ трудомъ перемѣняютъ религію. Доказательствомъ тому было событіе, происшедшее нѣсколько лѣтъ назадъ, когда разстроился по этой причинѣ бракъ, задуманный между шведскимъ королемъ и старшей дочерью императора Павла. Пожатіе плечами было единственнымъ отвѣтомъ на это замѣчаніе, повидимому, крайне не понравившееся Наполеону. Что ему было за дѣло до традицій и обычаевъ? Можно ли сравнивать его сватовство со сватовствомъ какого бы то ни было принца? Наполеонъ поспѣшилъ прибавить къ этому, что не думаетъ о великой княжнѣ болѣе, чѣмъ о комъ-нибудь другомъ: его рѣшеніе еще не установилось, онъ желаетъ только знать, будетъ ли одобренъ разводъ при союзномъ дворѣ, не будутъ ли русскіе этимъ шокированы и что думаетъ о томъ императоръ Александръ лично. Однако, его собесѣдники считали, повидимому, что мысль его простирается дальше, нежели слова, и если-бъ онъ былъ увѣренъ, что предложеніе будетъ принято въ Петербургѣ благосклонно, это могло бы болѣе выяснить или подвинуть его рѣшеніе [1]). Александръ, осторожно разспрошенный Талейраномъ и Коленкуромъ, не отказался отъ требуемаго съ его стороны перваго шага: это было средствомъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Итакъ, онъ заговорилъ первый и выразилъ французскому императору желаніе, испытываемое его вѣрнѣйшими подданными и раздѣляемое лучшими друзьями, чтобы Наполеонъ укрѣпилъ новымъ бракомъ свою имперію и династію. Наполеонъ принялъ это заявленіе, какъ доказательство преданности, выказалъ себя очень

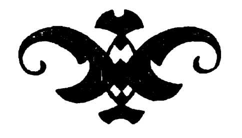
[1]) Неизданные документы. Сл. Thiers, IX, 334—339.

тронутымъ этимъ, и затѣмъ была разсмотрѣна обоими монархами возможность родственнаго союза. Но, заботясь прежде всего объ устраненіи всего, похожаго на обязательство, Наполеонъ выражался все время туманно, относя разводъ и его возможныя послѣдствія къ случайностямъ будущаго. Разъ бесѣда стала на такую почву, не могло уже быть и рѣчи о великой княжнѣ Екатеринѣ, возрастъ которой требовалъ скораго рѣшенія; поэтому было лишь слегка упомянуто имя ея младшей сестры. Александръ, успокоенный относительно настоящаго времени и весьма довольный въ глубинѣ души, что его не обязываютъ принимать какое-либо рѣшеніе, что ему даютъ время разсмотрѣть, какой оборотъ приметъ политическій союзъ, нимало не настаивалъ болѣе на этомъ предметѣ, и разговоръ окончился, не приведя ни къ какому рѣшенію. Черезъ недѣлю по возвращеніи царя въ столицу, бракъ Екатерины Павловны съ принцемъ Ольденбургскимъ былъ оглашенъ оффиціально [1]).

Если бы Наполеонъ попросилъ руки этой принцессы, вѣроятно Александръ не рѣшился бы ему отказать, испросивъ, однако, предварительно согласіе своей матери. Наполеонъ-же отлагалъ все на будущее, быть можетъ, весьма отдаленное, и младшая княжна, возрастъ которой не подходилъ къ принятію немедленнаго рѣшенія, оставалась такимъ образомъ единственная въ виду; разумѣется, императоръ Александръ воздержался отъ всякаго слова, которое могло бы явиться преждевременнымъ согласіемъ на неопредѣленное предложеніе. Въ общемъ, совѣщанія въ Эрфуртѣ по этому поводу, съ обоюдными умолчаніями, имѣли то неудобство, что, при обсужденіи брачнаго проекта, съ одной стороны не было ясно выраженнаго намѣренія, а съ другой—искренняго желанія осуществить это дѣло; переговоры эти создали еще одинъ спорный вопросъ между двумя императорами, самый щекотливый изъ всѣхъ, и не привели ни къ рѣшенію его, ни даже къ облегченію рѣшенія [2]).

Сообщ. **В. П. Лачиновъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Коленкуръ Наполеону, 11-го (23-го) ноября 1808 г. De-Maistre 318.

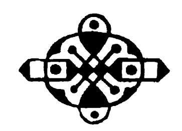
[2]) Неизданные документы. Сл. №№ 16210 и 16341 въ Correspondance de Napoléon, равно какъ и письмо Шампаньи къ Коленкуру отъ 10-го (22-го) ноября 1809 г.

О побѣдѣ, одержанной адмираломъ Грейгомъ надъ шведскимъ флотомъ.

Высочайшій указъ псковскому губернатору Пилю.

10 мая 1788 г. С.-Петербургъ.

Господинъ генералъ-поручикъ и псковскій губернаторъ Пиль. Вчерашняго числа получили мы отъ адмирала Грейга пріятное извѣстіе, что 6-го числа іюля нашъ флотъ имѣлъ со флотомъ шведскимъ сильное и упорное сраженіе съ обѣихъ сторонъ, продолжавшееся отъ пяти часовъ до десяти часовъ безпрерывно. Мы взяли корабль семидесяти пушечный, «Принцъ Густавъ» именуемый, на которомъ находился графъ Вахтмейстеръ, командовавшій аванъ-гардіею флота непріятельскаго подъ флагомъ вице-адмирала. Онъ отдался, спустя свой флагъ предъ кораблемъ «Ростиславомъ», на которомъ былъ флагъ нашего адмирала Грейга. Сраженіе кончилось при темнотѣ ночной. Малый былъ вѣтръ при началѣ, но во время дѣла настала тишина совершенная. Непріятель отступилъ и отдаляяся оставилъ насъ господствующими на мѣстѣ побѣды, бывшей между Шпіенекара и Кальбо-де-грундъ, въ семи нѣмецкихъ миляхъ къ востоку Гогланда. Непріятель уклонился къ Свеаборгу въ шведской Финляндіи. Онъ имѣлъ пятнадцать линейныхъ кораблей семидесяти и шестидесяти-пушечныхъ и восемь большихъ фрегатовъ, которые вошли въ ихъ линію баталіи. Адмиралъ Грейгъ пишетъ, что никогда еще не видалъ сраженія столь жаркаго или лучше выдерживаемаго съ одной и съ другой стороны. Воздая хвалу и благодареніе Богу Всемогущему, на котораго помощь и защиту въ праведномъ дѣлѣ нашемъ имѣемъ надежду, поспѣшаемъ увѣдомить васъ о семъ происшествіи, зная колико оное обрадуетъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго.

(Переписка его съ разными лицами).

Комовскіе ведутъ родъ свой отъ польскаго шляхтича Яна Космовскаго, которому въ 1621 году Сигизмундъ III пожаловалъ помѣстье въ Смоленскомъ воеводствѣ. Внуки Яна въ 1665 году поступили въ русское подданство, а одинъ изъ правнуковъ, Осипъ Борисовичъ, переселился въ Малороссію и сталъ писаться Комовскимъ. Родъ Комовскихъ внесенъ въ VI часть родословной книги С.-Петербургской губерніи.

Статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ Александръ Дмитріевичъ Комовскій, былъ меньшимъ сыномъ многочисленнаго семейства одного изъ дворянъ Черниговской губерніи. По желанію крестной матери своей, извѣстной графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, А. Д. Комовскій былъ отданъ въ Царскосельскій лицей, изъ котораго и вышелъ на 18-мъ году въ числѣ лучшихъ и блестящихъ учениковъ.

Въ 1831 году А. Д. поступилъ на службу въ Государственный Совѣтъ, предсѣдателемъ котораго былъ въ то время князь Кочубей, а государственнымъ секретаремъ В. Р. Марченко [1]). Послѣдній 6-го декабря 1834 года былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а на его мѣсто поступилъ баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ (впослѣдствіи графъ), отдававшій преимущество товарищу Комовскаго по лицею и по службѣ—Якову Карловичу Гроту, впослѣдствіи вице-президенту Академіи Наукъ.

Не желая соперничать съ нимъ въ дальнѣйшей карьерѣ и думая оставить службу въ Государственномъ Совѣтѣ, Александръ Дмитріевичъ

---

[1]) Автобіографическія записки В. Р. Марченко напечатаны въ „Русской Старинѣ", 1896 г., № 3—5.

обратился прямо къ директору военно-походной по флоту канцеляріи Его Величества, Андрею Андреевичу Жандру, и просилъ взять его къ себѣ на испытаніе. Просьба была исполнена, и съ тѣхъ поръ Комовскій бо́льшую часть своей службы провелъ въ морскомъ вѣдомствѣ.

Благодаря своимъ способностямъ и выдающимся дарованіямъ, А. Д. скоро сталъ правою рукою управлявшаго въ то время морскимъ министерствомъ князя А. С. Меншикова, а затѣмъ замѣнилъ А. А. Жандра и оставался директоромъ военно-походной по флоту канцеляріи до 1853 года. Князь Меншиковъ былъ отправленъ посломъ въ Константинополь для переговоровъ съ Турціею, а генералъ-адмиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ приступилъ къ реформамъ и сокращенію штатовъ морскаго министерства. Работая, по указаніямъ его высочества, надъ обновленіемъ министерства, А. Д. Комовскій, въ 1854 году, съ началомъ военныхъ дѣйствій въ Крыму, былъ командированъ въ Севастополь въ распоряженіе князя Меншикова, назначеннаго главнокомандующимъ Крымскою арміею. На рукахъ А. Д. была вся дипломатическая и большая часть текущей переписки князя Меншикова.

Раздѣляя съ главнокомандующимъ и войсками всѣ опасности боевой жизни, Комовскій чуть-было не утонулъ во время бури 2-го ноября въ Севастополѣ. Буря эта сорвала съ якорей многіе корабли, и одинъ изъ нихъ несло прямо на пароходъ, на которомъ находился главнокомандующій и всѣ состоявшіе при немъ. Гибель была почти неизбѣжна, и всѣ старанія матросовъ были употреблены на то, чтобы перевести пассажировъ съ парохода на баркасъ. Громадныя волны не давали возможности уловить приближеніе баркаса, и Комовскій, надѣясь на свое искусство плавать, прыгнулъ при первомъ удобномъ случаѣ въ баркасъ, но попалъ между нимъ и пароходомъ. Подъ водою онъ сбросилъ съ себя тяжелую шубу, бо́льшую часть одежды, снялъ сапоги и вынырнулъ такъ счастливо, что матросы успѣли его спасти. Эта неожиданная ванна въ ноябрѣ мѣсяцѣ имѣла вліяніе во всю остальную жизнь и часто отзывалась на его здоровьѣ.

Послѣ Крымской кампаніи Комовскій былъ назначенъ статсъ-секретаремъ и присутствующимъ въ Сенатѣ. Присутствіе это было непродолжительно, такъ какъ императоръ Александръ II взялъ его къ себѣ для особыхъ порученій. А. Д. два раза ревизовалъ морское министерство, потомъ министерство народнаго просвѣщенія, и вскорѣ послѣ того скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, на 48-мъ году жизни.

А. Д. Комовскій много путешествовалъ, много видѣлъ и велъ обширную переписку съ разными лицами. Переписка эта, въ особенности за позднѣйшее время, хорошо рисуетъ передъ нами состояніе общества и ту лихорадочную дѣятельность, которая проявлялась каждымъ въ эпоху реформъ первыхъ годовъ царствованія императора Александра II.

1.

А. Д. Комовскій—князю А. С. Меншикову.

27-го октября (8-го ноября) 1845 г., Александрія.

Предполагая послѣ-завтра оставить Египетъ, куда я попалъ совершенно неожиданно, позвольте мнѣ, прежде прибытія моего въ Европу, отдать вашей свѣтлости краткій отчетъ моего странствованія на Востокѣ.

Получивъ благословеніе ваше въ Николаевѣ 15-го сентября, я отправился въ Одессу, гдѣ не безъ затрудненій, за отсутствіемъ генер.-лейт. Федорова [1]), выдали мнѣ заграничный паспортъ. Пароходъ «Одесса» (кап.-лейт. Сотири) былъ на очереди идти въ Константинополь 20-го сентября. Я поспѣшилъ взять мѣсто. Къ удивленію моему, пассажировъ было весьма немного: два-три жида, да нѣсколько человѣкъ богомоловъ, отправлявшихся въ Іерусалимъ. Едва-ли окупился уголь. Какъ ни удобно, какъ ни роскошно устроены наши пароходы, ихъ быстрое, съ небольшимъ двухъ-суточное (а иногда и гораздо менѣе), плаванье къ сожалѣнію не привлекаетъ пассажировъ, особливо изъ Царьграда. Отсюда они ходятъ только съ грузомъ товаровъ. Причину этого должно отнести къ слишкомъ продолжительному карантину въ Одессѣ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ сокращенія срока его, тѣмъ болѣе, что черезъ Галацъ въ Россію можно пробраться почти безъ карантина.

Черное море было весьма неблагосклонно ко мнѣ. Съ попутнымъ свѣжимъ вѣтромъ, мы прибыли въ Константинополь послѣ 32-хъ часовъ плаванія. Я былъ жестоко укачанъ! Остановившись на нѣсколько минутъ противъ Буюкъ-Дере, чтобы сдать посланнику почту и депеши, мы пустились далѣе по Босфору. Все, что́ я слышалъ, все, что я читалъ о красотахъ Босфора, не можетъ сравниться съ тѣмъ, что видѣли мои собственные глаза. Великолѣпнѣе этого положенія, роскошнѣе и живописнѣе этой природы нельзя ничего себѣ вообразить. Входъ въ проливъ и все протяженіе его, до самыхъ стѣнъ Стамбула, защищены грозными батареями. Предоставляю Э. Л. Дестрему судить о прочности и силѣ этихъ кулисныхъ твердынь.

Передъ домомъ нашего посланника, въ Буюкъ-Дере, я видѣлъ на якорѣ готовый, кажется, къ смѣнѣ пароходъ «Молнія» (капитанъ-лейтенантъ Барановскій) и шхуну «Забіяка» (капитанъ-лейтенантъ Манга-

---

[1]) За отсутствіемъ графа Воронцова, временно управлявшаго Новороссійскимъ краемъ.

нари). У французскаго посланника, противу Терапіи, также стоитъ пароходъ. Не нужно быть и знатокомъ, чтобы видѣть разницу съ нашими судами. Преимущество во всѣхъ отношеніяхъ остается за послѣдними. Особливо шхуна—такъ и смотритъ забіякою; командиръ ея съ нетерпѣніемъ ждетъ инструкцій и окончательныхъ снаряженій чалмоносной Порты, чтобы начать опись Мраморнаго моря. Онъ жалѣетъ очень, что при турецкомъ корветѣ не дозволятъ ему имѣть и шхуну свою. Съ корветомъ, и особливо турецкимъ, невозможно будетъ пройти.

Въ Константинополѣ я прожилъ 14 дней и совершенно убѣжденъ, что долѣе этого прожить было бы невыносимо скучно. Хуже и грязнѣе Перы и Галаты, словомъ, гдѣ сосредоточено европейское образованіе, нѣтъ, кажется, уголка въ цѣломъ мірѣ. Стамбулъ и просторнѣе, и опрятнѣе. Тамъ замѣтна попечительность мусульманской бороды, которая выметаетъ, по крайней мѣрѣ, грязь съ улицъ.

Посольство наше весьма радушно приняло путешественника. Г-нъ Титовъ доставилъ мнѣ фирманъ для посѣщенія мечетей и дворцовъ. Pour l'acquit de la conscience я обѣгалъ и осмотрѣлъ все, что назначено въ guide de voyageurs à Constantinople.

Противу Перы стоялъ 80-ти-пушечный турецкій корабль въ полномъ вооруженіи. Сожалѣю, что не могъ быть на немъ. Впрочемъ, моряки наши находятъ вооруженіе его довольно чистымъ. Страшный золотой левъ, съ разинутою пастью, украшаетъ гальюнъ. Другихъ военныхъ судовъ турецкихъ не было. Движеніе пароходовъ въ Золотомъ Рогѣ необыкновенное. Всякій день десятки приходятъ и уходятъ. Недавно прибылъ изъ Англіи пароходъ съ архимедовымъ винтомъ; онъ показался мнѣ и неуклюжъ, и нестерпимо грязенъ. Какой-то спекулянтъ привелъ его на продажу туркамъ и неохотно допускаетъ европейцевъ къ осмотру. Турки вѣрно купятъ. Французы и англичане обладаютъ нахальнымъ талантомъ морочить поклонниковъ Магомета; льстя ихъ мнимой силѣ и просвѣщенію, истощаютъ донельзя и безъ того скудную казну султана. Чтобы судить, какъ велико вліяніе англичанъ на умы мусульманскіе, достаточно разсказать о постыдномъ судѣ надъ двумя англичанами, которые, командуя двумя турецкими пароходами, недавно столкнулись, пустивъ одинъ на дно морское. При этомъ несчастьѣ слишкомъ 100 человѣкъ погибло.

Въ чалмоносной Портѣ все закипѣло негодованіемъ; закричали: «подъ судъ, подъ судъ!» Пригласили всѣхъ наличныхъ капитановъ другихъ націй для сужденія о дѣлѣ. Съ нашей стороны былъ Манганари. Виновныхъ приговорили почти къ висѣлицѣ и кончили тѣмъ, что поручили снова командовать! Всѣ смѣются, и еще болѣе англичане, которые умѣли одурачить такъ турецкихъ Соломоновъ.

Проѣхавшись по Золотому Рогу до Сладкихъ водъ, я видѣлъ бездну

турецкихъ судовъ, разоруженныхъ и полувооруженныхъ, приходящихъ и пришедшихъ уже въ негодность. Тамъ же, въ числѣ распадающихся тріумфовъ полумѣсяца, мнѣ показали на фрегатъ «Рафаилъ». Съ грустью посмотрѣлъ я на него; одно утѣшительно, что фрегатъ этотъ доживаетъ послѣдніе свои дни. Почти весь въ водѣ, онъ щекотитъ честолюбіе турокъ только надписью, которую время не успѣло еще истребить; впрочемъ, безпечность турокъ и вода помогутъ этому; на раковинѣ прибита доска и на ней золотыми буквами написано: «Великій даръ отъ Бога». Между Константинополемъ и Принцевыми островами ходитъ маленькій турецкій пароходъ съ машиною высокаго давленія; мнѣ предлагали отправиться на немъ на острова. Я побоялся рѣшиться на это, узнавъ, что высокое давленіе это въ распоряженіи механика Высокой Порты. Мегметъ-Али подарилъ недавно султану красивый пароходикъ, сдѣланный въ видѣ каика; онъ былъ весь раззолоченъ и щегольски отдѣланъ внутри, а потому и оставался долго безъ дѣла. Въ мудромъ совѣтѣ султана рѣшили, что выгоднѣе будетъ позолоту и украшенія закрасить, а пароходъ обратить на спекуляцію. Теперь онъ возитъ каждодневно грязныхъ жидовъ и армянъ съ европейской стороны на азіатскую.

Стараясь жить не праздно за-границею, я собиралъ кое-какія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ посѣщаемыхъ мною мѣстъ и странъ. О безпрестанныхъ перемѣнахъ въ управленіи Порты говорить нечего,—онѣ извѣстны будутъ вашей свѣтлости по газетамъ. Въ мое время вышло султанское повелѣніе носить фески безъ серебряныхъ и бумажныхъ бляхъ и при томъ кисточку зачесывать назадъ, а не распускать по всей фескѣ, какъ прежде щеголяли этимъ записные франты. Нѣкоторые поупрямились, и ослушниковъ брали на улицахъ и, вѣроятно, энергическими средствами приводили къ повиновенію. Готовясь проститься съ Царьградомъ, я бросилъ на него общій взглядъ и, признаюсь, подумалъ: будь эта природа въ рукахъ болѣе образованнаго народа, какая бы дивная столица возникла на этихъ великолѣпныхъ холмахъ, что за чудо въ мірѣ былъ бы проливъ Босфорскій! Теперь здѣсь заботится одна только природа, а люди—въ истощеніи предаются кейфу. Я такъ размышлялъ про себя, а упадавшее солнце освѣтило памятникъ пребыванія русскихъ войскъ и флота на Босфорѣ.

Передъ отъѣздомъ въ Мальту я узналъ, что можно легко на австрійскомъ пароходѣ совершить поѣздку въ Александрію. Ллойдова компанія, усиливаясь каждодневно, заставила французовъ уничтожить линію между Константинополемъ, Смирною, Аѳинами, Сирою и Александріею. Австрійцы построили маленькіе пароходы и забрали себѣ въ руки всѣ лучшіе пункты Леванта. Пассажиры за довольно умѣренную цѣну легко переносятся съ одного мѣста въ другое по Архипелагу, Адріа-

тикѣ и Средиземному морю. Отклонивъ по многимъ уваженіямъ поѣздку въ Аѳины, я рѣшился посѣтить Египетъ, прокатиться по Нилу, взглянуть на пирамиды и потомъ уже отправиться въ Мальту. Время меня соблазняло особенно. Дни теплые и безвѣтренные. Въ самомъ дѣлѣ, менѣе чѣмъ въ шесть сутокъ прибыли мы въ Александрію, заходя на пути въ Смирну и Сиру. Австрійскій пароходъ въ 120 силъ, построенный въ Тріестѣ, съ машиною изъ Англіи, можно сказать летѣлъ по волнамъ Архипелага и Средиземнаго моря. При этомъ должно отдать справедливость Ллойдовой компаніи: она все дѣлаетъ для удобства путешественниковъ. Командуемые морскими офицерами, пароходы эти содержатся весьма чисто, несмотря на толпу пассажировъ. Мнѣ показывали вновь изобрѣтенный спасательный снарядъ, привѣшенный за кормою парохода; капитанъ хотѣлъ мнѣ показать на опытѣ, какъ распоряжаются снарядомъ, но увы, онъ заржавѣлъ, и батарея не давала вспышекъ. Чтобы не сконфузить командира, сильно разсердившагося на безпорядокъ, я поздравилъ его съ постоянно благополучнымъ плаваніемъ. Не описываю вашей свѣтлости снаряда, увѣренный, что для васъ эта новинка—уже старина. Командиры,—а мнѣ удалось видѣть двухъ, потому что въ Сирѣ мы пересѣли на другой пароходъ,—люди образованные и, кажется, мастера своего дѣла. Команда состоитъ изъ дюжины матросовъ, которые съ утра до ночи работаютъ безъ шума и крика и поддерживаютъ чистоту.

Входъ въ Александрію не безопасенъ,—онъ окруженъ банками; вечеромъ никто войти не рѣшается. Даже австрійцы, которымъ компанія запрещаетъ брать лоцмановъ на всемъ протяженіи Архипелага, Средиземнаго и Адріатическаго морей, куда бы они ни заходили, не пускаются въ Александрію послѣ заката солнца и обезпечиваютъ себя лоцманомъ. Мы прибыли въ портъ рано утромъ. На рейдѣ стояли коекакія суда съ египетскимъ флагомъ, болѣе ихъ было въ гавани, но всѣ разоруженныя. Впрочемъ, грѣхъ сказать, чтобы то были суда, вѣрнѣе будетъ выразиться, что это не суда, а складенный въ форму корабля гнилой лѣсъ, приготовленный при первомъ случаѣ согрѣть Александрію, ежели бы солнцу вздумалось перестать палить ее. Эта куча дровъ составляетъ утѣшеніе Мегмета-Али и кругъ управленія распутнаго сына его Сеидъ-паши—великаго египетскаго адмирала.

Желая поскорѣе отправиться въ Каиръ, я, не дожидаясь пароходика, который изрѣдка ходитъ по Нилу, нанялъ себѣ барку и взялъ драгомана, запасся провизіею и поплылъ противъ теченія рѣки, тащимый то бичевою, то крючками. Первые дни дулъ противный вѣтеръ съ дождемъ и громомъ. Три раза шквалъ намѣревался опрокинуть мою лодку, но арабы управляютъ ловко и не отдали ввѣрившагося ихъ искусству путешественника на съѣденіе крокодиламъ. Старикъ-бедуинъ,

мой рулевой, восхищалъ меня своею энергіею. Однако, болѣе четырехъ сутокъ я плылъ до Каира. Мегметъ-Али и консулъ незадолго до моего прибытія перебрались въ Каиръ зимовать.

Каиръ - это великолѣпіе Востока. Въ Александріи есть много европеизма, въ Каирѣ же все дышетъ арабскими сказками: какое гигантство въ размѣрахъ древней архитектуры. Съѣздивъ на пирамиды, полюбовавшись этимъ чудомъ въ свѣтѣ, и вспомнивъ торжественную фразу Наполеона: Soldats! du haut de ces pyramides 40 siècles vous contemplent,—я имѣлъ послѣ того случай познакомиться съ живою хроникою новой исторіи Египта. Консулъ нашъ, г-нъ Фокъ, представилъ меня Мегмету-Али. Старикъ-паша—большой шутникъ. Цѣлый часъ провели мы въ бесѣдѣ, избѣгая, разумѣется, разговоровъ политическихъ; помня недавнюю статью объ Адлербергѣ, я старался поддерживать разговоръ о вещахъ обыкновенныхъ. Въ отплату за анекдотъ, разсказанный пашею, я разсмѣшилъ его стариннымъ анекдотомъ, выкопаннымъ изъ запыленнаго дорогою архива моей памяти. Али уговаривалъ насъ ѣхать въ верхній Египетъ; я отозвался неимѣніемъ времени.

— Пріѣзжайте къ намъ еще разъ.

— Это не такъ легко,—замѣтилъ я,—на разстояніи, которое раздѣляетъ Петербургъ отъ Каира.

— Путешествовать нынче ничего не значитъ. Я старикъ уже, а не отчаяваюсь быть въ Европѣ. У меня заказанъ пароходъ въ 450 силъ, съ нимъ намѣреваюсь объѣхать всѣ моря.

Планы 80-ти-лѣтняго честолюбца! Паша говорилъ мнѣ о портретѣ, подаренномъ ему королевою Викторіею. Здѣсь ожидали прибытія великаго князя Константина Николаевича. Всѣ приготовленія были сдѣланы.

Изъ Каира теперь я снова въ Александріи и съ нетерпѣніемъ жду 10-го числа, чтобы отправиться въ Мальту, гдѣ мнѣ предстоитъ выдержать карантинъ. Слухъ пронесся, что неаполитанское правительство заставило держать карантинъ судно, пришедшее изъ Мальты, потому что тамъ оказалась какая-то болѣзнь. Для меня, предполагающаго ѣхать изъ Мальты въ Палермо или въ Неаполь, слухъ этотъ весьма непріятенъ. Впрочемъ, здѣсь всѣ полагаютъ, что это долго продолжаться не можетъ.

Ежели позволите, то повременамъ я буду имѣть честь представлять вашей свѣтлости краткіе отчеты моего частнаго странствованія. На этотъ разъ боюсь, что утомилъ уже вниманіе ваше. Здоровье мое не хуже, хотя отъ спазмовъ я еще не отдѣлался. Здѣшняя жара для меня невыносима. Я похудѣлъ—вѣроятно отъ хлопотъ, безъ которыхъ путешествовать нельзя. Надѣюсь, однако, поправиться въ здоровьѣ и пріобрѣсть житейскую опытность. Всѣмъ этимъ я буду обязанъ мило-

стивому расположенію ко мнѣ вашей свѣтлости, расположенію, которое вполнѣ чувствую и цѣню, привыкнувъ уже восемь лѣтъ къ мысли, что все настоящее и грядущее счастье мое въ рукахъ вашихъ, князь. Есть пословица: «les absents ont tort»; но позвольте надѣяться, что въ великодушіи вашей свѣтлости я найду себѣ вѣрную отъ нея защиту.

2.

А. Д. Комовскій—кн. Меншикову.

26-го декабря 1845 г. (7-го января 1846 г.) Палермо.

Ваша свѣтлость! Прибывъ 21-го декабря (2-го января) въ Палермо, вчера, въ день Рождества Христова, я имѣлъ счастіе быть представленнымъ государынѣ императрицѣ и великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Графъ Апраксинъ исправляетъ въ такихъ случаяхъ должность оберъ-камергера. Его высочество генералъ-адмиралъ, безъ представленія, привѣтствовалъ меня весьма милостиво. Мнѣ истинно утѣшительно было убѣдиться, что здоровье ея величества значительно поправилось отъ благорастворенваго воздуха Сициліи. Кажется, выборъ зимовки былъ весьма удаченъ.

Съ настоящею почтою государь императоръ, вѣроятно, получилъ донесеніе отъ графа Шувалова о происшествіи, которое составляетъ теперь предметъ общихъ толковъ здѣсь и въ Неаполѣ. Я разумѣю о столкновеніи двухъ большихъ почтовыхъ пароходовъ. Ваша свѣтлость можетъ быть изволили слышать, что до сего времени почтовое сообщеніе между Неаполемъ и Палермо совершалось на маленькихъ весьма плохихъ пароходахъ, которые нерѣдко за бурною погодою или опаздывали, или вовсе не пускались въ море, такъ что однажды пароходъ «Бессарабія» долженъ былъ отвезти курьера съ депешами отъ императрицы. Желая доставить нашему двору возможность имѣть правильное и постоянное отправленіе курьеровъ, король отдалъ въ распоряженіе почтоваго вѣдомства два большіе парохода: «Стромболи» въ 250 и «Полинуръ» въ 200 силъ, построенные во Франціи. Первый ихъ рейсъ между сказанными пунктами назначенъ былъ на 1-ое января 1846 г., или ст. ст. на 20-ое декабря. Въ первый дебютъ свой они и щелкнулись. Судьба опредѣлила мнѣ быть личнымъ свидѣтелемъ этого несчастнаго случая, На пароходѣ Полинуръ, шедшемъ изъ Неаполя и пострадавшемъ значительно болѣе парохода Стромболи, я могъ испытать весь ужасъ отчаянія пассажировъ, ожидающихъ неминуемой гибели ночью, въ от-

крытомъ морѣ, вдали отъ береговъ, безъ всякой надежды на спасеніе. Смущеніе было страшное между пассажирами, но еше болѣе испугались команда и, кажется, самъ командиръ парохода.

Дозвольте, ваша свѣтлость, мнѣ войти въ нѣкоторыя частныя подробности этого бѣдствія.

Давно собираясь въ Палермо, я по необходимости откладывалъ свою поѣздку въ ожиданіи благопріятнѣйшей погоды и боялся пуститься на прежнихъ почтовыхъ пароходишкахъ, которые пользовались въ Неаполѣ заслуженною ими дурною славою. Наконецъ наступили лазоревые итальянскіе дни и къ успокоенію моему объявлено было о назначеніи новыхъ большихъ пароходовъ для перевозки почты и пассажировъ въ Палермо. Я поспѣшилъ взять билетъ, намѣреваясь праздникъ Рождества и Новый годъ встрѣтить посреди добрыхъ моихъ моряковъ-сослуживцевъ и соотечественниковъ.

Въ четвергъ, 20-го декабря (1-го января), въ два часа пополудни, при ясной погодѣ, мы снялись съ якоря. Общество пассажировъ перваго класса состояло изъ 16-ти человѣкъ, а всѣхъ было до 40. Море, какъ нарочно для дебюта оффиціальнаго плаванія щеголеватыхъ пароходовъ, зеркаломъ улеглось подъ ними. Легкій вѣтерокъ навѣвалъ въ корму, и когда жаркое солнце утонуло за горизонтомъ, вновь народившійся мѣсяцъ вышелъ на синее поле поздравить дебютантовъ съ счастливымъ началомъ. Въ самомъ дѣлѣ лучшаго дня нельзя было выбрать.

Пассажиры: французы, англичане, итальянцы и нѣмцы радовались свѣтлому дню новаго года и послѣ вкуснаго шумнаго обѣда, подъ-вечеръ, благополучно отправились спать. Можетъ быть по тайному предчувствію, тѣмъ болѣе что одинъ изъ собесѣдниковъ нашихъ разсказывалъ за обѣдомъ объ испытанномъ имъ бѣдствіи на пароходѣ «Поллюксъ», который, какъ извѣстно, погибъ при столкновеніи съ пароходомъ «Монжтбелло»,— я долго не ложился и только къ полночи прилегъ отдохнуть, и то не раздѣваясь. Едва успѣлъ я забыться сномъ, какъ страшный крикъ и вопль поражаютъ меня. Въ просонкахъ я слышу слова: «Siamo perduti! siamo perduti!!» Черезъ 5 секундъ послѣдовалъ сильный ударъ и затрещало все на пароходѣ. Выброшенный толчкомъ изъ каюты, я побѣжалъ на палубу. Благодаря Бога я сохранилъ совершенное хладнокровіе, вѣруя въ благость Промысла. Но тутъ впервые увидѣлъ я, въ какихъ видахъ проявляется отчаяніе людей, теряющихъ присутствіе духа предаваясь безотчетно страху. Пассажиры, какъ были во время сна, выбѣжали наверхъ. Не зная въ чемъ дѣло, слыша только пронзительный крикъ матросовъ (которые къ чести храбраго неаполитанскаго флота должно замѣтить) первые бросились спасаться въ шлюпки, спуская ихъ второпяхъ весьма небрежно:—мужчины и женщины, какъ сумасшедшіе кидались со стороны на сторону и другъ на друга, ища повсюду

*

и даже подъ пушками спасенія. Одна изъ шлюпокъ, наполненная уже матросами, висѣла носомъ въ воду, а кормою на боканцахъ. Люди какъ кошки сцѣпились. Французъ разсказчикъ, потерявъ всякое благоразуміе, кинулся въ нее съ борта и чуть-было не утонулъ. Словомъ—смущеніе было общее. На всѣхъ языкахъ раздавались вопли отчаянія; только русскаго звука не вырвала угрожавшая гибель! Можетъ быть болѣзненное, хандрическое расположеніе моего духа помогло мнѣ сохранить полное присутствіе его,—только я былъ спокоенъ и употребилъ все посильное свое знаніе языковъ, чтобы утѣшать каждаго пассажира (особливо пассажирокъ) на родномъ ему звукѣ. Француженка M-e Trushy, въ порывѣ благодарности, едва не бросилась ко мнѣ на шею. Я засталъ ее на палубѣ полуодѣтою, на колѣняхъ передъ помертвѣвшимъ отъ страха мужемъ, которому она трагически говорила: mon ami, s'il faut mourir, mourrons ensemble!..

Успокоивъ кого могъ, я побѣжалъ на бакъ развѣдать о случившемся. Въ это время расцѣпившійся съ нами пароходъ «Стромболи» медленно удалялся, раздробивъ намъ бушпритъ и весь гальюнъ въ щепки. Съ того судна, гдѣ отчаяніе было вѣроятно также велико, перескочилъ къ намъ, полунагой, одинъ изъ пассажировъ [1], полагая насъ, конечно, въ меньшей опасности.—Какъ мертвецъ въ бѣломъ саванѣ изъ оперы Robert le Diable, бѣгалъ онъ по палубѣ. Его схватили и, закутавъ въ шинель, отправили обратно черезъ часъ послѣ нашего расцѣпленія. Пароходы стояли въ виду другъ друга и осматривались. Каждый желалъ убѣдиться въ степени претерпѣнной аваріи. На нашемъ усилилась течь. Машина была цѣла. О причинѣ столкновенія никто ничего не говорилъ. Кромѣ глупости и безразсуднаго желанія капитановъ поговорить между собою, я ничего придумать не могу. Королевскій намѣстникъ въ Сициліи, котораго я видѣлъ третьяго-дня здѣсь, въ Палермо, разспрашивалъ меня подробно о происшествіи. Онъ полагаетъ, что капитаны были въ нетрезвомъ видѣ по случаю Новаго года. Я могъ ручаться только за нашего. Онъ походилъ скорѣе на полуумнаго флегматика, нежели на пьянаго.—Долго еще послѣ столкновенія страхъ держалъ пассажировъ въ отчаянномъ безмолвіи. Малѣйшій скрипъ переборокъ приводилъ всѣхъ снова въ ужасъ. Было, однако, и не безъ смѣшнаго въ минуту общаго бѣдствія. Старикъ-англичанинъ Sir Makintosh все утро твердилъ итальянскій букварь. Въ испугѣ выбѣжавъ на палубу, въ ночномъ нарядѣ, онъ всѣхъ распрашивалъ: «кто гибнетъ? мы или другіе?» и на утѣшительный мой отвѣтъ съ нервическимъ смѣхомъ возражалъ по-итальянски. Oh, veramente!

[1]) Здѣсь въ шутку распустили слухъ, что это былъ толстый Либерманъ, бывшій въ числѣ пассажировъ „Стромболи". Изъ русскихъ тамъ были Скарятинъ, отправлявшійся въ Римъ, и курьеръ отъ императрицы.

— Кто же меня разбудилъ?—продолжалъ флегматическій Джонъ Буль.

— Вѣроятно страхъ и толчекъ въ бокъ!

— Oh, veramente!

— А теперь могу я идти спать?

— Ежели есть охота—почему же нѣтъ.

— Oh, veramente!..

Какъ ни критическо было наше положеніе, я не могъ чтобы не смѣяться.

На другой день, въ два часа пополудни, мы бросили якорь посреди щегольской эскадры двуглаваго орла, который принялъ насъ подъ мощное свое крыло, закрывъ отъ любопытствующихъ глазъ палермскихъ жителей.

— Капитаны будутъ отданы подъ строгій судъ,—сказалъ мнѣ намѣстникъ дюкъ де-Майо, думая этимъ утѣшить.

Описавъ вашей свѣтлости, и можетъ быть уже слишкомъ подробно, одинъ изъ тревожныхъ эпизодовъ моего путешествія, позвольте добавить здѣсь нѣсколько словъ о странности этого случая по личному его собственно ко мнѣ отношенію.

20-го сентября сего года въ четвергъ я отправился изъ Одессы въ Константинополь и, прибывъ благополучно въ столицу султана, писалъ оттуда письмо къ Н. П. Римскому-Корсакову, въ которомъ фантазировалъ о будто-бы испытанномъ мною крушеніи на пути.

Ровно чрезъ три мѣсяца, 20-го декабря, въ четвергъ же, пришлось мнѣ снова плыть по морю изъ Неаполя только въ Сицилію, и я испытываю дѣйствительное бѣдствіе, почти съ тѣми же подробностями, которыя описывалъ Николаю Петровичу. Конечно, впередъ я удержусь фантазировать на подобный ладъ. Слава Богу, что этотъ разъ пьеса разыгралась благополучно. Будь вѣтеръ и волненіе и ударь насъ «Стромболи», который Богъ вѣдаетъ для чего шелъ къ намъ за пересѣчку,—не въ носъ, а поближе къ машинѣ,—всѣ 40 пассажировъ не нашли бы спасенія и, по всей вѣроятности, въ военно-походной по флоту канцеляріи е. и. в. открывалась бы вакансія старшаго чиновника. А пока онъ живъ и помощію д-ра Мандта надѣется быть здравъ, онъ не перестанетъ покорнѣйше просить вашу свѣтлость не лишать его вашего милостиваго расположенія и благосклонности, которыя цѣнить и чувствовать онъ вполнѣ умѣетъ.

3.

А. Д. Комовскій—А. А. Жандру.

11-го (23-го) февраля, 1846 г., понедѣльникъ. Римъ.

Оставляя на-дняхъ шумный и глупо карнавальный Римъ, пускаюсь во Флоренцію, Венецію, Миланъ и Парижъ. Тамъ надѣюсь отдохнуть

отъ предпринимаемаго мною быстраго путешествія по сѣверной Италіи и Южной Франціи. Хочется попитать чѣмъ-нибудь серьезнымъ свой умъ, которому большой пищи не было въ Италіи. Вы не повѣрите, какъ отстали отъ вѣка во всемъ щеголеватые потомки древнихъ римлянъ. Здѣсь ни книгъ, ни журналовъ нѣтъ. Попы да монахи, какъ червяки, бродятъ по улицамъ и умышленно держатъ народъ въ невѣжествѣ, возбуждая фанатизмъ къ безсознательной религіи.

Третьяго-дня я познакомился съ кардиналомъ Меццофанти. Настоящее столпотвореніе въ образѣ одного человѣка. Говоря съ нимъ по-русски, я не хотѣлъ вѣрить собственнымъ ушамъ. Представьте себѣ, что, не бывъ никогда въ Россіи, онъ такъ легко объясняется на нашемъ языкѣ, какъ будто вѣкъ провелъ между русскими. Я думалъ, что обороты рѣчей его будутъ грамматически составлены книжные; ничего не бывало. Только въ произношеніи замѣтно иногда усиліе, и вкрадываются ошибки въ падежахъ; но, говоря чрезвычайно быстро, Меццофанти будто хочетъ скрыть чувствуемыя имъ самимъ ошибки отъ вниманія собесѣдника, и очень ловко сглаживаетъ окончанія словъ, въ которыхъ не увѣренъ.

И старую, и новую литературу нашу онъ знаетъ довольно подробно. Цѣлый часъ я съ нимъ бесѣдовалъ, и въ теченіе этого времени, весьма пріятнаго для меня, старикъ хвастнулъ образчикомъ равносильнаго своего знанія и другихъ языковъ. Какъ-будто испытывая меня, онъ начиналъ говорить и по-нѣмецки, и по-французски, и по-итальянски, по-англійски, по-польски, шведски, испански, даже по-турецки, арабски и персидски. Въ произношеніи всѣхъ этихъ языковъ, вы нисколько не слышите итальянца. Это удивительно! Я очень доволенъ, что видѣлъ Меццофанти. Онъ просилъ его навѣщать почаще. Но увы! я скоро ѣду. Съ сожалѣніемъ разстаюсь съ Римомъ. Изученіе древняго Рима, по развалинамъ его, можетъ доставить высокое наслажденіе. Я былъ совершенно счастливъ первые дни моего пріѣзда до карнавала, бродя по классическимъ остаткамъ храмовъ, дворцовъ, воздвигая воображеніемъ изъ праха жилища Кесарей, Августовъ, Титовъ, Нероновъ, Калигулъ, Каракалъ, Діоклеціановъ и т. д. Однако я записался. Полночь! пора дать отдыхъ и вамъ почтенный Андрей Андреевичъ. Прошу передать мой поклонъ Варварѣ Семеновнѣ. Здоровы ли всѣ у васъ? Богъ дастъ, возвращусь; надѣюсь найти въ васъ то же ко мнѣ расположеніе, которымъ вы меня прежде удостоивали. А пока имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.

4.

А. Д. Комовскій—кн. Меньшикову.

7-го (19-го) апрѣля 1846 г., Свѣтлое Воскресеніе. Парижъ.

Ваша свѣтлость! Если бы я былъ въ настоящую минуту на берегахъ Невы, то конечно поспѣшилъ бы лично имѣть честь поздравить вашу свѣтлость съ днемъ свѣтлаго праздника; но далекій, на берегахъ мутной Сены, позвольте мнѣ принести вамъ, князь, письменно мое поздравленіе и повторить при этомъ чувства моего глубокаго къ вашей свѣтлости уваженія и искреннѣйшей преданности и благодарности.

Послѣдніе дни моего пребыванія въ Парижѣ, такъ какъ въ концѣ этой недѣли я надѣюсь быть въ Лондонѣ, я провелъ большею частію въ камерѣ депутатовъ.

Изъ журналовъ ваша свѣтлость, конечно, изволите знать, что въ камерѣ разсуждали о прибавочномъ кредитѣ для морскаго министерства. Предметъ этотъ не могъ не возбудить моего любопытства. Посольство снабдило меня билетомъ въ дипломатическую трибуну, и я не безъ удовольствія проводилъ по пяти часовъ сряду въ шумныхъ засѣданіяхъ депутатовъ, гдѣ особливо въ послѣдній день, когда предложены были къ разбору статьи закона, происходили такія сцены, которыя невольно напомнили разсказанное мнѣ однажды вашею свѣтлостью негодованіе покойнаго В. Р. Марченко въ засѣданіи англійскаго парламента.

Я былъ увѣренъ, что при этомъ вопросѣ непремѣнно коснутся и нашего флота. И дѣйствительно въ рѣчахъ Тьера и Ламартина, на которыя безъ сомнѣнія ваша свѣтлость обратили вниманіе въ «Journal des Débats“ двуглавому нашему орлу, расширяющему все болѣе и болѣе свои мощныя крылья на моряхъ, отдано должное уваженіе. Недавно въ журналѣ «La Presse» напечатана была статья о состояніи морскихъ силъ въ Россіи и разумѣется наполнена самыми нелѣпыми свѣдѣніями и вычисленіями. Кто-то, вѣроятно изъ русскихъ, вздумалъ тиснуть rectification въ журналѣ «Revue Diplomatique» или «Portefeuille». Возраженія слабы и большею частію силятся доказать, что флотъ нашъ управляется не англичанами (какъ увѣряетъ авторъ статьи въ «La Presse»), изъ которыхъ только одинъ Огильви въ живыхъ, а чисто русскими и за этимъ слѣдуютъ имена Крузенштерна, Рикорда, Литке, гр. Гейдена.

Лѣта вашей свѣтлости составили также предметъ опроверженія. Защитникъ нашего флота полагаетъ васъ не старѣе 55-ти лѣтъ.

Не смѣю войти въ подробности разсужденій камеры. Получая «Journal des Débats» ваша свѣтлость безъ сомнѣнія не пропустили и обратили

на это вниманіе. Фраза Тьера напечатана съ дипломатическою точностію въ «Journal des Débats»: «J'ai entendu l'amiral Lelande, сказалъ онъ, me parler de la marine russe avec la plus grande estime et me dire qu'on ne lui rendait pas assez de justice, mais qu'elle est très digne d'attention»

Признаюсь, мнѣ отрадно было слышать такія слова враждебныхъ намъ ораторовъ. Составляя самъ маленькій винтикъ или самое незамѣтное колесо въ машинѣ морскаго управленія,—могъ-ли я быть равнодушнымъ къ похвалѣ, произнесенной намъ отъ лица опытомъ свѣдущаго адмирала, который пользуется большимъ уваженіемъ во Франціи?

Ламартинъ, подтвердивъ мнѣніе Тьера, прибавилъ свое разсужденіе, основанное будто-бы на близкомъ личномъ знакомствѣ съ нашимъ флотомъ. Въ журналѣ «Des Débats» слова его не напечатаны вполнѣ, а потому позвольте мнѣ выписать ихъ здѣсь изъ «Moniteur»:

M-r Thiers vous déclare dans son admirable discours que la flotte russe est importante; importante par son materiel, importante par son personnel. J'en demande pardon à M-r Thiers. Je connais la flotte! j'ai monté ses bâtiments. (Кажется когда онъ плылъ въ Палестину, а это было лѣтъ 10 тому назадъ). Oui! la flotte russe est importante en effet par son materiel, elle a 54 bâtiments de premier ordre seulement dans la mer Noire. Mais heureusement pour nous, elle n'est pas assez importante dans son personnel militaire. Ces hommes sont braves, mais neufs à la mer. Je n'en veux pas conclure que la flotte russe restera longtemps dans cette situation précaire. Je connais le génie slave. Je sais avec quelle facilité Pierre le Grand a improvisé une nation à ses successeurs et je sais aussi avec quelle facilité la Russie peut improviser un personel maritime. Je ne me rassure donc pas de ce côté: 54 bâtiments dans la mer Noire pouvant grossir tous les jours, qui calculera l'avenir, et l'avenir prochain de cette marine? Voilà, Messieurs, une situation qui peut Vous étonner d'un côté et d'un autre v o u s d o n n e r l e s e s p é r a n c e s, car un jour peut et doit venir, où entre la Russie et nous il n'y aura pas ce qui nous sépare et où nos flottes, en s'unissant, pourront composer 120 vaisseaux et équilibrer les mers!..

Лордъ Пальмерстонъ сидѣлъ возлѣ меня. Можетъ быть, мое сравненіе будетъ слишкомъ дерзко, но, увидѣвъ его, я невольно вспомнилъ о жирафѣ, который, вытянувъ шею, флегматически прогуливается въ «Jardin des plantes». Французы видѣли лорда и во всѣхъ рѣчахъ старарались, кажется, щадить своихъ гордыхъ сосѣдей. Ламартинъ же, желая придать еще болѣе фейерверочнаго огня концу своей рѣчи, протянувъ руку къ сторонѣ нашей, важно торжественно произнесъ: «Messieurs, l'Angleterre nous regarde; votons bien!.. Не трудно себѣ вообразить, съ какимъ восторгомъ принято было это выраженіе.

До сего времени я слышалъ здѣсь многихъ ораторовъ и въ каждомъ изъ нихъ можно было замѣтить какой-нибудь недостатокъ или дурную привычку.

Напримѣръ, Гизо, который былъ вызванъ на каѳедру депутатомъ, упрекавшимъ его въ равнодушіи къ дѣламъ Греціи, гдѣ вліяніе французскаго кабинета подавлено англійскимъ. Гизо говоритъ мастерски, плавно, внятно, лаконически, сильно, безъ витіеватыхъ фразъ, и когда я его слышалъ, то какъ казалось даже, что съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ слушателямъ, съ разсчитанною важностію, sûr de son fait et de sa majorité; но у него есть привычка постоянно махать въ одну сторону правою рукою. Это движеніе такъ однообразно, что можно принять руку Гизо за маятникъ размѣряющій ходъ его рѣчи.

Многоглаголивый Тьеръ, кривляется и шевелится на каѳедрѣ какъ будто онъ на горячихъ угольяхъ. Бойкая его рѣчь, произнесенная непріятнѣйшимъ охриплымъ голосомъ, сопровождалась самыми странными жестами. Но что̀ особенно удивило меня въ Тьерѣ—это память его, послѣдовательность изложенія и потомъ неизмѣнное присутствіе рѣчи для выраженія мысли, рождающейся въ головѣ его вдругъ, въ послѣдствіе какого нибудь замѣчанія, сдѣланнаго сейчасъ изъ середины, справа и слѣва камеры. Тьеръ можно сказать не говоритъ, а выливаетъ изъ себя цѣлый потокъ фразъ и мыслей. Его голова точно типографическій станокъ гдѣ набираются мысли, а ротъ какъ будто только механически предаетъ ихъ тисненію безъ errata. Я не замѣтилъ, чтобы онъ отъ начала до конца, хоть разъ измѣнилъ начатое или сказанное уже имъ выраженіе, что дѣлаютъ весьма часто другіе ораторы. Тьера слушали со вниманіемъ и восторгомъ, но едва-ли съ убѣжденіемъ.

Berrier—говорилъ очень смѣло, громко съ нѣкоторою самоувѣренностію, но между тѣмъ не всегда дѣльно потому кажется, что въ немъ сильна еще привычка адвоката, который весьма часто бываетъ обязанъ бѣлое представлять чернымъ, а черное бѣлымъ. Постоянный жестъ Berrier, бить ладонью по каѳедрѣ, что производитъ непріятный звукъ хлопушки. Онъ особенно нападалъ на министра Мако, защищавшагося скромно, тихо и съ надеждою на majorité.

Сѣдой графъ d'Angeville, отставной лейтенантъ флота и членъ коммиссіи, разсматривавшей представленіе министерства, — совершенно Orlando furioso на каѳедрѣ. Онъ кричалъ, желая перекричать неслушавшихъ его депутатовъ и дерзкіе дѣлалъ упреки министерству.

Два адмирала, изъ которыхъ одинъ (кажется de Hell) читалъ что-то по тетради тщедушнымъ голосомъ, а другой бормоталъ что-то про себя и въ пользу министерства—доставили только работу стенографщикамъ; остальные же всѣ въ залѣ занимались въ это время постороннимъ дѣломъ.

Правду сказать, трудно заставить молчать это стадо непослушныхъ волковъ, ежели только его не увлекаетъ голосъ любимаго или извѣстнаго оратора. Президентъ кричитъ: «En place Messieurs, en place»! и звонитъ своимъ валдайскимъ колокольчикомъ—все напрасно. Пальмерстонъ, видя безпорядокъ и потерю времени, сказалъ, обратившись ко мнѣ: „it is like a desobedient school"! Эти господа не въ состояніи постигнуть что такое время, которое они теряютъ даромъ!

Но вошелъ Ламартинъ—ораторъ болѣе поэтическій, нежели государственный—и все смолкло. Одно присутствіе его на каѳедрѣ уже водворило тишину.

Независимо отъ смысла и дѣльности его рѣчи, Ламартинъ вполнѣ ораторъ увлекательный. Его нечѣмъ упрекнуть. Онъ говоритъ плавно, восторженно, голосъ его звученъ, пріятенъ, движенія его не только не оскорбительны для изящнаго вкуса, но они даже пластическія. Онъ рисуется на каѳедрѣ безъ всякой однако приторности, манерности. Въ немъ ничего нѣтъ ни каррикатурнаго, ни неловкаго. Какъ актеръ онъ кажется изучилъ и каждый свой жестъ и знаетъ, какое положеніе руки и всего тѣла соотвѣтствуютъ и приличествуютъ возвышенію или пониженію голоса, вопросительному или упречному обращенію къ слушателямъ. Весь въ строгихъ правилахъ Демосѳена, онъ не подымаетъ своихъ рукъ выше головы, и не хватаетъ себя за виски, что весьма часто употребляетъ Тьеръ, желая, кажется, указать на источникъ, откуда истекаетъ его мысль..

Другіе ораторы... но я уже не смѣю утомлять долѣе снисходительное вниманіе вашей свѣтлости.

Позвольте заключить письмо мое извѣщеніемъ, что генералъ-адмиралъ, принятый весьма радушно въ Тулонѣ, отправился, какъ сказано во вчерашнемъ журналѣ, въ Марсель и Алжиръ. Присутствіе его высочества произвело сильное впечатлѣніе на французовъ. Можетъ быть, намекая на это плаваніе, Ламартинъ основываетъ свое предвидѣніе о соединеніи двухъ флотовъ для возстановленія равновѣсія на моряхъ.

Оставляя Парижъ, я погрѣшилъ бы противъ совѣсти, сказавъ, что мнѣ было здѣсь скучно. Русскихъ въ Парижѣ множество; между прочими за заутреней сегодня я видѣлъ: графа Ал. Строганова (бывшаго министра) съ женою, графа Гудовича бывшаго московскимъ предводителемъ дворянства, флигель адъютантовъ: князя Васильчикова, князя Гагарина (бывшаго камеръ-юнкера) и Чернышева. Церковь была наполнена русскими.

Сообщ. княгиня **А. А. Голицына**—графиня **Остерманъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ,

отъ

Москвы до Красной Пахры.

I.

Когда князь Кутузовъ выѣхалъ за Рогожскую заставу, то нѣсколько уже корпусовъ находились за городомъ и расположились по обѣимъ сторонамъ дороги, около старовѣрческаго кладбища. Онъ избралъ себѣ мѣсто на самой большой дорогѣ и, сидя на своей обычной скамеечкѣ [1]), наблюдалъ за движеніями войскъ и московскихъ жителей, которыхъ толпы и ихъ обозы перемѣшивались съ войсками, и тѣмъ крайне затрудняли движеніе арміи. Это непредвидимое обстоятельство, едва-ли входило въ соображеніе фельдмаршала, по крайней мѣрѣ въ такихъ размѣрахъ послѣ увѣреній гр. Ростопчина, что Москва оставлена всѣми тѣми жителями, которые желали и могли ее оставить, и что въ ней остается только самая бѣднѣйшая часть народонаселенія, не имѣющая нигдѣ другаго пріюта.

Но одно уже это обстоятельство было достаточно для того, чтобы произвести значительный безпорядокъ въ отступленіи и въ особенности замедлить его. А между тѣмъ отступленіе черезъ Москву было бы тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ было бы исполнено въ должномъ порядкѣ и со всевозможной поспѣшностью. Принимать же насильственныя мѣры противъ несчастныхъ жителей Москвы, безъ сомнѣнія, не могло придти въ голову вождя русскихъ войскъ, которыя въ свою очередь содѣй-

---

[1]) Записки князя А. Б. Голицына.

ствовали всѣми способами имъ выбраться изъ столицы [1]), оставленной на жертву непріятеля [2]).

Погруженный въ глубокую думу, сидѣлъ князь Кутузовъ, и медленно проходили полки мимо своего вождя. Какъ перемѣнились лица русскихъ воиновъ отъ утра до вечера. Поутру отуманены были ихъ взоры, но уста безмолствовали; вечеромъ гнѣвная досада пылала въ ихъ глазахъ, изъ устъ исторгались громкіе вопли: «Куда насъ ведутъ? Куда онъ насъ завелъ?» Облокотясь правою рукою на колѣно, Кутузовъ сидѣлъ неподвижно, какъ-будто ничего не видя, ничего не слыша. Его занимала мысль [3]), успѣетъ ли армія оставить Москву прежде вступленія въ нее непріятеля? Но получивъ извѣстіе, что условія, предложенныя Милорадовичемъ, были приняты Мюратомъ, онъ тотчасъ же велѣлъ арміи продолжать отступленіе [4]).

Вмѣстѣ съ войсками, перемѣшавшись съ ними, отходили отъ столицы и московскіе жители съ ихъ обозами. «Отъ движенія войскъ, столпившихся сонмовъ народа и тѣснившихся повозокъ пыль вилась столбами и застилала лучи заходящаго солнца» [5]). Когда войска отошли нѣсколько верстъ, жители начали отъ нихъ отдѣляться и разсѣеваться по проселочнымъ дорогамъ. Но вслѣдъ за тѣми, которые вмѣстѣ съ войсками вышли изъ Москвы, двигались другія толпы, которыя опередили и сопровождали нашъ аріергардъ, проведшій ночь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы—въ Вязовкѣ. [6]) «Какъ странна упряжь уѣзжающихъ; часто подлѣ прекрасной англійской верховой лошади видимъ запряженную водовозную клячу,—говоритъ одинъ изъ участниковъ этого переселенія,—видишь людей богато-одѣтыхъ въ крестьянскихъ телѣгахъ. Теперь люди испытываютъ то, о чемъ едва-ли слышали прежде. Съ какими трудами, непріятностями и препятствіями сопряжено всеобщее бѣгство! По Рязанской дорогѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ переправляются черезъ одну только Москву-рѣку, и ни въ одномъ мѣстѣ нѣтъ порядочной переправы. Ни къ чему негодные паромы, на ветхихъ канатахъ, едва могутъ поднимать десять лошадей и нѣсколько человѣкъ, тогда какъ сотни проѣзжающихъ ожидаютъ на берегу. Раненые офицеры болѣе всего при этомъ страждутъ. Цѣлыя семейства живутъ здѣсь на пустынномъ берегу, въ ожиданіи очереди переправиться. Жена одного знакомаго намъ московскаго жителя, который простоялъ на переправѣ трое сутокъ, разрѣшилась отъ бремени. Положеніе отца было

[1]) Записки А. П. Ермолова, ч. 1, стр. 209—210.
[2]) Записки артиллериста о 1812 г.
[3]) С. Н. Глинка. Записки о 1812 г., стр. 72—73.
[4]) Записки А. П. Ермолова, ч. 1, стр. 213 и 214.
[5]) Записки С. Н. Глинки, стр. 73 и 74.
[6]) Ѳ. Н. Глинка. Письма русскаго офицера стр. 20, 32 и 33.

самое печальное, ибо негдѣ было взять никакихъ средствъ для вспоможенія болящей и младенцу»[1]) Не по одной дорогѣ на Рязань двигались въ значительномъ количествѣ переселенцы, но по всѣмъ прилегающимъ къ Москвѣ съ сѣверо-востока дорогамъ, и не одни жители московскіе, но и отъ всѣхъ окрестностей, на значительное пространство.

Посланный княземъ Кутузовымъ къ императору, съ вѣстью объ оставленіи Москвы, полковникъ Мишо говоритъ, что «ни одного путешественника не могло быть болѣе чувствительно поражено сердце, какъ мое при этомъ случаѣ». Проѣзжая по странѣ, покидаемой населеніемъ, онъ видѣлъ, что бѣглецы уносятъ съ собою любовь къ отечеству, надежду на отмщеніе и преданность къ своему Государю. О тѣхъ же чувствахъ несчастныхъ переселенцевъ, забывшихъ частныя свои потери и страданія въ виду грозившей отечеству опасности, говоритъ и другой иностранецъ, ѣхавшій по той же дорогѣ изъ Петербурга къ войскамъ. «Самые изгнанники изъ Москвы, говоритъ онъ, услышавъ о твердомъ намѣреніи государя не заключать мира, несмотря на свои потери и страданія, проливали слезы радости о постоянномъ попеченіи вашего величества о славѣ Россійской имперіи»[2]).

Чтобы обезпечить судьбу этихъ переселенцевъ и дать имъ возможность безопасно удалиться отъ Москвы, а съ тѣмъ вмѣстѣ привести въ большій порядокъ войска, кн. Кутузовъ весь слѣдующій день (3-го сентября), простоялъ на одномъ мѣстѣ и только на другой день двинулся съ войсками далѣе и перешелъ съ большими затрудненіями Москву рѣку при Боровскомъ перевозѣ, по случаю множества скопившихся при этой переправѣ московскихъ переселенцевъ. Въ этотъ же день (3-го сентября) убѣдившись, что отступленіе войскъ черезъ Москву и далѣе совершилось благополучно, кн. Кутузовъ рѣшился послать къ императору съ вѣстью объ оставленіи столицы полковника Мишо. Вѣроятно, донесеніе фельдмаршала было приготовлено тоже 3-го сентября, хотя имъ подписано только на другой день (4-го сентября) и не рано утромъ въ селѣ Куликовѣ, находящемся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Панкова, т.-е. въ началѣ перехода къ Боровскому перевозу. Въ этомъ донесеніи кн. Кутузовъ писалъ: «Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести вамъ, всемилостивѣйшій государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Напротивъ того, съ войсками, которыя успѣлъ я спасти, дѣлаю движеніе на Тульскую дорогу. Сіе приведетъ меня въ состояніе защитить городъ

---

[1]) Письмо къ ген. Михайловско-Данилевскому напечатано у Богдановича: Ист. Отеч. войны ч. II, ст. 597–598.

[2]) С. Р. Вильсонъ: письмо къ императору изъ Красной Пахры 13-го (25) сентября 1812 года.

Тулу, гдѣ хранится важнѣйшій оружейный заводъ, и Брянскъ, гдѣ столь же важный литейный дворъ, и прикрываетъ мнѣ всѣ рессурсы, въ обильнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ заготовленные. Всякое другое направленіе пресѣкло бы мнѣ оные, равно и связь съ арміями Тормасова и Чичагова, если бы онѣ показали большую дѣятельность на угроженіе праваго фланга непріятельскаго. Хотя не отвергая того, чтобы занятіе столицы не было раною чувствительнѣйшею, непоколеблясь между симъ происшествіемъ и событіями, могущими послѣдовать въ пользу нашу съ сохраненіемъ арміи, я принимаю теперь въ операціи со всѣми силами линію, посредствомъ которой съ дорогъ Тульской и Калужской партіями моими буду пресѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ Смоленска до Москвы, и тѣмъ самымъ отвращу всякое пособіе, которое бы непріятельская армія съ тылу своего имѣть могла, и, обративъ, на себя вниманіе непріятеля, надѣюсь его принудить оставить Москву и перемѣнить всю свою операціонную линію. Генералу Винценгероде предписано отъ меня держаться самому на Клинской или Тверской дорогѣ, имѣя между тѣмъ по Ярославской казачій полкъ, для охраненія жителей отъ набѣговъ непріятельскихъ партій. Теперь, въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы, собравъ мои войска, твердою ногою могу ожидать непріятеля, и пока армія ваша цѣла и движима извѣстною храбростью и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы, не есть еще потеря отечества. Впрочемъ, ваше величество всемилостивѣйше согласиться изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска и съ тѣмъ разстроеннымъ состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ» [1]).

Въ этомъ донесеніи высказанъ въ общихъ чертахъ весь планъ будущихъ дѣйствій фельдмаршала, который только дополняется и объясняется еще болѣе послѣдовавшими затѣмъ его донесеніями государю изъ Подольска отъ 6-го числа и изъ Красной Пахры отъ 11-го сентября. Въ первомъ изъ этихъ донесеній онъ говоритъ: «Сдѣлавъ два марша по Коломенской дорогѣ для приведенія въ дѣйствіе намѣренія моего склониться ближе на дорогу коммуникацій непріятельской арміи, оставя аріергардъ мой на рѣкѣ Пахрѣ на позиціи у Куликова, форсированнымъ маршомъ сдѣлалъ я фланговый къ Подольску» [2]).

Прочитавъ эти собственныя слова фельдмаршала, можно ли подвергнуть сомнѣнію ту мысль, что у него уже былъ въ головѣ опредѣленный планъ, сообразно съ которымъ онъ дѣйствовалъ въ то время, когда еще всѣ его окружавшіе недоумѣвали, терялись въ догадкахъ—зачѣмъ онъ

---

[1]) Подлинное хранится въ архивѣ глав. штаба и въ свое время было обнародовано въ «Сѣверной Почтѣ», № 75, 1812 г. сентября 18-го дня.

[2]) «Сѣверная почта» 1812 г. № 77, сентяб. 25-го дня.

пошелъ по Рязанской дорогѣ, неожиданно повернулъ къ Подольску, и строили свои планы дѣйствій. Между тѣмъ генералъ Ермоловъ, начальникъ штаба 1-й арміи, который много писалъ и переписывалъ всю жизнь, говоритъ:

«Переправа арміи черезъ Москву-рѣку у Боровскаго перевоза, по множеству обозовъ спасающихся изъ Москвы жителей, совершилась въ чрезвычайномъ безпорядкѣ и очень затруднительно. Направленіе, на Владиміръ военнымъ министромъ предложенное, отмѣнено и опредѣлено перейти на Тульскую дорогу. Для сего надлежало предпринять фланговый маршъ, вблизи непріятеля не безопасный. Въ продолженіе кампаніи 1812 г. движеніе сіе было рѣшительнѣйшее и наиболѣе приличествующее обстоятельствамъ, а потому весьма многіе несправедливо приписываютъ себѣ честь сего предложенія, хотя еще подъ Москвою было разсуждаемо о томъ, можно ли съ Воробьевыхъ горъ перейти на Тульскую и даже на самую Калужскую дорогу, а въ теперешнемъ случаѣ мысль сія принадлежитъ генералу барону Беннигсену, и я свидѣтелемъ былъ, что онъ говорилъ о томъ князю Кутузову».

Это странное свидѣтельство, со стороны лица, которое должно бы внушать наиболѣе довѣрія, невольно заставляетъ остановиться на немъ и разсмотрѣть его внимательно. Послѣ перехода Москвы-рѣки при Боровскомъ перевозѣ, по его увѣренію было о т м ѣ н е н о отступленіе войскъ по Владимірской дорогѣ, которое на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ предлагалъ Барклай-де-Толли. Но зачѣмъ же было о т м ѣ н я т ь отступленіе по Владимірской дорогѣ, когда армія не отступала по ней, а напротивъ по Рязанской. Эти дороги, расходясь почти подъ прямомъ угломъ одна отъ другой, въ Москвѣ сходятся одна съ другою. Отступленіе черезъ Москву по той или другой дорогѣ представляло одинаковыя удобства или неудобства; но переходъ съ Владимірской дороги на Калужскую былъ бы несравненно труднѣе и даже едва-ли возможенъ. Поэтому фельдмаршалъ не безъ цѣли избралъ для отступленія Рязанскую дорогу и вовсе не имѣлъ нужды о т м ѣ н я т ь рѣшеніе отступать по Владимірской. Что же можетъ значить это свидѣтельство г. Ермолова, прямо идущее въ разрѣзъ съ дѣломъ отступленія войскъ по Рязанской дорогѣ, а не по Владимірской? Неужели къ такой неудачной попыткѣ онъ прибѣгъ потому только, что желалъ показать, будто-бы князь Кутузовъ не могъ въ это время уже дѣйствовать самостоятельно. Сначала онъ слѣдовалъ указанію Барклая, оставляя Москву, затѣмъ подчинился мысли Беннигсена, повернувъ на Калужскую дорогу. Дѣйствительно, мысль движенія на Калужскую дорогу онъ положительно приписываетъ Беннигсену; но и эта услуга ему въ томъ же родѣ, какъ и услуга Барклаю. Генералъ Ермоловъ говоритъ, что фельмаршалъ рѣшился повернуть на Калужскую дорогу п о с л ѣ перехода черезъ Москву-рѣку при Боровскомъ перевозѣ. Но уже

д. Жиляр отстоитъ отъ Боровскаго перевоза въ 10-ти верстахъ, а отъ Панковъ только въ 4-хъ. Въ этой деревнѣ, на походѣ къ Боровскому перевозу было подписано донесеніе фельмаршала къ государю, въ которомъ онъ прямо говоритъ о предпринятомъ имъ фланговомъ движеніи. Слѣдовательно рѣшеніе фельдмаршала состоялось гораздо прежде; но, очевидно о немъ не зналъ генералъ Ермоловъ въ это время и неужели онъ не узналъ о немъ впослѣдствіи изъ своевременно обнародованнаго донесенія князя Кутузова? Говоря, что многіе приписывали это соображеніе себѣ, Ермоловъ положительно утверждаетъ, «что оно принадлежитъ барону Беннигсену, и это извѣстно ему со всѣми сопровождавшимися мелочными обстоятельствами». Остается сожалѣть, что генералъ Ермоловъ не упоминаетъ въ своихъ запискахъ ни объ одномъ изъ этихъ обстоятельствъ, а между тѣмъ эти, повидимому, неважныя и мелочныя въ глазахъ современниковъ обстоятельства весьма часто для потомковъ составляютъ важное пособіе при объясненіи какого-нибудь историческаго происшествія. Этотъ пропускъ Ермолова въ нѣкоторой степени дополняетъ самъ баронъ Беннигсенъ Въ отрывкахъ своихъ записокъ, представленныхъ имъ въ январѣ 1813 года самому императору, онъ говоритъ:

«На второй день послѣ оставленія Москвы генералъ Ермоловъ, который съ большимъ вниманіемъ слушалъ все то, что̀ я говорилъ въ военномъ совѣтѣ противъ мысли объ оставленіи Москвы и сдѣланныя мною предложенія, пришелъ ко мнѣ и уговаривалъ меня предложить князю Кутузову перевести войска на Калужскую дорогу, какъ я предполагалъ въ военномъ совѣтѣ. Я ему отвѣчалъ, что не менѣе его вижу необходимость этого движенія, и что я немедленно пойду къ князю и буду уговаривать его рѣшиться на эту мѣру. Сенаторъ Ланской, занимавшій должность генералъ-интенданта дѣйствующихъ армій, который, опасаясь потерять провіантъ, направленный имъ на Калужскую дорогу, и затрудняясь продовольствовать войска въ такой мѣстности, гдѣ не было устроено магазиновъ, просилъ меня о томъ же. Тогда князь Кутузовъ согласился сдѣлать это движеніе. Счастливыя послѣдствія этого движенія извѣстны».

Второй день послѣ оставленія Москвы былъ 4-е сентября, который войска провели въ походѣ отъ Панковъ, при переправѣ черезъ Москву-рѣку у Боровскаго перевоза, которая совершилась въ тотъ же день, и къ вечеру войска расположились у селеній Кулакова и Боровскаго перевоза.

Въ какое время Беннигсенъ предложилъ фельдмаршалу перемѣнить направленіе войскъ?

Соображая слова Беннигсена съ свидѣтельствомъ Ермолова, на этотъ вопросъ можно отвѣчать положительно: въ то время, когда,

перейдя Москву-рѣку, у Боровскаго перевоза войска, расположились у Кулакова. Если это, дѣйствительно, было такъ, то становится весьма понятно, почему фельдмаршалъ, не задумавшись, безъ малѣйшихъ возраженій, принялъ предложеніе Беннигсена, какъ это выходитъ изъ его свидѣтельства.

Въ это время уже скакалъ въ Петербургъ полковникъ Мишо съ донесеніемъ фельдмаршала императору, въ которомъ онъ увѣдомлялъ государя именно объ этомъ фланговомъ движеніи и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ отъискать удобную позицію для расположенія войскъ подъ Подольскомъ.

Съ этимъ же полковникомъ Мишо Беннигсенъ послалъ письмо къ графу Аракчееву, въ которомъ, выражая очень опредѣленно одну мысль, что князь Кутузовъ сожалѣетъ объ оставленіи безъ боя Москвы и считаетъ это дѣйствіе ошибкою,—и весьма неопредѣленно другую,—что положеніе войскъ улучшается потому, что фельдмаршалъ слушаетъ его совѣты. Что касается до первой мысли, то едва-ли нужно и доказывать, что она совершенно не вѣрна: князь Кутузовъ никогда не думалъ, да и не могъ думать, что сдѣлалъ ошибку, оставивъ Москву непріятелю и особенно въ это время. Что же касается до второй, то можно ли предположить, чтобы Беннигсенъ не упомянулъ о фланговомъ движеніи, которое по его указанію будто бы было предположено, если бы въ это время онъ уже предлагалъ его предпринять фельдмаршалу. Онъ даже не зналъ тогда о предположеніяхъ въ отношеніи къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ и въ этомъ же самомъ письмѣ къ графу Аракчееву неопредѣленно говоритъ, что о нихъ доложитъ государю полковникъ Мишо.

Но если бы даже и дѣйствительно 4-го сентября, прежде отправленія полковника Мишо, Беннигсенъ могъ предложить князю Кутузову такое важное движеніе, какъ фланговой маршъ на Калужскую дорогу, то и въ такомъ случаѣ его совѣтъ оказался бы излишнимъ и пришелъ бы поздно, вотъ почему: въ донесеніи государю отъ 4-го сентября изъ села Жилина князь Кутузовъ говоритъ, что онъ уже далъ предписаніе барону Винценгероде насчетъ того, какъ онъ долженъ дѣйствовать на Тверской и Ярославской дорогахъ, т. е. оберегать Петербургъ, какъ резиденцію императорскаго семейства, и Ярославль—гдѣ находилась принцесса Ольденбургская, великая княгиня Екатерина Павловна. Дѣйствительно, это предписаніе дано было имъ 3-го сентября, т. е. на другой день оставленія Москвы и за день до отправленія полковника Мишо въ Петербургъ. «Я одобряю—писалъ ему князь Кутузовъ—сдѣланныя вами распоряженія и нужнымъ нахожу извѣстить васъ объ операціяхъ, которыя я стану предпринимать, дабы вы могли сообразно съ оными дѣйствовать. Намѣреніе мое есть завтра сдѣлать

переходъ по Рязанской дорогѣ, потомъ другимъ выйду я на Тульскую, а оттуда на Калужскую—въ Подольскъ. Симъ движеніемъ надѣюсь привлечь на себя непріятеля, угрожая его тылу. Подольскъ есть такой пунктъ, гдѣ я надѣюсь найти позицію и гдѣ будетъ можно мнѣ подкрѣпить себя и посылать партіи по Можайской дорогѣ. Я постараюсь остаться въ Подольскѣ три или четыре дня. Изложивъ будущія мои операціи, предоставляю вамъ дѣйствовать по вашему усмотрѣнію и съ искусствомъ, коего вы неоднократно являли опыты. Первымъ вашимъ движеніемъ, на которое должно быть обращено все вниманіе ваше, будетъ занятіе снова Клинской или Тверской дороги, оставя на Ярославской—одинъ изъ вашихъ казачьихъ полковъ, подъ командою расторопнаго офицера, который отвѣтствовать будетъ за всѣ ложныя тревоги, могущія дойти до великой княгини. Сей самый постъ ежедневно долженъ доносить въ Ярославль и стараться сохранить сообщеніе съ казачьимъ постомъ, который я учрежу въ Покровѣ, по Владимірской дорогѣ; сей постъ сноситься будетъ съ другимъ, учрежденнымъ при Георгіевскѣ, откуда будутъ мною учреждены другіе до арміи. Я предоставляю вашему превосходительству дѣлать донесенія ваши государю императору, дабы успокоить его въ ложныхъ извѣстіяхъ, которыя могутъ доходить до Петербурга. Изюмскій гусарскій полкъ остается у васъ».

Приведенное письмо князя Кутузова къ барону Винценгероде можетъ служить точнымъ доказательствомъ, что, рѣшившись оставить Москву, фельдмаршалъ составилъ полный планъ будущихъ своихъ дѣйствій. На другой день баронъ Винцегероде получилъ это письмо и немедленно при донесеніи государю, отъ 4-го сентября, изъ Тарасовки послалъ съ него списокъ:

«Сейчасъ я получилъ приложенное при семъ письмо отъ главнокомандующаго, который одобряетъ всѣ мои распоряженія и предписываетъ, между тѣмъ, стараться достичь до Петербургской дороги, что̀ я немедленно исполню. Итакъ, повелѣнія вашего величества найдутъ меня на Тверской дорогѣ. По прибытіи же моемъ на сію дорогу, я каждый день доставлять буду къ вамъ рапорты о положеніи дѣлъ».

Генералъ Ермоловъ свидѣтельствуетъ, что многіе присвоивали себѣ соображеніе о фланговомъ движеніи съ Рязанской дороги на Калужскую; а кн. Кутузовъ «желалъ отнести это любимцу своему Толю». Современники, писавшіе о 1812 годѣ, доказываютъ справедливость перваго замѣчанія Ермолова; что же касается до втораго, то нѣтъ причинъ, сколько намъ кажется, и его отвергать. Если доходили до кн. Кутузова притязанія всѣхъ этихъ господъ присвоить себѣ эту мысль, то онъ могъ указать и на Толя, который дѣйствительно съ Поклонной горы предлагалъ отступить на Калужскую дорогу. Сказа-

нія современниковъ имѣли вліяніе и на позднѣйшихъ писателей, особенно иностранцевъ. Желаніе приписать эту мысль тому или другому лицу вытекало собственно изъ другаго главнѣйшаго желанія—лишить кн. Кутузова дальновидности полководца и славы, несомнѣнно соединенныхъ съ этимъ искуснымъ движеніемъ, оказавшимъ такое рѣшительное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ войны.

Поэтому мнѣнія раздѣляются на двѣ группы: одни приписываютъ эту мысль Беннигсену или Толю, а другіе—случайнымъ обстоятельствамъ, вовсе не входившимъ въ соображенія кн. Кутузова. Вольцогенъ, прусскій офицеръ, наперстникъ Барклая, въ это время флигель-адъютантъ и полковникъ русской службы, говоритъ: «справедливо показаніе русскихъ писателей, что когда Кутузовъ 16-го сентября (новаго стиля) изъ Жилина, находящагося между Панками и Кулаковымъ отправилъ полковника Мишо съ извѣстіемъ въ Петербургъ о причинахъ оставленія Москвы, окружавшія его лица рѣшительно ничего не знали о дальнѣйшихъ его планахъ; онъ оставлялъ ихъ въ совершенномъ невѣдѣніи, какъ можно предполагать по тому, что самъ онъ не имѣлъ никакихъ плановъ. Впослѣдствіи русскіе начали выдавать это фланговое движеніе за ученый стратегическій маневръ, и воспользовавшись этимъ, кн. Кутузовъ счастливую случайность представилъ плодомъ своихъ мудрыхъ соображеній. Но сколько мнѣ извѣстно—то сила обстоятельствъ и случай были причинами этого соображенія—съ цѣлію движенія, важнаго по своимъ послѣдствіямъ».

Вольцогену, какъ доказываютъ его слова, извѣстно было очень немного. Издавая свои воспоминанія о 1812 годѣ спустя почти 40 лѣтъ послѣ совершихся событій, онъ могъ бы узнать о содержаніи того донесенія, которое кн. Кутузовъ отправилъ императору съ полковникомъ Мишо, и слѣдовательно о дальнѣйшихъ планахъ фельдмаршала; но онъ остался въ томъ же невѣдѣніи, въ какомъ находился во время самыхъ происшествій.

Между тѣмъ онъ былъ близкимъ и довѣреннымъ человѣкомъ Барклая-де-Толли, потому его показаніе о томъ, что никто изъ окружавшихъ кн. Кутузова лицъ, т. е. весь штабъ, не знали о его предположеніяхъ, имѣетъ очень важное значеніе.

Впрочемъ, мысль объ отступленіи на Тульскую и Калужскую дорогу въ то время казалась такъ естественна и необходима, что былъ бы тщетный трудъ доискиваться, кому она могла придти въ голову. Подобныя попытки объясняются не положительнымъ желаніемъ открыть перваго виновника и воздать ему должную честь, но, къ сожалѣнію лишь, отрицательнымъ желаніемъ лишить этой чести кн. Кутузова и выставить его слѣпымъ и безсознательнымъ орудіемъ случая или постороннихъ внушеній. «Кутузовъ ни на что не можетъ рѣ-

шиться,—писалъ императору гр. Ростопчинъ,—оставивъ Москву, онъ двинулся по дорогѣ къ Коломнѣ, потомъ перешелъ на Тульскую и теперь не можетъ рѣшиться перейти на Калужскую, чтобы перерѣзать сообщеніе непріятелю съ Смоленскомъ и воспользоваться запасами продовольствія, заготовленными въ Калугѣ и Орлѣ» [1]). Уже послѣ Бородинской битвы въ штабахъ нашихъ армій шла рѣчь объ отступленіи къ Калугѣ. Такимъ движеніемъ полагали отвлечь непріятеля отъ Москвы и спасти эту столицу. «Я позволилъ себѣ—говоритъ ген. Ермоловъ—нѣкоторыя предположенія, о которыхъ не сообщалъ никому, въ той увѣренности, что по недостатку опытности въ предметѣ, требующемъ обширныхъ соображеній, могли они подвергаться большимъ погрѣшностямъ. Я думалъ, что армія наша отъ Можайска могла бы взять направленіе на Калугу и оставить Москву. Непріятель не осмѣлился бы занять ее слабымъ отрядомъ и не рѣшился бы отдѣлить большихъ силъ въ присутствіи нашей арміи, за которой долженъ былъ слѣдовать непремѣнно. Конечно бы не обратился къ Москвѣ со всею арміею, оставя тамъ ее и сообщеніе подверженными опасности» [2]). То предположеніе, которое не рѣшился никому изъ скромности сообщить ген. Ермоловъ, очень громко высказывалъ Толь. Послѣ Бородинскаго сраженія, по свидѣтельству Клаузевица, полковникъ Толь не разъ выражалъ мысль, что надо измѣнить путь отступленія и, оставивъ Москву, направиться къ югу, къ Калугѣ. Клаузевицъ «съ особеннымъ жаромъ защищалъ эту мысль потому особенно, что въ его понятіяхъ давно уже образовался особый взглядъ, что войну въ Россіи надо такъ вести, чтобы, постоянно отступая, привесть снова непріятеля къ границамъ государства» [3]). Но онъ понималъ однако же, что эта игривая мысль (spielende Idee), какъ онъ ее называетъ, не возбуждаетъ сочувствія, и что Толь совѣтуетъ измѣнить направленіе отступленія для того, чтобы сблизиться съ плодородными южными губерніями и прикрыть ихъ отъ непріятеля, удобнѣе притянуть къ войскамъ подкрѣпленія и угрожать непріятельскому флангу. Весьма естественно, что и подъ Москвою, когда рѣшено было отступленіе, онъ предлагалъ совершить его на Калужскую дорогу и думалъ, что его слѣдовало бы начать еще отъ с. Мамонова и вѣроятно повторялъ свою мысль и послѣ, когда войска уже отступали по Рязанской дорогѣ. Это обстоятельство можетъ объяснить свидѣтельство Ермолова будто-бы «кн. Кутузовъ желалъ отнести это своему любимцу Толю» [4]), т. е. мысль о движеніи на Ка-

---

1) Письмо 8-го сентября 1812 г.

2) Записки А. П. Ермолова о 1812 г., Т. I, стр. 206-я.

3) Клаузевицъ. Denckwürdigkeiten.

4) Записки А. П. Ермолова о 1812, Т. 1-й стр. 216.

лужскую дорогу. Очень можетъ быть, узнавъ, что ее присвоиваютъ себѣ тѣ, которымъ она и въ голову не приходила, князь указалъ на Толя, который выражалъ ее прежде другихъ.

Самъ Барклай, предлагавшій отступить на Владимірскую дорогу, впослѣдствіи однако же желалъ и свои стратегическія соображенія связать съ этою мыслью. Въ письмѣ къ императору въ сентябрѣ мѣсяцѣ, онъ увѣряетъ, что непремѣнно далъ бы сраженіе при Царево-Займищѣ, и если бы пришлось послѣ снова отступать, то «никогда непріятель не занялъ бы Москвы, потому что я направилъ бы мое отступленіе не на Москву, а на Калугу, сосредоточивъ всѣ ополченія въ Москвѣ. Мое распоряженіе о провіантѣ, заготовленномъ въ Калугѣ, Орлѣ и Тулѣ, который, по счастію, и въ настоящее время предохраняетъ насъ отъ голода, разсчитано было въ виду этого движенія. Направивъ движеніе на Калугу и имѣя сзади подкрѣпленія, которыя ежечасно могли подойти ко мнѣ, я бы началъ дѣйствительное наступленіе на непріятеля». [1]) Какъ въ этомъ письмѣ движеніе на Калужскую дорогу онъ называетъ самымъ благоразумнымъ и самымъ смѣлымъ, такъ и въ запискѣ о дѣйствіяхъ первой арміи, которую онъ впослѣдствіи представилъ императору, онъ говоритъ, что «сіе движеніе есть важнѣйшее, приличнѣйшее къ обстоятельствамъ изъ всѣхъ, совершенныхъ со времени прибытія князя. Сіе дѣйствіе доставило намъ возможность довершить войну совершеннымъ истребленіемъ непріятеля. Удостовѣреніе столь для меня успокоительное, что было въ состояніи облегчить болѣзненное мое состояніе, изнурявшее меня съ самаго Бородина». [2]) Будучи чуждъ тѣмъ соображеніямъ, по которымъ совершилось это знаменитое фланговое движеніе, Барклай могъ, конечно, радоваться такъ искренно, что эта радость даже облегчила его недугъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ попытался связать его съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій, т. е. тѣмъ планомъ, которому будто-бы онъ самъ слѣдовалъ. Послѣ оставленія Москвы, когда войска еще тянулись по Рязанской дорогѣ, полковникъ Кроссаръ обѣдалъ у гр. Строганова, вмѣстѣ съ кн. Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, гр. Остерманомъ, генераломъ Бородинымъ, кн. Меншиковымъ, адъютантомъ гр. Строганова, и капитаномъ Неклюдовымъ, адъютантомъ кн. Д. В. Голицына. Обѣдъ не былъ такъ веселъ, какъ бываютъ обыкновенно обѣды военныхъ на походѣ; всѣхъ тяготила мысль, что Москвою обладаетъ Наполеонъ. «Повѣрьте, Бонапартъ, далеко не можетъ считаться обладателемъ Москвы,—съ рѣзкимъ убѣжденіемъ замѣтилъ Кроссаръ, — мы можемъ въ 24 часа принудить его оставить Москву

[1]) Письмо Барклая-де-Толли изъ Калуги 24 сентября 1812 года.

[2]) Чтеніе въ Импер. Москов. Обществѣ исторіи и древностей. 1858 г. кн. IV, отдѣлъ 2, стр. 28.

и стать въ побѣдоносное положеніе». Конечно подобное замѣчаніе обратило на себя вниманіе всѣхъ. «Сдѣлаемъ еще три перехода, въ томъ направленіи, по которому мы идемъ, затѣмъ вдругъ обратимся направо и пойдемъ въ тылъ Бонапарту, перпендикулярно его флангу». Затѣмъ развернувъ карту, онъ указалъ на Боровскъ, говоря: «вотъ куда мы должны придти». Карта пошла по рукамъ; гр. Строгановъ два раза принимался ее разсматривать говоря: «это счастливая мысль». То же повторили и другіе. «Но зачѣмъ идти до Боровска, замѣтилъ кн. Меншиковъ; можно остановиться ранѣе».—«Хорошо, князь, замѣтилъ Кроссаръ, остановимся». Увлеченные мыслью Кроссара болѣе и болѣе, русскіе офицеры начали просить его сообщить эту мысль Беннигсену. Послѣ нѣкоторыхъ отговорокъ онъ согласился, но, отворивъ дверь въ комнату, гдѣ находился Беннигсенъ,—говоритъ Кроссаръ,—я увидалъ, что онъ что-то пишетъ, и пошелъ назадъ. Когда я вышелъ, мнѣ встрѣтился флигельад-ъютантъ кн. Сергій Голицынъ, состоявшій при Беннигсенѣ въ это время; съ нимъ былъ какой-то генералъ, начальникъ піонеровъ, котораго имени не припомню». Кайсаровъ разсказалъ ему, съ какою цѣлью шелъ къ генералу; они также одобрили его мысль и просили сообщить ему. «Вамъ извѣстно теперь, какое я предлагалъ движеніе, вы можете всегда его сообщить ген. Беннигсену. На томъ дѣло и осталось,—говоритъ Кроссаръ,—я пошелъ къ Барклаю-де-Толли. Мой приходъ къ нему имѣлъ видъ простаго посѣщенія изъ вѣжливости; но, разговаривая съ нимъ о военныхъ происшествіяхъ, я незамѣтно довелъ рѣчь къ тому, что разсказалъ ему о предполагаемомъ мною движеніи, которое получило уже значеніе потому, что его одобрили. Барклай хладнокровно взялъ карту, открылъ, разсматривалъ ее нѣсколько времени и снова сложилъ, не произнесши ни одного слова, ни одобривъ, ни похуливъ мое предположеніе. Я ушелъ отъ него. Вскорѣ потомъ я видѣлъ, что онъ шелъ къ фельдмаршалу. Говорилъ ли онъ ему о моемъ предложеніи или нѣтъ—я никогда не узналъ. Точно также я не зналъ, говорилъ ли о немъ Беннигсену кн. Голицынъ.» [1]) Барклай-де-Толли, погруженный въ соображенія о превратности своей судьбы, не обратилъ вниманія на это предположеніе и не говорилъ о немъ кн. Кутузову; иначе, онъ не умолчалъ бы объ этомъ въ своихъ письмахъ къ императору и оправдательныхъ запискахъ о своихъ дѣйствіяхъ, которыя ему представлялъ.

Императоръ, получивъ извѣстіе объ оставленіи Москвы отъ гр. Ростопчина и отправляя въ армію генералъ-адъютанта кн, Волконскаго, сказалъ ему: «Не понимаю, зачѣмъ фельдмаршалъ пошелъ на Рязанскую дорогу; ему слѣдовало идти на Калужскую. Тотчасъ поѣзжай къ

---

[1]) Mémoires militaires historiques par B. Crossard. T. 18, стр. 369—373.

нему; узнай, чтó побудило его взять это направленіе, разспроси объ арміи и о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ» [1]. Даже невоенный человѣкъ, хотя носившій мундиръ въ это время, гр. Ростопчинъ, не предполагалъ возможности инаго пути отступленія нашихъ войскъ, какъ на Калужскую дорогу. Еще утромъ, 30-го августа, разговаривая съ С. Н. Глинкою о возможности оставленія Москвы безъ боя, онъ съ увѣренностью опредѣлялъ путь отступленія арміи. Когда Глинка, указывая на карту, замѣтилъ, что «сдача Москвы отдѣлитъ ее отъ полуденныхъ нашихъ губерній. Гдѣ же армія къ оборонѣ ихъ займетъ позицію?» Графъ отвѣчалъ: «на старой Калужской дорогѣ, гдѣ и мое село Вороново, я сожгу его» [2].

Если мысль отступленія на Калугу была такъ естественна, что входила въ соображеніе весьма многихъ лицъ, то почему же эта мысль могла миновать самую умную и опытную въ военныхъ соображеніяхъ голову—стараго вождя русскихъ войскъ? Но мысль можетъ имѣть свои достоинства, однако же ея значеніе опредѣляется способомъ ея исполненія на дѣлѣ, если оно послѣдуетъ успѣшно. Эта мысль выражалась въ двухъ видахъ: одни предполагали, что послѣ Бородинскаго сраженія наши войска должны были отступать не на Москву, но на Калугу, другіе предлагали это направленіе подойдя уже къ Москвѣ, но не проходя черезъ городъ. Что касается до такого предположенія, то сохранились свидѣтельства современниковъ, что кн. Кутузовъ выражался рѣшительно противъ него. Когда послѣ Бородинскаго сраженія оно сдѣлалось ему извѣстно, онъ отвѣчалъ коротко: «пусть идетъ неріятель на Москву!» [3]. Въ отношеніи же ко второму предложенію не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, какъ отнесся къ нему кн. Кутузовъ: онъ повелъ войска на Рязанскую дорогу и всѣхъ привелъ въ недоумѣніе.

Эта мысль исключительно принадлежитъ князю Кутузову; мы можемъ утверждать рѣшительно уже потому, что никто не пытался ее себѣ присвоить. Между тѣмъ, въ этомъ движеніи и заключается вся особенность въ способѣ исполненія довольно общей мысли въ это время о фланговомъ движеніи русскихъ войскъ на перерѣзъ сообщеній непріятеля. Скрывая тщательно свои предположенія отъ своего штаба, князь Кутузовъ объяснилъ, однакоже, императору цѣль предпринятаго имъ движенія на Рязанскую дорогу; онъ называетъ его фальшивымъ движеніемъ, предпринятымъ для того именно, чтобы скрыть дѣйствительное, ввесть въ заблужденіе непріятеля,—конечно, для того, чтобы

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій. Полное собр. сочиненій. Т. IV, ч. XXXVII, стр. 529.

[2]) С. Н. Глинка, записки о 1812 г., стр. 54.

[3]) Записки кн. Б. А. Голицына, о 1812 года.

дать возможность войскамъ совершить безпрепятственно трудный маршъ, оградивъ ихъ отъ нападенія противника. Этой цѣли князь Кутузовъ достигъ вполнѣ.

Непріятельскій авангардъ, обманувшись ложнымъ движеніемъ на Коломну, потерялъ изъ виду наши войска, и Наполеонъ былъ въ тревогѣ отъ невѣдѣнія о направленіи нашихъ войскъ въ продолженіе двѣнадцати дней, со времени вступленія въ Москву (до 14-го сент.) [1]. Между тѣмъ въ это время фланговое движеніе было совершено и войска находились при Красной Пахрѣ.

Предполагая весьма не долго оставаться на Рязанской дорогѣ, князь Кутузовъ не сдѣлалъ распоряженія о передвиженіи туда продовольствія, которое послѣ Бородинскаго сраженія было направлено имъ на Калужскую дорогу. Но фланговое движеніе было нѣсколько замедлено при выступленіи изъ Москвы большимъ количествомъ жителей, оставлявшихъ столицу, и ихъ обозами, а потомъ—дурными проселочными дорогами. «Впрочемъ, еще у Подольска—говоритъ одинъ изъ участниковъ похода—хлѣба, мяса, водки и овса у насъ было достаточно. Передъ Москвою намъ вволю всего надавали, только для лошадей трудно было найти сѣна. Въ Подольскомъ казначействѣ, къ нашей большой отрадѣ, осталась какая-то тяжелая казна мѣдныхъ денегъ, съ которою въ настоящей опасности не знали, что дѣлать, а потому заблагоразсудили раздать ее войскамъ. Отъ каждаго полка и артиллерійской роты потребовали команды для принятія денегъ, сколько приходилось кому по разсчету, въ томъ числѣ и ко мнѣ въ роту принесли, что слѣдовало, пятаками. На походѣ отъ самой Вильны мы поистратились деньжонками и задолжали маркитантамъ; ропота же никакого не имѣли и даже думали, что, потерявши Москву, вовсе не будемъ получать жалованья, а потому этстъ скудный даръ былъ намъ весьма кстати» [2]. Замедленіе фланговаго движенія произвело, однако же, то, что продовольствіе, наконецъ, стало уменьшаться, и фельдмаршалъ принужденъ былъ поручить корпуснымъ и дивизіоннымъ начальникамъ [3]) «согласить полки на покупку ихъ попеченіемъ провіанта на четыре дня, по утвержденнымъ цѣнамъ». Но это затрудненіе продолжалось не долго: войска уже находились на Калужской дорогѣ, и огромные запасы, собранные въ Калугѣ, безъ сомнѣнія, не замедлили къ нимъ приблизиться.

По мѣрѣ того, какъ развивалось и приводилось въ исполненіе фланговое движеніе, духъ войскъ, взволнованныхъ и огорченныхъ

---

[1]) Chambray. Expédition de Russie, ч. 2, кн. 2, стр. 149 и 150; Faim manuscrit de 1812. Т. II, ч. VI, кн. 4, стр. 109 и слѣд.

[2]) Записки артиллериста о 1812 г., ч. 1, гл. VI, стр. 175 и 176.

[3]) Дополненіе къ приказу князя Кутузова отъ 10-го сентября.

оставленіемъ Москвы, началъ мало-по-малу успокаиваться, и глубокое довѣріе къ фельдмаршалу, которое постоянно питали къ нему войска, возстановилось снова. «Куда насъ ведутъ!.. Куда насъ завелъ!..»—слышались возгласы войскъ, проходившихъ мимо самого князя Кутузова, оставлявшихъ Москву. «Между офицерами множество было предположеній и догадокъ; но никто не попадалъ на настоящую цѣль Кутузова» [1]). Тревожному состоянію духа войскъ придалъ особое направленіе—пожаръ Москвы.

Въ первый вечеръ по выходѣ изъ Москвы войска услыхали громовой грохотъ и увидали пожаръ. Взорваны были барки съ коммиссаріатскими запасами подъ Симоновымъ монастыремъ, и загорѣлся винный дворъ за Москвою-рѣкою. Быстро оглянулись наши воины на Москву и грустно говорили: «горитъ Матушка-Москва, горитъ!».

«Объятый тяжкою, гробовою скорбью,—пишетъ С. Н. Глинка,—я ринулся на землю съ лошади, и ручьи горячихъ слезъ смѣшались съ прахомъ и пылью». Изъ Панковъ было видно зарево пожара; но это было только начало. На другой день, 3-го сентября, «уже большая часть горизонта надъ городомъ означалась пламенемъ: огненныя волны восходили до небесъ, а черный, густой дымъ по небосклону разстилался до насъ. Тогда мы всѣ невольно содрогнулись отъ удивленія и ужаса» [2]). Но это чувство скоро перешло въ негодованіе: думали, что французы жгутъ Москву! «Вотъ тебѣ и златоверхая Москва! красуйся матушка, русская столица»,—говорили солдаты съ большою досадою [3]). Когда войска переправились черезъ Москву-рѣку у Боровскаго перевоза и расположились на крутомъ ея берегу, съ Мячьковскаго кургана открылся передъ глазами ихъ во всемъ объемѣ московскій пожаръ. «Я видѣлъ сгорающую Москву,—говоритъ одинъ изъ свидѣтелей происшествія,—она, казалось, погружена была въ огненное море. Огромная ярко-багровая туча дыма висѣла надъ нею» [4]). Въ виду этого зрѣлища, лишь только войска расположились на бивуакахъ, «раздался ужасный взрывъ пороховаго погреба въ городѣ. Этотъ ударъ потрясъ всѣ окрестности, и эхо страшнаго грохота передало его во всѣ концы» [5]).

Не понимая еще значенія флангового движенія, волнуясь жаждою отмщенія врагу за истребленіе Москвы, войска тревожила мысль, какъ бы императоръ не заключилъ мира съ Наполеономъ. Дѣйствительно, въ арміи ходили слухи, что идутъ переговоры о мирѣ, что наше

---

[1]) Записки С. Н. Глинки о 1812 г., стр. 72 и 75.
[2]) Записки о 1812 г. С. Н. Глинки, ч. 1, стр. 74.
[3]) Записки артиллериста, стр. 172.
[4]) Ѳ. Н. Глинки. Письма русскаго офицера, стр. 25.
[5]) Записки артиллериста, ч. 1, стр. 175.

правительство уступаетъ ему всѣ губерніи до Днѣпра и Смоленскъ, что дастъ даже вспомогательное войско, для завоеванія англійскихъ владѣній въ Индіи. Волненіе было такъ сильно, что нѣкоторые думали, что фельдмаршалъ обратилъ на него вниманіе и принялъ мѣры. Поводомъ къ этимъ слухамъ послужило слѣдующее обстоятельство.

Въ то время, когда войска стягивались на Калужскую дорогу, а главная квартира находилась уже въ Красной Пахрѣ, Барклай-де-Толли обратился съ просьбою къ фельдмаршалу представить государю списокъ лицъ, которыя отличились въ сраженіяхъ, бывшихъ до оставленія Смоленска и послѣ—до того времени, когда главное начальство надъ войсками принялъ на себя князь Кутузовъ. Очевидно, Барклай желалъ показать, что подчиняется военной дисциплинѣ, сознаетъ свой долгъ повиновенія старшему и исполняетъ его.

Безъ сомнѣнія, Кутузовъ понялъ эту, вынужденную обстоятельствами, покорность власти и, не желая раздражать и такъ уже болѣзненно напряженнаго самолюбія Барклая, онъ предоставилъ ему самому не только сдѣлать это представленіе государю отъ своего имени, но и, по праву главнокомандующаго, самому награждать нижнихъ чиновъ какъ производствомъ въ унтеръ-офицеры, такъ и знаками военнаго ордена.

Этотъ учтивый поступокъ фельдмаршала имѣлъ, однако же, такія послѣдствія, какъ увидимъ далѣе, которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, и предвидѣть не могъ, несмотря на всю прозорливость.

«Единственно повинуясь настоятельнымъ приказаніямъ фельдмаршала князя Кутузова, имѣю счастіе представить вашему императорскому величеству списокъ лицъ, отличившихся во многихъ сраженіяхъ, до прибытія къ войскамъ его свѣтлости», писалъ императору Барклай-де-Толли [1]), а также, конечно, исполняя приказанія фельдмаршала, объѣхалъ войска и роздалъ награды нижнимъ чинамъ. Онъ останавливался передъ каждымъ полкомъ и говорилъ рѣчи. Содержаніе одной изъ такихъ рѣчей передаетъ современникъ въ слѣдующихъ словахъ: «Храбрые воины, вѣрные сыны Россіи! я вижу уныніе на лицахъ вашихъ, выражающихъ печаль сердца, слышу патріотическій гласъ негодованія. Настоящее событіе, конечно, прискорбно для каждаго русскаго, но оно еще не есть конецъ начатаго дѣла; часто среди крайностей требуются великія жертвы, для спасительныхъ послѣдствій. Вспомните, какъ государь Петръ I-й находился въ подобныхъ нашимъ обстоятельствахъ, вспомните, какъ онъ завелъ врага своего подъ Полтаву и тамъ погубилъ его. Мы, съ помощью Божіею и вашимъ мужествомъ, надѣемся то же сдѣлать, если только съ терпѣніемъ и кротостію предадитесь волѣ предводителей своихъ, которые ведутъ

---

[1]) Письмо Барклая-де-Толли 11-го сентября 1812 г. изъ Красной Пахр

васъ для спасенія отечества и для собственной вашей славы. Правда, столица наша превращена въ пепелъ; но знайте, что изъ пепла сего возрождается гибель врагу и всей его силѣ; скоро почувствуетъ онъ истребленіе. Уже войска его изнурены нуждою и трудами дальняго похода, войска до половины вами побиты, потеряли устройство и бодрость; они представляютъ не болѣе какъ толпу бродягъ, алчущихъ добычи и пропитанія. Скоро увидите вы передъ глазами своими погибель новаго Карла XII; скоро онъ побѣжитъ отъ васъ быстрѣе молніи, но не вынесетъ костей своихъ изъ царства Русскаго и прахъ его развѣется подъ стопами вашими!»

Тѣми-ли именно словами говорилъ свою рѣчь передъ каждымъ полкомъ Барклай-де-Толли, или нѣтъ—конечно, нельзя сказать утвердительно, но, вѣроятно, ея смыслъ переданъ вѣрно. Естественно, что она должна была произвести впечатлѣніе, убѣдивъ окончательно въ томъ, что уже смутно начинали понимать войска, приближаясь къ цѣли предпринятаго фельдмаршаломъ движенія. Уже то обстоятельство, что съ этими словами, для успокоенія сыновъ Россіи, огорченныхъ потерею столицы, явился тотъ, на кого болѣе всѣхъ обращалось негодованіе, какъ на производителя безконечной ретирады и причину несмѣтныхъ потерь,— и вотъ онъ рѣшился предстать самъ предъ войсками съ спокойнымъ челомъ, увѣренный въ правотѣ своей, «должно было особенно подѣйствовать на войска». Кто знаетъ русскаго солдата, тотъ знаетъ также, что одно доброе слово начальника внушаетъ къ нему довѣріе и возвышаетъ упадшій его духъ. Но это обстоятельство, важное, безъ сомнѣнія, для войскъ, было еще важнѣе для самого Барклая. Тотъ же современникъ-свидѣтель, который сохранилъ въ своихъ запискахъ объ этомъ времени его рѣчь, замѣчаетъ: «такимъ образомъ говорилъ почтенный вождь передъ каждымъ полкомъ и примирился съ воинами. Рѣчь его еще болѣе возымѣла дѣйствія, когда онъ въ каждомъ полку по нѣскольку отличныхъ рядовыхъ произвелъ въ унтеръ-офицеры и роздалъ по нѣскольку знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія за храбрость. Въ одномъ Елецкомъ полку онъ произвелъ 20 человѣкъ въ унтеръ-офицеры. Послѣ этого всѣ ободрились. Старые усачи припоминали преданіе отцовъ своихъ, какъ, подлинно, шведъ былъ разбитъ на-голову подъ Полтавою, и надѣялись, что съ Наполеономъ Карловичемъ то же можетъ случиться, если сами постоимъ грудью до послѣдней капли крови и предадимся совершенно во власть начальниковъ. Уже не стали горевать о Москвѣ, говоря, что царь-де намъ изъ каждаго города можетъ поставить столицу, такъ же какъ Петръ Великій изъ болота вывелъ Петербургъ. Къ вечеру во всѣхъ полкахъ заиграла музыка духовая и роговая, вездѣ запѣли пѣсни, и воинское веселіе опять разлилось по старому. Тихая погода, пріятное зарево заходящаго

солнца по чистому небосклону, отголоски музыки, повторяемые эхомъ изъ лѣса, который закрывалъ передъ нами дымъ курящейся подъ пепломъ Москвы, утѣшительныя бесѣды, утѣшительная надежда на будущее, полная довѣренность къ распоряженіямъ фельдмаршала,—все это вмѣстѣ романически услаждало сердце каждаго воина. «Въ продолженіе цѣлаго похода я не имѣлъ столь пріятныхъ ощущеній», — заключаетъ свое описаніе очевидецъ, котораго разсказами мы воспользовались [1]).

По мѣрѣ приближенія къ Старой Калужской дорогѣ значеніе флангового движенія болѣе и болѣе уяснялось войскомъ. «Тутъ уже всѣ стали разумѣть, что это идутъ въ тылъ непріятелю; каждый удваивалъ шаги, желая застать его врасплохъ, и солдаты сожалѣли, что переходы были небольшіе» [2]).

Во время флангового движенія, съ самаго выхода изъ Москвы, князь Кутузовъ не терялъ спокойствія духа, какъ свидѣтельствуютъ тѣ, которые видѣли его въ то время. «Я видѣлъ его важное и спокойное лицо,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—казалось, онъ былъ въ полномъ увѣреніи о предстоящемъ переворотѣ судьбы непріятеля и ожидалъ только успѣха, долженствовавшаго увѣнчать его мудрыя предпріятія для спасенія отечества» [3]). Его безсмѣнный ординарецъ, князь Голицынъ, посланный имъ къ Милорадовичу, возвращаясь нашелъ уже войска на походѣ къ Подольску. На привалѣ князь Кутузовъ сидѣлъ и пилъ чай, окруженный мужиками, съ которыми разговаривалъ; онъ давалъ имъ наставленія, а когда они съ ужасомъ говорили о пылающей Москвѣ, онъ ударилъ себя по шапкѣ и сказалъ: «жалко, это правда, но погодите я ему голову-то проломаю» [4]). Кутузовъ на другой день собралъ усталыхъ и, не дожидаясь болѣе одних сутокъ, перешелъ въ Красную Пахру, на Старую Калужскую дорогу, гдѣ и начинается цѣлый рядъ достопамятныхъ событій сей кампаніи.

Князя Кутузова нѣкоторые упрекаютъ за остановку у Подольска. Но онъ промедлилъ день у Панковъ для того, чтобы обезопасить участь выходцевъ московскихъ, а у Подольска—для того, чтобы собрать усталыхъ и отсталыхъ. Цѣль флангового движенія онъ считалъ уже достигнутою и переходъ на Старую Калужскую дорогу былъ уже не длиненъ [5]).

Тайна, съ которой совершилось это движеніе, обезпечила его успѣхъ. Эту тайну князь Кутузовъ не сохранилъ, однако же, передъ императоромъ и въ донесеніи, посланномъ съ полковникомъ Мишо, объяснилъ

---

[1]) Записки артиллериста, ч. 1, стр. 178—181.
[2]) Записки артиллериста, ч. 1, гл. VI, стр. 184.
[3]) Записки А. П. Ермолова, стр. 174.
[4]) Записки князя Б. А. Голицына.
[5]) Записки А. П. Ермолова о 1812 г., т. 1, стр. 216.

свое намѣреніе совершить фланговое движеніе. Конечно, онъ зналъ, что когда его донесеніе будетъ получено въ Петербургѣ, то фланговое движеніе будетъ уже приведено въ исполненіе и слухъ о его намѣреніи не распространится преждевременно. Но почему же никто изъ высшихъ лицъ окружавшихъ его штабовъ не зналъ о его предположеніяхъ, почему отъ нихъ онъ сохранилъ это въ строгой тайнѣ?

На этотъ вопросъ, предварительно, мы отвѣтимъ словами начальника штаба первой арміи генерала Ермолова, который говоритъ: «я не переставалъ признавать главную квартиру врагомъ всякой тайны» [1]). Окончательнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ слѣдующая глава.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ **П. Н. Цуриковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Записки А. П. Ермолова о 1812 г., стр. 220.

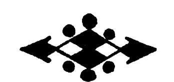
Письмо графа А. Г. Орлова-Чесменскаго неизвѣстному [1]).

Октября 8-го дня 1801 года, Москва.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой! По всевысочайшей волѣ покойной въ Бозѣ опочивающей государыни императрицы Екатерины Великой, за службы мои получалъ я пенсіонныя деньги каждый годъ, но со времени отъѣзду моего въ чужіе края, хотя и прошено было отъ повѣренныхъ моихъ въ тѣхъ мѣстахъ, откудова получаемы были, но выдачи оной во все время не было, о чемъ я и просилъ вашего сіятельства запискою, чтобъ объ ономъ доложить его императорскому величеству, всемилостивѣйшему нашему государю, но не знаю, теперь донесено ли его величеству или еще нѣтъ; покорнѣйше прошу вашего сіятельства о семъ увѣдомленія. Я жъ есмь съ моимъ истиннымъ почтеніемъ вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга, графъ

Алексѣй Орловъ-Чесменскій.

Резолюція. «Докладывано его императорскому величеству 9-го октября 1801 года и повелѣно оставить сіе письмо до дальнѣйшаго впредь повелѣнія».

[1]) Письмо это доставлено въ редакцію въ копіи и потому трудно опредѣлить, къ кому оно писано.

М. В. ЛОМОНОСОВЪ.

(Матеріалы для его біографіи).

I.

Всеподданнѣйшее прошеніе М. В. Ломоносова императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ

„ „ октября 1758 г.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица Елисаветъ Петровна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая!

Бьетъ челомъ коллежскій совѣтникъ и Академіи Наукъ профессоръ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ, а въ чемъ мое прошеніе тому слѣдуютъ пункты.

1.

Сего 1758 года мая 5 дня въ присутствіи Правительствующаго Сената объявлено мнѣ, что въ ономъ опредѣлено украсить въ здѣшней крѣпости церковь Святыхъ Апостолъ Петра и Павла мозаичнымъ художествомъ съ моихъ заводовъ, въ честь и славу великихъ дѣлъ безсмертныя памяти государя родителя вашего, императора Петра Великаго, о чемъ изъ онаго Сената поданъ докладъ Вашему Императорскому Величеству.

2.

А понеже за другими важнѣйшими государственными попеченіями минуло уже многое время безъ всемилостивѣйшія онаго доклада кон-

фирмаціи, для того заготовленные на заводахъ моихъ къ тому матеріалы, машины и мастеровые люди состоятъ почти безъ дѣла, отчего причиняется моимъ заводамъ немалое поврежденіе, затѣмъ что отъ употребленной на произведеніе мозаичнаго художества суммы нѣтъ почти никакого поворота, за неимѣніемъ приватныхъ охотниковъ въ покупкѣ мозаики.

3.

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое всенижайшее прошеніе въ учрежденной при дворѣ Вашего Величества конференціи принять и для вышепоказанныхъ причинъ, а паче для великолѣпнаго изображенія трудовъ безсмертныя памяти великаго Вашего родителя и для умноженія прехвальныхъ дѣлъ благословеннаго Вашего государствованія, соблаговолить учинить всемилостивѣйшую конфирмацію.

Всемилостивѣйшая Государыня! прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Октября « » дня 1758 года. Прошеніе писалъ Академіи Наукъ копіистъ Иванъ Барковъ.

Къ сему прошенію коллежскій совѣтникъ и профессоръ Михайло Ломоносовъ руку приложилъ.

II.

Объ исключеніи изъ подушнаго оклада семейства сестры покойнаго профессора Михаила Ломоносова [1]).

7 августа 1798 года архангельскій гражданскій губернаторъ Ахвердовъ вошелъ къ генералъ-прокурору князю Куракину съ слѣдующимъ представленіемъ:

«Зная, что споспѣшествовать общественной, и частно всякаго россіянина, пользѣ есть пріятнѣйшее вашего сіятельства упражненіе, осмѣливаюсь остановить на нѣсколько минутъ вниманіе ваше на слав-

---

[1]) Архивъ министерства юстиціи, дѣло 1798 г. № 666.—Въ „Исторіи Императорской Академіи Наукъ“ Петра Пекарскаго т. II, на стр. 889 приведенъ помѣщаемый нами въ концѣ статьи указъ императора Павла I Сенату отъ 22 августа 1798 г., но не напечатанъ докладъ, послужившій основаніемъ для указа. Ред.

номъ уроженцѣ неважнаго Курострова—Россійскаго Пиндара, Михайлы Васильевича Ломоносова, толико важныя услуги отечественной литературѣ оказавшаго, и прекраснымъ пѣньемъ дѣлъ великихъ Россіи государей всеобщую сыновъ ея благодарность заслужившаго, сестра родная, 62-хъ лѣтъ, вдова, живетъ въ крестьянствѣ съ сыномъ и внучатами въ лежащей неподалеку отъ Курострова, того же Холмогорскаго уѣзда, Матигорской волости, куда выдана была замужъ за крестьянина Головина. Сія старушка есть мать профессора С.-Петербургской Академіи Наукъ Головина, который необыкновенными дарованіями начиналъ являться достойнымъ Ломоносова племянникомъ, но коего безвременная смерть пресѣкла успѣхи. Достоинства и заслуги получаютъ въ Россіи бо̀льшія, нежели гдѣ-либо, награжденія, простирающіяся и на потомство заслужившихъ оныя.

«Вашему сіятельству предоставлено быть ходатаемъ у высокомонаршаго престола за потомство Ломоносова, которое за величайшее счастіе почитаетъ быть освобожденнымъ отъ рекрутства, что̀ бывшими архангельскими генералъ-губернаторами неоднократно, но тщетно, было обѣщано.—Испрошеніемъ сея милости умножите, ваше сіятельство, права ваши на благодарность всей россійской публики, а я счастливымъ себя почту и тѣмъ, что хотя слабымъ послужилъ къ тому посредствомъ.»

Къ представленію приложенъ и списокъ лицъ, составлявшихъ семейство сестры покойнаго Ломоносова:

Списокъ

о семействѣ покойнаго статскаго совѣтника и профессора Михаила Васильевича Ломоносова, сестры родной, крестьянки Головиной, по послѣдней ревизіи:

вдова Марья Васильева Головина. . . .	62 годовъ
сынъ ея Петръ	33 —
жена онаго Петра, Авдотья.	33 —

дѣти ихъ:

Василій.	15 годовъ
Иванъ	7 —
Анна.	14 —
Настасья	3 —
Парасковья.	$1^1/_2$ —
Татьяна, Дарья	послѣ ревизіи рожденныя.

По докладѣ этого представленія императору Павлу послѣдовалъ 22 августа 1798 года высочайшій указъ Сенату:

«Во уваженіе памяти и полезныхъ знаній знаменитаго Санктпетербургской Академіи Наукъ профессора статскаго совѣтника Ломоносова, всемилостивѣйше повелѣваемъ: рожденнаго отъ сестры его Головиной сына, Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, Матигорской волости, крестьянина Петра съ дѣтьми: Васильемъ, Иваномъ и съ потомствомъ ихъ, исключа изъ подушнаго оклада, освободить отъ рекрутскаго набора [1]).

Сообщ. **А. В. Безродный**.

[1]) Сенатскій Архивъ, т. I, стр. 431. См также Полн. Собр. Закон.

Очерки театральной цензуры въ Россіи въ XVIII в.

I.

Среди прочихъ факторовъ общественнаго движенія XVIII в. русскій театръ стоитъ несомнѣнно на первомъ планѣ. Явленіе это не носитъ однако, характера чего-либо случайнаго или временнаго. Подобно печатному слову, театръ въ Россіи имѣетъ свою исторію, сложную и любопытную, отличную отъ исторіи западнаго театра, обязаннаго своимъ образованіемъ культурному развитію массы, ея ранней государственной жизни. Въ Западной Европѣ (не исключая нашихъ западныхъ, въ то время еще польскихъ и малорусскихъ, окраинъ) театръ съ давнихъ временъ является выразителемъ народнаго духа, его стремленій, идеаловъ и надеждъ. Сама общность главныхъ моментовъ развитія европейскаго театра свидѣтельствуетъ «о существованіи тайнаго единства, сближающаго драматическое искусство разныхъ странъ и народовъ во имя общаго прогресса». Но что же это за общія черты? Пускай самъ историкъ разскажетъ намъ о нихъ подробно. «Наивная вѣра, смѣняющаяся разсудочностью, народность, одерживающая верхъ надъ преобладаніемъ набожнаго характера, мистицизмъ и аллегорія, врывающіеся на сцену, педагогія, овладѣвающая ею, затѣмъ возрожденіе путемъ возврата къ классикамъ и новое истинное возрожденіе театра къ служенію великимъ народнымъ интересамъ»,—вотъ по мнѣнію г. Веселовскаго «эти разнообразныя начала (которыя) мѣрною чредой проходятъ въ исторіи европейскаго театра, безъ различія именъ, лицъ, племенъ, нарѣчій» [1]). Легко понять, что Россіи XVI и XVII ст. до всего этого еще неизмѣримо

[1]) „Старинный театръ въ Европѣ“, III, 286—287.

*

далеко. Мы едва переживаемъ періодъ духовный (господства духовнаго элемента надъ свѣтскимъ) и вступаемъ въ періодъ владѣльческій (вмѣшательства государства въ соціальное устройство жизни), когда въ остальной Европѣ общество давно уже разбилось на группы, каждая съ самостоятельной организаціей, сословною жизнью и интересами. Но вотъ переходная эпоха XVII ст. смѣняется XVIII в. Появленіе Петра на исторической сценѣ мѣняетъ безвозвратно первоначальный ходъ русской исторіи. Тотъ же топоръ, который рубитъ казарму, ботикъ, фортецію, рубитъ и досчатый балаганъ для пріѣзжихъ комедіантовъ. Но какая разница между этимъ балаганомъ и «комедійной хороминой» тишайшаго царя! Тутъ и тамъ забава, но здѣсь—забава строго продуманная, какъ всѣ забавы Петра, не исключая всешутѣйшаго собора, ассамблей, маскарадовъ и проч. Другой, конечно, вопросъ, насколько симпатично было это начало русскаго театра, съ первыхъ шаговъ своихъ попавшаго надолго въ опеку государства. Государство его создало и, слѣдовательно, имѣло право опекать. Гораздо тяжелѣе было положеніе на Западѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, театръ былъ продуктомъ народнаго развитія, и гдѣ государство все-таки вмѣшивалось въ тѣхъ или другихъ видахъ охранительнаго порядка. Въ Россіи, по крайней мѣрѣ, знали, что національный театръ выросъ на почвѣ общегосударственныхъ учрежденій, и за неимѣніемъ лучшаго мирились съ этимъ. Тягота же правительственной опеки почувствовалась только потомъ, при Екатеринѣ II, и, какъ это ни странно, при содѣйствіи самого правительства.

II.

Существовавшая организація театра сама собой опредѣлила и роль контролирующаго надъ нимъ начала, т. е. цензуры. Собственно цензуры, въ томъ значеніи, которое мы придаемъ этому слову, не было, конечно, при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ. Младенчествующее русское общество, только-что выходившее въ это время изъ скорлупы и критикѣ предпочитавшее доносы [1]), отдавало публичную мысль въ руки государства. Послѣднему не приходилось, какъ гораздо позже, бояться самостоятельныхъ порывовъ и умѣрять ихъ готовыми на каждый случай

[1]) «Тогда находили болѣе удобнымъ, вмѣсто критической оцѣнки тѣхъ или другихъ произведеній, подлежащихъ суду публики, дѣлать оффиціальные доносы на сочиненія, которыя почему-либо не нравились доносчику» (Пекарскій, „Наука и лит. при Петрѣ I", I, 495; тоже у И. Фойницкаго. Моменты истор. законодат. о печати. Сборн. госуд. знаній, Спб. 1875 г., II, 386).

репрессаліями. Писатели и переводчики были на службѣ у правительства; типографіи вѣдались духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ.

Являясь, такимъ образомъ, полновластнымъ хозяиномъ, государству оставалось только одно, диктовать программу, и оно диктовало ее съ успѣхомъ. Петру напр., не понравился театръ Куншта. Нѣмецкій принципалъ, разсказываетъ г. Тихонравовъ [1]), думалъ «привести царское величество въ утѣшеніе» операми, летаніемъ, махинами; по приказанію царя дьяки посольскаго приказа требуютъ, чтобъ онъ, «въ скорости какъ мощно составилъ новую комедію о побѣдѣ и о врученьѣ великому государю крѣпости Орѣшка». Историкъ справедливо замѣчаетъ, что «комедія Куншта должна была замѣнить для московскихъ «смотрѣльщиковъ»—вѣдомости: Петръ требуетъ отъ него тріумфальную комедію. Театръ долженъ былъ служить Петру тѣмъ, чѣмъ была для него горячая искренная проповѣдь Ѳеофана Прокоповича: онъ долженъ былъ разъяснить всенародному множеству истинный смыслъ дѣяній преобразователя. — Этого мало. Народъ съ дѣтства усвоилъ грубыя выходки Пикельгеринга, Гансвуршта и др. дѣйствующихъ лицъ обыкновенной кукольной комедіи и святочнаго балагана. Нужно его отъ этого отучить, нужно представить ему болѣе совершенные образцы сценическаго искусства. И вотъ, царь обѣщаетъ награду комедіантамъ, «если они сочинятъ пьесу трогательную, безъ этой любви всюду вклеиваемой, которая ему уже надоѣла, а веселый фарсъ безъ шутовства»...

Какъ извѣстно, ближайшимъ преемникамъ Петра не приходится почти ни въ чемъ измѣнять его взглядамъ относительно театра. Онъ занимаетъ столь незначительное мѣстечко въ домашнемъ обиходѣ послѣдующаго дворцоваго хозяйства, что слѣды его можно открыть развѣ въ современномъ камеръ-фурьерскомъ журналѣ или мемуарахъ той эпохи.

Что же касается собственно театральной цензуры, то о ней можно лишь говорить со временъ Сумарокова, когда если не оригинальность сочиненія автора могла явиться предметомъ правительственнаго разсмотрѣнія, то по крайней мѣрѣ его вкусъ въ выборѣ того или другаго иностраннаго образца. Впрочемъ, еще въ царствованіе Анны Ивановны мы встрѣчаемся съ однимъ крупнымъ «театральнымъ дѣломъ», заслуживающимъ вниманія въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ—какъ любопытная бытовая картинка; во 2-хъ—по связи его съ послѣдующей ступенью исторіи русскаго театра. Происходило это въ ту пору, когда цесаревна Елизавета Петровна, послѣ смерти Петра II, явилась наизаконнѣйшимъ претендентомъ на русскій престолъ и тѣмъ самымъ наиболѣе опаснымъ конкуррентомъ царствующей государынѣ. Конкурренція эта тѣмъ болѣе казалась опасной, что популярность затворницы Але-

---

[1]) Первое пятидесятилѣтіе рус. театра М. 1873 г., 33--34.

ксандровской свободы и Смольнаго монастыря росла съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ днемъ увеличивалась ненависть русскаго общества къ «бироновщинѣ» и господству нѣмцевъ. При такихъ условіяхъ весною 1735 года генералъ Ушаковъ объявилъ въ тайной канцеляріи, что ея императорское величество указала «дому ея высочества благовѣрной государыни цесаревны Елизаветы Петровны регента пѣвчаго Ивана Петрова взять въ тайную канцелярію и какія въ квартирѣ его есть письма и тетради и книги скорописныя и уставныя—для разсмотрѣнія все забрать въ тайную канцелярію». Приказаніе было тотчасъ исполнено. Петрова арестовали, въ домѣ его учинили тщательный обыскъ, при чемъ среди бумагъ, отобранныхъ у придворнаго пѣвчаго, обнаружили два письма и тетрадку, обратившія сразу общее вниманіе. Первое письмо, писанное полууставомъ, имѣло заголовокъ: «О возведеніи на престолъ россійскія державы»; второе, писанное по-малороссійски, заключало въ себѣ явленіе, въ которомъ упоминалось о принцессѣ Лаврѣ; наконецъ третья тетрадка — «О пощеніи въ нѣкоторыя пятницы и о гаданіи философскомъ». Документы внушили подозрѣніе. «18-го апрѣля—говоритъ г. Чистовичъ [1])—императрица приказала отослать ихъ къ новгородскому архіепископу, поручивъ ему разсмотрѣть забранныя у Петрова книги». Отзывъ Ѳеофана былъ, однако, весьма остороженъ: «допросить, до котораго лица то написано и пѣніемъ дѣйствовано, и когда и гдѣ? Второе—часть то комедіи: гдѣ жъ она была? кто сочинялъ? кто принцесса Лавра и вся исторія или фабула откуда вынята?» Призвали Петрова, пригрозили ему смертною казнью, если утаитъ истину и заставили отвѣчать по всѣмъ пунктамъ... Между прочимъ, по поводу письма съ «явленіемъ», придворный пѣвчій выразился такъ: «Второе письмо—«явленіе» выписано изъ комедіи, составленной въ Москвѣ въ 1730 или 1731 г. фрейлиною государыни цесаревны, что нынѣ за камеръ-юнкеромъ Петромъ Шуваловымъ, Маврою Егоровною дочерью Шепелевой; а по чьему приказу ту комедію она сочиняла, и въ какой силѣ о принцессѣ Лаврѣ написано, того онъ не вѣдаетъ; токмо признаваетъ онъ, что о принцессѣ Лаврѣ упомянулось въ той комедіи въ образѣ богини. Означенная комедія писалась не малая, а именно въ той комедіи написанныя рѣчи говорены были отъ персонъ около тридцати; а означенное явленіе (Юпитеръ богъ) было у него одного: какъ во время той комедіи придетъ ему говорить, такъ по тому явленію онъ и говаривалъ. Тѣ комедіи бывали въ домахъ у государыни цесаревны въ Москвѣ, въ Покровскомъ и въ

---

[1]) „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время" (Сборн. статей, читанныхъ въ отд. рус. я. и словесн. Им. А. Н., Спб., 1868, стр. 568—571). См. тоже мою ст. „Любит. театръ при имп. Елиз." Ист. Вѣст. сент. 1895.

С.-Петербургѣ на Смольномъ дворѣ. Дѣйствіе исполняемо было при государынѣ цесаревнѣ имъ, Петровымъ, и другими пѣвчими; такожъ и придворными дѣвицами, для забавы государыни цесаревны; и посторонннхъ, кромѣ придворныхъ, никого на оныхъ комедіяхъ не бывало. А откуда оная комедіянская фабула вынята, того онъ не знаетъ». Тѣмъ дѣло и кончилось. Петрова отпустили, строго-настрого наказавъ ему: «о чемъ въ тайной канцеляріи спрашиванъ и что въ разспросѣ своемъ показалъ, чтобы о томъ разговора ни съ кѣмъ не имѣлъ, никому не разглашалъ, такожъ и государынѣ цесаревнѣ объ ономъ ни о чемъ отнюдь не сказывалъ». Допросъ Петрова оставался неизвѣстнымъ Елизаветѣ Петровнѣ, и только 2-го марта 1742 г., когда она сдѣлалась уже императрицей, встрѣтивъ въ одномъ докладѣ указаніе на это дѣло, она полюбопытствовала взглянуть на него и приказала представить его себѣ. Быть можетъ, это обстоятельство и было причиною того, что цензура при Елизаветѣ Петровнѣ отличается вообще сравнительною мягкостью, а по отношенію къ театру—даже совсѣмъ бездѣйствуетъ. Пока извѣстенъ только одинъ случай вмѣшательства власти въ театральные распорядки и то этотъ случай имѣетъ скорѣе характеръ предупредительной мѣры, нежели карательной, совѣта, чѣмъ наказанія. Дѣло въ томъ, что при Елизаветѣ Петровнѣ была очень распространена мода на «вечеринки съ музыкой» и любительскіе спектакли въ частныхъ домахъ. Разрѣшая ихъ, императрица, по словамъ Вейдемейера [1]), предупреждала однако, «чтобы при сихъ вечеринкахъ не было никакихъ безпорядковъ, ни шуму, и чтобы въ комедіяхъ въ монашеское и другое духовное платье не наряжались». Между тѣмъ театръ въ эту эпоху дѣлаетъ такія серьезныя завоеванія, что всѣми историками единогласно признается оффиціально существующимъ. Что же въ общемъ представляетъ онъ въ преддверіи къ новому царствованію? Прежде всего онъ на службѣ у государства и временно обязанный ему слуга. Этимъ все сказано. Онъ обязанъ ему своимъ образованіемъ, онъ пользуется его щедротами, онъ обращается къ нему за поддержкой въ трудныя минуты своей жизни. Въ этомъ вся разница и, быть можетъ, преимущество его передъ театромъ западнымъ. Но вырвавшись изъ дворца на площадь, театръ тотчасъ поступаетъ на службу молодому обществу, здѣсь растетъ и совершенствуется. Къ частному виду этого «совершенствованія» мы и обращаемся теперь.

---

[1]) Царствованіе Елизаветы Петровны, 1849, II, 62.

III.

До сихъ поръ упорно держится мнѣніе, что Екатерининскій вѣкъ—вѣкъ русскаго либерализма по преимуществу. Слѣдуя ея примѣру, въ то время пишутъ очень много: «...и переводы изъ энциклопедистовъ, и Эмиля, и поэму на разрушеніе Лиссабона, и путешествіе Радищева; но награды (за сочиненія) получаютъ: Державинъ за «Фелицу», Петровъ за «Оду на карусель», Костровъ за торжественныя оды, и т. д. Такой образъ дѣйствія правительства самъ собой опредѣлялъ отношеніе его къ печатному слову. Своими наградами писателямъ Екатерина очень ясно показывала, чего желала она отъ современной литературы. Съ одной стороны, она обращала вниманіе современнаго читателя на болѣе достойное, по ея мнѣнію, произведеніе, съ другой—показывала, какія произведенія *ей болѣе нравятся и въ какомъ духѣ нужно продолжать писать*, чтобы заслужить *ея благоволеніе*. Когда же стороны не понимали намѣреній правительства, или дѣлали видъ, что ихъ не понимаютъ, т. е. современный читатель обращался къ непремированнымъ литературнымъ произведеніямъ, а современный писатель, не добиваясь наградъ, писалъ, что̀ ему подсказывали умъ и совѣсть,—тогда слѣдовали репрессаліи. Такова судьба книги Радищева, сатиръ и издательской дѣятельности Новикова, такова участь трагедіи Княжнина.

Наши историки театра очень любятъ въ доказательство отеческаго попеченія Екатерины о «Россійской Мельпоменѣ», приводить ея знаменитую фразу: «Театръ есть школа народная; она должна быть непремѣнно подъ моимъ надзоромъ, я старшій учитель въ этой школѣ, и за нравы народа мой отвѣтъ Богу». Но не говоря уже о риторическомъ значеніи этой фразы, послѣдняя, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ всѣ отрицательныя стороны театральной цензуры данной эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, олицетворяя театръ—школой, зрителей—народомъ, а самую себя дѣлая, въ качествѣ учителя, отвѣтственной за прегрѣшенія первой относительно втораго, императрица тѣмъ самымъ обрекала театръ на вѣчную косность, на схолатически-инертное отношеніе къ искусству, отъ котораго онъ едва освободился при Петрѣ В. Съ теченіемъ времени, конечно, эти взгляды должны были усугубиться. Даже знаменитая пословица Екатерины, которую историки театра любятъ ставить эпиграфомъ ея театральной дѣятельности: «народъ, который поетъ и пляшетъ, зла не думаетъ», скоро должна была убѣдить императрицу въ ошибочности ея мнѣнія. Французы больше всего пѣли и плясали передъ революціей, и эта пляска и пѣніе больше другихъ монарховъ Европы смутила русскую государыню. Пока, однако, буря

на Западѣ не разразилась, русскимъ драматургамъ жилось сравнительно не дурно, и пьесы ихъ, позднѣе—зазорныя, теперь проходили довольно спокойно. Несомнѣнно, что въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, комедію Фонвизина «Недоросль» едва-ли бы пропустили, а въ 1782 г., послѣ небольшихъ затрудненій, онъ былъ поставленъ и сыгранъ съ большимъ успѣхомъ. Казалось, одно это обстоятельство, а въ связи съ нимъ и то, что пьеса была обезпечена «письменнымъ дозволеніемъ отъ начальства» и представлена на Эрмитажномъ театрѣ, должны бы избавить ее отъ всякихъ нареканій, но въ Москвѣ на это смотрятъ иными глазами. «Едва П. Е. Медоксъ, разсказываетъ г. Языковъ [1]), задумалъ поставить на своемъ театрѣ прославленную пьесу, какъ московская цензура, въ лицѣ профессора Х. А. Чеботарева, постаралась задержать комедію Фонвизина и вычеркнуть изъ нея «опасныя строки», т. е. нѣкоторыя тирады Стародума. Это возбудило противорѣчивые толки въ московскомъ обществѣ и заставило Фонвизина адресовать на имя Медокса такое любопытное письмо: «Братъ мой (т. е. Павелъ Ивановичъ Фонвизинъ [2]), я надѣюсь передалъ вамъ извѣстный пакетъ и объяснилъ принятое мною рѣшеніе для уничтоженія толковъ, возбужденныхъ упорствомъ вашего цензора. Продолжительное ваше молчаніе слишкомъ ясно доказываетъ мнѣ неуспѣхъ вашихъ стараній, чтобы получить позволеніе... Безконечно желая вамъ добра, оставляю вамъ мою пьесу, но требую отъ васъ честнаго слова непремѣнно сохранить мой анонимъ, съ условіемъ—никому не давать моей комедіи и ни подъ какимъ видомъ не выпускать ее изъ вашихъ рукъ, ибо не хочу еще давать ей публичности... Вы можете увѣрить г. цензора, что во всей моей пьесѣ, а слѣдовательно и въ мѣстахъ, которыя его напугали, не измѣнено ни одного слова» [3]). Въ концѣ концовъ цензоръ смягчился, и пьеса съ успѣхомъ прошла 14-го мая 1783 г. на сценѣ Петровскаго театра [4]).

Вообще Москвѣ какъ-то сильнѣе достается отъ правительственной опеки. Потому ли, что она всегда считается немножко либе-

---

[1]) „Недоросль" на сценѣ и въ литературѣ („Ист. Вѣст." 1882, октябрь, 139–148).

[2]) Впослѣдствіи директоръ Московск. университета (ист. Москов. унив. С. Шевырева, М. 1855 г., стр. 252).

[3]) Библ. записки, 1859, II, № 8, стр. 8.

[4]) „Москов. Вѣд." 1783, № 38. Объявленія. Дата эта повидимому до сихъ поръ была неизвѣстна историкамъ литературы, такъ какъ тотъ же Языковъ въ своемъ заключеніи говоритъ: „Неизвѣстно, скоро ли послѣ такого объявленія автора (т. е. письма его Медоксу) „Недоросль" прошелъ на московскую сцену; неизвѣстно также, когда онъ въ первый разъ былъ разыгранъ труппою Медокса".

ральной и что на этомъ основаніи правительство признаетъ необходимымъ назначать хозяевами ея непремѣнно людей суровыхъ, а въ обращеніи жестокихъ (Волконскій, Брюсъ, кн. Прозоровскій), но въ административныхъ сферахъ первопрестольной на самыя невинныя вещи смотрятъ подозрительно и всюду отыскиваютъ политическую подкладку. За примѣрами ходить не далеко. Три года спустя послѣ описанной исторіи съ «Недорослемъ», 12-го февр. 1785 г., Н. П. Николевъ, воспитанникъ знаменитой княгини Дашковой, «человѣкъ свѣтскій, просвѣщенный», соединявшій въ себѣ «репутацію даровитаго писателя и любезнаго посѣтителя гостиныхъ лучшаго круга», ставитъ въ первый разъ на Московскомъ театрѣ свою пятиактную трагедію «Сорена и Замиръ».

„Перечитывая эту трагедію, разсказываетъ М. Лонгиновъ, мы не найдемъ въ ней большихъ преимуществъ надъ современными ей Агріопами, Ильменами и тому подобными подражаніями французскимъ трагикамъ. Та же интрига, основанная на разлукѣ половецкаго князя съ супругой его Сореной, на которой хочетъ жениться какой-то царь россійскій Мстиславъ, коварный похититель власти Замира; тѣ же перепетіи, основанныя на ложныхъ слухахъ о смерти героя, на обманѣ его и т. д.; та же развязка, гдѣ злодѣй вдругъ раскаивается и хочетъ соединить супруговъ, но уже поздно, и Сорена съ Замиромъ умираютъ. Словомъ, по одному содержанію своему трагедія Николева не могла бы сдѣлать на публику того впечатлѣнія, которое она произвела при первомъ ея представленіи. Это былъ какой-то восторгъ: не только женщины рыдали, но современный свидѣтель говоритъ, что герой Бендеръ, усмиритель пугачевщины, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ плакалъ. Причинъ такого необыкновеннаго успѣха должно искать въ игрѣ актеровъ и особенно во многихъ сильныхъ стихахъ, написанныхъ въ духѣ Вольтерова „Брута“ или „Катилины“ [1]).

Эти стихи повели между прочимъ къ тому, что шумъ, произведенный «Сореной», не прошелъ даромъ ея автору. О смѣлыхъ выраженіяхъ Николева «сейчасъ узналъ» московскій главнокомандующій графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, человѣкъ нрава крутаго и не терпѣвшій никакого нарушенія такъ называемаго порядка. Рукопись «Сорены» была имъ строго просмотрѣна; онъ отмѣтилъ въ ней множество стиховъ и отправилъ прямо къ государынѣ, испрашивая разрѣшені. новой трагедіи, которой дальнѣйшія представленія тогда же были остановлены по его приказанію. Брюсъ обращалъ особенное вниманіе императрицы на слѣдующіе стихи въ монологѣ Промысла, наперсника Мстислава:

„Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!

---

1) М. Лонгиновъ, Матеріалы къ исторіи русск. просвѣщ. и литерат. въ концѣ XVIII ст. („Рус. Вѣстн.“, 1860, XXV, I, 638).

Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ?
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца,
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца!...“ [1]).

«Справедливость требуетъ прибавить,—замѣчаетъ г. Лонгиновъ,— что подобными выходками наполнена вся трагедія. Тѣмъ больше чести Екатеринѣ, что она дала графу Брюсу урокъ слѣдующимъ рескриптомъ, послѣ котораго «Сорена» явилась опять на сценѣ къ восхищенію публики и черезъ годъ была напечатана въ «Россійскомъ Өеатрѣ», издававшемся подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ княгини Дашковой и при участіи самой императрицы. Вотъ этотъ рескриптъ:

«Удивляюсь, графъ Яковъ Александровичъ, что вы остановили представленіе трагедіи, какъ видно принятой съ удовольствіемъ всею публикой. Смыслъ такихъ стиховъ, которые вы замѣтили, никакого не имѣетъ отношенія къ вашей государынѣ. Авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью» [2]).

Другой случай былъ въ 1789 г., когда первые отголоски парижскихъ волненій не могли еще всполошить правительство и заставить его относиться подозрительно къ каждому слову. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что ко времени описываемыхъ происшествій девять уже лѣтъ существовала въ Москвѣ спеціально театральная цензура; взгляды ея были гораздо суровѣе петербургскихъ. Но пришла ли подобная организація изъ Петербурга, или самъ тогдашній московскій главнокомандующій князь В. М. Долгоруковъ-Крымскій нашелъ неудобнымъ ввѣрять судьбу драматическихъ писателей полуграмотнымъ чиновникамъ Управы благочинія, но 30-го ноября 1780 г., за № 1569, онъ увѣдомилъ Московскій университетъ, что, «простирая примѣчаніе мое на театральныя позорища и наблюдая, чтобы каковыя-либо вредныя и соблазнительныя сочиненія на здѣшнемъ публичномъ театрѣ играны не были, приказалъ я содержателю онаго Медоксу всѣ вновь сочиняемыя и переводимыя пьесы, тисненію еще не преданныя, которыя онъ для публики представить намѣренъ, играть не прежде, какъ получа онымъ одобреніе отъ императорскаго Московскаго университета; коему вслѣдствіе того и рекомендую возложить на одного изъ своихъ профессоровъ сію цензуру, снабдивъ ее надлежащимъ наставленіемъ и давъ мнѣ знать, кому именно оная препоручена будетъ» [3]).—Университетъ 5-го декабря того же года, за № 1044, писалъ князю Долгорукову, что «разсмотрѣніе вновь сочиняемыхъ и переводимыхъ театральныхъ пьесъ, представляемыхъ на здѣшнемъ публичномъ театрѣ, поручено отъ универ-

---

[1]) Дѣйствіе IV, явл. 5.

[2]) Лонгиновъ, Матеріалы, стр. 640.

[3]) Архивъ старыхъ дѣлъ Москов. губ. правленія, д. № 624.

ситета профессору Чеботареву, подъ особеннымъ присмотромъ самого куратора Михаила Матвѣевича Хераскова»[1]).

Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ былъ ординарнымъ и публичнымъ профессоромъ исторіи, нравоученія и краснорѣчія и первымъ ректоромъ Московскаго университета. Онъ проявилъ въ этомъ дѣлѣ завидную самостоятельность. Мы видѣли, какъ онъ встрѣтилъ «Недоросля»; не лучше относился онъ и къ другимъ драматическимъ произведеніямъ. Въ 1772 г. была написана Княжнинымъ трагедія «Владиміръ и Ярополкъ». Княжнинъ былъ уже тогда въ славѣ, и можно лишь удивляться, что пьеса, представленная въ Петербургѣ въ 1775 г., появляется въ Москвѣ лишь 14 лѣтъ спустя. Несмотря на это, въ 1789 г. она попадаетъ предварительно въ руки цензора (Чеботарева) и здѣсь вызываетъ цѣлую исторію. Прежде всего слѣдуетъ напомнить, что «Владиміръ и Ярополкъ», собственно какъ трагедія, ничѣмъ не отличалась отъ большинства произведеній, написанныхъ въ томъ же духѣ. Та же сухая риторика вмѣсто дѣйствія, герои вмѣсто людей, то же отсутствіе мѣстнаго колорита, лишающаго смысла самое названіе пьесы. Два брата «Владиміръ и Ярополкъ», «сыны Святослава, князя Всероссійскаго», повраждовавъ между собой, помирились. Первый любитъ Рогнѣду, «княжну полоцкую»; второй ее любилъ, но къ началу дѣйствія увлекся Клеоменой, плѣненной имъ «княжной греческой», которая между прочимъ ненавидитъ его, какъ побѣдителя. Вотъ собственно вся завязка пьесы. Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ, что Рогнѣда по-прежнему любитъ Ярополка, хотя «на всякій случай» держитъ при себѣ Владиміра. Ярополкъ представленъ хитрымъ человѣкомъ. Вѣроятно, зная нравъ Рогнѣды, онъ кудреватыми фразами клянется ей въ любви, а между тѣмъ спасеніе брата Клеомены изъ плѣна обусловливаетъ «сопряженіемъ» съ ней, т. е. бракомъ. Ревнивая Рогнѣда преувѣдомлена, но пока сомнѣвается и не рѣшается мстить. Наконецъ въ IV актѣ, все выходитъ наружу. Ярополкъ говоритъ Рогнѣдѣ, что женится на ея сопернидѣ, а Рогнѣда призываетъ къ себѣ Владиміра и цѣною обладанія ею покупаетъ у него согласіе на братоубійство. Безхарактерный Владиміръ умерщвляетъ Ярополка. Съ извѣстіемъ объ этомъ онъ появляется въ V актѣ, и здѣсь обнаруживается все коварство Рогнѣды. Конечно, она велѣла ему убить Ярополка, но онъ долженъ былъ одуматься, прислушаться къ голосу своего сердца и не совершать злодѣянія.

Почто ты не пришелъ еще меня спросить?
Ты, можетъ быть, меня возмогъ бы умягчить.
Но, нѣтъ; ты братниной алкалъ напиться крови,
Ты смерти моея искалъ, а не любови

[1]) Архивъ старыхъ дѣлъ Моск. губ. прав., д. № 624.

Въ заключеніе Рогнѣда бросаетъ Владиміра, а Владиміръ хочетъ убить себя, но предупрежденъ «вельможей», который напоминаетъ князю, что онъ нуженъ еще «обществу» [1]). Этой сценой завершается вся трагедія... Самые предубѣжденные глаза не могли бы усмотрѣть въ пьесѣ ничего, кромѣ шаблонныхъ чувствъ и дѣйствій, но московская цензура читала между строкъ, и вотъ что доносилъ по этому поводу московскому главнокомандующему Еропкину проф. Чеботаревъ 25-го октября 1789 г.; «Представляя вашему высопревосходительству требованное вами предложеніе покойнаго градоначальника князя Василія Михайловича Долгорукова-Крымскаго объ учрежденіи въ университетѣ театральной цензуры, долгомъ моимъ считаю присовокупить къ тому краткое мое объясненіе причинъ, побудившихъ меня сдѣлать на трагедію «Владиміръ» извѣстныя вашему высокопревосходительству замѣчанія. И какъ ваше высокопревосходительство изволили отозваться, что вы отнесетесь о моей цензурѣ къ самой ея императорскому величеству, то преданнѣйше прошу и прилагаемое мое здѣсь о томъ объясненіе вмѣстѣ съ вашимъ донесеніемъ представить въ оригиналѣ. Также преданнѣйше прошу ваше высокопревосходительство и о томъ, чтобы цензура театральная, которая возложена была на меня прежде открытія въ Москвѣ намѣстничества и которая при предшественникѣ вашемъ, его сіятельствѣ графѣ Яковѣ Александровичѣ Брюсѣ, отходила отъ меня, а при вашемъ уже начальствѣ принята мною вторично изъ личнаго усердія и высокопочитанія (къ) вашему высокопревосходительству и желанія угодить вамъ, яко моему начальнику, при воспослѣдовавшемъ толь затруднительномъ для меня случаѣ, благосклонно снята была съ меня и возложена на кого слѣдуетъ по высочайшему учрежденію о управленіи губерній. Сею милостію ваше высокопревосходительство обяжете безпредѣльно того, который съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностью пребудетъ во всю жизнь вашего высокопревосходительства милостиваго государя покорный слуга: Харитонъ Чеботаревъ.

P. S. «Ежели ваше высокопревосходительство за благо не разсудите доносить о моей цензурѣ ея императорскому величеству, то и я не имѣю резону утруждать ваше высокопревосходительство просьбою о представленіи моего объясненія: оно будетъ излишне, —а преданнѣйше прошу только уволить меня отъ театральной цензуры [2])».—При семъ цензоръ представлялъ и «всеподданѣйшее объясненія причинъ, побудившихъ его сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на трагедію «Владиміръ и Ярополкъ». Объясненія эти очень любопытны:

---

[1]) Соч. изд. Смирдина, 1847 г., т. I.

[2]) Архивъ старыхъ дѣлъ Москов. губ. правл. № 624.

«Увидя изъ «Московскихъ Вѣдомостей» [1]), писалъ Чеботаревъ, что анонсирована трагедія «Владиміръ», которая мнѣ совсѣмъ была неизвѣстна, по должности театральнаго цензора истребовалъ я ее отъ содержателя театра Медокса. Читая сію трагедію, въ самой первой ея сценѣ нашелъ мысли и выраженія, несоотвѣтствующія должному къ государской власти почтенію и уваженію, а особливо на страницѣ 101 въ слѣдующихъ стихахъ:

Но если царь, вкуся Величества [2]) забвенье
Покорныхъ подданныхъ во снѣдь страстямъ поправъ,
Изступитъ изъ границъ своихъ священныхъ правъ,
Тогда вельможей долгъ привесть его въ предѣлы. [3])

По движенію, весьма естественному сердцу ощущающему оное почтеніе, сдѣлалъ я на бывшемъ у меня экземплярѣ нѣкоторыя замѣчанія. Движеніе сіе проистекло изъ правилъ глубочайшаго почитанія къ сердечной власти монаршей и сердечной обязанности отвращать все то, что можетъ дать ложныя понятія умамъ, не озареннымъ истиннымъ просвѣщеніемъ и не имѣющимъ чистыхъ понятій о вещахъ.—Святость правилъ сихъ основывается: 1) на усердно чтимыхъ мною должностяхъ, яко вѣрноподданнаго всемилостивѣйшей моей государыни, обѣщавшагося неоднократно клятвенно, всѣ къ высокому «ея императорскаго величества самодержавству, силѣ и власти надлежащія права, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности, предостерегать и оборонять»; 2) и на должностяхъ христіанскихъ обязующихъ: «бояться Бога, чтить царя и повиноваться властямъ придержащимъ» [4]).

Но Московскій главнокомандующій не согласился съ мнѣніемъ цензора. Приказавъ кому слѣдуетъ списать копію съ его «объясненія», Еропкинъ одновременно соглашался и на отставку Чеботарева отъ должности театральнаго цензора:

«На письмо вашего высокоблагородія —писалъ онъ ему (27-го окт. 1789 г.),— не оставляю симъ дать знать, что приложенное при ономъ объясненіе о трагедіи, называемой «Владиміръ и Ярополкъ» препровождено отъ меня на прошедшей почтѣ при особомъ моемъ къ ея имп. величеству донесеніи, съ котораго къ свѣдѣнію вашему приказано отъ меня доставить вамъ копію. При полученіи же на оное высочайшаго повелѣнія сдѣлано отъ меня быть имѣетъ надлежащее опредѣленіе и о театральной цензурѣ, къ кому она впредь принадлежать должна? И ваше высокоблагородіе будете о томъ извѣщены въ свое время. Впрочемъ съ непремѣннымъ моимъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч. [5]).

Собственное же свое мнѣніе Еропкинъ выразилъ въ слѣдующемъ рапортѣ императрицѣ отъ 25-го октября:

---

[1]) Къ сожалѣнію, № газеты, за неполностью экземпляра «Москов. Вѣд.» мы, не могли узнать.

[2]) Случайно или нарочно, но въ данномъ случаѣ слово «величество», написано съ большой буквы, тогда какъ въ собраніи сочиненій Княжнина оно начинается съ маленькой.

[3]) Арх. стар. д. Москов. губ. правл., д. № 624.

[4]) Соч. т. 1 изд. Смирдина, стр. 314.

[5]) Арх. стар. д. Моск. губ. прав., № 624.

«Всемилостивѣйшая государыня! Противъ ожиданія моего открылось мнѣ новое происшествіе принятое мною за подлежащее къ моему всеподданнѣйшему объ немъ вашему императорскому величеству донесенію, состоящее въ томъ: на сихъ дняхъ содержатель здѣшняго театра Медоксъ объявилъ мнѣ о томъ, что приготовлялся онъ представить публикѣ трагедію «Князя Владиміра», сочиненія Княжнина, напечатанную въ столицѣ с.-петербургской, въ типографіи горнаго училища. Но какъ предъ нѣсколькими предъ тѣмъ днями находящійся при университетъ надворный совѣтникъ и профессоръ Чеботаревъ предмѣстникомъ моимъ, бывшимъ здѣсь главнокомандующимъ покойнымъ генералъ-аншефомъ княземъ Васильемъ Михайловичемъ Долгоруковымъ, опредѣленный быть цензоромъ представляемыхъ въ Москвѣ театральныхъ пьесъ, требовалъ отъ него, Медокса, вышеозначенной трагедіи для прочтенія, которая имъ ему и была отдана; сей профессоръ по прочтеніи возвратилъ ему съ подписаніемъ такимъ, что сію пьесу за вмѣщенными въ ней замѣченными отъ него словами на театрѣ представлять, по мнѣнію его, кажется ему непристойно. По такому сдѣланному замѣчанію, всемилостивѣйшая государыня, не оставилъ я призвать къ себѣ именованнаго профессора, который и самолично заключеніе свое на помянутое сочиненіе, будучи у меня, утвердилъ, съ объясненіемъ таковымъ, что удержалъ онъ представленіе трагедіи сей по ревностному и усердному его попеченію о сохраненіи порученной ему цензорской должности. И хотя, всемилостивѣйшая государыня, сію напечатанную въ Санктъ-Петербургѣ книгу до профессорскаго объ оной изъясненія считалъ я никакому сомнѣнію не подлежащей, а потому и трагедія, въ ней содержащаяся, можетъ безпрепятственно представляться на здѣшнемъ театрѣ, въ разсужденіе того наипаче, что не могла оная допущена быть къ напечатанію безъ опредѣленной цензуры, но какъ вышепредставленный профессоръ Чеботаревъ, при самоличномъ со мною о сей книгѣ изъясненіи, объявилъ мнѣ о томъ, что онъ безъ замѣненія, по его заключенію, непристойныхъ въ оной рѣчей пропустить опасность имѣетъ подвергнуть себя за неосторожность въ своей должности взысканію, то по сему обстоятельству, всемилостивѣйшая государыня, и я на сей случай безъ всеподданнѣйшаго моего объономъ донесенія ничего рѣшительнаго положить не могъ, въ соотвѣтствіе чему и чтобы происшествіе сіе не могло какимъ постороннимъ способомъ мимо меня донесено быть вашему императорскому величеству въ превратномъ образѣ, въ упрежденіе тому и долгомъ я своимъ поставилъ, всемилостивѣйшая государыня, принять смѣлость поданное отъ вышеупомянутаго профессора Чеботарева о замѣчаніяхъ его изъясненіе и самую ту книгу поднесть къ высокомонаршескому

вашего императорскаго величества усмотрѣнію, ожидая объ ней высочайшаго вашего величества повелѣнія» [1]).

Екатерина къ «новому происшествію» отнеслась также добродушно, какъ прежде и писала 3-го ноября главнокомандующему:

«Петръ Дмитріевичъ! Трагедію «Владиміръ и Ярополкъ», какъ давно уже напечатанную и не одинъ разъ на театрѣ представленную, и въ которой ничего непристойнаго не усматривается, вы можете дозволить играть въ Москвѣ» [2]).

Чеботаревъ все-таки отказался отъ цензорства, и вновь назначенный на мѣсто Еропкина князь Прозоровскій, не долго думая, кому поручить театральную цензуру, обратился за этимъ къ Управѣ благочинія.— «Императорскаго Московскаго университета господинъ надворный совѣтникъ Чеботаревъ, писалъ главнокомандующій 20-го февраля 1790 г. (№ 412), опредѣленный отъ университета, по опредѣленію покойнаго господина главнокомандующаго въ Москвѣ генералъ-аншефа и кавалера князь Василія Михайловича Долгорукова-Крымскаго къ цензурѣ представляемыхъ на здѣшнемъ театрѣ пьесъ, просилъ меня объ увольненіи его отъ сей должности. А какъ разсматриваніе выходимыхъ въ печать въ здѣшней столицѣ книгъ поручено по высочайшимъ ея императорскаго величества повелѣніямъ Московской управѣ благочинія, въ разсужденіе чего предлагаю оной, чтобы отнынѣ впредь и театральная цензура отъ нея была зависима, и въ семъ случаѣ поступаемо было на равномѣрномъ основаніи, какое предположено для всѣхъ книгъ, выходящихъ изъ здѣшнихъ типографій» [3]).—Но не прошло и мѣсяца, какъ Прозоровскій принужденъ былъ изъять театральную цензуру изъ вѣдѣнія Управы благочинія и передать ее вновь на разсмотрѣніе Московскаго университета. Вотъ какъ онъ объяснялъ мотивы этой мѣры въ оффиціальномъ предложеніи университету отъ 13-го марта (№ 115): «Хотя предмѣстникъ мой генералъ и кавалеръ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ по прошенію надворнаго совѣтника и профессора Чеботарева, избраннаго университетомъ... къ цензурѣ представляемыхъ на здѣшнемъ театрѣ пьесъ, и уволилъ его отъ сей должности, препоруча оную Управѣ благочинія на равномѣрномъ основаніи, какое предположено для всѣхъ выходящихъ изъ здѣшнихъ типографій книгъ, свидѣтельствуемыхъ полицеймейстеромъ, но, какъ сей (цензоръ) признался мнѣ, что въ театральныхъ сочиненіяхъ никогда и никакого не имѣлъ упражненія, а потому и къ цензурѣ оныхъ не находитъ въ себѣ нужной способности, въ разсужденіи чего и дабы театральныя пьесы, публикѣ представляемыя, не имѣли

---

[1]) Арх. стар. д. Москов. губ. правл., д. № 624.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Архивъ старыхъ дѣлъ Моск. губ. правл., д. № 624.

въ себѣ какихъ-либо вредныхъ или соблазнительныхъ заключеній, долгомъ своимъ поставилъ я отнестися (къ) императорскому Московскому университету, чтобы оный благоволилъ по-прежнему принять на себя цензуру театральныхъ пьесъ, возложа сіе дѣло на благонадежнаго изъ своихъ профессоровъ, и кто выбранъ будетъ—о томъ меня увѣдомить [1]).

19-го марта 1790 г. (№ 221) университетъ донесъ князю Прозоровскому, что «цензура представляемыхъ на здѣшнемъ (Московскомъ) театрѣ пьесъ препоручена г. профессору коллежскому совѣтнику и кавалеру Барсову [2]). Барсовъ былъ также ординарный профессоръ, но болѣе сговорчивый, чѣмъ его предмѣстникъ, онъ «по цензурѣ книгъ и журналовъ» имѣлъ частыя «объясненія у московскаго главнокомандующаго» и всегда выходилъ «успокоивъ его». При всемъ томъ Антонъ Алексѣевичъ «имѣлъ великое вліяніе и уваженіе» въ разсужденіи постоянныхъ правилъ, которымъ слѣдовалъ. Нравы его были непроницательной честности, и важность его не мѣшала добросердечію и пріятности обхожденія. Онъ былъ уважаемъ въ публикѣ московской и имѣлъ пріятелей въ отличномъ классѣ людей». Таковъ отзывъ его біографа [3]).

Между тѣмъ какъ Барсовъ справлялъ свои цензорскія обязанности, въ Петербургѣ вышелъ 15-го мая высочайшій указъ, который въ числѣ другихъ статей гласилъ, что «цензура книгъ долженствуетъ зависѣть отъ Управы благочинія, отъ которой и цензора назначить, однакожъ она сама за все отвѣтствовать обязана» [4]).Это чуть-чуть взволновало Московское управленіе. Еще недавно князь Прозоровскій назначеніемъ цензора спеціально драматическихъ сочиненій отдѣлилъ общую цензуру отъ театральной, а тутъ всю цензуру, безъ различія ея функцій, нужно подчинить одному надзору: есть надъ чѣмъ призадуматься. Онъ вышелъ изъ этого затрудненія слѣдующимъ предложеніемъ Управѣ благочинія отъ 12-го августа (№ 1189):

„Какъ высочайшимъ именнымъ ея императорскаго величества воспослѣдовавшимъ, коимъ въ 15-й день мая сего года указомъ повелѣно: „цензура книгъ долженствуетъ зависѣть отъ Управы благочинія, отъ которой и цензора назначить, однакожъ она сама за все отвѣтствовать обязана", во исполненіе чего и назначенъ уже цензоромъ г. коллежскій совѣтникъ императорскаго Моск. университета профессоръ и кавалеръ Барсовъ; второй отъ духовнаго правительства опредѣленъ отъ Покровскаго собора протопопъ Іоаннъ Герасимовъ; отъ которыхъ по извѣстной ихъ учености и знанію надѣяться можно, что исполнятъ въ точности все до той должности предлежащее. Почему я съ моей стороны за нужное нахожу предписать Управѣ благочинія, что всякій сочиненіе свое или переводъ въ цензуру приносить такъ исправно переписан

---

[1]) Архивъ старыхъ дѣлъ Моск. губ. правл., д. № 624.
[2]) Архивъ старыхъ дѣлъ Моск. губ. правл., д. № 624.
[3]) Біограф, слов. проф. Моск. универс., т. I, 50—62.
[4]) Архивъ старыхъ дѣлъ Моск. губ. правл., д. № 624.

ное, чтобы отнюдь не было почистокъ и приписокъ, и сіе тѣмъ правильнѣе наблюсти надлежитъ, дабы отнять всѣ способы отъ своеволія вмѣщать въ издаваемыя въ публику книги что-либо общественнымъ правиламъ и добронравію противное, почистя написавши или приписавши вновь нѣкоторыя слова послѣ одобренія сочиненія его въ цензурѣ, въ чемъ легко могутъ оправдаться подъ видомъ почистокъ или приписокъ, если бы бывшихъ по ошибкѣ писца прежде еще цензуры и что будто оныя ею читаны и оставлены. А сверхъ того по отпечатаніи книги, передъ тисненіемъ брать одинъ ея экземпляръ безъ денегъ и хранить оный при цензурѣ" [1]).

Такимъ образомъ кругъ обязанности Барсова неожиданно расширился: изъ цензора спеціально театральныхъ сочиненій онъ сталъ вмѣстѣ съ протопопомъ Покровскаго собора цензоромъ всѣхъ вообще книгъ, печатаемыхъ въ вольныхъ типографіяхъ [2]). Но сотрудничеству обоихъ цензоровъ не везло. 6-го января 1791 г. протоіерей Иванъ Герасимовъ умеръ, и вмѣсто него былъ назначенъ профессоръ Московской академіи іеромонахъ Серафимъ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ поднятъ вопросъ о двухстахъ рубляхъ, которые получалъ за исполненіе цензорскихъ обязанностей покойный о. Герасимовъ, и рѣшено, что сумма эта ежегодно будетъ выдаваться управою благочинія новому цензору отцу Серафиму [4]). Въ же томъ же году новая бѣда: 20-го декабря умеръ проф. Барсовъ, и театральныя сочиненія долгое время остаются безъ цензуры, такъ какъ университетъ отказывается цензуровать ихъ.

„На полученное вашего сіятельства минувшаго февраля отъ 6-го дня предложеніе университетъ долгомъ поставляетъ донести слѣдующее: какъ цензура театральныхъ сочиненій зависѣла отъ университета единственно по поводу требованія, главнокомандовавшимъ въ Москвѣ его сіятельствомъ покойнымъ княземъ Василіемъ Михайловичемъ Долгоруковымъ-Крымскимъ еще въ 1780 г. сдѣланнаго, къ чему и опредѣленъ тогда былъ отъ университета г. профессоръ Чеботаревъ, продолжавшій должность театральнаго цензора до февраля м. 1790 г., въ которомъ по просьбѣ помянутаго профессора главнокомандовавшій тогда въ Москвѣ его высокопревосходительство Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ отъ сей должности его уволилъ:—то съ сего времени цензура театральныхъ сочиненій по предписанію его высокопревосходи-

---

[1]) Архивъ старыхъ дѣлъ Моск. губ. правл., д. № 624.

[2]) По этому поводу кураторъ Московскаго университета Мелиссино, соглашаясь на опредѣленіе Барсова „публичнымъ цензоромъ", между прочимъ удостовѣряетъ, что г. Барсовъ „по своему свѣдѣнію въ наукахъ и долговременной опытности въ званіи университетскаго цензора можетъ исполнять сію должность со всею исправностью". Одновременно кураторъ уповаетъ, „что и труды его (т. е. Барсова) не будутъ оставлены безъ награжденія": (Письмо Мелиссино къ Проворовскому 13-го августа 1790 г. Архивъ старыхъ дѣлъ Моск. губ. правл., № 624).

[3]) Впослѣдствіи митрополитъ московскій (1819—1821 г.г.) и с.-петербургскій (1821—1848 г.г.).

[4]) Рапортъ Моск. Управы благочинія отъ 17-го марта 1791 г., № 6308 (Архивъ старыхъ дѣлъ Моск. губ. правл., д. № 624).

тельства осталась на отчетѣ Управы благочинія до самаго того времени, какъ вашему сіятельству угодно было марта 13-го 1790 г. предложить университету о принятіи на себя по-прежнему театральной цензуры, къ которой и избранъ былъ отъ него г. коллежскій совѣтникъ и университетскій цензоръ Барсовъ, котораго ваше сіятельство благоволили потомъ опредѣлить цензоромъ и всѣхъ печатаемыхъ въ вольныхъ типографіяхъ книгъ. Слѣдовательно цензура театральныхъ сочиненій относилась къ университету потому только, что опредѣленъ къ оной былъ принадлежащій ему человѣкъ и имѣющій у него ту же самую должность, самъ же собою университетъ заниматься театральною цензурою никакой не имѣлъ обязанности и никогда оною не занимался, ибо по смерти господина Барсова ни одно театральное сочиненіе къ опредѣленному вновь отъ университета къ типографіи его цензору въ цензуру не вступало. Что же касается до прочихъ выходящихъ изъ печати книгъ, то университетъ цензуруетъ только тѣ, кои печатаются въ его типографіи, заведенной по указу Правительствующаго Сената, за которыя онъ самъ и отвѣтствовать обязанъ" [1]).

Между тѣмъ усложнявшіяся политическія обстоятельства усилили бдительность правительства къ печатному станку. Прежде всего разрѣшилось дѣло съ Новиковымъ и его «типографической компаніей». Новикова посадили въ крѣпость, помощниковъ его разсовали кого—куда, а самыя книги рукою палача сожгли. Немного раньше покончили съ Радищевымъ, вина котораго заключалась въ томъ, что его «путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву» опоздало своимъ появленіемъ: до французской революціи оно бы навѣрно было осыпано милостями. Наконецъ, къ той же эпохѣ относится исторія съ «Вадимомъ Новгородскимъ», Княжнина, которой завершается Екатерининскій періодъ русской театральной цензуры.

IV.

Трагедія «Вадимъ», говоритъ г. Лонгиновъ [2]), написана Княжнинымъ въ 1789 г., т. е. въ то время, когда началась французская революція. Вотъ ея содержаніе. Рюрикъ сдѣлался самодержцемъ новгородскимъ по избранію народа. Посадникъ Вадимъ возвращается изъ похода на родину; любя страстно прежнюю вольность новгородцевъ и узнавъ о происшедшей перемѣнѣ правленія, онъ уговариваетъ Пренеста и Вигора возмутить народъ противъ Рюрика, обѣщая руку дочери своей Рамиды тому, кто успѣетъ помочь ему въ этомъ пред-

---

[1]) Арх. стар. д. Моск. губ. пр., д. № 624.

[2]) Матер. для ист. рус. просв. и литерат. въ концѣ XVIII в. („Рус. Вѣстн." 1860 г. т. XXV).

*

пріятіи. Онъ оставляетъ Пренеста въ городѣ, чтобы дѣйствовать на гражданъ, а Вигора беретъ съ собою въ свой станъ, расположенный невдалекѣ. Рамида любитъ Рюрика и ждетъ только отца, чтобы получить позволеніе вступить въ бракъ съ новымъ государемъ. Приходитъ Вадимъ въ одеждѣ простаго воина и упрекаетъ дочь въ любви къ хищнику новгородской вольности; Рамида, несмотря на свои увѣренія, что Рюрикъ—властитель добродѣтельный и мудрый, видитъ, что отецъ ея непреклоненъ и клянется ему забыть свою любовь и выйти за того, кто побѣдитъ Рюрика. Пренестъ сообщаетъ Вадиму объ успѣхѣ предпріятія. Вигоръ видитъ въ Пренестѣ опаснаго соперника и клянется, что не стерпитъ его первенства. Рюрикъ между тѣмъ замѣчаетъ внезапную холодность къ себѣ Рамиды, и наперсникъ его Извѣдъ возбуждаетъ въ немъ ревность къ Пренесту. Рюрикъ допрашиваетъ Пренеста, который въ смятеніи проговаривается о заговорѣ, но вскорѣ, образумившись, старается заподозрить въ глазахъ Рюрика соперника своего Вигора, который по уходѣ Рюрика, является на сцену и прямо высказываетъ Пренесту свою ненависть къ нему, любовь къ Рамидѣ и намѣреніе свое оспорить у него сердце ея. Въ это время Извѣдъ, уже узнавшій о подробностяхъ заговора, сообщаетъ о нихъ Рюрику, который приказываетъ готовиться къ бою, но, исполненный великодушія, не хочетъ даже знать именъ заговорщиковъ. Рамида не можетъ долѣе скрывать своихъ неизмѣнившихся истинныхъ чувствъ къ Рюрику, который въ восторгѣ клянется ей въ своей страсти. Вадимъ подступаетъ къ Новгороду, но счастіе благопріятствуетъ Рюрику. Вадима приводятъ обезоруженнаго съ другими плѣнниками; онъ хочетъ умертвить себя. Рюрикъ сожалѣетъ о немъ, а Вадимъ укоряетъ его въ похищеніи новгордской вольности. Рюрикъ описываетъ бѣдствія, которыми страдало отечество до того времени, пока власть не была вручена ему, и отдаетъ себя на судъ народа, снявши свой вѣнецъ, въ знакъ того, что не хочетъ насильно царствовать; но граждане убѣждаютъ его не покидать ихъ. Вадиму возвращаютъ оружіе, и Рюрикъ проситъ посадника отдать ему руку Рамиды. Вадимъ, видя, что все удается Рюрику, говоритъ въ отчаяніи, что если Рамида любитъ Рюрика, то онъ уже не считаетъ ее дочерью своею. Рамида, желая показать себя достойною дочерью такого отца, въ иступленіи схватываетъ мечъ и убиваетъ себя. Вадимъ слѣдуетъ ея примѣру, чтобы не видѣть родину порабощенною. Рюрикъ клянется быть достойнымъ царскаго вѣнца.

Княжнинъ всегда подражалъ французскимъ трагикамъ и цѣликомъ бралъ изъ нихъ цѣлыя мѣста для своихъ трагедій. Такъ и въ «Вадимѣ» многое напоминаетъ «Цинну» Корнеля. Рюрикъ—сколокъ съ Августа и, подобно ему, произноситъ монологъ о тщетѣ власти. Вообще

«Вадимъ» по содержанію не представляетъ ничего яркаго и особеннаго по сравненію съ другими трагедіями классической школы. Если же «Вадимъ» показался «набатомъ», по выраженію митрополита Евгенія», [1]) то это произошло опять-таки отъ смѣлыхъ отдѣльныхъ стиховъ, которые напугали Брюса въ «Соренѣ». Нельзя не сказать, что они сильнѣе, чѣмъ въ «Соренѣ» Николева, но все-таки не въ такой степени, чтобы видѣть въ нихъ «слова, не токмо соблазнъ подающія и къ нарушенію благосостоянія общества, но даже израженія противу цѣлости законной власти царей», какъ о томъ гласитъ докладъ генералъ-прокурора графа Александра Николаевича Самойлова присутствію Правительствующаго Сената [2]). Напротивъ, «характеръ Рюрика такъ великодушенъ, что, очевидно, авторъ имѣлъ цѣлью возвысить его, а противоборство его власти представилъ лишь какъ драматическій контрастъ очень обыкновенный». Но авторъ опоздалъ какимъ-нибудь годомъ. Онъ отдалъ «Вадима» на сцену въ 1789 г., но, убѣдившись повидимому, что пьеса его несвоевременна, самъ взялъ свою трагедію назадъ. 14-го января 1791 г. его не стало. М. Лонгиновъ пользуется при этомъ случаемъ, чтобы опровергнуть ложное преданіе, что за «Вадима» Княжнинъ подвергся допросу Шешковскаго, который употребилъ съ нимъ извѣстную свою исправительную мѣру, вслѣдствіе которой нашъ трагикъ умеръ. По справедливому замѣчанію историка, «если бы «Вадимъ» былъ причиной такого печальнаго и, безъ сомнѣнія, гласнаго событія съ Княжнинымъ, въ 1790 г., княгиня Дашкова, при всей самостоятельности своего характера, не разрѣшила бы печатаніе трагедіи въ 1793 г., т. е. при еще худшихъ политическихъ обстоятельствахъ Франціи и Европы» [3]).

Такъ или иначе, но трагедія была напечатана, и предшествовали тому слѣдующія обстоятельства: послѣ смерти Княжнина, къ кн. Дашковой явилась вдова покойнаго съ просьбой напечатать при Академіи трагедію ея мужа, въ пользу дѣтей ея. О томъ же ходатайствовалъ, по предположенію Лонгинова, и одинъ изъ совѣтниковъ академической канцеляріи О. П. Козодавлевъ, бывшій при Александрѣ I министромъ внутр. дѣлъ. Княгиня поручила ему разсмотрѣть рукопись и донести ей, не заключается ли въ ней чего-либо предосудительнаго. Совѣтникъ отозвался, что трагедія основана на историческомъ фактѣ, что въ ней нѣтъ ничего противнаго законамъ, и что развязка ея заключается въ торжествѣ русскаго государя надъ новгородскими мятежниками. По этому отзыву академическаго цензора кн. Дашкова приказала печатать «Ва-

---

[1]) Слов. рус. св. писат., ч. I 291.
[2]) Скабичевскій. Очерки ист. рус. ценз. 61.
[3]) Матеріалы, 645.

дима» въ академической типографіи на условіяхъ самыхъ выгодныхъ для г-жи Княжниной (вѣроятно, вмѣсто платы за напечатаніе Академія выговорила себѣ право напечатать «Вадима» въ издаваемомъ ею «Россійскомъ Өеатрѣ»). Прошло нѣсколько времени. Вдругъ, по разсказу кн. Дашковой, графъ Ив. Петровичъ Салтыковъ, котораго никто не могъ упрекнуть въ томъ, чтобы онъ когда нибудь прочелъ хоть одну книгу, вообразилъ себѣ по чьему то внушенію, что онъ прочиталъ «Вадима», побѣжалъ къ знаменитому временщику князю Платону Александровичу Зубову и увѣрилъ его во вредномъ направленіи трагедіи, особенно въ такое время. Неизвѣстно, прочла ли ее императрица и Зубовъ, но вотъ по докладу генералъ-прокурора Самойлова въ началѣ 1792 г. состоялся указъ Правительствующаго Сената повелѣвающій: «оную книгу, яко написанную дерзкими и зловредными противъ законной самодержавной власти выраженіями, а потому въ обществѣ Россійской Имперіи нетерпимую,—сжечь въ здѣшнемъ столичномъ городѣ публично, чего для и отослать ее въ С.-Петербургское губернское правленіе при указѣ, и чтобъ отъ Управы благочинія обывателямъ объявить, дабы они, кто бы у себя означенную книгу ни имѣлъ, тотчасъ представили оную въ губернское правленіе съ таковымъ подтвержденіемъ, что если кто утаитъ и не представитъ оную, тотъ подвергаетъ себя сужденію по законамъ, а какъ быть можетъ, что оная книга не только въ Москвѣ, но и въ прочихъ губерніяхъ уже распространилась, то московскому губернскому и намѣстническимъ правленіямъ предписать, дабы и они, равнымъ образомъ отъ таковыхъ, кто оныя имѣетъ, отобравъ доставили бы немедленно въ сенатъ для истребленія оныхъ [1])».

Въ исполненіе этого указа къ кн. Дашковой явился оберъ-полиціймейстръ Рылѣевъ и въ самыхъ изысканно вѣжливыхъ выраженіяхъ объявилъ ей, что по приказанію государыни онъ обязанъ отобрать изъ книжной лавки Академіи всѣ экземпляры «Вадима», который признанъ ея величествомъ книгой вредною для обращенія въ публикѣ. Княгиня сказала Рылѣеву, что онъ можетъ распоряжаться, какъ хочетъ, хотя едва-ли найдетъ въ лавкѣ хоть одинъ экземпляръ «Вадима», но что эта трагедія перепечатана въ послѣдней вышедшей 39-й части «Россійскаго Өеатра». Къ этому она прибавила, что въ этой части помѣщены и другія пьесы, слѣдовательно «Вадима» надо вырвать и испортить книгу [2]).—Рылѣевъ от-

---

[1]) „Рус. Старина". т. IV, 91.

[2]) Любопытно, что при этой операціи невинно пострадалъ, тогда еще молодой писатель, дѣдушка Крыловъ. „Блюстители благочинія" такъ поусердствовали, что вмѣсто одного „Вадима", вырвали конецъ предъидущей пьесы

правился въ лавку, а княгиня отъ души смѣялась такому страху по случаю пьесы, которая ничѣмъ не предосудительнѣе большей части другихъ трагедій. Въ тотъ же день пріѣхалъ къ княгинѣ генералъ-прокуроръ графъ Самойловъ и объявилъ ей отъ имени государыни выговоръ за напечатаніе «Вадима». Княгиня отвѣчала съ твердостью, что она удивляется, какъ могла императрица хотя на минуту заподозрить ее въ умыслахъ противъ интересовъ правительства. Самойловъ сказалъ ей, что государыня уподобила напечатаніе «Вадима» изданію «Путешествія» Радищева. На это княгиня возразила, что она желаетъ, чтобы «Вадима» сравнили бы съ французскими пьесами, которыя играютъ на публичныхъ театрахъ, и что этотъ «Вадимъ» былъ предварительно цензурованъ членомъ академіи.—Въ первое послѣ этого малое собраніе во дворцѣ, княгиня замѣтила на лицѣ государыни выраженіе неудовольствія и горечи. Когда она подошла къ императрицѣ и спросила ее о здоровьѣ, Екатерина сказала:

— Очень хорошо! Но скажите мнѣ: что̀ я сдѣлала, чтобы издавали книги, противныя моей власти?

— Можете-ли вы это думать?—спросила княгиня.

— Я говорю вамъ, что эта трегедія должна быть сожжена рукой палача,—сказала государыня.

Княгиня нашла эти слова столь несогласными съ характеромъ Екатерины, что убѣдилась въ постороннемъ вліяніи и наговорахъ и возразила:—«Сожгутъ-ли ее или нѣтъ рукою палача,—это не мое дѣло, но я буду краснѣть, если это случится. Но ради Бога, прежде чѣмъ вы что нибудь рѣшите, прочтите, умоляю васъ, эту пьесу, въ которой вы найдете такую катастрофу, какую вы только можете пожелать. При этомъ прошу васъ вспомнить, что я не авторъ этой трагедіи и ничего не могла выиграть черезъ ея напечатаніе.

Этимъ разговоръ кончился, и государыня сѣла играть въ карты. На другое утро княгиня отправилась къ ней съ докладомъ по Академіи, принявши твердое намѣреніе подать въ отставку, если государыня не встрѣтитъ ея съ обыкновенной благосклонностью и не пригласитъ ее въ брильянтовую комнату, гдѣ она обыкновенно во время прически волосъ бесѣдовала съ нею откровенно. Въ аванзалѣ встрѣтился ей Самойловъ, выходившій отъ императрицы, и сказалъ ей:

— Будьте покойны, государыня сейчасъ выйдетъ; она повидимому не слишкомъ гнѣвается на васъ.

На это княгиня отвѣчала громко, такъ что всѣ присутствующіе могли слышать ея слова:

„Опасная шутка“ и начало послѣдующей: „Филомела“ (Крылова).--(Лонгиновъ. Матеріалы, 647 прим.).

— У меня нѣтъ причины безпокоиться, господинъ Самойловъ, потому что мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя, да и другихъ я не упрекаю, хотя меня, признаюсь, огорчаетъ, если ея величество оказываетъ мнѣ несправедливый гнѣвъ или подозрѣваетъ меня. Впрочемъ, къ несправедливостямъ я такъ привыкла, что давно онѣ для меня не новость.

Вскорѣ вошла государыня, и присутствующіе подошли къ ея рукѣ. Она обратилась къ княгинѣ и сказала ей обыкновеннымъ своимъ голосомъ: «Я готова говорить съ вами, княгиня, будьте такъ добры, пойдемте со мною».

Княгиня пришла въ восторгъ отъ этихъ словъ, тѣмъ болѣе, какъ говоритъ она, что безъ этого непремѣнно вышла бы въ отставку и уѣхала бы изъ Петербурга, что въ публикѣ произвело бы невыгодное впечатлѣніе для Екатерины.

Только-что она вошла въ другую комнату, княгиня поцѣловала у императрицы руку и просила ее забыть прошлое.

— Точно ли такъ, княгиня?—спросила государыня.

— Да, ваше величество,—отвѣчала княгиня.

— Между нами пробѣжала черная кошка: не будемъ опять звать ее къ себѣ.

Екатерина засмѣялась и оставила княгиню у себя обѣдать. День прошелъ очень весело». [1])—Быть можетъ, въ виду этихъ переговоровъ, соотвѣтствующія распоряженія по названному указу были сдѣланы въ Москвѣ нѣсколько позже, а именно въ концѣ 1793 г. Въ этомъ году генералъ-прокуроръ Самойловъ писалъ кн. Прозоровскому:

„По случаю вышедшей въ печать трагедіи „Вадимъ Новгородскій", сочиненія Княжнина, съ дерзкими въ ней помѣщенными словами, которыхъ до четырехсотъ экземпляровъ препровождено отсюда въ Москву для продажи отъ здѣшняго купца Ивана Глазунова, который и самъ теперь находится въ Москвѣ, ея императорское величество высочайше указать соизволила, чтобы ваше сіятельство, призвавъ его, спросили, гдѣ вышесказанные экземпляры находятся, и оные, какъ отъ него, такъ и отъ прочихъ книгопродавцевъ, отобравъ и запечатавъ, съ симъ нарочно посланнымъ курьеромъ доставили ко мнѣ; да и протчія его, Княжнина, сочиненія, вошедшія въ печать по смерти его, просмотрѣть, и ежели и въ нихъ окажутся подобно нелѣпыя изрѣченія, то и тѣ запечатавъ прислать сюда [2]). Но если и безъ таковыхъ изрѣченій изъ его сочиненій покажутся вашему сіятельству сумнительны, таковыхъ, остановя продажу, прислать по одному экземпляру. Благоволите, ваше сіятельство, исполнить все оное съ осторожностью и безъ огласки, по данной вамъ власти, не вмѣшивая высочайшаго повелѣнія.

---

[1]) Записки кн. Дашковой, ч. II, гл. 6.

[2]) Въ библіографія сочиненій Княжнина, Сопикова, Лонгинова и др.— нѣтъ совершенно указаній, когда и гдѣ были напечатаны посмертныя произведенія этого писателя, кромѣ „Вадима Новгородскаго", изданнаго, какъ извѣстно, въ 1793 г. (Спб. 8⁰).

P. S. Благоволите, ваше сіятельство, спросить сего Глазунова, какимъ образомъ и чрезъ кого досталъ онъ сію книгу, также и о томъ, кому онъ ее въ печать отдалъ, и нѣтъ ли у него въ лавкѣ подобныхъ сей книгъ. Что изволите узнать отъ него, о семъ всепокорно прошу меня съ симъ посланнымъ увѣдомить" [1]).

Начался розыскъ.

„1793-го года ноября 17-го дня, гласитъ протоколъ, сысканъ (допрошенъ) былъ въ домѣ главнокомандующаго санктъ-петербургскій купецъ Иванъ Петровъ сынъ Глазуновъ [2]) и сказкою показалъ: пріѣхалъ онъ сюда недѣли три или около мѣсяца для продажи книгъ, привезъ по письменному каталогу, въ числѣ которыхъ и трагедія, сочиненная Княжнинымъ, „Вадимъ Новгородскій"; сію трагедію купилъ онъ у опекуновъ послѣ Княжнина надъ дѣтьми его, и ему, покойному, зять, но имя и фамилію его позабылъ [3]).

Живетъ оный опекунъ въ Псковской губ., верстъ съ двѣсти отъ Петербурга. Бывъ оный опекунъ въ Петербургѣ, продалъ ему сочиненія Княжнина, въ чемъ у нихъ постановленъ контрактъ и у маклера записанъ въ магистратѣ, котораго (контракта) съ нимъ нѣтъ, а остался въ домѣ его въ Петербургѣ. На память же онъ не помнитъ, сколько и какихъ сочиненій купилъ, а означены въ контрактѣ. Сію трагедію „Вадимъ" онъ напечаталъ въ Академіи наукъ и просилъ княгиню Дашкову. Она его приняла и печатать приказала, помнится ему, цѣлый заводъ: тысячу двѣсти экземпляровъ. Въ Петербургѣ продано оныхъ довольно, но кому,—припомнить не можетъ: продавалъ его приказчикъ. Сюда привезъ на память до полтораста экземпляровъ, которые онъ отдалъ книгопродавцамъ, а кому именно—частному приставу покажетъ. Еще привезъ онъ съ собою изъ сочиненій Княжнина двадцать пять экземпляровъ [4])".

Послѣ отобранія у Глазунова книгъ, говорится въ протоколѣ, коихъ у него найдено въ переплетѣ сорокъ девять, безъ переплету въ тетрадяхъ—девяносто девять, оный Глазуновъ объявилъ, что сверхъ сего числа изъ Петербурга доставлены отъ него для продажи содержателю Университетской и Сенатской типографіи Окорокову, [5])—тридцать пять, да торгующимъ здѣсь въ книжныхъ лавкахъ купцамъ: Тимофею Семенову—тридцать, Василью Петрову—десять. Итого семьдесятъ пять экземпляровъ, о коихъ онъ забылъ въ той данной имъ сказкѣ восполнить [6]).

---

[1]) Арх. ст. дѣлъ Моск. губ. правл., д. № 18111, 1793 г.

[2]) Вѣроятно, родоначальникъ нынѣшней фирмы „Глазунова".

[3]) Несомнѣнно П. Я. Чихачева. Этимъ кстати подтверждается свидѣтельство г. Стоюнина („Сынъ Отеч.", 1852 г., № 12. Смѣсь, стр. 1), опровергавшееся между прочимъ г. Лонгиновымъ (Матеріалы, стр. 646 прим.), „что рукопись „Вадима" съ нѣкоторыми другими попалась опекуну сыновей покойнаго Княжнина П. Я. Чихачеву; какой-то книгопродавецъ заплатилъ ему за все найденное 200 р. и принесъ всѣ рукописи кн. Дашковой, которая обратила вниманіе на „Вадима" и приказала его напечатать".

[4]) Арх. ст. д. Моск. губ. Прав., д. № 18111.

[5]) Василій Ивановичъ, снявшій на арендное содержаніе Москов. универ. типографію и „Моск. Вѣдом.".

[6]) Нужно полагать, полиція очень усердствовала въ розыскахъ, такъ какъ въ концѣ-концовъ получился длинный списокъ лицъ, имѣвшихъ въ рукахъ экзем-

Препровождая эти «сказки» въ Петербургъ, Самойлову, кн. Прозоровскій въ письмѣ отъ 18-го ноября 1793 г. дополнялъ ихъ слѣдующими подробностями: «...Сей трагедіи экземпляровъ отыскано только сто шестьдесятъ семь и которые при семъ въ ящикѣ за печатью моею препровождаю, а прочихъ не найдено, ибо они продались по публикаціямъ въ газетахъ: кто именно купилъ—неизвѣстно, въ протчемъ же, сколь позволило сіе производство, безъ огласки исполняемо было; прочихъ же сочиненій того же Княжнина, вышедшихъ уже нѣсколько лѣтъ въ печать, при жизни еще его, о которыхъ и Глазуновъ въ сказкѣ говоритъ, что онъ двадцать пять экземпляровъ привезъ сюда, я не отбиралъ, а оставилъ въ продажѣ. А для лучшей осторожности одинъ экземпляръ взялъ къ себѣ и поручилъ просмотрѣть оный, а если что подобное мною усмотрѣно будетъ, то увѣдомлю ваше высокопревосходительство. Послѣ смерти же Княжнина вышедшія сочиненія, какъ изъ сказки его видѣть изволите, находятся манускрипты въ домѣ сего Глазунова въ Петербургѣ, а комедія «Чудаки», въ печати Академіи наукъ». Тѣмъ и кончилась исторія съ «Вадимомъ». Трагедія была сожжена, и зло вырвано повидимому съ корнемъ.

Мы видѣли, что сравнительно съ предъидущей эпохой значительно увеличилась дѣятельность литературы и въ частности драматической. Театръ окончательно укрѣпился въ обществѣ, и театральная афиша не стала больше рѣдкимъ гостемъ въ русской общественной жизни. Что касается содержанія театральныхъ пьесъ, то малая толика либерализма, пущенная въ оборотъ Екатериной, принесла огромную пользу. Трагедіи Княжнина значительно ушли впередъ передъ Сумароковскими, а между «Вздорщицей» послѣдняго и «Недорослемъ» Фонвизина лежитъ уже цѣлая пропасть. Сама цензура драматическихъ сочиненій не была въ то время особенно строгой. Правда, предметъ ея наблюденій былъ не особенно великъ, но и въ этой сферѣ дѣятельности правительство прибѣгало къ репрессивнымъ мѣрамъ только съ того момента, когда двусмысленное выраженіе драматурга по несчастію совпадало съ угнетеннымъ состояніемъ народныхъ умовъ. Въ этомъ случаѣ наиболѣе тяжелая участь приходится на долю Москвы. Первопрестольная выноситъ на себѣ всю тяготу правительственной опеки, но, какъ это ни странно, превосходитъ Петербургъ своимъ интересомъ и практикой театральнаго искусства.

пляры запрещенной трагедіи: „Вадимъ Новгородскій". Изъ 150 экземпляровъ продано: Воронкову — 5; Тимофею Анисимову — 10; Авчинникову — 10; Семену Никифорову—5; Редигеру—5; Танисскому—5; Тимофею Семенову—5; Козыреву—4. Сверхъ сего числа переслано „Вадима" же трагедія изъ Петербурга: Окорокову—35; Тимофею Семенову—30, Василью Петрову—10; Списокъ этотъ одновременно съ „сказками" былъ отправленъ въ С.-Петербургъ.

V.

6 ноября 1796 г. вступаетъ на престолъ императоръ Павелъ Петровичъ. Обстоятельства послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины помѣшали оригинальному драматическому произведенію выдвинуться и заслужить общественное вниманіе. Пробавлялись больше старыми трагедіями, или переводными, входившими въ это время въ моду, «мѣщанскими драмами». Отношеніе Павла I къ театру до сихъ поръ еще очень неопредѣленно. Извѣстно (по запискамъ С. Порошина), что въ молодости Павла Петровича кружокъ его петербургскихъ знакомыхъ заключалъ, между прочимъ, и двухъ современныхъ драматурговъ: Сумарокова и Лукина. Однако едва-ли въ этомъ обществѣ юный цесаревичъ могъ почувствовать особое влеченіе къ идейной сторонѣ театра. По свидѣтельству Порошина, здѣсь Сумароковъ большею частью громилъ ненавистныхъ ему подъячихъ и самъ былъ натравливаемъ на своихъ литературныхъ враговъ великимъ княземъ и его друзьями. О театрѣ же, какъ выразителѣ народныхъ стремленій, задачахъ его и идеалахъ, не было даже и рѣчи. —Женившись и образовавъ свой собственный кружокъ въ Гатчинѣ, цесаревичъ былъ не прочь иногда повеселить гостей театральнымъ представленіемъ. Говорю «повеселить», такъ какъ разнообразныя и большею частью на французскомъ языкѣ пьесы Гатчинскаго театра [1]), не имѣли другой цѣли, какъ доставить публикѣ пріятное развлеченіе. Вступивъ на престолъ императоръ Павелъ I обратилъ, между прочимъ, вниманіе и на театральную цензуру. Вотъ что послужило отчасти поводомъ къ этому. Въ 1797 г. въ Москвѣ, по минованіи годичнаго траура, возобновились съ успѣхомъ «любительскіе спектакли». Еще раньше, именно 24-го августа того же года, нѣкій баронъ Казиміръ Прейсеръ обратился къ московскому главнокомандующему (въ то время кн. Долгорукову) съ слѣдующей просьбой:

„Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! побужденіе къ увеселеніямъ и каждый родъ пристойныхъ забавъ одушевляетъ каждаго, какого бы онъ возраста и состоянія ни былъ. Въ числѣ увеселеній, кои человѣкъ должностной, впрочемъ со вкусомъ и сердцемъ, избрать можетъ передъ всѣми прочими. Такъ какъ приносящія истинное удовольствіе имѣютъ преимущество театральныя представленія, коихъ содержанія составляютъ нравоучительные и невинные предметы. Поелику нѣмецкая публика въ столицѣ сей при каждомъ случаѣ имѣетъ недостатокъ въ увеселеніяхъ, то нѣкоторое малое общество друзей, нѣкоторымъ образомъ сему недостатку пособить, словомъ сказать, желаютъ въ слѣдующіе зимніе мѣсяцы представлять нѣмецкія комедіи, и просятъ вашего на сіе соизволенія.—Общество сіе пріемлетъ на себя попеченіе изби-

---

[1]) „Тогда русскій языкъ былъ еще подъ анаѳемой", говоритъ кн. И. М. Долгоруковъ („Капище моего сердца", изд. второе, „Рус. Арх.". 1890, 189.).

рать пьесы со всею осторожностью, и наблюдать порядокъ и благочиніе, дабы пьесы сіи юношеству, къ забавамъ симъ допускаемому, если не поучительны, по крайней мѣрѣ просто увеселительны были. Общество сіе просило меня принять всѣ въ разсужденіе сего распоряженія на себя, и для того я за долгъ поставляю донести о всемъ вашему сіятельству и покорнѣйше просить вашего на сіе милостиваго соизволенія, безъ котораго я ни малѣйшаго шага въ разсужденіи вышесказаннаго не сдѣлалъ [1]).

Князь Долгоруковъ благосклонно взглянулъ на просьбу. Не рѣшаясь, однако, удовлетворить ходатайство собственною своею властью, онъ въ письмѣ къ Ф. В. Ростопчину отъ 24-го авг. (за № 1619), просилъ позволить живущимъ въ Москвѣ нѣмцамъ имѣть нѣмецкій не за деньги домашній театръ, составя изъ небольшаго ихъ общества [2]). Какъ была принята эта просьба—мы не знаемъ, но 16-го ноября 1797 г. за № 104 кн. Долгоруковъ входилъ уже съ оффиціальнымъ рапортомъ на высочайшее имя: «По отъѣзду моемъ для осмотру полковъ, доносилъ главнокомандующій, начались здѣсь въ домахъ дворянскихъ спектакли, представляемые ихъ актерами. Я не давалъ на сіе никакого позволенія и не дѣлалъ запрещенія, а всеподданнѣйше вашему императорскому величеству объ ономъ донося, ожидаю какъ о сихъ спектакляхъ, такъ и если гдѣ въ домахъ общество согласившееся представлять пожелаетъ, высочайшаго вашего императорскому величества указа» [3]).

Павелъ отвѣчалъ на это указомъ отъ 23-го ноября 1797: «Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи князь Долгоруковъ. По представленію вашему о начавшихся въ партикулярныхъ домахъ спектакляхъ, запрещать ихъ никакой надобности не нахожу, а замѣтить нужнымъ почитаю: 1) чтобы не были представляемы никакія пьесы, которыя не играны на большихъ театрахъ и которыя черезъ цензуру не прошли; 2) для таковыхъ собраній, дабы въ нихъ сохраняемъ былъ надлежащій порядокъ, а равно для исполненія предыдущимъ пунктомъ предписуемаго, быть всегда частному приставу, который за то и отвѣчать долженъ». Указъ этотъ тѣмъ любопытенъ, что свидѣтельствуетъ о стремленіи императора оздоровить ту сторону театральнаго порядка, которая была совершенно оставлена безъ вниманія правительствомъ Екатерины. Вопросъ идетъ о нравственномъ содержаніи пьесъ. Дѣйствительно, съ этотъ отношеніи репертуаръ театра Екатерининской эпохи, не исключая любительскаго, могъ только соперничать съ театромъ до-петровской Руси, нѣкоторыя сцены котораго, по выраженію г. Пекарскаго «поражаютъ читателя своимъ цинизмомъ и незастѣнчивостью». [4]) За примѣрами не далеко

---

[1]) Арх. ст. д. Моск. губ. пр., д. № 1484—330.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Арх. старыхъ д. Моск. губ. прав., д. № 1494—320.

[4]) „Наука и Лит.“, I, 457.

ходить. Вотъ что писалъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову изъ Петербурга въ Лондонъ въ 1793 г. «У насъ вездѣ опять даютъ домашніе спектакли, нерѣдко въ ущербъ благопристойности; такъ, намедни у кн. Долгорукова произносили вещи. едва терпимыя на ярмаркахъ; но говорятъ: нужно повеселиться [1])».—Павелъ, хорошій семьянинъ, по взглядамъ своимъ расходившійся съ нравами Екатерининскаго двора, не желалъ терпѣть у себя подобныхъ «безчинствъ» и пресѣкъ зло разомъ. Немножко другой характеръ имѣла исторія съ знаменитой «Ябедой» Капниста. «Конечно въ наше время, говоритъ г. Скабичевскій, комедія эта, написанная хотя и бойкимъ языкомъ и не лишенная остроумія, должна казаться въ цензурномъ отношеніи вполнѣ невинною и благонамѣренною, но нужно взять въ разсчетъ время, въ которое выступилъ Капнистъ съ своимъ обличеніемъ взяточничества и въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ заслуживаетъ названія безстрашнаго героя» [2]).—«Ябеда» была играна въ 1798 г. и въ то же время напечатана отдѣльнымъ изданіемъ [3]). Сюжетомъ для нея послужилъ, будто-бы процессъ, проигранный Капнистомъ въ Саратовской гражданской палатѣ, заставившій автора вывести всѣ козни закоснѣлаго лихоимства. Стихи въ «Ябедѣ» мѣстами не совсѣмъ гладки; но недочеты въ техническомъ отношеніи, исчерпываются массою колкихъ и остроумныхъ замѣчаній, примѣнимыхъ даже къ болѣе позднему времени. Очень поучительна напр. сцена въ III актѣ, гдѣ члены палатъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Кривосудовымъ поютъ «застольную пѣсню».

Кривосудовъ (Хватайку). Любезный прокуроръ! Ты хорошо поіош ь
Запой намъ:

Хватайко Радъ душой. Да голоса-то нѣту.

Кривосудовъ. Ну! Какъ-нибудь.

Бульбулькинъ. Мы всѣ пристанемъ для комплекту.

Хватайко (поетъ). Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На чтожъ привѣшаны намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

Всѣ (повторяютъ): брать, брать, брать!

Ниже къ этому припѣву Наумычъ прибавляетъ:—и драть [4]).

---

[1]) „Рус. Арх." 1876, I, 112. Вообще вольности на сценахъ барскихъ театровъ были въ описываемое время до невозможности безграничны. См. напр. скандалъ въ театрѣ А. А. Столыпина при представленіи комедіи кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго „Оленька" (Пыляевъ, Полубарскія затѣи „Ист. Вѣст." 1886, Сент.)

[2]) „Очерки по ист. рус. цензуры", стр. 84.

[3]) Араповъ. Лѣтоп. рус. театра, 140, отд. III.

[4]) Дѣйств. III, явл. 6.

Можно себѣ представить какое впечатлѣніе должны были произвести эти и подобные куплеты на публику, собравшуюся на первое представленіе. «Простые зрители, говоритъ г. Скабичевскій, торжествовали отъ всей души» и шумно привѣтствовали новое произведеніе, «обличавшее вѣковую язву общества. Но чиновный людъ всѣхъ ранговъ, пристыженный такой картиной и видя въ ней какъ въ зеркалѣ изображеніе своихъ пороковъ, разрывался съ досады»[1]). Несмотря на это, комедія, посвященная предварительно высочайшему имени, выдержала четыре представленія кряду. Только послѣ четвертаго раза составленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ. «Представлено императору, что Капнистъ далъ ужасный поводъ къ соблазну, что его наглость преувеличила дѣйствительность; найдено даже явное попраніе монаршей власти въ ея ближайшихъ органахъ: въ подобныхъ выраженіяхъ обрушена была на писателя цѣлая гора лживыхъ обвиненій. Все это завершалось униженнымъ челобитьемъ объ охранѣ власти, запрещеніи пьесы и о примѣрномъ для будущаго времени наказаніи злостнаго, неотчизнолюбиваго автора. Императоръ Павелъ, довѣрившись донесенію, приказалъ немедленно отправить Капниста въ Сибирь и въ то же время книгу его тотчасъ же конфисковать. Это было утромъ 27-го октября 1798 г. Приказъ былъ немедленно исполненъ. Послѣ обѣда гнѣвъ императора остылъ; онъ задумался и усомнился въ справедливости своего приказанія. Не повѣряя никому своего плана, онъ велѣлъ въ тотъ же вечеръ представить «Ябеду» въ его присутствіи на эрмитажномъ театрѣ. Больше никого въ театрѣ не было. Послѣ перваго акта императоръ, безпрестанно аплодировавшій пьесѣ, послалъ первопопавшагося ему фельдъегеря, чтобъ тотчасъ же возратить Капниста; послалъ возвращенному писателю чинъ статскаго совѣтника, минуя низшіе чины въ порядкѣ чинопроизводства (Капнистъ былъ въ то время коллежскимъ ассесоромъ), щедро наградилъ его и до самой кончины «удостоивалъ своихъ милостей»[2]). Другой случай былъ съ княземъ Долгоруковымъ, извѣстнымъ намъ по гатчинскому кружку Павла Петровича и въ то время пензенскимъ вице-губернаторомъ. Долгоруковъ, «страстный любитель» театра, устроилъ у себя спектакль на дому. «Играли, разсказываетъ онъ [3]), приказные и живущіе у меня офицеры какую-то фарсу, которую я въ проказливую минуту сочинилъ для смѣха. Имя ея одно уже означало качество произведенія: «Трагилографія». Комедія эта послужила къ провинціальнымъ сплетнямъ. Фразу, относящуюся къ одному комическому лицу, о которомъ говорится, что онъ «плѣшивый супостать о трехъ этажахъ», принялъ на

---

[1]) «Очерки по ист. рус. цензуры“, 84.

[2]) Скабичевскій, «Очерки по ист. рус. цензуры», 85.

[3]) «Капище моего сердца», 341.

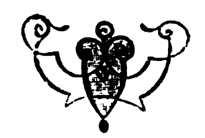
свой счетъ мѣстный (пензенскій) губернаторъ Ступишинъ. Вѣрнѣе, ему объяснили, что это на него намекъ: «Вы безъ волосъ, вы генералъ-поручикъ, т. е. въ третьемъ классѣ, ergo супостатъ—это вы». «Довольно для заключенія», замѣчаетъ Долгоруковъ.—

Сомнѣніе его тревожить начало,
Наморщились его и харя, и чело.

Въ результатѣ вышло дѣло очень крупное, дошедшее до свѣдѣнія государя и сената и окончившееся не въ пользу автора, по собственному признанію «не имѣвшаго никого въ виду при написаніи фарса»: его отставили отъ службы. Этимъ пока исчерпывается все, что мы знаемъ о театральной цензурѣ первыхъ годовъ Павловскаго царствованія. Дальше слѣдуетъ исторія съ Коцебу, въ нѣсколько мѣсяцевъ испытавшаго и гнѣвъ, и милость императора, но дѣло это принадлежитъ уже исторіи XIX в., къ коему мы незамѣтно подвинулись. Оглянемся же на минуту назадъ и постараемся вкратцѣ выразить то, что пришлось намъ встрѣтить на пройденномъ пути. Прежде всего, театральной цензурѣ XVIII ст. нельзя отказать въ извѣстной послѣдовательности. Развиваясь совершенно по другому плану, чѣмъ на западѣ, но какъ тамъ, такъ и тутъ всегда въ зависимости отъ интеллектуальнаго роста современнаго общества, драматическая цензура въ Россіи очень поздно принимаетъ опредѣленныя формы, входя какъ равноправный членъ въ политическую программу правительственной дѣятельности. Поэтому de jure драматическая цензура существуетъ только съ Екатерины. De facto ее можно замѣтить, конечно, и раньше, но Петръ, Анна и Елизавета ограничиваютъ ея сферу отдѣльными замѣчаніями, принимаемыми не какъ законъ, строго карающій каждаго ослушника, а какъ добрый совѣтъ старшаго младшему. Въ своемъ мѣстѣ мы показали, на какой почвѣ выросли подобныя своеобразныя отношенія. Петръ, вступивъ на престолъ, въ сущности засталъ вполнѣ готовую народную драму и, исправляя ее, дѣйствовалъ не въ силу того, что театръ могъ, паче чаянія, послужить органомъ недовольныхъ его реформою, а что въ данный моментъ онъ былъ по-просту безполезенъ государству. Послѣдующія царствованія имѣли еще менѣе основаній бояться театра, какъ политической формы. Когда Анна видитъ нѣчто зазорное въ «комедійной забавѣ» ея соперницы Елизаветы и велитъ «учинить розыскъ», то она не думаетъ о вліяніи, которое можетъ имѣть эта комедія на зрителей, и не преслѣдуетъ ее, какъ политическую сатиру, а какъ памфлетъ, или какъ «оскорбленіе величества». При Елизаветѣ мы не встрѣчаемся даже съ такими фактами. Изгнаніе монашескаго платья изъ театральнаго гардероба есть въ сущности дань благоговѣйному чувству русскаго человѣка, который, быть можетъ, видѣлъ его попраннымъ во время «господ-

ства нѣмцевъ» и пожелалъ его возстановить теперь. Итакъ форма, внѣшній обликъ театра, при нѣкоторомъ желаніи оградить личные интересы государя—вотъ главныя заботы русскаго правительства до самодержавія Екатерины. Въ послѣдующее время обстоятельства существенно мѣняются. При Екатеринѣ писатели могли писать, но то, что они писали, должно было быть въ строго-правительственномъ духѣ. Типографіи могли печатать и размножаться количественно, но достаточно было одного распоряженія изъ Петербурга, чтобы всѣ книги собирались въ кучу и сжигались рукою палача. Наконецъ, номинально тайной канцеляріи не существовало; но извѣстный Шешковскій могъ во всякое время навѣстить непослушнаго автора и заставить его повиноваться начальству. Павелъ возстановилъ равновѣсіе между формой драматическаго произведенія и его содержаніемъ. Утраченная при Екатеринѣ форма должна была быть даже въ частномъ общежитіи безусловно нравственной, содержаніе же—слѣдовать не разъ указаннымъ видамъ правительства. По свойственной этому монарху нервности, все, что дѣлалось при немъ (въ частности для театра), должно было носить отпечатокъ быстроты, впечатлительности и горячности поступка. Но кажущаяся на этомъ основаніи безсистемность и безпорядочность цензурныхъ распоряженій получаетъ смыслъ и оправданіе въ политическомъ водоворотѣ событій этой эпохи.

Бар. Н. В. Дризенъ.

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПОДОЛІИ.

(Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи).

XII [1]).

Рекрутскій наборъ позднѣйшей формаціи. — Агенты и коммиссіонеры.— Разливное чиновничье море во время набора.—Предварительный негласный осмотръ новобранцевъ комендантшею.—Еврейскія плутни и недоимки.—Любовь отца и трагическая его кончина.—Побитый мировой посредникъ.—Распущенность старшинъ и писарей.—Фурманъ Х—ель.—Лошадь, обличившая вора.—Новобранецъ Пивень и его побѣгъ изъ-подъ караула.—Подполковница, поколоченная докторомъ.—Юбилейное торжество, окончившееся судбищемъ.

Когда я вернулся, послѣ ревизіи, въ Хмѣльникъ, то засталъ тамъ рекрутскій наборъ въ полномъ разгарѣ.

Такъ какъ почти всѣ члены воинскаго присутствія, за исключеніемъ военнаго пріемщика, составляли одну чиновничью семью и постоянно соприкасались, такъ или иначе, съ нами, судьями, то я и нахожу не безъинтереснымъ описать здѣсь то, что происходило разъ въ годъ въ этомъ городѣ, во время пріема новобранцевъ.

Еще за нѣсколько недѣль до открытія воинскаго присутствія начиналась у насъ какая-то таинственная и, въ то же время, весьма оживленная дѣятельность: въ городѣ появлялись и исчезали извѣстные факторы этого присутствія изъ уѣзднаго города Литина съ нѣкіимъ евреемъ Перилеромъ во главѣ; мѣстные факторы по той же плутовской спеціальности—Іоська К—еръ, фурманщикъ Х—ль и др.—тоже сновали изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Это означало, что факторы отъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1897 г.

имени нѣкоторыхъ членовъ присутствія торговались или съ родителями, которые желали освободить призываемыхъ сыновей отъ воинской повинности, или же прямо-таки съ самими молодыми людьми... Куши брались различные смотря по средствамъ откупающагося и по его здоровью: если родители были богаты и самъ онъ, къ тому же, пользовался цвѣтущимъ здоровьемъ, такъ что забраковать его пришлось бы только большинствомъ голосовъ, то уплачивалось нѣсколько сотъ рублей. А иногда продѣлывались и такія штуки: мануфактурный торговецъ Хмѣльчика купецъ И. Л — цъ имѣлъ красавца-сына, котораго никакъ нельзя было забраковать; тогда придумана была слѣдующая комбинація, отличающаяся замѣчательною примитивностью и въ то же время смѣлостью: вызываютъ въ присутствіе купеческаго сына Л — ца; этотъ Л — цъ стоитъ на улицѣ и смотритъ въ окно присутствія (дѣло было вечеромъ, при огняхъ уже), а вмѣстѣ него тамъ раздѣвается и осматривается членами совершенно другой еврей, болѣзненный, котораго и бракуютъ. Наглость и смѣлость этой продѣлки увеличивалась еще тѣмъ, что этотъ же самый болѣзненный молодой еврейчикъ ставился, всего недѣлю назадъ, въ томъ же самомъ присутствіи, въ нашемъ уѣздномъ городѣ Л—инѣ, за другаго богатаго же еврейскаго сынка. Вотъ уже былъ, по-истинѣ, разбой среди бѣлаго дня! За этотъ «разбой» Л—цъ уплатилъ уѣздному исправнику Т—ову, «взаймы», 500 рублей, т. е. далъ эти деньги взаймы безъ отдачи — и безъ росписки, понятно... Какъ тамъ дѣлились эти куши между членами присутствія, этого я, конечно, не знаю; но я слышалъ послѣ набора, лично, отъ нѣсколькихъ человѣкъ, что они, дѣйствительно, уплатили извѣстные куши чрезъ факторовъ за освобожденіе своихъ сыновей отъ воинской повинности. И объ этомъ говорили въ Хмѣльникѣ открыто, не стѣсняясь. Вновь назначенный губернаторомъ М — ичемъ исправникъ, служившій ранѣе гдѣ-то въ таможенной стражѣ, купилъ послѣ перваго же набора домъ въ Литинѣ.

Главнымъ факторомъ воинскаго присутствія во время пребыванія его въ Хмѣльникѣ была супруга нашего «коменданта», т. е. полицейскаго надзирателя Шав—скаго: къ ней всѣ «кліенты» обращались съ своими челобитными; она, переговоривъ съ кѣмъ надо, называла кушъ и, затѣмъ, получала его и передавала по назначенію... Охотниковъ «брать» оказывалось не мало: предсѣдателемъ воинскаго присутствія былъ какой-то прожженный чиновникъ старыхъ временъ и былыхъ земскихъ судовъ, статскій совѣтникъ М—инъ, занимавшій должность мироваго посредника и, въ то же время, исправлявшій обязанности и литинскаго уѣзднаго предводителя дворянства. Какимъ образомъ могъ быть предводителемъ дворянства не дворянинъ, а просто какая-то канцелярская піявка, выслужившійся изъ писцовъ нижне-земскаго суда,—это-

го я не знаю; но что это былъ порядочный-таки взяточникъ—объ этомъ отлично зналъ весь уѣздъ. Затѣмъ дѣло шло уже по пословицѣ—каковъ попъ, таковъ и приходъ: бралъ предсѣдатель воинскаго присутствія, брали и члены, каждый по чину и званію своему; бралъ исправникъ, брали мировые посредники и доктора. Не бралъ только мировой посредникъ К—скій и военные пріемщики.

Во время набора въ Хмѣльникѣ шло разливанное море: устраивались вечера и попойки, шла крупная картежная игра... Вина и закуски къ столу исправника доставлялъ безплатно Шав—скій, забирая этотъ товаръ довольно своеобразнымъ иногда способомъ. Такъ, напр., въ лавкѣ Дувида Эльзона онъ взялъ во время набора «для исправника» на 30 р. разныхъ винъ, и когда купецъ потребовалъ потомъ деньги за свой товаръ, то ему ихъ не уплатили, ссылаясь на то, что въ воинскомъ присутствіи былъ забракованъ, по слабости здоровья, его внучатный племянникъ, до котораго Эльзону не было вовсе никакого дѣла.

Шав—скому, вообще, былъ «большой покосъ» во время набора, за его молчаніе и немогузнаніе обо всѣхъ плутняхъ, продѣлываемымъ въ это время, въ родѣ, напр., комедіи съ забракованнымъ купеческимъ сыномъ псевдо-Л—цемъ... Кромѣ того, нашъ «комендантъ» ухитрялся брать отъ пяти до десяти рублей съ каждаго хмѣльникскаго мѣщанина, которому и безъ того слѣдовала льгота перваго разряда, или же котораго неминуемо пришлось бы забраковать по его, дѣйствительно, слабому здоровью. Съ молодыми людьми послѣдней категоріи дѣлалось это такъ: наканунѣ пріема поздно вечеромъ еврейская бѣднота, а также и молодые люди христіане изъ числа мѣстныхъ мѣщанъ проходили черезъ садъ въ квартиру Шав—скаго съ задняго крыльца; ихъ встрѣчала сама «комендантша» и проводила въ особую комнату, гдѣ они раздѣвались, а находившіеся тамъ докторъ и Шав—скій осматривали ихъ. И вотъ, если докторъ находилъ въ молодомъ человѣкѣ такой физическій недостатокъ, или такую болѣзнь, что онъ долженъ быть непремѣнно забракованъ, то ему и объявляли прямо—смотря опять-таки по средствамъ его, которыя всегда заранѣе были извѣстны Шав—скому: «плати 10 р.—и будешь забракованъ: у тебя есть маленькій порокъ, на который я завтра укажу въ присутствіи, при твоемъ освидѣтельствованіи»; или: «плати 5 р.» и проч.

Въ конечномъ результатѣ набора за нашимъ рекрутскимъ участкомъ оказывалась всегда большая недоимка, т. е. недоборъ слѣдуемыхъ новобранцевъ евреевъ. За тѣхъ же молодыхъ людей, которые, не будучи въ силахъ уплачивать контрибуцію, или не желая платить ее, заранѣе разбѣгались изъ Хмѣльника, налагался на ихъ родителей, по закону, крупный штрафъ, который, «по несостоятельности, удостовѣренной над-

*

отъ волостныхъ правленій, въ Хмѣльникъ, къ надзирателю, а тутъ происходило слѣдующее: Шав—скій получалъ бумагу, расписывался въ полученіи воровъ и лошадей и отправлялъ конвоировъ-мужичковъ и урядниковъ во-свояси, съ доставленнымъ же ему матеріаломъ распоряжался такъ: бумага исчезала и не вносилась даже во входящій журналъ; воровъ онъ выпускалъ на всѣ четыре стороны, а лошадей открыто продавалъ своимъ, мѣстнымъ, конокрадамъ, преимущественно тому же знаменитому Гиляру, который тотчасъ же и сбывалъ ихъ, по сосѣдству, въ Кіевскую или Волынскую губернію. А мировой посредникъ едва-ли даже и зналъ объ этомъ, а если и зналъ, то смотрѣлъ на все это сквозь пальцы.

Вотъ, каковъ былъ тихій уголокъ Юго-Западнаго края, куда закинула меня судьба! Какъ вообще на окраинахъ Россіи, и здѣсь чиновничество отличалось малообразованностью и невѣжествомъ, крайнею нравственною испорченностью и корыстолюбіемъ, а главное—почти полною безнаказанностью совершаемыхъ злоупотребленій.

Въ каждомъ рекрутскомъ наборѣ и почти въ каждой крупной кражѣ и въ каждомъ ограбленіи, совершаемыхъ въ Хмѣльникѣ, игралъ активную роль мѣстный фурманъ Х—ель, высокій, бѣлокурый, атлетическаго тѣлосложенія еврей, занимавшійся, повидимому, очень скромнымъ и честнымъ ремесломъ фурмана или балагульщика: онъ возилъ пассажировъ изъ Хмѣльника въ Литинъ и Бердичевъ—и обратно. Но дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ пассажирами Х—ель возилъ и все только-что украденное или ограбленное, передавалъ это куда слѣдуетъ, а затѣмъ уже эта «кладь» увозилась далѣе по желѣзнымъ дорогамъ. Этотъ еврей игралъ также, во время рекрутскихъ наборовъ и роль посредника между дающими и принимающими; онъ же былъ казначеемъ всѣхъ хмѣльникскихъ чиновниковъ, получавшихъ свое жалованье въ Литинѣ и не желавшихъ почему-либо ѣхать туда, ради лишь полученія жалованья. Х—лю давались довѣренности, онъ получалъ изъ казначейства деньги и, удерживая себѣ за коммиссію и хлопоты 1%, остальное возвращалъ по принадлежности очень аккуратно. Этого фурмана побаивались и евреи, и мѣщане-христіане. Въ моей камерѣ, напр., былъ однажды такой случай.

У одного подгороднаго мужичка, довольно зажиточнаго человѣка, пропала доморощенная и очень цѣнная лошадь, по прозванью «Мальчикъ»; ее увели ночью изъ запертой на замокъ конюшни, разломавъ стѣну, выходившую на улицу. Мужичекъ, выйдя въ ту же ночь, подъ утро, на дворъ, замѣтилъ пропажу и бросился верхомъ по свѣжему слѣду, который и привелъ его прямо въ Хмѣльникъ; но тутъ, въ городѣ, слѣдъ уже, конечно, былъ затоптанъ и затерялся. Хозяинъ хорошо зналъ, что его лошадь не погонятъ изъ города днемъ и что она гдѣ-нибудь спрятана, и придумалъ очень оригинальный способъ для открытія

мѣстопребыванія своего дорогаго коня: крестьянинъ и его два сына, прибывшіе къ отцу на помощь, стали, съ наступленіемъ сумерокъ, когда стихъ городской шумъ на улицахъ, ходить по всѣмъ подозрительнымъ закоулкамъ, гдѣ имѣлись дома и хаты хорошо извѣстныхъ конокрадовъ, и приближаясь къ ихъ жилью, громко выкрикивали имя своей лошади: «Мальчикъ! Мальчикъ! Мальчикъ!!» зная, что конь настолько привыкъ къ своимъ хозяевамъ и ихъ голосу, что непремѣнно отзовется — заржётъ. И вотъ, подойдя, часовъ уже въ девять вечера (дѣло было осенью), къ дому одного извѣстнаго хохла-конокрада, хозяинъ-отецъ только-что успѣлъ громко крикнуть имя своего коня, какъ онъ въ отвѣтъ звонко и продолжительно заржалъ прямо «изъ хаты». Крестьянинъ—человѣкъ рослый и сильный—бросился къ сѣнямъ хаты и сталъ стучаться. Въ сѣняхъ послышался шорохъ и возня, но отвѣта не было; тогда, мужичекъ поналегъ на сѣнную дверь плечомъ и вышибъ ее съ петель. Въ сѣняхъ было темно, но по запаху свѣжаго навоза хозяинъ догадался, что конь его тутъ. Въ это время изъ хаты пріотворилась немного дверь, раздались брань и проклятія, — конокрадъ пригрозилъ «убить» ворвавшагося къ нему хозяина лошади. Но мужичекъ не струсилъ:

— Кто кого убьетъ—это еще неизвѣстно: я вѣдь тоже не съ пустыми руками къ тебѣ пришелъ! отвѣчалъ крестьянинъ, намекая на то, что при немъ имѣется оружіе.

— Чего тебѣ нужно здѣсь? спросилъ воръ.

— Коня своего нужно взять—вотъ чего! Выноси огня сюда скорѣй!

Но воръ скрылся въ хату и заперъ дверь извнутри, а самъ выпрыгнулъ чрезъ окно на улицу и побѣжалъ куда-то...

Мужичекъ сталъ, ощупью, подвигаться въ сѣняхъ и дошелъ, наконецъ, до своего коня, которому воръ уже успѣлъ обмотать веревкою храпъ, чтобы онъ не заржалъ вновь. Хозяинъ отвязалъ коня, вывелъ его на дворъ и закричалъ «караулъ». Сбѣжались сосѣди, узнали, въ чемъ дѣло, вошли къ вору въ хату и застали тамъ его жену, которая объяснила, что она спала и ничего-де не знаетъ и что никакой лошади у нихъ въ сѣняхъ не было; но крестьянинъ указалъ всѣмъ собравшимся на объѣденное сѣно и свѣжій конскій помётъ, бывшіе въ сѣняхъ, и дальше запираться было безполезно, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ сосѣдей сообщили мужичку, что видѣли, какъ въ тотъ самый день, рано утромъ, эту лошадь привелъ къ вору на дворъ «фурманъ Х—ель». Затѣмъ, на мѣсто происшествія явился полицейскій надзиратель и волей-неволей долженъ былъ составить протоколъ обо всемъ происшедшемъ.

Какъ только поступило ко мнѣ это дѣло, то я, первымъ долгомъ, распорядился арестовать, впредь до разбора дѣла, вора, котораго разыскали на другой же день въ какомъ-то кабакѣ, и назначилъ, вскорѣ

же, по горячимъ слѣдамъ, и разбирательство—что-то черезъ два или три дня по поступленіи ко мнѣ полицейскаго протокола, въ которомъ, однако, не было упомянуто о Х—елѣ ни однимъ словомъ; но объ его участіи въ этомъ дѣлѣ я уже зналъ раньше отъ самого владѣльца лошади, являвшагося въ мою камеру справляться, когда именно я вызову его на судъ.

Передъ разборомъ дѣла, я увидѣлъ, что въ мѣстахъ для публики, на самой задней лавкѣ, сидитъ фурманъ Х—ель, а свидѣтели робко на него поглядываютъ и перешептываются между собою. Приступаю къ разбирательству дѣла, предваряю свидѣтелей о присягѣ, удаляю ихъ въ особую комнату и начинаю допрашивать потерпѣвшаго; онъ разсказываетъ всѣ обстоятельства этого интереснаго дѣла, вспоминая почти съ умиленіемъ, какъ «конекъ», почуявъ его голосъ, отозвался изъ сѣней. Затѣмъ, онъ упоминаетъ то, что по показанію свидѣтелей его лошадь привелъ къ вору, на разсвѣтѣ, фурманъ Х—ель. Обвиняемый отрицалъ все это, объясняя, что онъ ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ, что онъ цѣлый день просидѣлъ въ кабакѣ и не видѣлъ, кто и когда поставилъ къ нему въ сѣни лошадь. Сталъ я вызывать, по-одиночкѣ, свидѣтелей; напоминаю имъ еще разъ о томъ, что свои показанія имъ, можетъ быть, придется подтвердить на съѣздѣ присягою, и, затѣмъ, допрашиваю ихъ; но ни одинъ человѣкъ не посмѣлъ-таки упомянуть имя страшнаго фурмана, и я ничего не могъ подѣлать. Интересно было также слѣдующее обстоятельство: какъ только я допросилъ послѣдняго свидѣтеля, то Х — ель, даже не интересуясь дальнѣйшимъ ходомъ дѣла и предстоящимъ приговоромъ, преспокойно поднялся съ своего мѣста и ушелъ изъ камеры. Значитъ, онъ все-таки побаивался свидѣтелей и находилъ ихъ не вполнѣ надежными, если призналъ нужнымъ присутствовать лично при ихъ показаніяхъ, наводя на нихъ страхъ одною своею атлетическою фигурою и чисто-разбойничьею физіономіей [1]).

До чего иногда евреи бываютъ дерзки, отважны и отчаянны, я

[1]) Въ описываемое мною время, дерзость конокрадовъ въ Подольской губерніи достигла слѣдующихъ крайнихъ предѣловъ: они, напримѣръ, потребовали контрибуцію (о которой я упоминалъ во II-ой главѣ настоящихъ записокъ) за лошадей, въ имѣніи графа Потоцкаго Колюбобинцы, въ Винницкомъ уѣздѣ; въ этомъ имѣніи была камера мирового судьи Жданова,—и, по его совѣту, управляющій имѣніемъ отказалъ въ требуемой дани. Тогда, конокрады рѣшили тотчасъ же наказать виновнаго: въ первый же съѣздъ, какъ только Ждановъ отправился въ Винницу на графскихъ лошадяхъ, воры очень ловко украли этихъ лошадей со двора гостиницы, гдѣ остановился судья, —и никакіе розыски потомъ не помогли дѣлу: и воры, и кони такъ и не были разысканы, и исчезли безслѣдно.

имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ же Хмѣльникѣ еще изъ одного дѣла, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ былъ другой еврей, въ родѣ Х—еля, но только не такой преступный. Одинъ молодой человѣкъ, по имени Пивень, уклоняющійся отъ воинской повинности, былъ изловленъ мѣстною полиціей гдѣ-то въ погребѣ, куда онъ запрятался, и посаженъ, впредь до пріема въ воинскомъ присутствіи, за рѣшетку, подъ замокъ Такъ какъ это былъ очень рослый и сильный человѣкъ, то за нимъ приглядывали очень внимательно изъ опасенія, какъ бы онъ не убѣжалъ и не спрятался бы вновь. Въ виду того, что арестованный не могъ питаться однимъ воздухомъ, а кормовыя деньги шли, обыкновенно, въ карманъ полицейскаго надзирателя, то женѣ Пивеня и дозволено было разъ въ день приносить ему пищу. И вотъ, принесетъ еврейка обѣдъ, дастъ, «изъ ласки», караульщикамъ на кварту горѣлки, а сама подойдетъ къ рѣшеткѣ и замку, висящему на двери, и громко разговариваетъ—конечно, по еврейски—съ своимъ молодымъ супругомъ. Если при этомъ шевельнется иногда и звякнетъ замокъ, то задобренные и уже подвыпившіе десятскіе, которыхъ было трое, не обращали на это никакого вниманія. Однажды, въ пятницу вечеромъ, еврейка попросила у полицейскаго ключника позволенія посидѣть съ мужемъ, по случаю наступавшаго еврейскаго праздника, долѣе обыкновеннаго, что̀ ей и было дозволено. Тогда она послала одного изъ десятскихъ за водкой—какъ-бы желая выпить, по поводу шабаша, вмѣстѣ съ мужемъ,—и когда водку принесли, то она и ея мужъ, дѣйствительно, выпили по рюмкѣ, а остальное отдали десятскимъ, и когда тѣ порѣшили водку до конца, то добрая еврейка послала за полдюжиною пива, которое тоже почти все ушло въ полицейскія утробы. Затѣмъ, жена Пивеня послала одного изъ десятскихъ, болѣе сильнаго и не столько захмелѣвшаго, еще за пивомъ. Но едва онъ вышелъ и скрылся изъ виду, какъ еврейка тихохонько отперла заранѣе подобраннымъ ключомъ висящій на двери арестантской камеры замокъ, а Пивень сильнымъ движеніемъ распахнулъ дверь, пробѣжалъ чрезъ кордегардію, ткнулъ вскочившихъ-было и загородившихъ ему дорогу десятскихъ—и былъ таковъ! Когда третій десятскій вернулся съ пивомъ, то не засталъ ни арестованнаго еврея, ни его супруги, которые канули какъ въ воду и появились въ Хмѣльникѣ лишь нѣсколько лѣтъ спустя, когда вся эта исторія забылась и заглохла и даже попала подъ манифестъ.

Въ моей камерѣ, за время моей службы мировымъ судьею, случались не разъ очень интересныя и характерныя дѣла, рисующія мѣстные условія и нравы. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ разсказаны выше, другія же дѣла, несмотря на ихъ интересъ, я не нахожу возможнымъ передавать здѣсь, по ихъ скандалезности и малоприличію. Такое именно дѣло разбиралось, напримѣръ, мною по жалобѣ подполковницы Ч—ской,

побитой докторомъ И — скимъ на улицѣ среди бѣлаго дня палкою.

Другое дѣло, собравшее въ мою камеру тоже многочисленную публику, имѣло совершенно иной интересъ и заключалось въ слѣдующемъ.

По случаю одного высокоторжественнаго дня, мѣстный мировой посредникъ просилъ всѣхъ интеллигентовъ г. Хмѣльника, въ томъ числѣ и меня, «почтить своимъ присутствіемъ народное училище», гдѣ предполагался торжественный молебенъ. Собрались мы въ училище, прослушали молебенъ съ прекрасными пѣвчими, набранными изъ дѣтей же, и когда все это было покончено, посредникъ пригласилъ насъ «выпить бокалъ шампанскаго» во здравіе виновника торжества. Взяли мы въ руки бокалы, посредникъ провозгласилъ тостъ, крикнулъ «ура» —и поднесъ-было свой бокалъ ко рту, желая его выпить. То же сдѣлали и всѣ другіе гости; но почти никто не въ силахъ былъ проглотить и нѣсколькихъ капель, такъ какъ вино, налитое въ бокалы, было «качества зѣло гнуснаго», какъ выразился потомъ на судѣ одинъ изъ гостей, глотнувшій-таки этого «шампанскаго». Вышло крайне неловкое и непріятное положеніе—въ особенности, если принять во вниманіе, что свидѣтелями не выпитаго тоста были присутствовавшіе здѣсь крестьяне, съ волостнымъ старшиною во главѣ, и масса дѣтей, учениковъ народнаго училища.

Сильно переконфуженный посредникъ распорядился послать верховаго въ другую лавку, за другимъ шампанскимъ, и въ то же время, приказалъ взять счетъ на имя старшины, изъ виннаго погреба купца Бронштейна, отпустившаго «зѣло гнусное» вино. Вотъ этотъ-то самый «счетъ»—за три бутылки 18 рублей—и поступилъ ко мнѣ при прошеніи волостнаго старшины, взявшаго на себя, по приказанію посредника, обязанность уголовнаго преслѣдованія купца Бронштейна по 115 ст. Уст. о нак., налагаемыхъ мировыми судьями (это былъ тотъ самый старшина, который впослѣдствіи окончилъ свою жизнь такъ трагически, во время рекрутскаго набора).

Я не отвелъ себя отъ разбора этого дѣла по той причинѣ, что, хотя и былъ приглашенъ на торжество, но предложеннаго вина даже и не попробовалъ. Дѣло это представляло для хмѣльничанъ большой интересъ, во-первыхъ потому, что обвинялся чуть ли не самый богатый купецъ въ Хмѣльникѣ; а во-вторыхъ—и это самое главное—всѣхъ вообще, а купцовъ въ особенности, интересовалъ вопросъ: будетъ ли наказанъ поступокъ торговца, или нѣтъ, т. е. говоря иными словами: можно ли безнаказанно продавать публикѣ испортившееся и никуда негодное вино?

Къ разбору дѣла мнѣ пришлось вызвать почти всю хмѣльникскую интеллигенцію мужескаго пола въ качествѣ свидѣтелей. Къ крайней

досадѣ моей и всей публики, Бронштейнъ не явился къ разбору дѣла, безъ всякаго объясненія причинъ своей неявки, и я, назначивъ это дѣло черезъ три дня вновь, распорядился о приводѣ обвиняемаго въ мою камеру чрезъ полицію. Причина же неявки Бронштейна заключалась, какъ я узналъ послѣ, въ томъ, что его адвокатъ Гольденбергъ не успѣлъ пріѣхать въ Хмѣльникъ вб-время.

На второй разъ камера моя была такъ полна, что не хватало мѣстъ для публики, и любопытные стояли въ проходахъ между скамьями. Между прочимъ, я увидѣлъ въ числѣ публики и бывшаго мирового судью Е—скаго, который держалъ передъ собою бумагу и карандашъ, собираясь, очевидно, записывать «дѣло», дабы «предать его гласности». Самъ Бронштейнъ вновь не явился и, чрезъ своего адвоката, представилъ на судъ медицинское свидѣтельство о своей болѣзни, и защитникъ просилъ разбирать дѣло въ отсутствіе обвиняемаго.

При судоговореніи выяснилось, что купить три бутылки шампанскаго явился въ погребъ Бронштейна помощникъ волостного старшины, и хозяинъ, видя, что пришелъ мужичекъ, сказалъ что-то по-еврейски своему приказчику, который, спустившись въ подвалъ, вынесъ оттуда, вмѣсто требуемаго шампанскаго, три бутылки шипучаго донскаго вина, которое, вдобавокъ, оказалось прокисшимъ и никуда негоднымъ. «Гнусное качество» отпущеннаго вина подтвердили и всѣ тѣ интеллигенты, которые имѣли мужество пригубить этотъ отвратительный напитокъ, или же и проглотить его немножко.

Адвокатъ, всячески обѣляя своего кліента, доказывалъ, что онъ въ этомъ «торговомъ недоразумѣніи» чистъ какъ голубь; что онъ «приказалъ» приказчику отпустить н а с т о я щ а г о шампанскаго,—и что, слѣдовательно, на приказчика лишь и можетъ падать «нѣкоторая» отвѣтственность за «ошибку», такъ какъ вино стояло внизу, въ темномъ подвалѣ, и было, поэтому, перепутано: вмѣсто шампанскаго, отпустили донскаго, а что если-де и это послѣднее вино оказалось «слегка испортившимся», то тутъ уже не виноватъ ни хозяинъ, ни приказчикъ, потому что вино это получается въ разлитомъ видѣ, въ бутылкахъ, закупориваемыхъ на мѣстѣ разлива, въ станицахъ Донскаго войска.

Однако, я не внялъ всѣмъ этимъ разглагольствованіямъ Гольденберга и приговорилъ купца Бронштейна къ штрафу въ 25 рублей и къ уплатѣ волостному старшинѣ, заявившему, во время разбора дѣла, гражданскій искъ, 18-ти рублей—къ величайшему удовольствію всей собравшейся въ камеру интеллигентной и чиновной публики и къ крайнему неудовольствію евреевъ.

Когда я прочелъ приговоръ, то адвокатъ обвиняемаго былъ такъ удивленъ и, главное, разсерженъ, что, подписывая «приговоромъ недо-

воленъ», трясся какъ въ лихорадкѣ. Впослѣдствіи я узналъ причину этой тряски.—Бронштейнъ нанялъ его на слѣдующихъ условіяхъ: въ случаѣ полнаго оправданія, Гольденбергъ получаетъ сто рублей и путевые расходы; при обвиненіи и приговорѣ къ аресту—лишь 25 рублей; при денежномъ же штрафѣ—сторублевый гонораръ уменьшается пропорціонально количеству наложеннаго взысканія. Слѣдовательно, я невольно лишилъ 25-ти рублей этого все таки талантливаго и не глупаго адвоката еврея. Между тѣмъ самъ Бронштейнъ, не обращая никакого вниманія на «неудовольствіе» своего защитника, остался моимъ приговоромъ очень доволенъ, такъ какъ, въ виду взмыленности всего этого дѣла, онъ ожидалъ неминуемаго ареста: черезъ два дня онъ явился въ мою камеру и смиренно положилъ на столъ свой штрафъ 25 рублей. Дѣло это, впрочемъ, обошлось обвиняемому нѣсколько дороже, такъ какъ онъ, кромѣ гонорара адвокату, уплатилъ еще и полицейскому надзирателю Шав—скому 25 рублей за неприводъ его на судъ и за надлежащее, совмѣстно съ врачемъ, удостовѣреніе о его мнимой болѣзни. Такимъ образомъ, юбилейное торжество доставило неожиданный доходъ и казнѣ, въ видѣ 25-ти рублей штрафныхъ, и адвокату, и даже хмѣльникскому полицейскому надзирателю, который съумѣлъ и тутъ извлечь выгоду и «сорвать» свое.

XIII.

Ревизія Ж — ова стала забываться. — Таинственная смерть судебнаго пристава Б — скаго.—Введеніе въ Подоліи окружнаго суда.—Судебный слѣдователь Щ—кинъ и его увольненіе.—Внезапные результаты ревизіи Ж—ова.—«Съѣздъ—это Я».—Проводы М—ича.—Громкое дѣло графа М—ова.—Назначеніе новыхъ судей и первый съѣздъ.—Судья К—усъ и его индѣйки. — Моя рѣшимость оставить службу.—Неосторожное письмо къ М—ичу.—Ревизія надъ ревизіей.—Все хорошо, такъ какъ хорошо кончилось.

Прошла осень, наступила зима, наконецъ весна, а о ревизіи Ж—ова, то есть о результатахъ ея, не было ни слуху, ни духу. Мировой судья Л—узъ давно уже повеселѣлъ и совсѣмъ забылъ о той грозѣ, которая висѣла надъ его головой: онъ, попрежнему, предсѣдательствовалъ въ нашемъ съѣздѣ и точно также лѣнился и эпикурействовалъ. Обязанности мирового судьи 1-го участка, вслѣдствіе внезапнаго умопомѣшательства К — скаго, исполнялъ я, а назначенный министерствомъ г. М—ковъ все еще продолжалъ считаться судьею нашего Л—скаго округа, и на его мѣсто никто назначенъ не былъ.

Въ это время, въ раіонѣ моего участка, случилось одно непріятное

и прискорбное событіе, надѣлавшее мнѣ большихъ хлопотъ и глубоко огорчившее меня. У насъ въ съѣздѣ служилъ одинъ неважный чинушъ, нѣкто Б—скій, помощникомъ секретаря; когда я пріѣхалъ на должность судьи и перезнакомился со всѣми чиновниками, то нашелъ въ Б—скомъ милаго, честнаго и чрезвычайно трудолюбиваго человѣка— и познакомился съ нимъ довольно близко. Когда ушелъ отъ насъ болѣзненный секретарь, то Б—скій былъ назначенъ на его мѣсто; а когда вскорѣ я сплавилъ отъ себя изъ Хмѣльника недобросовѣстнаго судебнаго пристава, то мой любимецъ былъ назначенъ на его мѣсто. Лѣтомъ, мнѣ дали знать, что близъ мѣстечка Старая-Синява умеръ одинъ изъ богатѣйшихъ польскихъ помѣщиковъ, и я тотчасъ же поручилъ судебному приставу сдѣлать надлежащую охрану и опись оставшагося имущества, до прибытія единственнаго наслѣдника, находившагося за границей. Б—скій живо собрался и уѣхалъ въ командировку, а черезъ два дня становой извѣстилъ меня, что нашъ судебный приставъ «внезапно скончался отъ неизвѣстныхъ причинъ»... Я тотчасъ же выѣхалъ на мѣсто событія и засталъ несчастнаго Б—скаго уже на столѣ и въ гробу, совсѣмъ приготовленнаго къ похоронамъ. Изъ разспросовъ прислуги, находившейся во флигелѣ, гдѣ проживалъ бѣднякъ, я и становой заключили, что его смерть послѣдовала отъ удара, и, не желая поднимать никакихъ исторій и подвергать трупъ покойнаго вскрытію и прочимъ мытарствамъ, распорядились похоронами несчастнаго, погибшаго, подобно воину, на своемъ посту, при честномъ исполненіи своего служебнаго долга. Болѣе всего мнѣ казалось страннымъ, что въ бумагахъ покойнаго я не нашелъ почти никакихъ слѣдовъ его работъ по описи охраняемаго имущества, производившихся въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней, предшествовавшихъ его внезапной и необъяснимой смерти. Какъ теперь, вижу этого несчастнаго, лежащаго въ гробу, одѣтаго въ форменный вицъ-мундиръ, со сложенными иа груди руками, съ головою, склоненною на бокъ и застывшимъ на устахъ выраженіемъ величайшаго страданія. Еще болѣе состраданія вызывало положеніе его жены и трехъ маленькихъ дѣтей, ожидавшихъ съ нетерпѣніемъ отца, пообѣщавшаго привести имъ «гостинцевъ»—и такъ и не дождавшихся его.

Въ апрѣлѣ съѣхались мы на съѣздъ и узнали объ очень пріятной новости: съ 1-го іюля въ Каменцѣ долженъ былъ открыться окружный судъ, давно жданный и желанный въ Подольской губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошла нѣкоторая перетасовка судебныхъ слѣдователей: изъ нашего уѣзда убрали совсѣмъ, «за штатъ», одного очень отважнаго и недобросовѣстнаго молодаго человѣка, нѣкоего Щ—ина, который, напр., дѣлалъ такія экскурсіи въ область лихоимства: какъ только онъ проигрывался въ карты и ему встрѣчалась надобность въ деньгахъ, а

взять ихъ или занять было не у кого, то слѣдователь бралъ безплатно, конечно, земскихъ лошадей и направлялся въ какой-нибудь уголокъ уѣзда, гдѣ онъ еще не успѣлъ побывать, и, останавливаясь въ еврейскихъ корчмахъ, постоялыхъ дворахъ и у мелкихъ лавченокъ, начиналъ провѣрять правильность вѣсовъ и мѣръ; а такъ какъ всѣ они въ большинствѣ оказывались фальшивыми и невѣрными, то изобрѣтательный судебный слѣдователь тотчасъ же опечатывалъ всѣ эти вещественныя доказательства еврейской плутовской торговли, а затѣмъ уже, какъ водится, бралъ контрибуцію. Въ концѣ-концовъ онъ успѣлъ такъ хорошо выдрессировать евреевъ по этой части, что, отправляясь въ экскурсіи и останавливаясь у намѣченныхъ пунктовъ, могъ, иногда, совсѣмъ не выходить изъ экипажа: хозяинъ, снявъ ермолку и низко кланяясь, подходилъ къ Щ—ину и прямо объявлялъ:

— Ваше высокоблагородіе! не безпокойте себя напрасно, у меня такіе же вѣсы и гири, и мѣры, какъ и у всѣхъ. Затѣмъ, слѣдовалъ поклонъ, врученіе «контрибуціи», и судебный слѣдователь ѣхалъ далѣе. Между тѣмъ, предшественникъ Щ—ина, нѣкто М—ичъ, былъ, вѣроятно, въ силу закона контрастовъ и противорѣчій, такимъ милымъ и честнѣйшимъ человѣкомъ, о которомъ, можетъ быть, и до сихъ поръ вспоминаютъ въ Литинскомъ уѣздѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ. Когда онъ отъ насъ уходилъ секретаремъ къ прокурору московской судебной палаты, то не было, кажется, ни одного человѣка изъ знавшихъ его, кто не пожалѣлъ бы объ его уходѣ: точно предчувствовали всѣ, какими противоположными качествами будетъ отличаться его преемникъ.

Отбыли мы на апрѣльскомъ съѣздѣ свои засѣданія, разсмотрѣли всѣ дѣла и уже собирались было разъѣзжаться по своимъ участкамъ, какъ подаютъ намъ почту, и въ послѣднемъ номерѣ «Правительственнаго Вѣстника» мы вдругъ читаемъ позднѣйшій приказъ по министерству юстиціи, коимъ увольнялась въ Подольской губерніи почти треть наличнаго числа мировыхъ судей. Въ нашемъ литинскомъ съѣздѣ изъ четырехъ судей было уволено трое: не прибывшій къ мѣсту своего служенія г. М—овъ, М—ичъ и Л—узъ; послѣдніе двое увольнялись безъ прошеній, «съ причисленіемъ къ министерству»...

Мнѣ крайне жаль было обоихъ этихъ судей, моихъ товарищей. Л—узъ оставался въ самомъ ужасномъ положеніи: никакихъ средствъ, долги, жена и восемъ человѣкъ дѣтей, изъ коихъ самой старшей дочери было 15 лѣтъ и, вдобавокъ, всѣ дѣти жили при родителяхъ. Отецъ ихъ не заслуживалъ, конечно, никакого сожалѣнія, но ни въ чемъ неповинная семья его была, по-истинѣ, несчастною. М—ичъ, прослужившій въ той же Подольской губерніи долгое время вице-губер-

наторомъ, человѣкъ, такъ сказать, заслуженный, убѣленной сѣдинами, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ въ Л—скомъ уѣздѣ, получившій отъ Ж—ова во время ревизіи такія лестныя похвалы его «образцовому» исполненію судейскихъ обязанностей, былъ опозоренъ совершенно незаслуженно, и мы всѣ, конечно, хорошо понимали, что это была мелкая, личная месть Ж—ова за то, что М—ичъ осмѣливался поставить ревизора въ извѣстность о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, когда тотъ сталъ-было помыкать нами, какъ своими сенатскими писцами.

Одинъ я въ нашемъ съѣздѣ уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ и очутился не только въ трудномъ, но отчасти и въ комическомъ положеніи, представляя изъ себя и судью четырехъ мировыхъ участковъ, и непремѣннаго члена, и предсѣдателя—словомъ, весь л—скій съѣздъ. Объ отъѣздѣ изъ Литина нечего было, конечно, и думать: началась сдача дѣлъ, архивовъ, денежныхъ суммъ, инвентаря. М—ичъ, какъ человѣкъ умный и рѣшительный и пострадавшій ни за̀ что, ни про̀ что, объявилъ, что онъ ликвидируетъ всѣ свои дѣла въ Литинскомъ уѣздѣ, продаетъ имѣніе и ѣдетъ въ Петербургъ, для подачи прошенія въ Верховную распорядительную коммиссію (въ то время существовавшую) о снятіи съ него незаслуженнаго пятна, т. е. о выдачѣ ему чистаго формуляра, гдѣ не стояли бы позорящія слова: тогда-то и такимъ-то приказомъ «уволенъ отъ должности съ причисленіемъ къ министерству» - съ пропускомъ словъ: «согласно прошенію». Пока, онъ попросилъ меня выдать ему изъ съѣзда его прежній аттестатъ о службѣ, когда онъ уволился отъ должности вице-губернатора. Я хотя и зналъ, что желаніе его незаконно, такъ какъ изъ этого аттестата не явствовало, что онъ служилъ затѣмъ пять лѣтъ мировымъ судьею и былъ уволенъ отъ должности, но, тѣмъ не менѣе, рѣшился исполнить его просьбу и исправилъ, такъ сказать, несправедливость свыше. Затѣмъ, когда всѣ мои служебныя распоряженія были покончены и оставалось лишь распроститься съ уволенными судьями и отпустить ихъ съ миромъ, М—ичъ пригласилъ меня, Л—уза, почетнаго мирового судью К—ича и всѣхъ служащихъ въ съѣздѣ къ себѣ въ имѣніе, въ гости, чтобы проститься съ нами. Мы всѣ съ удовольствіемъ приняли его приглашеніе и рѣшили ѣхать къ нему и проводить его съ честью.

«Такъ кончился съѣздъ нашъ бѣдою!..»

Въ имѣніи М—ича, куда я и всѣ чины съѣзда вскорѣ же собрались для его проводовъ, я засталъ не малое общество. Хозяинъ встрѣтилъ меня очень радушно и показалъ черновую своего письма, отправленнаго «въ собственныя руки» министру юстиціи. Въ письмѣ своемъ онъ, не излагая никакихъ подробностей о бывшей ревизіи Ж—ова, ходатайствовалъ лишь объ одномъ, чтобы г. министръ его принялъ и выслу-

шалъ. «Я на-дняхъ ликвидирую здѣсь всѣ свои дѣла, писалъ М—ичъ, и, затѣмъ, ѣду въ Петербургъ для того, чтобы посвятить все мое время на хлопоты о снятіи незаслуженнаго позора съ моей сѣдой головы. Я не осмѣлюсь причинять вашему в—ству никакихъ безпокойствъ и не буду ни о чемъ просить и ходатайствовать: я лишь желаю быть принятымъ вами и милостиво выслушаннымъ»...

— Если же не добьюсь своего въ министерствѣ, говорилъ мнѣ М—ичъ, то у меня останется еще одинъ ходъ—къ графу Лорисъ-Меликову...

Я вполнѣ соглашался съ тѣмъ, что ему оставаться въ такомъ положеніе невозможно, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ я зналъ, получилъ уже конфиденціальное письмо отъ нашего товарища прокурора Д—скаго, въ которомъ ему, отъ имени министерства конечно, предлагалось подать въ мѣсячный срокъ прошеніе объ отставкѣ; «въ противномъ же случаѣ, сказано было въ концѣ письма, вы будете уволены отъ службы, безъ прошенія».

— Вѣдь у меня взрослыя дѣти, сынъ офицеромъ,—вѣдь мнѣ просто стыдно будетъ предъ ними, если я ничего не предприму для своего оправданія! говорилъ мнѣ М—ичъ, тяжко вздыхая.

Домъ и садъ въ имѣніи М—ича оказались очень старинными и уютными: тѣнистыя каштановыя аллеи, масса розовыхъ, жасминныхъ и сиреневыхъ кустовъ и совсѣмъ темныхъ, въ зелени, бесѣдокъ, прелестный воздухъ, пѣніе безчисленныхъ соловьевъ въ кустахъ... Свое земельное хозяйство М—ичъ, занятый службой, не могъ вести самъ и все сдавалъ въ аренду, сосѣднимъ крестьянамъ, съ которыми жилъ очень дружно и хорошо. Очевидно, онъ, живя, какъ говорится, «на лонѣ природы», былъ въ то же время весь отданъ своей службѣ и должности судьи, въ которой не имѣлъ себѣ никакого помощника, даже въ видѣ письмоводителя, а потому мнѣ хорошо понятна была и его скорбь, когда его уволили отъ этихъ излюбленныхъ имъ трудовъ и занятій, и его рѣшимость бросить все и ѣхать «искать справедливости...

Возвращаясь отъ М—ича, я заѣхалъ къ одному знакомому помѣщику и, между прочимъ, встрѣтилъ тамъ нѣкоего графа М—ова, его сосѣда по имѣнію, очень интересную личность по тому громкому уголовному дѣлу, въ которомъ этотъ благовоспитанный и чрезвычайно симпатичный человѣкъ когда-то обвинялся. Дѣло это настолько загадочно и, въ то же время, интересно, что я нахожу неизлишнимъ привести его здѣсь, на страницахъ моихъ «записокъ». Считаю только необходимымъ оговориться, что передаю дѣло въ томъ видѣ и въ той редакціи, какъ я слышалъ о немъ отъ многихъ лицъ, на мѣстѣ, въ Л—скомъ уѣздѣ. Очень можетъ быть, что на судѣ дѣло графа М—ова

излагалось иначе,—я этого не знаю, такъ какъ судебныхъ отчетовъ по этому дѣлу нигдѣ и никогда не встрѣчалъ.

Графъ М—овъ жилъ въ имѣніи съ своею матерью, и былъ холостой молодой человѣкъ лѣтъ 25—30-ти не болѣе, когда его постигло слѣдующее горе-злосчастіе. Однажды, зимою, онъ былъ въ гостяхъ у сосѣдняго священника, тоже молодаго еще человѣка, супруга котораго, красивая женщина лѣтъ 25-ти, получила гимназическое образованіе, но была бездѣтна и скучала. Выѣхалъ онъ изъ гостей поздно вечеромъ, часовъ въ 11, на маленькихъ саночкахъ, съ мѣстомъ для кучера впереди, запряженныхъ въ одну лошадь, управляемую мѣстнымъ парнемъ лѣтъ 20-ти, помощникомъ конюха, отличавшимся замѣчательною южно-русскою красотою, при высокомъ ростѣ и богатырскомъ тѣлосложеніи. На этого красавца-конюха заглядывались, говорятъ, не однѣ лишь мѣстныя Одарки и Горпины... Часовъ въ 12 ночи графъ возвратился домой одинъ и объяснилъ встрѣтившей его у крыльца дома прислугѣ, что они, ѣдучи изъ гостей, сбились съ дороги, кучеръ пошелъ ее отыскивать и къ санямъ уже не вернулся—вѣроятно тоже заплуталъ и остался гдѣ-нибудь у стога, въ степи, или попалъ въ какую-нибудь деревню. Такъ какъ ночь была очень темная и морозная, а дорогу слегка задувало и запорошивало снѣжкомъ, то въ этой фразѣ графа ничего не было такого невѣроятнаго, чему могла бы не повѣрить встрѣтившая его прислуга; имъ показалось какъ-то страннымъ только одно, что баринъ не распорядился тотчасъ же послать людей, верхами и въ санкахъ, разыскивать кучера. Это сдѣлано было графомъ лишь на другой день: посланы были люди, которые и нашли кучера въ полѣ, недалеко отъ дороги, замерзшимъ. Доложили объ этомъ графу, который и приказалъ дать знать о происшествіи мѣстному становому приставу, а около трупа сельскій староста поставилъ надлежащій караулъ.

На другой день, въ обѣдъ, пріѣхалъ становой, осмотрѣлъ трупъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ и замерзъ, и приказалъ перевести его въ фольваркъ, въ имѣніе графа. Пока все шло обыкновеннымъ путемъ и ничего подозрительнаго даже никому и въ голову не приходило. Привезли кучера на барскій дворъ и положили пока въ пустомъ амбарѣ, давъ знать о его смерти роднымъ, проживавшимъ въ томъ селѣ, гдѣ графъ былъ, за два дня передъ тѣмъ, въ гостяхъ у священника. Между тѣмъ, становой составилъ надлежащій протоколъ, далъ подписать его мѣстному старшинѣ, сотскому и понятымъ, получилъ отъ графа, «за безпокойство», что слѣдуетъ и остался до утра въ фольваркѣ, рѣшивъ переночевать тутъ, съ тѣмъ, чтобы завтра утромъ уѣхать къ себѣ, въ становую квартиру.

Часовъ въ девять вечера пріѣхали родные кучера: отецъ, мать, два

брата и сестра, и попросили у станового позволенія взять трупъ и внести его въ теплую хату, чтобы онъ оттаялъ, дабы они могли, на завтра, обмыть его и «обрядить». Становой, конечно, разрѣшилъ имъ это, и все дѣло, казалось, было покончено. Но вышло совсѣмъ иное...

Рано утромъ, когда становой еще крѣпко спалъ въ отведенной ему во флигелѣ комнатѣ, къ нему явились родные умершаго кучера и заявили, что когда покойникъ оттаялъ, и они, на разсвѣтѣ, приступили-было къ его обмыванію и обряженію, то замѣтили, что подъ головою у него, за ночь, натекла кровь, а когда, въ виду этого обстоятельства, они стали внимательно осматривать и ощупывать голову, то замѣтили въ затылкѣ, въ густыхъ волосахъ покойника, маленькую круглую дырочку, изъ которой, очевидно, и натекла кровь. Выходило дѣло очень серьезное. Становой, живо одѣвшись, прошелъ въ людскую избу, гдѣ на лавкѣ лежалъ совершенно уже оттаявшій покойникъ, осмотрѣлъ его и убѣдился въ справедливости заявленія. Вскорѣ пришелъ въ людскую и самъ графъ, сильно блѣдный и видимо смущенный. Онъ еще разъ повторилъ становому свой прежній разсказъ—то-есть, все то, что онъ говорилъ, возвратясь изъ гостей и своей прислугѣ,—именно, что кучеръ пошелъ отыскивать дорогу и не вернулся уже къ санямъ, но, на этотъ разъ, никто уже не могъ ему повѣрить, и становой, нарядивъ у трупа сызнова надлежащій караулъ, поскакалъ съ донесеніемъ къ исправнику и судебному слѣдователю.

На другой же день, утромъ, прибыли на мѣсто происшествія слѣдователь, исправникъ и уѣздный врачъ, въ сопровожденіи того же самаго станового и понятыхъ. Но ихъ ожидало совершенно новое и необычайное обстоятельство: въ ночь передъ ихъ прибытіемъ, у трупа, неизвѣстно кѣмъ, была отрѣзана и похищена голова. Полетѣли, конечно, депеши и донесенія въ Каменецъ къ губернатору и губернскому прокурору; пошелъ шумъ и говоръ по Литинскому уѣзду, а затѣмъ и по всей губерніи. Родъ графовъ М—овыхъ былъ однимъ изъ древнихъ и все еще довольно богатыхъ родовъ; въ Подольской губерніи и въ самомъ Петербургѣ они занимали еще въ очень недавнее время довольно высокое положеніе, а потому, понятно, происходившее событіе надѣлало не мало шуму и толковъ и породило различные варіанты на различныя романическія темы. Во всѣхъ таковыхъ толкахъ было, конечно, много выдуманнаго, — такъ какъ, разыгравшаяся фантазія мѣстныхъ интеллигентовъ имѣла, на этотъ разъ, очень обширное поле для своихъ измышленій. Но съ другой стороны, и самъ графъ повредилъ себѣ въ этомъ дѣлѣ не мало, именно тѣмъ, что въ то время, когда еще только констатирована была огнестрѣльная рана на головѣ кучера, онъ, будто бы, отозвавъ станового въ сто-

рону, предложилъ ему тысячу рублей съ тѣмъ, чтобы трупъ былъ поскорѣе преданъ землѣ.

Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ пропажею головы у покойника, которую такъ-таки нигдѣ и не нашли, а равно и отказъ графа выдать слѣдователю свой дорожный револьверъ, о которомъ онъ сказалъ, что «потерялъ его»—все это вмѣстѣ взятое послужило къ тому, что бывшая каменецъ-подольская уголовная палата, гдѣ это дѣло разсматривалось въ старомъ порядкѣ дореформеннаго судопроизводства, приговорила графа къ каторжнымъ работамъ и подвергла его, тотчасъ по постановленію приговора, содержанію въ Литинскомъ тюремномъ зàмкѣ.

Несчастная старушка мать графа выплакала свои глаза отъ нежданнаго горя, и вскорѣ, кажется, ослѣпла; самъ же графъ переносилъ довольно мужественно свое несчастіе и не падалъ духомъ, утверждая одно, что онъ «не виноватъ». Въ тюрьмѣ всѣ относились къ графу очень снисходительно, такъ какъ очень хорошо понимали, что тутъ произошло убійство или нечаянное, или же вслѣдствіе какихъ нибудь особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ графъ, очевидно, не желаетъ говорить. Общественное мнѣніе, впрочемъ, стало въ концѣ склоняться къ тому, что графъ, имѣя, дорогою въ рукахъ револьверъ, могъ сдѣлать выстрѣлъ нечаянно, а затѣмъ уже, подъ вліяніемъ страха, рѣшилъ сбросить убитаго кучера изъ саней и попытаться вовсе скрыть это убійство.

Къ обвиненному относились въ тюрьмѣ очень сочувственно даже и содержимые тамъ арестанты. Такъ, пока онъ утромъ спалъ, они ходили вблизи его камеры на цыпочкахъ и не шумѣли, а когда графъ заболѣлъ, они вызвались ухаживать за нимъ и дежурили, по очереди, у его постели; за это графъ поилъ ихъ чаемъ, покупалъ имъ по праздникамъ булки, табакъ, и проч.

Дѣло графа М—ова было перенесено въ апелляціонномъ порядкѣ (стараго судопроизводства) въ сенатъ, и графъ М—овъ былъ оправданъ.

Прошло почти два мѣсяца со времени увольненія нашихъ судей. М—ичъ, распродавъ всю свою движимость въ имѣніи и сдѣлавъ объявленія и публикаціи о продажѣ самаго имѣнія, давно выѣхалъ въ Петербургъ; Генрихъ Л—узъ примазался къ нему и тоже поѣхалъ въ Питеръ съ тѣмъ, чтобы выпросить себѣ новую должность; почетный мировой судья К — ичъ положительно отказался принять хотя одинъ какой-либо участокъ изъ трехъ вакантныхъ. «Если министерство не находитъ меня, какъ католика, способнымъ — говорилъ онъ мнѣ—къ занятію должности участковаго мирового судьи, отказавъ мнѣ въ этомъ, то я не буду и исправлять ее. Довольно и того, что я ѣзжу

на съѣзды». Мнѣ, такимъ образомъ, приходилось разбирать дѣла преимущественно арестантскія, а равно и не терпящія отлагательствъ, во всѣхъ четырехъ камерахъ Л—скаго судебно-мироваго округа, путешествуя изъ одного участка въ другой.

Наконецъ, послѣдовали и новыя назначенія: канцелярія съѣзда получила изъ министерства юстиціи приказы и формуляры вновь назначенныхъ. Первымъ судьею опредѣленъ былъ нѣмецъ К—усъ, служившій ранѣе въ армейскомъ уланскомъ полку на Кавказѣ и, затѣмъ, въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ; вторымъ, назначенъ былъ нѣкій В — аръ, служившій вначалѣ вольноопредѣляющимся въ какомъ-то гусарскомъ полку, вышедшій оттуда въ отставку штыкъ-юнкеромъ и попавшій, затѣмъ, на службу въ Подольскую губернію становымъ приставомъ; здѣсь уже, будучи становымъ, онъ женился на дочери одного помѣщика, отставнаго жандармскаго полковника С., и взялъ за женою, кромѣ приданаго, и нѣкоторую протекцію, благодаря которой и былъ назначенъ исправлять должность судебнаго слѣдователя гдѣ-то на окраинѣ Россіи, а оттуда уже, при помощи той же протекціи, перепросился на родину жены, въ мировые судьи. Третьимъ судьею въ нашъ съѣздъ былъ назначенъ нѣкто г. Д—ичъ, переведенный изъ каменецкаго округа Подольской-же губерніи, такъ какъ тамъ оставаться ему было нельзя. Будучи вывѣшенъ въ городскомъ клубѣ на черную доску за неплатежъ карточныхъ проигрышей, этотъ судья не могъ, затѣмъ, и являться на съѣздъ, потому что товарищи-судьи не хотѣли сидѣть съ нимъ рядомъ на публичныхъ засѣданіяхъ. Изъ формуляра Д—ича было видно, что онъ учился въ подольской духовной семинаріи, откуда поступилъ въ канцелярію губернатора писцомъ и, затѣмъ, выслуживъ чинъ, попалъ въ младшіе чиновники особыхъ порученій; при введеніи же въ Подольской губерніи мировыхъ судей, Д-ичъ, по рекомендаціи губернатора, былъ назначенъ судьею. Послѣ исторіи въ клубѣ, этому господину ничего не оставалось болѣе, какъ, подобно Ш—скому, обратиться въ первобытное состояніе, но, на его счастье, случилась ревизія Ж—ова, и Д—ичъ былъ спасенъ: ревизоръ хотя и хорошо былъ освѣдомленъ относительно того позорнаго положенія, въ которое поставилъ себя, да еще въ губернскомъ городѣ, этотъ судья, но въ своемъ отчетѣ умолчалъ объ этомъ и лишь выразилъ, отъ себя, мнѣніе, что Д--ича слѣдовало бы перевести, «въ виду нѣкоторыхъ личныхъ его столкновеній и неудовольствій съ товарищами по службѣ». Такое особенное благоволеніе ревизора къ г. Д—ичу объяснялось тѣми временно-обязанными и амикошонскими отношеніями Ж—ова къ двумъ поповичамъ Г — скимъ, о которыхъ я упоминалъ, говоря о нашемъ летичевскомъ сидѣніи (въ XI-ой главѣ). Д—ичъ былъ двоюроднымъ братомъ этихъ господъ, и благодаря своему родословному

древу, спасся, отдѣлавшись лишь переводомъ въ нашъ злосчастный уѣздъ. Интересно было во всѣхъ этихъ новыхъ назначеніяхъ, еще слѣдующее обстоятельство: бывшій становой Подольской губерніи г. В—аръ былъ назначенъ къ намъ не только судьею, но еще и предсѣдателемъ съѣзда.

Такимъ образомъ, составъ судей въ нашемъ литинскомъ судебно-мировомъ округѣ оказывался слѣдующій: предсѣдателемъ и, въ то же время, судьею 3-го участка—бывшій становой, образованія «домашняго»; судьями: 1-го участка—бурсакъ, одолѣвшій семинарскій курсъ; 4-го участка—ех-уланъ, съ домашнимъ же образованіемъ... Вотъ на такія-то назначенія судей, нигдѣ не доучившихся и роптали мѣстные польскіе помѣщики, большинство которыхъ шло всегда, въ силу стародавныхъ традицій, въ университеты, что, однако, не давало имъ права быть судьями, на своей родинѣ, гдѣ они хорошо знали не только всѣ мѣстныя условія, но даже и характеры тѣхъ различныхъ національностей—евреевъ, шляхты и крестьянъ,—которыя населяли собою этотъ богатѣйшій въ Россіи край.

Въ половинѣ іюня прибыли въ Литинъ гг. новые судьи. Я тотчасъ же передалъ имъ два участка—1-й и 4-й—и вскорѣ назначилъ съѣздъ, пригласивъ на него четвертымъ судьею г. К—ича. Такъ какъ Д—ичъ настойчиво желалъ принять на себя обязанности и непремѣннаго члена съѣзда, то я и передалъ ему именно 1-й участокъ. Съѣхавшіеся судьи избрали меня предсѣдателемъ, и мы, приведя судью К—уса къ присягѣ, приступили къ разбору накопившихся дѣлъ. Какъ человѣкъ довольно уже опытный, я сталъ замѣчать, что на съѣздѣ происходитъ что-то неладное: выползли на Божій свѣтъ такіе адвокаты, которые прежде не смѣли показывать на съѣздъ и своего носа; мнѣнія новыхъ судей при рѣшеніи дѣлъ стали носить на себѣ всѣ характерные признаки мнѣній недоброй памяти судьи Даніила К—скаго. Присмотрѣвшись поближе и переговоривъ, послѣ перваго же дня съѣзда, кое съ кѣмъ изъ служащихъ въ съѣздѣ, я узналъ очень нехорошія вещи: что г. Д—ичъ, состоя судьею и непремѣннымъ членомъ съѣзда, пожелалъ поставить себя въ Л—инѣ на ту почву, на которой онъ стоялъ въ Каменцѣ и на которой стоялъ у насъ Даніилъ К—скій. Пользуясь непроходимою глупостью новаго судьи, ех-улана К—уса [1]), онъ, пока

---

[1]) Этотъ судья, поселившись потомъ въ Х**, надѣлалъ цѣлый рядъ скандаловъ, изъ которыхъ одинъ былъ особенно грандіозенъ: сосѣдъ С—скій загналъ его индѣекъ, попавшихъ въ садъ и испортившихъ цвѣтныя клумбы и грядки; тогда, К—усъ, надѣвъ на себя судейскую цѣпь и захвативъ кучера и лакея, отправился въ домъ С., разыскалъ тамъ своихъ индѣекъ и, несмотря на сопротивленіе С., освободилъ плѣнницъ и погналъ ихъ на свой дворъ... Въ Хмѣльникѣ, въ то время, служилъ, въ экономіи гр. Л—ва, одинъ молодой

жилъ съ нимъ въ Литинѣ въ ожиданіи съѣзда, такъ успѣлъ повліять на него, что тотъ сразу сталъ его эхомъ, и дѣйствуя за-одно, они стали оставлять въ одиночествѣ, при рѣшеніи дѣлъ, то меня, то почетнаго мирового судью К—ича, и эти ихъ рѣшенія не отличались справедливостью и безпристрастіемъ.

Я уѣхалъ съ этого съѣзда въ самомъ тяжеломъ и огорченномъ настроеніи, рѣшившись, во что бы ни стало, оставить службу въ министерствѣ юстиціи и свою должность, такъ какъ, по примѣру М—ича, и Ч—на, видѣлъ, что не только служба, но даже и доброе имя мирового судьи, ничѣмъ не гарантированы и не ограждены; что если одинъ ревизоръ нашелъ меня «удовлетворительнымъ», то другой, напротивъ, можетъ признать во мнѣ судью, подлежащаго увольненію. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ и размышленій я, какъ только пріѣхалъ въ Хмѣльникъ, написалъ М—ичу въ Петербургъ письмо, довольно откровенное, какъ своему бывшему товарищу и сослуживцу, гдѣ, между прочимъ, сообщилъ ему о «новыхъ вѣяніяхъ» въ нашемъ обновленномъ съѣздѣ и, затѣмъ, говоря о Д—ичѣ и его исторіи въ Каменцѣ и о томъ, какъ спасъ его ревизоръ, прибавилъ: «за одно это дѣло Ж—ова слѣдовало бы предать сенатскому суду»...

М—ичъ поступилъ съ этимъ моимъ неосторожнымъ письмомъ немножко вѣроломно... Дѣло въ томъ, что когда, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, онъ представлялся г-ну министру юстиціи, то былъ благосклонно принятъ и внимательно выслушанъ; въ концѣ бесѣды г. министръ сказалъ: «Въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ возможны ошибки и недоразумѣнія. Возможно, что и г. Ж—овъ ошибся. Я прикажу тщательно разслѣдовать всѣ жалобы, принесенныя въ министерство по поводу его ревизіи, и прошу васъ, если имѣете представить какіелибо письменные матеріалы въ свое оправданіе, то доставьте ихъ мнѣ». И М—ичъ, къ имѣющимся уже у него «матеріаламъ», взялъ и присоединилъ мое письмо, которое такимъ образомъ и попало въ руки г-на министра, а черезъ нѣсколько недѣль было уже прислано, въ копіи, мѣстному прокурорскому надзору, для «негласнаго дознанія». Это же мое письмо сильно повредило мнѣ и впослѣдствіи, когда я, оставивъ службу судьею и проживая уже въ Петербургѣ, получилъ занятія въ редакціи одной оффиціальной газеты и вздумалъ ходатайствовать о причисленіи меня къ министерству юстиціи ради того, чтобы считаться на государственной службѣ. Мое ходатайство не получило успѣха,—и

человѣкъ, по фамиліи С—скій, состоявшій, въ то же время, и корреспондентомъ «Кіевлянина», гдѣ онъ и «предалъ гласности» этотъ глупѣйшій и смѣшной поступокъ К—уса, который, прослужилъ очень недолго, и оставилъ неподходящую для него службу мирового судьи.

въ то же время мнѣ довелось узнать нѣкоторыя закулисныя подробности о ревизіи Ж—ова, о которыхъ приходилось упоминать выше.

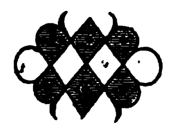
Потомъ уже, какъ-то исподоволь вышло такъ, что всѣ лица, уволенныя по ревизіи Ж—ова, получили мѣста и должности—за исключеніемъ лишь тѣхъ, кто самъ не захотѣлъ. Довольно сказать, что даже нашъ бывшій судья Генрихъ Л—узъ и тотъ получилъ мѣсто товарища прокурора! Другіе же, какъ напр., судебный слѣдователь Г—екъ, судья Д—ичъ и прочіе, были, тоже исподоволь, или переведены, или уволены. Словомъ, все вышло хорошо—такъ какъ хорошо окончилось!..

Самые благіе и выгодные результаты принесла ревизія Ж—ова тѣмъ достойнымъ лицамъ, которыя пострадали совсѣмъ невинно и не пожелали, затѣмъ, вступить вновь на службу по министерству юстиціи. М—ичъ продалъ свое имѣніе и получилъ въ Москвѣ, съ выданнымъ ему мною чистымъ аттестатомъ, видное мѣсто, съ крупнымъ окладомъ жалованья, въ одномъ изъ только-что нарождавшихся солидныхъ страховыхъ обществъ; мировой судья Ч—инъ занялъ въ той же самой Винницѣ мѣсто нотаріуса и здравствуетъ, кажется, поднесь, получая, какъ слышно, болѣе десяти тысячъ въ годъ вмѣсто прежнихъ 2700 р.; даже отвергнутый и оскорбленный Ж—овымъ, бывшій мировой судья С—скій, выдержавъ экзаменъ на степень доктора медицины и получая вдвое болѣе чѣмъ судьею, былъ очень благодаренъ Ж-ову за то, что тотъ не далъ ему никакой надежды получить вновь мѣсто по министерству юстиціи.

Меня же, за мое письмо къ М—ичу, не особенно сильно тормошили и безпокоили въ то время въ силу очень простаго, хотя и совершенно неожиданнаго обстоятельства: вскорѣ послѣ перваго съѣзда въ Литинѣ въ составѣ вновь назначенныхъ мировыхъ судей, я послалъ въ министерство прошеніе объ увольненіи меня отъ службы. Я вынужденъ былъ поторопиться поступить такъ вслѣдствіе одного, очень тяжкаго, несчастія, внезапно меня въ Хмѣльникѣ постигшаго и очень разсчитанно и тщательно для меня подготовленнаго...

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

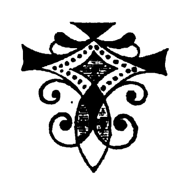

О выдраніи изъ указныхъ книгъ Манифеста императрицы Екатерины II о вступленіи ея на престолъ.

Указъ его императорскаго величества самодержавца всеросійскаго изъ Правительствующаго Сената, Санктпетербургскому архиву старыхъ дѣлъ.

28-го января 1797 г.

По имянному его императорскаго величества указу, данному Сенату сего января 26-го за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: «находящіеся въ печатныхъ 1762 года указныхъ книгахъ по порядку нумераціи листы въ форматѣ четвертки съ третьяго на десять по двадцать первой и въ форматѣ осьмушки съ седьмаго на десять по тридесятой, повелѣваемъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы оныя книги ни находились, означенные листы изъ нихъ выдравъ, доставить безъ промедленія къ нашему генералу-прокурору, о чемъ имѣетъ Сенатъ учинить свое распоряженіе и куда слѣдуетъ предписать о точномъ и самопоспѣшнѣйшемъ исполненіи сей нашей воли». Правительствующій Сенатъ приказали: всѣмъ губернскимъ и намѣстническимъ правленіямъ предписать, дабы, во исполненіе сего высочайшаго его императорскаго величества указа, выдравъ немедленно изъ указной книги 1762 года означенные въ ономъ высочайшемъ указѣ листы, гдѣ бы у кого таковыя книги ни находились, и сдѣлавъ зависящимъ отъ нихъ мѣстамъ о томъ же строжайшія предписанія, а съ кѣмъ слѣдуетъ сношенія, доставили оные листы немедленно къ господину генералу - прокурору государственнаго асигнаціоннаго банка главному директору и кавалеру князю Алексѣю Борисовичу Куракину. О чемъ для должнаго исполненія послать указы какъ въ тѣ правленія, такъ и во всѣ прочія здѣшнія и московскія присутственныя мѣста.

НОВЫЯ ЗАМѢТКИ О ДОМѢ РОМАНОВЫХЪ[1]).

I.

О происхожденіи дома Романовыхъ.

Изъ числа древнихъ, знаменитыхъ московскихъ боярскихъ родовъ, которые такъ много способствовали собиранію Русской земли, особенно во время малолѣтства великихъ князей, фамилія Романовыхъ ярко выдѣляется своими доблестями и заслугами. Представители ея, предки нашего царствующаго дома, почти съ самаго возникновенія Московскаго государства являются довѣренными, приближенными къ престолу людьми. Уже при Семенѣ Ивановичѣ Гордомъ (1325—1353), когда онъ задумалъ жениться въ третій разъ, въ 1347 году, на тверской княжнѣ Маріи Александровнѣ, были посланы за невѣстою въ Тверь: бояринъ Андрей Ивановичъ Кобыла, родоначальникъ дома Романовыхъ, и другой бояринъ, Алексѣй Босоволоковъ.

Родъ Андрея Кобылы сильно размножился. Насчитываютъ около 20-ти фамилій боярскихъ и дворянскихъ, которыя произошли отъ него или отъ брата его Ѳедора Ивановича Шевляги. Отъ перваго вели (нѣкоторыя фамиліи уже угасли), или ведутъ свой родъ: Жеребцовы, Лодыгины, Коновницыны, Синіе, Горбуновы, Кошкоревы, Образцовы, Колычевы, Сухово-Кобылины, Стербеевы, Хлуденовы, Неплюевы, Боборыкины, Кошкины, Захарьины-Юрьевы, Романовы, Голтяевы, Беззубцовы,

---

[1]) Дополненіе къ статьѣ, помѣщенной въ „Русской Старинѣ" 1896 г. за іюль.

Шереметевы; отъ втораго же—Мотовиловы, Грабежевы, Трусовы, Воробьины.

Въ числѣ сыновей Андрея Кобылы былъ Ѳедоръ Кошка, у котораго былъ сынъ Иванъ; отъ сына послѣдняго Захарія и внука Юрія получилась фамилія Захарьины-Юрьевы; отъ сына же Юрія-Романа потомки стали называться Романовыми.

Но кто же былъ самъ бояринъ Андрей Ивановичъ Кобыла, который является въ исторіи первымъ достовѣрнымъ лицомъ знаменитаго рода? По этому вопросу существуютъ два мнѣнія: одни считаютъ Андрея Ивановича выходцемъ изъ Пруссіи, другіе же—выходцемъ изъ Литвы. Въ этихъ двухъ показаніяхъ нѣтъ слишкомъ большаго разногласія, такъ какъ пруссы и литвины были соплеменными народами. Они представляли тогда нѣсколько мелкихъ владѣній, которыя управлялись особыми князьями. Вслѣдствіе такой разрозненности, пруссы, несмотря на мужественное сопротивленіе, пали, въ половинѣ XIII вѣка, въ борьбѣ съ нѣмецкими рыцарями; въ то же время Литва начинаетъ соединяться въ одно государство и тѣмъ сохраняетъ свою народность. Главнымъ дѣятелемъ такого объединенія является великій князь Миндовгъ († 1262), который, значительно усиливаясь прусскими бѣглецами, успѣваетъ подчинить литовцевъ подъ свою твердую власть.

Наши историки, вѣроятно за отсутствіемъ прямыхъ источниковъ, мало занимались изслѣдованіемъ вопроса о происхожденіи дома Романовыхъ. С. М. Соловьевъ обходитъ этотъ вопросъ; Н. М. Карамзинъ, Д. И. Иловайскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и Н. И. Костомаровъ ограничиваются краткимъ указаніемъ, что Андрей Кобыла былъ выходецъ изъ Пруссіи.

Впрочемъ Н. М. Карамзинъ, въ примѣчаніи 164, томъ VIII гл. III, своей «Исторіи Государства Россійскаго», приводитъ слѣдующую легенду: «Новѣйшіе повѣствователи увѣряютъ, что отецъ Андреевъ былъ князь Прусской, одинъ изъ потомковъ перваго царя латышскаго Видвута: что сей князь, выѣхавъ къ намъ съ двумя сыновьями, крестился въ 1287 году и былъ названъ Іоанномъ».

По другой же легендѣ, прародитель дома Романовыхъ былъ знатный литовскій вельможа, Гланда Дивоновичъ (Давыдовичъ) Камбила, пріѣхавшій въ Россію около 1280 года и принявшій св. крещеніе съ именемъ Ивана. Въ пользу этого послѣдняго предположенія говорятъ два обстоятельства: а) названіе Гланда-Камбила несомнѣнно литовскаго корня, и вѣроятно отсюда произошло прозваніе Кобыла, которое придано было сыну его Андрею Ивановичу, и б) время прибытія въ Россію, во второй половинѣ XIII вѣка, совпадаетъ съ происходившими тогда въ Литвѣ большими смутами, послѣ смерти великаго князя Мин-

довга, когда многіе знатные литовцы бѣжали отъ преслѣдованія своихъ же соотечественниковъ.

По поводу приведенныхъ двухъ легендъ нельзя не замѣтить, что предки наши любили относить происхожденіе своего рода къ отдаленнымъ временамъ и украшать начало рода разными баснословными сказаніями, что составленіемъ легендъ особенно занимались въ XVI вѣкѣ, и самъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный производилъ себя отъ римскаго императора Августа и что излюбленными выраженіями происхожденія рода были: «выѣзжій изъ Пруссъ», или изъ Литвы, а туда изъ «нѣмецъ», или «отъ италійскія страны ветхаго Рима».

Указывая на родъ Ратши (современникъ великаго князя Юрія Долгорукова), отъ котораго отдѣлилось много вѣтвей съ особыми фамиліями, П. Н. Петровъ приходитъ къ заключенію, что къ числу этихъ отраслей принадлежитъ и домъ Романовыхъ, черезъ правнука Ратши—Акинѳа великаго († 1304), у котораго былъ сынъ Иванъ, а у сего послѣдняго старшій сынъ назывался Андреемъ. По мнѣнію П. Н. Петрова этотъ Андрей тождественное лицо съ Андреемъ Ивановичемъ Кобылою.

Въ историческихъ изслѣдованіяхъ нельзя давать волю фантазіи. Соображенія должны быть подкрѣпляемы положительными, а не воображаемыми фактами. Въ настоящемъ же случаѣ предположеніе П. Н. Петрова не вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что̀ извѣстно изъ исторіи. Мы знаемъ, что Акинѳъ великій былъ прежде бояриномъ у великаго князя Андрея Александровича Городецкаго, что по смерти его въ 1304 году онъ перешелъ въ Москву, куда въ то же время пріѣхалъ на службу знаменитый кіевскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ, которому московскіе князья, т. е. сыновья Даніила Александровича († 1303), Юрій и Иванъ Даниловичи, дали первое мѣсто между своими боярами, что оскорбленный этимъ Акинѳъ отъѣхалъ къ Михаилу Тверскому, и что онъ предводительствовалъ тверскими войсками, посланными взять Переяславль-Залѣсскій, и погибъ (1304 г.) подъ стѣнами этого города отъ руки своего соперника Родіона.

Далѣе изъ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева (томъ III, глава VI) мы видимъ, что въ 1340 году, при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ, отправлена была Московская рать подъ Смоленскъ съ двумя воеводами, Александромъ Ивановичемъ и Ѳедоромъ Акинѳовичемъ. Нашъ знаменитый историкъ полагаетъ, что послѣдній долженъ быть сынъ того Акинѳа, о которомъ идетъ рѣчь, такъ какъ сыновья его могли перейти опять изъ Твери въ Москву, тѣмъ болѣе что лѣтописецъ упоминаетъ передъ тѣмъ объ отъѣздѣ многихъ тверскихъ бояръ въ Москву, и что у Акинѳа было два сына: Ѳедоръ и Иванъ. Тутъ же говорится, что въ 1348 году, при великомъ князѣ Симеонѣ Гордомъ, Иванъ Акинѳовичъ ходилъ воеводою изъ

Москвы въ Новгородъ. Между тѣмъ, въ 1347 году, какъ мы уже упомянули выше, бояринъ Андрей Ивановичъ Кобыла былъ посылаемъ за невѣстою великаго князя въ Тверь. Если допустить предположеніе П. Н. Петрова, то бояринъ Андрей Ивановичъ Кобыла былъ сыномъ боярина Ивана Акинѳовича, но С. М. Соловьевъ, знатокъ родовыхъ отношеній, объ этомъ умалчиваетъ. Пришлось бы тогда допустить также, что отецъ и сынъ были боярами одновременно; такіе примѣры хотя и бывали въ особенно рѣдкихъ случаяхъ, но обыкновенно въ боярскій санъ возводили старшихъ взрослыхъ сыновей, послѣ смерти ихъ родителей.

Изъ всего вышеизложеннаго достовѣрно лишь одно, что Андрей Кобыла, возведенный въ бояре, былъ знатнымъ лицомъ, но откуда онъ былъ родомъ—неизвѣстно и едва-ли это когда-либо разъяснится. Отбросивъ фантастическій вымыселъ, можно, съ одинаковою вѣроятностью, предполагать родоначальника дома Романовыхъ выходцемъ изъ Литвы или изъ пруссовъ, понимая, пожалуй, подъ послѣднимъ выраженіемъ новгородское происхожденіе, какъ намекаетъ на это то обстоятельство, что родъ владѣлъ обширными землями въ принадлежащей Новгороду территоріи. Значительность такихъ владѣній усматривается изъ духовнаго завѣщанія Маріи Голтяй, жены Ѳедора Ѳедоровича Голтяя (внука Андрея Ивановича Кобылы) внуку своему князю Боровскому Василію Ярославичу. Но и въ этомъ фактѣ является вопросъ: принадлежали ли эти земли роду Кобылиныхъ-Кошкиныхъ, или же онѣ составляли личную собственность самой завѣщательницы, которая могла получить ихъ въ видѣ приданаго при замужествѣ, или же по наслѣдству отъ своихъ родителей.

II.

Главнѣйшіе представители дома Романовыхъ, предковъ царя Михаила Ѳедоровича.

Спустя сто лѣтъ послѣ татарскаго погрома, начинается великое дѣло соединенія Русской земли въ двухъ направленіяхъ; въ одно и то же время стали образовываться два большія государства: на сѣверо-востокѣ—Московское, на юго-западѣ—Литовское. Такимъ образомъ Русь дѣлится на двѣ половины, которыя, сдѣлавшись самостоятельными, вступаютъ во враждебное между собою столкновеніе.

Московское государство, хотя медленно, но неуклонно идетъ по избранному пути и достигаетъ цѣли единовластія. Удѣльная система

отживаетъ свой вѣкъ; удѣльные князья постепенно лишаются своихъ владѣній; потомки ихъ вынуждены искать службы у своихъ побѣдителей.

По мѣрѣ возвышенія Москвы и усиленія ея власти, является въ ней наплывъ князей съ разныхъ мѣстъ. При московскомъ дворѣ мы встрѣчаемъ фамиліи Рюриковичей и Гедиминовичей, равно какъ потомковъ татарскихъ мурзъ и другіе чуждые роды, наравнѣ со старинными московскими боярскими родами.

Съ каждымъ царствованіемъ число бояръ-князей увеличивается, въ чемъ можно наглядно убѣдиться изъ слѣдующей таблицы, которая составлена согласно боярскимъ спискамъ, помѣщеннымъ въ XX томѣ древней Россійской Вивліоѳики Н. Новикова, изданія 1791 года. Въ этой табличкѣ показано подстрочно, сколько княжескихъ именъ заключается въ общемъ перечнѣ бояръ; видно также и быстрое измѣненіе личнаго состава бояръ, особенно въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго.

Перечень бояръ.

	Сколько оставалось бояръ отъ предшествовавшаго царствованія.	Сколько вновь пожаловано въ званіе боярина.
При великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ (1462—1505)	5— 2 кн.	41—22 кн.
При великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ (1505—1533)	13—10 кн.	47—33 кн.
При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ (1533—1584)	20—14 кн.	114—65 кн.[1]
При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ (1584—1598)	11— 7 кн.	23—18 кн.
При Борисѣ Годуновѣ (1598—1605)	19—16 кн.	12— 7 кн.
При Лже-Димитріи I (1605—1606)	18—15 кн.	24—13 кн.
При Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ (1606—1610)	29—18 кн.	9— 5 кн.
При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ (1613—1645)	20—13 кн.	33—22 кн.

Собиранію Русской земли около Москвы, какъ уже было упомянуто выше, много содѣйствовали московскіе бояре старинныхъ родовъ; между

[1]) Со времени учрежденія опричины и до конца царствованія (1565—1584) было всего бояръ 64 (изъ нихъ 36 князей); въ этотъ періодъ времени погибло 24 боярина, въ томъ числѣ 13 князей.

ними видное мѣсто занимаютъ и бояре изъ дома Романовыхъ, какъ довѣренные у великихъ князей и приближенныя къ нимъ лица, которыя отличались своею непоколебимою преданностью престолу. Вначалѣ они пользовались первенствующимъ даже значеніемъ; впослѣдствіи же, съ наплывомъ княжескихъ фамилій въ Москву, хотя и должны были уступить родовитымъ князьямъ первыя мѣста въ боярской думѣ, они не были однако слишкомъ ими оттѣснены.

Такъ, сынъ Андрея Ивановича Кобылы, бояринъ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго, Ѳедоръ Андреевичъ, носившій названіе Кошка, которому уже во время похода противъ Мамая (1380 г.) поручено было охраненіе Москвы и береженіе княжескаго семейства, занимаетъ первое мѣсто среди бояръ при сынѣ Донскаго, великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ (1389—1425). То же первенствующее вліяніе на государственныя дѣла пріобрѣтаетъ, послѣ смерти Ѳедора Андреевича, и старшій сынъ его—бояринъ Иванъ Ѳедоровичъ Кошка, возведенный въ званіе намѣстника новгородскаго. При великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ Темномъ (1425—1462), родъ Кобылиныхъ-Кошкиныхъ, хотя и отодвигается отъ первыхъ рядовъ боярства, но продолжаетъ удерживать свое значеніе между старыми московскими знатными фамиліями. Въ числѣ приближенныхъ ко двору мы видимъ Захарія Ивановича, четвертаго сына Ивана Ѳедоровича Кошки, бояриномъ и воеводою; онъ присутствуетъ въ 1438 году при бракосочетаніи великаго князя съ княжною Маріею Ярославною Боровскою, которая, по матери своей, приходилась ему двоюродною племянницею.

При великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III (1462—1505), сыновья Захарія Ивановича занимаютъ выдающееся положеніе. Старшій сынъ, Яковъ Захарьевичъ Кобылинъ-Кошкинъ († 1511 г.), будучи бояриномъ и воеводою коломенскимъ, засѣдаетъ въ боярской думѣ на 3-мъ мѣстѣ, несмотря на соперничество сильныхъ княжескихъ родовъ. Второй же сынъ, Юрій Захарьевичъ († 1504 г.), тоже бояринъ и воевода, былъ намѣстникомъ Новгорода; онъ былъ женатъ на Иринѣ Ивановнѣ Тучковой.

При великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ (1505—1533) выдвигается бояринъ и воевода Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ († 1538); онъ занимаетъ второе мѣсто въ ближней думѣ великаго князя, который его очень любилъ. Въ числѣ немногихъ близкихъ людей Михаилъ Юрьевичъ присутствовалъ при кончинѣ великаго князя, и когда послѣдній не могъ уже креститься, то поддерживалъ правую его руку.

При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ (1533—1584) значеніе Романовыхъ особенно усиливается, черезъ бракъ царя на Анастасіи Романовнѣ въ 1547 году, родной племянницѣ Михаила Юрьевича. Она была дочерью брата его Романа Юрьевича, умершаго въ 1543 году

окольничимъ и оставившаго послѣ себя вдову Ульяну Ѳеодоровну съ четырьмя дѣтьми, въ томъ числѣ трехъ сыновей: Даніила, Долмата и Никиту Романовичей. Средній сынъ Долматъ († 1545) недолго пережилъ своего отца, старшій-же Даніилъ († 1566) и младшій Никита († 1586) пожалованы были впослѣдствіи боярами и занимали послѣдовательно, одинъ послѣ другаго, почетную должность дворецкаго.

Въ житіи св. Геннадія Костромскаго упоминается, что когда ему случилось быть въ Москвѣ, то онъ посѣтилъ боярыню Іуліанію Ѳеодоровну, жену Романа Юрьевича, и благословилъ чадъ ея—Даніила, Никиту и дщерь Анастасію. Такъ какъ въ этомъ указаніи имени Долмата нѣтъ, то надо полагать, что посѣщеніе святаго было уже послѣ его смерти.

Бракосочетаніе 17-ти-лѣтняго царя Ивана Васильевича съ Анастасіею Романовною, которая, по всей вѣроятности, была одныхъ съ нимъ лѣтъ, состоялось 3 февраля 1547 года; слѣдовательно она родилась около 1530 года. Старшій братъ ея Даніилъ Романовичъ былъ значительно старѣе; въ томъ же 1547 году, назначенный окольничимъ, онъ въ этомъ чинѣ шелъ передъ царемъ во время брачнаго торжества, а въ 1549 г. возведенъ уже былъ въ санъ боярина и дворецкаго. Онъ женатъ былъ два раза, и обѣ жены носили одно имя—Анны. Что касается до другаго брата царицы, Никиты Романовича, то онъ долженъ былъ быть немногимъ старше ея годами; на царской свадьбѣ онъ спалъ у постели и ходилъ съ великимъ княземъ въ мыльню; только въ 1559 году мы видимъ его окольничимъ и воеводою, бояриномъ въ 1563 году и дворецкимъ въ 1566 году, послѣ кончины брата.

Никита Романовичъ женатъ былъ два раза: сперва на Варварѣ Ивановнѣ Ховриной († 1552), дочери Ивана Дмитріевича Ховрина, а потомъ на княжнѣ Евдокіи Александровнѣ Горбатой-Шуйской († 1576 г.). дочери казненнаго боярина князя Александра Борисовича († 1565) и супруги его Анастасіи Петровны, урожденной Головиной.

Головины и Ховрины находились между собою въ родствѣ, такъ какъ происходили отъ общаго родоначальника—грека князя Степана Ховра, выходца изъ Кафы (въ Крыму, гдѣ владѣлъ Судакомъ); онъ прибылъ въ Москву въ княженіе великаго князя Василія Дмитріевича.

Черезъ двойной бракъ Никиты Романовича образовалась и двойная связь между Романовыми и Головиными-Ховриными. Супруга князя Александра Горбатаго приходилась внучкою Ивану Владиміровичу Головѣ (отъ него пошелъ родъ Головиныхъ), а Варвара Ивановна была внучкою же его брата Дмитрія Владиміровича Ховрина; такимъ образомъ онѣ доводились троюродными другъ другу сестрами, а слѣдовательно первая жена Никиты Романовича была троюродною теткою второй его супруги.

Время женитьбы Никиты Романовича на Варварѣ Ивановнѣ Ховриной хотя и неизвѣстно въ точности, но можетъ быть опредѣлено довольно вѣрно. Бракъ этотъ могъ состояться въ 1547 году.

Въ началѣ года Никита Романовичъ не былъ еще женатъ, такъ какъ въ описаніи царской свадьбы (3-го февраля), гдѣ поименованы всѣ родственники новобрачныхъ съ той и другой стороны, о женѣ его не упоминается; имя ея встрѣчается въ первый разъ въ концѣ года 3-го ноября, при описаніи свадьбы младшаго брата Ивана Грознаго—князя Юрія Васильевича, на княжнѣ Ульянѣ Дмитріевнѣ Палецкой. Въ этомъ послѣднемъ описаніи говорится, что великій князь велѣлъ быть у постели боярынямъ: «Романова женѣ Юрьевича Ульянѣ, да Данилова женѣ Романовича Аннѣ, да Никитина женѣ Романовича Варварѣ». Отсюда можно придти къ положительному заключенію, что первый бракъ Никиты Романовича былъ непродолжителенъ, съ 1547 по 1552 г., около 4—5 лѣтъ.

Время женитьбы Никиты Романовича во второй разъ на княжнѣ Евдокіи Александровнѣ Горбатой-Шуйской тоже неизвѣстно. Въ изслѣдованіи нашемъ о домѣ Романовыхъ мы пришли къ выводу, что этотъ бракъ могъ состояться въ 1555 году.

Говоря о второй супругѣ Никиты Романовича, нельзя не упомянуть о странномъ сомнѣніи относительно самаго факта двоебрачія, которое встрѣчаемъ у А. П. Барсукова, въ его обзорѣ источниковъ и литературы русскаго родословія (изд. 1887 г.), при разборѣ генеалогическихъ изслѣдованій П. В. Хавскаго. Поводомъ сомнѣнію послужило нѣкоторое несогласіе въ годѣ кончины Евдокіи Александровны: на надгробной надписи (возобновленной послѣ разрушенія французами въ 1812 году нѣкоторыхъ гробовъ царской усыпальницы въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ) значится 1576-й годъ, а въ описаніи царскихъ пресвѣтлыхъ прародителей, составленномъ еще въ 1687 году и напечатанномъ съ неисправнаго списка, сохранившагося въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, стоитъ 1581-й годъ. Это обстоятельство дало поводъ въ 1858 году П. М. Строеву, на сдѣланный ему запросъ о происхожденіи Романовыхъ отъ Рюрика по женской линіи, отвѣтить вопросомъ же: «на чемъ основано двоебрачіе Никиты Романовича, какія имѣются для сего данныя (источники, документы), и если это не тайна, для чего необходима натяжка, чтобы Филаретъ Никитичъ, личность сама по себѣ великая и до сихъ поръ не обрисованная какъ должно, непремѣнно происходилъ отъ Рюрика, хотя-бы по женской линіи». Положительно недоумѣваешь, чѣмъ объяснить подобное заявленіе, но, вникая глубже въ смыслъ письма г. Строева (помѣщено въ книгѣ о немъ Н. П. Барсукова стр. 566—567), можно убѣдиться, что оно было написано подъ вліяніемъ физи-

ческаго недуга и даже нервнаго раздраженія, такъ какъ въ немъ проглядываетъ сдержанная обидчивость. Съ своей стороны Н. П. Барсуковъ, быть можетъ изъ уваженія къ трудамъ автора, придалъ такому заявленію слишкомъ большое значеніе, допустивъ лишь возможность, что Никита Романовичъ былъ женатъ два раза. Да кто же, когда-либо спорилъ объ этомъ? Въ старинное время развѣ существовали метрики и брачныя свидѣтельства? Недостатокъ подобныхъ документовъ и составляетъ громадное, часто неодолимое затрудненіе для составленія родословной извѣстнаго рода; лѣтописи, надгробные памятники, показанія современниковъ, большею частью иностранцевъ, да нѣкоторые списки, дѣла и документы, уцѣлѣвшіе въ архивахъ государственныхъ и фамильныхъ,—вотъ тѣ почти единственные источники, которыми приходится руководствоваться. Въ настоящемъ-же случаѣ на лицо и надгробная надпись, и списокъ,—болѣе чѣмъ нужно, чтобы быть убѣжденнымъ въ двукратномъ бракѣ; сомнѣніе, въ виду небольшаго разногласія, можетъ относиться исключительно только къ году кончины, а не къ факту брака, отъ котораго было много дѣтей, завѣдомо законныхъ.

III

О времени рожденія патріарха Филарета Никитича.

Когда нужно опредѣлить возрастъ какого-либо лица, при невозможности узнать достовѣрно годъ рожденія, нѣтъ другаго способа, какъ опредѣленіе числа лѣтъ по наружнымъ примѣтамъ. Этого простаго пріема мы и придерживались въ нашемъ изслѣдованіи относительно Филарета Никитича, впослѣдствіи патріарха московскаго. Основываясь на описаніяхъ современниковъ, мы старались опредѣлить возрастъ его въ разныя эпохи жизни. Добытыя такимъ путемъ свѣдѣнія привели насъ къ заключенію, что онъ родился нѣсколькими годами позднѣе смерти первой супруги его отца, Варвары Ивановны Ховриной, послѣдовавшей въ 1552 году, и слѣдовательно былъ сыномъ отъ второй жены Никиты Романовича—Евдокіи Александровны, урожденной княжны Горбатой-Шуйской и происходившей въ прямомъ потомствѣ отъ Рюрика, черезъ великихъ князей св. Александра Невскаго и Дмитрія Константиновича Суздальскаго.

Такого же мнѣнія и П. И. Бартеневъ, который въ статьѣ о Филаретѣ Никитичѣ, помѣщенной въ «Русскомъ Архивѣ» за 1882 годъ (томъ II стр. 313—315), заявляетъ, что онъ родился около 1555 года.

Въ «Зерцалѣ россійскихъ государей» Тимофея Малыгина, изданіе 1789 г., прямо говорится, что Ѳедоръ Никитичъ былъ сыномъ Евдокіи Александровны.

Филаретъ Никитичъ возведенъ былъ въ санъ боярина въ 1587 году; сосланъ въ Сійскій монастырь и насильно постриженъ въ монахи въ 1601 году; поставленъ ростовскимъ митрополитомъ въ 1606 году; отправленъ посломъ къ польскому королю въ 1610 году и содержался въ Польшѣ подъ крѣпкимъ карауломъ до 1619 года, когда онъ былъ наконецъ отпущенъ; по возвращеніи въ Москву, въ томъ же году, посвященъ въ патріархи. Онъ умеръ въ 1633 году.

Извѣстный голландецъ Масса, жившій въ Москвѣ съ 1601 по 1609 г. и хорошо наблюдавшій за событіями Смутнаго времени, въ сказаніи своемъ о тогдашней Россіи описываетъ наружность Филарета Никитича за 1593—1594 годы, по показаніямъ очевидцевъ, какъ красавца, щеголя и ловкаго наѣздника, которымъ всѣ любовались. Такая наружность можетъ соотвѣтствовать лишь мужчинѣ, не старше 35—36 лѣтняго возраста. Если допустить, что ему въ 1593 году было 36 лѣтъ, то онъ могъ родиться въ 1557 году; слѣдовательно, какъ и въ прежнемъ нашемъ изслѣдованіи, въ которомъ опредѣлили годъ рожденія въ 1556 году, мы близко подошли къ одному и тому же выводу.

То обстоятельство, что онъ сдѣланъ бояриномъ въ 1587 году, т. е. на 30—31 году жизни, не можетъ служить серьезнымъ возраженіемъ. Примѣры ранняго пожалованія въ боярскій санъ бывали. Не говоря уже о князѣ Михаилѣ Васильевичѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, который получилъ боярство 22-хъ лѣтъ, въ 1607 году, такъ какъ умеръ 25-ти лѣтъ, въ 1610 году, но и Борисъ Годуновъ пожалованъ былъ бояриномъ, когда ему было 32 года. Онъ возведенъ былъ въ этотъ санъ въ 1581 году, а умеръ въ 1605 году, на 56 году жизни. Если царь Иванъ Грозный призналъ возможнымъ дать боярство въ молодыхъ годахъ не родовитому человѣку, то царь Ѳедоръ Ивановичъ могъ еще легче предоставить такое званіе своему двоюродному по матери брату. Одновременно съ возведеніемъ въ боярство Филарета Никитича, другой его братъ Александръ Никитичъ назначенъ былъ, въ томъ-же 1587 году, окольничимъ, а потому между обоими братьями не было слишкомъ большой разницы лѣтъ.

Въ смыслѣ нѣкотораго доказательства того, что Филаретъ Никитичъ былъ сыномъ отъ второй супруги Никиты Романовича, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Рѣчь идетъ объ именахъ, которыя даны были, при рожденіи, сыновьямъ Филарета Никитича. Ихъ было пять: Борисъ († 1592 г.), Никита († 1593 г.), Левъ († 1597 г.), Иванъ († 1599 г.) и Михаилъ (1645 г.). Кромѣ младшаго сына, впослѣдствіи царя Михаила Ѳедоровича, всѣ старшіе сыновья умерли въ младенчествѣ. Кромѣ того была дочь Татьяна († 1610 г.), которая была

замужемъ за княземъ Иваномъ Мстиславичемъ Катыревымъ-Ростовскимъ.

Первенцу своему Филаретъ Никитичъ далъ имя Бориса; такого имени не встрѣчается прежде ни въ домѣ Романовыхъ, ни въ родственныхъ семействахъ Ховриныхъ и Головиныхъ. Трудно также допустить, чтобы оно было дано въ честь Бориса Годунова, при существовавшей между нимъ и Филаретомъ Никитичемъ ожесточенной враждѣ. Остается предположить, что это имя дано было въ честь прадѣда по матери—князя Бориса Ивановича Горбатаго-Шуйскаго, отличавшагося военными доблестями. Если это такъ, то въ этомъ фактѣ выражается сильная любовь Филарета Никитича къ его матери, давно уже умершей († 1576 г.). Желая почтить ея память и не рѣшаясь назвать своего первенца именемъ казненнаго отца ея,—Александромъ, онъ назвалъ сына Борисомъ, по имени ея дѣда.

Не лишнимъ считаемъ указать еще на одно обстоятельство, которое можетъ служить тоже подтвержденіемъ высказаннаго нами убѣжденія. Мы уже видѣли, что первый бракъ Никиты Романовича продолжался съ 1547 по 1552 годъ, а второй—съ 1555 или 1556 по 1576 годъ. Извѣстно также, что Борисъ Годуновъ успѣлъ вкрасться въ довѣріе Никиты Романовича, и что послѣдній умирая поручилъ ему своихъ дѣтей. Въ это время, т. е. въ 1586 году, самому Борису Годунову было около 37 лѣтъ, если считать, вмѣстѣ съ голландцемъ Масса, что ему было въ годъ кончины въ 1605 году—55—56 лѣтъ отъ роду. Какихъ же лѣтъ былъ тогда Филаретъ Никитичъ? Если допустить, что онъ родился отъ перваго брака своего отца, то могъ родиться между 1548—1552 годами, слѣдовательно въ 1586 году имѣлъ бы 38—34 года, т. е. былъ бы ровесникомъ и даже старше Бориса Годунова, но въ такомъ случаѣ для чего было бы Никитѣ Романовичу поручать Борису своихъ дѣтей, развѣ что они сами были въ самостоятельномъ возрастѣ? Вѣдь они, какъ двоюродные братья царя Ѳедора Ивановича, въ особомъ покровительствѣ не нуждались, тѣмъ болѣе что царственный родственникъ ихъ очень любилъ. Одинъ юный ихъ возрастъ могъ побудить отца поручить ихъ близкому человѣку, какъ опытному и умному руководителю. Напротивъ того, если считать всѣхъ дѣтей Никиты Романовича родившимися отъ втораго его брака, то все объясняется весьма просто, такъ какъ вовремя его кончины старшему изъ сыновей, относя годъ рожденія Филарата Никитича не раньше 1556—1557 года, могло быть не болѣе 30—29 лѣтъ; младшіе же сыновья были значительно моложе.

---

*

IV.

По поводу избранія царя Михаила Θедоровича.

Часто слышишь, что при избраніи на царство, за прекращеніемъ Рюриковской династіи Московскихъ государей, было много кандидатовъ, которые, по своему происхожденію, имѣли больше правъ на престолъ, нежели Михаилъ Θедоровичъ Романовъ. Дѣйствительно, какъ это видно изъ прилагаемаго ниже списка боярамъ, которые оставались на лицо при вступленіи на престолъ юнаго царя,—было много еще представителей прежнихъ владѣтельныхъ княжескихъ родовъ, потомковъ Рюрика, какъ поколѣнія Святослава Черниговскаго, такъ и поколѣнія Всеволода Суздальскаго. На-ряду съ ними находимъ и потомковъ Гедимина. Но изъ того, что такіе представители существовали, еще не слѣдуетъ, чтобы они имѣли какія-либо права на престолъ и могли быть серьезными кандидатами. Всѣ эти князья, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ С. М. Соловьевъ, давно уже утратили свое значеніе; оно было потеряно еще ихъ предками въ борьбѣ съ младшею линіей Св. Александра Невскаго, съ князьями Московскими. Хотя сами князья и бояре кичились своимъ происхожденіемъ, но разъ, что они изъ бывшихъ удѣльныхъ князей обратились въ служилое сословіе, то не только значеніе родственныхъ отношеній съ Московскими государями, какъ потомковъ отъ общаго родоначальника, было безвозвратно утрачено, но и связь съ областями, которыми владѣли ихъ предки, была окончательно порвана, въ особенности послѣ царствованія Ивана Васильевича. Задавшись цѣлью утвердить самодержавіе, царь Грозный, подъ предлогомъ искоренить измѣну боярскую, учреждаетъ опричину и начинаетъ косить направо и налѣво, часто не разбирая праваго отъ виновнаго, кто подъ руку попадется. Изъ числа же князей стариннныхъ родовъ—Рюриковичей и Гедиминовичей—онъ, мало того что многихъ казнилъ, а у другихъ отнялъ имѣнья, но и тѣхъ, которыхъ не держалъ въ опалѣ, онъ перевелъ съ насиженныхъ мѣстъ на новыя земли и, по одному мѣткому выраженію, перетасовалъ ихъ, какъ колоду картъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ уничтожилась кореннымъ образомъ всякая связь воспоминаній въ народѣ о своихъ природныхъ князьяхъ, и народъ ихъ забываетъ. Ничто уже не напоминало ему о существованіи ихъ, какъ древнихъ властителей; даже самый княжескій ихъ титулъ перестаетъ звучать по́-прежнему, потому что съ этимъ титуломъ, наравнѣ съ потомками Рюрика, появились и Гедиминовичи изъ Литвы, и другіе выходцы изъ Орды и съ Кавказа.

Но ни Рюриковичи, ни Гедиминовичи, по словамъ нашего историка, не имѣли столько права историческаго наслѣдовать собирателямъ Русской земли—государямъ Московскимъ, какъ представители древняго

московскаго боярства, которые такъ усердно послужили собирателямъ земли при ихъ дѣлѣ.

Царь Ѳедоръ Ивановичъ умирая не оставилъ послѣ себя наслѣдника. Уже тогда образовались четыре партіи, изъ которыхъ каждая выставила своего кандидата на престолъ. Представителями двухъ первыхъ были родовитые князья; представителями двухъ послѣднихъ—двѣ боярскія фамиліи, которыя приблизились къ престолу посредствомъ родства съ царями. Съ одной стороны мы видимъ князей Шуйскихъ—прямыхъ потомковъ Рюрика, и князей Голицыныхъ—потомковъ Гедимина. Сіи послѣдніе принадлежали къ младшей вѣтви Патрикѣевскаго рода; они выдвигаются помимо князей Мстиславскихъ, которые, хотя и происходили отъ старшей вѣтви, но не отличались большими способностями. На другой сторонѣ выдающимися претендентами являются Романовы и Годуновы.

Партія Бориса Годунова, который меньше всѣхъ имѣлъ правъ на престолъ, была сильнѣе другихъ и потому восторжествовала. Съ паденіемъ его и Лжедимитрія, престоломъ завладѣлъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, но, въ свою очередь, долженъ былъ его оставить, главнымъ образомъ черезъ интриги князей Голицыныхъ, которые, однако, не успѣваютъ достигнуть цѣли своихъ стремленій. На царство избранъ былъ польскій королевичъ Владиславъ; Москвою распоряжались поляки. По предусмотрительной политикѣ гетмана Жолкѣвскаго, вліятельныя лица удалены, въ качествѣ пословъ, къ королю Сигизмунду и симъ послѣднимъ задержаны; въ плѣну очутились и митрополитъ Филаретъ, и князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Король Сигизмундъ не принялъ предложенныхъ ему условій; наступило междуцарствіе, изъ Москвы раздался призывной кличъ по Русской землѣ отъ ея святителя—патріарха Гермогена, этого мужественнаго патріота и великаго мученика.

Дрогнула Русская земля; раздался сердечный голосъ Минина; явился честный воевода Пожарскій; съ разныхъ сторонъ стали подходить ополченія подъ Москву и прогнали поляковъ; приступлено было, наконецъ, къ избранію царя земскими людьми, собранными отъ всего государства.

Въ дѣлѣ избранія участвовали не одни уже бояре, а всѣ сословія. На кого же могла указать общая молва, какъ не на представителя семейства Романовыхъ, которые пользовались особенною любовью народа. Образъ кроткой царицы Анастасіи еще живо сохранялся въ памяти народной; заступничество ея брата Никиты Романовича за несчастныхъ передъ царемъ Иваномъ Грознымъ воспѣто было въ народныхъ пѣсняхъ; гоненія на его дѣтей и родственниковъ, при Борисѣ Годуновѣ, дѣлали семейство Романовыхъ, какъ невинно пострадавшихъ, еще болѣе дорогимъ. И избраніе Михаила Ѳеодоровича состоялось согласно общему

желанію. Бояре должны были уступить, какъ потому, что въ лихолѣтье они всѣ извѣрились другъ въ друга, такъ и потому, что юный царь, не будучи причастенъ къ ихъ кознямъ, не могъ имъ и мстить за всѣ ихъ неблаговидные поступки.

Итакъ царь Михаилъ Θедоровичъ избранъ былъ въ силу одной только любви народной. Всевышнему промыслу, управляющему невидимо всѣмъ, угодно было, чтобы избранникъ соединялъ въ своемъ лицѣ и права пресѣкшейся династіи, съ которою онъ связанъ былъ по женской линіи, черезъ свою бабку, несомнѣнно изъ Рюриковскаго дома.

М. Г.

Списокъ боярамъ при воцареніи Царя Михаила Θедоровича въ 1613 г.

(Взято изъ древней россійской Вивліоθики, изданной въ 1791 году Н. Новиковымъ, часть XX).

Князь Θедоръ Ивановичъ **Мстиславскій** пожалованъ въ бояре въ 1577 году † 1622. Изъ рода Гедиминовичей. Въ 1526 году, въ княженіе великаго князя Василія Ивановича, прибылъ въ Москву изъ Литвы знатный вельможа князь Θедоръ Михайловичъ Мстиславскій. Онъ женился на дочери казанскаго царевича Петра Ибрагимовича, котораго другая дочь была замужемъ за княземъ Василіемъ Васильевичемъ Шуйскимъ, первымъ олигархомъ въ малолѣтство царя Ивана Васильевича Грознаго. Обѣ эти сестры приходились царю двоюродными сестрами по матери ихъ, княгинѣ Евдокіи Ивановнѣ, его родной теткѣ [1]). Сынъ предыдущаго, Иванъ Θедоровичъ, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей при осадѣ Казани въ 1552 году; при учрежденіи опричины ему, съ другими боярами, была поручена земщина; въ царствованіе Θедора Ивановича, обвиняемый въ умыслѣ противъ Бориса Годунова, онъ былъ пострижень и сосланъ въ Кириловъ монастырь, гдѣ умеръ въ 1586 г. Женатъ былъ на старшей дочери князя Александра Горбатаго-Шуйскаго—Иринѣ.

Сынъ его Θедоръ Ивановичъ былъ первенствующимъ бояриномъ и старѣйшимъ воеводою; во время земскаго движенія для спасенія Москвы отъ поляковъ, онъ оставался въ ней правительствовать.

Князь Андрей Петровичъ **Куракинъ** пожалованъ въ бояре въ 1584 году † 1615. Изъ рода Гедиминовичей. Правнукъ Гедимина Патрикій Алексан-

---

[1]) Дочери царевича Петра Ибрагимовича назывались Анастасіею и Еленою, но о томъ, какая изъ нихъ за кѣмъ была замужемъ, встрѣчается разногласіе. Въ «Зерцалѣ Россійскихъ государей» Тимоθея Мальгина, изд. 1789 г., значится, что Анастасія была за княземъ Мстиславскимъ, а Елена за княземъ Шуйскимъ, тогда какъ Н. М. Карамзинъ показываетъ первую женою послѣдняго.

дровичъ Звенигородскій (на Волыни), лишившись удѣла, выѣхалъ въ Новгородъ въ 1397 году. Онъ былъ родоначальникомъ князей Патрикѣевыхъ, Хованскихъ, Булгаковыхъ, Куракиныхъ, Голицыныхъ и другихъ. Сынъ его, князь Юрій Патрикѣевичъ, при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ, прибылъ въ Москву и заѣхалъ (т. е. занялъ высшее мѣсто) многихъ бояръ. Князь Андрей Петровичъ Куракинъ, во время пребыванія царя Ивана Грознаго въ Литвѣ (1579), управлялъ Москвою.

Князь Иванъ Михайловичъ **Воротынскій** пожалованъ въ бояре въ 1592 году † 1627. Изъ рода князей Черниговскихъ, какъ потомокъ св. князя Михаила Всеволодовича († 1246); въ концѣ XV вѣка князья Воротынскіе перешли изъ литовскаго подданства въ русское. Изъ нихъ Михаилъ Ивановичъ отличался при осадѣ Казани въ 1552 году, а въ 1572 году, на берегахъ Лопасни, разбилъ хана крымскаго Девлетъ Гирея; въ 1573 году, обвиненный въ чародѣйствѣ, подвергнутъ пыткѣ, сосланъ на Бѣлоозеро и дорогою умеръ.

Сынъ его Иванъ Михайловичъ былъ сторонникомъ князей Шуйскихъ; будучи также приверженцемъ патріарха Гермогена, въ 1611 году былъ посаженъ подъ стражу другими боярами, предавшимися польскому королю Сигизмунду; онъ вынужденъ былъ подписать грамоту объ отдачѣ Смоленска. Въ 1613 году стоялъ во главѣ лицъ, посланныхъ къ Михаилу Ѳедоровичу Романову, по случаю избранія на царство.

Князь Иванъ Ивановичъ **Шуйскій** пожалованъ въ бояре въ 1596 году † 1638. Младшій братъ царя Василія Ивановича; отличался неспособностью; со смертью его прекратился родъ старшей линіи потомковъ Суздальско-Нижегородскихъ князей. Они происходили отъ св. Александра Невскаго и долго отстаивали свою самостоятельность отъ князей Московскихъ, къ которымъ, поступили на службу послѣ другихъ Рюриковичей; при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III они были еще въ тѣни, но при сынѣ его, Васильѣ Ивановичѣ III, достигли среди бояръ первенствующаго положенія. Въ малолѣтство Ивана Васильевича IV они, послѣдовательно, становятся во главѣ правленія: сначала князь Василій Васильевичъ (нѣмой) † 1538, который насильно женился на двоюродной сестрѣ великаго князя Анастасіи, дочери казанскаго царевича Петра Ибрагимовича; послѣ него властвовалъ братъ его князь Иванъ Васильевичъ до 1541 года и отличался грубымъ нахальствомъ; затѣмъ князь Андрей Михайловичъ † 1543 года, который, по приказанію юнаго еще Ивана Грознаго, былъ растерзанъ псарями. Изъ пяти внуковъ послѣдняго и родныхъ между собою братьевъ старшій—князь Андрей Ивановичъ погибъ въ 1587. году, вслѣдствіе неудавшагося замысла противъ Бориса Годунова; второй—князь Василій Ивановичъ достигъ престола 1606 –1610, но былъ низложенъ, постриженъ въ монахи и отправленъ въ плѣнъ въ Польшу, гдѣ и умеръ въ 1612 году; третій -князь Дмитрій Ивановичъ, женатый на своячениицѣ Бориса Годунова, дочери Малюты Скуратова Екатеринѣ, извѣстенъ своими неудачными дѣйствіями противъ шаекъ Тушинскаго вора и Жолкѣвскаго; онъ былъ отправленъ въ Польшу вмѣстѣ съ братомъ своимъ, низверженнымъ царемъ, и умеръ тамъ въ 1612 году. Народъ вообще не любилъ Шуйскихъ, за исключеніемъ, однако, князя Ивана Петровича, † 1587 г., знаменитаго защитника Пскова отъ ожесточенныхъ нападеній Стефана Баторія, и князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, † 1610, молодаго героя, прославившагося своими побѣдами надъ врагами царя Василія Ивановича;

первый погибъ въ царствованіе царя Θедора Ивановича, какъ участникъ въ неудавшемся заговорѣ противъ Бориса Годунова, а второй умеръ отъ отравленія—25-ти лѣтъ.

Князь Андрей Васильевичъ **Трубецкой** пожалованъ въ бояре въ 1598 году. Изъ рода Гедиминовичей, черезъ внука великаго князя литовскаго Гедимина-Корибута (по крещеніи Дмитрій Ольгердовичъ). Князья Трубецкіе пользовались расположеніемъ царя Ивана Васильевича Грознаго, и никто изъ нихъ не былъ казненъ. Они играли видную роль въ эпоху междуцарствія.

Князь Василій Васильевичъ **Голицынъ** пожалованъ въ бояре въ 1602 г. † 1619. Изъ рода Гедиминовичей. Князья Голицыны были представителями младшей линіи знаменитой Патрикѣевской фамиліи, черезъ правнука Патрикѣя Александровича—князя Ивана Васильевича Булгакъ, котораго сынъ Михаилъ Ивановичъ, прозванный Голица, и былъ ближайшимъ родоначальникомъ князей Голицыныхъ. Князь Василій Васильевичъ былъ злѣйшій врагъ Бориса Годунова; онъ игралъ также дѣятельную роль въ низверженіи царя Василія Ивановича Шуйскаго; состоялъ въ посольствѣ, отправленномъ къ польскому королю Сигизмунду, осаждавшему Смоленскъ; вмѣстѣ съ прочими послами былъ задержанъ, 9 лѣтъ томился въ плѣну и, по освобожденіи, умеръ на возвратномъ пути.

Матѳѣй Михайловичъ **Годуновъ** пожалованъ въ бояре въ 1604 г. † 1639. Годуновы происходили отъ татарскаго мурзы Четы, выѣхавшаго изъ орды въ Москву, при великомъ князѣ Иванѣ Даніиловичѣ Калитѣ, въ XIV вѣкѣ. Преданіе говоритъ, что этотъ мурза, принявъ святое крещеніе съ именемъ Захарія, сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ и выстроилъ въ Костромѣ Ипатьевскій монастырь. Царь Борисъ Θедоровичъ, первый изъ этого рода, игралъ выдающуюся роль. Своимъ возвышеніемъ, кромѣ природнаго ума и большой ловкости, онъ обязанъ былъ сначала родству съ извѣстнымъ опричникомъ Малютою Скуратовымъ, на дочери котораго былъ женатъ, а потомъ браку его родной сестры Ирины Θедоровны съ царемъ Θедоромъ Ивановичемъ. Когда семейство его погибло при самозванцѣ, и Годуновы были сосланы въ ссылку, бояринъ Матѳѣй Михайловичъ уцѣлѣлъ; при царѣ Михаилѣ Θедоровичѣ былъ воеводою въ Тобольскѣ.

Князь Иванъ Васильевичъ **Голицынъ** пожалованъ въ бояре въ 1605 г. † 1627. Родной братъ вышеназваннаго князя Василія Васильевича Голицына, которому уступалъ въ способностяхъ и при жизни котораго оставался въ тѣни.

Θедоръ Ивановичъ **Шереметевъ** пожалованъ въ бояре въ 1605 г. † 1650. Велъ родъ свой отъ боярина Θедора Кошки, черезъ Константина Александровича Беззубцова, а потому находился въ родствѣ съ домомъ Романовыхъ. Онъ много содѣйствовалъ избранію царя Михаила Θедоровича.

Князь Иванъ Семеновичъ **Куракинъ** пожалованъ въ бояре въ 1605 † 1632 г. Изъ рода Гедиминовичей, какъ и выше показанный князь Андрей Петровичъ. Князь Иванъ Семеновичъ участвовалъ въ заговорѣ Шуйскаго противъ Лжедимитрія. Въ 1608 году, онъ разбилъ Лисовскаго на берегу рѣки Москвы. Впослѣдствіи былъ воеводою въ Тобольскѣ съ 1616 по 1620 годъ.

Иванъ Никитичъ **Романовъ** пожалованъ въ бояре въ 1605 г. † 1640. Приходился роднымъ дядею царю Михаилу Ѳедоровичу. Въ 1601 году подвергся опалѣ при Борисѣ Годуновѣ, наравнѣ съ другими своими братьями; возвращенъ изъ ссылки при Лжедимитріи.

Андрей Александровичъ **Нагой** пожалованъ въ бояре въ 1606 г. † 1618.

Михаилъ Александровичъ **Нагой** пожалованъ въ бояре въ 1606 г. † 1618. Оба приходились родственниками послѣдней супругѣ царя Ивана Васильевича Грознаго—царицѣ Маріи Ѳедоровнѣ. Нагіе получили значеніе лишь вслѣдствіе этого брака, съ 1580 года. По случаю убіенія Дмитрія царевича въ 1591 году въ Угличѣ, Нагіе подверглись ссылкѣ за небрежный надзоръ за царевичемъ, а главное за вызванный ими мятежъ угличанъ.

Князь Иванъ большой Никитичъ **Одоевскій** пожалованъ въ бояре въ 1606 г. † 1616. Изъ рода св. Владиміра, черезъ Михаила Черниговскаго, третій сынъ котораго избралъ мѣстомъ своего жительства г. Одоевъ. Отъ него пошли три вѣтви: князья Бѣлевскіе, князья Воротынскіе и князья Одоевскіе. Князь Иванъ Никитичъ большой, бояринъ и воевода новгородскій, вынужденъ былъ въ 1611 году сдать Новгородъ шведскому полководцу Делагарди.

Князь Борисъ Михайловичъ **Лыковъ** пожалованъ въ бояре въ 1606 г. † 1646. Князья Лыковы-Оболенскіе, изъ рода Рюриковичей, происходили отъ князя Ивана Владиміровича Оболенскаго, прозваннаго Лыко (18-е колѣно отъ Рюрика). Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ-Оболенскій, при Лжедимитріи, былъ великимъ кравчимъ; при Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ, въ 1607 году, вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ и Прокопіемъ Ляпуновымъ, ходилъ къ Каширѣ противъ самозванца Петра и разбилъ его полководца Телятевскаго. Вообще онъ отличался удачными дѣйствіями въ Смутное время противъ поляковъ и казаковъ. Онъ былъ женатъ на Анастасіи Никитичнѣ Романовой, родной теткѣ царя Михаила Ѳедоровича.

Князь Владиміръ Тимофѣевичъ **Долгоруковъ** пожалованъ въ бояре въ 1607 г. † 1633. Князья Долгоруковы, какъ и князья Оболенскіе, ведутъ свой родъ отъ св. князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго, замученнаго въ ордѣ въ 1246 году, потомка Святослава Ярославича († 1076). Одинъ изъ князей Оболенскихъ, Иванъ Андреевичъ, прозванный Долгорукимъ (16-е колѣно отъ Рюрика), былъ ближайшимъ родоначальникомъ Долгоруковыхъ. Князь Владиміръ Тимофѣевичъ Долгоруковъ-Роща былъ воеводою въ Смутное время и защищалъ Троицкую Лавру противъ Лисовскаго и Сапѣги. Дочь его Марія Владиміровна была въ 1624 г. первою супругою царя Михаила Ѳедоровича, но черезъ четыре мѣсяца послѣ брака скончалась.

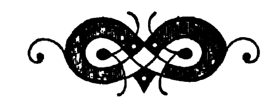
Михайло Борисовичъ **Шейнъ** пожалованъ въ бояре въ 1607 † 1634 г. Бояринъ и воевода; извѣстенъ мужественною обороною Смоленска противу короля Сигизмунда въ 1611 году; при взятіи его попалъ въ плѣнъ и 9 лѣтъ томился въ Варшавѣ вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ, князьями Голицынымъ и Мезицкимъ. Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича неудачно осаждалъ тотъ же Смоленскъ и сдался полякамъ на капитуляцію, за что̀, по возвращеніи въ Москву, былъ казненъ.

Князь Владиміръ Ивановичъ **Бахтеряевъ-Ростовскій** пожалованъ въ бояре въ 1608 г. † 1616. Древняго княжескаго рода и потомокъ прежнихъ властителей Ростова Великаго, которые, постепенно продавая свои владѣнія московскимъ князьямъ, поступили и сами къ нимъ на службу при Иванѣ III. Князь Владиміръ Ивановичъ Ростовскій, въ 1613 г., по провозглашеніи земскимъ соборомъ царемъ шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳедоровича Романова, назначенъ былъ, вмѣстѣ съ другими депутатами отъ духовечства, бояръ, приказныхъ и выборныхъ людей, ѣхать къ нему въ челобитчикахъ.

Василій Петровичъ **Морозовъ** пожалованъ въ бояре въ 1608 г. † 1630. Онъ былъ потомокъ стариннаго боярскаго дома. Одинъ изъ его предковъ, Семенъ Морозовъ, былъ любимцемъ князя Юрія Дмитріевича Галицкаго, дяди великаго князя Василія Васильевича Темнаго.

Князь Дмитрій Тимофѣевичъ **Трубецкой** пожалованъ въ бояре въ 1608 г. Изъ рода Гедиминовичей, какъ и вышеназванный князь Андрей Васильевичъ. Князья Трубецкіе были сторонниками Скопина-Шуйскаго и Романовыхъ. Князь Дмитрій Тимофѣевичъ, въ 1608 году, перешелъ къ Тушинскому вору и получилъ отъ него боярство. Потомъ онъ присоединился къ Прокопію Ляпунову и предводительствовалъ казацкими ратями, собравшимися подъ Москвою, для освобожденія ея отъ поляковъ. Впослѣдствія, въ 1625-мъ году, былъ воеводою въ Тобольскѣ.

Г. М.

КЪ ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ЗНАКОМСТВА

Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ.

О томъ, когда именно познакомился Гоголь съ Пушкинымъ, высказано было нѣсколько предположеній. Покойный академикъ Я. К. Гротъ въ первомъ изданіи «Хронологической канвы для біографіи Пушкина» (Сборникъ отд. русск. яз. и слов. Импер. Ак. н. т. XLII; также отдѣльно: «Пушкинъ, его лицейск. товар. и наставн.») отнесъ это знакомство къ авг. мѣс. 1831 г., а во второмъ, отдѣльномъ изданіи «Хронологич. канвы»—къ іюню.

Біографъ Гоголя, г. Шенрокъ, сначала согласился съ послѣднимъ мнѣніемъ Я. К. Грота (Вѣстн. Евр. 1890, I, 93), а потомъ отнесъ это знакомство къ маю 1831 (Вѣстн. Евр. 1890, VIII, 511—512; также въ «Матер. для біограф. Гоголя» I, 390). Я въ своей статьѣ: «Гоголь въ 1831 г. («Историч. Вѣстн.» 1892, VI) высказалъ предположеніе, что оно состоялось въ іюлѣ 1831-го года. Но всѣ эти мнѣнія высказывались между прочимъ, въ связи вообще съ біографіей Гоголя и Пушкина. Въ настоящее же время появилась объ этомъ отдѣльная статья г. Авенаріуса: «Первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ («Русск. Стар.» 1897, февр.).

Не входя въ разсмотрѣніе высказанныхъ до сихъ поръ мнѣній по данному вопросу и не опровергнувъ ихъ, авторъ прямо устраняетъ ихъ, какъ основанные, по его мнѣнію, на недостовѣрныхъ, отрывочныхъ и мало между собою сопоставленныхъ фактахъ, и замѣняетъ ихъ своимъ собственнымъ.

Такой рѣшительный пріемъ могъ бы быть оправданъ, если бы автору удалось отыскать какія-нибудь новыя, безспорныя и окончательно рѣшающія вопросъ данныя. Но именно этого-то и нѣтъ въ его статьѣ,

и всѣ его выводы основаны на произвольныхъ, ни на какіе факты не опирающихся, соображеніяхъ.

По вопросу о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ г. Авенаріусъ пришелъ къ заключенію, что оно произошло или 5-го мая 1831 года у Плетнева, или 8-го мая у Жуковскаго. Но на чемъ такое мнѣніе основано? На совершенно произвольномъ, никакими данными не оправдываемомъ и не подтверждаемомъ предположеніи его, что Пушкинъ, находившійся въ первой половинѣ 1831 г. въ Москвѣ, выѣхалъ изъ нея въ Петербургъ на Ѳоминой недѣлѣ, т. е. между 26-мъ апрѣлемъ и 2-мъ мая [1]).

Это предположеніе г. Авенаріуса не только ничѣмъ не подтверждается, но прямо противорѣчитъ несомнѣннымъ, имѣющимся у насъ въ рукахъ, фактамъ. 1-го іюня 1831 года Пушкинъ писалъ П. В. Нащокину изъ Царскаго Села: «Вотъ уже недѣля, какъ я въ Царскомъ Селѣ» (Соч. Пушк., изд. 8-е, т. VII, стр. 317). Слѣдовательно, онъ прибылъ туда изъ Петербурга 25-го мая. Этотъ день (25-е мая) надо, значитъ, считать послѣднимъ днемъ пребыванія его въ Петербургѣ.

Когда же онъ пріѣхалъ и сколько въ Петербургѣ пробылъ? Точныхъ и опредѣленныхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ у насъ нѣтъ. Есть только одно указаніе: Погодинъ писалъ Шевыреву изъ Москвы 11-го мая 1831 года: «Пушкинъ ѣдетъ туда (въ Петербургъ) облеченный во всеоружіе брани за тебя». (Русск. Арх. 1882, VI, 185). Слово ѣдетъ показываетъ, что еще не уѣхалъ. Можно думать, что именно 11-го мая онъ и выѣхалъ; но могъ выѣхать, конечно, и въ другой день, позже, только ужъ никакъ не раньше 11-го мая. Принявъ это число за самый ранній срокъ отъѣзда Пушкина, окажется, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ 18-го мая, такъ какъ, по словамъ самого г. Авенаріуса, на переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ требовалось въ то время до шести сутокъ.

Эти соображенія о времени пріѣзда Пушкина въ Петербургъ отчасти подтверждаются и газетнымъ сообщеніемъ. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1831 г. (№ 117, прибавленія, стр. 1136), въ графѣ пріѣхавшихъ «въ столичный городъ С.-Петербургъ 18-го мая 1831», показанъ: «Изъ Москвы, отставной 7-го кл. Пушкинъ». Въ этомъ извѣстіи, кромѣ совпаденія чиселъ, и всѣ остальныя подробности го-

---

[1]) Замѣчу кстати, что г. Авенаріусъ невѣрно разсчиталъ дни и числа: 1-е и 8-е мая пришлись у него въ субботу, а 5-е—въ среду. Въ дѣйствительности же, 1-е и 8-е мая 1831 г. приходились въ пятницу, а 5-е во вторникъ. Такъ какъ разсчетъ дней и чиселъ играетъ у него главную роль, то невѣрность этого разсчета спутываетъ всѣ его соображенія.

Ф. В.

ворятъ въ пользу того, что оно относится именно къ А. С. Пушкину: «Изъ Москвы», «отставной», «Пушкинъ».

Единственное сомнѣніе наводитъ чинъ пріѣхавшаго,—7-го кл.,—тогда какъ извѣстно, что Пушкинъ окончилъ курсъ въ лицеѣ съ чиномъ X-го кл. и, по его собственнымъ словамъ, съ этимъ же чиномъ былъ уволенъ въ отставку.

Въ началѣ іюля 1831 г. онъ писалъ А. X. Бенкендорфу: «Мой настоящій чинъ (тотъ самый, съ которымъ я выпущенъ изъ лицея), къ несчастію, будетъ моимъ препятствіемъ на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи съ 1817 до 1824 г. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина. т. е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора. Бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не припоминалъ. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало» (Соч. Пушк., изд. 8-е, т. VII, стр. 388).

Остается, поэтому, предположить, что въ газетѣ опечатка, хотя. конечно, это извѣстіе можетъ относиться и не къ А. С. Пушкину, а къ другому Пушкину, его однофамильцу. Но если и устранить это газетное извѣстіе, все-таки остается у насъ фактъ, что 11-го мая Пушкинъ былъ еще въ Москвѣ, а 25-го мая онъ уже переѣхалъ въ Царское Село. Вычтя изъ этихъ двухъ недѣль время на переѣздъ (шесть сутокъ), у насъ останется восемь сутокъ (18-го—25 го мая), въ теченіе которыхъ Пушкинъ пробылъ въ Петербургѣ.—Слѣдовательно, если и признать достовѣрнымъ мнѣніе г. Авенаріуса, что знакомство Гоголя съ Пушкинымъ произошло именно въ маѣ, то все-таки не въ тѣ числа, какія произвольно взялъ г. Авенаріусъ, не 5-го или 8-го, а 20-го или 23-го.

Но на чемъ же основано мнѣніе, что знакомство это произошло именно въ маѣ, въ тѣ немногіе дни, которые Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ? Для всѣхъ участниковъ этого факта это было самое горячее время. Пушкинъ торопился въ Царское Село и въ Петербургъ только заѣхалъ на короткое время. Изъ писемъ его за это время видно, что онъ предполагалъ даже и вовсе не заѣзжать въ Петербургъ. 11-го апрѣля 1831 года онъ писалъ изъ Москвы Плетневу: «Пріѣзжать-ли мнѣ къ вамъ, остановиться-ли въ Царскомъ Селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель?» (Сочин. изд. 8-е, т. VII, стр. 291). Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ тотчасъ написалъ въ Москву П. В. Нащокину: «Пріѣхали мы благополучно, милый мой П. В., въ Демутовъ трактиръ, и на-дняхъ отправляемся въ Царское Село, гдѣ мой домикъ еще не меблированъ» (Тамъ же, стр. 316).

Изъ послѣдующихъ писемъ его къ тому же Нащокину можно заклю-

чить, что хлопотъ у него было много: свадебные визиты и пріемы [1]), устройство денежныхъ дѣлъ [2]), заботы о высылкѣ долговъ Горчакову и кн. Вяземскому [3]), ожиданіе обоза съ вещами изъ Москвы, меблировка квартиры въ Царскомъ Селѣ.—Плетневъ и Гоголь тоже были заняты службой и уроками.—Мыслимо-ли, чтобы при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ Пушкинъ и его друзья могли думать о новыхъ знакомствахъ? Тутъ вопросъ не въ томъ, что имъ трудно было найти для этого время, а въ томъ, что, поглощенные своими текущими дѣлами, они врядъ-ли могли остановить свое вниманіе на заботѣ: какъ-бы устроить знакомство Гоголя съ Пушкинымъ? Восторженные отзывы о Гоголѣ Плетнева и Жуковскаго не заставили Пушкина даже поторопиться познакомиться съ напечатанными уже статьями Гоголя, поименнованными въ письмѣ Плетнева, и онъ «з а н е д о с у г о м ъ» отложилъ чтеніе ихъ до пріѣзда въ Царское Село.

Гоголь, конечно, могъ жаждать поскорѣе познакомиться съ Пушкинымъ. Но для послѣдняго-то что́ такое былъ въ это время Гоголь? Молодой человѣкъ, подающій надежды, обѣщающій сдѣлаться со-временемъ хорошимъ писателемъ, и больше ничего. Такихъ молодыхъ людей, подающихъ надежды, было много, и выдѣлять изъ нихъ Гоголя настолько, чтобы среди всякихъ домашнихъ хлопотъ урывать время для знакомства съ нимъ, не представлялось для Пушкина никакихъ основаній. Положимъ, ему и не для чего было объ этомъ заботиться: познакомить его съ Гоголемъ желали ихъ общіе друзья—Плетневъ и Жуковскій. Но время-то для этого въ маѣ было самое неудачное. Весьма вѣроятно, конечно, что Пушкинъ, въ свое кратковременное пребываніе въ Петербургѣ, видѣлся и съ Жуковскимъ, и съ Плетневымъ. Но какъ? Въ назначенные у нихъ дни, т. е. въ среду у Плетнева, а въ субботу у Жуковскаго? Врядъ-ли. Занятый своими хлопотами, онъ не могъ свободно располагать своимъ временемъ, а потому могъ и не соблюдать принятаго его друзьями порядка и побывать у нихъ не въ назначенные ими дни, а въ какіе удастся. Наконецъ, зная, что ему недосугъ, они могли сами навѣстить его въ Демутовомъ трактирѣ. При такихъ условіяхъ очень мудрено было устроить его свиданіе съ Гоголемъ.

Но самымъ главнымъ доказательствомъ, на основаніи котораго я

---

[1]) Его навѣстили, между прочимъ, Поливановъ, женихъ одной изъ его свояченицъ, К. И. Загряжская, тетка его жены. (Соч. изд. 8, т. VII, стр. 317 и 318). Ф. В.

[2]) Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: „дѣла мои въ лучшемъ порядкѣ, нежели я думалъ“; въ другомъ: „теперь, кажется, в с е с л а д и л ъ и буду жить потихоньку“. (Тамъ-же, стр. 317 и 318), Ф. В.

[3]) Тамъ-же, стр. 317 и 318). Ф. В.

утверждаю, что знакомство Гоголя съ Пушкинымъ не могло состояться въ маѣ, служитъ тотъ фактъ, что въ ихъ письмахъ за май, іюнь и первую половину іюля 1831 г. нѣтъ даже и намека на это знакомство. Еще со стороны Пушкина такое умолчаніе до нѣкоторой степени понятно. Знакомство съ Гоголемъ въ его глазахъ (въ данное время, конечно) было ни чѣмъ не замѣчательнѣе знакомства со всякимъ другимъ молодымъ, начинающимъ литераторомъ, и потому онъ могъ и не писать объ этомъ своимъ друзьямъ. Но для Гоголя Пушкинъ былъ предметомъ восторга и поклоненія. Почему же въ его письмахъ за это время (до 27-го іюля) нѣтъ ни слова о знакомствѣ съ Пушкинымъ? И это тѣмъ страннѣе, что оба они жили внѣ Петербурга и довольно близко другъ къ другу: Гоголь—въ Павловскѣ, Пушкинъ—въ Царскомъ Селѣ. Отрѣзанные карантиномъ (по случаю холеры) отъ столицы, они не могли свободно сноситься со своими петербургскими друзьями. При такихъ обстоятельствахъ, если бы они были знакомы другъ съ другомъ уже въ первой половинѣ лѣта 1831 г., или несомнѣнно часто видѣлись бы, то объ этихъ свиданіяхъ Гоголь поторопился бы сообщить своимъ друзьямъ. Правда, сохранилось его письмо къ Данилевскому отъ 2-го ноября 1831 г., въ которомъ онъ писалъ: «Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Пушкинъ, Жуковскій и я».—Но понимать сказанное въ этомъ письмѣ буквально, т. е. будто дѣйствительно въ теченіе всего лѣта они всѣ трое почти ежедневно видѣлись, нельзя. Извѣстно, что Жуковскій прожилъ первую половину лѣта со своимъ царственнымъ питомцемъ въ Петергофѣ, откуда дворъ переѣхалъ въ Царское Село только 24-го іюля [1]). Слѣдовательно, выраженіе Гоголя: «все лѣто» относится именно только къ его лѣтнему мѣстопребыванію, а не къ свиданіямъ его съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, ибо въ первую половину лѣта послѣдняго въ Царскомъ Селѣ не было. Точно также и слова Гоголя: «почти каждый вечеръ собирались мы» надо относить не ко всему лѣту 1831 г., а только ко второй его половинѣ, послѣ пріѣзда въ Царское Село Жуковскаго (24-го іюля).

Всѣ эти соображенія заставляютъ признать предположеніе о знакомствѣ Гоголя съ Пушкинымъ въ маѣ 1831 г. ни на чемъ не основаннымъ. Чтобы признать эту майскую дату, приходится строить цѣлую сѣть разныхъ мелкихъ предположеній, разсчитывать дни и числа, и все это безъ всякихъ фактическихъ основаній, которыхъ и нѣтъ. Для чего же это нужно? Въ сущности, развѣ не все равно, когда именно состоялось

---

[1]) 1-го іюля 1831 г. Жуковскій писалъ изъ Петергофа И. И. Козлову: „мы остаемся въ Петергофѣ и въ Царское не ѣдемъ; всѣ дороги заперты, холера и въ самомъ Царскомъ скоро откроется. Пиши ко мнѣ въ Петергофъ“ (Соч. Жуков., изд. 7-ое, т. VI, стр. 471). Ф. В.

знакомство Гоголя съ Пушкинымъ: въ маѣ, іюнѣ или іюлѣ? Важно только не выдумывать того, на что нѣтъ никакихъ указаній, что противорѣчитъ имѣющимся у насъ въ рукахъ, хотя-бы и скуднымъ, даннымъ. А эти данныя указываютъ на іюль, а не на май, потому что отъ іюля у насъ есть свидѣтельство самого Гоголя о томъ, что въ этомъ мѣсяцѣ онъ уже былъ знакомъ съ Пушкинымъ. Это свидѣтельство и надо брать за исходный пунктъ, пока не попадутся какія-либо другія, ясныя и опредѣленныя данныя, а не затемнять такого простаго вопроса произвольными и ни на чемъ не основанными соображеніями.

Перехожу къ знакомству Гоголя съ А. О. Россетъ, которое произошло послѣ знакомства его съ Пушкинымъ, такъ какъ Гоголь въ первый разъ приведенъ былъ къ ней Пушкинымъ и Жуковскимъ.

Въ этомъ вопросѣ г. Авенаріусъ основывается главнымъ образомъ на запискахъ А. О. Россетъ-Смирновой. Но всякій, кто знакомъ съ этими записками, очень хорошо знаетъ, какой недостовѣрный матеріалъ представляютъ онѣ въ вопросахъ хронологическихъ. Никакихъ точныхъ и опредѣленныхъ хронологическихъ датъ въ этихъ запискахъ нѣтъ, и самые факты такъ перепутаны, что не только разобраться въ нихъ, но даже замѣтить хронологическую путаницу въ разсказѣ бываетъ очень мудрено. Разсказъ ведется такъ связно и, повидимому, послѣдовательно, что только человѣкъ, знакомый съ разными мелкими хронологическими, біографическими и библіографическими фактами, можетъ замѣтить путаницу и неточность въ разсказѣ, доходящую иногда до поразительной степени.

На стр. 49-й, напримѣръ, у Смирновой разсказывается, что на одномъ изъ ея вечернихъ собраній, на которомъ присутствовали Пушкинъ и Гоголь, былъ и государь императоръ Николай Павловичъ, который говорилъ съ Пушкинымъ о его бѣдной нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту сказано: «она тогда (т. е. когда происходилъ разговоръ) умерла, и поэтъ очень жалѣлъ ее». Извѣстно, что няня Пушкина скончалась въ концѣ 1827 года, какимъ же образомъ могъ при этомъ разговорѣ присутствовать Гоголь, находившійся въ то время еще въ Нѣжинѣ?! И такихъ курьезовъ въ запискахъ Смирновой не мало. Вотъ почему пользоваться ими при рѣшеніи мелкихъ хронологическихъ вопросовъ рѣшительно невозможно.

Это доказывается и статьей г. Авенаріуса. Приступая къ рѣшенію вопроса о времени знакомства Гоголя со Смирновой-Россетъ, авторъ за исходную точку принимаетъ показаніе самой Смирновой въ ея дневникѣ. Разсказывая о первой своей встрѣчѣ съ Гоголемъ у Балабиныхъ, А. О. Россетъ говоритъ: «Онъ показался мнѣ грустнымъ и неловкимъ, но онъ настоящій малороссъ; а засимъ прибавляетъ: «Послѣ завтра уѣзжаемъ въ Царское Село».

Рѣшивъ уже совершенно, какъ мы видѣли, неосновательно и произвольно, что первая встрѣча Гоголя съ Пушкинымъ произошла 5-го или 8-го мая 1831 года, г. Авенаріусъ къ этой датѣ пріурочиваетъ и день знакомства Гоголя съ Россетъ. По его словамъ, они въ первый разъ встрѣтились мелькомъ у Балабиныхъ въ маѣ 1831 г., за два дня до переѣзда Россетъ въ Царское Село, а ближе познакомились на слѣдующій день, когда Гоголь приведенъ былъ къ Россетъ Пушкинымъ и Жуковскимъ. Опредѣляя дни этихъ встрѣчъ точнѣе, онъ говоритъ, что онѣ произошли 6-го и 7-го мая, значительно менѣе вѣроятія, что онѣ произошли послѣ 10-го мая.

Но во всѣхъ этихъ, повидимому, очень точныхъ соображеніяхъ г-нъ Авенаріусъ не обратилъ вниманія на одно только: что цитируемый изъ записокъ Смирновой разсказъ относится не къ 1831 г., а къ 1833 году, ибо дальше разсказывается о прибывшемъ изъ Парижа курьерѣ съ извѣстіемъ объ іюльской революціи. Очевидно, въ разсказѣ Смирновой хронологическіе факты спутаны и, слѣдовательно, опираться на ея слова нельзя.

Приводимый у г. Шенрока («Матер. для біогр. Гоголя», т. I, стр. 332—334) разсказъ самого Гоголя о времени знакомства его со Смирновой, записанный «на память» ея дочерью въ 1850 г., которымъ также пользуется г. Авенаріусъ, тоже наполненъ обычными въ запискахъ Смирновой хронологическими неточностями и противорѣчіями. Разсказавъ о первой своей мимолетной встрѣчѣ со Смирновой на урокѣ у Балабиныхъ (которая, очевидно, относится къ 1830 г.) и еще до разсказа, о томъ, какъ Пушкинъ и Жуковскій привели его къ Смирновой, Гоголь говоритъ: «Она знала уже, что П. А. Плетневъ меня принималъ дружески и что В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ благоволили къ хохлу». И оканчиваетъ свой разсказъ словами: «Вотъ какъ мы познакомились съ Александрой Осиповной. Тогда мы всѣ были помоложе, Пушкинъ еще не былъ женатъ, Александра Осиповна была фрейлиной, а я былъ учитель».

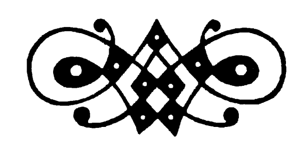
Кто тутъ напуталъ: Гоголь-ли, которому измѣнила память, или дочь А. О. Смирновой, записавшая разсказъ Гоголя «на память»,—рѣшить, конечно, невозможно, но фактъ тотъ, что на подобныхъ сбивчивыхъ показаніяхъ нельзя основывать никакихъ точныхъ хронологическихъ выводовъ. Изъ разсказа Гоголя выходитъ, во-первыхъ, что онъ познакомился съ Пушкинымъ еще до его женитьбы, тогда какъ это несомнѣнно неправда; во-вторыхъ, что между знакомствомъ его съ Пушкинымъ и знакомствомъ съ А. О. Россетъ прошелъ нѣкоторый промежутокъ времени, въ теченіе котораго онъ успѣлъ заслужить «благоволеніе» Пушкина. Это очень вѣроятно, но это совершенно противорѣчитъ разсче-

тамъ г. Авенаріуса, по которымъ выходитъ, что 5-го мая Гоголь познакомился съ Пушкинымъ, а 6-го или 7-го—съ А. О. Россетъ.

И какая замѣчательная торопливость обнаруживается въ устанавливаемыхъ г. Авенаріусомъ фактахъ! Перваго мая, по мнѣнію г. Авенаріуса, Пушкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, пріѣхалъ всего на нѣсколько дней, торопясь съ молодой женой въ свое гнѣздо, въ Царское Село. Тѣмъ не менѣе, 5-го мая Жуковскій и Плетневъ устраиваютъ встрѣчу его съ Гоголемъ, а 6-го или 7-го мая Пушкинъ и Жуковскій ведутъ упирающагося Гоголя къ Россетъ. Точно всѣмъ имъ и дѣлать больше нечего было, какъ знакомить и знакомиться! Точно Плетневъ и Жуковскій только о томъ и мечтали, какъ-бы поскорѣй познакомить Гоголя съ Пушкинымъ и Россетъ. И хотя всѣ они были заняты и служебными, и домашними своими дѣлами, но они все бросили, чтобы устроить, наконецъ, это знакомство.—Развѣ можно такъ буквально понимать слова Плетнева: «я нетерпѣливо желаю подвести его къ тебѣ подъ благословеніе!»

Не проще-ли будетъ предположить, что знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и Россетъ произошло безъ этой торопливости и произошло такъ, какъ происходитъ и всякое знакомство знаменитыхъ и незнаменитыхъ, большихъ и маленькихъ людей: само собою, при подходящихъ обстоятельствахъ. А эти обстоятельства наступили тогда, когда всѣ дѣйствующія лица сошлись въ одномъ мѣстѣ и имѣли болѣе досуга, т. е. послѣ переѣзда двора изъ Петергофа въ Царское Село и, значитъ, послѣ 24-го іюля 1831 года.

Ф. Витбергъ.

Русскій путешественникъ прошлаго вѣка за границею.

(Собственноручныя письма А. С. Шишкова 1776—1777 г. г.).

1776 годъ [1]).

9.

23-го октября.

Что я къ тебѣ давно не писалъ, тому причиною было наше путешествіе, которому теперь же сдѣлаю описаніе. Пятаго числа по утру поѣхали мы изъ Ливорны въ Пизу, куда пріѣхавъ, черезъ три часа, остановилися у Ивана Абрамовича Ганибала и услышали, что онъ ѣдетъ обѣдать къ купцу Каламаю въ Бани, которыя лежатъ отъ Пизы верстъ около шести, куда пригласилъ и насъ съ собою. Но какъ еще было туда ѣхать рано, то между тѣмъ пошли мы осматривать городъ, и всѣ находящіяся въ ономъ примѣчанія достойныя мѣста. Городъ сей гораздо больше, но гораздо малолюднѣе Ливорно, построенъ весьма порядочно, имѣетъ въ себѣ множество домовъ хорошей архитектуры, также и церквей древнихъ. Въ прежнія времена былъ онъ республикою. Когда еще не было Ливорны, то отправлялася въ немъ коммерція посредствомъ протекающей черезъ него рѣки Арны, которая иногда совсѣмъ высыхаетъ, а иногда послѣ дождливыхъ погодъ отъ сливающихся въ нее съ горъ потоковъ выступаетъ изъ береговъ своихъ. По обѣимъ сторонамъ сея рѣки сдѣланы весьма изрядныя двѣ набережныхъ, и чрезъ оную идетъ каменный хорошій мостъ, на которомъ обыватели съ той и съ другой стороны имѣютъ обыкновеніе собираться черезъ каждые три года и прогонять одна другую сторону. Сіе обыкновеніе, какъ видно, занято было у древнихъ римлянъ и осталося еще и по сію пору въ употребленіи. Жители пизанскіе во время республичнаго правленія были чрезвычайно богаты, ибо сіе видѣть можно по великолѣпному строенію домовъ и церквей; напослѣдокъ были они покорены тосканскими герцогами и причислены къ ихъ владѣнію, но любя прежнюю свою вольность, дѣлали они противу побѣдителей своихъ частые бунты. И такъ

[1]) См. „Русскую Старину“, 1897 г. май.

дабы отвратить сіи неустройства и присоединить ихъ крѣпчае къ своимъ согражданамъ, нѣкто изъ герцоговъ установилъ орденъ святаго Степана и, ставши самъ онаго начальникомъ, роздалъ и поназвалъ кавалерами всѣхъ жителей города, которые были побогатѣе. Установилъ же онъ сей орденъ на такихъ правахъ, что не имѣющій ста червонныхъ въ годъ доходу онаго имѣть не можетъ, а по смерти послѣдняго въ родѣ своемъ кавалера все его имѣніе идетъ въ наслѣдство ордену! Такимъ образомъ получа новое сіе достоинство почитали они уже за стыдъ обращаться въ торговлѣ; притомъ же построеніе Ливорны когда пресѣкло съ ними коммерцію, то приходя отъ-часу въ бѣдность, наконецъ они совсѣмъ разорилися и нынѣ уже не имѣютъ болѣе силъ освободиться отъ ига невольничества. Лучшее и древнѣйшее зданіе въ семъ городѣ есть соборная церковь, архитектуры готической; она стоитъ посреди двухъ круглыхъ большихъ зданій, изъ которыхъ одно есть крестильница или купель, а другое криво стоящая пустая толстая и высокая башня. Между соборомъ и купелію, позади немного, находится кругловатая галлерея, которой полъ составленъ изъ надгробныхъ плитъ, ибо тутъ погребаемы были тѣла умершихъ, средина же оной есть пустая площадь, обросшая травою, гдѣ также было прежде кладбище. Сія земля называется святою, потому что во время крестовыхъ походовъ привозили оную изъ Іерусалима и клали на сіе мѣсто, для того многіе христіане тутъ завѣщали себя похоронить. Въ соборной церкви находятся нѣсколько довольно украшенныхъ жертвенниковъ, не малое число живописныхъ весьма изрядныхъ картинъ, мраморный, не упомню чей, монументъ въ стѣнѣ лежащей во гробѣ, и проч. Потолокъ столярной клѣтчатой работы вызолоченъ. Двери вокругъ всей церкви литыя, мѣдныя съ изображеніемъ многихъ библическихъ притчъ на оныхъ: вещь довольно дорогая. Впрочемъ сія церковь темна и пространна. Кругловатая стѣна галлереи вся исписана сухими красками, сказываютъ, славнымъ ихъ живописцемъ Рафаелемъ. Находится тутъ мраморный монументъ итальянскаго философа Алгаротія, поставленный въ память ему прусскимъ королемъ, и еще нѣкоторые другіе, также нѣсколько барельефовъ, сосудовъ или рѣзныхъ мраморныхъ гробницъ, которые привезены изъ Греціи, и въ которые древніе греки имѣли употребленіе класть тѣла своихъ усопшихъ. Крестильница или купель довольно изрядное зданіе, въ которомъ также не малое число хорошихъ картинъ и небольшихъ столповъ изъ разныхъ оріентальныхъ мраморовъ. Кривостоящая башня—зданіе весьма чудное о семи колоннахъ, которое, кажется, упадаетъ и не хочетъ упасть, ибо навислой онаго сторонѣ средина кажется немного выдалась впередъ, а верхъ оной немного опрокинулся въ противную сторону. Мы всходили на самый верхъ башни, однако никто изъ насъ не осмѣлился обойти

кругомъ оной по колоннѣ, которая была безъ перилъ: такъ она крива. Считаютъ навислости оной отъ перпендикуляра около двѣнадцати саженъ. Иные сказываютъ, будто нарочно строена она кривою, а другіе утверждаютъ, что она въ то время погнулась, когда оную строили, и что принуждены уже были такъ ее окончить.

Осмотрѣвъ сія зданія, пошли мы въ кавалерскую церковь, называемую святаго Стефана. Сія показалась мнѣ также довольно хорошею, она украшена многими изрядными картинами, а верхъ оной обвѣшанъ многими трофеями, которые получали сіи кавалеры, воюя противъ алжирцевъ. Стоитъ она подлѣ плаца, окруженнаго большими домами, принадлежащими къ ордену ихъ кавалеровъ. Послѣ сего были мы еще на гостиномъ дворѣ и на серебряной фабрикѣ, гдѣ продаются изрядныя вещи. Заходили въ театръ, который хотя не весьма великъ, однакоже изряденъ; потомъ пошли домой и, проводивъ день довольно весело въ Баняхъ, къ ночи возвратилися назадъ, и на другой день послѣ обѣда, нанявъ карету, поѣхали въ Лукку.

Сей городокъ находится отъ Пизы въ разстояніи около тридцати верстъ, мѣстоположеніе имѣетъ прекрасное; кругомъ онаго, преизрядный валъ и крѣпость весьма хорошая; улицы въ немъ также узкія, какъ и во всѣхъ прочихъ городахъ; архитектура церквей и домовъ не худая. Впрочемъ онъ есть республика, управляемая десятью дожами, которые черезъ каждые два мѣсяца по-очереди смѣняются, и кому изъ нихъ достанется быть дожемъ, тотъ имѣетъ у себя дворецъ и еще многія другія преимущества. Прочіе же девять его товарищей называются просто сенаторами, а въ сенаторы выбираются, черезъ каждые два года, изъ другихъ ста человѣкъ, называемыхъ кавалерами. Пріѣхавъ еще засвѣтло въ Лукку, остановилися мы въ трактирѣ и пошли ходить по улицамъ, заходили въ нѣкоторыя церкви, которыя весьма порядочно были убраны и имѣли въ себѣ много живописныхъ преизрядной работы картинъ. Показали намъ дворецъ, который хотя не изъ дворцовъ, однако же изъ домовъ можетъ назваться огромнымъ домомъ; тутъ у нихъ церковь изрядная. Впрочемъ, мы во внутреннихъ покояхъ не были за присутствіемъ въ оныхъ самого дожа, который во время своего правленія ни на одинъ часъ отлучиться изъ города не можетъ. Изъ дворца прошли мы въ арсеналъ, который хотя не великъ, однако прекрасно прибранъ, и находится въ ономъ двадцать четыре тысячи ружей, нѣсколько длинныхъ мушкетоновъ, латъ и другихъ воинскихъ орудій. Потомъ обошли мы кругомъ по валу, гдѣ у нихъ многія прогуливаться выѣзжаютъ, и, возвращаясь домой когда уже стало поздно, зашли въ кофейный домъ, куда у нихъ многіе ввечеру сбираются, особливо когда не бываетъ театра: тутъ нашли мы довольное число порядочно одѣтыхъ людей, съ которыми старались разговориться и познакомиться, что намъ легко и

удалось, ибо они были очень ласковы и учтивы. Одинъ изъ нихъ, уже немолодой человѣкъ, тутошный кавалеръ, сдѣлалъ намъ предложеніе идти на конверзацію въ одинъ ему знакомый домъ, говоря, что намъ будетъ очень скучно, по причинѣ, что театра, за болѣзнью первой актрисы, въ этотъ вечеръ не будетъ. Мы съ радостью приняли сіе предложеніе и благодарили его искренно за сію учтивость. Такимъ образомъ, разспрося у насъ, гдѣ мы остановились, обѣщался онъ черезъ полчаса быть къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ, не успѣли мы возвратиться домой и нѣсколько порядочнѣе одѣться, какъ уже онъ пріѣхалъ и насъ просилъ съ собою. Пріѣхавъ туда, вошли мы въ покой простой, но порядочно убранный, въ которомъ находилось около пятидесяти человѣкъ мужчинъ и женщинъ и поставлено было по сторонамъ множество ломберныхъ столовъ. Знакомецъ нашъ представилъ насъ хозяйкѣ, которая была дожева родственница; она приняла насъ довольно ласково и показала намъ не мало учтивостей. Собраніе сіе, какъ видно, состояло изъ помянутыхъ сенаторовъ и кавалеровъ, которые всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, одѣты были въ черное платье, чему причиною, намъ сказали, что у нихъ въ городѣ классным иного платья носить не дозволяется. По прошествіи около часа времени сѣли всѣ за карты играть въ тресетъ, къ чему и насъ пригласить не упустили. Послѣ того, сыгравъ положенное число партій и проводя еще съ небольшимъ часъ времени въ разговорахъ, стали разъѣзжаться, что̀ видя, и мы, откланявшись хозяйкѣ, хотѣли идти домой, но знакомецъ нашъ просилъ неотступно сѣсть въ его карету, и притомъ изъявлялъ намъ свое сожалѣніе, что онъ не можетъ насъ видѣть завтра, по причинѣ, что поутру рано для нѣкоторыхъ нужныхъ дѣлъ ѣдетъ во Флоренцію. Такимъ образомъ, отблагодаря его за непрерывныя къ намъ учтивости и пожелавъ ему благополучнаго пути и успѣховъ, мы съ нимъ разстались и пріѣхали въ началѣ двѣнадцатаго часа домой. Лишь только сѣли мы ужинать, какъ вдругъ услышали подъ окнами нашими огромную музыку, которая стоя тутъ насъ дожидалась. Не знаю, почему сіи люди вздумали, что мы больше на свѣтѣ значимъ и богатѣе въ самомъ дѣлѣ гораздо, нежели какими себя показываемъ. Сіе можетъ статься для того, что мы имѣли съ собою три человѣка слугъ и притомъ остановились въ лучшемъ трактирѣ, только скажу, что намъ подобныхъ честей надѣлали пропасть, отъ которыхъ мы, чтобъ избѣжать стыда, хотя не отрицались, однакожъ они намъ дорого стали, ибо мы за нихъ не благодарностью одною, но чистымъ золотомъ платили. Русскіе наши во время войны сказываютъ, обогатили всю Тоскану, такъ и понынѣ еще слава о щедрости ихъ не умолкаетъ. Итальянцы народъ очень учтивый, всего больше почитаютъ они червонцы, никого такъ не любятъ, какъ щедрыхъ и тщеславныхъ господъ, и ежели у кого видятъ въ рукахъ много денегъ,

того они, безъ всякой запинки, какъ-будто во всѣхъ мѣстахъ сговорясь, называютъ полубогомъ и стараются всевозможныя показать ему услуги, не ступя и шагу, за что бы имъ заплатить было не должно. Всего чуднѣе учреждена ихъ почта и обыкновенія въ постоялыхъ домахъ: надобно заплатить положенное число прогонныхъ денегъ за лошадей,—только втрое подороже нашего, кучеру за то, что ѣхалъ съ тобою, тому, кто лошадей впрягаетъ, хозяину за издержки и за постой, и тому, кто во время ужина или обѣда накрывалъ столъ; мнѣ кажется, они современемъ и то уставятъ, что надобно будетъ и тому платить, кто на тебя поглядитъ. Впрочемъ, хотя я и наслышался, что въ Италіи можно дешевле прожить, нежели у насъ, однакожъ это въ разсужденіи стола и поѣздокъ не совсѣмъ правда: мудрено тамъ издерживать мало, гдѣ жители такіе великіе охотники до денегъ, будучи сами не весьма щедры! Хлѣбосольство у нихъ почитается за роскошь и, кажется, они другъ у друга рѣдко обѣдаютъ, развѣ по зову, или ужъ очень по короткому знакомству. Часто бываютъ у нихъ конверзаціи, то-есть собираются на вечеръ сидѣть въ одинъ домъ и провождаютъ время въ разговорахъ или въ какихъ-нибудь забавахъ, причемъ хозяинъ не весьма великій терпитъ убытокъ, ибо гостей своихъ подчуетъ однимъ своимъ хозяйствомъ, а когда станетъ приходить дѣло къ ужину, такъ они пожелаютъ ему доброй ночи и разойдутся.

Однакожъ, я такъ сегодня записался, что насилу держу въ рукахъ перо; и такъ, позволь и мнѣ, слѣдуя здѣшнему обыкновенію, прежде нежели наскучу, пожелать тебѣ всякаго благополучія, а самому немного отдохнуть и оставить продолженіе о нашемъ путешествіи до завтра.

10.

24-го октября.

Поутру вставъ не ходили мы никуда изъ двора, а послѣ обѣда пошли еще прогуливаться по городу, были на одной шелковой фабрикѣ и зашли къ первой театральной пѣвицѣ освѣдомиться, будетъ ли она сегодня играть на театрѣ. Она хотя уже къ тому и приготовлялась, однако жъ не преминула сказать намъ сей комплиментъ, что ежели бы не особливо въ угодность нашу, то бы она конечно по причинѣ болѣзни своей еще и сегодня на театръ не вышла. Мы, благодаря за сію учтивость, хвалили напередъ ея искусство пѣть, а она въ это время жаловалась на больную грудь свою. Посидѣвъ у нея съ полчаса, возвратились мы домой, и ввечеру пошли въ театръ. Представлена была опера

«Ѳемистоклъ». Театръ у нихъ весьма изрядный, публика несравненно лучше ливорнской, только шумятъ очень, апплодируютъ много и мало смотрятъ на представленіе. Актеры играли хорошо, и первая пѣвица довольно имѣла дару столько нравиться слѣпому, сколько дѣлать отвращенія глухимъ. Напослѣдокъ, по окончаніи представленія, пошли мы домой, и на другой день поутру рано отправились обратнымъ путемъ въ Ливорну. Проѣзжая по здѣшнимъ мѣстамъ, великое можно чувствовать удовольствіе, ибо на пути такіе представляются глазамъ предметы, на которые смотрѣть пріятно. Вся почти Тоскана состоитъ изъ одной прекрасной долины, лежащей между двумя хребтами весьма высокихъ горъ. Дороги по оной никогда не бываютъ грязны, потому что возвышены и по обѣимъ сторонамъ оныхъ идутъ каналы; засѣянныя поселенскія полосы отдѣлены одна отъ другой насажденными по прямой линіи деревами, которыя всѣ переплетены между собою виноградомъ. Природою же и всегдашнимъ тепломъ такъ сіи мѣста украшены, что кажется, будто непрерывные сады одинъ за другимъ слѣдуютъ, и всѣ вмѣстѣ составляютъ одинъ большой садъ, въ которомъ каменные поселенскіе домики, повсюду разметанные, представляютъ родъ бесѣдокъ, а идущія въ другія стороны дороги, деревами усаженныя,—родъ преизрядныхъ аллей или проспектовъ. Притомъ же иногда встрѣчаются на горахъ разнодревныя рощицы, иногда господскіе дома, иногда большія мѣстечки, на подобіе нашихъ деревень, съ тою только разностью, что всѣ сіи строенія изъ дикаго камня преизрядно выдѣланныя, а деревяннаго нѣтъ, ниже пастушьяго шалаша; и сіе все, присовокупя къ тому теплый, даже среди зимы, воздухъ, дѣлаетъ пріятнымъ обиталищемъ сію землю. Показалось мнѣ хорошимъ у нихъ также и то, что каждый земледѣлецъ имѣетъ свой домъ на той землѣ, которую онъ работаетъ, и чтобъ можно было ему отправлять обыкновенную свою работу, то не имѣетъ онъ нужды отходить далѣе ста шаговъ отъ своего дома; напротивъ того, наши крестьяне преимущества сего лишены и принуждены иногда бываютъ за нѣсколько верстъ отъ своей деревни земледѣльствовать. Но я оставляю сіи разсужденія, и чтобъ возвратиться опять къ нашему путешествію, то мы не болѣе пяти часовъ были на дорогѣ и потомъ пріѣхали въ Пизу, гдѣ застали еще нашего генерала, и, чтобъ проводить его, остались тутъ ночевать. На другой день поутру онъ отправился въ Россію, а мы поѣхали въ Ливорну; тутъ пробыли дней около шести, въ которые съ нами примѣчанія достойнаго не случилось, кромѣ что вечера два проводили довольно весело на конверзаціяхъ. По прошествіи сихъ шести дней, какъ время еще оставалось довольно, и наши фрегаты еще долго не могли быть готовы, то согласились мы ѣхать во Флоренцію, куда и отправились четвертаго на десять числа послѣ обѣда, ночевали на дорогѣ и, пріѣхавъ туда на дру-

гой день ввечеру, остановились въ трактирѣ, называемомъ Центаврусъ.

Продолженіе будетъ впереди, а сегодня намѣренъ я походить нѣсколько по городу и потомъ идти въ театръ, чего ради я оставляю теперь удовольствіе больше къ тебѣ писать, а буду стараться наградить оное въ другое время.

11.

27-го октября.

Я приступаю теперь описывать Флоренцію, но примѣчанія мои будутъ весьма слабы въ разсужденіи многихъ, любопытства достойныхъ вещей, которыми городъ сей преисполненъ: надобно имѣть гораздо больше моего свѣдѣнія, больше проницанія и несравненно больше употребить времени на разсмотрѣніе всего знаменитаго въ ономъ. Сказываютъ, что дюкъ Альбертъ Саксонскій говаривалъ, что не должно его показывать иностраннымъ, какъ только по праздникамъ и воскресеньямъ: столь онъ цѣнилъ красоту онаго! Сіе бы, кажется, долженствовало меня устрашить и остановить мое дерзновеніе приниматься писать о славной Флоренціи, которую я небольше четырехъ дней имѣлъ случай видѣть, и о которой достойнѣйшіе меня люди, живучи нѣсколько лѣтъ въ оной, писать не смѣли: но тѣ, можетъ статься, опасалися несовершенства въ своемъ писаніи, а какъ мое намѣреніе не мѣста тѣ описывать, въ которыхъ мнѣ быть случилося, но единственно, что мнѣ въ короткое время бытія моего удалося видѣть и примѣтить въ оныхъ, то хотя бы сіе описаніе было и весьма недостаточно, однакожъ ты, благосклонный читатель моихъ дружескихъ къ тебѣ писемъ, не обвинишь меня тѣмъ, что я принялся за высшее силъ моихъ и почти за неизвѣстное мнѣ дѣло, ибо легко разсудишь, что я пишу не для наставленія тебя и другихъ моихъ читателей, ежели они когда случатся, но для собственнаго себѣ о томъ напоминанія въ будущее время, и чтобъ купно при семъ засвидѣтельствовать, сколь часто я о тебѣ помышлялъ въ мое отсутствіе. Слѣдовательно критика не должна устремляться на такое сочиненіе, которое ни мало ей не хочетъ сопротивляться, совсѣмъ же уничтожить и почесть за потерянное употребленное на сіи письма время, не наруша справедливости, не можно: ибо инымъ они принесутъ хотя малое удовольствіе слышать нѣкоторую новизну, тебѣ удовольствіе быть напоминаему твоимъ другомъ, а мнѣ отраду къ тебѣ въ отсутствіи писать и приводить съ посильнымъ разсужденіемъ видѣнное мною къ себѣ на память. Сіи причины конечно довольно убѣдительны къ оправданію моего

при семъ дѣлѣ намѣренія. Такимъ образомъ, оградивъ себя отъ критики, я приступаю теперь смѣло къ продолженію моихъ писемъ.

Флоренція есть древній, довольно большой, крѣпкій и прекрасный городъ въ Италіи, главный въ Тосканѣ и столица гранддюкова. Въ немъ находится архіепископство, университетъ, славная академія, преизрядная крѣпость, и весьма хорошія библіотеки, особливо Сантъ-Лаурентская. Считается въ ономъ около пятидесяти церквей, семнадцать площадей, слишкомъ сто шестьдесятъ публичныхъ статуй, не малое число большихъ огромныхъ зданій, нѣсколько монастырей, множество училищъ, сиротопитательный домъ, больница и проч. Раздѣленъ городъ сей рѣкою Арною на двѣ части, чрезъ которую идутъ четыре каменные моста въ недалекомъ одинъ отъ другого разстояніи. Впрочемъ, архитектура домовъ и церквей хорошая, положеніе мѣста имѣетъ онъ довольно изрядное, ибо окруженъ горами и долинами.

Пріѣхавъ туда ввечеру, какъ я уже выше сказалъ, первое наше стараніе было отослать рекомендательное объ насъ письмо къ одному тамошнему офицеру, который столько былъ учтивъ, что не умедлилъ поутру къ намъ явиться и предложить свои услуги, которыя мы приняли тѣмъ съ большею благодарностью, что имѣли въ нихъ великую нужду, ибо во все время бытія тамъ нашего онъ почти безотлучно былъ съ нами и былъ нашимъ предводителемъ. Съ начала самаго пошли мы посмотрѣть крѣпости и валы, гдѣ мнѣ показалася каменная стѣна оной [1]) и одна большая мѣдная пушка святаго Павла, которая вылита и отработана прекрасно; послѣ того зашли мы въ арсеналъ, прибранный довольно изрядно; въ немъ находится около одиннадцати тысячъ ружей и почти два раза больше того латъ, нѣсколько мушкетоновъ длинныхъ, мортиръ и прочаго орудія, одна шестидесяти калиберная мѣдная пушка славнаго мастера Козма Ченни, который въ жизнь свою 521 пушку вылилъ, и сія была послѣдняя; другая чугунная сорока двухъ калибровъ, которая вся поштучно разбирается. По сторонамъ при входѣ находятся нѣсколько шкаповъ, наполненныхъ разныхъ государствъ разными новыми и древними орудіями, какъ-то: ножами, пистолетами, ружьями, палашами, разныхъ родовъ саблями и проч., изъ коихъ многіе толь славной работы, что мы всякую вещь долгое время не устали бы разсматривать и удивляться мастеру оной, ежели бы позволяло намъ время; но чтобъ удовольствовать совершенно любопытство наше, то, конечно, не достало бы цѣлой недѣли на разсмотрѣніе всѣхъ сихъ удивительныхъ вещей. Итакъ, пробывъ тутъ не болѣе двухъ часовъ, пошли мы оттуда въ соборную церковь, которая есть огромное и древнее зданіе, внутри и снаружи довольно украшенное: двери у сея церкви также литыя мѣдныя, какъ и

---

1) Такъ въ подлинникѣ.

въ Пизѣ, только несравненно лучшей работы противъ тѣхъ. Подлѣ ней находится высокая четвероугольная колокольня, съ которой весь городъ и всѣ около лежащія мѣста видны. Впрочемъ, мы во многихъ еще церквахъ были, находили ихъ всѣхъ весьма хорошими съ богатыми и пребогатыми жертвенниками, также и прочими украшеніями, но когда-бъ я живописецъ и скульпторъ былъ, то, конечно, описалъ бы тебѣ всѣ находящіяся въ оныхъ картины и мраморные въ память славныхъ мужей возставленные истуканы, которые достойны того, чтобъ каждую изъ нихъ вещь разсматривать и описывать порознь. Можно читать о семъ на французскомъ языкѣ книгу называемую Voyage d'Italie, par M. Cochin, который самъ, бывъ королевскій рѣзчикъ и живописецъ, ѣздилъ по всей Италіи долго и сдѣлалъ собраніе многимъ достопамятнымъ вещамъ, заключающимся въ оной. Молодому человѣку, путешествующему для разсмотрѣнія достопамятностей въ другихъ государствахъ, надлежитъ непремѣнно читать прежде книги, описующія тотъ городъ, въ который онъ въѣзжать намѣренъ, дабы пріуготовиться, на какіе предметы устремить свои примѣчанія. Но съ моей стороны, надобно признаться, что сія помощь не была употреблена, и для того я, конечно, меньше видѣлъ, нежели бы видѣть могъ, когда бы не упустилъ сначала сію нужную предосторожность. Осмотрѣвъ соборную церковь и другія близкія къ оной, возвратилися мы домой. Послѣ обѣда ходили по городу, по гостиному ряду, по нѣкоторымъ церквамъ, по плацамъ, гдѣ находятся множество древнихъ и новыхъ статуй, изъ коихъ лучшая, какъ мнѣ кажется, стоитъ на гранддюковомъ плацѣ, окруженномъ семью другими статуями, и представляетъ римлянина, похищающаго сабинку. Ввечеру были въ театрѣ, гдѣ играли оперу, называемую «Даріева напасть»; двѣ пѣвицы восхищали тутъ и слухъ и глаза наши. Онѣ столь пріятно пѣли, сколь были хороши собою и, по крайней мѣрѣ, пріятностью голоса превосходили луккскую пѣвицу въ десять, а красотою лица въ тысячу разъ. Не было ни одной аріи, которую бы зрители плесканіемъ въ ладоши не заставляли ихъ два раза пропѣвать. Не меньше дѣлалъ намъ удовольствія и теноръ одинъ, игравшій роль Даріеву, который какъ тѣлодвиженіями, такъ и голосомъ умѣлъ трогать сердца; также и Кастратъ, представлявшій Александра Великаго. Но лучше сказать, вся труппа состояла изъ весьма изрядныхъ актеровъ. Что касается до зрителей, то одни ложи наполнены были порядочными людьми, а партеръ почти такъ же, какъ и въ Ливорнѣ, по большей части подлымъ народомъ. Не показалося мнѣ то у нихъ, что актеры во время дѣйствія употребляютъ излишнія вольности, какъ напримѣръ, стоя на театрѣ смѣются и разговариваютъ знаками со своими знакомыми въ ложахъ, ежели не ихъ очередь пѣть или дѣйствовать, чѣмъ отнимается нѣкоторымъ образомъ важность у представленія, а зрители такъ нетерпѣливы, что никогда не дослуши-

ваютъ конца и въ исходѣ послѣдняго дѣйствія почти весь театръ становится пустъ, такъ что не передъ кѣмъ доигрывать.—Какъ уже поздно теперь, то кстати съ сею оперою и я оканчиваю къ тебѣ сегодняшнее мое письмо.

12.

23-го октября.

На другой день пошли мы смотрѣть славную гранддюкову галлерею: она заключаетъ въ себѣ премножество вещей удивительныхъ и достойныхъ прилежнаго разсматриванія, но тщетно будетъ мое стараніе описать тебѣ малѣйшую изъ оныхъ частицу: я ничего почти не видалъ, въ разсужденіи что тутъ есть, хотя и много видѣлъ въ разсужденіи меня. Сія галлерея сдѣлана продолговатымъ четвероугольникомъ, имѣющимъ съ одной стороны окна, а съ другой двери въ придѣланныя къ ней покои. Стѣны оной уставлены живописными какъ большими, такъ и малыми картинами; я не могу тебѣ исчислить ни описать доброту ихъ, но скажу только, что я на многія изъ нихъ смотрѣлъ долго и хотѣлъ бы еще долѣе смотрѣть, если бы не отнимала у меня сего удовольствія краткость времени. Подлѣ стѣнъ, по обѣимъ сторонамъ, находятся въ рядъ поставленные бюсты, которые какъ древностью, такъ и хорошею работою весьма славятся, особливо Агрипининъ, Цицероновъ, Софокловъ, Каллигулинъ, Сенекинъ, Адріановъ, Маркъ Авреліевъ, Аніуса Веруса младенца, умирающаго Александра и многихъ другихъ по исторіи намъ извѣстныхъ мужей. Впрочемъ, всѣхъ оныхъ бюстовъ и другихъ статуй находится тутъ числомъ болѣе ста пятидесяти. Стѣны первыхъ двухъ большихъ комнатъ уставлены всѣ славныхъ живописцевъ оригинальными портретами, которые они присылали туда, списавши каждый самого себя; собраны сіи портреты еще при одномъ изъ Медичей. Также находится тутъ по срединѣ комнаты мраморная весьма изрядная статуйка и мозаической работы столъ, на которомъ изображена по срединѣ перловая нитка столь живо, что легко можно обмануться и почесть оную за подлинную. Поставлена тутъ еще картина, извѣстная подъ именемъ Тиціановой Венеры; написана она въ обыкновенный ростъ лежащею на постели, имѣя въ одной рукѣ цвѣты, а другую вольно попустивъ къ тому мѣсту, которое благопристойность закрывать велитъ: за нею видится внутренность комнаты и вдали спящая собачка. Смотря не сію картину искуснѣйшіе мастера въ семъ родѣ художества удивляются и находятъ въ оной всѣ совершенства, какъ въ живописи изображенія, такъ въ соразмѣрности и есте-

ственномъ цвѣтѣ лица и тѣла. Нѣтъ подобія сколь она хорошо написана! руки, шея, голова, станъ, словомъ, нѣтъ ни одной части тѣла, которая бы не совершенно была прекрасна; и справедливо почитается она лучшею во всей Италіи вещью. Впрочемъ, слава господина Тиціана, мастера оной, не одною сею чудною красотою велика; есть еще работы его чрезвычайныя картины, какъ, напримѣръ, другая Венера, двѣ Богоматери, образъ одного кардинала и проч. Но таковыхъ тутъ много и тщетно будетъ мое стараніе описать всѣ находящіяся въ оной галлереѣ отличныя добротою вещи; не достанетъ моего на то ни знанія, ни памяти; для того скажу вкратцѣ, что живописство, скульптура, мозаика и прочіе роды искусствъ и художествъ показываютъ цѣну свою тутъ гораздо больше, нежели всякая книга изъяснить оную можетъ, и слава сея галлереи, такъ сказать, состоитъ изъ премножества славныхъ дѣлъ, оставленныхъ знаменитыми художниками, которыхъ одними именами, не исчисляя трудовъ ихъ, наполнилъ бы я цѣлые листы, ежели бы могъ подробное всему сдѣлать описаніе. Какое великое удовольствіе знающему человѣку дѣла сіи разсматривать; тамъ представляется разуму его древность, тамъ исторія, тамъ баснословіе, тамъ характеръ какого-нибудь государя, на лицѣ его изливающійся, тамъ другія вещи, показывающія до какой степени искусство человѣческое раченіемъ достигнуть могло,—и сіе все въ такомъ прекрасномъ видѣ, что никто разсматривать онаго не устанетъ.

Оставя сіи двѣ комнаты, перешли мы на другую сторону галлереи въ третью комнату, которой стѣны уставлены были разныхъ величинъ картинками и портретами; тутъ, между прочимъ, противъ дверей стоялъ кабинетъ, украшенный разныхъ родовъ драгоцѣнными каменьями, въ которомъ находилось премножество искусно сработанныхъ дорогихъ разныхъ вещицъ. По срединѣ комнаты поставленъ столъ мозаической работы, а надъ онымъ виситъ янтарное паникадило, въ котораго каждой часточки изображается маленькій портретецъ. Сіе паникадило прислано гранддюку отъ прусскаго короля въ отдареніе за подаренный ему отъ онаго такой же мозаическій столъ. Находится тутъ еще одноштучный витой оріентальнаго алебастра столпъ вышиною аршина въ четыре. Послѣ сего были мы еще комнатахъ въ пяти или шести, но какъ тогда записывать мнѣ въ разсужденіи короткаго времени и множества находящихся тутъ вещей всего было не возможно, то упомяну я тебѣ только о тѣхъ вещахъ, которыя остались у меня въ памяти. Кромѣ многихъ живописныхъ, мозаическихъ и другихъ картинъ, также кабинетовъ и разныхъ сосудовъ изъ дорогихъ каменьевъ, и по большей части изъ лаписа-лацара сдѣланныхъ, находятся тутъ въ одной комнатѣ семь весьма славныхъ мраморныхъ статуй, а особливо изъ оныхъ, такъ называемая Венера Медичей: она

привезена первымъ ихъ гранддюкомъ изъ Греціи, и отломленныя оной части составлены весьма искусно; недоставало одной лѣвой руки, которая потомъ придѣлана уже новѣйшимъ скульпторомъ, и кажется быть далеко отмѣнитою отъ древности. Сія Венера не уступаетъ той живописной, о которой я упоминалъ выше сего, и надобно весьма искусному быть человѣку въ обѣихъ сихъ художествахъ, чтобъ различить, которая изъ нихъ превосходнѣе. А что онѣ обѣ чрезвычайно хороши, такъ это и мои глаза видѣть могли, которыя то той, то другой изъ нихъ давали преимущество, смотря по тому, на которую они въ то время глядѣли. Прочія статуи хотя не могутъ съ сею равняться, однакоже какъ древностью, такъ и работою многихъ другихъ превосходятъ. Послѣ сего видѣли мы еще нѣсколько хорошихъ статуй, и три весьма удивительныя восковыя работы: первая изъ нихъ представляетъ жилище смерти или подземный уже развалившійся храмъ со многими человѣческими тѣлами, которыя сгниваютъ и распадаются; другая моровую язву, а третья анатомленную человѣческую голову. Нельзя ничего естественнѣе сдѣлать, какъ сіи три вещи! и ежели бы я не видалъ первыхъ двухъ, то бы, конечно, о сей третьей подумалъ, что она подлинно человѣческая голова, а не изъ воску сдѣланная. Что касается до моровой язвы, то невозможно смотрѣть безъ чувствованія ужаса на блѣдныя лица умирающихъ и на отчаяніе, съ какимъ они противу смерти борятся; также и храмъ подземный своею дряхлостью, человѣческими костями, обезображенными мертвыхъ тѣлами и согнивающими членами не меньше того впечатлѣваетъ страхъ въ душу смотрящаго на оный. Сіи три вещи сдѣланы однимъ мастеромъ, котораго портретъ хранится въ ящикѣ, смертное жилище представляющемъ. Послѣ сего показали намъ еще модель того жертвенника, который будетъ сдѣланъ весь изъ лаписа-лацара и убранъ еще другими разныхъ родовъ драгоцѣнными каменьями. Сей жертвенникъ поставится въ церкви святаго Лоренца, гдѣ похоронена фамилія древнихъ гранддюковъ Медичей; о чемъ я тебя увѣдомлю послѣ.

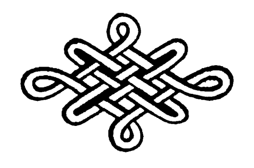
Вотъ, что я могъ упомнить изъ видѣннаго мною въ сей галлереи, но кромѣ того есть еще, сказываютъ, тутъ покои, въ которыхъ лучшія сохраняются вещи, однако туда безъ повелѣнія гранддюкова не пускаютъ, слѣдовательно я о нихъ столько же знаю, сколько и о томъ крытомъ корридорѣ, который изъ дворца идетъ черезъ мостъ въ галлерею, что дѣлаетъ разстояніе около шести сотъ шаговъ, и по которому одинъ только гранддюкъ ходитъ. Въ этотъ день мы нигдѣ болѣе не были, кромѣ какъ заходили еще въ нѣкоторыя церкви, и потомъ смотрѣли ту же оперу, а на другой день пошли еще разъ въ галлерею и по работнымъ горницамъ, гдѣ отправляется мозаическая (или, какъ итальянцы называютъ, pietro dura, твердо-каменная) работа. Тутъ показали намъ комнату, въ которой великое множество разныхъ родовъ каменья, ко-

торыми сія работа слѣдующимъ образомъ производится: сдѣлаютъ сперва рисунокъ той картины, какую изъ сихъ каменьевъ составить надобно, и дадутъ мастеру напиленныя изъ оныхъ плиты разныхъ цвѣтовъ, какой гдѣ употребить прилично. Онъ, примѣняясь тогда къ рисунку, выбираетъ приличные цвѣты камней и отдѣлываетъ порознь каждую отдѣльную частичку посредствомъ проволоки и другихъ маленькихъ инструментовъ, потомъ составляетъ оные искусно, смазывая такъ называемою греческою глиною, покуда совсѣмъ окончитъ. Работа сія продолжается впрочемъ весьма медленно, тѣмъ болѣе, ежели вещь должна составлена быть изъ мелкихъ частицъ. Оттуда прошли мы въ такъ называемый старый дворецъ, гдѣ, между прочимъ, въ одной комнатѣ находится около дюжины пребольшихъ шкаповъ, наполненныхъ разными серебряными и золотыми сосудами, какіе въ старину были въ употребленіи, т. е. чеканными превеликими блюдами, подносами, урнами и проч. Между прочимъ, находится тутъ конскій уборъ и сабля, подаренные турецкимъ султаномъ одному Медичи. Какъ уборъ, такъ и сабля усыпаны большими драгоцѣнными камнями, которые, конечно, дѣлаютъ цѣну ихъ не малою. Оставя сей старый дворецъ, возвратились мы домой и отобѣдавъ пошли смотрѣть славную святаго Лоренца церковь, которая, сказываютъ, уже девяносто лѣтъ строится и еще не совсѣмъ отдѣлана, ибо не отработанъ еще внутренній куполъ. Сія церковь довольно высока, пространна, имѣетъ фигуру восьми-угольной призмы, архитектура оной весьма прекрасная. Первое, что вошедъ въ нее представится великолѣпнѣйшаго и огромнѣйшаго очамъ, суть шесть большихъ гробницъ, придѣланныхъ къ угламъ оной въ довольной отъ низа высотѣ. Четыре изъ нихъ гранита египетскаго, а другія двѣ оріентальнаго. Надъ оными поставлены въ нишахъ четыре большія бронзовыя статуи, представляющія Медичей. На простѣнкахъ внизу сдѣланы мозаической работы провинціальные гербы; впрочемъ, вся внутренность церкви отдѣлана сею работою, и употреблено къ тому премножество рѣдкихъ и дорогихъ каменьевъ, такъ что когда оная совершена будетъ, то своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ едва-ли не превзойдетъ всякое въ Европѣ зданіе. Въ оныхъ великолѣпныхъ гробницахъ положатся прахи покойныхъ Медичей, которые нынѣ лежатъ въ находящемся подлѣ сей церкви предѣлѣ, во имя котораго она созидается.

По осмотрѣніи оной пошли мы во дворецъ, а сіе мы потому сдѣлать могли, что ганддюкъ въ сіе время находился въ загородномъ своемъ зáмкѣ. О семъ дворцѣ я много примѣчанія не сдѣлалъ, кромѣ что онъ построенъ изъ дикаго камня, довольно великъ и чрезвычайно кажется прочен; внутреннихъ покоевъ убранство весьма изрядное: главное украшеніе состоитъ въ живописныхъ картинахъ, между кото-

рыми одинъ образъ Богоматери есть вещь удивительно прекрасная. Находится также много тутъ картинъ и столовъ мозаичной работы. Есть еще внизу покои, въ которыхъ иногда гранддюкъ бываетъ; въ нихъ однако же ничего особливаго не находится, кромѣ что въ одномъ покоѣ нѣсколько мраморныхъ статуй представляютъ одну испуганную громомъ семью, изъ которой одинъ лежитъ на землѣ убіенъ приключившимся ударомъ. Послѣ сего были мы еще въ находящемся подлѣ сего дворца саду, который довольно обширенъ и лежитъ на горахъ и долинахъ, въ немъ виденъ порядокъ и прибранство изрядное; украшенъ многими водометами, статуями, цвѣтниками, бесѣдками, аллеями, множествомъ хорошихъ деревъ и пріятными гульбищами. Впрочемъ, онъ не совсѣмъ еще отдѣланъ и стараются многое къ нему прибавить. Побывъ часа два тутъ и не видавъ почти никого людей въ ономъ, пошли мы домой, но какъ уже приближался срокъ явиться намъ къ своимъ мѣстамъ, то и положили мы на завтра по утру ѣхать изъ Флоренціи. Такимъ образомъ въ этотъ день откланявшись Ивану Абрамовичу Ганибалу, котораго мы по пріѣздѣ своемъ нашли еще тутъ, и побывавъ ввечеру на оперѣ-комикъ, которая однако же была представлена не весьма удачно, на другой день рано простяся съ нашимъ знакомцемъ, помянутымъ офицеромъ, и поблагодаря его за трудъ, какой онъ для насъ принималъ, отправилися мы изъ Флоренціи, ночевали на дорогѣ, поутру обѣдали въ Пизѣ, а къ вечеру пріѣхали обратно въ Ливорно, и симъ окончили наше путешествіе. Прощай.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА" въ изд. 1897 г.

ТОМЪ ДЕВЯТИДЕСЯТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

Портреты.

Исторія русской литературы.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

1. **Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства.** V. Письма царя Алексѣя Михайловича. Изданіе Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва. 1896 г.—Н. И. Кашкадамова (На оберткѣ апрѣльской книги).

2. Начальникъ „деташемента“ арміи императрицы Екатерины Великой

подполковникъ Гейсманъ. Составилъ П. А. Гейсманъ. — Н. И. Кашкадамова (На обертке апрельской книги).

3. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ) Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. Москва 1897 X+320—Н. И. Кашкадамова (На обертке майской книги).

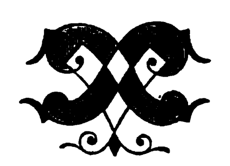
4. Ksią' zę Repnin i Polska w pierwczem czterolecin panowania Stanisława Augusta (1764–1768) przez Alkara. Kraków. Nakladem autora 1897. Два тома. Г. А. Воробьева (На обороте майской книги).

5. Матеріалы для исторіи рода дворянъ Савеловыхъ. Потомство новгородскихъ бояръ Савелковыхъ. Томъ II. Изданіе Л. М. Савелова 1896 г. – Н. И. Кашкадамова (На обертке майской книги).

6. М. А. Веневитиновъ. Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697—1698 г. Москва. 1897 г. Н. И. Кашкадамовъ (на обертке іюньской книги).

7. Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г. Рѣчь Гладстона. Статьи: Ролленъ-Жекмена, Мак-коля, Грине, Диллона, Діева и др. Предисловіе Проф. Л. А. Комаровскаго. Съ портретами Ц. Гладстона и католикоса Мкртича I. Москва 1896 г. Цѣна 1 руб. Н. И. Кашкадамова. (На обертке іюньской книги).

Приложеніе.

и торжественно въѣхало въ него, (шестая глава).

Въ седьмой главѣ напечатанъ маршрутъ этого торжественнаго шествія, и говорится о дипломатическихъ переговорахъ съ голландцами, происходившихъ въ четырехъ засѣданіяхъ. Получивъ отпускную аудіенцію, посольство возвращается въ Амстердамъ. Пребыванію посольства въ этомъ городѣ посвящена восьмая глава; въ ней, между прочимъ, описывается и вторая поѣздка пословъ въ Гаагу и поѣздка Петра Великаго въ Англію; перечисляются закупки военныхъ и морскихъ припасовъ, сдѣланныя какъ послами, такъ и самимъ Петромъ. Девятую главу авторъ озаглавилъ такъ: **Конецъ брошюры Меермана**. Здѣсь сосредоточены свѣдѣнія о затратахъ Нидерландовъ на пріемъ русскаго посольства, о дѣятельности Петра въ Саардамѣ и Амстердамѣ (научные интересы и заботы о русскомъ флотѣ). Оканчивается эта глава возвращеніемъ посольства въ Россію.

Въ послѣдней, десятой, главѣ авторъ дѣлаетъ выводъ изъ всего сказаннаго въ предъидущихъ главахъ. Бросивъ общій взглядъ на исторію русской дипломатіи до Петра Великаго и выяснивъ коренныя традиціи Посольскаго приказа, онъ останавливается на вопросахъ дипломатическаго этикета и формальностяхъ посольскихъ аудіенцій. Здѣсь же приведены мнѣнія иностранцевъ о великомъ посольствѣ 1697—1698 г. Коснувшись затратъ на это посольство со стороны Россіи и Голландіи, г. Веневитиновъ приводитъ сравнительную стоимость денегъ того и другаго государства.

«Внѣшній результатъ пребыванія русскихъ въ Голландіи,—говоритъ авторъ,—долженъ былъ отразиться на невыгодномъ впечатлѣніи, которое русскіе произвели своими пріемами и особенностями своего быта. Такое впечатлѣніе зависило отъ низкаго уровня просвѣщенія въ Россіи сравнительно съ Западною Европою. Но, какъ дикари подчиняются вліянію первыхъ мореплавателей, которые привозятъ къ нимъ огнестрѣльное оружіе и водку, такъ и русскіе невольно испытали на себѣ всю силу внѣшнихъ впечатлѣній отъ знакомства съ первымъ приморскимъ государствомъ Европы, которое имъ встрѣтилось на пути. Оно тѣмъ болѣе поразило ихъ своими особенностями, что Голландія именно въ то время была страною сильною и могущественною своимъ флотомъ, за которымъ въ сущности и отправился Петръ за границу».

Книга г. Веневитинова снабжена 14-ю рисунками (виды нѣкоторыхъ зданій Амстердама и Гааги и четыре портрета); въ концѣ книги помѣщенъ объяснительный текстъ къ этимъ рисункамъ и слѣдующія приложенія: I. Статьи церемоніальныя. II. Чинъ, какъ его царскаго величества великимъ и полномочнымъ посламъ на пріѣздѣ у Господъ Статъ Голландскихъ быть. III. Рѣчь, приписываемая Петру Великому. IV. Отрывокъ изъ записной книжки великой особы. V. Таблица расходовъ русскаго посольства.

Внѣшность изданія вполнѣ соотвѣтствуетъ внутреннимъ достоинствамъ труда г. Веневитинова. Такой книгѣ нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія.

Н. К-ш-въ.

Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 году. Рѣчь Гладстона. Статьи: Роленъ-Жекмена, Макколя, Грина, Диллона, Діева и др. Предисловіе проф. Л. А. Комаровскаго. Съ портретами В. Гладстона и католикоса Мкртича I. Москва 1896 г. Цѣна 1 р.

Настоящее сочиненіе имѣетъ цѣлію ознакомить русскую публику возможно всесторонне и безпристрастно съ положеніемъ злополучныхъ армянъ подъ турецкимъ игомъ.

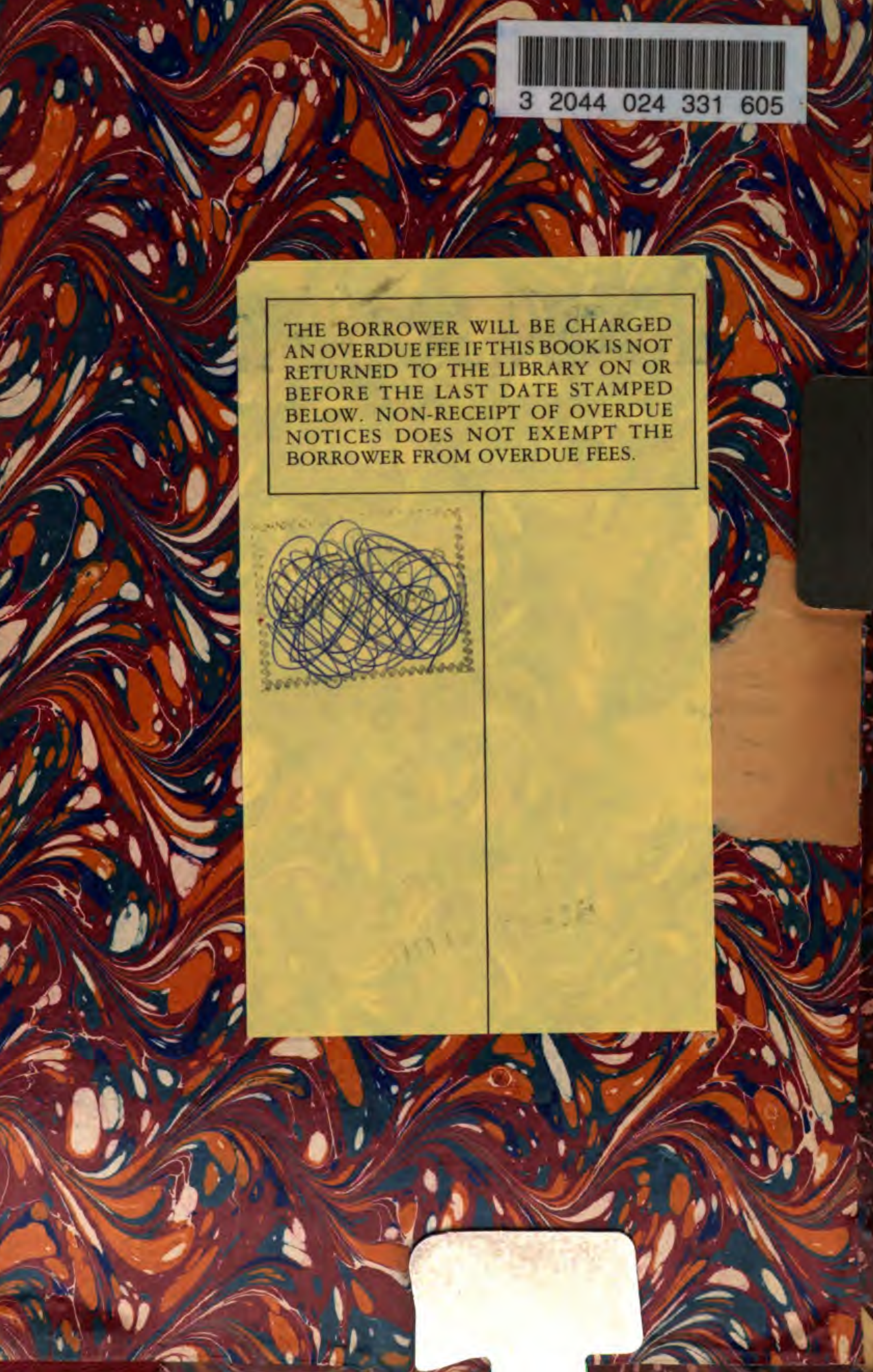
Изъ вошедшихъ въ книгу статей, за исключеніемъ рѣчи Гладстона, только одна принадлежитъ англичанину—Мак-колю; остальныя писаны авторами другихъ національностей. Надо отдать полную справедливость составителю книги: онъ съумѣлъ собрать все, чтобы представить въ настоящемъ свѣтѣ современное состояніе Турціи и безвыходное положеніе подвластныхъ ей христіанъ вообще и армянъ въ особенности. Читая книгу, съ трудомъ вѣришь, чтобы въ наше время могло существовать государство, въ которомъ допускались бы подобные безправія, грабежъ, казнокрадство, лихоимства и разнаго рода насилія. Все это давно извѣстно и безъ настоящей книги, и она только служитъ новымъ доказательствомъ невозможности дальнѣйшаго существованія того порядка вещей, который царитъ съ давнихъ поръ въ Турціи и который можетъ измѣниться лишь при условіи единодушнаго дѣйствія европейскихъ державъ.

Съ внѣшней стороны книга эта издана очень прилично, помѣщенные въ ней портреты напечатаны довольно отчетливо, и назначенная за нее цѣна—не высока.

Н. К-ш-ъ.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

3 2044 024 331 605
THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.